

МИР РУССКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ

МИР РУССКОЙ
ВИЗАНТИНИСТИКИ

Ο ΚΟΣΜΟΣ ΤΗΣ ΡΩΣΙΚΗΣ ΒΥΖΑΝΤΙΝΟΛΟΓΙΑΣ

ΤΑ ΑΡΧΕΙΑΚΑ
ΣΤΗΝ ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΗ

ΕΠΙΜΕΛΕΙΑ
Αντεπιστέλλον μέλος
Ῥωσικῆς Ἀκαδημίας Ἐπιστημῶν
I. P. MEDVEDEV

ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΗ
2004

МИР РУССКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Под редакцией
члена-корреспондента
Российской Академии наук
И. П. МЕДВЕДЕВА

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

Новый (и завершающий) выпуск материалов по изучению рукописного наследия русских византистов в архивах С.-Петербурга содержит главным образом результаты обследования авторским коллективом личных архивных фондов таких представителей церковной византистики, как профессора И. Е. Троицкий, Н. В. Покровский, Н. Н. Глубоковский, Н. К. Никольский, А. А. Дмитриевский, В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов, А. С. Павлов. Обследованы также архивы таких известных русских ученых и исследователей греко-византийской археологии, письменности и культуры, как И. В. Помяловский, Е. К. Редин, П. А. Сырку, В. К. Ернштедт, Л. А. Мацулевич, Е. Ч. Скржинская. Публикуются обширная переписка знаменитого парижского византиста Карла Бенедикта Газе с его петербургскими коллегами, а также документы из эпистолярного наследия Н. П. Кондакова

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-00287а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
проект № 02-01-16152д*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим (третьим) выпуском в основном завершается наш научный проект по систематическому обследованию петербургских архивохранилищ на предмет выявления научно значимых с точки зрения истории российской византистики материалов. Первыми двумя выпусками явились: *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. 460 с.*; *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 629 с.* К сожалению, по настоянию издательства нам пришлось отказаться от единого названия и единой нумерации всех трех выпусков. Тем не менее, являясь едиными по содержанию и принципам организации материала, они именуется нами как «выпуски 1—3» (мы обращаемся к нашим читателям с просьбой также рассматривать их в качестве таковых).

В Предисловиях к 1-му и 2-му выпускам нами даны подробные разъяснения о задачах и смысле нашей работы, поэтому не будем повторяться. Напомним, впрочем, что в 1-м выпуске описаны личные архивные фонды таких выдающихся представителей российского византиноведения, как еп. Порфирий Успенский, С. Ю. и Г. С. Дестунисы, академики В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков, Н. П. Лихачев, А. А. Дмитриевский, В. Э. Регель, Х. М. Лопарев, Г. Ф. Церетели, Д. В. Айналов, А. А. Васильев и В. Н. Бенешевич; изучены также обширные архивные комплексы, отложившиеся в результате деятельности Российского Православного Палестинского общества, Русского археологического института в Константинополе, редакции журнала «Византийский временник»; публикуются переписка известного немецкого ученого Цахариз фон Лингентала с его русскими коллегами, а также каталог греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленный в 1909 г. А. И. Пападопуло-Керамевсом. Во 2-м выпуске представлены результаты обследования личных архивных фондов таких выдающихся отечественных исследователей греко-византийской археологии, письменности и культуры, как архимандрит Антонин Капустин, Э. Г. Муральт, В. Г. Васильевский, В. К. Эрнстедт, П. В. Никитин, В. В. Латышев, А. И. Пападопуло-Керамевс, И. И. Толстой, М. Н. Крашенинников, Я. И. Смирнов, В. Е. Вальденберг, Ф. И. Шмит, М. А. Шангин, а также материалы забытого проекта Российской Академии по изданию корпуса сочинений византийских историков в русском переводе в 30-е гг. XIX в., опубликованы переписка знаменитого немецкого византиста Карла Крумбаха с русскими учеными, неизвестный доселе каталог рукописей из коллекции греческого палеографа-авантюриста Константина Симонидиса, лекции В. Н. Бенешевича по истории византиноведения, некоторые документы из эпистолярного наследия Г. С. Дестуниса и Л. А. Мацулевича. В 3-м выпуске представлены такие

видные ученые, как И. Е. Троицкий, Н. В. Покровский, Н. Н. Глубоковский, П. К. Никольский, В. В. Бологов, А. И. Бриллиантов, И. В. Помяловский, В. К. Ернштедт, П. А. Сырку, Н. П. Кондаков, Е. Ч. Скржинская, Л. А. Мацулевич.

Накопленный в результате проведенных, теперь уже многолетних, исследований нескольких десятков личных архивных фондов опыт не мог не сказаться на качестве настоящего 3-го выпуска материалов. Заметно усилилась исследовательская составляющая подготовленных разделов, возросшим мастерством отмечены научные биографии деятелей русской науки.

Особенностью настоящего выпуска является то, что его основу составили исключительно содержательные обзоры архивных фондов представителей наиболее забытого у нас научного направления — церковной византистики. По причинам в основном идеологического характера роль С.-Петербургской Духовной академии в истории русской науки до последнего времени замалчивалась. Между тем в XIX в. и на рубеже XX в. там работала целая плеяда выдающихся ученых, известных своими трудами как по истории церкви, древней и русской православной, так и по византистике. К ним прежде всего и относятся представленные в выпуске «родоначальник» этой школы церковной византистики И. Е. Троицкий (1834—1901), один из наиболее талантливых исследователей византийского искусства и иконографии Н. В. Покровский (1848—1917), творец первой многотомной церковной энциклопедии и крупнейший мыслитель Н. Н. Глубоковский (1863—1937), гениальный ученый, полиглот и непревзойденный знаток раннецерковной археологии и технической хронологии В. В. Болотов (1854—1900), его талантливый ученик А. И. Бриллиантов (1867—1933) и другие, трудами которых церковно-историческая наука стала «действительно наукой», выйдя за стены духовных учебных заведений и сделавшись явлением общественного значения.

Особенно много дал разбор запущенного и в значительной своей части не описанного архива И. Е. Троицкого, но также и архивов других названных деятелей русской науки. К ним по существу примыкает обзор архива И. В. Помяловского (1845—1906), замечательного отечественного филолога-классика, ставшего впоследствии византистом и обогатившего византиноведение многочисленными публикациями в области христианской агиологии и палестиноведения.

Второй пласт материалов, представленных в выпуске, является результатом дообследования тех ученых архивов, обзоры которых публиковались уже в первых двух выпусках (академиков В. К. Ернштедта и Н. П. Кондакова). Речь при этом идет прежде всего об исчерпывающем освещении материалов богатейшего эпистолярного наследия этих ученых (авторы обзоров — И. В. Куклина и И. В. Тункина). Следует также отметить мастерски написанный О. В. Иодко очерк жизни и деятельности знаменитого ученика Н. П. Кондакова, историка искусства и археолога Е. К. Редина (1863—1908), основанный на новых материалах, почерпнутых из петербургских архивов. Этим же автором подготовлен ценный, изобилующий уникальными материалами очерк о П. А. Сырку под названием «Пятнадцать лет служения византистике», в котором воссоздана биография этого ученого и охарактеризован его выдающийся вклад в разбор архива Порфирия Успенского и в публикацию творческого наследия этого пионера отечественного византиноведения.

Раздел обзоров 3-го выпуска завершается обзорами архивов представителей младшего поколения русского византиноведения, но всеми нитями своего творчества связанных с традициями старой петербургской школы, — крупнейшего историка византийского искусства Л. А. Мацулевича (1886—1959) и нашего известного медиевиста и византиниста Е. Ч. Скржинской (1897—1981).

Что касается предусмотренного структурой выпуска раздела публикаций, то здесь прежде всего должны быть отмечены разбор интереснейшего личного архивного фонда академика Ф. И. Круга (1764—1844), одного из тех немецких ученых, которые, по оценке Ф. И. Успенского, стали «первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле», и публикация обширной корреспонденции (на немецком языке), которую вел с Кругом знаменитый парижский филолог-эллинист Карл Бенедикт Газе (45 пространных писем последнего и черновики ответных писем Круга). В этой переписке нашло полное отражение, пожалуй, наиболее важное событие в европейской византистике того времени — первое издание «Истории» одного из крупнейших византийских писателей второй половины X в. Льва Диякона (1819 г.), осуществленное по поручению и на средства русского канцлера графа Н. П. Румянцева. Переписка важна еще тем, что она вообще является уникальным и еще не оцененным источником по истории многих других научно-археографических предприятий румянцевского кружка (и прежде всего — по истории его связей с европейскими научными центрами, особенно Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства. Эти традиции были продолжены и позднее, о чем свидетельствуют эпистолярное наследие академика А. А. Куника, публикуемые в выпуске письма выдающегося представителя французского византиноведения Габриэля Милле к академику Н. П. Кондакову, которого Милле называл своим учителем, и др.

Представленные в книге материалы еще раз наглядно демонстрируют неоценимый вклад русского византиноведения в мировую науку, показывают непреходящее значение не только опубликованных трудов, но и важность и неотложность публикации оставшихся в рукописях текстов. Важно также отметить, что и после завершения данного научного проекта наша работа будет продолжена, сохраняя с ним генетическую связь.

Авторский коллектив и его руководитель выражают свою искреннюю признательность сотрудникам и администрации многочисленных архивохранилищ С.-Петербурга, Москвы, Праги и других городов за содействие и бескорыстную помощь в нашей работе. Мы благодарны Российскому гуманитарному научному фонду, без финансовой поддержки которого было бы невозможно появление данного трехтомного труда, а также издательству «Дмитрий Буланин», взявшему на себя нелегкий труд его издания.

Фотоматериалы для иллюстрирования тома были выявлены и подобраны научными сотрудниками С.-Петербургского филиала Архива РАН И. М. Щедровой, О. В. Иодко и И. В. Тункиной. Фотография Габриэля Милле поступила в наше распоряжение из семейного архива Олега Андреевича Грабара (Принстон), через посредство И. Л. Кызласовой. Указатель имен составлен О. А. Барыниной. Перепечатка материалов осуществлялась М. Н. Румынской и И. И. Крупской.

Часть I. ОБЗОРЫ

И. Е. Троицкий: по страницам архива ученого

«Корифеем русских византистов» называет Ивана Егоровича Троицкого (1832—1901) его ученик В. В. Болотов.¹ Сын причетника села Красное Пудожского уезда Олонецкой губернии, Троицкий учился в Каргопольском духовном училище, затем в Олонецкой семинарии; по окончании курса Санкт-Петербургской Духовной академии (в 1859 г.) был назначен преподавателем в Олонецкую семинарию по логике, психологии, патристике и латинскому языку. С 21 июня 1861 г. он бакалавр Петербургской Духовной академии по кафедре греческого языка, а 18 ноября 1863 г. назначается на кафедру новой общей церковной истории.² С 1866 г. Троицкий — экстраординарный профессор; 27 апреля 1875 г. состоялась публичная защита его докторской диссертации,³ 10 июня 1875 г. он становится ординарным профессором.⁴ После введения нового устава Духовных академий (1884 г.) Троицкий занял кафедру истории и разбора западных исповеданий, где читал лекции до выхода в отставку (1899 г.).⁵ С 1874 г. он преподавал церковную историю в Санкт-Петербургском университете сначала в звании доцента, затем экстраординарного, а с 1884 г. — ординарного профессора.⁶ Троицкий состоял членом Православного Палестинского общества (диплом от 21 мая 1892 г. № 1487;

¹ Письма В. В. Болотова И. Е. Уберскому см.: РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 267. Л. 2. Об И. Е. Троицком см.: *Жухович П. Н.* Памяти заслуженного профессора И. Е. Троицкого // *Церковный вестник*. 1901. № 32. С. 1009—1015; *Мелiorанский Б. М.* И. Е. Троицкий. Некролог // *ЖМНП*. 1901. Ноябрь—декабрь. С. 106—114; *Пальмов И. С.* Памяти профессора Ивана Егоровича Троицкого // *ХЧ*. 1903. Май. С. 677—701. Первоначально этот некролог, более обстоятельный, чем остальные, намеревался написать А. И. Бриллиантов. В его архиве хранятся черновые наброски, касающиеся научной и педагогической деятельности Троицкого: ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 113. 37 л.

² Конференция Санкт-Петербургской духовной академии 26 сентября 1863 г. № 122. Утверждение И. Е. Троицкого, бакалавра греческого языка, на класс новой церковной истории и назначение на класс греческого языка студента Тимофея Барсова (ОР РНБ. Ф. 790).

³ Изложение веры церкви армянския, начертанное Нерсесом, кафоликосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила. СПб., 1875. Дело об утверждении экстраординарного профессора С.-Петербургской духовной академии И. Троицкого в степени доктора богословия. 12—28 мая 1875 г. 8 л. (РГИА. Ф. 796. Оп. 156. Д. 624).

⁴ Дело об утверждении экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Троицкого в звании ординарного профессора 8—21 июля 1875 г. 12 л. (РГИА. Ф. 796. Оп. 156. Д. 680). Здесь же прилагается формулярный список Троицкого (Л. 8—11).

⁵ Дело об увольнении И. Е. Троицкого из штатных профессоров Академии с сохранением за ним права читать лекции в звании частного преподавателя по кафедре истории Церкви 1889 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 170. Д. 687).

⁶ Письмо об утверждении И. Е. Троицкого доцентом Санкт-Петербургского университета по кафедре церковной истории 24 июля 1874 г. № 793 (ОР РНБ. Ф. 790). Письмо об утверждении в должности экстраординарного профессора. 24 ноября 1880 г. № 1219 (Там же). Письмо от 7 декабря 1884 г. № 1512: по выслуге 25-летнего срока по учебной части Троицкий оставлен еще на 5 лет в звании ординарного профессора (Там же). Свидетельство о назначении Троицкому пенсии в 3 тыс. р. в год от 22 января 1890 г. В этом же деле хранится черновик заявления об увольнении от исполнения профессорских обязанностей «по болезненному состоянию» [1899 г.]. (Там же).

И. Е. Троицкий.

ОР РНБ. Ф. 790), греческого Филологического общества в Константинополе (диплом от 17 марта 1876 г.; там же), почетным членом афинского общества *Ἀνάπλασις* (диплом от июля 1888 г.; там же), почетным членом Русского археологического института в Константинополе (письмо Ф. И. Успенского от 8 января 1896 г.; там же). Учениками Троицкого считали себя все историки церкви — выпускники Петербургской Духовной академии. Наиболее известными и близкими ему по духу были В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов, И. С. Пальмов, а также его преемник по университетской кафедре Б. М. Мелиоранский.

Архив И. Е. Троицкого после его смерти поступил в Петербургскую Духовную академию. Согласно письму душеприказчика Троицкого протоиерея Знаменской Входоиерусалимской церкви Димитрия Тимофеевича Мегорского библиотекарю Академии А. С. Родосскому (ОР РНБ. Ф. 1189. Д. 22), в состав архива входили следующие материалы: 1) одна пачка снимков с греческих рукописей (в 17 папках); 2) три пачки рукописей И. Е. Троицкого (36 папок); 3) один ящик и одна картонка с рукописями И. Е. Троицкого, в основном подробные программы по истории Западной церкви, по древней церковной истории, по истории Восточной церкви, по истории Русской церкви, по истории русского раскола, по учению западных вероисповеданий; 4) одна картонка вырезок из печатных изданий, преимущественно греческих периодических изданий; 5) две пачки (34 папки) греческих, русских, немецких газет; 6) три пачки (51 папка) писем, главным образом о преосв. архиеп. Аркадии; 7) одна пачка греческих газет; 8) одна пачка разных брошюр; 9) одна пачка студенческих сочинений разных курсов; 10) шесть курсовых сочинений; 11) пять альбомов с фотографиями; 12) пять портретов в рамках (царя Алексея Михайловича, Карамзина, Погодина, Фонвизина, Грибоедова); 13) две пачки брошюр и оттисков из журнала «Христианское чтение» для раздачи студентам.

Согласно духовному завещанию Троицкого, в Академию поступила и его библиотека (свыше 6 тыс. книг), которая явилась дополнением к 2113 книгам, пожертвованным им еще при жизни (в 1887—1897 гг.). 12 октября 1901 г. А. С. Родосский сделал представление об этих поступлениях Совету Академии, в котором предложил поручить разбор архива Троицкого особой комиссии. Это представление было заслушано на заседании Совета 19 октября 1901 г., и было определено образовать комиссию в следующем составе: И. С. Пальмов, П. С. Смирнов, И. П. Соколов.⁷ Рукописные материалы были доставлены на квартиру И. С. Пальмова, где он и занимался их разбором. Следы этой первоначальной обработки до сих пор видны в материалах архива: была произведена нумерация листов многих работ, отдельные листы распределены по темам и снабжены поясками с соответствующими записями. Значительную часть этой работы проделал В. С. Серебренников. В последующие годы архив привлекал внимание в первую очередь в связи с хранящимися в нем копиями с греческих рукописей Московской Синодальной библиотеки. Об этом свидетельствуют письма И. С. Пальмова к Н. Н. Глубоковскому. 17 октября 1904 г., отвечая на просьбу Глубоковского предоставить ему для просмотра некоторые из бумаг И. Е. Троицкого (рукописи № 335 по каталогу Владимира и 460 по каталогу Саввы), Пальмов пишет: «Правда, все эти бумаги... были у меня. Но, уезжая из Петербурга в июне 1903 г., я передал все академические письма и рукописи в библиотеку Академии, где они покоятся и до настоящего времени, так что я нахожусь *пока* в полной невозможности удовлетворить Вашему желанию вплоть до нового, или точнее — ранее начатого мной разбора бумаг покойного И. Е. Троицкого». «Впрочем, — продолжает он, — Глубоковский мог бы и сейчас при помощи Родосского поработать в библиотеке Академии, пока бумаги не будут снова доставлены на квартиру И. С. Пальмову» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 677. Л. 1—1 об.). В письме от 30 ноября 1904 г., посылая рукопись Глубоковскому, Пальмов пишет: «Извините, что так долго я не мог найти искомой рукописи: ведь нелегко было искать ее среди массы бумаг, расположенных по большей части не в том порядке, в каком мы привыкли видеть... рукописи в библиотеке» (Там же. Л. 2). Затрудняется Пальмов найти и переписку Троицкого (Л. 3 об.). В архиве И. Е. Троицкого (ОР РНБ. Ф. 790) хранится также сообщение (без даты) сына прот. Д. Т. Мегорского о найденных после смерти отца рукописях. Всего здесь 57 наименований, среди которых: отзыв о диссертации Т. В. Барсова; записка об ученых трудах В. В. Болотова; к вопросу о юлианском календаре (1893 г.); по поводу «Дневника» преосв. Порфирия; О символических книгах вообще и о символических книгах Православной церкви в частности; три этюда из истории споров во второй половине XIII в. по вопросу об исхождении Св. Духа; спор о чистилище между Восточной и Западной церквами; студенческие сочинения.

Итак, какая часть этих архивных материалов дошла до наших дней?

В 1918 г. архив И. Е. Троицкого поступил в Государственную Публичную библиотеку в составе архивов Петроградской Духовной академии. В 1930-е гг. он подвергался частичной обработке (например, разложена по папкам и снабжена надписями часть переписки). Неоднократные перемещения архива, свободное пользование им в дореволюционные годы, осуществление только предварительного разбора архива Духовной академии (ОР РНБ. Ф. 574) и отбор из него материалов, относящихся к фонду И. Е. Троицкого, не позволяют в настоящее время дать исчерпывающее описание дел, которые составляют архив. При подготовке «Аннотированного указателя рукописных фондов ГПБ» и данной статьи произведен про-

⁷ Журналы Совета Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1901. Октябрь. С. 83–85.

смотр материалов фонда и их черновой разбор.⁸ Поэтому при описании материалов из фонда Троицкого (ОР РНБ. Ф. 790) мы не указываем номеров дел и листов рукописи.

Материалы по византологии составляют лишь часть рукописного наследия ученого. Значительное место в его архиве занимают документы по истории Олоунецкой епархии и к биографии архиепископа Аркадия, статьи по восточному вопросу, лекции по истории церкви. Служебную деятельность Троицкого отражают материалы редакции журналов «Христианское чтение» и «Церковный вестник», комитета по пересмотру устава Духовных академий, работавшего в Петербурге в декабре 1881—апреле 1882 гг., заметки об организации учебного процесса и др. Из материалов других лиц, хранящихся в архиве Троицкого, наиболее значителен обстоятельный отчет П. В. Безобразова о заграничной командировке по православному Востоку (автограф).

Вторая (меньшая по объему) часть архива И. Е. Троицкого находится в ЦГИА Санкт-Петербурга (Ф. 2182, 255 дел). Здесь хранятся дневники ученого с 1890 по 1899 г. (Д. 1—18); материалы, связанные с его университетской деятельностью (Д. 14—16); выписки из византийских источников (Д. 17); переписка с К. П. Победоносцевым, главным образом по восточному вопросу (Д. 131—165); письма разных лиц по политическим и научным вопросам (Д. 166—182, 254). Фонд поступил в ЦГИА СПб. из РГИА в 1954 г., обработан в 1955 г.

Первым серьезным трудом И. Е. Троицкого в области византийской истории было издание летописи Георгия Акрополита.⁹ В архиве ученого хранятся материалы к этой работе под названием «Георгий Акрополит и его летопись» (56 л.); предисловие (36 л.). Одно из самых значительных сочинений Троицкого по истории Византии — исследование о патриархе Арсении¹⁰ — в свое время получило высокую оценку В. Г. Васильевского. В частности, в своей «Записке об ученых трудах И. Е. Троицкого» он пишет: «Но главное право на уважение и весьма видное место в небольшой группе новых самостоятельных ученых деятелей, явившихся в последнее время в русских духовных академиях, г. Троицкий приобрел своим обширным сочинением по византийской истории: „Арсений, патр. Никейский и Константинопольский, и арсениты“... Это есть труд во всех отношениях замечательный... Сочинение основано на весьма тщательном и полном изучении первоначальных источников». После анализа исследования Васильевский особо подчеркивает следующие качества автора и его сочинения: «1) Обширная начитанность в византийской литературе духовной и светской, полная преданность интересам науки и уважение к ее требованиям; 2) просвещенный, человеческий и широкий взгляд на историю, на задачи церкви и государства и 3) литературный талант изложения, не очень часто встречаемый в такой степени».¹¹ В архиве ученого хранятся материалы к этой работе, а также экземпляр отдельного издания, которое вскоре после публикации стало библиографической редкостью.

Поистине фундаментальным трудом явилась докторская диссертация Троицкого «Изложение веры церкви армянския, начертанное Нерсесом, кафолико-

⁸ Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Вып. 4. Фонды русских деятелей XVIII—XX вв. Л., 1984. Разбор материалов фонда в 1999 г. произволил ст. библиотекарем И. В. Смирновой, оказавшей неоценимую помощь автору настоящего очерка.

⁹ Летопись великого догмата Георгия Акрополита, переведенная с греческого и снабженная весьма обстоятельным введением редактора перевода И. Е. Троицкого. СПб., 1863.

¹⁰ Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениты (из истории восточной церкви в XIII веке). СПб., 1873.

¹¹ Протоколы заседаний совета Импер. СПб. университета за вторую половину 1873—1874 академического года. № 10 (13 мая 1874). С. 59—62.

сом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила (историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении армянской церкви с православной)», опубликованная в Петербурге в 1875 г.¹² В архиве ученого хранятся следующие материалы, связанные с диссертацией: документы по ее изданию (36 л.); две папки с черновым вариантом и подготовительными записями (выписки, наброски и др.). Написана диссертация в связи с возбужденным в 1869 г. в греческой богословской литературе вопросом о воссоединении Армянской церкви с Православной. Для работы над своим сочинением Троицкий пользовался переводами «Изложения» на латинском и русском языках. Исследование состоит из девяти глав, среди которых: О церковных символах и исповеданиях веры; догматическая часть «Изложения» (анализ отношений православия и монофизитства); обрядовая часть «Изложения» (вопрос об опресноках и о посте Арачаворк); взгляд Армянской церкви и богословской науки на Православную церковь; в последней главе говорится о способах воссоединения армян с Православной церковью.

Среди бумаг И. Е. Троицкого обнаруживаются черновики некоторых ранних его статей: «Болгария между Востоком и Западом в IX и XIX в.» (55 л.); «Римские катакомбы» (21 л.);¹³ «Причащение в темнице (из времен Диоклетианова гонения)» (9 л.); «Последние годы жизни св. Григория Богослова» (4 л.); наброски «Монахи-педагоги о понтийских аскетах (по св. Григорию Богослову)»;¹⁴ отдельная статья о понтийских подвижниках (22 л.).¹⁵ Из неоконченных работ следует отметить очерк «Дело деспота Константина Порфирородного (картины византийской жизни и нравов XIII—XIV вв.)» (17 л.), написанный в популярно-художественной форме. Кроме того, в архиве хранится множество набросков Троицкого — материалов как к опубликованным, так и к неизданным его трудам. Укажем наиболее значительные из них: «Вопрос о разделении церквей на политической почве» (5 л.); «Национальные элементы в христианстве» (4 л.); «Латиняне на островах Греческого архипелага» (10 л.); пачка материалов под заглавием «Восточное монашество и его политическое, церковное и социальное положение и значение, нравственное и экономическое состояние» (12 л.). В основном здесь выписки из хроник Георгия Амартола, Льва Диакона, Никиты Хониата и др.; материалы о константинопольских патриархах: «Константинопольские патриархи, их избрание, наречение, хиротония, домашний и общественный быт» (7 л.); очерки о патриархах Полиевкте (956—970) (4 л.), Василии Скамандрине (970—974) (2 л.), Филофее (10 л.), Афанасии I (13 л.), Григории Кипрском (36 л.), Иоанне Векке (21 л.) и др.; выписки из источников по истории Византии и церкви по следующим темам: «Церковная политика византийских императоров относительно патриархов» (5 л.); «Византийская школа, ее история, внутренние порядки и др.» (5 л.); «Византийцы в истории и в отзывах ученых» (14 л.); «Суеверия византийцев» (5 л.). Привлекают внимание подборки материалов по Ветхому Завету: «Исследование разностей между еврейским — назорейским текстом книги пророка Иеремии и греческим ее переводом 70-ти толковников» (60 л.); «О времени заключения ветхозаветного канона» (19 л.); «Конспект по истории канона ветхозаветных священных книг» (152 л.); «О книге пророка Иеремии» (44, 32 л.) и, наконец, пачка с бумагами под общим названием «Апокрифы» (44 л., 28 марта 1869 г.).

¹² Отдельному изданию предшествовали статьи: Троицкий И. Е. К вопросу о сближении армянской церкви с православной // ХЧ. 1869. Ч. 1. С. 406—436; 1870. Ч. 2. С. 627—671.

¹³ Опубликована: ХЧ. 1864. Ч. 1. С. 147—193.

¹⁴ Троицкий И. Е. Последние годы жизни св. Григория Богослова // ХЧ. 1863. Ч. 2. С. 282—330.

¹⁵ Троицкий И. Е. Пустынники. Каргина аскетической жизни IV века // ХЧ. 1862. Ч. 2. С. 282—330.

Отдельная папка содержит материалы о Варлааме Калабрийском (114 л.). Это, по сути, план-конспект большого неосуществленного исследования. В конвертах с библиографией и заметками, а также на карточках намечен следующий план предполагаемой работы: «Предисловие, сочинения о Варлааме. Глава 1. Варлаам Калабрийский, его рождение, воспитание и карьера до отъезда на Восток. Глава 2. Император Андроник Палеолог младший, его двор и высшее византийское общество его времени. Глава 3. Константинопольская патриархия, высшее духовенство и монашество. Глава 4. Варлаам при дворе Андроника Палеолога младшего, положение, занятое им относительно высшего византийского общества, патриархии, духовенства и монашества, и его ученая и публицистическая деятельность до возникновения исихастских споров. Глава 5. Политическая роль Варлаама, переговоры с папскими легатами и поездки в Авиньон. Глава 6. Исихастский спор. Глава 7. Возвращение на Запад, библиотекарство у сицилийского короля, возведение в сан епископа Зверичьского, последние годы жизни и кончина. Глава 9. Варлаам как противник Восточной церкви. Глава 10. Pro и contra». Все эти материалы помещены И. С. Пальмовым в бумажную обертку с надписью (простой карандаш): «Начало исследования и материалы о Варлааме Калабрийском. 114 л.».

Среди подготовительных материалов, собранных И. Е. Троицким, можно выделить ряд переводов, выписок и библиографических сведений, касающихся греко-латинской полемики более раннего периода. Здесь наличествуют переводы следующих сочинений: «Блаженные памяти Григория Кипрского, патриарха Константинопольского об исхождении Св. Духа» (37 л.); «Исповедание патриарха кир Григория [Кипрского, патр. Константиноп.]» (составлено после того, как случилось восстание против него со стороны клириков и некоторых архиереев) (5 л.); послание Григория Кипрского к Андронику Палеологу (2 л.); «Иоанна Векка, ...ep. Константинопольского в ответ на свиток Кипрского против новоявленных его ересей. Слово 1-е» (33 л.); «Изложение свитка веры против Векка Григория Кипрского» (13 л.). По вопросу об исхождении Св. Духа Троицким собран материал, хранящийся в виде пачки бумаг с записями (выписки из сочинений патр. Фотия по разным изданиям; библиографические сведения о Никите Византийском, Михаиле Пселле, Никите Стифате, Льве Охридском, Евфимии Зигавине, Николае Мефонском и др.).

Отдельный комплекс рукописных материалов в архиве Троицкого составляют выписки и записи, касающиеся истории сношений России с православным Востоком в XVII в. Сделаны они в «малые тетради» (всего 8), тщательно пронумерованные и озаглавленные Иваном Егоровичем. В архиве они хранятся в отдельной коробке. В основном эти материалы были собраны ученым в московских архивах в 1878—1889 гг. К ним относятся: Тетрадь № 1: Выписки из статейных списков Московского главного архива Министерства иностранных дел, сделанные в июне и июле 1880 г. (об организации в России греческой типографии и школы, статейный список Арсения Суханова и др.). Тетрадь № 2: Выписки из рукописей Московской Синодальной библиотеки, сделанные в 1878 г. (л. 1—20) и 1880 г. (л. 21—68) (грамоты патр. Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, патр. Никона и др.). Тетрадь № 3: Выписки из рукописей Московской Синодальной библиотеки в 1886 г. (указатель рукописей библиотеки Московской синодальной типографии) (л. 48—49), акты Собора 1667 г., дело о Паисии Лигариде, списки государевых и архиерейских грамот об Артемии Веркольском (л. 34—40). Тетрадь № 4: Выписки из рукописей МСБ в 1881 г., обзор свитков. Тетради № 5, 6: Выписки из рукописей Московского главного архива Министерства иностранных дел, сделанные в 1881 г. (статьевый список греческим делам с 1645 по 1647 г., дополнения к проскинитарю Арсения Суханова, реестр греческим грамотам с Востока в Россию).

Тетрадь № 8: Выписка из рукописей МСБ в 1882 г. (дела, касающиеся Паисия Лигарида). Дополнения к тетрадам написаны на отдельных листах того же формата.

По этим порой разрозненным запискам можно судить об объеме собранного и обработанного Троицким материала из рукописей, сочинений византийских писателей — историков и полемистов, который должен был стать основой его научных исследований. Интересы ученого охватывали самые разные сферы и периоды византийской церковной истории; остается только сожалеть о том, какую малую часть из своих обширных научных планов ему удалось осуществить. Троицкий был чрезвычайно аккуратным человеком: несмотря на то что его архив подвергался неоднократным перемещениям, до сих пор вызывает восхищение тот порядок, в котором находятся, к примеру, материалы о Варлааме Калабрийском (карточки по каждой теме вложены в отдельные конверты, для отрывочных записей заведены специально сделанные картонные обложки). Так же педантично оформлял ученый и вырезки из русских и греческих газет: он наклеивал их в тетради соответствующего меньшего или большего формата и обязательно подписывал дату, название газеты и статьи. Все это значительно облегчает работу с архивом и дает возможность в будущем грамотно составить его опись.

И. Е. Троицкий был автором многочисленных обстоятельных отзывов на курсовые, кандидатские, магистерские и докторские сочинения, а также на труды своих коллег. Некоторые из этих отзывов опубликованы в виде отдельных изданий, другие помещены в «Журналы Совета Санкт-Петербургской Духовной академии», часть их осталась в рукописях. Наиболее подробным является анализ сочинения архим. Амфилохия «Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIII вв.» (СПб., 1881). В архиве ученого хранится письмо из Имп. Академии наук — просьба рассмотреть труд архим. Амфилохия, представленный на Уваровскую премию. За рецензию на эту книгу Троицкому присудили золотую Уваровскую медаль, установленную для рецензентов (письмо из АН от 6 октября 1880 г.). Черновой вариант отзыва хранится в архиве (ОР РНБ. Ф. 790). Отмечая несомненные достоинства работы, Троицкий говорит и об очевидных ее недостатках (неудачных снимках рукописей, узком понимании задач палеографии, ошибках в издании текстов). Среди бумаг Ивана Егоровича обнаруживается черновик отзыва о докторской диссертации Н. А. Скабалановича «Византийское государство и церковь в XI в.» (12 апреля 1888 г., 12 л.),¹⁶ в котором он отмечает, что «автор взял предметом своего исследования один из самых темных и запутанных периодов в истории Византии». Затруднения в своей работе диссертант преодолел благополучно; рецензент подчеркивает начитанность Скабалановича, громадный объем собранного им материала, а также взвешенность его оценки. В конце своего отзыва (Л. 12) Троицкий специально говорит о соответствии выбранной диссертантом темы указу Синода, разрешавшему преподавателям светских наук брать для докторских диссертаций вопросы из смежной области с родственными им богословскими науками. На Совете Академии поднимался вопрос о том, возможно ли допустить диссертацию Скабалановича, по сути историческую, на соискание степени доктора богословия. Мнение Троицкого оказалось решающим, и диссертация была успешно защищена. Благоприятный отзыв написал Троицкий и о магистерском сочинении А. И. Садова о Виссариионе Никейском (20 сентября 1883 г., 6 л.). Несмотря на отмеченные недостатки (незаконченность, несогласие выводов с основаниями), «исследование г. Садова, — заключает рецензент, — представляет приятное явление в нашей церковно-исторической литературе». Восторженный отзыв дал Троицкий на кандидатское сочинение своего ученика В. В. Болотова (1-й черновик, 2 л.; 2-й

¹⁶ Протоколы заседаний Совета СПб. Духовной академии за 23 апреля 1884 г. С. 213–217.

черновик 19 октября 1878 г., 2 л.): «Простота, ясность, точность выражений, несмотря на отвлеченный характер предмета, не оставляют желать лучшего. Вообще исследование прекрасное, делающее честь своему автору и не только вполне заслуживающее кандидатской степени, но и особенного внимания Совета Академии».¹⁷

Не всегда, однако, отзывы Троицкого были столь лестными. Так, в «Мнении о сочинении профессора И. В. Платонова под заглавием «К празднованию 1000-летия со времени кончины Константинопольского патриарха блаженнейшего Фотия, имеющего исполниться 1891 г. февр. 6 дня» он пишет: «Сочинение г. Платонова, рассматриваемое с научной точки зрения, не выдерживает самой снисходительной критики. В нем не выполнены самые элементарные научные требования. Автор не изучил предварительно ни источников, ни литературы предмета, о котором взялся писать». Не менее суровую рецензию написал И. Е. Троицкий на известную работу Ф. И. Успенского «Очерки по истории византийской образованности» (СПб., 1891) (24 л.).¹⁸ «Ввиду ничтожества результатов, добытых экскурсией автора на Запад, считаем себя вправе поставить вопрос о том, все ли исчерпал он на Востоке для объяснения движения, о котором идет речь (вызванного «делом» Иоанна Итала. — Л. Г.), прежде чем обратиться за помощью на Запад? На этот вопрос мы вынуждены отвечать отрицательно». Богословской стороной споров, по мнению Троицкого, Успенский интересуется мало; главное внимание обращается им на философскую их сторону. «Здесь он ловит каждую фразу, каждый намек на присутствие в споре философского элемента и старается утилизировать их в пользу своего взгляда. В недоуменных случаях он советуется с историками философии, а не с историками церкви и богословия... Такое отношение к делу неизбежно ведет автора а) к уменьшению значения богословских элементов и б) к преувеличению значения философских, — что в общем дает неверную картину этих движений... Долго ждать издания „византийских философских систем“, да никогда и не дождется ученый мир такого издания по той простой причине, что таких систем в Византии никогда не существовало». Главная ошибка автора, по словам Троицкого, состоит в том, что он, довольствуясь уже установленным фактом культурного общения между Востоком и Западом, «ищет установить его в обмене современными продуктами восточного и западного философствования путем перевода этих продуктов на тот и другой язык». Узнав о неблагоприятной для него рецензии, Ф. И. Успенский попросил изъять свой труд из числа представленных на соискание Макарьевской премии (письмо из Учебного комитета при Св. Синоде от 14 февраля 1894 г.: ОР РНБ. Ф. 790).

Наибольший интерес со стороны коллег И. Е. Троицкого вызывали хранящиеся в его архиве копии греческих рукописей из Московской Синодальной библиотеки.¹⁹ В настоящее время мы располагаем рукописными копиями следующих кодексов: МСБ 315 (СССII), л. 171—437 об. (Дмитрия Кидониса 42 главы об исхождении Св. Духа, Сочинения Максима Плануда, Никифора Григоры и Мануила Хрисолора), рука копииста, 1 л. — автограф Троицкого,²⁰ МСБ 337, л. 75 об.—90 (Николай Кавасила. Энкомий св. Димитрию Мироточивому), рука копииста;²¹

¹⁷ Протоколы заседаний Совета СПб. Духовной академии за 1879—1880 гг. С. 68—70.

¹⁸ Ср. официальное письмо К. П. Победоносцева И. Е. Троицкому о его рецензии на сочинение Ф. Успенского «Очерки по истории византийской образованности» от 30.03.1893 (ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 150).

¹⁹ Неполный список копий греческих рукописей, хранящихся в архиве И. Е. Троицкого, дает И. С. Пальмов в некрологе ученого (ХЧ. 1903. Май. С. 698—701). До наших дней дошла лишь незначительная часть этих копий.

²⁰ *Владимир*, архим. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894. С. 672—676, № 441.

²¹ Там же. С. 345—347. № 252.

МСБ 207 (ССVIII), л. 595—621 (Марк Евгеник. Три слова прогив латинян), автограф Троицкого от 5 мая 1875 г.;²² МСБ XXXII (33), л. 30 об. (Схолия к каноническим ответам Никиты Фессалоникийского), л. 28 (Πατριαρχικά σημειώματα), л. 58 об. (Σημειώσεις ταῦτα), л. 22' (Ἐκ τοῦ τόμου τῆς Ἑνώσεως), л. 26 об.—27 (Σημειώσεις ὑπὸ βιβασμόν);²³ МСБ 94 (ХСV), 95 (ХСVI) (отдельные листы); LXX (69) (оглавление); Турогр. 28 (457), л. 220, 223, 222; № 521, л. 128 об.—142 об. (Πράξις τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου), краткие описания рукописей МСБ СXXXVII (136), 137 и др. Можно предположить, что копии с греческих рукописей имеются в деле ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 17: «Выписки из неустановленных источников на греческом языке. 14.06.1876». Об объеме копий с рукописей Московской Синодальной библиотеки свидетельствует хранящаяся в архиве ученого записная книжка с отметками копииста о проделанной им работе (1875—1876 гг.). Здесь отмечены листы кодексов и названия произведений, напротив каждой записи стоит дата и подпись Троицкого об оплате труда копииста. Среди сочинений, переписанных для ученого, были письма Арефы Кесарийского, Варлаама Калабрийского, Βασιλικός Максима Плануды, главы об исхождении Св. Духа Мануила Хрисолора, труды Нила Кавасилы, Димитрия Кидониса, Никиты Пафлагонского, слово об опресноках Николая Мефонского, типик Иоанна Цимисхия и др.

И. Е. Троицкий принимал деятельное участие в организации Православного Палестинского общества, был членом Совета общества (письмо вице-председателя Т. И. Филиппова об избрании в члены Совета от 24 мая 1882 г.: ОР РНБ. Ф. 790). Палестинскому обществу необходимо было учитывать в своей деятельности опыт другого русского учреждения в Иерусалиме — Русской духовной миссии, организованной в 1847 г. Для определения роли общества и целей, которые оно должно перед собой ставить, Троицкий внимательно изучал дневник Порфирия Успенского, первого настоятеля Русской духовной миссии в Иерусалиме (выписки из дневника за 1848 г., 4 л.).²⁴ Специальное внимание он уделял целям учреждения Духовной миссии (3 л.). В инструкции для Духовной миссии, подчеркивает Троицкий, говорится о необходимости избавиться от греческого влияния, действовать преимущественно на арабский элемент, притесняемый греками, иметь в виду только русские интересы. Иваном Егоровичем была написана программа речи Т. И. Филиппова при открытии Палестинского общества «Благовременность и благопотребность учреждения общества» (6 л.). В архиве ученого хранится еще один интересный документ, связанный с историей Палестинского общества: «Проект отчета о 10-летней деятельности Императорского Православного Палестинского общества (1882—1892)» (21 мая 1892 г., 14 л.). На л. 1 стоит запись: «Был отклонен секретарем В. Н. Хитрово за излишнюю откровенность и решительность и заменен бесцветной размазней его собственного приговления». В отчете Троицкий говорит о затруднениях, которые встретило общество со стороны Иерусалимского патриархата, а затем переходит к изложению задач общества. Первая из них — распространение и укрепление православия в среде местного населения; главная трудность здесь состоит в пополнении «комплекта» учителей из туземцев и русских. Вторая задача — изыскание средств к возможно правильной и целесообразной постановке и организации паломничества в Св. Землю. И наконец, «третья наша задача состоит в распространении возможно полных и точных сведений о Св. Земле и среди паломников, и в образованном классе общества, и, наконец, среди ученых по профессии» (Л. 12).

²² Там же. С. 335—344, № 250.

²³ Там же. С. 489—496, № 336.

²⁴ Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Изд. Имп. АН под ред. П. А. Сырку. СПб., 1894—1902. Т. 1—8.

И. Е. Троицкий был одним из организаторов еще одного русского учреждения на Востоке — Русского археологического института в Константинополе.²⁵ Первым документом, касающимся РАИКа, явилось письмо Троицкому министра народного просвещения И. Д. Делянова от 20 декабря 1888 г. с просьбой дать заключение по проекту профессоров Новороссийского университета Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова и А. И. Кирпичникова и записки императорского посольства в Константинополе относительно учреждения РАИКа, а также ходатайства одесского генерал-губернатора об учреждении при Историко-филологическом обществе Новороссийского университета византийского отделения. «Признавая необходимым, — пишет Делянов, — подвергнуть оба вопроса более всестороннему обсуждению, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство образовать, под Вашим председательством, из профессоров Санкт-Петербургского университета В. Г. Васильевского и И. В. Помяловского, а также приват-доцента Латышева и из других лиц, кого Вы найдете нужным, особую комиссию». В письме от 26 января 1889 г. Делянов сообщает о просьбе профессора Киевского университета Прахова включить его в комиссию по организации РАИКа. 20 мая 1891 г. он же препровождает Троицкому проект устава и штата РАИКа и просит сообщить свое заключение об этом проекте. Следующий документ — заключение комиссии в составе И. Троицкого, В. Васильевского, И. Помяловского, Н. Кондакова, В. Латышева (первая редакция — 9 л., вторая редакция — 9 л., автограф И. Е. Троицкого). В начале заключения идет речь о целях и задачах организации РАИКа. Говоря о бюджете института, авторы считают необходимым повысить жалование директору до 4000 зол. р., а секретарю до 2000 р. «При скудости у нас лиц, творчески и практически подготовленных к успешному руководству делом, для которого учреждается Институт, и притом таких, которые имеют за собой более или менее продолжительную службу и авторитет в науке византиноведения, трудно будет найти охотников взять на себя за меньшее вознаграждение руководство этим делом». Далее рекомендуется пополнить «коллекцию городов и местностей, в которых предполагается снаряжать ученые экскурсии Института... Грецией и островами архипелага», а также включить в бюджет 1000 р. на издание бюллетеня института. Кроме этого заключения в архиве Троицкого имеется его «Заметка о проектах Устава и Штата Императорского Русского Археологического Института в Константинополе» от 5 июня 1891 г. (4 л.); в ней идет речь о расширении возможностей участия в деятельности РАИКа кандидатов и магистров Духовных академий. Вопрос об организации института обсуждался Троицким и в переписке с К. П. Победоносцевым (всего в обследованном нами архиве ученого содержится 22 письма Победоносцева за 1886—1896 гг.). 1 марта 1894 г. Победоносцев пишет: «В первый раз при слушании дела об археологическом Институте были возражения, но не от Половцова, а от Игнатьева... и от меня, ибо назначенная сумма 12 000 р. ... столь ничтожна, что на нее нельзя устроить учреждение, ...лучше эти деньги употребить на солидные экспедиции археологов. За этими возражениями было положено отложить дело до приезда Нелидова, который тогда был уже в Берлине. По приезде его, и по его объяснениям, дело прошло без затруднений». Основанию РАИКа посвящены также три письма, хранящиеся в ЦГИА СПб.: Троицкого — Победоносцеву от 1888 г. (ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 161); П. Б. Мансурова, помощника секретаря императорского посольства в Константинополе, о проекте открытия РАИКа от 20 мая 1890 г. (Там же. Д. 172); письмо

²⁵ Об организации РАИКа см.: Παπουλίδης Κ. Κ. Τὸ Ρωσικὸ ἱστοριογραφικὸ ἴνστιτούτο Κωνσταντινουπόλεως (1894—1914). Θεσσαλονίκη, 1987. Σ. 57—75; Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 20—34.

А. И. Нелидова И. Е. Троицкому (Там же. Д. 176). Наконец, 8 января 1896 г. Троицкий избирается почетным членом РАИКа (письмо Ф. И. Успенского: ОР РНБ. Ф. 790).

Переписка И. Е. Троицкого составляет одну из наиболее объемных и интересных частей его архива. На первом месте здесь стоят письма Георгия Павловича Беглери — «русского грека» в Константинополе, одного из активнейших членов РАИКа.^{25а} Г. П. Беглери (1850—1923)²⁶ — грек родом из Константинополя, получил образование в России, принял русское подданство и служил в охране Александра II. Затем он вернулся в Константинополь, где в течение многих лет служил в Русском агентстве Общества пароходства и торговли; после 1901 г. он переехал в Смирну. Архив и библиотека его погибли во время малоазийской катастрофы.²⁷ В письме к И. Е. Троицкому от 11 июня 1892 г. Беглери подробно излагает свою биографию. В 1860 г., в возрасте 9 лет, по желанию отца и дяди, архим. Григория,²⁸ он был отправлен в Одессу для обучения в греческом коммерческом училище. Затем он поступил во Вторую одесскую гимназию, которую не смог окончить по причине смерти своего отца и своего дяди (в начале 1866 г.). Вернувшись в Константинополь, он окончил греческое национальное училище на средства княгини Т. Б. Потемкиной, которая в 1867 г. снабдила его рекомендательным письмом к гр. Адлербергу для определения в какое-нибудь военное учебное заведение. В августе 1867 г. Беглери отправляется в Крым, где в то время находилась Главная квартира Александра II. Проследовав в Петербург вместе с шефом жандармов П. А. Шуваловым, он принял присягу и начал службу в корпусе охранной стражи императора. Через три года он был вынужден покинуть Россию и начал свою службу в Русском агентстве Общества пароходства и торговли. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Беглери был драгоманом в действующей армии, а затем был отправлен в Константинополь в качестве агента Генерального штаба, чтобы доставлять необходимые сведения шефу жандармов ген. Мезенцеву. В Константинополе Беглери был арестован как корреспондент русских газет, но был спасен от турецкой тюрьмы германским послом, который поместил его в посольскую больницу. После заключения Сан-Стефанского мира Беглери отправился на два года в Европу, где выполнял поручения Мезенцева и Игнатьева. Затем он вернулся в Константинополь и продолжал службу в агентстве Общества пароходства и торговли.²⁹

Беглери имел обширные связи в среде греческого духовенства, был вхож в Патриархию. Будучи всецело преданным России и русским интересам на Востоке, он считал своим долгом поставлять сведения для Св. Синода о внутренней жизни Константинопольского патриархата. Эти сведения он регулярно сообщал в частных письмах Троицкому (начиная с 1878 г.), на основании которых Троицкий писал свои обозрения «Православный Восток за минувший год» для «Церковного вестника». По известиям из этих писем корректировалась русская церковная по-

^{25а} Переписка издана: Россия и Православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому 1878—1898 гг. Изд. под: Л. А. Герд. СПб., 2003.

²⁶ По-гречески фамилия пишется Βεγλερής; его брат Димитрий, живший в Париже, подписывался Végleris.

²⁷ *Φορόπουλος Ν. Α. Βεγλερής Γεώργιος* Ἐρησκευτικὴ καὶ Ἠθικὴ Ἐγκυκλοπαίδεια. Ἀθήναι, 1963. Τ. 3. Στ. 797. За эту и другие справки выражаем признательность д-ру К. К. Пауплидису.

²⁸ Дядя Г. П. Беглери, архим. Григорий Беглери (Беглерис) был русским подданным и жил в Одессе. См.: *Παπουλίδης Κ. Κ. Οἱ Ἕλληνες τῆς Ὀδησοῦ. Θεσσαλονίκη*. 1999. Σ. 302, 303, 341, 351.

²⁹ Аналогичные сведения сообщает Беглери в письме вел.кн. Сергею Александровичу от 17 апреля 1893 г.: АВПРИ. Ф. 337/2 (РИППО). Оп. 873 л. д. 79, л. 144—145. Здесь он излагает истинную причину своего отъезда из России: будучи вольнослушателем Лесного института, в 1872 г. он раскрыл заговор студентов против императора и после этого был вынужден поселиться в Константинополе. По окончании русско-турецкой войны он отправился в Европу для наблюдения за проживавшими в Женеве и Париже русскими эмигрантами (справка В. В. Гурзуевой).

литика на Востоке; большую часть писем Беглери Троицкий сопровождал Победоносцеву, предварительно исправив грамматические ошибки и подписав перевод греческих фраз.³⁰ Согласно теме данного обзора мы рассмотрим здесь только те сведения из писем Беглери, которые касаются его занятий историей Византии и деятельности в РАИКе.

Служба в агентстве пароходства и торговли тяготила Беглери, и он находил отдых в занятиях археологией и историей. Троицкий долгое время был его единственным русским ученым корреспондентом в этой области, и Беглери с удовольствием выполнял различные его поручения по покупке редких книг. Начинается переписка осенью 1878 г. Поначалу Беглери выполнял для Троицкого роль библиографа; через него Иван Егорович пополнял свою библиотеку редкими и старинными изданиями. В письме от 18 декабря 1878 г. (на русском и греческом языках, 2 л.) он посылает каталог из 47 наименований редких греческих книг XVIII—XIX вв. (Пидалион изд. 1800 г., Догматическое и нравственное богословие Мосхопула, Ἐορτολόγιον Никодима Святогорца и др.). Здесь же он высказывает желание быть постоянным корреспондентом «Церковного вестника» в Константинополе. Подобные списки отправленных Троицкому книг и описание истории приобретения некоторых из них содержатся в письмах от 14 и 23 декабря 1878 г., 11 января 1879 г., 12/24 мая 1879 г. Беглери говорит об известном греческом филологе-византинисте К. Н. Сафе, который прибыл в Константинополь и работал над многотомной историей Византии.³¹ Сам Беглери в это время занимается составлением русско-греческого словаря (письмо от 25 сентября 1880 г.) и в этой связи просит Троицкого приобрести для него второе издание толкового словаря В. И. Даля (письмо от 8 октября 1881 г.). Здесь же идет речь о диссертации Троицкого по армянскому вопросу: «Вашу книгу также получил и передал ее Дерконскому митрополиту, он же передал ее собранной комиссии по поводу армянского вопроса. Книга эта до сих пор оставалась неизвестной здешнему православному клиру, поэтому все остались довольны; как я узнал, теперь сделали извлечение из этой книги о. архимандрит Зигавинос и Вафидис и представили св. Патриарху. Говорят, и это должно быть верно, что после этого вся программа комиссии изменена».

25 июня 1881 г. Беглери извещает Троицкого о том, что с сентября греческое Филологическое общество будет издавать ежемесячный журнал, и пишет о содержании предполагаемого тома. Жалуется он и на трудности, с которыми приходится сталкиваться при издании журнала Филологического общества: в 1882 г. турецкое правительство запретило Филологическому и Средневековому обществам издавать свои труды. «Никому не известны причины — Маврогенис Эффенди, личный медик султана и председатель Филологикос Силлогоса, много потрудился до сих пор об этом, но ни к чему не привело его влияние и хорошее знакомство с двором Султана» (письмо от 1 апреля 1882 г.).

Письмом от 21 июня 1884 г. Беглери сообщает Троицкому о посещении Константинополя В. Г. Васильевским, Ф. И. Успенским и Н. П. Кондаковым. «Пользуясь случаем 15-тидневного пребывания у нас В<асилия> Гр<игорьевича>, в продолжение которого [он] успел посетить все почти знаменательные византийские

³⁰ См. переписку Троицкого с Победоносцевым по поводу писем Беглери (10.01.1889 -- 3.06.1889: ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 138, 151; 29.07.1894: Там же. Д. 154; 19.01.1899: Д. 157; б.т.: Д. 164; благодарность Победоносцева за письма Беглери от 12 февраля и 28 мая 1896 г. (ОР РНБ. Ф. 790).

³¹ *Sathas K. N. Monumenta Historiae Hellenicae. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. Parisiis, 1880--1888. Vol. 1--8.* О К. Н. Сафе см.: *Γριτσόπουλος Τ. Α. Σάβας Κωνσταντινός (1842--1914) // Ὁρθόδοξη καὶ Ἡθική Ἐγκυκλοπαίδεια, 1966. Τ. 10. Στ. 1117--1118.* Там же указана основная библиография.

памятники, [я] старался быть ему полезным, особенно в знакомстве со многими нашими учеными по византологии, чем он остался очень доволен». Васильевский посетил и дом Беглери в Терапии, о чем тот с гордостью пишет Троицкому. Василий Григорьевич оставил Беглери поручение приобрести в Константинополе ряд книг для университетской библиотеки, а также составлять для него по три-четыре раза в год библиографический листок о всех новых изданиях, выходящих в Константинополе и в Афинах. Наряду с краткими сообщениями о высылке книг (например, «Библиотеки Мавродатоса» А. И. Пападопуло-Керамевса — письмо от 20 сентября 1884 г.) и каталогами новых книг Беглери порой дает подробную характеристику некоторых изданий. Так, рекомендуя «Агиологические памятники» иеродиакона Феофила, вышедшие в Венеции в 1884 г., он говорит, что такая публикация рукописных материалов может быть оценена по достоинству только таким сведущим византистом, как Троицкий (письмо от 6 ноября 1884 г.), а затем детально излагает текстологические вопросы, связанные с житием Константина Великого еп. Игнатия Силимврийского, историком Евтропием и др.

Ряд писем посвящен переводу на греческий язык и изданию «Автобиографии Михаила Палеолога», опубликованной Троицким в 1885 г. (речь идет о переводе исследовательской части работы). «Ждем с нетерпением Автобиографию Михаила VIII Палеолога, которую постараюсь перевести на греческий и напечатать ее в *Ἐκκλησιαστικῆ Ἀλήθεια*», — пишет Беглери 7 января 1882 г. В письме от 17 апреля 1886 г. он возвращается к этому вопросу: «Я желал тогда еще ответить Вам немедленно, но не хотел этого делать раньше, чем напечатать в переводе на греческий язык предисловие Ваше к Автобиографии Михаила Палеолога, но вот, к великому моему сожалению и сожалению многих других, ни одна здешняя редакция журналов не берется напечатать его вследствие строгого предписания Министерства печати (цензуры) воздерживаться от всяких предметов, касающихся истории Византии; теперь одно только остается средство, а именно — послать перевод предисловия с текстом Автобиографии в Афины». Через полгода он уже извещает Троицкого о том, что «Автобиография Михаила Палеолога» напечатана, и обещает отправить автору один экземпляр (письмо от 19 ноября 1886 г.). «Хорошо было бы, — продолжает в этом же письме Беглери, — если в Вашем архиве есть еще что-нибудь для напечатания, т. е. из найденных Вами в архивах рукописей — прислать мне и предоставить издать их от Вашего имени». И наконец, 7 января 1888 г. он пишет, что уже два раза просил, чтобы ему выслали из Афин экземпляр *Δελτίον τῆς Ἑλληνικῆς καὶ Ἐθνολογικῆς Ἐταιρείας*, где помещена «Автобиография Михаила Палеолога», но до сих пор не получил его по причине отъезда секретаря этого общества. 31 марта 1888 г. Беглери вновь напоминает Троицкому о том, что с нетерпением ждет какой-нибудь его труд для перевода и публикации.

В письме (без даты, март 1889 г.?) идет речь об известном византисте А. А. Пападопуло-Керамевсе: «Высылаю Вам... несколько трудов г. Пападопуло-Керамевса, которые имеют появиться через 3—4 месяца в сборнике Филологического общества. Господин Керамевс обещал мне их, прибавив, что Вы первый будете их иметь — труды эти очень интересны. Г-н Пападопуло-Керамевс завтра отправляется с нашим пароходом в Яффу, он назначен секретарем при блаженном патриархе Иерусалимском... Молодой труженик с величайшей радостью принял предложение блаженного патриарха в полной уверенности, что материальное это для него обеспечение даст ему возможность продолжать с усердием свои научные занятия. Все, лично знающий Керамевса, весьма обрадовались за посланное ему Провидением это материальное обеспечение». «К сожалению, место секретаря Пападопуло-Керамевс занимал недолго, так как он плохо владел французским языком» (письмо Беглери Троицкому от 22 июня 1889 г.).

Большое число писем посвящено археологическим раскопкам, которые Беглери производил самостоятельно в окрестностях Константинополя. В письме от 12 мая 1889 г. он подробно рассказывает о раскопках, предпринятых в местности Кючюккой около Эгюпа.³² Ему удалось найти там надпись VI—VII вв. с упоминанием имени патрикия Дексикрата, множество кирпичей с крестами, обломков мрамора с орнаментами, а также несколько каменных оснований св. Трапезы, т. е. престола церкви. В письме от 18 мая 1889 г. Беглери следующим образом описывает свои раскопки: «Полтора уже месяца, как я вгихомолку, потому [что] турецкое правительство строго воспрещает это, производжу раскопки в окрестностях Константинополя. Начиная с того места, где нашлась икона, Вам известная, сегодня уже, слава Богу, могу смело сказать Вам, что нашел теперь следы монастыря *Δεξικράτου καὶ Οὐρβικίου*, упоминаемого в пятом или шестом столетии...». Беглери проводил эти раскопки с большими затруднениями и опасностью для себя со стороны турецких властей, поэтому он был вынужден доложить о них русскому послу А. И. Нелидову и просить его помощи в том случае, если он попадет за свою смелость в турецкую тюрьму. Нелидов обещал защищать Беглери и со своей стороны просил его взять с собой несколько человек из посольства, в том числе А. И. Кирпичникова, для совместного обозрения местности. Беглери был вынужден, однако, отклонить это предложение, чтобы не привлекать внимания турок (письмо от 12 июня 1889 г.). В следующем письме (от 22 июня) он сообщает о дальнейшем ходе работ и о своих новых находках, а именно: полкапители ионийско-коринфского ордера, куски стекол, гвозди, монетки, кусок мрамора с рельефным изображением какого-то святого без головы и без надписи, а также куски мрамора с орнаментом в виде крестов. Далее Беглери докладывает, что он приостановил здесь свои раскопки и стал работать в противоположном направлении, в монастыре св. Феодора, в котором подвизался патриарх Евфимий до того, как император Лев построил для него в Псаматии монастырь *τοῦ Ἀγαίου*. Жалуется он в этом письме и на отсутствие хорошей карты и просит Троицкого снабдить его штабной русской картой. В письме от 28 сентября 1889 г. Беглери в эмоциональных тонах выражает свой восторг от занятий археологией: «Моим раскопкам я предан телом и душой, — даже до того увлекся, что ежели имел [бы] маленькое состояние, оставил бы свое тупое занятие (в Обществе пароходства и торговли. — Л. Г.) и занялся бы этим делом исключительно». Описывает он здесь и свои дальнейшие находки — багистерий из кирпича, основания храмов в десяти местах за Эгюпом; он делает предположение, что эти развалины являются остатками знаменитого монастыря св. Маманта. В письме от 27 декабря 1892 г. Беглери снова возвращается к своим археологическим интересам и сообщает, что обнаружил надпись с именем Богородицы, на основании которой он определил местоположение Халкопратийского храма Божией Матери: «Храм этот находится по направлению [к] северо-западу от *αίγιου* св. Софии на 250—60 шагов, против как раз главного входа церкви св. Софии».

В нескольких письмах Беглери сообщает сведения об уникальной рельефной иконе Богоматери на красном камне. Письмом от 4 мая 1889 г. он информирует Троицкого о том, что древняя икона на порфирите уже находится у него, и он хотел бы передать ее своему корреспонденту; сделает он это, скорее всего, через русское посольство. С этой находки, собственно, и начались его археологические раскопки. По мнению Беглери, икону следует отнести к XI в. (письмо от 23 августа 1899 г.) или

³² Результаты этих раскопок опубликованы: Беглери Г. П. 1) Заметки по топографии Константинополя // ВВ. 1898. Т. 5. С. 618—625; 2) Межевой знак владений Дексикрата и Урвикия // ИРАИК. 1899 т. 4

к VIII—IX вв. (28 сентября 1899 г.). «Чтобы именно успокоиться, я ее недавно показывал специалисту по иконописанию, профессору Киевской Академии А. А. Дмитриевскому, который возвращался с Афона и оставался в Константинополе несколько дней. Дмитриевский, когда ее увидел, до того пришел в восторг, что просил меня снять с нее копию, но я этого не дозволил, — он говорил, что ему никогда не приходилось видеть подобную прекрасную выпукло-рельефную работу византийскую, и что, по всем данным, работу эту следует отнести смело к 10-му столетию». 28 мая 1890 г. Беллери отговаривает эту икону с архим. Арсением, настоятелем Константинопольского подворья в Москве, и говорит о том, что надпись на ней позднейшего времени, скорее всего, относится к XV—XVI вв. К сожалению, нам не удалось установить местонахождение иконы в настоящее время.

Дальнейшая переписка Беллери с Троицким касается главным образом организации и работы Русского археологического института в Константинополе. В письме без даты (получено 12 марта 1893 г.) Беллери сообщает, что дело об открытии Археологического института удалось, и с июля месяца он начнет свои занятия. В этой связи он высказывает свои соображения по поводу его организации: «Смею опять же обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что если русское правительство желает действительно поднять свое православное знамя и престиж в среде православных на Востоке и дело делать, оно должно назначить в качестве директора этого Института без всякого колебания исключительно одного из профессоров Духовных академий, и именно профессора Покровского. Поверьте, что такое назначение не только принесет делу неоценимую пользу с точки зрения науки, но и много будет способствовать тому, чтобы и турки скорее мирились с этим нововведением со стороны официальной России». Далее Беллери излагает те затруднения, которые, на его взгляд, институт встретит в первые годы своего существования. Турки непременно будут бороться с деятельностью института и ни под каким видом не допустят систематических раскопок ни в самом Константинополе, ни в его окрестностях. Не допустят они и продолжительных загородных экскурсий, так как вдоль линии Анастасиевых стен турки строят различные укрепления от Черного моря до Мраморного. «Поэтому, — продолжает он, — занятия Института сначала будут иметь чисто филологический характер, и главным образом будут изучаться и проверяться памятники христианские, которые есть налицо и которые до сих пор были или мало изучены, или не обращали на них должное внимание, а их-то немало». В письме от 21 февраля 1894 г. Беллери вновь выражает беспокойство по поводу организации РАИКА: «Смею довести до Вашего сведения, что здесь уже известно, что дело это провалилось, как это мне говорили, и что противниками в Госуд[арственном] Совете этого Института выступили Половцов и граф Игнатъев. Конечно, не мне судить о мотивах, побудивших их быть против такого учреждения, но не могу одновременно и не выразить свое сожаление о неосуществлении такого многозначительного и многопользного дела». Далее Беллери дает пространное обоснование необходимости основания института. Главные положения этого обоснования совпадают с идеями других проектов организации РАИКА: здесь говорится о необходимости создания русского научного учреждения для изучения христианских памятников Востока, о помощи русским студентам и молодым ученым, исследующим эти памятники, и др. По мнению Беллери, необходимо сделать институт подведомственным Палестинскому обществу, чтобы избавить его от подозрений в политической деятельности.

Письмо от 28 июня 1894 г. содержит рассказ о землетрясении, происшедшем в этот день в 12 ч. 30 м. в Константинополе.³³ Во время этого стихийного бедствия

³³ Подробное описание землетрясения и его последствий см.: *Беляев Д.* Храм Св. Ирины и землетрясение в Константинополе 28 июня 1894 года // ВВ. 1894. Т. 1. С. 769–798.

Беглери вместе с Д. Ф. Беляевым, Н. Ф. Красносельцевым и Д. В. Айналовым находился в храме св. Ирины. «Описать Вам наше ужасное положение в этот несчастный момент я не могу. Я Вам передаю только то, что мы до того растерялись в этот момент, что не знали, куда направиться, стены вместе с штукатуркой и разными оружиями валялись на пол вокруг нас, и от пыли все стало темно; бегали мы, куда нас несло Провидение, без всякой памяти и только опомнились, когда очутились в открытом поле — тогда увидели снаружи, что весь храм св. Ирины от самого купола до самого основания пострадал сильно. В храме св. Софии треснули боковые стены, люди не смеют входить в свои дома, опасаясь повторного землетрясения; богословская школа на о. Халки наполовину разрушена». Это письмо написано непосредственно после землетрясения неровным почерком на небольшом листке бумаги и является живым свидетельством пережитого события.

Как известно, Г. П. Беглери был одним из активнейших сотрудников РАИКа. Он подарил институту свою археологическую коллекцию (304 единицы), впоследствии содействовал приобретению рукописей. В письме от 25 февраля 1895 г. он полностью приводит текст своей речи при открытии РАИКа и ответную речь Ф. И. Успенского.³⁴ В другом письме он говорит о своем намерении издать рукопись автора X в. Константина Асикрити «Ἐκφρασις τοῦ ναοῦ τῶν Ἀγίων Ἀποστόλων».³⁵ В подготовке этого издания принимал участие Ф. И. Успенский: будучи на Афоне, он еще раз сравнил копию Беглери с оригиналом текста, хранящимся в библиотеке Лавры. Письмо от 1 мая 1896 г. посвящено знаменитому пурпурному Сармисахлийскому Евангелию, в настоящее время хранящемуся в Российской национальной библиотеке:³⁶ «Александр Иванович Нелидов выехал из Константинополя на одном пароходе вместе с духовными представителями патриархов. Он везет в Россию весьма редкий памятник — Евангелие, купленное недавно государем императором за 1000 [урецких] лир в Кесарийском Вилаете, в местности под названием Сармы-Сахлы». Беглери дает общее описание кодекса, отмечает его орфографические особенности и посылает фотографический снимок одного листа, который просит передать К. П. Победоносцеву.

В ряде писем Беглери обсуждаются работы известного греческого византиниста М. И. Гедеона.³⁷ Троицкий получал от своего корреспондента все его новые публикации; письмом от 31 марта 1888 г. (1 л.) Гедеон просит о помощи изданию Πατριαρχικὰ Πίνακες, которое прекратилось в связи с церковными неурядицами в Константинополе. Троицкий выхлопотал в Синоде денежное вспомоществование, благодаря которому книга увидела свет (переписка с К. П. Победоносцевым о сочинениях Гедеона 1888 г.: ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 137).³⁸ В письме от мая 1898 г. Беглери излагает суть своей полемики с Гедеоном по поводу его работы Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον.³⁹ «Кстати о Гедеоне, — продолжает автор письма, — наши отношения в последнее время с ним стали немного натянутыми, и вот почему: два года тому назад прибыл в Константинополь профессор Дмитриевский из Киева и занимался здесь при библиотеке Св. Гроба в Фанаре. Гедеон, узнав

³⁴ Опубликованы: ИРАНК. 1896. Т. 1. С. 17.

³⁵ Беглери Г. П. Храм святых Апостолов и другие памятники Константинополя по описанию Константина Родия. Одесса, 1896.

³⁶ О приобретении этого кодекса см.: Бисаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. С. 67–69. Там же указана основная литература.

³⁷ О М. И. Гедеоне (1851–1943), великом хартофилаке Вселенской Церкви, историке-византинисте см.: Πατριελης Χ. Γ. Γεδεών Μανουήλ. Θρησκευτική καὶ Ἠθική Ἐγκυκλοπαίδεια. Т. 4. Ст. 241–243.

³⁸ Πατριαρχικὰ Πίνακες Κωνσταντινουπόλεως, 1890; Β' έκδοσις: Ἀθήναι, 1996 (επιμέλεια: Ν. Α. Φορβουλος).

³⁹ Βυζαντινὸν ἑορτολόγιον. Κωνσταντινουπόλις, 1896. Книга издана также при поддержке Св. Синода (письмо Гедеона Троиickому от 8 сентября 1894 г.).

об этом и будучи с ним знаком, старался узнать, какими он интересуется рукописями. Узнав от него же, что он готовит к печати и Типикон монастыря Св. Авксентия, [он] воспользовался доверием проф. Дмитриевского и после его выезда из Константинополя... поддался этому... искушению и предпринял издать этот Типикон сам».⁴⁰ Как и при издании других своих книг, так и в этом случае Гедеон обратился к Беглери с просьбой об исходатайствовании денежного пособия от И. Е. Троицкого. Беглери, однако, отказал ему в содействии и заметил, что намерение опередить в этом издании проф. Дмитриевского не делает Гедеону чести. Несколько позже Беглери узнал, что печатание типика началось-таки в Афинах с посвящением Троицкому. «Гедеон, — продолжает Беглери, — состоит тайным агентом турецкого правительства, что, впрочем, не может помешать работе Археологического института, так как легко можно не сообщать ему о предполагаемых экспедициях».

Благодаря ходатайству И. Е. Троицкого увидели свет и другие научные труды греков — жителей Турции. 12 сентября 1889 г. он просит К. П. Победоносцева содействовать опубликованию двух трудов Мазараки, секретаря Александрийской патриархии и православной общины в Каире: «Каталог древних рукописей Александрийской патриаршей библиотеки с предисловием, комментариями и объяснениями» и «Исторические очерки Александрийского патриаршего престола с 15 по 19 столетия». «За недостатком средств Мазараки вынужден печатать свои работы в виде отдельных статей в греческих газетах; печатание растянется, таким образом, на много лет и приобрести его для библиотек будет трудно», — мотивирует свою просьбу Иван Егорович. В архиве ученого хранится черновик докладной записки, адресованной Победоносцеву, — «Мнение по вопросу о выдаче г. Мазараки субсидии на издание составленного им каталога рукописей» (9 + 4 л.), где подчеркивается своевременность и целесообразность издания этих трудов, их соответствие современным научным требованиям. Опубликовать их следует, по мнению Троицкого, в количестве 200 экземпляров. Последующие ученые сочинения этого автора стали библиографической редкостью вскоре после их издания. Так, в мае 1898 г. Беглери препровождает Троицкому книгу Мазараки об александрийском патриархе Митрофане Критопуло, которую он взял из одной частной библиотеки на срок 6 месяцев; купить же ее оказалось невозможным.⁴¹

Значительное место в эпистолярном наследии Троицкого занимает его переписка с византинистами-коллегами из Москвы и Петербурга. Работе с греческими рукописями посвящены письма архим. Арсения (Ивашенко), настоятеля московского Заиконоспасского монастыря (впоследствии епископа Кирилловского). В письме от 25 мая 1886 г. он пишет, что когда-то Троицкий говорил ему, будто Арефа Кесарийский известен не только своим толкованием на Апокалипсис, но и другими произведениями. Арсений нашел рукопись с его сочинениями в Московской Синодальной библиотеке и интересуется, откуда Ивану Егоровичу стало известно об их существовании. Арсений намеревался заняться этими трудами Арефы, полагая, что занятий хватит года на три. Ответное письмо Троицкого о подготовке

⁴⁰ Дмитриевский А. А. 1) Путешествие по Востоку и его научные результаты: Отчет о заграничной командировке в 1887—88 году с приложениями. Киев, 1890; 2) Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 1. Толька. Киев, 1895. С. 769—794.

⁴¹ И. Е. Троицкий был человеком необычайно отзывчивым и чутким к нуждам тех, кто обращался к нему за помощью. Судя по многочисленным просительным и благодарственным письмам в архиве, его благотворительность распространялась на образовательные заведения, приюты, провинциальные семинарии и многочисленных частных лиц. Помогал он денежными суммами, книгами, иногда давал нуждающимся возможность заработка в виде написания статей по истории церкви. Наконец, согласно его духовному завещанию, 2000 р. передавалось в распоряжение Совета Петербургской Духовной академии с тем, чтобы 4% с этой суммы выдавалось ежегодно автору лучшей студенческой диссертации по истории Восточной церкви после VII Вселенского собора. Значительная сумма была завещана им для вспомоществования студентам Академии — выходцам из Олонецкой губернии.

им издания Арефы огорчило его: «Признаюсь, не без прискорбья прочел я известие Ваше о том, что Вы уже списали Арефу; ну, дай Бог сил Вам поскорее издать его в свет. Очень интересны его произведения» (письмо от 29 мая 1886 г.). В письме от 22 октября 1886 г. речь идет о житии св. Мелетия Миупольского; здесь же Арсений сообщает о своей работе по копированию рукописи Синописиса, или свода спорных пунктов между греками и латинянами в начале XIII в. Он надеется перевести «Антирретика» патр. Филофея;⁴² «Евстафия Солунского тоже не хотелось бы оставить недоделанным... и потому весьма обяжете меня, если позволите пользоваться статьей о нем, помещенной в 10-м, кажется, томе *Σύλλογος*».⁴³ Занятиям в Синодальной библиотеке Арсений посвящает три дня в неделю; «да и хожу не столько для занятий, сколько для развлечения: потому что порою очень бывает тоскливо в монастыре» (письмо от 3 декабря 1886 г.).

В последующих письмах обсуждается вопрос о библиотеке еп. Порфирия Успенского:⁴⁴ «Когда же, наконец, решится судьба Порфирьевской библиотеки? Или и по этому делу запросят Бисмарка?» (письмо от 15 сентября 1887 г.). 3 января 1888 г. Арсений описывает очередные затруднения, которые возникли при попытках определить судьбу библиотеки Порфирия: «Отец Амфилохий решительно ничего не знает о судьбе Порфирьевской библиотеки и даже приходит в некое раздражение при воспоминании о ней. При случайных встречах с высокопоставленными особами он, бывало, заговаривал о сем предмете, но убедившись, что “книжные пустяки” дают повод только к милостивому глумлению, перестал и говорить об этом с кем бы то ни было. Я с своей стороны полагаю, что “когда-нибудь” решат это дело там, в высших сферах». Наконец, в том же 1888 г. по ходатайству Троицкого книги были переведены в Московскую Синодальную библиотеку, о чем свидетельствует письмо Арсения от 19 декабря 1888 г.: «Позволю себе немного поболтать о библиотеке преосв. Порфирия, которая, при Вашем содействии, поступила в Синодальную Московскую и таким образом сделалась более доступной, чем если бы расчленилась или же сдана была в какую-нибудь другую. Библиотека еще не разобрана, да при нын[ешних] холодах это и невозможно; но сколько можно было заметить при беглом осмотре в два приема, стоит внимания и заслуживает в себе довольно книг, которые принесут пользу и облегчение людям, имеющим охоту заниматься “древностями”. По кр[айней] мере я очень доволен, что есть под руками такое собрание, уже избавившее меня от выписки некоторых изданий». В письмах от 1889 г. Арсений говорит о публикации греческого текста и перевода Похвального слова св. Евфимию Мадитскому (4 марта, 21 мая, 31 октября), оттиски которого он отправил Троицкому;⁴⁵ 2 апреля 1890 г. — о печатании Похвального слова св. Димитрию Солунскому Иосифа Студита;⁴⁶ 1 января 1891 г. — «Четырех неизданных произведений Нила, митрополита Родосского, XIV в.».⁴⁷ Все эти тексты изданы им по рукописям Московской Синодальной библиотеки.

⁴² Арсений, архим. Филофея патр. Константинопольского XIV века три речи к епископу Игнатию с объяснением изречения притчей: премудрость созда себе дом и проч. / Греч. текст и русск. перевод. Новгород, 1898.

⁴³ Арсений, архим. Евстафий, митрополит Солунский, XIII века. Харьков, 1866.

⁴⁴ Еп. Порфирий скончался в 1884 г. Еще при жизни он неоднократно пытался продать свою библиотеку различным духовным учебным заведениям с тем условием, чтобы она сохранялась в целостности. См.: Герд Л. А. Еп. Порфирий Успенский: обзор эпистолярного наследия // АРВ. С. 16—17. См. также записку И. Е. Троицкого «Библиотека преосв. Порфирия с научной точки зрения» (в связи с проектом передачи ее в Синод) и переписку с К. П. Победоносцевым по этому вопросу (23 ноября 1886 г.: ЦГИА СПб. Ф. 2182. Оп. 1. Д. 132).

⁴⁵ Арсений, архим. Похвальное слово святому Евфимию, епископу и чудотворцу Мадитскому, написанное Григорием Кипрским / Предисл., греч. текст и русск. перевод. М., 1889.

⁴⁶ Арсений, архим. Иосиф Исповедник. Похвальное слово святому великомученику Димитрию Солунскому. М., 1890.

⁴⁷ Арсений, архим. Нила, митрополита Родосского, четыре неизданных произведения. Сведения о Ниле, греческий текст его произведений и русский перевод. М., 1891.

В архиве И. Е. Троицкого хранится 8 писем (1886—1888 гг.) известного палеографа архим. Амфилохия Сергиевского.⁴⁸ В одном из первых писем (без даты) он благодарит за избрание в почетные члены Санкт-Петербургской Духовной академии. «Труды мои не сильны, но сознаю сам, что они (многие из них капитальны и едва ли повторимы) полезны для науки» — так оценивает он свою научную деятельность. В письме от 19 января 1886 г. Амфилохий говорит о своих занятиях новозаветными текстами и издании палеографических альбомов со снимками рукописей, содержащих эти тексты, жалуется на дороговизну изготовления хромо-литографий. «Донелзя много занимаюсь. Хочется закончить книги древлеславянского Нового Завета. Теперь осталось печатать не более 10-ти листов печатных в 8 д[олю] листа.⁴⁹ Тружусь над Апостольским словарем. А когда Вы были у меня, в это время я был в Чудове монастыре на дворе с фотографом, который снимал фотографически весь Новый Завет, писанный рукой св. Алексия, и в 7 дней был окончен» (письмо от 31 декабря 1887 г.).⁵⁰

Темой многих писем Амфилохия является библиотека Порфирия Успенского. В письме (без даты) он благодарит Троицкого за хлопоты и пишет, что не имеет значения, куда ее поместить, лишь бы ею могли пользоваться все ученые, но лучше в Синодальную библиотеку, так как ей Порфирий дарил свои последние сочинения. В письме от 26 декабря 1887 г. Амфилохий сетует на то, что библиотека Порфирия все еще опечатана и не сдается в Синодальную библиотеку: «Надо бы этому конец сделать самый короткий, осмотреть... и сдать в Патриаршую библиотеку. Многие ученые давно бы извлекали пользу из книги пр. Порфирия». Назначение на угличскую кафедру в 1887 г. было для архим. Амфилохия неприятным известием: «Быть может, найду древности в Угличе, где будет моя обитель, там займусь с усердием. Я о древностях этого города не имею никакого понятия. Как расставаться с Москвой, где бесчисленное множество сокровищ древних? Только то утешает, что многими из этих сокровищ я уже воспользовался, или снимками, или гравированием, или фотографическими снимками» (письмо от 15 апреля 1887 г.). В Угличе основным научным занятием Амфилохия была работа с архивом св. Дмитрия Ростовского: «Я здесь копаюсь в рукописях св. Дмитрия, и писанных его рукой, и другими руками его же сочинений, не изданных в свет» (письмо от 26 декабря 1887 г.). Часть этих сочинений он отправил Троицкому, драмы на Страсти Господни издал сам, готовил к печати летописец, писанный рукой св. Дмитрия (письмо от 8 апреля 1888 г.).⁵¹

В двух письмах А. Е. Викторова⁵² идет речь о пересылке Троицкому рукописи сочинений Никифора Феотоки из Румянцевского музея (№ 328) (письмо от 17 августа 1879 г.) и отправке трудов самого Викторова («Стефанит и Ихнилат», каталог рукописей, каталог Беляевских актов, списанный его помощником) (письмо от 15 ноября 1882 г.).⁵³

⁴⁸ Архим. Амфилохий (1818—1893) — член-корр. имп. АН (1868), почетный член СПбДА (1886), настоятель Новоиерусалимского Воскресенского монастыря (1856—1860), настоятель московского Данилова монастыря (1870—1887), епископ Угличский, викарий Ярославский (с 1887 г.).

⁴⁹ Амфилохий, архим. Древлеславянский Карпинский апостол XIII века с греческим текстом 1072 года, сличенный по древним памятникам славянским XI—XVII в. с разночтениями греческими, заимствованными из Нового Завета издания Рейнекия 1747 года. М., 1885—1887. Т. 1—4.

⁵⁰ Амфилохий, архим. Апокалипсис XIV в., исправленный преимущественно по Апокалипсису, исправленному и писанному св. Алексием митрополитом, с картиною св. Иоанна Богослова... М., 1887.

⁵¹ Летописец, писанный св. Дмитрием в Украине с готового, 2-й редакции, до 1617 года с его примечаниями по полям... М., 1892.

⁵² А. Е. Викторов (1827—1883) — археолог и библиограф. С 1862 г. состоял хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг в Румянцевском и Московском Публичном музеях.

⁵³ Викторов А. Е. 1) Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879; 2) Стефанит и Ихнилат. М., 1880—1881; 3) Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881.

В архиве И. Е. Троицкого хранится также 11 писем Г. С. Дестуниса (1884—1887 гг.). Обсуждается здесь изданная Троицким «Автобиография Михаила Палеолога», экземпляр которой получен Дестунисом: «“Автобиография” имеет в моих глазах огромный интерес; об открытии ее слышал я от Вас лет шесть тому назад и постоянно поджидал ее напечатание. Ваше послесловие крайне полезно и нужно для читателя, потому что оно указывает настоящую точку зрения, с которой должно быть рассматриваема автобиография, а именно это апология, как Вы верно ее определили» — такую оценку дает Дестунис труду Троицкого (письмо от 15 декабря 1885 г.). Предметом трех писем становится книга пророчеств Агафангела: «Есть средневековый инок-грек Агафангел, написавший когда-то по-гречески, говорят, в XIII в., какие-то “пророчества” о будущей судьбе народов. Когда была издана эта книга, мне ни из каких данных не известно: “пророчества” же его были в разные времена между греками в большом ходу. В связи они с пророчениями Льва Мудрого и с апокрифом Мефодия Патарского, и того не знаю» (письмо от 21 апреля 1886 г.). 22 мая 1886 г. он благодарит Троицкого за присылку сборника пророчений (Συλλογή). «От первых 3 глав Агафангела, которые я успел прочесть, повеяло холодом, и почувствовалось что-то деланое. Из прежнего письма Вашего я вижу, что и Вас он не удовлетворил». Наконец, в письме от 7 мая 1887 г. Дестунис просит достать через университет ту же книгу, афинский сборник разных пророчений. «Она мне очень нужна уже по другому поводу — не ради знакомства с Агафангелом, а для уразумения ее состава». ⁵⁴ В письмах от 23 февраля и 16 мая 1887 г. Дестунис обсуждает присланный ему Троицким сборник Стефаници и по этому поводу отмечает: «Душевно Вам благодарен за присылку мне Сборника Стефаници: я уже нашел в нем несколько разночтений по одной из статей Уваровских греческих пергаминов, которые я списал, перевел и комментировал» (письмо от 16 мая).

В 60 письмах В. Н. Хитрово (1884—1896 гг.), наряду с обсуждением политических дел, касающихся восточного вопроса, встречаются сведения о рукописях. Так, 27 марта 1886 г. Хитрово пишет: «Прилагаемое при сем начало и конец греческой рукописи паломника, многоуважаемый Иван Егорович, прислан мне с таким вопросом: известен ли он и напечатан ли?». 15 апреля он снова напоминает Троицкому об отрывке рукописи. В следующем письме, от 17 мая 1886 г., Хитрово просит своего корреспондента сообщить ему какую-нибудь информацию о греческих описаниях Константинополя XVII—начала XVIII столетия, а также определить источник перечня церквей Константинополя, приведенный в рукописи Барского. ⁵⁵ В середине 80-х гг. Хитрово передавал Троицкому две рукописи — каталоги манускриптов монастырских библиотек, одна из них лавры св. Саввы Освященного. Доставлены они были архим. Антонином Капустиним. Теперь Хитрово просит вернуть их (письмо от 22 января 1888 г.). В трех последующих письмах обсуждается перевод Троицким «Сказания» Иоанна Фоки: «Последний лист Вашего перевода Иоанна Фоки отослал сегодня в типографию, остается предисловие, русский указатель к нему сделаем, но за греческий не берусь. Не найдете ли возможным поручить его составление кому-нибудь у Вас в академии?» (письмо от 17 апреля 1889 г.). В письме от 6 мая он просит Троицкого сделать заглавный титул на греческом и русском языках, а 30 июня сообщает о том, что Иоанн Фока окончен и на днях выйдет в свет. ⁵⁶ Беспокоит Хитрово и судьба недавно прибывшего в Петербург А. И. Пападопуло-

⁵⁴ Дестунис Г. С. Рукописный греческий лицевой сборник пророчений, относящийся к концу XVI в. // Древности: Труды Имп. Моск. археол. об-ва. 1890. Т. 14. С. 29—72.

⁵⁵ Эта справка была необходима, скорее всего, в связи с изданием книги: Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Издание Правосл. Палест. об-ва под ред. Николая Барсукова. СПб., 1885—1887. Т. 1—4.

⁵⁶ Троицкий И. Е. «Сказание вкратце о городах от Антиохии до Иерусалима и пр.» Иоанна Фоки (XII в.) // ППС. 1889. Т. 8. вып. 2.

Керамевса. В этой связи он приглашает Троицкого в канцелярию Палестинского общества для того, чтобы решить, какие из его трудов следует напечатать. «Кроме Вас и, конечно, Пападопуло, я позволил себе пригласить еще В. Г. Васильевского и Г. С. Дестуниса» (письмо от 26 марта 1890 г.). Наконец, 16 ноября 1891 г. Хитрово извещает своего корреспондента о том, что Г. С. Дестунис тяжело болен и находится при смерти. «Для нас это потеря, в данном случае немаловажная».

В архиве Троицкого сохранилась часть переписки с И. С. Бердниковым, профессором канонического права Казанской Духовной академии. В письме от 26 июня 1889 г. он просит Троицкого помочь ему с выпиской греческих газет; от А. С. Павлова Бердникову известно, что при газете 'Αλφεια — официальном органе Константинопольского патриархата — печатаются акты патриархата. Далее в письмах Бердникова идет речь об одном интересном каноническом вопросе, а именно о восприемниках в современной Греческой церкви. «Мне в общих чертах известно, что у греков действительно и обычаи допускают не только пару, но и многих восприемников. Но мне неизвестно, поминаются ли на молитвах многие восприемники и записываются ли в метрики». Он обращается к Троицкому с просьбой выяснить это у духовенства Греческой церкви в Петербурге. Второй вопрос, который задает Бердников своему корреспонденту, касается перевода 211-й статьи греческого Номоканона и определения значения слов в контексте этой статьи.

Троицкий подробно ответил на это письмо, и его ответ породил у Бердникова очередной список вопросов, которые он задает 8 ноября 1891 г., а именно: всегда ли требуется (у современных греков), чтобы была пара восприемников, и когда начался этот обычай; действительно ли оба восприемника держат крещаемого младенца; действительно ли поминаются в молитвах оба восприемника в двойственном числе; существует ли препятствие к браку между ними; правда ли, что восприемники называются ἀνδρούνοιν. В заключение Бердников пишет, что ему едва ли придется печатно воспользоваться этими сведениями в ближайшее время, так как А. С. Павлов, на заметку которого он собирался отвечать, сам не хотел появления ответа на нее. Ответ Троицкого на это письмо последовал 5 декабря.⁵⁷ Переписка Бердникова с Троицким по вопросу о восприемниках возникла в связи с полемикой между И. С. Бердниковым и А. С. Павловым.⁵⁸

Богатая информация содержится в 33 письмах А. С. Павлова (1878—1889 гг.). В письме от 12 ноября 1878 г. идет речь об обмене дубликатами греческих книг из библиотек обоих ученых. Здесь же с иронией обсуждается диссертация Т. В. Барсова, профессора канонического права в Петербургской Духовной академии.⁵⁹

⁵⁷ В фонде И. С. Бердникова, хранящемся в архиве Казанского университета (Ф. 10 (Казанская Духовная академия). Оп. 5. Д. 1104) находится 4 письма И. Е. Троицкого (от 20 декабря 1889 г. (л. 198—199), 2 декабря 1889 г. (л. 200—201), 24 октября 1891 г. (л. 202—203), 12 декабря 1891 г. (л. 204—205)). В последнем письме содержится ответ Троицкого на вопрос о восприемниках в Греческой церкви, со слов архим. Неофита Пагидаса, настоятеля Греческой церкви в Петербурге (справка Т. А. Богдановой).

⁵⁸ Полемика между двумя канонистами, проводившаяся в весьма резких словах, нашла свое отражение в ряде их статей по поводу книги А. С. Павлова «50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права» (М., 1887); *Бердников И. С.* Несколько слов по поводу рецензии на исследование А. С. Павлова о 50-й главе Кормчей книги. М., 1887 (2-е изд.: Казань, 1891); *Павлов А. С.* По поводу некоторых недоумений в науке православного церковного права // ЧОЛДП. 1891. Т. 1. С. 640—667; *Бердников И. С.* О восприемничестве при крещении и о духовном родстве, как препятствии к браку // Православный собеседник. 1892. Ч. 1. С. 252—254; *Павлов А. С.* Продолжающиеся недоумения по вопросу о восприемничестве // ЧОЛДП. 1893. Т. 1. С. 354—408, 483—519; *Бердников И. С.* 1) Ответ проф. Павлову на его «Продолжающиеся недоумения по вопросу о восприемничестве» // Православный собеседник. 1893. Ч. 1. С. 3—72 (в этой статье Бердников использует сведения, сообщенные ему Троицким); 2) По поводу второго издания проф. Павловым Номоканона при Трехнике. М., 1897 (Учен. зап. Казанского университета. 1899. Т. 4. С. 1—72).

⁵⁹ *Барсов Т. В.* Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.

«Итак, Барсовский патриарх потерпел *καθαίρεσις*? За ним были, конечно, разные грешки не только исторические, но и канонические, однако ж, по моему мнению, не такие, которые бы не допускали некоторой *οἰκονομίας* или *dispensationis*. Большой ли, например, грех, что мой питерский однокашник не умеет отличить Эклоги от Эпанагоги? Мало ли книг на свете? всех не пересчитаешь! Но скверно, если канонист так заявляет о своем незнакомстве с Эклогами и Эпанагогами, что отсюда видно и полнейшее незнание нашей Кормчей: такой грех не отпустится ни в сий век, ни в будущий».

В двух письмах от февраля—марта 1879 г. идет речь о «Законодательстве иконоборцев» В. Г. Васильевского, сочинении, от которого Павлов остался в восторге («прелестная вещица»). Интересуется Алексей Степанович работой Троицкого над сочинениями Арефы: он спрашивает, полностью ли намерен издавать их его корреспондент или *κατ' ἐκλογήν*; те из них, которые касаются канонических вопросов, уже давно им списаны и готовы к изданию. Однако Павлов не собирается становиться на чьем-либо пути и согласен уступить Троицкому издание этого текста. Сам он испугал далеко не приятные чувства, когда увидел в печати труд Васильевского о законодательстве иконоборцев, ибо он сам много потрудился над московскими рукописями, содержащими эти памятники. «Чем скорее возьметесь за Арефу, тем лучше. Само собою понятно, что нужно издавать всего Арефу, всего Глику, всего Льва Хонского», — продолжает Павлов этот разговор в письме от 23 марта 1879 г. Два сочинения митр. Льва Хонского он сам намеревается издать в «Университетских записках» (письма от 18 и 23 марта). «Сочинения Льва Хонского еще раз проверены мною по рукописи. Это — в[есьма] редкая в византийской письменности штука: прямо выхвачена из жизни и болтовни не так много, как у Вашего Арефы» (письмо от 22 февраля 1880 г.). В письме от 17 декабря 1881 г. Павлов сообщает о своем намерении издать в «Христианском чтении» византийские *Ἀνέκδοτα* по брачному праву и статью по поводу книги прот. М. И. Горчакова «О тайне супружества». «В среде юристов установился взгляд на о. Горчакова как благодетельного реформатора и сведущего обличителя канонической несостоятельности наших церковных законов о браке. Словом: юристы вполне усвоили взгляд самого автора на книгу как на необходимую и давно желательную инструкцию Св. Синоду по предмету его дальнейшей законодательной деятельности в брачных делах» (письмо, датированное Пятидесятицей 1882 г.). Сам Павлов невысокого мнения об этой книге, о чем он говорит и в своей статье.⁶⁰

В письмах А. С. Павлова мы находим и его суждение об организации РАИКа: «Вероятно, Вы (и Василий Григорьевич, которому передайте мой низкий поклон) получили от нашего посла в Константинополе (Нелидова) письмо с просьбой сообщить свои мысли насчет предполагаемого там “ученого учреждения, посвященного собиранию и разработке научного материала на всем протяжении христианского и мусульманского Востока в этнографическом, археологическом, художественном и богословском отношениях”. Мысль, конечно, добрая. Но я довольно смутно представляю себе способы и формы ее осуществления. Думаю рекомендовать следующее: 1) облегчить (т. е. удешевить) для русских ученых путешествия на Восток, как Палестинское общество облегчило для богомольцев путешествие во Св. Землю; 2) доставить те же удобства и греческим ученым, предпринимаящим путешествие к нам; 3) облегчить и ускорить обмен духовных про-

⁶⁰ Павлов А. С. Историко-юридическое значение 50-й главы Кормчей // ХЧ. 1882. Ч. 1. С. 367—404; 1883. Ч. 1. С. 358—406; 1884. Ч. 1. С. 370—419. Памятники византийского брачного права изда ны Павловым в 1898 г.: Павлов А. С. Сборник неизданных памятников византийского церковного права. СПб., 1898.

изведений между православным Востоком и Севером; 4) учредить в Константинополе музей и библиотеку как необходимые средства к осуществлению указанной идеи; 5) не связывать с научными целями политических и в особенности не вносить в деятельность предположенного учреждения ничего такого, что могло бы усиливать национальную рознь и вражду между православными греками и славянами» (письмо от 2 декабря 1887 г.).

И. Е. Троицкий вел переписку и с главой петербургского византиноведения акад. В. Г. Васильевским. В архиве ученого хранится 13 писем Васильевского 1883—1894 гг. 31 марта 1883 г. он посылает Троицкому для напечатания в «Христианском чтении» два своих сообщения в Филологическом обществе: о Феодосии-Кафе против Д. А. Хвольсона и о Ρῶς Симеона Метафраста. С письмом от 17 июня 1879 г. Васильевский препровождает два московских кодекса: «Житие Ксантиппы и Ревекки, о списании которого я Вас просил похлопотать, находится в большем кодексе и начинается на 259-м листе recto. Житие Афанасия Афонского пусть тоже полежит пока у Вас. Я не успел его изучить надлежащим образом. Думаю, что в Москве не очень будут сердиться на просрочку». Пишет Васильевский и о том интересе, который вызвало появление в свет «Автобиографии Михаила Палеолога» у В. К. Эрнштедта: «Пробежав слегка автобиографию Михаила Палеолога и ничего особенного не придумав, я передал экземпляр, которым Вы меня снабдили, нашему эллинисту Виктору Карловичу Эрнштедту... Он сейчас же отнесся к делу весьма серьезно и даже возгорел желанием поглядеть в подлинную рукопись, если это возможно, — нельзя ли в ней прочесть что-нибудь из непроценного... Эрнштедт, право, очень хороший человек, а насчет палеографии и восстановления текстов — первейший дока» (письмо от 21 сентября 1884 г.).

Письмо от 22 ноября 1893 г. посвящено предстоящему избранию В. В. Болотова в члены-корреспонденты Имп. Академии наук. «Дело касается представления кандидатов в члены-корреспонденты Императорской Академии наук. В число их у нас внесен и Ваш ученик, В. В. Болотов. Но меня, участника в этом представлении, смущало то обстоятельство, что таким образом будет обойден сам его учитель, также имеющий право на всякую ученую почесть... Лично для меня большую силу имело то представление, что Ваше избрание имело бы какой-то обычный и формальный характер и могло бы быть объясняемо, между прочим, отношениями товарищества и дружбы. Этого не будет при избрании Болотова, и потому оно будет иметь более выразительности и значения... Прошу Вас о следующем: 1) предупредить Василия Васильевича — впрочем, только конфиденциально — о предстоящем через десять дней баллотировании его в нашем (третьем) отделении. Согласия его для этого не требуется. 2) Но мне нужно иметь список всех его ученых трудов, а я имею под рукой только некоторые из книжек Христ. чтения, где есть его статьи. Недурно было бы, если бы он сам или через Ваше посредство (последнее пока, пожалуй, лучшее) доставил бы мне и оттиски двух-трех из своих последних исследований (о папе Либереи и т. д.), дабы я мог утереть нос А. А. Кунику, который что-то там ворчал по своему неведению. Список трудов В. В. Болотова, конечно, составит сам по Вашему требованию.⁶¹ 3) Было бы верхом благодеяния, если бы Вы взяли на себя и составление краткой записки о характере и заслугах ученой деятельности кандидата, которую я от своего имени прочитал бы в заседании Отделения 1 декабря. Нужно не более 40—50 строк».

Одним из близких учеников И. Е. Троицкого по Духовной академии был И. С. Пальмов. В 1880 г. Пальмов был командирован за границу для ознакомления

⁶¹ Этот список трудов В. В. Болотова впоследствии был опубликован А. И. Бриллиантовым: ХЧ. 1907. Январь. С. 250—263.

с письменными и материальными памятниками славянских народов. По возвращении в Петербург он читал курс лекций по истории славянских церквей. В архиве Троицкого хранится его представление в Церковно-историческое отделение Академии (2 л.), где говорится о необходимости открыть при кафедре Новой общей церковной истории приват-доцентуру для истории славянских церквей и дается характеристика Пальмова как подходящего кандидата на это место. И. Е. Троицкий и В. И. Ламанским была составлена инструкция для Пальмова, отправляющегося в заграничную командировку. Текст этой инструкции хранится в архиве И. Е. Троицкого (5 л.). «Главной Вашей задачей д[олжно] б[ыть] изучение а) письменных и б) вещественных памятников минувшей жизни славянских церквей ближайшим образом в видах восполнения пробелов, встречающихся в их истории». Пальмову рекомендуется посетить все те местности, где можно найти такие памятники, и прежде всего библиотеки и музеи. Исходным пунктом должна стать Прага; у восточных славян (православных) следует изучать области, смежные с юго-западными славянами. Наставники предупреждают Пальмова о тех критических замечаниях по его диссертации о гуситах, которые могут возникнуть со стороны католиков: преувеличение восточного элемента в вопросе о Чаше; преувеличения его в отношении к Гусу (Л. 3). Далее Пальмову следует снять копии с наиболее важных памятников или, по крайней мере, описать их с указанием содержания и отметкой даты, если она есть. То же относится к вещественным памятникам. Необходимо тщательно отмечать «все следы восточного влияния — литературного (в письменных памятниках), художественного (в вещественных) и бытового (в формах жизни — преимущественно церковной. Здесь разумеются гл. обр. народные обычаи вроде славленья, христосования, обряды домашнего обихода — свадебные и др.)». И наконец, Пальмову рекомендовалось «по возможности точно определить границу восточного влияния в юго-западных землях, степень этого влияния и пути, по которым оно проводилось».

В архиве Троицкого хранится 29 писем И. С. Пальмова 1881—1889 гг. Первое из них (от 21 ноября 1881 г., 8 л.) повествует о его работе в Австрийской Галиции, с которой он, по совету В. И. Ламанского, начал свое ученое путешествие. «Львов представляет также большой простор для любителей архивной пыли: здесь есть множество общественных и частных библиотек и архивов». Далее он подробно описывает сокровища этих библиотек (имени Оссолинских, университетской, русского «Народного дома», архива Ставропигийского института, отцов базилиан, доминиканцев, Львовской греко-униатской митрополии и частных лиц) и отмечает те трудности, с которыми столкнулся. Особо Пальмов подчеркивает наличие нескольких неизданных греческих грамот восточных патриархов, хранящихся в подлинниках и копиях в Ставропигийском институте. В конце письма говорится о том значении, которое имело для него пребывание во Львове как с точки зрения работы с церковно-историческими документами, так и для знакомства с учеными города. После пятидневного пребывания во Львове он отправился в Перемышль, а оттуда в Краков (письмо от 29 декабря/10 января 1882 г., 1 л.). Наконец в середине января он прибыл в Прагу, откуда, по первоначальному замыслу Троицкого, и должна была начаться его командировка. Пражский период работы начинается с письма от 26 января 1882 г. (4 л.). Пальмов не находит интереса в слушании университетских лекций и потому занимается в библиотеках. Благодаря содействию хранителя чешского Народного музея А. О. Патеры он имеет возможность пользоваться печатными книгами и рукописями большинства пражских библиотек. Читает он рукописи по гуситскому вопросу и даже обнаружил одну до сих пор не известную ученому миру рукопись — о пребывании греков в Праге в 1437 г. В следующем письме (от 28 марта/9 апреля 1882 г., 4 л.) Пальмов продолжает свой

отчет о работе в библиотеках Праги, а также обсуждает письмо В. В. Болотова.⁶² Самому Болотову писать он не решается, так как «писать ему — значит оскорблять его западнофильское, или, точнее, немцефильское чувство», поэтому он защищается от нападок Василия Васильевича в письме Троицкому. Пальмов пишет, что тенденций «тащить Гуса в православие» он никогда без оснований не имел, и считает для себя необходимым строго научный, объективный метод исследования. Что касается сомнений Болотова насчет влияния кирилло-мефодиевского православия на характер чешской реформации, то здесь Пальмов категорически отстаивает свою правоту и в качестве доказательства приводит тот факт, что в XIV в. в святцы Чешской церкви были внесены имена свв. Кирилла и Мефодия. Из дальнейших писем мы узнаем, что писем Болотова к Пальмову периода его заграничной командировки было не одно, которое сохранилось в архиве, а несколько, и писались они по поручению И. Е. Троицкого, который, по-видимому, не имел достаточно свободного времени для обстоятельных наставлений своему ученику.

По приезде в Белград летом 1882 г. Пальмов принялся за детальное изучение печатных и рукописных материалов по южнославянской церковной истории. «Южнославянские книги у нас чуть не библиографическая редкость. А между тем здесь выходят книжки, и не так плохие, как думает Василий Васильевич. По крайней мере здесь усердно занимаются изданием своих старых памятников — и каждый год приносит что-нибудь новое». Пальмову удалось также открыть в рукописях Народной библиотеки новую редакцию жития князя Лазаря (письмо от 20 сентября 1882 г., 4 л.). Списал он также несколько греческих хрисовулов Стефана Душана и греческих императоров в пользу отдельных сербских и болгарских церквей (письмо от 20 октября 1882 г.). «На покупку рукописей рассчитывать не могу. Да и вообще трудно покупать там, где делают непомерные запросы, далеко не отвечающие стоимости рукописей. Может быть, это легче будет сделать на Балканском полуострове, а до сих пор мне не удавалось даже встречать продажные рукописи» (то же письмо).

Следующее письмо (от 26 декабря/7 января 1883 г., 4 л.) отправлено уже из Вены, где Пальмов занимался просмотром рукописей по чешской истории. Удерживал его здесь и другой интерес. Еще в Белграде он узнал, что в Мюнхене хранится рукопись с сочинениями охридского архиепископа Димитрия Хоматиана, содержащая сведения, важные для церковной истории сербов и болгар (письмо от 20 октября). Находясь в Вене, Пальмов ходатайствовал о выписке рукописи в Венскую придворную библиотеку. «Так как целая рукопись (около 300 л.) содержит в себе материал, до сих пор не изданный и по суду компетентных ученых весьма важный для истории церкви на Балканском полуострове, то я хотел бы снять с нее копии, т. е. приготовить ее к изданию. Правда, для переписки потребуется много времени, но ведь я могу взять себе и помощников за известный гонорар. По наведенным справкам я знаю уже по крайней мере оглавление статей, содержащихся в рукописи» (письмо от 26 декабря/7 января 1883 г.). Далее в том же письме он представляет Троицкому это оглавление (28 пунктов на 2,5 л.). Однако здесь Пальмова ждало разочарование. Письмом от 15/27 апреля 1883 г. (4 л.) он сообщает, что получил разрешение пользоваться мюнхенской рукописью в Вене, только не сразу, а когда она будет возвращена кардиналом Питрой из Рима. «Разумеется, далее ждать я не могу, тем более что все другие свои занятия в Вене я уже кончил. На всякий случай я поручил дело переписки некоторых отделов мюнхенской греч[еской] рукописи своим знакомым в Вене опытным скрипторам. Пожалуй, было бы лучше,

⁶² См. издание этого письма: *Герд Л. А.* Неизданное письмо В. В. Болотова И. С. Пальмову // *ХЧ.* 2000. Т. 19. С. 39—81.

если бы кард. Питра издал столь интересный для истории греческой и славянских церковей памятник Димитрия Хоматинского». ⁶³

Письмо от 30 августа 1883 г. (9 л.) отправлено из Константинополя, куда Пальмов прибыл за неделю до этого. Посетив Загреб, Любляну, Триест, Задр, Сплит и Черногорию, Пальмов прибыл в Болгарию, где ему, вопреки ожиданиям, не удалось приобрести никаких рукописей. «О рукописных сокровищах в Болгарии я не раз слышал преувеличенные отзывы путешественников... Почти во всех местах, где по указаниям и преданию должны были храниться какие-нибудь памятники старины, почти единогласно отвечали, что существовавшие рукописи истреблены турками или — даже в недавнее время — греками». Сообщает он в своем письме о работе с греческими рукописями Иерусалимского подворья в Константинополе, где он начал переписывать корреспонденцию адрианопольского митрополита Неофита с Алексеем Михайловичем. «Библиотека, — продолжает Пальмов в следующем письме (от 15 октября 1883 г., 8 л.), — ...заключает в себе более 600 рукописей каталогизированных — с неизвестными прибавками, сказывающимися где-то κάτω — в недоступном для постороннего посетителя месте. На мое желание посмотреть их библиотекарь отвечал, что там неважные рукописи (δεν ώφέλιμα χειρόγραφα [sic!]). Предполагаю, что есть славянские рукописи, о которых каталог умалчивает, но о существовании которых заставляют меня предполагать встречающиеся на книгах славянские приписки, оберточные листы с славянскими письменами, одна даже виденная мною славянская Псалтырь». Многие материалы поствизантийского времени Пальмов скопировал.

В константинопольских письмах Пальмов жалуется на подозрительность греков к русскому ученому; ему приходится скрывать свои занятия славянством и утверждать, что он занимается византийской церковной историей. Сообщает он сведения и о греческом ученом мире: «До сих пор Гедеон и К^о ученых здешних греков считали Вас чуть не семидесятилетним стариком, а я в свою очередь заметил 32-летнему Гедеону, что заочно я считал его шестидесятилетним старцем. О Вашем труде об Арсени и арсенидах они узнали от меня только в первый раз. Вообще знакомства здесь с русской литературой почти нет, даже у тех, которые воспитывались в России; да и стремление к науке здесь почти незаметно» (письмо от 15 ноября 1883 г.). В письме от 1 января 1884 г. Пальмов сообщает о своем посещении Афона. В славянских монастырях он не встретил препятствий для своих занятий, зато в греческих, несмотря на рекомендательные письма, он получил очень мало рукописей, и даже те, что получил, ему не разрешили списывать. Пальмов побывал и на о. Патмосе, где «рукописей всех на пергамене и на бумаге около 600. Каталога пока нет, а готовится подробное описание всех рукописей: половину труда взял на себя бывший патмосский дидаскал, а теперь кустос рукописного отделения в Афинской университетской библиотеке Иоанн Сакеллинос... другую половину работает библиотекарь иеромонах Иерофей» (письмо от 15 апреля 1884 г.). ⁶⁴

В архиве Троицкого хранятся также несколько писем Пальмова, которые тот отправлял ему из своих зарубежных поездок более позднего времени. Так, в письме из Афин от 29 марта 1893 г. (4 л.) он говорит о занятиях в библиотеках и, кроме того, высказывает свой взгляд на создание Археологического института: «Я имел возможность немного ознакомиться с немецким Археологическим институтом и нахожу, что это тот идеал, который может быть желателен, но что нам, русским, нужно в самой России устроить что-либо подобное, прежде чем стремиться уст-

⁶³ Текст этой рукописи опубликован: *Pitra J. Analecta sacra et classica, spicilegio Solesmensi parata. Romae, 1891. Vol. 6.* Критическое издание: *Demetrii Chomatani Ponemata diaphora. Berolini, 2002.*

⁶⁴ Πατριακή Βιβλιοθήκη ... υπό Ἰωάννου Σακελλίωτος. Ἀθήναι, 1890; рецензия Г. С. Де-стуниса: ЖМНП. 1891. Апрель. С. 426—437.

раивать за границей». Далее Пальмов описывает порядок в немецком Археологическом институте. Устройство Русского археологического института в Афинах он находит нежелательным, во-первых, из-за отсутствия средств, а во-вторых, из-за нереальности, на его взгляд, соперничать с институтом немецким. «Не думаю я, чтобы мог хорошо пойти наш институт не для классической, а для византийской археологии и в Константинополе», — заключает Пальмов. Единственным подходящим лицом для руководства РАИКом мог бы стать, на его взгляд, Н. П. Кондаков. Последнее письмо Пальмова из архива Троицкого датируется 2/14 июля 1894 г. и отправлено из Карлсбада. В нем Пальмов рассказывает о своей встрече в Берлине с «профессорским стипендиатом» Б. А. Тураевым: «Это — прекрасный молодой человек и многообещающий русский египтолог». Там же он познакомился с болгарским ученым В. И. Златарским, который окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и приехал для изучения археологии.

В архиве хранится 20 писем И. В. Помяловского за 1880—1891 гг., в которых помимо обсуждения конкретных университетских дел он просит Троицкого снабдить его по возможности полной библиографией трудов Евгения Булгариса.⁶⁵ «В биографии Евгения, написанной Вретосом, сказано, что все его книги завещаны им dans la bibliotheque du couvent de Nevsky. Нет ли ее в Академии? По другим же сведениям, часть его книг поступила в Казанскую академию. Об этом я написал в Казань, а о первом не дадите ли сведений Вы как знаток Академической библиотеки?» (письмо от 8 июля 1887 г.). В ряде писем говорится о переписывании жития св. Саввы Освященного с пергаменного сборника № 23 из Чудова монастыря.⁶⁶ «В числе славяно-русских рукописей Чудова монастыря под № 23 находится пергаменный сборник, содержащий в себе между прочими статьями житие св. Саввы Освященного. Судя по некоторым выдержкам из него, которые мне пришлось сделать случайно, теперь житие его очень любопытно, и мне было бы желательно и даже необходимо иметь с него список слово в слово, страница в страницу, буква в букву, знак в знак (т. е. без разрешения титл и с соблюдением интерпункции рукописной, а не современной)» (письмо от 9 июня 1888 г.). Поскольку выписать этот кодекс в Петербург было затруднительно, Помяловский просит содействия Троицкого в организации переписывания текста на месте: «Быть может, в Москве о. ризничий... знает какого-нибудь способного монашка или молодого человека из светских, который взялся бы исполнить этот список. Я получал подобные вещи из Казани и платил за копию со всего Жития 25 рублей. Эту же сумму я готов дать и за список с Чудовской рукописи и вышлю деньги по первому требованию» (там же). Если Троицкий не сможет выполнить эту просьбу, то Помяловский предполагал действовать через Победоносцева (письмо от 15 июня 1888 г.). В следующем письме (без даты) он благодарит своего корреспондента за хлопоты и дает конкретные рекомендации по выполнению копии.

В письме архим. Леонида Кавелина от 10 сентября 1889 г. обсуждается текст «Сказания Иоанна Фоки», недавно изданного Троицким. Леонид обращает внимание на два места этого произведения, на его взгляд, недостаточно подробно прокомментированные Иваном Егоровичем. Первое — это § 20, где автор «Сказания» сравнивает долину Мертвого моря с долиной Ахридского (Охридского) озе-

⁶⁵ По-видимому, сведения нужны были И. В. Помяловскому для передачи французскому ученому Эмилю Леграну, с которым он тесно сотрудничал. См. об этом: *Медведев И. П.* Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна // Учен. зап. Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 5. С. 205—216.

⁶⁶ *Помяловский И. В.* Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. СПб., 1890.

ра, которое разливалось и наполняло своими водами окрестные овраги. Иоанн Фока был хорошо знаком с этой местностью, так как, вероятно, присутствовал при строительстве укреплений в горах к западу от озера. Второе место, привлекшее внимание архим. Леонида, — это § 23—24 о «великом муже ивере», с «которым Фока виделся в первый раз в Атталии, а второй — когда тот был в затворе в Лавре св. Герасима на Иордане». Леонид хотел бы выяснить, кто был этот великий старец.

В архиве Троицкого хранятся 7 писем настоятеля русской посольской церкви в Афинах архим. Геннадия. Упомянется в них о пребывании в Афинах молодых византинистов В. Регеля и П. Безобразова (письмо от 23 декабря 1886 г.). Геннадий отвечает на просьбы Троицкого, касающиеся новейшей библиографии и приобретения книг по церковной истории: «О новостях в церковной литературе, и особенно по церковной истории, я решился лучше обратиться к специалисту по этой части г. Регелю, и он сделал выписку всех известных ему сочинений по этой части, которую и посылаю Вам. Может быть, многие из них Вам уже известны, но надо заметить, что здесь не так часто выходят духовные сочинения, потому что решающийся приступить к изданию их должен прежде быть готовым расплатиться из собственного кармана за то, чтобы видеть труд свой в печати». Последующие письма содержат в себе известия о пересылке Троицкому греческих книг — толкований Евфимия Зигавина (7 февраля 1887 г.), истории Папарригопуло,⁶⁷ греческой истории С. Ламброса,⁶⁸ предлагает Μνημεῖα Ἑλληνικῆς ἱστορίας К. Сафы в пяти томах⁶⁹ (18 декабря 1887 г.); сообщает об издании первой книжки описания библиотек афонских монастырей (28 декабря 1888 г.). Письмом от 26 мая 1889 г. Геннадий рекомендует Троицкому греческого ученого архиеп. Никифора Калогераса, который отправляется в Москву для занятий рукописями Синадальной библиотеки, относящимися к эпохе Флорентийского собора и Геннадия Схолария. Калогерас возлагает большие надежды на то, что Троицкий поможет ему своими советами и участием в этой работе; для встречи с ним он приедет в Петербург.

В письме акад. Ф. И. Буслаева от 31 августа 1879 г. идет речь о рукописи Лицевого Апокалипсиса из Новгородско-Софийской библиотеки, которая по просьбе А. Е. Викторова (см. его письмо Троицкому от 17 августа 1879 г.) была выслана Буслаеву для его работы над Лицевыми Апокалипсисами.⁷⁰

Архивные материалы, представленные в настоящем очерке, лишь отчасти характеризуют наследие И. Е. Троицкого в области истории Византии; более полное представление о его ученой деятельности можно будет составить после знакомства с документами из его личного фонда, хранящимися в ЦГИА СПб. (Ф. 2182). И наконец, введение в научный оборот материалов по его учебно-педагогической работе, истории русского раскола и Олонецкой губернии, восточному вопросу конца XIX в. позволит представить исчерпывающую картину наследия И. Е. Троицкого, одного из лучших историков церкви, к сожалению, малопопулярного в наше время.

* * *

По завершении обзора основного фонда И. Е. Троицкого приступим к рассмотрению второй части его архива, хранящейся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (к сожалению, материалы из этого архива

⁶⁷ *Παπαρρηγόπουλος Κ.* Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους. Ἀθήναι, 1865. Т. 1—6.

⁶⁸ *Λάμπρος Σπ.* Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος, μετ' εἰκόνων, ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι τῆς Ἀλώσεως. 1886—1908. Т. 1—6. Здесь имеются в виду первые тома издания.

⁶⁹ См. сн. 31.

⁷⁰ *Буслаев Ф. И.* Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX. М., 1884.

были для нас недоступны во время написания очерка, поэтому излагаем их содержание в виде особого добавления, которое завершает наш обзор).

Личный архив И. Е. Троицкого в ЦГИА СПб. (Ф. 2182. Оп. 1. 255 дел) поступил в 1955 г. из ЦГИА. Фонд прошел архивную обработку, впрочем, не лишённую серьезных недочетов и ошибок в датировках и атрибуции документов. Как и в архиве из ОР РНБ, материалы ученого отражают различные сферы его деятельности: изучение русского раскола, учебно-педагогическая работа, византистика и политика Русской церкви на православном Востоке. Следует заметить, что архив в ЦГИА СПб особенно богато представляет источники по последнему вопросу.

Тем не менее историк Византии также может найти здесь немало интересных для себя материалов. Прежде всего следует отметить дневник Троицкого за девять лет – с октября 1890 г. по июль 1899 г. (Д. 1—13). Записи здесь большей частью очень краткие: это упоминания о встречах, полученных и отправленных письмах, прочитанных книгах и, наконец, информация повседневно-бытового характера. В связи с посещениями византистов Троицкий кратко записывал содержание разговоров с ними. Целый ряд таких записей касается визитов В. Г. Васильевского. Так, 17 октября 1890 г. Троицкий пишет: «Вечером посетили меня В. В. Болотов, И. С. Пальмов и В. Гр. Васильевский... Последний носитя с проектом учреждения Византийского общества при Палестинском обществе. Я обещал ему свою подпись под его проектом» (Д. 1. Л. 17). Васильевский посетил своего коллегу с планом общества через два месяца: «17 [декабря]. Понедельник. В половине 4 был у меня В. Г. Васильевский с вестями относительно проектируемого филиального отделения при Палестинском обществе. Напутано немало...» (Там же. Л. 55). Как активный член Палестинского общества Троицкий не замедлил обсудить этот проект с секретарем общества В. Н. Хитрово: «23 [декабря]. Воскресенье... Посетил меня В. Н. Хитрово, с которым был горячий разговор о расширении программы ученого отделения при Палестинском обществе вместо открытия при нем филиального общества под именем Византийского» (Там же. Л. 59). Наконец, в записи от 31 декабря 1890 г. Троицкий окончательно определил свою позицию в этом вопросе: «Во время обеда навестил меня В. Г. Васильевский, который все носитя с мыслью об учреждении Византийского общества при Палестинском. Я откровенно признался ему, что предпочел бы расширение программы ученого отделения при Палестинском обществе учреждению при нем особого общества, и решительно отклонил от себя честь председательства в этом обществе» (Там же. Л. 63—64). Авторитет Троицкого сыграл решающую роль в этом деле, и уже 23 января 1891 г. он пишет, что узнал от В. Н. Хитрово о провале проекта В. Г. Васильевского (Д. 2. Л. 11). Через три года Троицкий так же скептически отнесется и к идее учреждения «Византийского временника». 23 декабря 1893 г. он оставляет следующую запись в дневнике: «К завтраку пришел В. Г. Васильевский и разделил оный со мною. Он носитя с проектом периодич. издания о Византии на русском языке и ищет моего содействия посредством исходатайствования из Дух. Ведомства субсидии на издание. Но я, по разным причинам, отклонил от себя эту миссию» (Д. 7. Л. 46). Иначе отнесся Троицкий к идее Васильевского об учреждении Византийского общества для издания памятников и исследований по истории и древностям Византии (запись в дневнике от 28 мая 1893 г. Там же. Л. 74). Единственное обстоятельство, смущавшее его в этом проекте, было близкое участие в нем Т. И. Филиппова, с которым Троицкий был в крайне натянутых отношениях. Столь настойчивое обращение Васильевского к Троицкому за содействием в организации различных предприятий по византистике было обусловлено большим авторитетом последнего в ученых кругах и, главным образом, его близостью к К. П. Победоносцеву. Этим же объясняется и визит

Ф. И. Успенского 22 августа 1894 г.: «До завтрака посетил меня Ф. И. Успенский, директор Р[усского] археологического института в К[онстантинопо]ле и просидел с пол. 11-го до 12 ч. Разговор вращался около его назначения. Оказывается, что он получил лишь краткий [?] и никаких практических указаний. Применение общих [положений] устава в подробностях предоставляется ему самому. Эти полномочия были бы хороши, если бы даны были хорошие материальные средства для их осуществления; но когда самому приходится изыскивать и средства, то полномочия являются пустым декорумом и — даже обузой. Я посоветовал ему представиться К. П. П-ву» (Д. 8. Л. 113). Очевидно, что только необходимость и надежда на содействие Троицкого в Синоде могли заставить Успенского обратиться за советом к своему строгому рецензенту. Знакомясь с книгами по истории Византии, Троицкий кратко записывает свои впечатления от прочитанного. Так, например, «Историю Гиббона» он оценивает как «труд серьезный, вызывающий на размышления... Много увлечений, односторонностей, пристрастия, поспешных обобщений и выводов, но много и правды, трезвых мыслей и суждений, и на всем лежит печать искренности...» (Д. 4. Л. 22).

Среди многочисленных известий о жизни Духовной академии, рассеянных по страницам дневника ученого, обращает на себя внимание описание заседания академического Совета 11 октября 1891 г. «Заседание было оживленное, — пишет Троицкий. — Больше двух часов велась борьба из-за замещения кафедры Св. Писания Н[ового] З[авета] между сторонниками А. Рождественского с одной стороны и Н. Глубоковского. В. В. Болотов говорил около часу в пользу первого против второго, причем сделал весьма серьезный детальный разбор книги г. Глубоковского с целью доказать, что по складу своего ума, ученым приемам и предварительной подготовке он менее пригоден для кафедры Св. Писания, чем Рождественский. За Глубоковского особенно горячо говорили пр[еосвященный] ректор и М. И. Каринский; но так как они опирались лишь на отзывы других, то их аргументация не могла быть убедительной. Победа осталась за сторонниками Рождественского, который получил 9 избирательных голосов против 4 в пользу Глубоковского и 2 в пользу Бронзова, кандидатура которого была выставлена А. Л. Катанским и поддержана одним лишь Е. И. Ловягиным» (Там же. Л. 50). Это свидетельство, записанное непосредственно после заседания, является интересным дополнением к сведениям из протоколов заседаний Совета Духовной академии. Дневник Троицкий вел на склоне своей жизни, поэтому неудивительно было найти в нем оценку многолетних ученых трудов автора. «19 [апреля 1891 г.]. Пятница. Сегодня — день моего ангела. Мне исполнилось 59 лет. Господи! Как много я уже прожил и как мало сделал! Неужели и мне придется увеличить собою коллекцию ленивых и нерадивых рабов, скрывших талант свой в землю? А как этого не хотелось бы! И тем более, что я никогда не был в сущности ленивым и нерадивым, а напротив, был всегда ретивым паче меры... Но плохо рассчитывал свои силы и свое время. С самого детства меня снедала жажда знания, и я удовлетворял ей страстно и без разбора: с жадностью хватал и поглощал все, что попадало под руку. Она остается со мною и до настоящего времени; но результатом неразборчивого ее удовлетворения оказалось а) крайнее ослабление моего зрения, мешающее мне предаваться ей с прежней энергией, б) переполнение моей головы массой совершенно не нужных мне сведений, в) ослабление памяти, с трудом воспринимающей новые знания и еще трудней удерживающей оные, г) много начатых и неоконченных работ... Между тем теперь я не только теоретически предполагаю, но и чувствую, что время сокращено есть прочею и что пора подводить итоги сделанному... Удастся ли мне довести до конца по крайней мере хоть часть того, что мною начато в надежде на избыток сил и времени?» (Д. 2. Л. 10—11).

Ряд материалов в фонде Троицкого касается его участия в организации РАИКа. Сюда относится в первую очередь его отзыв на проект профессоров Новороссийского университета и записку императорского посольства в Константинополе, составленный по просьбе Победоносцева в середине ноября 1888 г. (Д. 161. Л. 2—8). Вполне присоединяясь к основной мысли авторов проекта и к способу ее осуществления, Троицкий со своей стороны вносит ряд дополнений и уточнений, касающихся кандидатов из Духовных академий. Он настаивает на том, чтобы посылаемые на стажировку в РАИК от Духовных академий во все время пребывания их в институте находились в ведении Св. Синода, а в своих занятиях руководствовались специальными программами, которыми их будут снабжать духовные учреждения. Основанию РАИКа посвящены также два письма, адресованные Троицкому: А. И. Нелидова от 12 ноября 1887 г. (Д. 176. 2 л.) и П. Б. Мансурова от 20 мая 1890 г. (Д. 172. 2 л.). Письмо Нелидова касается общей постановки вопроса о необходимости создания русского научного учреждения в столице Турции, а в письме Мансурова речь идет о конкретных затруднениях в организации института со стороны Министерства финансов; Мансуров просит содействия Троицкого в преодолении этих затруднений. Впрочем, РАИК в представлении Троицкого должен был выполнять не только научные, но и политические функции. Особенно очевидным это становится после ознакомления с сопроводительным письмом ученого к письму Г. П. Беглери от 18 мая 1889 г., составленным для К. П. Победоносцева. «Находка Г. П. Беглери, — пишет Троицкий, — заслуживает особого внимания. Если бы его предположение о том, что в монастыре, на месте которого он производит свои раскопки, существовала некогда богадельня для русских, то кроме того, что этот факт представляет глубокий историч. и археол. интерес, мы могли бы на нем основать целый план действий. Как к стати был бы теперь в Константинополе проектируемый Р[усский] археол[огический] институт! Он мог бы оказать большие услуги. Но, к сожалению, мы постоянно запаздываем... (и вследствие этого на то, что могли бы сделать на гроши, приходится затрачивать сотни тысяч и, кроме того, преодолевать массу затруднений. — *Зачеркнуто Е. И. Троицким. — Л. Г.*) Во всяком случае нам не мешало бы сделать попытку приобрести участок земли, на котором находятся развалины, пока цена ему — грош... Затем, когда откроется Р[усский] археол[огический] институт, пусть они (афонские монахи. — *Л. Г.*) передадут ему этот участок земли для ученых раскопок. Дальнейший план действий будет зависеть от результатов этих раскопок. Если окажется, что действительно эта местность так или иначе связана с нашей историей, тогда можно будет завести переговоры с турец[ким] правительством о возобновлении монастыря как историч[еского] памятника» (Д. 138. Л. 8—9). Первоначально, по мнению Троицкого, там можно было бы устроить музей и помещения для администрации РАИКа, а затем построить церковь и основать русский монастырь — еще один опорный пункт России на Востоке, причем в самом Константинополе. Хотя этот план и не был осуществлен, он ярко характеризует основное направление деятельности Троицкого: для него научные занятия в значительной мере были подчинены церковно-политическим планам России на Востоке. Теми же соображениями руководствовался Троицкий и в своем стремлении помочь изданию сочинений М. Гедсона. Несмотря на предупреждения Г. П. Беглери и архим. Арсения, настоятеля русской посольской церкви в Константинополе, которые писали о нетактичности и даже неблагодарности Гедсона, стремившегося получить как можно большую сумму за свои сочинения и обеспечить их издание на много лет вперед, Троицкий настаивает на продлении субсидии. «Для нас, русских, главный интерес его издания заключается в сведениях о местностях, которые принадлежали нам в Константинополе еще за 100 лет пред сим (значит, начало их приобретения восходит к гораздо более раннему времени, м. б. даже к визант. периоду). Нечто

подобное он сделал для наших монашеских поселений на Афоне в своем издании под названием “Афон” (Αθως). Собранные в этом издании документальные данные о русских поселениях на Афоне много содействовали восстановлению и укреплению наших прав на эти бывшие наши поселения. Подобную же услугу могли бы оказать нам и собранные им сведения о наших поселениях в Константинополе» (письмо К. П. Победоносцеву от 22 марта 1888 г.: Д. 137. Л. 6).

Как историк церкви Троицкий не делил ее на историю Византии и историю, выходящую за пределы 1453 г.; в хорошо знакомой ему истории Византийской церкви он видит корень и объяснение явлений церковной жизни конца XIX в. Особенно ярко это проявилось в эпизоде чествования 1000-летия памяти патр. Фотия. Знаменитый в истории Византии иерарх был причислен к лику святых Константинопольской церковью в 1847 г. Русский Синод имел свой взгляд на прославление Фотия, что и выразилось в организации торжеств по случаю юбилея, проходивших в Славянском благотворительном обществе 6 февраля 1891 г. Согласно советам Троицкого, память Фотия отпраздновали без излишней пышности: за панихидой последовал ряд докладов о значении патриарха в истории. Не так представлял себе эти торжества известный грекофил Т. И. Филиппов. На следующий же день, 7 февраля, в журнале «Гражданин» появляется его неподписанная статья, исполненная горьких упреков в адрес св. Синода и Русской церкви, не желающих, по мнению автора, присоединиться с сознанием собственной вины к своей матери — церкви Вселенской и вместе с ней служить молебн Фотию как святому. Статья эта вызвала бурю негодования у Троицкого. В дневнике под 11 февраля он отмечает, что прочитал «гнусную статью» Т. Филиппова (Ф. 2182. Оп. 1. Д. 2. Л. 22); 12 февраля он уже набрасывает ответ на нее (Там же. Л. 22—27). Русская церковь, пишет Троицкий, в деле *нечествования* Фотия оказывается в полном согласии с самой Константинопольской церковью, которая *не чествовала* его в течение почти 1000 лет. Прославил же его патр. Анфим VI, известный даже у греков своими отрицательными качествами. Соглашаться с ним в деле прославления Фотия для России не нужно как с политической точки зрения, так и с христианской: Троицкий не видит причин для введения его в святцы. С 13 по 15 февраля он составлял окончательный вариант текста своего ответа (Там же. Л. 28—29). Эта статья вместе с вырезкой из «Гражданина» была представлена К. П. Победоносцеву и по настоянию последнего помещена в «Московские ведомости», № 59 («Нечто по поводу статьи Гражданина (№ 38) по случаю чествования памяти патриарха Фотия в славянском благотворительном обществе 6 февраля 1891 г.»). В настоящее время эта записка также хранится в архиве И. Е. Троицкого (Ф. 2182. Оп. 1. Д. 141). В сопроводительном письме к статье он пишет: «Так как я был и остаюсь одним из сторонников уклонения нашей церкви от чествования памяти п. Фотия церковным образом, то считаю своим нравственным долгом отвечать на коварную инсинуацию по адресу нашей церкви, напечатанную в 38 № Гражданина». В своей статье (Л. 7—28) Троицкий проводит прямую параллель между Византией и Россией, Константинополем и Петербургом. «Константинопольская церковь потому и выдвинулась на первое место между другими церквами, что была церковью империи. А если бы Константин Великий не перенес столицы империи из Рима в Константинополь, то Константинопольский (глаголемый «вселенский») так и остался бы простым провинциальным епископом, подчиненным Ираклийскому митрополиту. И если бы Петр Великий не уничтожил русского патриаршества, то русский патриарх рано или поздно занял бы первое место между остальными патриархами на том самом основании, на котором выдвинулся из ряда своих старейших собратий Константинопольский патриарх, то есть как епископ царствующего града Российской империи, сменивший Византию со всеми ее правами и преимуществами как в сфере

международной, так и междуцерковной... Как бы то ни было, тезис о полной солидарности интересов церкви и государства в сфере междуцерковных отношений в истории православного Востока стоит твердо» (Л. 24). В этом отождествлении интересов церкви и государства состояла, по мнению Троицкого, главная заслуга Фотия, которую не оценила Византийская империя, но должна оценить Россия. Здесь мы видим интереснейшее осмысление истории Византии в применении к русской церковной истории конца XIX в., плод многолетних размышлений не только глубочайшего знатока Византии, но и идеолога политики Русской церкви эпохи Победоносцева. По сути это та же идея третьего Рима, только перенесенная на почву синодальной церкви со столицей в Петербурге. Возражая Т. И. Филиппову, Троицкий объясняет невыгодность присоединения Русской церкви к Константинополю не только очевидными политическими обстоятельствами конца XIX в., но и примером из русской истории. Период подчинения Русской церкви Вселенской был самым мрачным в истории России; это было время постоянных усобиц, завершившееся монгольским игом, причем не последнюю роль сыграли здесь греческие архиереи. Россия сама избавила себя от татарского ига, а теперь избавляет от турецкого ига поработенные православные народы и имеет полное право быть и в церковном отношении на первом месте в православном мире. Последняя мысль является, как известно, стержнем всей русской политики на православном Востоке вплоть до 1917 г.

Наконец, для истории византистики немалый интерес представляет записка И. Е. Троицкого «Библиотека преосвященного Порфирия с научной точки зрения», составленная по поручению Победоносцева 23 ноября 1886 г. (Ф. 2182. Д. 132). По мнению Троицкого, библиотека Порфирия Успенского является образцом библиотеки, гармонично составленной с таким широким выбором, что может удовлетворить самым серьезным научным запросам. Желательно было бы не распродавать ее по частям, а сохранить в целости. При этом, считает Троицкий, имеет смысл не перевозить ее в Петербург, а оставить в Москве, где нет таких богатых библиотек, как Императорская Публичная библиотека или библиотека Академии наук. Остается решить вопрос, где ее поместить (Л. 8—19). К своему обоснованию ученый прилагает характеристику библиотеки по разделам (Л. 20—49).

Таковы вкратце материалы по истории византиноведения из второй части личного архива И. Е. Троицкого. Остается только сожалеть о том, что архив оказался искусственно разделенным на две неравные части; особенно это вызывает неудобство при работе с перепиской К. П. Победоносцева или письмами М. Гедеоны, оказавшимися в том и другом архивохранилищах. Нельзя, однако, не порадоваться тому, что до нас дошел в почти нетронутом виде архив одного из самых замечательных византистов конца XIX в.

Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив

К числу выдающихся исследователей византийского искусства и иконографии по праву принадлежит Николай Васильевич Покровский (1848—1917), заслуженный ординарный профессор С.-Петербургской Духовной академии по кафедре церковной археологии и литургики, директор С.-Петербургского археологического института, доктор церковной истории. С его ученой деятельностью связано становление русской христианской археологии, которая, «можно сказать, им основана, им систематизирована и благодаря этому занимает теперь прочное место среди научных дисциплин».¹

Н. В. Покровский родился 20 октября 1848 г. в с. Подольском Костромского уезда в семье священника. Первоначальное образование получил под руководством родителей — В. Н. и Е. Ф. Покровских. По окончании Костромского Духовного училища он поступил в Костромскую Духовную семинарию и, по окончании ее, был зачислен в состав нового курса Петербургской Духовной академии. В августе 1870 г. Николай становится студентом Церковно-практического отделения Академии, которое успешно заканчивает в 1874 г. На третьем курсе обучения, по указанию проф. Н. И. Барсова, он избирает тему для кандидатского сочинения: «Русское проповедничество в конце прошлого и начале настоящего столетия».² Однако, как впоследствии признавал сам ученый, в этой теме он «не нашел того изобилия ученого материала, которое при других более благоприятных условиях могло бы определить направление и характер моих (Покровского. — *Н. П.*) дальнейших работ».³ Неожиданные обстоятельства кардинально изменили сферу научных интересов Покровского.

В 1873 г. с выходом в отставку профессора В. И. Долоцкого в Академии освобождается кафедра церковной археологии и литургики. Единственной кандидатурой на ее замещение оказывается студент Церковно-практического отделения

---

¹ Предисловие С. Розанова в изд.: XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский директор Императорского Археологического института. 1874—1909. Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. Б/паг.

² Советом Академии работа Н. В. Покровского была признана заслуживающей денежной награды как одно из лучших студенческих сочинений. См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной академии за 1874 г. СПб., 1875. С. 23, 25.

³ XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский... Автобиография. С. 3. В 1876—1877 гг. часть диссертации была опубликована в журнале «Странник» в виде трех отдельных статей. См.: 1) Черты современности в проповедничестве конца прошлого и начала нынешнего столетия // Странник. 1876. Т. 1. С. 69—93; 2) Проповедническая деятельность преосвященного Анастасия Братановского // Там же. С. 173—195; 3) Экзарх Грузии Феофилакт Русанов и его проповеди // Там же. 1877. Т. 1. С. 3—18.

Н. В. Покровский. 1876 г.

Николай Покровский. В 1873—1874 гг. с целью подготовки к преподавательской деятельности он слушает курс лекций временного преподавателя кафедры профессора А. Л. Катанского, явившийся для будущего ученого настоящим откровением: «...новый прием исследования и прикосновенность к свежему рукописному материалу произвели на меня ободряющее впечатление. Из этих лекций я узнал, что существует целый ряд вещественных памятников, изучение которых составляет задачу археологии».⁴

Прочитанный проф. Катанским небольшой курс церковной археологии пробуждает живой интерес Николая Васильевича к вещественным памятникам катакомбного периода и произведениям русского средневекового искусства, становящимся отныне объектами пристального внимания исследователя. В конце 1873/74 академического года от декана отделения Е. И. Ловягина Покровский получает официальное предложение на замещение кафедры. В сентябре 1874 г. он защищает диссертацию «Места богослужебных собраний христиан до времен Константина Великого», представленную им *pro venia legendi*, и читает две пробные лекции по литургике и церковной археологии. 21 сентября 1874 г. Н. В. Покровский становится приват-доцентом избранной им кафедры.⁵

В июне 1876—сентябрь 1877 г. по ходатайству отделения Н. В. Покровский командировается с ученой целью за границу.⁶ В ходе поездки он посетил Берлин, Дрезден, Страсбург, Париж, Женеву, Флоренцию, Рим, Неаполь, Мюнхен, Прагу и Вену. В Берлине он знакомится с музеями Пипера и классических древностей, картинными галереями и Публичной библиотекой. В Страсбурге слушает курсы

⁴ XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский... Автобиография. С. 5.

⁵ Журналы заседаний Совета... за 1874 г. С. 181—182.

⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1876. Д. 52 (О командировании за границу... приват-доцента... Академии по кафедре церковной археологии и литургике Николая Покровского).

лекций профессоров Ф. К. Крауса по древнехристианской археологии, эпиграфике, истории живописи средневековья и эпохи Возрождения в Италии, А. Крауса по литургике, Якобстала по истории церковного пения; у Барджиолы обучается итальянскому языку.⁷

Неизгладимое впечатление произвела на Н. В. Покровского поездка в Рим (конец февраля 1877 г.), в ходе которой он познакомился с Джованни Баттиста де Росси и посетил его лекцию в знаменитых катакомбах Каллиста, осмотрел катакомбы Прискиллы и Домитиллы, Цецилии и Агнии, занимался в Латеранском и Ватиканском музеях. Впоследствии в автобиографии Покровский вспоминал: «Два месяца пребывания в Риме были для меня моментом очаровательного погружения в сферу археологии первых веков христианства».⁸

Одним из результатов заграничной командировки Н. В. Покровского стала полная переработка академического курса церковной археологии и литургики, к чтению которого он приступил по возвращении в Петербург. Другим важным итогом поездки явилось решение об учреждении при Академии Церковно-археологического музея — «музея снимков и слепков с памятников старины, в состав которого могли бы входить и оригинальные памятники».⁹ Одобренное Церковно-практическим отделением предложение Н. В. Покровского об организации музея было вынесено на обсуждение Совета Академии. 11/30 апреля 1879 г. проект учреждения церковно-археологической коллекции был утвержден определением Святейшего Правительствующего Синода.¹⁰

Успеху нового предприятия в немалой степени способствовало закрытие Новгородского земского музея, памятники которого заложили прочное основание новоорганизованному хранилищу древностей.¹¹ С 1879 г. инициатор его организации приват-доцент Покровский становится бессменным заведующим музея. Музейная деятельность ученого составляет одну из ярких страниц его многогранной научной деятельности.

⁷ Журналы заседаний Совета... за 1876 г. СПб., 1876. С. 41—43, 128—130. Подробнее о целях и итогах поездки см.: Отчет о заграничной командировке за 1-е полугодие 1876—1877 гг. // Журналы заседаний Совета... за 1876/7 учебный год. СПб., 1877. С. 119—130; Отчет об учебных занятиях за границу за 2-е полугодие 1876—1877 г. // Журналы заседаний Совета... за 1877/8 учебный год. СПб., 1878. С. 180—200.

⁸ XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский... Автобиография. С. 9.

⁹ Необходимость создания академического музея была осознана в ходе занятий Николая Васильевича в Берлине: «Практические занятия эпиграфикой по слепкам, а равно и занятия в Берлинском музее Пилера заронили во мне мысль об учреждении церковно-археологического музея в нашей Академии» (XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский... Автобиография. С. 8).

¹⁰ Журналы заседаний Совета... за 1877/8 учебный год. С. 324—325; Журналы заседаний Совета... за 1878/9 учебный год. СПб., 1879. С. 89, 172—173; РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 282 (Об учреждении при С.-Петербургской Духовной академии Церковно-археологической коллекции. 27 марта—30 апреля 1879); Там же. Ф. 802. Оп. 9. 1879. Д. 5 (По представлению Преосвященного Исидора, митрополита Новгородского и С.-Петербургского об учреждении при С.-Петербургской Духовной академии церковно-археологической коллекции). В Журнале заседания Учебного комитета при Св. Синоде, в частности, говорилось: «Церковно-археологическая коллекция желательна и была бы весьма полезна и для успешного преподавания в Академии науки о церковных древностях, и для сохранения и ученой разработки древних памятников, имеющих отношение к древнехристианскому периоду истории и к истории Русской церкви. В состав коллекции поэтому могли бы входить: памятники преимущественно религиозного характера, из которых одни должны относиться к древнехристианскому периоду истории, другие — к истории Русской церкви» (Там же. Ф. 796. Оп. 160. Д. 282. Л. 2 об.—3).

¹¹ Об истории организации академического музея и судьбе его коллекций подробнее см.: Покровский Н. В. 1809—1909. Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии. 1879—1909. СПб., 1909; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 187—188; *Пивоварова Н. В.* 1) Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии: Судьба коллекций // Судьбы музейных коллекций: Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 70—76; 2) Музей Санкт-Петербургской Духовной академии: из истории спасения музейных коллекций в 1919—1922 годах // Судьбы музейных коллекций: Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001. С. 123—127.

Наряду с преподавательской деятельностью в Духовной академии Н. В. Покровский с 1878 г. приступает к систематическому чтению лекций по христианской археологии в организованном Н. В. Калачовым С.-Петербургском археологическом институте.¹² Огромное значение для начинающего ученого имела та научная среда, в которую он попал благодаря энергичным усилиям Н. В. Калачова: «Я вступил в новую авторитетную среду, которая оказала влияние на характер моих дальнейших археологических занятий и предопределила мое дальнейшее направление. Беседы с корифеями национальной науки (Н. В. Калачовым, И. И. Срезневским. — Н. П.) расширили мои горизонты, и я решил установить конечную цель моих занятий именно в русской археологии».¹³ Составление под руководством Н. В. Калачова обширной программы по археологии искусства древнехристианского периода с добавлениями по отделам византийскому и русскому, ежегодные экскурсии со слушателями института по древнерусским городам, участие в организации археологических выставок в институте способствовали накоплению научного потенциала исследователя. Уже в 1878 г. он становится ученым секретарем института, а спустя 20 лет, в уважение к его научным заслугам и авторитету, Совет института избирает Покровского своим директором.¹⁴

Важную роль в становлении Н. В. Покровского как византиста сыграла вторая заграничная поездка — с 15 июня 1888 г. по 1 января 1889 г. Посетив Турцию, Грецию, Италию и Францию, он осмотрел многочисленные художественные памятники и собрал значительный исследовательский материал по истории византийского искусства и иконографии, легший в основу капитальных сводов, посвященных проблемам христианского искусства.¹⁵ Главным итогом поездки и едва ли не венцом всей научной деятельности стала докторская диссертация «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских», защищенная в С.-Петербургской Духовной академии в 1892 г.¹⁶

Основополагающие научные труды Н. В. Покровского, такие как «Происхождение древнехристианской базилики: Церковно-археологическое исследование» (1880), «Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства» (1887), «Стенные росписи в древних храмах греческих и русских» (1890), «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (1892), «Очерки памятников православной иконографии и искусства» (1894) и другие снискали ученому мировую известность. Его участие на протяжении более 30 лет в археологических съездах в качестве депутата от С.-Петербургской Духовной академии, Археологического института и других учреждений, работа в многочисленных комиссиях и комитетах, научно-педагогическая и административная деятельность в Академии и институте — вот далеко не полный перечень фактов необычайно насыщенной событиями жизни ученого.¹⁷

¹² О начале преподавательской деятельности Н. В. Покровского в институте см.: *Оглоблин Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878—1880)* // ВАИ, изд. С.-Петербургским Археологическим институтом. 1903. Вып. 15. С. 377, 382, 395, 403—404.

¹³ XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский... Автобиография. С. 12.

¹⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 67 (1 отд., 1 стол). Д. 125 (О назначении инспектора С.-Петербургской Духовной академии д. ст. с. Покровского директором С.-Петербургского Археологического института с оставлением в занимаемых им должностях. 29 декабря 1897—11 марта 1898).

¹⁵ Журналы заседаний Совета... за 1887/8 учебный год. СПб., 1892. С. 176—181 (прошение о заграничной командировке); Отчет экстраординарного профессора Н. В. Покровского об ученых занятиях его за границю с 15 июня 1888 по 1 января 1889 г. // Журналы заседаний Совета... за 1888/9 учебный год. СПб., 1894. С. 130—135.

¹⁶ Журналы заседаний Совета... за 1891/92 учебный год. СПб., 1896. С. 152—153, 161—162.

¹⁷ Основные факты биографии Н. В. Покровского, его членство в научных учреждениях и обществах и сведения об ученых трудах частично отражены в автобиографии ученого: XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский... Автобиография. С. 1—32. См. также: ОР РНБ. Ф. 593. Оп. 1. Д. 2 (вышепоименованное издание с рукописными дополнениями Покровского).

Н. В. Покровский скончался в Петрограде 8 марта 1917 г. на 69-м году жизни.¹⁸

* * *

Материалы научной, педагогической и музейной деятельности Н. В. Покровского, в значительной объеме сохранившиеся в российских архивах, представлены разнородными, до конца не выявленными документами.¹⁹ Трудность их выявления в полном объеме обусловлена не только широтой сферы общения ученого, но и разнообразным характером его деятельности, сопряженной с членством в многочисленных научных учреждениях, обществах и комиссиях. К сожалению, в настоящее время в условиях распыленности архивных фондов не представляется возможным не только реально оценить степень участия Покровского в том или ином научном предприятии, но и восстановить цельную картину его многогранной деятельности. Это касается прежде всего службы Н. В. Покровского по ведомствам Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел, Министерства Императорского двора (работа в Высочайше учрежденных комиссиях и комитетах) и др. Материалы личного фонда исследователя, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, практически лишены подобной информации.

Личный фонд ученого (ОР РНБ. Ф. 593) был сформирован на основе документов, поступивших в Государственную Публичную библиотеку в 1919 г. из библиотеки С.-Петербургской Духовной академии в результате преобразования ее в 1-й филиал ГПБ. В ходе его обработки к 1987 г. из разнообразных материалов были выявлены документы, относящиеся к жизни и деятельности Н. В. Покровского, причем основу фонда составили подготовительные материалы к трудам ученого и обширная переписка, представленная главным образом письмами «других лиц» к фондообразователю. В процентном отношении документы слу-

¹⁸ Некрологи: † Профессор Николай Васильевич Покровский // ХЧ. 1917. Январь—февраль. С. 121—122; *Малицкий Н.* 1) Проф. Н. В. Покровский и его научные заслуги // Там же. 1917. Март—июнь. С. 217—237; 2) Ученые труды † проф. Н. В. Покровского и их значение для науки христианской археологии // ВАИ, изд. Петроградским Археологическим институтом. Пг., 1918. Вып. 23. С. VII—XIX; ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1364: *Неустановленное лицо [Малицкий Н. В. (?)].* Некролог Николаю Васильевичу Покровскому, директору Петроградского Археологического института. Л. 1—3 об.

¹⁹ Архивные материалы, касающиеся личности Н. В. Покровского, до недавнего времени практически не привлекали внимания исследователей. Исключение составляет публикация трех писем Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву из фонда последнего (ОР РГБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 43), подготовленная И. Л. Кызласовой: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 306—311. См. также: *Кызласова И. Л.* Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов). М., 1999. С. 5—7. Активизация деятельности по изучению научного наследия Н. В. Покровского происходит в конце 1990-х гг. в связи с подготовкой к празднованию 150-летнего юбилея ученого (ноябрь 1998 г.). Выявление документальных материалов, связанных с Н. В. Покровским, в ОР РНБ и их первичная классификация произведены А. Н. Ашешовой: *Ашешова А. Н.* Рукописное наследие Н. В. Покровского в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917). Санкт-Петербург, 1—3 ноября 1998 года. СПб., 1998. С. 19—24. Документы, относящиеся к деятельности Покровского в Императорской археологической комиссии, ныне хранящиеся в РА ИИМК РАН, сведены воедино в статье Н. А. Беловой: *Белова Н. А.* Н. В. Покровский и Императорская археологическая комиссия (по документам Рукописного архива ИИМК РАН) // Там же. С. 46—49. Систематизация материалов, связанных с музейной деятельностью Н. В. Покровского, сосредоточенных в РГИА, ЦГИА СПб., СР ГРМ, произведена Н. В. Пивоваровой: *Пивоварова Н. В.* 1) Церковно-археологический музей Петербургской Духовной академии: Материалы к истории (1870-е — 1920-е гг.). Доклад на конференции «Петербургские чтения 98». Дом архитектора. 28 мая 1998 г.; 2) Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии: История организации и судьба. Доклад на научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского. ГРМ. 4 ноября 1998 г. См. также примеч. 11.

жебной и общественной деятельности ученого составили самую незначительную часть фонда.²⁰ Отрывочные сведения об участии Н. В. Покровского в работе научных учреждений и обществ дают повестки и приглашения на заседания (4 ед. хр.),²¹ несколько личных заметок, сделанных им при составлении автобиографии.²² Гораздо полнее отражены в фонде сами результаты научной деятельности, представленные в разделе II («Работы и материалы к работам») выписками из литературы и заметками Покровского по отдельным темам, черновиками его статей, подготовительными материалами к монографиям.²³ Дополнив общую картину научной и общественной деятельности ученого позволяющие материалы фондов С.-Петербургской Духовной академии (ЦГИА СПб. Ф. 277), С.-Петербургского археологического института (Там же. Ф. 119), Канцелярии обер-прокурора Синода (РГИА. Ф. 797), Учебного комитета при Синоде (Там же. Ф. 802), Архива и Библиотеки Синода (Там же. Ф. 814), Канцелярии Департамента народного просвещения (Там же. Ф. 733), Канцелярии Министерства Императорского двора (Там же. Ф. 472), Императорской археологической комиссии (РА ИИМК РАН. Ф. 1), Русского археологического общества (Там же. Ф. 3), Московского археологического общества (Там же. Ф. 4; ЦИАМ. Ф. 454) и личные фонды графов Уваровых (ОПИ ГИМ. Ф. 17; ЦИАМ. Ф. 2256 (Уварова П. С.)) и Н. В. Калачова (РГИА. Ф. 950). Немало ценной информации о деятельности Покровского содержат материалы Высочайше учрежденных комиссий и комитетов — Комитета по росписи Феодоровского государева собора в Царском Селе (РГИА. Ф. 489), Комиссии по реставрации Большого московского Успенского собора (Там же. Ф. 1320 — фонд Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых), а также документальные материалы СР ГРМ (Ведомственный архив и Комитет попечительства о русской иконописи). Последовательному рассмотрению научной, педагогической и музейной деятельности Н. В. Покровского с привлечением выявленных архивных документов посвящен предлагаемый обзор.

Начало научной карьеры Н. В. Покровского было ознаменовано устойчивым интересом к памятникам искусства древнехристианского периода, сформировавшимся в результате первого заграничного путешествия 1876—1877 гг. Впервые прикоснувшись к этой теме в диссертации «Места богослужебных собраний христиан до времен Константина Великого», Покровский, оказавшись за границей, приступает к углубленному изучению архитектуры христианского храма, и в первую очередь архитектуры древнехристианской базилики. Этой проблемой наряду с вопросом о характере живописи катакомб и ранней историей изображения Бого-

²⁰ См. предисловие к описи ф. 593. Фонд состоит из 686 ед. хр., охватывающих период с 1870-х гг. по 1915 г. Фонд обработан главным библиотекарем ГПБ В. И. Афанасьевым. К сожалению, при обработке материалов некоторые из них получили неверную атрибуцию. В результате к числу автографов ученого были ошибочно отнесены записки о заграничном путешествии 1874 г. священника Русской церкви в Праге А. А. Лебедева (Ф. 593. Д. 30) и заметка одного из слушателей Петербургского археологического института об археологическом путешествии в Новгород (Там же. Д. 21). В описи фонда материалы озаглавлены: «Покровский Н. В. Письма из-за границы. Путевые заметки. Автограф. 1874 г.»; «Экскурсия слушателей Археологического института в Новгород. Статья. Автограф. 1880-е гг.». Документы, содержащиеся в фонде Петербургского археологического института (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 12. Л. 38), позволяют установить, что обзор экскурсии составлен в 1886 г. по результатам поездки членов и слушателей института в Новгород и Псков, совершенной в первой половине июня под руководством Н. В. Покровского и Д. И. Прозоровского.

²¹ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 6, 24, 28, 431.

²² Там же. Д. 2 (см. примеч. 17); Д. 19 (О деятельности в Археологическом институте с 1877 по 1885 г. Заметки. Автограф [1886]). Название недостаточно точно передает содержание дела.

²³ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 32—101.

матери определяется тематика его первых научных публикаций.²⁴ Следом за отчетами о заграничной командировке, напечатанными в «Журналах заседаний академического Совета», появляются серия статей и монография, красноречиво свидетельствующие о незаурядных способностях молодого ученого. Рассмотрение проблемы истоков древнехристианского искусства, отдельных вопросов христианской символики и, наконец, архитектуры христианского храма²⁵ вызывает широкий резонанс в ученой среде.²⁶ Проблема генезиса древнехристианской базилики оказывается отправной точкой в дискуссии двух русских ученых — Н. Ф. Красносельцева и Н. В. Покровского, упорно отстаивавших каждый свою позицию по данному вопросу.²⁷ Как справедливо отмечал ученик и биограф Н. В. Покровского Н. В. Малицкий, повышенный интерес Н. В. Покровского к искусству древнехристианского периода поддерживался в первое время не только свежестью личного знакомства ученого с древнехристианскими памятниками, но и необходимостью отработать для студентов лекции сначала по отделу археологии первых веков христианства.²⁸ В дальнейшем этот интерес постепенно затухает и сменяется стойкой привязанностью к памятникам византийского и древнерусского искусства.

Промежуток между первым и вторым (15 января 1888—1 января 1889 г.) учеными путешествиями Н. В. Покровского за границу можно смело назвать периодом накопления и систематизации научных знаний. Работа в библиотеках и музеях, приобретение опыта общения с памятниками древности, начало сотрудничества в ученых обществах и комиссиях, новые личные контакты способствовали научному росту исследователя. Уже в 1880 г. он избирается действительным членом Русского археологического общества и принимает активное участие в его деятельности;²⁹ с 1881 г. регулярно командировается на Всероссийские археологические съезды, организуемые Московским археологическим обществом, а с 1887 г. входит

²⁴ Предварительное решение этих проблем входило в программу занятий Покровского в Италии: Отчет о занятиях за границей приват-доцента по кафедре церковной археологии и литургики Н. В. Покровского от 14 августа 1877 г. // Журналы заседаний Совета... за 1877/8 учебный год. С. 16—17. См. также отчет от 25 января 1878 г.: Там же. С. 186—200.

²⁵ Покровский Н. 1) Древнеязыческое и христианское искусство // ХЧ. 1878. Ч. 1. С. 3—17; 2) Символические формы агнца в древнехристианском искусстве // Там же. С. 743—782; 3) «Добрый пастырь» в древнехристианской символике // Там же. Ч. 2. С. 483—498; 4) Происхождение христианского храма // Там же. 1879. Ч. 2. С. 501—551; 5) Происхождение древнехристианской базилики: Церковно-археологическое исследование. СПб., 1880. Последняя работа была защищена Н. В. Покровским в качестве магистерской диссертации в С.-Петербургской Духовной академии. См.: Журналы заседаний Совета... за 1879/80 учебный год. СПб., 1880. С. 64, 77—79.

²⁶ Об этом свидетельствуют рецензии Н. Ф. Красносельцева, ставшие откликом на защиту магистерской диссертации Н. В. Покровского. См.: Красносельцев Н. Ф. 1) О происхождении христианского храма: По поводу магистерской диссертации проф. Н. В. Покровского. Казань, 1880; 2) Очерки из истории христианского храма. Казань, 1881.

²⁷ Подробнее об этом см.: Малицкий Н. Ученые труды... С. VIII—IX. В личном фонде Н. В. Покровского сохранился ряд материалов, относящихся к дискуссии с Н. Ф. Красносельцевым. См.: РНБ. Ф. 593. Д. 87 («Следующие положения сочинения требуют проверки»). Заметки о необходимости уточнить некоторые положения магистерской диссертации «Происхождение древнехристианской базилики». Август 1880); Там же. Д. 88 («Происхождение древнехристианской базилики». Ответ на замечания проф. Н. Ф. Красносельцева. Заметка. Отрывок [1880]).

²⁸ Малицкий Н. Ученые труды... С. VIII. В данной связи см.: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 93 (Архитектура христианских храмов. Курс лекций. Лекции 3—12 и лист 1-й лекции. 1870—1880-е гг.).

²⁹ История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896 / Сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1900. С. 92, 136, 139, 161, 202, 206, 241, 290, 357, 358, 438. Деятельность Н. В. Покровского в Русском археологическом обществе подробно отражена в протоколах его заседаний. См.: Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества [за 1883—1899 гг.] // ЗИРАО. Новая серия. 1886—1901. Т. 1—12; Протоколы Общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899—1908 годы. Пг., 1915 (по указателю). Оригиналы протоколов см.: РА ИИМК РАН. Ф. 3. Действительным членом ИРАО Покровский состоял с 7 ноября 1880 г.; см.: История Императорского Русского археологического общества... С. 438.

в число действительных членов Общества.³⁰ В 1886 г. Покровский был привлечен к сотрудничеству в Императорской Археологической комиссии, сверхштатным членом которой стал 11 декабря 1892 г.³¹

Активное сотрудничество в Императорском Русском археологическом обществе и Императорской Археологической комиссии позволяет Н. В. Покровскому сосредоточить основное внимание на памятниках русской церковной старины, исследование которых в сопоставлении с памятниками византийского искусства составляет отныне главный предмет его научных изысканий. Результаты исследований ученого получают отражение в серии статей, опубликованных на страницах русских археологических журналов.

Среди работ раннего периода заметно выделяется небольшая заметка Н. В. Покровского, посвященная разбору рецензии графа С. Г. Строганова на сочинение Е. Виолле ле Дюка,³² свидетельствующая о вполне сформировавшемся взгляде молодого ученого на русское искусство. Отстаивая мысль о самобытности древнерусской архитектуры в противовес мнению Строганова о ее эклектичном иноземном характере, Покровский подбирает множество выразительных примеров, убедительно подкрепляющих его точку зрения. Показательно, что уже в этом раннем опусе четко обозначено научное кредо исследователя, выступающего против тенденциозности в подаче материала. «Археолог, хотя бы он был даже русофобом, sui generis не вправе умалять значение исторических фактов: его обязанность собрать по возможности все данные, которые касаются предмета его исследования, и всему дать соответствующий вес».³³

Систематическое изучение русских древностей Н. В. Покровский начинает в первой половине 1880-х гг. обзором памятников родного Костромского края и результаты своих наблюдений публикует в периодических изданиях Духовной академии и Археологического института.³⁴ Уже в этих работах ярко проявился особый интерес исследователя к содержательной стороне анализируемого памятника и дали о себе знать начатки его блестящего иконографического метода. В 1883 г. в связи с открытием А. В. Праховым фресок в церкви св. Кирилла в Киеве Н. В. Покровский пишет небольшую заметку о росписи, положившую начало его исследованиям в области древнерусской храмовой декорации.³⁵ Прекрасное владение раз-

³⁰ Н. В. Покровский был депутатом на 11 археологических съездах, проходивших с 1881 по 1911 г., причем командировался на них не только как представитель от С.-Петербургской Духовной академии и Археологического института, но и от Русского археологического общества и Общества любителей древней письменности. XVI Археологический съезд в Пскове, назначенный на 21 июля—6 августа 1914 г., депутатом которого также был избран Покровский (Журналы заседаний Совета... за 1913—1914 учебный год. Пг., 1916. С. 336; ЦГИА СПб. Ф. 119. Д. 329. Л. 38 (Об участии [Археологического] Института в XVI Археологическом съезде в г. Пскове)), не состоялся в связи с военными действиями. Деятельность Н. В. Покровского по подготовке съездов (участие в предварительных комитетах) и в работе самих съездов подробно отражена в протоколах, опубликованных в «Трудах» съездов. Действительным членом Московского археологического общества Покровский состоял с 27 октября 1887 г. См.: Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.). М., 1915. Т. 2. С. 278.

³¹ См.: Белова Н. А. Н. В. Покровский и Императорская археологическая комиссия... С. 46—49.

³² Покровский Н. «Русское искусство, Е. Виолле-ле-Дюк» и «Архитектура в России от X-го по XVIII-й век». СПб., 1878 // Сборник Археологического института. СПб., 1879. Кн. 2. С. 49—52. Рукописный автограф с незначительной правкой Н. В. Калачова см.: РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 284.

³³ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 284. Л. 3.

³⁴ Покровский Н. 1) Ипатьевская лицевая псалтирь 1591 года // ХЧ. 1883. Ч. 2. № 11—12. С. 594—628; 2) Древности Костромского Ипатьевского монастыря // ВАИ, изд. С.-Петербургским Археологическим институтом. 1885. Вып. 4. С. 1—34. Подготовительные материалы к этим работам сохранились в личном фонде ученого (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 47: Описание древностей Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Из личных наблюдений. Заметки. Кострома. Июль 1883 г. Автограф; Д. 45: «Евангелие 1603 г. № 1». Описание Евангелия и его миниатюр. 1880-е гг. Автограф; Д. 42: «Ризница Ипатьевского монастыря». Описание [рукописей]. 8 июля 1885 г. Автограф).

³⁵ Н. П. Новое церковно-археологическое открытие // Церковный вестник. 1883. 5 января. № 3. Часть неофиц. С. 9—10.

нообразным материалом, продемонстрированное Покровским в этих работах, побуждало активно использовать его знания и опыт в научных предприятиях того времени. В 1884 г. как член Русского археологического общества он входит в состав Комиссии по рассмотрению проектов внутренней отделки соборного храма св. Владимира в Киеве,³⁶ включается в обсуждение вопроса о способах исследования Староладожской крепости;³⁷ как член медальной комиссии Общества он принимает на себя труд по рецензированию сочинения Ф. И. Буслаева «Русский лицевой Апокалипсис».³⁸ «Мой отзыв о Вашем сочинении, — писал Н. В. Покровский в письме к Ф. И. Буслаеву, — будет напечатан в Записках Археологического общества. Впрочем, я должен сознаться наперед, что он не оправдает Ваших ожиданий. Дело в том, что собранный Вами материал и его научная обработка стоят неизмеримо выше моих познаний в этой области, и потому я ограничился краткою передачею содержания Вашего труда и посильною характеристикой Ваших научных приемов, причем обратил особое внимание на то, что Вам принадлежит честь установления сравнительного метода изучения памятников русской письменности и искусства».³⁹ Упомянув об этой важной странице в жизни ученого, необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросе о взаимоотношениях между Н. В. Покровским и Ф. И. Буслаевым — одним из основоположников науки о русских церковных древностях. Благодатный материал для этого предоставляют письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву, сохранившиеся в ОР РГБ (Ф. 42. Д. 43).⁴⁰ Они необычайно важны как для правильной оценки значения трудов Ф. И. Буслаева в становлении научного метода Покровского, так и для объективных суждений о научных контактах и человеческих отношениях, установившихся между учеными в середине 1880-х гг. и поддерживавшихся вплоть до смерти Буслаева в 1897 г.⁴¹ Из них,⁴² в частности, мы узнаем о том, что первое знакомство Покровского с предметом христианской археологии началось с исследования Ф. И. Буслаева о русской иконописи,⁴³ а сочинение о Страшном суде появилось под влиянием труда Буслаева на ту же тему.⁴⁴ О стремлении Покровского использовать научный метод Буслаева красноречиво свидетельствует следующая цитата из его письма: «Меня сильно раздражил Ваш Апокалипсис, и мне пришла гордая и, вероятно, несбыточная мысль применить прием Вашего исследования к изучению лицевых Евангелий, которые прямо входят

³⁶ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. 1886. Т. 1. С. LXXXI; Т. 2, вып. 1. С. XVI; История Императорского Русского археологического общества... С. 92. Рассмотрению проектов было посвящено три заседания Комиссии (18, 22 и 28 февраля); предпочтение было отдано проекту росписи, представленному А. В. Праховым.

³⁷ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. Т. 1. С. ХСVII; Т. 2, вып. 1. С. XVI; История Императорского Русского археологического общества... С. 136.

³⁸ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. Т. 2, вып. 1. С. XXXIII—XXXIV. Отзыв опубликован: Там же. Т. 2, вып. 2. С. 143—151.

³⁹ Письмо Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву, относящееся ко времени работы над отзывом (28 сентября 1885 г.): ОР РГБ. Ф. 42. Д. 43. Л. 1. Цит. по: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву. С. 308.

⁴⁰ Там же. Письма датируются 28 сентября и 25 декабря 1885 г. и 16 ноября 1892 г.

⁴¹ См.: *Покровский Н. В.* Памяти Ф. И. Буслаева. (Заслуги его в области художественной археологии) // ВАИ, изд. С.-Петербургским Археологическим институтом. 1898. Вып. 10. С. 13—18. Некоторые выдержки из писем Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву, принципиальные для освещения данного аспекта темы, приведены И. Л. Кызласовой: *Кызласова И. Л.* История византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985. С. 40. Примеч. 57.

⁴² Письмо от 28 сентября 1885 г. Цит. по: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву. С. 308.

⁴³ *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1866. Отд. 1. С. 1—106.

⁴⁴ *Буслаев Ф. И.* Изображение страшного суда по русским подлинникам // *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. С. 133—154.

в мою задачу».⁴⁵ Николай Васильевич не принадлежал к числу учеников Ф. И. Буслаева в обыденном смысле этого слова, однако это не мешало ему называть Федора Ивановича «своим учителем», «добрым и незабвенным наставником».⁴⁶ Неоценимую услугу Ф. И. Буслаев оказал Н. В. Покровскому, одоббив его намерение подробно исследовать евангельскую иконографию, что привело к появлению капитального труда «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» (подробнее см. далее).

В 1885 г. как член Русского археологического общества Н. В. Покровский включается в обсуждение проекта снаряжения особой экспедиции в Грецию.⁴⁷ Образование специальной Комиссии для рассмотрения проекта, в работе которой принял активное участие Покровский, стало реакцией на представление в Русское археологическое общество докладной записки, составленной А. В. Праховым. В случае осуществления проекта, предполагавшего подробное исследование архитектуры и живописи «храмов южной группы» (церквей Успения Богоматери в Дафни, св. Луки в Фокиде, Перивлепты в Мистре, Панагии Фанеромени на о. Саламин), русская наука получила бы богатейший материал, включающий дневниковые заметки, точные обмеры, копии и зарисовки фресок и архитектурных деталей. К сожалению, за неимением средств проект этот остался лишь на бумаге.

В декабре 1885 г. Православное Палестинское общество обращается в Совет Русского археологического общества с просьбой рассмотреть научные доводы В. Н. Хитрово и Б. П. Мансурова в споре, возникшем между ними по вопросу о произведенных на Русском месте в Иерусалиме археологических раскопках.⁴⁸ В 1886 г. на предложение Общества дать свои заключения по данному вопросу⁴⁹ откликнулись архим. Леонид (Кавелин), архим. Антонин (Капустин), А. А. Оленицкий и Н. В. Покровский. Представленные в Общество письменные отзывы были обсуждены в нескольких заседаниях Совета⁵⁰ и переданы в Палестинское общество, а для ознакомления общественности опубликованы в «Записках» ИРАО и в виде отдельной брошюры.⁵¹ В отзыве, составленном Н. В. Покровским,⁵² поражает не только превосходное знание экспертом предмета спора, но и умение свободно ориентироваться в запутанных археологических данных.⁵³ Автору свойствен-

⁴⁵ Письмо от 25 декабря 1885 г. (Кызласова И. Л. Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву. С. 309).

⁴⁶ Письмо от 16 ноября 1892 г. (Там же. С. 309, 310).

⁴⁷ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. Т. 2, вып. 1. С. XXVI, XXXIX—XLIV; История Императорского Русского археологического общества... С. 160—161.

⁴⁸ См.: Рескрипт Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича помощнику председателя ИРАО А. Ф. Бычкову от 24 декабря 1885 г. // ППС. СПб., 1887. Приложение V к вып. 7. С. 157—158. Тексты работ см.: Хитрово В. Н. Раскопки на русском месте близ храма Воскресения: доклад, читанный в заседании 22 марта 1884 года // ППС. СПб., 1884. Вып. 7. С. 57—80; Мансуров Б. Базилика императора Константина в св. граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ храма Гроба Господня. М., 1885.

⁴⁹ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. 1886. Т. 2, вып. 2. С. СХСII.

⁵⁰ См.: Журнал Совета Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. 1887. Т. 2, вып. 3. С. 256—270. См. также: ППС. Приложение V к вып. 7. С. 159, 160—183.

⁵¹ ЗИРАО. Новая серия. 1887. Т. 2, вып. 3. С. 173—255; К вопросу о значении произведенных по почину Православного Палестинского общества в Иерусалиме раскопок: Мнения лиц, к коим Совет Императорского Русского археологического общества обратился с просьбой дать свое заключение по этому вопросу. СПб., 1887.

⁵² Покровский Н. В. О раскопках на русском месте в Иерусалиме // ЗИРАО. Новая серия. 1887. Т. 2, вып. 3. С. 246—255; К вопросу о значении... С. 74—83. См. также: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 26 (Сообщение Н. В. Покровского в Совет РАО о раскопках на русском месте в Иерусалиме. Черновой автограф. 1886).

⁵³ В 1886 г. Н. В. Покровским была составлена отдельная рецензия на работу Б. Мансурова, где он продемонстрировал блестящее владение археологическим материалом: Покровский Н. Раскопки на русском месте в Иерусалиме. (Б. Мансуров. Базилика императора Константина в св. граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ храма Гроба Господня. Москва. 1885) // ХЧ. 1886. Ч. 1. Март—апрель. С. 491—512.

ны четкость и лаконизм в изложении материала, поданного в строгом соответствии с тремя поставленными Палестинским обществом вопросами: 1) какое научное значение имеют произведенные Обществом раскопки на основании изданных им книг, а также возражений против них, помещенных в книге «Базилика императора Константина»; 2) насколько раскопки эти могут быть признаны окончательными; 3) не встречается ли с археологической точки зрения препятствий возвести над древними остатками постройки.

Не менее фундаментальным и демонстрирующим свободное владение материалом оказался составленный Н. В. Покровским отзыв на сочинение Н. П. Кондакова «Византийские церкви и памятники Константинополя», представленный в Русское археологическое общество в связи с обсуждением вопроса о присуждении Кондакову большой золотой медали Общества.⁵⁴ Оцененный как «солидный вклад в русскую археологическую науку» труд Н. П. Кондакова, удостоенный по отзыву Покровского медали Общества, на протяжении многих лет оставался наиболее полным и обстоятельным сводом, касающимся древностей византийской столицы.

В 1887 г. в заседании РАО Н. В. Покровский выступает с сообщением об иконографических формах «Евхаристии» Киево-Софийского собора, в котором останавливается на наиболее близкой для него теме — проблеме влияния литургии на систему храмовой росписи византийского и древнерусского храма.⁵⁵ В нем на основе анализа широкого круга византийских и русских памятников исследователь приходит к заключению о существовании двух типов изображения Евхаристии — исторического и литургического, появившегося не позднее VI в. под влиянием сложившегося к тому времени строя православной литургии.

Литургический подход к памятникам древности, ставший основой научной методологии Н. В. Покровского, был использован в серии докладов и сообщений, прочитанных ученым на Всероссийских археологических съездах, начиная с выступления на V археологическом съезде в Тифлисе (1881 г.), посвященного вопросам эволюции формы, характера декора и употребления брачного венца.⁵⁶ Обращение к теме было вызвано необходимостью систематизировать богатейшее собрание брачных венцов, поступивших на хранение в организованный Н. В. Покровским Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии. Однако сугубо практический подход к предметам коллекции вскоре уступил место обостренному интересу Покровского к проблеме литургического назначения памятников. Этот аспект темы исследователь прекрасно разработал на основе анализа богослужебных текстов. В личном фонде ученого сохранилось значительное количество материалов, содержащих заметки о брачных венцах церковно-археологической коллекции, и наброски доклада и статей, посвященных этим интереснейшим памятникам.⁵⁷

⁵⁴ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. 1887. Т. 3, вып. 1. С. XXXIII. Текст отзыва: Там же. С. XXXIII—XL.

⁵⁵ Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. 1887. Т. 3, вып. 2. С. XIX. Непосредственным поводом к сообщению послужило намерение Общества опубликовать в приложении к 4-му выпуску издания мозаик и фресок Софийского собора хромолитографированное изображение запрестольной мозаики киевского храма с копии ее, сделанной А. В. Праховым. См.: Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // Там же. Т. 1. С. IX—X, XXXVII, XCII; Т. 2, вып. 1. С. XV. Текст сообщения сохранился в личном фонде Н. В. Покровского: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 41 (Издание фресок Киевского Софийского собора. Сообщение в РАО. Октябрь 1887. Автограф черн. и кар.).

⁵⁶ Реферат доклада см.: *Покровский Н. В. О брачных венцах* // Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881. М., 1887. С. 203—206. В дополненном виде текст доклада был опубликован: *Покровский Н. Брачные венцы и царские короны* // ХЧ. 1882. Ч. 2. Июль—август. С. 127—160.

⁵⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 34 (О брачных венцах. Тетр. 5. Материалы к работе. 22 июня 1881. Автограф); Д. 35 (Древнерусские брачные венцы. Реферат. 14 августа 1881. Автограф); Д. 36 (Брачные венцы в церковно-археологической коллекции при С.-Петербургской Духовной академии. Выступление на V Археологическом съезде в Тифлисе. 1881. Автограф с дополнениями); Д. 37 (Царские

Присутствие на археологических съездах представлялось необычайно важным для молодого ученого, ибо, как он писал в своем заявлении в Совет Академии, оно давало единственную возможность «для живого обмена мыслей и ознакомления с современным состоянием всех отраслей археологического знания».⁵⁸ Участие Н. В. Покровского в съездах выразилось в работе предварительных комитетов по созыву съездов: подготовке вопросов, подлежащих обсуждению специалистов,⁵⁹ выработке планов деятельности отделений,⁶⁰ а также составлении текстов докладов или речей, предназначенных для прочтения в научных заседаниях.⁶¹ О том, насколько высок был авторитет Н. В. Покровского в среде русских археологов, свидетельствуют факты его постоянного избрания в состав Ученых комитетов съездов сначала в должности секретаря, а затем председателя по отделениям «Церковных древностей» или «Памятников искусств и художеств».⁶² По окончании рабо-

короны в Византии и России: Заметка и материалы к ней. 1880-е гг. Автограф). Здесь же сохранились материалы, связанные с пребыванием Н. В. Покровского на съезде: реферат сообщений, прочитанных на съезде, и путевые заметки, сделанные при посещении Гелатского монастыря: Д. 31 (Тифлисский археологический съезд: Заметки дневникового характера. 9—11 сентября 1881); Д. 38 (Археологические редкости Гелатского монастыря: Путевые заметки любителя старины. Август [1881]. Черновой автограф). Опубликовано под тем же названием: ХЧ. 1882. Ч. 1. Март—апрель. С. 467—486.

⁵⁸ Журналы заседаний Совета... за 1880/81 учебный год. СПб., 1881. С. 180.

⁵⁹ Так, на обсуждение VIII Археологического съезда в Москве (1890) Николай Васильевич ставит вопрос «Символика русских храмов XVII в. (на основании их стенописей и памятников письменности)»: Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890. М., 1897. Т. 4. Протоколы. С. 12. В числе «запросов, на которые желательно получить разъяснение» на XI Археологическом съезде в Киеве (1899), фигурируют запросы Покровского: 1) «какие требования должны быть предъявляемы к научной реставрации памятников старинного русского иконописания?»; 2) «какие требования должны быть предъявляемы к научной реставрации памятников старинной русской архитектуры?» (Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899. М., 1902. Т. 2. Протоколы. С. 25). К участникам XII Археологического съезда в Харькове (1902) ученый обращается с предложением рассмотреть темы: «Миниатюры в царских рукописях XVI и XVII вв.», «Бытовые особенности христианской иконографии в Малороссии» (Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902. М., 1905. Т. 3. Протоколы. С. 242); к XIII Археологическому съезду в Екатеринославе (1905) предлагает собрать сведения о находящихся в частных руках коллекциях древностей Южной России и берегов Черного моря, обследовать памятники литейного дела (кресты, образки и т. п.), найденные на юге России, проверить и дополнить ученые результаты А. Л. Бертье-Делагарда по вопросу о значении древностей Херсонеса в общей истории искусств (Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе 1905. М., 1908. Т. 2. Протоколы. С. 157—158). Запросы к XIV съезду в Чернигове (1909) заключались в предложениях: 1) «собрать сведения о русских памятниках XIII—XVI вв. в юго-западной России и Галиции»; 2) «проверить предание о том, будто при постройке Черниговского собора в XVIII в. найдены были в фундаменте башни серебряные идолы»; 3) «обследовать древние части собора и предание о нем»; 4) «описать и издать в точных фотографических снимках остатки древней церкви с фресковой живописью в г. Остре, Черниговской губернии»; 5) «описать древние пещерные сооружения» (Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1909. М., 1911. Т. 3. Протоколы. С. 28).

⁶⁰ См.: *Покровский Н. В.* План работ XIV археологического съезда // Труды XIV Археологического съезда... Протоколы. С. 14—15. Приложение 4.

⁶¹ Открытие заседаний отделения церковных древностей на пяти последних археологических съездах предваряли речи Н. В. Покровского, посвященные анализу состояния изученности проблем местной церковной археологии и перспективам их дальнейшего развития. См. тексты речей: Труды XI Археологического съезда... Протоколы. С. 64; Труды XII Археологического съезда... Протоколы. С. 296—297; Труды XIV Археологического съезда... Протоколы. С. 59—60; реферат выступления на XV Археологическом съезде: Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911. М., 1914. Т. 1. Протоколы. С. 73—74.

⁶² Обязанности секретаря отделения III «Памятники христианские» и отделения VI «Памятники искусства» Н. В. Покровский исполнял на V и VI Археологических съездах: Труды V Археологического съезда в Тифлисе 1881. С. XIII; Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1886. Т. 1. С. LI; председателем отделения III «Русские памятники художеств» («Памятники искусств и художеств») и V «Древности церковные» являлся на VII—XV Археологических съездах: Труды VII Археологического съезда в Ярославле 1887. М., 1892. Т. 3. Протоколы. С. 20; Труды VIII Археологического съезда... Протоколы. С. 20; Труды IX Археологического съезда в Вильне 1893. М., 1897. Т. 2. Протоколы. С. 5; Труды X Археологического съезда в Риге 1896. М., 1900. Т. 3. Протоколы. С. 6; Труды XI Археологического съезда... Протоколы. С. 33; Труды XII Археологического съезда... Протоколы. С. 246; Труды XIII Археологического съезда... Протоколы. С. 162; Труды XIV Археологического съезда... Протоколы. С. 33; Труды XV Археологического съезда... Протоколы. С. 41. На XV Археологическом съезде Н. В. Покровский являлся также председателем Ученого комитета (Там же. С. 40).

ты археологических форумов Покровский нередко выступает с обзорами их деятельности,⁶³ привлекается к подготовке издания «Трудов» археологических съездов.⁶⁴ До заграничной командировки 1888 г. ученый принимает участие в трех археологических съездах: V тифлисском (1881), VI одесском (1884), VII ярославском (1887). В Одессе в заседании отделения IX «Памятники византийские» он читает доклад «Об изображениях “Страшного суда”» и выступает с рефератом на предложенную Предварительным комитетом тему «О следах апокрифических Евангелий в древнерусской иконописи»;⁶⁵ в Ярославле рассматривает вопрос о характере иконографии в лицевых списках апокрифических сказаний о страстях Господних и принимает активное участие в прениях по заслушанным докладам.⁶⁶ Казалось бы, солидный научный багаж, накопленный Покровским, мог позволить ученому остановиться на достигнутом. Однако насущная потребность в более детальном знакомстве с византийскими памятниками заставляет его задуматься о новом заграничном путешествии.

5 февраля 1888 г. в заседании Совета С.-Петербургской Духовной академии Н. В. Покровский подает прошение о командировании его за границу с научной целью с 15 июня 1888 г. по 1 января 1889 г.⁶⁷ «Памятники русской церковной старины, изучение которых составляет предмет русской церковной археологии, — пишет он в прошении, — стоят в неразрывной связи с памятниками Византии как своими прототипами, и потому в научной постановке русской церковной археологии эти последние должны иметь фундаментальное значение».⁶⁸ Отмечая слабую разработанность византийских памятников в русской науке и отсутствие их надлежащей публикации за рубежом, Покровский заявляет о целесообразности их подробного осмотра и изучения на месте, необходимого как «для более или менее цельной постановки предмета... в пределах иконографии евангельской», так и для «разъяснения основных типов стеновой росписи в византийских и русских храмах».⁶⁹ Именно эти две темы легли в основу капитальных монографий ученого, завершенных им после возвращения из заграничного путешествия.

⁶³ Обзоры деятельности съездов см.: *Покровский Н.* 1) Памятники древности на Кавказе. (Пятый археологический съезд в Тифлисе) // *Церковный вестник*. 1881. № 42. С. 8—10; № 43. С. 8—10; № 44. С. 7—10; 2) Шестой археологический съезд в Одессе. (Памятники христианства) // *ХЧ*. 1885. Ч. 1. С. 179—229; 3) Церковная старина на ярославском археологическом съезде // *ХЧ*. 1888. Ч. 1. С. 36—69; 4) Церковная старина на выставке VIII Археологического съезда в Москве // *Церковный вестник*. 1890. № 6. С. 99—101; № 7. С. 116—117.

⁶⁴ Сведения об этом сохранились в письмах графини П. С. Уваровой к Н. В. Покровскому: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 588 (*Уварова П. С.*, гр., председатель МАО. Письма и телеграммы Н. В. Покровскому. 1887—1898).

⁶⁵ Труды VI Археологического съезда... Протоколы. С. LXVIII; Журналы заседаний Совета... за 1884/5 учебный год. СПб., 1886. С. 53. Реферат доклада см.: Рефераты заседаний VI Археологического съезда в Одессе. Одесса, 1884. 5-я паг. С. 6—7. Доклад был переработан в монографию и опубликован: *Покровский Н. В.* Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1887. Т. 3. С. 285—381. Реферат второго выступления см.: Рефераты заседаний VI Археологического съезда. 10-я паг. С. 11. Текст сохранился в личном фонде Н. В. Покровского: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 57 («Следы апокрифических Евангелий в древней византийско-русской иконографии»). Статья и материалы к ней. 1880-е гг. Автограф).

⁶⁶ Труды VII Археологического съезда... Протоколы. С. 55. Текст реферата сохранился в личном фонде исследователя: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 56 («Характер иконографии в списках апокрифических сказаний о страстях Господних». Реферат. [1887]. Автограф). Н. В. Покровский принял участие в обсуждении докладов: В. И. Богословского — «О деревянных сосудах и деревянных венцах, хранящихся в древлехрамилнице при Нижегородской Духовной семинарии», Х. П. Яшуржинского — «Остатки язычества в погребальных обрядах Малороссии», А. А. Гатцука — «Иконы св. Николая, можайского типа» (Труды VII Археологического съезда... Протоколы. С. 47, 64—65, 77).

⁶⁷ Журналы заседаний Совета... за 1887/8 учебный год. С. 176—181. Черновик прошения см.: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 8 (Прошение Н. В. Покровского в Совет С.-Петербургской Духовной академии о командировании его с 15 июня 1888 по 1 января 1889 г. за границу. 20 января 1888 г. Черновой автограф).

⁶⁸ Журналы заседаний Совета... за 1887/8 учебный год. С. 176.

⁶⁹ Там же. С. 176—179.

Посетив Константинополь, Афон, Солунь, Афины, Рим, Флоренцию, Париж, Н. В. Покровский приезжает в Петербург переполненный впечатлениями от личного знакомства с древностями. 8 марта 1889 г. он выступает с отчетом об ученых занятиях за границей, подводя основные итоги путешествия. Обзорение новых, еще никем не виденных памятников (в первую очередь замечательных миниатюр греческих рукописей), составление их подробного описания и изготовление фотографий с некоторых из них — таковы результаты этой необычайно насыщенной поездки.⁷⁰ «Вводя их (памятники. — Н. П.) в круг моих исследований по восточной иконографии, — отмечал в своем отчете Покровский, — я прихожу к заключению, что в моем распоряжении в настоящее время находится материал, достаточный для решения двух вопросов: 1) об Евангельской иконографии в Византии и России и 2) о церковных стенописях византийских и русских. Подробная разработка этих вопросов в связи с памятниками религиозной, в частности богослужебной, письменности составляет для меня предмет первых забот».⁷¹

В 1890 г. в первом томе «Трудов» VII Археологического съезда в Ярославле выходит исследование Н. В. Покровского «Стенные росписи в древних храмах греческих и русских».⁷² Начало работы над монографией было предпринято по инициативе графини П. С. Уваровой, в 1887 г. подвигнувшей ученого на создание этого фундаментального труда.⁷³ Спустя два месяца по завершении съезда, 22 октября 1887 г., графиня обращается к Покровскому с просьбой составить для «Трудов» ярославского съезда описание икон и фресок, находящихся в церквях Ярославля и Ростова, и получает на это предложение положительный ответ.⁷⁴ Задуманное изначально как исследование фресковых росписей Ярославля и Ростова сочинение Покровского вскоре перерастает в капитальный свод по истории византийско-русской монументальной живописи и приобретает свой законченный вид после возвращения ученого из-за границы. Однако именно глава, написанная по «заказу» графини Уваровой, была признана рецензентами книги наиболее сильной и самостоятельной частью его исследования.⁷⁵

«Стенные росписи...» Н. В. Покровского явились блестящим образцом применения литургического метода к изучению памятников средневековой монументальной живописи. Несмотря на отдельные критические замечания, высказанные рецензентами,⁷⁶ непреходящее значение сочинения было признано всеми без исключения уче-

⁷⁰ Отчет экстраординарного профессора Академии Н. В. Покровского об ученых занятиях его за границей с 15 июня 1888 по 1 января 1889 г. // Журналы заседаний Совета... за 1888/9 учебный год. С. 130—135 (с подробным перечнем исследованных памятников). Отрывок из лекций, читанных автором по возвращении из заграничного путешествия студента Академии, см.: *Покровский Н. О некоторых памятниках древности в Турции и Греции* // ХЧ. 1889. Ч. 2. Сентябрь—октябрь. С. 435—476.

⁷¹ Отчет... Н. В. Покровского... С. 135.

⁷² *Покровский Н. В. Стенные росписи в древних храмах греческих и русских* // Труды VII Археологического съезда в Ярославле 1887. М., 1890. Т. 1. С. 135—305.

⁷³ Напомним, что тема реферата Н. В. Покровского, прочитанного на заседании ярославского съезда, была иной (см. примеч. 66). Два письма П. С. Уваровой к Н. В. Покровскому, сохранившиеся в личном фонде ученого (ОР РНБ. Ф. 593. Л. 1—3), свидетельствуют о заказном характере его работы.

⁷⁴ Это явствует из второго письма Уваровой к Покровскому, датированного 30 октября 1887 г., в котором она благодарит его за согласие на работу по описанию памятников.

⁷⁵ Гл. III: Стенописи русские XVI—XVII вв. С. 246—305.

⁷⁶ Так, Н. П. Кондаков, признававший наиболее важной по новизне материала ту часть труда Покровского, в которой рассматривались стенописи Москвы, Ярославля и Вологды, указывал на недостаточную убедительность выводов, сделанных во введении к этому главному разделу, посвященному итальянским и византийским росписям. Причину неровности в разработке материала Кондаков усматривал в слишком обширной программе труда и обилии и неразработанности самого материала (Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. 1892. Т. 6, вып. 1—2. С. XVI—XVII). Текст отзыва см.: Там же. 1893. Т. 6, вып. 3—4. Приложения к протоколам. С. L—LV. Принципиальное возражение Кондакова вызвал исследовательский метод Покровского (Там же).

ными, что выразилось в присуждении книге Макарьевской премии С.-Петербургской Духовной академии и большой золотой медали Русского археологического общества.⁷⁷ В отзыве академической профессуры отмечалось не только подробное описание и разъяснение содержания и происхождения отдельных сюжетов, самостоятельно проделанное автором, но и удачная попытка определения общей идеи, лежащей в основе размещения сцен, подкрепленная обстоятельным анализом иконописных подлинников, литургических толкований и сравнением памятников.⁷⁸ Чрезвычайно важным для критиков представлялось то обстоятельство, что сочинение Покровского давало направление для будущих исследований, ибо позволяло по-новому взглянуть на проблему соотношения стенных росписей и древнерусского высокого иконостаса⁷⁹ — тему, получившую продолжение в трудах последователей Покровского.⁸⁰

История создания книги «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских» в деталях восстанавливается благодаря письмам Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву.⁸¹ В первом из них, датированном 28 сентября 1885 г., Покровский обращается к Буслаеву с просьбой помочь «определить тему для специальной работы». «Я до сих пор, — пишет Покровский, — не поставил для себя точно определенной задачи, на решение которой я мог бы посвятить свои силы; а между тем я этого очень желаю и с нынешнего года имею к тому свободное время... Что сказали бы Вы, если бы я вздумал заняться иконографией Спасителя, включая сюда выражение всех важнейших моментов его жизни и сопоставляя памятники искусства с памятниками письменности? Представляется ли возможность при такой постановке этого вопроса достигнуть серьезных положительных результатов?»⁸² Ответное письмо Буслаева, по-видимому, не сохранилось, однако о его содержании можно легко догадаться по второму письму Покровского от 25 декабря 1885 г. «Ваше письмо чрезвычайно ободрило меня. Я начинаю верить, что задуманный мною труд, даже и при моей несколько односторонней подготовке, может иметь некоторое значение. Конечно, в настоящее время говорить с уверенностью о конце дела было бы весьма поспешно; но и не следует терять его из вида».⁸³ Скрупулезные занятия в петербургских библиотеках и музеях, а затем и заграничная командировка 1888 г. помогли довести начатое до успешного завершения.⁸⁴

⁷⁷ Сочинение было выдвинуто на соискание премии Высокопреосвященного митрополита Макария экстраординарным профессором Петербургской Духовной академии протоиереем П. Ф. Николаевским. Рассмотрение его поручено заслуженному ординарному профессору Е. И. Ловягину и профессору П. Ф. Николаевскому, высказавшим единодушное мнение в пользу присуждения премии (Журналы заседаний Совета... за 1890—91 учебный год. СПб., 1896. С. 62, 147). Текст совместного отзыва профессором: Там же. С. 124—138. Отзыв, представленный в медальную комиссию РАО, был написан Н. П. Кондаковым (см. примеч. 76). За поднесение книги государю императору Н. В. Покровский был удостоен высочайшей благодарности (Журналы заседаний Совета... за 1890—91 учебный год. С. 186).

⁷⁸ См. отзыв Е. И. Ловягина и П. Ф. Николаевского (С. 136—137).

⁷⁹ Там же. С. 137—138.

⁸⁰ Эта тема была подробно разработана в сочинении ученика Н. В. Покровского Н. А. Сперовского, посвященном старинным русским иконостасам и опубликованном вскоре после выхода в свет труда его учителя. См.: *Сперовский Н.* Старинные русские иконостасы // ХЧ. 1892. Март—апрель. С. 173—175; Май—июнь. С. 325—326; Июль—август. С. 17; Ноябрь—декабрь. С. 533—535; 1893. Сентябрь—октябрь. С. 327—330, 335. О Сперовском подробнее см. примеч. 163.

⁸¹ ОР РГБ. Ф. 42. Д. 43.

⁸² Цит. по: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву. С. 308.

⁸³ Там же. С. 309.

⁸⁴ Сочинение было уже вчерне готово в январе 1890 г., о чем свидетельствует выступление Н. В. Покровского 11 января 1890 г. на заседании VIII Археологического съезда в Москве с докладом на тему «О задачах и приемах изучения Евангельской иконографии», представлявшим собой извлечение из введения к исследованию (Труды VIII Археологического съезда... Протоколы. С. 54). В 1892 г. «Евангелие» было опубликовано в Трудах съезда и в виде отдельной книги: *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских // Труды VIII Археологического съезда в Москве 1890. М., 1892. Т. 1.

К началу 1891 г. многолетний труд был окончательно завершен.⁸⁵ 12 декабря 1891 г. Н. В. Покровский обращается в Совет Петербургской Духовной академии с просьбой о принятии сочинения на соискание докторской степени. Для заключения о достоинствах работы она была передана на рассмотрение Е. И. Ловягину и В. В. Болотову, по положительным отзывам которых, представленным в апреле 1892 г.,⁸⁶ была признана заслуживающей принятия на соискание степени. В заседании Совета Академии 7 мая 1892 г. Покровскому присваивается степень доктора церковной истории.⁸⁷

Известно, что отношение к труду Н. В. Покровского в Академии было достаточно сдержанным. Это объяснялось самой постановкой темы, несколько непривычной для сочинений, представляемых на соискание академической докторской степени.⁸⁸ Гораздо благожелательнее, чем в осторожных академических кругах, работа Покровского была встречена археологами и историками искусства.⁸⁹ Отзывы некоторых из них были поистине восторженными. Оценивая «колоссальный труд» Покровского, А. А. Павловский, в частности, писал: «При одном только беглом просмотре его невольно испытываешь благоговение перед массой труда, начитанности, знакомства с памятниками, наконец, умением справиться с колоссальным материалом».⁹⁰ Но особенно тепло встретил труд своего ученика «по духу»⁹¹ Ф. И. Буслаев. Об этом свидетельствует письмо ученого, опубликованное в качестве предисловия к его заметкам о сочинении Покровского⁹² и начинавшее-

⁸⁵ См., например, письмо А. П. Голубцова к Н. В. Покровскому от 31 января 1891 г., в котором он поздравляет Николая Васильевича с окончанием многолетнего труда и желает, чтобы наступивший год принес Покровскому докторскую степень (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 221. Л. 3: *Голубцов А. П.* Письма к Н. В. Покровскому. 1890—1893).

⁸⁶ Отзыв В. В. Болотова на диссертацию Н. В. Покровского не публиковался и был известен лишь по выдержкам, приведенным в статьях Н. В. Малицкого: *Малицкий Н. В.* 1) Проф. Н. В. Покровский и его научные заслуги. С. 227—228; 2) Ученые труды... С. XIV. Текст отзыва удалось обнаружить в личном фонде В. В. Болотова (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21: *Болотов В. В.* Отзыв о сочинении Н. В. Покровского «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских»). 25 апреля 1892 г. Автограф).

⁸⁷ Журналы заседаний Совета... за 1891/92 учебный год. С. 152, 153. Утверждение Синодом последовало 1 июня того же года (Там же. С. 161—162).

⁸⁸ Свидетельства об этом сохранились, в частности, в письме Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву от 16 ноября 1892 г. См.: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву. С. 310. Повидимому, аналогичная информация содержалась и в письме Н. В. Покровского к А. П. Голубцову от 11 июля 1892 г. (местонахождение не установлено), в ответ на которое Голубцов замечал: «Прочитав Ваше письмо, я убедился, что путь к докторской степени в Петербургской Академии не менее тернист, чем в Московской» (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 224. Л. 5).

⁸⁹ В 1892—1894 гг. в периодической печати появилось около 10 одобрительных отзывов на сочинение. Перечень см.: Приложение IV.

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 445. Л. 1: *Павловский А. А.*, проф. Новороссийского университета. Письма и визитные карточки Н. В. Покровскому. Одесса, 1892.

⁹¹ Выражение Федора Ивановича Буслаева (*Лебедев В. А.* Из жизни Федора Ивановича Буслаева // Русская старина. 1908. № 1. С. 68). См. также: *Кызласова И. Л.* Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства... С. 5.

⁹² *Буслаев Ф.* Несколько заметок при чтении одного церковно-археологического труда (Н. В. Покровского: «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских»). СПб., 1892 г. // ХЧ. 1893. Ч. 1. Январь—февраль. С. 211—239 (перепечатано: Сочинения Ф. И. Буслаева. Л., 1930. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. С. 231—239). Оригинал вступительной части опубликованного в «Христианском чтении» письма сохранился в личном фонде Н. В. Покровского: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 174. Л. 1—1 об. (письмо Ф. И. Буслаева к Н. В. Покровскому от 13 ноября 1892 г.). Продолжение его представляет собой текст, специально составленный Ф. И. Буслаевым по просьбе Покровского (см. письмо Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву от 16 ноября 1892 г.: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву. С. 310) с целью общей характеристики сочинения, необходимой ввиду частного характера самих заметок. Затруднения Ф. И. Буслаева в составлении обстоятельной рецензии на труд Н. В. Покровского объяснялись практически полной слепотой ученого, не имевшего возможности «скреплять подробности необходимыми справками в разных источниках и пособиях» и отсутствием надежного помощника (*Буслаев Ф. И.* Несколько заметок... С. 211—212; ОР РНБ. Ф. 593. Д. 174. Л. 1—1 об.).

сы словами: «Не умею достаточно выразить всей полноты и силы моей сердечной благодарности за то наслаждение, какое доставили вы мне, дорогой Николай Васильевич, чтением вашего превосходного исследования об иконографии Евангелия». Давая всестороннюю оценку сочинения Покровского, Буслаев признавал главной заслугой автора введение в научный оборот «обильных материалов восточного происхождения» и установление прямого и непосредственного отношения памятников христианского искусства «к учению отцов церкви, к текстам литургий, к акафистам и вообще к церковной службе». «Вы первый, — суммировал Ф. И. Буслаев, — возвели у нас эти коренные и незыблемые основы в стройную систему и вложили в науку... душу живу».⁹³

Достаточно быстро сочинение Покровского приобрело известность и было по достоинству оценено за рубежом. Уже в 1894 г. его штудировал известный впоследствии французский историк искусства Г. Милле, занятый подготовкой собственного сочинения об иконографии Евангелия.⁹⁴ Высокая и заслуженная оценка работы Покровского в России и за границей побудила Русское археологическое общество поднять вопрос о присуждении книге большой золотой медали Общества, которая и была присвоена в 1893 г. по отзыву А. И. Кирпичникова.⁹⁵

Начало 1890-х гг. ознаменовалось активизацией деятельности Н. В. Покровского в Императорской Археологической комиссии и Русском археологическом обществе.⁹⁶ В 1892 г. по просьбе Археологической комиссии ученый составляет заключение о серебряном щите, найденном в 1891 г. в Керчи и доставленном на отзыв Комиссии;⁹⁷ в 1893 г. исследует состояние Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря г. Пскова.⁹⁸ 28 апреля 1893 г. он выступает в заседании Комиссии с докладом по делу о реставрации собора,⁹⁹ в мае совершает поездку в Псков для осмотра сохранившихся в храме фресок XII в. и, признавая исключительные худо-

⁹³ Буслаев Ф. И. Несколько заметок... С. 212—213.

⁹⁴ Свидетельства об этом находим в письме инока русского Пантелеймонова монастыря на Афоне Матфея, отправленном Н. В. Покровскому 28 ноября 1894 г. (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 373. Л. 23 об.—24: Матфей, монах русского православного монастыря на Афоне. Письма к Н. В. Покровскому. Афон. 1889—1894).

⁹⁵ История Императорского Русского археологического общества... С. 202; Протоколы заседаний Императорского Русского археологического общества // ЗИРАО. Новая серия. 1894. Т. 7, вып. 1—2. С. LVII—LVIII (протокол заседания общего собрания ИРАО от 3 ноября 1893 г.). Отзыв о сочинении А. И. Кирпичникова см.: Там же. Приложения к протоколам. С. XXXVIII—CXL.

⁹⁶ Деятельность Н. В. Покровского в ИАК в 1890—1900-е гг. в подробностях восстанавливается на основании следующих документов: РА ИИМК РАН. Ф. 1 (Дела ИАК); ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 82 (Дело [Археологического института] по переписке с Императорской Археологической комиссией. Ч. 2. 1898—1908 гг.) и по письмам сотрудников ИАК, адресованным Н. В. Покровскому: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 154 (Бобринский Алексей Александрович, председатель Археологической комиссии. Письма, открытки и телеграмма Н. В. Покровскому 1885—1895); Там же. Д. 564 (Тизенгаузен Владимир Густавович, товарищ председателя ИАК. Письма Н. В. Покровскому. 1887—1899); Там же. Д. 558 (Суслов Владимир Васильевич, академик архитектуры. Письма, телеграмма и визитные карточки Н. В. Покровскому. 1892[—1895]); Там же. Д. 299 (Китнер Иероним Севастьянович, товарищ председателя С.-Петербургского Общества архитекторов. Письмо Н. В. Покровскому. 7 ноября 1897 г.). См. также: Белова Н. А. Н. В. Покровский и Императорская археологическая комиссия...

⁹⁷ Покровский Н. В. Византийский щит, найденный в Керчи // Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 году. Исследования Иос. Стржиговского и Н. В. Покровского. СПб., 1892. С. 23—37 (МАР. № 8).

⁹⁸ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 636. Ч. 3 (Дело Имп. Археологической комиссии о реставрации Преображенского собора в Спасо-Мирожском монастыре в г. Пскове. 16 сентября 1887—28 октября 1915); Ф. 1. Оп. 1. 1890 г. Д. 221 (Протоколы заседаний Имп. Археологической комиссии. 1890—1902). Реставрационные работы в соборе Спасо-Мирожского монастыря были начаты в 1889 г. архитектором В. В. Сусловым. В 1893 г. Археологическая комиссия, озабоченная вопросом о необходимости издания фресок церкви, возбудила ходатайство о допущении уполномоченного ею лица для снятия калек и фотографий с росписи и обратилась за помощью к нескольким лицам, в числе которых был и Н. В. Покровский.

⁹⁹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1890 г. Д. 221. Л. 22 об.

жественные достоинства памятника, убеждает Преосвященного Псковского и Порховского оставить в храме леса до снятия с росписи копий.¹⁰⁰ Свои наблюдения над характером и иконографическими особенностями фресок Покровский излагает в докладе, прочитанном на IX Археологическом съезде в Вильне.¹⁰¹ В том же году как член Комиссии, организованной Русским археологическим обществом¹⁰² для издания историко-археологического описания Староладожской крепости, он включается в обсуждение проекта издания и принимает на себя описание церкви св. Георгия.¹⁰³ Однако наиболее сложной и трагичной по своим последствиям оказалась работа ученого в Особой комиссии по обсуждению проекта стеновой росписи Софийского собора в Новгороде (1895—1896 гг.).¹⁰⁴ Проект был изготовлен под руководством В. В. Сулова и в конце ноября 1895 г. направлен в Археологическую комиссию новгородским архиепископом Феогностом. В целях подготовки к его детальному обсуждению Комиссия поручает Покровскому произвести предварительное рассмотрение проекта и дать свое заключение о нем. В отзыве, составленном Н. В. Покровским,¹⁰⁵ было указано не только на отсутствие должного единства в стиле и композиции проектируемой живописи, но и выражено мнение о необходимости изготовления эскизов предполагаемой росписи в натуральную величину.¹⁰⁶ Этот отзыв положил начало затянувшимся на несколько месяцев приемам, связанным с обсуждением изменений и дополнений к проекту. Их печальным итогом яви-

¹⁰⁰ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1890 г. Д. 221. Л. 23 об.; Оп. 1. 1886 г. Д. 63 б. Ч. 3. Л. 32, 36—36 об. Калькирование фресок было произведено в 1893 г. под руководством В. В. Сулова художником Ф. М. Фоминим. В настоящее время копии хранятся в Отделе древнерусского искусства ГРМ.

¹⁰¹ Заседания IX Археологического съезда в Вильне // АИЗ, изд. ИМАО. М., 1893. Т. 1. № 9—10. С. 310—311. Перепечатано: Труды IX Археологического съезда в Вильне... Т. 2. Протоколы. С. 42—43.

¹⁰² К обсуждению вопросов, связанных с исследованием Староладожской крепости, Н. В. Покровский привлекался как Русским археологическим обществом, так и Императорской Археологической комиссией (см. примеч. 36). В 1886 г., в связи с открытием Н. Е. Бранденбургом остатков двух древних церквей, Императорская Археологическая комиссия приглашает его в качестве консультанта для осмотра обнаруженных при раскопках древних фресок (РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 17. Л. 13—20: Дело Имп. Археологической комиссии об археологических раскопках генерал-майора Бранденбурга близ Старой Ладоги, на левом берегу р. Волхова. 15 марта 1886—27 января 1896). См. также письмо Н. Е. Бранденбурга к Н. В. Покровскому от 13 сентября 1895 г.: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 169. Л. 3—4 об. (*Бранденбург Николай Ефимович*. Письма Н. В. Покровскому. 1888—1897).

¹⁰³ Протоколы заседаний Имп. Русского археологического общества за 1893 г. // ЗИРАО. Новая серия. 1895. Т. 7, вып. 3—4. С. LI1; Протоколы заседаний Имп. Русского археологического общества за 1894 г. // Там же. 1896. Т. 8, вып. 1—2. Труды Отделения русской и славянской археологии. Кн. 1. С. XII; История Императорского Русского археологического общества... С. 139. См. также: РА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 401 (Протоколы заседаний ИРАО 1893—1898 гг. Л. 20—20 об.); Там же. Д. 165. Л. 112—113 (О производстве раскопок в Староладожской крепости и снятии с крепости плана. 23 мая 1880—28 октября 1899: протокол заседания Комиссии от 23 апреля 1893 г.). По невыясненным причинам описание церкви было сделано В. В. Суловым. См.: *Сулов В. В.* Техническое описание архитектурных памятников Старой Ладоги (пояснительный текст к таблицам) // *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896. Сведения об участии Н. В. Покровского в подготовке иллюстративной части издания сохранились в письмах В. В. Сулова к Н. В. Покровскому (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 558. Л. 3 об.—4, 8).

¹⁰⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 84 (Обсуждение проекта стеновой росписи Новгородского Софийского собора (приложения рисунков в 2 экз. к протоколу и корректура с поправками)). Материалы опубликованы в изд.: *Обсуждение проекта стеновой росписи Новгородского Софийского собора* // МАР. СПб., 1897. № 21. О развитии событий см. также в письмах В. В. Сулова, В. Г. Тизенгаузена, А. А. Бобринского и И. С. Китнера: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 558. Л. 3—3 об.; Д. 564. Л. 6; Д. 154. Л. 9—9 об.; Д. 299. Л. 1.

¹⁰⁵ Записка проф. Н. В. Покровского [о проекте реставрации росписи Новгородского Софийского собора] // *Обсуждение проекта стеновой росписи...* С. 19—21.

¹⁰⁶ В отзыве Покровского было высказано справедливое мнение о недопустимости соединения в одном памятнике образцов росписей разных эпох, ибо, собранные в одном храме, они неизбежно «будут производить впечатление археологической смеси XIX в.». Выдвигая требование руководствоваться в проекте памятниками преимущественно одной эпохи, Покровский писал: «В столь трудном деле, каково настоящее, археология обязывает реставратора не к удержанию и передаче недостатков старых памятников, но к воспроизведению духа старинной росписи, общей системы ее в храме и композиции сюжетов. Памятники старины должны давать художнику лишь материал и руководящие мотивы» (*Обсуждение проекта стеновой росписи...* С. 19, 20).

лось решение духовных властей о передаче росписи собора палехскому иконописцу Н. М. Сафонову, расписавшему стены древнейшего новгородского храма грубой клеевой живописью, без какой бы то ни было оглядки на старину.¹⁰⁷

По-видимому, этот печальный опыт не прошел бесследно для ученого. Его дальнейшая деятельность в ИАК фактически сводится к консультациям по поводу приобретенных или полученных для рассмотрения в Комиссии древностей.¹⁰⁸ Наиболее значительными работами конца 1890-х—начала 1900-х гг. были отзыв о проекте пристройки южного придела к церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи (1898)¹⁰⁹ и командировка в Люблин для осмотра фресок в костеле св. Троицы (1903).¹¹⁰

На фоне колоссальной административной нагрузки, которая легла на плечи Н. В. Покровского в 1890-е гг.,¹¹¹ вполне естественным выглядит снижение его активной творческой деятельности. Капитальный труд «Евангелие в памятниках иконографии», ставший плодом многолетних научных изысканий, уходил в прошлое; новых значительных работ по истории христианского искусства не появлялось. Тем удивительнее кажется выход в свет в 1894 г. книги «Очерки памятников православной иконографии и искусства», выдержавшей три издания и не потерявшей своего значения до наших дней.¹¹² Сочинение представляло собой переложение

¹⁰⁷ См.: Обсуждение проекта стеной росписи... В ходе работ Н. М. Сафонова были уничтожены драгоценные остатки древних фресок, найденные при реставрации церкви в 1893—1894 гг. В. В. Суслымов. О печальной судьбе софийских фресок см.: *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения... С. 160—161.

¹⁰⁸ В 1895 г. Н. В. Покровский осматривал в ИАК мраморный ларец, полученный в дар Церковно-археологическим обществом при Киевской Духовной академии от Н. А. Леопардова (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 564. Л. 4); в 1898 г. для отчета ИАК давал заключение о бронзовой иконе Воскресения и эстампе с изображения на мраморной плите «Спасение св. Петра от потопления», найденных в Херсонесе (Там же. Л. 5—5 об.); в 1899 г. вместе с Д. А. Хвольсоном и Я. И. Смирновым описывал сирийское блюдо, найденное в Пермском крае (опубликовано: Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае: Статьи проф. Д. А. Хвольсона, проф. Н. В. Покровского и Я. И. Смирнова. СПб., 1899. С. 4—6 (МАР. № 22)). В 1899 и 1902 гг. в записках, поданных в ИАК, ученый высказал свои соображения относительно рисунков кавказских древностей, исполненных А. П. Эйсером, и об иконе «Распятие», принадлежавшей Керченскому собору (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 82. Л. 5, 59, 68).

¹⁰⁹ РА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 45.

¹¹⁰ Там же. Оп. 1. 1903 г. Д. 145. В отношении ИАК от 27 июня 1903 г. на имя директора Археологического института Н. В. Покровского, в частности, говорилось: «Получив при отношении Вашем от 24 июня № 241 письмо люблинского губернатора, в коем сообщаются данные о стеной росписях костела Св. Троицы в Люблине и о проекте реставрации их, считаю долгом принести Вашему превосходительству благодарность от лица ИАК за доведение до нее сведения этого дела, по которому Вы, вероятно, не откажете дать Ваше компетентное заключение в ближайшем реставрационном заседании Комиссии» (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 82. Л. 69). В 1904 г. по просьбе ИАК Н. В. Покровский давал заключение о случайно найденных предметах в с. Островки на берегу Невы, где под его непосредственным руководством силами студентов Археологического института были произведены небольшие археологические раскопки (Там же. Л. 73—73 об.).

¹¹¹ В 1893 г. Н. В. Покровский был назначен инспектором С.-Петербургской Духовной академии с возведением в звание сверхштатного ординарного профессора; в 1894 г. совместно с В. В. Болотовым и И. Г. Троицким входил в комиссию по регулированию учебного процесса в Академии (рассмотрение вопроса о подаче семестровых сочинений); в 1897/98 г. состоял инспектором педагогических курсов учителей и учительниц церковноприходских школ; с октября 1898 по октябрь 1899 г. временно исполнял обязанности ректора Академии (Журналы заседаний Совета... за 1893/94 учебный год. СПб., 1894. С. 4—6, 290; Журналы заседаний Совета... за 1897/98 учебный год. СПб., 1899. С. 107; Журналы заседаний Совета... за 1898—1899 учебный год. СПб., 1905. С. 40; Журналы заседаний Совета... за 1899—1900 учебный год (в извлечении). СПб., 1902. С. 74). В 1896—1898 гг. Покровский временно исполнял обязанности, а с 1898 г. стал директором Археологического института (Журналы заседаний Совета... за 1897/98 учебный год. С. 140—141).

¹¹² *Покровский Н. В.* Очерки памятников православной иконографии и искусства. СПб., 1894. По отзыву И. Г. Троицкого издание было удостоено Макарьевской премии С.-Петербургской Духовной академии (Журналы заседаний Совета... за 1894—1895 учебный год (в извлечении). СПб., 1908. С. 46—47, 66—67). В 1900 г. появилось второе, исправленное и дополненное издание этого труда: *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900. Помимо материала, изложенного в первом издании, в него вошли извлечения из сочинения Н. В. Покровского «Стенные росписи в древних храмах греческих и русских», актовой речи 1885 г. «Определения Стоглава об иконах» и «Сийского иконописного подлинника» (*Малицкий Н.* Ученые труды... С. XV). В 1910 г. вышло третье, незначительно исправленное издание: *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб., 1910.

для широкого круга читателей цикла лекций по истории христианского искусства и охватывало обширный материал, начиная с первых веков христианства и кончая Синодальным периодом русского искусства. «Цель предлагаемых очерков, — писал Н. В. Покровский в предисловии ко второму изданию, — заключается в сжатом изложении результатов, достигнутых христианской археологией в области памятников искусства и иконографии, особенно византийских и русских. Не столь давно начатое дело исследования этих памятников не доведено еще до желательного конца. Многие и очень важные памятники еще не приведены в известность и не обследованы. Для успехов дальнейших исследований полезно разобраться в массе материала уже известного, а отчасти и вошедшего в научное обращение: важно предварительно знать, что сделано, чтобы определить подлежащие христианской археологии задачи».¹¹³ Именно эту цель, обозначенную автором в предисловии, — создание целостной картины состояния христианской археологии на рубеже двух столетий — книга превосходно выполнила. И именно с этих позиций следует рассматривать «Очерки...» в наши дни, когда огромная масса археологического материала, добытого в ходе раскопок и кабинетного исследования памятников, введена в научный оборот. Однако основные положения работы Покровского продолжают сохранять силу, а многие спорные вопросы, обозначенные на страницах книги, так и не получили окончательного разрешения.¹¹⁴

Многолетние изыскания Н. В. Покровского в области сравнительного изучения памятников письменности и искусства нашли достойное применение в деятельности Общества любителей древней письменности, организованного в 1877 г. князем П. П. Вяземским.¹¹⁵ Наиболее продуктивный период работы Покровского в Обществе пришелся на вторую половину 1890-х гг. и был озаглавлен подготовкой к изданию и публикацией двух замечательных памятников древнерусской письменности и искусства — Сийского иконописного подлинника и Колясниковского лицевого синодика. Мысль об издании Сийского подлинника — превосходного сборника переводов с древнерусских икон, составленного в XVII в. чернецом Никодимом, бывшего в употреблении у иконописцев Антониево-Сийского

¹¹³ Покровский Н. В. Очерки памятников... СПб., 1910. Предисловие ко второму изданию.

¹¹⁴ К величайшему сожалению, переиздание этой книги к 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского, предпринятое издательством «Лига Плюс», не оправдало наших надежд на появление столь необходимого читателю нового критического, снабженного необходимым аппаратом издания. Обидно, что давно ставший библиографической редкостью труд вышел в свет с неоправданными купюрами, коснувшимися как целых глав книги (например, обзора миниатюр лицевых рукописей), так и авторских примечаний, содержащих бесценные сведения об использованных в исследовании источниках и многочисленные наблюдения автора. Не говоря уже о сокращении количества иллюстраций и произвольных подписях к ним, особые нарекания вызывает вольное обращение с авторским текстом, урезанным под предлогом его сомнительной актуальности или архаичности научно-богословского языка начала XX в. Подобное отношение к рукописи абсолютно недопустимо и лишний раз свидетельствует о низком профессиональном уровне составителя издания и автора вступительной статьи А. А. Алексева. Ярким примером бережного отношения к нашему научному наследию является принятое в 1986 г. Г. И. Вздорновым переиздание книги В. Н. Лазарева «История византийской живописи», которое, по нашему мнению, может служить прекрасным образцом публикации специальных научных текстов.

¹¹⁵ С 7 декабря 1884 г. Н. В. Покровский являлся членом-корреспондентом Общества; с 13 апреля 1901 г. — почетным членом: Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1884—1885 г. / ПДП. [Вып.] LVII. [СПб.] 1885. С. 4, 14; Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1900—1901 году с приложениями / ПДПИ. [Вып.] CXLVI. [СПб.] 1902. С. 7, 32. Деятельность Н. В. Покровского в ОЛДП может быть прослежена по ежегодным печатным отчетам Общества. К сожалению, архив Общества, поступивший в ОР РНБ, до настоящего времени не разобран. Некоторые сведения об участии Покровского в заседаниях и о выполнении им поручений председателя Общества сохранились в письмах С. Д. Шереметева и В. В. Майкова, хранящихся в личном фонде ученого (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 617: Шереметев Сергей Дмитриевич, председатель ИОЛДП. Письма и телеграмма Н. В. Покровскому. 1891—1899; Там же. Д. 367: Майков В. В., секретарь ОЛДП. Письма Н. В. Покровскому. 1895—1898).

монастыря, возникла вскоре после приобретения его в Москве в 1881 г. председателем ОЛДП. В 1894 г. в серии «Издания Общества...» начинает печататься лицевая часть рукописи, а в 1895 г. появляются первые комментарии к рисункам, составленные Н. В. Покровским. Так, с 1894 по 1898 г., с периодичностью один или два выпуска в год, выходит это беспримерное издание, которое справедливо называть научным подвигом Н. В. Покровского: повторить это до сих пор не удалось никому.¹¹⁶ Покровским было сделано описание и отмечены иконографические особенности более 500 рисунков рукописи, высказаны предположения о происхождении мастеров-иконников и путях миграции иконных прорисей. Свои наблюдения над рукописью, сделанные в процессе подготовки издания, ученый изложил в докладах, прочитанных в заседаниях ОЛДП в 1895 г.¹¹⁷ Переписка ученого свидетельствует о том, что и после завершения работы над 4-м выпуском подлинника, вышедшим в свет в 1898 г., исследователь продолжает живо интересоваться проблемой публикации лицевого иконописного подлинника.¹¹⁸ Эту тему он избирает для своего выступления в заседании Общества в апреле 1899 г.¹¹⁹ Его все сильнее занимает мысль об образовании особой комиссии при Комитете ОЛДП, деятельность которой была бы направлена на решение этого важного вопроса.¹²⁰

В декабре 1895 г. Н. В. Покровский дает согласие на составление предисловия к другой замечательной рукописи XVII в. — Синодику Колясниковской церкви

¹¹⁶ Лицевой Сийский иконописный подлинник. 1—4 / Изд. ОЛДП. Вып. CVII, CXI, CXI, CXXXVI. (Приложение к: ПДП. [Вып.] CVI, CXIII, CXXII, CXXVI.) [СПб.,] 1894—1897; *Покровский Н. В.* Сийский иконописный подлинник. I—IV / ПДП. [Вып.] CVI, CXIII, CXXII, CXXXVI. [СПб.,] 1895—1898. См. также: Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1893—1894 году с приложениями, прибавлением денежного отчета и бюджета / ПДП. [Вып.] CII. [СПб.,] 1894. С. 2—3; Протоколы заседаний Комитета // Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1896—1897 году с приложением денежного отчета и бюджета / ПДП. [Вып.] CXXXIV. [СПб.,] 1897. С. VII.

¹¹⁷ Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1894—1895 году с приложениями, прибавлением денежного отчета и бюджета / ПДП. [Вып.] CXI. [СПб.,] 1895. С. 30—31 (реферат сообщения, сделанного в заседании 14 февраля 1895 г.). Перепечатано с изменениями и сокращениями: АИЗ, изд. ИМАО. 1895. Т. 3. № 4. С. 134—135; Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1895—1896 году, с приложениями, прибавлением денежного отчета и бюджета / ПДП. [Вып.] CXX. [СПб.,] 1896. С. 17—18 (реферат сообщения о втором Сийском иконописном подлиннике, сделанного в заседании 15 декабря 1895 г.).

¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 617. Л. 8, 9, 10.

¹¹⁹ Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1898—1899 году с приложениями / ПДПИ. [Вып.] XXXV. [СПб.,] 1900. С. 26—27 (реферат сообщения, прочитанного в заседании 29 апреля 1899 г.); опубликовано: *Покровский Н. В.* Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства / ПДПИ. [Вып.] CXXXIV. [СПб.,] 1899. Перепечатано с сокращениями: *Покровский Н.* Насущная потребность нашей иконописи // Церковный вестник. 1899. № 38. Стб. 1338—1342; № 41. Стб. 1442—1445; № 42. Стб. 1473—1477. Идея Н. В. Покровского о необходимости создания нового иконописного подлинника в условиях упадка современного церковного искусства встретила возражения Н. П. Кондакова, высказавшего в том же заседании 29 апреля 1899 г. мнение о необходимости издания «копии лучших руководственных типов, отдавая предпочтенье... более художественным, более характерным и удавшимся» (Отчеты о заседаниях... в 1898—1899 году... С. 27—28). См. также: *Апраксин П.*, гр. К 25-летию основания Императорского Общества любителей древней письменности // Русский вестник. 1903. Т. 284. Апрель. С. 773.

¹²⁰ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 617. Л. 9: письмо С. Д. Шереметева к Н. В. Покровскому от 10 марта 1899 г. Постановление об организации при Комитете особой комиссии по изданию лицевого иконописного подлинника было принято в заседании Комитета Общества 23 марта 1899 г. в ответ на обращение Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, составленное по инициативе В. М. Васнецова (Отчеты о заседаниях... в 1898—1899 году... С. 7). В состав Комиссии вошли прот. М. Г. Хитров, В. М. Васнецов, Н. П. Кондаков, Н. В. Покровский, Н. П. Лихачев, Н. В. Султанов, В. Т. Георгиевский и прот. В. И. Маренин (Там же. С. 8, 9, 33); Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1899—1900 году с приложениями / ПДПИ. [Вып.] CXLI. [СПб.,] 1901. С. 9. Результатом стараний Общества и работы Комиссии явился высочайший указ Правительствующему Сенату от 19 марта 1901 г. об учреждении Комитета попечительства о русской иконописи (Отчеты о заседаниях Императорского Общества любителей древней письменности в 1900—1901 году... С. 32; *Апраксин П.*, гр. К 25-летию основания... С. 774).

Даниловского уезда Ярославской губернии, издание которой предпринял на свои средства потомственный почетный гражданин Г. В. Юдин.¹²¹ В 1897 г., одновременно с работой над предисловием,¹²² он выступает с художественной оценкой исследуемого памятника.¹²³ Отмечая его традиционное содержание, исследователь указывает на своеобразное художественное оформление рукописи, снабженной 32 миниатюрами, ряд которых обладает неповторимыми иконографическими особенностями. Всесторонней оценке памятника и анализу его миниатюр был посвящен вышедший в свет в 1899 г. второй выпуск Синодика.¹²⁴

Участие Н. В. Покровского в работе ОЛДП во многом перекликается с его деятельностью в Комитете попечительства о русской иконописи.¹²⁵ Начатое по инициативе Покровского в ОЛДП рассмотрение вопроса о публикации лицевого иконописного подлинника¹²⁶ было перенесено в заседания Комитета, вскоре после организации приступившего к реализации этого проекта.¹²⁷ Ученый включается в обсуждение состава издания, а после подготовки Н. П. Кондаковым 1-го выпуска подлинника берет на себя его рецензирование.¹²⁸ Столь же энергичное участие принимает Покровский в заседаниях Комитета, посвященных выработке мер к ограничению машинного производства икон,¹²⁹ в дискуссии о состоянии иконописи в Палестине и проблеме снабжения русских паломников иконами.¹³⁰

¹²¹ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 367. Л. 7—7 об., 15. О начале издания рукописи: Отчеты о заседаниях... в 1894—1895 году... С. 4, 6.

¹²² ОР РНБ. Ф. 593. Д. 367. Л. 18, 19, 22—22 об.

¹²³ Отчеты о заседаниях... в 1896—1897 году... С. 30 (реферат сообщения в заседании ОЛДП от 21 марта 1897 г.). См. также: АИЗ, изд. ИМАО. 1897. Т. 5. № 7—8. С. 253.

¹²⁴ Н. П. Предисловие // Синодик Колясниковой церкви / Печатан иждивением потомственного почетного гражданина Г. В. Юдина / Изд. ОЛДП. [Вып.] CXV. СПб., 1899. Вып. 2. С. 1—18.

¹²⁵ Н. В. Покровский был утвержден представителем от духовного ведомства в КПРИ 7 мая 1901 г.: РГИА. Ф. 797. Оп. 71 (1 отд., 1 стол). Д. 74 (О назначении представителя от ведомства Святейшего Синода в Комитет попечительства о русской иконописи... 16 апреля 1901—27 августа 1902). О деятельности Покровского в Комитете см.: Журналы заседаний и отчеты о деятельности Комитета (СР ГРМ. КПРИ. Д. 13, 15, 41, 53, 62, 78, 80, 90, 125, 145, 150, 153, 165, 174, 210, 213, 227), а также печатные журналы заседаний за 1901—1902 гг.: Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1902. Вып. 1. С. 11—33; СПб., 1903. Вып. 2. С. 5—28; за 1903—1905 гг.: Иконописный сборник. Издание Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1906. Вып. 1. С. 5—67; за 1906—1909 гг.: Там же. СПб., 1908. Вып. 2. 3-я паг. С. 15—63; СПб., 1909. Вып. 3. С. 51—86.

¹²⁶ См. примеч. 117.

¹²⁷ См.: Журналы заседаний Комитета 17 мая 1901 и 3 января 1902 г. // Известия Высочайше учрежденного Комитета... Вып. 1. С. 20—21, 26—29 и приложения 1—5 на с. 38—82: Мнения членов Комиссии по вопросу об издании лицевого иконописного подлинника (на с. 71—82 мнение Н. В. Покровского). См. также: СР ГРМ. КПРИ. Д. 38 (Об издании лицевого подлинника. 9 января 1903—30 марта 1905); Д. 60 (Журналы заседаний Комитета по изданию лицевого иконописного подлинника. 21 ноября 1904—7 декабря 1906); Д. 67 (О расходах и переписке по лицевому иконописному подлиннику. 14 января—20 декабря 1905).

¹²⁸ Иконописный сборник. Вып. 1. С. 35, 38—39. Издание вышло в свет в 1905 г.: Кондаков Н. Лицевой иконописный подлинник. Т. 1: Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа / Изд. Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1905. См. рецензию Н. В. Покровского: Прибавления к Церковным ведомостям. 1907. № 31. С. 1300—1302. Второй том, посвященный иконографии Богоматери, был подготовлен к изданию, но так и не вышел в свет. Подготовительные материалы к изданию и переписка сохранились: СР ГРМ. КПРИ. Д. 96 (О расходах и переписке по изданию лицевого иконописного подлинника. 1906); Д. 120 (О расходах по изданию лицевого иконописного подлинника на 1907 г.); Д. 135 (Переписка о снятии копий и фотографий с чудотворных икон. 1908); Д. 148 (О расходах и переписке по изданию II тома лицевого иконописного подлинника. 1908—1909); Д. 294 (Лицевой иконописный подлинник. Т. II. Иконография Богоматери. Машинопись. Б. д.). Последующие тома должны были быть посвящены иконографии праздников.

¹²⁹ Иконописный сборник. Вып. 1. С. 19; Вып. 2. С. 34.

¹³⁰ Там же. Вып. 2. С. 51—52. Вопрос об иконной торговле в Палестине был поднят в докладе А. А. Дмитриевского, прочитанном в заседании Комитета 15 февраля 1908 г. Текст доклада см.: Дмитриевский А. Иконная торговля Императорского Православного Палестинского общества в Иерусалиме // Иконописный сборник. Вып. 2. 2-я паг. С. 1—13.

Наиболее плодотворно знания и опыт Н. В. Покровского были использованы в деятельности комиссий и комитетов по составлению проектов росписей вновь сооружаемых храмов. Самым ранним в серии подобных мероприятий стало участие в Комиссии по мозаичной росписи храма Воскресения (Спаса на Крови) на Екатерининском канале в С.-Петербурге, активное сотрудничество в которой относится к 1895—1897 гг.¹³¹ В компетенцию Покровского как представителя Синодального ведомства входило рассмотрение картонов и эскизов, подготавливаемых художниками для мозаичного убранства и иконостаса храма, консультирование мастеров по вопросам иконографии, наблюдение за общим ходом работ по декорации.¹³² К 1900 г. относится составление проекта размещения живописи в православном соборе в Варшаве,¹³³ к 1913 г. — участие в Высочайше утвержденном Комитете для составления проектов росписи царскосельского Феодоровского собора.¹³⁴

В 1901—1909 гг. как директор Петербургского археологического института Н. В. Покровский принимает деятельное участие в организации четырех областных историко-археологических съездов, поочередно состоявшихся в древнейших русских городах — Ярославле, Твери, Владимире и Костроме.¹³⁵ Проведение этих мероприятий во многом обязано положительному отзыву Н. В. Покровского, направленного 26 февраля 1901 г. в ответ на запрос о целесообразности устройства ярославского съезда на имя временно исполняющего обязанности министра внутренних дел.¹³⁶ «Позволю себе выразить убеждение, — писал Н. В. Покровский, — что имеющийся в районе бывшего Ростово-Суздальского княжества материал представляет собой обширную и разнообразную почву для его научного обследования. Систематический обзор этого материала, при содействии многих

¹³¹ В марте 1895 г. был объявлен конкурс на мозаичные работы для храма. По сведениям М. Г. Талалая, Н. В. Покровский являлся также консультантом при изготовлении эскизов для росписи русской церкви во Флоренции (архитектор М. Т. Преображенский, проект 1883—1891 гг.): *Талалай М. Г.* Русская церковь во Флоренции как петербургский памятник // *Невский архив: Историко-краеведческий сборник*. М.; СПб., 1995. [Вып.] 2. С. 450. Однако никаких документальных свидетельств об этой работе Н. В. Покровского обнаружить не удалось. Благодарю А. Г. Терехова за указание на статью М. Г. Талалая.

¹³² Деятельность Н. В. Покровского в Комиссии подробно отражена в письмах архитектора А. А. Парланда, датированных 1895—1897 гг., сохранившихся в личном фонде ученого (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 452: *Парланд Альфред Александрович*, архитектор. Письма Н. В. Покровскому. 1895—1897). См. также: *Н. П.* Выставка эскизов и картонов для мозаик храма Воскресения Христова в С.-Петербурге // *Церковный вестник*. 1900. № 18. Стб. 578—580. К моменту завершения храма относится статья: *Покровский Н. В.* Новый храм Воскресения Христова на Екатерининском канале в С.-Петербурге // *Привавления к Церковным ведомостям*. 1907. № 33. С. 1363—1369.

¹³³ *Покровский Н.* Проект размещения живописей в новом православном соборе во имя св. Благоверного Великого князя Александра Невского в Варшаве // *ХЧ*. 1900. Т. 210. Ч. 1. Июль. С. 143—156. Цель статьи, включавшей объяснительную записку и собственно проект, заключалась, по мысли Покровского, в том, чтобы дать руководство к составлению проектов росписей для любого вновь сооружаемого храма. Нетрудно заметить, что при составлении проекта Покровским была принята за основу система росписи ярославского храма XVII в.

¹³⁴ В 1911 г. Н. В. Покровский был назначен членом Комиссии по устройству Феодоровского храма. О деятельности по составлению проекта росписи подробнее см.: РГИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 44 (Журналы и бумаги Комитета для составления проектов росписи Царскосельского Феодоровского собора. 1913—1914). К тому же времени относится участие Покровского в Строительном комитете по сооружению в Петербурге храма-памятника 300-летия Дома Романовых.

¹³⁵ Сведения об участии Н. В. Покровского в областных историко-археологических съездах сохранились в их «Трудах»: Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области) / Изданием А. И. Вахрамеева. М., 1902; Труды второго областного тверского археологического съезда 1903 года 10—20 августа. Тверь, 1906; Труды третьего областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20—26 июня 1906 года. Владимир, 1909; Труды четвертого областного историко-археологического съезда в Костроме 1909. Кострома, 1914.

¹³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 110. Л. 2—3 (Дело об учреждении в Ярославле областного историко-археологического съезда, о том же в Твери и Владимире. 19 февраля 1901—6 июня 1906 г.).

почтенных местных деятелей, живо интересующихся вопросами родной старины, и при непосредственном участии представителей науки, которые, как уже известно Археологическому институту, предполагают участвовать в съезде, — несомненно принесет плодотворные результаты, как в смысле определения и разъяснения научного значения разных памятников при непосредственном их обследовании, так и в смысле оживления в местном обществе интереса к изучению древлеведения и указания правильных к сему путей. Достижению этих целей одинаково будут отвечать как непосредственный осмотр разных памятников членами съезда в полном их составе, так и обмен по этому вопросу мнениями в заседаниях съезда».¹³⁷

Форма участия Н. В. Покровского в областных археологических съездах несколько отличалась от характера его деятельности на Всероссийских археологических форумах. Главное внимание он уделял подготовительным мероприятиям: обсуждению программы будущего съезда, содействию местным ученым архивным комиссиям, принявшим на себя всю тяжесть организационной работы.¹³⁸ Избираемый председателем одной из секций съезда или председателем всего съезда¹³⁹ Покровский предпочитал не выступать с докладами, но в лаконичной речи перед открытием заседаний давал емкую характеристику состояния изученности местного археологического материала и перспективам его дальнейшей разработки.¹⁴⁰ Особое значение имел для исследователя четвертый областной археологический съезд, состоявшийся в 1909 г. на его родине, в Костроме. Это было своеобразным возвращением к истокам, когда в 1880-х гг. началось углубленное изучение русских церковных древностей. Приуроченное к открытию съезда издание памятников костромской церковной старины¹⁴¹ и проведение многочисленных экскурсий по городу¹⁴² было прекрасным подарком Покровского своим землякам, проявлением горячей любви к родному краю и его неповторимым древностям.

Лишь один город по силе своего воздействия и притягательности мог сравниться для Н. В. Покровского с Костромой. Этим городом был Великий Новгород — сокровищница древнерусской архитектуры и искусства. В 1909 г. ученый выступил одним из инициаторов устройства в Новгороде в 1911 г. XV Археологического съезда и принял на себя обязательства по описанию ризницы новгородского Софийского собора.¹⁴³ О его глубоком интересе к новгородской святыне свидетель-

¹³⁷ Там же. Л. 2 об.—3. Н. В. Покровскому принадлежит также честь установления названия этого съезда, именованного по его совету «областным съездом исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области» (Там же. Л. 3).

¹³⁸ Труды Ярославского областного съезда... С. XI; Труды второго областного тверского археологического съезда... С. II; Труды третьего областного историко-археологического съезда... С. 10, 96.

¹³⁹ На ярославском археологическом съезде Н. В. Покровский был избран председателем Отделения церковных древностей; на тверском съезде — председателем отдела областной истории и почетным председателем по отделам Архивной комиссии и архивоведения (Труды Ярославского областного съезда... С. XXVI; Труды второго областного тверского археологического съезда... С. XXX). На третьем и четвертом съездах Н. В. Покровский являлся председателем съезда (Труды третьего областного историко-археологического съезда... С. 23); Корсаков Д. Четвертый областной историко-археологический съезд в г. Костроме с 20-го по 30-е июня 1909 года // ЖМНП. Новая серия. 1910. Ч. 26. № 3. Современная летопись. С. 24; на четвертом — также председателем секции церковных древностей (Там же. С. 25).

¹⁴⁰ Труды Ярославского областного съезда... С. XXII—XXIII (речь на открытии съезда); Труды второго областного тверского археологического съезда... С. XXXI—XXXII (стенограмма речи); Труды третьего областного историко-археологического съезда... С. 27—32; Корсаков Д. Четвертый областной историко-археологический съезд... С. 25—26.

¹⁴¹ Покровский Н. В. Памятники церковной старины в Костроме. СПб., 1909.

¹⁴² Корсаков Д. Четвертый областной историко-археологический съезд... С. 26, 29—30.

¹⁴³ Труды XV Археологического съезда в Новгороде... Т. I. Протоколы. С. 9, 67. Н. В. Покровский был избран председателем Ученого комитета съезда и председателем Отделения церковных древностей (Там же. С. 40, 41).

ствовали многочисленные вопросы, предложенные к обсуждению на съезде,¹⁴⁴ и живой отклик на просьбу Новгородского общества любителей древности о проведении в Новгороде в преддверии съезда археологических курсов.¹⁴⁵ Два фундаментальных доклада, посвященных предметам Софийской ризницы и включенных впоследствии в большую работу об этом уникальном хранилище памятников,¹⁴⁶ организация обозрения новгородских древностей,¹⁴⁷ заинтересованное обсуждение выступлений¹⁴⁸ прекрасно характеризуют деятельность ученого как организатора и участника XV Археологического съезда.¹⁴⁹ Это был последний всплеск научной активности исследователя, вслед за которым последовал спад. Вышедший в свет уже в пору серьезной болезни Н. В. Покровского учебник по христианской археологии свидетельствовал о том, что его научный потенциал был полностью исчерпан.¹⁵⁰

Оценивая в наши дни научные заслуги Н. В. Покровского, невольно поражаешься не только объему исследованных, атрибутированных и опубликованных им памятников, глубине и содержательности написанных им работ, но и самому факту участия ученого едва ли не во всех научных предприятиях своего времени. Об огромном авторитете в научной среде и исключительной работоспособности Н. В. Покровского красноречиво свидетельствует простой перечень ученых обществ, комиссий и комитетов, в состав которых он входил на протяжении своей не столь уж долгой жизни.¹⁵¹

Значительный раздел творческого наследия Н. В. Покровского представлен материалами его педагогической деятельности.¹⁵² Чтение лекций по христианской археологии и литургике в петербургских Духовной академии и Археологическом институте, ежегодные экскурсии для слушателей института по древнерусским

¹⁴⁴ Там же. С. 32, 35, 36.

¹⁴⁵ Там же. С. 188—189.

¹⁴⁶ Н. В. Покровским были прочитаны доклады: «Иерусалимы или Сноны Новгородской Софийской ризницы» (Труды XV Археологического съезда в Новгороде... Т. I. Протоколы. С. 93; дискуссия по докладу: с. 93—97) и «Реликварий или мошехранительница ризницы Новгородского Софийского собора» (Там же. С. 171—172; дискуссия по докладу: с. 172—173). Опубликовано: *Покровский Н. В. Древняя ризница Софийского Новгородского собора* // Там же. С. XI—XVIII, 1—124 (в работу вошло обозрение старой Софийской ризницы XI—XV вв.). Памятники XVI—XVII столетий опубликованы отдельным изданием: *Покровский Н. В. Древняя Софийская ризница в Новгороде* // ВАИ, изд. Императорским Археологическим институтом. СПб., 1914. Вып. 22. С. 1—35. По отзыву И. А. Карабинова сочинение «Древняя Софийская ризница в Новгороде» было удостоено премии Чубинских: Журналы заседаний Совета... за 1913—1914 учебный год (в извлечении). Пг., 1916. С. 111—112, 202—203, 214—215.

¹⁴⁷ Труды XV Археологического съезда в Новгороде... Т. I. Протоколы. С. 81—82 («Осмотр ризницы Софийского собора»); 189—190, 191.

¹⁴⁸ Там же. С. 104, 134, 181.

¹⁴⁹ См. также: *Жервз Н. Н. Н. В. Покровский и XV Археологический съезд* // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции... С. 107—108.

¹⁵⁰ *Покровский Н. В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства*. Пг., 1916. Критическая оценка сочинения содержится в статьях Н. В. Малицкого: *Малицкий Н. 1) Н. В. Покровский и его научные заслуги*. С. 235—236; 2) *Ученые труды...* С. XVII—XIX.

¹⁵¹ Членство в ученых обществах, комитетах и комиссиях отражено в формулярных списках Н. В. Покровского (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 507: Покровский Н. В. [Личное дело]. 1897—1915: Л. 89—112 об. (формулярный список за 1874—1897 гг.); Л. 139—146 (по 7 декабря 1906); Л. 147—151 (формулярный список с 1 января 1903 по 5 декабря 1906); Л. 41—41 об. (рукописные дополнения Н. В. Покровского к формулярному списку за 1907—1911 гг.); Л. 65—87 об. (черновик формулярного списка за 1874—1913 гг.)), а также в печатной автобиографии с рукописными дополнениями ученого: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 2. С. 27—28, 32¹, 32², 33, 34 (дополнения охватывают 1910—1915 гг.).

¹⁵² Материалы педагогической деятельности Н. В. Покровского сосредоточены в фондах С.-Петербургской Духовной академии (ЦГИА СПб. Ф. 277; РНБ. Ф. 573—574), Петербургского археологического института (ЦГИА СПб. Ф. 119), в личном фонде ученого (ОР РНБ. Ф. 593) и в фонде основателя Археологического института Н. В. Калачова (РГИА. Ф. 950).

городам, организация педагогических курсов для учителей и учительниц второклассных церковноприходских школ (1897, 1898 гг.), наконец, археологические курсы в Новгороде в 1909 и 1912 гг. оказали огромное влияние на современников, сохранивших теплые воспоминания о годах обучения у талантливого профессора. Блестящие лекторские способности Николая Васильевича проявились уже в первые годы его преподавательской деятельности. Сведения об этом сохранились в воспоминаниях одного из слушателей Археологического института Н. Н. Оглоблина, свидетельствовавшего о большой увлеченности молодого лектора, его воодушевлении при разговорах о любимом предмете. «Сам он, видимо, был, что называется, влюблен в свои древности и поражал слушателей большим воодушевлением, особенно когда трактовал близко занимавшие его вопросы. Это живое отношение к делу невольно передавалось слушателям, начинавшим интересоваться такими темами, о которых прежде не было и помышлений».¹⁵³ Однако не только умение заинтересовать любимым предметом отличало лектора Покровского. В нем подкупала неподдельная простота и естественность в общении с аудиторией. «Помимо талантливости лектора и громадной эрудиции, к нему привлекала нас вся его симпатичная личность и полная простота в обращении с нами, чуждая малейшей тени официальности и напоминавшая отношение старшего товарища к младшим».¹⁵⁴ Не случайно поэтому, что Покровского именовали всегда не иначе, как «любимый профессор».¹⁵⁵

Курсы лекций по церковной археологии и литургике, приготовленные Покровским для чтения в Духовной академии, и по христианской археологии, составленные для преподавания в Археологическом институте в первые годы преподавательской деятельности, по счастью, сохранились среди архивных материалов петербургских хранилищ¹⁵⁶ и позволяют проследить те изменения, которые постепенно наметились в лекционных курсах ученого. Особенно важным для суждений о научно-педагогическом росте Покровского представляется их сличение с литографированными курсами лекций, с 1885 г. регулярно издававшимися для студентов Духовной академии.¹⁵⁷

Не только чтение лекций, но и непосредственное руководство в выборе тем для курсовых сочинений, отзывы на студенческие работы¹⁵⁸ составляли круг обязанностей профессора Покровского. Однако самой важной областью своих занятий он всегда считал живое общение с памятниками древности, любовь к ко-

¹⁵³ Оглоблин Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института... С. 377.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Мейчик Д., Зарницкий Я. Торжественный акт в Археологическом институте в первый выпуск его слушателей (24 февраля 1880 года) // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. 4. Отд.-ние 1. С. 9, 12; Двадцатипятилетие и тридцатилетие директора Императорского археологического института в С.-Петербурге заслуженного профессора Н. В. Покровского. 1878—1908 // 1878—1904: Императорский археологический институт в С.-Петербурге. Речи, адреса и приветствия по случаю двадцатипятилетия и тридцатилетия института. 1878—1908. СПб., 1908. С. 95—118 (трогательные стихи и приветствия профессору).

¹⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 91 («Конспект лекций по церковной археологии и литургике, читанных студентам 2-го курса Практического отделения в 1874/5 академическом году». Конспект лекций и материалы к ним. 1873—1875. Автограф); Д. 95 (Материалы к лекциям по литургике. 1875. Черновой автограф). См. также: Д. 99 (Лекции по иконографии. Лекции 1—7. 1880-е гг. Автограф); Д. 11 (Краткая программа чтений по церковной археологии. 27 ноября 1877. Автограф); РГИА. Ф. 950. Оп. 1 Д. 440. Л. 1—2 [Программа по археологии древнехристианского периода, с добавлениями по отделам византийскому и русскому. Сост. под руководством Н. В. Калачова. Атрибуция наша. — Н. П.]. 29 марта 1878. Автограф; Д. 279 (Лекции по христианской археологии. 1878 [Литографированные лекции, отпечатанные в типографии Министерства внутренних дел: лекции 1—4]). Материалы к лекциям и отрывки из них см.: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 92, 93, 94, 96, 97, 98.

¹⁵⁷ См.: Приложение III к наст. статье.

¹⁵⁸ Опубликовано в Журналах заседаний Совета С.-Петербургской Духовной академии за 1876—1910-е гг. См. Приложение IV к наст. статье.

торым стремился привить своим ученикам. Именно поэтому столь многочисленны сведения об археологических экскурсиях, совершенных под руководством Н. В. Покровского в Новгород, Псков, Москву, Старую Ладугу и другие города.¹⁵⁹

Наименее разработанной темой в богатейшем научном наследии Н. В. Покровского до настоящего времени остается вопрос о его учениках.¹⁶⁰ Несмотря на значительное количество курсовых сочинений, посвященных проблемам христианской археологии и литургики, появившихся в годы преподавания Покровского в Духовной академии, число его безусловных последователей исчисляется единицами. Думается, что причина этого заключалась не только в относительной нестабильности положения науки о христианских древностях, которую с большой опаской относили к разряду богословских наук и гораздо охотнее рассматривали в разделе теории и истории изящных искусств,¹⁶¹ но и в феномене Покровского-ученого, научный приоритет которого казался современникам недостижимым. Учениками Н. В. Покровского, унаследовавшими приемы и методы его научного исследования, с полным правом могут быть названы Д. А. Григоров,¹⁶² Н. А. Сперовский,¹⁶³

¹⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 12 (Переписка об экскурсиях членов Института и его слушателей. Ч. 1. 12 марта 1878—12 мая 1891); Д. 80 (То же. Ч. 2. 1898—1906); Д. 204 (Об экскурсии в г. Новгород. 1907); Д. 283 (Об экскурсии в Новгород. 1910); Д. 312 (Об экскурсии слушателей Института в Новгород. 1911—1912); Д. 331 (Об экскурсии слушателей Института в Псков. 1912); Д. 369 (Об экскурсии слушателей в г. Псков и Москву); Д. 423 (Об экскурсиях и Новгород и на о. Валаам. 1915). Обзорные некоторые поездки см.: ОР РНБ. Ф. 593. Д. 21 (Экскурсия слушателей Института в Новгород [1886]); Поездка археологов // Петербургская газета. 1886. № 161; *Н. П. Церковные древности в Новгороде* (По поводу поездки членов и слушателей Археологического института в Новгород) // Церковный вестник. 1889. № 35. С. 606—607; № 36. С. 622—623; *Страшкевич В. М.* Обзорные церковных древностей Пскова членами и слушателями Археологического института в экскурсию 11—14 мая 1898 года // АИЗ, изд. ИМАО. 1899. Т. 7. № 3, 4 и 5. С. 133—134; *Не археолог.* По новгородским святыням: Путевые впечатления (экскурсия под руководством Н. В. Покровского) // Волховский листок. 1910. 14 марта. № 1805; *Студент.* Археологическая экскурсия в Новгород студента С.-Петербургской Духовной академии // Церковный вестник. 1895. № 27. С. 857—860; № 28. С. 890—892; № 29. С. 920—925 (перепечатано: Прибавления к Церковным ведомостям. 1895. № 31. С. 1066—1073; в извлечении: АИЗ, изд. ИМАО. 1895. Т. 3. № 11. С. 372) и др.

¹⁶⁰ Этот вопрос был затронут лишь однажды в монографии Г. И. Вздорнова «История открытия и изучения русской средневековой живописи...» (С. 357. Примеч. 190).

¹⁶¹ Достаточно вспомнить о защите докторской диссертации Н. В. Покровского «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских», за которую ученый был удостоен степени доктора богословия. Сомнения, что подобная тема «придет» в Академии, резонно высказывали профессор Новороссийского университета. См., например, письмо А. А. Павловского к Н. В. Покровскому от 14 января 1892 г. с предложением защищать «колоссальный труд» в Новороссийском университете на степень доктора теории и истории изящных искусств (ОР РНБ. Ф. 593. Д. 445. Л. 1—1 об.). См. также горькие слова Н. В. Покровского в письме к Ф. И. Буслеву от 16 ноября 1892 г.: «Церковная археология у нас предмет новый, знают и ценят его очень мало. Неудивительно, что мое сочинение произвело некоторый соблазн. Правда, Совет Академии на основании отзывов двух специалистов-богословов удостоил меня докторской степени, но при обсуждении этого вопроса высказывалось желание знать авторитетное мнение знатоков православного искусства» (ОР РГБ. Ф. 42. Д. 43. Цит. по: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслеву. С. 310).

¹⁶² Григоров Дмитрий Александрович — выпускник Петербургской Духовной академии 1886 г. См.: *Покровский Н. В.* [Отзыв]... о сочинении студента Григорова Дмитрия «Русский иконописный подлинник» // Журналы заседаний Совета... за 1885/6 учебный год. СПб., 1888. С. 334. Опубликовал работы: *Григоров Д. А.* 1) Русский иконописный подлинник // ЗИРАО. Новая серия. 1887. Т. 3, вып. 1. С. 31—167; 2) Техника фресковой живописи по русскому иконописному подлиннику // Там же. Т. 3, вып. 3—4. С. 414—423. После окончания Академии жил в Вологде; был преподавателем Тотемского духовного училища. Внес посылную лепту в устройство церковно-археологической коллекции Академии, принес в дар отрывок из лицевой Библии (1894 г.): Журналы заседаний Совета... за 1894—1895 учебный год. С. 50—51.

¹⁶³ Сперовский Николай Андреевич (1865—1921) — выпускник Петербургской Духовной академии 1890 г. См.: *Покровский Н. В.* [Отзыв]... о сочинении студента Сперовского Николая «Старинные русские иконостасы (происхождение их и разбор иконографического содержания)» // Журналы заседаний Совета... за 1889/90 учебный год. С. 234—235. По окончании Академии был определен преподавателем по общительному богословию, истории и обличению русского раскола и местных сект в Новгородскую Духовную семинарию (Журналы заседаний Совета... за 1891/92 учебный год. СПб., 1896. С. 9—10). Опубликовал капитальный труд: *Сперовский Н.* Старинные русские иконостасы //

И. А. Карабинов¹⁶⁴ и Н. В. Малицкий¹⁶⁵ — безгранично преданные науке о христианских древностях люди. Некоторое представление о Покровском-педагоге позволяют составить письма первых двух учеников к учителю, сохранившиеся в его

ХЧ. 1891. Ноябрь—декабрь. С. 337—353; 1892. Март—апрель. С. 162—176; Май—июнь. С. 321—334; Июль—август. С. 3—17; Ноябрь—декабрь. С. 522—537; 1893. Сентябрь—октябрь. С. 321—342 и отд. издание (СПб., 1892). Впоследствии как епископ Сухумский (назначен на кафедру в 1907 г.) участвовал в XV Археологическом съезде в Новгороде. См.: *преосв. Дмитрий (Сперовский)*, еп. Сухумский. О внутреннем устройстве и убранстве храмов Новгородского Антониева монастыря в XVII веке по сравнению с настоящим их состоянием // Труды XV Археологического съезда в Новгороде... М., 1914. Т. 1. Протоколы. С. 74. Полный текст доклада опубликован на с. 230—249 за подписью «Дмитрий, епископ Рязанский», что связано с перемещением на новую кафедру, которую преосв. Дмитрий занимал с 1911 по 1917 г. Годом проведения съезда датируется и другой его труд: *Дмитрий*, еп. Сухумский. Древний дискос Новгородский в ризнице Почаевской лавры // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 4. С. 145—150 (перепечатан: Светильник. 1913. № 6—7. С. 23—27). В 1913 г. за археологические труды епископ Дмитрий был избран почетным членом ИРАО.

¹⁶⁴ Карабинов Иван Алексеевич (1878—1937) — выпускник петербургских Духовной академии и Археологического института 1903 г. См.: *Покровский Н. В.* [Отзыв]... о сочинении Карабинова Ивана «Постная трюнь: ее состав и происхождение» // Журналы заседаний Совета... за 1902/3 год (в извлечении). СПб., 1903. С. 300—301. По окончании Академии в качестве профессорского стипендианта командировался в Русский археологический институт в Константинополе. См.: Отзыв Н. В. Покровского об отчете и занятиях профессорского стипендиата Ивана Карабинова... // Журналы заседаний Совета... за 1904/5 учебный год (в извлечении). СПб., 1905. С. 217—218. Был избран заместителем Покровского по кафедре церковной археологии и литургики до ее разделения на две кафедры в 1911 г. В 1906 г. подготовил к защите на магистерскую степень работу «Евхаристическая молитва, опыт историко-литургического анализа» (Журналы заседаний Совета... за 1906—1907 учебный год. СПб., 1907. С. 257). Однако в 1910 г. защитил как магистерскую работу, посвященную Постной трюнди (Журналы заседаний Совета... за 1909—1910 учебный год. СПб., 1910. С. 35). См.: *Покровский Н. В.* Отзыв... о представленном на соискание степени магистра богословия сочинении И. А. Карабинова... «Постная трюнь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов» (СПб., 1910) // Там же. С. 334—340. См.: Магистерский коллоквиум И. А. Карабинова // Церковный вестник. 1910. № 21. Стб. 649—650. Сочинение было выдвинуто на премию Высокопреосв. митрополита Григория: Журналы заседаний Совета... за 1910—1911 учебный год (в извлечении). СПб., 1911. С. 171—175. В 1920-е гг. И. А. Карабинов состоял сотрудником Разряда русской живописи Гос. Академии истории материальной культуры и опубликовал статьи: *Карабинов И. 1)* «Наместная икона» древнего Киево-Печерского монастыря // Изв. ГАИМК. Л., 1927. Вып. 5. С. 102—113; 2) Полузабытый опыт реставрации древнерусских икон // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Вып. 2. С. 325—329. Следование тематике и методам работы учителя особенно явно ощутимы в серии докладов, прочитанных Карабиновым в Академии: «Панагия и артос в связи с вопросом о панагариан», «Икона “Ты еси Спасе сладосте”», «Икона “Трисоставное Божество”». Материалы деятельности в ГАИМК см.: РА ИИМК РАН. Ф. 2.

¹⁶⁵ Малицкий Николай Владимирович — выпускник С.-Петербургской Духовной академии 1905 г. по кафедре истории разбора западных исповеданий. В 1905—1906 гг. состоял профессорским стипендиатом при кафедре. В 1909 г. окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета с дипломом I степени и был удостоен золотой медали за работу «“Speculum Perfectionis” как источник для истории Франциска Ассизского (Историко-критический этюд)». В июне 1909 г. рекомендован в качестве кандидата для чтения лекций по латинскому языку в Духовной академии (Журналы заседаний Совета... за 1908—1909 учебный год. С. 152, 162—163). В 1911 г. в связи с разделением академической кафедры церковной археологии и литургики изъявил желание занять кафедру церковной археологии, на которую был избран штатным преподавателем (утвержден со 2 ноября 1911 г.): Журналы заседаний Совета... за 1911—1912 учебный год (в извлечении). СПб., 1912. С. 39—44, 81—90, 111—112. После смерти Н. В. Покровского преподавал христианскую археологию в Петроградском археологическом институте (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410. Л. 109 об.), заведовал Археологическим кабинетом института. С 1922 г. занимал кафедру по истории материальной культуры восточного средневековья Петроградского университета. Принял живейшее участие в спасении основанного Н. В. Покровским Церковно-археологического музея С.-Петербургской Духовной академии, памятники которого перевез в Археологический институт (см. об этом: *Пивоварова Н. В.* Музей Санкт-Петербургской Духовной академии: из истории спасения музейных коллекций...). С 1919 г. работал научным сотрудником Российской Академии истории материальной культуры (с 1928 г. — заведующий Разрядом русской живописи ГАИМК). Материалы деятельности в ГАИМК см.: РА ИИМК РАН. Ф. 2.

Единственный из всех учеников Н. В. Покровского, Н. В. Малицкий дал всестороннюю оценку научных заслуг учителя: *Малицкий Н. 1)* Проф. Н. В. Покровский и его научные заслуги... С. 217—237; 2) Ученые труды... С. VII—XIX. Одним из первых высказал критические суждения о методе работы Покровского, «до известной степени абстрагирующем иконографическое содержание памятников от стилистической их стороны», указав на значение стилистического анализа и «раскрытия

личном фонде в РНБ.¹⁶⁶ Их главное содержание — обсуждение вопросов, связанных с публикацией кандидатских сочинений недавних выпускников Академии, — позволяет по достоинству оценить одну из характерных черт профессора Покровского — искреннее желание помочь талантливым молодым людям в их первых шагах в самостоятельной научной жизни. Ненавязчиво подсказанные наставником направления в развитии избранной темы, стремление пробудить интерес к самостоятельному изучению местных древностей свидетельствуют об отношении учителя к ученикам как вполне сформировавшимся ученым, труд которых достоин всяческих уважения и похвал.

Насущная потребность в достойных преемниках особенно остро была осознана Н. В. Покровским в последние годы его преподавательской деятельности в Академии. В 1905 г. он выходит на пенсию с правом чтения лекций по христианской археологии и литургии в звании сверхштатного ординарного профессора.¹⁶⁷ Его преемниками по кафедре становятся сначала И. А. Карабинов, затем Н. В. Малицкий. Последний — один из самых одаренных молодых ученых, избранный в качестве штатного преподавателя на самостоятельную кафедру христианской археологии (1911 г.), нуждался в специальной профессиональной подготовке, надлежащей организацией которой и озаботил себя профессор Покровский. В январе 1912 г. он выступает инициатором освобождения Малицкого от чтения лекций и командирования его с ученой целью по России и за границу. В обширной программе научных занятий, составленной Покровским, был изложен не только маршрут путешествий Малицкого, но и перечислены конкретные памятники, на которые ему следовало обратить особое внимание.¹⁶⁸ Отеческая забота, чуткость и внимание наставника не могли не оставить глубокого следа в сердце его талантливого ученика.¹⁶⁹

Гораздо меньше мы знаем об учениках Н. В. Покровского по Археологическому институту. Некоторые из них оказались в провинции, где вели раскопки курганов и городищ, и лишь иногда посылали учителю письма, предлагая свои услуги по доставлению древностей или обращаясь за консультациями по разным вопросам. В числе учеников, оставивших заметный след в науке о христианских древностях, безусловно, может быть назван П. Л. Гусев — сотрудник института и заведующий его библиотекой.¹⁷⁰ В институте Гусеву было поручено приватное чтение

той художественной среды, в какой возник памятник», для углубления иконографического анализа (*Малицкий Н. Ученые труды...* С. XIV). Попытка применения новой методологии сделана в работе: *Малицкий Н. Поздние рельефы Дмитриевского собора в гор. Владимире* // Труды Владимирского научного общества по изучению местного края. Владимир, 1923. Вып. 5. Автобиографию Малицкого см.: ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 801. Л. 454—454 об.

¹⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 224 (*Григоров Дмитрий Александрович*. Письма Н. В. Покровскому. Вологда. 1887—1888; Д. 548: *Сперовский Николай Андреевич*. Письма Н. В. Покровскому. С. Мошенское, Новгород. 1890—1892).

¹⁶⁷ Журналы заседаний Совета... за 1904/5 учебный год... С. 211—212, 260.

¹⁶⁸ Журналы заседаний Совета... за 1911—1912 учебный год... С. 139—142, 159—160.

¹⁶⁹ См. примеч. 165. В 1916 г. в связи с тяжелым состоянием здоровья Покровский ходатайствует перед Советом Археологического института о приглашении Малицкого в качестве приватного лектора на кафедру христианской археологии, на что последовало согласие Совета (ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410. Л. 72, 84 об., 87).

¹⁷⁰ Гусев Петр Львович, выпускник института 14-го выпуска (1897). См.: Памятная книжка Императорского археологического института в С.-Петербурге. 1878—1911 / Сост. П. С. Яковлев. СПб., 1911. С. 43. Автор многочисленных публикаций о новгородских древностях, активный участник XV новгородского археологического съезда. См.: *Гусев П. Л.* 1) Новгородская икона святых Бориса и Глеба в деяниях // ВАИ, изд. С.-Петербургским Археологическим институтом. 1898. Вып. 10. С. 86—115; 2) Новгород XVI века по изображению на хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» // Там же. 1900. Вып. 13. С. 7—66; 3) Икона св. Иоанна (Илии) Архиепископа в деяниях и чудесах // Там же. 1903. Вып. 15. С. 34—105; 4) Писцовая книга Великого Новгорода 1583—1584 гг. // Там же. 1906. Вып. 17. С. 125—161; Вып. 18. С. 129—137 (публикация текста на с. 138—172); 5) Князь Ю. Д. Шемяка в Великом Новгороде // Там же. 1909. Вып. 19. С. 59—70; 6) О луке под крестом на куполах русских церквей // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1909. Вып. 2. С. 7—11;

лекций по новгородским древностям, причем именно Покровским кандидатура Петра Львовича была предложена в качестве лектора на археологические курсы в Новгороде, устроенные в 1909 г. в связи с подготовкой XV новгородского археологического съезда.¹⁷¹

Организация археологических курсов в Новгороде — одна из ярких страниц в биографии Н. В. Покровского. В 1909 г., ввиду предстоящего археологического съезда, Новгородское общество любителей древности обратилось к видным петербургским профессорам с просьбой принять участие в подготовке чтений для местной интеллигенции. Обращение было вызвано не только необходимостью собрать сведения о сохранившихся памятниках новгородской старины, организовать их изучение и описание, но и намерением создать к съезду выставку новгородских древностей. Для ознакомления «с задачами археологии и методом предстоящей работы» местным священникам, учителям и ученикам старших классов требовался систематический курс лекций о памятниках Великого Новгорода. С этой задачей прекрасно справилась группа лекторов во главе с Н. В. Покровским.¹⁷² Лекции имели огромный резонанс в Новгороде и пробудили интерес местного населения к охране и изучению памятников старины.¹⁷³ Поэтому спустя год после проведения археологического съезда Общество вновь обращается к Покровскому с просьбой о продолжении столь успешно начатого в 1909 г. предприятия.¹⁷⁴ Вторые курсы продолжались со 2 по 8 сентября 1912 г. и включали лекции профессоров П. Л. Гусева, И. Е. Евсеева, Н. М. Каринского, В. В. Майкова, С. Ф. Платонова, Н. В. Покровского, Н. И. Репникова, С. М. Середонина и А. И. Соболевского. Как обычно, в компетенцию Н. В. Покровского входил курс христианской археологии.¹⁷⁵

Давая всестороннюю оценку Покровского-педагога, нельзя не упомянуть о его неизменной чуткости и внимании к нуждам студентов, отзывчивости на просьбы бывших воспитанников, касавшиеся определения на государственную службу. В этом отношении весьма показательным рекомендательное письмо Н. В. Покров-

7) Откуда произошло название: Ропата // Там же. С. 12—14; 8) Иконография свв. Флора и Лавра в новгородском искусстве // ВАИ, изд. С.-Петербургским Археологическим институтом. 1911. Вып. 21. С. 71—104; 9) Символы власти в Великом Новгороде // Там же. С. 105—123; 10) Три новгородские уничтоженные церкви // Там же. 1914. Вып. 22. С. 83—90; 11) Две исторические иконы новгородского Церковного древлехранилища // Новгородская церковная старина. Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Т. 1. С. 168—184; 12) Древнейшая новгородская икона св. князя Владимира Киевского // Известия Комитета изучения древнерусской живописи. Пб., 1921. С. 9—12. Личное дело см.: ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 487.

¹⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 255. Л. 9 (По участию института в приведении в порядок и описании архивов, о командировках, об участии института в праздновании разных юбилеев. 1909).

¹⁷² Там же. Л. 5—6; Д. 330. Л. 1—1 об. (Об устройстве в Новгороде археологических курсов осенью 1912 г.).

¹⁷³ В 1910 г. лекции петербургских профессоров были опубликованы в конспективном изложении. См.: Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском обществе любителей древности гг. лекторами Императорского археологического института. Новгород, 1910. Вып. 1—2. Материал, изложенный Н. В. Покровским, вошел во второй выпуск издания: *Покровский Н. В.* Конспективное изложение чтений по христианской археологии (2—6 сентября 1909 г.). С. 69—100. Обзор Н. В. Покровского включал рассмотрение новгородских жальников, памятников деревянного и каменного зодчества. Особое внимание было уделено Софийскому собору и церкви Спаса Преображения на Нередице, в особенности ее замечательным фрескам 1199 г. Следует отметить, что анализ фресок Спаса на Нередице был включен Покровским в число вопросов, «на которые желательно получить разъяснение на XV археологическом съезде». См.: Протоколы XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета 3—6 января 1909 г. М., 1909. С. 41. В числе прочих вопросов был предложен вопрос о древностях Антониева монастыря (Там же. С. 43), ответом на который стал доклад бывшего ученика Н. В. Покровского Димитрия (Сперовского), епископа Сухумского, прочитанный на одном из заседаний съезда. См. примеч. 163.

¹⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 330.

¹⁷⁵ Там же. Письмо Н. В. Покровского к С. Ф. Платонову с приглашением участвовать в работе курсов сохранилось в личном фонде С. Ф. Платонова в ОР РНБ (Ф. 585. Оп. 1. Д. 3879. Л. 24—25).

ского на имя директора Департамента народного просвещения П. В. Сурина с просьбой о принятии на службу по Министерству бывшего слушателя Археологического института Г. М. Болсунова, аттестованного учителем в качестве «хорошего педагога, руководившего постановкой учебного дела в устроенной им же самим гимназии и оживлявшего сухую систему преподавания устройством литературных и музыкально-литературных вечеров, имевших большое воспитательное значение».¹⁷⁶

Одну из ярких страниц биографии Н. В. Покровского составляет его музейная деятельность. Поистине делом жизни ученого стала организация Церковно-археологического музея С.-Петербургской Духовной академии, основанного по его инициативе в 1879 г. История организации, основные вехи существования музея и источники пополнения его фондов могут быть восстановлены благодаря архивным документам, хранящимся в фондах Духовной академии (ЦГИА СПб. Ф. 277) и отчасти — в Секторе рукописей Гос. Русского музея. Как и сохраняющиеся до настоящего времени в собрании ГРМ памятники академического музея, документальные материалы свидетельствуют о достаточно пестром составе входивших в него коллекций, собиравшихся в то время, когда лучшие памятники византийского и древнерусского искусства уже были сосредоточены в крупных государственных и частных хранилищах. То, что академический музей не являлся первоклассным собранием памятников древности, прекрасно понимал и сам Н. В. Покровский, отмечавший в предисловии к изданию памятников церковно-археологической коллекции: «Наш музей... составил главным образом из пожертвованных частных любителей старины. Отсюда неизбежно явились у нас, наряду с предметами важными, предметы второстепенные и даже третьестепенные...; многие из них доселе встречаются в обращении среди народа, многие собраны в частных любительских коллекциях...».¹⁷⁷

Первым крупным поступлением в музей явилась передача в 1879 г. памятников прикладного искусства и быта из Новгородского земского музея, по существу заложившая основу его коллекциям.¹⁷⁸ В том же 1879 г. Н. В. Покровский перевозит из Москвы 300 икон из хранилища московского Данилова монастыря и несколько памятников иконописи и прикладного искусства, приобретенных у московского иконоторговца А. Т. Шитикова.¹⁷⁹ 1880 год был ознаменован передачей в музей предметов из коллекций графа С. Г. Строганова, пожертвовавшего в Академию несколько памятников «родовой святости» — икон, созданных по заказу именитых людей Строгановых, и ряд древнехристианских светильников из Рима.¹⁸⁰ По существу перечисленные поступления явились самыми значительными в собрании музея Духовной академии, хотя и в их составе оказалось немало посредственных вещей. К числу «уников» музея принадлежала греческая панагия, исполненная в технике золотой наводки с изображением святых Иоанна Предтечи и Иоанна Златоуста,¹⁸¹ бронзовый крест-энколпион с изображением Распятия с предстоящими

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 3. Л. 23а—23а об. (Калачов Н. В. Черновики писем и письма разных лиц. 1866—1915 (черновой автограф)).

¹⁷⁷ Покровский Н. В. 1809—1909. Церковно-археологический музей... С. XIX. См. также: Отзв. И. Е. Евсеева о сочинении Н. В. Покровского «Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии» // Журналы заседаний Совета... за 1909—1910 учебный год. СПб., 1910. С. 256.

¹⁷⁸ Судя по всему, в состав этого поступления входило свыше 1000 памятников (СР ГРМ. Ведомственный архив. Оп. 1. Д. 27. Л. 34—35: Отчет заведующего церковно-археологической коллекцией при Петербургской Духовной академии Н. Покровского о пополнении коллекции).

¹⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 2881 (По устройству церковно-археологической коллекции при Академии. 8 июня—8 декабря 1879).

¹⁸⁰ Журналы заседаний Совета... за 1879/80 учебный год. С. 180—181; Н. П. Пожертвование графа С. Г. Строганова для церковно-археологической коллекции при С.-Петербургской Духовной академии // Церковный вестник. Часть неофиц. 1880. № 43. С. 9—10.

¹⁸¹ Покровский Н. В. 1809—1909. Церковно-археологический музей... С. 16. Табл. VII—1.

Богоматерью и Иоанном Богословом и образом великомученика Георгия в медальоне на лицевой стороне.¹⁸² Значительный интерес представляли обширная коллекция брачных венцов, полученная от частных жертвователей,¹⁸³ и несколько памятников лицевого шитья.¹⁸⁴ В рукописном отделе музея, не столь богатом вследствие существования специального рукописного отделения при библиотеке Академии, хранились достаточно редкое издание Библии Пискатора 1674 г., поступившее от новгородского митрополита Исидора, и экземпляр гравированной Библии Вейгеля 1730 г., а также украшенная миниатюрами греческая рукопись Акафиста Богоматери.¹⁸⁵ Судя по косвенным данным, несколько икон, поступивших в музей, происходило из личного собрания Н. В. Покровского.¹⁸⁶

Академический музей был поистине детищем Н. В. Покровского, не только отбиравшего, приобретающего, систематизировавшего памятники, трудившегося над созданием его экспозиции, но и озаченного изданием лучших предметов коллекции. Яркий представитель иконографического метода в изучении памятников христианского искусства, Н. В. Покровский и в изданном им альбоме церковно-археологической коллекции руководствовался иконографическими признаками при группировке материала. Отобранные им для издания предметы прикладного искусства были систематизированы по форме и сгруппированы таким образом, чтобы показать эволюцию того или иного предмета; иконы распределялись по сюжетам, причем комментарий к каждой из них включал подробное описание и истолкование сюжета. Не всем подобный тип издания пришелся по вкусу, однако колоссальный труд Н. В. Покровского и его значительный вклад в организацию музейного дела в России был оценен по достоинству.¹⁸⁷

Занимаясь организацией церковно-археологической коллекции при Духовной академии и сотрудничая в Петербургском археологическом институте, имевшем в своем составе небольшой музей, Н. В. Покровский принимал деятельное участие в организации археологических выставок в помещении института, куда как заведующий и хранитель выдавал из Академии вещи.¹⁸⁸ В 1898 г. уже в должности директора Археологического института он организует в институте большую выставку икон и составляет для нее каталог.¹⁸⁹ На эти же годы приходится активная деятельность Н. В. Покровского в качестве эксперта новоучрежденного Русского музея императора Александра III, для собраний которого, по заключениям ученого, были приобретены многие первоклассные произведения иконописи.¹⁹⁰ Тесно связанный по роду

¹⁸² Там же. С. 4. Табл. III. № 3.

¹⁸³ См. также примеч. 57.

¹⁸⁴ Например, древняя плащаница из Каргополя (Журналы заседаний Совета... за 1891/92 учебный год. С. 182—183).

¹⁸⁵ О поступлении Библии Вейгеля и греческого Акафиста: Журналы заседаний Совета... за 1889/90 учебный год. С. 191—192. Описание рукописи Акафиста и воспроизведение двух миниатюр см.: *Покровский Н. В.* 1809—1909. Церковно-археологический музей... С. 51—55. Табл. XVII.

¹⁸⁶ К их числу относятся превосходные иконы-таблетки XVII в. с циклом сюжетов из Троицы Постной и Цветной и миниатюрный трехстворчатый складень в металлической оправе с изображениями Неопалимой купины и праздников (*Покровский Н. В.* 1809—1909. Церковно-археологический музей... С. 75—81. Табл. XXIX—XXXIV; С. 46—49. Табл. XV).

¹⁸⁷ См.: Отзыв И. Е. Евсеева о сочинении Н. В. Покровского... С. 254—266; *Петров Н.* «Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной Академии» профессор Н. В. Покровского (С.-Петербург, 1909) // ТКДА. 1910. Январь. С. 127—145. По отзыву И. Е. Евсеева Н. В. Покровский был удостоен за это издание академической премии М. и В. Чубинских (Журналы заседаний Совета... за 1909/10 учебный год. С. 280—281).

¹⁸⁸ Журналы заседаний Совета... за 1879/80 учебный год. С. 126—127, 242; Журналы заседаний Совета... за 1880/81 учебный год. С. 130—131, 202.

¹⁸⁹ Перечень предметов древности на выставке в Археологическом институте. СПб., 1898.

¹⁹⁰ Этот вопрос был подробно освещен ст. и. с. ГРМ Л. Д. Лихачевой в докладе «Н. В. Покровский — один из организаторов Отделения христианских древностей Русского музея императора Александра III», прочитанном на юбилейной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого в ГРМ 4 ноября 1998 г. См. также: ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 315. Л. 8, 11—12 об.:

своей деятельности с Обществом любителей древней письменности, Н. В. Покровский немало полезного сделал и для музея ОЛДП, обладавшего небольшим, но достаточно интересным собранием икон,¹⁹¹ помог систематизировать фамильную коллекцию икон председателя Общества графа С. Д. Шереметева,¹⁹² составил заключения о коллекциях А. М. Постникова и Г. Д. Филимонова.

В 1881 г. судьба вновь неожиданно сталкивает Н. В. Покровского с коллекциями Новгородского земского музея, часть из которых в 1879 г. он отобрал и перевез в Петербург для академического музея. Возобновленный благодаря высочайшему содействию новгородский музей настоятельно нуждался в опытном музейном работнике, который смог бы систематизировать оставшиеся в Новгороде памятники. На обращение новгородского губернатора Э. В. Лерхе к директору Археологического института Н. В. Калачову о подыскании подходящего для этой работы лица Калачов, не медля, предложил кандидатуру Покровского.¹⁹³

Судя по переписке, немало ценных советов и рекомендаций по устройству церковно-археологической коллекции Н. В. Покровский дал своему коллеге по кафедре церковной археологии и литургики в Московской Духовной академии, а с 1891 г. — заведующему ее музеем А. П. Голубцову.¹⁹⁴ Два письма А. П. Голубцова, сохранившиеся в Отделе рукописей РНБ,¹⁹⁵ и составленный им очерк этой коллекции¹⁹⁶ свидетельствуют о том, что уроки Покровского не прошли даром. В письме от 23 июня 1892 г. А. П. Голубцов живо интересуется у старшего коллеги организацией музейного дела в Петербургской академии, обязанностями заведующего коллекцией, спрашивает о принципах описания музейных предметов.¹⁹⁷ «Ныне летом, — пишет он Покровскому 7 октября того же года, — я перенес имеющуюся при нашей Академии коллекцию икон, монет и других предметов из библиотеки, где она находилась, в другое помещение, предназначенное служить музеем, и попытался привести в порядок. В результате получилось весьма мизерное собрание древностей, скудное и количеством предметов, и еще более качеством их. Хочется

По участию Археологического института в приведении в порядок и описании архивов, музеев, об участии в выставках и пр. 25 января—22 декабря 1911 (экспертиза афонской иконы «Ныне силы небесные с нами невидимо служат...»); СР ГРМ. Оп. 1. Д. 261: Переписка с Археологической комиссией и институтом и частными лицами о приобретении произведений для отдела христианских древностей музея. 9 января—25 января 1904 (заключение Н. В. Покровского о художественных достоинствах иконы св. Димитрия Солунского мастера Донато Бнзамани) и др. Среди архивных материалов сохранилась подробная переписка и об участии Н. В. Покровского в судьбе этнографической коллекции, собранной иеромонахом Кирилло-Белозерского монастыря Антонием, которую Н. В. Покровский в 1908 г. предложил Этнографическому отделению Русского музея. См. об этом: РГИА. Ф. 797. Оп. 78 (1 отд., 1 стол). Д. 90: По ходатайству директора Императорского Археологического института о содействии к оставлению в Кирилло-Белозерском монастыре собранной иеромонахом означенного монастыря Антонием коллекции древностей и подыскании для нее более удобного помещения. 12 мая—16 августа 1908; ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 233. Л. 12—13, 14—14 об., 21—21 об., 25—25 об., 33—34, 35, 36—36 об.: По участию Археологического института в приведении в порядок и описании архивов, коллекций и пр. 29 января—5 декабря 1908.

¹⁹¹ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 367. Л. 4 об., 13. В 1897 г. по просьбе С. Ф. Платонова Н. В. Покровский знакомил с музеем Общества августейших детей вел. кн. Михаила Александровича и Ольгу Александровну (Там же. Д. 464. Л. 2—3; *Платонов Сергей Федорович*, проф. СПб. университета. Письма Н. В. Покровскому. С.-Петербург. 1893—1897).

¹⁹² ОР РНБ. Ф. 593. Д. 617. Л. 4.

¹⁹³ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 30—30 об., 31—31 об., 32—32 об., 36, 37 (Дело о приеме Археологическим институтом участия по приведению в порядок и описании архивов разных ведомств и частных лиц, музеев и других хранилищ. Ч. 1. 17 мая 1877—16 ноября 1887).

¹⁹⁴ Александр Петрович Голубцов, профессор Московской Духовной академии († 4 июля 1911 года). С портретом покойного. Сергиев Посад, 1911. С. 14—16 (отд. оттиск из журнала «Богословский вестник» за 1911 г. № 7—8).

¹⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 221. Л. 4—5 об. (письма датированы 23 июня и 7 октября 1892 г.).

¹⁹⁶ *Голубцов А. П.* Церковно-археологический музей при Московской Духовной академии. М., 1895 (отд. оттиск из журнала «Богословский вестник» за 1895 г. Апрель—май).

¹⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 221. Л. 4—4 об.

Н. В. Покровский. 1909 г.

увеличить собрание и улучшить его. В этих целях я намерен составить краткий указатель имеющихся у нас предметов старины и потом напечатать его в Богословском вестнике. Может быть, узнавши о существовании музея при Москов-

ской академии, некоторые радители духовного просвещения чем-либо и откликнутся...».¹⁹⁸

О том, что Н. В. Покровский умел увидеть в людях музейную жилку и воспитать достойного музейного работника, свидетельствует и пример его последнего ученика Н. В. Малицкого, возглавлявшего музей Петроградской Духовной академии после смерти Н. В. Покровского, а в 1919—1921 гг., после закрытия музея, в качестве заведующего музеем Археологического института предпринявшего отчаянную попытку по спасению детища своего учителя.¹⁹⁹ В докладной записке от 20 мая 1919 г. на имя директора института С. Ф. Платонова он, в частности, писал: «В то время как сейчас все музейные собрания в России тщательно берутся на учет, обеспечиваются охраной, административным персоналом, получают финансовую поддержку, по странной забывчивости оставлен без внимания церковно-археологический музей бывшей Петроградской Духовной академии. Вот уже почти год как он закрыт (опечатан печатями Комитета народного просвещения), по существу оказывается без хозяина и, можно сказать, брошен на произвол судьбы. Между тем это одно из ценных археологических и художественных собраний в Петрограде...».²⁰⁰ Благодаря ходатайству института, возбужденному по записке Н. В. Малицкого, академический музей был передан в ведение Археологического института и трудами Малицкого полностью вывезен из здания Академии по Обводному каналу, д. 17, занятого интернатом для дефективных детей.²⁰¹ Спасение музея стало лучшей данью памяти ученика учителю, помогло сохранить до наших дней плод неустанных трудов Н. В. Покровского.

Переписка Н. В. Покровского, уже неоднократно привлекавшаяся в настоящем обзоре, сохранилась в архивных фондах нескольких архивохранилищ и к настоящему времени полностью не выявлена. Главное место среди архивов принадлежит Отделу рукописей РНБ, где в личном фонде ученого сосредоточено подавляющее большинство писем к фондообразователю, относящихся к периоду с 1870 по 1899 г.²⁰² Небольшое количество писем разных лиц к Н. В. Покровскому за 1896—1909 гг. находится в фонде С.-Петербургского археологического института в ЦГИА С.-Петербурга.²⁰³ Среди корреспондентов встречаются имена известных деятелей науки и культуры, в числе которых следует назвать А. А. Бобринского, Ф. И. Буслаева, А. Ф. Бычкова, А. Н. Веселовского, В. Т. Георгиевского, А. П. Голубцова, А. А. Дмитриевского, Н. П. Кондакова, Н. П. Лихачева, А. А. Павловского, С. Ф. Платонова, Е. К. Редина, В. В. Сулова, П. С. Уварову, Ф. И. Успенского, С. Д. Шереметева и др. Однако большинство корреспондентов — это провинциальные археологи и любители искусства, приходские священники и учащиеся духовных учебных заведений. Особый раздел представлен письмами родственников Н. В. Покровского: его отца В. Н. Покровского, младшего брата Ф. В. Покровского, зятьев Я. В. Нифонтова и В. С. Магдалинского с их многочисленными домочадца-

¹⁹⁸ Там же. Л. 5—5 об. Издание печатных анонсов о коллекциях музея для привлечения жертвователей нередко практиковалось и в С.-Петербургской Духовной академии.

¹⁹⁹ См. также примеч. 165. В 1920-е гг. Н. В. Малицкий работал также в Государственном Русском музее.

²⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 50. Л. 15—15 об. Полностью текст докладной записки Н. В. Малицкого опубликован в статье: *Пивоварова Н. В.* Музей Санкт-Петербургской Духовной академии: из истории спасения музейных коллекций...

²⁰¹ О деятельности Н. В. Малицкого, связанной со спасением, организацией хранения и систематизацией академических коллекций, см.: ЦГА СПб. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 50. Л. 21, 22—23; Д. 69. Л. 2, 8—8 об., 14, 17, 18, 21, 22, 27—31; Д. 89. Л. 1, 3, 9, 10 об., 11—11 об., 14—14 об., 29—31.

²⁰² ОР РНБ. Ф. 593. Д. 102—645.

²⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 609, 610, 611. Кроме того, среди дел фонда сохранился черновик письма Н. В. Покровского к епископу Могилевскому, датированный 1908 г. (Там же. Д. 614).

ми.²⁰⁴ Тематика сохранившихся писем разнообразна, однако в общей массе преобладают письма с просьбами о присылке трудов ученого, об оказании консультаций по вопросам иконографии, восторженные отзывы о вышедших в свет трудах. Не столь многочисленны сведения о служебной деятельности Н. В. Покровского, сосредоточенные главным образом в письмах членов-сотрудников научных учреждений и обществ. Письма самого Н. В. Покровского сохранились в незначительном объеме (в основном они представлены оригиналами, черновики, за небольшим исключением, отсутствуют). По нескольким его письмам выявлено в личных фондах Ф. И. Буслаева, Н. В. Калачова, С. Ф. Платонова, Д. М. Струкова и др.²⁰⁵

Особое значение имеют опубликованные письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву (ОР РГБ) и письма Буслаева к Покровскому (ОР РНБ), проливающие свет на взаимоотношения двух выдающихся деятелей отечественной науки.²⁰⁶ Немалый интерес среди писем, адресованных ученому, представляют письма «смирного инока Матфея» — монаха русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, сохранившиеся в ОР РНБ.²⁰⁷ Они не только знакомят с образом жизни и бытом насельников Св. Горы Афон в конце XIX в., но и свидетельствуют о теплых контактах, установившихся между Н. В. Покровским и афонскими иноками во время его второго заграничного путешествия. Постоянные связи с монахами ученый продолжал поддерживать и после возвращения на родину, снабжая их книгами, консультируя по вопросам приобретения икон для обители. Со своей стороны иноки помогали Покровскому в его ученых занятиях, нередко посылая в письмах подробные описания монастырских рукописей и их замечательных миниатюр.²⁰⁸ Особую благодарность у монахов вызвали отзывы Н. В. Покровского на издания Пантелеймонова монастыря и его воспоминания об Афоне, опубликованные на страницах «Церковного вестника».²⁰⁹

Значительная доля сохранившейся в архивах корреспонденции посвящена проблемам церковной археологии, что само по себе достаточно закономерно. К числу наиболее информативных писем принадлежат письма председателя Московского археологического общества графини П. С. Уваровой, находящиеся в ОР РНБ.²¹⁰ В них содержатся важные сведения об организации археологических съездов и участии в них Н. В. Покровского. Неоднократные обращения Уваровой к Покровскому были вызваны необходимостью произвести экспертизу того или иного памятника и дать о нем компетентное заключение. Ответ на одно из сохранившихся в архиве писем Уваровой²¹¹ неожиданно обнаружился на страницах журнала «Археологические известия и заметки», издаваемого МАО. В письме к ученому Уварова просила его дать заключение об образе св. Георгия, «лепленного, по описанию, из твердой массы»; к письму был приложен фотографический снимок с иконы,

²⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 468, 469, 427, 365. Подробнее см. Приложение I к наст. статье.

²⁰⁵ См.: *Кызласова И. Л.* Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву; РГИА. Ф. 950. Оп. 1. Д. 3 (см. также примеч. 176); ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3879; РГИА. Ф. 695 (Д. М. Струков). Д. 248.

²⁰⁶ Подробнее см. на с. 49—50, 55, 56—57.

²⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 373. См. о нем: † Инок Матфей, библиотекарь Пантелеймоновского монастыря на Афоне // *Церковный вестник*. 1912. № 4. Стб. 133—134; *Дмитриевский А. А.* Русский самородок на Св. Афонской горе. Незабвенной памяти схимонаха Матфея, библиотекаря Русского Пантелеймоновского монастыря (С портретом о. Матфея) // СППО. 1912. Т. 23, вып. 1. С. 122—141.

²⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 373. Л. 2, 2 об., 5—17, 18 об. и др. (на л. 5—7 об. подробное описание двух рукописных Евангелий из Пантелеймонова монастыря).

²⁰⁹ Там же. Л. 11—11 об., 4—4 об. См.: *Н. П.* Сказания о земной жизни Пресвятыя Богородицы. Пятое издание русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. Москва. 1888 г. // *Церковный вестник*. 1889. № 35. С. 607—609; *Покровский Н.* Из воспоминаний об Афоне // Там же. № 16. С. 299—300; № 17. С. 314—316.

²¹⁰ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 588.

²¹¹ Датировано 11 апреля 1892 г. (Там же. Л. 25).

полученный из южных губерний.²¹² Как явствует из упомянутой публикации, на фотографии был запечатлен знаменитый образ св. Георгия из мариупольского Харлампиевского собора, исполненный на воскомастике, мнение о котором Покровский высказал в ответном письме к Уваровой. Это письмо, местонахождение которого в настоящее время не установлено, было дословно воспроизведено на страницах журнала.²¹³ Еще одним ответом на запрос Уваровой явилось письмо Н. В. Покровского от 1 декабря 1908 г., содержащее мнение ученого о полтавском плащанице: оно хранится в фонде Петербургского археологического института.²¹⁴

Обсуждению некоторых археологических вопросов посвящены письма брата Н. В. Покровского — Федора Васильевича, хранящиеся в ОР РНБ.²¹⁵ Они касаются в первую очередь работ Ф. В. Покровского по составлению археологических карт западных губерний России, подготавливавшихся к Всероссийским археологическим съездам в Вильне и Риге. Сведения о раскопках на северо-западе России содержат адресованные Н. В. Покровскому письма Н. Е. Бранденбурга,²¹⁶ данные о курганных археологических находках с описанием предметов из раскопок — письма П. Мотовилова, Х. И. Попова и других археологов-любителей.²¹⁷

Значительные лакуны, образовавшиеся в корреспонденции ученого в силу объективных причин, разрозненность писем и малая информативность многих из них²¹⁸ не позволяют составить исчерпывающего представления обо всех адресах Н. В. Покровского, затрудняют суждения о тематике переписки в целом. Вместе с тем сохранившиеся письма существенно дополняют наши сведения об ученых занятиях Н. В. Покровского и некоторых фактах его биографии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Семейные связи Н. В. Покровского по материалам фонда 593 в ОР РНБ*

Фонд 593, хранящийся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, содержит кроме черновиков научных работ Н. В. Покровского, служебной и научной корреспонденции также его личную переписку с многочисленными костромскими родственниками.

Николай Васильевич Покровский ведет свое происхождение из духовного сословия. Его отец, о. Василий Покровский (род. ок. 1820 г.), более 20 лет служил в церкви села Подольского Костромской губернии, некоторое время был викарием в г. Плесе, в 1879—1892 гг. служил в храме пророка Илии в Костроме, где и скончался. Он погребен в селе Подольском, которое перешло к его зятю Василию Степановичу Магдалинскому, женатому на дочери о. Василия Фавсте.

О. Василий овдовел до 1879 г., растил четырех детей: Николая, Федора, Фавсту и Лидию. Он с душевным трепетом относился к своему старшему сыну Николаю,

²¹² Там же.

²¹³ [Мнение Н. В. Покровского об иконе св. Георгия в Мариуполе] // АИЗ, изд. ИМАО. 1895. Т. 3. № 6. Археологическая хроника. С. 225—226.

²¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 233. Л. 30—31 об. Черновой автограф.

²¹⁵ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 469.

²¹⁶ Там же. Д. 169: *Бранденбург Николай Ефимович*. Письма к Н. В. Покровскому. 1888—1897.

²¹⁷ Там же. Д. 392: *Мотовилова П.*, учитель Костромского реального училища. Письмо Н. В. Покровскому. Кострома. 14 февраля 1898; Д. 475: *Попов Харитон Иванович*, советник Областного правления Войска Донского. Письмо Н. В. Покровскому. Новочеркасск. 22 сентября 1895.

²¹⁸ Чаще всего единицы хранения, включенные в раздел «Переписка» в личном фонде ученого в ОР РНБ, состоят из одного или, в лучшем случае, из нескольких писем.

* Автор Приложения I — А. Н. Ашешова.

по-отцовски гордился его успехами на научном поприще. В одном из писем к Николаю о. Василий писал: «Как дело идет, особенно по ученой части. Это мне интересно знать, потому, что наши костромские ученые, лично выдавшие тебя на съезде, мне передавали, как ты *отличился*». ¹ О младшем сыне отец знал меньше, что объяснялось излишней замкнутостью Федора, серьезно болевшего и потому опасавшегося лишний раз напоминать родителю о своих житейских невзгодах.

Сыновья не только посылали отцу известия о научных и жизненных успехах, но и поддерживали его материально, откликаясь на его просьбы «ознаменовать день... Ангела чем-нибудь вещественным и таким, чтобы оно напоминало день твоего Ангела и после...» («вещественное — это деньги на чай и подрясник — это самые неотложные мои потребности»). ²

В последние годы жизни о. Василий много болел, что, по словам сына Федора, было вызвано жилищными условиями. Еще в 1886 г. он занемог в Подольском; во время болезни ему было уменьшено жалованье. О. Василий Магдалинский сообщает Н. В. Покровскому в это время: «Слышно, что папаша после летней болезни еще не совсем оправился, так что с большим трудом отправляет служебные обязанности; я ему советую отказаться от службы и воротиться на старое гнездо в село Подольское; но он меня не слушает. В самом деле, что старику так себя изнурять, как будто не имеет где голову приклонить? А когда он возвратился в Кострому после 1 1/2 месяцев болезни на прежнюю службу, ему предлагают уже не 12 р., а 10 руб. в м<еся>ц под предлогом, дескать, без тебя, отец Василий, цену сбили. Какая-то бесовская симония? Следовало бы махнуть рукой и возвратиться вспять»]. ³ Но о. Василий тем не менее продолжал служить.

За год до смерти отца Федор Васильевич писал старшему брату: «Папашу я нашел в вожделенном здравии и благодушном настроении... По его (доктора. — А. А.) словам, последняя болезнь папаша вызвана исключительно условиями его сквернейшей квартиры. И нынче я, по обыкновению, настаивал на перемене папашей своей квартиры. Есть, по-видимому, надежда, что с начала нынешнего учебного года он переберется в более сносные нижние апартаменты по соседству со своим внучком Ал. Магдалинским, для которого в том же доме, где живет и папаша, кажется, нанята уже квартира». ⁴ Однако, несмотря на заботу сыновей об отце, о. Василий с горечью писал старшему сыну в конце жизни: «...в душе жалуясь, что я, имевши двух сыновей-профессоров и двух дочерей-попадей, не имею у них себе места умереть. В избушке же, устроенной Ф<едором> Васильевичем, ... нет для меня части». ⁵

Младший брат Николая Васильевича — Федор Васильевич Покровский (1855—1903) — впоследствии известный археолог и музейный работник, окончил Костромскую Духовную семинарию, затем Петербургскую Духовную академию. Он всегда прилежно учился и, видимо, уже в детстве был любознательным и смышленным. Принимая активное участие в археологических раскопках, Федор Васильевич составил несколько археологических карт западных земель (Виленской, Гродненской, Ковенской губерний) и издал большой альбом по Виленскому музею древностей (Вильна, 1892). В 1890 г. отец написал о нем: «Про Фед<ора> Вас<ильевича> не могу не сказать, что он *перучился много*, и жаль, что помочь этому всему некому — учительница его мамаша далеко вызвана». ⁶ Здоровье Фе-

¹ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 468. Л. 13 об. Письмо от 29 ноября 1887 г. Речь идет о VII Археологическом съезде в Ярославле.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Д. 365. Л. 6 об.—7.

⁴ Там же. Д. 469. Л. 32—32 об.

⁵ Там же. Д. 468. Л. 28 об.

⁶ Там же. Л. 25 об.

дора Васильевича было слабое, у него болели ноги, в последнее десятилетие его жизни бывали периоды, когда он совершенно не мог ходить. Сестра Фавста и о. Василий Магдалинские уже в 1886 г. сетовали: «Не приводит Бог ему, бедному, пользоваться сладкими плодами горькой учебы».⁷ Он лечился в Петербурге, специально ездил в Крым, но лечение не помогало. Юмор не покидал Федора Васильевича и в болезни. По его словам, новый 1897 г. он встречал «среди своих законных четырех докторов, в числе которых был, между прочим, и тот, по рецепту которого отправился на тот свет Геннадий Успенский».⁸ Он умер в 1903 г., на 14 лет раньше старшего брата.

Федор состоял в постоянной переписке с братом.⁹ В письмах к Николаю Васильевичу он часто советовался, как лучше издать каталог музея, просил помочь наладить контакты, необходимые для подготовки и проведения в Вильне IX Археологического съезда, отчитывался о том, как он провел лето, на какие раскопки ездил, как лечился и отдыхал на родной Костромской земле, у отца в Костроме и у сестер в Жарках и Подольском. По просьбе Николая Васильевича младший брат выслал ему найденный им способ чернения серебра.

Сестры Николая Васильевича — Лидия и Фавста — были замужем за священниками. Лидия состояла в браке со священником Успенской единоверческой церкви с. Жарков о. Яковом Нифонтовым; Фавста — с о. Василием Магдалинским, священником с. Подольского. О. Василий Покровский в 1886 г. оценивал жизнь своих дочерей так: «О родных, как подольских, так и жарковских, можно только то сказать, что не умеют пользоваться Божиими милостями. При всей отличной обстановке домашней и хороших способах к жизни не умеют найти душевного спокойствия, отчего часто или постоянно жены нездоровеют. Для жарковских дети их единственное утешение. Учатся превосходно и в Ярославле, и в Костроме тем более». В 1886 г. в Ярославское училище была принята Мария Яковлевна Нифонтова (в 1896 г. вышла замуж за о. Александра Васильевича Троицкого, который служил в церкви с. Козловка Кинешемского уезда), в том же году Лариса Яковлевна Нифонтова окончила училище и была определена учительницей женского отделения при Жарковском училище. Судя по косвенным упоминаниям, Лариса вышла замуж за Ивана Александровича Аделфинского. В 1886 г. родилась Анна Яковлевна Нифонтова, которая через 10 лет поступила в то же Ярославское училище. Своеобразная традиция была нарушена, когда Екатерина Нифонтова была отдана в прогимназию в Нерехте.

О Константине Яковлевиче и Владимире Яковлевиче Нифонтовых ничего не известно, кроме того, что последний родился около 1879 г. Другие два сына — Александр и Николай — были священниками. Они оба закончили Костромскую семинарию; во время обучения они жили в одном доме с «дедушкой» — о. Василием Покровским. Александр Яковлевич был крестником Николая Васильевича Покровского. По окончании семинарии он женился на Наталии Васильевне Соколовой и был определен в с. Воскресенское Костромского уезда, располагавшееся на р. Мызе. О. Яков Нифонтов писал 24 сентября 1895 г., что приход его «весьма благоустроенный, и он занимается проповедничеством, иногда говорит даже по два поучения — после Евангелия и в конце Литургии».¹⁰ С 27 сентября 1894 г. о. Александр Нифонтов состоял надзирателем Кинешемского Духовного училища.

Судьба о. Николая Нифонтова была более сложной, о чем известно не только по переписке близких с Н. В. Покровским, но и по послужному списку, копия

⁷ Там же. Д. 365. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 469. Л. 23.

⁹ Там же. Д. 469.

¹⁰ Там же. Д. 427. Л. 16.

которого сохранилась в РГИА (Ф. 796. Оп. 438. Д. 991). Будущий пастырь родился 24 июля 1870 г. Окончил семинарию с четверкой по поведению, которая «все напутала». Николай сначала думал поступать в Варшавский университет, даже послал документы. Но с поступлением что-то не удалось, и судьбу племянника решил Федор Васильевич. Он пишет брату: «Николай Яковлевич не прочь и от поповства, лишь бы, по его словам, приход порядочный и невеста б<олее> или м<енее> сносная. В этом отношении я оказал ему некоторое содействие. У Августина гостит теперь его крестница (дочь жены настоящего архиерейского секретаря Мирковича, женатого на вдове попадье), воспитанница нынешнего выпуска Виленского духовного училища, девица оч<ень> красивая, д<аже> неглупая и скромная. В день отъезда из Костромы я был в Солоникуве, познакомил там сопровождавшего мне Н. Я. с семейством секретаря и, насколько возможно в такой короткий промежуток времени, поставил дело так, что Николай Яковлевич может продолжать это знакомство».¹¹ Видимо, эта девушка и стала супругой о. Николая, который был рукоположен в 1892 г. В 1895—1899 гг. он был заведующим и законоучителем церковноприходской школы, за устройство и открытие которой был награжден набедренником. О. Яков писал Н. В. Покровскому: «Коле достался приход крайне запущенный нравственно и материально, и он бьется, как бы его привести в порядок, служит чуть не по-жарковски и мало-помалу пробивает холодность народа к церкви».¹² Дела постепенно стали поправляться, но 10 октября 1897 г. о. Николай сообщает, что «по невыясненным причинам сгорело училище»,¹³ и просит ходатайства дяди о переводе его в какой-нибудь более устроенный приход. В январе 1899 г. при непосредственной помощи Николая Васильевича о. Николай был переведен в Архангельскую церковь в Костроме, где сразу стал членом комиссии для проверки сборов в Епархиальное женское училище, членом ревизионно-наблюдательного совета по Епархиальному общежитию своекоштных воспитанников семинарии. До 1910 г. о. Николай — член Костромского попечительства о бедных духовного звания. В 1903—1907 гг. он законоучительствует в мужской воскресной школе при 1-м и 2-м Александровских училищах, а с 1904 г. — в Городском женском приходском одноклассном училище, с 1906 г. — член благочинного совета по 2-му благочинническому округу. С 1910 г. он — член Костромского уездного отделения Епархиального училищного совета, с сентября 1913 г. — член Правления Костромской Духовной семинарии. Кроме набедренника о. Николай был награжден скуфьей (1901 г.), камилавкой (1905 г.) и наперсным крестом, «от Св. Синода выдаваемым» (1913 г.). Судя по послужному списку, из имущества он имел «на церковной земле дом, деревянный, ветхий». Его дети — Николай и Виталий (к началу XX в. он овдовел) учились в Костромской мужской классической гимназии.

С 1912 г. о. Николай — депутат от духовного ведомства Костромского уездного комитета попечительства о народной трезвости.

Менее счастливой оказалась судьба второй дочери о. Василия Покровского — Фавсты. Она серьезно болела, а ее муж, о. Василий Магдалинский, страдал пристрастием к алкоголю. Именно этим обстоятельством было продиктовано стремление о. Василия Покровского остаться в Костроме, пусть даже в плохой квартире, чем переезжать к дочери в Подольское, где он служил более 40 лет в Успенской церкви.¹⁴

¹¹ Там же. Д. 468. Л. 30 об.—31.

¹² Там же. Д. 427. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 424. Л. 2.

¹⁴ Надпись на фотокарточке, хранящейся у наследниц Н. В. Покровского: «Священник Вас. Ник. Покровский — на 41 году своего священства — проведенного при Успенской церкви в с. Подольском, состоящем в Костромском уезде. Июля 1 дня 1884 г.».

Это предвидел Федор Покровский, строивший дом для отца. Он сообщает брату: «...в последнюю половину занят был окончательно испортившею мое пребывание в Подольском постройкою для папаши избушки. Избушка поставлена рядом со двором, окнами к верхнему сараю, и хорошо, если она будет служить только спальнею для пьяного зятя, а то, вероятно, сгинет без обитателей».¹⁵

В семье Магдалинских было четверо детей: Александр, крестник Николая Васильевича, Платон (род. 4 сентября 1885 г.), Зенон (Зиночка), умерший 1 ноября 1895 г. от скарлатины в шестилетнем возрасте, и Геннадий. Платон и Геннадий учились в духовных учебных заведениях в Костроме, а затем с помощью дяди перебрались в Петербург, где в 1914—1916 гг. состояли при Петроградском археологическом институте.¹⁶

Частная переписка Н. В. Покровского, хранящаяся в Рукописном отделе РНБ, позволяет сказать, что у о. Василия Покровского была сестра Авдотья Николаевна (в замужестве Яхонтова), которая часто обращалась за помощью к брату и несколько раз прибегала к милости Н. В. Покровского, в основном хлопоча за свою племянницу Александру Николаевну, которая была замужем за Александром Ивановичем Голубевым, и за внучатых племянниц, которым требовалось приданое.

Николай Васильевич всегда откликался на просьбы своих близких (отца, племянника, тети), посылал им деньги и обязательно подарки к праздникам. Дети Магдалинских и Нифонтовых сообщали в письмах, на что были потрачены деньги; чаще всего это была подписка на журналы.

II. Из семейного архива Покровских*

О семейной жизни Н. В. Покровского из опубликованных источников практически ничего не известно, даже имя супруги восстанавливается исключительно на основе послужных списков. Генеалогия рода Покровских восстанавливается на основе анализа его личной переписки, сохранившейся в ф. 593 ОР РНБ, и публикуется в Приложении I, как и само генеалогическое древо. Отсутствие воспоминаний о семейной жизни должно объясняться, на наш взгляд, не небрежением Покровским обязанностями мужа и отца, а иным представлением об этих обязанностях и напряженной научно-интеллектуальной жизнью исследователя. Представляется, что иллюстрацией к семейной жизни Покровского вполне могла бы стать фраза супруги другого основателя церковной археологии в России А. П. Голубцова О. И. Голубцовой. Вынужденная беспокоить мужа по разным хозяйственным надобностям, Ольга Сергеевна иногда, оправдываясь, говорила ему: «Что же мне делать, если у тебя никогда не добьешься аудиенции? В кабинет не ходи, за чаем ты с книгой — не мешай, за обедом тоже, вечером опять в кабинете».¹ Потрясающая работоспособность дореволюционной академической профессуры — это стиль жизни, который они старались внушить своим чадам и на примере которого их дети воспитывались. Это и была главная отцовская забота, которая исключала какие бы то ни было воспоминания о сентиментальных моментах семейной жизни. Поэтому их почти и не осталось у потомков Н. В. Покровского, из которых живы

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 593. Д. 469. Л. 9.

¹⁶ Платон, окончивший в 1910 г. С.-Петербургскую Духовную академию, в 1914—1916 гг. состоял «при световом фонаре» в Археологическом институте; Геннадий в 1916 г. числился слушателем Археологического института. Однако уже в декабре 1917 г. следы пребывания братьев Магдалинских в институте теряются. См.: ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 410. Л. 38, 77 об.

* Автор Приложения II — А. Е. Мусин.

¹ Александр Петрович Голубцов, профессор Московской Духовной академии († 4 июля 1911 г.). Сергиев Посад, 1911. С. 26.

две внучки по линии дочери Софии — Наталья Дмитриевна Полозюкова (род. 29 марта 1924 г.) и Елена Дмитриевна Семикова (род. 2 октября 1926 г.), проживающие в С.-Петербурге. (Публикуемые ниже сведения записаны с их слов.)

Семейные воспоминания были немногочисленны, мать девочкам мало рассказывала о деде. О существовании брата Н. В. Покровского — Феодора Васильевича знали, но его судьба была им неизвестна, что и не мудрено, поскольку он скончался в Вильне в 1903 г. Мать рассказывала о деде: умер при известии об отречении, схватился за сердце и упал за столом.² В начале 30-х гг. сестры помнят на Никольском кладбище место несохранившейся могилы деда: фундамент и плита серого камня рядом с большой березой.

Н. В. Покровский женился на Анне Александровне Смирновой в 1889 г. Анна Александровна скончалась в конце 1917 г. Младшая дочь София родилась 16 июля 1892 г. († 25 февраля 1942 г.), Нина — 9 ноября 1890 г., младший сын Александр — 13 августа 1900 г. По воспоминаниям, он учился в военном училище. Его последнее письмо сестрам датировано 1919—1920 гг. из Сибири, из армии Колчака, где он служил. В письме указывалось, что они пробиваются на восток и что их догоняют красные. Возможно, он погиб во время Ледяного похода. Больше известий о нем нет. Письмо Александра Николаевича было сожжено уже после 1945 г., как и ряд других сохранившихся семейных документов. Сестры закончили Бестужевские курсы (София — 20 января 1916 г.). Проживали на Невском, 173, кв. 3, в бельэтаже. У Покровских была дача в с. Никольском под Шлиссельбургом. После смерти Анны Александровны дочери выезжали из Петрограда до 1918—1919 гг. Кто жил в квартире в это время, неизвестно. Архив и библиотека были растащены. Однако ряд вещей: литография Сикстинской мадонны (золотую табличку с литографии продали в торгсин в 30-х гг.), ларец, три статуэтки Будды (деревянная сожжена в блокаду, еще одна продана в 1980 г., одна осталась), серебряная подарочная ваза, книжный шкаф из черного дерева — возвращен родственниками и разделен между сестрами, в частности, через К. И. Гурич, крестную Натальи, много помогавшую семье в трудные годы. К. И. Гурич — подруга детства Нины и Софии, дочь кухарки А. А. Смирновой, которую та привезла со своей родины (то Прибалтики, то Ингерманландии). Она выходит замуж за петербургского приказчика Ковшова, от этого брака рождаются две дочки, Александра и Клавдия. Клавдия выходит замуж за выпускника Академии Леонида Гурича, ставшего впоследствии священником. Часть книг потом видели у родственников, очевидно, по матери. В конце 1940—1950-х гг. продали сохранившиеся открытки с адресами и именами родственников.

Судьба Нины. В 1919—1920 гг. в Петрограде она заканчивает медицинские курсы. В 1921—1922 гг. во время голода в Поволжье отправляется на помощь голодающим, где знакомится со своим будущим мужем Савелием Яковлевичем Глезеровым, тоже врачом, впоследствии знаменитым окулистом и доктором медицинских наук. Вдвоем они возвращаются в Нижний Новгород, где строят дом на паях с несколькими семьями. Н. Н. Глезерова становится профессором микробиологии, заведует отделом вакцин и сывороток, но где работала, сестры не помнят. Имела приемную дочь Веру. Умерла 19 апреля 1959 г., сознавая себя атеисткой.

Судьба Софии. В 1922 г. выходит замуж за вдовца с двумя детьми Д. Е. Бикарюкова, сына помещика из Белоруссии, впоследствии домовладельца в С.-Петербурге, возможно, потомка дворянского рода Бикорюковых, известного с 1543 г., с которым вместе работала воспитателем в приюте. От этого брака родились две дочери. Жили в одном из бывших академических флигелей (Обводный, 7, так называемой Попов-

² Эта семейная легенда опровергается данными некрологов, содержащих сведения о тяжелой продолжительной болезни Н. В. Покровского.

ке). Д. Е. Бикарюков умер 23 января 1933 г. Два сына от его первого брака: Марк (впоследствии он не жил с семьей — его забрали родственники по матери) умер 17 июня 1972 г. в Запорожье и Лев (закончил Ленинградский кораблестроительный институт, служил в торговом флоте) погиб в морском бою 10 августа 1941 г. на Северном флоте. София впоследствии работает делопроизводителем в отделе доставки почты на Московском вокзале. Наталья (дочь) училась в школе № 13, в бывшем здании Епархиального училища, Елена — в бывшем здании семинарии № 20. Лена была эвакуирована со школой в Сибирь, после войны ее забрала к себе Нина Николаевна в Горький, где она училась в медицинском институте, стала врачом-терапевтом, вышла замуж в 1950 г. и уехала в Ярославль к мужу — Виктору Ивановичу Семикову, начальнику ярославского порта († 6 сентября 1993 г.).

Наталья во время войны остается с матерью. Мать умирает 25 февраля 1942 г. с верой в Господа. Соседка работала в РК ВКП(б), помогала выжить, пристроила в январе на пекарню. Весной перевели на работы в подсобное хозяйство. Потом оборонные работы на аэродромах Парголово и Горелово. С 1943 г. — работа вольнонаемной в штабе Мариенбург, Сиверская, Межно. Получила медаль за оборону Ленинграда. Во время войны переезжает на одну из Советских улиц, в 1949 г. заканчивает бухгалтерские курсы, в 1953 г. — финансово-кредитный техникум. Работала в Управлении местной топливной промышленности при Исполкоме, с 1959 г. — бухгалтер Обкома профсоюза. С 1979 г. на пенсии.

В семейном архиве осталось несколько писем и записок, адресованных сестрам Покровским от их знакомых и родственников, и несколько записок Софии своим дочерям. Одна из них датирована осенью 1941 г., где мать просит дочь Наталью быть поосторожней, поскольку «сильно бьют из дальнобойных». В архиве сохранился также фотоальбом, принадлежавший С. Н. Покровской, с ее гимназическими фотографиями, среди которых фото ее законоучителя в гимназии прот. Г. Шавельского (19 мая 1909 г.), будущего протопресвитера армии и флота. Ряд детских фотографий представляет детей Покровского, его супругу Анну Александровну, племянников Магдалинских — дочерей сестры Фавсты. Есть несколько редких фотографий самого Н. В. Покровского 1870-х гг., его студенческое фото, фотография его отца протоиерея Василия. В восстановленном в 1989 г. Церковно-археологическом музее С.-Петербургской Духовной академии хранится медаль, отчеканенная к 35-летию научной деятельности Н. В. Покровского.

III. Литографированные курсы лекций Н. В. Покровского в библиотеке С.-Петербургских Духовных академии и семинарии*

В архиве возрожденных в 1946 г. Санкт-Петербургских (в то время Ленинградских) Духовных академии и семинарии по объективным причинам (конфискация академического архива в 1918 г.) никаких документов, относящихся к научной и преподавательской деятельности или же к личной жизни старой академической профессуры, не сохранилось. Однако среди библиотечного фонда, составившего основу современной библиотеки Духовных академии и семинарии, имеется ряд неизданных трудов Н. В. Покровского, представленных прежде всего учебными курсами. В настоящее время в библиотеке СПбДА хранятся литографированные конспекты лекций Н. В. Покровского по церковной археологии за период с 1884 по 1897 г. и литургии за время 1889—1900 г. Необходимо отметить, что вышеуказанные конспекты входят в программу преподавания церковной археологии на выпускном курсе Ака-

* Автор приложения III — А. Е. Мусин.

демии в качестве дополнительной литературы и весьма охотно читаются и используются студентами. Все издания снабжены литографированными рисунками, а рукописный текст на каждом печатном листе завизирован Н. В. Покровским лично. Во всех изданиях в обязательном порядке присутствуют соответствующие разрешения священноначалия Духовной академии на печатание конспектов, чаще всего в лице ректора. Исключения составляют добавления к лекциям за 1894/95 учебный год, где разрешение подписано самим Н. В. Покровским, бывшим в то время инспектором Академии (30 июля 1893—6 октября 1899 г.) и по случаю исполнявшим обязанности ректора вместо епископа Нарвского Никандра в сентябре 1895 г.¹

Первый по времени сохранившийся в литографированном виде лекционный курс датируется 1884/85 учебным годом.² Его структура традиционна для церковно-археологических взглядов на предмет и содержание науки, которые бытовали в конце XIX в. За введением, где в качестве предмета археологии рассматриваются древние памятники быта, следует обзор источников церковной археологии, под которыми понимаются исключительно памятники христианского искусства, общая характеристика собраний предметов церковной древности и краткий очерк истории науки, сосредоточенный прежде всего на истории римской школы христианской археологии. Далее следует очерк истории иконопочитания в церкви, вслед за которым, как иллюстрация к развитию и воплощению догмата, рассматриваются аллегорическая живопись катакомб, предметы церковной древности из катакомб, прежде всего *fondi d'oro* и раннехристианская скульптура. Следующий этап развития христианского искусства представлен византийской иконографией, где рассматриваются мозаики и эмали. Отдельная глава посвящена греческому иконописному подлиннику. Завершает археологическую часть работы обзор памятников христианской иконографии в России, в котором рассматриваются мозаики и фрески, а также русский лицевой иконописный подлинник. В конце курса представлено введение в литургику, где дается краткая характеристика ее источников и историографии, а также начат исторический очерк сложения богослужебных последований церковных Таинств.

Лекции следующего учебного 1885/86 г.³ посвящены истории христианской архитектуры. Вводные разделы повествуют об архитектуре Египта и античности, упоминаются подземные храмы как особый тип христианских молитвенных зданий, и в конце раздела делается вывод, опять же в духе тогдашних исторических представлений, что киевские пещеры напоминают римские катакомбы и «вырыты троподитами». Собственно разбор христианской архитектуры начинается с происхождения базилики и крестово-купольного храма византийского типа, рассматривается западная архитектура, где в качестве хронологических подразделений выбраны романо-византийский стиль и готика. История церковной архитектуры в России начинается с рассмотрения московских храмов, где уделяется особенное внимание интерьерному убранству (архитектуре малых форм) и расположению стенописи и икон в храмах.

Второй отдел курса со с. 268 посвящен «музыкальной археологии», где анализируются виды церковных песнопений, история акафиста, а также пение в Рус-

¹ Бовкало А. А. Н. В. Покровский — инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии // Церковная археология. Вып. 4. Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917). Санкт-Петербург. 1—3 ноября 1998 г. СПб., 1998. С. 52.

² Лекции по церковной археологии, читанные студентам Спб. Д. Академии в 1884/85 г. Н. В. Покровским. СПб.: Литография С. Ф. Яздовского. Разрешение ректора епископа Арсения. 190 экз., 836 с., XIII табл. (Библиотека СПбДА, № 4136, 88510, 88494).

³ Лекции по церковной археологии, читанные Н. В. Покровским студентам С. П. Д. Академии в 1885/86. Типолитография С. Ф. Яздовского. Разрешение епископа Арсения, ректора на 190 экз. 541 с. (Библиотека СПбДА, № 43353).

ской церкви и его нотные знаки. Третий отдел со с. 380 посвящен истории литургии: начиная с происхождения агапы, Н. В. Покровский прослеживает процесс кристаллизации богослужебной структуры и ее анализа по источникам II—III вв., после чего переходит к Постановлениям апостольским (IV в.) и заканчивает разбором литургий св. Василия Великого, свт. Иоанна Златоустого и Преждеосвященных Даров.

Очевидно, этот двухгодичный курс был базовым на протяжении 10 лет. Только в 1894 г. появляются «Дополнения к лекциям»,⁴ где особенное внимание уделено влиянию храма византийского типа на зодчество Руси и Европы, т. е. в основном дорабатывается первый отдел лекций второго года обучения. В «Добавлениях» 1896—1897 гг., которые до с. 134 текстуально совпадают с предшествующими,⁵ основное внимание на последующих страницах уделено периоду XIV—XVII вв. как времени западного влияния в архитектуре и появления шатровой формы. Особое место занимают вопросы эволюции малых архитектурных форм внутри храма. Существенным является добавление о русском иконописании, в частности о постановлениях Стоглава на эту тему. История иконописания доведена до Симона Ушакова и дана краткая характеристика школ, существовавших в то время в России.

Самый ранний из сохранившихся полностью курсов литургии датируется 1899—1900 гг.⁶ Его структура близка к литургическому введению в курс 1884/85 г. и истории литургии в курсе 1885/86 г. Существенным дополнением является более подробная история Таинств крещения в Византии и на Руси, миропомазания, исповеди и священства. К этому курсу близко примыкает «Программа чтений по церковной археологии и литургии» в 1889/90 г., представляющая собой подробное оглавление курса.⁷ Очевидно, I—II части были посвящены церковной археологии, но они не сохранились. В сохранившихся ныне III—IV частях излагается программа преподавания литургии, где основное внимание уделено истории устава, постам и праздникам, частному богослужению и таинствам (крещение, миропомазание, покаяние, священство, история чинопоследования брака, елеосвящение). В оглавлении упомянуто погребение, но в тексте раскрытие этого обряда и его история отсутствуют. Конспект лекций по литургии 1893/94 г. также представляет собой расширенную «методичку» курса,⁸ где присутствует, однако, ряд новых элементов. Так, среди источников литургии выделены деяния Соборов, в частности Соборы в России 1551, 1654, 1667 гг. Предпринято деление литургических анафор на региональные группы, предполагается охарактеризовать богослужения апостольского времени. В остальном план лекций практически совпадает с предшествующими работами. Очевидно, курс 1889/90 г. также был базовым, к которому впоследствии добавлялись приложения в виде развернутых методичек.

⁴ Дополнение к лекциям по церковной археологии. СПб.: Лит. Руднева, 1894—1895. Разрешение за ректора подписано самим Покровским как инспектором. 100 экз. 154 с. 16 л. ил. (Библиотека СПбДА, № 19367, 50053).

⁵ Добавления к лекциям по церковной археологии, читанным в 1896/7 ак. году. Орд. проф. Н. В. Покровским. СПб., 1897. Разрешение ректора епископа Иоанна на 167 экз. (Библиотека СПбДА, № 124235, 299-У).

⁶ 1899—1900 гг. Лекции по литургии, читанные студентам 57 и 58 курсов С.-Петербург. Духовной академии профессором Н. В. Покровским. Литография Курочкина. Разрешение на 52 экз. Подписано и. д. ректора архимандритом Сергием (Библиотека СПбДА, № 9140).

⁷ Программа чтений по церковной археологии и литургии в 1889/1890 академическом году профессора Н. В. Покровского студентам С.-Петербургской Духовной академии. СПб.: Литография Гривовой, 1890. Ч. 3—4. Литургия (Библиотека СПбДА, № 72577).

⁸ Конспект лекций по литургии, читанных ординарным профессором Николаем Васильевичем Покровским студентам III—IV курсов С.-Петербургской Духовной академии в 1893/94 учеб. году. Литография Руднева. Разрешение ректора епископа Никандра на 135 экземпляров. 30 с. (Библиотека СПбДА, № 111586).

Знакомство с литографиями лекций приводит к нескольким выводам. Несмотря на принципиальное различие предметов литургики и церковной археологии и разведение преподавания этих предметов во времени, что было предпринято самим Н. В. Покровским в 1877 г. после возвращения из ученого путешествия в Европу, субстанциональная взаимосвязь этих наук проявлялась не только во взаимодополняемости, но и в том, что курсы читались одним лектором. Это полностью соответствует методологическим предпочтениям Н. В. Покровского, который, по словам Ф. И. Буслаева, первым обратил внимание на связь церковного искусства с учением Церкви и текстами литургии.⁹ Курс являлся, несомненно, базовым и, хотя был авторским, не отражал всех самостоятельных достижений Покровского в области церковной археологии. Очевидно, результаты самостоятельных научных разработок Н. В. Покровского сообщались на лекциях дополнительно, а существующие конспекты содержали основные сведения в изучаемой области, которые было необходимо знать студентам Академии и которые предусматривались учебными программами и цензурой Учебного комитета. Также очевидно, что курс, созданный к 1884—1885 гг., практически не менялся впоследствии и лег в основу разработанного к 1916 г. пособия по церковной археологии для духовных семинарий Русской церкви.¹⁰ Вместе с тем литургические разработки Н. В. Покровского, присутствующие в конспектах и касающиеся регионального деления анафор, созданы в полном соответствии с передовой литургической наукой того времени и со всей очевидностью воплотились в оригинальном труде его ученика и преемника по кафедре (с 1906 г.) И. А. Карабинова, как раз посвященном анафоре.¹¹

IV. Материалы к библиографии Н. В. Покровского

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. Москва.

АП — Архив Покровского: ОР РНБ. Ф. 593 (личный фонд Н. В. Покровского).

АС — Археологический съезд.

ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый (имп.) С.-Петербургским (Петроградским) археологическим институтом. СПб. (Пг.)

ЖЗСДА за ... уч. г. — Журналы заседаний Совета (имп.) С.-Петербургской (Петроградской) Духовной академии за ... учебный год. СПб. (Пг.)

НИС — Новгородский исторический сборник.

САИ — Сборник Археологического института. СПб. (Пг.)

СП, I—III — составленный Н. В. Покровским список его печатных трудов, расположенный по трем разделам (I. Церковная археология и литургики; II. Библиография и отзывы; III. Речи,

отчеты, редакторская деятельность, статьи и заметки разного содержания) и опубликованный в изд.: XXXV. Профессор Николай Васильевич Покровский, директор имп. Археологического института. 1874—1909: Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. С. 28—32 (94 наименования).

СПБАИ — С.-Петербургский археологический институт.

ЦА, 1998, вып. 4 — Церковная археология. Вып. 4: Материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848—1917), Санкт-Петербург, 1—3 ноября 1998 г. СПб., 1998.

ЦВс — Церковный вестник, издаваемый при СПбДА. СПб. (Пг.)

ЦВд — Прибавления к Церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. СПб. (Пг.)

⁹ Профессор Н. В. Покровский: Краткий очерк научной деятельности. СПб., 1909.

¹⁰ Покровский Н. В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.

¹¹ Карабинов И. А. Евхаристическая молитва: опыт историко-литургического анализа. СПб., 1910.

СПИСОК ТРУДОВ

1876

- Черты современности в проповедничестве конца прошлого и начала настоящего столетия // Странник. 1876. Т. 1, ч. 1. С. 69—93.¹
- Проповедническая деятельность преосвященного Анастасия Братановского // Там же. С. 173—195.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Бахталовского Георгия «Агапы в древней христианской церкви» // ЖЗСДА за 1876 уч. г. 1876. С. 166—167.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Зарницкого Якова «Церковно-археологическое исследование о браке» // Там же. С. 169—171.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Перетерского Ивана «Чин проскомидии по рукописям Кирилло-Белозерской и Софийской библиотек» // Там же. С. 176—178.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Преображенского Сергея «О происхождении и постепенном образовании гармонического пения в Церкви» // Там же. С. 178—180.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Тихомирова Петра «Церковно-археологическое исследование о престоле и его принадлежностях» // Там же. С. 185—187.

1877

- Экзарх Грузии Феофилакт Русанов и его проповеди // Странник. 1877. Т. 1, кн. 1. С. 3—18; Кн. 3. С. 325—344.²
- Отчет <о заграничной командировке> // ЖЗСДА за 1876/7 уч. г. 1877. С. 119—130.³
- Отчет датирован 19/31 января 1877 г.; представлен на заседании Совета СПбДА 28 января 1877 г.

1878

- Древнеязыческое и христианское искусство // ХЧ. 1878. Ч. 1. С. 3—17.
- Символические формы агнца в древнехристианском искусстве // Там же. С. 743—782.
- «Добрый пастырь» в древнехристианской символике // Там же. Ч. 2. С. 483—498.
- Замечательный образец византийской живописи X—XI в. // Там же. С. 655—661.
- Отчет о занятиях за границу ... // ЖЗСДА за 1877/8 уч. г. 1878. С. 15—18.
- Отчет датирован 14 августа 1877 г.; представлен на заседании Совета СПбДА 13 августа 1877 г.
- Отчет <о заграничной командировке 1876—1877 г.> // Там же. С. 180—200.⁴
- Отчет представлен на заседании Совета СПбДА 13 февраля 1878 г.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Дроздова Николая «Употребление икон в язычестве, иудействе и христианстве» // Там же. С. 295—297.
- [Отзыв на:] Сочинение студента Екатеринбургского Александра «Disciplina arcani, ее происхождение и применение в древнем христианстве» // Там же. С. 297—298.

1879

- Происхождение христианского храма // ХЧ. 1879. Ч. 2. С. 501—551.
- [Подготовка издания:] Дж. Б. де Росси. Очерки древнего христианского искусства по памятникам подземного Рима. [СПб.] 1879.
- Сокращенное изложение книги Дж. Б. де Росси «Подземный христианский Рим» (*Rossi G. B., de Roma sotteranea christiana. Roma, 1864—1877. Т. 1—3*).

¹ В СП, III, с. 32 названо: «Черты современности в проповеди конца XVIII и начала XIX в.».

² В СП, III, с. 32 статья указана с измененным названием — «Феофилакт Русанов как проповедник» — и неверным годом ее публикации.

³ В СП, III, с. 32 названо: «Отчет о заграничной командировке за 1-е полугодие 1876—7 г.».

⁴ В СП, III, с. 32 названо: «Отчет об учебных занятиях за границу за 2-е полугодие 1876—7 академического года».

[Рец. на: *Строганов С. Г.*] «Русское искусство, Е. Виолле ле Дюк» и «Архитектура в России от X-го по XVIII-й век». СПб., 1878 // САИ. 1879. Кн. 2. С. 49—52.

Отчет о состоянии <С.-Петербургского Археологического> института за 1878 г. // Там же. Приложение. С. 19—23.

Коллекция церковных древностей при С.-Петербургской Духовной академии // ЦВс. 1879. 11 авг. № 32, часть неофиц. С. 1—4.

[Отзыв на:] Сочинение студента Архангельского Парфения «Чин проскомидии по рукописям Софийской и Кирилло-Белозерской библиотек» // ЖЗСДА за 1878/9 уч. г. 1879. С. 214.

[Отзыв на:] Сочинение студента Владимирского Александра «Публичное покаяние в древней христианской церкви (до Vго века)» // Там же. С. 215—216.

[Отзыв на:] Сочинение студента Лебедева Павла «Происхождение и древние формы поста четырехдесятницы» // Там же. С. 219—220.

[Отзыв на:] Сочинение студента Соловьева Федора «Об изображении креста и распятия в древнехристианской церкви» // Там же. С. 220—221.

[Отзыв на:] Сочинение студента Толстохнова Евгения «Чин исповеди по рукописям Софийской и Кирилло-Белозерской библиотек» // Там же. С. 221—222.

1880

Происхождение древнехристианской базилики: Церковно-археологическое исследование. СПб., 1880. VIII, 211 с., 26 рис.

Магистерская диссертация, защищенная в СПбДА.

Отзыв официального оппонента: *Ловязин И. Е.* // ЖЗСДА за 1879/80 уч. г. СПб., 1880. С. 145—147.

Рецензии и критика: *Красносельцев Н. Ф.* 1) О происхождении христианского храма: По поводу магистерской диссертации проф. Н. В. Покровского. Казань, 1880; 2) Очерки из истории христианского храма. Казань, 1881. Вып. 1.

Высшие задачи христианской археологии: Речь перед публичной защитой магистерской диссертации «Происхождение древнехристианской базилики» // ХЧ. 1880. Ч. 2. С. 190—200.

Речь произнесена 25 мая 1880 г.

Новейшие воззрения на предмет и задачи археологии // САИ. 1880. Кн. 4. С. 13—28.

Лекция, читанная слушателям СПбАИ во введении к курсу христианской археологии. В конце текста дата: 25 апреля 1880 г.

Отчет о состоянии <С.-Петербургского> Археологического института за 1879 год // Там же. Приложение. С. 19—27.

Без подписи. Отчет зачитан на торжественном собрании в СПбАИ 24 февраля 1880 г.

[Представление о пожертвованиях и описании церковно-археологической коллекции СПбДА в 1879 г.] // ЖЗСДА за 1879/80 уч. г. 1880. С. 105—106.

Текст датирован 20 декабря 1879 г.; оглашен на заседании Совета СПбДА 22 декабря 1879 г.

[Отчет об участии в предварительных собраниях археологов в Москве по поводу предполагаемого в августе 1881 г. V АС в Тифлисе] // Там же. С. 118—120.

Отчет датирован 15 января 1880 г.; оглашен на заседании Совета СПбДА 22 января 1880 г.

[Донесение о предполагаемой выставке церковных древностей в СПбАИ] // Там же. С. 127—128.

Датировано 12 февраля 1880 г.; оглашено на заседании Совета СПбДА 13 февраля 1880 г.

[Донесение об осмотре коллекции И. И. Лютостанского] // Там же. С. 128—129.

Совместно с И. Ф. Нильским.

Датировано 12 февраля 1880 г.; оглашено на заседании Совета СПбДА 13 февраля 1880 г.

[Донесение о пожертвовании предметов для церковно-археологической коллекции СПбДА из собрания графа С. Г. Строганова] // Там же. С. 180—181.

Датировано 23 мая 1880 г.; оглашено на заседании Совета СПбДА 31 мая 1880 г.

Пожертвование графа С. Г. Строганова для церковно-археологической коллекции при С.-Петербургской Духовной академии // ЦВс. 1880. 25 окт. № 43, часть неофиц. С. 9—10.

Подпись: *Н. П.*

[Отзыв на:] Сочинение студента Боголюбова Алексея «Происхождение и постепенное образование гармонического церковного пения» // ЖЗСДА за 1879/80 уч. г. 1880. С. 224—225.

[Отзыв на:] Сочинение студента Бурцева Александра «Археология миропомазания» // Там же. С. 225—226.

[Отзыв на:] Сочинение студента Милованова Василия «О погребении в древнехристианской церкви» // Там же. С. 226.

[Отзыв на:] Сочинение студента Орлова Дмитрия «Преподобный Иоанн Дамаскин и его заслуги в области важнейших обрядовых учреждений» // Там же. С. 227—228.

[Отзыв на:] Сочинение студента Полонского Николая «Археологическое исследование о празднике пасхи, пятидесятницы и рождества Христова» // Там же. С. 228—229.

[Отзыв на:] Сочинение студента Соколова Владимира «Происхождение и основной характер византийского зодчества» // Там же. С. 230—231.

[Отзыв на:] Сочинение студента Соснякова Григория «Взгляд на историю русской иконографии» // Там же. С. 231.

1881

Памятники древности на Кавказе. (Пятый археологический съезд в Тифлисе) // ЦВс. 1881. 17, 24, 31 окт. № 42—44, часть неофиц. С. 8—10, 8—10, 7—10.⁵

Памятники древнего христианства в Сирии и Константинополе. (Syrie centrale. Architecture civile et religieuse du I-er au VII-e siècle par le C<om>te <E. M. de>Vogüé. Paris, 1865—1877. Т. 1—2. Les anciennes églises byzantines de Constantinople, relevées, dessinées et publiées par D. Pulgher, Vienne, 1878—1880) // ХЧ. 1881. Ч. 1. С. 147—156.⁶

Отчет о состоянии <С.-Петербургского> Археологического института за 1880 год // САИ. 1881. Кн. 5. Половина первая. Приложение. С. 24—31.

[Заявление об отборе предметов из церковно-археологической коллекции СПбДА для выставки в СПбАИ] // ЖЗСДА за 1880/1 уч. г. 1881. С. 130—131.

Оглашено на заседании Совета СПбДА 22 декабря 1880 г.

[Заявление о желании присутствовать на археологическом съезде в Тифлисе] // Там же. С. 180—181.

[Отзыв на:] Сочинение студента Авессаломова Флегонта «Определения Стоглавого собора относительно обрядности русской церкви» // Там же. С. 248—249.

[Отзыв на:] Сочинение студента Альбова Александра «Определения Московских соборов 1666, 1667 и 1675 гг. относительно церковной обрядности» // Там же. С. 249—250.

[Отзыв на:] Сочинение студента Богословского Владимира «Чин литургии св. Златоуста по рукописям софийской и кирилло-белозерской библиотек» // Там же. С. 250.

[Отзыв на:] Сочинение студента Груздева Льва «Древние изображения Спасителя» // Там же. С. 251.

[Отзыв на:] Сочинение студента Юницкого Александра «Брачный чин по рукописям софийской и кирилло-белозерской библиотек» // Там же. С. 256.

1882

С московской выставки. (Церковно-богослужбные предметы на выставке) // ЦВс. 1882. 10 июля. № 28, часть неофиц. С. 4—6.⁷

Археологические редкости Гелатского монастыря. (Путевые заметки любителя старины) // ХЧ. 1882. Ч. 1. С. 467—486.⁸

Брачные венцы и царские короны: История формы брачных венцов и их символическое значение // Там же. Ч. 2. С. 127—160.

⁵ В СП, I, с. 30 статья указана под названием: «Церковные древности на тифлисском археологическом съезде».

⁶ В СП, I, с. 30 рецензия названа «Памятники древнехристианские в Сирии и К-поле» с неверным указанием года публикации.

⁷ В СП, I, С. 30 статья указана с измененным названием: «О произведениях церковного искусства на вероссийской выставке в Москве».

⁸ В СП, I, с. 30 статья указана под заглавием: «Археологические редкости Гелатского монастыря».

[Рец. на:] Путешествие на Синай в 1881 г. Из путевых впечатлений. Древности синайского монастыря Н. Кондакова. Одесса, 1882 // Странник. 1882. Т. 2. Август. С. 656—664.

[Рец. на:] Правила и практика церкви относительно присоединения неправославных христиан. Историко-каноническое исследование преподавателя костромской дух. семинарии магистра богословия священника А. Серафимова. Изд. 2-е, испр. и доп. Кострома, 1882 // Там же. Т. 3. Сентябрь. С. 161—166.

Подпись в конце текста: *Н.* Подпись в содержании: *Н. П.*

Отчет <...> об участии в работе V АС в Тифлисе // ЖЗСДА за 1881/2 уч. г. 1882. С. 93—94.

Отчет датирован 15 ноября 1881 г.; представлен на заседании Совета СПбДА 30 ноября 1881 г.

[Отзыв на:] Сочинение студента Княжинского Алексея «Домашний и семейный быт древних христиан» // Там же. С. 50—51.

Отзыв от 22 сентября 1881 г.

[Отзыв на:] Сочинение студента Миловидова Феодора «Отношение ветхозаветного богослужения к новозаветному» // Там же. С. 77.

[Отзыв на:] Сочинение студента Добровольского Василия «Происхождение и история епископских облачений» // Там же. С. 196—197.

[Отзыв на:] Сочинение студента Косухина Александра «Критический обзор статей, относящихся к христианской иконографии, в рукописях Софийской библиотеки» // Там же. С. 197—198.

[Отзыв на:] Сочинение студента Надеждина Александра «Археология обрядов елеосвящения» // Там же. С. 202.

[Отзыв на:] Сочинение студента Новикова Василия «Литургия преждеосвященных даров по рукописям софийской и кирилловской библиотек» // Там же. С. 204—205.

[Отзыв на:] Сочинение студента Смелкова Павла «История чинопоследования освящения храмов» // Там же. С. 207—208.

1883

Новое церковно-археологическое открытие // ЦВс. 1883. 15 янв. № 3, часть неофиц. С. 9—10.⁹

Подпись: *Н. П.*

Чин коронования Государей в его истории // Там же. 7, 14, 21 мая. № 19, 20, 21, часть неофиц. С. 3—5, 4—5, 6—9.

То же (отдельное издание). [СПб., 1883]. 32 с.

Ипатьевская лицевая псалтирь 1591 года // ХЧ. 1883. Ч. 2. № 11—12. С. 594—628.

То же (отдельный оттиск). [СПб.], 1883. 36 с.

[Библиографическая заметка:] Указатель для обозрения московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы. Составлен Саввою, архиепископом тверским. Издание пятое (пересмотренное и дополненное), с приложением XV таблиц фотографических снимков с замечательнейших предметов патриаршей ризницы. М., 1883 // ЦВс. 1883. 13 авг. № 33, часть неофиц. С. 4—5.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Дни богослужения православной кафедральной восточной церкви. Протоиерея Г. С. Дебольского. Издание седьмое в двух томах. Изд. книгопродавца И. Л. Тузова. СПб., 1882 // Там же. 27 авг. № 35, часть неофиц. С. 4.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Изограф. Журнал иконографии и древних художеств, издаваемый И. Красницким. СПб., 1882—1883. Т. 1, вып. 1—4 // Там же. С. 4—5.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Новая скрижаль или объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных, Вениамина, архиепископа нижегородского и арзамасского; в четырех частях, с рисунками, гравированными на дереве Л. Серяковым. Издание 14-е. СПб., 1884. Издание книгопродавца И. Л. Тузова // Там же. 17 сент. № 38, часть неофиц. С. 3.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Историческое, догматическое и таинственное изъяснение божественной литургии. Составлено Иваном Дмитриевским. Вновь просмотренное и исправленное издание с

⁹ В СП, I, с. 30 названо: «Древние фрески в Киево-Кирилловом монастыре».

рисунками академика Ф. Г. Солнцева, с приложением «книги о храме» Симеона, митрополита солунского. СПб., издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1884 // Там же. 17 дек. № 51, часть неофиц. С. 4.

Подпись: *Н. П.*

[Рец. на:] *P. Garrucci*. История христианского искусства в первые восемь столетий. 1872—1881 // ХЧ. 1883. Ч. 1. С. 230—245.

Рецензируется издание: *Garrucci R.* Storia dell'arte cristiana nei primi otto secoli della chiesa. Prato, 1872—1881. Vol. 1—6.

[Отзыв на:] Сочинение студента Никитова Петра «Обряды погребения в русской церкви» // ЖЭСДА за 1882/3 уч. г. 1883. С. 37—38.

[Отзыв на:] Сочинение студента Георгиевского Николая «Заслуги св. Козьмы Маюмского в истории песнопений греко-русской церкви» // Там же. С. 264.

[Отзыв на:] Сочинение студента Ермонского Владимира «История чинопоследования епископского посвящения» // Там же. С. 267.

[Отзыв на:] Сочинение студента Смирнова Матвея «Сравнение церковных обрядов царского венчания, епископского и пресвитерского посвящения и брака» // Там же. С. 273—274.

[Отзыв на:] Сочинение студента Спасского Александра «Изображение Бога Отца на памятниках древнехристианской и византийско-русской иконографии» // Там же. С. 275—276.

[Отзыв на:] Сочинение студента Четыркина Георгия «Происхождение акафиста Божией Матери» // Там же. С. 277—278.

1884

[Реферат сообщения «Страшный суд в памятниках византийско-русского искусства»] // Рефераты заседаний VI АС в Одессе. Одесса, 1884. 5-я паг. С. 6—7.

Сообщение сделано 20 августа 1884 г.

[Реферат сообщения «О следах апокрифических евангелий в древнерусской иконописи»] // Там же. 10-я паг. С. 11.

Сообщение сделано 28 августа 1884 г.

[Библиографическая заметка:] Толкование на божественную литургию по чину св. Иоанна Златоустого и св. Василия Великого. Протоиерея Василия Нечаева. Издание третье, вновь пересмотренное. М., 1884 // ЦВс. 1884. 3 марта. № 9, часть неофиц. С. 6.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Обзор русской духовной литературы; книги первая и вторая 862—1863 г.; соч. Филарета (Гумилевского), архиепископа черниговского. Издание третье, с поправками и дополнениями автора. СПб., издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1884 // Там же.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка] Χριστιανικὴ Ἀρχαιολογία ἐρανισθεῖσα καὶ ἐκδοθεῖσα ὑπὸ Διονύσιου λατὰ Ἀρχιεπισκόπου, τόμος πρῶτος. Ἐν Αθήναις, 1883 // Там же. С. 6—7.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Жития святых, чтимых православною церковию, с сведениями о праздниках господских и богородичных и о явленных чудотворных иконах, составленные преосв. Филаретом (Гумилевским), архиеп. черниговским, с дополнениями из других, с изображениями святых и праздников академика Ф. Г. Солнцева, с приложением портрета преосв. Филарета. СПб., 1885. Издание книгопродавца И. Л. Тузова // ЦВс. 1884. 27 окт. № 43, часть неофиц. С. 8.

Подпись: *Н. П.*

[Отзыв на:] Сочинение студента Погребова Ивана «История праздника Рождества Христова» // ЖЭСДА за 1883/4 уч. г. 1884 (на обл.: 1886). С. 111—112.

1885

Лекции по церковной археологии, читанные студентам СПб. Дух<овной> академии в 1884/5 г. СПб., [1885]. 836, 52 с., XV табл.

Литографированное издание.

Лекции по церковной археологии, читанные Н. В. Покровским студентам С.-Петербургской Духовной академии в 1885/6 г. СПб., 1885. 541 с., [19] табл.

Литографированное издание.

Древности Костромского Ипатьевского монастыря // ВАИ. 1885. Вып. 4. С. 1—34.

Шестой археологический съезд в Одессе. (Памятники христианства) // ХЧ. 1885. Ч. 1. С. 179—229.¹⁰

То же (отдельный оттиск). СПб., 1885. 53 с.

Определение Стоглава о св. иконах // ХЧ. 1885. Ч. 1. С. 527—559.

Речь, произнесенная на годичном акте СПбДА 17 февраля 1885 г.

То же // Годичный акт в С.-Петербургской Духовной академии в 1884 году (17 февраля). СПб., 1885. С. 25—59.

То же (отдельный оттиск). СПб., 1885. С. 25—59.

Просветители славян и славянское богослужение // Странник. 1885. Т. 1. Апрель. С. 601—613.

Подпись: *Н. П.*

[Реферат сообщения «О райских блаженствах в памятниках литературы и искусства»] // Отчеты ОЛДП в 1884—1885 г. СПб., 1885. С. 23—24 (ПДП, LVII).

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 11 января 1885 г.

[Реферат сообщения об иконе Софии Премудрости Божией] // Там же. С. 33—34.

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 8 февраля 1885 г.

[Реферат сообщения об иконах Богоматери, писанных евангелистом Лукою] // Там же. С. 44—45.

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 8 марта 1885 г.

[Реферат сообщения о перегородчатых или инкрустированных эмалях] // Там же. С. 67—69.

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 25 апреля 1885 г.

[Библиографическая заметка:] Православный палестинский сборник. Вып. 7-й с приложением планов и рисунков к раскопкам на русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме. СПб., 1884 // ЦВс. 1885. 20 апр. № 16, часть неофиц. С. 274—275.

Без подписи.

[Библиографическая заметка:] Константин Никольский, протоиерей церкви Успения Пресв. Богородицы, что на Сенной: «О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах». СПб., 1885 // Там же. 1 июня. № 22, часть неофиц. С. 368—369.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Вестник археологии и истории, издаваемый археологическим институтом иждивением почетн. члена М. В. Глумова. Вып. 1—4. СПб., 1885 // Там же. 7 сент. № 36, часть неофиц. С. 578.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] История чинопоследований крещения и миропомазания. Исследование А. Алмазова. Казань, 1885 // Там же. С. 578—579.

Подпись: *Н. П.*

Открытие губернской ученой архивной комиссии в Костроме // Там же. С. 582—583.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] И. Мансветов. Церковный устав (типик); его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. // Там же. 21 сентября. № 38, часть неофиц. С. 617—618.

Подпись: *Н. П.*

[Разъяснение священнику Николаю Раевскому. Ответ на заметку «Недоумения в церковной практике (письмо в редакцию)»] // Там же. 30 нояб. № 48, часть неофиц. С. 812—813.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Базилика императора Константина в св. граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ храма гроба Господня. Б. <П.>Мансурова; с 14 чертежами. М., 1885 // Там же. 7 дек. № 49, часть неофиц. С. 833—834.

Подпись: *Н. П.*

¹⁰ В СП, I, с. 30 статья указана с измененным названием — «Церковные древности на одесском археологическом съезде» — и неверным годом ее публикации.

1886

Раскопки на русском месте в Иерусалиме. (Б. <П.> Мансуров. Базилика императора Константина в св. граде Иерусалиме: По поводу русских раскопок близ храма гроба Господня. М., 1885) // ХЧ. 1886. Ч. 1. Март—апрель. С. 491—512.¹¹

Перегородчатые эмали А. В. Звенигородского // ЗРАО. Нов. сер. 1886. Т. 2, вып. 2. С. 152—160.¹²

[Рец. на:] Русский лицевой апокалипсис: Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. Составил Федор Буслаев // Там же. С. 143—151.

То же (отдельный оттиск). СПб., [1886]. 9 с.

Энциклопедия христианских древностей. (Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer unter Mitwirkung mehrerer Fachgenossen bearbeitet und herausgegeben von F. X. Kraus, Bd 1—2. Freiburg im Breisgau: Herder'sche Verlagshandlung, 1882—1886) // ХЧ. Ч. 2. С. 761—772.

Отчет о состоянии <С.-Петербургского> Археологического института за 1881 год // САИ. 1886. Кн. 5. Половина вторая. Приложение. С. 25—33.

[Ответ на письмо в редакцию:] О служении литургии несколькими священнослужителями без диакона // ЦВс. 1886. 22 февр. № 8, часть неофиц. С. 142.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Краткий церковный устав. Составил калужской губернии города Боровска, Спасской навзгорья церкви свящ. Никифор Павловский // Там же. 5 марта. № 11, часть неофиц. С. 205.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Жития святых, составлены по четь-минеям и другим книгам Софию Дестунис. С изображениями святых и праздников академика Ф. Г. Солнцева. СПб., 1886. Издание книгопродавца И. Л. Тузова // Там же. 26 апр. № 17, часть неофиц. С. 288.

Подпись: *Н. П.*

Еще об иконописании // Там же. 16 авг. № 33, часть неофиц. С. 518—519.

Подпись: *Н. П.*

[О порядке перенесения честных даров с жертвенника на престол. Разъяснение на заметку «Недоумение в церковной практике»] // Там же. 11 окт. № 41, часть неофиц. С. 637.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Руководство по литургике, или наука о православном богослужении, <применительно к программе для учеников духовных семинарий>. Составил настоятель Желтикова монастыря арх. Гавриил <Голосов>. Тверь, 1886 // Там же. 18 окт. № 42, часть неофиц. С. 658—659.¹³

Без подписи.

[Библиографическая заметка:] Униатское богослужение в XVII и XVIII в. по рукописям виленской публичной библиотеки. Исследование Н. Ф. Одинцова. Вильна, 1886 // Там же. 1 нояб. № 44, часть неофиц. С. 694.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Краткое обозрение богослужения православной церкви. Прот. Г. С. Дебольского. Изд. 4-е. СПб., 1886 // Там же.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Руководство для участвующих в служении с архиереем литургии и для готовящихся к посвящению. Диакона Ф. Соколова. Изд. 4-е. Губ. г. Владимир, 1886 // Там же.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Сборник церковных песнопений разных напевов употребляемых во владимирской епархии. Того же автора. Изд. 3-е. Владимир, 1886 // Там же.

Подпись: *Н. П.*

[Ответ на заметку Н. Богословского «К вопросу о поминении усопших»] // Там же. 15 нояб. № 46, часть неофиц. С. 729.

Подпись: *Н. П.*

¹¹ В СП, I, с. 29 статья названа: «Об археологических раскопках на русском месте в Иерусалиме».

¹² В СП, I, с. 29 статья указана под названием: «Об эмалях Звенигородского».

¹³ В СП, II, с. 31 названо: «Еп. Гавриил, Литургика (Церковн. вест. 1888 г.)».

[Библиографическая заметка:] Объяснение божественной литургии, составленное священником В. Г. Антоновым для народных школ. Киев, 1886 // Там же. С. 733.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Византийские церкви и памятники Константинополя Н. Кондакова. Одесса, 1886 // Там же. 29 нояб. № 48, часть неофиц. С. 773—774.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Церковное пение. Руководство для организации церковных певческих хоров, для регентов, народных учителей и всех учебных заведений, имеющих церковные хоры. Составил А. Карасев, Пенза, 1886 // Там же. 6 дек. № 49, часть неофиц. С. 791.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Хронолог. Составил алтайский миссионер, протоиерей В. Вербицкий. Киев, 1885 // Там же.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Жизнь Иисуса Христа. Сочинение Ф. В. Фаррара. Новый перевод с 30 английского издания А. П. Лопухина. Иллюстрированное издание книгопродавца И. Л. Тузова. СПб., 1887 // Там же. 13 дек. № 50, часть неофиц. С. 812.

Подпись: *Н. П.*¹⁴

[Отчет о поездке на VI Археологический съезд в Одессу] // ЖЗСДА за 1884/5 уч. г. 1886 (на обл.: 1888). С. 52—53.

Отчет датирован 27 сентября 1884 г.; представлен на заседании в тот же день.

[Отзыв] о сочинении студента Даманского Петра <...> «История состава чинов последования присоединения неправославных христиан к Православной Церкви» // Там же. С. 224.

[Отзыв] о сочинении студента Зарницкого Николая <...> «О поминовении усопших» // Там же. С. 224—225.

[Отзыв] о сочинении студента Новоуспенского Павла <...> «Пресвитер духовник в древней церкви» // Там же. С. 225.

[Отзыв] о сочинении студента Орлова Феодора <...> «Определения вселенских и поместных соборов, относящиеся к богослужению» // Там же. С. 225—226.

[Отзыв] о сочинении студента Преображенского Феофана <...> «Внешние отличия русских патриархов при священнодействиях» // Там же. С. 226.

[Отзыв] о сочинении студента Раевского Валентина <...> «Христианская топография Козьмы Индикоплова» // Там же. С. 226—227.

[Отзыв] о сочинении студента Успенского Арсения <...> «Литургическая история утрени и вечерни» // Там же. С. 227—228.

[Отзыв] о сочинении студента Утретского Ивана <...> «Студийский богослужебный устав в его истории» // Там же. С. 228—229.

[Отзыв] о сочинении студента Чудновского Василия <...> «Литургические сочинения Симеона Солунского» // Там же. С. 229.

1887

О брачных венцах // Труды V АС в Тифлисе: 1881. М., 1887. Приложения. С. 203—206.

Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1887. Т. 3. С. 285—381, XII фототип. табл.

То же (отдельное издание). [Одесса, 1887] 97 с. + XII табл.

Синодальный художник Алексей Антропов. (Из истории мер к улучшению иконописания в XVIII веке) // ХЧ. 1887. Ч. 1. Январь—февраль. С. 115—134.

Описание миниатюр Гелатского Евангелия // Записки Отделения русской и славянской археологии РАО. СПб., 1887. Т. 4. С. 255—311, VI литогр. табл. и 18 рис. в тексте.

То же (отдельное издание): Миниатюры Евангелия Гелатского монастыря XII века. СПб., 1887. 57 с., VI литогр. табл. и 18 рис. в тексте.

Рецензия: *Л.* // ЦВс. 1887. 13 июня. № 24, часть неофиц. С. 409.

¹⁴ Ср.: *Н. С.* [Рец. на:] «Жизнь Иисуса Христа». Сочинение Ф. В. Фаррара. Новый перевод с 30-го английского издания А. П. Лопухина. СПб., 1885 // Странник. 1886. Т. I. Январь—апрель. С. 160—170.

О раскопках на русском месте в Иерусалиме // ЗРАО. Нов. сер. 1887. Т. 2, вып. 3. С. 246—255.¹⁵
То же // К вопросу о значении произведенных по почину Православного Палестинского Общества в Иерусалиме раскопок. Мнения лиц, к коим Совет Императорского Русского Археологического Общества обратился с просьбой дать свое заключение по этому вопросу. СПб., 1887. С. 74—83.

Об иконе Св. Троицы с тремя лицами и четырьмя глазами. (По документам синодального архива) // ЗРАО. Нов. сер. 1887. Т. 3, вып. 2. С. 185—193.

[Рец. на:] Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Соч. А. фон Фрикена. Ч. 4. М., 1885 // Там же. Т. 2, вып. 3. С. 321—328.¹⁶

Подпись: *Н. П.*

[Рец. на:] *Н. П. Кондаков*. Византийские церкви и памятники Константинополя // Там же. Т. 3, вып. 1. Протоколы. С. XXXIII—XL.

[Библиографическая заметка:] Жизнь и труды св. апостола Павла. Сочинение Фаррара, перевод с XIX английского издания А. П. Лопухина. СПб., издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1887 // ЦВс. 1887. 24 янв. № 4, часть неофиц. С. 72.

Подпись: *Н. П.*

[Разъяснения на заметку «Недоуменные вопросы церковной практики»] // Там же. 31 янв. № 5, часть неофиц. С. 95—96.

Подпись: *Н. П.*

Знакомство немецкого профессора-литургиста с православным богослужением // Там же. С. 101.

Подпись: *Н. П.*

По поводу недоумений в церковной практике // Там же. 11 марта. № 11, часть неофиц. С. 209—210.

Подпись: *Н. П.*

Замечания по предложенным вопросам [разъяснения на заметку «Вопросы церковной практики»] // Там же. 13 июня. № 24, часть неофиц. С. 408—409.

Подпись: *Н. П.*

Замечания [разъяснения на заметку «Несколько вопросов церковной практики»] // Там же. 1 авг. № 31, часть неофиц. С. 505—506.

Подпись: *Н. П.*

По поводу статьи «Недоуменные вопросы церковной практики» // Там же. С. 508.

Подпись: *Н. П.*

[Ответы на письма в редакцию под рубрикой «В области церковно-приходской практики»] // Там же. 26 сент. № 39, часть неофиц. С. 645—647; 10 окт. № 41. С. 688—689; 31 окт. № 44. С. 755; 14 нояб. № 46. С. 799—800; 21 нояб. № 47. С. 820; 5 дек. № 49. С. 865—866.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Страстная и великая седмица в историко-богослужбном отношении. Сочинение протоиерея А. И. Никольского. Тула, 1887 // Там же. 7 нояб. № 45, часть неофиц. С. 779.

Подпись: *Н. П.*

1888

Церковная старина на ярославском археологическом съезде // ХЧ. 1888. Ч. 1. С. 36—69.

К истории Нерукотворенного образа Иисуса Христа на Западе. (Die Fronica: Ein Beitrag zur Geschichte des Cristusbildes im Mittelalter. Von Karl Pearson. Strassburg, 1887) // Там же. Ч. 2. С. 431—444.¹⁷

Церковные древности Константинополя. (Путевые заметки). I—III // ЦВс. 1888. 18, 25 авг., 1 сент. № 34—36. С. 618—619, 635—636, 651—652.

Без подписи.

¹⁵ В СП, II, с. 29 статья учтена с измененным названием: «О первоначальном плане храма Воскресения Христова в Иерусалиме, построенного Константином Великим».

¹⁶ В СП, II, с. 31 указано как «Разбор соч. Фрикена о римских катакомбах». Ср.: *Н. С.* [Рец. на:] Римские катакомбы и памятники древнехристианской письменности (надписи) и искусства по новейшим исследованиям: *Фрикэн*. Римские катакомбы. М., 1872—1885. Ч. 1—4; *Rönneke K.* Rom's christliche Katakomben nach den Ergebnissen der heutigen Forschung. Leipzig, 1886; *Schultze Victor.* Der theologische Ertrag der Katakombenforschung. Leipzig, 1882 // Странник., 1886. Т. 1. Февраль. С. 363—376; Март. С. 566—573; Апрель. С. 792—799.

¹⁷ В СП, II, с. 31 рецензия указана под названием: «Fronica. К истории Нерукотворенного образа Иисуса Христа».

Поездка в Ираклию // Там же. 8 сент. № 37. С. 672—673.

Без подписи.

Посещение римских катакомб. (Путевые заметки). I—IV // Там же. 24 нояб., 1, 8, 15 дек. № 48—51. С. 893—894, 914, 932, 955.¹⁸

Подпись: *Н. П.* (на с. 955).

[Ответы на письма в редакцию под рубрикой «В области церковно-приходской практики»] // Там же. 18 февр. № 8. С. 170; 25 февр. № 9. С. 187; 7 апр. № 15. С. 310; 28 апр. № 18. С. 365—366; 5 мая. № 19. С. 381—382; 12 мая. № 20. С. 397—398; 7 июля. № 28. С. 526; 11 авг. № 33. С. 606.

Заметки о чтении разрешительной молитвы при совершении чинопоследования погребения, о совершении таинства крещения, о чтении слова Иоанна Златоуста на Пасхальной утрене, о таинстве крещения и др.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Первые дни христианства. Сочинение Ф. В. Фаррара. Перевод с последнего английского издания А. П. Лопухина. СПб., издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1888 // Там же. 4 февр. № 6. С. 126—127.

Подпись: *Н. П.*

[Отзыв] о сочинении студента Алексеева Александра <...> «Русские народные обряды и обычаи, соединенные с празднованием Рождества Христова, Пасхи и Пятидесятницы» // ЖЗДА за 1885/6 уч. г. 1888. С. 333.

[Отзыв] о сочинении студента Архангельского Михаила <...> «Литургическая деятельность патриархов Софония Иерусалимского и Германа Константинопольского» // Там же. С. 333—334.

[Отзыв] о сочинении студента Григорова Димитрия <...> «Русский иконописный подлинник» // Там же. С. 334.

[Отзыв] о сочинении студента Кононова Димитрия <...> «Степени оглашенных и кающихся в древней церкви» // Там же. С. 334—335.

[Отзыв] о сочинении студента Лебедева Петра <...> «Сравнение Литургии православной с римско-католическою» // Там же. С. 335.

[Отзыв] о сочинении студента Любимова Сергея <...> «Чин избрания и рукоположения архиерейского в его истории» // Там же. С. 335—336.

[Отзыв] о сочинении студента Мегорского Павла <...> «Заклинание бесноватых и оглашенных» // Там же. С. 336.

[Отзыв] о сочинении студента Попова Михаила <...> «Месячные минеи в библиотеке рукописей С.-Петербургской Духовной академии» // Там же. С. 336—337.

[Отзыв] о сочинении студента Преображенского Виктора <...> «Значение вещественных памятников древности в деле обличения раскола» // Там же. С. 337.

[Отзыв] о сочинении студента Соколова Александра <...> «Чинопоследования таинств крещения и миропомазания у коптов, сирийцев, несториан и армян» // Там же. С. 337—338.

[Отзыв] о сочинении студента Соколова Ивана <...> «Об исправлении богослужебных книг и обрядов при патриархе Никоне» // Там же. С. 338.

[Отзыв] о сочинении студента Темномерова Никанора <...> «Церковные службы в честь русских святых до XVI века» // Там же. С. 338—339.

[Отзыв] о сочинении студента Тихомирова Ильи <...> «Праздник успения Богоматери в его истории» / Там же. С. 339.

1889

Стенная живопись в Богословском монастыре (Рязанской губернии) // Труды Высочайше учрежденной Рязанской ученой архивной комиссии за 1888 год / Изд. под ред. А. В. Селиванова. Рязань, 1889. Т. 3. С. 23—27.¹⁹

¹⁸ В СП, I, с. 30 названо: «Письма из Рима».

¹⁹ В СП, I, с. 30 названо: «Стенописи Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии (Труды Ряз. учен. арх. Комиссии 1888 г.)».

О некоторых памятниках древности в Турции и Греции // ХЧ. 1889. Ч. 2. Сентябрь—октябрь. С. 435—476.²⁰
[Описание предметов церковно-археологического отдела] // Указатель хранилища древностей при Новгородском губернском статистическом комитете. Новгород, 1889. С. 3—77.

Без подписи.

Вновь открытый памятник древности // ЦВс. 1889. 23 февр. № 8. С. 151.

Заметка об открытии древней церкви в Солуни (составлена по сообщению И. С. Ястребова).

Подпись: *Н. П.*

Из воспоминаний об Афоне. I—II // Там же. 20, 27 апр. № 16, 17. С. 299—300, 314—316.

Читано в общем собрании С.-Петербургского братства Пресвятой Богородицы 16 апреля 1889 г.

Подпись на с. 316.

То же // ЦВд. 1889. 8 июля. № 28. С. 820—826.

Церковные древности в Новгороде. (По поводу поездки членов и слушателей археологического института в Новгород). I—II // ЦВс. 1889. 31 авг., 7 сент. № 35, 36. С. 606—607, 622—623.

Подпись: *Н. П.* (с. 623).

То же (отдельный оттиск). СПб., 1889. 9 с.

Памяти А. Е. Светилина // ЦВс. 1889. 28 сент. № 39. С. 677.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Описание тверского музея, А. К. Жизневского. М., 1888 // Там же. 9 февр. № 6. С. 104.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Сказания о земной жизни Пресвятыя Богородицы. Пятое издание русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. М., 1888 // Там же. 31 авг. № 35. С. 607—608.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Два мира. Повесть из римской жизни первых времен христианства; переложена с франц. Эк. Бекетовой; с рис. К. Брожа. СПб., 1890 // Там же. С. 608—609.

Рецензия на первое издание книги Е. А. Бекетовой (1855—1892) «Два мира: Повесть из римской жизни первых времен христианства» (7-е изд.: М., 1915) — адаптации для юношества, написанной по мотивам сочинения архиепископа Вестминстерского кардинала Николааса Патрика Уайзмана (Wiseman; 1802—1865) «Фабьола, или Церковь катакомб» (1854).

Подпись: *Н. П.*

[Ответы на письма в редакцию под рубрикой «В области церковно-приходской практики»] // Там же. 2 марта. № 9. С. 164—165; 16 марта. № 11. С. 205; 6 апр. № 14. С. 266; 13 апр. № 16. С. 303; 14 сент. № 37. С. 643; 19 окт. № 42. С. 722; 7 дек. № 49. С. 842—843.

Заметки с разъяснениями по вопросу об изображениях Господа Саваофа, о церковной дисциплине и др.

Подпись: *Н. П.*

1890

Программа чтений по церковной археологии и литургике в 1889/90 академическом году профессора Н. В. Покровского студентам С.-Петербургской Духовной академии. СПб., [1890]. 32, 207, 326 с. + XVI литогр. табл.

Литографированное издание.

В составе издания: Программа лекций; ч. III: О постах и праздниках православной церкви; ч. IV: Частное богослужение.

Стенные росписи в древних храмах греческих и русских // Труды VII АС в Ярославле: 1887. М., 1890. Т. 1. С. 135—305 + XXVII фототип. табл.

Рецензии: *Н. П. Кондаков* // ЗРАО. Нов. сер. 1893. Т. 6, вып. 3—4, прил. к прот., с. L—LV; *Е. И. Ловягин, прот. П. Ф. Николаевский* // ЖЗСДА за 1890/91 уч. г. СПб., 1896. С. 124—138; *свящ. Н. Дроздов* // ЦВс. 1890. 4 окт. № 40. С. 660—661.

То же (отдельное издание). М., 1890. IV, 172 с., XXVII табл.

²⁰ В СП, I, с. 30 статья названа: «О некоторых памятниках христ. древности в Турции и Греции».

Адриан <патриарх Всероссийский> // Энциклопедический словарь, под ред. проф. И. Е. Андреевского. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. I. А—Алтай. С. 193—194.

Без подписи.²¹

Академии духовные православные // Там же. С. 254—259.

Без подписи.

Александро-Невская лавра // Там же. С. 384—385.

Без подписи.

Апостол (греч., посланник) // Там же. Т. 1^А. Алтай—Арагвай. С. 912.

Без подписи.

Апостол <богослужебная книга> // Там же. С. 912.

Без подписи.

Апостольский символ // Там же. С. 915.

Без подписи.

Апостольские мужи // Там же. С. 915.

Без подписи.

Апостольские деяния // Там же. С. 915—916.

Без подписи.

Апостольские деяния или акты // Там же. С. 916.

Без подписи.

Апостольские послания // Там же. С. 916—917.

Без подписи.

Троицкие образки // ЦВс. 1890. 11 янв. № 2. С. 27—28.

Подпись: *Н. П.*

Церковная старина на выставке VIII Археологического съезда в Москве // Там же. 8, 15 февр. № 6, 7. С. 99—101, 116—117.

Подпись: *Н. П.*

[Ответ на письмо в редакцию под рубрикой «В области церковно-приходской практики»:] По поводу исторической справки об изображении св. Троицы // Там же. 15 марта. № 11. С. 198—199.

Подпись: *Н. П.*

[Ответ на письмо в редакцию под рубрикой «В области церковно-приходской практики»] // Там же. 22 марта. № 12. С. 213—214.

В соавторстве с И. А.

Подпись: *Н. П.*

То же // Там же. 29 марта. № 13. С. 230.

Подпись: *Н. П.*

Разъяснение одного недоразумения // Там же. С. 234—235.

[Ответ на письмо в редакцию под рубрикой «В области церковно-приходской практики»] // Там же. 12 апр. № 15. С. 263—264.

В соавторстве с И. А.

Подпись: *Н. П.*

То же // Там же. 8 нояб. № 45. С. 740—741.

Подпись: *Н. П.*

1891

Речь о главных задачах Археологического института по мысли Н. В. Калачова // Русский архив. 1891. № 12. С. 607—612.

Благовещение Пресв. Богородицы в памятниках иконографии, преимущественно византийской и русской // ХЧ. 1891. Ч. 1. С. 238—277, 417—433.²²

Материалы к работе сохранились в АП, № 58.

²¹ Авторство статей Н. В. Покровского, помещенных в словаре, установлено на основании писем И. Е. Андреевского (АП. Д. 116), а также по СП, I, с. 31.

²² В СП, I, с. 30 название статьи дано сокращенно: «Благовещение Пресв. Богородицы в памятниках иконографии».

Толкование образа Софии Премудрости Божией // Там же. С. 523—526.²³

Подпись: Н. П.

[Библиографическая заметка:] Вечерняя молитва православного христианина. Тропари, поемые во вторник и четверток на великом повечерии св. четырёхдесятницы. Для пения и фисгармониума или фортепьяно переложил В. Колодезников. СПб., 1891 // ЦВс. 1891. 14 марта. № 11. С. 168—169.

Подпись: Н. П.

[Библиографическая заметка:] Псалмы или духовные канты св. Димитрия, митрополита Ростовского, переложённые на 4 голоса прот. А. Израилевым. М., 1891 // Там же. 24 дек. № 51—52. С. 812.

Подпись: Н. П.

[Библиографическая заметка:] Жития святых, ежедневное чтение для народа или церковноприходских школ со включением: 1) месяцеслова, 2) объяснения праздников и 3) указания дней особенного чествования Божией Матери. Соч. С. Дестунис. СПб., 1891 // Там же. С. 812.

Подпись: Н. П.

Отзыв <...> о сочинении студента Алексея Иоанна <...> «Церемониальные уставы или обрядники Новгородского Софийского собора и Кирилло-Белозерского монастыря» // ЖЗДА за 1886/7 уч. г. 1891. С. 218—219.

1892

Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. [4], LXI, 496 с., 12 табл. и 226 рис. в тексте (*Труды VIII АС в Москве: 1890. Т. 1*).

Перепечатано: М., 2001. 564 с. с ил.

Рецензии и отзывы: Ф. Буслаев. Несколько заметок при чтении одного церковно-археологического труда. (Н. В. Покровского: «Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских»). СПб., 1892 // ХЧ., 1893. Ч. 1. Январь—февраль. С. 211—220; то же (отдельный оттиск). СПб., 1892, 10 с.; перепечатано в изд.: Ф. И. Буслаев. Сочинения. Л., 1930. Т. 3. С. 231—239; E. Dobbert // Repertorium für Kunstwissenschaft. Bd 15. Heft 4—6; И. В. Помяловский // ЖМНП. 1892. Январь; И. В. Цветаев // Там же. Февраль—март; И. В. Помяловский // ВВ. 1894. Т. 1. С. 407—412; прот. Н. Г. Дроздов // Паломник. 1892. № 9; А. П. Голубцов // Богословский вестник. 1892. Апрель. С. 184—196; Н. Н. Глубоковский // Русское обозрение. 1892. Март; А. А. Павловский // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете (Византийское отделение). Вып. 1; А. И. Кирпичников // Отзыв медальной комиссии имп. Русского археологического общества. СПб., 1892 (ЗРАО. 1895. Т. 7, вып. 3—4. С. LXXXVIII—CXL); В. К. // ЦВд. 1892.

Лекции по литургике, читанные студентам III и IV курсов СПбДА в 1891—92-м уч. г. СПб., [1892]. 557 с.

Литографированное издание.

Византийский щит, найденный в Керчи // Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 году. Исследования Иос. Стржиговского и Н. В. Покровского. СПб., 1892. С. 23—37 (*МАР, № 8*).²⁴

Аннотация: [Б. п.] // АИЗ. 1893. Т. 1. № 1. С. 37—38.

[Перевод: Иос. Стржиговский. Серебряный щит из Керчи] // Там же. С. 7—22.

В издании помещен оригинальный текст статьи И. Стржиговского (*Jos. Strzygowski. Der Silber Schild aus Kaertsch*) с параллельным переводом на русский язык.

Редкая находка в древнем Херсонисе // ЦВс. 1892. 20 февр. № 8. С. 127—128.

Подпись: Н. П.

[Библиографическая заметка:] Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы на основании св. писания, свидетельств св. отцев и церковных преданий. С 46-ю рисунками. Шестое издание русского на Афоне Пантелеймонова монастыря. М., 1891 // Там же. 12 марта. № 11. С. 169.

Подпись: Н. П.

²³ В СП, I, с. 30 статья указана под измененным названием: «Оригинальное изъяснение образа Софии премудрости Божией».

²⁴ В СП, I, с. 30 статья указана с ошибочным названием — «О серебряном блюде (слюраеус), найденном в Керчи» — и неверной ссылкой на ее публикацию в 6-м выпуске Известий имп. Археологической комиссии.

Памяти А. В. Василькова // Там же. 13 авг. № 33. С. 526—528.

[Библиографическая заметка:] Земная жизнь Пресв. Богородицы и описание св. чудотворных ея икон, чтимых православною церковию, на основании свящ. писания и церковных преданий составила София Снегосорова. С изображениями в тексте праздников и икон Божией Матери. Издание книгопродавца И. Л. Тузова. СПб., 1892 // Там же. 27 авг. № 35. С. 553.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] Иллюстрированный православный церковный календарь на 1892 год. СПб., изд. книгопродавца И. Л. Тузова // Там же.

Подпись: *Н. П.*

[Реферат доклада «Характер иконографии в лицевых списках апокрифических сказаний о страстях Господних»] // Труды VII АС в Ярославле: 1887. М., 1892. Т. 3. Протоколы. С. 55.

Доклад прочитан 10 августа 1887 г.

[Прошение о командировании за границу с 15 июня 1888 года до 1 января 1889] // ЖЗСДА за 1887/8 уч. г. 1892. С. 176—181.

Прошение датировано 20 января 1888 г.; оглашено на заседании Совета СПбДА 5 февраля 1888 г. Отзыв <...> о представленном действительным студентом Николаем Бельским на соискание степени кандидата богословия сочинении «О литургической деятельности Пахомия Логофета» // Там же. С. 123.

1893

Памятники православной иконографии // ХЧ. 1893. Ч. 1. № 1—2. С. 38—73, 3 рис. в тексте.

Памятники живописи древнехристианского периода // Там же. № 5—6. С. 426—477, 27 рис. в тексте.

Памятники искусства и иконографии в древнехристианский период // Там же. Ч. 2. № 7—8. С. 13—45, 11 рис. в тексте.

Памятники византийской иконографии и искусства. Мозаики равеннские и солунские // Там же. № 9—10. С. 185—221, 18 рис. в тексте.

Памятники византийской иконографии и искусства. Мозаики константинопольские // Там же. № 11—12. С. 385—404, 6 рис. в тексте.

Очерки памятников православной иконографии и искусства. Вып. 1. Памятники древнехристианского периода. СПб., 1893. 108 с., 46 рис.

Издание представляет собой конволют отдельных оттисков из журнала «Христианское чтение» (1893. № 1—2, 5—6, 7—8, 9—10, 11—12).

Рецензия: *А. П.* <А. И. Пономарев> // ЦВс. 1893. 5 авг. № 31. С. 490—491.

Вновь открытый памятник древности // ЦВс. 1893. 15, 22 июля. № 28, 29. С. 437—439, 452—453.

Статья о фресках Преображенского собора Спасо-Мирожского монастыря во Пскове.

[Предисловие к изданию:] Лицевой летописец XVII века. СПб., 1893 (*Издание ОЛДП, [№ CIV]. С. 5—9.*)

[Реферат сообщения о фресках Спасо-Преображенского собора Спасо-Мирожского монастыря в Пскове] // АИЗ. 1893. Т. 1. № 9—10. С. 310—311.

Доклад «О Спасо-Преображенском соборе в Мирожском монастыре в Пскове» был сделан на заседании IX Археологического съезда в Вильне 3 августа 1893 г.

[Рец. на:] *А. А. Павловский.* Живопись Палатинской капеллы в Палермо по снимкам А. Н. Померанцева и Ф. И. Чагина (СПб., 1890) // ХЧ. 1893. Ч. 1. С. 574—577.

Подпись: *Н. П.*

[Рец. на:] <*Н. И. Троицкий*>. Песнь песней в фресках тульского Успенского собора // ЦВс. 1893. 2 сент. № 35. С. 559.

Без подписи.

† Памяти П. Ф. Долоцкого (псаломщика русской церкви в Риме) // Там же. 16 сент. № 37. С. 591.

1894

Очерки памятников православной иконографии и искусства. СПб., 1894. XV, 326 с., 150 рис. в тексте.²⁵

Издание печаталось отдельными выпусками, первый из которых появился в 1893 г.

²⁵ В СП, I, с. 28 издание названо: «Очерки памятников иконографии древнехристианских и византийских».

Рецензии: *И. Т. <И. Г. Троицкий>* // ЦВс. 1894. 8 сент. № 36. С. 566—567; *E. Dobbert* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1896; *А. П. <А. И. Пономарев>* // *Странник*. 1894. Т. 3. Сентябрь—декабрь. С. 169—172; *Д. В. Айналов* // ВВ. Т. 3. С. 670—673.

Лицевой Сийский иконописный подлинник, 1: Приложение к CVI выпуску «Памятников». [СПб.], 1894 (*Издание ОЛДП, [№] CVII*).

Альбом литографических воспроизведений отдельных листов иконописного подлинника Антониево-Сийского монастыря, изданный в качестве приложения к описанию подлинника в CVI выпуске «Памятников древней письменности». В общей сложности четыре выпуска альбома содержат 93 таблицы литографий; 64 рисунка помещены также в четырех выпусках описания подлинника.

Конспект лекций по литургике, читанных ординарным профессором Николаем Васильевичем Покровским студентам III и IV курсов С.-Петербургской Духовной академии в 1893/94 учеб. году. СПб., [1894]. 30 с.

Литографированное издание.

Памятники византийской иконографии и искусства. Византийские лицевые рукописи // ХЧ. 1894. Ч. 1. Январь—февраль. С. 40—72, 28 рис. в тексте.

Памятники православной иконографии и искусства. Византийские лицевые рукописи // Там же. Март—апрель. С. 240—261, 21 рис. в тексте.

Памятники православной иконографии и искусства. Византийская скульптура и эмаль // Там же. Май—июнь. С. 419—440, 15 рис. в тексте.

† Дмитрий Иванович Прозоровский // ЦВс. 1894. 28 июля. № 30. С. 479—480.

Отчет экстраординарного профессора академии Н. В. Покровского об ученых занятиях его за границей с 15 июня 1888 года по 1 января 1889 года // ЖЭСДА за 1888/9 уч. г. 1894. С. 130—135.

[Отзыв] о сочинении студента Лаврова Александра <...> «Обозрение миниатюр лицевых псалтирей в связи с церковным преданием» // Там же. С. 215.

Отзыв <...> о сочинении студента Сперовского Николая <...> «Старинные русские иконостасы (происхождение их и разбор иконографического содержания)» // ЖЭСДА за 1889/90 уч. г. 1894 (на обл.: 1895). С. 234—235.

Отзыв <...> о сочинении студента Бережкова Дмитрия «Критическое обозрение ученых трудов по исследованию владими́ро-суздальских церковных древностей» // ЖЭСДА за 1893/94 уч. г. 1894. С. 229—230.

Отзыв <...> о сочинении студента иеромонаха Константина (Булычева) «Литургия Постановлений Апостольских» // Там же. С. 230.

1895

Сийский иконописный подлинник, 1. [СПб.], 1895. 46 с. (*ПДП. Вып. CVI*).

Лицевой Сийский иконописный подлинник, 2: [Приложение к SXIII выпуску «Памятников древней письменности»]. [СПб.], 1895 (*Издание ОЛДП, [№] CXI*).

Второй и третий выпуски альбома имеют один номер серии изданий ОЛДП.

Добавление к лекциям по церковной археологии 1894—1895 г. СПб., 1895. 154 с., 16 ил.

Литографированное издание.

Проект устава общества охранения церковной старины при С.-Петербургской Духовной академии. [СПб.,] 1895. 9 с.

Литографированное издание.

Без подписи.²⁶

Церковная старина // ЦВс. 1895. 27 июля, 3 авг. № 30, 31. Стб. 937—941, 969—972.

Подпись: *Н. П.*

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы // С.-Петербургский духовный вестник. 1895. № 12. С. 257—266.

Подпись: *Н. П.*

[Заключение об иконе св. Георгия из г. Мариуполя] // АИЗ. 1895. Т. 3. № 6. С. 225—226.

²⁶ О составлении этого проекта Н. В. Покровский упоминал в автобиографии (с. 27).

[Библиографическая заметка:] Труды восьмого археологического съезда в Москве в 1890 году. Т. 2, под ред. графини П. С. Уваровой и М. Н. Сперанского. М., 1895 // ЦВс. 1895. 20 июля. № 29. Стб. 926—927.

Подпись: *Н. П.*

[Реферат сообщения о Сийском лицевом иконописном подлиннике] // Отчеты ОЛДП в 1894—1895 году с приложениями, прибавлением денежного отчета и бюджета. [СПб.,] 1895. С. 30—31 (*ПДП. Вып. СХI*).

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 24 февраля 1895 г.

То же (с изм. и сокр.) // АИЗ. 1895. Т. 3. № 4. С. 134—135.

[Рец. на:] *епископ Виссарион <Нечаев>*. Толкование на Божественную Литургию по чину св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого. Изд. 4-е. СПб., 1895. VIII, 287 с. // ХЧ. 1895. Ч. 1. С. 221—222.

Подпись: *Н. П.*

Византийское искусство в южной Италии. (*L'art byzantin dans l'Italie méridionale*, par Ch. Diehl. Paris, 1894) // Там же. Ч. 2. С. 377—388.

[Рец. на:] Христианская иконография: Руководство к пониманию христианского искусства Детцеля (т. 1, 1894) // Там же. С. 412.

Рецензируется издание: *H. Detzel*. *Christliche Iconographie. Ein Handbuch zum Verständniss der christlichen Kunst*. Freiburg im Breisgau, 1894. Bd 1.

Подпись: *Н. П.*

1896

Сийский иконописный подлинник, 2. [СПб.], 1896. 47—110 с. (*ПДП. Вып. СХIII*).

Лицевой Сийский иконописный подлинник, 3: [Приложение к СХХII выпуску «Памятников древней письменности»]. [СПб.], 1896 (*Издание ОЛДП, [№] СХI*).

Русская старина в г. Риге // АИЗ. 1896. Т. 4. № 9—10. С. 269—271.

Подпись: *Н. П.*

Текст перепечатан без изменений в 1900 г.

Чин коронования Государей в его истории // ЦВс. 1896. 25 апр., 2, 9 мая. № 17—19. Стб. 539—544, 571—576, 601—608.

То же. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1896.

Чин священного коронования Государей в его современном состоянии // ЦВс. 1896. 16 мая. № 20. Стб. 637—640.

Изображение св. Иоанна Златоуста, приложенное ко II тому творений св. Златоуста, издаваемых СПб. Дух. Академией. СПб., 1896 // Там же. 24 окт. № 43. Стб. 1396—1399.

Подпись: *Н. П.*

[Реферат сообщения об иконописном подлиннике Сийского монастыря] // Отчеты ОЛДП в 1895—1896 году с приложениями, прибавлением денежного отчета и бюджета. [СПб.,] 1896. С. 17—18 (*ПДП. Вып. СХХ*).

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 15 декабря 1895 г.

[Речь о цели и значении вечерних собраний в Археологическом институте] // Новое время. СПб., 1896. № 7459.

К истории острова Патмоса (Отзыв о представленном на соискание Макарьевской премии сочинении А. А. Дмитриевского «Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 г.», Киев, 1894) // ХЧ. 1896. Ч. 2. С. 406—415.

Отзыв <...> о сочинении действительного студента Павла Левашева «О празднике Пасхи (преимущественно со стороны литургической)» // ЖЗСДА за 1890/91 уч. г. 1896. С. 42.

Отзыв <...> о сочинении Петровского Александра <...> «Литургия ап. Иакова и ев. Марка» // ЖЗСДА за 1891/92 уч. г. 1896. С. 197—198.

1897

Добавление к лекциям по церковной археологии, читанным в 1896/7 ак. году. СПб., 1897. 245, 13 с., 32 ил.

Литографированное издание.

Сийский иконописный подлинник, 3. [СПб.], 1897. 111—160 с. (ПДП. Вып. СХХII).

Лицевой Сийский иконописный подлинник, 3: [Приложение к СХХVI выпуску «Памятников древней письменности»]. [СПб.], 1897 (Издание ОЛДП, [№] СХII).

[Реферат сообщения «О Сийском иконописном подлиннике»] // АИЗ. 1897. Т. 5. № 7—8. С. 257—258.

Открытие древнего храма в Херсонисе // ЦВс. 1897. 24 июля. № 30. Стб. 974—976.

То же // Крымский вестник. 1897. № 222.

То же // АИЗ. 1897. Т. 5. № 5—6. С. 321—322.

[Реферат сообщения о фресках Спасо-Преображенского собора в Мирожском монастыре] // Труды IX АС в Вильне: 1893. М., 1897. Т. 2. Протоколы. С. 42—43.

[Реферат сообщения о Синодике Колясниковской пустыни] // Отчеты ОЛДП в 1896—1897 году с приложением денежного отчета и бюджета. [СПб.,] 1897. С. 30 (ПДП. Вып. СХХIV).

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 21 марта 1897 г.

Записка <о проекте росписи> // Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора. СПб., 1897. С. 19—21 (МАР, № 21).

Отчет о занятиях слушателей и слушательниц церковных педагогических курсов в С.-Петербурге // ЦВс. 1897. 21 авг. № 34. С. 1078—1081.

Подпись: И. К. П.²⁷

Отзыв <...> о сочинении студента Новикова Алексея «История чина коронования и миропомазания Государей» // ЖЗСДА за 1896/97 уч. г. 1897 (на обл.: 1898). С. 239—240.

Отзыв <...> о сочинении студента Соколова Владимира «Disciplina arcani в древней христианской церкви» // Там же. С. 240.

1898

Сийский иконописный подлинник, 4. [СПб.], 1898. 161—236 с. (ПДП. Вып. СХХVI).

[Предисловие и составление:] Перечень предметов древности на выставке в Археологическом институте. СПб., 1898. 42 с.

Анонимное издание.

Предисловие («Общий характер выставки») на с. 3—9.

Дата на с. 9: 14 декабря 1898.

Памяти Ф. И. Буслаева: (Заслуги его в области художественной археологии) // ВАИ. 1898. Вып. 10. С. 13—18.

Педагогические курсы для учителей и учительниц второклассных церковноприходских школ при С.-Петербургской Духовной академии // ЦВс. 1898. 13 авг. № 33. С. 1124—1128.

Подпись: И. П.²⁸

1899

Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства. СПб., 1899. 23 с. (ПДПИ. Вып. СХХХIV).

Лекции по литургии, читанные студентам СПб. Духовной академии в 1899—1900 г. СПб., 1899. 488 с.

Литографированное издание.

Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае: Статьи проф. Д. А. Хвольсона, проф. Н. В. Покровского и Я. И. Смирнова. СПб., 1899. С. 4—6 (МАР, № 22).²⁹

Материалы для изучения великорусских говоров. VI: Костромской губернии, Костромского уезда, Красносельская волость. Сообщение проф. Н. В. Покровского // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 1. Приложение № 44. С. 5—8.

²⁷ Инспектор Курсов Покровский.

²⁸ Инспектор Покровский.

²⁹ В СП, I, с. 30 статья указана с измененным названием — «О восточном серебряном блюде с изображениями» — и неверной ссылкой на ее публикацию в Известиях имп. Археологической комиссии.

О мерах к сохранению и разработке памятников церковной старины // ЦВс. 1899. 25 марта. № 12. Стб. 444—448.

Без подписи.

К вопросу об охране памятников церковной старины // Там же. 26 авг. № 34. Стб. 1212—1216.

Без подписи.

Насущная потребность нашей иконописи // Там же. 23 сент., 14, 21 окт. № 38, 41, 42. Стб. 1338—1342, 1442—1445, 1473—1477.

Извлечение из статьи «Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства», представленной в качестве доклада на заседании ОЛДП.

† Протоиерей К. Д. Бронзов. (Некролог) // Там же. 1 апр. № 13. Стб. 508.

Подпись: *Н. П.*

Г. Д. Филимонов: (Некролог). † 26 мая 1898 г. // ПДПИ. [СПб.], 1899. Вып. 132. С. 48—51.³⁰

Подпись: *Н. П.*

[Предисловие к изданию:] Синодик Колясниковской церкви <Даниловского уезда Ярославской губ.> / Печатан иждивением <...> Г. В. Юдина. СПб., 1899. Вып. 2. С. 1—18, 2-я паг. (*Издание ОЛДП. [№] СХV*).

Подпись: *Н. П.*

См. также: Синодик Колясниковской церкви / Печатан иждивением <...> Г. В. Юдина. [СПб.,] 1896. Вып. 1, [6 с.], 130 л. литогр. (*Издание ОЛДП, [№] СХ*); Приложение ко 2-му выпуску Колясниковского синодика. [Б. м, б. г.], 9 л. литогр.

[Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий] // АИЗ. 1899. Т. 7. № 3, 4 и 5. С. 135—136.

Краткое изложение речи, произнесенной на годовом собрании СПбАИ 15 января 1899 г.

[Речь при открытии заседания Отделения церковных древностей XI АС в Киеве] // Там же. № 9, 10 и 11. С. 253.

Речь произнесена 3 августа 1899 г. Напечатана также в 1902 г. в Трудах XI АС в Киеве.

[Рец. на:] В. Т. Георгиевский: Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Издание архимандрита Антония. Вязники 1896 г. // Отчет о тридцать девятом присуждении наград графа Уварова. (Читано в публичном заседании Императорской Академии наук 25 сентября 1897 г.) СПб., 1899. (Записки Имп. АН. Т. 3. № 5.) С. 153—156.

То же (отдельный оттиск). СПб., 1899. 4 с.

[Рец. на:] Известия Русского археологического института в Константинополе. Вып. III. София, 1898 // ВАИ. 1899. Вып. 9. С. 253—254.

Подпись: *Н. П.*

[Рец. на:] Джераш. Археологическое исследование князя С. Абамелек-Лазарева. СПб., 1897 // Там же. С. 258—259.

Подпись: *Н. П.*

Отзыв <...> о сочинении студента Груздева Бориса «Новейшие воззрения на символическую живопись катакомбного периода» // ЖЗСДА за 1897/98 уч. г. 1899. С. 187—188.

Отзыв <...> о сочинении студента Пятницкого Михаила <...> «Христианские древности в греческой капелле катакомб Прискиллы в Риме» // Там же. С. 188.

Отзыв <...> о сочинении студента Успенского Александра <...> «История обрядовой стороны таинства елеосвящения» // Там же. С. 189.

1900

Очерки памятников христианской иконографии и искусства. 2-е изд., доп. СПб., 1900. XV, 481 с., 234 рис. в тексте.³¹

Рецензия: П. // ЦВс. 1901. № 39. С. 1247—1248.

³⁰ В СП, III, с. 32 некролог имеет название «О художественно-археологических заслугах Ю. Д. Филимонова (реферат в ОЛДП)».

³¹ В СП, I, с. 29 издание названо: «Очерки памятников православной иконографии (*особенно русских*)».

Памятники христианской архитектуры, особенно византийские и русские. Дополнение к лекциям по христианской археологии. СПб., [1900]. 84 с., 62 рис.³²

Лекции по литургике, читанные студентам НЗ и НИ курсов С.-Петерб.<ургской> Духовной академии. СПб., 1900. 488 с.

Литографированное издание.

Проект размещения живописей в новом православном соборе во имя св. Благоверного Великого князя Александра Невского в Варшаве // ХЧ. 1900. Т. 210, ч. 1. С. 143—156.³³

Выставка эскизов и картонов для мозаик храма Воскресения Христова в С.-Петербурге // ЦВс. 1900. 4 мая. № 18. Стб. 578—580.

Подпись: Н. П.

[Русская старина в г. Риге] // Труды Х АС в Риге: 1896. М., 1900. Т. 3. Протоколы. С. 90—91.

Без заглавия (в остальном аутентично) републикован текст, напечатанный впервые в 1896 г.

[Реферат сообщения «Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства»] // Отчеты ОЛДП в 1898—1899 году с приложениями. [СПб.,] 1900. С. 26—27 (ПДП. Вып. СXXXI).

Сообщение сделано на заседании ОЛДП 29 апреля 1899 г.

[Рец. на:] Д. Айналов и Е. Редин. Древние памятники искусства Киева. Софийский собор, Златоверхо-Михайловский и Кирилловский монастыри. Харьков, 1899 // ЦВд. 1900. № 29. С. 1174—1176.

Рецензируемый труд опубликован в изд.: Труды Педагогического отдела Харьковского историко-филологического общества, 6. Харьков, 1900. С. 1—50, рис. 1—66.

Отзыв <...> о сочинении действительного студента Андрея Вознесенского «Слава святителя Николая, архиепископа Мирликийского, в России // ЖЭСДА за 1895/96 уч. г. 1900. С. 78—79.

Отзыв <...> о представлении на соискание степени магистра богословия сочинении Александра Петровского «Литургии апостолов Иакова, Фаддея, Мария и евангелиста Марка» // Там же. С. 302—308.

Отзыв <...> о сочинении студента Гошкевича Николая <...> «Значение древних памятников Киева в истории церковного искусства и просвещения» // Там же. С. 445—446.

Отзыв <...> о сочинении студента Комнино Пантелеймона <...> «Списки греческих Евангелий X—XI вв. в библиотеке СПб. Духовной академии. Обследование текста их и порядка евангельских чтений» // Там же. С. 446—447.

Отзыв <...> о сочинении студента иеромонаха Никодима (Кононова) <...> «Соловецкие святые: их жизнь и церковное чествование (по рукописям)» // Там же. С. 447.

Отзыв <...> о сочинении студента Левицкого Ивана <...> «Византийские мозаики в храмах Равенны» // Там же. С. 447—449.

Отзыв <...> о сочинении студента Рождественского Василия <...> «Церковное пение в России в эпоху замены крюковой нотной системы линейною» // Там же. С. 449.

1901

Из воспоминаний о Константинополе. СПб., 1901. 19 с.

Памятники христианской архитектуры, особенно византийские и русские. [2-е изд.] СПб., 1901. 160 с., 58 рис.³⁴

Рецензии: А. Л<опухин> // ХЧ. 1901. Т. 1 (СХХI), ч. 2. С. 631—632; Дм. Шемякин // ЦВд. 1904. № 39. С. 1539—1542; ВВ. 1904. Т. 11. С. 743.

К вопросу об иконе «Коронование Божней Матери» // ЦВс. 1901. 8 февр. № 6. Стб. 197.

Подпись: Н. П.

К вопросу о мерах к улучшению русского иконописания: (Исторические справки) // Там же. 3, 10, 17, 24, 31 мая, 7, 14, 28 июня, 2, 23, 30 авг. № 18—24, 26, 31, 34, 35. Стб. 561—563, 593—596, 625—631, 657—663, 689—693, 721—726, 753—758, 817—822, 977—982, 1073—1076, 1105—1108.

Без подписи.

³² В СП, I, с. 29 издание указано как «Памятники христианской архитектуры (древнехристианской, византийской и русской), 1-е изд.».

³³ В СП, III, с. 32 статья названа неточно: «Проект стеной росписи Варшавского собора».

³⁴ В СП, I, с. 29 издание указано как «Памятники христианской архитектуры (древнехристианской, византийской и русской), 2-е изд.».

То же (отдельное издание). СПб., 1901. 77 с.³⁵

Областной съезд исследователей истории и древностей ростово-суздальской области // ЦВс. 1901.13 сент. № 37. Стб. 1169—1172.

Подпись: *Н. П.*

[Отзыв] о сочинении Георгиевского Матвея «Символ креста в памятниках письменности и искусства» // ЖЗСДА за 1900—1901 уч. г. (в извлечении). 1901. С. 291.

[Отзыв] о сочинении Пападопуло-Керамевса К. «Церковное пение в Византии (музыкальная сторона)» // Там же. С. 291—292.

[Отзыв] о сочинении Соколова Петра «Древнерусские церковные песнопения» // Там же. С. 292.

[Отзыв] о сочинении Стефановича Димитрия «Стоглав: его состав и историко-литургическое значение» // Там же. С. 292—293.

Отзыв о курсовом сочинении студента IV курса Д. Ф. Стефановича.

1902

Основные начала православно-русского иконописания // Православно-русское слово. 1902. № 1. С. 17—24.

Перепечатано в изд.: О церковной живописи. Сб. статей. СПб., 1998. Ч. 1—2. С. 26—34.

Практические меры к улучшению нашего иконописания // Православно-русское слово. 1902. № 2. С. 99—106.

Перепечатано в изд.: О церковной живописи. Сб. статей. СПб., 1998. Ч. 1—2. С. 366—376.

[Мнение по вопросу об издании Лицевого иконописного подлинника] // Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1902. Вып. 1. С. 71—82.

Изложено на заседании КПРИ. Опубликовано как Приложение 5 к Журналу заседания от 3 января 1902 г.

[Речь при открытии заседания Отделения церковных древностей] // Труды XI АС в Киеве: 1899. М., 1902. Т. 2. Протоколы. С. 64.

Речь произнесена 3 августа 1899 г.; опубликована впервые в 1899 г.

[Речь при открытии Ярославского областного археологического съезда] // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). Изданием А. И. Вахрамеева. М., 1902. Отдел 1. С. XXII—XXIII.

Речь произнесена 10 августа 1901 г.

Кустари-ювелиры Костромской губернии // Императорское Общество поощрения художеств. Отчет о деятельности. С. 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. СПб., 1902. С. 35—39.

Сообщение в собрании общества 15 декабря 1901 г.

То же (отдельный оттиск). [СПб., 1902]. 6 с.

Памяти преосвященного Сергия, епископа Астраханского и Енотавского // ЦВс. 1902. 2 мая. № 18. Стб. 551—552.

Подпись: *Н. П.*

[Отзыв] о сочинении Васильева Николая «Иконография Богоматери по памятникам древности, особенно византийским» // ЖЗСДА за 1899—1900 уч. г. (в извлечении). 1902. С. 334—335.

[Отзыв о сочинении] Розанова Семена «История иконографического типа И<исуса> Христа по памятникам древности, особенно византийским» // Там же. С. 335.

[Отзыв о сочинении] Любомудрова Ивана «Рай небесный по памятникам искусства и письменности, особенно византийским и русским» // Там же.

Заявление <о пожертвовании митрополитом Антонием (Вадковским) в Церковно-археологический музей СПбДА альбома фотографических снимков старолadoжских церквей св. Георгия и св. Димитрия Солунского> // ЖЗСДА за 1901/02 уч. г. (в извлечении). 1902. С. 152—153.

Оглашено на заседании Совета СПбДА 19—20 декабря 1901 г.

[Изложение выступления в прениях при обсуждении сочинения С. Г. Рункевича «История русской церкви под управлением Св. Синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Св. Правительствующего Синода», представленного на соискание степени доктора церковной истории] // Там же. С. 196.

Выступление прозвучало на заседании Совета СПбДА 13 февраля 1902 г.

³⁵ В СП, I, с. 30 названо: «Меры к улучшению русского иконописания».

Представление Комиссии по обсуждению вопроса о командировании кандидатов и магистров С.-Петербургской Духовной академии для научных занятий в Русском археологическом институте в Константинополе // Там же. С. 281—284.

Совместно с Н. А. Скабаланичем, И. С. Пальмовым, И. Г. Троицким и А. И. Бриллиантовым. Оглашено на заседании Совета СПбДА 18 марта 1902 г. Комиссия образована 7 мая 1901 г. под председательством Н. В. Покровского.

Особое мнение члена <...> Комиссии <по вопросу об устройстве при Академии кафедры по истории грузинской церкви и вместе по истории восточных христианских общин и по истории византийской церкви> // Там же. С. 300—304.

Оглашено на заседании Совета СПбДА 29 апреля 1902 г.

Представление <о пожертвовании митрополитом Антонием (Вадковским) ряда предметов в Церковно-археологический музей СПбДА> // Там же. С. 342.

Представление датировано 16 мая 1902 г.; оглашено на заседании Совета СПбДА 4 июня того же года. [Отзыв о сочинении] Лещенко Георгия «История церковного чина погребения усопших в России» // Там же. С. 356.

[Отзыв о сочинении] Терентьева Виктора «Древние памятники христианства в Крыму. Историко-археологическое исследование» // Там же. С. 356—357.

Отзыв <...> о сочинении Успенского Михаила «Описание путешествия антиохийского патриарха Макария как церковно-археологический источник» // Там же. С. 431—432.

1903

Техническая часть во 2-м Сийском иконописном подлиннике // ВАИ. 1903. Вып. 15. С. 115—118.

[Редакция:] Портреты, гербы и печати Большой Государевой книги 1672 г. СПб., 1903. III, V с. + 97 табл.³⁶ Ф. В. Покровский. (Некролог) // ЦВс. 1903. 14 авг. № 33. Стб. 1054.

Подпись: *Н. П.*

Донесение <о пожертвовании митрополитом Антонием (Вадковским) серебряных медалей в церковно-археологический музей СПбДА> // ЖЭСДА за 1902/3 уч. г. (в извлечении). СПб., 1903. С. 224.

Составлено 20 января 1903 г.; оглашено на заседании Совета СПбДА 27 января того же года.

[Отзыв] о сочинении священника Кронштадтского Андреевского собора о. Александра Попова <...> «Латинская иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев», представленного на соискание степени магистра богословия // Там же. С. 93—95.³⁷

[Отзыв] о сочинении Карабинова Ивана «Постная триодь, ее состав и происхождение» // Там же. С. 300.

[Отзыв] о сочинении священника Михаила Раевского «Литургическая деятельность митрополита Петра Могилы» // Там же. С. 300—301.

[Отзыв] о сочинении Сиротенко Степана «Появление и первоначальное развитие гармонического церковного пения в России» // Там же. С. 301.

1904

Справочная книжка для любителей церковной архитектуры. СПб., 1904. 106 с., 55 рис.

Рецензии: *Н. Понов* // Странник. 1905. № 1. С. 167; ВВ. 1906. Т. 12. С. 379.

Зодчество церковное // Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь / Под ред. А. П. Лопухина. Пг., 1904. Т. 5: Донская епархия—Ифика. Стб. 729—754 + XIV табл., 56 рис.

Материалы для истории русского иконописания // ВАИ. 1904. Вып. 16. С. 111—130.

С.-Петербургский Археологический институт. 1878—1903 // Там же. С. III—XVI.

[Отзыв] о научно-литературной деятельности высокопреосвященного Димитрия (Самбикина), архиепископа Тверского и Кашинского // ЖЭСДА за 1903/4 уч. г. (в извлечении). СПб., 1904. С. 113—115.

³⁶ В СП, III, с. 32 названо: «Портреты, гербы и печати большой государственной книги (Титулярник) 1674 г.».

³⁷ На с. 93 автором отзыва, напечатанного после отзыва В. В. Болотова о том же исследовании (с. 86—93), назван проф. свящ. А. Покровский, что является опечаткой, указанной там же на с. 376; см. также: ЖЭСДА за 1901/02 уч. г. (в извлечении). СПб., 1902. С. 342—344.

[Отзыв] о сочинении Гусева Константина «История пасхального богослужения» // Там же. С. 218.

1905

Иисус Христос по памятникам иконографии (иконографический тип) // Православная богословская энциклопедия / Сост. под ред. Н. Н. Глубоковского. СПб., 1905. Т. 6: Иван—Иоани Маронит. Стб. 676—679.

[Речь при открытии заседания Отделения церковных древностей] // Труды XII АС в Харькове: 1902. М., 1905. Т. 3. Протоколы. С. 296—297.

Выставка картин проф. В. М. Васнецова в Академии художеств // ЦВс. 1905. 29 сент. № 39. Стб. 1224—1228.³⁸

К вопросу о церковных реформах // Русский вестник. 1905. Т. 298. Август. С. 577—594.

Под псевдонимом *Н. Подольский*.

К вопросу о реформе духовно-учебных заведений // Там же. Т. 299. Октябрь. С. 625—653.

Под псевдонимом *Н. Подольский*.

Отзыв <...> о кандидатском сочинении студента IV курса Александра Никольского <...> «Богослужение страстной недели и пасхи» // ЖЗСДА за 1898/99 уч. г. (в извлечении). СПб., 1905. С. 21—22.

[Отзыв] о сочинении Клементьева Николая «Древнейшие праздники в честь Богоматери» // Там же. С. 214.

[Отзыв] о сочинении Левицкого Павла «Чинопоследование таинства брака по рукописям библиотек Софийской и Кирилловской» // Там же. С. 214—215.

[Отзыв] о сочинении Лотоцкого Владимира «Результаты археологических исследований о церковных древностях Новгорода» // Там же. С. 215.

[Отзыв] о сочинении Момота Ивана «Нерукотворенный Образ Спасителя по христианским сказаниям восточного и западного цикла (опыт разбора сказаний)» // Там же. С. 215—216.

[Отзыв] о представленном на соискание денежной премии М. и В. Чубинских сочинении <...> И. И. Соколова <...> «Константинопольская церковь в XIX веке. Опыт исторического исследования», т. 1. СПб., 1904 // ЖЗСДА за 1904/5 уч. г. (в извлечении). СПб., 1905. С. 145—149.

Отзыв <...> о занятиях профессорского стипендиата Ивана Карабинова, командированного в Русский Археологический институт в Константинополе // Там же. С. 217—218.

[Отзыв] о сочинении Балабанова Василия «Русское церковное пение в первой половине XIX века» // Там же. С. 319—320.

[Отзыв] о сочинении Емельянова Владимира «Христианские памятники древнего Херсониса» // Там же. С. 320.

[Отзыв] о сочинении Жекова Стилиана «Древнейшие христианские памятники в Болгарии» // Там же. С. 321.

1906

Проект Устава Комитета по охранению церковной старины. [СПб., 1906]. 4 с.

Дата в конце текста: 1 ноября 1906.

Калачов Николай Васильевич // Православная богословская энциклопедия / Сост. под ред. Н. Н. Глубоковского. СПб., 1906. Т. 7: Иоанн Скифопольский—Календарь. Стб. 869—870.

О богослужебном языке русской православной церкви // ЦВс. 1906. 13, 20, 27 апр. № 15, 16, 17. Стб. 461—464, 492—496, 529—531.³⁹

Критический отзыв на статью: *священник А. Лиховицкий*. О богослужебном языке русской православной церкви // Там же. 30 марта. № 13. Стб. 391—396. Полемика: *священник А. Лиховицкий*. О богослужебном языке русской православной церкви: (По поводу критики г. Н. Покровского) // Там же. 20, 27 июля, 3, 10, 17, 24 авг., № 29—34. Стб. 938—942, 976—979, 1008—1011, 1041—1043, 1073—1075, 1109—1112.

О богослужебном языке русской православной церкви: (По поводу рассуждений о Лиховицкого) // Там же. 14 сент. № 37. Стб. 1196—1202.

³⁸ В СП, I, с. 30 статья указана с измененным названием: «Страшный суд. Картина В. М. Васнецова».

³⁹ В СП, I, с. 31 названо: «О богослужебном языке православно-русской Церкви».

Ответ на полемические возражения священника А. Лиховицкого.⁴⁰

В защиту археологии // Там же. 30 нояб. № 48. Стб. 1572—1576.

Желательная постановка церковной археологии в духовных академиях // ХЧ. 1906. Т. 221, ч. 1. Март. С. 333—349.

Выступление на заседании Совета СПбДА.

О мерах к сохранению памятников церковной старины // Там же. Апрель. С. 471—498.⁴¹

Статья републикована: НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 267—286.

То же (отдельный оттиск). [СПб., 1906]. 28 с.

[Стенограмма речи при открытии заседания отдела «Областная история. Памятники церковной старины» на втором областном археологическом съезде] // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10—20 августа. Изд. Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1906. С. XXXI—XXXII.

[Стенограмма речи об итогах второго областного археологического съезда] // Там же. С. LXXXIV.

[Фрагмент речи при открытии III областного археологического съезда во Владимире 20 июня 1906 г.] // Исторический вестник. 1906. Август. С. 564.

Фрагмент речи приведен в тексте статьи В. Рудакова «Третий областной историко-археологический съезд в губ. г. Владимире».

1907

Христианская археология, как самостоятельная наука в духовных академиях // ЦВс. 1907. 20, 27 сент., 4 окт. № 38—40. Стб. 1223—1227, 1260—1262, 1278—1281.⁴²

Необходимое разъяснение г-ну <П. К.> Симони по поводу 2-го иконописного подлинника Антоннева Сийского монастыря // Странник. 1907. Т. 2. Декабрь. Отд. II. С. 718—724.⁴³

То же (отдельный оттиск). [СПб., 1907]. 7 с.

Новый храм Воскресения Христова на Екатерининском канале в С.-Петербурге // ЦВд. 1907. 18 авг. № 33. С. 1363—1369, фото на вклейке.

[Рец. на:] Известия Русского археологического института в Константинополе, т. X, [София—Мюнхен,] 1905 г. Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плииска. С альбомом в 117 табл. и 58 рисунками в тексте // Там же. 28 июля. № 30. С. 1249—1254.⁴⁴

[Рец. на:] Лицевой иконописный подлинник. Т. I: Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Издание Высочайше учрежденного комитета попечительства о русской иконописи. СПб., 1905 // Там же. 4 авг. № 31. С. 1300—1302.

[Рец. на:] *И. А. Вахромеев*. Церковь во имя св. пророка Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906 // Там же. 1 сент. № 35. С. 1520.

[Рец. на:] *Н. П. Лихачев*. Материалы для истории русского иконописания: Атлас снимков (СПб., 1906, т. I—II) // ХЧ. 1907. Ноябрь. С. 658—678.⁴⁵

⁴⁰ Об этой полемике и ее контексте см.: *Сове Б. И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX—XX веках // Богословские труды. М., 1970. Сб. 5. С. 54 и след.

⁴¹ В СП, III, с. 32 статья названа: «Меры к охранению памятников старины».

⁴² В СП, III, с. 32: «В защиту церковной археологии».

⁴³ В СП, II, с. 31: «По поводу нового труда г. Симони».

⁴⁴ В СП, II, с. 31 указана как рецензия на: «*Ф. И. Успенский*, Абоба-Плииска». Ф. И. Успенскому принадлежит большая часть материалов этого тома ИРАИК: гл. 1. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей: раскопки, наименование древнего поселения (с. 1—15); гл. 6. Надписи староболгарские: Колонны с именами городов. Надписи в честь государственных деятелей и героев. Надписи с фрагментами договоров. Надписи исторического содержания. Фрагменты надписей разного содержания и происхождения (с. 173—242); гл. 8. Неизвестное письмо. Древнейшие знаки письма (с. 265—280); гл. 21. Вновь открытая надпись Омортага. Столицы (аулы, становища) древнейших болгар (с. 544—554; совместно с К. В. Шкорпилом). Рецензия Н. В. Покровского не учтена в библиографиях Ф. И. Успенского; см.: *Бенешевич В. Н.* Список ученых трудов академика Ф. И. Успенского // Памяти академика Ф. И. Успенского. Л., 1929. С. 16; *Кантеев С. Н.* Bibliographia Uspenskiana // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 289.

⁴⁵ В имеющейся библиографии Н. П. Лихачева рецензия Н. В. Покровского не учтена: *Простоловцова Л. Н.* Н. П. Лихачев: Судьба и книги. Библиографический указатель. М., 1992. В СП, II, с. 31 рецензируемое издание указано под названием «Альбом древнерусской иконописи».

[Библиографическая заметка:] *Ф. И. Успенский*. Константинопольский Серальский кодекс Восьмикинижи. С альбомом из 47 таблиц и с 6 таблицами в тексте (Известия Русского археологического института в Константинополе, т. XII. София—Мюнхен, 1907, [с. 1—255, 6 табл. в тексте + альбом из 48 фототипич. табл.]) // ЦВс. 1907. 8 нояб. № 45. Стб. 1450—1453.⁴⁶

[Заявление о необходимости издания памятников художественной старины из церковно-археологической коллекции СПбДА] // ЖЗСДА за 1906/07 уч. г. (в извлечении). СПб., 1907. С. 65—66.

Сделано на заседании Совета СПбДА в 1907 г.

[Записка об открытии в Академии особой кафедры церковной археологии] // Там же. С. 219—220.

Представлена на заседании Совета СПбДА в 1907 г.

[Отзыв о сочинении Васильевского Вениамина «Гармоническое пение в православной восточной церкви»] // Там же. 1907. С. 272—273.

1908

Губернские ученые архивные комиссии. СПб., 1908. 24 с.⁴⁷

Перепечатано без изменений в 1909 г.

[Редакция издания:] 1878—1903. Императорский Археологический Институт в С.-Петербурге. Речи, адреса и приветствия по случаю двадцатипятилетия и тридцатилетия Института. 1878—1908. СПб., 1908. 119 с.

[Вступительная статья] // Там же. С. 3—4.

Заметка о праздновании 25-летия института 15 января 1903 г.

Подпись: *Н. П.*

С.-Петербургский Археологический институт: 1878—1903 г. // Там же. С. 7—18.

Без подписи.

Тридцатилетняя годовщина Императорского Археологического института // Там же. С. 59—70.

Памяти † Александра Матвеевича Правдина // ЦВс. 1908. 10 янв. № 2. Стб. 60—62.

Археологические раскопки на месте Десятинной церкви в Киеве // Там же. 28 авг. № 35. Стб. 1087—1089.

[Речь при открытии заседаний Отделения церковных древностей] // Труды XIII АС в Екатеринославе: 1905. М., 1908. Т. 2. Протоколы. С. 194—195.

[Рец. на:] *Голубцов А. <П.>* Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907 // ЦВд. 1908. № 4. С. 193—197.

[Рец. на:] Известия русского археологического института в Константинополе, т. XI. София, 1906 г. Кахриз-Джами. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков. Ф. И. Шмита. С альбомом в 92 таблицы // Там же. 2 февр. № 5. С. 245—249.⁴⁸

[Отзыв о сочинении студента священника Алексея Каменского «Значение Студийского монастыря в истории православного богослужения»] // ЖЗСДА за 1894/95 уч. г. (в извлечении). СПб., 1908. С. 145—146.

1909

Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии: 1879—1909. СПб., 1909. IV, 151 с., 97 табл.

Рецензии: [*Б. н.*] // ЦВс. 1909. 29 сент. № 39. Стб. 1221—1223; *Н. Петров* // Труды Киевской Духовной академии. 1910. Т. 1. С. 127—145; *И. Е. Евсеев* // ЖЗСДА за 1909/10 уч. г. (в извлечении). СПб., 1910. С. 254—266.

Памятники церковной старины в Костроме // ВАИ. 1909. Вып. 19. С. 1—58.

⁴⁶ Заметка Н. В. Покровского не учтена в библиографиях Ф. И. Успенского; см.: *Бенешевич В. Н.* Список ученых трудов академика Ф. И. Успенского. С. 16; *Кантерев С. Н.* Bibliographia Uspenskiana. С. 290. Описание издания и перечень других рецензий см. там же, с. 290—291.

⁴⁷ В СП, III, с. 32 названо: «Проект нового положения о губернских ученых архивных комиссиях».

⁴⁸ В СП, II, с. 31 указано как: «Ф. И. Шмид, Мозаики и фрески Кахрие-джами в Константинополе (Церк. вед. 1907 г.)».

То же (отдельное издание). СПб., 1909. VI, 58 с. + 32 фототип. табл.

Рецензия: *R. <А. С. Родосский>* // ЦВс. 1909. 30 июля. № 31. Стб. 962—964.

[Автобиография и список научных трудов] // XXXV: Профессор Николай Васильевич Покровский: директор Имп. Археологического института. 1874—1909. Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. С. 1—32.

Тридцатилетняя годовщина Императорского Археологического института // ВАИ. 1909. Вып. 18. Отд. 1. С. 15—26.

Губернские ученые архивные комиссии // Там же. Отд. 2. С. 27—48.

Перепечатан текст брошюры, изданной в 1908 г.

[Приветственная речь при открытии III областного археологического съезда 20 июня 1906 г.] // Труды третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. г. Владимире 20—26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С. 27—32.

[Стенограмма речи при закрытии съезда 26 июня 1906 г.] // Там же. С. 83—87.

Адрес от членов съезда Организационному комитету по устройству съезда // Там же. С. 93—94.

Текст датирован 26 июня 1906 г.

[Стенограмма:] Речь проф. Н. В. Покровского после отпевания Е. И. Ловягина в академической церкви // ЦВс. 1909. 9 апр. № 15. Стб. 456—457.

Речь произнесена в церкви СПбДА в апреле 1909 г.

Четвертый областной археологический съезд в Костроме // Там же. 23, 30 июля. № 30, 31. Стб. 913—916, 967—968.

Церковная археология в С.-Петербургской Духовной академии // Там же. 10 дек. № 50—51. Стб. 1591—1593.

Подпись: *Н. П.*

Отзыв <...> о представленной на соискание степени доктора богословия книге экстраординарного профессора Академии протоиерея М. И. Орлова под заглавием «Литургия св. Василия Великого: Вводные сведения. I. Греческий и славянский тексты. II. Заамвонные молитвы. III. Особенности литургии св. Иоанна Златоуста. С изображением св. Василия и четырьмя снимками с рукописей. Первое критическое издание». СПб., 1909 // ЖЗСДА за 1908/09 уч. г. (в извлечении). СПб., 1909. С. 163—174.

Отзыв оглашен на заседании Совета СПбДА в 1908 г.⁴⁹

Отзыв <...> о представленном на соискание одной из академических премий сочинении э. о. проф. прот. М. И. Орлова «Литургия Св. Василия Великого. Критическое издание» // Там же. С. 208.

Отзыв оглашен на заседании Совета СПбДА 19 декабря 1908 г.

[Отзыв] о сочинении студента Свечникова Вениамина «Русское церковное искусство в XVI—XVII веках» // Там же. С. 403—404.

1910

Очерки памятников христианского искусства и иконографии. 3-е изд., испр. СПб., 1910. XV, 450 с., 236 ил. в тексте.

Перепечатано в сокращении под заглавием «Памятники христианского искусства и иконографии» в изд.: *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 11—330.

Памятники христианской архитектуры, особенно русские. [3-е изд.] СПб., 1910. 89 с.

Перепечатано в сокращении под заглавием «Памятники христианской архитектуры» в изд.: *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 331—412.

Репринт: М., 2000. 96 с.

Конспективное изложение чтений по христианской археологии (2—6 сентября 1909 г.) // Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 году в Новгородском обществе любителей древности гг. лекторами Имп. Археологического института. Новгород, 1910. Вып. 2. С. 69—100.

Перепечатано в 1916 г.

⁴⁹ Сочинение было выдвинуто также на Уваровскую премию. См. отзыв о нем А. А. Дмитриевского: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академией наук: Отчеты за 1909 г. СПб., 1912. С. 176—347.

[Библиографическая заметка:] Казанский сборник статей архиепископа Никанора (Каменского). Издание церковного историко-археологического общества в Казани. Казань, 1909 // ЦВс. 1910. 28 янв. № 4. Стб. 116—117.

Подпись: *Н. П.*

Представление <о ревизии Церковно-археологического музея СПбДА> // ЖЭСДА за 1909/10 уч. г. (в извлечении). СПб., 1910. С. 68—70.

Отзыв <...> о сочинении протоиерея Сергия <В.> Петровского «Одесский Преображенский, ныне кафедральный собор. К столетию со дня его освящения 14 ноября 1795 г.—25 мая 1808 г.—25 мая 1908 г. Историческое описание и биографии по вновь изданным документам, сообщенным А. М. Гамовым. Издание с 25 фотографиями, с 25 цинкографическими изображениями в тексте и 61 приложением». Одесса, 1908 // Там же. С. 193—197.

Отзыв <...> о сочинении священника Д. Ф. Стефановича «Стоглав: его происхождение, состав и значение в истории древнерусского церковного права и богослужения» // Там же. С. 312—318.⁵⁰

Отзыв <...> о представленном на соискание степени магистра богословия сочинении <...> И. А. Карабинова <...> «Постная триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов», СПб., 1910 // Там же. С. 334—340.

[Отзыв] о сочинении студента Дмитриева Ивана <...> «Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк» // Там же. С. 466—467.

[Отзыв] о сочинении студента Магдалинского Платона <...> «Лицевые рукописи библиотек Софийской и Кирилло-Белозерской (особенно Годуновская лицевая псалтирь)» // Там же. С. 515—516.

[Отзыв] о сочинении студента Органова Павла <...> «Нотные церковные рукописи XVII—XVIII в., хранящиеся в библиотеке СПб. Духовной академии» // Там же. С. 568.

[Отзыв] о сочинении студента Ростова Николая «Новгородский Антониев монастырь и его древности» // Там же. С. 631—632.

[Отзыв] о сочинении студента Скоропостижного Степана <...> «Чины погребения» // Там же. С. 639—640.

1911

Иерусалимы или Сионы Софийской ризницы в Новгороде // ВАИ. 1911. Вып. 21. С. 1—70 + II фото-тип. табл.

В сокращенном исследовании было представлено в качестве доклада на первом заседании XV АС в Новгороде 23 июля 1911 г., вызвав прения участников съезда (отзыв проф. А. А. Павловского и др.).

По поводу иконы св. Димитрия Солунского // Там же. С. 124—129.

[Предисловие и публикация:] Опись отправленным в 1785-м году в Москву в Московскую Св. Правительствующего Синода Контору из Кириллова Белозерского монастыря ризничным украшенным разными драгоценными камнями и жемчугом вещам // Там же. Отд. 2. С. 61—88 (предисл.), 89—248 (текст).

Подпись в оглавлении.

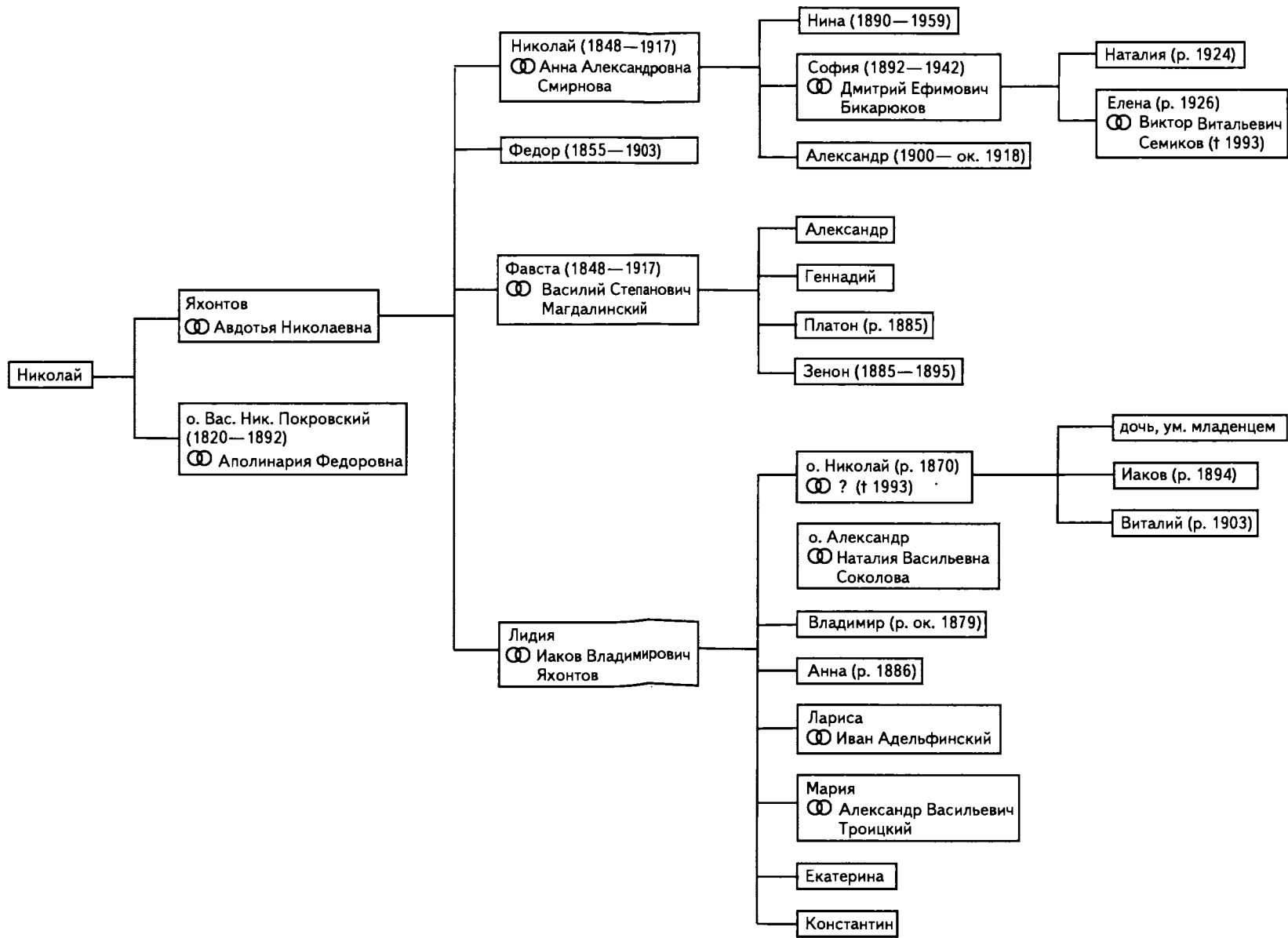
План работ XIV Археологического съезда // Труды XIV АС в Чернигове: 1908. М., 1911. Т. 3. Протоколы. Приложение 4. С. 14—15.

Предложен на 4-м заседании Московского Предварительного комитета по подготовке XIV АС 9 февраля 1906 г.

[Речь при открытии заседания Отделения церковных древностей] // Там же. Протоколы. С. 59—60.

Отзывы о конкурсном сочинении под девизом «Старина»: [Отзыв о сочинении М. В. Красовского «Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века)»] // Древности. Труды МАО. М., 1911. Т. 23, вып. 1. С. 113—117.

⁵⁰ Название магистерской диссертации священника Димитрия Стефановича, рассмотренной Н. В. Покровским и В. Н. Бенешевичем, было изменено уже после составления рецензентами отзывов. Опубликовано исследование под заглавием: «Происхождение Стоглава, его редакция и состав: (К истории памятников древнерусского церковного права)». Об изменении названия см.: ЖЭСДА за 1908/09 уч. г. СПб., 1909. С. 349, 350; ЖЭСДА за 1909/10 уч. г. СПб., 1910. С. 41.

[Библиографическая заметка:] *Прот. А. П. Мальцев*. Берлинский братский временник. Православные церкви и русские учреждения за границую (Австро-Венгрия, Германия и Швеция), с 76 рисунками. Берлин, 1911 // ЦВс. 1911. 27 янв. № 4. Стб. 122—124.

Подпись: *Н. П.*

[Библиографическая заметка:] *Ан. А. Титов*. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911 // Там же. 7 апр. № 14—15. Стб. 459—461.

Подпись: *Н. П.*

Юбилей прот. А. П. Мальцева // Там же. 25 авг. № 34. Стб. 1066—1067.

Подпись: *Н. П.*

Отзыв <...> о сочинении доцента СПб. Дух. академии И. А. Карабинова «Постная Триодь», представленном на соискание премии имени Высокопреосвященного митрополита Григория // ЖЭСДА за 1910/11 уч. г. (в извлечении). СПб., 1911. С. 171—175.

[Отзыв] о сочинении студента Баталина Петра «Чин освящения храма» // Там же. С. 359.

[Отзыв] о курсовом сочинении студента IV курса священника Михаила Князевского «Богослужение Галликанской церкви» // Там же. С. 411—412.

[Отзыв] о курсовом сочинении студента IV курса Рутковского Александра «Следованная псалтирь» // Там же. С. 502.

[Отзыв] о курсовом сочинении студента IV курса священника Владимира Рыбакова «Св. Иосиф Песнописец» // Там же. С. 505.

1912

Выставка иконописи при съезде художников в Императорской Академии художеств // ЦВс. 1912. 2 февр. № 5. Стб. 148—150.

Подпись: *Н. П.*

[Заявление о замещении кафедры церковной археологии в СПбДА] // ЖЭСДА за 1911/12 уч. г. (в извлечении). СПб., 1912. С. 42—43.

[Доклад о желательности командирования за границу с ученой целью и. д. доцента Н. В. Малицкого] // Там же. С. 139—142.

[Отзыв] о сочинении студента Василия Никифорова <...> «Новгородский и С.-Петербургский митрополит Григорий и его заслуги для духовного просвещения» // ЖЭСДА за 1911/12 уч. г. (в извлечении). СПб., 1912. С. 323.

[Отзыв] о кандидатском сочинении студента Евсевия Николадзе <...> «Церковные соборы в Грузии до XVIII века. Исторический очерк» // Там же. С. 327.

Древняя Софийская ризница в Новгороде. [Т.] I. М., [1912]. XII, 214 с., XXIII фототип. табл., 35 снимков в тексте.

В приложении на с. 125—214 опубликована «Опись церковного имущества Софийского собора 1751 г., составленная Софийским протопопом Дометием Феофилактовым».

1913

Древняя Софийская ризница в Новгороде. [Т.] 2. СПб., 1913. [6], 35 с., XVII фототип. табл., 6 рис. и снимков в тексте.

Новое церковное искусство и церковная старина // Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем. М., 1913. № 1. С. 10—20.

Перепечатано в изд.: Богословие образа. Иконы и иконописцы: Антология. М., 2002. С. 263—274. Из поездки в Италию // Там же. № 4—5. С. 3—15, 3 фототип. табл. в тексте + 17 л. (36 рис. на фототип. табл. I—XVII) + 1 л. (литогр. табл.).

Феодоровская чудотворная икона Богоматери // Летописный и Лицевой изборник Дома Романовых: Юбилейное издание в ознаменование 300-летия Царствования а?г_-а?г_ М.: Изд. С. С. Ермолаева, [1913]. Вып. а. С. 17—26, in fol.

Перепечатано в изд.: Богословие образа. Иконы и иконописцы: Антология. М., 2002. С. 357—365. Костромской Ипатьевский монастырь: Колыбель Царствующего Дома // Там же. С. 47—68, in fol.

В тексте воспроизведены рисунки Н. Н. Хохрякова.

Предисловие // ССС. Юбилейный сборник Императорского С.-Петербургского Археологического института: 1613—1913. СПб., 1913. С. V—VIII.

[Отзыв] о сочинении Алентова Виталия (иером. Венедикта) «Чин таинства Елеосвящения. Историко-археологический очерк» // ЖЗСДА за 1912/13 уч. г. (в извлечении). СПб., 1913. С. 286.

[Отзыв] о сочинении студента Дюкова Александра «Макариевский Колязин монастырь и его древности» // Там же. С. 315—316.

[Отзыв] о конкурсном сочинении Протопопова Димитрия «Нилова пустынь: ея история и древности» // Там же. С. 412.

[Отзыв] о конкурсном сочинении Троицкого Димитрия «Происхождение и состав русского иконописного подлинника» // Там же. С. 471—472.

1914

Древняя ризница Софийского новгородского собора // Труды XV АС в Новгороде: 1911. М., 1914. Т. 1. С. XI—XVIII, 1—124, XXIII фототип. табл., 35 снимков в тексте.

Древняя Софийская ризница в Новгороде // ВАИ. 1914. Вып. 22. С. 1—35.

К иконографии Богоматери: (Miniature delle omilie di Giacomo monaco. Cod. vatic. gr. 1162. Con breve prefazione di C. Stomajolo. Roma, Danesi edit., 1910) // Светильник. 1914. № 1. С. 3—18, 2 рис. в тексте + 1 л. (литогр. табл.) + 12 л. (37 рис. на фототип. табл. I—XII).

Статья перепечатана в «Журнале Московской патриархин» (1993. № 8. С. 38—47) без указания места и времени первой публикации, с сокращениями текста, примечаний, иллюстраций под измененным заглавием («Миниатюры Коккиновафского кодекса. К иконографии Богоматери»).

Заметки о памятниках псковской церковной старины // Светильник. 1914. № 5—6. С. 5—41, 1 фототип. в тексте + 23 л. (43 рис. на фототип. табл. I—XXIII).

Дата в конце текста: 26 мая 1914 г.

То же (отдельное издание). М., 1914. 37 с. + XXIII фототип. табл.

[Реферат доклада «Реликварий или мощехранилища ризницы Новгородского Софийского собора»] // Труды XV АС в Новгороде: 1911. М., 1914. Т. 1. Протоколы. С. 171—172.

Доклад сделан на заседании XV АС 2 августа 1911 г.

[Стенограмма речи на открытии заседания отделения церковных древностей] // Там же. Протоколы. С. 73—74.

[Стенограмма приветственной речи председателя съезда] // Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. VIII—IX.

Речь произнесена на собрании участников и гостей накануне открытия съезда 21 июня 1909 г.

Посвящена вопросам охраны памятников старины.

[Изложение предварительного сообщения о костромских древностях, их числе, местонахождении и характере] // Там же. С. XV—XIX.

Сообщение сделано на заседании съезда 22 июня 1909 г.

[Конспект реферата о собрании древностей Ипатьевского монастыря] // Там же. С. XIX—XX.

Реферат (лекция) прочитан в ходе экскурсии участников и гостей съезда под руководством Н. В. Покровского по Ипатьевскому монастырю 22 июня 1909 г.

[Изложение объяснений относительно достопримечательностей Воскресенской на Нижней Дебре церкви] // Там же. С. LXII—LXVII.

Объяснения делались в ходе осмотра церкви 26 июня 1909 г.

[Стенограмма речи председателя на закрытом заседании представителей и членов губернских ученых архивных комиссий] // Там же. С. XC—XCII.

Речь произнесена на заседании 28 июня 1909 г.

[Стенограмма обращения (слово в память Н. Н. Селифонтова) и отчетной речи председателя на заключительном заседании съезда] // Там же. С. XCVIII—CIII.

Произнесено на заседании 29 июня 1909 г.

[Рец. на:] *Н. П. Лихачев*. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон (СПб., 1911) // Древности: Труды МАО. М., 1914. Т. 24. С. 217—232.

То же (отдельный оттиск). М., 1914. 16 с.

1915

Откровение Стефана // ЦВс. 1915. 23 апр. № 16. Стб. 474—477.

Заметка посвящена докладу С. О. Долгова «Откровение первомученика Стефана», сделанному в славянской комиссии МАО.

Подпись: *Н. П.*

Отзыв <...> о сочинении Д. Н. Бережкова «О храмах Владимиро-Суздальского княжества (XII—XIII в.)». Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. 5 // Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899—1908 годы. Пг., 1915. С. 222—223.

Отзыв опубликован в приложении к протоколу общего собрания РАО от 10 мая 1905 г.

Отзыв <...> о сочинении И. А. Вахромеева «Церковь во имя св. и славного пророка Божия Илии в г. Ярославле», Ярославль, 1906 // Там же. С. 361—364.

Приложение 2 к протоколу общего собрания РАО 29 марта 1908 г.

1916

Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916. XV, 226 с., 417 ил.

Отзыв: *П<ротопопов Б. И.>* // Светильник. 1915. № 9—12. С. 107—108.

[Отзыв] о сочинении студента Ивана Вершинского <...> «Новоторжский Борисоглебский монастырь и его древности» // ЖЗСДА за 1913/14 уч. г. (в извлечении). СПб., 1916. С. 430—431

[Отзыв] о курсовом сочинении студента Холмогорова Ивана «Чин епископского совершения литургии на Руси до патриарха Никона» // Там же. С. 583.

Доклад <...> по вопросу об учреждении в г. Москве особого русского церковного древлехранилища // ЖЗСДА за 1914/15 уч. г. СПб., 1916. С. 192—195.

Избранные Personalia Н. В. Покровского

XXV. Профессор Николай Васильевич Покровский, директор Имп. Археологического института. 1874—1909: Краткий очерк ученой деятельности. СПб., 1909. 116 с.

[*Лопухин А. П.*] XXV-летие учено-академической деятельности проф. Н. В. Покровского // ЦВс. 1899. 23 сент. № 38. Стб. 1344—1347.

То же (отдельный оттиск).¹

[*Т.*] К XXV-ти-летнему юбилею инспектора профессора слб. духовной академии Н. В. Покровского // ЦВс. 1899. 23, 30 сент. № 38, 39. Стб. 1364—1365, 1382—1387.

[*Б. н.*] Профессор Н. В. Покровский // ЦВс. 1909. 29 сент. № 39. Стб. 1218—1221.

[*Кузьменко Д. П.*] Народное образование в России в царствование Дома Романовых (1613—1913).

Приложение: Биографии: Н. В. Покровский // Россия в ее прошлом и настоящем. М., [1913.] [Раздел] IX. [1 с., без паг.]

[*Б. н.*] † Профессор Н. В. Покровский // ХЧ. 1917. Т. 247. Январь—февраль. С. 121—122.

Малицкий Н. Проф. Н. В. Покровский и его научные заслуги // Там же. Март—июнь. С. 217—237.

Малицкий Н. В. Ученые труды † проф. Н. В. Покровского и их значение для науки христианской археологии // ВАИ. 1918. Вып. 23. С. VII—XIX.

Розанов С. Памяти Н. В. Покровского // Там же. С. V—VI.

ЖЗСДА [за 1874 уч. г.]. 1874. С. 23.

ЖЗСДА за 1874 уч. г. 1875. С. 181—184.

ЖЗСДА за 1876/7 уч. г. 1877. С. 119—130, 270—271.

ЖЗСДА за 1877/8 уч. г. 1878. С. 15—18, 163—164, 180—200.

ЖЗСДА за 1878/9 уч. г. 1879. С. 173.

ЖЗСДА за 1879/80 уч. г. 1880. С. 64, 77—79, 118—120, 145—147, 187—188, 242—243.

ЖЗСДА за 1881/2 уч. г. 1882. С. 93—94.

ЖЗСДА за 1885/6 уч. г. 1888. С. 84, 105, 112.

¹ Статья А. П. Лопухина перепечатана также в 1909 г. в указанном выше юбилейном сборнике, посвященном 35-летию ученой деятельности Н. В. Покровского (с. 35—41).

- ЖЗСДА за 1888/9 уч. г. 1894. С. 158, 166.
 ЖЗСДА за 1890/91 уч. г. 1896. С. 62, 124—138.
 ЖЗСДА за 1891/92 уч. г. 1896. С. 94, 152—153.
 ЖЗСДА за 1893/94 уч. г. 1894. С. 135—136, 185.
 ЖЗСДА за 1894—1895 уч. г. (в извлечении). 1908. С. 16, 50—51, 67.
 ЖЗСДА за 1895/96 уч. г. 1900. С. 37, 47, 281—282.
 ЖЗСДА за 1896/97 уч. г. 1897 (на обл.: 1898). С. 115, 169.
 ЖЗСДА за 1897/98 уч. г. 1899. С. 66, 140—141, 151—152, 158, 162 и по указателю.
 ЖЗСДА за 1898—1899 уч. г. (в извлечении). 1905. С. 28, 37, 87, 103, 111, 144.
 ЖЗСДА за 1899—1900 уч. г. (в извлечении). 1902. С. 74—75, 93, 159.
 ЖЗСДА за 1900—1901 уч. г. (в извлечении). 1901. С. 49, 111.
 ЖЗСДА за 1901/02 уч. г. (в извлечении). 1902. С. 288—289, 342—343.
 ЖЗСДА за 1904/05 уч. г. (в извлечении). 1905. С. 132, 260.
 ЖЗСДА за 1905—1906 уч. г. (в извлечении). 1906. С. 236.
 ЖЗСДА за 1908—1909 уч. г. (в извлечении). 1909. С. 63, 140, 281—282, 335—336.
 История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896 / Сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1900. С. 92, 136, 139, 161, 201—202, 206, 241, 290, 357, 358, 438.
 Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899—1908 годы. Пг., 1915. С. 3, 6, 11, 12, 22, 27, 36, 39, 50, 53, 54, 59, 61, 67, 71, 79, 80, 90, 92—93, 98, 100, 102, 107, 109, 112, 126, 130, 132, 135—136, 140, 143, 157, 159, 164, 166, 174—175, 183, 189, 190, 203, 205, 209—211, 215, 218, 222—224, 232, 237, 245—246, 308, 346, 355, 361—364, 394.
 Состав Императорского Русского археологического общества на 1 апреля 1908 года. [СПб., 1908]. С. 7.
 Состав Императорского Русского археологического общества на 1 апреля 1913 года. [СПб., 1913]. С. 2.
 Личный состав Имп. Археологической комиссии. СПб., 1913. С. 3.
 Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914). М., 1915. Т. 2. С. 276—278.
 1878—1903. Императорский археологический институт в С.-Петербурге. Речи, адреса и приветствия по случаю двадцатипятилетия и тридцатилетия Института. 1878—1908. СПб., 1908. С. 95—118 и др.
 Яковлев П. С. Памятная книжка Имп. археологического института в С.-Петербурге. 1878—1911 гг. СПб., 1911. С. 14—15, 18, 31, 33.
 Мейчик Д., Зарницкий Я. Торжественный Акт в Археологическом институте и первый выпуск его слушателей // САИ. 1880. Кн. 4. Отд-ние 1. С. 5, 9, 12.
 [Мейчик Д.] Вечерние чтения и беседы в Археологическом институте // Там же. Кн. 3. Отд-ние 3. С. 56—58.
 [Б. н.] Археологическая экскурсия в Новгород студентов С.-Петербургской Духовной академии // ЦВд. 1895. 5 авг. № 31. С. 1066—1073.
 В конце текста помещена ссылка на указанную выше статью в «Церковном вестнике», откуда она с сокращениями перепечатана в «Церковных ведомостях». Выдержка из статьи со ссылкой на «Церковные ведомости» в свою очередь перепечатана также в «Археологических известиях и заметках» (1895. Т. 3, № 11. С. 372).
 [Б. н.] Археологическая экскурсия в Новгород студентов СПб. Дух. академии // АИЗ. 1895. Т. 3. № 11. С. 372.
 Студент. Археологическая экскурсия в Новгород студентов С.-Петербургской Духовной академии // ЦВс. 1895. 6, 13, 20 июля. № 27—29. Стб. 857—860, 889—892, 920—925.
 Апраксин П., граф. К 25-летию основания Императорского Общества любителей древней письменности // Русский вестник. 1903. Т. 284. Апрель. С. 773.
 Оглобин Н. Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института 1го выпуска (1878—1880 гг.) // ВАИ. 1903. Вып. 15. С. 371—432.
 Николай Николаевич Оглобин (род. 1852), археограф, путешественник, мемуарист, многолетний сотрудник журналов «Исторический вестник» и «Русское судоходство».
 Лебедев В. А. Из жизни Федора Ивановича Буслаева // Русская старина. 1908. № 1. С. 68.
 Корсаков Д. Четвертый областной историко-археологический съезд в г. Костроме с 20-го по 30-е июня 1909 года // ЖМНП. Нов. сер. 1910. Ч. 26. № 3. Современная летопись. С. 24.

Жебелев С. А. Археологические съезды областные // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Пб., [1911]. Стб. 857—858.

Драницын К. П. Историческая записка о Новгородском музее древностей (3 ноября 1917) // НИС. СПб., 1999. [Сб.] 7 (17). С. 356.

В составе публикации Г. К. Маркиной «Новгородский музей древностей в свидетельствах современников (1865—1918 гг.)».

Бенешевич В. Н. Скорбная летопись // РИЖ. 1921. Кн. 7. С. 247.

Голубинский Е. Е. Воспоминания. Кострома, 1923.

То же (в сокращении): Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. М., 1998. С. 234—235.

Сведения о представлении Н. В. Покровским книги Е. Е. Голубинского «К нашей полемике со старообрядцами» в петербургскую цензуру и несостоявшейся попытке преодолеть цензурный запрет; письмо Покровского Голубинскому от 17 января 1898 г. Автобиография Е. Е. Голубинского и его воспоминания, записанные С. И. Смирновым и частично опубликованные последним в московском сборнике «У Троицы в Академии» в 1914 г., а затем полностью напечатанные Вас. Смирновым в 1923 г. в Костроме; текст последнего издания перепечатан Полуновым и Соловьевым «с небольшими сокращениями».

Сокол В. П. Иконографический и живописно-формальный метод изучения русской иконописи // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1923. Т. 32, вып. 2. С. 187—203.

Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985. По указателю.

Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. По указателю.

Иннокентий (Павлов), иером. Санкт-Петербургская Духовная академия как церковно-историческая школа // Богословские труды: Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной академии. М., 1986. С. 238, 264.

Кызласова И. Л. Письма Н. В. Покровского к Ф. И. Буслаеву // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 306—311.

Лихачева Л. Д. Из истории отдела древнерусского искусства Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 298—299.

Мусин А. Е. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // Археологические вести. 1993. № 2. С. 147—150.

Антонов В. В., Кобах А. В. Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. СПб., 1994. Т. 1. С. 90.

Талалай М. Г. Русская церковь во Флоренции как петербургский памятник // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. [Вып.] 2. С. 450.

Королев А. Е. Псковская краевая археология в XIX—начале XX вв. // Традиции российской археологии: материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 81.

Рябинин Е. А. Российское краеведение и российская археология (на примере научных обществ Костромской губернии) // Там же. С. 72—73.

Савельев Ю. Р. О методе церковной археологии в исследовании древнерусской архитектуры: И. Д. Мансветов и Н. Ф. Красносельцев // Петербургские чтения 96: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 349—353.

Ферапонтовский сборник. [Вып.] 4: Письма И. И. Бриллиантова к А. И. Бриллиантову: 1894—1929 / Сост. М. Н. Шаромазов и М. А. Алексеева; Под ред. Г. И. Вздорнова. М., 1997. По указателю.

Айшевова А. Н. Рукописное наследие Н. В. Покровского в Отделе рукописей и редких книг Российской Национальной библиотеки // ЦА. 1998. Вып. 4. С. 19—24.

Белова Н. А. Н. В. Покровский и Императорская Археологическая комиссия (по документам Рукописного архива ИИМК РАН) // Там же. С. 46—49.

Бовкало А. А. Н. В. Покровский — инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии // Там же. С. 52—59.

Бутова Р. Б. Н. В. Покровский и его роль в возникновении церковно-археологических музеев // Там же. С. 63—65.

Жервэ Н. Н. Н. В. Покровский и XV Археологический съезд // Там же. С. 107—108.

- Залеская В. Н.* Н. В. Покровский о принципах чтения греческих криптограмм // Там же. С. 108—110.
- Савельев Ю. Р.* Роль церковной археологии и литургики в архитектурной медиевистике второй половины XIX—начала XX вв. // Там же. С. 275.
- Щенникова Л. А.* Книга Н. В. Покровского «Евангелие в памятниках иконографин, преимущественно византийских и русских» // Там же. С. 333—336.
- А. Г. Т.* Материалы к библиографии Н. В. Покровского // Там же. С. 351—369.
- Жервэ Н. Н.* Н. В. Покровский и новгородские древности // София. 1998. № 4. С. 24—25.
- Мусин А.,* диакон. Церковно-археологическая конференция, посвященная 150-летию Н. В. Покровского (1848—1917) // София. 1998. № 4. С. 21—24.
- Алексеев А. А.* Николай Васильевич Покровский — доктор церковной истории // *Покровский Н. В.* Очерки памятников христианского искусства. СПб., 1999. С. 3—10.
- Кызласова И. Л.* Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства: (по материалам архивов). М., 1999. С. 5—7, примеч. 32—44.
- Мусин А. Е.* 150 лет со дня рождения Н. В. Покровского // НИС. 1999. Вып. 7 (17). С. 262—266.
- Щукина Е. С.* Две редкие медали памяти русских археологов в собрании Эрмитажа // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.II.1908—15.X.1990): Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 79.
- О памятной медали в честь 35-летия научной деятельности Покровского, отчеканенной по заказу СПбАИ в 1913 г. на Петербургском монетном дворе (медальер М. А. Скуднов) в трех металлах — золоте, серебре и бронзе.
- Кызласова И. Л.* Историк православного искусства Александр Иванович Кирпичников // Искусство христианского мира: Сб. статей. М., 2000. Вып. 4. С. 316—317, 324, примеч. 32—44.
- Пивоварова Н. В.* К истории организации церковно-археологических музеев: из переписки А. П. Голубцова и Н. В. Покровского // II Международная конференция Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: 4—6 октября 2000 г., Сергиев Посад: Тезисы докладов. Сергиев Посад, 2000. С. 44—45.
- Пивоварова Н. В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной академии // Судьбы музейных коллекций: Материалы VI Царскосельской научной конференции. СПб., 2000. С. 70—76.
- Вздорнов Г.* О Николае Васильевиче Покровском и его книге «Евангелие в памятниках иконографии» // *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 5—10.
- Пивоварова Н. В.* Музей Санкт-Петербургской Духовной академии: из истории спасения музейных коллекций в 1919—1922 годах // Судьбы музейных коллекций: Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001. С. 123—127.
- Савельев Ю. Р.* Петербургские историки древнерусского зодчества // Зодчий. 2002. № 2 (6). С. 82—83.

А. Г. Т., Н. В. П.

Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам)

Уроженец Вологодской губ. — края, прозванного Северной Фиваидой и давшего много прославленных имен, Николай Никанорович Глубоковский (1863—1937), по признанию многих, был первым среди православных богословов своего времени, являясь не только гордостью русской богословской науки, но ученым мирового уровня. Член-корреспондент Императорской Академии наук, заслуженный ординарный профессор Петроградской Духовной академии, доктор богословия, историк церкви, библиист, экзегет, филолог, духовный писатель и публицист, видный церковно-общественный деятель, почетный член Киевской, Казанской и Московской Духовных академий, Московского и Петроградского археологических институтов, действительный член Палестинского общества и многих других научных обществ и братств. Во второй половине своей жизни, прошедшей в эмиграции, Глубоковский состоял профессором Пражского университета и членом Учебной коллегии по обеспечению образования русских студентов (с октября 1921 г. до марта 1922 г.), затем профессором Белградского университета (с марта 1922 г. до мая 1923 г.) и, наконец, одним из создателей и профессором богословского факультета Софийского университета. Неоднократно читал лекции в Богословском институте в Париже и являлся активным деятелем Российского студенческого христианского движения.¹ Статьи и выступления Глубоковского, в которых была

---

¹ Укажем важнейшие из биографических очерков: *Мелихов В. А.* Николай Никанорович Глубоковский, профессор Имп. С.П.Д.А. По поводу XXV-летия его ученой деятельности. Харьков, 1914; 35-летие ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. София, 1925 (в конце дан список трудов Глубоковского, включая газетные статьи и рецензии, и литературы о нем); *Лаговский И.* Заслуженный профессор д-р Богословия Н. Н. Глубоковский // Вестник русского христианского движения. 1937. № 3—4. С. 17—21. Прекрасный очерк принадлежит А. Игнатьеву: *Игнатьев А.* Памяти Н. Н. Глубоковского // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 8. С. 53—77. Статьи, связанные с изучением фонда Глубоковского, хранящегося в ОР РНБ, и публикации этих материалов см.: *Богданова Т. А.* 1) Новые материалы к биографии В. В. Розанова (из переписки В. В. Розанова и Н. Н. Глубоковского) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 25—53; 2) Письма иерархов в архиве Н. Н. Глубоковского // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сб. докладов конференции 17—21 ноября 1998 г. Москва / Под общ. ред. прот. Бориса Даниленко. М., 1999. С. 72—87; см. также: *Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства 1888—1932 / Сост., автор предисл., послесловия и коммент. Марина Склярова. СПб., 1994.* В сборник вошли материалы главным образом из фондов Глубоковского (несколько его работ и писем, письма к нему: еп. Василия (Богдашевского), С. И. Введенского, М. Е. Поснова, С. С. Глаголева, И. Е. Евсеева, И. В. Попова, В. В. Розанова, Н. И. Сагарды, К. В. Харламповича, П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского и др.), А. А. Дмитриевского и И. С. Пальмова, хранящихся в ОР РНБ.

«прямо и косвенно в значительной мере разработана научная и вместе совершенно христианская почва для соединения церквей», сыграли заметную роль в процессе междухристианского сближения церквей.² Единственный из русских профессоров, он был приглашен Кентерберийским Синодом на лондонское торжество по случаю 1500-летия Первого Вселенского собора.³ 35-летие научной деятельности Н. Н. Глубоковского отмечалось 14 июня 1925 г. в Софии не просто как академический акт, но как национальный праздник русской культуры. «Это не только торжество православной богословской науки или даже Православной церкви, — говорил протопресвитер Георгий Шавельский, его ученик по СПбДА, — это торжество вообще науки и христианской культуры, ныне чувствующих особый человеческий талант, способный с равным успехом как опускаться до глубин веков христианской истории, так и подыматься до небесных высот богословско-философского умозрения, чтобы тем и другим способствовать разрешению труднейших проблем человеческого духа и устройению жизни... Воплощая в себе силу и мощь русской научной мысли, как и русского широкого сердца, Н. Н. Глубоковский предстоит на юбилее своем как символ бывшей и будущей России. Не только его, но и их мы сегодня чествуем».⁴

Зарубежные ученые особую заслугу Глубоковского видели в том, что он сумел установить «живую связь» русской богословской науки с западным ученым миром.⁵ Глубоковский являлся почетным членом ряда зарубежных академий.

В числе учеников Глубоковского, составлявших, по его признанию, «единственную честь и главную славу», рассеянных не только по России, но по всему свету до Китая и Японии включительно, были многие будущие иерархи Русской Православной церкви и поместных церквей, в числе последних архиепископ Афин и всей Греции Хрисостом, митрополит Тырновский Филипп, митрополит Неврокопсии Макарий, архиепископ Печский, митрополит Белградско-Карловацкий и патриарх Сербский Варнава (Петр Росич) и др.⁶

Готовя к изданию переписку профессоров МДА, Глубоковский писал в предисловии: «Жизнь есть мозаика частных, объединенных и обуславливаемых жизненным началом. *Бе з последнего это куча песку, достойная лишь буйного вос-*

² 35-летие... С. 17, 30.

³ См.: Глубоковский Н. Н. На Никейских торжествах в Англии и на Всемирной Христианской конференции в Стокгольме летом 1925 г. Впечатления и наблюдения участника (как члена делегата на обоих) // Воскресное чтение (Варшава). 1926. № 35. С. 546—550; № 36. С. 562—565; № 37. С. 580—583; № 38. С. 596.

⁴ 35-летие... С. 17—18.

⁵ Там же. С. 31. Среди иностранных корреспондентов Глубоковского в переписке, хранящейся в его фонде в ОР РНБ, больше всего представлены немецкие ученые. Среди них: редактор «Theologisches Literaturblatt», профессор Геттингенского университета N. Bonwetsch, регулярно помещавший в своем журнале отзывы на работы Глубоковского, гейдельбергский профессор A. Diesmann, трактат которого Глубоковский перевел и издал вместе с предисловием и примечаниями (ХЧ. 1898. № 9. С. 365—400); профессор Юрьевского университета K. Grass; лейденский профессор, пастор G. R. Gregory, который был другом Глубоковского и неоднократно приезжал в Россию; о последних трех профессорах Глубоковский написал статьи в ПБЭ (см. Т. 4); профессора D. G. Heinrici, L. Lange, F. Puyser, писавший статьи для ПБЭ, A. Spaldak, редактор «Slavorum litterae theologische», информировавший о Велеградских съездах, проходивших в Моравии под председательством митрополита Андрея (Шептицкого), на которых восточные и западные славянские теологи обсуждали вопросы, разделяющие христианскую церковь. В фонде имеются письма A. Palmieri, не раз бывавшего в России, заведующего Ватиканской библиотекой, впоследствии директора Славянского отдела Восточно-Европейского института в Риме. Корреспондентами Глубоковского были также греки, в основном бывшие его ученики, среди них Григорий Папа-Михаил (канд. богословия, выпускник LXII курса, 1905 г.); преподаватель Халкинской школы П. Комнина, ректор Патриаршей богословской школы Святого Гроба Господня в Иерусалиме, архимандрит Пападопулус Хрисостом. Все они благодарят за присланные сочинения об ап. Павле, Феодорите Кирском, ПБЭ и др.

⁶ 35-летие... С. 52. Их приветствия опубликованы: Там же. С. 33—36.

Н. Н. Глубоковский

торга, без первого — пустой мираж, лишенный ценности и даже пагубный, если он неспособен воплотиться. Необходима пропорциональная комбинация этих двух элементов. В таком случае для полного и истинного ее понимания обязательно брать обе стороны, когда по деталям уясняется основной принцип, а из него определяется их соотносительное достоинство. Без частных не бывает реальной жизни и помимо их не может быть достигнуто объективное и проникновенное ее воспроизведение в идейной истории».⁷ В жизненной мозаике Глубоковского таковым принципом являлось служение науке. Светильник его необыкновенной учености зажат от храмовой лампы, и слова «святая Академия» произносились им с благоговением на протяжении всей жизни.

Духовно-академический мир, в котором Глубоковский — одна из центральных фигур, есть особое (про)явление русской христианской культуры. Будучи православным ученым, Глубоковский утверждал, что христианство невозможно познать извне, ибо это не доктрина, не эзотерическое учение, но «универсально-спасительная сила». «Христианство как сила и жизнь божественные, — писал он, — постигается духовным общением с ним, в котором только и уразумевается по своей исключительной божественности. Для него в особенности незыблемо, что “духовный духовно востязуется” (1 Кор. II, 14) в таинственно-жизненном единении,

---

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 16. Л. 12 об., 13. Запись относится к апрелю 1917 г., курсивом обозначена вставка, сделанная в мае—июле 1921 г., незадолго до отъезда за границу. Эта переписка из архива проф. МДА В. Н. Потапова, перешедшая затем к его племяннице, вдове проф. А. П. Лебедева — Анастасии Васильевне Лебедевой, урожд. Нечаевой, дочери прот. В. П. Нечаева (женатого на сестре В. Н. Потапова), впоследствии епископа Костромского Виссариона. А. В. Лебедева долгие годы была гражданской женой Н. Н. Глубоковского, в 1921 г. их брак был зарегистрирован.

когда приобретается совершенное уразумение предмета и для собственного познания и для разъяснения его другим».⁸

Карьера церковного ученого была сопряжена с определенными ограничениями или стиснениями, налагаемыми службой в духовном ведомстве. «Вы совершенно верно сказали насчет Москва “мужества”, — замечает Глубоковский в письме известному славянофилу, генералу А. А. Кирееву. — Оно требуется при всякой печатной строке нашей, ибо за малейшее проявление честной мысли нас *выбрасывают вон*, хуже последних негодяев, и готовы каждую минуту “пустить по миру” с проклятием Каина. Я вовсе не фантазирую от избытка пессимизма, а говорю *по собственному горькому опыту*, который мне стоил слишком дорого *еще в марте сего года...* В результате — помимо всего прочего — “удобнее молчание”... Грустно, но факт! (*«то же говорил проф. Болотов, Янышев»* — помета карандашом на полях адресата письма. — Т. Б.) ...Мы нисколько не обольщаемся: естественная судьба наших писаний в своем отечестве — забвение и пренебрежение, почему и дорого такое просвещенное внимание, как Ваше. Это верно и для моего трактата. В России на него никто не отозвался, а в Англии некоторые уже заинтересовались. Получил письмо от некоего Birkbeck’a, который, впрочем, имеет свои конфессионально-церковные виды; слышу также, что моя брошюра переводится и на английский язык. Миллионное подтверждение горькой истины, что русский товар у нас ценится лишь под заграничным штемпелем... Мы издали тонну всяких *idola*, *фанатично* поклоняемся им, а новых Беконов, к сожалению, не является...».⁹ Своеобразный отклик на эти размышления мы встречаем много лет спустя (июнь 1914 г.) в письме его ученика по СПбДА, ставшего известным писателем, сотрудником «Биржевых ведомостей», А. А. Измайлова: «Мне, отломившейся ветви, часто жестоко тоскующему, что жизнь пошла так, а не иначе, что течение отнесло меня от родных и по-прежнему поклоняемых алтарей, — Ваша книга («По вопросам духовной школы»). СПб., 1907. — Т. Б.) дала и черное утешение. Так ужасно, так прямо невозможно работать в атмосфере, изображенной Вами — и рукою не врага, а честного друга, — что не знаю, нашел ли бы я в себе сил на эту работу, даже если бы вошел в нее... Читая многие Ваши страницы о властвующей бездарности, о творящих дело Божие с небрежением, об оплеванной и погибающей талантливости, о попоранном знании, труде, рвении, о всей этой гнетущей бесполощности, — я мысленно благословлял доброго Бога, избавившего меня от этого непосильного и бесплодного изнеможения плоти и духа. Ваше слово в этой области — подвиг. Думаю, что он был и не без мученичества в той или иной форме. Мне жалко, что об этом не знают даже близко в этом заинтересованные».¹⁰ Очертить образ Глубоковского и путь, оставивший следы, рассеянные по многим архивам, являлось целью данного очерка.

Архив Глубоковского оказался разъединен на две неравные части. Основной массив документов сосредоточен в Отделе рукописей РНБ (Ф. 194. Оп. 1 и 2) и насчитывает свыше 2000 дел; он включает биографические документы, творческие рукописи, обширную переписку (личную и служебную), материалы служеб-

⁸ ПФА РАН. Разр. II. Оп. 1. Д. 310. Л. 13. Речь идет о цитате из 1-го Послания св. апостола Павла к коринфянам (гл. 2, ст. 13): «...что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным». См. также: Глубоковский Н. Н. Православие по его существу. СПб., 1914.

⁹ ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 47. Л. 1—2 об. Упомянутый англичанин, W. Birkbeck, впоследствии стал постоянным корреспондентом Глубоковского (14 писем за 1895—1916 гг.), которому он посвятил статью: Светлой памяти друга России и русского Православия Ивана Васильевича Биркбека. По поводу одной английской книги // ТКДА. 1916. № 11—12. С. 226—257.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 12. Л. 72—72 об. Письма Глубоковского Измайлову за 1903—1904 гг. см.: ИРЛИ, Ф. 115. Оп. 3. Д. 88.

но-педагогической и церковно-общественной деятельности, фотографии, а также материалы, связанные с изданием «Православной богословской энциклопедии» (списки сотрудников, редакционные объявления, дополнения Глубоковского к статьям других авторов, наконец, сами статьи для VI—XII томов, вышедших под редакцией Глубоковского; среди них встречаются статьи на одну и ту же тему разных авторов). Письма Глубоковского имеются в архивах В. В. Болотова, еп. Бориса (Плотникова), А. И. Бриллиантова, А. А. Дмитриевского, И. С. Пальмова, С. Ф. Платонова, Н. В. Покровского, И. Е. Троицкого, хранящихся в ОР РНБ.

Личный архив Глубоковского имеется также в ЦГИА СПб. (Ф. 2162). Его отличительной чертой является преобладание биографических документов: формулярные списки, дипломы и грамоты, связанные с награждениями и избранием в почетные члены научных обществ, академий, братств, попечительств и пр.; письма, вызванные юбилеями Глубоковского в 1914 и 1916 гг.; наконец, материалы, касающиеся рода Глубоковского.

Кроме того, небольшой массив имеется в фондах РГИА: семинарские и академические сочинения Глубоковского, дипломы, указы Св. Синода, немногочисленные письма: П. П. Извольскому, В. А. Глазову, Е. Е. Голубинскому, М. И. Ростовцеву, материалы подготовленных и неизданных томов ПБЭ.

Свыше 150 писем Глубоковского хранятся в различных фондах ПФА РАН: С. П. Глазенапу, С. А. Жебелеву, В. М. Истрину, А. А. Кирееву, П. К. Коковцову, Н. П. Кондакову, И. Ю. Крачковскому, В. И. Ламанскому, А. С. Лаппо-Данилевскому, Х. М. Лопареву, Н. Я. Марру, С. Ф. Ольденбургу, П. В. Никитину, А. В. Никитскому, Н. К. Никольскому, И. С. Пальмову, А. И. Соболевскому, М. Н. Сперанскому, Ф. И. Успенскому, А. А. Шахматову. В фонде Глубоковского в ОР РНБ имеются письма к нему П. К. Коковцова, Н. П. Кондакова, И. Ю. Крачковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Х. М. Лопарева, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, И. С. Пальмова, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского, Ф. И. Успенского, А. А. Шахматова, что позволяет реконструировать переписку с данными лицами. Она затрагивает вопросы научной и преподавательской деятельности, обмен книгами, издание ПБЭ; особый интерес представляют письма 1918—1921 гг., касающиеся судьбы Духовных академий и отдельных профессоров, деятельности Глубоковского в Петербургском университете и Богословском институте, отъезда из России.

Незначительная часть переписки сохранилась и в других архивах С.-Петербурга. В ИРЛИ (Пушкинский Дом) имеются письма Глубоковского А. А. Измайлову, В. С. Миролюбову и Э. Л. Радлову, в Архиве Государственного Эрмитажа — Б. А. Тураеву.

Материалы Николая Никаноровича имеются также в архивах других городов, прежде всего там, где были Духовные академии. В ОР РГБ (Москва) его письма имеются в фондах С. А. Белокурова, А. Д. Беляева, Е. Е. Голубинского, С. А. Петровского, В. В. Розанова, Ф. Д. Самарина, А. И. Успенского, в РГАЛИ — в фондах В. В. Розанова, А. И. Соболевского, А. И. Яцимирского. Несколько писем Глубоковского профессору КазДА И. С. Бердникову имеются в Национальном архиве Республики Татарстан, где хранится архив КазДА. В Отделе рукописей Научной фундаментальной библиотеки им. В. И. Вернадского (Киев) сохранились письма Глубоковского профессору КДА Д. И. Богдашевскому (впоследствии архиепископ Василий), С. Т. Голубеву, протоиерею Ф. Титову.

По своему происхождению — сын сельского священника — Николай Никанорович Глубоковский являлся типичным представителем духовно-академической корпорации. Он родился 6 декабря (крещен 8 декабря) 1863 г. в селе Кичменский городок Никольского уезда Вологодской губ. В фонде Глубоковского в ЦГИА СПб.

хранится его обширная переписка с родственниками и другими лицами, относящаяся в основном к 1908—1912 гг. и посвященная генеалогическим разысканиям Глубоковского. «Род наш Глубоковских, — писал ему двоюродный брат, священник Василий Глубоковский, — начинается в приходе Глубоковском Спасо-Преображенском с 1 половины 18 столетия. Приход носит название по озеру Глубокое, на восточном берегу коего стоит каменная, прочная и благоукрашенная как овне, и кольми паче внутри церковь наша родная Спасо-Преображенская Господня. В ней-то молились наши родители и близ оной похоронены, нас в ней крестили, маленькими водили в церковь и учили, чтобы никакого дела не начинали без молитвы. Вот была религиозность-то, а патриархальность какая, как вспомнишь, так слезы и потекут. Дорогие были времена для души и жизни». ¹¹ Фамилия «Глубоковский» (от прозвания Глубоковской Спасо-Преображенской церкви) была дана отцу Н. Н. Глубоковского — Никанору при поступлении в Вельское духовное училище. По окончании Вологодской семинарии он был рукоположен во священника к Троицкой церкви в Сямском приходе Вологодской губ., откуда была родом его жена, мать Глубоковского — Платонида Матвеевна Глубоковская, дочь священника Троицкой Селезневской церкви Матвея Родионова Ивановского. В 1849 г. по собственному прошению переведен в местечко Кичменский городок Никольского уезда к Спасо-Преображенской церкви, где и родился Николай Глубоковский. Он был седьмым ребенком в семье, самым младшим; имел двух сестер: Анну (р. 1845) и Марию (р. 1849) и четырех братьев: Петра (р. 1846), Матвея (1857—1903), Александра (1860—1919), Василия (1853—1915). Когда умер отец, Николаю было чуть более двух лет; до 9 лет он воспитывался в семье сестры Анны (его крестной матери), вышедшей к тому времени замуж за священника В. М. Попова. По свидетельству самого Николая Никаноровича, для всех Глубоковских в том времени было много «горького и скорбного», и детство на всю жизнь оставило тяжелые следы в характере и здоровье. Тем не менее он с искренней благодарностью вспоминал о своем воспитателе В. М. Попове и неизменно подчеркивал, что вышел из «бедных сиротских низов» и без «благости Божией» и помощи добрых людей был бы «просто деревенским пастухом», замечая, однако, что «и в этом случае никогда не сделался бы современным “пролетарием”, бунтующим против всего мира, вместо себя самого...». ¹²

Большую роль в жизни Глубоковского сыграл его старший брат — Матвей Никанорович Глубоковский, доктор медицины, постоянный сотрудник «Московских ведомостей» и ряда московских газет и журналов, основатель журналов «Наука и жизнь» и «Дело». Николай Никанорович отмечал, что старший брат «способствовал очищению умственной атмосферы и создал великую и благородную традицию, которая признавалась идеально-обязательною и для членов фамилии (братьев, племянников и пр.)». ¹³

В 10 лет Николай Глубоковский был отдан в Никольское духовное училище, где провел пять лет (1873—1878). В 1916 г., будучи уже заслуженным профессором, он напишет: «Никольское Духовное училище было благодатною колыбелью моего духовного развития, и я всегда благоговейно храню светлую память о нем, потому что имел там не только хорошую школу, но и родной дом с любящими воспитателями-наставниками». ¹⁴ После окончания училища он продолжил обра-

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 2. Л. 20—20 об.

¹² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 29. Л. 5; 35-летие... С. 53.

¹³ Глубоковский Н. Н. Дорогой памяти неутомимого искателя правды, писателя и изобретателя, врача Матвея Никаноровича Глубоковского. СПб., 1904. С. 5. Материалы М. Н. Глубоковского имеются в составе фонда Глубоковского в ОР РНБ.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 11. Л. 13—13 об. 9 марта 1909 г. Глубоковский был избран почетным членом Александро-Невского братства при Никольском духовном училище.

зование в Вологодской духовной семинарии, где был среди первых учеников. В РГИА хранятся 44 семинарских сочинения Николая Глубоковского с 1-го по 6-й класс обучения: по истории, истории словесности, психологии, Св. Писанию, нравственному и догматическому богословию, философии. В одном из самых ранних (1878 г.) «Как изъяснить изречение: “Корень учения горек, но плоды его сладки”» Глубоковский сравнивал старый и новый методы обучения: первый, построенный на принуждении, телесных наказаниях, страхе, догматическом изучении «из буквы в букву», порождавшем загнанных, подавленных школою «ученых невежд», не пользовавшихся уважением в народе из-за их жадности и пр., и новый, развивающий духовные, умственные и даже телесные силы учащихся, их умение самостоятельно мыслить и жить, сознательно относиться к учению. Поставив оценку «4», преподаватель замечал: «В авторе виден некоторый навык писать. Но при этом автор допускает грамматические ошибки, которых в этом сочинении 4».¹⁵ Обращает на себя внимание помета преподавателя Св. Писания на сочинении будущего «первого экзегета России» (тогда ученика 5-го класса, 1882 г.), посвященном изучению новозаветных книг: «В сочинении много лишнего. То же, что относится к делу, необдуманно и неупорядочено, так что трудно разобраться в представленном набросе мыслей и фраз. Но встречаются мысли очень дельные. 4 1/2».¹⁶ Весьма показательное сочинение за 5-й класс «Общий взгляд на школьные наказания», в котором Глубоковский обосновывает свое положительное отношение к наказаниям, интересно и замечание преподавателя: «Сочинение отлично хорошее во всех отношениях, свидетельствующее и о начитанности автора, и об умении его справиться с прочитанным материалом, и об искусстве стройно и связано излагать свои мысли языком вполне правильным и литературным и, наконец, о совершенно верном и заслуживающем полного одобрения и симпатии направлении мыслей. Отраднее читать подобного рода сочинение, утешительно думать, что среди воспитанников семинарии есть личности, так хорошо владеющие пером для выражения своих серьезных и совершенно верных взглядов и убеждений. 5 января 1883 года читал преподаватель Василий Смелков».¹⁷ Уже в семинарии были отмечены одаренность и трудолюбие Глубоковского. Большинство его сочинений имеет пометы преподавателей: «хорошо», «очень хорошо», «отлично хорошо», «безукоризненно» за дельность, литературность изложения, обстоятельное исследование предмета, «серьезное и полное сочувствие своему делу».

Каковы же были взгляды Глубоковского в период обучения в семинарии, его отношение к общественным событиям и запросы к жизни, когда подавляющее большинство молодого поколения переживало увлечение народническими и другими «передовыми» теориями? Перед нами сочинение 20-летнего Глубоковского (6-й класс) по нравственному богословию «При пантеистическом учении о Божестве невозможно чистое учение о нравственности». Автор доказывал, что согласно свидетельствам истории «упадок веры всегда сопровождается упадком нравственности», поскольку между ними существует тесная внутренняя связь и человек не может без личного Бога, ибо как существо тварное он чувствует свою зависимость от Него. Глубоковский критикует «атеизм» Гегеля, «акосмизм» Шеллинга (которых читал в подлиннике). По поводу замечания Канта о религии, играющей роль «изношенного или ставшего бесполезным костыля», он замечает, что без такого «костыля» человек далеко не продвинулся бы и в постоянных падениях истощил бы свои силы. Он весьма скептически относится к современному человеку, гордящемуся своим разумом: «Мы имеем массу людей, думающих о себе слишком много,

¹⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1067. Л. 114.

¹⁶ Там же. Д. 1068. Л. 119.

¹⁷ Там же. Л. 185 об.

но могущих очень мало». Результатом такого положения дел является «внутренняя пустота, мучительное беспокойство, жалобы на бесцельность существования и нередко преждевременная насильственная смерть». Он приходит к выводу, что в пантеизме личность не чувствует в себе обязанности по отношению к «Универсуму» и таким образом лишается жизненной опоры для нравственной деятельности; автономный человек привыкает к бурному господству страстей, беспорядку во всех областях: в частной и государственной жизни является недовольство существующим положением вещей, в частности образом правления, «ведь государство — дело самого человека». По мнению Глубоковского, пантеизм порождает в общественной жизни социализм, который стремится к преобразованию общества на рациональных началах с обещанием осуществить это всеми возможными способами, ибо согласно пантеизму «сознанное есть необходимое и законное, а такое положение уже само собою побуждает людей к деятельности», чем объясняется усердие социалистов по проведению своих идеалов в жизнь. В противоположность такому умонастроению он выдвигает иное — «по пути богоуподобления, стремления человека быть подобным своему оригиналу».¹⁸ Позднее, будучи студентом МДА, Глубоковский напишет, что «наука без благочестия приносит зло» и «просвещение без веры не сожиздуд общественного благоденствия и не изгонят злоупотреблений».¹⁹ По его мнению, успех в делах житейских всецело зависит от чистоты нравственных убеждений, которые обеспечивают человеку стойкость, твердость в выполнении начатого дела, помогают избегать уклонений во время всяких житейских невзгод, сохранить устойчивость, равновесие, мудрость и ясный взгляд на жизнь.

Сохранилась тетрадь Николая Глубоковского (2-й класс) с записью стихов русских поэтов, среди них первое место принадлежит Н. А. Некрасову, есть также стихи М. Ю. Лермонтова, Н. А. Добролюбова, П. А. Плетнева, Ю. В. Жадовской, Я. П. Полонского, А. Л. Боровиковского.²⁰ К концу обучения в семинарии вкусы Глубоковского изменятся. В выпускном сочинении он будет цитировать Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова, И. С. Аксакова. Это сочинение, написанное «в форме дружеской речи», имеет длинное витиеватое название «Несколько мыслей кончающего курс семинарии о задачах пастырского служения и об успешном выполнении их ввиду запросов и потребностей настоящего времени, — благопожелания остающимся в заведении для продолжения своего образования и благодарность наставникам и начальникам». Оно обнаруживает в Глубоковском определенность и сформированность убеждений, которые он сохранял до конца жизни. Отвечая на заданный себе вопрос, какие идеалы и какие задачи «поставляют себе» он и его товарищи, оканчивая семинарию, Глубоковский пишет: «А они несут с собой священную преданность православной вере и государству, горячую любовь к своему Русскому народу, их задача — поднять темные массы на высоту своего христианского призвания, просветить их светом Евангельского учения и подготовить к сознательному и разумному выполнению своего назначения; мы верим и знаем, что в этих массах заключается великая мощь, которая распространяет вверх свои здоровые соки и служит главною основой могущества нашего славного отечества, но

¹⁸ Там же. Л. 15 об., 20 об., 21, 15 об.—16. «Не сказался ли такой дух в революционерах, — пишет Глубоковский. — И не придавало ли это вождям их уверенность в правоте своих действий?» (Там же. Л. 21). Помета преподавателя, читавшего сочинение, гласит: «Сочинение по содержанию весьма дельное. Изложение литературное. Серьезное и полное сочувствие автора к своему делу заслуживает высшей похвалы» (Там же. Л. 21 об.).

¹⁹ Там же. Д. 1067. Л. 63. Он писал о деятелях «гордой современной учености», не желающих изучать «богословских “обскурантных” воззрений», об их желании «быть мудрыми в себе самих и пред собою разумными», но действия которых производят смуту в умах и сердцах (Там же. Л. 86).

²⁰ Там же. Д. 1094.

эта мощь есть пока сила потенциальная, хотя и разумная, сила скрытая, хотя и великая». Возражая мнению о суетности молодежи, автор замечал: «Положим, говорят, что молодость полна заманчивых надежд, верит только себе, но ведь она может быть и горячо преданною Богу, смиренною пред неведомыми судьбами Его промысла и покорна Его святой воле».²¹

В 1884 г. как первый ученик Глубоковский был направлен на казенный счет в МДА. «Путь Ломоносовский — с далекого угрюмого севера, через Вологду — под сень святой Троице-Сергиевой лавры»,²² как отмечалось много лет спустя в одном из юбилейных адресов. Из его академических сочинений в архивах нам удалось разыскать пять (частью в отрывках) и три «слова» на различные церковные праздники. Из этих сочинений следует выделить два: о сравнении перевода LXX и еврейских текстов (сохранилось без начала, с л. 68). «На основании всего того, что добыто нами путем сравнения, — замечает Глубоковский, — мы приходим к тому заключению, что греческие толковники имели под руками настоящий текст еврейский, и если отступали от него, то лишь потому, что иначе пунктировали его, разделяли слова и определяли их значение. Этими обстоятельствами могут быть объяснены все замеченные в нашем [нрзб.] уклонения и разности греческого перевода. Внимательное наблюдение открывает еще одну, более общую причину в тенденции переводчиков устранить конкретность поэтического изложения, которая казалась им неуместною как вносящая антропоморфические черты в представление Божества, Его свойств и действий. Вероятно, и сами толковники были знакомы с философиею, но во всяком случае они могли не желать, чтобы цивилизованные люди стали унижать их сокровище. И нельзя сказать, чтобы подобные стремления приводили к хорошим результатам. Помимо того, что в LXX-ти весьма значительно понижается поэтическое достоинство оригинала, исчезает характерность и сила выражения — самая мысль почти иногда передается неправильно и лишается логической последовательности».²³ Другое сочинение «Стих о Голубиной книге» (2-й курс, 1886 г.) сохранилось полностью. «История Голубиной книги, — пишет автор, — таким образом ведет свое начало от древних греческих апокрифов чрез посредство богомильских переделок. Прототипом ее был Apoloipors Sohannis, а непосредственным источником богомильская его редакция, сохранившаяся уже в искаженном виде в латинском переводе. Нужно думать, что подлинный богомильский текст не изменил формы греческого апокалипсиса, к вопросам о последних судьбах мира присоединили еще космогонию, учение о грехопадении и искуплении, весь материал был окрашен еретическим колоритом».²⁴

С благоговением и любовью вспоминал Глубоковский об alma mater и той атмосфере, которую успел застать, несмотря на введение нового академического устава 1884 г., в значительной степени урезывавшего академическую свободу. «В этой всеобщей научной сосредоточенности было нечто мистическое, веявшее религиозною благоговейностью, ибо действительно питалось ею... Не было в этом отношении ничего показного, ни в одеяниях, ни в стояниях, но истинно царил внутренняя религиозная настроенность».²⁵ Глубоковский писал о живой духовной связи МДА с Московским университетом и «священном культе науки», а своих учителей сравнивал с «научными подвижниками» или «жрецами науки»: «Из ученого

²¹ Там же. Д. 1068. Л. 99—99 об., 100 об.

²² 35-летие... С. 24.

²³ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1069. Л. 203.

²⁴ Там же. Л. 43 об.

²⁵ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет (1884—1914) // У Троицы в Академии. 1814—1914. Юбилейный сборник исторических материалов. Издание бывших воспитанников Московской духовной академии. М., 1914. С. 710. Статья переиздана: Церковно-исторический вестник. 1999. № 2—3. С. 205—243.

кабинета у них есть только три дороги: в храм, в аудиторию и библиотеку».²⁶ Такова была атмосфера, взрастившая Глубоковского.

Его учителями были выдающиеся ученые: философ В. П. Кудрявцев-Платонов, историк церкви Е. Е. Голубинский, известный расколовед Н. И. Субботин, В. О. Ключевский, профессор МДА по кафедре общей церковной истории, а с 1895 г. Московского университета А. П. Лебедев, Д. Ф. Голубинский.

Будучи лучшим учеником, получая премии за семестровые сочинения, Глубоковский на последнем 4-м курсе неожиданно увольняется. История эта подробно рассказана им в статье «По поводу письма проф. Н. И. Субботина к К. П. Победоносцеву». Формально причиной исключения была указана болезнь, на деле — столкновение с помощником инспектора МДА группы студентов, отмечавших свои именины (6 декабря 1887 г.), и грубость одного из них (не Глубоковского). При разборе инцидента виновный не признался, остальные принципиально, не желая выдавать товарища, промолчали; в итоге троим, наиболее активно возражавшим против предъявленного ультиматума — выдать или быть отчисленными, предложили написать заявления с просьбой уволить по болезни. В январе 1888 г. они были отчислены, что угрожало не только отбытием 3-летней воинской повинности, но ломкой всей карьеры. Отголоски этой истории мы встречаем также в переписке Глубоковского. Через несколько месяцев в апреле 1888 г. после вмешательства влиятельных лиц всем троим было разрешено подать прошения об обратном приеме в МДА. В результате Глубоковский закончил МДА на год позднее, в 1889 г., а вынужденный отпуск использовал для работы над кандидатским сочинением о жизни и деятельности бл. Феодорита Кирского.

Тема была предложена А. П. Лебедевым. Представленное сочинение состояло из двух частей и приложения (перевода писем Феодорита) общим объемом около 2000 страниц текста и 600 страниц примечаний. Лебедев оценил работу своего ученика чрезвычайно высоко, отметив, что и размеры, и содержание необычны для кандидатского сочинения, которое по «своей обширной эрудиции достаточно... для какой угодной из существующих степеней».²⁷ В числе недостатков он указал на «длинность» сочинения, шероховатость языка, спорность некоторых выводов, происходящих «от слишком оптимистического взгляда автора на Феодорита», и злоупотребление классицизмом, поклонником которого Глубоковский оставался всю жизнь. Глубоковский был в числе пяти студентов, получивших за кандидатское сочинение высший бал «отлично хорошо» и представленных к различным студенческим академическим премиям. Он получил высшую — им. протоиерея А. Невоструева (195 р.).

В ЦГИА С.-Петербурга хранится диплом Глубоковского об окончании МДА и присуждении ему 24 июня 1889 г. звания кандидата богословия; диплом выдан 28 августа и подписан ректором еп. Волоколамским Христофором, инспектором Академии архимандритом Антонием (Каржавиным) и ординарными профессорами: В. Кудрявцевым-Платоновым, Н. Субботиным и Евг. Голубинским. По всем предметам, как общеобразовательным, так и специальным (среди них теория словесности и история иностранной литературы, русский и церковнославянский языки и история русской литературы, еврейский язык и библейская археология, греческий язык и его словесность, немецкий язык, английский язык), Глубоковский был аттестован на отлично.²⁸ Как первый магистрант он был оставлен в качестве

²⁶ Там же. С. 744.

²⁷ Журналы Совета Московской духовной академии за 1889 г. М., 1890. С. 126. Заседание Совета состоялось 10 июня. Отзыв А. П. Лебедева был довольно подробный (Там же. С. 118—126).

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Д. 1. Л. 4—5.

профессорского стипендиата по кафедре общей церковной истории под руководством профессора А. П. Лебедева.

Из его стипендиатского отчета, представленного на заседании Совета Академии 7 июня 1890 г., явствует, что занятия (с 24 июня 1889 по 15 авг. 1890 г.) шли главным образом в трех направлениях: 1) исследование жизни и литературной деятельности бл. Феодорита; 2) более специальное изучение некоторых сторон в области древней церковной истории (внешний ход церковной жизни в V—VI вв., еретические движения и учения того времени, история несторианства и монофизитства; состояние богословского просвещения того времени, экзегетика и догматически-полемическое богословие); 3) изучение истории Римской церкви, главным образом до момента отделения ее от греко-восточной, т. е. до середины IX в.²⁹ Работая над магистерской диссертацией, в основе которой лежало кандидатское сочинение, Глубоковский усиленно занимался в Епархиальной библиотеке, в Историческом и Румянцевском музеях. Некоторые разделы кандидатской он, по собственному признанию, изменил «частично» (о комментариях на псалмы, о сочинении против иудеев), некоторые — «довольно радикально», в результате чего они приняли совершенно иной вид.³⁰ Уже

²⁹ См.: Журналы Совета Московской духовной академии за 1889 г. // Прибавления к творениям св. отцов. М., 1891. Кн. 1. С. 127—157. Интересы Глубоковского были сконцентрированы прежде всего на институте папства и его становлении. Признавая отсутствие «фундаментально-исторических изысканий» относительно Римской церкви до половины IX в. и указывая на их настоятельную необходимость «даже в интересах полемических» (Там же. С. 139), он подробно излагал результаты проделанных им изысканий и приходил к выводу, что «папство развивалось исключительно человеческими средствами, вопреки божественным установлениям, и что оно институт незаконный, не имеющий под собою апостольско-канонического фундамента» (Там же. С. 156). Дальнейшее развитие эти вопросы получили в статье «Возрождение папства и его настоящее положение по сравнению с прошлым» (Московские ведомости. 1891. 7 авг. № 216; 8 авг. № 217; 9 авг. № 218). В переделанном и расширенном виде эта статья была переиздана в «Воронежских епархиальных ведомостях» (1891. № 19. С. 675—696; № 21. С. 779—790; № 24. С. 893—968). По мнению Глубоковского, умирающее папство возродил Наполеон I, стремясь использовать его в своих интересах. «Как создание рук человеческих, — полагал Глубоковский, — как плод самовластия, папство естественно и неизбежно стремится к господству и преобладанию во внешнем мире. В этом заключается его жизненный нерв, в этом выражается его алчность... без этого оно не может существовать, не отказываясь от самого себя» (отд. отт. — СПб., 1891. С. 42). Пафос статьи — в необходимости серьезной, энергичной и последовательной борьбы с папством, которое с конца XIX в. осуществляет новую «экспансию» на Восток, ибо главная цель — Россия.

³⁰ Прибавления к творениям св. отцов. 1891. Кн. 1. С. 129. В фонде Глубоковского (ОР РНБ) имеются подготовительные материалы к диссертации, отражающие разные этапы работы, а также библиографические дополнения к литературе о Феодорите, вышедшей после написания диссертации (Ф. 194. Оп. 1. Д. 41—51). Там же хранится рукопись перевода писем Феодорита (Д. 52).

Рукопись первой части диссертации (Д. 42) представляет собой автограф Глубоковского, включает 7 глав, 944 страницы, перенумерованных Глубоковским. Судя по титульному листу, работа первоначально имела подзаголовок: «Историческое исследование». Рядом с подзаголовком имеются карандашные пометы, принадлежащие двум разным лицам и вносящие в него изменения; первая: «историко-литературное исследование»; вторая, судя по почерку, принадлежит А. П. Лебедеву, слово «церковно» дописано к имеющемуся подзаголовку, последнее изменение и было принято Глубоковским. На чистой странице перед титулом имеется список из 12 лиц, которым, вероятно, он собирался послать издание. Рукопись второй части (Д. 44 и 43) представляет собой сброшюрованные тетрадки без обложек, всего 1078 пронумерованных Глубоковским страниц, с оглавлением и титульным листом, часть из них — автограф Глубоковского, часть — переписчика, в тексте имеются вставки и пометы Глубоковского с указаниями для печати, а также пометы простым карандашом (частично стертые или перечеркнутые) нескольких лиц, некоторые из них, судя по почерку, принадлежат А. П. Лебедеву. Так, под одной из полустертых карандашных помет («Это бывает лишь у...») (далее текст стерт) он написал: «Придирка». В конце обозначены место и дата окончания рукописи: «Сергиев Посад Московской губ. М. Д. А. 1889 г. 22-го апреля». На последней странице стоит цифра 2021, вместо 1078, т. е. указана последняя страница всей работы. Кроме того, имеется рукопись «Феодорит как писатель. Объем его литературной деятельности» (Д. 41), представляющая собой автограф Глубоковского. Состоит из 12 «текстов» («текстом» названа отдельная тетрадь без обложки) и примечаний (10 отдельных тетрадей без обложек), являясь одним из вариантов работы о Феодорите. Она включает «Вступление», имеющее заглавие «Феодорит как писатель», далее идут разделы: «Отдел первый» — «Экзегетические труды Феодорита»; «Глава вторая» — «Ересо-логический труд Феодорита», «Глава третья» — «История Боголюбцев», без обозначения номера главы или отдела — «Феодорит как проповедник» и «Заключение». На обороте последнего листа Глубоковский карандашом написал: «Кончено писанием 1889 года 7 октября (?) в субботу, в 15 мин. 12-го дня».

к началу 1890 г. Глубоковский закончил сочинение, представленное для защиты в качестве магистерской диссертации: «Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. Церковно-историческое исследование». В конце февраля 1890 г. из печати вышел первый, в конце июня — второй том.³¹

Работа была принята Советом Академии к защите, а ее автор оказался в сложной ситуации. После окончания стипендиатского срока ввиду отсутствия вакантных мест в самой МДА (первоначально предполагалась кафедра истории и разбора западных исповеданий) Глубоковский оказался без работы. Его попытки устроиться преподавателем Св. Писания или догматического богословия в Вифанскую семинарию окончились провалом. Тамошний ректор, архимандрит Иаков (Пятницкий), ссылаясь на «историю» с увольнением из МДА, написал фактически донос в Учебный комитет при Св. Синоде, назвав Глубоковского человеком неблагонадежным и для службы в Вифании неспособным. По словам самого Глубоковского, он вышел «счастливым» из неприятного положения лишь благодаря заступничеству многих «петербургских покровителей». Имеющиеся в архиве письма профессора Московского университета по кафедре общей церковной истории, прот. А. М. Иванцова-Платонова, относящиеся к 1890—1893 гг., позволяют с уверенностью предположить, что в числе этих «покровителей» были управляющий Контролем при Св. Синоде И. А. Чистович, член Учебного комитета при Св. Синоде С. И. Миропольский, прот. Казанского собора А. А. Лебедев. Инициатором выступлений в защиту Глубоковского был сам А. М. Иванцов-Платонов, благодаря ему репутация Глубоковского в Петербурге постепенно «утверждается». Будучи намного старше, он относился к Глубоковскому с глубоочайшим уважением и трогательной заботой. «Первое расположение к сближению с Вами, — пишет Иванцов-Платонов, — возникло у меня, без всяких задних мыслей и сторонних соображений, из искренней и беспримесной радости о том, что появляется в русской науке, в русском обществе, в русской Церкви новая замечательная и многообещающая сила».³² С этого времени и до своей смерти, последовавшей в 1894 г., он не переставал надеяться увидеть Глубоковского своим преемником на университетской кафедре, считая, что его призвание — церковная история; не раз в переписке он поднимал этот вопрос, даже в то время, когда Глубоковский уже был доцентом СПбДА.³³

³¹ Было выпущено 800 экз. Типографский счет выписан на сумму 1649 р. 54 к. Сверх этого 20 экз. были отпечатаны на тонкой бумаге за особую плату. 124 экз. автор оставил себе, остальные были пушены в продажу. Все издание печаталось на средства автора, в кредит; Глубоковский смог окончательно расплатиться за печатание «Феодорита» только в 1896 г. (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 3). Помимо самого исследования была издана речь, произнесенная на коллоквиуме, — «Историческое положение и значение личности блаженного Феодорита, епископа Киррского», в 1911 г. Глубоковский переиздал ее вместе с новой библиографией о Феодорите. Подробное указание отзывает на «Феодорита» есть в ОР РНБ, Ф. 194. Оп. 1. Д. 29. Л. 141—149 об.).

³² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 489. Л. 5.

³³ Поздравляя Глубоковского с назначением в СПбДА, Иванцов-Платонов замечал: «Жаль только несколько за церковную историю, за Московский университет, за Фотия...» (Там же. Д. 490. Л. 27). Он не сомневался, что и среда, и предмет, и климат будут «более» по Глубоковскому, чем Воронеж или Сергиев Посад (Там же. Л. 28—28 об.). Упоминание имени Фотия вызвано дальнейшими научными планами Глубоковского и его занятиями в этом направлении в Воронеже. Под влиянием Глубоковского Иванцов-Платонов также решил написать о Фотии, поэтому имя последнего часто встречается в их переписке. В одном из писем Иванцова-Платонова (дек. 1891 г.?) в числе различных вопросов звучало: «Самое важное. Это касается уже не частной стороны, а внутреннего убеждения или, по крайней мере, впечатления... Вы довольно уже познакомились с Фотием, читали его письма... и в подлиннике. Скажите, пожалуйста: каков он Вам представляется? Что он человек очень умный, — несомненно. Но хороший ли он человек? Я желал бы свое впечатление проверить Вами» (Там же. Л. 28). Впоследствии в своей работе о Фотии, вышедшей при содействии Глубоковского, который не только держал по просьбе Иванцова-Платонова корректуру, но вносил исправления «по существу дела» (Там же. Л. 39),

Однако вернемся к октябрю 1890 г. 16 октября Глубоковский пишет письмо ректору Киевской духовной семинарии архимандриту Борису (Плотникову), в недалеком прошлом инспектору МДА, сыгравшему одну из главных ролей в его увольнении (через два года ставшему ректором СПбДА): «Предполагая, что на печальное “дело” мое 1888 г. Вы не смотрите так, как тогда, я осмеливаюсь сообщить Вам, что некоторые злонамеренно пользуются им, чтобы затормозить мое назначение, — и до сих пор я остаюсь без места. Позвольте надеяться, что Вы не откажете, кому следует в Петербурге, разъяснить обо мне истину».³⁴ Сыграли ли тут роль «разъяснения» архимандрита Бориса, за которые Глубоковский благодарил его в письме от 30 октября, или действия других лиц, мы не знаем. Во всяком случае приказом обер-прокурора Синода от 25 октября Глубоковский назначается в Воронежскую духовную семинарию преподавателем Св. Писания и вступает на службу 20 ноября того же года. Мысли о заграничной командировке и университетской кафедре настраивали его на недолгое пребывание в провинции, что оправдалось, но другим образом. Однако короткое, менее года, пребывание в Воронежской семинарии оставило о нем яркую память. 27 лет спустя в дни, когда Глубоковский праздновал 25-летие своей учебно-профессорской деятельности в СПбДА, один из бывших его учеников по Воронежу, священник Иоанн Ферронский, напомнил Глубоковскому первый урок в первый день его пребывания в семинарии (это было 22 ноября 1890 г.), среди воспитанников которой накануне приезда нового преподавателя ходили легенды о его большой учености, и «особенно анекдотические рассказы» о студенческой жизни, что вызывало повышенное любопытство. Ферронский был первым, кого Глубоковский вызвал отвечать. «Этот преподаватель, как видно, был добр, ибо за мой довольно неблестящий ответ поставил мне в журнал четыре с прибавкой... Когда я вспоминаю этот первый Ваш урок, — писал Ферронский Глубоковскому, — я восстанавливаю картину моего первого Вам ответа и Вашей первой борозды на поле Вашей деятельности, я вижу, как бьется мое робкое сердце пред Вами и как волнуется и Ваше сердце, щадящее робость ученика пред новым учителем, а вместе волнующееся и при первом опыте того дела, на поприще коего Бог судил Вам пробыть уже 25 лет».³⁵ Многие из бывших воспитанников Глубоковского по Воронежской семинарии стали впоследствии сельскими священниками, и годы спустя они с благодарностью вспоминали, что именно он возбудил в них любовь к науке, встряхнул и пробудил от спячки, в которой те находились «благодаря снотворной постановке всей семинарской учебы, забивавшей и притуплявшей, но ничуть не развивавшей учеников».³⁶ «Вы настолько завербовали наши юные сердца, — писал один из них, — что и в настоящее время они дышат тою же юною любовью и тою же благодарностью к Вам, как и в те незабвенные моменты, когда мы видели Вас среди себя и слышали Ваше преподавание... Семена, посеянные Вами, не останутся без плода. Многие из нас тратят едва ли не последние скудные средства на приобретение той или другой богословской книги, и имя Ваше в Ваших трудах служит украшением наших, хотя и небольших библиотек».³⁷ По признанию одного из бывших его воспитанников,

---

Иванцов-Платонов воспользовался в примечаниях «мыслями и указаниями» Глубоковского, о чем с благодарностью сообщил в письме (Там же. Л. 27 об., 43, 44 об.). У Глубоковского он интересовался также издательскими планами А. И. Пападопуло-Керамевса относительно «неизданных писаний» Фотия (Там же. Л. 39 об., 42—43). По просьбе Иванцова-Платонова Глубоковский написал рецензии на книгу Иванцова-Платонова (Церковный вестник. 1892. № 48. С. 760—761; Московские ведомости. 1893. 3 февр. № 34).

³⁴ ОР РНБ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 14. Л. 219.

³⁶ Там же. Д. 7. Л. 31 об.

³⁷ Там же. Л. 28.

семинарское начальство «косо и даже неприятно» относилось к этому восторженному обожанию «гуманнейшей и глубокоученейшей» личности Глубоковского, чему сами семинаристы находили объяснение в несоизмеримости его «высоконаучного престижа с заурядностью и посредственностью, царившей среди преподавателей корпорации».³⁸

5 мая 1891 г. в воскресенье жен-мироносиц (важные вехи, окончание работ Глубоковский указывал, ссылаясь на события церковного календаря) в актовом зале МДА под председательством недавно назначенного ректором архим. Антония (Храповицкого) проходил магистерский коллоквиум, на котором Глубоковский произнес речь «Историческое положение и значение личности блаженного Феодорита, епископа Киррского», дав развернутый ответ на вопрос, который многие ему задавали при начале работы: «Да что Вы будете писать на эту тему?». И тогда, и впоследствии Глубоковский упрекали в «феодоритизме» (В. В. Болотов, А. П. Лебедев), пристрастности взглядов на Феодорита.³⁹ В свое оправдание он замечал: «Нельзя вложить душу в какое-либо дело, не полюбив самого дела, которое, при том же, невольно завладевает вашими симпатиями, затрагивает самые благородные чувства вашего сердца».⁴⁰ Официальными академическими рецензентами были А. П. Лебедев и заслуженный ординарный профессор по истории и обличению раскола Н. И. Субботин.⁴¹ Свои замечания представил и сверхштатный профессор по кафедре естественнонаучной апологетики Д. Ф. Голубинский.

В письмах А. П. Лебедева, признававшего в своем ученике редкие таланты и познания, содержатся интересные и важные подробности, связанные с диссертацией: ее подготовкой, защитой, рецензиями на нее, в частности, берлинского профессора А. Гарнака и пр. В одном из писем он замечал, что под влиянием превосходного труда о Феодорите «даже лед академических столпов начинает сильно таять» в отношении их к Глубоковскому: «До сих пор иные из них могли относиться несколько скептически к значительности Вашего труда, ибо о Вашем труде все знали с моих слов, но мой авторитет для многих очень сомнителен... Теперь же, когда книга роздана и каждый воочию видит, что это за штука, даже самые индифферентные люди почуяли, что ведь Ваш труд — не шутка. На что К<удрявц>ев — и тот разверзает уста для похвал Вам — и — о неожиданность! — строит планы о том, как бы изгнать К<асицы>на и дать Вам место. Конечно, эти планы дальшие разговоры не идут, но и этого не мало. Даже П. Г<ор>ский, вообще на всё плюющийся, произносит Ваше имя с почтением и, как мне кажется (если Это не субъективизм), и на меня ради Вас стал посматривать масляными глазами. Вообще едва ли в Академии в настоящее время есть скептики касательно Вас». В этом же письме Лебедев признает, что ему было «очень горько», если бы Глубоковский принял окончательное решение отказаться от МДА, и просит его переменить «гнев на милость».⁴² Вероятно, «гнев» связан был с «историей» увольнения из МДА в 1888 г., которая чувствительно задела Глубоковского.

Вскоре после защиты Лебедев признается, что давно собирался спросить Глубоковского, но «не хватало духу», зачем на с. 270 второго тома тот допустил «отгьявленную ложь», и высказывал сожаление («я скорблю»), что сочинение не было показано ему непосредственно перед печатанием, ибо тогда он не пропустил бы

³⁸ Там же. Л. 30 об.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 568. Л. 8.

⁴⁰ Глубоковский Н. Н. Историческое положение и значение личности блаженного Феодорита, епископа Киррского. СПб., 1911. С. 10.

⁴¹ Журналы Совета Московской духовной академии за 1891 гг. М., 1892. С. 79—86 (отзыв Н. И. Субботина); С. 87—111 (отзыв А. П. Лебедева).

⁴² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 568. Л. 6—6 об.

строк, на которые не может смотреть «без возмущения духа», находя в них невольное для мужчины и ученого «коккетство». ⁴³ К этой «несчастной», по его выражению, странице он будет не раз возвращаться в письмах: «Страница эта — коккетство и коккетство, милостивый государь». ⁴⁴ По всей вероятности, речь идет о следующем высказывании: «Новые подтверждения мысли о зависимости Киррского историка от Сократа представляет Гюльденпеннинг в своем исследовании: *Die Kirchengeschichte des Theodoret von Kyrrhos* (Halle.1889). К сожалению, мы имели удовольствие познакомиться с этим солидным трудом лишь в то время, когда настоящая глава лежала у нас в листах для окончательной корректуры. Посему мы вынуждены ограничиться теперь немногими замечаниями относительно этого ученого». ⁴⁵ В стипендиатском отчете Глубоковский упоминал, что познакомился с монографией А. Guldenpenning'a «только в начале второго семестра академического года» (т. е. ранней весной 1890 г.) и принужден был снова изучать всю литературу пособия и источников: «Церковную историю» Евсевия, «Жизнь Константина», Руфина, Сократа, Созомена, Филосторгия — по изданиям Миния в *Patrologia*; творения св. Афанасия, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Григория Нисского, Василия Великого, Ефрема Сирина — по русским переводам. ⁴⁶

Другой вопрос, затрагиваемый в переписке, — отношение к В. В. Болотову — заслуживает более подробного освещения. В своем «Феодорите» (Т. 1) Глубоковский неоднократно ссылается для подтверждения высказанного им мнения на статьи Болотова «Из церковной истории Египта». ⁴⁷ Из писем Глубоковского Лебедев с удивлением узнал, что именно он советовал «для первоначала взять в руководство известные изыскания Болотова», и по поводу этого напоминания замечал: «Неужели это правда? Неужели так-таки я Вам сказал — настойчиво? Вы приписываете мне действительное [нрзб.] *cidium*. Я пришел к мысли, что ничто так Вам не повредило в первом томе, как руководство Болотовым! Желание усвоить его результаты относительно Феодорита заставило Вас дать неверные тона почти всей первой части. Но зато во второй части Вы отомстили за свое унижение... Никого никогда я не доводил до убийства, думаю, это не в моем характере, — и далее он довольно раздражен продолжал: — Статьи: я не без озлобления читал цитированные Вами (в письме) заметки Болотова “С виселицы сорвались” (Ювеналий и пр.). Но что же он об этом молчит в печати? Вместо этого пишет и рассуждает в стенаниях, как зашнурованные институтки, готовящиеся к балу, или как [нрзб.] чиновник, ждущий награды к Новому году. Скажите!! Болотову не понравилась Ваша фраза: “Евтихий был более ловкий интриган” (чем Несторий). Несомненно Болотов прав, но... но... почему же он хочет, чтобы исторические истины раскрыли другие, а не сам он, г. Болотов. Ох, как легко чужими руками жар загребать! ... Неужели Вы во всю глотку обязаны были кричать то, о чем молчат признанные говорить прямую и нелицеприятную истину. Я глубоко уважаю Болотова за его большие познания, но “для пробития скалы” — он ни черта не делает». ⁴⁸ Через две недели (26 октября 1890 г.) Лебедев сообщал, что получил подробное письмо от

⁴³ Там же. Л. 2 об., 3, 5.

⁴⁴ Там же. Л. 5 об.

⁴⁵ Глубоковский Н. Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование. М., 1890. Т. 2. С. 270.

⁴⁶ Прибавления к творениям св. отцов. Кн. 1. С. 129—130. В имеющейся в архиве рукописи страницы, посвященные разбору книги Гюльденпеннинга, представляют позднейшую вставку (автограф Глубоковского) к с. 624 рукописного текста с самостоятельной нумерацией: «1+, 2+, 3+, 4+, 5+, 6+» и чужих помет не имеют (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 44).

⁴⁷ Глубоковский Н. Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. М., 1890. Т. 1. С. 81, 82, 161, 263, 267, 274, 275; Т. 2. С. 170.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 568. Л. 5—5 об. Мнение о том, что толкование Болотовым учения Феодорита повредило Глубоковскому, Лебедев высказывал и позднее, в 1897 г. (Там же. Л. 17).

Болотова. «Он ставит Вам пять и даже более за эрудицию, но не может поставить, как он говорит, полного пятка (minus) за то, что он называет “феодоритизм” у Вас — преувеличенность взглядов на Феодорита. Я вполне согласен с первым положением Болотова, но, к сожалению, не могу спорить с ним и по второму вопросу. Он не только главу о Нестории в Компендии считает не подлинною, но становится на защиту подлинности письма Феодорита о смерти Кирилла. В том, что в Вашем сочинении есть изъяны, — нет ничего неожиданного, ибо и на солнце есть пятна».⁴⁹ Впоследствии на заданный себе вопрос: «Сказал ли он (Болотов. — Т. Б.) хоть одну мысль, делающую честь русской науке?» Лебедев отвечал: «Кажется нет, если исключить его толкование учения Феодорита (толкование не очень новое)».⁵⁰ Опубликованные в 1907 г. Бриллиантовым лекции Болотова он находил «ужасными по темноте и аффектности», не лучшего мнения был и об историографии, «в которой сам черт ногу переломает», однако все же полагал, что при удобопонятности некоторые вещи Болотова «не окажутся бесполезными».⁵¹

Глубоковский послал Болотову один из первых экземпляров «Феодорита» (первый том).⁵² Свои замечания Болотов изложил в письме, черновой автограф которого сохранился в его фонде. «Искренно благодарю за оказанную мне честь и доставленное удовольствие — читать ранее других Вашу ценную книгу, научную везде, аргументов и там, где не все согласятся с Вашими выводами... В своих примечаниях Вы дали редкий памятник научной добросовестности».⁵³ Болотов надеялся, что Глубоковский воспользуется его замечаниями при печатании второго тома. Впоследствии в расширенном виде с дополнением новых положений они вошли в его

⁴⁹ Там же. Л. 8—8 об.

⁵⁰ Там же. «С Болотовым соперничать в сочинительстве я, само собой понятно, и не помышляю, — писал Лебедев в том же письме от 17 октября 1897 г., — ибо я не умею цедить сквозь зубы, как делает он, воображая, что он что-то говорит» (Там же. Л. 17 об.). Спусти два месяца он интересовался, не изменился ли адрес Болотова и пребывает ли он «в должной сохранности»? «Кажется, он, подобно улитке, твердо прилипает к раковине» (Там же. Л. 19). Глубоковский продолжал регулярно высылать Лебедеву выходившие в печати работы Болотова. В ноябре 1900 г. Лебедев благодарит за присланный отзыв Болотова о сочинении А. И. Садова, который давно мечтал иметь и прочел «с большим интересом». «На другой брошюре о эфиопской рукописи стоит помета, что она издана под Вашей редакцией... Не следует ли это понимать, что по Вашему настоянию эта работа В. В. Болотова извлечена из архива и явилась на свет Божий?» (Там же. Л. 21). «Книга Болотова о Персии, — пишет он в мае 1902 г., — вероятно, составляет библиографическую редкость. Поставлю ее на полку, но принять ее к сведению едва ли когда мне придется. Одна неудобочитаемость ее приводит меня в страх. Интересно было бы знать: много ли было читателей у Болотова?» (Там же. Л. 33 об.). В январе 1904 г., получив сообщение Глубоковского об избрании в почетные члены СПбДА, Лебедев замечает: «Я никак не ожидал, чтобы стены, пропитанные традициями Троицкого и Болотова, когда-либо в каком-либо качестве допустили проникнуть внутрь их и меня грешного. Только благодаря столь лестному для меня Вашему вниманию ко мне, и равно и того, кого я не без основания именую “влюбленным в меня” (А. А. Бронзов — указано карандашом в письме. — Т. Б.), я мог одержать такую достопамятную победу» (Там же. Л. 54). В том же письме он признается, что, когда был в МДА, считал Болотова «самым талантливым человеком из всех... *виденных*» им, но в университете познакомился с еще более талантливым, по его мнению, профессором Ф. А. Коршем (Там же. Л. 57).

⁵¹ Там же. Д. 569. Л. 32.

⁵² В списке, по которому Глубоковский рассылал свой труд, имя Болотова указано вслед за Гарнаком. 2 марта 1890 г. Болотов сообщал И. Е. Троицкому, что у него на столе «московская литературная новинка». «Сочинение производит впечатление очень выгодное... Ученое трудолюбие автора вне вопроса: цитируется даже W. Wright, Catalogue of syriac manuscripte, хотя, насколько понимаю, око автора видит, да зуб неймет, фигурируют некоторые monstra XVI—XVII в. ... Обеляет Феодорита автор через край немножко, и потому воинствует на немцев не всегда с победою. И в других пунктах он иногда рубит только топором вместо скобели. Но вообще при беглом перелистывании книги я встретил промахов (даже и наследственных) не очень много» (Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 194. Л. 28 об.). Свои замечания по поводу сочинения Глубоковского он высказывал позднее и в письмах Д. А. Лебедеву (Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 20 об., 21 об.).

⁵³ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 181. Л. 1. В конце черновика стоит дата 25 августа, по-видимому, это дата написания, т. е. письмо отправлено уже после выхода 2-го тома, о чем, судя по содержанию письма, Болотов еще не знал.

отзыв «Theodoretiana», «гвоздем» которого Болотов считал высказанные им суждения о подложности главы о Нестории.⁵⁴ На основании этого отзыва определением Синода от 1—22 апреля 1892 г. Глубоковский был удостоен полной Макарьевской премии в размере 1500 р., а автор рецензии получил вознаграждение 200 р.⁵⁵

Фундаментальное исследование о Феодорите принесло Глубоковскому не только всероссийскую, но и мировую известность, прежде всего благодаря отзыву берлинского профессора А. Гарнака в «Theologische Literaturzeitung» (1890. 4 окт. № 20). Глубоковский выслал ему оба тома, по-видимому, поочередно, сразу по их выходе из печати, о чем есть пометы в записной книжке.⁵⁶ Гарнак отмечал особую трудность и важность для православного богослова вопроса о бл. Феодорите. В русском переводе отзыв Гарнака был перепечатан во многих русских изданиях, ссылки на него делались и много лет спустя. Труд Глубоковского явился для некоторых иностранных ученых, в частности оксфордского профессора, богослова Хедлама (впоследствии епископа Глустерского), побудительным мотивом для изучения русского языка. Он использовался в качестве пособия как католиками, так и протестантами. В записной книжке Глубоковского подробно указаны отзывы (в том числе ссылки и упоминания) русских и зарубежных ученых на «Феодорита».⁵⁷

Переписка дает возможность проследить историю издания перевода «Писем» Феодорита. Впервые Глубоковский поднял этот вопрос в октябре 1891 г. перед отъездом в Воронеж. А. П. Лебедев отнесся к проекту с большим сочувствием, находя, что издание «будут весьма многие приобретать с большой охотой»,⁵⁸ и предлагал печатать в количестве 1200 экземпляров. 26 октября 1892 г. от имени редакции «Богословского вестника» и совета редакции (членом которых он состоял) он делает Глубоковскому предложение публиковать перевод в журнале, с обязательством ежегодно печатать 12 листов. Чем закончились эти переговоры, неизвестно, но «Письма» изданы не были. Весной 1903 г. Глубоковский ведет переговоры с очередным редактором «Богословского вестника» И. В. Поповым. Последний высказывался за их публикацию, однако обсуждение вопроса в академическом Совете встретило сильное, непонятное для него, противодействие, а на общем собрании преподавателей МДА решено было вопрос пока отложить. Обо всем этом он сообщил Глубоковскому 9 июня: «Но насколько я могу предвидеть, вопрос о

⁵⁴ См.: Болотов В. В. I. Список статей и заметок, напечатанных в «Церковном вестнике» и «Христианском чтении» от 1880 до 1893 г. с замечаниями ad istar retractationum. II. Письмо и две записки о неоконченной работе о Русике. СПб., 1907. С. 11.

⁵⁵ ПФА РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 214. Л. 2. Официальное письмо от 3 апреля 1891 г. от имени Учебного комитета при Св. Синоде за подписью К. П. Победоносцева с просьбой к 1 февраля 1892 г. дать отзыв на сочинение Глубоковского находится в фонде Болотова (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 10. Л. 4—4 об.). Оригинал отзыва, за исключением второй (неофициальной) части, хранится в РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 329. В тексте есть отчеркивания карандашом.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 34. Л. 46, 48. В архиве Глубоковского имеются 10 писем А. Гарнака за 1892—1914 гг. (Там же. Д. 1055). Глубоковский был автором статьи о нем, помещенной в ПБЭ (Т. 4. Стб. 109—124). Было небольшое количество отдельных оттисков этой статьи, один из них Глубоковский послал Гарнаку, который нашел «его характеристику в сущности правильной, хотя и слишком благосклонной» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 29. Л. 107). В свое время Гарнак, прекрасно знавший русский язык, дал высокую оценку докторской диссертации А. П. Лебедева, а вместе с тем и московской церковно-исторической школе. Возможно, это дало Глубоковскому повод послать ему своего «Феодорита». «Радуюсь за Вас, рад за себя...», — пишет Лебедев Глубоковскому после прочтения рецензии. — Нового для меня в рецензии Гарнака, конечно, ничего нет. То же самое и я говорил в отзыве, только много подробнее. Насчет рецензии, по-видимому, писано под диктовку...» (Там же. Д. 568. Л. 2 об.). Последняя фраза привела к сложным взаимобъяснениям. Лебедев советовал напечатать рецензию в переводе в двух-трех московских газетах.

⁵⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 29. Л. 141—149 об. Б. М. Мелноранский называл исследование «алмаз нашей церковно-исторической литературы» (ВВ. 1900. Т. 7. С. 620), а Н. И. Корсунский — «феноменальным, классическим произведением русской богословской литературы» (Московские церковные ведомости. 1890. № 38. С. 462).

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 568. Л. 5 об.—6.

перевод «Писем» Феодорита должен рано или поздно возникнуть сам собою. Позвольте обратиться к Вам тогда, если перевод Ваш к тому времени не будет издан».⁵⁹ Причины отказа он отчасти объяснял тем, что перевод «Писем» необходимо было бы печатать в журнале и отдельным изданием, а это для редакции дорого. В сентябре 1906 г. Попов возвращается к вопросу о передаче в собственность редакции «Богословского вестника» перевода «Писем» Феодорита, находя, что теперь удобный момент, ибо в качестве приложения к журналу заканчивается издание «Творений» Феодорита: осталось напечатать 2 тома. Результаты редакционного обсуждения, положительные для Глубоковского, он сообщил в 20-х числах октября 1906 г. Сам Попов к тому времени ушел с поста редактора, новым был избран профессор МДА И. Д. Андреев, ученик А. П. Лебедева, впоследствии при содействии Глубоковского перешедший в Петербургский университет. В ноябре 1906 г. И. Д. Андреев обращается к Глубоковскому с просьбой указать редакции, что лучше перевести для нового издания из «Творений» Феодорита, и просит написать статью для «Богословского вестника» — штрихи к портрету Феодорита, свое личное отношение к нему и т. д. «За что Вы отдали Феодориту первые годы Вашей научной работы. Даже не заглядывайте в свою книгу. Чем меньше статья будет иметь “учености”, тем лучше прочтется».⁶⁰ Было продолжено и обсуждение вопроса о «Письмах» Феодорита. В результате рукопись перевода, исправленная и дополненная по сравнению с переводом 1887 г., была продана МДА. В сентябре 1907 г. Андреев просил Глубоковского самого держать корректуру «Писем» во избежание грубых ошибок. В декабре того же года Глубоковский получил бесплатно 10 экземпляров издания 1-го выпуска «Писем» Феодорита, в сентябре 1908 г. вышел 2-й выпуск «Писем» с небольшим предисловием Глубоковского. Оба выпуска были изданы в качестве 7-й и 8-й частей «Творений» Феодорита.

В записной книжке Глубоковского имеется свидетельство о том, что издание «Писем» он хотел «специально» посвятить своему учителю профессору Алексею Петровичу Лебедеву, неожиданно скончавшемуся 14 июля 1908 г., и для сего в начале вставил «особую четвертину», которую без его ведома не напечатали (по распоряжению нового редактора «Богословского вестника» экстраординарного профессора А. И. Покровского); единственный след его «добраго намерения» сохранился во введении (с. XV, примеч. 1), где свое первоначальное намерение и неудачу он подчеркнул в словах «сими строками».⁶¹

В 1911 г. Глубоковский вновь обращается к Феодориту. Он переиздает речь, произнесенную на магистерском диспуте в 1891 г. «Историческое положение и значение личности Феодорита, епископа Киррского», вместе с указателем новейшей литературы о нем. Имя Феодорита не раз всплывает в переписке. 19 декабря 1905 г. И. Громогласов пишет Глубоковскому из Москвы, в которой идут революционные бои: «Под гром пушек, раздающийся над Москвою, с наслаждением перечитываю теперь Ваше исследование о киррском пастыре, любясь до художественности прекрасным мастерством исследования и увлекаясь, вместе с Вами, личностью Феодорита».⁶²

⁵⁹ Там же. Д. 715. Л. 4 об.—5.

⁶⁰ Там же. Д. 306. Л. 4—4 об.

⁶¹ Там же. Д. 29. Л. 149. И. Д. Андреев, по-видимому занимавшийся разбором бумаг А. П. Лебедева, сообщил Глубоковскому, что Лебедев уничтожил все письма к нему, за исключением писем высокопоставленных лиц, в частности митрополита Антония (Вадковского) (Там же. Д. 306. Л. 19 об.).

⁶² Там же. Д. 421. Л. 19. «Помню свои студенческие годы, — писал в январе 1915 г. К. М. Агеев. — Вышла Ваша книга о Блаженном Феодорите. В одном из киевских изданий был перепечатан отзыв о ней Гариака. Мы студенты тогда гордились Вами, гордимся теперь еще более после Вашей последующей научной деятельности» (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. № 10. Л. 70—70 об.). С. Л. Епифанович, видевший в Глубоковском «столпа русской богословской науки» и обратившийся к нему за консульта-

Когда в жизни Глубоковского наступил тяжелый период, он думал об отставке, а письма заполняли «минорные чувства», профессор КДА М. Е. Поснов советовал ему: «Возвращайтесь к той науке, с которой Вы начали. Издайте греческих церковных историков и дайте к ним свое введение. Ведь в них страшная нужда. Евсевия, Сократа... Созомена, Феодорита, Феодора тцеца, Евагрия — нельзя ни за какие деньги достать, а между тем студенты в них смертельно нуждаются».⁶³ В феврале 1919 г. И. Ю. Крачковский благодарил Глубоковского за присланный труд о Феодорите, который имелся в его библиотеке еще со студенческих лет, но погиб вместе с ней в имении брата во время войны. «Тем приятнее восстановить его экземпляром с автографом автора, — писал он и добавлял: — Не скрою, что за некоторыми Вашими вещами я тщетно охотился несколько лет тому назад».⁶⁴

Столь блестящее вступление Глубоковского в науку в области всеобщей церковной истории в дальнейшем получило иное направление. Через несколько месяцев после защиты магистерской, осенью 1891 г., он получает приглашение на кафедру Св. Писания Нового Завета в СПбДА. Вопрос о замещении вакантной кафедры Св. Писания Нового Завета обсуждался на нескольких заседаниях академического Совета и окончательно решался 11 октября 1891 г. Было трое претендентов: преподаватель Петербургской семинарии, выпускник СПбДА А. А. Бронзов, Н. Н. Глубоковский, которого предложил ректор Академии Антоний (Вадковский), и профессорский стипендиат СПбДА 1890/91 г. по кафедре еврейского языка и библейской археологии кандидат богословия А. П. Рождественский. Его имя, по рекомендации И. Г. Троицкого, назвал В. В. Болотов, предполагая отправить на несколько семестров в Геттинген слушать лекции по еврейскому языку у профессора де Лагарде. Большинство голосов (9 против 4) был избран кандидат Болотова и Троицкого (с обязательством прочитать две пробные лекции). История эта нашла довольно подробное отражение в письмах Болотова самим кандидатам — Глубоковскому, с которым он, по собственному признанию, состоял «в дружеской переписке», и Рождественскому.⁶⁵ «Я всегда шел от кафедры к лицу, от “субботы” к “человеку”, — пишет он Глубоковскому 18 октября, — подыскивая для “субботы”

цией относительно современных зарубежных журналов, считая при этом «своего рода святотатством» нарушать его научный покой какими бы то ни было мелкими справками, был «до крайности» смущен, как он писал, «необычайной (для меня) любезностью в отношении к моему убожеству», а тем более «пасхальным подарком» Глубоковского, по поводу которого 26 марта 1915 г. писал: «Два тома Вашего грандиозного труда о бл. Феодорите, с третьего дня Пасхи красующиеся у меня на столе, веселят теперь вид мой, исполняют сердце благодарности, возбуждают дух мой, хотя снова и снова напоминают мне о том, как далеко еще я теку от научного идеала» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 460. Л. 2, 3).

⁶³ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 14. Л. 158, 158 об.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 547. Л. 1.

⁶⁵ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1891/92 учебный год. СПб., 1897. С. 51, 68. Из трех сохранившихся черновиков писем Болотова Глубоковскому два посвящены разъяснению позиции при выборах. Опережая возможные слухи, Болотов написал первое письмо на следующий день после заседания Совета, 12 октября. В нем с пометой «запись для себя» имеется указание на распределение голосов при выборах: за Рождественского голосовали И. Е. Троицкий, И. С. Пальмов, А. И. Садов, В. В. Болотов, П. Ф. Николаевский, Н. В. Покровский, Т. В. Барсов, Ф. Г. Елеонский, И. Г. Троицкий, за Глубоковского — А. И. Пономарев, М. И. Каринский, Антоний (Вадковский), инспектор иеромонах Михаил (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 181. Л. 14). Желая смягчить результаты голосования, Болотов пишет: «Меньшинство на Вашей стороне имело имена vom bestem wissenschaftlichen Klange» (Там же. Л. 14 об.). Три письма Болотова А. П. Рождественскому имеются в корректурных листах неопубликованной части очерка: *Уберский И.* Памяти профессора С.-Петербургской Духовной академии В. В. Болотова // ХЧ. 1903. № 6, 7, 9, 10; отд. отт.: СПб., 1903. Письма, представленные Уберскому самим Рождественским, предполагалось опубликовать без имен (в октябрьском номере), но их содержание было настолько прозрачно, что, видимо, по этой причине они были изъяты из очерка. В последнем из них, утешая Рождественского, Болотов замечал, что митрополит утвердил кандидата меньшинства «при обстоятельствах не ясных еще и для нас... наше судно ударилось о подводный камень, до сих пор еще на мореходных картах не отмеченный» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 267. Л. 5).

“человека”, для “кафедры” доцента, никогда не наоборот». ⁶⁶ Свои действия Болотов объяснял тем, что видит Глубоковского более в роли историка, нежели экзегета. «Ваше ли Fach академическая кафедра священного писания — где Вы будете не просто “преподаватель”-передателем (чужого), а Forscher? Боюсь, что нет? ...Экзегету — золотые весы Коттона... у Вас же — орудия боевые». ⁶⁷ Силу Глубоковского он видел в том, что тот «искатель следов» — новых, не внесенных в данный отдел фактов... “минер” против разных земляных и каменных сооружений», считая его уязвимым в качестве «enterpes наличного и готового», ибо он «не вслушивается в тон факта», понимая его «в другом регистре и другом цвете», втолковывает в трудные тексты «свою собственную мысль», слышит «призвук» и «тонкие намеки» там, где их нет. «В Ваших поисках у Wreit, в Ваших муках («Schusucht») по cod. Bibl. Nat. с удовольствием вижу “гонение” того же “духа”, на лбу которого написано “Ignotesumma Cupido”, который и меня гонит на восточные трясины, прелестные только тем, что туда ничей топор и ничья коса не ходила, который дает стимулы к “реалистическому образу мышления”, “к книжничеству”, поможет пережевать грудку песка в надежде найти не жемчужную россыпь, а разве новый кремень, но именно новый, или же всеми забытый, искусства идти нога в ногу с другими, “гнуть дуги”, не ломая их, — не в моей натуре. И Ваше систематическое прилежание я считаю подвигом, которого Вы, конечно, “паки и паки” не побоитесь, а не инстинктом». ⁶⁸ «Закупающие» достоинства соперника Глубоковского Болотов видел именно в ясности взгляда и простоте понимания. Свой «провал», который якобы «предчувствовал» и считал чуть ли не единственным в истории Академии, Глубоковский переживал крайне тяжело. Однако через 10 дней после заседания Совета, 21 октября, резолюцией митрополита С.-Петербургского Исидора (Никольского) он утверждается как кандидат «по степени магистра более соответствующий службе в Академии». ⁶⁹ 12 ноября Глубоковский прибыл в Петербург. Его дальнейшая преподавательская карьера складывалась довольно успешно. Указом Св. Синода от 4 октября 1894 г. он утвержден в должности экстраординарного профессора, 28 января 1898 г., через неделю после присвоения ему степени доктора богословия, стал ординарным профессором, а в ноябре 1916 г., по исполнении 25 лет академической службы, — заслуженным ординарным профессором. ⁷⁰

Такое вхождение в академическую корпорацию осложнило положение Глубоковского и до известной степени объясняет его репутацию «гордого и замкнутого» ученого. Но неизменной была любовь студентов, которым он отвечал тем же. 22 октября 1916 г. в ответ на поднесенный студентами адрес по случаю 25-летия преподавания Глубоковский напишет: «От всего сердца благодарю вас за трогательное приветствие Ваше. Студенты всегда были добрыми и преданными споспеш-

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 181. Л. 28.

⁶⁷ Там же. Л. 14 об.—15.

⁶⁸ Там же. Л. 14, 15. Там же. Д. 206 — данный отрывок из письма неустановленному лицу является частью письма Глубоковскому от 18 октября 1891 г.

⁶⁹ Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1891/92 учебный год. С. 69.

⁷⁰ В ЦГИА СПб. хранится формулярный список Глубоковского, наполовину заполненный им самим и доведенный до 1920 г. Последние записи, сделанные Глубоковым, касаются его службы в бывшем Синодальном архиве и Петроградском университете (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 1). Глубоковский оставил воспоминания «С.-Петербургская Духовная Академия во времена студенчества там патриарха Варнавы», написанные в эмиграции в 1936 г. За время службы он прошел путь от надворного (1892 г.) до действительного тайного советника (1910 г.), был награжден орденами св. Анны 3-й и 2-й степени, св. Станислава 2-й и 1-й степени, св. Андрея 2-й степени, св. Владимира 4-й и 3-й степени, серебряной медалью в честь 25-летия восстановления церковноприходских школ и светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых; в 1915 г. ему был пожалован портрет вел. кн. Александра Михайловича с его автографом ввиду «высоко полезной деятельности» по Московскому археологическому институту; Глубоковский неоднократно имел высочайшие благодарности за поднесенные свои труды.

никами моего 25-летнего академического служения, в котором я много обязан ревностному усердию и научному одушевлению моих слушателей. Как верные мои соратники, они являются для меня самыми хорошими соучастниками искания моего, и с чувством глубокой признательности за долголетнее и счастливое духовное содружество в познании и усвоении истины я горячо всем вам желаю благословенного преуспевания на многие лета. Мы стареем и слабеем, за вами теперь наши труды и слава: подвизайтесь и торжествуйте!».⁷¹

Несмотря на неоднократные приглашения читать лекции в Петербургском и Московском университетах, Глубоковский категорически отказывался от такого совмещения. В сентябре 1906 г. Тураев от имени историко-филологического факультета «пренастойчиво» предлагал ему кафедру церковной истории, которую Глубоковский не хотел и не мог взять «по множеству причин». «Б. А. Тураев был у меня трижды, и в конце концов для меня нарастает тягостное положение, что я обижаю факультет. Чистая пытка, для меня просто мучительная»,⁷² — писал он А. И. Соболевскому, с которым на протяжении многих лет поддерживал дружеские отношения. Субботы Соболевского он посещал наиболее охотно, чувствуя себя там в своей среде. Он просил Соболевского деликатно отвести его кандидатуру и помочь выйти из этой коллизии. В этом решении его поддерживал и А. П. Лебедев: «А что Вы отказались от университета, это похвально, — писал он в ноябре 1906 г. — Если идти в университет, то нужно было раньше, после смерти И. Е. Троицкого. А теперь Вам было бы труднее приниматься за несколько новую науку, да я и не одобряю совместимости... Нельзя делать из такой серьезной науки синекуру».⁷³

В некрологе В. Г. Рождественского, своего предшественника по кафедре Св. Писания Нового Завета в СПбДА, затем профессора Петроградского университета, Глубоковский замечал: «Профессорские занятия, будучи учеными по характеру, непременно всегда и у всех истинных носителей научного знания бывают практически учительными... Но это есть уже священная тайна духовного воздействия на своих учеников всякого истинного учителя, который сознавал свой долг учителя, самым словом своего учительского служения непременно “священнодействует”. Каждый подлинный профессор своим делом своим творит службу Богу и приобщает слушателей к заветным благам высшего ведения. Иначе он немислим и недостойн своего звания, как наемник и раб неисключимый, а не чистый проповедник и самоотверженный исповедник истины, привлекающий и покоряющий ей. Это — акт глубоко мистический, не поддающийся непосредственному арифметическому учету, хранимый каждым в глубине сердца... Посторонний созерцатель может лишь констатировать его с благоговейным почтением к такому ученому благовестнику».⁷⁴ Словно отвечая на эти размышления, один из знаменитых учеников Глубоковского А. В. Карташев писал ему (1916 г.): «Ваша колоссальная

⁷¹ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 14. Л. 86 об. К. В. Харлампович спустя много лет писал Глубоковскому: «Не скажу, чтобы Ваши лекции понравились большинству из нас: слишком учеными и серьезными они показались, а Вы сами — требовательны» (Там же. Л. 125). «Помню первую Вашу лекцию, которую мне довелось слушать по поступлению моем в Академию. Это было в 1900 г., — вспоминал будущий проф. КазДА Г. В. Прохоров. — ...Помню, какая масса студентов собралась на Вашу лекцию и какими дружными аплодисментами она встретила своего выдающегося профессора и европейски известного ученого. Еще позже мне на самом себе довелось испытать, с каким благорасположением Вы относитесь к тем, кто проявляет хотя бы то и скромное усилие служить дорогой Вам науке. Если бы Вы знали, как много значит для начинающих заниматься наукой такое благожелательное отношение к ним “сильных” науки!» (Там же. Д. 12. Л. 185 об., 187).

⁷² ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 117. Л. 18.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 569. Л. 28.

⁷⁴ ПФА РАН. Разр. II. Оп. 1. Д. 310. Л. 6, 12.

научная продуктивность еще со времен студенчества стяжала Вам славу феномена науки, славу, чрезвычайно воспитывающе действующую на студенчество и влекущую его в свою очередь к посильному научному подвигу и уже во всяком случае к благоговению пред наукой. А последняя есть могучая культурная сила, выводящая и нас русских на все большую высоту и, в частности, в нашей церковной сфере завоевывающая науке подобающее положение вопреки псевдоправославной (а в сущности просто невежественной) ревности многих владychествующих персон. Самое явление таких столпов научного труда есть сила, преобладающая тьме невежества».⁷⁵

Весной 1892 г. в переписке со своим учителем, профессором МДА по кафедре Св. Писания Нового Завета М. Д. Муретовым, Глубоковский поднимает вопрос о намерении искать докторской степени. Муретов советовал не торопиться, дабы не вышло «незамаскированной компиляции», предлагая заняться историей экзегезиса. Спустя месяц, после просмотра присланных лекций, он полагает, что Глубоковский может подать на докторскую сочинение о ап. Луке или Иоанне. Но Глубоковский выбрал ап. Павла. В январе 1897 г. работа над диссертацией «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское исследование» была закончена; в апреле она вышла из печати; в обращении находилось 50 экземпляров, не предназначавшихся для продажи. 30 апреля она принята к рассмотрению Советом МДА; официальными оппонентами назначены М. Д. Муретов и Д. Ф. Голубинский. В начале октября 1897 г. Муретов писал Глубоковскому, что Голубинский уже прочитал диссертацию: «Надеюсь, ничего *смутительного* не встречу у Вас. Ведь Вы написали *диссертацию*, следовательно, знали, что делали. Потому к придирчивости Дм. Федоровича я отношусь с сомнением, он и в стиле находит что-то».⁷⁶ Самому Муретову диссертация понравилась.

В фонде Глубоковского сохранилось несколько писем Голубинского, в которых тот высказывал сомнения и недоумения по поводу использования иностранных трудов и их критического разбора. Несколько страниц, где речь шла о толковании страданий Христа, вызвали его повышенное беспокойство своими некорректными, прямо «дерзновенными» выражениями, одно из которых он находил неверным догматически. Он настойчиво предлагал перепечатать эти страницы, дабы «опасные рассуждения» не смущали понапрасну читателей.⁷⁷ Во избежание осложнений Муретов фактически поддержал требование Голубинского о перепечатке страниц, в то же время уговорив последнего выпустить из отзыва перечень «неосторожных» выражений, встречающихся в диссертации Глубоковского. Определенную роль в этих переговорах сыграли профессор МДА Г. А. Воскресенский, как это видно из писем последнего к Глубоковскому,⁷⁸ и А. П. Лебедев, которому работа также «очень понравилась». «На науку Вы смотрите как на друга, с которым возможны споры, а не как на негодяя, которого следует отчеживать»,⁷⁹ — писал он своему бывшему ученику. Лебедев одобрял, что Глубоковский не затянул дело с докторской, замечая, что «диссертацию как и воинскую повинность нужно отбывать смолоду».⁸⁰ Сообщая о разговоре с Голубинским, нашед-

⁷⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 12. Л. 79—79 об. В архиве Глубоковского есть брошюра Карташева «Реформа, реформация и исполнение церкви» (Пг., 1916) с дарственной надписью автора Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1319).

⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 630. Л. 17.

⁷⁷ Там же. Д. 413. Отзыв Д. Ф. Голубинского и М. Д. Муретова см.: ОР РГБ. Ф. 172. Т. 2. Карт. 221. № 9 и карт. 460. № 6.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 382. Л. 1—9.

⁷⁹ Там же. Д. 568. Л. 13.

⁸⁰ Там же. Л. 13 об.

шим в сочинении «ересь», он также советовал «рассечь узел перепечаткой «инкриминационных страниц», хотя сам не находил в них «ничего рационалистического», но признавал, что «маленькие грешки в подобном же роде (против святого Православия)» были и в магистерском сочинении, и он старался все подобное оговорить тогда в рецензии в интересах своего ученика.⁸¹ В результате с. 37—44 были перепечатаны и защита прошла гладко. 1 декабря Совет МДА единогласно присудил Глубоковскому докторскую степень, 18 декабря по представлению Московского митрополита Сергия (Ляпидевского) дело было доложено Синоду и рассмотрение книги поручено архиепископу Антонию (Вадковскому), по отзыву которого от 9 января 1898 г. последовало утверждение Глубоковского в степени доктора богословия, о чем 21 января 1898 г. издан специальный указ Синода. 26 января указ был получен в СПбДА, и 28 января Глубоковский избран ординарным профессором. Диплом, выданный Советом МДА за № 52 от 23 февраля 1898 г., помимо ректора и инспектора МДА был подписан членами академического Совета: П. Цветковым, Н. Каптеревым, Гр. Воскресенским, Н. Заозерским, М. Муретовым и В. Ключевским. Глубоковский получил его, согласно помете, 18 мая 1898 г. в 10 часов утра.⁸²

В 1902 г. вышла новая книга Глубоковского, посвященная ап. Павлу, — «Благовестие христианской свободы по посланию св. ап. Павла к галатам. Сжатый обзор апостольского послания со стороны его читателей, условий происхождения, по содержанию и догматически-историческому значению» (первоначально печаталась в том же году в «Страннике»), удостоенная полной Макарьевской премии по отзыву профессора КазДА М. И. Богословского (часть книги — с. 88—115 была переведена тогда же на английский язык). Изучение деяний и посланий ап. Павла — одна из главных тем научных исследований Глубоковского. Их завершением стал фундаментальный труд «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу» (СПб., 1905—1912. Т. 1—3, общим объемом около 2500 страниц, в качестве трех первых глав 1-го тома сюда вошла докторская диссертация), который предварительно (с февраля 1897 г. по октябрь 1910 г.) печатался в журналах «Христианское чтение» и «Странник». В архиве Глубоковского имеются автографы и гранки статей из журнала с его правкой, подготовительные материалы (библиография, выписки, записи своих мыслей по отдельным вопросам, замечания относительно прочитанных книг и т. д.).⁸³ Глубоковский писал свои работы почти сразу набело, дальнейшая доработка носит скорее стилистический характер, не внося в текст существенных поправок и больших изменений.

Другое направление — исследование новозаветных текстов и их переводов. Согласно поручению К. П. Победоносцева (от 15 августа 1892 г.) Глубоковский пересматривал славяно-русский перевод Нового Завета. Во исполнение этого поручения Глубоковский представил 24 декабря 1892 г. замечания на Евангелие от Матфея, 13 февраля 1893 г. — на Евангелие от Марка, 1 сентября 1893 г. — на Евангелие от Луки и, наконец, 10 апреля 1897 г. — замечания на Евангелие от Иоанна (всего 4 тетради объемом около 300 листов). Эти материалы были переданы тогда же К. П. Победоносцеву, который использовал их при подготовке нового

⁸¹ Там же. Л. 16, 14 об., 16 об.

⁸² ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 1. Л. 6—7.

⁸³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 70—126. «Ваш труд поверг меня, конечно, в благоговейное изумление пред массой действительно и серьезно проработанной литературы, и затем в некоторое уныние по поводу своей собственной затеи, которая не может претендовать и на десятую долю...», — писал ему в октябре 1912 г. А. И. Покровский. — Простите, Н. Н., но Вы прямо подавляете нас этой колоссальной прямо сверхъестественной ученостью» (Там же. Д. 699. Л. 22 об.).

перевода и не раз, устно и письменно, выражал Глубоковскому благодарность.⁸⁴ После смерти К. П. Победоносцева Глубоковский считал эти замечания, которым придавал весьма важное значение, затерянными в синодских архивах. В ноябре—декабре 1920 г. они были обнаружены при разборе архива Правильной палаты Синодальной типографии и возвращены Глубоковскому. В настоящее время они хранятся в его фонде в ОР РНБ вместе с рукописью «Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского перевода Нового Завета и замечания на славяно-русский текст Евангелия от Матфея, Евангелия от Марка, Евангелия от Луки, Евангелия от Иоанна» и его записями «О переводе Нового Завета».⁸⁵

Своеобразным дополнением к этим материалам служат имеющиеся в архиве Глубоковского письма профессора КазДА по кафедре Св. Писания Нового Завета М. И. Богословского, в которых обсуждается изданный Победоносцевым перевод Четвероевангелия и ставится вопрос о необходимости русского перевода Библии с LXX: «Нам нужен русский перевод не с масоретского, а с семидесяти, чтобы у нас не было, как теперь, двух Библий, непохожих одна на другую... В масоретском тексте исчезли все ценнейшие мессианские места, и в русском переводе их уже нет».⁸⁶ В марте 1906 г. он вновь поднимает в переписке вопрос о русском переводе с LXX и выражает надежду, что Глубоковский поддержит его. «Настоящее время самое благоприятное. Будут ли когда-нибудь такие сильные библеисты, как теперь? Не говоря о Вас, Митр. Дм. Муретов, Рыбинский, П. А. Юнгеров, все это языковеды. А М. Дм. Муретов, при тончайшем знании греческого языка, это ведь незаменимый редактор перевода».⁸⁷ Спустя год он сообщал о начале и успешном продвижении работы над переводом с греческого Книги Притчей, предпринятой по инициативе профессора КазДА по кафедре Св. Писания Ветхого Завета П. А. Юнгера. Богословский предлагал поднять вопрос о новом переводе Св. Писания через митрополита Антония (Вадковского) в Св. Синоде.

О своей работе по сличению евангельских текстов сообщал Глубоковскому другой постоянный корреспондент, профессор КДА, протоиерей И. Корольков. «Поведаю Вам, яко ученому духовнику, свои помышления, — пишет он 26 декабря 1916 г. — В Киевской Лавре есть два рукописных Евангелия (нач. 16 в.), неизвестных в литературе, [прекрасно?] написанных. Я возымел намерение обследовать эти Евангелия, сличить перевод с древними переводами и современными, а также с греческими. При сличении натолкнулся на много неудоумений». Далее он подробно излагает их в письме, прося советов и помощи в указании литературы.⁸⁸ Работа о. Иоанна продолжается, несмотря на все тяготы переживаемого времени. «Во истину говорится “сердце сердцу весть подает”, — пишет он 30 ноября 1920 г. —

⁸⁴ В архиве имеется второе издание «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа на славянском и русском языках» (СПб., 1885) с редакционной правкой и пометами Глубоковского (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 54). 27 июня 1897 г. Победоносцев писал: «Очень благодарен проф. Глубоковскому за труд его, нелегкий, по Евангелию от Иоанна. Я получил его пред отъездом за границу и ныне читал с большим интересом и много нахожу для себя поучительного» (Там же. Д. 29. Л. 173). Посылая Глубоковскому экземпляр исправленного Евангелия от Луки, он замечал 26 октября 1903 г.: «Премного благодарен Вам за указания в заметках Ваших, из коих многими я воспользовался» (Там же). Приводя эти отзывы Победоносцева, Глубоковский тут же грустно замечает, что не все «так внимательно и благосклонно» отнеслись к этой его работе и впоследствии он узнал, что начальник Правильной палаты с.-петербургской Синодальной типографии П. А. Гильдебрандт, косвенно задевший замечаниями Глубоковского по поводу перевода Нового Завета на 4 языках под его редакцией, «много агитировал» против Глубоковского и старался дискредитировать его труды (Там же. Л. 173—173 об.). Об использовании Победоносцевым замечаний Глубоковского см.: Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева СПб., 2000. С. 19—21.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 53—59.

⁸⁶ Там же. Д. 339. Л. 2—3.

⁸⁷ Там же. Л. 22.

⁸⁸ Там же. Д. 540. Л. 34.

То же случилось и с нами. Почти одновременно мы думаем друг о друге и пишем. Я получил с глубокой благодарностью оба Ваши письма и открытку... Вы обстоятельно сообщали мне интересующие меня сведения и с точностью указали книги, в коих я могу найти эти сведения». ⁸⁹ Сообщая о смерти и болезни общих знакомых, он продолжает: «Благодарение Бога, живем сносно, не особенно бедствуем и нас не обижают товарищи. Кое-что отдаем им сами, кое-что забирают, но в общем живется хорошо, хотя и скучно... Стараюсь дорожить каждым часом (о. Иоанну было уже 75 лет. — Т. Б.), чтобы окончить задуманную мною столь щекотливую работу: сличение славянского перевода Евангелий с греческим текстом. Сличая Синайский кодекс с другими текстами, нахожу в нем массу ошибок, описок, пропусков, так что удивлен, как Тишендорф придает первенствующее значение Синайскому кодексу». ⁹⁰

Начало своей литературной деятельности Глубоковский относил к июню 1883 г., когда в «Вологодских губернских ведомостях» появилась его первая заметка о праздновании в Вологодской семинарии дня коронования Александра III, написанная по поручению ректора семинарии протоиерея П. Лосева (впоследствии епископа Пермского Петра). С октября 1883 г. корреспонденции Глубоковского появляются в «Московских ведомостях»: первая — о необходимости учреждения в Вологодской епархии викариатства с кафедрой в Великом Устюге — была написана также по поручению ректора семинарии. Посредником между Глубоковским и редакцией, в которой, по собственному признанию, сам он никогда не бывал, являлся его брат Матвей Никанорович, хорошо известный в журнальном мире. По подсчетам Г. Шавельского, в период с 1885 по 1895 г. в «Московских ведомостях» было опубликовано 127 статей и мелких заметок Глубоковского на самые разнообразные темы (от корреспонденций из жизни МДА до разведения хлопчатника в Туркестане). ⁹¹ Сотрудничество в газете диктовалось прежде всего необходимостью заработка и не прошло бесследно для Глубоковского, которому было свойственно особое отношение к прессе, впоследствии (начало 1900-х гг.) он даже подумывал о своем печатном органе. С середины 1890-х гг. заметки и статьи Глубоковского уже не имеют такой тематической разбросанности и связаны прежде всего с его профессиональной деятельностью. Библиографические записи, доведенные самим Глубоковским до 1917 г., включают свыше 460 газетных заметок, помещенных в «Московских ведомостях», «Русском слове», «Московских церковных ведомостях», «Воронежских епархиальных ведомостях», «Новом времени», «Колоколе» и других изданиях.

В духовных журналах Глубоковский дебютировал во время перерыва учебы в МДА. В 1888 г. в харьковском журнале «Вера и разум» появилась его статья, посвященная деятельности Е. Блаватской. К сотрудничеству в журнале его привлек И. А. Кратиров (впоследствии епископ Иоанн, в 1895—1899 гг. ректор СПбДА). ⁹² С 1892 г. статьи Глубоковского появляются в столичных духовных журналах «Христианское чтение» и «Церковный вестник», издававшихся СПбДА, в «Страннике»; с 1908 г. он довольно регулярно печатается в петербургском «Гермесе». Помимо научных статей Глубоковский помещает отзывы о русской и иностранной богословской литературе, переводы (сделанные им либо под его редакцией и с его предисловием) статей зарубежных ученых по библейской текстологии и хронологии. Статьи и отзывы Глубоковского печатались также в журналах, выходивших в Москве

⁸⁹ Там же. Л. 45 об.

⁹⁰ Там же. Л. 46—46 об.

⁹¹ 35-летие... С. 34.

⁹² Глубоковский Н. Н. Пресвященный Иоанн (Кратиров), бывший епископ Саратовский, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1895—1899) // ХЧ. 1909. № 3. С. 421—440.

(«Русское обозрение», «Вера и Церковь», «Богословский вестник»), Киеве («Труды Киевской духовной академии»), Казани («Православный собеседник»). По подсчетам Г. Шавельского (на 1925 г.), работы Глубоковского опубликованы в 72 газетах, журналах и сборниках, включая иностранные.⁹³

Перу Глубоковского принадлежит серия биографических статей, связанных с историей СПбДА, что дало повод называть его преемником И. А. Чистовича в качестве историографа Академии. Поводом к их написанию послужило решение академического Совета отметить 100-летие СПбДА, исполнявшееся в 1909 г., изданием библиографического словаря преподавателей Академии за весь период ее существования. Всем преподавателям Академии было поручено составление статей по различным персоналиям.⁹⁴ Идея словаря не была реализована, но отдельные статьи увидели свет в «Христианском чтении», «Страннике» и других изданиях. Так возникло замечательное исследование по истории русской церкви XIX в. о жизни и деятельности архиепископа Смарагда (Крыжановского).⁹⁵ В архиве Глубоковского имеется большое количество материалов, отражающих подготовительный этап работы над «Смарагдом»: многочисленные выписки из консисторских архивов, письма, воспоминания и т. д.⁹⁶ В январе 1916 г. его бывший ученик, профессор КазДА К. В. Харлампович, замечал по поводу очередного намерения Глубоковского уйти в отставку: «Рано еще, Н. Н.! М<ожет> б<ыть>, Вам и не придется быть историографом СПб дух<овной> академии..., а все же сколько еще можно ожидать от Вас при Ваших знаниях, приемах, трудолюбии и связях. Да, связях: те десятки людей, которые помогали Вам тем или другим способом, разве не облегчили Вам работы и разве не отличаются только Вас? Кто другой из русских дух<овных> писателей может похвастаться таким обилием друзей?»⁹⁷

Практически все, написанное Глубоковским до отъезда за границу, включая доклады, статьи, отзывы, речи и т. п., было им опубликовано, причем большинство книг издано на собственные средства. Такой вывод можно сделать на основании знакомства с архивом Глубоковского и списком его опубликованных работ.⁹⁸ Значительными исключениями в этом ряду являются две работы, оставшиеся в рукописи: подготовленная в 1917—1921 гг. к печати публикация «Московская Духовная академия по переписке проф. Вас. Н. Потапова. 1854—1887» и исследование «Русская богословская наука в ее историческом развитии», законченное в декабре 1917 г. и изданное в 1919 г. в Петрограде в краткой редакции при ближайшем участии А. С. Лаппо-Данилевского, о чем мы расскажем далее. В настоящее время первая рукопись хранится в фонде Глубоковского в ЦГИА СПб., вторая (полная редакция) — в его фонде в ОР РНБ.⁹⁹

Много сделал Глубоковский и для развития духовной школы в России. В 1895 г. он представил в Синод программу преподавания Св. Писания в духовных семинариях. Глубоковский основывался на результатах вступительных экзаменов в СПбДА, обнаруживших в выпускниках семинарий плохое знание Св. Писания.

⁹³ 35-летие... С. 13.

⁹⁴ Примерный план статей см.: ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 45.

⁹⁵ Глубоковский посвятил несколько лет изучению биографии Смарагда, которого считал одним из самых ярких представителей русской иерархии XIX в. С декабря 1908 г. статьи и публикации о Смарагде печатались в «Христианском чтении», затем вошли в книгу: Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (+1863, 1, 11): его жизнь и деятельность. СПб., 1914. 559 с.

⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 127—174.

⁹⁷ Там же. Д. 896. Л. 21.

⁹⁸ Библиографию Н. Н. Глубоковского см.: *Игнатьев А.* Памяти Н. Н. Глубоковского. С. 72—77; 35-летие... С. 59—68.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 16; ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 213.

В мае 1896 г. он был приглашен в конфиденциальную комиссию, учрежденную петербургским митрополитом Палладием (Раевым) при СПбДА, по пересмотру действующего академического устава, в которую представил доклад «К вопросу о нуждах духовно-академического образования» (СПб., 1897). Глубоковский указывал на необходимость большей сосредоточенности в постановке занятий, где упор должен быть сделан на подготовку кандидатской диссертации, развитие самостоятельности, выработку чистого богословского языка. В этом отношении работы самого Глубоковского при чрезвычайной информационной плотности отличаются выразительной силой, удивительной образностью и своеобразием языка. В. В. Розанов, с которым Глубоковского связывала многолетняя переписка и дружба, был «поражен-восхищен» его стилем и языковой техникой. «Блеск, точность, щегольство, краснота мысли, слова и пр. Из них самое прелестное качество — точность: печать Ваша — копия Вашего ума, как интеллект Ваш — копия фамилии».¹⁰⁰

В конце 1905 г. Глубоковский избирается членом академической комиссии для выработки проекта нового академического устава и членом епархиальной комиссии по подготовке к предполагаемому церковному Собору, для последней он подготовил записку: «К вопросу о постановке высшего богословского учения в России». В 1906 г. он принимал участие в работе пяти отделов (всего было семь) Предсоборного Присутствия, на котором шла речь о созыве Поместного Собора и широкой церковной реформе. Ему принадлежит более 200 выступлений, «в некоторых случаях представляющих целые научные трактаты».¹⁰¹ В октябре—ноябре 1907 г. Глубоковский является членом особого совещания у обер-прокурора Св. Синода П. П. Извольского о реформе духовной школы и органов ее управления, представив две записки: об устройстве богословско-пастырских училищ и об Учебном комитете. В январе—марте 1908 г. он состоит членом совещания Св. Синода по преобразованию духовной школы, которое проходило под председательством митр. Антония Вадковского. Материалы совещания, отличавшиеся «страстной полемической резкостью», были изданы в сокращенном и отредактированном виде только для синодального употребления.

Материалы архивов (главным образом переписка) содержат множество отражений церковно-публицистической деятельности Глубоковского, имевшей широкий резонанс. Примером могут служить воспоминания «За тридцать лет», вошедшие в юбилейный сборник «У Троицы в Академии» (1914 г.), посвященный столетию МДА. Глубоковский изложил свое видение положения духовной науки в 1884—1914 гг. По словам А. И. Покровского, статья «произвела самое сильное впечатление в Академии, буквально... разорвавшейся бомбы».¹⁰² И. Д. Андреев называл ее «рычанием льва в железной клетке», сообщая, что статья вызвала «страшное негодование в монашесствующем мире Академии».¹⁰³ Глубокое впечатление «своим сильным изображением трагической судьбы высшей духовной школы за указанное время» статья произвела на И. И. Соколова.¹⁰⁴ «И какой это контраст. Там — Горский, Голубинский, Кудрявцев, здесь — Христофор и иже с ним до последнего часа, — писал профессор МДА М. М. Тареев. — Там плеяда классиков, а ныне царство мелочного самолюбия, жалкого каприза и пошлого фаворитизма. Там процветала наука, а теперь задача начальства задавить науку и унижить

¹⁰⁰ Богданова Т. А. Новые материалы к биографии В. В. Розанова... С. 32.

¹⁰¹ 35-летие... С. 15; Журналы заседаний Предсоборного Присутствия. СПб., 1907—1912. Т. 1—5. Глубоковский принимал участие в ряде других комиссий при Св. Синоде.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 10. Л. 32 об.

¹⁰³ Там же. Л. 39.

¹⁰⁴ Там же. Л. 26.

чужую Академию».¹⁰⁵ Благодаря заметкам А. А. Измайлова в «Биржевых ведомостях», имевших широкое распространение в провинции, и в «Историческом вестнике», а также рецензии П. Б. Струве в «Русской мысли» юбилейный сборник получил широкую известность.

Деятельность Глубоковского была многогранной и многоплодной. Но, бесспорно, одним из самых значительных ее проявлений явилось издание «Православной богословской энциклопедии». «Русская наука долго-долго, а может быть, и всегда будет восхвалять своего славного Herzog'a», — писал один из сотрудников ПБЭ, профессор Харьковского университета И. А. Бродович.¹⁰⁶ Инициатором издания был профессор СПбДА А. П. Лопухин, под редакцией которого в 1900—1904 гг. в качестве приложения к журналу «Странник», также редактируемому им, вышли первые 5 томов. Глубоковский стал сотрудником энциклопедии со 2-го тома, т. е. с 1901 г. В 10 томах ПБЭ ему принадлежит свыше 20 статей, не считая многочисленных дополнений различного характера, всего свыше 100 страниц текста. Подробнейший учет этих материалов имеется в его записной книжке. После смерти Лопухина (22 августа 1904 г.) его наследники обратились к Глубоковскому с просьбой принять на себя редактирование ПБЭ. Указом Синода от 14 октября 1904 г. он был назначен цензором ПБЭ, а также относящихся к ней документов и чертежей. Под его редакцией в 1905—1911 гг. вышло 7 томов (6—12-й), но, согласно его свидетельству, фактически он был редактором уже с 5-го тома.¹⁰⁷

Пожалуй, только два человека отрицательно отнеслись к новому назначению Глубоковского: его учитель А. П. Лебедев и профессор КазДА М. И. Богословский. «Любезнейший Николай Никанорович, — писал последний, — Вы решаетесь для «Странника» заменить Лопухина в критическую минуту. Если бы имел право, то сказал бы: нет Вам моего благословения на это дело. *Ревнуйте дарований больших* (1 Кор. 12, 21 ст.). Сейчас Вы преследуете профессиональные интересы, а тогда они отойдут на задний план, и кроме того изнурение, изнурение и изнурение. Берегите себя как имение и собственность И. Христа».¹⁰⁸ В том же духе писал и Лебедев, пугая неврастенией. В списке сотрудников, помещенных в 5-м томе энциклопедии, указан 31 человек, при Глубоковском их число возросло в несколько раз. Полный список за все время издания ПБЭ насчитывает свыше 200 имен.¹⁰⁹ Обширная переписка, имеющаяся в фонде Глубоковского в ОР РНБ (всего около 800 корреспондентов), в значительной части посвящена изданию ПБЭ, в ней сохранились письма около 2/3 сотрудников. В их числе: И. Д. Андреев, Г. А. Воскресенский, Е. Е. Голубинский, И. А. Джавахов, Н. А. Елеонский, С. М. Зарин, И. А. Карабинов, Н. П. Кондаков, Ю. А. Кулаковский, Ф. А. Курганов, А. П. Лебедев, Д. А. Лебедев, Х. М. Лопарев, Н. К. Маккавейский, Б. М. Мелиоранский, А. И. Соболевский, Б. А. Тураев, Ф. И. Успенский и др. В этой переписке отразилась история издания ПБЭ: поиск сотрудников, трудности и препятствия, встречавшиеся на пути издания со стороны издателей «Странника» и духовных властей.

С приходом Глубоковского ПБЭ изменила характер, превратившись в солидное научное издание. «По мысли Александра Павловича, Энциклопедия его должна была служить: первое — духовенству, второе — всему образованному обще-

¹⁰⁵ Там же. Л. 24 об.—25.

¹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 344. Л. 26.

¹⁰⁷ Там же. Д. 29. Л. 15 об.

¹⁰⁸ Там же. Д. 339. Л. 16 об.

¹⁰⁹ В 2001 г. Синодальная библиотека Московского Патриархата выпустила (в электронном виде) переиздание 12 томов ПБЭ в качестве 2-го выпуска серии «Библиотека русской религиозно-философской и церковно-исторической мысли: На исходе XX века». Сост. и ред. прот. Борис Даниленко.

ству. У Вас выходит наоборот»,¹¹⁰ — писал Глубоковскому Бродович. Сразу же по вступлении в должность осенью 1904 г. Глубоковский старается привлечь к изданию крупнейших ученых, как духовных, так и светских. В числе последних он приглашает к сотрудничеству Н. П. Кондакова, П. К. Коковцова, Н. Я. Марра, А. И. Соболевского, Б. А. Тураева и др. Обращаясь к Соболевскому с просьбой написать статью «Кириллица и глаголица», он писал 20 октября 1904 г.: «Прошу Вашего авторитетного содействия по приисканию авторитетных сотрудников, готовых поработать ради научных интересов. Хотелось бы привлечь Кондакова, Шахматова и пр., при сем я рассчитываю на таких лиц, конечно, лишь для самых важных статей». ¹¹¹ 3 ноября Глубоковский получил от Кондакова письмо, в котором тот выражает сомнения относительно возможности своего сотрудничества в ПБЭ, в частности, написания статьи об Иерусалиме. 19 декабря Глубоковский, ссылаясь на сообщение Соболевского о том, что у Кондакова «открылась физическая возможность» написать статью «Иерусалим в христианской истории и в памятниках христианского искусства», замечал, что был бы «истинно счастлив» иметь для ПБЭ эту статью: «Повторяю, — пишет он Кондакову, — ради Вас я готов ждать до последнего предела и, если угодно, согласен поместить эту статью вне очереди, в конце тома, причем она мне потребуется к Пасхе 1905 г. Простите мою настойчивость, к этому вынуждают запросы науки и потребности знания, в чем мое и оправдание». ¹¹² К марту 1905 г. Кондаков написал просимую статью, которую Глубоковский находил «отличной», внося лишь небольшие изменения «в духе нашей церковной орфографии» и прося исправить некоторые возникшие у него «недоумения». ¹¹³ «Энциклопедия плохо движется, типография невозможна, — сообщал Глубоковский Кондакову по возвращении с Кавказа 10 сентября 1905 г. — Однако статья Ваша уже отпечатана, кажется, вся. Заранее прошу извинения, корректуры у меня не было, а корректор многое не мог разобрать и сообразить. Особенно затруднялся в размещении рисунков, для которых не всегда находились точные указания в тексте... Отсюда вполне возможна путаница. Не взыщите, пожалуйста!». ¹¹⁴ Не будем забывать, что шел 1905 год. Эта была единственная статья Кондакова в ПБЭ. Вопрос о его участии больше не поднимался. В фонде Глубоковского среди материалов энциклопедии имеется автограф статьи Ф. И. Покровского о Кондакове, для которой Глубоковский просил последнего выслать портрет с автографом. Глубоковский значительно дополнил статью, в результате она вышла под двумя фамилиями.

Особого рассказа заслуживает переписка Глубоковского и Б. А. Тураева, сохранившаяся в их архивах. Ее особенность в том, что лишь два письма Глубоковского из 13 и соответственно два письма Тураева из 7 являются соотнесенными друг с другом; остальные письма разбросаны во времени и существуют как бы сами по себе. Первое письмо Глубоковского, имеющееся в фонде Тураева, датировано 24 марта 1903 г. Пересылая Тураеву письмо А. Пальмиери, Глубоковский выражает свое желание иметь брошюру Тураева о В. В. Болотове, давно и безуспешно разыскиваемую им. ¹¹⁵ Далее мы имеем ответ Тураева на несохранившееся приглашение сотрудничать в ПБЭ. «Искренно сочувствуя изданию “Богословской Энциклопедии”, — пишет он 28 октября 1904 г., — конечно, с удовольствием буду Вашим сотрудником». ¹¹⁶ Он предлагал написать для 6-го тома статьи «Кир» и «Коптская церковь».

¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 344. Л. 24—25.

¹¹¹ ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 117. Л. 2.

¹¹² Там же. Ф. 115. Оп. 4. Д. 104. Л. 1—1 об.

¹¹³ Там же. Л. 4.

¹¹⁴ Там же. Л. 6—6 об.

¹¹⁵ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 1.

¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 870. Л. 1.

23 января 1905 г. Тураев послал Глубоковскому «Кира». Судя по переписке, в дальнейшем их связывали не только профессиональные, но и личные отношения. 2 декабря 1913 г. Тураев сообщал Глубоковскому, что на совещании «здешних историков» по подготовке Международного исторического съезда, состоявшегося под председательством А. С. Лаппо-Данилевского, Глубоковский был включен в состав Исполнительного комитета съезда как «наиболее видный представитель Духовной академии». ¹¹⁷ В ответ Глубоковский пишет: «Глубоковуважаемый Борис Александрович! Я слишком мало надеюсь дожить до 1918 г., ибо время мое близ есть. С подобными делами я незнаком на практике и, пожалуй, совершенно неспособен к ним, как одиночка по натуре и привычкам. Если при этих условиях я буду на что-н<и>будь годен, то готов посылить исполнять все соответствующие поручения». ¹¹⁸ По просьбе А. С. Лаппо-Данилевского он составил справку о церковно-исторических обществах в России. ¹¹⁹ Узнав из печати об избрании Тураева академиком, Глубоковский поздравляет его: «Достоин и праведно! — пишет он 16/29 декабря 1919 г. — От всей души приветствую и сердечно желаю всякого процветания. Да хранит Вас Господь! Радуюсь за Вас и за науку. Вот для нашего брата заветная и истинно желанная пристань, но увы! — она не доступна». ¹²⁰ Ответ на приветствие Глубоковского — предпоследнее из имеющихся в архиве писем Тураева: «Высокое доверие, оказанное мне выше моей головы, которая к тому же теперь решительно отказывается служить. Единственная надежда на будущее, если оно существует для нас, и если та тихая пристань, о которой Вы говорите и которая доселе была таковою, не подвергнется общей участи наших дней, а про это уже имеются данные». ¹²¹

Вернемся к ПБЭ. Со стороны светских ученых отказы сотрудничать Глубоковский получил от Н. Я. Марра, тогда профессора Петербургского университета, ¹²²

¹¹⁷ Там же. Л. 7—7 об.

¹¹⁸ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 8.

¹¹⁹ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 116. Л. 16—19. Справка включает данные о 35 церковно-исторических или церковно-археологических обществах из 60 существующих, по подсчетам Глубоковского.

¹²⁰ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 12.

¹²¹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 870. Л. 8. Здесь же имеется письмо Тураева еп. Александру (Головину) от 23 декабря 1904 г. о 20 абиссинских рукописях, пожертвованных преосвященным в СПбДА, с кратким их описанием (Там же. Л. 10—13 об.).

¹²² 17/30 июля 1920 г. в день тезоименитства Тураева († 10/23 июля 1920 г.) на заседании Палестинского общества Глубоковский произнес речь, посвященную его памяти. Автограф хранится в фонде Глубоковского в ОР РНБ (Ф. 194. Оп. 2. Д. 29, в конце приведен перечень работ Тураева и литературы о нем). Через месяц, в 40-й день по кончине, 18/31 августа, Глубоковский прочитал в Богословском институте (Фонтанка, 44), где Тураев состоял профессором литургики, реферат «Академик, профессор Борис Александрович Тураев как учитель и ученый» (опубликован: *Глубоковский Н. Н.* Б. А. Тураев как христианский учитель и ученый // *Русская мысль*. 1923. Кн. 9—12 (Прага, 1924). С. 378—398; перепечатан: *Воскресное чтение* (Варшава). 1929. № 11. С. 169—173; № 11-а. С. 185—187; № 13. С. 198—205). В зале Богословского института присутствовали иерархи (еп. Олонекский Евфимий, еп. Кронштадтский Венедикт), академики Ф. И. Успенский, В. В. Латышев, И. Ю. Крачковский, Э. Л. Радлов, бывший обер-прокурор Св. Синода С. М. Лукьянов, профессор И. А. Карабинов и, по словам Глубоковского, «интеллигенция вообще». В его фонде имеется письмо В. Д. Юшманова от 19 августа / 1 сентября, также находившегося в этом зале: «С чувством истинного утешения и нравственного удовлетворения прослушал я вчера Ваш мастерски изложенный доклад о приснопамятном Борисе Александровиче, многое впервые узнал о жизни и деятельности почившего праведника. Сердечно благодарен Вам как за доставленное истомленной душе моей отрадное чувство удовлетворения раскрытием смысла “текущих событий”, так и за любезное письменное приглашение на вчерашнее собрание...» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 929). На следующий день по городу распространились слухи, что ректор Богословского института Н. Чуков (впоследствии митр. С.-Петербургский Григорий) и Глубоковский, состоявший профессором института по кафедре Св. Писания, арестованы.

¹²³ «Сейчас для меня совершенно ясно, — писал Марр в конце октября 1904 г., — что при всем желании не могу сотрудничать за недостатком времени» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 604. Л. 3). Он рекомендовал своих учеников Н. Г. Адонца (по армянским вопросам) и И. А. Дживегелова. В фонде Глубоковского имеется еще одно письмо Марра (сентябрь 1903 г.), в котором тот благодарит за присланные работы «Греческий рукописный Евангелистариум» и «Греческий язык Библии по современному состоянию науки».

Н. М. Каринского и П. К. Коковцова. Последний также просил Глубоковского отложить помещение о нем заметки в ПБЭ до его смерти, подчеркивая, что занимает кафедру еврейско-ассирийской словесности в университете и его труды не носят богословского характера. Глубоковский обратился за советом к Тураеву, и тот в письме от 23 января 1905 г. рекомендовал Глубоковскому самому написать заметку о Коковцове, воспользовавшись сведениями, помещенными в Биографическом словаре университета. «Из ученых трудов для богословов наиболее интересный, — добавлял Тураев, — Сирийский Райт, о чем Вы даже писали рецензию («Странник», 1904, № 6 (июнь), стр. 994—996. — *Примеч. Н. Глубоковского*), из прочих следует упомянуть Нирабские и Пальмирские надписи (в Зап<исках> Вост<очного> отд. и в Изв. Константинопольского института), да пожалуй “Чудеса св. Николая, еп. Мир<ликийского>” (Зап<иски> В<осточного> отд. Т. IX, 1896). Следует сказать о его переводческой деятельности для Урмии».¹²³ В феврале 1906 г. Глубоковский послал Коковцову 1-й том своего капитального труда «Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу», в марте 1907 г. — «Журналы заседаний Предсоборного Присутствия» (Т. 1—4), в которых нашли отражение материалы, связанные с обсуждением церковной реформы. Глубоковский был одним из авторитетнейших участников Присутствия. В ответ Коковцов замечает, что эти материалы для него «как русского и православного человека не могут не иметь интереса».¹²⁴ В письме от 10 сентября 1907 г. он благодарит Глубоковского за присылку брошюры «По вопросам духовной школы» и выражает свою поддержку высказанного в ней мнения о необходимости серьезной научной постановки библейско-еврейского языкознания и вообще изучения библейских текстов.¹²⁵ В апреле 1911 г., когда шла работа над подготовкой к печати 12-го тома ПБЭ (расширение энциклопедии сильно сдвинуло расположение материала в томах), Глубоковский вновь обратился к Коковцову за разрешением поместить о нем краткую библиографическую заметку. «Мне решительно невозможно уклониться от непреодолимой обязанности сообщить некоторые сведения о нашем семитологе и наилучшем гебраисте, — писал он 9 апреля. — На меня пало бы несмыслаемое обвинение, если бы я умолчал о Вас, а Вам не м<ожет> б<ыть> неловко помещение в таком томе, где будет обширная биография Н. П. Кондакова. Позвольте мне исполнить долг редакторский пред наукой и — почтения пред Вами».¹²⁶ На этот раз Коковцов согласился, но просил, чтобы заметка не содержала каких-либо субъективных оценок. Он также сообщал, что с 1909—1910 г. читает в университете лекции по ассириологии и много занимается клинописью. В дальнейшем оба ученых продолжают обмениваться книгами и консультациями.¹²⁷ В последнем имеющемся в архиве Глубоковского письме от 8 января 1918 г. Коковцов благодарит Глубоковского

¹²³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 870, Л. 2. Здесь же (Л. 3 об.) заметка Глубоковского: «Коковцов Павел Константинович, представитель единственной у нас университетской кафедры по иудейскому (библейскому) языку и наилучший знаток талмудической и вообще иудейской письменности, знание которой столь важно не только в отношении к иудейству, но и для понимания исторических условий основания, утверждения и распространения христианства; нужно заметить, что П. К. трудится здесь с редким самоотвержением и крупными успехами».

¹²⁴ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 527. Л. 7.

¹²⁵ Там же. Л. 8—9.

¹²⁶ ПФА РАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 89. Л. 3—4.

¹²⁷ «Душевно благодарю за Вашу брошюру о “Логике Авиасафа”, — пишет Глубоковский 17 мая 1912 г., — я прочел ее за один дух с напряжением, интересом и нахожу Ваше решение вполне правильным» (ПФА РАН. Ф. 779. Д. 89. Л. 5). Он просил указать, где можно навести краткую справку о еврейском писателе XV в. Аврааме из Каталонии, авторе сочинения «Neue Schalom», и вообще о других «позднейших (послеталмудических и средневековых) писателях». В свою очередь Коковцов обращается к Глубоковскому за консультациями по древнееврейской литературе и древних раввинах, благодарит за присланные брошюры: «О Квириниевой переписи по связи ее с Рождеством Христовым» (Киев, 1913) и «Искупление и Искупитель» (Пг., 1917).

за инициативу по избранию в почетные члены ПДА, научная деятельность и научные интересы которой всегда были ему «особенно близки и дороги», и в связи с переживаемым Академией кризисом выражает надежду, что «настоящее тяжелое переходное время не долго продлится и что религиозные интересы в скором времени будут снова поставлены, как и прежде, во главу угла».¹²⁸ 26 января 1918 г. в день избрания Коковцова в почетные члены ПДА Глубоковский пишет ему: «Сердечно приветствую Вас как нашего почетного члена... Рад этому душевно. Весьма вероятно, что Академия доживает последние дни своего научно-педагогического существования, но пусть же ее закат озарится Вашим достойным именем, которое останется для нас примером прекрасным [нрзб.] высоких задач и идеальных стремлений богословской науки. Да хранит Вас Христос Господь!».¹²⁹

И вновь вернемся к изданию ПБЭ. Основную часть сотрудников составляли преподаватели Духовных академий Москвы, Киева, Казани, Петербурга, а также бывшие выпускники Духовных академий, преподающие в университетах. Среди тех, к которым Глубоковский обращался с предложением принять участие в энциклопедии, но по тем или иным причинам получил отказ, были Н. П. Виноградов, Н. А. Заозерский, А. А. Олесницкий, М. Якубовский и др. 24 октября 1904 г. в надежде «на скорый и благожелательный ответ» и «благоволительное участие» Глубоковский обратился к А. А. Дмитриевскому, предложив ему для написания 9 статей. Выражая полное сочувствие редакторской деятельности Глубоковского и радуясь тому, что энциклопедия «попала в надежные руки», Дмитриевский 9 ноября пишет, что дать свое согласие на сотрудничество у него «не хватает ни духу, ни сил», к тому же работа «на заказ и наспех» не в его правилах (Глубоковский просил статьи на букву «И» к середине декабря). «В числе же задач, данных Вами, — замечает он в том же письме, — стоят Катакомбы, о которых мало года, чтобы написать что-нибудь путное по этому вопросу, литература коего необъятна. Не лучше Керчь и т. п.».¹³⁰ Не без иронии он советовал обратиться к преподавателю Петроградской семинарии С. А. Петровскому, достаточно часто фигурировавшему в качестве автора статей ПБЭ на разные темы: «Ему извинительно с легким сердцем единым взмахом пера разорубить все научные гордые узлы, а на нас, сами знаете, будут пальцем указывать...».¹³¹ По поводу других предложенных тем (Иерусалим, Киверий, Канонник) Дмитриевский замечал, что о них «можно было бы писать без особых затруднений, но разбрасываться по мелочам не стоит».¹³² Он упоминал, что заканчивает исследование о византийских императорских купальнях, работа над которым задерживает выход его новой книги, куда он и намерен направить «свою научную любознательность». Не желая огорчать Глубоковского отказом и полным устранением от издания ПБЭ, Дмитриевский обещал обратиться к профессору Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковскому с просьбой написать статью о Керчи с христианской археологической точки зрения, выражая готовность в будущем самому написать на темы «чисто литургические, но под условием заказа на более продолжительный срок». «Темы: Служебника, Требника, Типика и т. п., — замечает он в том же письме, — пусть будут за мною, и я надеюсь дать любопытные очерки».¹³³ Воспользовавшись данным Дмитриевским обещанием, Глубоковский обратился к нему за статьей о «Каноннике», но снова получил отказ. «Книга “Канонник” русского изобретения, явилась в Киеве и истории не имеет», — пишет Дмитриевский 2 декабря 1904 г. и советует воспользоваться для «Канонника» книгою

¹²⁸ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 527. Л. 20.

¹²⁹ ПФА РАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 89. Л. 9.

¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 441. Л. 1 об., 1.

¹³¹ Там же. Л. 1—1 об.

¹³² Там же. Л. 1 об.

¹³³ Там же. Л. 1 об.—2.

А. И. Никольского «Обозрение богослужебных книг».¹³⁴ В отношении Ю. А. Кулаковского Дмитриевский сдержал свое обещание и 20 января выслал его статью о Керчи. Статья о катакомбах была написана Е. К. Рединым. Сам Дмитриевский так и не написал для энциклопедии ни одной статьи.

Среди сотрудников ПБЭ и корреспондентов Глубоковского был директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский. «Я думаю, что следует всячески содействовать полезному делу, к участию в котором Вы приложили силы, — пишет он Глубоковскому 19 апреля 1905 г. в ответ на просьбу написать статью о крестовых походах, — поэтому я не могу иначе ответить, как согласием прислать Вам к обозначенному Вами сроку требуемую статью».¹³⁵ Воспользовавшись присланным Глубоковским словником на буквы К и Л, Успенский взял на себя также статьи о Латинской империи и Льве Исавре (начало иконоборческого движения). В качестве возможного автора статей для энциклопедии он рекомендовал секретаря Русского археологического института Б. А. Панченко.¹³⁶ «Глубоко признателен за доброе письмо Ваше, — пишет Глубоковский 25 апреля 1905 г. — Дорого Ваше авторитетное и ценное участие, но для меня лично не менее важно Ваше ободряющее суждение о самом деле. Трудно оно и вообще, а в России почти непреодолимо и при наличных обстоятельствах создает редактору и бездну всяких трудов и массу всевозможных мук, не давая пока ни малейшей радости (духовной). Таковое сочувствие немногих благородных и высоких умов поддерживает меня в решимости, которая начала было иссякать уже на первом (VI) томе редакторства моего. Тяжело работать в наше ужасное время... Думаю, и у Вас теперь несладко, и светлая мечта о кресте на св. Софии перестала быть даже сладкою утопией. Недаром, говорят, здесь, что русский посол уже не смеет показываться в Порте и вынужден действовать... чрез австрияка».¹³⁷ Глубоковский просил также оказать содействие И. Д. Андрееву, собиравшемуся написать статью о Константинополе и ради этого желавшему побывать в Стамбуле.

Среди статей подготовленного, но не изданного 13-го тома ПБЭ сохранилось письмо самого Андреева. Посылая статью о Константинополе, Андреев замечал, что она написана «под гнетом мысли, что много». «К статье может быть предъявлено много обвинений по частным позициям. Но этих обвинений не избежит ни одна статья, писанная теперь о К<онстантинопо>ле. Человек с совестью в настоящее время, когда пишет о старом К<онстантинопо>ле, должен чувствовать себя в положении коровы на льду. Каждый шаг вперед грозит падением. Доселе думали, что о К<онстантинопо>ле известно много. Теперь люди умные думают, что о нем неизвестно почти ничего. До поездки в К<онстантинопо>ль, я, напр., считал непогрешительным Н. П. Кондакова. Но там я узнал, что даже главная работа его о К<онстантинопо>ле — о Кахриз-джами — оспаривается в самых основных выводах... Я лично в настоящее время считаю надежными только работы Millingen'a — о стелах, Стриговского — о водоснабжении и отчасти работы Murdtmann'a. В речи о храмах я держался Н. П. Кондакова. Но его выводам и помимо Кахриз-джами

¹³⁴ Там же. Л. 3. Три письма (за 1904—1922 гг.) Глубоковского Дмитриевскому см.: ОР РНБ. Ф. 253. Д. 409. В одном из них (январь 1916 г.) Глубоковский, сообщая об исполнении поручения Палестинского общества по рассмотрению некой рукописи, содержащей «исключительно наклеенный славянский текст Евангелий в “хронологически-систематическом порядке”», и о своей готовности исполнять подобные поручения и впредь, просит высылать ему «Сообщения», издаваемые обществом, «чтобы быть ближе к его деятельности и запросам», и высказывает некоторые пожелания относительно издания книги А. А. Олесницкого (Там же. Л. 3—4 об.).

¹³⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 883. Л. 1.

¹³⁶ Там же. Л. 5 об. В фонде Глубоковского есть письма и самого Б. А. Панченко, связанные с подготовкой статей для ПБЭ (Там же. Д. 680).

¹³⁷ ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 84. Л. 1—2 об.

угрожают многие возражения. Отсюда во многих местах я гнул [?] на подробности. Только теперь начались настоящие заправские работы над средневековым Константинополем. Каждый год будет приносить большие новости. Наш Институт достиг много. А пока обо всем почти можно спорить без конца».¹³⁸

Несмотря на все трудности, Глубоковский стремился собрать вокруг ПБЭ лучшие имена русской науки. Считая, что энциклопедия должна быть особенно внимательно ко всем православным автокефальным церквам в их новейших проявлениях, он обращался к И. С. Пальмову как «единственному и исключительному» специалисту по славянству. «На Вас вся надежда, ибо нам стыдно будет пробавляться компиляциями в нашей собственной области, и я скорее предпочту молчание пузыря».¹³⁹ Напоминая и торопя со статьями, он писал: «Я прошу Вашей авторитетной помощи своими статьями не ради меня, конечно, а ради нашего дела».¹⁴⁰ В переписке Глубоковского имеются также свидетельства его стремления привлечь к изданию энциклопедии В. О. Ключевского. Профессор МДА по кафедре философии и один из активных сотрудников энциклопедии С. С. Глаголев (в прошлом сокурсник Глубоковского) в ноябре 1904 г. сообщил Глубоковскому, что Ключевский «по-видимому не прочь принять участие в Энциклопедии», и советовал послать ему вышедшие тома. «Его имя, понятно, имеет громадное значение, — замечал он. — Но громадное значение могут иметь и его указания, а таковые он во всяком случае готов дать».¹⁴¹ В письме от 20 декабря Глаголев высказывает предположение о возможности получить разрешение Ключевского на перепечатку его статей. По-видимому, переговоры ни к чему не привели: в ПБЭ статей Ключевского нет.

Помимо сложностей внутреннего характера, связанных с подбором сотрудников и получением статей к сроку, издание встречало препятствия со стороны Синода. Назначение Глубоковского цензором потеряло всякое практическое значение с введением свободы печати; все другие приложения «Странника» печатались бесцензурно, но Глубоковский, по собственному признанию, «предпочитал ставить на энциклопедии свое цензурное разрешение для ограждения доверенного» ему издания, которому, по его мнению, постоянно угрожала опасность.¹⁴² В его записной книжке есть несколько крайне важных свидетельств по этому поводу. Так, он упоминает о том, что в самом начале декабря 1907 г. митрополит Антоний (Вадковский) при их случайной встрече в своей Канцелярии выразил неудовольствие по поводу помещения в 7-м томе «неправославной» статьи А. П. Лебедева «Иерархия первохристианская и ее происхождение» и сообщил, что передал ее для рассмотрения находившемуся тогда в Петербурге архиепископу Херсонскому Димитрию (Ковальницкому) (отметим, что первоначально статью на эту тему написал И. И. Соколов, но затем Глубоковский заменил ее на статью Лебедева). Приведем дальнейший рассказ Глубоковского: «Я не обратил тогда особенно внимания и только в декабре 1907 г. на именинах у архиепископа Николая (Зиорова), в его квартире, мимоходом заметил м-ту Антонию, что его подозрения по отношению ко мне считаю обидными и несправедливыми. Он сослался на Димитрия, и я имел с последним немало объяснений, в результате чего еще в 1-й половине декабря 1907 г. последовал успокоительный доклад Димитрия м-ту Антонию».¹⁴³ Однако

¹³⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 467. Л. 801 об.—802. Автограф статьи и гранки с правкой Глубоковского см.: ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 948.

¹³⁹ ОР РНБ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 222. Л. 1 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 25 об.

¹⁴¹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 397. Л. 4.

¹⁴² Там же. Д. 29. Л. 16.

¹⁴³ Там же. Глубоковский хорошо знал архиепископа Димитрия по работе во 2-м отделе Предсоборного Присутствия (1906 г.). В его фонде есть письма Димитрия за 1906—1909 гг., затрагивающие широкий спектр вопросов (Там же. Д. 438).

история на этом не кончилась, и вечером 24 января 1908 г. Глубоковский получил от помощника управляющего Канцелярией Св. Синода Н. В. Маркова (сотрудника ПБЭ) «доверительное письмо» о том, что на происходившем в этот день заседании Синода, где присутствовали митрополит Антоний (Вадковский), архиепископ Тверской Алексей (Опоцкий), архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), протопресвитер И. Л. Янышев (в 1866—1883 гг. ректор СПбДА) и протопресвитер А. А. Желобовский, архиепископ Сергей, также рассматривавший статью А. П. Лебедева по поручению митрополита Антония, доложил Синоду «свои впечатления в неблагоприятном» для Глубоковского смысле, и посему у него хотели отнять право самостоятельной цензуры, подчинив издание энциклопедии «спасительному якобы просмотру духовной цензуры». Против этого возражал И. Л. Янышев. В результате обсуждения было решено сначала почитать все отредактированные Глубоковским тома и «лишь потом рассудить о подцензурности». Готовность поддержать Глубоковского выразил и обер-прокурор Синода П. П. Извольский, считавший, что нельзя из-за одного хотя бы даже промаха «затрагивать такой авторитет, как Николай Никанорович Глубоковский». Сам Глубоковский считал эти упреки и угрозы подцензурностью совершенно непонятными и отчасти объяснял их «непостижимым ослеплением» своих обвинителей, в частности архиепископа Сергея (Страгородского), который, по словам Глубоковского, еще со времен ректуры в СПбДА «таил на меня злобу». Он делает следующую запись в этой связи: «Цензура теперь в России вовсе не обязательна, и теперь Энциклопедия просто будет выходить бесцензурно, и зачем Синод может отбирать у меня права, теперь совершенно ему бесполезные. Значит, с этой стороны я безопасен, но вся эта история тяжела для меня в моральном отношении, что в год исполнившегося (3 июня 1908 г.) 25-летия моей литературной деятельности нашли нужным без всякого повода почтить чуть не анафемою именно Св. Синод, тогда как помимо всего прочего — для него самого, для всех его учреждений и лиц (включая сюда м-та Антония и архиеп. Сергея) я оказывал массу учено-литературных услуг с невероятным усердием и полным самопожертвованием своими интересами (времени, здоровья, материальных нужд). За все это я не имел даже простого “спасибо”, а чувствовал постоянную к себе недоверие, испытывал нередко прямые [нрзб.] и огорчения и получаю уже не первую анафему... Но Господь с ними! Пребуду верен до смерти своему служению, как я понимаю его по совести, и ради него остаюсь в духовном ведомстве при Академии, хотя многократно меня приглашали и даже упрашивали перейти в университет Московский и С.-Петербургский. Солдат не должен бежать со своего поста именно при наибольшей опасности для святого дела. Что до существа, то я считаю безнадежным трактовать со своими черноризными судьями по проблемам, о которых можно догадаться и по моим намекам в статье о проф. Лебедеве А. П.... в “Страннике”, 1908, IX, стр. 287—290».¹⁴⁴ Глубоковский отмечал также, что 7-й том был отмечен положительной статьей в издаваемых Св. Синодом «Церковных ведомостях», а сама статья А. П. Лебедева первоначально была напечатана в «Богословском вестнике», издаваемом при МДА, и разрешена к печати ректором МДА епископом Евдокимом (Мещерским), а затем была дважды пересказана в журнале СПбДА «Христианское чтение», причем во втором случае цензурно разрешена ректором СПбДА епископом Сергием (Тихомировым). Глубоковский получил от А. П. Лебедева печатный оттиск статьи и «на собственный страх немного сократил и значительно сгладил ее». «Относительно же постановления, чтобы члены Св. Синода почитали отредактированные мною тома Эн<циклопе>дии, я мало верю в серьезное его исполнение, — продолжает он свой рассказ, —

¹⁴⁴ Там же. Д. 29. Л. 16 об., 17.

но пока по поводу этого намерения с радостью повторяю слова Ап. Павла к Филипп. 1, 18 сл. «Истина перестала бы быть таковою, если бы не приходилось за нее страдать и ради ее бедствовать». Профессор Николай Глубоковский, 1908, IX, 25 (четверг) в 11 3/4 дня. СПб., Нев. пр. 180, кв. 5».¹⁴⁵

Глубоковский тяжело переживал эту конфликтную ситуацию, отголоски которой мы встречаем в переписке с А. П. Лебедевым и др. Один из сотрудников ПБЭ, И. А. Бродович, писал в феврале 1908 г., что не предполагал наличия тех трудностей, в том числе финансового характера, которые постоянно приходилось испытывать Глубоковскому. «С монахами каши не сварить, — замечал он, — а потому Вы объявите им бойкот, который должен состоять лишь в двух пунктах: 1) в возможно кратком изображении их деятельности (в Энциклопедии) и 2) в непопадании их портретов в издание. И то и другое будет для них весьма чувствительно».¹⁴⁶ Под влиянием информации, полученной от Глубоковского, Бродович написал статью «Высший иерархический режим и русская богословская горе-наука, которую отправил в редакцию «Русских ведомостей», но вскоре получил обратно без объяснения причин отказа печатать. Прежде чем отправить ее в «Речь», он отослал статью на просмотр Глубоковскому. Судя по переписке, она была весьма резкая по тону, в ней упоминались члены тогдашнего Синода: митрополиты Антоний (Вадковский) и Флавиан (Городецкий), епископы Серафим (Чичагов) и Гермоген (Долганев). В январе 1909 г. тот же Бродович замечал: «Думаю и даже уверен, что Вам, Н. Н., придется испытать еще немало неприятностей и злоключений из-за своего детища — энциклопедии, которое Вы развиваете так тщательно и свободно».¹⁴⁷

Как известно, издание ПБЭ прервалось на 12-м томе, вышедшем в 1911 г. В переписке встречаются косвенные указания на время и причины прекращения издания, а также на то, что работа самого Глубоковского как редактора продолжалась до весны 1914 г. либо не прекращалась совсем вплоть до лета 1917 г. В сентябре 1913 г. Глубоковский писал Тураеву, отвечая на вопрос о судьбе ПБЭ: «Энциклопедия — моя болезнь: о судьбе ее — увы! — ничего не знаю, а когда выяснится окончательная безнадежность, возвращаю Вам коптов Ваших».¹⁴⁸ Спустя три месяца, в декабре, он сообщал, что ПБЭ «пока пропала».¹⁴⁹ Еще через несколько месяцев, 5 марта 1914 г., в письме Г. Э. Зенгеру Глубоковский замечал, что энциклопедия «не была поддержана и провалилась окончательно», а если и будет издаваться, то без него, «ибо вне ученых (хотя бы и не слишком специальных) интересов».¹⁵⁰ «Итак, Вы ликвидируете ученую часть того предприятия, которое погублено “Странником”. А дал ли он обещанный том сохраненной энциклопедии?», — спрашивал Глубоковского в январе 1915 г. Харлампович.¹⁵¹ Исходя из этих свидетельств, можно предположить, что одна из причин, и возможно, главных, находилась в сфере взаимоотношений редакции вышеназванного журнала и Глубоковского, а также финансовых затруднений редакции.¹⁵² В фонде Глубоковского имеется письмо от 9 апреля 1915 г. его бывшего сокурсника, чиновника Синода П. В. Гурьева, выражавшего согласие подготовить для энциклопедии статью о журнале «Кормчий».¹⁵³

¹⁴⁵ Там же. Л. 17.

¹⁴⁶ Там же. Д. 344. Л. 28.

¹⁴⁷ Там же. Л. 35 об.

¹⁴⁸ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 7.

¹⁴⁹ Там же. Л. 9.

¹⁵⁰ МФА РАН. Ф. 504. Д. 72. Л. 31.

¹⁵¹ Там же. Д. 896. Л. 15.

¹⁵² В одном из писем Ф. И. Успенскому (октябрь 1907 г.) Глубоковский сообщал о финансовых затруднениях издателя, которые замедляют печатание энциклопедии, к тому же недавний пожар уничтожил «весь книжный склад, почему ближайший том выйдет почти в половинном размере» (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 84. Л. 3 об.—4).

¹⁵³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 431. Л. 5.

Это подтверждает, что сам Глубоковский фактически не прекращал работы над ПБЭ. Кроме того, в августе 1916 г. Издательским советом Св. Синода он назначается редактором и руководителем издания ПБЭ, однако не сразу принял предложение Синода: «невежливость руководителей издательского дела в Синоде» (как выразился один из его корреспондентов) побудила его первоначально отклонить сделанное предложение. Понимая и сочувствуя Глубоковскому, Харлампович уговаривал «во имя русской науки» согласиться вновь взять издание ПБЭ в свои руки.¹⁵⁴ В дни, когда Глубоковский отмечал 25-летие преподавания в Академии (октябрь 1916 г.), он получил письмо от П. А. Лахотского, почитателя его научно-литературной деятельности, в котором также содержалась просьба поработать над завершением энциклопедии: «Православное духовенство поблагодарит Вас за этот труд молитвою о Вас Богу, а Ваши обширные и глубокие познания найдут здесь достойное применение».¹⁵⁵ Возобновление активной работы над изданием ПБЭ отразилось в переписке Глубоковского с конца 1916 г. «Что же, будет ли издаваться Богословская Энциклопедия в Петрограде или Чернигове?»¹⁵⁶ — интересовался 2 декабря Харлампович. Те статьи, которые Глубоковский вернул авторам, ему пришлось срочно собирать обратно. В частности, в феврале 1917 г. он просил Тураева прислать, и как можно скорее, статью о Коптской церкви и ряд других.¹⁵⁷

Неопубликованная часть ПБЭ хранится в РГИА: 9 папок содержат около 1000 статей (подавляющая часть на буквы К—Л, около 40 статей на букву М и несколько на букву Н) с редакторскими пометами Глубоковского.¹⁵⁸ По количеству статей они составляют примерно 1/5 от общего объема 12 изданных томов. Папка со статьями (Константинопольская церковь в ее истории и устройстве — А. Н. Коржавин) представляет подготовленный к набору 13-й том. Подавляющая часть его (почти 600 листов) посвящена истории Константинопольской церкви. Среди авторов статей: И. И. Соколов, С. М. Зарин, А. П. Лебедев, В. Н. Мышцын, Б. А. Панченко, Х. М. Лопарев, К. Я. Здравомыслов, А. И. Соболевский, А. С. Хаханов, А. И. Покровский, А. П. Доброклонский, М. Н. Сперанский, А. И. Алмазов. Определяющая для тома статья «Константинопольская церковь в ее истории и устройстве» написана И. И. Соколовым.¹⁵⁹ Среди статей встречаются письма их авторов. Один из них в письме от 12 февраля 1917 г. приветствует Глубоковского с возобновлением издания ПБЭ.¹⁶⁰ Обращает на себя внимание статья «Корнилий Выговский», под которой стоит дата: 29 апреля 1917 г. Все это свидетельствует о том, что до лета 1917 г. Глубоковский работал над изданием ПБЭ.¹⁶¹

24 июня 1914 г. исполнялось 25-летие научно-литературной, 21 октября 1916 г. — 25-летие преподавательской деятельности Н. Н. Глубоковского в ПДА. Он получил массу поздравительных адресов, писем, телеграмм от различных учреждений, иерархов Русской Православной церкви, учителей и товарищей по МДА, учеников по ПДА, от светских и духовных ученых, земляков, просто незнакомых ему людей, почитателей его научной деятельности, которые были даже в «заглушенной провинции». В фонде Глубоковского в ЦГИА СПб. имеется несколько дел с

¹⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Д. 14. Л. 125 об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 145 об.

¹⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 896. Л. 24.

¹⁵⁷ Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 156. Л. 11; РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 458. Л. 17.

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 460—468.

¹⁵⁹ Там же. Д. 466. Л. 1—222.

¹⁶⁰ Там же. Д. 460. Л. 273—274.

¹⁶¹ В одном из писем (февраль 1919 г.) Глубоковский пишет, что издатель журнала «Странник» и ПБЭ С. А. Артемьев «давно скрывается от сотрудников, которым ничего не заплатил (...и мне, как редактору Богословской Энциклопедии), где-то в Финляндии» (ПФА РАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 89. Л. 16).

этими юбилейными материалами. В них отмечалось блестящее и самоотверженное служение юбиляра науке. Глубоковского сравнивали с Оригеном, называли Геркулесом русской богословской науки. «Лиц, подобных Вам, по силе, серьезности, глубине мышления, по богатой эрудиции и вообще-то очень немного, а среди богословов-профессоров, Вы, безусловно, не имеете себе равных»,¹⁶² — писал ему профессор МДА Н. В. Лысогорский. Теплые письма, полные любви и почтения, преклонения, благодарной памяти и ученической гордости, получил Глубоковский от бывших учеников. «Кто из нас, Ваших учеников, сидя у своего домашнего очага, не вспоминает Вас с благодарной теплой памятью, склоняясь пред Вашим ученым обликом в чувстве глубокого почтения и уважения»,¹⁶³ — писал один из них. «Летом, путешествуя по нашим родным краям, я многократно встречался с живым выражением глубокой духовной удовлетворенности наших земляков Вашей ученой всесветной славой, поднимающей как бы значение Вологодского края, как слава Ломоносова сообщила всесветную известность Архангельску и Холмограм. Вас знают и чтут многие Вам лично неведомые земляки, в связи с Вашим именем поднимается в их глазах значение нашей родной семинарии, мощь и бодрость чувствуется в связи с Вашим именем ученого, с представлением просто цельного и сильного человека»,¹⁶⁴ — замечал профессор КДА Н. П. Смирнов, земляк Глубоковского.

В одном из дел, где собраны юбилейные материалы за 1914 г., находится письмо доцента МДА Н. Д. Протасова, относящееся к лету 1914 г. Первые строки этого письма — поздравление по случаю юбилея, а далее содержится интересный рассказ о заграничной командировке Протасова. Приводим его полностью: «В настоящее время представляю из себя нечто вроде странствующего рыцаря. Уже два месяца как покинул я культурные города Италии и ежедневно странствую из городка в маленькие селения горной Атулии. Я уже писал Вам, что конец своей заграничной командировки хочу использовать в обследовании пещерных храмов Южной Италии. В настоящий раз я обследовал только Атулию. Материал я собрал большой, интересный и важный для истории христианского храма. Открыл я много еще неизвестных дотоле гротов с византийскими фресками XI—XIV вв. Если бы Вы только видели, что это за материал, Вы поняли бы тот мой восторг, в котором я нахожусь. Сейчас у меня уже около 300 фотографий, много зарисовок и т. д. Интересно, что даже здешние археологи не знали о существовании многих этих храмов, устроенных монахами-выходцами из Греции. Правда, работать очень трудно. Много лишений и оскорблений я вынес и выношу от грубого населения Южной Италии. Не раз меня травили собаками, хотели побить и пр. Но Бог спасал меня. Сейчас уже имею предложение издать собранный материал в одном итальянском журнале, но я отказался, ибо этот материал должен быть русским даже по буквам. Теперь для меня выясняется необходимость также обследовать пещерные храмы Кампани и Калибри, после чего нужно будет перейти в Малую Азию, откуда вышли эти *Salogeri*. Только тогда, я думаю, можно будет вполне правильно трактовать о восточном храме купальном [нрзб.] с его иконостасом».¹⁶⁵ Это письмо дополняют несколько писем Протасова, имеющиеся в другом деле этого же фонда и относящиеся к осени 1914 г. Из них следует, что Глубоковский рекомендовал Протасова Кондакову с целью помочь изданию итальянских заметок и фотографий с зарисовками. Трудность для издательства представляли именно иллюстративные материалы. В одном из писем Протасов сообщал, что предложил избрать

¹⁶² ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 14. Л. 76 об.

¹⁶³ Там же. Л. 186 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 184.

¹⁶⁵ Там же. Д. 12. Л. 188—189.

Кондакова в почетные члены МДА, но встретил активное сопротивление со стороны профессора А. И. Алмазова, который «уличал» Кондакова «в каких-то нечистых приемах в науке, неверии и пр.». В результате дело об избрании провалилось.¹⁶⁶

14 ноября 1916 г. Глубоковский был избран почетным членом Петроградского Славянского благотворительного общества «во внимание к просветительным трудам на пользу славянского дела и неизменно внимательному и отзывчивому отношению к просьбам Славянского общества».¹⁶⁷ Уведомление об избрании председатель общества А. И. Соболевский лично доставил Глубоковскому 18 ноября в пятницу в 9 часов вечера. В ответном послании, отправленном на следующий день, Глубоковский писал: «Глубоко признателен Петроградскому Славянскому благотворительному обществу за избрание меня в почетные члены, каковое звание принимаю с чувством искреннего признания и душевного удовлетворения. Мне в высокой степени отрадно быть сопричастным к достойному сонму поборников славянского дела на благо процветания всех славянских народов под покровительством, защитой и в союзе России по заветам святых Первоучителей и Просветителей славян, то есть во имя высших начал вселенской правды Божией, спасительной для всего мира и потому открывающей свободу самостоятельного мирного развития всему человечеству».¹⁶⁸

Относительно участия Глубоковского в деятельности Палестинского общества архивные материалы, обнаруженные нами, скупы. В фонде Глубоковского имеется типовое письмо № 1384 от 7 января 1893 г. на бланке Императорского Православного Палестинского общества, содержащее просьбу «не отказать в деятельном сочувствии» в осуществлении проекта по расширению программы «Сообщений» общества, включая материалы по библейской и православной церковной истории, археологии и географии, а также по современному положению Православной церкви на Востоке.¹⁶⁹ По-видимому, Глубоковский не откликнулся на это обращение. Его связи с Палестинским обществом активизируются в период первой мировой войны. В формулярном списке он указывает, что с января 1915 г. являлся членом совещания по вопросу о русских научных интересах в Палестине. 3 января 1917 г. Глубоковского приглашают для участия в совещании Палестинского общества по делам Палестины, Афона, Синая, Египта по Бар-Градскому вопросу. 9 апреля он избирается действительным членом Палестинского общества ввиду «трудов, посвященных научной разработке интересующих Общество вопросов палестиноведения и изучению сегодняшнего положения Св. Земли». Он принимает участие в совещании 10 декабря 1917 г. об ограждении русских научных и религиозных интересов в Палестине в связи с обнародованной английским правительством декларацией. С 22 (9) мая 1921 г. Глубоковский являлся товарищем председателя Палестинского общества.¹⁷⁰

Положение Духовных академий ухудшилось задолго до октября 1917 г. Духовная школа переживала кризис, разрешение которого связывалось с проведением широкой церковной реформы. Дальнейшее развитие богословской науки Глубоковский видел в создании свободных богословских факультетов в стенах университетов, о необходимости которых говорил с 1905 г. Война и революция обнажили проблемы духовной школы, в первую очередь обострив материальные и финансовые.

¹⁶⁶ Там же. Д. 10. Л. 55 об.

¹⁶⁷ Там же. Д. 6. Л. 26.

¹⁶⁸ Там же. Л. 28.

¹⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1109.

¹⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об.—23 об.

Многочисленные свидетельства этого мы находим в документах академических архивов и переписке профессоров. Так, старейший профессор КазДА Ф. А. Курганов, отвечая на вопрос Глубоковского о возможности эвакуации ПДА в Казань, сообщал ему 6 октября 1917 г.: «У Вас лихо, да и у нас не лучше. Академию у нас отняли. Пришел в нее и вижу: койки, шкафы, парты, столы и пр. и пр. вынесены во двор и разбросаны как попало вверх ногами, боком и т. п. Многое поломано: чисто монгольское нашествие! Будем помещаться как-нибудь на задворках. Семинарию отняли еще раньше, года за два до всего».¹⁷¹ Свое отношение к происходящему Глубоковский выразил в одном из писем (апрель 1917 г.): «Теперь идет жестокая буря, и мы все должны усугубить горячие молитвы к Небесному Кормчему о спасении. Кажется, настал момент исполнить заповедь о “непротивлении злу”, чтобы не вызвать горшего ожесточения его. Сам я ослабел телом и удручен духом».¹⁷² 17 февраля 1918 г. в ПДА состоялся традиционный годичный акт, на котором был прочитан отчет о состоянии Академии в 1917 г.: семь почетных членов Академии скончались, здание реквизировано под приют для «малолетних преступников», Академия находилась на грани финансового краха, но продолжала бороться за жизнь. С 25 мая по 14 (27) июня 1918 г. по поручению Совета ПДА Глубоковский находился в Москве для сбора информации о судьбе Академии. Он был у патриарха Тихона, митрополита Новгородского Арсения, председателя Училищного совета, протоиерея П. И. Соколова, председателя Учебного комитета при Св. Синоде К. М. Агеева, а также члена Высшего Церковного Совета профессора МДА И. М. Громогласова. Патриарх и митрополит Арсений одобрили намерение Петроградской академии спасать себя своими силами. Общий же вывод — каждая Академия решает свою судьбу индивидуально.

Такой спасительный путь виделся в объединении Академии с Петроградским университетом. Глубоковский состоял членом объединительной Комиссии. Первое ее заседание состоялось 6 (21) февраля 1918 г., следующее — через 2 дня. Он докладывал Совету ПДА, что академические профессора встретили в университете «полную духовную поддержку» и «такую внимательность и заботливую предупредительность, что выше ее не только невозможно желать, но даже нельзя и представить».¹⁷³ Глубоковский был одним из авторов записки «В Совет профессоров Петроградского университета».¹⁷⁴ 18 апреля (1 мая) он писал Марру, принимавшему самое активное участие в этом деле: «Вы были нашим ангелом-хранителем на всех стадиях процесса и счастливо довели вопрос до желанного конца, которым мы обязаны больше всего именно Вашему вдохновенному и благородному участию... Что бы ни оказалось в последнем результате, Ваше имя навсегда неизгладимо сохранится в моем воспоминании как научно-светлое и душевно-дорогое».¹⁷⁵ Свою благодарность Глубоковский просил выразить также Э. Д. Гримму. В случае положительного решения вопроса о соединении он предлагал сразу же организовать занятия по библиологии и христианскому Востоку.

В ПФА РАН и в фонде Глубоковского в ОР РНБ сохранились документы и переписка, касающиеся последних лет его пребывания в России и контактов с Академией наук. Это важная страница в жизни Глубоковского, показательная для характеристики взаимоотношений светских и церковных ученых на личном и корпоративном уровнях. Н. Н. Глубоковский избран членом-корреспондентом II От-

¹⁷¹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 562. Л. 14.

¹⁷² Богданова Т. А. Письма иерархов... С. 85.

¹⁷³ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 250. Л. 10.

¹⁷⁴ См.: Сосуд избранный... С. 215—222.

¹⁷⁵ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 250. Л. 10—10 об.

деления Императорской Академии наук 28 ноября 1909 г. «в знак глубокого уважения к его ученым заслугам в области русского языка и словесности» (Глубоковский принимал участие в подготовке «Словаря русского языка», издаваемого II Отделением ИАН).¹⁷⁶ Он был предложен в кандидаты академиками Н. П. Кондаковым и А. И. Соболевским. Избран всеми голосами, кроме одного, по мнению самого Глубоковского, это был «несомненно» В. И. Ламанский.¹⁷⁷ О своем избрании он узнал вечером 29 ноября из записки Соболевского, которую нашел по возвращении домой вместе с визитной карточкой Кондакова. На следующий день, 30 ноября, он писал последнему: «Неожиданная весть об избрании меня в члены-корреспонденты Академии наук доставила мне единственное в жизни утешение, но лишь любви Вашей я обязан столь редкою духовною радостью».¹⁷⁸ Официально об избрании Глубоковского было объявлено на торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1909 г., и на следующий день он получил официальное извещение об этом, а 31 декабря на имя неперменного секретаря Академии наук кн. Н. Н. Голицына направил благодарственный ответ. По поручению Академии наук Глубоковский написал четыре отзыва на сочинения, представленные на соискание различных премий: Б. В. Титлинова (Уваровская, 1909 г.), В. И. Герье (Ахматовская, 1910 г.), П. А. Прокошева (Макарьевская, 1916 г.) и В. В. Четыркина (Ахматовская, 1917 г.), за которые был награжден золотыми рецензентскими медалями. В этом ряду выделяется сочинение о бл. Августине, принадлежащее светскому историку, профессору Московского университета В. И. Герье. В Архиве Академии наук сохранилась интересная переписка, раскрывающая историю появления этого отзыва. 11 февраля 1910 г. Комиссия по присуждению Ахматовских премий по Историко-филологическому отделению, в которую входили А. С. Лаппо-Данилевский (председатель), М. А. Дьяконов и Н. Я. Марр, постановила обратиться за отзывом на сочинение Герье к профессору Петербургского университета И. М. Гревсу. Ввиду длительного молчания Гревса 6 апреля ему было отправлено повторное обращение за подписью неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга. Гревс ответил в тот же день, объясняя затянувшееся молчание сомнениями относительно возможности дать положительную рецензию на книгу Герье, вызвавшую у него по своему методу, построению материала, выводам ряд критических замечаний, и потому после долгих мучительных колебаний он вынужден был отказаться от почетного для него поручения Академии наук, указав в качестве своей возможной замены на профессора Московского университета С. А. Котляревского, которому, судя по его рецензии в «Вопросах философии и психологии» (1910, январь), книга Герье понравилась. Получив отказ Гревса, члены Комиссии сочли необходимым прежде обратиться к кн. Е. И. Трубецкому и в случае его предполагаемого ими заранее отказа — к Котляревскому. 13 апреля Лаппо-Данилевский отправил Трубецкому официальное предложение. Ответ, пришедший через неделю, был отрицательный. Как писал Трубецкой, у них с Герье и раньше были печатные столкновения

¹⁷⁶ Диплом (№ 1352) хранится в ЦГИА СПб. Ф. 2162. Д. 11. Л. 2.

¹⁷⁷ Имеющиеся в фонде В. И. Ламанского письма Глубоковского свидетельствуют о том, что они были знакомы, по крайней мере заочно, с начала 1890-х гг. Глубоковский считал Ламанского одним из своих учителей и с глубоким почтением относился к нему. В день приезда из Москвы после защиты магистерской Глубоковский писал Ламанскому: «Пред самым отправлением в Москву для магистерского диспута я имел особенное удовольствие получить Ваше любезное и ободряющее письмо и драгоценный подарок к празднику и к случаю, подарок, за который я никогда не буду в силах отблагодарить Вас по достоинству. *Своего...* Феодорита посылаю на днях; если не сделал этого прежде, то исключительно из сознания своего недостойнства, так как считаю свой труд гораздо ниже тех отзывов, какими почтили меня русские и, отмечу, иностранные ученые. Человек несколько иной специальности я, однако же, издавна привык с благоговейнейшим уважением произносить Ваше имя» (ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 445. Л. 1—2).

¹⁷⁸ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 104. Л. 14.

по вопросу «о средневековом мировоззрении»: «Теперь в книге об Августине В. И. Герье защищает точку зрения, диаметрально противоположную моей, и сплошь игнорирует мою книгу. Это обстоятельство в особенности делает для меня нежелательным оказывать какое-либо влияние на присуждение награды за сочинение литературного противника».¹⁷⁹ 9 мая, сообщая об отказе Трубецкого Ольденбургу, Лаппо-Данилевский замечал: «Эта погоня за рецензентом становится несносной и грозит превратиться в нечто хроническое».¹⁸⁰ Тем не менее через несколько дней, 12 мая, Лаппо-Данилевский обращается с той же просьбой к С. А. Котляревскому. Краткий ответ последнего (от 25 мая) гласил, что ввиду напряженных занятий он «лишен возможности дать отзыв» о книге Герье.¹⁸¹ Пересылая это письмо Ольденбургу, Лаппо-Данилевский пишет: «Дорогой Сергей, уж не отложить ли вопрос присуждения премии Герье? Я положительно не знаю, к кому обратиться. Разве еще к проф. СПб. университета Ив. Дм. Андрееву? Он, кажется, занимается историей христианства. Если и он откажется, то уже и не придумашь никого».¹⁸² 31 мая Ольденбург официально обращается к Андрееву и 7 июня получает отказ. Причина — отсутствие времени и «полный беспорядок» библиотеки из-за недавнего пожара. В свою очередь Андреев предложил в качестве возможных рецензентов... Гревса, Трубецкого и профессора КазДА Писарева.¹⁸³ Таким образом круг замыкался. В этот момент в письме Лаппо-Данилевского Ольденбургу появляется фамилия Глубоковского: «Дорогой Сергей, в числе рецензентов, которые могли бы взяться за рецензию книги Герье, указывают на проф. СПб. Дух. Акад. Николая Никаноровича Глубоковского (нашего чл.-кор.), занимавшегося патристикой (его адрес: Невский, 180, кв. 5), а также на А. И. Садова, также проф. здешней Духов. Академии, изучавшего латинских христианских писателей».¹⁸⁴ В этом же деле имеется отписка письма Ольденбурга Глубоковскому с просьбой взять на рецензию сочинение Герье.¹⁸⁵ Ответ был послан в тот же день: «Ваше Превосходительство Сергей Федорович! На отношение Ваше от сего 21 июня за № 2070 сообщаю, что всякое поручение от Императорской Академии наук считаю для себя за особую честь и потому готов принять рассмотрение труда В. И. Герье, но просил бы прислать мне книгу его поскорее, так как на днях уезжаю на Кавказские Минеральные Воды для лечения. С глубоким почтением Николай Глубоковский. 1910, VI, 21 — понедельник».¹⁸⁶ В том же письме Глубоковский интересовался судьбой рецензированного им ранее труда Б. В. Титлинова «Духовная школа в России в XIX столетии». На следующий день, посылая книгу Герье, Ольденбург выражал Глубоковскому искреннюю благодарность за согласие «представить ее разбор» и добавлял, что сочинению Титлинова присуждена малая Уваровская премия, но просил пока не говорить об этом автору.¹⁸⁷ В более чем сжатые сроки Глубоковский написал на книгу Герье весьма пространственный отзыв, который накануне истечения срока подачи отзывов, 14 октября, был препровожден в Академию наук. На основании этого отзыва Герье была присуждена большая Ахматовская премия (1000 р.), а Глубоковскому — золотая рецензентская медаль. 29 декабря он уведомлял Ольденбурга о ее получении: «Свидетельствую Вам свою признательность, радуюсь, что мог более или менее удовлетворительно исполнить Ваше поручение, принятое мною

¹⁷⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1909. Д. 25. Л. 40.

¹⁸⁰ Там же. Л. 39.

¹⁸¹ Там же. Л. 43.

¹⁸² Там же. Л. 42.

¹⁸³ Там же. Л. 47—48.

¹⁸⁴ Там же. Л. 53—54.

¹⁸⁵ Там же. Л. 50.

¹⁸⁶ Там же. Л. 53—53 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 51.

при исключительно трудных условиях».¹⁸⁸ Письма Глубоковского, имеющиеся в фонде Н. П. Кондакова, содержат дополнительные сведения к вышеизложенному. «Заключение мое благоприятное, — замечает Глубоковский в письме от 18—19 октября 1910 г., т. е. вскоре после отправления рецензии, — но, искренне скажу, за самое сочинение никак нельзя дать полной премии» и просит принять во внимание, что в том же конкурсе участвует профессор СПбДА А. А. Бронзов, получивший вполне благоприятный отзыв и «нуждающийся в полной премии уже потому, что он человек безденежный, а ему надо еще издать 2-й том».¹⁸⁹ И далее Глубоковский пишет: «Если проф. Вл. И. Герье, прослуживший 50 лет, имея хорошие средства и состоя членом Госуд. Совета с солидным жалованьем, ищет Ахматовской премии за сочинение о блаж. Августине, то нельзя ли и мне претендовать на это за свою книгу об Ап. Павле? Она не специально-богословского, догматического или экзегетического содержания, а библейско-исторического, по связи с тогдашней культурой вообще. Ведь свой труд г. Герье озаглавливает как первую книгу в серии “зодчих и подвижников Божьего Царства”, а едва ли можно сомневаться, что это достоинство в несоизмеримо большей степени принадлежит Ап. Павлу по сравнению с Августином».¹⁹⁰ Он интересовался мнением Кондакова по этому поводу. Мысль о соискании Ахматовской премии пришла ему ввиду необходимости издавать отдельно некоторые приложения к двум вышедшим томам об ап. Павле. Кондаков, а также А. А. Шахматов и В. В. Латышев (А. И. Соболевский сомневался) нашли предложение Глубоковского вполне возможным. «Насчет рецензентов — задача деликатная для меня и тем более трудная, что я не знаю конкретных людей по этой части в числе “светских” ученых (профессоров университета и пр.) и авторов вообще, — замечает Глубоковский в следующем письме. — Кажется, никто из них не занимался этим делом и даже не подходил к этому».¹⁹¹ Из духовных ученых он называл профессоров А. А. Бронзова (СПбДА), Д. И. Богдашевского (КДА), М. Д. Муретова (МДА) и М. И. Богословского (КазДА). Ободренный «добрым советом» Кондакова, Глубоковский намеревался представить свое сочинение на соискание Ахматовской премии, однако прежде решил «запросить» еще непременно секретаря Академии наук, через которого необходимо было подавать сочинение, С. Ф. Ольденбурга. Ответ последнего имеется в архиве Глубоковского в ОР РНБ.¹⁹² Сообщая о его получении, 3 ноября Глубоковский писал Кондакову: «Вчера он ответил пространном письмом, не очень ясного содержания, но смысл несомненно отрицательный, т. е. решительное нежелание допускать на премиальные конкурсы в И.А.Н. богословские сочинения, даже “библейско-богословские”, которые, по самой своей задаче, разрабатывают предметы не догматически и не экзегетически, а исключительно историческим методом. Все приведенные аргументы я нахожу безусловно необидительными, раз для меня ясно, что тут богословие смешивается с верой или догмой и совершенно не считается наукой, ибо не допускается на конкурс, куда принимают все “оригинальные сочинения по всем отраслям научных знаний и изящной литературы”. Предубеждения непреодолимы. С. Ф. Ольденбург ссылается на П. В. Никитина, который, очевидно, принимает или даже самостоятельно высказывает подобное мнение. При таких обстоятельствах я вынужден навсегда отказаться от всякой мысли от участия в премиальных

¹⁸⁸ Там же. Л. 153. Л. 209—220 об. — отзыв Глубоковского: 1-й лист — автограф, остальное рукой переписчика; опубликован: *Глубоковский Н. Н.* Блаженный Августин в изображении русского светского историка. О книге проф. Вл. И. Герье. Блаженный Августин. Зодчие и подвижники «Божьего Царства». М., 1910 // ТКДА. 1911. № 1. С. 125—162.

¹⁸⁹ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 104. Л. 21.

¹⁹⁰ Там же. Л. 21 об.—22.

¹⁹¹ Там же. Л. 25.

¹⁹² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 661.

конкурсах И.А.Н., чтобы и себя не подвергать риску, и другого не ставить в неловкое положение; на мою долю лишь остается безнадежная роль готового рецензента для всяческих сочинений и при всяких условиях...».¹⁹³ Он просил Кондакова не предпринимать больше никаких шагов по этому делу.

Однако в качестве рецензента Глубоковский выступал еще два раза. В 1914 г. к нему обратились с просьбой дать отзыв на сочинение профессора Томского университета П. А. Прокошева (выпускника КазДА) «*Didas alia Apostolorum* и первые шесть книг Апостольских Постановлений: историко-критический этюд из области источников церковного права», представленное автором на соискание Макарьевской премии, которая по Историко-филологическому отделению присуждалась один раз в 6 лет. Отвечая на письмо М. А. Дьяконова, Глубоковский замечает: «Сочинение П. А. Прокошева совсем не близко к моим научным занятиям и потребует от меня особых усилий, но все поручения Императорской Академии наук я считаю для себя обязательными и данное постараюсь исполнить с возможной точностью».¹⁹⁴ Отзыв Глубоковского, заключающий в себе почти 9 печатных листов (около 200 больших листов в рукописи), был готов 17 марта 1915 г., но представлен в Академии наук лишь 23 апреля ввиду трудности найти переписчика из студентов, у которых начались экзамены.¹⁹⁵ На основании этого отзыва решением Комиссии от 5 мая 1915 г., в которую входили М. А. Дьяконов, В. В. Латышев, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Бартольд, Прокошеву была присуждена половинная Макарьевская премия в размере 1000 р., а Глубоковскому — очередная золотая рецензентская медаль. Но ввиду того, что шла война, Академия наук не могла заказать медали на Монетном дворе, всех рецензентов запрашивали, будут ли они ожидать окончания войны, когда появится возможность изготовления медалей, либо пожелают получить соответствующую денежную сумму. Глубоковский высказался за последнее, полагая, что «золото не менее потребуется государству и в ближайшие годы после окончания войны».¹⁹⁶

Конфликтная ситуация возникла между Глубоковским и Академией наук в связи с сочинением В. В. Четыркина «Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова. Исагогическое исследование» (Пг., 1916). Оно было представлено автором на соискание Ахматовской премии в сентябре 1916 г. Четыркин являлся учеником Глубоковского, в 1912—1913 гг. — профессорским стипендиатом на его кафедре, в 1913—1915 гг. учился в Петроградском университете, где написал курсовое сочинение по иудейской апокалиптике, после окончания университета оставлен в качестве преподавателя по кафедре всеобщей истории. Соглашаясь дать отзыв, Глубоковский пишет Ольденбургу 17 января 1917 г., как всегда в день получения официального письма из Академии наук: «Спешу заметить, что я готов взять на себя рассмотрение этого сочинения и благодарю Академию наук за предоставленную ею возможность исполнять заповедь Христову в Деян. XX, 35».¹⁹⁷ Он закончил отзыв, судя по помете в конце рукописи, 19 августа 1917 г. «с решительным заключением в пользу обязательного присуждения автору полной денежной премии в самом высшем размере». Этот отзыв, в отличие от других, не был опубликован. Он находится в архиве Академии наук, это 30 листов, исписанных характер-

¹⁹³ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 104. Л. 26.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1908. Д. 43. Л. 24.

¹⁹⁵ Отзыв Глубоковского: Там же. Л. 67—254 об., титульный лист — автограф Глубоковского, остальное рукой переписчика; опубликован: *Глубоковский Н. Н.* Дидаскалия и Апостольские Постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению // ХЧ. 1916. № 3—6, 9—12.

¹⁹⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1908. Д. 43. Л. 59.

¹⁹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1916. Д. 24. Л. 30 («Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и помнить слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать»).

ным мелким стремительным почерком Глубоковского. «Настоящее сочинение важно уже по самой теме, получающей особый, напряженный жизненный интерес в наши страшные времена всесветского крушения, когда весь мир оказывается пред вратами вечности»,¹⁹⁸ — пишет Глубоковский вначале. 28 сентября, почти за месяц до истечения срока подачи, отзыв был препровожден в Академию наук, но сочинение Четыркина не получило премии. Решением Комиссии от 1 ноября 1917 г. большая премия была присуждена А. Ф. Кони за его книгу «Отцы и дети судебной реформы», а три малых — В. И. Гессену («Адвокатура. Общество и государство»), В. Ф. Матвееву («Государственный надзор за общинным самоуправлением») и А. Г. Шлихтеру («Кустарные промыслы в Енисейской губернии»). На том же заседании Комиссии было решено ввиду «возникших сомнений относительно труда В. В. Четыркина... просить академиков Ф. И. Успенского и А. В. Никитского представить к следующему заседанию 15 ноября свои отзывы о труде В. В. Четыркина».¹⁹⁹ В Комиссию входили: С. Ф. Ольденбург (председатель), В. В. Латышев, А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский, Ф. И. Успенский, П. Б. Струве. На заседании 15 ноября (кроме вышеперечисленных лиц на нем присутствовали также П. К. Коковцов и М. И. Ростовцев) были заслушаны доклады Успенского и Никитского и по их выслушивании «положено признать, что означенному сочинению Академией наук премия присуждена быть не может».²⁰⁰ Неизвестно, когда Глубоковский узнал об этом решении; о его реакции мы можем судить по письму П. К. Коковцову от 26 января 1918 г. Поздравляя Коковцова с избранием в почетные члены ПДА, Глубоковский пишет: «В принципиальном смысле для меня очень горько, что в эти тяжелые для нас времена Академия наук объявила враждебный бойкот всей богословской науке, не допуская до соискания премий все наши сочинения, хотя они были законно приняты и авторитетно рецензированы. В частности, пострадал таким обидным способом мой клиент Четыркин, а мой отзыв, составленный по просьбе Академии наук, отвергнут оскорбительным образом. Видно, я почитаюсь негодным для Академии наук и... должен буду устранился в свой собственный угол».²⁰¹ Среди писем Коковцова, хранящихся в архиве Глубоковского в ОР РНБ, ответа на данное письмо нет. Вероятно, он убедительно опровергал предъявленное обвинение, поскольку Глубоковский в следующем письме от 30 января просит извинить за высказанное суждение. «Мое заключение по этому предмету явилось результатом моего разговора с одним академиком, не очень “письменным”, но по своему положению хорошо знающим все эти дела. И вот он-то мне сказал, что все наши сочинения, как богословские, не подлежат собственно научному соизмерению и принципиально не подлежат компетенции Академии наук».²⁰² Из дальнейшего содержания письма Глубоковского можно предположить, что Коковцов объяснял решение Комиссии тем, что сочинение Четыркина представляет «бесцеремонный плагиат» (это выражение взято в письме Глубоковского в кавычки) из русских сочинений. Последнее вызвало недоумение Глубоковского, возражавшего, что в русской литературе об Апокалипсисе «есть всего лишь десяток книжек и статей, столь бедных и бледных, что оттуда совсем нечего взять».²⁰³ По его убеждению, книга Четыркина «не просто делает шаг вперед в русской литературе, но становится здесь на совершенно пустое место и впервые выдвигает все научные задачи, которым дает удовлетворительное

¹⁹⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1916. Д. 24. Л. 64 об. Отзыв: Л. 64—95 об.

¹⁹⁹ Там же. Л. 105.

²⁰⁰ Там же. Л. 125.

²⁰¹ Там же. Ф. 779. Оп. 2. Д. 89. Л. 9.

²⁰² Там же. Л. 12 об.

²⁰³ Там же. Л. 12 об.—13.

решение, хотя бы и не окончательное». ²⁰⁴ В письме от 5 февраля он снова возвращается к сочинению Четыркина, подробнее излагая свою точку зрения. Кроме того, будучи морально подавлен «непостижимым фактом» предъявления столь позорного обвинения, он считал, что академики, высказавшие его, должны опубликовать свои обвинения, дабы он и Четыркин могли выяснить «истинную природу последних». ²⁰⁵ 19 февраля он вновь настойчиво просит Коковцова как члена Комиссии по присуждению Ахматовских премий «принять организационные меры, чтобы наша (его и Четыркина. — Т. Б.) репутация была реабилитирована и об этом осталось в делах Академии наук не менее документированное удостоверение». ²⁰⁶ Из последнего письма Коковцову становится ясно, что Четыркин был обвинен в плагиате самого себя, т. е. в заимствовании из собственного труда (считая его погибшим, он не упоминал о нем). Глубоковский полагал, что произошла «прискорбная случайность», за которую нельзя ни винить, ни столь жестоко наказывать автора. Это письмо от 21 февраля написано вопреки «категорическому предупреждению» со стороны Коковцова не затрагивать более данную тему. Решаясь в последний раз высказать несколько заключительных слов, Глубоковский пишет, что вся история показала ему, что он «потерял доверие» Академии наук и вынужден считать «свою с ней связь погубленной, доколе она не будет восстановлена соответствующим образом», отказываясь впредь готовить какие-либо справки по поручению Академии наук. ²⁰⁷

Кроме сочинения Четыркина были «исключены» ранее принятые на соискание премий труды профессора ПДА (в прошлом ученика Глубоковского) Н. И. Сагарды (о Григории Чудотворце) и профессора КДА Л. А. Соколова (о епископе Игнатии Брянчанинове). Все авторы обращались за разъяснениями к Глубоковскому как члену-корреспонденту Академии наук, не предполагая, по его словам, что он не имеет «ни влияния, ни даже участия в ходе жизни Академии наук». ²⁰⁸

Весной 1918 г. мирные отношения с Академией наук были восстановлены, об этом говорят письма Глубоковского А. С. Лаппо-Данилевскому. По его предложению Глубоковский еще в 1917 г. для сборника «Русская наука» подготовил очерк «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии». Весной 1918 г. по его же просьбе Глубоковский готовил к изданию краткую редакцию этого обзора. По указанию Лаппо-Данилевского, он перенес всю библиографию из текста в особый отдел, «разработав ее там более подробно»; с целью уточнения данных об отдельных авторах, изданиях и пр. он рассылал письма во все концы России, что естественно замедляло работу. Одновременно Глубоковский держал корректуру уже готовых листов; тогда же предполагался французский перевод краткой редакции. Уезжая в сентябре 1918 г. в командировку в Швецию, он передал все права на корректуру своему коллеге по ПДА профессору А. А. Бронзову. Из писем Глубоковского Ольденбургу накануне отъезда в Швецию и письма Лаппо-Данилевскому от 11 сентября, отправленного уже из Стокгольма, известно, что Лаппо-Данилевский планировал также издать полную редакцию обзора; начало рукописи было сдано в набор в Государственную типографию. ²⁰⁹ Судя по опыту печатания краткой редакции, Глубоковский сомневался, что это осуществимо в ближайшие годы. Опасаясь, что материал пространного обзора «устареет и потеряет свою современную ценность и весь прежний труд пропадет напрасно», он

²⁰⁴ Там же. Л. 13.

²⁰⁵ Там же. Л. 11 об.

²⁰⁶ Там же. Л. 17.

²⁰⁷ Там же. Л. 19.

²⁰⁸ Там же. Л. 12 об.

²⁰⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1918. Д. 13. Л. 24—24 об., 25—25 об.; Ф. 113. Оп. 3. Д. 116. Л. 7—8.

начал предварительные переговоры о возможности подобного издания в Швеции с редактором «Скандинавского листка», доктором филологии Упсальского университета Г. Г. Александровым; причем выяснилось, что в Швеции типографские расходы гораздо ниже, чем в Петербурге. Посылая Лаппо-Данилевскому эти расчеты, Глубоковский отстаивает свое авторское право на издание полной редакции в Швеции. Не получив ответа, он по возвращении в Петербург посылает еще 2 письма (от 7 (20) декабря и 5 (18) января), категорически требуя вернуть корректуру и рукопись обзора, поскольку намерен «ликвидировать здешние дела».²¹⁰ В его последнем имеющемся в архиве Лаппо-Данилевского письме от 10 (23) января 1919 г. вновь поднимается вопрос о корректуре краткой редакции, которая печаталась крайне медленно с различными новыми требованиями со стороны Лаппо-Данилевского по переделке рукописи. Краткая редакция обзора под названием «Богословие» вышла в 1919 г. (варшавское издание 1928 г. представляет собой ее перепечатку с небольшими изменениями). Из письма Глубоковского Э. Л. Радлову от 17 (30) сентября 1920 г. можно предположить, что он почему-то не знал о ее выходе, ибо писал последнему: «Буду обрадован получением Вашего трактата о русской филологии (из сборника «Русская наука», хотя напечатанного и не там), а я в свою очередь сочту за особое удовольствие доставить свой — о русском богословии, если только он появится в печати, хотя бы, например, на английском языке, на который уже переведен (с пространной рукописи в Швеции, в Упсале)».²¹¹

Весной 1918 г. Глубоковский был приглашен прочесть ряд лекций в Упсальском университете (Швеция). 11 (24) июля он обратился к неперемемному секретарю Академии наук С. Ф. Ольденбургу с предложением на период своего пребывания в Швеции предоставить себя в полное распоряжение Академии наук, «буде она пожелает снабдить меня полномочиями и поручениями».²¹² Глубоковский предполагал задержаться не только в Швеции, но, если позволят финансовые условия, «за границей вообще», и спрашивал, не сочтет ли Академия наук возможным дать ему заграничную командировку, «например, в качестве своего заграничного члена, каков теперь Е. Ф. Шмурло», что было бы «чрезвычайно важно для обеспечения беспрепятственного передвижения за границей (из государства в государство и в каждом из них) и для свободного доступа в другие учреждения, без чего все это будет чрезвычайно затруднительно».²¹³ На письме имеется помета Ольденбурга: «Командировать для занятий в архивах Стокгольма и Упсалы по розыску документов, относящихся к истории России». Материалы личного архива Глубоковского в ОР РНБ свидетельствуют о том, что одновременно он хлопотал о получении командировки по линии ПДА, подав прошение от 17 (30) июля 1918 г. на имя и. о. ректора профессора С. М. Зарина. Согласно ходатайству последнего перед Народным комиссариатом по просвещению Северной области 5 августа 1918 г. Глубоковскому была предоставлена командировка сроком на один год в Скандинавские страны,

²¹⁰ Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 116. Л. 14.

²¹¹ ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Д. 386. Л. 4. Экземпляр «Богословие» (Пг., 1919) имеется в РНБ с пометой карандашом следующего содержания: «Отдельный оттиск из предполагавшегося издания Академии наук под названием "Русская наука". Кроме этого оттиска, ничего не было напечатано (Сообщено В. Н. Бенешевичем)». 3 сентября 1920 г. Ив. Лундель, переводивший на шведский язык лекции Глубоковского, писал ему: «Трактат о русском богословии переведен по-английски, но все лежит у меня. Я решил напечатать его в "Моих архивах", только до сих пор нельзя было» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 590. Л. 3). Из переписки не ясно, удалось ли получить Глубоковскому до своего отъезда за границу в августе 1921 г. всю рукопись пространной редакции обзора, переданную им Лаппо-Данилевскому весной 1918 г., которую он настойчиво пытался вернуть еще перед отъездом в Швецию и впоследствии, и чему сопротивлялся Лаппо-Данилевский, надеясь ее издать.

²¹² ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1918. № 13. Л. 21.

²¹³ Там же. Л. 20 об.—21.

в Англию и государства Европейского континента. Разрешение удалось получить только после обращения шведского посланника в Петрограде к советскому правительству. 3 сентября на пароходе «Karl XVI» он выехал из Петрограда, 7 сентября прибыл в Стокгольм, с октября жил в Упсале. В здешнем университете Глубоковский читал знаменитые лекции о соединении церквей, изданные на шведском языке в 1921 г. в Упсале в переводе Ив. Лунделя. Впоследствии архиепископ Упсальский и проканцлер Упсальского университета Natan Sesserblom напишет Глубоковскому: «Моя благодарность обращается к Богу, который по своему милосердному Промыслу послал бесспорно первого из богословов православной церкви нашего времени к нам в Швецию и ко мне в Упсалу» и будет вспоминать их «незабываемые разговоры во время прогулок... которые сыграли очень значительную роль в стремлении к объединению и в подготовке общей конференции церкви Христовой для практического христианства в Стокгольме».²¹⁴ Во время этой командировки Глубоковский составил научное описание большого собрания славянских рукописей и старопечатных книг, хранившихся в университетской библиотеке Carolina Rediviva, в числе которых находилась рукопись Котошихина, доселе значившаяся под фамилией Kochichine. Точная копия описания была отдана 25 октября и. о. генерального консула Российской республики в Стокгольме для передачи в ГПБ. Боясь быть оторванным от России из-за начавшегося бойкота странами Антанты и ввиду исключительных семейных обстоятельств, он вернулся намного раньше окончания срока командировки, с согласия российского представителя в Стокгольме В. В. Воровского, на специально зафрахтованном для русских представителей пароходе «Polhem». После «многих мытарств» и 5-дневного ареста в Гельсингфорсе 9 декабря 1918 г. Глубоковский был в Петрограде.

Петроградская Духовная академия к этому времени прекратила свое существование (объединение с университетом не состоялось из-за противодействия властей). Как и другие академические профессора, Глубоковский оказался без всяких средств к существованию. Высшая церковная власть ввиду отсутствия средств с января 1919 г. отказала профессорам ПДА даже в минимальном пособии. Он обращается к Лаппо-Данилевскому 7 (20) декабря 1918 г. с просьбой «показать содействие к получению достаточного (на пропитание) заработка», например, по линии Академии наук, добавляя при этом, что совсем не гонится за положением, а хочет «только добыть приличным способом (без поклона теперешним нашим миродержателям) средств, потребных на пропитание».²¹⁵

7 (20) декабря 1918 г. по инициативе Н. Я. Марра Совет Петроградского университета единогласно постановил принять Глубоковского как известного специалиста по источникам христианской культуры младшим ассистентом по разряду христианского Востока и армяно-грузинской филологии «для чтения в первом полугодии 1919 г. памятников на позднегреческом языке и текстов библейских и апокрифических».²¹⁶ Получив от Марра письмо, извещающее об избрании, Глубоковский тут же по его просьбе пишет Крачковскому: «Если найдутся слушатели, хотел бы почитать на тему “Памятники и идеалы первоначального христианства”», имея в виду обозрение новозаветных текстов и анализ их содержания, и спрашивает, «соответствует ли это факультетским решениям и намерениям».²¹⁷ Глубоковский также просил, чтобы к объявлению о его курсе было прибавлено название первой лекции «Земная трагедия христианства в истории и первохристианская эсхатология при аналогично-

²¹⁴ 35-летие... С. 29—30.

²¹⁵ ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. № 116. Л. 11.

²¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об.

²¹⁷ ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 250. Л. 12—17; Ф. 1026. Оп. 3. Д. 273. Л. 3 об.—4.

сти с нашею современностью и по связи с вопросом о методе изучения предмета», которая должна была состояться в пятницу 14 (27) февраля. Глубоковский читал лекции на восточном факультете еженедельно по пятницам с 11 до 13 ч. По-видимому, тема лекций была изменена, и Глубоковский был ими не особенно доволен, о чем писал Соболевскому. В петроградской квартире Соболевского на Пушкинской (д. 15, кв. 5) была прекрасная библиотека, которую он предоставил в полное распоряжение Глубоковскому. В письмах из Москвы он указывал, в каком месте стоят нужные Глубоковскому книги, в частности «История Византии» Ф. И. Успенского. Глубоковский интересовался также «Историей Византии» С. П. Шестакова и лекциями К. Н. Успенского, которых у Соболевского не было.

Обширная переписка с А. И. Соболевским, К. В. Харламовым, И. Ю. Крачковским и другими полна свидетельств, насколько тяжело, нередко на грани голодной смерти, жилось в эти годы Н. Н. Глубоковскому и А. В. Лебедевой, брак с которой был зарегистрирован в начале 1921 г. «Чувствую себя изнеможенным, — писал он Крачковскому в апреле 1919 г. — Все силы уходят на бессмысленные хозяйственные хлопоты, которые при крайней скудости содержания моего особенно затруднительны и чаще всего бесполезны... Голод, холод и полная невозможность даже взять перо в руки — при совершенном расслаблении духа и плоти... А ведь теперь-то именно и надо быть крепким и бодрствовать».²¹⁸ Летом 1919 г., немного оправившись после болезни, он просит Крачковского узнать, нельзя ли ему получить от университета продолжительную командировку в России или предпочтительнее за границу «под условием сохранения жалования», так как не имеет никаких иных средств к существованию. Свою просьбу он мотивировал тем, что «сил уже не осталось никаких» и чувствуя, что здесь ему «не поправиться».²¹⁹ Посылая Крачковскому 7 (20) сентября 1919 г. краткую записку в дополнение к заявленному в университете курсу, Глубоковский замечал: «Ах, как тошно жить и до какой степени невозможно работать научно...».²²⁰

11 октября (28 сентября) квартира Глубоковского на Невском, где он проживал с середины 1890-х гг., была ограблена. «Я снова нищий и не знаю, что делать»,²²¹ — замечал он в письме Крачковскому. В эти дни, 18 октября, исполнялось 30-летие преподавательской деятельности Глубоковского. За год до исполнения этой даты он мечтал, если будет дана хоть малейшая пенсия, «совсем удалиться в уединение частного человека для скромной кабинетной работы и богословского-научного издательства — даже вне в Петрограде и — всего скорее в Москве».²²²

Помимо службы в университете с 11 марта (26 февраля) 1919 г. Глубоковский состоял архивариусом 24-го разряда II Отделения IV секции ЕГАФа, с 1 (15) мая — в должности архивиста и затем помощником редактора.²²³ Руководителем Отделения (фактически бывшего Синаодального Архива) являлся К. Я. Здравомыслов, начальник Архива и Библиотеки Св. Синода, поручивший Глубоковскому «разбор лоскутков» А. И. Никольского. Относительно этих бумаг Глубоковский запрашивал Соболевского, который ответил довольно пространством письмом, изложив «общую мысль» Никольского при описании старопечатных книг и заметив при этом, что в «лоскутках» есть и его мысли.²²⁴ В связи с приближающимся в 1921 г. юбилеем

²¹⁸ ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 273. Л. 11 об.—12.

²¹⁹ Там же. Л. 16 об.

²²⁰ Там же. Л. 17.

²²¹ Там же. Л. 18—18 об.

²²² Там же. Ф. 800. Оп. 3. Д. 250. Л. 10 об.

²²³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 20. В РГИА есть заявление Глубоковского о приеме на работу от 4 марта 1919 г., его краткая автобиография и различные сведения о службе в Архиве (РГИА. Архив архива. Оп. 1. Д. 288. Л. 35; Д. 287).

²²⁴ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 808. Л. 31, 34.

Синода он предлагал Глубоковскому (март 1919 г.) исследовать по Синодальному архиву греко-болгарский церковный вопрос: «Должен быть свежий материал. Или вообще отношения восточных патриархов, сербских и черногорских митрополитов и т. д. с русским Синодом».²²⁵

Переписка этих лет свидетельствует, что Глубоковский рассматривал различные планы устроиться на работу в одном из вновь открывающихся провинциальных университетов. Так, в конце 1918 г., когда Глубоковский находился еще в Швеции, Соболевский сообщал о том, что И. И. Солосин «по воле провидения открывает университет в Астрахани» и Глубоковский мог бы читать там лекции по истории Византии «или что-то в этом роде».²²⁶ Советуя не пренебрегать Астраханью, он тогда же сообщал, что бывший ученик Глубоковского, публицист «Биржевых ведомостей» А. А. Измайлов, «теперь устраивает университет в Симбирске и зовет читать там лекции», уведомляя о своих переговорах с ним.²²⁷ Одновременно Соболевский предлагал «закинуть слово» ректору Воронежского университета Э. Д. Регелю по поводу лекций «конечно, не о церковной истории, не о каноническом праве, а о греческом языке, о всеобщей истории (Визант<ии>)» и выражал готовность всячески содействовать осуществлению этих «планов». Он рекомендовал обратиться и к Б. В. Никольскому, преподававшему на историко-филологическом факультете в Петроградском университете, однако замечал, что не следует «надеяться на университеты», ибо гуманитарные факультеты (юридический и историко-филологический) будут в ближайшее время реформированы и кафедры канонического права и истории церкви будут уничтожены «без замены чем бы то ни было близким».²²⁸ Весной 1919 г. Глубоковский обсуждал в переписке с Соболевским планы переезда в Задонск, но последний его отговорил, полагая, что у Глубоковского устаревшая информация. Открытие университета летом 1920 г. планировалось в Вологде, куда его также приглашали, как и в Северо-Двинский университет в Великом Устюге.

С 21 декабря 1919 г. по 20 апреля 1920 г. по приглашению вологодского Отдела просвещения Глубоковский находился в командировке в Вологде. Соболевский советовал ему обратить внимание на вологодский архив, где имеется прекрасная рукописная библиотека, описанная Н. С. Суворовым. В одном из писем И. С. Пальмову Соболевский писал: «Имею сведения о Н. Н. Глубоковском. Он от петроградского голода уехал в родную Вологду, но тоже разочаровался, по его мнению, жить в Вологде тяжелее, чем в Петрограде».²²⁹ Во время пребывания в Вологде квартира на Невском была второй раз ограблена (28 февраля 1920 г.); Глубоковский получал известия, что ее пытаются захватить красноармейцы. Опасаясь, что после возвращения из Вологды негде будет жить, он просил Ольденбурга в случае необходимости найти для него какую-либо квартиру «в помещениях АН» и беспокоился за судьбу своей весьма ценной «и материально и по научной важности» библиотеки. «Общее мое положение таково, — пишет он 7 марта 1920 г., — что у меня не оказывается спокойного убежища для научного существования на российской земле. Приходится искать укромного уголка где-нибудь в другом месте, чтобы спасти свое научное бытие. Я делаю разные ходы этого рода».²³⁰

Судя по переписке, уже с весны 1919 г. Глубоковский предпринимает шаги с целью получения новой заграничной командировки. Фактически речь идет об отъезде

²²⁵ Там же. Л. 34.

²²⁶ Там же. Л. 14.

²²⁷ Там же. Л. 17.

²²⁸ Там же. Л. 18, 16—16 об.

²²⁹ ПФА РАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 260. Л. 5—6.

²³⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1918. Д. 13. Л. 83 об.

из России. Он принимает это решение, убедившись в полной невозможности в России научной работы, тем более в области богословия. Еще 12 (25) декабря 1918 г. (т. е. сразу после возвращения из Швеции) Глубоковский писал Марру: «Должен, однако, прибавить, что если бы достались мне все блага мира, и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другом месте. Такова для меня моральная необходимость».²³¹ Спустя два года, испробовав различные пути возможного обустройства, 1 (14) марта 1920 г. он пишет А. А. Шахматову: «Жесточкий опыт привел меня к неотразимому убеждению, что ныне можно работать научно лишь за границей».²³²

По поводу возможности заграничной командировки Глубоковский обращался в разное время к Н. Я. Марру, Б. А. Тураеву, И. С. Пальмову, С. Ф. Ольденбургу и др. Более всех реальную поддержку оказал ему А. И. Соболевский. В мае 1919 г. он пишет Глубоковскому: «Хлопочите о командировке. Я со своей стороны сделаю все, что Вы укажете, т. е. напишу бумагу в Отделение русского языка или письмо непременно секретарю. Конечно, я Вам помогу керенками, если пожелаете, приблизительно в прежнем количестве».²³³ Оказавшись в Вологде, Глубоковский активизировал хлопоты в этом направлении. Он снова пишет Соболевскому, а по его совету — А. А. Шахматову, обещавшему всемерную поддержку, и С. Ф. Ольденбургу. В Канцелярии II Отделения Академии наук (ОРЯС) сохранились документы, связанные с этим, в частности ходатайство Соболевского от 15 (28) февраля 1920 г. о предоставлении Глубоковскому заграничной командировки «для пересмотра и описания русских книжных и рукописных материалов».²³⁴ Согласно письму Соболевского на заседании 10 марта ОРЯС было принято решение возбудить ходатайство перед Общим собранием Академии наук о командировке Н. Н. Глубоковского в Швецию, Норвегию, Германию и Францию сроком на один год для исследования и описания славяно-русских материалов, как рукописных, так и старопечатных, и перед Народным комиссариатом просвещения о выдаче ему «достаточной суммы в валюте» для проезда и проживания за границей.²³⁵ Дело с командировкой продвигалось очень медленно. Через год, 2 февраля 1921 г., А. И. Соболевский повторяет свое ходатайство, прося ускорить решение вопроса «в первую очередь ввиду, с одной стороны, грозящей опасности политических осложнений, с другой — важности предпринимаемой Глубоковским работы».²³⁶

Глубоковский действовал по нескольким каналам. В его фонде в ОР РНБ есть несколько черновиков «Прошения в Петроградский Подотдел ученых учреждений и высших учебных заведений», составленного 28 декабря 1921 г. Ссылаясь на недавно полученное приглашение архиепископа Nathan'a Sederblom'a посетить Швецию и прочесть курс лекций в Упсальском университете, Глубоковский просит о командировке сроком на один год с тем, чтобы исполнить также поручение Академии наук по учету, изучению и описанию славяно-русских старопечатных книг и рукописей, имеющихся в заграничных книгохранилищах Скандинавии, Англии и стран Европейского континента. Необходимость командировки он мотивировал, сообразуясь с духом времени, указывая, что «при новом строительстве

²³¹ Там же. Ф. 800. Оп. 3. Д. 250. Л. 130. Крайне тяжело подействовали на Глубоковского известия о том, что в ночь с 25 (12) на 16 (13) июня 1919 г. в Уральске был расстрелян его старший брат Александр, затем пропал без вести, по другим сведениям был расстрелян, его племянник в Казани (35-летие... С. 15—16, 62).

²³² ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 369. Л. 1, 2.

²³³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1 Д. 808. Л. 40.

²³⁴ ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1101. Л. 27.

²³⁵ Там же. Л. 26.

²³⁶ Там же. Д. 1114. Л. 15.

России все наши культурные ценности должны быть выяснены со всею точностью», и потому задача учета российских культурных ценностей за границей «составляет неотложную задачу самой первостепенной важности, требующую немедленного осуществления».²³⁷ Глубоковский предлагал также заняться систематическим изучением заграничной литературы о русской революции («во всех ее фазисах»), в большинстве своем носящей враждебный характер, с тем, чтобы «устранить и рассеять предревждения и создать совсем иную атмосферу для наших взаимоотношений с Западом». Всячески подчеркивая «огромную государственную политическую ценность» этой деятельности, он заявлял, что «успех этого рода не может подлежать сомнению», при обязательном условии, «чтобы эту научно-дипломатическую задачу исполнял не квалифицированный партийный работник и не официальный представитель, а посторонний нейтральный и достаточно авторитетный ученый человек, потому что лишь ему поверят и только его послушают теперь за граница».²³⁸ Но истинные намерения и чувства Глубоковского становятся ясны из черновиков его ответа Упсальскому архиепископу и проканцлеру Упсальского университета N. Sederblom'у (от 24 декабря 1920 г.), из которого также следует, что приглашение получено через посредство Эстонской миссии в Петербурге, и речь идет о чтении лекций «по церковной истории, специально о греческой православной церкви и ее идеалах в их историческом осуществлении».²³⁹ С благодарностью принимая предложение, Глубоковский писал, что «был бы рад вырваться вместе с женою из здешнего коммунистического ада, который хуже всякой геенны огненной, ибо принципиально и абсолютно непригодный».²⁴⁰ Он просил Н. Седерблома непосредственно ходатайствовать о командировке через письменное обращение шведского посланника в Петрограде к русскому правительству, с целью оказать «принудительное давление» на советские власти, как это было сделано в 1918 г. «Должен прибавить, — писал Глубоковский, — что с тех пор наше положение ухудшилось в такой ужасной степени, что теперь требуются экстраординарные усилия для обеспечения самой возможности моего выезда из России для исполнения столь почетной для меня миссии в пределах просвещенной и благородной Швеции».²⁴¹

Один из профессоров МДА, И. В. Попов, помогавший Глубоковскому в его усилиях получить командировку и имевший контакты по этому поводу с зарубежными представительствами в Москве, сообщал ему 21 апреля 1921 г.: «Общее мое впечатление положительное, для Вас искренно хотят сделать все возможное и ищут только целесообразной формы».²⁴² Вместе с тем он полагал, что новым властям нет смысла держать Глубоковского, и советовал обратиться непосредственно к А. В. Луначарскому, взывая «к его человеколюбию». «Быть может, узнав, что Вы профессор духовной академии, они и не станут Вас задерживать, так как считают нас вредными».²⁴³ В случае неудачи Попов предлагал воспользоваться близостью границы и бежать через Валаам. В мае 1921 г. с целью ускорить получение необходимых документов Глубоковский ездил в Москву. В его фонде есть документ, озаглавленный им «Перечень хождений». Как из него следует, Глубоковский был у

²³⁷ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об. На одном из экземпляров прошения заглавие «Прошение...» написано М. Кристи и имеется его помета: «Препроводить в Научный сектор Наркомпроса».

²³⁸ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 26. Л. 8—8 об.

²³⁹ Там же. Д. 22. Л. 1.

²⁴⁰ Там же. Д. 23. Л. 1 об.

²⁴¹ Там же. Д. 22. Л. 1 об.—2. «Оно (правительство. — Т. Б.) не может иметь ничего лично против меня, как человека только ученого и совершенно аполитичного гражданина вполне лояльного, но, по непонятным причинам, вообще не разрешает выезд за границу интеллигентным работникам, не принадлежащим к адептам и пропагандистам марксистского коммунизма» (Там же. Л. 1).

²⁴² Там же. Д. 715. Л. 32 об.

²⁴³ Там же. Л. 34 об.

З. Г. Гринберга, оказавшего ему содействие еще при получении первой командировки, у А. В. Луначарского, затем с письмом, полученным от последнего, у комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина и в ВЧК.²⁴⁴

В результате всех предпринятых шагов и благодаря участию М. Горького Глубоковский получил визу и 16 (29) августа 1921 г. покинул Россию. Несколько месяцев он провел в Финляндии, откуда переехал в Берлин, далее в Прагу, Белград и, наконец, летом 1923 г. — в Софию. Ему удалось вывезти часть своих бумаг. Среди них работу о Послании к евреям, законченную в 1917 г., первоначально отосланную для публикации в «Православный собеседник» (Казань), но ввиду прекращения издания забранную им в конце 1920 г. обратно, рукопись «Библейского словаря», над которым продолжал работать за границей, и др.²⁴⁵

Жизнь Глубоковского в эмиграции продолжала оставаться насыщенной и плодотворной: преподавательская, научная, издательская, церковно-общественная деятельность делают его значительной фигурой русского зарубежья, однако рассмотрение этого периода не входит в рамки данного очерка. Следы дальнейшего пути Н. Н. Глубоковского следует искать в зарубежных архивах. Известно, что он поддерживал также переписку со своими коллегами в России.²⁴⁶ Скончался Николай Никанорович Глубоковский в Софии 18 марта 1937 г. В некрологе, помещенном в «Вестнике русского христианского студенческого движения», деятельным участником которого Глубоковский был, отмечалось, что в своих научных трудах он «сумел дать органическое сочетание поразительной верности церковной традиции и церковному преданию с широкой свободой научной мысли и строгим методом... глубокое, любящее внимание ко всему прошлому, если одно достойно признания и уважения, чувство смирения при полной свободе, независимости и даже “дерзновенности”, когда этого требовало служение Церкви, было органической чертой и научного, и личного характера Н. Н. Глубоковского».²⁴⁷

²⁴⁴ Там же. Д. 25.

²⁴⁵ О судьбе заграничного архива Глубоковского см.: *Борис Даниленко*, протонерей. Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX века // *Русская религиозность: проблемы изучения*. Сб. статей / Сост. А. И. Алексеев, А. С. Лавров. СПб., 2000. С. 247, 250.

²⁴⁶ См.: *Сосуд избранный...* С. 319—320; 35-летие... С. 51; *Воскресное чтение*. 1929. № 11. С. 169.

²⁴⁷ *Лаговский И.* Заслуженный профессор д-р Богословия Н. Н. Глубоковский. С. 18, 19.

Н. К. Никольский: биография ученого в архивных документах

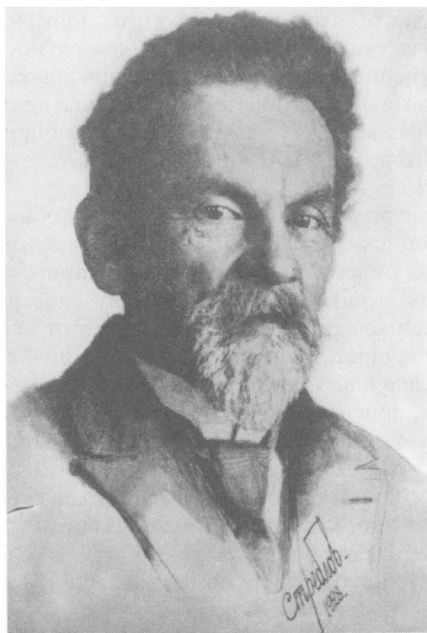
Летопись отечественного литературоведения насчитывает множество имен, оставивших заметный след в духовной истории России и мировой культуре. В. И. Ламанский, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов — классики отечественной науки, известные всем исследователям-славистам. Однако в этом списке еще много забытых имен настоящих подвижников своего дела, внесших неоценимый вклад в российскую науку.

К таким отчасти забытым именам можно с полной уверенностью присоединить и имя Николая Константиновича Никольского (1863—1936), блестящего знатока древнерусской литературы, археографа, историка церкви. Об этом свидетельствуют и немногочисленные публикации о жизни и научной деятельности ученого, краткие строки в справочной литературе.¹ Лишь с конца 1980-х гг. появляется серия публикаций, свидетельствующих о возросшем интересе исследователей к творчеству Н. К. Никольского.² Архивные материалы ученого по изучению Кирилло-Белозерского монастыря были частично использованы в книге А. П. Кирпичникова и И. Н. Хлопина «Великая государева крепость» (М., 1972), а в дни празднования 600-летия основания Кирилло-Белозерского монастыря многие из участников юбилейной конференции упомянули в своих выступлениях имя Николая Константиновича, отметив его выдающийся вклад в изучение истории крупнейшего культурного центра Древней Руси.³

¹ Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 28. С. 591—594; *Зарубин Н. Н.* Академик Н. К. Никольский // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1936. № 4. С. 119—124; Архив АН СССР: Обзорные архивные материалы // Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 134—140; *Покровская В. Ф.* Картотека академика Никольского // Труды БАН СССР. Л., 1948. Т. 1. С. 142—150; *Адрианова-Перетц В. П.* Картотека Н. К. Никольского // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 121—125; *Розов Н. Н.* 1) Никольский Николай Константинович и его научное наследие (к 30-летию со дня смерти) // Изв. АН СССР. 1966. № 3. С. 256—258; 2) Никольский Николай Константинович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 249.

² *Иннокентий (Павлов)*, иеромонах. Санкт-Петербургская духовная академия как церковно-историческая школа // Богословские труды. М., 1986; *Бегунов Ю. К.* Академик Н. К. Никольский о Григории Цамблаке (К вопросу об изучении сочинений Гр. Цамблака) // *Studia Slavica mediaevalia et numismatica*. Roma, 1986; *Рождественская М. В.* 1) К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.). К 55-летию Отдела // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 3—52; 2) Академик Н. К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (По архивным материалам) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 397—408; *Лихачева О. П.* Н. К. Никольский — директор БАН (275 лет БАН) // Сб. докладов юбилейной научной конференции 28 ноября—1 декабря 1989 г. СПб., 1991. С. 252—258.

³ Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозерского монастыря: к 600-летию основания. СПб., 1998.

Н. К. Никольский

Основная часть материалов, связанных с научной и общественной деятельностью Н. К. Никольского, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 247), Санкт-Петербургском Институте истории РАН (фонд Кирилло-Белозерского монастыря, коллекция Н. К. Никольского), в библиотеке РАН (картотека Н. К. Никольского, семейная библиотека, собрание рукописей),⁴ в Санкт-Петербургской Духовной академии (литографированные лекции), отдельные документы удалось выявить в Центральном государственном историческом архиве, Российской национальной библиотеке.⁵ В личном фонде Н. К. Никольского отложились документы, связанные с деятельностью ученого в Духовной академии, на посту директора БАН, директора Музея славяно-русской книжности, в Российской Академии материальной культуры, в Психоневрологическом институте, о деятельности в Академии наук, а также в различных обществах и комиссиях.

Основой для воссоздания биографии ученого, оставившего после себя богатейший научный архив, служат прежде всего его автобиографические заметки,

⁴ В период с ноября 1997 г. по ноябрь 1998 г. сотрудники ОР БАН провели проверку наличия документальных материалов, хранящихся в отделе. Комиссии удалось выявить значительное количество документов, имеющих непосредственное отношение к жизни и деятельности ученого: научные труды и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписку, 4 ящика негативов на пленке и стекле, имеющих биографический характер, печатные материалы библиотеки Н. К. Никольского: отпечатки монографий, статей, каталогов рукописей. На правах карточного библиотечного каталога в отделе хранятся несколько десятков ящиков дополнений к рукописной картотеке ученого, с добавлениями ученика Н. К. Никольского Н. Н. Зарубина, старшего научного сотрудника ОР БАН.

⁵ РНБ. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 6 (Список материалов из архива Н. К. Никольского по истории церкви, составленный Н. А. Соколовым для В. Д. Бонч-Бруевича в 1949 г.); Ф. 253. Оп. 1. Д. 548 (письма Н. К. Никольского к А. А. Дмитриевскому); ЦГИА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 59 (письма Н. К. Никольского к В. Н. Перетцу).

записные книжки, формулярные списки, трудовая и расчетная книжки, личная переписка. В фонде ученого сохранилось его *curriculum vitae*, жизнеописание, из которого все исследователи, обращавшиеся к деятельности Н. К. Никольского, черпали основные сведения о его жизни. Жизнеописание, составленное автором от третьего лица, представляет собой несколько почти одинаковых вариантов начала и группу отдельных карточек, заметок, охватывающих временной промежуток с рождения ученого до 1934 г. В этом же деле находятся несколько анкет, заполненных ученым с 1919 по 1925 г., а также в 1933 г.⁶

Причина достаточно ограниченного количества автобиографических документов объясняется в переписке Н. К. Никольского с известным библиографом, историком литературы и издателем С. А. Венгером в связи с предполагавшейся публикацией на страницах «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» биографического очерка о слависте. В письме от 5 января 1916 г. С. А. Венгер спрашивал своего адресата: «Что же Вы сведений о себе не шлете? Хотя бы самые краткие!».⁷ В следующем письме от 11 января 1916 г. издатель напоминал: «Крайне обяжете меня, прислав немедленно (в день получения) ответ на вопросы, напечатанные на следующей странице. Эти сведения нужны для внесения в имеющуюся уже корректуру предварительного списка “Критико-биографического словаря”». ⁸ В ответ на настойчивые просьбы Семена Афанасьевича Н. К. Никольский дал весьма самокритичное объяснение: «Письмо Ваше от 11 января 1916 года прибыло в Царское Село только сегодня, 16 января 1916 года. Что же касается до биографических сведений, то, будучи самым искренним врагом саморекламы и самоафиширования, в то же время полагая, что некрологи не должны принадлежать самим авторам, я до сих пор упорно отказывался от составления каких-либо о себе сведений для разных справочников. По моему мнению, в них следовало вносить имена только таких лиц, известность которых исключала бы саму необходимость прибегать к ним, как к самобиографам. Себя я отношу к числу лиц, отсутствие имен которых в Словаре только увеличило его достоинство как книги».⁹

По просьбе Сергея Ивановича Вавилова, члена Комиссии по изданию справочника «Наука в России», Николай Константинович заполнил анкету для этого издания. Она сохранилась в фонде Архива РАН и датирована 2 мая 1931 г.¹⁰ В письме к С. И. Вавилону от 27 апреля 1934 г. Н. К. Никольский писал: «Глубокоуважаемый Сергей Иванович! Возвращая с большим опозданием присланную мне КУИНСом анкету, считаю своим долгом пояснить причины происшедшего замедления. Во-1-х, для заполнения ее потребовались справки в разных документах, которыми подтверждались бы точность сообщаемых сведений, но которые не были у меня до сих пор собранными. Вторая причина — это мое опасение, что заполненная мною анкета будет истолкована КУИНСом, как мое согласие на включение сведений обо мне в “Биобиблиографический словарь крупнейших научных работников СССР”. Но такое мое согласие было бы с моей стороны соучастием в саморекламирании, почему я уже не раз отказывался от сообщения биографических о себе сведений, предназначенных для подобных целей. Принимая, однако, во внимание официальный характер запроса и не желая прослыть простым саботажником, препровождаю анкету с перечнем некоторых своих трудов в надежде, что КУИНС откажется от намерения использовать его для проектируемого “словаря”. Что же касается до моей автобиографии и фотографической карточки, то я реши-

⁶ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 37.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 281. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 22. Л. 6—6 об.

¹⁰ Там же. Ф. 155. Оп. 2. Д. 501. Л. 125.

тельно уклоняюсь от этого поручения по указанной выше причине, которую, надеюсь, Вы не откажетесь признать уважительной».¹¹ В личном фонде ученого сохранился отпуск письма Н. К. Никольского к С. И. Вавилову, в котором автор написал такие строки: «Я, идя навстречу пожеланиям КУИНСа, приступил к составлению своей автобиографии и полного списка своих научных трудов, но не для целей “словаря”, а для целей автонекролога, предназначенного для опубликования, если таковой окажется для кого-либо интересным в свое время».¹²

Данная статья предполагает на основе материалов Архива РАН воссоздать жизненный и творческий путь Н. К. Никольского, обратив особое внимание на материалы, имеющие непосредственное отношение к тематике настоящего издания.

Николай Константинович родился 17 июля (по старому стилю) 1863 г. в Петергофе Санкт-Петербургской губернии. Семья Никольских принадлежала к состоятельным кругам петербургского духовенства, владея недвижимостью в Петергофе и в Евпатории (Таврическая губерния). Из поколения в поколение в семье передавалось стремление к самообразованию, и, как он сам писал в *cuticulum vitae*, в семье «научные знания окружались редким в духовной среде пиететом и ценилась ученость (наука), как гносеологическая потребность, а не утилитарная профессия». Духовную основу рода заложил дед Николая Константиновича, Тимофей Ферапонтович Никольский (1788—1848), «муж ума глубокого, характера твердого и учености весьма обширной». Все девять детей Тимофея Ферапонтовича получили хорошее образование: сыновья Константин, Павел и Александр — высшее, дочери обучались в пансионах и на дому. Старший сын, Константин Тимофеевич, кроме усердного служения в петербургских православных храмах занимался исследовательской работой и был известен как замечательный литургист и археолог.¹³ Он оставил после себя несколько основательных исследований, полезных при изучении священных книг Русской Православной церкви.¹⁴

Елизавета Дмитриевна Никольская (1837—1904), мать будущего ученого, также оказывала большое влияние на духовную атмосферу семьи. Ее отец, Дмитрий Степанович Вершинский, прожил недолгую, но яркую и насыщенную жизнь. С 1835 по 1849 г. он являлся настоятелем русской посольской церкви в Париже, был талантливым ученым и философом, которого считают основателем русской философской терминологии, знатоком древних языков.¹⁵

В семье Константина Тимофеевича и Елизаветы Дмитриевны воспитывались шестеро детей: сын Николай Константинович и пять дочерей: Ольга, Елена, София, Елизавета и Александра. Кроме Софии Константиновны (вышедшей замуж за однокурсника Н. К. Никольского по духовной семинарии Ивана Семеновича (Иоанна Симеоновича) Лебедева), все остальные сестры (а позднее и племянники) жили с родителями, а после их смерти состояли на иждивении Николая Константиновича.¹⁶ До 14 лет Николай Константинович обучался дома, рано, «почти самоучкою», научился

¹¹ Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 20. Л. 1. Анкета, датированная этим числом, хранится в личном деле ученого (Там же. Ф. 2. Оп. 17. Д. 131. Л. 308—309).

¹² Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 20. Л. 2—2 об.

¹³ Биографический словарь студентов первых XXVII курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814—1869 г. / Сост. А. Родосский. СПб., 1907. С. 310—312. См. также: Памятная книжка окончивших курс СПбДА с 1811 по 1895 г. / Сост. Н. А. Скроботов. СПб.: Тип. И. А. Фролова, 1896. С. 80.

¹⁴ *Никольский К. Т.* 1) Обзорение богослужебных книг православной российской церкви по отношению их к церковному Уставу. СПб., 1858; 2) О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885; 3) Пособие к изучению Устава богослужения Православной церкви. СПб., 1895; 4) Об антиминых православной русской церкви. СПб., 1872.

¹⁵ Биографический словарь студентов... С. 72, 73.

¹⁶ В фонде БАН сохранилось заявление о приеме на работу Н. К. Никольского, где в графе «семейное положение» указано: четыре члена семьи (три сестры и одна племянница).

читать, с помощью матери и домашних учителей освоил французский и английский языки. В курс домашнего воспитания входили также греческий, латинский и немецкий. К 1877 г. он обладал знаниями, значительно превосходившими программы средних учебных заведений. Воспитание Н. К. Никольского в домашних стенах объясняется и его достаточно слабым здоровьем в эти годы. В автобиографических заметках он вспоминал: «Все детство мое вплоть до 14-летнего возраста хворал без отдыха, детские игры, беготня, физические упражнения были мне запрещены. Я мог только медленно двигать и читать».¹⁷ О некоторых наставниках, приходивших в дом Никольских, в памяти Николая Константиновича сохранились теплые воспоминания. Так, спустя много лет, в письме к учителю одной из петербургских гимназий, Михаилу Ивановичу Благоразумову, он писал: «Уже 20 лет прошло с того времени, когда я слушал Ваши уроки. Но они памятнее мне, чем все семинарские и академические лекции, которые только возбуждали во мне разочарование и грозили поселить презрение к науке и справедливости. Не решаюсь утверждать, что я достаточно усвоил все то, чему Вы желали научить меня. Но Ваши правила жизни не будут мною забыты никогда».¹⁸

Получив достаточно основательное домашнее образование, в 1877 г. Николай Константинович поступает в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. В своем жизнеописании он рассказывал о сомнениях отца, Константина Тимофеевича, стремившегося дать своему единственному сыну хорошее образование. Отец Николая Константиновича имел возможность поместить сына в седьмую гимназию или «в реформаторское училище, где он состоял законоучителем, в случае отказа в приеме со стороны семинарского начальства».¹⁹ На выбор Константином Тимофеевичем именно среднего духовного учебного заведения повлияли две веские причины: окончившие семинарию могли по своему выбору продолжить обучение в Духовной академии или в светских высших учебных заведениях, семинарское образование давало прочные знания по классическим языкам, приучало к упорному самостоятельному труду. Несомненно, Константин Тимофеевич, высоко оценивая способности сына, ставил перед собой цель подготовить его прежде всего к научно-исследовательской работе, а не к духовному служению и не настаивал на карьере священнослужителя.

По-видимому, еще в годы обучения в семинарии Николай Константинович принял решение продолжить свое образование на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета. Но к окончанию семинарии в 1893 г. ситуация, по словам Н. К. Никольского, изменилась: «Состоявшееся незадолго перед этим распоряжение, воспрещавшее семинаристам доступ в высшие учебные заведения без сдачи экзаменов на аттестат зрелости, затруднило поступление Никольского на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, поэтому он, чтобы не замедлять своего образования, был вынужден поступить в С.-Петербургскую духовную академию на историческое отделение, оставаясь, как и в семинарии, “приходящим учеником”».²⁰ В годы обучения Николая Константиновича в Академии настоящим другом и наставником для него стал экстраординарный профессор

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 23. Л. 26.

¹⁸ Там же. Оп. 3. Д. 14. Л. 1—1 об.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 27.

²⁰ Упомянутый Н. К. Никольским в *curriculum vitae* документ был опубликован в «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения царствования императора Александра II. 1877—1881» (СПб., 1883. Т. 7. С. 818—828). Постановление от 23 января 1879 г. включало следующие строки: «По предложению о недопущении впредь воспитанников духовных семинарий к поступлению в университеты и другие высшие учебные заведения, без выдержания ими предварительного испытания зрелости в одной из гимназий Министерства народного просвещения...» министерство после сличения учебных планов и программ духовных семинарий с учебными планами гимназий пришло к выводу о несоответствии их курсов. В духовных семинариях богословский курс и предметы общего образования были подчинены одной идее — образовать просвещенных священнослужителей, что не всегда соответствовало требованиям светского образования.

Академии Павел Федорович Николаевский. «Светлая память о нем и его отношение ко мне в годы моего стипендиатства навсегда останется для меня неизгладимой», — напишет он в письме к А. И. Покровскому.²¹

На IV курсе Духовной академии будущий ученый избирает тему для выпускного сочинения: «История Кирилло-Белозерского монастыря после кончины преподобного Кирилла (по рукописям академической библиотеки)».²² Работа получила высокий отзыв П. Ф. Николаевского, который отметил, что «автор отнесся к предмету своего изучения с полным вниманием и любовью и обнаружил умение не растеряться в массе собранного им научного материала».²³ В 1887 г. вместе с Н. К. Никольским курс Академии закончили 68 выпускников. Согласно списку студентов, утвержденному Исидором, митрополитом Новгородским и С.-Петербургским, Н. К. Никольский окончил Академию «первым по списку», удостоившись степени кандидата богословия, с правом получения степени магистра без нового устного испытания.²⁴ По заявлениям наставников Академии об изученных ими сочинениях выпускников и представлению особой комиссии выпускникам Н. К. Никольскому и Петру Смирнову были присуждены премии Высокопреосвященного митрополита Иосифа.²⁵ Совет Академии принял решение, на основании § 54 Устава православных Духовных академий и с утверждения митрополита Исидора, оставить Николая Никольского и Самуила Наркевича на 1 год для «приготовления к занятию преподавательской вакансии» (с 16 августа 1887 г. по 16 августа 1888 г.).²⁶ В письме от 12 июня 1887 г. с окончанием курса Академии его поздравил епископ Иоанн Нарвский: «От души поздравляю Николая Константиновича с блестящим окончанием курса Академии — первым магистрантом, оставленным при Академии. Приветствую и почтеннейшего отца протоиерея, которому, конечно, в высшей степени приятно слышать о таких успехах Ваших. Ваш друг Иоанн».²⁷

По истечении года, назначенного Советом Академии, Н. К. Никольский представил отчет о своих занятиях, а П. Ф. Николаевский представил Совету Академии отзыв об этой работе: «Предметом занятий Никольского являлось изучение истории русской церкви в период синодальный. Обширное описание источников и пособий свидетельствует о внимательном отношении Никольского к предмету своих специальных занятий». В заключение рецензент пришел к выводу «об употреблении времени», данного испытываемому для приготовления к ученой кафедре, с пользой для своих ученых занятий, так как он обнаружил «достаточное умение ориентироваться в массе исторических сведений».²⁸ А. И. Пономарев в своем отзыве о занятии Никольского заметил: «Отчет — образец для постановки программы занятий оставляемых при Академии профессорских стипендиатов. Он делает честь не только научному руководителю, но и целой корпорации профессоров Академии, сумевших так широко поставить изучение наук».²⁹

Представленный Н. К. Никольским отчет³⁰ подтвердил несомненные способности начинающего исследователя к самостоятельной творческой работе, исключительную

²¹ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 136. Л. 1.

²² Отчет о состоянии СПбДА за 1886 г. // ХЧ. 1887. Ч. 1. С. 434.

²³ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии от 13 июня 1887 г. // ХЧ. 1893. Ч. 1. С. 214—217.

²⁴ ХЧ. 1892. Ч. 2. С. 214—217.

²⁵ Годичный акт в СПбДА в 1888 г. (16 февраля). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1888.

²⁶ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 28 об.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 388. Л. 12 об.

²⁸ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии от 10 июня 1888 г. // ХЧ. 1893. Вып. 6. С. 342—346.

²⁹ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии от 19 декабря 1896 г. // ХЧ. 1897. Вып. 11. С. 108—109.

³⁰ Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии от 10 июня 1888 г. // ХЧ. 1893. Вып. 6. С. 347—386.

работоспособность. 16 сентября 1889 г. он был избран Советом Академии исправляющим должность доцента по гомилетике и истории проповедничества.³¹ В автобиографических заметках Н. К. Никольский упомянул о желательности для него в начале его педагогической деятельности сосредоточиться на изучении первоисточников византийской, западноевропейской и в особенности русской учительной литературы, необходимой ему для составления лекционных курсов для студентов Духовной академии.³² Часть этих лекций была литографирована, но в настоящее время они представляют библиографическую редкость и доступны исследователям в материалах личного фонда ученого — сохранилось несколько экземпляров за 1896—1904 гг.³³

К 1889 г. Н. К. Никольский подготовил на основе своего кандидатского сочинения магистерскую диссертацию. Рукопись «Истории Кирилло-Белозерского монастыря до второй четверти XVII в. после кончины преподобного Кирилла (по рукописям Академической библиотеки)», «обнимающей свыше 1000 страниц», была представлена им на соискание степени магистра богословия. В работе ставилась цель «заполнить существовавший в то время пробел бытовой истории русского средневековья путем воспроизведения разных сторон внешнего и внутреннего строя и жизни одной из хозяйственных и культурных организаций старого времени, на основании архивных и неиспользованных материалов и документов».³⁴ Однако еще до обсуждения, по совету своих рецензентов, Н. К. Никольский представил к защите уже напечатанное в 1892 г. сочинение «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века».³⁵ Рецензенты В. И. Ламанский и А. И. Пономарев признали это издание вполне достойным искомой степени. Накануне дня защиты, назначенного на 18 марта 1893 г., Н. К. Никольский посетил митрополита С.-Петербургского и Ладожского Палладия, чтобы получить благословение на предстоящий colloquium. В дневниковых записях он рассказывает о желании митрополита более точно определить название диссертации, усилив его богословский характер.

Colloquium прошел успешно, сообщения о блестящей защите появились в нескольких петербургских газетах.³⁶ В одной из заметок отмечалось: «Оппоненты признали за трудом диспутанта бесспорные научные достоинства, делающие его весьма ценным вкладом в историю древнерусской литературы».³⁷ 13 марта 1892 г. Н. К. Никольский стал членом-корреспондентом Императорского Общества любителей древней письменности и оставался его сотрудником до середины 20-х гг.: сохранились документ от 14 марта 1892 г., подписанный графом С. Д. Шереметевым с извещением об избрании действительным членом Общества и членом Комитета от 8 апреля 1919 г., документы о деятельности ученого в качестве председателя ОЛДП (с 1919[1920] — 4.IX.1924).³⁸ Указом Св. Синода от 9 апреля 1893 г.

³¹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 29—29 об.

³² ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 37. Л. 7 об.

³³ Там же. Д. 150, 151, 154, 158. Здесь же хранятся материалы для лекций по гомилетике, истории древнерусского проповедничества, некоторые из них с поправками и вставками Никольского.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 37. Л. 8.

³⁵ *Никольский Н. К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.

³⁶ См. газеты от 20 марта 1893 г.: Петербургская газета. № 77; Новое время. № 6127; Петербургский листок. № 77.

³⁷ Новости. 1893. 20 марта. № 78.

³⁸ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 114. В Обществе любителей древней письменности Никольским были прочитаны доклады: «К вопросу о сочинениях Герасима Фирсова» (2 декабря 1911 г.), на заседании «В память 900-летия со дня кончины св. князя Владимира» — «К вопросу о христианском вероучении в эпоху князя Владимира» (4 декабря 1915 г.) (Там же. Лл. 94, 106). В отчете о своей работе за 1923 г. Никольский упоминает о прочитанных в ОЛДП двух сообщениях: «Из подготовленного к печати труда “Из истории русской науки в первой половине XIX в.”», «О неизданных трудах Вершинского, его переписке и его влиянии на мировоззрение Н. В. Гоголя» (Там же. Д. 97. Л. 35).

Н. К. Никольский был утвержден в степени магистра богословия, 26 апреля — в должности доцента Духовной академии.³⁹

В 1896 г. вышла в свет работа Н. К. Никольского, имеющая непосредственное отношение к византиноведению: «Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI вв.» — исследование одного из древнейших русских руководств к разговорам на новогреческом языке.⁴⁰ Предисловие к изданию состоит из трех разделов. В первом разделе автор представляет руководство как внешкольное пособие или дорожный *Conversationsuhrer*, приуроченный к домашнему и деловому быту путешественника по православному югу, с анализом системы расположения слов и выражений: «Для удобства усвоения как вся “хитрая греческая речь”, так и соответствующие русские слова-выражения записаны одинаково русско-славянскими буквами, между которыми, впрочем, встречаются и греческие начертания». Во втором разделе Н. К. Никольский останавливается на палеографических особенностях рукописи, представляя редкий документ как собрание тетрадей с различными филигранями, писанных разными почерками (полууставом, скорописью и полууставом, переходящим в скоропись). В третьем разделе идет речь о памятнике как неизвестном ранее источнике греческих слов для «Азбуковников и Алфавитов иностранных речей»: «По отношению к азбуковникам она (Речь тонкословия) была одною из немногих лексикографических основ, которая вышла из-под пера русского автора». В личном фонде ученого сохранилась рукопись труда Н. К. Никольского с пометами и дополнениями автора.⁴¹ По сравнению с изданным текстом в рукописи содержится более пространный текст истории распространения греческого языка в Древней Руси, религиозно-просветительского значения Греции для образования русского общества. Сохранилась оживленная переписка по поводу публикации «Речи тонкословия греческого» на страницах «Памятников древнерусской письменности и искусства».

В 1898 г. Николай Константинович был приглашен принять участие в издании полного собрания русских писателей (в рамках предпринятого Академией наук проекта о знаменовании празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина). Рассмотрев программу издания, он составил специальную записку о неосуществимости этого предприятия без предварительного разыскания древнейших списков русских писателей XI—XIV вв.⁴² По ходатайству Академии наук он был освобожден от чтения лекций в Духовной академии и в 1899/1900 учебном году командирован вместе с кандидатом Академии Ф. И. Покровским в разные губернии Российской империи. Экспедиция ставила перед собой цель изучить состав более 35 хранилищ Москвы, Владимира, Ярославля и других провинциальных городов. Основной объем работ удалось выполнить к марту 1901 г., о чем сообщил Отделению русского языка и словесности А. А. Шахматов.⁴³ На этом заседании, состоявшемся 3 марта, было принято решение образовать Комиссию для обсуждения вопросов, связанных непосредственно с изданием собранных экспедицией памятников русской словесности. (С 20 марта 1904 г. по 6 декабря 1907 г. Н. К. Никольский состоял редактором порученного ему ОРЯС академического издания «Памятники древнерусской литературы».)⁴⁴ «Повременной список», опубликованный ученым в 1906 г., должен был облегчить издание памятников древнерусской литературы.⁴⁵

³⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 29 об.

⁴⁰ Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI вв. // ПДПИ. 1896. № 114.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 1. Д. 8.

⁴² Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 717. Л. 2.; Ф. 1. Оп. 1а—1907. Д. 224. Л. 50—51.

⁴³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 773. Л. 2.

⁴⁴ Там же. Л. 16 (Протокол ОРЯС от 20 марта 1904 г. Ст. V).

⁴⁵ Никольский Н. К. Материалы для Повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XII вв.). СПб., 1906. На эту работу было опубликовано несколько отзывов: ЖМНП. 1906. Октябрь. С. 388—395 (А. И. Соболевский); Приложение к журналу «Христианское чтение». 1907. С. 165—173 (Ф. И. Пономарев); Там же. С. 173—183 (Д. И. Абрамович).

В ходе работ, связанных с систематизацией накопленного в ходе экспедиции материала, шло формирование той коллекции, которая получила впоследствии устойчивое определение как «Картотека Никольского». Материалы, собранные ученым, легли в основу нескольких работ, посвященных проблемам собирания и систематизации славяно-русского рукописного материала.⁴⁶

В 1898 г. (23 марта) Н. К. Никольского утвердили в звании экстраординарного профессора Духовной академии, спустя год, 30 декабря, — в звании ординарного профессора,⁴⁷ а в 1899 г. (28 мая) он был удостоен степени доктора церковной истории за сочинение «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625)».⁴⁸

Тема истории кирилловской вотчины занимала Н. К. Никольского еще долгие годы. В 1910 г. вышел в свет очередной выпуск исследования, получивший высокую оценку академических кругов.⁴⁹ Часть исследования была опубликована в журнале «Христианское чтение».⁵⁰ В письме к профессору Казанской духовной академии И. М. Покровскому ученый писал: «Второй выпуск “Кириллова монастыря” увидел свет довольно давно. Не посылал этой книги никому из представителей духовно-академической науки, опасаясь скомпрометировать их общением с крамолою. Буду рад, если Вы не откажетесь принять мой труд как исторический грех былых ученых стремлений моих. Четвертый выпуск “Кириллова монастыря” я начал было печатать в Христианском чтении, но по выходе из академии (духовной. — Н. К.) печатание прекратилось. К изданию третьего выпуска я не приступал. В приложении к нему я намерен был поместить и список игуменов и других властей кирилловских».⁵¹

Обширен круг материалов, сохранившихся в личном фонде Н. К. Никольского и заслуживающих отдельного исследования и публикации. 36 дел содержат материалы к работе ученого над историей Кирилло-Белозерского монастыря, записи и выписки из архивных и библиотечных материалов, сведения о земельных владениях монастыря, материалы для составления списков и биографий монахов, по древней иконописи, описание рукописей, копии великокняжеских и княжеских грамот, копии приходных, расходных, записной и сундучных книг и другие материалы.⁵²

Трудно переоценить значение этого церковно-исторического труда. До настоящего времени это издание остается подлинной энциклопедией о деятельности одного из крупнейших духовных центров Северной Руси, логическим завершением многолетнего кропотливого труда, начатого еще на студенческой скамье. В 1900 г.

⁴⁶ *Никольский Н. К.* 1) Материалы для Повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XII вв.); 2) Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРЯС АН. 1907. Т. 82, кн. 4; 3) Проспект изданий памятников русской литературы (домонгольского периода) // Изв. ОРЯС АН. СПб., 1907. Т. 11 (1906), кн. 4. Приложения. С. 1—5.

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 14. Л. 12—12 об. (Формулярные списки о службе).

⁴⁸ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897.

⁴⁹ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. О средствах содержания монастыря. За эту работу Академия наук удостоила Н. К. Никольского почетной Уваровской премии (см.: ПФА РАН. Ф. 2. Д. 28. Л. 88—88 об.). За оказанное содействие рецензент Н. К. Никольского, профессор М. М. Богословский, был удостоен золотой Уваровской рецензентской медали (см. его отзыв: Отчет о 53 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1912). За свою докторскую диссертацию определением Св. Синода от 30 апреля (1 мая) 1912 г. Н. К. Никольский был удостоен премии митрополита Московского Макария (ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 26. Л. 4).

⁵⁰ *Никольский Н. К.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII-го в. // ХЧ. 1907. Август. С. 153—159; 1908. Февраль. С. 267—292; Июнь—июль. С. 880—907.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 133. Л. 2—2 об. (письмо от 12 декабря 1914 г.).

⁵² Там же. Оп. 1. Д. 20—55.

(21 декабря) Н. К. Никольский за заслуги перед российской наукой был удостоен звания члена-корреспондента Отделения русского языка и словесности Академии наук.⁵³

30 января 1905 г. по представлению Совета Духовной академии указом Св. Синода за № 1122 Н. К. Никольского перевели на кафедру русской церковной истории.⁵⁴ За последние 10 лет он получил несколько государственных наград: орден Станислава 3-й степени (14 мая 1896 г.), орден св. Анны 3-й степени (6 мая 1904 г.), орден св. Анны 2-й степени (6 мая 1906 г.).⁵⁵

Переломными для Н. К. Никольского годами, новым этапом в его биографии как гражданина стал период предсоборного движения 1905—1907 гг. — время формирования русского национального самосознания. В многочисленных изданиях шло оживленное обсуждение предполагавшихся реформ, итогов заседаний Предсоборного Присутствия. На страницах газет и журналов публиковались мнения представителей различных слоев общества, обсуждались проблемы взаимоотношений церкви и человеческой личности, во многих заметках высказывалось разочарование в итоговых решениях Особого присутствия. В ходе дискуссий определилось два основных направления в постановке вопроса о церковной реформе, из которых первым было чисто внешнее, административно-юридическое упорядочение церковной жизни в соответствии с потребностями и желаниями «верхов» церковного общества («ужасной нравственной картиной» современной церковной жизни называет такое положение А. Чирецкий в своей статье «О церковной реформе»).⁵⁶ Ко второму направлению можно отнести сторонников внутреннего обновления, идеи церковности. Одним из первых указал на необходимость именно такого рода реформ Н. К. Никольский. Он откликнулся несколькими опубликованными в периодической печати статьями, вызвавшими живой отклик у читателей.⁵⁷ В личном фонде ученого сохранились неопубликованные материалы к статьям: «Задача жизни и задачи церкви», «По вопросу созыва чрезвычайного Всероссийского Поместного собора», «Канонические недоумения», «Православны ли истинно русские?», «Церковь и бюрократия» и другие работы.⁵⁸

Идеи, высказанные Н. К. Никольским, во многом не совпадали с официальным мнением. Он фактически занял самостоятельную позицию в обсуждении спорных вопросов, что не могло не вызвать раздражения высшей духовной администрации. В июне 1909 г. последовала отставка Н. К. Никольского от службы в Духовной академии. Формальной причиной стала проведенная Св. Синодом ревизия Духовных академий, произведенная в Санкт-Петербурге архиепископом Херсонским Дмитрием (решение об увольнении, впрочем, распространялось не только на Н. К. Никольского, но и на ординарного профессора по кафедре церковного права и византиниста В. Н. Бенешевича и по кафедре русской литературы — Д. И. Абрамовича). В интервью корреспонденту газеты «Слово» Н. К. Никольский заявил следующее: «Мне уже давно приходилось расходиться во взглядах с остальными членами Совета нашей академии. Поэтому... ход вещей пришел к своему логическому концу: я оказался не у дел и меня увольняют». ⁵⁹ Корреспондент

⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 18 (документы об избрании членом-корреспондентом и академиком по ОРЯС АН).

⁵⁴ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 36.

⁵⁵ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 13 (подлинники грамот о награждении).

⁵⁶ Чирецкий А. О церковной реформе // Богословский вестник. 1905. Июль—август. С. 466.

⁵⁷ Никольский Н. К. 1) Почему 32? // Новое время. 1905. 28 марта. № 10439; 2) Собор или съезд? // Церковный вестник. 1906; 3) К вопросу о церковной реформе (о проекте заявления относительно задач предстоящей церковной реформы, составленном группой профессоров Санкт-Петербургской духовной академии в апреле 1905 г.) // ХЧ. 1906. С. 177—203.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 1. Д. 220—232.

⁵⁹ Слово. 1909. 9 июня. № 831.

другой петербургской газеты отметил: «Особенно поражает такое отношение Синода к Н. К. Никольскому, доброму влиянию которого на студентов академия обязана тем, что в ней общестуденческие волнения 1906 г. прошли сравнительно легко и не вызвали продолжительного перерыва в занятиях».⁶⁰

Среди документов, хранящихся в личном архиве ученого, есть отпуск его письма к обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру, в котором он пытался объяснить выдвинутые против него обвинения.⁶¹ Несмотря на то что обоснование увольнения Н. К. Никольского имело обтекаемую формулировку, согласно поданному им прошению, — «уволить по расстроенному здоровью», свое увольнение из Духовной академии ученый переживал очень тяжело. В то же время он признавал, что «без свободы науки при новом режиме, который вводится Синодом, в академии я лично оставаться бы не мог, так как этот режим вполне противоречит тому, который был обещан и относительно которого я давал в свое время уверения студентам, что он будет введен».⁶² Сохранилось несколько писем, содержащих отклики на уход Н. К. Никольского из Духовной академии. Так, протоиерей Г. Шавальский адресовал ученому такие слова: «Вы мне всегда представлялись благороднейшим, самоотверженным тружеником науки, выше всего ставящим истину и крепко верящим, что от истины не может померкнуть свет веры. Ваш, поэтому, уход явился для меня искренней печалью. Думаю, что тяжело Вам расставаться с академией, с которой Вы были связаны более чем четверть века, но твердо верю, что Ваш невольный уход, доставив Вам временное огорчение, не убавит Вашей ученой славы и не ослабит Вашей энергии».⁶³ А. В. Карташев, профессор Духовной академии, выражал Н. К. Никольскому свое сочувствие в связи со сложившейся ситуацией и советовал ему приступить к преподаванию в университете.⁶⁴ В письме к товарищу по длительным путешествиям, А. И. Покровскому, Н. К. Никольский писал: «Я же с давних пор приучал себя и свыкся с необходимостью считать себя излишним в нашей среде, стоящим вне ее жизни и применения обычных традиций. Не могу сказать, чтобы это не измучило меня».⁶⁵

Неоднократно после ухода из Академии Н. К. Никольский получал приглашения к участию в церковных изданиях, но отвечал отказом. После событий 1909 г. он больше не принимал активного участия в обсуждении религиозных вопросов. В письме к Кириллу (К. Смирнову), архиепископу Тамбовскому и Шацкому, написанном уже в апреле 1917 г., Н. К. Никольский признавался: «Меня очень тронуло Ваше внимание, хотя я никогда не сомневался в том, что, несмотря на разность убеждений наших, Вы продолжаете хранить то расположение ко мне, какое зарождается только на школьных скамьях... Но, по моему глубокому убеждению, мои взгляды на церковный вопрос, в силу обстоятельств, сложившихся в последние десятилетия, не может способствовать безболезненному решению, а наоборот, может привести к осложнениям, столь нежелательным при переживаемых условиях».⁶⁶ Подобные размышления встречаются и в письме к Н. М. Малахову, филологу, кандидату богословия, доценту Петроградской Духовной академии: «Письмо Ваше возбудило во мне довольно сложные мысли и чувства, почему я не сразу решил ответить Вам. Мне было приятно получить от Вас приглашение снова принять посильное участие в обсуждении церковно-общественных вопросов, которые когда-то волновали меня. Согласие на мое сотрудничество могло бы ясно

⁶⁰ Речь. 1909. 24 июня.

⁶¹ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 127. Л. 148, 149.

⁶² Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 687—688 (из письма к А. П. Никольской от 5 июля 1909 г.).

⁶³ Там же. Оп. 3. Д. 727. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Д. 406. Л. 22 (письмо от 25 августа 1909 г.).

⁶⁵ Там же. Д. 136. Л. 1—1 об. (письмо от 23 июня 1909 г.).

⁶⁶ Там же. Д. 69. Л. 1.

засвидетельствовать перед Вами как всю искренность пожеланий успеха предпринятому Вами изданию, так и признательность за добрую память и присылку номеров Вашего интересного журнала. Но, взвесив вопросы о моем свободном времени, о возможных последствиях от моего участия для нового органа и, наконец, о примиримости моих взглядов с общим направлением редактируемого Вами издания, я вынужден откровенно сознаться, что мое сочувствие Вашему предприятию может превратиться в пустые обещания или в неудачные в каком-то отношении выступления. Время, проведенное мною по удалении моем из академии, втянуло меня в занятия, оттянувшие мои взгляды от приемлемого для Вашего органа образа мыслей».⁶⁷

Таким образом, покинув стены Академии, Н. К. Никольский больше не возвращался к проблемам церковной жизни на страницах периодических печатных изданий. В его личном фонде не сохранилось черновигов или других документов по церковной проблематике, написанных после увольнения. В истории С.-Петербургской Духовной академии Н. К. Никольский остался как яркий представитель церковно-исторической школы в русской богословской науке. В последней четверти XIX—начале XX в. к ней принадлежали такие известные ученые, как И. С. Соколов, Г. В. Барсов. Все представители этой школы отличались высокой требовательностью к методике своих исследований, точностью и выверенностью заключений.⁶⁸

После ухода из Духовной академии Н. К. Никольский получает предложение от историко-филологического факультета С.-Петербургского университета о работе на кафедре истории церкви в качестве приват-доцента. Сохранилась переписка между ректором и попечителем С.-Петербургского учебного округа о допущении Н. К. Никольского к чтению лекций в университете с 1 июля 1909 г.⁶⁹ Несмотря на значительный объем документов, сохранившихся в личном фонде ученого, они не дают полной информации об этом периоде его жизни. В основном это списки студентов, приглашения на заседания историко-филологического факультета, программы лекций.⁷⁰ Кроме того, он вел практические занятия по истории древнерусской литературы домонгольского времени (общий курс — 2 часа в неделю), состоял действительным членом Исторического общества (его членами были также Н. П. Сильванский, В. В. Сиповский, П. А. Лавров). На одном из заседаний Общества Н. К. Никольский прочитал доклад «Кирилло-Белозерские земельные владения как источник монастырских доходов до второй четверти XVII в.».⁷¹ Со 2 апреля 1910 г. он состоял членом «Общества вспомоществования студентам университета», имевшего своей целью «доставлять нуждающимся студентам средства к существованию для окончания университетского образования».⁷²

В 1912 г. Н. К. Никольский для продолжения научных изысканий (с 15 мая по 15 сентября) выехал за границу. Сохранилось заявление ученого в канцелярию историко-филологического факультета от 14 февраля 1912 г.: «Собрал для труда “Рукописная книжность” значительное количество материала. Его задача — облегчить историкам древней русской литературы необходимые для их занятий справки в обширной области старинной русской книжности, расширить путем систематизации рамки изысканий. Я желал бы... избежать в предпринятом издании крупных пробелов, и поэтому намерен в течение летних каникул продолжить свое личное

⁶⁷ Там же. Д. 99. Л. 1—2 (письмо от 5 марта 1916 г.).

⁶⁸ *Иннокентий (Павлов)*, иеромонах. Санкт-Петербургская духовная академия... С. 109—268.

⁶⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 1—6; ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 37. Л. 88.

⁷⁰ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 123.

⁷¹ Там же. Д. 121. Л. 1.

⁷² Там же. Д. 122. См. также: Устав вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1912.

ознакомление с рукописными собраниями. Могу только указать, что желал бы по преимуществу заняться в рукописных библиотеках юга России и Балканского полуострова».⁷³

В личном фонде ученого хранится несколько его писем к жене, Анне Петровне Никольской, дочери статского советника, директора Елизаветградской мужской гимназии, Петра Андреевича Александровского, с впечатлениями о нескольких июльских днях 1912 г. Так, в письме от 2 июля он писал: «Приехал в Черновцы — это центр Буковины. Здесь — резиденция православного митрополита, имеющего здесь свой дворец. Русский народ сохранил здесь свой язык и костюмы, которые можно видеть только в опере... сейчас уезжаю в Бухарест».⁷⁴ На следующий день он сообщает жене из Бухареста: «Сегодня целый день потратил на поиски... Доктор Бушила очень радушно встретил меня и выразил готовность дать все необходимые указания. Так как знатоком истории здесь славится профессор Jorga Nikolai,⁷⁵ то Б. (Бушила — инспектор местного бактериологического института. — Н. К.) посоветовал мне завтра съездить на его виллу и попробовать получить от него нужные справки. По описанию Бушила, это ученый — fin du siecle. На карикатурах его изображают пишущим одновременно двумя руками и двумя ногами и в то же время диктующим свои мысли. Этот Jorga пользуется здесь такой известностью, что считается так же неприличным быть в Бухаресте и не видеть Jorga, как быть в Риме и не видеть папы... Бухарест и румыны произвели на меня наилучшее впечатление».⁷⁶ С июля Н. К. Никольский в Софии, откуда пишет: «Остановился в Hotel Continental, громкое название которой не соответствует обстановке. Впрочем, и вообще Болгария с Софиею включительно далеко отстала от Румынии — в смысле богатства жителей и культурности. Единственно, что поражает в Софии, это устройство мостовых на главных улицах: из правильных обтесанных гладких камней, выложенных как бы в виде мозаики... Живут здесь и русские рабочие. Это обнаружил я вполне случайно. Зайдя вчера в огромную церковь Св. Александра Невского, строящуюся Померанцевым (из СПб), я хотел узнать, кто архитектор, и не знал, к кому обратиться, как вдруг раздалось слова одного рабочего к другому: “паршивый черт”, и я узнал, что мне нужно... В Софии, как и в Бухаресте, сначала не знал, куда сунуться и кого искать из знакомых. Теперь же недостатка в разных указаниях не чувствую. Проф. Златарский,⁷⁷ проф. Цонев и другие — так предупредительны и любезны, что иногда становится совестно. Везу отсюда немало дареных книг».⁷⁸ 14 июля Н. К. Никольский уже в Белграде. Здесь он встретился с коллегой — профессором Беличем,⁷⁹ «впечатлений ежедневно масса, а также много получаю и новых сведений по своему предмету».⁸⁰ В письме к Анне Петровне от 14 июля 1912 г. он отмечал: «Из числа моих покупок научных имеется одна весьма оригинальная и неожиданная. В Софии у одного антиквара я купил две египетские мумии птиц и одну египетскую статуэтку. Если это не подделка (что я

⁷³ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 123. Л. 4—4 об.

⁷⁴ Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 610.

⁷⁵ Йорга (Jorga) Николае (18.06.1871, г. Боташани—28.11.1940, близ Бухареста) — историк-византист, литературовед, академик Румынской Академии наук. Автор многочисленных работ по истории Румынии, Византии, Турции, Балканских стран, по истории румынской литературы.

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 6. Д. 4. Л. 612.

⁷⁷ Златарский (Златарски) Васил Николов (27.11.1866, Тырново—15.12.1935, София) — болгарский историк. Окончил Петербургский и Берлинский университеты. Член-корреспондент Петербургской АН (1911). Автор свыше 200 научных трудов по истории болгарского средневековья.

⁷⁸ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 6. Д. 4. Л. 617—618.

⁷⁹ Белич (Белић) Александр (2.08.1876, Белград—26.11.1960, Белград) — сербский языковед, президент Сербской АН, профессор Белградского университета, специалист в области диалектологии, истории, грамматики современного сербского языка.

⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 6. Д. 44. Л. 623 об.

узнаю в СПб), то значение покупки будет очень велико. Заплатил за них 50 франков. Если это даже подделка, во что я пока мало верю, то весьма удачная, и в таком случае — она интересна. Но в Болгарии по отзыву местных ученых никогда не было в продаже подобных вещей, а по отзыву антиквара редкости эти выкопаны из земли около Филиппополя. Последнее не невероятно, так как в пределах Болгарии в древности существовал культ языческих божеств. Во всяком случае в СПб наведу сначала некоторые справки по египтологии, а затем прочту реферат о покупке, которая и сама по себе может составить комнатное украшение. В местном музее (в Софии) нет отдела египетских древностей, и если подтвердится сообщение антиквара (что взялся проверить г. Димитров), то важность моего приобретения будет выдающейся. Покупка эта уже вызвала немало рассуждений в Софии, где, конечно, были бы очень огорчены, если бы убедились, что из Болгарии была вывезена древность местного значения интереса, тем более, что антиквар предлагал ее в Музей, но директор его сказал, что не собирает птичьих коллекций. В СПб буду дразнить Лихачева, хотя бы мои птицы не были подделкою».⁸¹

Вернувшись из поездки, Н. К. Никольский в течение двух лет работал с материалами, собранными во время путешествия, и к 1914 г. завершил итоговую работу. Основная идея этого труда — необходимость систематического изучения книжных собраний, исследования исторических памятников в полном объеме, с уточнением их происхождения, датировки, истории использования. Ясно, что эта работа планировалась в нескольких выпусках, но вышел лишь один.⁸²

Еще одно направление деятельности Николая Константиновича в эти годы — работа в Психоневрологическом институте в Петербурге. В фонде ученого сохранилось извещение декана словесно-исторического факультета института (от 21 апреля 1912 г.) об избрании Н. К. Никольского, а также сообщение президента института, академика В. Н. Бехтерева, о состоявшемся в институте 19 апреля 1912 г. заседании и решении администрации института пригласить ученого к работе.⁸³ В состав его преподавательского корпуса входили известные педагоги и ученые: С. А. Венгеров, Г. В. Вернадский, И. Д. Андреев, вице-президентом состоял В. А. Вочко, ученым секретарем — Ю. А. Филипченко. 1 сентября 1916 г. Н. К. Никольский был утвержден профессором по кафедре словесно-исторического факультета университета, учрежденного при Психоневрологическом институте. Н. К. Никольский преподавал в Психоневрологическом институте и в университете до 17 октября 1916 г. (в дополнениях к автобиографии он замечает, что 28 апреля 1917 г. он еще числился в преподавательском составе института).⁸⁴ Поводом к уходу Н. К. Никольского из института стало распределение учебных занятий на 1916/17 г. и составление общего плана преподавания. Их обсуждение прошло без приглашения ученого на организационные заседания и привлечения его к составлению документов. Кроме того, в письмах Николая Константиновича к Н. И. Карееву упоминается об избрании без его ведома еще одного слависта, по-видимому, ученый воспринял это как факт неуважения к себе и счел невозможным оставаться в институте.

В качестве редактора Н. К. Никольский участвовал в организации своеобразного журнала — «Библиографическая летопись». Он издавался недолго, вышел всего в трех выпусках (в 1914, 1915 и в 1917 гг.). Несомненно, издание журнала

⁸¹ Там же. Л. 640 об. — 655.

⁸² *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей // ОЛДП. СПб., 1914. № 132. Вып. 1. А—В.

⁸³ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 124. Л. 1—2.

⁸⁴ Там же. Оп. 3. Д. 65. Л. 14—16.

стало для ученого новым, интересным для него делом: впервые он сам составляет тематику выпусков, приглашает к участию в издании авторов.⁸⁵ О задачах журнала Н. К. Никольский сообщил нескольким своим постоянным адресатам и коллегам, в том числе М. Н. Сперанскому, в письме которому от 24 декабря 1913 г. отмечал: «Комитет ОЛДП поручил мне подготовку к печати пробного выпуска, срок выхода которого в свет будет зависеть от времени получения мною статей и заметок. Желал бы собрать их к 1 марта, с таким расчетом, чтобы в течение года можно было выпускать 3—4 нумера, если начало окажется удачным. Что касается статей и заметок, то в новом издании я предполагал бы завести два главных отдела: в первом помещать а) отзывы о книгах, не очень обширные по объему... б) а также сведения о вновь вышедших книгах по предмету древней литературы и письменности. Очень желал бы давать место в новом издании и переписке наших прежних археографов, так как этот материал не имеет своего принципиального органа».⁸⁶ В письме к Ф. И. Покровскому от 18 декабря 1913 г. Н. К. Никольский обращался с просьбой об участии в издании: «Когда-то мы ездили и работали вместе, мечтая о том, что наши труды и лишения окажутся полезными для разных наук о рукописных древностях. Не пожелаете ли Вы воспользоваться страницами вновь возникающей при ОЛДП «Библиографической летописи» для заметок, сообщений и отзывов, относящихся к истории, изучению и современной разработке памятников славяно-русской литературы и письменности до XVIII в. включительно. «Летопись» имеет в виду осведомлять лиц, интересующихся славяно-русской литературой и письменностью, о новых исследованиях в указанной области».⁸⁷ Из византистов к работе в журнале Н. К. Никольскому удалось привлечь Д. В. Айдалова. Работой в журнале ученый занимался с несомненным удовольствием, но, как отмечается в письме к Н. Л. Туницкому в 1914 г., он «никогда не предполагал, что «Библиографическая летопись» будет отнимать... много времени, сколько оказалось на деле».⁸⁸ Одним из основных авторов журнала был сам Николай Константинович. Он выполнял для издания рецензии, комментарии к редким памятникам литературы. В 1917 г. «Библиографическая летопись» вышла последним, третьим выпуском, уже в значительно сокращенном варианте, с уведомлением читателей о прекращении издания из-за недостатка средств.

8 октября 1916 г. на заседании Общего собрания Академии наук состоялось избрание Н. К. Никольского в ординарные академики по Отделению русского языка и словесности.⁸⁹ Записку об ученых трудах кандидата составили: В. Н. Перетц, А. А. Шахматов, Н. П. Кондаков, А. И. Соболевский, Н. А. Котляревский.⁹⁰ Это событие явилось закономерным результатом многолетних ученых занятий доктора церковной истории, статского советника Н. К. Никольского (от избрания его членом-корреспондентом прошло 16 лет). Друзья с радостью поздравили его с этим важным и долгожданым событием: «С неподдельной радостью и большим удовлетворением узнал об избрании Вас академиком» (Д. И. Абрамович, 4 апреля 1916 г.);⁹¹ «Поздравляю с избранием в ординарные академики. Я лет 15 тому назад предвидел Вам академическое кресло, которое Вы уже тогда заслуживали» (Х. М. Лопарев,

⁸⁵ Журнал «Библиографическая летопись» издавался Комитетом Общества любителей древней письменности. Инициатива его издания принадлежит председателю ОЛДП, графу С. Д. Шереметеву.

⁸⁶ ПФА РАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 163. Л. 1—3.

⁸⁷ Там же. Д. 134. Л. 89—91 об.

⁸⁸ Там же. Д. 179. Л. 4.

⁸⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1а—1916. Д. 163. § 124. Л. 59; Ф. 2. Оп. 17. Д. 131. Л. 1—16 (см. также: Российская Академия наук. Персональный состав. 1724—1917. М., 1999. Кн. 1. С. 97).

⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1916. Д. 163. Л. 65—70 (IV приложение к протоколу V заседания ОС АН от 9 мая 1916 г.).

⁹¹ Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 204. Л. 117.

4 апреля 1916 г.);⁹² «Поздравляю Вас душевно с назначением в члены Академии наук, где Вы будете светить еще более ясным светом для нашей науки, чем в звании профессора. Дай Вам Бог послужить ей в этом новом звании» (Д. В. Айналов, 23 декабря 1916 г.).⁹³

Несмотря на свое сознательное отстранение от занятий историей церкви, в 1917 г. ученому все же пришлось принять участие в деятельности Поместного Собора. 2 сентября 1917 г. на экстраординарном собрании православных членов Академии наук Н. К. Никольский был избран представителем Академии в Предсоборное Присутствие.⁹⁴ Обстоятельства сложились так, что на первой сессии Поместного Собора Н. К. Никольскому не удалось присутствовать. В личном фонде ученого сохранилось уведомление из канцелярии Собора с предупреждением о выводе его из состава участников в случае неявки и на вторую сессию, намеченную на июнь 1918 г.⁹⁵ В ответном письме Н. К. Никольский сообщал: «Отсутствовал ввиду необходимости охранять от возможной реквизиции ценные для науки рукописи и книги, которые собраны для моих занятий в моей квартире и среди которых находятся принадлежания и церковным учреждениям (вместо зачеркнутого: «вследствие национализации недвижимостей в г. Царское Село и происходящих здесь погромов». — Н. К.). Хотя в настоящее время мне и удалось обезопасить собранные в моей квартире книги и рукописи от возможной реквизиции, но я не могу быть уверенным в том, что происходящие события позволят принять участие в третьей сессии Собора в том случае, если Совет признает причину моей неявки и на вторую сессию уважительной».⁹⁶ О своем пребывании на Соборе с середины сентября до середины декабря Н. К. Никольский сообщил в письме к доктору медицины М. Е. Кириллову. Здесь же он упомянул о состоянии своего здоровья: «Я также еженедельно прихварываю, то из-за простуды (в комнате около 6—7), то из-за недоедания или питания мякинным хлебом».⁹⁷

В 1917 г. на волне реформ архивного дела Н. К. Никольский принимал участие в осмотре архивов и дворцов, учреждений дворцового ведомства, о чем свидетельствует сохранившееся письмо управляющего архивами от Министерства иностранных дел.⁹⁸ В частности, Н. К. Никольскому предоставлялось право осмотра книг, рукописного материала в Царскосельском дворце великой княгини Марии Павловны, «ввиду занятия указанного дворца какой-то воинской частью». Еще один документ к биографии Н. К. Никольского этих лет — извещение об избрании ученым сотрудником Постоянной комиссии по изучению миниатюры при Российской Академии истории материальной культуры.⁹⁹ В разработанную Комиссией программу входило выполнение задач, связанных с вопросами сбора и систематизации сведений о наличии в древних рукописях заставок, инициалов, сведения о которых не всегда включались в описания рукописей. Летом 1920 г. Н. К. Никольский был командирован РАИМК в Москву для осмотра выставки древнерусской иконописи.¹⁰⁰ В августе этого же года он получил командировку в Новгород для осмотра фресок в с. Ковалево и для выяснения наличия памятников миниатюры в рукописных собраниях Новгорода.¹⁰¹ По поручению Постоянной комиссии ученый рабо-

⁹² Там же. Д. 466. Л. 21.

⁹³ Там же. Д. 206. Л. 5.

⁹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 17. Д. 131. Л. 24.

⁹⁵ Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 138. Л. 2.

⁹⁶ Там же. Л. 23.

⁹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 70. Л. 1—6 об.

⁹⁸ Там же. Д. 319. Л. 1—2.

⁹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 118. Л. 20.

¹⁰⁰ Там же. Л. 18.

¹⁰¹ Там же. Л. 22.

тал над составлением списка славяно-русских рукописей с миниатюрами, составлял обзор лицевых синодиков, на основе собранных им библиографических материалов систематизировал сведения о рукописях допетровского времени. Деятельность Н. К. Никольского в составе Комиссии не была продолжительной, в 1922 г., 23 октября, он подал заявление с просьбой о своем увольнении ввиду «переобременения внеакадемическими ответственными занятиями и поручениями».¹⁰²

1919 год стал для Николая Константиновича годом испытаний и потерь. Предположительно в марте ученый писал к математику В. А. Стеклову: «Лечивший меня недавно от сыпного тифа врач настаивает, чтобы я ввиду общей слабости или взял отпуск для переезда в более хлебные места, или позаботился об усиленном питании своем в пределах своего местожительства. Опасаясь за судьбу академических материалов, собранных в моей квартире, я очень неохотно решился бы на отпуск, и потому намерен предварительно улучшить свой паек в Детском Селе».¹⁰³ В письме к А. А. Львовой, сотруднице Государственного Исторического музея в Москве, Н. К. Никольский признавался: «Только на днях получил я возможность и удовольствие прочесть Ваше письмо от 22 декабря прошлого года. С 14 декабря я заболел сыпным тифом, от которого не совсем оправился. Мне жаль, что не удалось съездить в столицу и побывать в Москве. С половины октября ряд невзгод надвинулся на меня. Сначала испанская болезнь, кончина сестры, затем операция в области пищевода, наконец, сыпной тиф совершенно расстроили мои планы и намерения. Очень жаль, что у вас “холод и голод” стали отзываться на научных интересах и трудах. Мне казалось, что это удел Петрограда, а не Москвы».¹⁰⁴

На заседании Общего собрания Академии наук, состоявшемся 4 сентября 1920 г., непреходящий секретарь академик С. Ф. Ольденбург сообщил о решении Бюро Конференции предложить Н. К. Никольскому временно принять на себя заведование I и II Отделениями Библиотеки Академии наук.¹⁰⁵ 8 апреля 1921 г. академик был избран на пост директора БАН сроком на три года.¹⁰⁶ Н. К. Никольскому пришлось решать задачи не только по реорганизации структуры управления Библиотекой, но и многочисленные проблемы, возникающие вследствие недостатка места, территориальной разобщенности отделений Библиотеки. Было необходимо организовать нормальное хранение фондов, повысить качество обслуживания читателей. Под руководством Н. К. Никольского Библиотека переехала в новое здание, переданное в 1921 г. Академии наук.¹⁰⁷ Окончательный переезд начался в 1922 г. и завершился через два года — 8 октября 1924 г.¹⁰⁸ Несмотря на условия существования в состоянии длительного переезда, директор Библиотеки постоянно занимался вопросами комплектования книжного фонда, восстановлением системы книгообмена, находил возможным и необходимым командировать сотрудников БАН в Таврическую губернию на Украину для сбора необходимых Библиотеке местных печатных изданий.¹⁰⁹

Кроме решения научных вопросов Н. К. Никольский занимался и комплектованием штата Библиотеки. В личном фонде ученого сохранилось значительное количество писем к нему из разных городов страны с просьбами о предоставлении

¹⁰² Там же. Л. 42.

¹⁰³ Там же. Д. 165. Л. 1—2.

¹⁰⁴ Там же. Д. 93. Л. 1—2.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1а—1921. Д. 169. Л. 4.

¹⁰⁶ Там же. Л. 27.

¹⁰⁷ Никольский Н. К., Пилкин С. К. Библиотека Академии наук в новом здании // Библиотечное обозрение. Л., 1925. Кн. 2. С. 74—94.

¹⁰⁸ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М., 1964. С. 308—310, 312, 314, 328—330, 353, 354.

¹⁰⁹ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 109. Л. 3.

места в Библиотеке, часто — с приложением подробной автобиографии, списка научных трудов. Занимался он и хозяйственными вопросами: от переустройства дверей и внешних запоров до исправления пола и электричества в магазинах Библиотеки, установки стеллажей. За несколько лет своего пребывания на посту директора БАН Н. К. Никольский добился превращения вверенного ему учреждения в один из крупнейших научных центров, третью по значению библиотеку страны.

Весной 1924 г. истекал трехгодичный срок деятельности Н. К. Никольского в Библиотеке. Все эти годы были для ученого достаточно сложными, потребовавшими немало организаторских усилий, решения непростых проблем, связанных с управлением научным учреждением. Сохранилось письмо Н. К. Никольского к С. Ф. Ольденбургу от 29 апреля 1924 г., в котором говорилось: «Три года назад я допустил непростительную неосторожность, приняв на себя управление Библиотекой, я был очень мало знаком с ее состоянием и недостаточно взвесил те трудности, пути к упорядочению ее, начатые моими предшественниками».¹¹⁰ 7 мая 1924 г. Н. К. Никольский подал прошение об освобождении его с поста директора Библиотеки за истечением срока избрания,¹¹¹ однако на экстраординарном заседании Общего собрания Академии наук, состоявшемся 10 мая 1924 г., его вновь единогласно избрали на должность директора БАН.¹¹² Несмотря на повторное выражение доверия, ученый не изменил своего решения, и 17 июля 1925 г. Президиум Академии наук заслушал его заявление об освобождении от обязанностей директора.¹¹³ Настоящей причиной ухода Николая Константиновича стало несогласие с передачей имущества Библиотеки в пользу Правления Академии наук и ее хозяйственной части. От сотрудников Библиотеки академику был преподнесен адрес, в котором имеются и такие строки: «Мы видели в Вас человека, всецело и беззаветно отдавшего Библиотеке и ее научным интересам все свои силы, все свое время и все свои глубокие знания в области книговедения и библиотекведения. В тяжкие годы всеобщей разрухи, когда замерзали чернила в Библиотеке, когда и сами мы не знали, чем и когда согреться на своей работе и чем заглушить в себе щемящее чувство голода, мы видели, что и Вы страдаете, как и мы, но, вопреки этим страданиям, не забываете, что не хлебом единым жив человек, и ни на минуту не покидаете своей работы в Библиотеке. Во всей Вашей деятельности в Библиотеке перед Вашими глазами всегда и неизменно стояло одно и только одно: польза дела, успешность и продуктивность научной работы».¹¹⁴

С 18 сентября 1920 г. Н. К. Никольский занимал должность директора Книжной палаты (позднее переименованной в Институт книговедения).¹¹⁵ В период работы в этом учреждении он занимался вопросами упорядочения делопроизводства, организации ежегодных выставок печатных изданий. При институте работали курсы книговедения, готовившие специалистов для работы во всех отраслях книжного дела, на которых Н. К. Никольский читал курс лекций по истории рукописной книги. На курсах читались лекции по книгоописанию и классификации книг, книгораспространению, проводились экскурсии на фабрики, в типографии, в библиотеки. Одновременно с Н. К. Никольским в институте преподавали С. Ф. Ольденбург, М. Н. Куфаев, П. К. Симони, А. Ф. Кони, А. Д. Александров.

Изменения в сфере высшего образования (декрет 4 марта 1921 г. об образовании факультетов общественных наук), которые вызывали негативную реакцию

¹¹⁰ Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 107. Л. 4 об. — 5.

¹¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1а—1924. Д. 173. Л. 12 об.

¹¹² Там же. Л. 15.

¹¹³ Там же. Ф. 1. Оп. 1а—1925. Д. 174. Л. 33—33 об.

¹¹⁴ Там же. Д. 39. Л. 1—3.

¹¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 119. Л. 1—2 (извещение об избрании).

«старой» профессуры, необходимость отдавать все силы на службе в БАН повлияли, по-видимому, на решение Н. К. Никольского прекратить преподавание в университете, подав прошение об увольнении 15 марта 1921 г.¹¹⁶ (эти же сведения подтверждаются в справке от 16 января 1929 г., выданной по запросу Управления Академии наук¹¹⁷).

Со 2 по 8 декабря 1924 г. в Москве состоялся I Всероссийский Библиографический съезд, на котором Н. К. Никольский выступил с докладом «Конкретные рамки библиографического репертуара» и с сообщением «Об описании славяно-русских инкунабул». В своем докладе ученый обратил внимание научной общественности на необходимость создания полной научной библиографии всех произведений русской печати на основе объединения усилий всех крупных библиотек страны. Съезд, обсудив доклад, постановил создать специальный орган по составлению и изданию списка русских книг. По сообщению, сделанному Н. К. Никольским, было принято положительное решение об организации в Москве и Ленинграде двух отделений специального Бюро для осуществления намеченных съездом задач.¹¹⁸

Работа Н. К. Никольского по собиранию и систематизации сведений о древнерусском рукописном материале продолжалась и в созданном ученым Музее славяно-русской книжности.¹¹⁹ Решение об официальной регистрации Музея было принято на одном из заседаний Отделения русского языка и словесности Академии наук. Задачи Музея были изложены Н. К. Никольским в записке, заслушанной в Отделении 4 декабря 1918 г.¹²⁰ Основой созданного учреждения стала собранная ученым картотека, карточки со сведениями о сохранившихся пергаментных рукописях, алфавитными списками названий сочинений русских авторов и другие библиографические материалы. Все документы хранились в квартире Н. К. Никольского в Детском Селе и представляли собой уникальную коллекцию, ценность которой подтверждается документами, подписанными президентом Академии наук, академиком А. П. Карпинским, непременным секретарем С. Ф. Ольденбургом и наркомом А. В. Луначарским. 1 ноября 1924 г. состоялось Общее собрание конференции Академии наук, на котором непременный секретарь доложил о постановлении ОРЯС о закрытии Музея славяно-русской книжности в связи с передачей его собрания Библиотеке Академии наук. Было положено признать Музей прекратившим свое самостоятельное существование. Фактически Музей продолжал существовать до 1926 г., когда Н. К. Никольский принял решение о передаче коллекции Музея Академии наук. Для обеспечения наилучших условий для хранения научного имущества обсуждался и вопрос о необходимости национализации дома № 37 по Бульварной улице. К сожалению, этот вопрос не получил своего разрешения, о чем свидетельствуют сохранившиеся в личном фонде ученого документы. На заседании Президиума Академии наук, состоявшемся 22 августа 1928 г., было решено заключить с Детскосельским райисполкомом договор на временную аренду дома, рассматривался и вариант перемещения документов в Ленинград.¹²¹ Вопрос о статусе этого дома возникал и в начале 30-х гг. Со стороны администрации Ижорского завода в адрес Н. К. Никольского поступали предложения о переезде в не приспособленное для хранения коллекций помещение в г. Слуцк.¹²² Во всяком

¹¹⁶ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 37. Л. 130; Д. 38. Л. 5.

¹¹⁷ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 36.

¹¹⁸ Труды I Всероссийского Библиографического съезда в Москве 2—8 декабря 1924 г. М., 1926. С. 145—149.

¹¹⁹ *Рождественская М. В.* Академик Н. К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея... С. 397—408.

¹²⁰ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1918. Д. 165. Л. 329 об. —331.

¹²¹ Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 89. Л. 191.

¹²² Там же. Л. 225.

случае, все материалы, переданные Н. К. Никольским в дар Академии наук в 1926 г., оставались в Детском Селе до самой кончины ученого.

Такое неопределенное положение не могло не сказываться на его здоровье и моральном состоянии. В Детском Селе хранилась и картотека Комиссии по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ), которую Н. К. Никольский возглавил еще в дореволюционные годы. До 1928 г. комиссия работала «на общественных началах». В 1928 г. был утвержден состав КПДЛ (в штатное расписание входили председатель комиссии и еще три сотрудника). Комиссия занималась выявлением в библиотеках и древлехранилищах списков литературных памятников, их сличением, составлением копий, систематизацией собранных сведений в картотеке КПДЛ. В 1930 г. при Отделении русского языка и словесности была создана вторая комиссия — по составлению толковой библиографии по древнерусской литературе (КТБ), которая работала под руководством академика В. Н. Перетца. В течение двух лет на основе этих комиссий была сформирована Комиссия по древнерусской литературе (КДЛ), председателем которой избрали Н. К. Никольского. 24 ноября 1931 г. произошло объединение Института русской литературы с Комиссией по древнерусской литературе, новое учреждение получило название Институт русской литературы.¹²³

Годы службы в Академии наук были для Николая Константиновича заполнены интересной работой, он всегда принимал участие в решении сложных вопросов, отстаивал свое личное мнение. Так, он принял принципиальную позицию по вопросу об избрании в действительные члены Академии наук по классической филологии С. А. Жебелева,¹²⁴ активно участвовал и в обсуждении нового устава Академии наук. 25 мая 1926 г. на заседании Отделения русского языка и словесности была прочитана «записка» Н. К. Никольского о проекте устава.¹²⁵ Известно, что, несмотря на противодействие со стороны Академии наук, 31 мая 1927 г. Совнарком утвердил текст устава, не совпадающий в ряде положений с мнением большинства академиков, в том числе и с мнением Н. К. Никольского (закрепление чрезмерной власти за Президиумом Академии наук, увеличение числа академических кафедр с 45 до 70, новая процедура выборов и т. д.).¹²⁶

В 30-е гг. жестко регламентировался список разрешенных к выписке изданий, тщательно проверялись представленные заявки. Так, в 1936 г. Комиссия содействия ученым направила Н. К. Никольскому запрос о причинах выписки литературы не только по литературоведению, но и по железнодорожному делу.¹²⁷ В фонде ученого сохранился отпуск письма, в котором он писал: «В конце 1934 г., после постановления о выписке заграничной периодики только по заявкам академиков, ко мне обратился профессор Института путей сообщения А. Н. Нечаев с заявлением о безвыходности создавшегося для него в силу этого распоряжения трудного положения. Как профессор вуза, он обязан следить за последними достижениями заграничной техники и сообщать их будущим инженерам... Я не разделяю того мнения, что выписываемые из-за границы на имя академиков книги должны обслуживать только их одних... никогда не соглашусь с Вами, что академик должен быть ремесленником, знающим только свое мастерство и лишенным права интересоваться периодикою не по своей специальности... Изучая памятники древне-

¹²³ *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы... С. 3—52.

¹²⁴ *Тункина И. В., Фролов Э. Д.* Историографические этюды С. А. Жебелева (Из неизданного наследия) // ВДИ. 1993. С. 198 об.—199; ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1927. Д. 176. Л. 70. § 101; Л. 84. § 135; Л. 229 об. § 129; Оп. 2—1927. Д. 4. Л. 22—22 об. § 101; Ф. 2. Оп. 17. Д. 201. Л. 1—2.

¹²⁵ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1926. Д. 175. Л. 113.

¹²⁶ *Переченок Ф. Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1.

¹²⁷ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 40. Л. 9.

русской литературы, я не разрешил бы целого ряда научных проблем, если бы не располагал пособиями по кораблестроительному делу, по астрономии, ботанике и т. п.». ¹²⁸ Даже в этом вопросе ученый проявил принципиальность и настойчивость в отстаивании научных интересов своего коллеги.

Одной из последних работ Николая Константиновича стало исследование о «Повести временных лет», в котором ученый доказывал ряд принципиальных выводов о возможных иных культурах, оказавших заметное влияние на развитие древнерусской культуры. ¹²⁹ О продолжении им работы над дальнейшими выпусками своей монографии свидетельствуют фрагменты «Отчетов о деятельности Академии наук с 1931 по 1935 г.»: в 1931 г. он «состоял председателем КДЛ и редактором трудов Комиссии, готовил к печати критический обзор легендарных сказаний древнейшего русского летописного свода и продолжал свой труд: “Bibliothaeca sloveno-rossica”». ¹³⁰ В 1933 г. Н. К. Никольский «продолжал свое исследование о ПВЛ, подготовил к печати 14 глав для 2 и 3 выпусков монографии, пополнил уже собранные материалы для “Bibliothaeca”». ¹³¹ В отчете за 1935 г. ученый отметил окончание им предварительных изысканий и начало редактирования второго выпуска исследования о ПВЛ. ¹³² В последние годы жизни Н. К. Никольский занимался исследованиями, связанными с изучением истории летописания, изысканиями в области взаимопроникновения славянских культур. ¹³³

Жизненный путь Николая Константиновича Никольского завершился 23 марта 1936 г. Сохранились воспоминания М. С. Боровковой-Майковой о последних днях ученого: «Пришло известие, что Николай Константинович болен, я не обратила особенного внимания, он простужался очень часто и повышенная температура для него была не редкость. Но слухи стали угрожающими. Я написала письмо, обещая приехать, как только ему станет лучше, но, кажется, он уже не мог его прочесть... Работал он при 4 градусах тепла. Работал он всегда усидчиво, целыми днями — результатом был грипп, больные легкие и голодные годы дали осложнение, у него сделался менингит». ¹³⁴ Николая Константиновича похоронили в Детском Селе, хотя могилы его близких находятся на петербургских кладбищах. В городских газетах появилось несколько кратких некрологов с сообщением о смерти ученого. ¹³⁵

Жизнь Николая Константиновича Никольского — пример подвижнического служения науке. Его архив, картотека и сейчас остаются уникальным источником для научных изысканий. Интересна судьба написанных им трудов — почти все они предполагались к изданию в нескольких выпусках или томах, но не были закончены при жизни их автора и не переиздавались в последующие годы. Неполная обработка документов затрудняет работу с документами, делает ограниченным доступ исследователей к материалам личного фонда ученого. Николая Константи-

¹²⁸ Там же. Л. 11—11 об.

¹²⁹ *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании // Сб. ОРЯС АН. 1930. Т. 2, вып. 1.

¹³⁰ Отчет о деятельности АН СССР в 1931 г. Л., 1932. С. 39.

¹³¹ Отчет о деятельности АН СССР в 1933 г. Л., 1934. С. 201.

¹³² Отчет о деятельности АН СССР за 1935 г. М.; Л. 1937. С. 27—27 об.

¹³³ *Никольский Н. К.* К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературные памятники домонгольской эпохи // Вестник АН СССР. 1933. № 8—9. С. 5—18.

¹³⁴ ПФА РАН. Ф. 738. Оп. 2. Д. 26. Л. 13 об. —14.

¹³⁵ Красная газета. 1936. 25, 28 марта; Ленинградская правда. 1936. 26 марта; Литературный Ленинград. 1936. 26 марта. В фонде Института русской литературы (ИРЛИ) сохранились документы, связанные с вопросами распределения книжных и рукописных материалов Н. К. Никольского, отзыв о его научной деятельности, составленный для возбуждения ходатайства о назначении пенсии сестрам академика (он подписан В. П. Адриановой-Перетц); некролог (ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1—1936 г. Д. 19. Л. 23—33; Д. 47. Л. 2—5).

новича отличала высокая требовательность к себе, результатам своего труда, в отношениях с близкими и коллегами. После смерти ученого не осталось учеников, сумевших в достойной степени завершить начинания учителя. Наиболее близким к нему по научным интересам и разделявшим его научные принципы был Николай Николаевич Зарубин.¹³⁶ Сохранилось его письмо от 18 сентября 1925 г., написанное, по-видимому, после ухода Н. К. Никольского с поста директора БАН: «Глубокоуважаемый Николай Константинович! В продолжение 12 лет с того момента, когда я стал Вашим учеником, меня всегда поражала Ваша любовь к истине. В Ваших научных трудах Вы не останавливаетесь перед затратой огромных усилий в целях установки точных научных фактов, в Вашей практической деятельности Вы твердо держались своего слова и открыто свидетельствовали то, что считали справедливым... Нужно ли говорить о Вашем руководстве в моей научной работе, о нравственной поддержке в исключительно тяжелые моменты жизни? Есть слишком много пунктов, где соприкоснулась жизнь Ваша с моей, и отношения, создавшиеся у меня к Вам, далеко уже перешли за пределы того, что измеряется словами благодарности и признательности. Я просто уважаю и люблю Вас как отца. Думаю, единственно достойным ответом на Ваши обо мне заботы будет неуклонное осуществление в дальнейшем, как и ранее, Ваших заветов».¹³⁷ К сожалению, жизнь Н. Н. Зарубина была недолгой (умер в 1942 г.), ему не удалось завершить начатые совместно с Н. К. Никольским научные проекты.

Все исследователи, обращавшиеся к творчеству Н. К. Никольского, дают высокую оценку его трудов, отмечая трагичность их незавершенности. Наиболее полную оценку их значимости, с критическим анализом достигнутых ученым результатов, дала в своих статьях М. В. Рождественская. Несомненно, основные научные задачи, которые ставил перед собой Н. К. Никольский, сформулированы им в основополагающей статье «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности».¹³⁸ Основной вывод этой работы заключается в том, что невозможно сделать какие-либо обобщения или выводы прежде полного изучения всего наличного рукописного материала. Ученый, без сомнения, понимал бесконечность такой работы. Это становится ясным из письма его ученика, написанного, по-видимому, по следам разговора об этой публикации Н. К. Никольского: «Я прекрасно знаю, как Вы не раз говорили, что время строить историю литературы, как науки, еще не пришло, что надо пока что собирать факты, проводить связующие, подтвержденные документально, нити между разрозненными моментами, делать черновую работу, что в этом именно и состоят ближайшие задачи изучения нашей письменности... и что еще очень и очень не скоро, во всяком случае за пределами Ваших лет и в лучшем случае к концу наших удастся, может быть, сделать первые шаги к строго научному синтезу».¹³⁹

Имя Н. К. Никольского принадлежит прежде всего к кругу русских славистов, оставивших заметный след в изучении церковной истории, памятников славяно-русской книжности. Работы же, имеющие непосредственное отношение к византиноведению, открывают список его научных трудов и относятся к началу научной деятельности. Не вызывает сомнения факт близкого общения ученого с выдающимися представителями петербургского византиноведения Х. М. Лопаревым,

¹³⁶ В ходе проверки наличия документальных материалов НИОР БАН обнаружена необработанная россыпь личного фонда Н. Н. Зарубина: рукописи научных трудов и материалы к ним, документы к биографии и по деятельности, переписка, картонный каталог рукописей.

¹³⁷ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 372. Л. 29.

¹³⁸ *Никольский Н. К.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности // Изд. ОЛДП. 1902. № 147. 32 с.

¹³⁹ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 372. Л. 21—26 (письмо от 2 апреля 1924 г.).

Д. В. Айналовым, В. Н. Бенешевичем, Н. П. Лихачевым. Научные интересы Николая Константиновича были сосредоточены, прежде всего, на начальном периоде становления российской государственности, проблемах развития русского языка и в целом отечественной словесности. Постигание этих корней невозможно без поиска и наиболее полного анализа широкого круга письменных рукописных источников. Рукописи Н. К. Никольского ценны для исследователей наличием значительного количества неопубликованных материалов, достойных внимания. Несмотря на ограниченное количество опубликованных работ ученого, имеющих непосредственное отношение к византийской проблематике, сохранившееся наследие академика является основой для изучения истоков древнерусской письменности, тесно связанной с Византией и славянским миром.

У каждого собрания документов, поступившего на хранение в архив, имеется своя история оформления в коллекцию, доступную для полноценного исследования. Все рукописное наследие ученого после его смерти оставалось в Детском Селе. Предварительное ознакомление с документами и их первое описание выполнила сотрудница Ленинградского отделения Архива Академии наук И. С. Лосева. Она составила несколько описей обнаруженных в доме материалов согласно месту их расположения в доме Н. К. Никольского. Первый документ — опись материалов, находившихся на основном письменном столе, во внутренних ящиках. Это весьма приблизительный перечень, выполненный на основании первого, белуго осмотра документов. Опись датирована 13 апреля 1936 г. Следующий документ, от 15 апреля, представляет собой список архивного материала, находившегося в кабинете Николая Константиновича. На следующий день, 16 апреля, И. С. Лосева выполняет опись материалов, находившихся в библиотеке ученого. Еще один документ, от 18 апреля, выполненный карандашом, содержит сведения о найденных материалах на чердаке дома. Даже перечисленные приблизительно, документы поражают своим разнообразием: книги, рукописи, письма, записные книжки, большое количество фотографий, негативов и пленок, альбомы, материалы дальних родственников (В. Г. Георгиевского, А. С. Красносельского), газеты и записи лекций.

Далее архив ученого поступает в распоряжение специально созданной Комиссии по размещению архивов Н. К. Никольского в одном из помещений Библиотеки Академии наук (в состав комиссии входили А. М. Файнштейн, Л. М. Добровольский, Н. Н. Зарубин, Б. В. Александров, Е. С. Лосева). Уже 28 апреля 1936 г. архивные материалы в количестве 287 папок передали на хранение и обработку в Ленинградское отделение Архива Академии наук. Согласно составленному 23 июня акту, на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж поступила коллекция монет, медалей, жетонов, печатей и бумажных знаков, принадлежавших Н. К. Никольскому и его семье: «античных и византийских монет 430 экз., восточных монет 57 экз., русских монет 5133 экз., западноевропейских монет 942 экз., русских печатей 206 экз., русских медалей и жетонов 244 экз., бумажных денежных знаков 87 экз. (всего 7133 экз.), среди них золотых — 2 экз., серебряных — 890 экз., медных — 5887 экз., прочих материалов — 354 экз.». В деле фонда сохранился документ о передаче в Секретную часть Академии наук следующих ценных предметов: орденов дореволюционного времени: ордена Владимира (гражданского) 3-й степени, двух орденов Анны больших и трех орденов Анны малых, двух серебряных медалей 1859 г. на открытие памятника Николаю I на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге и одной серебряной медали 1894 г. с изображением Александра III. В Библиотеку Академии наук поступили на хранение библиотека семьи Никольских, собранная Н. К. Никольским картотека и часть его рукописного наследия. Сюда же были переданы материалы по истории Кирилло-Белозерского монастыря. В 1940 г. эта коллекция поступила на постоянное хранение в Ленин-

градский филиал Института истории Академии наук. В материалах фонда Института русской литературы (Пушкинский Дом) сохранился акт о передаче Институту части рукописного наследия Н. К. Никольского: архивов дворянских родов Нелидовых, Сарычевых, Богдановых, материалов к картотеке.¹⁴⁰ Поступившие на хранение в Ленинградское отделение Архива Академии наук документы обрабатывались около двух лет, в 1938 и 1939 гг. Было составлено 11 описей. Значительно позже, в конце 80-х, часть рукописного наследия (переписку и материалы о деятельности) систематизировала и описала научный сотрудник Архива Н. С. Карейша. В результате обработки утратила практическое значение 4-я опись. В настоящее время личный фонд Н. К. Никольского содержит 1200 ед. хр. за 1580—1937 гг., материалы разделены на 10 описей.

В опись первую включено 237 дел за период с 1890 по 1935 г. Самые ранние документы — студенческие записи Н. К. Никольского по гомилетике, истории древнерусского проповедничества, программы и конспекты лекций по церковной истории, прослушанных в духовных учебных заведениях. В отдельный раздел описи выделены материалы к трудам по истории древнерусской литературы, письменности и книжности, к статье «Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности (Д. 1, 44 л. — черновая рукопись и машинопись с поправками автора). Сюда же включены материалы к опубликованным работам Никольского «О литературных трудах митрополита Климента Смолятича» (Д. 5, 208 л.), к «Материалам для Повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.)» (Д. 9, 602 л. — черновики, выполненные рукой Н. К. Никольского и переписчиков, корректурные листы). Во второй раздел описи вошли материалы к трудам по истории Кирилло-Белозерского монастыря (Д. 20—55), прежде всего — к неизданным главам исследования. Заслуживают внимания заметки и выписки по древней иконописи в Кирилло-Белозерском монастыре (Д. 38), документы, сформированные в архивное дело «Планы, измерения и фотографии зданий, чертежи, литографии, оттиски из книги, зарисовки и фотографии зданий монастыря с их перечнем и примечаниями о некоторых из них» (Д. 25, 1890-е гг.). Некоторые из зарисовок и фотографий выполнены Н. К. Никольским, интересовавшимся в годы обучения в Духовной академии живописью и фотографией.¹⁴¹ Об этом свидетельствует замечание Н. К. Никольского в письме к помощнику управляющего канцелярией Св. Синода С. Г. Рункевичу: «Прилагаю Вам фотографический снимок, сделанный мной во время занятий моих в Кирилловском монастыре, в 90-х годах».¹⁴² В отдельное дело сформированы документы по истории управления Московской и Белозерской областями в XV и XVII вв. (Д. 33, черновые записи на отдельных листках), где содержатся сведения о Большом приходе и его функциях. В этой коллекции документов находятся карточки с информацией о состоянии Белозерской администрации, дьяках Поместного приказа. Значительную группу документов составляют копии государственных и княжеских грамот, с данными по Кирилло-Белозерскому монастырю за XVII в., копии расходных и приходных книг «хлебу, пшеничной муке, крупам и толокну», копии «засевной» и «сундучной» книг. Большая часть материалов, объединенных в этом разделе описи, заслуживает самостоятельного научного исследования.

Специальное изучение рукописных материалов личного фонда ученого, имеющих отношение к истории Византии, проблемам влияния империи на культуру

¹⁴⁰ Там же. Ф. 150. Оп. 1—1936. Д. 46. Л. 32.

¹⁴¹ Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 4 (Документы о занятиях в Петербургской рисовальной школе Общества поощрения художеств). Подлинники. Здесь же хранится свидетельство о праве заниматься живописью и фотографированием в парках Царского Села от 13 июля 1899 г.

¹⁴² ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 146. Л. 2.

и историю Древней Руси, позволило выделить основные темы, интересовавшие Никольского. Это, прежде всего, проблема культурных влияний на Древнюю Русь, тема крещения Руси и роль князя Владимира, здесь же можно выделить сюжет о княгине Ольге и принятии ею христианства. Несомненно, интересовали ученого история договоров Византии с Русью, а также греческое влияние на славянскую культуру и лексику.

В один из основных разделов первой описи фонда вошли материалы к исследованию Никольского «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры». Из этой группы документов можно выделить заметки и обширные выписки из источников, раскрывающих проблему византизма древнейшей русской культуры (Д. 59), с примерами влияния на русскую культуру не только Византии, исторического и литературного воздействия на развитие Руси болгарской письменности, но и доказательство участия Запада, как славянского так и неславянского, в просветительской деятельности среди русских племен. Заслуживают внимания материалы, объединенные названием «Происхождение Руси, древнейшие русские племена» (Д. 62—68). В эту группу документов вошли обширные выписки о происхождении названия «Русь», о древнейших поселениях славян, расселении дулебов. Наибольшее количество выписок, черновых заметок, касающихся проблемы идеологических течений в XI в., вопроса о «правой вере» и веротерпимости, включено в д. 64. Заметки, вошедшие в эту единицу хранения, не представляют собой логичного единого текста, иногда отдельные сюжеты повторяются или дополняются выписками на отдельных листах. Основой размышлений ученого послужили древние летописные своды. Так, на примере «Повести временных лет» он высказывает предположение об устранении редактором летописи из курса русской истории преданий о западнославянском влиянии на развитие Древней Руси, истолковывает ряд сказаний, сохранившихся в «Повести временных лет», как остаток записей о просвещении Руси, независимом от греков. Здесь же имеются заметки о сохранившихся в памятниках письменности следах идеологических течений, существовавших в XI в.

Следующая группа материалов объединена названием «Культурные влияния на Древнюю Русь» (Д. 69—78). Это выписки из литературы и источников, касающиеся связей Древней Руси с Западом и Востоком, черновики доклада и библиографические материалы об учителях домонгольского времени, заметки и наброски о начале письменности у славян. Особого внимания заслуживают материалы к исследованию о Хронике Георгия Амартола и взаимоотношении ее с Толковой Палеей (Д. 69—71). Первое из этих дел содержит тексты о вводных статьях к «Повести временных лет». Одна из основных тем рукописей — разбор состава вводных статей и доказательство тезиса о Хронике Амартола как одном из источников «Повести».

Н. К. Никольский прослеживает и сходство литературных схем летописного свода с традициями чешского и польского летописания. Интересны сохранившиеся выписки из так называемых вопросов-ответов Сильвестра и Антония, в которых содержится характеристика славян, живших по Дунаю, на греческом языке, с переводом на славянский. В отдельную группу выделены материалы с извлечениями из Хроники Амартола и сказания об апостоле Андрее. Материалы к исследованию о Хронике, заметки и выписки, касающиеся серии работ В. М. Истрина, с экземплярами некоторых из них («Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе и связанные с нею памятники», «“Суд” в летописных сказаниях о походе русских князей на Царьград») хранятся в д. 60. Особый интерес Н. К. Никольского вызывало употребление слова «Στένον» и замена им 23 греческих терминов. В материалах о крещении Владимира и о культурных влияниях при Владимире

(Д. 87—97) отложились заметки ученого об известных событиях X в., размышления о процессе принятия Древней Русью христианства, с приведением фактов из летописных сводов, дошедших до настоящего времени свидетельств о крещении русских князей. Особое внимание Н. К. Никольский уделил истории крещения князя Владимира. Так, он доказывает, что это выдающееся событие не было исторической неожиданностью, христианство было известно и варягам, пришедшим на русскую землю и познакомившимся с ним благодаря отношениям с Византией. Одним из благоприятных условий, по его мнению, способствовавших распространению христианства, стало принятие новой религии знатными представителями Болгарии в IX и в X вв. Н. К. Никольский считал, что русский народ был подготовлен к принятию христианства, это было лишь делом времени. В этом комплексе материалов хранятся отдельные выписки о взаимопроникновении византийской и русской культур (например: «945.³ Лавр. 49. Показнен будет по закону гречьскому [и] по уставу и по закону русскому»;¹⁴³ «как видно из Обрядника Константина Порфирородного, во время торжественных выходов византийских императоров в Св. Софию, а также в городские и пригородные храмы Константинополя, императоры принимали участие в церковном богослужении. Они совершали хождение вокруг св. трапезы, а также алтаря и молящихся»).

Из следующего раздела первой описи, носящей название «Средневековая идеология на Руси и в других странах, до и после Владимира» (Д. 96—114), выделим материалы, имеющие непосредственное отношение к византиноведческим интересам Н. К. Никольского. Так, в д. 103, имеющем заголовок «Материалы для истории древнего христианства у западных славян, в Германии и в Англии» (Бавария, Чехия, Паннония, Болгария, Сербия, Венгрия и т. д.), хранятся заметки, объединенные названием «Влияние греческое» с подзаголовком «Летописи сношений с Византиею», основанные на выписках из летописей. Приводим содержание некоторых из них: «При изложении гражданских событий летописец не смущаясь говорит: “суть бо греци льстива и до сего дне” (Лавр.³ 68, 941, из Р. А.)»;¹⁴⁵ «Видиши ли, сколько зла створиша русь греком (988. Л.³ 108, 11—12)»;¹⁴⁶ «В 973 г. Ярополк I Святославович отправлял посольство к имп. Оттону II, зачем неизвестно. Сосватался на Рогнеде. Убит в 980 году. Тело его Ярослав окрестил и положил во Владимирском пределе Софии в 1044. Женат был на грекине»;¹⁴⁷ «В первые годы своего княжения Игорь жил в хорошей связи и дружбе с греческим императором, так что в 935 году флот и воины его участвовали в походе греков в Италию».¹⁴⁸ Значительное количество выписок этого дела содержат сведения, заинтересовавшие ученого в трудах П.-И. Шафарика, М. Д. Хмырова, В. В. Макушева.¹⁴⁹ В д. 106 — «По вопросу о западном влиянии на право, быт, искусство и богослужение» — имеются выписки о греческом влиянии в Черногории,¹⁵⁰ искажении в греческом языке названий русских городов.¹⁵¹ Интересны заметки Н. К. Никольского о голосниках. Им собраны сведения о применении голосников во Франции, Швеции, Испании, Италии. На одном из листов имеются замечания: «В византийских церквах не открыто голосников. Голосники — наследие от византийской архитектуры».¹⁵² Влияние

¹⁴³ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 1. Д. 97. Л. 191.

¹⁴⁴ Там же. Л. 224.

¹⁴⁵ Там же. Д. 103. Л. 238.

¹⁴⁶ Там же. Л. 247.

¹⁴⁷ Там же. Л. 232.

¹⁴⁸ Там же. Л. 262.

¹⁴⁹ Там же. Л. 236, 245, 257, 260, 264.

¹⁵⁰ Там же. Д. 106. Л. 61.

¹⁵¹ Там же. Л. 228.

¹⁵² Там же. Л. 41—46.

греческое на славянскую культуру рассматривается ученым в самых разных аспектах. Материалы, разделенные ученым на небольшие группы, включают выписки по таким темам, как «воскресный день, неделя», «обычаи», например: «У греков просфоры приготавливаются и пекутся мирскими людьми в народных фукриях (печях). В России — клирошанками или просфорницами»;¹⁵³ «Греческое вероучение позволяло клятву. В прении с евреями Кирилл Философ попенял им: “Благословят бо Бога истинного (христиане) и клиноуш и ся на земли, клянуотся Богомъ небеснымъ” (Рукопись моего собрания. Л. 298 об.—299)»;¹⁵⁴

Большой интерес представляют черновые заметки, объединенные в группу «лексика», о словах, заимствованных в болгарском и греческом языках и встречающихся в летописях (Д. 119, 117 л.), материалы по хронологии (Д. 122—123), библиографические заметки к исследованию «Повести временных лет» (Д. 126—127). Отметим также наличие в материалах фонда заметок Н. К. Никольского по теме «латинство»; значительное количество выписок из трудов филолога-слависта В. А. Погорелова, из его заметок о древнеславянской переводной литературе.¹⁵⁵ Ученого заинтересовало сравнение автором славянского текста Евангелия от Марка с греческим и латинским текстами, что привело В. А. Погорелова к открытию ряда интересных явлений.

Н. К. Никольский выполнил серию подробных выписок, связанных с проблемами употребления и перевода некоторых слов и понятий: «Только из латинского текста могла быть перенесена луна... слово, которое не употребляется вообще в славянских языках: русское луна и польское luna при различии их значений являются новыми заимствованиями. Многие слова получают свое объяснение именно посредством латинского языка, а не греческого; так слав. Проповеда[ть] (κυρῶσων, praediosans), проповедано будет (κυρῶνῃ, praedicatum) составлено именно по латинскому образцу: про-поведати — praedicare». Здесь же имеются подробные выписки, связанные с переводом греческих слов на латинский и славянский языки, примеры замены греческих причастий и наречий в латинском тексте прилагательными, а также употребления таких прилагательных в славянском переводе. Интересны выписки по вопросу о текстуальной зависимости славянского перевода от латинского. Приведены фрагменты текста, в котором славянский текст расходится с общепринятым греческим и согласуется с латинским. Сравнив между собой славянский и греческий тексты, В. А. Погорелов пришел к выводу о стремлении славянского переводчика точно соблюсти форму времени латинского текста. Н. К. Никольский соглашается и с мнением автора о знании переводчиком Евангелия на латинском языке: «Если переводчик передает греч. κευτιρίω слово сотник, значит он понимает, что под этим греческим словом кроется латинское centurio, и знает, что оно значит. При таких условиях является вполне понятным и естественным, что переводчик в более затруднительных случаях обращался и к латинскому тексту и заимствовал отсюда то или другое выражение, ту или иную форму».¹⁵⁶

Таким образом, в сохранившемся рукописном наследии ученого имеется значительное количество документов по истории Древней Руси, истории взаимоотношений Византии и славянского мира в эпоху становления российской государственности и формирования национального самосознания.

Пятую часть личного фонда составляют «Материалы протоиерея Константина Тимофеевича Никольского» в количестве 75 дел. Это рукописи трудов, различные выписки, черновые заметки к опубликованным трудам, к лекциям по истории

¹⁵³ Там же. Л. 146.

¹⁵⁴ Там же. Л. 77.

¹⁵⁵ Там же. Д. 79. Л. 74—85.

¹⁵⁶ Там же. Л. 83.

философии и канонике. Заслуживают внимания материалы к биографии К. Т. Никольского (дела не имеют нумерации, определены неточными заголовками). В состав единиц хранения входят также различные газеты, материалы имущественного характера. Интересны материалы, связанные с историей Реформаторского училища: альбом с фотографиями помещений, воспитанников (Д. 33), приветственный адрес сослуживцев К. Т. Никольского (Д. 35). Здесь же хранятся документы, связанные с историей Спасо-Сенновской церкви: приходские дела (Д. 36—38), счета (Д. 39). В состав описи вошла коллекция литографированных экземпляров лекций по литургике, русской церковной истории, патристике, записи бесед и проповедей (Д. 58—61).

Шестая опись фонда состоит из 5 единиц хранения. В нее включены письма других лиц к жене Николая Константиновича — Анне Петровне Никольской (Александровской): ее родителей, дальних родственников, друзей.

В седьмую опись фонда вошли материалы Д. С. Вершинского (дяди Н. К. Никольского со стороны матери). Большая часть архивных дел описана неточно. Так, в состав дела, имеющего заголовок «Письма к Вершинскому», вошла переписка Вершинского по его работе «Мясецеслов православно-католической восточной церкви», письма к нему Ивана и Екатерины Вершинских, письма Ст. и Л. Джунковских. Здесь же хранятся письма Вершинского к жене и дочери (Д. 4). Представляют несомненный интерес рукописи трудов философа (Д. 10—13), заметки философского характера (Д. 15).

В восьмую опись фонда вошли «Материалы Н. Г. Георгиевского и собрание его автографов». Основная часть описи — разнообразные автографы, часть из которых опубликована в статье Н. К. Никольского «К истории русских книг XIX в. (Материалы из частной переписки)».¹⁵⁷

В девятую опись вошли 11 единиц хранения. Эту коллекцию составляют материалы родственников Николая Константиновича — Александра Тимофеевича и Павла Тимофеевича Никольских. Они также требуют более точного описания и систематизации. В описи хранятся рукописи научных работ А. Т. Никольского, его студенческие сочинения, материалы, относящиеся к деятельности Казанского собора, Христовоздвиженской, Екатерининской церквей (Д. 7). Здесь же хранятся документы, связанные с деятельностью съездов духовенства, газетные статьи (Д. 8). Помимо указанных документов в описи хранятся литографированные заметки по догматическому богословию, церковно-библейской истории (Д. 10, 11).

Десятую опись составили «Материалы архиепископа Афанасия (А. Г. Соколова)»: письма к нему лиц духовного звания, различные документы официального характера, финансовые счета, ведомости, рапорты.

Наконец, в последнюю, одиннадцатую опись вошла коллекция документов и копий, собранных Н. К. Никольским. Это разнообразные указы (Д. 1—4), акты (Д. 5), воззвания, манифесты, рекрутские квитанции о внесении оброка (Д. 9—12), материалы по делам Римско-католической и Униатской церквей в России (Д. 19—21). В этой части хранятся материалы священника Казанского собора М. С. Морочкина (Д. 3), материалы профессора Московской Духовной академии В. П. Виноградова (Д. 28, 29). Представляют определенный интерес документы по духовным делам, совершавшимся в царствование семьи Романовых (Д. 39—42), краткий исторический словарь о святых, чтимых Православной церковью (Д. 52, 53).

Переписка Н. К. Никольского составляет третья опись личного фонда ученого. Документы охватывают период с 1873 по 1936 г. Всего эпистолярное наследие

¹⁵⁷ Никольский Н. К. К истории русских книг XIX в. (Материалы из частной переписки) // *Sertum bibliologicum*: Сб. в честь президента Русского библиологического общества профессора А. И. Малеина. Пг., 1922. С. 296—305.

ученого составляет 798 единиц хранения. Одна единица пропущена при переработке описи, в 6 единиц включена переписка жены Никольского (Д. 773—779), в 20 единиц — письма других лиц (Д. 780—799). Среди корреспондентов Н. К. Никольского фигурируют: Д. И. Абрамович (85 писем, 12 открыток), В. П. Адрианова-Перетц (5 писем), А. И. Алмазов (5 писем), М. В. Андреев (10 писем), Н. Ф. Бельчиков (5 писем), Д. В. Бонч-Бруевич (7 писем), И. А. Бычков (6 писем), С. А. Венгеров (6 писем), А. Н. Вершинский (6 писем), В. П. Виноградов (8 писем), В. В. Гиппиус (5 писем), Н. Н. Глубоковский (2 письма), П. А. Дилакторский (13 писем), И. Е. Евсеев (8 писем, 1 записка), П. П. Жукович (5 писем, 3 открытки), Н. Н. Зарубин (23 письма, 8 открыток), Г. А. Ильинский (7 писем, 5 открыток), В. М. Истрин (14 писем, 9 открыток), А. В. Карташев (14 писем, 2 открытки), Н. К. Козмин (21 письмо, 31 открытка), М. Н. Куфаев (24 письма), А. С. Лаппо-Данилевский (5 писем, 7 открыток), В. В. Майков (72 письма, 3 открытки), М. С. Боровкова-Майкова (46 писем, 13 открыток), Д. П. Миртов (8 писем, 1 открытка), С. Ф. Ольденбург (8 писем, 3 телеграммы), А. С. Орлов (6 писем), И. С. Пальмов (4 письма, 3 открытки), В. Н. Перетц (40 писем, 20 открыток), С. Ф. Платонов (2 письма), В. Ф. Покровская (12 писем), Ф. И. Покровский (41 письмо, 4 открытки, 2 телеграммы), А. И. Пономарев (28 писем, 2 открытки), Н. А. Порфирьев (5 писем, 7 открыток), А. С. Родосский (8 писем), В. Самуилов (14 писем), П. К. Симони (19 писем, 1 открытка), А. И. Соболевский (11 писем, 4 открытки), М. Н. Сперанский (209 писем, 9 открыток), В. И. Срезневский (20 писем, 6 открыток), Н. Л. Туницкий (18 писем), И. А. Уберский (28 писем, 5 открыток), В. В. Успенский (12 писем), Н. П. Успенский (35 писем), Т. Д. Флоринский (3 письма), Н. Д. Чечулин (12 писем, 1 визитная карточка), А. А. Шахматов (116 писем, 1 открытка, 1 телеграмма), С. Д. Шереметев (6 писем, 6 телеграмм). Среди иностранных корреспондентов: филологи-классики Бебб Л.,¹⁵⁸ Палмиер Аурелио,¹⁵⁹ археолог Брежго Болеслав,¹⁶⁰ философ Гетц Леопольд Карл,¹⁶¹ востоковед Ледит Иосиф,¹⁶² историк Пекарж Иосиф.¹⁶³

Несмотря на достаточно большое число писем в личном фонде Н. К. Никольского, чаще всего они небольшие, содержат не более одного или двух листов в одной единице хранения. Во многих письмах содержатся сведения об обмене книг или рукописей, приглашения на заседания Отделения русского языка и словесности Академии наук, научных комиссий и обществ.¹⁶⁴ Здесь же хранятся письма научных работников с просьбами о содействии в трудоустройстве, благодарности за присланные книги и рукописи. К наиболее интересным можно отнести переписку с историком, профессором Казанской Духовной академии, профессором И. М. Покровским. В некоторых письмах к нему Н. К. Никольский делился сведениями о результатах своей работы по истории Кирилло-Белозерского монастыря, здесь же

¹⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 238. Л. 1—2 (письмо от 24 (12) марта 1897 г.).

¹⁵⁹ Там же. Д. 546. Л. 1 (сентябрь 1904 г.).

¹⁶⁰ Там же. Д. 260. Л. 1 (письмо от 28 декабря 1923 г.).

¹⁶¹ Там же. Д. 313. Л. 1—7 (письма с 13 июня 1904 г. по 30 мая 1907 г.).

¹⁶² Там же. Д. 459. Л. 1—4 (письма от 11 января, 24 февраля, 7 ноября 1933 г.). См. также: письмо Н. К. Никольского к нему: Там же. Д. 87. Л. 1—4 ([1933] — 7 января 1934 г.).

¹⁶³ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 238, 260, 313, 459, 546, 558. Письмо И. Пекаржа к Н. К. Никольскому от 7 (20) мая 1904 г. опубликовано в сборнике: Документы к истории славяноведения в России (1850—1912) / Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1948. С. 251—252.

¹⁶⁴ Н. К. Никольский состоял действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете (с 13 марта 1904 г.), Русского археологического общества (с 15 марта 1914 г.), Витебской Ученой архивной комиссии (с 31 мая 1909 г.), Русского библиографического общества (с 12 мая 1917 г.), членом-сотрудником Общества ревнителей русского исторического просвещения (с 31 января 1896 г.), в 20-х гг. входил в состав комиссии по пересмотру издательского плана АН, реорганизации библиотечного дела в АН, состоял членом комиссий по изданию сочинений А. С. Пушкина, празднованию 100-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, в комиссии по научному изданию православной Библии, созданной при Духовной академии.

имеется справка об игуменах монастыря.¹⁶⁵ Дополнительные сведения о работе над трудом по истории одного из крупнейших духовных центров Древней Руси удалось выявить в переписке ученого с членом Военно-исторического общества Н. М. Печенкиным, в письме к которому он сообщил о судьбе описи Оружейной палаты 1745 г.¹⁶⁶ Об этом же документе Н. К. Никольский упоминает и в письме к Е. А. Третьяковой.¹⁶⁷

Интересны письма ученого к неперемемному секретарю Академии наук, востоковеду С. Ф. Ольденбургу, в которых Н. К. Никольский делится своими идеями об упорядочении библиотечного дела в Академии наук, рассказывает об истории своей работы над монографией о Д. С. Вершинском.¹⁶⁸ Из письма инспектора Мелитопольского реального училища мы узнаем о даре Н. К. Никольского музею города коллекции монет и собрания книг.¹⁶⁹ В письме к нему филолога-слависта Т. Д. Флоринского имеются сведения о трагических событиях в Киеве осенью 1918 г.¹⁷⁰ Интересна переписка Н. К. Никольского с известным славистом, исследователем литературы и истории Древней Руси А. А. Шахматовым, а именно — 194 письма с 1898 по 1919 г., а также 116 писем его адресата за эти же годы.¹⁷¹ Содержательны письма к Н. К. Никольскому историка литературы М. С. Боровковой-Майковой, жены В. В. Майкова (1909—1924 гг.).¹⁷² В некоторых из них содержится информация о жизни научной интеллигенции начала 20-х гг., в том числе приводятся сведения о С. Ф. Платонове, Э. Л. Радлове, Н. П. Кондакове. Так, в письме от 28 января 1919 г. она писала: «В. В. Майков очень удручен смертью Лаппо-Данилевского, они одного выпуска по университету, ужас еще усиливается тем, что он умер от недоедания. Н. П. Лихачев в крайне тяжелом моральном и материальном положении».

В фондах других ученых, хранящихся в Архиве РАН, имеются письма к Э. А. Вольтеру (Ф. 178. Оп. 2. Д. 193), Б. М. Ляпунову (Ф. 752. Оп. 2. Д. 224), В. М. Истрину (Ф. 332. Оп. 2. Д. 10), Е. Ф. Карскому (Ф. 292. Оп. 2. Д. 102), В. В. Майкову (Ф. 738. Оп. 2. Д. 84), П. А. Лаврову (Ф. 284. Оп. 3. Д. 136), Н. М. Каратаеву (Ф. 751. Оп. 3. Д. 62), М. С. Боровковой-Майковой (Ф. 738. Оп. 4. Д. 115), В. И. Ламанскому (Ф. 35. Оп. 1. Д. 1034), А. С. Лаппо-Данилевскому (Ф. 113. Оп. 2. Д. 262), Н. П. Лихачеву (Ф. 246. Оп. 3. Д. 280), А. И. Лященко (Ф. 156. Оп. 2. Д. 311), А. С. Орлову (Ф. 763. Оп. 3. Д. 89), А. И. Соболевскому (Ф. 176. Оп. 2. Д. 311), М. Н. Сперанскому (Ф. 172. Оп. 1. Д. 210), В. Н. Щепкину (Ф. 254. Оп. 1. Д. 51). В архиве Н. К. Никольского сохранились письма ученого к корреспондентам, имеющим непосредственное отношение к тематике настоящего обзора: В. Н. Бенешевичу (Ф. 247. Оп. 3. Д. 13), А. А. Дмитриевскому (Д. 44), С. А. Жебелеву (Д. 53), П. К. Коковцову (Д. 75), Н. П. Лихачеву (Д. 88), Х. М. Лопареву (Д. 90), Н. П. Кондакову (Д. 763), а также письма к Никольскому Д. В. Айналова (Д. 206), В. Н. Бенешевича (Д. 247), В. П. Бузескула (Д. 256), В. Е. Вальденберга (Д. 274), А. А. Дмитриевского (Д. 347), С. А. Жебелева (Д. 367), П. К. Коковцова (Д. 420), Н. П. Кондакова (Д. 423), Н. П. Лихачева (Д. 464), Х. М. Лопарева (Д. 466), А. И. Пападопуло-Керамевса (Д. 552), Ф. И. Успенского (Д. 707). На этой коллекции писем необходимо остановиться подробнее.

Многолетняя дружба связывала Николая Константиновича с В. Н. Бенешевичем. Одно из первых сохранившихся писем В. Н. Бенешевича от 9 ноября 1902 г. содержит просьбу о наведении справки у профессора И. С. Пальмова по поводу

¹⁶⁵ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 133. Л. 1—1 об.

¹⁶⁶ Там же. Д. 129. Л. 1.

¹⁶⁷ Там же. Д. 175. Л. 1—2 (1912 г.).

¹⁶⁸ Там же. Д. 533. Л. 1—12. (1 мая 1907—16 октября 1928 г.).

¹⁶⁹ Там же. Д. 441. Л. 1—2 (письмо от 10 сентября 1915 г.).

¹⁷⁰ Там же. Д. 713. Л. 14 (письмо от 13 сентября 1918 г.).

¹⁷¹ Там же. Д. 191. Л. 1—230; Д. 729. Л. 1—210.

¹⁷² Там же. Д. 474. Л. 1—84.

книги «Акты Охридской патриархии» и о возможности ее приобретения.¹⁷³ В письме от 18 сентября 1906 г. известный византист предлагает свои услуги по изданию полного собрания сочинений митрополита Иоанна.¹⁷⁴ Письмо от 12 августа 1908 г. с Синая содержит просьбу Владимира Николаевича о содействии в продлении ему отпуска до 1 октября, «потому что болезнь отняла у меня 2 недели времени, а между тем здесь оказалось больше 800 совсем неизвестных греческих рукописей да папирусы, которые я разбираю и отклеиваю от переплета и выволакиваю из какого-то платка, да фотографирование рукописей, среди которых оказались хорошие тексты соборных деяний и разные прелести». В. Н. Бенешевич интересовался научными делами своего адресата и спрашивал в письме от 7 сентября 1914 г.: «Как наши дела с Фогием и прочими прелестями? У меня все движется и движется, несмотря на войну, скорее даже по причине войны: отдыхаю над этой работой, как и с детьми»,¹⁷⁵ а в письме от 4 июля 1924 г. спрашивает: «Не забыли ли Вы о Кирикее?».¹⁷⁶ Из писем Н. К. Никольского к В. Н. Бенешевичу наиболее интересно письмо от 10 марта 1909 г. с просьбой о привлечении последнего к изданию армянского текста жития свв. Бориса и Глеба, перевода жития, выполненного покойным профессором С.-Петербургской Духовной академии В. В. Болотовым.¹⁷⁷ 24 марта 1914 г. он сообщал В. Н. Бенешевичу: «От Б. В. Фармаковского я получил известие, что я все-таки избран в действительные члены, хотя и не Государственного Совета, но тем не менее Русского археологического общества. Высоко ценя, как Вы знаете, все ископаемое, где бы оно ни встречалось, я в высшей степени рад открывающимся предо мною перспективам в этой области. Поэтому от всей души благодарю Вас за все хлопоты Ваши, связанные с состоявшимся избранием, в чем вижу новый знак Вашего доброго ко мне расположения. Принимать активное участие в деятельности Общества, конечно, я едва ли буду иметь возможность, но я уверен, что на заседаниях я узнаю немало для себя поучительного».¹⁷⁸

Достаточно значительны по количеству и интересны по содержанию письма Н. К. Никольского к Николаю Петровичу Лихачеву (15 писем за период с 1892 по 1916 г. и за 1928 г.), а также ответные письма византиста (12 писем за 1894—1912 гг.). Так, заслуживает внимания письмо от 15 декабря 1913 г., содержащее просьбу Н. К. Никольского об участии Н. П. Лихачева в издании «Библиографической летописи». С большой теплотой и уважением к адресату он писал: «Беру на себя смелость обратиться к Вам с просьбою, не согласитесь ли Вы уделить какую-либо крупицу Ваших знаний для возникающего предприятия? Надеюсь, что мне нет надобности пояснять, насколько было бы ценно и дорого во всевозможных отношениях Ваше участие в нем».¹⁷⁹ В письме от 29 марта 1916 г. адресат отвечает на приглашение: «Глубокоуважаемый Николай Константинович! Я считал бы за высокую честь принять участие в “Библиографической летописи”. Обстоятельства последних лет, выбившие меня из колеи, препятствовали и препятствуют, к сожалению, до сих пор проявлению научной активной деятельности. Кроме того, на мне лежит выполнение в первую очередь большого и давно начатого труда по сфрагистике. Вот причины, почему я не мог предложить Вам своих услуг».¹⁸⁰ 29 мая 1913 г. Н. К. Никольский благодарит ученого за «добрую память» и отмечает: «С величайшим интересом прочел все пять статей Ваших, восторгаясь Вашей

¹⁷³ Там же. Д. 247. Л. 1—1 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 5.

¹⁷⁵ Там же. Л. 30.

¹⁷⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷⁷ Там же. Д. 13. Л. 1—1 об.

¹⁷⁸ Там же. Л. 2—2 об.

¹⁷⁹ Там же. Ф. 246. Оп. 3. Д. 280. Л. 1 об.—2.

¹⁸⁰ Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 464. Л. 16—16 об.

неутомимостью. Когда успеваете работать? Из статей о “двух митрополитах” и о генеалогии дворян Корсаковых я уже извлек сведения, полезные для моих текущих работ».¹⁸¹

Сохранились также письма Н. К. Никольского к С. А. Жебелеву (3 письма, в том числе от 31 августа 1915 г.). Интересен ответ ученого на письмо С. А. Жебелева от 27 августа 1915 г., в котором шла речь о статье Н. А. Порфирьева для Журнала Министерства народного просвещения «Несколько мыслей о послании митрополита Никифора к Вл. Мономаху» с просьбой сообщить мнение Никольского об этой работе. Н. К. Никольский так ответил на запрос коллеги: «Многоуважаемый Сергей Александрович! Реферат на тему “О послании митрополита”, прочитанный г. Н. А. Порфирьевым на моем просеминирии, обратил на себя мое внимание как интересная попытка сопоставить с учением древних о душе идеологию русско-греческого писателя XII века. В качестве “просеминарского” опыта сообщения г. Порфирьева не могло не вызвать моего одобрения».¹⁸² По-видимому, искренняя дружба связывала Н. К. Никольского с Дмитрием Власьевичем Айналовым.¹⁸³ Так, в письме от 27 января 1911 г. Д. В. Айналов приглашал коллегу на вечернее чаепитие: «Многоуважаемый Николай Константинович! Давно не видал Вас, а завтра у нас четная пятница, быть может, и для Вас удобнее, чтобы посидеть и поговорить за чаем. Народу у нас бывает мало, все Ваши уже знакомые. Преданный Айналов».¹⁸⁴ 29 марта 1916 г. он же писал: «Ждал Вас по понедельникам, жажда любомудрия Вашего. Буду ждать еще. Остаюсь искренно преданный и глубоко уважающий Дм. Айналов».¹⁸⁵

В рукописном архиве Н. К. Никольского сохранились несколько писем к нему историка права и византиниста Владимира Евграфовича Вальденберга.¹⁸⁶ В двух письмах, от 29 июля 1924 г. и 28 июля 1924 г., содержится информация об обсуждавшихся в отсутствие Н. К. Никольского на совещании в БАН служебных вопросах, главным образом о замещении вакансий. В письме от 24 февраля содержится предложение о комментировании издания оды А. С. Пушкина «Вольность»,¹⁸⁷ а 29 октября 1925 г. В. Е. Вальденберг обращается к Н. К. Никольскому с просьбой о составлении отзыва о его научных трудах для представления в КУБУ¹⁸⁸ (в фонде сохранился отпуск этого отзыва).¹⁸⁹ Заслуживает внимания и письмо от 4 января 1926 г., в котором В. Е. Вальденберг обращался с просьбой: «Глубокоуважаемый Николай Константинович! Ф. И. Успенский поручил мне обратиться к Вам с большой просьбой. Стало известно, что Вы читаете книгу Лейба “Rome, Kiev et Byzance”. Заглавие это таково, что оно обязывает русскую науку откликнуться. Не нашли бы Вы возможным написать для Византийского временника небольшую рецензию — стр. 2, 3, не больше?».¹⁹⁰

Из сохранившейся переписки между Хрисанфом Мефодьевичем Лопаревым и Н. К. Никольским интересны письма, связанные с публикацией последним «гlossария» «Речи тонкословия греческого». В отпуске письма от 30 апреля 1892 г. Н. К. Никольский сообщал: «Мне привелось ознакомиться с одним старинным опытом русско-греческого словаря, который, насколько мне известно, доселе не издан.

¹⁸¹ Там же. Д. 88. Л. 3.

¹⁸² Там же. Д. 52. Л. 1—1об.

¹⁸³ См. очерк: *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // АРВ. С. 311.

¹⁸⁴ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 206. Л. 1—1 об. (дата установлена по штемпелю на почтовой карточке).

¹⁸⁵ Там же. Л. 4.

¹⁸⁶ См. очерк: *Земскова В. И.* В. Е. Вальденберг: биография и архив // РНРВ. С. 423, 428, 430.

¹⁸⁷ ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 274. Л. 6.

¹⁸⁸ Там же. Л. 7—8 об.

¹⁸⁹ Там же. Оп. 1. Д. 182.

¹⁹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 274. Л. 10.

Слова и выражения расположены в нем не по алфавиту, а сгруппированы по предметам. Как русские, так и греческие слова здесь писаны славянскими буквами. Это — как бы руководство к разговорам на греческом языке, назначенное для русского путешественника по греческим землям. Рукопись, в которой сохранился этот глоссарий, относится к XVI веку — ко времени оживленных сношений Северной Руси с православным югом по делам церковного и монастырского благоустройства. Как материал для истории языка и как одно из первых известных ныне руководств для знакомства русских с греческим языком, «словарь» этот представляется мне не лишенным интереса.¹⁹¹ Ответ последовал незамедлительно — уже в письме от 2 мая 1892 г. Х. М. Лопарев отвечал: «С глубокой благодарностью взываю к Вам: готовьте, это будет драгоценная вещь в нашей литературе, необыкновенно любопытная, заслуживающая издания... У меня кое-что есть по русскому и греческому старинному словарю, напишите, когда Вы придете ко мне, я буду ждать Вас и дам выписку из словаря».¹⁹² В конце июня этого же года он напоминает Никольскому: «Общество (ОЛДП. — Н. К.) ждет от Вас драгоценного памятника-словаря греко-древнерусского. А я счастлив, что в мое секретарство появится в Памятниках вещь первостепенная».¹⁹³ Серьезные научные вопросы обсуждаются в дальнейшей переписке. Так, в письме от 12 мая 1895 г. Х. М. Лопарев обращается к своему адресату: «Дорогой Николай Константинович! В том томе Комбефиса, который Вы любезно одолжили мне, оказалось несколько статей по истории Византии в VIII и IX веке, над чем я работаю для своей диссертации. Поэтому я прошу у Вас позволения подержать книгу еще некоторое время. Книга редкая, стало быть, надо пользоваться удобным случаем протудировать ее, пока я в Петербурге. В. Г. Васильевский поддержал меня отчасти в моих поисках о Положении ризы Богородицы во Влахернах. По его словам, сказание, изданное у Комбефиса, не может относиться к VII веку, т. к. при Ираклии не было такой комбинации с врагами, какая описана в Слове. В Петербурге теперь, оказывается, существует три экземпляра ее: в Вашей библиотеке, в библиотеке духовной академии и у Пападопуло-Керамевса, как он недавно сообщил мне. Кстати, Пападопуло передал мне, что один грек издал недавно слово Ласкарида о Положении ризы, произнесенное царем в Софийской церкви, где будто бы сказано, что Положение ризы установлено при Ираклии. Если это так, то мы имеем новый весьма любопытный пример того, как поздние греки русскими считали другие народности. Известно, что при Константине Великом готский князь считался чашником. Никифор Григора говорит, что чашником при Константине был князь русский, при Ираклии нападали авары, Феодор Ласкарис называет их русскими».¹⁹⁴

В личном фонде Х. М. Лопарева сохранился рукописный диалог между учеными, происходивший во время одного из заседаний, по поводу одного сочинения XVI в. Приводим его текст:

Лопарев. — Я приобрел этот Хронограф и еще Торжественник XVI в., из которого Шахматов у меня извлек статью о эпитимии Владимира в обмен на издание нашего Общества «Житие митрополита Алексия». Я купил, т. е. обменял уже у Дм. Сергеевича Большакова, здешнего студента Политехникума.

Никольский. — Когда будет реферат? Нельзя ли будет поосязать рукопись? Быть может, что-нибудь мог бы сообщить Вам для реферата? Что нужно из справок, с удовольствием сообщил бы.

Л. — Известно ли сочинение XVI (?) века под названием «Кодекс», поучение духовного отца сыну?

Н. — Мне неизвестно. Может быть, под другим названием? Какое начало поучения?

¹⁹¹ Там же. Д. 90. Л. 3—4.

¹⁹² Там же. Д. 466. Л. 5.

¹⁹³ Там же. Л. 4.

¹⁹⁴ Там же.

Л. — Теперь не помню. Это статья в 45 главах, составлена на основании св. отцов церкви, теста-мента имп. Василия своему сыну Льву и пр. Она помещена в начале хронографа 2 редакции XVI века. Рукопись приобретена мною.

Н. — В Москве в 1900 г. у Большакова я видел книгу, в которой было именное наставление подобного типа, составленное не ранее половины XVI века. По содержанию оно не только нравоучительное, но и учебное. Насколько помню, в рукописи также был хронограф. Сочинение это в печати неизвестно.

Л. — Очевидно, Вы видели эту самую рукопись, т. к. я приобрел рукопись у Большакова в Москве.

Н. — В Москве он просил невозможную цену. Рукопись была in folio.

Л. — Я с величайшим удовольствием притащу Вам саму рукопись. Назовите только день и час.

Н. — Мне совестно утруждать Вас, но очень желал бы повндать ее. Полагаю, что следовало бы поискать первоисточников ее. День, час и место зависит от Вас.

Л. — К счастью, на самой рукописи на поле той же рукою, что и сама рукопись, написаны сами источники: Вас (т. е. testament) и пр.¹⁹⁵

Представляется интересным и письмо Лопарева от 30 июля 1892 г., в котором упоминается «Торжественник» XVIII в. Зная интерес Н. К. Никольского к вопросам, связанным с проникновением греческих слов и греческого языка в славянскую культуру, Х. М. Лопарев приводит в своем письме несколько выписок, которые, по его мнению, могли бы пригодиться коллеге.¹⁹⁶

Лили одно письмо от Афанасия Ивановича Пападопуло-Керамевса сохранилось в фонде Н. К. Никольского. Тон письма (от 1 февраля 1905 г.) достаточно сух и официален. Письмо, по сути, является рекомендацией студенту II курса Петербургского университета М. Фасмеру: «Предъявитель сего занимается изучением изданного Вами текста “Речь тонкословия греческого”. Он узнал, что рукопись софийского собрания № 1474 взята Вами на дом для изучения. Ввиду этого я имею смелость просить Ваше превосходительство разрешить моему ученику изучать рукопись в библиотеке духовной академии, если только она не нужна Вам для Ваших занятий».¹⁹⁷ На рекомендательном письме имеется карандашная помета рукою Н. К. Никольского: «Фасмер Максим Романович», с адресом студента. Необходимо упомянуть и о письмах историка-византиниста Ф. И. Успенского. В фонде ученого сохранились всего три его письма.¹⁹⁸ Они содержат просьбу к адресату о пополнении трудами Н. К. Никольского библиотеки Русского археологического института, ходатайство о предоставлении должности в Библиотеке Академии наук одному из знакомых Успенского. Наконец, в личном собрании ученого сохранилась обширная переписка между Н. К. Никольским (39 писем) и П. К. Коковцовым (19 писем).¹⁹⁹ Содержание большей части писем связано с известным «общакадемическим делом», а именно — с избранием в 1924 г. на академическую кафедру С. А. Жебелева. Этот вопрос вызвал активное противодействие со стороны академиков-востоковедов П. К. Коковцова и Ф. И. Щербатского, стремившихся убедить коллег, в том числе и Н. К. Никольского, в недопустимости этого избрания.

Таким образом, переписка Н. К. Никольского, сохранившаяся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, свидетельствует о широчайшем круге ученых, с которыми он вел переписку. Среди них историки, слависты, филологи, обширен круг и известных византинистов, консультациями которых он неоднократно пользовался (к сожалению, не сохранилось писем Н. К. Никольского к Д. В. Айналову и Ф. И. Успенскому). Но сохранившаяся переписка дает прекрасную возможность узнать о творческой лаборатории ученого и его взаимоотношениях, научных

¹⁹⁵ Там же. Ф. 107. Оп. 1. Д. 126. Л. 1—2.

¹⁹⁶ Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 466. Л. 8—9.

¹⁹⁷ Там же. Д. 552. Л. 1—2.

¹⁹⁸ Там же. Д. 707. Л. 1—5 (письма от 7 декабря 1894 г., 11 февраля и 20 июня 1925 г.).

¹⁹⁹ Там же. Д. 74. Л. 1—23 (письма Н. К. Никольского за февраль 1927 г.—ноябрь 1934 г.); Д. 420. Л. 1—75 (письма П. К. Коковцова с февраля 1927 г. по ноябрь 1934 г.).

контактах с другими исследователями. Немало о его жизненной позиции говорят строки одного из писем Николая Константиновича к известному политическому деятелю Н. И. Бухарину: «Революция застигла меня на 54 году моей жизни, когда у меня уже вполне сложился мой литературный язык с его стилем и способами выражения. Считаю себя счастливым, что происшедшие события не принудили меня, как это случилось со многими, перекрашивать или перестраивать мой научный кругозор, который остался прежним, так как, несмотря на все усилия подменить несогласие своих старых воззрений с современным кругозором, я не могу уловить никакой существенной разницы. Но мне, однако, до сих пор не удалось усвоить современный стиль и язык в той мере, в какой это удалось многим из моих коллег. В этом отношении я чувствую свою некоторую отсталость, которая, создавая возможность неправильного истолкования моих мыслей, излагаемых на чужом для читателя языке, смущает меня, заставляя прибегать к молчанию, во избежание возможных нежелательных для прессы и меня недоразумений».²⁰⁰

Возможно, именно эти слова наиболее точно характеризуют личность Николая Константиновича Никольского как человека чрезвычайно цельного, честного и принципиального в своих жизненных позициях. Замечательный специалист по истории древнерусской литературы, историк церкви, археограф, коллекционер и библиограф — вот далеко не полный перечень граней таланта ученого. К его знаниям и опыту обращались богословы, историки, филологи, византилисты, политические деятели. Материалы, собранные Н. К. Никольским по истории древнерусского государства, его культурных и нравственных корнях, представляют большую ценность для всех, кто интересуется историей России.

---

²⁰⁰ Там же. Д. 18. Л. 3—3 об.

И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение

(по материалам архива ученого)

«Ну какой я византинист!», — так «скромно и не без смущения» отреагировал Иван Васильевич Помяловский, когда в 1897 г., во время чествования приехавшего в Петербург знаменитого немецкого византиниста Карла Крумбахаера в особняке В. Э. Регеля на Васильевском о-ве, один из участников банкета провозгласил тост, между прочим, за И. В. Помяловского «как за византиниста». «Тем не менее, — говорит Хр. М. Лопарев, сообщивший об этом эпизоде, — каждый из участвовавших чувствовал, что тост был совершенно уместен... Русские византинисты признали его своим деятельным собратом и публично заявили об этом».¹

Спрашивается, а могло ли быть иначе? Да, конечно, замечательный отечественный ученый И. В. Помяловский (1845—1906)² — уроженец Петербурга, сын протоиерея церкви Удельного Ведомства Василия Григорьевича Помяловского, выпускник (с золотой медалью) 3-й классической гимназии — уже в силу полученного образования и основных результатов своей плодотворной педагогической и научной деятельности зарекомендовал себя прежде всего как талантливый филолог-классик, посвятивший свои основные труды (в том числе магистерскую и докторскую диссертации) миру античному, главным образом латинскому и отчасти греческому. По свидетельству А. С. Будиловича (сокурсника И. В. Помяловского по университету, просидевшего с ним 4 года на одной скамье), уже в гимназии Помяловский «изучил наизусть всего Горация», с поступлением осенью 1863 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета, «хотя и был тогда очень молод (17—18 лет), поражал всех своей солидностью, уравновешенностью, чрезвычайным трудолюбием, редкими способностями, особенно по древним языкам», затем прямо со студенческой скамьи был принят на университетскую кафедру «в качестве отличного преподавателя древних языков».³ Это же качество Помяловского отмечает и С. Ф. Платонов в своих воспоминаниях: «Нельзя

¹ *Лопарев Хр. М.* Иван Васильевич Помяловский (некролог). СПб., 1908. С. 6.

² В справочнике «Российская Академия наук. Персональный состав» (М., 1999. Кн. 1. С. 171) годом смерти И. В. Помяловского ошибочно указан 1916-й. Помимо Хр. М. Лопарева о И. В. Помяловском писали: *Цветаев И. В.* Учено-литературная деятельность И. В. Помяловского // Филологическое обозрение. 1897. Т. 13. С. 191—203; *Жебелев С. А.* Памяти Ивана Васильевича Помяловского // Записки классического отделения ИРАО. 1906. Т. 4. С. 1—VII (есть отд. оттиск); *Будилович А. С.* Два слова в память Ивана Васильевича Помяловского // Старина и новизна. 1907. Кн. 12. С. 1—7 (есть отд. оттиск); *Холодная И. И.* И. В. Помяловский (некролог) // ЖМНП. 1906. Ноябрь. Отд. IV. С. 19—30; *Рудаков В.* Помяловский. Некролог // Исторический вестник. 1906. Т. 11. С. 742—747; *Редин Е. К.* Памяти проф. И. В. Помяловского // Записки Харьковского университета. 1907. № 1. С. 49—56.

³ *Будилович А. С.* Два слова... С. 4—5.

забыть того блеска, с каким переводил Катулла Ив. Вас. Помяловский. Он был превосходным переводчиком, комментатором и лектором. Просто, ясно, изящно, научно, деловито и как-то бодро и весело вел свое преподавание. При самом отрицательном отношении к тогдашнему школьному классицизму нельзя было не заинтересоваться и не увлечься Помяловским. Для меня он оказался первым ученым классиком, который в своих *realia* показал мне возможность восстановления в конкретных и понятных формах быта и культуры».⁴

В С.-Петербургском филиале Архива РАН среди писем И. В. Помяловского к В. И. Ламанскому за 1873—1896 гг. мне встретилась одна любопытная автобиографическая заметка Помяловского (его автограф) о его студенческих занятиях, которую стоит, мне кажется, привести здесь: «Помяловский. Во время своего студенчества занимался преимущественно классической словесностью и представил профессору Благовещенскому и Штейнману несколько письменных работ, а именно:

- 1) Перевод и разбор Сатиры Сульпиция вместе с отрывком Турна.
- 2) Перевод и разбор элегий, приписываемых Педону Альбиновану.
- 3) Перевод и разбор стихотворения *Pervigilium Veneris*.
- 4) Стихотворный перевод X сатиры Ювенала.
- 5) Обзор жизни и трудов Элия Квирина Висконти.
- 6) Перевод “К Сарю” императора Юлиана.
- 7) Объяснения к VI рапсодии Одиссеи.

Кроме того, под руководством проф. Курторги занимался критикой древних писателей, преимущественно Фукидида, Плутарха и Аристотеля. Проф. Срезневскому представил письменные работы:

- 1) Разбор поучения Никифора Владимиру Мономаху.
- 2) Лексикон к Русской Правде.
- 3) Описание венского кодекса Диоскорида.⁵

Проф. Сухомлинову представил перевод сочинения Буле об начатках истории русской литературы.

В 1866 г. на тему, заданную факультетом: “Римская жизнь по Ювеналу”, представил сочинение, удостоенное золотой медали.

В 1868 г. определен преподавателем латинского языка в университете и выдержал магистерский экзамен, а в 1869 представил диссертацию под заглавием: “Марк Теренций Варрон Реатинский и Мениппова Сатура”.

Преподавая латинский язык в I и II курсах историко-филологического факультета, Помяловский обращает главное внимание на самостоятельность студентов, прилагая их переводить и разбирать объясняемых им авторов. Кроме этих упражнений, с которыми параллельно идут переводы с русского на латинский, студенты представляют ему письменные задачи, состоящие преимущественно в переводах с латинского на русский, и в небольших сочинениях на латинском языке, преимущественно исторического содержания».⁶

⁴ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. Пг., 1921. Кн. 2. С. 125 (благодарю Л. Г. Климаиова за указание на это высказывание).

⁵ Все три рукописи сохранились в архиве Изм. Ив. Срезневского: ПФА РАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 396 (13 л., заглавие: «Черты характера Владимира Мономаха, насколько они проявляются в послании Никифора митрополита Киевского к Великому князю Володимеру сыну Всеволожу, сына Ярославля» — автограф И. В. Помяловского); Там же. Д. 539 (68 л., заглавие: «Словоуказатель къ Русской Правде по списку Синодальной Кормчей» — автограф И. В. Помяловского); Там же. Д. 710 (57 л., заглавие: «Греческие харатейные рукописи VI века. Глава I: Венский царский кодекс Диоскорида» — автограф И. В. Помяловского). Следует отметить, что во всех этих случаях студент Помяловский пользовался существующими изданиями, без обращения непосредственно к рукописям названных памятников. В отношении Диоскорида он, например, подчеркивает: «Мы не имели возможности при описании рукописи пользоваться ею самою, но собрали отовсюду достаточно данных, на основании коих можно составить о ней довольно точное понятие» (Там же. Д. 710. Л. 1).

⁶ ПФА РАН. Ф. 35 (В. И. Ламанский). Оп. 1. Д. 1158. Л. 11.

И. В. Помяловский

Этот «классицистический» период в жизни И. В. Помяловского следует дополнить упоминанием его занявшей несколько лет поездки в Германию, где он получил солидную подготовку к занятию латинскими надписями (в Лейпциге, в Kaiserliches russisches Seminar под руководством проф. Ричля), и в Италию (Милан, Болонья, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь), когда он во время пребывания в Риме списал всю ватиканскую galleria Lapidaria, а по возвращении в Петербург (в 1873 г.) защитил докторскую диссертацию по теме «Эпиграфические этюды», составленную из двух разделов: 1. Древние наговоры (tabulae defixionum) и 2. Римские колумбарии. В ней не только были сняты эстампажи, отделены «написи» поддельные и интерполированные от подлинных, но и рассмотрено внешнее устройство общественных усыпальниц, а вместе с тем и юридическая обстановка этого дела, значение и организация погребальных ассоциаций (по мнению Е. К. Редина, диссертация Моммзена о погребальных обществах после труда Помяловского «потеряла почти всякое реальное значение»).⁷ Помяловский, по словам С. А. Жебелева, «первым ввел в обиход нашего университетского преподавания римскую эпиграмму и в этом отношении он, наряду с Ф. Ф. Соколовым, должен быть признан архетипом многочисленной уже теперь школы русских эпиграфистов».⁸

Тем не менее именно И. В. Помяловский явился, может быть, наиболее типичным и одним из первых представителей той когорты наших выдающихся фи-

⁷ Редин Е. К. Памяти проф. И. В. Помяловского. С. 50. Редин считал Помяловского «одним из первых пионеров русской филологии, сумевших отрешиться от слепого заимствования результатов западной науки и следования им».

⁸ Жебелев С. А. Памяти Ивана Васильевича Помяловского. С. III. Ср. мнение Е. К. Редина: «Проф. П. — основатель одной из дисциплин классической филологии в русской науке: совместно с проф. Ф. Ф. Соколовым он первый ввел занятия классической эпиграфикой, создал школу эпиграфистов, обогативших нашу литературу ценными исследованиями в этой области» (Редин Е. К. Памяти проф. И. В. Помяловского. С. 49). Ср. также: Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 178 (И. В. Помяловский назван «зачинателем нового направления» наряду с Ф. Ф. Соколовым и П. В. Никитиным), 198 (приводится вышеуказанное высказывание С. А. Жебелева о Помяловском).

пологов-классиков, которые, посвятив антиковедению начало и первую половину своей научной карьеры и действительно обогатив отечественное антиковедение своими непреходящими по ценности работами, затем совершили решительный поворот в сторону византиноведения.⁹

Непосредственным «толчком к переориентации» И. В. Помяловского как ученого, по-видимому, послужило основание в 1882 г. Православного Палестинского общества,¹⁰ «душой и секретарем» которого стал В. Н. Хитрово, умевший привлекать в ряды его выдающихся ученых для издания текстов старых паломников и памятников археологии Палестины;¹¹ одним из первых им был, очевидно, «завербован» И. В. Помяловский, который обогатил византиноведение многочисленными публикациями в области христианской агиологии и палестиноведения.¹² Он издал описание средневековых монет из собрания Палестинского общества; им был задуман и за 15 лет (с 1885 по 1900 г.) осуществлен «небывалый еще у нас» (Лопарев) полный корпус житий святых палестинских подвижников в русском переводе с греческого и латинского, с примечаниями и указателями, под общим заглавием «Палестинский патерик» (11 выпусков, включающих в себя жития свв. Саввы Освященного, Евфимия Великого, Иоанна епископа и молчальника, Илариона Великого, Порфирия Газского, Герасима Иорданского, Кириака Отшельника, Феодосия Киновиярха, Георгия Кипрского-Хузевиата, Харитона Исповедника, Стефана Чудотворца); Помяловским «образцово» (по мнению Е. К. Редина), с обширными комментариями, в переводе на русский язык, с указателями, изданы наиболее важные памятники паломнической литературы, в частности: анонимное «Паломничество по святым местам конца IV в.», сочинение диакона Феодосия «О местоположении святой земли» начала VI в., епископа Кесарии Палестинской Евсевия Памфилова «Ономастикон» и его латинское переложение пресвитера Страдонского Иеронима Блаженного (колоссальный труд объемом в 546 с.), Путник Антония Плацентинского из Плезанса и т. д. Чрезвычайно важную роль также сыграли в науке его первоиздания (по рукописям Московской Синодальной библиотеки) греческих текстов житий Феодора Эдесского (1892), Афанасия Афонского (1895), Паисия Великого (1900), Тимофея патриарха Александрийского (1900) и Григория Синаита, из которых последнее — важнейший источник по истории исихазма в XIII—XIV вв. — до сих пор является единственным изданием и широко используется в науке.¹³

Не менее ценный вклад в византиноведение И. В. Помяловский сделал в качестве «организатора науки». Занимая важные учебно-административные посты (ординарный профессор, с 1887 по 1898 г. декан историко-филологического факультета, а в летние периоды — ректор Петербургского университета; с 1871 г. член, а с 1873 по 1885 г. секретарь Русского археологического общества; член совета министра народного просвещения и ученых комитетов этого министерства; «постоянно присутствующий» член учебного комитета при Синоде; почетный член Имп. Православного Палестинского общества, Общества любителей древней письменности, многих других отечественных и зарубежных научных обществ; член-кор-

⁹ См. об этом: РНРВ. С. 6.

¹⁰ О нем см.: Грушевой А. Г. Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // АРВ. С. 134—156.

¹¹ Лопарев Хр. М. Иван Васильевич Помяловский (некролог). С. 4.

¹² В архиве И. В. Помяловского хранится 79 писем В. Н. Хитрово к нему за 1881—1899 гг., в которых обсуждаются все перипетии работы Помяловского, с определением сроков, с уточнением деталей изданий, с назначением гонораров и т. д. См.: ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1388 и 1389.

¹³ Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита по рукописи Московской Синодальной библиотеки издал И. Помяловский. СПб., 1894. 64 с.

респондент Имп. Академии наук¹⁴), И. В. Помяловский сделал много полезного для отечественной науки,¹⁵ проявляя при этом, по свидетельствам его биографов, поразительное бескорыстие и безграничную отзывчивость (он «не умел, да и не хотел отказывать», — говорил о нем С. А. Жебелев, а непрактичный В. Г. Васильевский всегда отсылал к нему своих учеников в трудных житейских ситуациях, приговаривая: «Обратитесь к Ивану Васильевичу, он все устроит; это — мудрец, маг и волшебник»¹⁶).

Самым наглядным образом подтверждает все вышесказанное громадный личный архив И. В. Помяловского, который в массе своей хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, насчитывая 5889 единиц хранения (фонд 608, описи 1—2, автор описи В. Ф. Петрова).¹⁷ В нем, правда, очень мало собственных автографов Помяловского с его незавершенными или неопубликованными трудами (к ним относятся, если не ошибаюсь,¹⁸ «Патерик Скитский. Пер. на рус. яз. И. В. Помяловского»;¹⁹ его же перевод «Палладия епископа Еленопольского повествование Лавсу, заключающее в себе жития преподобных отцов»,²⁰ «Житие преподобного Паисия Великого»²¹), но зато много подготовительных материалов, копий и выписок из разных рукописей и печатных изданий, как его собственноручных (например, выписки из *Fragmenta historico-romana Graecorum*,²² из гарлезианских рукописей XII в. № 3845, 3941, 5251,²³ из разных печатных изданий греческих и латинских авторов;²⁴ описание греческой рукописи Московской Синодальной библиотеки № 242,²⁵ коляции списков Жития Кириака Отшельника по рукописям Соловецкой библиотеки № 924, Сергиевской лавры № 684 и Мос-

¹⁴ По словам А. С. Будиловича, И. В. Помяловский «не был замечен Академиею наук, но это объясняется особыми условиями, при которых издавна развивается это ученое учреждение, благодаря которым не мог попасть на академическую кафедру и Менделеев» (*Будилович А. С. Два слова...* С. 6).

¹⁵ Еще об одной «ипостаси» И. В. Помяловского — как страстного библиомана, завязтого библиофила, обладателя уникальной библиотеки по различным вопросам знания, со множеством инкунабул и других редкостных печатных изданий XVI—XVII вв. (библиотеки, всегда открытой для любого исследователя), см.: *Медведев И. П.* Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна // Учен. зап. Российского православного ун-та ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 5. С. 205—216.

¹⁶ *Гревс И. М.* Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик: Опыт биографии (1838—1899). Машинопись: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а, Л. 263.

¹⁷ См. также: Каталог собрания рукописей проф. И. В. Помяловского, ныне принадлежащих Имп. Публичной библиотеке / Составил Д. И. Абрамович. СПб., 1914. 180 с. К сожалению, этот печатный каталог (приложение к Отчету ИПБ за 1907 г.) сообщает уже устаревшие шифры дел. В Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 1612) также хранятся материалы И. В. Помяловского, главным образом биографического характера: метрическое свидетельство, формулярный список о службе в Петербургском университете, грамоты о награждении орденами, уведомления различных научных обществ об избрании его своим членом, хозяйственные документы.

¹⁸ Полного и выверенного списка трудов И. В. Помяловского не существует. К сожалению, пока не можем дать его и мы.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 398. 114 л. (автограф, без 1-го листа).

²⁰ Там же. Д. 386. 8 л. (на л. 1 — штамп «Издательской комиссии Училищного совета при Св. Синоде» к № 1847 от 18.10.1897 и к № 1804 от 1898).

²¹ Там же. Д. 388. Л. 27—31 (чистой вариант жития с подвешенными различиями, но текст — не с самого начала, по собственной пагинации Помяловского — с. 37—46). Опубликовано: Житие препод. Паисия Великого и Тимофея патриарха Александрийского повествование о чудесах св. великомученика Мины / Издал по рукописям Московской Синодальной библиотеки И. Помяловский. СПб., 1900. С. 1—61.

²² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 394 (25 л.).

²³ Там же. Д. 392 (1 л.).

²⁴ Там же. Д. 380 (3 л.), 381 (5 л.), 382 (9 л.), 383 (40 л.), 384 (18 л.). См. также: ОР БАН. Основное хранение: 16.5.52 (рукопись в картонном переплете, с надписью: *Miscellanea Ioannis Pomjalowsky. A° 1864* (28 л.), содержит его выписки из «*Vitae et fragmenta veterum historicorum Romanorum*» (*Compositus Augustus Crause. Berolini. 1838*) и из других изданий. На л. 28 — дата: 14 сентября 1864.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 393 (1 л.).

ковской Духовной академии № 90;²⁶ корректуры²⁷), так и сделанных для него другими лицами, например, копия Жития Паисия Великого, выполненная с рукописи Paris gr. 1093 Д. В. Айналовым;²⁸ копия этого же жития, сделанная, по-видимому, на Афоне с какой-то тамошней рукописи;²⁹ описание не отождествленной нами греческой рукописи № 82, осуществленное на греческом языке А. И. Пападопуло-Керамевсом,³⁰ копия Паломническа св. Сильвии Аквитанской, сделанная с аретинского кодекса рукой И. И. Холодняка,³¹ «Житие св. Феодоры Солунской, написанное Никодимом» в копии, исполненной неустановленным лицом (не Крашенинниковым ли?) с л. 127—164 какого-то греческого пергамина Синаксаря (рукопись большого формата, писана крупным почерком в два столбца, с подражанием особенностям образца),³² копия «Легенды об умерщвленном младенце» с какого-то списка XVI в. (автограф неустановленного лица),³³ копия «Книги Евсевия Памфилова о палестинских мучениках», выполненная неустановленными лицами (два почерка),³⁴ и др.

К сожалению, весьма бедны содержанием записные книжки и дневник И. В. Помяловского (преобладают записи о чаепитиях, о погоде, о самочувствии, о визитах, но также о путешествии семьи Помяловских во Флоренцию и Рим в апреле 1873 г.),³⁵ не так уж многочисленны и интересны собственные письма Помяловского,³⁶ но зато в

²⁶ Там же. Д. 389—391.

²⁷ Там же. Д. 387 (75 л. = 150 с.): Палестинский патерик, вып. 11: «Житие преподобного отца нашего Стефана Чудотворца» (со штампом типографии В. Киршбаума от 12 ноября 1899 г.).

²⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 388. Л. 32—39. В письме к Помяловскому из Парижа от 21 января 1893 г. Д. В. Айналов так описывает изготовление этого списка: «Насчет рукописи с жизнеописанием Паисия я навел справки на другой же день и в тот же день имел ее в руках. Рукопись писана на бумаге в 8-ю долю листа и принадлежит XIV веку. Но будучи неважным чтением поздних рукописей, я принял все возможные предосторожности, т. е. обложился при чтении Ватенбахом и английскими пособиями, чтобы дать по возможности правильное чтение. Результаты Вы увидите сами, причем я остаюсь вне всякого сомнения, что Вы меня не похвалите, как за чтение, так и за чересчур большое количество помарок. Кроме того, я упустил текст и примечаниями в конце, выпиской глав, на которые разбито жизнеописание, а также содержанием самой рукописи» (Там же. Д. 506. Л. 5—5 об.). Любопытно, что в предисловии к изданию Помяловский даже не упоминает Айналова, но зато благодарит К. В. Ернштедта за описание парижской рукописи № 1093, «отличающееся большей полнотой и обстоятельностью, чем у Омона». См.: Житие препод. Паисия Великого... С. IV. Ср. также письмо Айналова из Парижа от 9 марта 1893 г.: «Еду в Милан, где порочусь в библиотеках, отнюдь не забывая про Паисия Великого. Так же буду поступать и в остальных библиотеках по городам, в которых придется побывать» (Л. 9 об.); письмо из Милана от 29 марта 1893 г.: «Теперь могу Вам сказать с полной уверенностью, что жития Паисия в Амброз. библи. нет» (Л. 11); письмо из Венеции от 24 апреля 1893 г.: «В Библиотеке Св. Марка жития Паисия нет» (Л. 16).

²⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 388. Л. 1—26. Копия изготовлена при посредстве библиотекаря русского Пантелеймоновского монастыря схимонаха о. Матфея. См. об этом: *Медведев И. П.* Письмо с Афона // Афонский собеседник (в печати).

³⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 388. Л. 41—41 об. (отождествлено по почерку).

³¹ Там же. Д. 385. Л. 1—27 об.: *Peregrinatio S-tae Silviae Aquitanae. E codice Arretino exscriptis Joh. Ch-k. Arretii / Romae, mense Sept. 1887.*

³² ОР РНБ. Ф. 608. Д. 388. Д. 396 (38 л.).

³³ Там же. Д. 395 (1 л.).

³⁴ Там же. Д. 397 (24 л.).

³⁵ Там же. Д. 10—14. В записях о пребывании во Флоренции отмечены визиты к «великому княгину», к «Абазе, где встретили Трубецкого и Урусову», к Васильчиковым, к «ки. Орловой, у которой сидели долго, смотрели ее картинную галерею и пили шампанское» (Там же. Д. 11. Л. 31); из записей за 1865 г. отмечаются визиты Ламанских (6/18 января), И. И. Толстого (13/25 марта), собственные визиты к Майкову (29 марта/3 апреля), к Толстым (6/18 мая) (Там же. Д. 12). Отметим еще одну запись — 30 декабря 1893 г.: «Утро дома. К обеду в 3 ч. Айналов. Сидел до 6 ч. вечером с женой у Образова и обратно домой в 3 1/2.» (Там же. Д. 14).

³⁶ Там же. Д. 444—499 (единичные письма делового характера). Судя по всему, И. В. Помяловский, как правило, не оставлял черновики, поэтому его письма (весьма многочисленные, ибо все полученные им письма содержат его пометы («отвн. тогда-то»)) следует искать в личных архивных фондах его корреспондентов. Так, в Петербургском филиале Архива РАН хранится немало писем Помяловского в архивах А. А. Куника, Н. А. Лавровского, В. В. Латышева, Х. М. Лопарева, А. И. Лященко, А. К. Наука, П. В. Никитина, Ф. И. Успенского, А. А. Шахматова, А. Ф. Бычкова, Э. А. Вольтера, В. П. Бузескула, К. Я. Грота, Н. Я. Грота, Я. К. Грота, В. Г. Дружинина, В. К. Ернштедта, И. М. Гревса, К. Г. Залемана. Практически все они выдержаны в лаконичном деловом стиле, столь контрастирующем с «откровениями» его корреспондентов.

архиве Помяловского есть нечто, делающее его поистине уникальным, а именно — колоссальный массив адресованной И. В. Помяловскому ученой корреспонденции, скрывающей целый мир повседневной жизни ученых, человеческих судеб, событий в области науки, историю всем известных ныне публикаций, отдельных памятников, целых экспедиций и т. д. Среди его прилежных корреспондентов мы видим весь цвет русской византистики: архим. Антонин Капустин (11 писем), В. Г. Васильевский (30 писем), Д. Ф. Беляев (145 писем), Ю. А. Кулаковский (151); Г. С. Дестунис (58), Н. П. Кондаков (138), Д. В. Айналов (28), В. В. Латышев (118), Н. П. Лихачев (16), Х. М. Лопарев (20), И. Д. Мансветов (28), А. И. Алмазов (19), В. П. Бузескул (69), А. Ф. Бычков (40), А. А. Васильев (10), В. В. Болотов (4), В. К. Ернштедт (40), С. А. Желелев (17), Н. Ф. Красносельцев (36), А. А. Дмитриевский (5), А. И. Кирпичников (6), Ф. Г. Мищенко (200), Эд. Курц (4), Р. Х. Лепер (8), А. И. Пападопуло-Керамевс (7), Е. К. Редин (70), И. И. Соколов (5), П. А. Сырку (27), И. И. Толстой (32), И. Е. Троицкий (35), Ф. И. Успенский (19), Т. Д. Флоринский (20), В. Н. Хитрово (79), Ф. Ф. Зелинский (11), М. Н. Крашенинников (39), иером. Августин (7), архим. Амфилохий (5), Б. М. Мелиоранский (1), В. Э. Регель (2), Б. В. Фармаковский (4), Г. Ф. Церетели (4), П. В. Безобразов (3) и т. д.; из иностранцев отметим Эмиля Леграна (21), Теодора Моммзена (13), Карла Крумбахаера (2), Теофиля Омолля (1) и др.

Разумеется, весьма заметное место в переписке занимали события в личной, общественной и научной деятельности самого И. В. Помяловского, поздравления с продвижением по службе (например, П. А. Сырку, поздравляя его с назначением членом Совета министров в письме из Праги от 9 августа 1897 г., пишет: «Я уверен, что у Вас будет возможность делать много хорошего и полезного для наших университетов»)³⁷ с бесчисленными правительственными наградами (Ю. А. Кулаковский в письме от 20 декабря 1897 г.: «Позвольте от души поздравить Вас с третьей звездой, которая Вас уже украшает. Мало теперь их для Вас уж и осталось в будущем, а там пойдут бриллианты»)³⁸ с 30-летием педагогической и научной деятельности Помяловского (типичной была телеграмма профессора Новороссийского университета А. И. Алмазова: «Все годы Вашего служения Вы были светильником, который не только светил, но и согривал всех соприкасавшихся с Вами. Дай Вам Бог сил еще долгие годы быть таким же благодетельным источником света и добра»)³⁹ Более содержательными были отзывы на выходящие из печати труды ученого. Например, о переводах Помяловским палестинских житий Н. П. Кондаков

³⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315. Л. 10.

³⁸ Там же. Д. 908. Л. 30—31 об.

³⁹ Там же. Д. 513. Л. 50. Этот юбилей получил широкий отклик в ученой среде. Тот же Кулаковский, поздравляя Помяловского «как почетного члена» Киевского университета св. Владимира, рассказывает (Там же. Д. 908. Л. 29—30): «Только что вернулся я из заседания Совета, в котором было проведено это предложение нашего факультета. Я отлагал свое личное поздравление до этого общественного признания Ваших ученых заслуг, которое у нас прошло в официальной форме час тому назад. Читали мы в газетах, что Харьковский университет сделал то же самое раньше... Еще летом осведомлялся я насчет Сборника (в честь И. В. Помяловского. — *И. М.*), который готовили Вам Ваши ученики; предполагал, что туда будут допущены и другие Ваши почитатели, но определенного ответа на этот вопрос я ни от кого не получил; приглашение не рассылалось... и я лишен возможности непосредственно участвовать в этой дани уважения к Вам Ваших младших коллег». Откликнулся на юбилей и Карл Крумбахаер, который в написанном по-русски письме из Мюнхена от 28 апреля 1898 г. высказался так: «Ваше Превосходительство! Только теперь я узнал из рецензии в Визант. временнике (V.287), что Вы отпраздновали юбилей Вашей 30-летней ученой деятельности. Я спешу поздравить Ваше Превосходительство с этим прекрасным и радостным торжеством. Да будет суждено Вам и Вашему отечеству, чтобы Вы праздновали еще другие подобные юбилеи! Очень сожалеею, что не могу достать преподнесенного Вам Сборника, и чрезвычайно был бы Вам обязан, если Вы изволили пожаловать экземпляр редакции *Byz. Zeitschrift*. С наилучшими воспоминаниями Вам преданный К. Крумбахаер» (Там же. Д. 1528. Л. 2). В приведенных письмах речь идет о сборнике: *Commentationes philologicae*. Сборник статей в честь Ивана Васильевича Помяловского... к тридцатилетней его ученой и педагогической деятельности от учеников и слушателей. СПб., 1897.

отозвался так (в письме от 10 марта 1893 г.): «Спасибо В. Н. Хитрово: он послал мне издания Палестинского общества, и я буквально проглотил, как конфетку, перевод житий. Сколько Вы дали себе труда, и как свежо выходит житие, читаешь как новейший психологический роман! Senza complimenti, Ваш перевод показывает пример, как под привычную греческую риторикою должно отыскивать реальную подпочву. Если бы такие переводы (sic!), мы получили бы иное понятие об отеческой литературе. Словом сказать, я читал эти жития, как я читаю теперь Флобера, смакуя фразу за фразою».⁴⁰

Немало в переписке было уделено внимания публикации Помяловским паломничества по святым местам св. Сильвии Аквитанской.⁴¹ все детали публикации обговариваются в письмах В. Н. Хитрово к Помяловскому за 1886—1889 гг., из которых явствует, что Хитрово принимал активное участие в подготовке издания, вел переговоры с графом Рианом с целью заполучения рукописи из Ареццо (сошлись на изготовлении списка с нее, которое осуществил в 1887 г. И. И. Холодник, см. об этом списке выше), а по напечатании назначил гонорар в размере 962 р. 60 к. Помяловскому и 75 р. М. Н. Крашенинникову (последнему — за составление указателя);⁴² Н. Ф. Красносельцев в письме из Казани от 23 октября 1888 г. извещает Помяловского о том, что в Иерусалиме встретился с В. Н. Хитрово и под его руководством осматривал раскопки, а затем спрашивает: «От него узнал я, что Вам поручено Палестинским обществом издание Путешествия в Св. Землю Сильвии Аквитанки. Скоро ли готово будет это издание?»;⁴³ любопытен и отзыв А. А. Дмитриевского, высказанный в его письме из Киева от 7 января 1891 г.: «Лично с Вами мне не пришлось познакомиться, но с Вашими трудами я давно знаком. Издание Вами в Палестинском сборнике "Peregrinatio ad loca sancta" IV в. сделалось у меня настольною книгою, так как я теперь печатаю один интереснейший греческий богослужебный памятник IX—X в. (в Казани в Православном Собеседнике), имеющий весьма много сходного с Вашим "Peregrinatio". Самый памятник собственно мною напечатан, теперь я работаю над примечаниями. Думаю, что работа и самый памятник будут небезынтересны для наших хронологов-палестиноведов и литургистов».⁴⁴ Наконец, Д. В. Айдалова публикация Помяловского подвигла на глубокие размышления. Сообщив ему в письме из Казани от 21 октября 1893 г. о своих изысканиях по поводу креста Голгофы, он пишет: «Между прочим, вчитываясь в текст Сильвии, я напал на странице 57 Вашего издания на следующую фразу: Et sic ponitur cathedra episcopo in Golgotha post Crucem, quae stat nunc. Вы передаете это место так: "Затем на Голгофе за крестом поставляется кафедра, стоящая теперь". Нельзя ли слово quae отнести к Crucem, т. е. к ближайшему существительному? Так как эта кафедра поставлялась за крестом и перед крестом, то, конечно, можно полагать, что она стояла здесь и что с нее именно говорились огласительные речи. Но слово nunc тогда должно указывать, что кафедра поставлена была, быть может, только на те дни страстной недели, когда здесь особенно

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 13 об.

⁴¹ *Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis edita, rossice versa, notis illusstrata ab Joh. Pomia-
lowsky // ППС. 1889. Т. 7, вып. 2. 312 с.*

⁴² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1388. Л. 5—29 об.

⁴³ Там же. Д. 892. Л. 27. Письмом от 24 декабря 1888 г. Н. Ф. Красносельцев извещает Помяловского о высылке ему своего сочинения о паломничестве Сильвии: «Брошюрка о путешествии Сильвии послана Вам ранее. Я сомневаюсь, чтобы она могла Вам служить каким-либо подспорьем. Цель моя была только изложить порядок описанного Сильвией богослужения. Археологических справок и сопоставлений я не успел сделать, а отчасти и затруднился. Известия Сильвии довольно неожиданны. Трудно было предполагать, чтобы уже в IV в. богослужение было так сложно. Тем более поводов заняться тщательным изучением памятника с литургической стороны. Но на это нужно время» (Там же. Л. 30 об.).

⁴⁴ Там же. Д. 748. Л. 2—2 об.

много правилось больших служб. Сильвия говорит, что только в большой четверток здесь совершалась литургия, что место было открытое и доступное непогодам, под открытым небом; обыкновенно же дело ограничивалось пением и молитвой и здесь обыкновенно у креста бывал отпуст (?). Кафедра ставилась и посреди Мартириума для поучения (?) пред крещением. Исключая епископской кафедры (sic!) в абсиде, которая часто бывала мраморная и очень тяжелая, надо полагать, что бывали другие кафедры переносные и легкие, что не мешало им быть драгоценными, как напр. кресло епископа Максимиана в Равенне. Но такие кафедры могли быть переносимы и поставляемы на всякий случай и такая кафедра б. м. и была поставлена для целования древа Креста сначала позади Креста, а другой раз впереди для чтений (стр. 158, 159). Так как ни раньше ни позднее Сильвия не говорит о кафедре ничего и не отмечает ее постановки здесь, то надо думать, что ее там не было и что она приносилась и ставилась для особых случаев. Если это так, то ей незачем было оговаривать, что кафедра поставляется, само собою ясно, что она стоит. Такого рода мечтания заставляют меня обратиться к Вам: нельзя ли думать, что "quae stat pupc" относится ко кресту, который действительно стоял там и о котором Сильвия выражается просто как о кресте без дальнейших пояснений, как о вещи, не требующей описаний. Это было бы очень интересным данным для меня. За всякое указание на этот счет я буду сердечно вам благодарен».⁴⁵

По поводу сочинения диакона Феодосия «О местоположении Св. Земли»,⁴⁶ изданного Помяловским, высказал свое суждение Н. Ф. Красносельцев. «На днях, — пишет он из Старой Руссы 22 июня 1892 г., — я прочел Вашего Феодосия с большим вниманием и пользою. Очень интересны указания на апокрифы. Однако же думаю, что ученому немцу (имеется в виду боннский ученый И. Гильдермейстер, который в 1882 г. осуществил критическое издание труда, перепечатанное Помяловским и положенное в основу его русского перевода. — *И. М.*), несмотря на все его прилежание, едва ли удалось вполне очистить текст. В частности, указания на храм св. Софии в Иерусалиме, если не позднейшая вставка, должно быть, кажется, почитаемо за указание на постройки Юстиниана».⁴⁷ Имея в виду другую крупную публикацию Помяловского по топографии Иерусалима,⁴⁸ Д. Ф. Беляев пишет ему из Казани 15 августа 1894 г.: «От души рад, что Вы предприняли труд по топографии Иерусалима. Быть может, занятия Иосифом Флавием увлекут Вас в Иерусалим и приведут к капитальному труду по топографии Св. Гроба и Палестины вообще. Вы обладаете такою эрудициею по палестиноведению и так много занимались этой областью, что лучше всякого другого можете составить собрание известий о св. Граде и просветить русскую публику относительно топографии его».⁴⁹ Получив же через некоторое время уже вышедший из печати том, Д. Ф. Беляев в письме от 18 сентября 1894 г. пишет следующее: «От души благодарю Вас за Вашу новую большую книгу, которую я понемногу почитываю и удивляюсь Вашей эрудиции и начитанности в палестинно<ведческой?> литературе. Сколько нужно было времени и труда, чтобы сделать все справки и выписать все цитаты и места, которые у Вас приведены! И возможно, однако ж, что о такой книге, стоившей пятилетнего труда, не будет ничего сказано в нашей ученой критике. Очень

⁴⁵ Там же. Д. 506. Л. 20 об.—21.

⁴⁶ *Theodosius. De situ Terrae Sanctae. Liber saeculo VI ineunte conscriptus. Recensionem J. Gildemeisteri repetivit, versionem rossicam notasque adiecit I. Pomjalowsky // ППС. 1891. Т. 10, вып. 1. 147 с.*

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 43.

⁴⁸ Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, о названиях местностей, встречающихся в св. Писании; Блаженного Иеронима, пресвитера Страдонского, о положении и названиях еврейских местностей / Перевел и объяснил И. Помяловский // ППС. 1894. Т. 13, вып. 1. 546 с. + карта Палестины.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 154—154 об.

жалею, что я не палестиновед, а то я непременно написал бы об этой прекрасной книге. Во всяком случае, буду побуждать к этому Н. П. Кондакова, если он уж не взялся за это сам или по просьбе какого-нибудь редактора.⁵⁰ А Вам после таких продолжительных занятий Палестиною просто непроситительно не съездить в Палестину. Вы напрасно боитесь ослов: теперь во многие места можно ехать в экипаже» (и. т. д., много об этом).⁵¹

С особой заинтересованностью научная общественность встретила осуществленные И. В. Помяловским по московским спискам издания греческих житий. Правда, предваряет эту серию его издание жития св. Саввы Освященного (VI в.) в древнерусском переводе, в основе которого лежал пергаминный список, вывезенный из палестинской Саввиной Лавры кн. П. А. Вяземским, но с привлечением других списков и с приведением греческого оригинала по изданию Котельера.⁵² Так, Н. Ф. Красносельцев извещает Помяловского письмом из Казани от 18 декабря 1887 г.: «С величайшим удовольствием готов услужить Вам. Тотчас по получении Вашего письма я навел справку. Действительно, список Жития Саввы Освященного у нас есть и список хороший, датированный XVI в. Смотрите во 2-м томе нашего Описания на стр. 473. Номер рукописи 638 (835).⁵³ Статья писана хорошим четким полууставом на 162 страницах по 25 строк на каждой. Переписчик у меня есть хороший, т. е. опытный, искусный и аккуратный, но не студент. С нашими студентами теперь трудно иметь подобные дела. Дела у них очень много, а материальной нужды они не терпят, ибо на казенном и весьма хорошем иждивении. Мой переписчик из духовного звания — надзиратель одной из здешних гимназий, по случаю многочисленности терпящий большую нужду. Но за копировку с титулами он берет по 15 коп. за страницу. Так как нужно скопировать 162 стр., то это будет стоить около 25 р. Производительна (sic!) ли для Вас будет такая трата? Ведь копия очевидно нужна Вам только для вариантов. Не лучше ли вам чрез Общество любит-елей-др-евней-п-исьменности- выписать для пользования самую рукопись? Препятствий к высылке здесь не будет».⁵⁴

Получив в подарок издание, Д. Ф. Беляев пишет Помяловскому (8 марта 1891 г.): «Очень, очень Вам благодарен за Вашу великолепную книгу: Житие Саввы Освященного. Мы с В. В. Латышевым дивились тому, что Вы с такою тщательностью издали такую большую книгу. Без сомнения, много самого кропотливого и утомительного труда стоила Вам эта книга, если принять во внимание, что наши типографии, даже академические, не привыкли к таким тщательным воспроизведениям оригиналов. Много, вероятно, пришлось Вам держать корректур и сердиться. Но зато издание вышло действительно замечательное и могущее заменить факсимиле».⁵⁵ Зато не без едкости поблагодарил за аналогичный подарок А. А. Дмитриевский в своем письме из Киева от 27 апреля 1891 г.: «Глубокоуважаемый Иван Васильевич, Христос воскрес! Приношу сердечную благодарность

⁵⁰ Тем не менее «реферат» на эту работу пришлось писать именно Д. Ф. Беляеву. В письме от 20 февраля 1895 г. он сообщает Помяловскому: «Реферат о Вашем последнем ученом труде я послал в "Русское обозрение". Прошу извинить, если я недостаточно оценил Вашу работу. Я хотел только обратить внимание на Ваши замечательные труды, но, как неспециалист, не мог судить о них, потому написал не рецензию, а реферат» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 168 об.).

⁵¹ Там же. Л. 155—155 об.

⁵² Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890.

⁵³ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1885. Т. 2. С. 473. № 638 (835).

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 18—19 (Помяловский предпочел все же копию, см. письмо Красносельцева от 25 января 1888 г.: «Письмо Ваше с деньгами получил и копию Жития Саввы заказал». Там же. Л. 22).

⁵⁵ Там же. Д. 563. Л. 68.

за дорогой для меня подарок. Я разумею превосходное Ваше издание под заглавием: “Житие св. Саввы Освященного”, которое я ожидал с нетерпением. Занимаясь вопросами по христианской археологии Палестины, я, весьма понятно, часто вынужден был штудировать данное житие, богатое сведениями, касающимися археологии и топографии Св. Града. К сожалению, с этой стороны житие Саввы Освященного остается и доселе не изученным и даже не оцененным по достоинству. Мне казалось, что многоученный (sic!) издатель “*Peregrinatio ad loca Sancta*” восполнит этот пробел, но, к сожалению, я забыл, что задачи члена Палестинского общества и члена Общества древней письменности у нас различны... Понятно Вам теперь мое маленькое разочарование, когда, вместо Ваших *примечаний*, в конце памятника я встретил примечания Котельера, едва ли ныне могущие удовлетворить занимающегося вопросами археологии Палестины. Ваши многочисленные варианты, собранные с замечательною тщательностию и редким трудолюбием из славянских рукописей, навели меня на мысль, что и греческий текст жития (по Котельеру) следовало бы, кажется, пересмотреть вновь. В рукописях Саввинской библиотеки (ныне патриаршей иерусалимской) имеются громадные немаранье (?) списки жития сего отца, во многом отличные от изданного Котельером. В этом отношении, как мне лично известно, для изучения этого жития сделано кое-что Пападопуло-Керамевсом, который ныне находится в распоряжении палестинской комиссии. Кажется, для сей цели можно было бы воспользоваться услугами сего молодого человека (кстати интересно знать: что случилось с его описанием палестинских рукописей, ужели оно пропадет для науки? Кажется, «Палестинский сборник» был бы подходящим местом для сего описания). Вообще мне думается, что жития, написанные Кириллом Скифопольским (свв. Саввы, Евфимия и Иоанна Исихаста), и житие Феодосия, написанное (sic!) его учеником Феодором, епископом Петрским и изданное в прошлом году Германом Узенером (Лейпц. 1890 г.), обратят на себя внимание будущей палестинской комиссии. Во многих случаях эти жития могут служить указателем христианских палестинских древностей и решают категорически спорные вопросы у наших палестиноведов». ⁵⁶

Более благожелательным (но и более формальным) был отзыв А. А. Дмитриевского на другое, теперь уже самостоятельное издание греческого текста «Жития Феодора Эдесского». ⁵⁷ «Дня три тому назад, — сообщает Дмитриевский в письме к Помяловскому из Киева от 14 октября 1892 г., — получил я последний Ваш труд “Житие Феодора Эдесского”, которое, скажу к слову, так меня заинтересовало, что я, не отрываясь, прочел его от начала до конца. Богатый в нем литургический материал, немало пищи и для археологии Палестины» (следуют благодарности). ⁵⁸ «*Ihre vortreffliche Ausgabe*» — такими словами оценивает издание жития Феодора Эдесского и такой строгий оценщик, как Эдуард Курц (в письме из Риги от 26 февраля 1893 г.), который, оговорившись, что с большим интересом ознакомился с этим «отличным изданием», тут же отмечает множество ошибочных чтений и опечаток и составляет целый реестр исправлений (на двух листах!). ⁵⁹

⁵⁶ Там же. Д. 748. Л. 3—4 об.

⁵⁷ Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Эдесского. По двум рукописям Московской Синодальной библиотеки / Издал И. Помяловский. СПб., 1892. 145 с. (издатель благодарит Хр. М. Лопарева, «списавшего, со свойственной ему отчетливостью, текст рукописи А», В. К. Ернштедта, «не потяготившегося держать одну из корректур текста», н А. И. Пападопуло-Керамевса «за копию рукописи с Халки») — с. VIII).

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 748. Л. 5.

⁵⁹ Там же. Д. 911. Л. 1—3 об. Поблагодарив также за присылку экземпляра «Жития св. Феодора», знаменитый французский ученый Эмнль Легран дает (в письме из Парижа от 25 декабря 1892 г.) этой публикации Помяловского весьма высокую оценку: «*Cette vie est d' un puissant intérêt et le récit en est exposé d' une façon très attachante. Elle m' a fort intéressé. Permettez — moi de vous dire sans flatterie, mais avec sincérité et franchise, que pour votre début (comme publications grecques) vous avez fait un coup de maître. Puissiez — vous en recommencer souvent de pareils*» (Там же. Д. 1534. Л. 32—33 об.).

Не остались незамеченными корреспондентами Помяловского и его издания житий Афанасия Афонского и Григория Синаита. Так, из писем В. К. Ернштедта к Помяловскому мы узнаем, в чем заключалась его «многообразная помощь» последнему в издании жития преп. Афанасия Афонского, за которую тот благодарит его в предисловии:⁶⁰ в письме от 4 января 1895 г. Ернштедт сообщает, что последнюю корректуру жития он принес в университет, навел в рукописи (нынешняя ГИМ № 398 Влад.; была прислана для работы Помяловскому из Москвы) нужные справки и списал приписки последнего листа рукописи, а затем попросил М. П. Белозерова отправить все это к Помяловскому («Упоминаю об этом для того, чтоб Вы не удивились некоторой санфасонности посылки. Не можете ли Вы оставить рукопись невозвращенною еще недельку? Если Вы ее теперь возвратите, то, пожалуй, и от меня потребуют мою московскую рукопись, а у меня еще не все сделано. Впрочем, я ведь свою рукопись могу и после требования задержать на несколько дней»);⁶¹ нечто аналогичное в его письме от 17 октября 1895 г.: «Простите, что я задержал Вашу корректуру. Некоторые ἀπορίματα были причиной, что я не возвратил ее тотчас после первого чтения. Я думал, что при втором нашествии удастся справиться с ними, но отчасти ошибся. Εἶναι p. 22, 15, должно быть, вульгарная форма = ἔστιν; греки пишут εἶνε. Может быть, и τὸν p. 21, 18 вульгарная форма = αὐτόν. Но кому принадлежат такие формы, переписчику или автору?».⁶²

Что же касается жития св. Григория Синаита, то за присылку этого издания Помяловского горячо благодарят бюландист J. Van den Gheyn (в письме от 30 июля 1894 г.: «Nous parlerons de votre travail dans les *Analecta Bollandiana* et nous en dirons volontiers tout le bien que nous en pensons», — подчеркивает он),⁶³ библиотекарь Пантелеймоновского монастыря на Афоне иеромонах Матфей (в письме от 28 декабря 1895 г.: «С большим утешением получил я еще в прошедшем ноябре 2 экземпляра изданного Вами жития преп. Григория Синаита, один экземпляр коего Вам благоугодно было даровать мне. Приношу Вам глубочайшую благодарность как от себя лично, так и от лица святой нашей обители, которая навсегда останется к Вам глубокопризнательною за оказываемые Вами благорасположения к нам смиренным»),⁶⁴ Н. П. Кондаков (в письме от 22 ноября 1894 г.): «Хотел было написать Вам, уже просмотрев Вашу большую книгу, но так и не успел: перелистав ее, постиг только, какую работу Вы предприняли и к благому концу привели! Истинная честь Вам и слава! Этот “краугольный камень” не только образцово обтесан, но и отшлифован, и, надо думать, когда будет положен во главу угла, будет блестяще отделкою. Senza complimenti — великолепное издание!».⁶⁵ Наконец,

⁶⁰ Житие преп. Афанасия Афонского по рукописи московской Синодальной библиотеки / Издал И. Помяловский. СПб., 1895 (предисловие).

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 779. Л. 47.

⁶² Там же. Л. 48.

⁶³ Там же. Д. 1514. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Д. 994. Л. 3.

⁶⁵ Там же. Д. 868. Л. 65. Разумеется, восторги улетучиваются, когда оценку изданию дает специалист — современный ученый (H. V. Weyer), который в настоящее время подготавливает (если не ошибаюсь, уже подготовил) к печати критическое издание жития Григория Синаита и который в письме к автору этих строк от 13 мая 2000 г. так оценивает издание Помяловского: «Хорошая филологическая работа, но не гениальная». К достоинствам ее Х. Ф. Байер относит то, что «в ней вряд ли обнаружишь неправильно поставленное ударение, орфографическую ошибку или не соответствующую со смыслом текста пунктуацию»; привлечение «в примечаниях извлечений из древнеславянского перевода, у которых нет соответствия в оригинальном греческом тексте»; допущение некоторых обоснованных конъектур, из которых Байер принимает «большинство, в особенности те, которые являются исправлениями орфографии или небольших заблуждений переписчика». К недостаткам — ограничение издания одним списком, при наличии других (что, собственно, и побудило Байера предпринять новое издание жития), и увлечение ненужными, чересчур смелыми конъектурами («Возможно даже критиковать Помяловского в том, что в случае смелых конъектур он не сравнил славянский текст, точно соответствующий рукописному греческому»). При всем том, по-моему, и Байер считает счастьем для науки, что текст жития был опубликован Помяловским еще в 1894 г.

В. В. Болотов, получив от Помяловского «дорогой подарок» в виде целой подборки оттисков с его сочинениями, разразился огромным письмом от 15 ноября 1892 г. с детальным разбором их содержания и с массой интереснейших и ценнейших замечаний («Не зная, как и благодарить Вас за такую массу подарков, собираюсь хоть надоесть Вам своею болтовнею»),⁶⁶ из которых стоит процитировать то место, где излагаются взгляды Болотова на злободневную и в настоящее время проблему транскрипций (Л. 19 об.—31): «Страницы 26—27 “Шестого археологического съезда”⁶⁷ оставили во мне сильное сожаление, что Вы высказались так лаконично по вопросу о транскрипции, которому Вы не отказываете в значении. Как дилетант in othographia и, пожалуй, новатор, я с удовольствием вижу, что Вы признаете теоретическую законность предложений г-на А. А. Иванова, по-видимому, в большем объеме, чем мог бы допустить это и я. Тот интерес, который Вы выказали к этому вопросу, подстрекает меня высказать кое-какие мои соображения... Мне кажется, этот вопрос следует несколько осложнить, чтобы выснить тот объем, в котором он действительно подлежит решению, чтобы установить границу, где кончается потребность и начинается прихоть (следует пространный пассаж из практики транскрипции в классической и восточной филологии, за отсутствием в типографской кассе восточных шрифтов. — И. М.). Приходится транскрибировать потому, что на 1000 предполагаемых читателей не наберется и трех человек, которые разумеют восточные шрифты. Словом, ориенталиста sub jugum транскрипции гонит горькая необходимость, и на затеи греко-римских филологов он может смотреть, пожалуй, как на баловство людей чересчур сытых. Ориенталист *транскрибирует* в точном смысле, т. е. переписывает буквами другого алфавита и другими искусственными знаками то, чего не может поднести читателю в подлинном виде. Здесь транскрипция есть вымученная нуждою попытка дать *глазу* читателя некое подобие *отсутствующего* текста. Филологам-классикам такой суррогат, вероятно, в 9999 случаях из мириады ни на что не нужен: в типографских кассах и латинский и греческий шрифт обычно всегда имеется и не знают этих шрифтов разве те читатели, для которых и не следует писать научных статей. Под фальшивым флагом “транскрипции” поставлен вопрос кое о чем совсем другом: речь идет собственно о “транссонации”, ο μεταφώνησις, о том, чтобы *слуху* русского передать наиболее правильным, однако *совершенно русским* образом звуки другого языка. Здесь филологи классических и восточных языков стоят на общей почве. Но опять-таки первые способны увлекаться так, как не могут зарваться последние... Quod sit ita, радикализм Иванова есть нечто самоосужденное. Он смешивает транссонацию с транскрипциею, хочет разом действовать и на зрение и на слух читателя... Я менее сдержан в новшествах в чисто богословской области. Полагаю, что пользующиеся старою орфографиею, при сравнительной малочисленности богословских книг в России, — ὀλίγοι τινὲς καὶ εὐαρίστητοι. При том usus, установленный мудростью предков, есть в сущности скандал: читали по латинским шпаргалкам те тексты, которые были обязаны читать в греческом подлиннике» (и т. д.).

Оценивая научную продукцию И. В. Помяловского в целом, его корреспонденты не могли удержаться от выражения своего искреннего изумления. «Но когда Вы успеваете работать? — задает ему вопрос Н. П. Кондаков в письме от 29 мая 1893 г. — Ваши издания повергают меня в истинное недоумение: ведь я знаю, как Вас зимою растаскивают во все стороны. Когда бы, казалось, успеть что-нибудь сделать и притом *так*, как Вы делаете! Это Ваш секрет!»⁶⁸

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 596. Л. 7—32 об.

⁶⁷ Имеется в виду: Помяловский И. В. Шестой археологический съезд в Одессе 1884 г. СПб., 1885. 81 с. (оттиск из: ЖМНП. 1885. Январь—март. Т. 238).

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 21 об.

Пожалуй, самым распространенным мотивом было обращение к Помяловскому с какой-либо насущной просьбой, а затем выражение горячей благодарности за исполнение ее. Из переписки явствует, что Помяловский по-отечески опекал всех выезжавших за рубеж с научными целями молодых ученых, являясь для них поистине «добрым гением» (выражение М. Н. Крашенинникова)⁶⁹ и получая в ответ ценнейшие письма-отчеты о проделанной работе, прохождении командировок. Так, В. К. Эрнштедт в своем письме из Олимпии-Друвы от 13 января 1882 г. и в двух письмах из Афин (от 10 марта и 27 апреля 1882 г.)⁷⁰ информирует Помяловского о своей поездке по Пелопоннесу, о находках эпиграфических памятников (тегейский камень с латинской надписью, латинские надписи Олимпии, надписи Аргосского музея), о своем знакомстве со Спиридоном Ламбросом. «Я, — пишет он, — и без Федора Федоровича (Соколова. — *И. М.*) и без А. К. Наука знаю, Иван Васильевич, что Вы интересуетесь ходом моих занятий... Я хоть и “западный человек”, как однажды в шутку выразился Ф. Ф. Соколов, но ни душой кривить, ни руководиться какими-нибудь “практическими” соображениями не привык. Вероятно, и Вы, Иван Васильевич, удивляетесь, почему я так мало присылаю доказательств моих штудий, тогда как мой товарищ В. В. Латышев (также находившийся в то время в Афинах. — *И. М.*) несравненно исправнее на этот счет. Дело в том, что мы натуры разные. Он легко и хорошо пишет, у меня же работы, что касается изложения, всегда вымучены, отчего изложение, которому я придаю значение, не выигрывает. Он сосредоточивается на одном вопросе, я одновременно занят несколькими, хотя я вовсе не признаю это практичным. Он занимается почти исключительно эпиграфикой, я почти nihil archeologici a me alienum puto, хотя все более занимался тою же эпиграфикой. Наконец, он удержал в памяти, по части истории и древностей, много такого, что у меня в одно ухо вошло, а из другого вышло, ибо я в то время обдумывал какую-нибудь *emendatio palmaris*» (Л. 4 об.).

Любопытные подробности о своих занятиях неизданными папирусами, интенсивном чтении греческих авторов («а именно, ораторов и главным образом любезного моему сердцу Лисия»), о посещении «чудных лекций Дильса по греческой религии и мифологии» и «менее чудных» лекций Виламовица (он «читал греческих ораторов, но его лекции не произвели на меня большого впечатления, ибо наряду с внешним блеском не особенно блестящим содержанием») сообщает в 1899 г. в своих трех пространных письмах из Берлина и Вены молодой Г. Ф. Церетели (всякий раз оговаривается его готовность выполнить любое поручение Помяловского «касательно рукописей»).⁷¹ Обширная и ценнейшая по своему характеру информация содержится в письмах М. Н. Крашенинникова из-за рубежа за 1889—1901 гг., позволяющая воссоздать весь процесс сбора материалов по рукописным собраниям стран Европы и подготовки критического издания трудов Прокопия Кесарийского⁷² (письма изобилуют бесконечными просьбами о продлении сроков командировок, о своевременной присылке стипендии, сообщениями о выполнении различных *desiderata* Помяловского, особенно по части разыскания разных старопечатных книг).⁷³

⁶⁹ Там же. Д. 894. Л. 42 об.

⁷⁰ Там же. Д. 779. Л. 1—7 об.

⁷¹ Там же. Д. 1406. Особенно достается Виламовицу в пространном письме Церетели от 11 декабря 1899 г. (Л. 5): «По совести говоря, — пишет Церетели, — его способ комментирования классиков мне не по душе, ибо слишком уже сильно пересаливает он в своем иперкритицизме, так что от автора остается один скелет, но тем не менее я слушаю его усердно, ибо иногда его поправки действительно бывают остроумны и хороши».

⁷² Именно поэтому материал широко использован в очерке А. Н. Анфертьевой о М. Н. Крашенинникове (РНРВ. С. 375—419).

⁷³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 894 (39 писем за 1889—1901 гг.).

Подробно информируют Помяловского о своих командировках А. А. Васильев, А. И. Алмазов, А. И. Александров. Особенно интересны письма первого из них. Так, в письме из Парижа от 22 (10) декабря 1897 г. Васильев пишет: «Эти месяцы, проведенные мною в Париже, по моему мнению, не пропали для меня даром. Кое-что должно быть напечатано в последнем номере ВВ, о выходе в свет которого я еще не имею сведений. Статью "О славянах в Греции" я выслал Василию Григорьевичу (Васильевскому. — *И. М.*). Надеюсь в скором времени доставить в Петербург некоторые довольно интересные рукописные греческие тексты, списанные мною здесь; я их теперь снабжаю введениями. На всякий случай, занимаюсь в Ecole des Hautes Etudes и Ecole des langues orientales арабским, турецким и эфиопским языками. Диссертация если и не особенно быстро, то все-таки движется вперед... К французам же, как к людям вообще, хотя они теперь и наши друзья, я до сих пор привыкнуть не могу».⁷⁴ В другом письме (из Константинополя от 24 сентября 1899 г.) Васильев пишет: «Глубокоуважаемый Иван Васильевич! В начале сентября этого года я подал отчет о моей командировке и прошение о продлении ее на третий год в филологический факультет и в министерство. Вся надежда теперь на то, чтобы командировку продолжили. Раньше я думал о возможности остаться здесь при Археологическом институте в качестве второго секретаря, о чем мне говорил и сам Феодор Иванович (Успенский. — *И. М.*). Теперь, по-видимому, времена переменялись: он, кажется, хочет искать археолога; кого он найдет, не знаю, ибо, по слухам, Яков Иванович Смирнов не пойдет теперь сюда. Мне здешняя деятельность была бы очень по душе; мое знакомство с турецким и арабским языками было бы здесь далеко не бесполезно, а самый ход занятий заставляет меня войти в изучение археологии, против чего я ничего не имею. Ведь подобные примеры были и раньше: стоит вспомнить самого Феодора Ивановича и Погодина. Поэтому в данных обстоятельствах я, в случае неудачи ходатайства о продлении командировки, с 1 января 1900 г. останусь совершенно ни при чем. Если бы Вы нашли возможность поддержать мое ходатайство, как в прежние годы, я бы глубоко был благодарен Вам. Надеюсь, что диссертация в ноябре месяце окончится печатанием, и следующий год я могу спокойно посвятить главным образом подготовке докторской диссертации, тема которой завещана мне незабвенным Василием Григорьевичем. В декабре я думаю приехать в Петербург. По-видимому, туда же в это время собирается и Феодор Иванович. Через несколько дней я с Фармаковским уезжаем на раскопки в Македонию. За время моего пребывания здесь я посетил Афины, острова Архипелага с проф. Дерпфельдом и сделал поездку в глубину Малой Азии к развалинам древней Амории. Будьте здоровы. Еще раз благодарю за прежнюю помощь и прошу очень не отказать мне в поддержке, если это возможно, и в настоящем столь смутном и трудном для меня вопросе. Глубоко преданный Вам А. Васильев».⁷⁵

Сообщая в письме от 6 сентября 1897 г. о своей продолжительной командировке по разным странам («До сего времени я побывал у Мазуров, в Познани, Берлине, Генте, Лондоне, Оксфорде, Лейпциге, Фрейбурге, Дрездене, объездил Горнюю и Дольнюю Лужицы, работал затем в Праге, посетил до 15-ти пунктов, важных в историко-литературном отношении. Теперь я поработаю в Вене и оттуда направляюсь на юг, в румынские земли и южнославянские и закончу Римом»),

⁷⁴ Там же. Д. 620. Л. 5—6.

⁷⁵ Там же. Л. 11—12. См. также письма А. А. Васильева из Парижа от 25 (13) июля 1897 г. (Л. 3—4), от 3 января 1898 г. (Л. 7), из Лондона от 3 октября 1898 г. (Л. 8—9), из Константинополя от 9 (21) декабря 1899 г. (Л. 13), из Берлина от 24 (15) февраля 1900 г. (Л. 14—14 об.). В последнем из них Васильев сообщает: «Теперь живу в Берлине, но долго здесь не останусь, так как для моей следующей работы нужно будет ознакомиться, насколько хватит сил, с арабскими рукописями Оксфорда, Лондона и Парижа» (Л. 14 об.).

П. А. Сырку благодарит Помяловского за все его хлопоты по организации поездки, сообщает о высылке отчетов, сожалеет, что не имел возможности участвовать в сборнике в честь последнего («постараюсь исправить свою оплошность иным способом»), и шлет тому в письме из Вены от 10 декабря 1897 г. одно из самых выразительных поздравлений по случаю 30-летней годовщины его ученой и педагогической деятельности: «Глубокоуважаемый Иван Васильевич! Поздравляю Вас с днем, в который и Ваши ученики, и представители академических и неакадемических поколений, выросших на Ваших глазах, воздают Вам честь и похвалу за Вашу усердную и беззаветную службу и заслуги науке и отечеству. Примите эти мои слова не за официальное выражение моих чувств бывшему моему профессору, а как искреннюю мою радость, что Вы столько лет с неоцененною пользою подвизались на избранном поприще на благо и славу отечества. Вместе с тем примите эти мои слова как знак сердечной благодарности Вам за то, что Вы всегда относились с кротостию к моим слабостям и недостаткам и с любовью к моим нуждам. Сожалею весьма, что я не могу в данную минуту присоединиться к моим товарищам и приятелям на общем празднике в день чествования Вас из далекой чужбины этими малозначащими словами. Но позвольте зато посвятить Вам один из моих посыльных (sic!) трудов, имеющих в самом недалеком будущем выйти в свет. Да дарует Господь Бог крепкое здоровье, бодрость, спокойствие и веселие Вам, чтобы удвоились и утроились труды Ваши на пользу и благо нам и нашему отечеству. Примите уверения в искреннем и глубоком почтении и уважении Вашего усердного почитателя и глубоко признательного слуги Полихрония Сырку».⁷⁶

Другим весьма популярным мотивом переписки И. В. Помяловского была его помощь в защите диссертаций по византиноведческой проблематике, причем не только его непосредственным коллегам и ученикам (например, М. Н. Крашенинникову), но и «провинциалам»: наверное, ни одна из них не обошлась без его поддержки. Так, в 1896 г. к нему обращается приват-доцент Новороссийского университета Синодий Димитриевич Пападимитриу с письмом следующего содержания: «Ваше Превосходительство, многоуважаемый Иван Васильевич! Будучи занят приготовлением к предстоящему диспуту моему в Новороссийском университете, где он состоялся 19 мая (1896 г. — *И. М.*), я до сих пор не успел выразить Вам мою глубокую благодарность за лестный отзыв о моей книге и готовность допустить меня к защите моей диссертации осенью в Петербургском университете. Жаль, что мне не пришлось выслушать указаний на мои промахи от петербургских знатоков византинологии; но я не мог не воспользоваться дружескими услугами своих одесских товарищей, которые нашли возможность устроить мой диспут, несмотря на позднее и трудное время экзаменов. Примите искреннее выражение моего глубокого почтения и благодарности, с которыми имею честь оставаться истинным слугою Вашего Превосходительства С. Пападимитриу».⁷⁷

Из писем Н. Ф. Красносельцева и его ученика по Казанской Духовной академии А. И. Алмазова мы узнаем о трудностях с прохождением через Синод защищенных последним в названной Академии магистерской диссертации «История в чинопоследовании крещения и миропомазания» (1885)⁷⁸ и докторской диссертации

⁷⁶ Там же. Д. 1315. Л. 25—26. Ср. л. 14 об.

⁷⁷ Там же. Д. 1103. Л. 1—2.

⁷⁸ «Магистерское [сочинение], — пишет А. И. Алмазов из Симбирска 20 марта 1886 г., — тоже тяжелым камнем ложится на сердце. Я несколько не волнуясь тем, утверждают ли меня магистром или нет. Мне это безразлично. Бог свидетель и свидетели лица, видевшие процесс моей работы над магистерским, я трудился над последним не из-за практических расчетов, а исключительно во имя любви к предмету и труду! Чрез два месяца будет год, как я защитил сочинение. Лица, сдавшие защиту после меня, уже давно утверждены в магистерстве. А синодского решения о моем труде все нет, как нет... Прихожу к тому несомненному заключению, что тут проволочка недаром. По всей вероятности, на-

ции «Тайная исповедь в православной восточной церкви» (1895), а также о решающей роли И. В. Помяловского в «проталкивании» дела с их утверждением в Синоде («Ал. Ив. Алмазов весьма Вам благодарен за Ваше участие по его делу; я, с своей стороны, то же самое», — пишет Красносельцев 30 декабря 1895 г. по поводу утверждения докторской).⁷⁹ Сообщив в письме из Москвы от 3 февраля 1890 г. об отправке на имя ректора Петербургского университета прошения о защите в качестве диссертации на степень магистра его сочинения о Михаиле Пселле и двух экземпляров труда, П. В. Безобразов просит Помяловского назначить день защиты «как можно скорее, до пасхи, в воскресенье пред вербным 18 марта» («Я послал свою диссертацию некоторым членам факультета — В. Г. Васильевскому, И. Е. Троицкому, Регелю, Ернштедту»),⁸⁰ а в письме от 20 февраля уже благодарит его за «поспешность», добавляя: «Верьте, что я чрезвычайно ценю сочувствие ко мне С.-Петербургского университета, особенно здесь, где, выражаясь по-византийски, ладя моя плывет по волнам недоброжелательства и ежеминутно может потонуть» (готовит речь, высылает тезисы и книги всем членам факультета и приват-доцентам; на днях вышлет еще 75 экземпляров).⁸¹

В своих письмах из Киева от 16, 24 и 29 марта 1888 г. к И. В. Помяловскому Т. Д. Флоринский сообщает о выходе в свет своего известного труда «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков», о своем намерении (по совету В. И. Ламанского) «представить его в родной (Петербургский) университет для получения степени доктора славянской филологии»; обсуждает различные сроки диспута (окончательно установлено 10 апреля 1888 г.); извещает о высылке труда ректору, Помяловскому, М. И. Владиславлеву, В. И. Ламанскому, В. Г. Васильевскому, Е. Е. Замысловскому, А. Н. Веселовскому, И. П. Минаеву и Ф. Ф. Соколову и др. («Теперь посылаю 15 экземпляров для остальных членов факультета, адресуя посылку для большего удобства в Университет на Ваше имя; 70 экземпляров на имя Правления тоже высылаю немедленно»); горячо благодарит за хлопоты и участие.⁸²

Роль И. В. Помяловского значительна не только в организации зарубежных командировок и диссертационных дел, но и вообще в опеке над византиноведческой молодежью, особенно провинциальной, например, в помощи по переезду на жительство в Петербург такого провинциала, как Н. П. Лихачев. Последнего ему представил его товарищ по учебе в Петербургском университете, декан историко-филологического факультета Казанского университета Д. Ф. Беляев. «Позвольте Вашему благосклонному вниманию, — пишет он Помяловскому в 1886 г., — представить еще одного казанского магистранта, Николая Петровича Лихачева, недавно блистательно выдержавшего экзамен на магистра русской истории и теперь приехавшего в Питер для изучения архивного материала по занимающему его вопросу о разрядных книгах. Так как Ник. Петр. очень интересуется археологиею и нумизматикою, то он, зная Вашу компетентность в этих науках, просил меня познакомиться его с Вами, в надежде на Ваши советы и содействие. Могу Вас уверить,

правление моего исследования не подходит к духу настоящего времени... Я писал так, как говорит мне историческая правда, а не как требовали житейские выгоды» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 513. Л. 19—22). Ср. письмо Н. Ф. Красносельцева из Казани от 23 апреля 1886 г. (Там же. Д. 892. Л. 5—6 об.), в котором он благодарит Помяловского «за любезное сообщение о благополучном исходе дела о магистерской степени А. И. Алмазова» («Я был заинтересован в этом деле не меньше автора»). Кстати, здесь же Красносельцев упоминает о (несостоявшемся) намерении Алмазова перебраться в Петербург, о своем одобрении этого плана («С большой радостью узнал, что Вы не отказываетесь, насколько возможно, протезировать»).

⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 67 об.

⁸⁰ Там же. Д. 552. Л. 1—2.

⁸¹ Там же. Л. 1—3.

⁸² Там же. Д. 1375. Л. 1—5 об.

что в Николае Петровиче Вы найдете вполне преданного своему делу и внимательного к Вашим советам молодого ученого, который будет Вам глубоко благодарен за всякое содействие и помощь в его научных стремлениях».⁸³ И далее — из письма Д. Ф. Беяева от 22 июля 1887 г.: «От всей души благодарю Вас за ласковый прием, оказанный Н. П. Лихачеву. Он недавно был у меня и благодарил за доставленную ему возможность представиться Вам и пользоваться Вашими указаниями и компетентными советами, от которых он в восторге, как и вообще от Петербурга и его научных сил и богатств»;⁸⁴ из его же письма от 8 мая 1888 г.: «Спешу уведомить Вас, что для Н. П. Лихачева мы устроили все, что только можно. Начальные листы его диссертации я предъявлю факультету и назначим рецензента, а Н. П. дошлет остальные листы во время вакаций. Во всяком случае, диспут мы устроим в начале или половине сентября, так что Н. П. далеко до закрытия на вакации в состоянии будет опять уехать в Питер, где, по-видимому, он так обжился, что ему хочется там пожить еще годок лишний. Очевидно, он так хлопочет и торопится потому, что ужасно боится попасть на два года в солдаты и, чего доброго, застрять там в случае войны и еще больше. Хоть Н. П. был бы несомненно прекрасным гвардейским артиллеристом, но все-таки жаль губить столько трудов и занятий для того, чтобы иметь одного хотя бы и прекрасного артиллериста».⁸⁵ И хотя с переездом в Петербург на сей раз дело не получилось, все перипетии жизненного пути Н. П. Лихачева и впредь находились в поле зрения И. В. Помяловского (до 1897 г. они состояли в постоянной переписке).

Уже без всякой протекции получил помощь от Помяловского в переселении в Петербург преподаватель Саратовской духовной семинарии, магистр богословия И. И. Соколов.⁸⁶ «Ваше Превосходительство! — обращается он к Помяловскому в письме из Саратова от 20 октября 1891 г. — Позвольте выразить Вам мою глубочайшую благодарность за Ваше благосклонное содействие в представлении мне кафедры философских предметов в Саратовской духовной семинарии. Премного обязан Вашему Превосходительству и навсегда сохраню чувство искренней признательности к Вам за милостивое внимание ко мне. К сожалению, нынешние обстоятельства заставили меня избрать местом первоначальной службы город Саратов, город родной мне, но неудобный для моих специальных научных занятий. Надеюсь, что в недалеком будущем устранены будут все препятствия к свободному моему выезду из этого города, если бы в таком представилась надобность. Осмеливаюсь опять и опять просить Ваше Превосходительство не оставить меня и впредь своим благосклонным вниманием. Имею основания думать, что не встречу более таких обстоятельств, которые воспрепятствовали бы мне вполне и совершенно подчиниться Вашей воле, что было моим всегдашним желанием. Утешаюсь отрадными думами о лучшем будущем, когда я всецело могу посвятить себя

⁸³ Там же. Д. 562. Л. 112—112 об.

⁸⁴ Там же. Л. 128. Ср. письмо самого Н. П. Лихачева Помяловскому из Москвы от 22 сентября 1887 г.: «Ваше ласковое письмо, которое я получил по приезде сюда в Москву, очень меня успокоило. Я не знаю, как и благодарить Вас за Вашу доброту. По временам я совсем унываю относительно своей судьбы. Приобретение степени магистра не защищает от воинской повинности, а мне грозят два года солдатчины. Во что бы то ни стало — надо заручиться местом в Министерстве народного просвещения. Необходимо раньше окончания диссертации искать или приват-доцентуры или учительства... Наилучшим, почти единственным, исходом из моего положения мне рисуется приват-доцентура (теоретически я имею на это право, как магистрант, через три года по окончании курса) при С.-Петербургском университете (если только это возможно), с возможно меньшим числом лекций. Моя мечта — открыть в январе 1888 года курс "историоковедения Русской истории", как наиболее мне знакомый и сподручный» (Там же. Д. 957. Л. 2—3).

⁸⁵ Там же. Д. 562. Л. 143 об.

⁸⁶ См. о нем в последнее время: *Лебедева Г. Е., Морозов М. А.* Из истории отечественного византиноведения конца XIX—начала XX в.: И. И. Соколов // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 139—152.

интересующей меня церковно-исторической науке, — и осмеливаюсь надеяться, что в лице Вашего Превосходительства я по-прежнему имею гуманнейшего и просвещеннейшего своего покровителя. Свидетельствую Вам свое глубочайшее почтение. Вашего Превосходительства покорнейший слуга Иван Соколов, преподаватель Саратовской духовной семинарии».⁸⁷

Далее — из письма И. И. Соколова от 18 октября 1894 г. (с пометой Помяловского: «Отвн. 23/ХІ-94»): «Ваше Превосходительство! Я узнал из газет, что в С.-Петербургской духовной семинарии в настоящее время вакантна кафедра греческого языка, так как преподаватель этого предмета г. Бронзов приглашен в Петербургскую духовную академию. Желая занять эту вакантную кафедру, я ныне же вхожу к Господину Исполняющему обязанности Синодального Обер-Прокурора с прошением о перемещении меня в Петербургскую семинарию. Не благоугодно ли будет Вам, Ваше Превосходительство, походатайствовать за меня, пред кем следует, о предоставлении мне в Петербургской семинарии кафедры греческого языка. Усерднейше прошу Вас, высокочтимейший профессор, оказать мне Ваше внимание и поспособствовать моему перемещению в Петербург. Осмеливаюсь думать, что я имею некоторое право занять указанную вакансию, так как греческий язык был предметом моего специального изучения в духовной академии и моя магистерская диссертация — “Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII века (842—1204)” — написана преимущественно по греческим источникам. Свидетельствуя Вашему Превосходительству свое глубочайшее почтение, покорнейше прошу принять уверение в искреннейшем расположении Вашего всепокорнейшего слуги, магистра богословия Ивана Соколова, преподавателя Саратовской духовной семинарии».⁸⁸

О том, что ответ И. В. Помяловского был благоприятным, мы узнаем из письма И. И. Соколова из Саратова от 2 декабря 1894 г. «Ваше Превосходительство! — пишет он. — Письмо Ваше принесло мне великую радость. Наконец-то осуществилось мое заветное желание! От души благодарю Вас за благосклонное участие в моем положении и за содействие моему перемещению в Петербург. Всеми силами постараюсь как можно лучше выполнить назначение, которое Вам и Ученному Комитету благоугодно ныне возложить на меня. Имею и твердое решение продолжать свои занятия в той научной области, к которой относится моя магистерская диссертация. Но заранее прошу Вас, высокочтимейший профессор, не оставить меня своим просвещенным содействием и руководством в моих будущих занятиях. Испытав Вашу глубокоученную помощь раньше, я теперь с большею энергиею и надеждою на успех приступаю к излюбленному делу.

В непродолжительное время (sic!) я выезжаю в Петербург, так как официальная бумага о моем перемещении уже получена. Горю желанием еще раз и лично выразить Вам свою искреннюю признательность за незабвенную услугу.

Свидетельствуя Вашему Превосходительству свое глубочайшее почтение, почтительнейше прошу принять уверение в искреннейшем расположении Вашего покорнейшего слуги и почитателя Ивана Соколова».⁸⁹

Аналогичным образом неусыпной была забота И. В. Помяловского о судьбах учеников Н. П. Кондакова — Я. И. Смирнова («Не знаю уже, как Вас благодарить за помощь Я. И. Смирнову, — пишет по одному из таких поводов Н. П. Кондаков, — это мне так скрасило весь праздник, что даже веселее как-то стало. Теперь я знаю, что в Петербурге есть у меня такой сердечный ходатай и заступник, какого у других всю жизнь не бывает. Я. И. Смирнов написал мне два таких радостных

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1269. Л. 1—2.

⁸⁸ Там же. Л. 5—5 об.

⁸⁹ Там же. Л. 6—6 об.

и ликующих письма по этому поводу, что вчуже было приятно»)⁹⁰ Д. В. Айналова, Е. К. Редина («По случаю состоявшегося назначения Редина, — пишет Н. П. Кондаков, имея в виду назначение Редина профессором Харьковского университета, — приношу Вам глубокую признательность. Он мне сегодня пишет, что Вы были так добры к нему, как он никогда не мог бы ожидать ни от кого. Редин очень благородный и чувствительный юноша, и на этот раз Ваша отеческая заботливость о молодых людях не досталась на долю современного Streber'a, как Дружинин и Платонов. Полагаю, что служба и жизнь в Харькове помогут Редину стать вполне на свои ноги и в ученом деле — это не Петербург, где толчея решительно мешает сосредоточиться»)⁹¹

Немало полезного, судя по письмам, сделал И. В. Помяловский и другим ученым, в том числе и маститым: Ф. И. Успенскому в деле о субсидиях для организованного последним в Новороссийском университете Византийского отделения Историко-филологического общества,⁹² Н. Ф. Красносельцеву в деле занятия им кафедры церковной истории в Новороссийском университете в 1889 г. и получения ординатуры в 1892 г. («Занятия мои излюбленным предметом могут теперь пойти по более вольной дороге и более спокойно и в лучшей обстановке», — пишет Красносельцев из Одессы 25 октября 1892 г. и благодарит за хлопоты);⁹³ архим. Антонину Капустину — в подготовке к печати второго тома его известного труда «Поездка в Румелию» (в письме из Иерусалима от 18 ноября 1886 г. о. Антонин благодарит Помяловского за известие об успешном завершении труда, извиняется за доставленное беспокойство: «Чего стоило даже прочесть мое микроскопическое послание... мое пустословие... Я умилился до скорби, помышляя, что все это было предметом дорогой заботы Вашей, не знавшей, может быть, покоя и отдыха. Я дал обет при этом изыскать способ сделать для Вас что-нибудь приятное и братски простираю к Вам руку, прося Вас от искреннейшего сердца помочь мне в том; укажите, что может занимать боголюбивый и любознательный дух Ваш и что подручно мне выполнить, по моему положению в местах, полных высокого и разнообразного интереса; да будет по мольбе моей!»), а в письме от 1 декабря 1886 г. извещает, что в признательность за опеку над «печатанием моих дорожных фантазий 1865 года» посылает Помяловскому в подарок с медиком Дионисием Феодоровичем Решетилло «голову безносого Аполлона, найденную, предположительно, где-нибудь между Египтом и Палестиной, — в Вашу личную собственность, несмотря на существующую на ящичке музейную надпись. Благоволите принять сие мое приношение. Работа предмета весьма изящна. Что же касается отбитого носа у полубога, то после факта отсечения самой головы у его тела это же можно счи-

⁹⁰ Там же. Д. 868. Л. 79 об.—80 (письмо от 12 января 1895 г.).

⁹¹ Там же. Л. 8 (письмо от 7 февраля 1893 г.). Ср. также письмо Н. П. Кондакова к Помяловскому от 3 января 1895 г.: «Теперь позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбою приютить диссертацию Е. К. Редина и поверить мне, что она собственно готова и достойна напечатания... Диссертация будет заключать много нового по иконографии. Не покуситесь на рисунки: более 400 рублей они не будут стоить, а лишнего ничего нет — я сам отбирал их» (Там же. Л. 77 об.).

⁹² Там же. Д. 1356. Л. 3—4 об. (письмо Ф. И. Успенского от 15 сентября 1892 г.: «А. А. Павловский сообщил мне, что он имел с Вами разговор по вопросу о пособии обществу и что Вы изъявили готовность навести предварительные справки о том, как может быть принято наше ходатайство. Само собой разумеется, лучше поднимать дело с некоторой надеждой на успех, поэтому я предпочитаю несколько времени обождать. А между тем позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не откажите сообщить, может ли наше общество, для развития своего византийского отделения, рассчитывать на ежегодное пособие от министерства, и в какой сумме. Считаю нужным присоединить, что в ходатайстве нашем центр тяжести будет лежать в византийских занятиях, поощрение коих требует таких средств, какими общество не располагает»). Л. 5—5 об. (письмо от 9 октября 1892 г.: «А. Ф. Бычков писал мне даже о возможности византийского органа на русском языке, но при наших скудных средствах об этом нечего и думать»).

⁹³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 891. Л. 32—33 об., 47 об.—49.

тать не заслуживающим внимания. Да чуть ли и не в моде было на старом Олимпе отбивать друг у друга нос. Я помню, в Афинах можно видеть сотнями мраморные головы, наполовину безносые, — и божеские и человеческие».⁹⁴

Список «благодетельствованных» Помяловским деятелей науки можно продолжать до бесконечности. Вот еще несколько весьма выразительных примеров. «Считаю для себя весьма приятным долгом, — пишет ему 7 января 1891 г. из Киева А. А. Дмитриевский, — выразить Вам мою глубокую сердечную благодарность за то доброе слово, которое, по просьбе любезнейшего Дмитрия Феодоровича (Беляева. — *И. М.*),⁹⁵ Вы замолвили за меня в Учебном комитете. Счастливый и даже, могу сказать, неожиданный для меня и многих других исход моей просьбы о субсидии на издание вывезенных мною с Востока материалов я приписываю всецело Вам, Вашей снисходительно-милостивой рекомендации. Ассигнованные хозяйственным управлением при Синоде деньги, 3500 рублей, уже получены правлением нашей Академии, и с половины генваря я думаю приступить к печатанию. В первый том войдут материалы, относящиеся к церковному уставу. Ввиду обилия их первый том распадается на две части: первая будет обнимать так называемые ктиторские уставы (τυτικὰ κτητορικὰ) с VI—XIII вв. (все типиконы издаются в первый раз), и во вторую войдут уже материалы, относящиеся к типикону иерусалимскому или обители Саввы Освященного. Тщательностью издания и свежестью материалов, ценных и в научном отношении, буду стараться оправдать Вашу добрую рекомендацию».⁹⁶

Также с «подачи» Д. Ф. Беляева Помяловский помог с публикацией найденных профессором Казанского университета А. И. Александровым⁹⁷ на Афоне списков болгарской и сербской редакций служб свв. Кириллу и Мефодию⁹⁸ (при этом соответствующие письма Беляева⁹⁹ и Александрова¹⁰⁰ Помяловскому подробнейшим образом освещают историю этих поисков, находок и самой публикации этих текстов, — ценнейший материал, заслуживающий отдельной публикации). Из письма И. В. Помяловского к Хр. М. Лопареву от 31 декабря 1887 г. становится ясным, что именно Помяловский порекомендовал гр. С. Д. Шереметеву Лопарева для описания его библиотеки, посоветовав последнему не отказываться: «Это Вам

⁹⁴ Там же. Д. 523. Л. 16—16 об., 18—18 об.

⁹⁵ См. письмо Д. Ф. Беляева от 30 июня 1890 г.: «Многоуважаемый и любезнейший Иван Васильевич! В истекшем мае Вам была послана книжка доцента Киевской академии г. Дмитриевского "Путешествие по Востоку", из которой Вы могли увидеть, что г. Дмитриевский много занимался изучением рукописей разных богослужебных книг и отдельных обрядов. Теперь г. Дмитриевский, у которого я видел массу списков и довольно много купленных им рукописей, просит чрез Совет Академии у Св. Синода пособие на издание наиболее важных и древних из собранных им списков, которые значительно пополняют и освещают историю богослужебных обрядов Православной Церкви. Сам г. Дмитриевский горячо предан своему делу и, кажется, обладает достаточными сведениями для издания своих списков. В виде того, что Св. Синод без сомнения передаст ходатайство Совета Киевской Академии на Ваше заключение или также на заключение учебного комитета, то Вы своим влиятельным голосом можете оказать сильную поддержку г. Дмитриевскому, достойному всякой поддержки энтузиасту своего дела. Если у Вас в комитете будет сомнение относительно способности г. Дмитриевского издать собранный материал, то Вы можете затребовать у него издаваемые им в Трудах Казанской Академии списки, кажется, литургии, которых напечатано уже листов 10 и которые я видел у него в корректурных листах» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 48—48 об. Ср. также л. 56—57 об.).

⁹⁶ Там же. Д. 748. Л. 1—1 об.

⁹⁷ Об Александре Ивановиче Александрове (1861—1918), будущем ректоре Петербургской Духовной академии Анастасии, см.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 49—50.

⁹⁸ Александров А. 1) Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в славянском списке XIV века // РФВ. 1893. Вып. 19/2. С. 199—203; 2) Служба св. Кириллу учителю словянскому // ПДП. 1895. Вып. 107. С. 1—27.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 83—83 об. (письмо от 23 сентября 1891 г.), 84—85 об. (4 октября 1891 г.), 86—87 (25 октября 1891 г.), 90—91 об. (28 ноября 1891 г.).

¹⁰⁰ Там же. Д. 508. Л. 1—11 об. (7 писем за 1892—1894 гг.).

пригодится впоследствии».¹⁰¹ И наконец, нельзя не отметить ту огромную услугу, которую И. В. Помяловский оказал лично своему другу — Н. П. Кондакову.

Дело в том, что по состоянию здоровья (с молодости страдал чахоткой) и по настоянию врачей Н. П. Кондаков в начале 1893 г. покидает Петербург и фактически переезжает на жительство в Ялту (зимние месяцы этого года он провел в Каннах), оставаясь, благодаря стараниям Помяловского, профессором Петербургского университета, регулярно получая переводимое тем лично жалование, квартирные и т. д., — факт, обычно не отмечаемый его биографами. Состояние это сохранялось по крайней мере вплоть до 1898 г. (далее сведений не имеем), вызывая у Кондакова постоянные угрызения совести. «Итак, Вы видите, — пишет он 10 марта 1893 г. Помяловскому, — что я действительно не знаю, как мне благодарить Вас за все любезности, Вами расточаемые то мне, то ученикам! Однако не по чувству лишь благодарности за Ваше внимание, но и потому, что, будучи сам отныне бессилён руководить этих молодых людей (sic!), я ишу им Вашей поддержки, прошу Вас за Смирнова. Не могу не сказать при этом случае, что ожидаю от него основательных работ, которые помогут поставить бедную археологию, загубленную любителями вроде Бобринского, на должную ногу».¹⁰² Из других писем Н. П. Кондакова — от 17 июня 1893 г.: «Судя по тому, как идет мое здоровье, моя служба в Петербурге кончилась, и все мои работы сосредоточиваются уже на том, как бы мне получить полную пенсию в 3000 р. (что для меня, при моих средствах, очень существенно), а не 2400, и как бы устроить кафедру с достойным представителем на будущее время»;¹⁰³ от 1 сентября 1893 г.: «Вы не первый раз слышите от меня, как тревожит меня моя будущая служба. Конечно, я поспешил бы освободить факультет от негодного члена, если бы мне не угрожало, во-1-х, лишение полной пенсии и, во-2-х, переход кафедры в недостойные руки»;¹⁰⁴ от 24 января 1894 г.: «Подвинулся Вашему искусству получить жалование, когда командировка мне еще не разрешена, и, следовательно, я стою вне закона. Не могу не сказать, что я стал так спокойно относиться к своей судьбе именно благодаря Вам и Вашему заступничеству»;¹⁰⁵ от 1 апреля 1894 г.: «Уже я не могу теперь (физически не могу) долго работать за столом... Весь март кровохаркание... Итак, или мне остается выйти в отставку, если мне дадут полную пенсию, или дослуживать ее здесь на юге, хотя бы в Институте (имеется в виду РАИК. — И. М.);»¹⁰⁶ от 14 июня 1894 г.: «Вы, вероятно, услышите в Петербурге, что я хотел было тоже проситься в Константинополь директором Института, но размышление меня убедило, что я опоздал во всех отношениях. Все дело в том, что, опасаясь с отставкою не полу-

¹⁰¹ Предсказание И. В. Помяловского сбылось: Лопарев не только выполнил описание библиотеки гр. С. Д. Шереметева, опубликовав результаты своего труда, но и был назначен им секретарем Общества любителей древней письменности, сменив на этом посту именно И. В. Помяловского. Судя по письму Д. Ф. Беляева к Помяловскому от 25 октября 1891 г., последнему это решение Шереметева не доставило удовольствия. «Никак не предполагал, — пишет Беляев, — что Вы уже не состоите секретарем О. Д. П. Я считал и считаю Вас столпом и фактическим руководителем этого общества и никак не думал, что граф Шереметев сам пожелал лишиться такого компетентного советника. Теперь, само собою разумеется, Вам неудобно предлагать новые печатания, и я совершенно разделяю Ваши чувства и понимаю Ваше намерение выйти из состава Общества» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 86).

¹⁰² Там же. Д. 868. Л. 13.

¹⁰³ Там же. Л. 23—23 об. В этом же письме, обсудив альтернативу, что лучше: «послать теперь Я. И. Смирнова за границу или побудить его к написанию до отъезда магистерской диссертации по избранной им теме о сасанидских блюдах», и отдавая предпочтение второму варианту, Н. П. Кондаков пишет: «Тогда Пб. унив. имел бы уже на мое место готового преподавателя и истинно достойного, а я мог бы почитать свое дело сделанным, посадив в первом университете настоящего ученого по этой кафедре» (Л. 23).

¹⁰⁴ Там же. Л. 30—30 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 46.

¹⁰⁶ Там же. Л. 52 об.

чить полной пенсии, я придумал было (с Вас. Григ.)¹⁰⁷ проситься в командировку на 2 года для первой организации Института. Теперь я думаю, что подобная посылка на время должна быть сочтена крайне неудобною формою устройства Института. Об этом я еще буду писать Вам, причем отдать решение в Ваши руки»;¹⁰⁸ от 6 января 1897 г.: «Я на Вас положился, как на каменную гору, и верю, что Вы меня не выдадите и не лишите последнего прибежища. Ведь если меня так или иначе удалят из университета, к чему я могу пристроиться, живя здесь, в Ялте? Очевидно, никуда мне не удастся (sic!), и, следовательно, я буду совершенно отрезан от Петербурга. Отрезанный ломоть, как известно, черствеет. И без того мне тяжело мое уединение, и самые занятия по временам кажутся странно причудю»;¹⁰⁹ и т. д.

Все, однако, обошлось; более того, уже 25 июля 1894 г. Кондаков благодарит Помяловского из Лозанны за письмо с «утешительными новостями» не только о фактически бессрочном продлении «командировки», но и о возведении его в звание заслуженного профессора.¹¹⁰ Ясно, что основная заслуга в сохранении «карьерного статуса» Н. П. Кондакова во все эти годы принадлежала И. В. Помяловскому.

Переписка из фонда Помяловского позволяет сделать немало уточнений к биографии ученых, а в некоторых случаях и вообще заново написать биографии тех или иных деятелей науки. К последним относится, например, такой неоднократно цитировавшийся нами видный русский ученый, выдающийся специалист по византийской археологии, как член-корреспондент Имп. АН Д. Ф. Беляев (1846—1901),¹¹¹ в судьбе которого, да и в чисто человеческих качествах, много общего с судьбой самого Помяловского: выпускник Петербургского университета (1871), он также начинал как классик (в 1875 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Омировские вопросы»), в 1878 г. докторскую на тему «К вопросу о мировоззрении Еврипида»), став затем крупным историком-византинистом и посвятив все последние годы жизни углубленной разработке «археологического» материала, почерпнутого из Придворного устава (=De serimoniis) Константина VII Багрянородного. «Если бы после Д. Ф. Беляева остались только две книги его *Byzantina*, — говорит об этом труде ученого С. А. Жебелев (а ведь по смертно вышел и третий том),¹¹² — то и этого наследия было бы с избытком достаточно для того, чтобы признать его заслуги для византиноведения незабвенными».¹¹³ 145 писем Беляева, написанных и отправленных к Помяловскому в период с 1875 по 1897 г., дают прекрасную картину того, как готовился и создавался этот труд, сообщая о его авторе много полезной информации, которая к тому же может быть дополнена

¹⁰⁷ По-видимому, вопрос этот В. Г. Васильевский и Н. П. Кондаков обсуждали во время пребывания первого в гостях у второго в Ялте в мае 1894 г.

¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 56 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 126—126 об. Справедливости ради следует отметить, что по крайней мере своих ближайших учеников (Я. И. Смирнова, Д. В. Айналова, Е. К. Редина и др.) Н. П. Кондаков не выпускал из поля зрения ни на минуту, руководя ими при помощи интенсивной переписки, а когда надо (например, при просмотре диссертаций), то и призывая их к себе в Ялту, которая была для них, таким образом, своеобразной Меккой.

¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 61.

¹¹¹ См. о нем: *Шестаков С. Д. Ф. Беляев (некролог) // ЖМНП. 1901. Июль. Ч. 336 (Современная летопись). С. 9—31; Жебелев С. Дмитрий Федорович Беляев // ВВ. 1901. Т. 8. С. 351—355.*

¹¹² *Беляев Д. Ф. Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1891. Кн. 1 (Обзор главнейших частей Большого дворца византийских царей; приложение: материалы и заметки по истории византийских чинов); 1893. Кн. 2 (Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X в.); 1907. Кн. 3 (Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя).*

¹¹³ *Жебелев С. Дмитрий Федорович Беляев. С. 355.* К сожалению, видимо, в мире нет ничего незабвенного: если мы посмотрим недавно опубликованную книгу П. Магдалино как раз о тех вещах, которым посвящены исследования Д. Ф. Беляева (*Magdalino P. Constantinople médiévale: Etudes sur l'évolution des structures urbaines. Paris, 1996*), то не обнаружим никаких ссылок на Беляева.

сведениями из писем других коллег. Так, от Ю. А. Кулаковского мы узнаем подробности о поразившем Беляева осенью 1897 г. тяжком неизлечимом недуге, лишившем его возможности трудиться вплоть до конца жизни (умер в марте 1901 г.), и о странном поведении его близких, особенно жены. «Эта дама, т. е. М-те Беляева, немножко синий чулок, — пишет Кулаковский из Казани 15 мая 1898 г., — и с большими претензиями, разыгрывала на моих же глазах роль нежной супруги, ухаживающей за тяжело больным мужем..., а 5 мая таинственно исчезла (вместе со старшей дочерью, барышней лет 18), оставив мужу и его приятелю, проф. Будде, таинственные письма... Как и надолго ли они исчезли, много ли денег взяли — неизвестно... Такое событие могло бы вконец убить Дм. Фед., и можно даже удивляться, что его состояние не ухудшилось. Я его часто навещаю и подолгу остаюсь у него, равно как и Будде. На днях побывали у него и другие кое-кто. Речь у него трудная, и порой только догадываешься, что он хочет сказать. С ним осталась младшая дочь, 15 лет, получившая от матери письмо с наставлениями о хозяйстве, сын гимназист 16 лет, кажется, не очень прилежный ученик VI класса, и бывшая их бонна француженка, ставшая русской. По-видимому, М-те давно уже чудила и, быть может, приготовила мужа к странным пассажирам. Теперь, когда все этот факт обсуждают, рассказывают и о таких ее поступках, которые позволяют сомневаться в ее здравом смысле, вроде жалоб на сына попечителю округа, изложенных письменно, а сын ее вовсе не производит впечатления отбившегося от рук юноши, и мальчик, кажется, способный и толковый».¹¹⁴

Два года спустя, по приезде в Казань, Ю. А. Кулаковский снова навещает Д. Ф. Беляева и шлет Помяловскому подробный отчет о состоянии последнего (письмо от 17 мая 1900 г.): «Побывал я у него немедленно по прибытии, захожу нередко и теперь, хотя эти посещения ничего, кроме самого тяжелого чувства, не оставляют. Я ожидал найти его таким, как можно было себе представить по его же письмам в январе и марте; но оказалось иное. На страстной был у него второй удар. Ближайшие его последствия уже прошли ко времени моего приезда (у него было перекошено лицо), но говорит он с величайшим трудом, замолкая часто на половине простой фразы, забывая слова и далеко не внятно. Как будто есть и некоторая умственная подавленность. Что до движения, то в этом отношении дело обстоит лучше, чем два года назад: он передвигается сам, без чужой помощи — опираясь на палку, подвигает вперед правую пораженную часть корпуса. Жена решила переехать со всей семьей в Петербург и осуществит этот план, кажется, в конце июня. Она так же, если еще не больше, уверена в своей непогрешимости и высоких достоинствах во всех отношениях, как и прежде, и гордо говорит о себе и своих поступках и решениях. Дочь, бежавшая тогда от больного отца, находится теперь здесь: приехала в начале мая с курсов. Она “убежденная” барышня и кандидатка в синие чулки не хуже матери. Тюфяк-сын кончает курс в гимназии, и мать подбила его заявлять, что он хочет поступить на восточный факультет, хотя ни склонности, ни способности к изучению языков он не обнаружил и не сознает за собой. Нужно же это затем, чтобы мать могла сказать, что она “должна как мать, понимающая интересы детей”, переехать в Петербург. Казань и казанцев она ругает на все лады. Она давно разошлась со всеми, да, по-видимому, и сам Беляев мало с кем был близок. Посещают его лишь два-три человека через несколько месяцев. Он сам при первом свидании усиливался сказать, что жаль оставлять свой дом, свой сад, где все привычное и родное. Корсаков высказывал предположение, что М-те, переехав в Петербург, хочет поместить его куда-нибудь в больницу, чтобы отделаться

¹¹⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908. Л. 45—46 об. Ср. также л. 49 об. (письмо Ю. А. Кулаковского от 23 мая 1898 г.).

от лишней обузы. Может быть, это и так. Книги Беляева в огромном количестве находятся в продаже у букинистов. Она (т. е. жена Беляева. — И. М.) говорит, будто он сам сделал выбор. Кое-какие свои брошюры, одну Вашу купил и я. Видел брошюры Латышева, Дмитриевского, книги здешних профессоров. Он говорит, что его библиотека хранится в кабинете Айналова, но что там есть, не знаю. В продаже я видел почти исключительно русские книги и брошюры и много такого, что не нужно действительно, напр.: отчеты по управл<ению> Кавказ<ским> окр<угом>. Во всяком случае, сортировка сделана нелюбезно в отношении авторов, посылавших свои писания Дм<итрию> Фед<оровичу>. Вот Вам отчет о положении бедного больного». ¹¹⁵

Тема болезней и смертей известных русских византинистов нередко (и это, наверное, естественно) затрагивается в письмах корреспондентов Помяловского. В последнее время нам довелось опубликовать несколько материалов о болезни (коварной и малопонятной, на которую он сам смотрел «с покорным недоумением») и кончине «российского византиниста № 1» — В. Г. Васильевского. ¹¹⁶ Переписка Помяловского также содержит упоминания об этом драматическом событии. Во-первых, о ходе болезни Помяловскому сообщает Васильевский. «Пройдя курс молочного лечения, — пишет он 14 декабря 1898 г., — причем я две недели подряд питался исключительно одним молоком — по совету Бертенсона, ¹¹⁷ я, по-видимому, вступил, наконец, на путь к действительному выздоровлению, а до сих пор были колебания то в одну, то в другую сторону; около половины ноября было даже очень худо. Начиная опять мечтать об Италии, о Риме. Из комнаты меня, однако, еще не думают выпускать. Хочу еще раз устроить совещание (консилиум) с Бертенсоном, который мне очень понравился. Но дай Бог, чтобы в нем не нуждались. Да и стоит это недешево». ¹¹⁸ Из письма Васильевского от 27 февраля 1899 г.: «Дорогой, высокоуважаемый Иван Васильевич! Я собираюсь в будущую субботу уехать в Италию — на первый раз во Флоренцию, и пробыть в сем последнем прелестном городе месяца два или более. Нет ли у Вас там знакомых? Не будет ли поручений? Говорят, что тамошний священник интересуется Византией, но я не знаю его имени и фамилии, ¹¹⁹ да и Регель, который сообщил мне такую подробность, не помнит ничего более... Модестов в Риме, писал мне два раза восторженные письма о тамошнем солнце и тепле, но я все-таки боюсь ехать прямо в Рим. Душевно преданный Вам В. Васильевский». ¹²⁰ А уже 19 мая 1899 г. Ю. А. Кулаковский пишет Помяловскому из Одессы: «Сегодня Деревицкий мне сказал, что в газетах было известие о смерти дорогого мне еще по детским воспоминаниям Васильевского. Я был в те дни в отсутствии и тщетно ищу в газетах каких-либо сведений о горестном событии. Из письма Соболевского я знал, что бедному Вас<илию> Григ<орьевичу> делали в Италии какую-то операцию и что он вообще ненадежен, но так хотелось надеяться, что он еще оправится в итальянском тепле и свете, куда он стремился. Все здесь с величайшим сочувствием относятся к горестному событию и кто мог знать покойного и не почувствовать к нему глубокого уважения и теплой любви. Мир ему». ¹²¹

¹¹⁵ Там же. Л. 98—98 об. Как известно, Д. Ф. Беляев окончил свои дни именно в Петербурге и именно его жена (З. В. Беляева) предоставила его фотографию для опубликования в третьем (посмертном) томе его «Byzantina».

¹¹⁶ *Медведев И. П.* Quiescat in pace: к 100-летию со дня смерти В. Г. Васильевского: Глава «Последний год жизни» из неопубликованной монографии И. М. Гревса // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 220—236.

¹¹⁷ Известный петербургский доктор Л. О. Бертенсон.

¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 623. Л. 8—8 об.

¹¹⁹ Протоиерей Владимир Левницкий, который затем и похоронил В. Г. Васильевского. См.: *Бибиков М. В.* Нис situs est... // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 22—23.

¹²⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 623. Л. 36—36 об.

¹²¹ Там же. Д. 908. Л. 79 об.

Менее драматичный факт из жизни А. А. Дмитриевского сообщает Ю. А. Кулаковский в письме к Помяловскому от 12 февраля 1899 г.: «С Дмитриевским (sic!) 4 числа на лекции в Академии случилось нечто вроде удара. Более получаса он был в беспамятстве, два дня пролежал в Академии. 6 числа я его видел уже дома. Наружно он совсем поправился, воспрещены ему, конечно, всякие занятия. Здесь теперь его невеста, очень милая и совсем юная особа»¹²² (ср. его же письмо от 22 ноября 1899 г.: «Сегодня посетил нас впервые Дмитриевский с молодой женой. Он очень поправился и выглядит бодро. Она очень недурна собой и вообще миловидна»)¹²³.

Такого рода «фактиков» из жизни видных уже в то время или впоследствии ученых «рассыпано» в письмах корреспондентов Помяловского множество. От того же Кулаковского узнаем сведения о Н. М. Благовещенском («Мир праху Благовещенского! Большой был в свое время человек. Я узнал его только развалиной. Читая Вами написанный некролог, так живо вспомнил я старика, дружелюбно и искренне беседовавшего со мною в январе текущего года»)¹²⁴ о молодом Д. М. Петрушевском («У нас предстоит диспут по всеобщей истории 9 марта бывшего здешнего студента Петрушевского, кажется, претендента на кафедру в Варшаве. Человек он бойкий, только связь с ненадежным — не умею иначе выразиться — Лучицким является своего рода “но” в этом человеке, который уже вставил грубую полемику с Максимом Ковалевским в свою книгу и, вероятно, не без связи с отношением Ковалевского к Лучицкому за его статистику французского землевладения в пору революции»)¹²⁵ о С. Ф. Платонове («Сегодня увенчали мы лаврами докторства Вашего сослуживца Платонова. Оба оппонента были с ним чрезвычайно любезны, очень хвалили его книгу и своим замечаниям не давали тона нападок или упреков. Иконников входил в детали, а Голубовский поделился с ним интересными соображениями насчет причин (вероятных) поведения западной Северщины в смутное время, желая знать его мнение по этому возбужденному им вопросу. Затем последовала похвала книги от Завитневича, и диспут закончился провозглашением С. Ф. доктором русской истории. Публики было очень много, так что я даже подивился многолюдству. После диспута был дружеский обед у Иконникова, затянувшийся на очень долгое время, так что я только к 9 часам попал домой»)¹²⁶ и т. д.

Особенно любопытными представляются сведения о знаменитом греческом византинисте Спиридоне Ламбросе (1851—1919), сообщенные Помяловскому В. К. Ернштедтом в письме из Афин от 10 марта 1882 г. «С Спиридоном Ламбросом, — пишет он, — я действительно знаком; поэтому Вашу просьбу исполнить было весьма нетрудно. Так как со времени отправления Вашего письма прошел уже почти месяц, я думал, что книги обещанные Вами уже получены. Но Ламброс мне сказал, что разные обстоятельства (переделка квартиры, болезнь ребенка) помешали ему. Он думает послать их завтра, в четверг. В Университете он уже не читает более. Он обиделся за то, что его обошли, назначили профессором истории человека, ровно ничего не сделавшего, тогда как Ламброс, в самом деле, пишет и издает больше, чем весь афинский филологический факультет. При Кумундуресе случались крайне странные назначения, а хороших людей обходили. Впрочем, Ламброса вообще что-то не любят и не ценят, даже студенты. Он производит впечатление выскочки, вечно суетится и лезет вперед. Но он имеет хорошие познания

¹²² Там же. Л. 68 об.

¹²³ Там же. Л. 88 об.

¹²⁴ Там же. Д. 907. Л. 58 (письмо от 18 октября 1892 г.).

¹²⁵ Там же. Д. 908. Л. 6 об. (письмо от 28 февраля 1897 г.).

¹²⁶ Там же. Л. 84—84 об. (письмо от 3 октября 1899 г.).

(в особенности по палеографии) и работает непрерывно и быстро, даже, пожалуй, слишком быстро. Во всяком случае, заменить его в здешнем университете некому, и я не сомневаюсь, что он со временем добьется-таки профессуры» (следует указать на некоторые публикации Ламброна).¹²⁷

Из византиноведческих новостей, которые широко обсуждались на страницах писем, можно упомянуть вести о выходе в свет журнала «Byzantinische Zeitschrift» (например, В. К. Ернштедт в письме от 4 июля 1892 г.: «Говорят, что первая книжка Byzantinische Zeitschrift Крумбахера уже вышла. Интересно!»¹²⁸), об основании «Византийского временника» (например, Д. Ф. Беляев в письме от 8 февраля 1893 г.: «Очень рад, что Regel задумал издавать Византийское Обозрение.¹²⁹ Дай Бог ему успеха. Если никто из русских не берется за это дело, то можно благодарить и немца за благое предприятие. Только вряд ли он долго продержится, если ему не поможет какое-нибудь учреждение»;¹³⁰ он же в письме от 2 октября 1893 г.: «На днях я получил от Вас. Гр. очень приятное известие о том, что Академия взяла в свои руки издание Визант. Обозрения, которое предполагал сначала издавать г. Регель. От души рад такому обороту дела и сердечно желаю Византийскому Обозрению всяческого успеха. При тех условиях, при которых будет Академиею издаваться журнал, дело без сомнения пойдет успешно и будет вестись без перерывов, которые возможны были бы, если бы стал издавать журнал г. Регель на свои средства, на свой риск и страх. Вас. Гр. Васильевскому только будет трудненько приходится: редактировать два журнала штука нелегкая, а здоровьем он похвастаться не может»¹³¹), но особенно много — об открытии Русского археологического института в Константинополе. В частности, сумятицу вызвало предпочтение, отданное «инстанциями» Ф. И. Успенскому в качестве директора перед Н. П. Кондаковым. Характерны в этом отношении письма Д. Ф. Беляева. «Кандидатуру Ф. И. Успенского на должность директора Византийского института, — пишет он И. В. Помяловскому 28 января 1893 г., — нельзя не одобрить: он человек вполне достойный, подходящий для этого и охотно возьмется за это дело. Но опять-таки при этом вопросе невольно вспоминается Ник. Павлов. Кондаков. Не знаю, как он теперь думает, но два года назад он желал попасть на должность директора института в Константинополе, и ввиду невозможности для него жить на севере Константинополь, быть может, был бы удобным местом для его деятельности и приложения его обширных знаний в области византийской археологии. Но, конечно, теперь обстоятельства могли измениться и, быть может, Ник. Павл. даже нельзя теперь по состоянию здоровья взять на себя обязанности директора».¹³² Он же в письме от 15 августа 1894 г.: «Ваши (т. е. И. В. Помяловского. — И. М.) опасения за институт мне кажутся совершенно правильными и основательными. Я думаю так же, как и Вы, что назначение двух историков (имеется в виду: Ф. И. Успенского на пост директора и П. Д. Погодина на должность ученого секретаря РАИК. — И. М.) может <быть> опасным для судьбы института. Дай Бог, конечно, но, побывав в Константинополе, я еще больше убедился, что в институте должны быть *опытные*

¹²⁷ Там же. Д. 779. Л. 4—4 об.

¹²⁸ Там же. Д. 177. Л. 29—30.

¹²⁹ Предполагавшееся вначале название «Византийского временника». Историю с переименованием журнала см.: *Медведев И. П.* К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты // *Россия и христианский Восток* / Под ред. Б. Л. Фонкича. М., 1997. Вып. 1. С. 236. Примеч. 20.

¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 122.

¹³¹ Там же. Л. 131.

¹³² Там же. Л. 118 об.—119. Ср. также л. 139 об., 142, 144 («Вчера я получил письмо от Н. П. Кондакова, который теперь сожалеет, что он отказался от места директора института, благополучно прошедшего в государственным совете в начале мая. Но сожаление Н. П. мотивируется желанием выслужить полную пенсию, прослуживши еще два года»).

археологи, т. е. не только научно образованные, но и набившие руку и приучившие глаз к распознаванию археологических предметов и определению их значения и стоимости. Здесь предлагается масса археологических предметов для покупки, и на представителей археологического института и частные лица и учреждения имеют право смотреть, как на высшую инстанцию в археологических вопросах. А между тем оба представителя института совершенно неопытные в археологических вопросах, и какой-нибудь Беглери,¹³³ не говоря уже о Мордтмане,¹³⁴ окажется больше археологом, чем русские представители археологии в Константинополе. Вообще, вышло нечто неожиданное и загадочное. Ал. Ив. Нелидов, с которым я беседовал несколько раз об институте, также ожидал, что по крайней мере секретарь будет археологом, и был немало смущен назначением Погодина. Он затевает раскопки в Ефесе, но без археолога эти раскопки будет вести трудненько».¹³⁵

Аналогичным образом реагировал на события, связанные с основанием РАИКа, и сам Н. П. Кондаков. «Правда ли, что дело об Институте в Константинополе опять пошло в ход на будущую сессию Гос. совета?» — спрашивает он Помяловского в письме из Ялты от 7 декабря 1893 г. и продолжает: «Если бы открытие этого Института состоялось, я мог бы дослужить свои три года в Константинополе, конечно, если бы меня взяли в директора Института».¹³⁶ Как мы видели выше, менее оптимистичен он в письме от 14 июня 1894 г.¹³⁷ Окончательный же вариант с назначением руководства РАИКа еще больше озадачил академика. «Что Вы мне пишете о назначении Погодина секретарем, — отвечает он Помяловскому из Лозанны 25 июля 1894 г., — я знал ранее или, вернее, о том догадывался. И все-таки это было для меня своего рода ударом. В. Г. Васильевский обещал мне написать особенно внушительное письмо о необходимости иметь секретарем археолога, и — увы! — ничего не вышло. Немцы ранее нас знали в Афинах и смеялись заранее, что в Русском Археологическом институте не будет вовсе археологов: я не верил. Как бы ни кончилось, однако, дело назначения, все же, слава Богу, дело начато. Пусть бы только Директор и Секретарь не отталкивали молодых людей и не притесняли — дело все равно само пойдет».¹³⁸

Весьма ценной представляется содержащаяся в письмах корреспондентов Помяловского информация об их экспедиционной деятельности. Так, любопытные данные сообщает о своей поездке на христианский Восток в письме из Казани от 23 октября 1888 г. Н. Ф. Красносельцев («Вот уже более недели, как я возвратился из своего долгого путешествия... в Палестине я пробыл месяц, месяц же на Афоне, 10 дней в Афинах. Везде рылся в библиотеках. Не могу сказать, что-нибудь особенно важное, но кое-что для себя все-таки нашел»),¹³⁹ который письмом из Одессы от 24 марта 1893 г. снова извещает Помяловского о своем желании вместе с Д. Ф. Беляевым «предпринять экскурсию в Константинополь для изучения на месте топографии храма св. Софии и некоторых других: для меня это было бы

¹³³ Г. П. Беглери (Беглерис) (1850—1923). О нем см.: Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому 1878—1898 гг. / Изд. Л. А. Герд. СПб., 2003.

¹³⁴ А. D. Mordtmann (1837—1912), один из основоположников византийской сфрагистики. См. о нем: *Code K. A. D. Мордтман младший и начало византийской сигиллографии* // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 178—182.

¹³⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 153—154.

¹³⁶ Там же. Д. 868. Л. 40—40 об.

¹³⁷ Там же. Л. 56 об.

¹³⁸ Там же. Л. 62. Ср. л. 68 об. (письмо от 2 октября 1894 г.): «Получил сегодня письмо от Дм. Фед. Беляева — разносит образованный Арх. Институт в Константинополе. С большим чутьем и знанием дела Дм. Фед. угадал, что роль вещественной археологии в Константинополе громадная, палеографии — ничтожная, а истории — отрицательная. Увы, увы! Виновны в этом В. Г. Васильевский и Л. Н. Майков».

¹³⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 26—27 об.

очень удобно и поучительно... Как бы то ни было, я все-таки намерен опять ехать, если холера не помешает, на Афон, а буде удобно будет в Александрию и Каир. Последний город меня очень привлекает, так как там в Синайском метохе хранится, говорят, значительная часть Синайской библиотеки, почти неразобранная... Архиепископ Синайский мне несколько знаком и доставил бы мне удобство»¹⁴⁰ (он же в письме из Одессы от 15 июня 1894 г.: «Лето не за горами, и пора мне подумать о переселении на дачу, т. е. за море. Не думал я ныне делать это, но подвигается очень уж соблазнительная компания — Д. Ф. Беляев и А. Н. Деревицкий. Путешествие в такой компании и не скучно будет, да и полезнее, чем в одиночестве. Не знаю только, далеко ли поедем. Д. Ф. не прочь простеречься (sic!) до Иерусалима, и я тоже не прочь, но боюсь, что животов моих не хватит»¹⁴¹).

Поездка действительно оказалась увлекательной (в ней принял участие еще Д. В. Айналов), а при посещении Константинополя даже и сопряженной с переживаниями в связи с разразившимся в это время землетрясением, о чем И. В. Помяловскому взволнованно написали Д. Ф. Беляев и Д. В. Айналов. И хотя Д. Ф. Беляев описал эти события даже в специальной статье,¹⁴² считаю полезным дать выдержки из их писем как непосредственный отклик. Так, сообщая в письме из Афин от 21 июля 1894 г. о пребывании в Константинополе («На пароходе встретил нас Беглери, мозаики Кахриэ, осмотр развалин Влахернского дворца, на месте которого теперь стоят деревянные турецкие дома»), Д. В. Айналов пишет: «Нам оставалось только осмотреть св. Ирину. Первая просьба наша осталась втуне. Дим. Федор, на завтраке у посла высказал сожаление, что если русское посольство не может устроить нам посещение св. Ирины, то что же оно тогда может? Обещали хлопотать. На другой день утром пришла телеграмма. Сам Нелидов ехал с нами смотреть св. Ирину, назначая место сбора у старого сераля. Мы были там в 10 1/2 ч. Явился адъютант султана. Явился затем и Нелидов со всем посольством и с сыном. Полы св. Ирины были политы водой, нас сопровождали турки, исполняя малейшие просьбы. Мы осмотрели все, что было возможно осмотреть, и даже имеем на память кусочки мозаики из обсиды, куда слазил Щербина.¹⁴³ Оканчивая обзор, Дим. Фед. и посол захотели взглянуть на устройство куполов, и потому вышли во внутренний дворик св. Ирины. Входя третьим (Ник. Фомич шел сзади), я услышал шум, подобный шуму ветра, и дребезжание стекол; шум все усиливался, и Нелидов первый разгадал, что это было землетрясение. Он крикнул, чтобы все шли во двор. Все сгруппировались в центре двора вокруг стеллы, а шум между тем все рос и рос, обращаясь в рев и сильный грохот; стекла дребезжали, и штукатурка стала валиться со стен. Достигши крайнего предела, дребезжание и грохот превратились в колебания почвы, и нас порядком шатнуло, хотя никто не упал. Затем первый удар стал стихать, но Нелидов не советовал уходить, ожидая повторения удара. Действительно он последовал. Он был слабее, но, кажется, более разрушителен: стены расшатанные трескались, штукатурка и карнизы падали на землю. Мы стояли молча в ожидании, и многие из нас были готовы к последнему часу. О себе скажу, что я узнал чувство готовности умереть. Адъютант ожидал, что под нами провалится двор, ибо оттуда из глубины слышался шум пустого места. Выходя из церкви, мы прошли под сводами Ирины. Внутренность церкви была в тумане от пыли. Ц. Ирины дала несколько трещин; св. София на вид стояла невредима».¹⁴⁴

¹⁴⁰ Там же. Л. 54 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 60 об.

¹⁴² Беляев Д. Ф. Храм св. Ирины и землетрясение в Константинополе 28 июня 1894 года (посвящается А. И. Нелидову) // ВВ. 1894. Т. 1. С. 769—798.

¹⁴³ Г. С. Щербина — драгоман Российского посольства в Константинополе.

¹⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 506. Л. 33—34 об. Аналогичное письмо Д. В. Айналов отправил И. П. Кондакову, о чем тот сообщил Помяловскому в письме из Одессы от 12 июля 1894 г. (Там же. Д. 868. Л. 60).

Еще подробнее описал это событие Д. Ф. Беляев, находясь на борту парохода «Чихарев», в письме от 2 июля 1894 г. «Глубокоуважаемый и любезнейший Иван Васильевич, — пишет он, — “Чихарев” сегодня ранним утром прошел Крит, и теперь мы плывем по безбрежному синему морю. Налюбовавшись голубым морем, которое довольно деликатно покачивает нашего гиганта, сажусь за письмо к Вам.

Трудно в одном письме изложить свои впечатления за время выезда из Одессы и поневоле приходится быть кратким. В Константинополе мы пробыли две недели, почти исключительно посвящая их осмотру его достопримечательностей, но успели посмотреть далеко не все, что хотелось посмотреть, и не так, как хотелось и как можно смотреть в каждом европейском городе. В Константинополе осмотр желательный очень труден, дорог и неудобен: город большой, дороги и улицы скверные, сообщения дорогие и неудобные, предметы осмотра находятся в турецких руках, и доступ к ним нужно постоянно оплачивать. Большое и главное препятствие заключалось для нас в незнании турецкого языка, вследствие чего мы не могли расспрашивать и разузнавать все то, что бы хотелось узнать, а проводники и кавасы часто или нас не понимали, или их не понимали турки. Тем не менее нам удалось посмотреть главное и ориентироваться в Константинополе, составить себе понятие о его древностях и вынести убеждение, что Константинополь полон древностей неизвестных, нерасследованных, никому из ученых неизвестных, но мало или вовсе недоступных. При турках никакие расследования, соединенные с раскопками, не возможны, а без раскопок трудно что-нибудь расследовать [нрзб.] окончательно. Мы, напр., не раз ходили по Влахерн<скому> дворцу, пили на песке кофе, зашли к турку в огороде, находящейся (sic!) над дворцом, убедились, что под нами по крайней мере один цельный этаж, если не два, но не могли не только копнуть, но даже и думать об этом. Точно так же и в других пунктах весьма трудно добраться до чего-нибудь, что лежит ниже современного уровня и что не всем показывают и не всем доступно. А многое недоступно из того даже, что стоит в целости с древнейших времен. Так, св. Ирина, сохранившаяся до 28 июня, до дня нашего посещения, лучше всех почти церквей, недоступна для публики, и нам удалось ее видеть только благодаря энергическому вмешательству посла, А. И. Нелидова, который и сам ходил с нами в этот храм, сопровождаемый секретарем советником, драгоманами и, наконец, султанским адъютантом. Но и тут едва не случилось несчастья для нас. Только что мы осмотрели св. Ирину, списали надписи, убедились в том, что оне сделаны мозаикою, а не красками, и вышли во двор (atrium), чтобы посмотреть снаружи устройство крыши западных нарфиков, как началось страшное землетрясение, расшатавшее св. Ирину и чуть не похоронившее нас под своими развалинами. Землетрясение было так продолжительное и сильное, что стены двора, в котором мы стояли, тряслись и шатались, а св. Ирина получила трещины со всех сторон и наполнялась какою-то густою пылью, за которую мы ничего не видели, когда пробегали бегом со двора через нарфики и западную часть храма к боковому [нрзб.] выходу из храма на большую площадь. Остановливаться и рассматривать было нельзя, так как мы ждали повторения тряски, тем с большим основанием, что в атрии мы испытали два трясения, следовавшие через минуты 2 одно за другим. К счастью, второй приступ был краток и не так силен, как первый, продолжавшийся по крайней мере минуту, в течение которой мы были бледны, как полотно, и ожидали смерти от трясшихся вокруг нас стен. Султанский адъютант, кроме того, ожидал и опасался, что под нами пустота и что почва под нами провалится. Слава Богу, мы вышли целы и невредимы, отчасти, м. б., благодаря распорядительности посла, который, находясь со мною на дворе, как только началось землетрясение, громким голосом приказывал всем, оставшимся в храме, выбежать на двор. По его же команде все выбежали после землетрясения на площадь и

прежде всего посмотрели на св. Софию. Она оказалась стоящею на своем месте, но насколько она пострадала, неизвестно; что же касается св. Ирины, то барабан ее сильно треснул во многих местах. Все это случилось около полудни 28 июня. Осматривали мы храм с 11 ч. до 12 ч. 25 м., когда произошло землетрясение, а в 2 ч. мы должны были садиться на пароход, чтобы ехать дальше. Распростившись с послем и его свитою, мы едва пробрались чрез толпы народа, выбежавшего на улицы и площади, спасаясь из домов. По дороге попадались нам раненые и немало домов, пострадавших от землетрясения и даже вовсе обвалившихся. Так кончился осмотр наш бедою! Мы пережили ужасную минуту, но теперь, когда беда миновала, приятно вспомнить, что мы испытали сильное землетрясение (φοβέρου, говорят греки) и ряд сильных впечатлений от осмотра памятников закончился страшным, которое едва ли когда-нибудь изгладится из памяти всех, стоявших 28 июня во дворе храма мира и едва не нашедших вечного мира под его развалинами. Ваш Д. Беляев».¹⁴⁵

Не менее любопытные сведения о научных экспедициях содержатся в письмах Н. П. Кондакова к Помяловскому. Так, в письме из Константинополя («Галата, подворье Пантелеймоновского монастыря») от 30 мая 1884 г. он пишет: «Сверх научных занятий на мне (sic!) легла вся тяжесть устройства нашей поездки, начиная от главного и кончая всеми возможными мелочами. Этих мелочей выходит много, когда дело идет об устройстве экспедиции с фотографом, рисовальщиком и пр.¹⁴⁶ Мой план был таков: на первых порах, никому не заявляя о наших занятиях, работать вместе всем пятерым на разных пунктах, оканчивая, по возможности, три пункта в один, много два дня. Тревога, пружуждавшаяся нашим появлением в отдаленных кварталах Стамбула, не доходила до полиции, как мы уже снимались с пункта и появлялись на другом. Так мы и делали 2 недели. Но раз нашего рисовальщика накрыли и свели в полицейский пост — он рисовал часть приморской стены. Страхи турок в этом отношении комичны, они все и всюду видят переодетых офицеров. Теперь мы получаем на днях тескере, т. е. разрешение заниматься всюду в мечетях и пр., от двух министров — Н<ародного> Просв<ещения> и Эвкафа. Забавно то, что когда меня представляли министру Н. Пр. Мустафе-паше, то после его отказа что бы то ни было для нас сделать (с этого они начинают), когда ему перевели, что к Мин. Н. Пр. мы обращаемся потому, что имеем научную цель, то он замотал головою с видом, что решительно не понимает, какое отношение Мин. Н. Пр. имеет к науке.

Между тем работа идет, хоть и не без препятствий. У нас есть архитектурные планы и разрезы, акварельные виды, фотографии и пр. Теперь работаем уже 6 дней в Кахрие-Джамиси. Материалу для выставки будет довольно. Сюда приехал Вилье (из Палермо), который очень заинтересовался нашим предприятием и хочет написать нам несколько акварелей в выбранных нами пунктах. Его новые акварели удивительны!

Ф. И. Успенский работает в Фанаре, чтобы потерять день на необходимые знакомства с разными греками-археологами. Говорю — потерять, потому что Паспати здесь давно нет, который был бы нам полезен.¹⁴⁷ Дни нам дороги, и потому что

¹⁴⁵ Там же. Д. 563. Л. 145—148 об.

¹⁴⁶ Сообщая Помяловскому в предыдущем (от 26 марта 1884 г.) письме состав экспедиции, Кондаков подчеркивает: «Это целая компания — шесть человек, между ними фотограф, рисовальщик и архитектор» (Там же. Д. 867. Л. 17—18). По крайней мере имя фотографа нам известно: одесский фотограф Ж. К. Рауль, уже совершавший с Н. П. Кондаковым путешествие на Синай в 1881 г. и награжденный за создание вместе с Кондаковым Синайского альбома орденом св. Станислава 3-й степени. См. об этом: *Вялова С. О.* Синайский альбом Н. П. Кондакова // *Россия и христианский Восток* / Под ред. Б. Л. Фонкича. М., 1997. Вып. 1. С. 207—225.

¹⁴⁷ Александр Паспатис (1814—1891) — историк и археолог, автор известного труда о постройках и дворцах Константинополя (1885).

на наши средства прожить более 5 недель нельзя, хотя мы живем в Галате, на подворье. Одолевают переезды, бакшиши. Громадные расстояния Компольного (?) Цареграда стоят и денег и особенно времени. Мы сидим в Стамбуле с 8 утра до 5 вечера и большею частью питаемся шашлыками. Но наша задача — представить, что можно было бы сделать здесь в бóльший срок».¹⁴⁸

Из других поездок Н. П. Кондакова. 10 июля 1887 г. он пишет Помяловскому из Парижа: «Можете Вы себе представить такой случай: 5 июля, в воскресенье, я был в Музее Клоньи, после завтрака и после Лувра. Полы были навошены более обыкновенного. Сходя с лестницы и кстати рассматривая, что висит сбоку, я ошибся на три ступеньки, полетел и вывихнул себе шиколотку. Не обратив должного внимания на боль, остался в Музее до 5 часов и вечером слег и пролежал до сегодня. Ногу мне велено было держать все время на подушке, не трогать и не шевелить. Положение, можно сказать, хуже губернаторского... По моему маршруту я должен бы уже быть в Лондоне, а теперь опоздаю на целую неделю. Потому что здесь надо еще побывать кое-где и повидать кое-что. Доселе путешествие было истинно плодотворное. Я видел массу, повернул в глубь варварских древностей и еще не вижу, когда выплыву на поверхность. Вояж мой направлялся так: в Гельсингфорс... оттуда в Стокгольм, где пробыл 6 дней, занимаясь только в Музее у Монтелиуса. Потом 4 дня в Копенгагене, где уже старался не видеть никого — мешают. Через Киль и Гамбург в Кельн. Отсюда занятия по эмалам: из Кельна в Ахен, из Ахена в Лимбург, где пробыл 2 дня за одним окладом креста. Во Франкфурт, оттуда в Танау, потом в Майнц. Там было раздолье по части древностей германских. Из Майнца с Шнейдером в Висбаден — где тоже музей (Когаузен) и потом в Вормс, где недавно основан музей. Затем уже прямо сюда, где думал было покончить через неделю, да вот приключение»;¹⁴⁹ из Венеции от 4 августа 1887 г.: «Я здесь уже четыре дня; завтра или послезавтра уезжаю, а задержался здесь потому, что было два праздника, и ризница ц. Марка была заперта. А жаль будет и уезжать: и люблю я Венецию, и все здесь мне знакомо — я лежал здесь когда-то при смерти — и самое искусство знакомо близко... Еду оттуда в Вену, Пешт и Львов»;¹⁵⁰ из Ялты от 20 августа 1888 г.: «Как я провел эти месяцы в постоянных разъездах между Ялтою, Севастополем и Симферополем, один Бог ведает! ... Тем не менее за это время кончил сочинение об эмали. Прочту у Вас в Обществе, если восхочете (sic!) слушать, частичку. В Сев<астополе>, т. е. в Херсонесе, действительно, любопытные вещи и древние, и стильные, греческие, а не римские. Будете видеть. Надписей одна лишь путная, но и то псифизм по поводу водостоков неважный»;¹⁵¹ со станции Поти — Тифл. ж. д. (Самтреди) от 18 августа 1889 г.: «Пишу к Вам среди своих горьких и тяжелых скитаний по горам и долам Кавказа, улучив свободный час, в ожидании поезда, который должен передвинуть меня и сопровождающего меня Д. З. Бакрадзе в Гурию. Вы уже, вероятно, знаете от гр. И. И. Толстого, как злая судьба, отняв у меня необходимый отдых, доставила мне Высочайшее повеление ехать на Кавказ для составления описи важнейших памятников в его монастырях и ризницах. И потому умолчу о сем, а скажу кратко, что уже с начала июля я все время нахожусь в странствии. И в каком! Вы можете себе легко представить, когда я перечислю кратко свои стоянки: Новороссийск, Екатеринодар, Кисловодск (к кн. Дондукову), Владикавказ, Тифлис, Мухеру, Кутаис, Гелати, Моцамети, Никорцминда, Челиши, Кутаис, Хони, Мартвили, Самтреди, Ново-Сенахи, Хони, Цанти, Зугдиди, Корцхели, опять Зугдиди и Ново-Сенахи, опять Самтреди, где и

¹⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 867. Л. 21—22 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 57—58 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 59—60.

¹⁵¹ Там же.

нахожусь... Вы спросите: а результаты? Слава Богу, хорошие. Я лицезрел чудные эмали, византийскую резьбу. Довольно сказать, что мы нашли в Мартвели Евангелие с миниатюрами столь же богатое, как Гелатское, и хотя 1300 года, но более интересное, чем первое. Я видел, наконец, византийскую работу IX века, которая такого же высокого художественного достоинства, как и антики».¹⁵²

Очень важны сведения об экспедиции в Иерусалим и по святым местам, организованной (во главе с Н. П. Кондаковым) Палестинским обществом в августе—ноябре 1891 г. (Кондаков долго и настойчиво, но тщетно приглашал Помяловского принять в ней участие¹⁵³), о результатах которой он пишет в письме из Иерусалима от 7 ноября 1891 г.: «У нас набралось много всякой всячины. Фотографических снимков более 500, рисунков и планов более 100, акварелей и пр. Надписей списано и снято до 150. Главная работа была в Гауране и двух городах Заирданья — Герасе и Аммане. Большие фотографии необыкновенно хороши, ничего подобного не было, все фотографиями Dumas мерзость и нередко получены увеличением малых снимков. Накупил я и монет, есть одна пока рукопись. Здесь (т. е. в Иерусалиме. — И. М.) работа главная по фотографированию и плану Гроба, да затем на месте храма Sep. много и вообще много будет материала, который будет принадлежать Обществу. Кто разработает весь этот материал? Надеюсь primo на Вас, Смирнова и Редина.¹⁵⁴ От сего последнего получил письмо из Флоренции. Там Вас вспоминает Cecchi, а здесь мы все о Вас постоянно вспоминаем, а я так и прямо вздыхаю, когда читаем о Гробе и толкуем вквив и вкось. Серьезно — очень жаль, что Вы не приехали в Иерусалим».¹⁵⁵

«Краткий отчет» Помяловскому о поездке в Европу содержится в письме Кондакова из Ялты от 27 июня 1896 г.: «Уже 3 дня, как вернулся из путешествия, усталый...

¹⁵² Там же. Л. 72—73 об.

¹⁵³ См., например, письмо Кондакова из Алушты от 6 июля 1891 г., из которого видно, что причиной отказа от поездки было «временное нездоровье» И. В. Помяловского и нежелание его жены отпускать мужа («Знаю или, по крайней мере, предугадываю, как распалится сердце Екатерины Михайловны и какие эпитеты будут применены к Обществам и Экспедициям. Но нимало не устрашаюсь, и в моем бесстрашии меня утверждает сознание соблюденного долга», — пишет Н. П. Кондаков. ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 867. Л. 92); см. также его письмо из Одессы от 3 августа 1891 г.: «Пишу наскоро, перед самым отъездом. Ваш отказ, конечно, поразил меня: сколько мне ни говорили прежде, что Вы не поедете, я не верил, хотя и признавал резоны. Вследствие Вашего отказа, быть может, самая поездка изменит свой характер: она лишится известного достоинства, веса, апломба» (Там же. Л. 94).

¹⁵⁴ Обращать материал и писать отчет об экспедиции пришлось, впрочем, самому Н. П. Кондакову. О работе над ним он сообщает в письмах от 5 октября 1893 г. (Там же. Д. 868. Л. 36 об.: «Я могу известить Вас об окончании Отчета Пал. Экспедиции, хотя мне еще надо с месяц посидеть над ним. Не знаю, когда В. Н. Хитрово захочет перепечатать, но было бы, пожалуй, лучше, если бы Ваша часть о надписях была бы напечатана совместно. Как Вы сами думаете и желаете?»), от 30 октября 1893 г. (Л. 38: «Сегодня я написал В. Н. Хитрово, предлагая ему двойное заглавие, но затем несколько изменил это заглавие, и если Вы будете видеть его, то предположите следующее: Отчет ученой экспедиции И. Пр. П. Общества. Памятники христианства в Гауране, Заирдании и Иерусалиме. Н. Кондаков. Надписи... И. Помяловский. Памятники языческие Я. Смирнову»), от 17 ноября 1893 г. (Л. 39 об.: «Уже переслал В. Н. Хитрово три главы Отчета и с нетерпением жду от него ответа по поводу рисунков»), от 24 января 1894 г. (Л. 46 об.: «Едва тяну главу об Иерусалиме, в частности о Гробе Г. для Пал. общ., хотя и вопрос трудный и сложный»), от 30 июня 1894 г. (Л. 58: «На днях посылаю свой Отчет В. Н. Хитрово; в нем будет не 5, а, пожалуй, 25 листов. Хотя не будет общего введения, которое потребовало бы еще полугодика на работу»), от 28 декабря 1894 г. (Л. 76 об.: «От Хитрово нет ответа. Словом, скоро я буду искать другого места для печатания, вне Петербурга»), от 30 января 1895 г. (Л. 81 об.—82: «Занят я теперь проектом предисловия к тому же отчету Палестинской экспедиции: только слишком широко выходит, а хочется изложить поскорее. Будет много нового по пункту значения святой Земли для христианской иконографии. Очень обидно, что Хитрово не хочет печатать Отчета: что там есть нового, все устаревает. И то меня удивляет, каким образом Стасов мог узнать и даже прочитать содержание некоторых мест этого Отчета — он мне очень ясно пишет об этом. Неужели В. Н. Хитрово, не доверяя моей компетенции, отдает Отчет на рецензию: вот был бы чисто петербургский инцидент, если бы поручили Отчет составить другому лицу. Доколе мне ждать придется, и сам не знаю. Писать вновь обидно — уже два письма послал!»). Как известно, отчет был опубликован в 1904 г. в виде монографии под заглавием «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине».

¹⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 96—97 об.

В Верне — с 19 апреля по 24, в сообществе Я. И. Смирнова и Ростовцева, а также Neumann'a, Бормана и др., бывал у Ягича. Нейманн возил меня в Klosterneuburg — там накачивали меня даже шампанским. Затем Венеция — пять дней, чудных дней. Много занятий, много нового. Верона — два дня, чудное место. Милан — тоже много нового, посуда для нас важная, начало срв. (sic!) поливы. Генуя и Ницца — по дню, с архитектором Браилловским. Барселона — 6 дней. Тарригона (?) — два дня; молодые люди нашли мозаики римские в куполе ротонды, в окрестностях Сарагоссы. Мадрид — 9 дней. В Нац. библ. рукопись И. Куропалата (имеется в виду знаменитая мадридская рукопись хроники Иоанна Скилицы. — *И. М.*) с миниатюрами из русской истории — курьезы! Прием Ольги, свидание Святослава с Цимисхием, чудо с Евангелием перед архонтом Росов и т. д. все с надписями!¹⁵⁶ Мы сняли фотографии, и я приложу их к изданию Комиссии. Много работали и молодые люди. Кордова — два дня, очень для меня много по арабским памятникам IX—XI в. Гранада и Альгамбра — игрушки, пустые, для англичан — два дня. Севилья — пустыря, для американцев — один день. Через Мадрид в Париж... в Париже — 8 дней. Купил Боннское издание за 400 фр. в великолепных переплетках, у Вельтера, экз. библ. де Витта. Затем Didot'a разные вещи и еще кое-что. Но главное — 2 аппарата фотографических — великолепных!».¹⁵⁷

И наконец, еще об одной известной экспедиции под руководством Н. П. Кондакова — на Афон. В письме Помяловскому от 19 мая 1897 г. (Ялта) он сообщает, что «поездка на Афон предположена в следующем составе: Д. В. Айналов, Е. К. Редин, Ф. Г. Беренштам, А. А. Карелин и А. Н. Хаханов. Все эти лица уже соскучились ждать, и с поездкою откладываются и их ученые работы и даже диссертации, но пока не разрешит отъезда А. И. Нелидов, я считаю поездку невозможною»,¹⁵⁸ а уже 10 июля 1898 г. отчитывается: «Афонскую поездку я лично доволен, хотя мои помощники по фотографии шибко подсидели. Представьте себе, что мы получили или добились возможности снять все чудотворные (древнейшие) иконы Афона, и оказалось, что мы не можем получить даже никакой тени “лика”, а можем снять только ризу. Подумать, что это был первый и, быть может, единственный случай, не повторяющийся, — не обидно ли? Я привез до 10 памятников византийской скани, тождественной или близкой со сканью шапки Мономаха. Это был мой личный заработок. Увы! Филимонов не захотел ожидать, пока я привезу этот новый материал против его лжеучения!».¹⁵⁹

Как видим, письма ученых-византистов содержат немало новых нюансов к уже известным в науке событиям. Разумеется, сказанным не ограничивается информационное богатство ученой корреспонденции. В ней, например, прослеживается история многих и всем известных византиноведческих публикаций, содержится важная информация об отдельных греческих рукописях и других памятниках византийской культуры, а некоторые письма, в которых их авторы высказывают свои, может быть, еще спонтанные и непроверенные гипотезы и идеи, можно даже рассматривать как особый (субъективный?) историографический жанр, заслуживающий специального изучения.¹⁶⁰

¹⁵⁶ В недавнем переиздании воспоминаний Г. В. Вернадского о Н. П. Кондакове эта рукопись ошибочно обозначена как «рукопись хроники Иоанна Лествичника». См.: *Кондаков Н. П. Воспоминания и думы* / Сост., подгот. текста и примеч. И. Л. Кызласовой. М.: «Индрик», 2002. С. 291.

¹⁵⁷ Там же. Д. 868. Л. 114—115.

¹⁵⁸ Там же. Л. 128 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 132 об.—133.

¹⁶⁰ Подробнее см.: *Медведев И. П. Недодуманные мысли: Письма русских антиковедов и византистов как особый жанр историографии* (На примере переписки И. В. Помяловского) // *Scripta Gregoriana: Сб. в честь 70-летия акад. Г. М. Бонгард-Левина*. М., 2003. С. 300—310.

А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна

(несколько штрихов к биографии ученого)

Отец Михаил Арранц в статье, посвященной рукописному наследию А. А. Дмитриевского, обратил внимание на то, что до сих пор мы очень поверхностно представляли себе личность и творчество великого литургиста.¹ В фонде А. А. Дмитриевского хранится его переписка с сестрой последней русской императрицы, великой княгиней Елизаветой Федоровной.² Эпистолярное общение таких личностей само по себе представляет большой интерес, тем более что история взаимоотношений ученого и великой княгини не освещалась ранее в работах, касавшихся биографии А. А. Дмитриевского.

А. А. Дмитриевский с ноября 1907 г. находился на должности ученого секретаря Императорского Православного Палестинского общества, но мало кому известно, что получил он эту должность именно благодаря великой княгине Елизавете Федоровне, которая после трагической кончины мужа, великого князя Сергея Александровича, сменила его на посту председателя Палестинского общества.³

В 1906 г. перед Палестинским обществом встал вопрос о поиске нового ученого секретаря. Вице-председатель общества Н. М. Аничков предложил кандидатуру Д. В. Истомина, который был ранее помощником секретаря, но великая княгиня «весьма решительно выразила свое мнение» и отвергла Истомина, доверив, однако, поиск новых претендентов Аничкову.⁴ Новых кандидатур оказалось две — доктор богословия В. А. Соколов и А. А. Дмитриевский.⁵ Вице-председатель общества

¹ *о. Михаил Арранц*. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // АРВ. С.132.

² ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57.

³ Великая княгиня вникала во все подробности деятельности Палестинского общества. Об этом свидетельствуют письма вице-председателя общества Н. М. Аничкова генералу-майору М. П. Степанову. См.: ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 43. См. также: *Миллер Л.* Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994. С. 154—155.

⁴ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 43. Л.66.

⁵ Там же. Л. 67. Н. М. Аничков был вынужден сообщить А. А. Дмитриевскому как кандидату на должность секретаря о шатком финансовом положении общества: «7-го сентября уехал в Киев А. А. Дмитриевский. Пред отъездом у нас с ним велась продолжительная, дружеская беседа о неутешительном нашем положении и о способах выйти из него с честью. А <лексея> А <фанасьевича> обуюло тоже большое сомнение: продолжать ли ему связывать свою судьбу с учреждением, хотя и очень почтенным и полезным, но весьма непрочным и, видимо, теперь очень колеблющимся. ...При теперешнем же состоянии средств О <бществ>ва и без надежды на их улучшение в будущем едва ли можно рассчитывать, чтобы место секретаря с солидным содержанием сохранилось так долго, а следовательно, А <лексей> А <фанасьевич> потеряет материально и рискует поставить себя в положение ищущего заработка... Оставаясь в Академии, он не рискует ничем. Если он не отказался в конце прошлого года временно принять должность секретаря, а готов отказаться теперь от окончательного занятия ее, то

в письме к генералу М. П. Степанову⁶ так охарактеризовал кандидатуру А. А. Дмитриевского: «В Киевской Духовной академии находится ординарный профессор по кафедре литургики и церковной археологии, доктор богословия ст<атский> сов<етник> *Алексей Афанасьевич Дмитриевский*,⁷ которому поручено Советом Общества составление исторического очерка Общества за первые 25 лет его существования.⁸ Дмитриевский знаток археологии и греческого языка; он был несколько раз в Палестине и Сирии, на Синае и Афоне, писал много о святых местах и хорошо знаком с местными деятелями в греческой церкви. А<лексей> А<фанасьевич> человек известный в России и за границей по его трудам; он очень живой, деятельный и обладает терпением и трудоспособностью. В. Н. Хитрово знал Дмитриевского хорошо и был с ним в переписке, а сам профессор относится с особым уважением к памяти В<асилия> Н<икити>ча.⁹ Кроме того, Дмитриевский, состоя членом Киевского отдела Палестинского общества, своими публичными чтениями принес не только нравственную, но и материальную выгоду Обществу. Правда, он человек не светский, но умеет держать себя в обществе. Ему 52 года. Он на будущий год выслуживает пенсию в 2400 руб<лей>, у него только жена (дочь смотрителя зданий нашего посольства в Константинополе). Дмитриевский, которого я узнал в два продолжительные пребывания его в Петербурге очень хорошо, человек порядка, твердых правил, самостоятельный, знает себе цену, не очень уступчив и принадлежит к тем, о ком Св. Писание говорит: “в нем лести несть”».¹⁰

Великая княгиня остановила свой выбор на А. А. Дмитриевском.¹¹ При личной встрече новый ученый секретарь произвел на Елизавету Федоровну очень хорошее впечатление, о чем мы узнаем из письма Аничкова Дмитриевскому: «Имею честь сообщить, что еще до получения Вашего письма имел обстоятельное описание Вашего представления великой княгине, полученное от Михаила Петровича.¹² Очень рад, что Вы произвели на ее высочество вполне хорошее впечатление. Впрочем, иначе и быть не могло».¹³

это произошло потому, что он не был посвящен детально в состояние средств Общества и предполагал, что оно поставлено гораздо солиднее; теперь же он увидел, что слава прочности Общества сильно раздута и что на самом деле оно представляется легким пухом, могущим исчезнуть при первом порыве ветра. Теперь же в России не ветер, а буря, при которой должны уничтожиться и более крепкие учреждения» (из письма Н. М. Аничкова М. П. Степанову от 10 сентября 1907 г. Там же. Л. 118—118 об.).

⁶ Генерал-майор М. П. Степанов состоял доверенным лицом при великом князе Сергее Александровиче, затем при великой княгине Елизавете Федоровне.

⁷ Выделено в тексте.

⁸ Ф. И. Успенский в письме к А. А. Дмитриевскому от 22 апреля 1906 г. так комментировал это поручение: «...Аничков дал маху, поручив Вам писать историю Палестинского общества. А между тем как было бы не бесполезно провести тот взгляд на дела, который вижу в Ваших письмах. Впрочем, надеюсь, что это и будет сделано, если не в юбилейном издании, то в частной записке» (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 654. Л. 4—5).

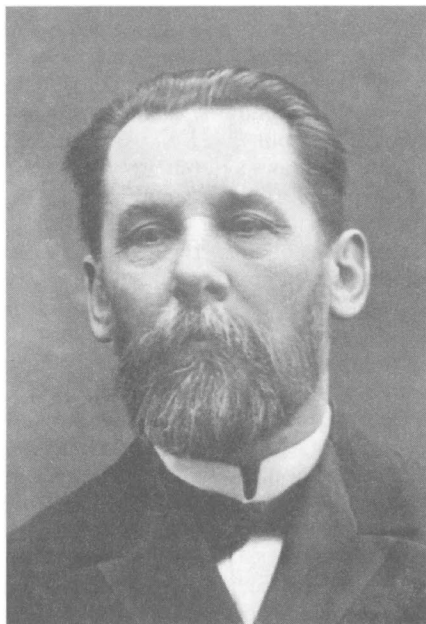
⁹ Вдова В. Н. Хитрово одобрительно отнеслась к А. А. Дмитриевскому как к будущему ученому секретарю Палестинского общества. В письме от 18 сентября 1906 г. к М. П. Степанову она писала: «Вчера был у меня Н. М. Аничков и сообщил мне, что один из главных кандидатов на пост секретаря Общества — профессор Дмитриевский, Киевской Духовной академии. Не имею удовольствия знать его лично, но давно зачитывалась его статьями об архимандрите Антонине и об епископе Порфирии и радовалась, что именно ему поручено составить историю Общества. ...Присоединяюсь поэтому всей душой к этому плану (утвердить А. А. Дмитриевского на посту секретаря. — *К. Л.*) и молю Бога, да поможет Он вам устранить все препятствия к его осуществлению» (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 43. Л. 72 об.).

¹⁰ Там же. Л. 67.

¹¹ Из письма Н. М. Аничкова М. П. Степанову: «Ее высочеству августейшему Председателю Общества благоугодно было остановить свое внимание на проф<ессоре> А. А. Дмитриевском как желательном кандидате для занятия места секретаря Общества. Я немедленно написал г<осподину> Дмитриевскому и получил от него в общем благоприятный ответ...» (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 43. Л. 65 об.).

¹² Имеется в виду М. П. Степанов.

¹³ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 344. Л. 6.

А. А. Дмитриевский

Многолетняя деятельность А. А. Дмитриевского на посту ученого секретаря Палестинского общества — это тема отдельного исследования.¹⁴ Мы лишь отметим, что великая княгиня не ошиблась, остановив свой выбор на Алексее Афанасьевиче. Письма вице-председателя общества Н. М. Аничкова пестрят похвалами по адресу Дмитриевского.¹⁵ Не могу не привести одну из них: «Вообще это настоящий умный и образованный секретарь; жаль, что в нем нет того воспитания, которое дается в хороших светских учебных заведениях, и семинария, и академия оставили на нем свой отпечаток. Но голова у него хорошая, и недаром он приобрел известность в ученом мире. Меня очень многие спрашивают: как Вам удалось заманить

¹⁴ В декабре 1918 г. А. А. Дмитриевский уже не состоял ученым секретарем Палестинского общества. Он уехал в Астрахань, где был избран профессором Астраханского государственного университета. В конце 1919 г. он был избран проректором университета и пробыл на этой должности до закрытия университета в мае 1922 г. С мая 1922 г. А. А. Дмитриевский находился в положении безработного (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 654. Л. 3 об.—4). Он обратился с просьбой к Ф. И. Успенскому, чтобы вернуться на работу в Палестинское общество, и получил отказ, так как правительство сократило финансирование общества, оставив только две штатные должности. Из письма Ф. И. Успенского к А. А. Дмитриевскому от 12 мая 1922 г.: «Нечего и говорить, что я считаю в высшей степени полезным Ваше участие в работе общества и очень бы желал видеть Вас среди его членов. Но предоставляю Вам самому взвесить существующие условия и решить, как поступить. Изменить существующее положение не могу, придумать формулу инкорпорирования Вас на платную должность не имею компетентности без обсуждения дела в собрании членов. Предполагается собрание на днях в помещении Палестинского общества, но весьма сомневаюсь, можно ли прийти к удовлетворительному по этому делу заключению» (Там же. Л. 7). Четыре года спустя ученик А. А. Дмитриевского К. С. Кекелидзе в письме к своему учителю сокрушался по поводу его бедственного положения: «Выдающийся ученый, известный профессор и вдруг в роли дьячка и церковного сторожа! Да, до чего дошли, неужели наука лучшей участи не заслуживает?! ...Всю свою жизнь, всю свою молодость принести в жертву науке, на старости лет очутиться под открытым небом!?» (Там же. Д. 479. Л. 28—28 об.). В конце жизни А. А. Дмитриевский очень нуждался. За несколько месяцев до смерти Алексея Афанасьевича 25 марта 1929 г. К. С. Кекелидзе выслал своему учителю 50 р. (Там же. Л. 49).

¹⁵ См., например: Там же. Д. 43. Л. 117, 118, 119 об.—120 об., 121 об., 131 об.

такую силу в Общество. Смотрите, этот человек у Вас не останется: ему предстоит другая дорога. Но я этому не верю. Для А<лексея> А<фанасьевича> спокойнее получать 2400 р<ублей> пенсии и 5000 р<ублей> жалованья и служить под начальством такой доброй и прекрасной женщины, какова великая княгиня, чем броситься в омут чиновников и разных интриг». ¹⁶ Н. М. Аничков полагал, что А. А. Дмитриевского необходимо удерживать, так как обществу надо иметь очень преданного его интересам, умного и энергичного секретаря. ¹⁷

Через 8 лет после своего назначения, 29 апреля 1915 г., указом Николая II А. А. Дмитриевский «в воздаяние особых трудов и заслуг», оказанных им Палестинскому обществу, был награжден орденом св. Станислава 1-й степени. ¹⁸

Великая княгиня высоко ценила профессиональные качества А. А. Дмитриевского и обсуждала с ним дела общества, пренебрегая порою его вице-председателем. В фонде Дмитриевского сохранилось письмо от управляющего конторой Елизаветы Федоровны с пометой: «конфиденциально». ¹⁹ В нем излагается просьба великой княгини, которая хотела, чтобы Дмитриевский тайно приехал в Москву для обсуждения дел общества. При этом особо подчеркивалось, чтобы о поездке не было известно ни М. П. Степанову, ни Н. М. Аничкову, ни кому-либо еще из Палестинского общества. ²⁰

Не только Палестинское общество связывало ученого и великую княгиню. Их пути пересеклись благодаря любимому детищу Елизаветы Федоровны — Марфо-Мариинской обители милосердия. ²¹

Великая княгиня хотела посвятить сестер своей обители в диаконисы. ²² Дело было передано в Синод, который поручил рассмотрение чина посвящения сестер Марфо-Мариинской обители А. А. Дмитриевскому. ²³ Узнав об этом, Елизавета Федоровна посылает Дмитриевскому телеграмму, ²⁴ а затем и письмо, в котором поясняет причины своего желания восстановить в своей обители древний институт диаконис: «Я принципиально против монахинь, выходящих для служения ближнему в мир, в чем со мной согласны некоторые иерархи. Мне бы также не хотелось обращать мою обитель в обыкновенную Общину сестер милосердия, так как, во-первых, там только одно медицинское дело, а другие виды благотворения даже не затронуты, во-вторых, в них нет церковной организации и духовная жизнь на втором плане, тогда как должно быть совершенно наоборот». ²⁵ Настоятельница описывает деятельность обители и заключает: «Вся эта работа обители, мне кажется, есть вполне деятельность “диаконисс”». ²⁶

Великая княгиня стремилась восстановить институт диаконис не полностью, а лишь «диаконисс по одеянию», которые, в отличие от диаконис в собственном смысле, не получали таинства священства, а лишь благословение епископа и посвящение с обетами. ²⁷ Вместо рукоположения предполагалось пострижение достигших определенного возраста диаконис по одеянию в мантию. ²⁸

¹⁶ Там же. Л. 120—120 об.

¹⁷ Там же. Д. 57. Л. 117 об.

¹⁸ Там же. Д. 9. Л. 12.

¹⁹ Там же. Д. 57. Л. 34.

²⁰ Там же.

²¹ Обитель начала свою деятельность 10 февраля 1909 г.

²² См. об этом: *Постернак А. В.* К вопросу о присвоении сестрам обители звания диаконис // *Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы: Письма, дневники, воспоминания, документы.* М., 1995. С. 225—233. О диаконисах см.: *Троицкий С. В.* Диакониссы в Православной Церкви. СПб., 1912.

²³ См. письмо управляющего канцелярией Св. Синода от 4 января 1911 г.: ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797 а. Д. 57. Л. 35.

²⁴ Там же. Л. 10.

²⁵ Там же. Л. 36 об. Все выделения в тексте принадлежат Елизавете Федоровне.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 37 (сохраняем принятое в то время написание «диаконисса»).

²⁷ Там же. Л. 36.

²⁸ Там же. Л. 36 об.

Елизавете Федоровне требовался профессиональный совет А. А. Дмитриевского. Она также рассчитывала на то, что ученый поддержит ее начинание в Синоде: «Почему-то некоторые опасаются дать название диаконисс, но я думаю, Вы лучше меня знаете и можете доказать, насколько это церковно и православно».²⁹

А. А. Дмитриевский согласился с тем, что восстановление института диаконис не противоречит православию и даже желательно в условиях современной жизни.³⁰ Он подтвердил правильность деления диаконис на диаконис по одеянию, или диаконис-сестер, к клиру не принадлежащих, и собственно диаконис, которые принадлежат к клиру и получают хиротонию.³¹ Что касается намерения Елизаветы Федоровны не восстанавливать институт диаконис полностью, то ученый счел его «напрасной уступкой времени», которая «несомненно смущает многих».³²

Таким образом, А. А. Дмитриевский советовал великой княгине, чтобы та могла избежать возражений Св. Синода и противников восстановления института диаконис, установить в обители «строго *последовательный институт диаконисс*»³³ и в уставе совершенно исключить речь об обители.³⁴

В своем ответном письме Елизавета Федоровна продолжала настаивать на неполном восстановлении института диаконис: «... времена теперь не те, чтобы давать женщинам право участвовать в клире, смирение достигается с трудом и участие женщин в клире может в него внести неустройство».³⁵ ...Итак, еще раз прошу Вас поддержать в Св. Синоде мою мысль о даровании сестрам моей Обители звания «Диаконисс» (1-й категории), а вместо рукоположения — мантия».³⁶

А. А. Дмитриевский оказался в довольно затруднительном положении: ему предстояло либо поддержать великую княгиню в том, с чем он был не согласен, либо отстаивать свою точку зрения. В докладе Св. Синоду «О диакониссах» ученому удалось обрисовать ситуацию удивительно дипломатично: Дмитриевский не изменил себе, но и не стал явно критиковать намерение Елизаветы Федоровны.

Ученый отметил в докладе, что восстановление института диаконис в неполном объеме не противоречит канонам Православной церкви: «Царственная настоятельница Марфо-Мариинской обители желает восстановить институт диаконисс во второй его низшей степени — *диаконисс-сестер*³⁷ в духе 19 прав<ила> первого вселенского собора и 123 новеллы императора Юстиниана. К этому служит побуждением полное преклонение августейшей настоятельницы Марфо-Мариинской обители пред высоким авторитетом церкви православной, безусловная покорность и преданность ее канонам и уставам. Опасаясь получить хотя бы и слабую тень укоризны со стороны кого-нибудь в уклонении от существующих в русской православной церкви установлений и порядков и подать повод хотя бы к косвенному намеку на какое-либо новшество в ней, ее высочество как смиренная, горячо преданная церкви покорная

²⁹ Там же. Л. 37 об.

³⁰ Там же. Л. 43.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 43 об.

³³ Выделено в тексте.

³⁴ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 43 об.

³⁵ Ср. письмо Елизаветы Николаю II: «*Первая ступень* раньше была «диаконисса по одеянию». Вторая, высшая — «по рукоположению» (что хочет е<пископ> Гермоген), — привела к разрушению этой общины: диакониссы стали играть такую важную роль среди духовенства, что их мало-помалу начали *оттеснять*, так они и *исчезли*. (Синод настроен решительно против этого, и это очень мудро, так как *современные женщины* еще более *хватакие* и стремятся играть такую же роль, как мужчины.)» (Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы: Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 53).

³⁶ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 36 об.

³⁷ Выделено в тексте.

дщерь спешит оговориться “со всею решительностью”,³⁸ что ей чужда мысль “восстановить саму хиротесию диаконисс” и что она “оставляет это благоусмотрению церкви”.³⁹

Однако далее, вполне соответствуя человеку, в котором, как отметил Н. М. Аничков «лести несть»,⁴⁰ А. А. Дмитриевский недвусмысленно говорит, что, с его точки зрения, желание великой княгини восстановить институт диаконис в неполном объеме является «уступкой духу времени и тем, кого блазнит сама мысль о возможности восстановления института диаконисс во всем его объеме».⁴¹ По мнению А. А. Дмитриевского, полное восстановление института диаконис «уничтожило бы некоторую двойственность Марфо-Мариинской обители (диакониссы и манатейные монахини) и создало бы единое целое, полную гармонию в возрождаемом институте».⁴²

Реакция Елизаветы Федоровны на доклад А. А. Дмитриевского трогает своим истинно христианским смирением. 2 февраля 1911 г. она посылает ученому такую телеграмму: «Искренно тронута, что Вы так поняли мою мысль. От души Вас благодарю и с Вами согласна, буду ждать решения, которому вполне подчинюсь. Елисавета».⁴³

На заседании Св. Синода 9 ноября 1911 г. было решено старшим сестрам Марфо-Мариинской обители присвоить искомое звание диаконис.⁴⁴ Под постановлением подписались семь архиереев.⁴⁵ Но, как и предсказывал А. А. Дмитриевский, у двух епископов идея неполного восстановления института диаконис вызвала возражения. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний и епископ Саратовский Гермоген не согласились с постановлением Синода и остались при особом мнении.⁴⁶

Митрополит Антоний выразил свою точку зрения сдержанно и кратко: с его точки зрения, пока не восстановлен чин диаконис в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской обители не может быть присвоено именование диаконис.⁴⁷ Архиепископ Гермоген, напротив, высказался пространно и резко и признал постановление Синода противоканоническим.⁴⁸ Архиепископ недоумевал, почему канонический, строго церковный чин диаконис считают невозможным восстановить, а неканонический и прямо еретический (павликианский) чин учереждается вопреки православным канонам.⁴⁹

Неизвестно, был ли знаком Гермоген с докладом А. А. Дмитриевского в Св. Синод, во всяком случае его понимание проблемы существенно отличалось от мнения А. А. Дмитриевского, который восстановление института диаконис в неполном объеме не считал еретическим начинанием, хотя и высказывался за полное восстановление.

Поскольку последующие заседания Синода не привели к устранению разногласий, дело было передано на рассмотрение Николаю II.⁵⁰ Император присое-

³⁸ А. А. Дмитриевский здесь и далее цитирует присланную ему «Пояснительную записку о задачах и целях открывшейся в г. Москве Марфо-Мариинской обители милосердия» (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797 а. Д. 57. Л. 4 об.).

³⁹ Там же. Л. 23—23 об.

⁴⁰ Там же. Д. 43. Л. 68—68 об.

⁴¹ Там же. Д. 57. Л. 24.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 41.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2565. Л. 291—292 об.

⁴⁵ Митрополиты Московский Владимир и Киевский Флавиан, архиепископы: экзарх Грузии Иннокентий, Финляндский Сергей, Волынский Антоний, Полтавский архиепископ Назарий, епископ Холмский Евлогий (РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2565. Л. 291—292 об.).

⁴⁶ Там же. Л. 293—294 об.

⁴⁷ Там же. Л. 293.

⁴⁸ Там же. Л. 296.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Ф. 797. Оп. 81. Д. 557. Л. 7—9 об.

динился к мнению архиепископа Антония.⁵¹ Таким образом, сестрам Марфо-Мариинской обители звание диаконис присвоено не было. Институт диаконис так и не был восстановлен в Православной церкви.⁵²

Хочется верить, что публикуемая ниже переписка А. А. Дмитриевского и Елизаветы Федоровны, а также доклад ученого в Св. Синод откроют еще одну неизвестную страницу жизни византиста.

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

1. Телеграмма великой княгини Елизаветы Федоровны А. А. Дмитриевскому от 7 января 1911 г.²

(ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 10)

Узнала, что Вы рассматриваете чин посвящения сестер моей обители. Посылаю Вам сегодня некоторые подробности причины моего желания названия диаконисс. Если еще не дали заключения, прошу подождать моего письма.

Елизавета.

2. Письмо великой княгини Елизаветы Федоровны А. А. Дмитриевскому от 11 января 1911 г.

(ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797 а. Д. 57. Л. 36—37 об. Авторизированная машинопись с автографом. Подлинник)

Алексей Афанасьевич.

Я узнала от М. П. Степанова, что Вам поручено Св. Синодом рассмотрение Чина посвящения сестер Марфо-Мариинской обители милосердия и что Вы желаете иметь устав и объяснительную записку О<тца> Духовнаго.³ С удовольствием спешу Вам их выслать и вместе с сим очень надеюсь, что Вы ознакомитесь с моим прошением в Синод и с приложенной к нему объяснительной запиской. Могу вкратце указать здесь содержание того и другого. Я постаралась по возможности научно-исторически проверить вопрос о диакониссах, и оказалось, что, напр<имер>, по толкованию *Вальсамона*⁴ на правила Соборов, диакониссы делились на две категории,

а) диакониссы по одеянию (так и назывались), оне делали тоже дело милосердия, но получали лишь благословение епископа и посвящение с обетами;

б) когда же наступал возраст (лет около 60, а по нужде и раньше), диакониссы по одеянию получали рукоположения, но не таинства Священства, а церковнослужительское (хиротесия).

⁵¹ Там же. Л. 7.

⁵² Дело о диакониссах было отложено до Собора 1917—1918 гг., который отрицательно решил вопрос о восстановлении института. См.: *Постернак А. В.* К вопросу о присвоении сестрам обители... С. 233.

¹ При публикации сохранены все авторские подчеркивания, отмеченные курсивом. Сокращения раскрываются в угловых скобках <...>, добавленные необходимые для понимания слова заключены в квадратные скобки [...].

² Телеграмма отправлена из Москвы в Петербург, по адресу Ямская, 23.

³ Имеется в виду духовник обители Митрофан Серебрянский.

⁴ Канонист XII в.

Добавлю, что диакониссы древности жили обителями, а не только как отдельные личности при церквах. Так вот я и прошу о первом, что никак не противоречит древнему Православию. Когда же придет возраст моих сестер (Диаконисс по одеянию), в котором оне должны бы получить рукоположение, вместо этого по уставу нашей обители им предложено будет принять мантию и удалиться в наш скит (вдали от города). Далее, в настоящее время темноты и голода духовного в нашем русском народе, когда безусловно необходимо спешить на помощь с светом и любовью Христовой при безусловении Церкви, я нахожу почти грехом откладывать до Собора этот вопрос, разве Св. Синод не есть поместный Собор иерархов, могущий дать свое благословение и тем укрепить это полезное для народа дело милосердия, имеющее жить и развиваться в ограде церковной? Я принципиально против монахинь, *выходящих для служения ближнему в мир*, в чем со мной согласны некоторые иерархи. Мне бы также *не хотелось обращать мою обитель в обыкновенную Общину сестер милосердия*, так как, во-первых, там только одно *медицинское дело*, а другие виды благотворения даже не затронуты, во-вторых, в них нет церковной организации и духовная жизнь на втором плане, тогда как должно быть совершенно наоборот.

В настоящее время деятельность моей обители заключается в следующем: при обители есть:

- 1) Два храма (один в построении), где кроме ежедневного богослужения ведется с народом беседы, вводится общее пение, все это с помощью сестер;
- 2) Больница для бедных женщин и детей на 25 кроватей;
- 3) Дом для бедных чахоточных женщин на 18 кроватей;
- 4) Бесплатная амбулатория с выдачей лекарств;
- 5) Трудовой приют на 18 девочек;
- 6) Воскресная школа для взрослых женщин и девушек бедных на 60 человек — им выдается чай;
- 7) Бесплатная библиотека для сестер и народа;
- 8) Бесплатная столовая для бедных и приезжающих говеть, с полным содержанием.

Все означенные учреждения обслуживаются сестрами. Сестры под руководством [обительских]⁵ священников посещают бедных на дому для проверки и подания духовной и медицинской помощи.

При обители существует кружок «Детская лепта», деятельность которого заключается в следующем: дети богатых родителей по праздникам работают для детей бедных, причем этим способом в течение прошлого года одето до 1000 детей.

Вся эта работа обители, мне кажется, есть вполне деятельность «диаконисс». В дальнейшем развитии предполагаются отделения в деревнях и городах, а также и участие в миссионерском деле. Для этого сестры специально приготавливаются беседами обоих обительских священников — разбор Св. Писания и Св. Отцев, изучение догматов Православной церкви, также их знакомят с способами борьбы против пьянства (настоящим бичом нашего народа) и бытом преступников.

Почему-то некоторые опасаются дать название диаконисс, но, я думаю, Вы лучше меня знаете и можете доказать, насколько это церковно и православно.

Устав временный, и жизнь показала, что необходимо сделать некоторые изменения, напр<имер>: в нем означен лазарет для раненых воинов русско-японской войны, который уже не существует при обители.

Уважающая Вас *Елисавета*.

17 января 1911 года.
г. Москва.

⁵ Слово вставлено рукою Елизаветы Федоровны.

3. Письмо А. А. Дмитриевского великой княгине Елизавете Федоровне⁶

(ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 43—43 об. Авторизированная машинопись. Копия)

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

Осчастливленный Вашим милостивым вниманием, выраженным в присылке телеграммы, письма и двух необходимых мне брошюр, приношу мою всеподданнейшую благодарность и выражаю горячую готовность послужить тому святому делу, которое Вы так близко принимаете к своему любвеобильному сердцу.

Спешу успокоить Ваше Императорское Высочество, что чин посвящения сестер созданной щедротами Вашего Высочества Общины со всеми объяснительными записками находится в моих руках и уже внимательно проштудирован.

По поводу данного чина и его благовременности я имел обстоятельную беседу с митрополитом Владимиром,⁷ который, видимо, вполне разделяет взгляды Вашего Высочества.

На основании внимательного изучения церковных канонов и литургической практики древнехристианской церкви я пришел к убеждению, что восстановление института диаконисс не противоречит православию и желательна в условиях современной жизни. Мало этого. Я на основании *канонов* (но не Вальсамона, который сам был лишь толкователем канонов) прихожу к такому же делению диаконисс, как предлагаете и Вы, Ваше Высочество:

1) на *диаконисс-сестер*, не посвященных, к клиру не принадлежащих и могущих оставлять общину и даже выходить замуж, и

2) на *диаконисс* в собственном смысле, которые принадлежат к клиру и получают хиротонию.

Но дальнейшие мои заключения уже несколько расходятся с тем, что выражено в чине и, главное, во временном уставе Общины. Вот кратко мои личные заключения:

А. 1) *Диакониссами* должны быть женщины, достигшие, по канонам, 60-летнего возраста и во всяком случае не ниже 40-летнего.

2) *Диакониссы* получают хиротонию и состоят в клире, а посему и несут все обязанности клириков и подвергаются каноническим наказаниям за поступки по званию.

3) *Диакониссы* суть достойнейшие избраннейшие старицы, руководительницы и надзирательницы за младшими диакониссами-сестрами.

4) Чин хиротонии этих диаконисс должен быть иной.

В. 1) *Диакониссы-сестры* или, по Вашему уставу, испытываемые сестры — это женщины, не достигшие 40-летнего возраста и искусом и с служением делам христианского милосердия в обители и вне ее — по городам, селам, частным домам, — но под надзором непременно диакониссы-старицы, подготовляющие себя к вступлению в разряд настоящих диаконисс.

2) *Диакониссы-сестры* по испытании удостоиваются благословения духовника и возложения одежд, но *без креста*, или с возложением креста, но особого вида.

3) Для посвящения диаконисс-сестер пригоден и чин, уже принятый обителью, но с некоторыми несущественными переделками, так как в чине общехри-

⁶ Письмо не датировано. По сопутствующим документам его можно датировать январем 1911 г.

⁷ Первоначально напечатано: митрополитом Вениамином. Зачеркнуто и исправлено рукой А. А. Дмитриевского. Владимир — митрополит Московский. По его ходатайству дело о присвоении сестрам обители звания диаконисс было рассмотрено Св. Синодом.

стианские обязанности смешиваются с обязанностями исключительно служения диаконисс.

4) Диакониссы-сестры к клиру не принадлежат и могут быть удаляемы из обители настоятельницей или же по собственному желанию оставляют обитель.

Примечание: Все диакониссы питаются при желании скромной пищей в дни, по уставу церковному дозволенные.

Чтобы избежать возражений Св. Синода и противников восстановления института диаконисс, я дерзаю себе рекомендовать Вашему Высочеству установить в обители строго последовательный институт диаконисс и в уставе своем совершенно исключить речь об обители. Потому обитель должна распасться:

1) на диаконисс-сестер, от 21—40 лет, и 2) диаконисс в строгом смысле слова от 40 лет до конца жизни. Речь в уставе об обители, по-моему, напрасная уступка времени. Она-то, несомненно, смущает многих.

Раз обитель диаконисс будет существовать в своем цельном виде, тогда уже не трудно доказать, что диакониссы жили в общинах, делали все то, что предполагает выработанный Вами устав и даже большее. Здесь я имену говорить о чине древних мироносиц и диаконисс Великой Церкви, при которой они жили в количестве 40 человек и даже 100 человек, данных у меня довольно, а Вальсамон — это только мне помощник. Если Вы, Ваше Высочество, с чем-нибудь из кратко выраженных мною положений будете принципиально не согласны, то соблаговолите откровенно в своем письме сообщить и, непременно, в близком будущем: Св. Синод меня торопит с ответом.

Вашего Императорского Высочества вернопреданный слуга.

4. Письмо великой княгини Елизаветы Федоровны к А. А. Дмитриевскому от 19 января 1911 г.

(ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 38—38 об. Авторизированная машинопись с автографом. Подлинник)

Алексей Афанасьевич.

Благодарю Вас за Ваше письмо и радуюсь, что идея восстановления диаконисс в Православной церкви встретила⁸ в Вас сочувствие. Ваша идея совершенно согласна с моей, так Вы допускаете разделение Диаконисс на два разряда, но дело в том, что в настоящее время я прошу только о первом, так как знаю, что лишь Собор может решить вопрос о второй степени. По правде сказать, я совсем не стою за вторую степень, времена теперь не те, чтобы давать женщинам право участвовать в клире, смирение достигается с трудом и участие женщин в клире может в него внести неустройство. Ведь уже и был вопрос (в древности) о том, что они хотели сами крестить? Мне же достоверно известно, что, когда шла речь о восстановлении диаконисс, многие церковные люди именно смущались рукоположением и их участием в клире, тогда как сущность дела остается та же: диакониссы-сестры делают те же дела милосердия, что и рукоположенные диакониссы.

Когда я составила свой устав и показала его многим церковным людям и иерархам, то они прямо одобрили именно то, что диакониссы не будут в клире, а вместо рукоположения — мантия. Да и в самом деле, поработавши в служении делу милосердия под руководством и покровом Церкви много лет, отраднo иметь возмож-

⁸ В тексте: «встретило».

ность посвятить последние годы своей жизни аскетическому, молитвенному подвигу вдали от мирской суеты.

Итак, еще раз прошу Вас поддержать в Св. Синоде мою мысль о даровании сестрам моей Обители звания «Диаконисс» (1-й категории), а вместо рукоположения — мантия. Если же будущий Собор Русской церкви признает необходимым восстановить Институт диаконисс полностью, я, как верная дочь Церкви, готова подчиниться, но это отнимет у нас — усталых тружениц, светлый маяк, т<о> е<сть> соединение с Богом уже на этой земле в ожидании Вечности.

Уважающая Вас *Елисавета*.

P. S. Для немощных сестер, не могущих идти в монастырь, будет убежище.⁹

19 января 1911 г.

г. Москва.

5. Доклад А. А. Дмитриевского в Св. Синод¹⁰

(ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 21—25. Авторизованная машинопись. Копия)

О Диакониссах

По примеру жен мироносиц, служивших Иисусу Христу при его земной жизни и отправившихся на проповедь о Нем среди неверующих, после его Воскресения, в церкви Христовой в параллель семи диаконам, служившим трапезам (Деян. Ап. VI, 2—6), появились *диакониссы*, которым вменялось в обязанность служить образом человеколюбия и попечения о нуждающихся (6 вселен<ский> соб<ор>, пр<а>вило> XVI).

Институт диаконисс нашел широкое применение в жизни древнехристианской церкви и практиковался во всех православных церквях не только на Востоке, но и на Западе. Иерусалим, Александрия, Рим и Константинополь одинаково считали и *диаконисс*, причем число последних, напр<имер>, в Великой Церкви соответствовало тем исключительным материальным средствам, какими располагал, благодаря царским щедротам, великолепный храм императора Юстиниана. По Номоканону патриарха Фотия, диаконисс в Великой Церкви было двадцать (гл<а>ва> 30), а по распоряжению императора Ираклия число их простиралось даже сорок диаконисс (нов<елла> 16, гл<а>ва> I).

Диакониссы в древнехристианской церкви были двух категорий: 1) диакониссы в собственном смысле слова и 2) диакониссы по внешности или одеянию.

В диакониссы избирались по девятнадцатому пр<авилу> первого вселенского собора безбрачные женщины или вдовы безукоризненного поведения и в возрасте не моложе сорока лет (15 пр<авило> 4 халкид<онского> соб<ора>; 6 вселен<ского> собора правило 14; см. нов<елла> 123, глав<а> 13), а по гражданским законам пятидесятилетние (нов<елла> 6, гл<а>ва> 6) и даже шестидесятилетние (9 пост. 3 титул. I книги Код<ина>).

Диакониссы получали хиротонию епископа во время литургии в тот самый момент ее, когда совершается хиротония и во диакона. Чин хиротонии состоял из двух молитв, на сей случай составленных, и из особой ектеньи о хиротонисуемой с возложением на нее священных одежд и головного покрывала, с причащением в

⁹ Постскриптум написан рукой Елизаветы Федоровны.

¹⁰ Документ не датирован. По сопутствующим документам его можно отнести к январю 1911 г.

алтаре после диаконов и с передачею в ее руки Св. потира для поставления на Св. трапезу, но без права подачи или передачи потира другим лицам.

Живя при патриарших кафедрах или соборных храмах, диакониссы составляли из себя тесно сплоченную общину. Служили они при храмах в женских отделениях, по очереди, делясь на недели или чреды. Наблюдение за чистотою и благолепием храмов и порядком во время богослужения и особенно при многолюдных собраниях в этих храмах, кроме помощи епископу при крещении женщин и причащении их [в] гинеконах, было главною их обязанностью. Такие благочестивые и украшенные добродетелями почтенного возраста старицы (γυναικας σεμνας και κοσμιας και τη ηλικια και τω ηθει περιλιωμενας),¹¹ по свидетельству Пандократорского Типика 1136 г., были даже и в мужских царских Константинопольских монастырях, исполняя те же функции, что и при храмах соборных и мирских.

«Посвятившие себя Богу девы, гласит 44 пр<авило> карф<агенского> собора, по разлучении с охранявшими их отцами заботливостью епископа, или, в отсутствии его, пресвитера, поручаются честнейшим женам, или же, живя вместе, да хранят взаимно друг друга, чтобы, скитаясь всюду, не нанесли вреда доброй славе церкви». Исполнение поручений епископа или начальниц общин на стороне в домах мирян и в больницах было делом второстепенным и делом совершеннейших из диаконисс. Отсюда становится понятно и то, что в чине хиротонии диакониссы 1483 г. Александрийской церкви уже предписывается (κατα το νυν κρατου), чтобы в диакониссы хиротонисались монашествующие женщины, *великосхимницы*, отличающиеся исключительными нравственными качествами (κεκαρμενη τε κοσμιως και εις τοσουτον δια της επαυθουσης αυτης αρετης ανηγμενη εις υψος).¹² Хиротонисанная диаконисса, «пробыв некоторое время в служении», если вступит в брак, то такая, по 15 прав<илу> 4 халкидонского собора, как оскорбившая *благодать Божью*, да будет анафемствована вместе с тем, кто соединился с нею.

Из числа диаконисс в Иерусалимской церкви избирались некоторые для служения при Гробе Господнем с обязательством заботиться о чистоте и благоуукрашении его и о наполнении елеем непрерывно горящих в нем лампад и назывались *мироносицами*. Они по своему положению в клире Сионской церкви стояли выше диаконисс, пользовались почетным местом в храме и правом умащать Св. Гроб ароматами и совершать каждение не только Св. Гроба, но даже и патриарха при его торжественных богослужениях.¹³

Рядом с хиротонисанными диакониссами, не моложе сорокалетнего возраста, в церкви древнехристианской, как гласит 19 прав<ило> первого вселенского собора, были *диакониссы*, которые «только по внешности *причитаются к этому званию*, так как не имеют на себе никакого руковожложения и могут считаться в числе мирян».

«Диаконисса, имеющая менее сорока лет или двоебрачная, по словам 123 новеллы Юстиниана императ<ора> глав<а> 13, в Св. Церкви не рукополагается».

Выход этих дев диаконисс из общин в мир, хотя бы и для вступления в брак, канонами церкви не возбранился.

Августейшая настоятельница Московской Марфо-Мариинской обители милосердия, ее императорское высочество великая княгиня Елисавета Федоровна, проникнутая чувством глубокого христианского воодушевления и своим отзывчивым,

¹¹ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Прав<ославного> Востока Ч. 1. Түлкі. Киев, 1895. С. 678 (все цитаты на греческом написаны в тексте доклада рукой А. А. Дмитриевского).

¹² Там же. Ч. 2. Еύχολόγια. С. 346—347.

¹³ [Дмитриевский А. А.] <Богосл>ужение Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме в IX—X в. Казань, 1894. С. 170, 182, 188, 190.

чутким сердцем понявшая назревшую потребность нашего времени — с словом христианского утешения приблизиться к одру страждущих своих соотечественников и послужить им в их душевных и телесных насущных потребностях, укрепляя и ободряя одних среди тяжелых недугов и приготовляя к христианской мирной кончине других, нередко отвлекаемых от сего близкими родными, из ложного опасения нарушить их душевный покой, остановилась на мысли восстановить древнехристианский чин диаконисс. Институт этот, некогда процветавший в церкви Христовой и давший целый сонм дивных подвижниц в лице диаконисс: св. Фивы, Олимпиады, Макрины, Павлы, Татианы, Нины и др<угих>, с ослаблением церковной дисциплины и в силу крайне стеснительных и бедственных условий жизни восточных апостольских церквей, по причине неблагоприятных политических обстоятельств начиная с IX века прекратил свое существование. Однако это печальное событие в жизни Церкви Христовой совершилось само собою, без всяких соборных определений или официальных распоряжений со стороны церковной власти. Институт диаконисс вымер, так сказать, своею естественною смертью, как прекратили свое существование институты мирносиц, ставрофоров, богоносцев и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>, и многие другие церковные чины и последования, украшавшие после лишь страницы наших богослужебных книг, но практическое значение уже не имевшие.

Царственная настоятельница Марфо-Мариинской обители желает возродить институт диаконисс во второй его низшей степени — *диаконисс-сестер* в духе 19 прав<ила> первого вселенского собора и 123 новеллы императора Юстиниана. К этому служит побуждением полное преклонение августейшей настоятельницы Марфо-Мариинской обители пред высоким авторитетом церкви православной, безусловная покорность и преданность ее канонам и уставам. Опасаясь получить хотя бы и слабую тень укоризны со стороны кого-нибудь в уклонении от существующих в русской православной церкви установлений и порядков и подать повод хотя бы к косвенному намеку на какое-либо новшество в ней, ее высочество как смиренная, горячо преданная церкви покорная дочь спешит оговориться «со всей решительностью», что ей чужда мысль «восстановить саму хиротесию диаконисс» и что она «оставляет это благоусмотрению церкви».¹⁴ Она ставит скромную задачу для себя и своих сотрудниц, нося почетное и достопамятное в церкви Христовой звание *диаконис*, — «подражать святому служению св. жен диаконисс лишь в их служении, насколько это применимо в современных условиях церковно-общественной жизни».¹⁵ Это с одной стороны. С другой, на учреждение именно этого низшего разряда диаконисс побудило ее высочество то обстоятельство, что по § 21 временного устава созданной ею Обители милосердия требуется, чтобы сестры ее были «вполне грамотные, православные, *достаточно крепкого здоровья и желающие посвятить всю свою жизнь служению страждущим, больным и немощным*». Само собою разумеется, что на этот тяжелый труд мало пригодны сестры-диакониссы канонического возраста — в 40 лет, а тем более в 50 и даже в 60 лет, уже нуждающиеся сами в уходе. В-третьих, к названию диакониссами сестер, не хиротонисанных и в клире не состоящих, препятствий не имеется в канонах (19 прав<ило> первого вселенск<ого> собора), в гражданских постановлениях византийских императоров (123 нов<елла> импер<атора> Юстиниана) и даже в позднейшей практике византийской церкви, на которую указывает канонист XII века Вальсамон.¹⁶ В толковании на 15 правило четвертого вселенского

¹⁴ А. А. Дмитриевский здесь цитирует документ «Пояснительная записка о задачах и целях открывшейся в г. Москве Марфо-Мариинской обители» (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 4 об.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ В тексте печатка: «Вальсамом».

собора он прямо свидетельствует, что чин хиротонии диаконисс «вышел совершенно из употребления», «хотя некоторые подвижницы в несобственном смысле и называются диакониссами».

Высокая настоятельница Марфо-Мариинской обители, не дерзая на восстановление института диаконисс в полном объеме с чином хиротонии, предполагает вместо рукоположения достойнейших и испытанных сестер одевать в иноческую *мантию*. В этом мы усматриваем¹⁷ уступку духу времени и тем, кого блазнит сама мысль о возможности восстановления института диаконисс во всем его объеме, в действительности же ее высочество «как верная дочь церкви» открыто заявляет нам в письме, что она с готовностью подчинится распоряжению высшей церковной власти и в этом отношении. И такое полное восстановление института диаконисс, по нашему мнению, уничтожило бы некоторую двойственность Марфо-Мариинской обители (диакониссы и мантейные монахини) и создало бы единое целое, полную гармонию в возрождаемом институте. Сестры-диакониссы до 40 лет проходят различные искусства послушания, руководят школой, служат страждущему человечеству и бедным, получая принятое ныне одеяние с крестом, отличным по форме от креста хиротонисанных диаконисс, и давая обет по чину, хотя бы напечатанному в Москве «на правах рукописи», а после 40 лет уже хиротонисуются, по чину древнехристианской церкви, как он сохранился в рукописи, и получают на шею установленный крест диаконисс. Как лица, испытанные продолжительным искусом, они избираются на все ответственные должности в обители, несут послушание в храме и алтаре, прислуживая священнослужителям, и посылаются в качестве доверенных и «честнейших жен» надзирательницами за диакониссами первого разряда, когда последние выходят на послушания вне обители, в дома христиан, или уезжают для той же цели в другие города. Только под надзором этих «честнейших жен»-диаконисс возможно достижение того непрерывного молитвенного настроения и умного делания, какое сестре-диакониссе внушается «наставлением отца духовного» (стр. 10),¹⁸ и, только при их содействии, выходя на многообразные послушания вне обители, в мир со всеми его соблазнами и претыканиями, можно надеяться, они «не нанесут вреда доброй славе церкви».

Восстановленный институт диаконисс, избавляя вступающих в него от тяжелых клятвенных обещаний, требуемых чинами монашеского пострижения, и несения суровых подвигов самоотречения и самоограничения, с обязательством не вкушать мясной пищи даже в дни, дозволенные уставом церковным, — все это несомненно обещает в будущем живучесть этому институту и широкое распространение его особенно среди православных христиан интеллигентных классов. Признаки этого мы видим уже ныне как в количестве желающих найти себе место в ограде Марфо-Мариинской обители, так и в тех слухах, какие идут из других мест нашего отечества, где разрешение вопроса о восстановлении института диаконисс ожидается с нетерпением.

Что касается отпечатанного «на правах рукописи» в Московской Синодальной типографии «Чина, како принимать обет сестрам и настоятельнице Марфо-Мариинской обители милосердия», то, после сделанных в нем исправлений, принадлежащих едва ли не Московскому владыке митрополиту Владимиру, о нем много говорить не приходится. Чин этот *не оригинальный*, практике церковной прежнего времени не известный и в молитвах и обрядах представляющий воспроизведение с некоторыми, применительно к обстоятельствам сестер Марфо-Мариинской обители, изменениями, так называемого «последования малого образа еже есть ман-

¹⁷ В тексте опечатка «устраиваем» вместо «усматриваем» исправлена карандашом рукой А. А. Дмитриевского.

¹⁸ А. А. Дмитриевский, видимо, цитирует устав Марфо-Мариинской обители.

тия», но без пострижения власов. Возражения здесь вызывает лишь на стр<анице> 3 вопрос: «Обещается ли в течение прочих лет жизни твоя нерушимо хранить Св. веру Христову и уставы Св. Церкви православной», с ответом: «Обещаюся Богу содействующу». Нам представляется, что это вопрошение «честнейшей жене» — диакониссе совершенно излишне, так как хранить веру Христову и уставы церкви православной обязан всякий христианин, и этот обет мы даем лично или через восприемника при крещении. Неуместное повторение его в «чине поставления настоятельницы Марфо-Мариинской обители милосердия» сказывается с особенною ясностью в том исправленном изложении, какому этому вопросу здесь дается, а именно: «хранити веру Христову, уставы святых церкви православной... по уставу Св. православной церкви и по чистой совести». Тавтология в данном месте несомненная. По нашему мнению, в этом вопросе следует сохранить лишь вторую половину его: «все силы души и телесе твоего принести на служение Богу и ближних», как содержащую в себе обязанности исключительного свойства, присущие этому институту.

В случае же восстановления института диаконисс в полном объеме необходимо будет восстановить и древний чин хиротонии диаконисс в целом виде или же с некоторыми изменениями. Древние рукописные чины, обнародованные Яковом Гоаром¹⁹ и мною, дают для сего обильный материал.

**6. Телеграмма великой княгини Елизаветы Федоровны
А. А. Дмитриевскому от 2 февраля 1911 года²⁰**

(ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 797а. Д. 57. Л. 42)

Искренно тронута, что Вы так поняли мою мысль. От души Вас благодарю и с Вами согласна. Буду ждать решения, которому вполне подчинюсь.

Елисавета.

¹⁹ Яков Гоар — знаменитый литургист XVII в., положивший изданием своего Евхологиона начало литургике как исторической науке. Б. И. Сове в своей статье нарицательно называет А. А. Дмитриевского именем Якова Гоара: *Сове Б. И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. 1968. Т. 4. С. 39—84.*

²⁰ Телеграмма отправлена из Москвы в Петербург по адресу Ямская, 23. В документе находит свое отражение реакция Елизаветы Федоровны на доклад А. А. Дмитриевского в Св. Синод.

В. В. Болотов: обзор рукописного наследия

5 (18) апреля 2000 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Василия Васильевича Болотова (1854—1900) — одного из самых ярких светил на небосклоне русской науки конца XIX—начала XX в. Вряд ли можно найти другого ученого, после смерти которого появилось бы столько некрологов и статей, исполненных самого искреннего сожаления и горечи от преждевременной и непоправимой утраты, чувства настоящего сиротства со стороны многочисленных учеников по Духовной академии.¹ Профессор Санкт-Петербургской Духовной академии,² член-корреспондент Императорской Академии наук,³ в отличие от многих своих коллег, В. В. Болотов

---

¹ Венки на могилу в Бозе почившего ординарного профессора С.-Петербургской духовной академии, доктора церковной истории Василия Васильевича Болотова (1 янв. 1854—5 апр. 1900 гг.). СПб., 1900 (=Церковный вестник. 1900. № 16. С. 489—526); Рубцов М. Василий Васильевич Болотов (Биографический очерк). Тверь, 1900; Петр Белюстин, прот. Из воспоминаний о детстве покойного профессора В. В. Болотова // ХЧ. 1900. Июль—декабрь. С. 278—297; Тураев Б. А. Василий Васильевич Болотов // ЖМНП. 1900. Ч. 330. Отд. 4. Октябрь. С. 81—101; Мелиоранский Б. М. В. В. Болотов: Некролог // ВВ. 1900. Т. 7. С. 614—620; Бриллиантов А. И. К характеристике ученой деятельности проф. Болотова, как церковного историка // ХЧ. 1901. Апрель. С. 467—497; Лебедев Д. А. Воспоминания о В. В. Болотове, профессоре Петербургской духовной академии. Тверь, 1901; Уберский И. А. Памяти профессора Василия Васильевича Болотова // ХЧ. 1903. Июнь. С. 821—848; Июль. С. 3—26; Сентябрь. С. 265—277; Октябрь. С. 399—406. Это далеко не полный перечень некрологов и статей, появившихся в первые годы после смерти Болотова. Десятилетняя годовщина его кончины отмечена первым и пока единственным серьезным обзором его научной биографии с указанием полного (на тот момент) списка изданных и неизданных трудов и писем: Бриллиантов А. И. Профессор Василий Васильевич Болотов: Биографический очерк // ХЧ. 1910. Апрель. С. 421—442; Май—июнь. С. 563—590; Июль—август. С. 830—854. В архиве А. И. Бриллиантова хранится письмо Ф. И. Успенского от 24 февраля 1922 г. с просьбой написать статью о Болотове: «Для издаваемого при Академии наук журнала было бы желательно иметь Вашу статью, посвященную памяти В. В. Болотова. Статья может быть размером в 1 печатный лист. Вам так хорошо известен исключительный тип ученого в лице Болотова, что никто лучше не сможет передать большой публике этот замечательный и неповторяющийся у нас характер профессора» (РНБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 1—2). Насколько нам известно, такая статья не была написана. Имя Болотова вновь появляется на страницах русских печатных изданий последних десяти лет: Очерки по истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994. С. 209—210; Сосуд избранный: История Российских духовных школ / Сост. М. Скларова. СПб., 1994. С. 26—30. После биографической справки здесь опубликовано одно письмо из архива Болотова по вопросу старокатоличества (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 195). Недавно вышел в свет первый том собрания сочинений В. В. Болотова: Болотов В. В. Собрание церковно-исторических трудов. М., 1999. Т. 1, где переизданы его диссертация об Оригене и несколько студенческих работ. В предисловии (Сидорова А. И. Васильев Василий Болотов — человек и ученый. С. XII—XL) дается очерк жизни и личности Болотова (по статьям Рубцова и Бриллиантова), а также разбор его богословских воззрений на основе диссертации об Оригене.

² С 1885 г. экстраординарный профессор (дело об утверждении: РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 703); с 1896 г. ординарный профессор (Там же. Ф. 177. Д. 740).

³ Избрание произошло по инициативе акад. В. Г. Васильевского. Диплом от 29 декабря 1893 г. и сопроводительные письма к нему: РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 9.

В. В. Болотов

никогда не бывал не только за границей, но и в других городах России (за исключением родных мест, которые он посещал каждое лето). Не оставил он о себе памяти и участием в научных конгрессах и съездах, даже ученая переписка его была весьма ограниченной. На первый взгляд кажется удивительным, что этот человек, сосредоточивший все свои интересы в стенах Духовной академии и своего кабинета, печатавший в течение 20 лет статьи почти исключительно в органе Академии — журнале «Христианское чтение» и даже не написавший докторской диссертации, получил столь высокую оценку современников. Однако при знакомстве с его печатными трудами и тем более с рукописным наследием перед нами раскрывается его облик как ученого совершенно исключительного, подлинного корифея русской церковной науки, равному которому не было ни в XIX в., ни на протяжении всего XX столетия.

Очень нелегко определить ту область науки, в которой был специалистом Василий Васильевич. В широком смысле слова он был историком церкви; в этой связи он углубленно изучал богословие как византийское, так и восточных нехалкидонских церквей; пристальное внимание уделял он и богословию западному. Ряд его работ посвящен вопросам хронологии и метрологии; здесь он мастерски использовал свои вполне профессиональные знания по астрономии и высшей математике. Среди неопубликованных трудов ученого есть этюды по нумизматике и индоевропейскому языкознанию. Болотов был редчайшим знатоком не только европейских, но и целого ряда живых и мертвых восточных языков. При этом Василий Васильевич был блестящим лектором, а при подготовке своих лекций он изучил историографию церковной истории и методы ее преподавания. Человек, всецело посвятивший себя науке и преподаванию, которого по энциклопедизму можно сравнить с М. В. Ломоносовым, он был, по определению А. И. Бриллиантова, идеальным представителем своей науки.⁴

⁴ Бриллиантов А. И. К характеристике... Болотова... С. 4.

Настоящий обзор имеет целью описание архивных материалов В. В. Болотова в хранилищах Санкт-Петербурга. Оценка же его научных трудов с позиций современного уровня науки — дело будущего и требует кропотливой работы целого коллектива специалистов по самым разным областям знания. Очерк не претендует на исчерпывающую полноту; опубликованные работы отмечаются кратко, подробнее характеризуются неизданные труды. Особое внимание уделяется переписке Болотова.

Архив В. В. Болотова поступил в Государственную Публичную библиотеку (ныне — Российская национальная библиотека) в 1918 г. в составе архивов Петроградской Духовной академии. К этому времени он уже прошел первоначальную обработку, произведенную А. И. Бриллиантовым: многие бумаги пронумерованы его рукой, на них имеются его пометы, часть работ Болотова переписана специальным копиистом по заказу Бриллиантова, а затем им исправлена. А. И. Бриллиантов в течение 14 лет после смерти своего учителя разбирал его рукописи и публиковал наиболее значительные и законченные работы. В результате часть архива Болотова в настоящее время хранится в фонде А. И. Бриллиантова (ОР РНБ. Ф. 102). В 1969 и 1976 гг. архив Болотова был вновь разобран; составлены две описи (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1, 2. В 1969 г. — сост. Н. А. Зубкова; в 1976 г. — сост. В. И. Афанасьев). К сожалению, эта работа не соответствует современным требованиям и содержит ряд серьезных ошибок. Кроме основного фонда В. В. Болотова, хранящегося в ОР РНБ, в Санкт-Петербурге материалы ученого находятся в следующих архивах: в Российском государственном историческом архиве (служебные документы и бумаги, связанные с участием в комиссии по реформе календаря в России); в Петербургском филиале Архива РАН (переписка и другие материалы в фонде В. Н. Бенешевича, письма к И. С. Пальмову); в архиве Государственного Эрмитажа (письма к Б. А. Тураеву); в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (отзыв о докторской диссертации проф. А. И. Садова).

В. В. Болотов родился в семье дьячка Осташковского Троицкого собора 1 января 1854 г. Отец умер еще до его рождения, поэтому детство он провел на родине своей матери, в селе Кравотыни Тверской губернии.⁵ Учился Болотов сначала в Осташковском духовном училище, затем в Тверской семинарии, где он проявил себя исключительно одаренным учеником и мог беседовать на равных со своими учителями. За эти годы он практически самостоятельно изучил два восточных языка — еврейский и эфиопский. В 1875 г. он окончил семинарию не только первым учеником, но с особой, специально для него изобретенной оценкой «выше первого». В том же 1875 г. он поступает в С.-Петербургскую Духовную академию, где сразу обращает на себя внимание профессоров своими семестровыми сочинениями. В 1878 г. после смерти профессора церковной истории И. В. Чельцова было принято беспрецедентное решение не замещать кафедру до окончания курса Болотовым. Сам Василий Васильевич так вспоминал свое обучение в Академии: «Это — *voitum* человека, который сам за четыре года студенчества опустил лишь четыре лекции — одну по ошибке (не знал, что есть другая дверь в аудитории) и три (в том числе две — по английскому языку) по крайней необходимости: переписка к сроку сочинения, за подачу которого в данное число отделение поручилось коллективно. Эти опущения падают все на первые два курса. Третий курс, который в этом направлении представляет бездну соблазна, проведен мною безукоризненно: решил поставить на своем и — не пропустил ни одной лекции» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.: отрывок из письма неустановленному лицу). В архиве ученого со-

⁵ Родному селу впоследствии Болотов посвятит одну из своих работ по метрологии, где определит его точное географическое местоположение. Этот очерк издан А. И. Бриллиантовым: *Болотов В. В.* Заметки о селе Кравотыни // ХЧ. 1910. Февраль. С. 527—540.

хранились студенческие записи лекций (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 406), а также черновики и чистовые варианты его сочинений, которые, пожалуй, не являются новым словом в науке, однако красноречиво свидетельствуют об интересах Болотова и его эрудиции (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 107—173; Ф. 102. Оп. 1. Д. 424.).⁶ Будучи студентом III курса, Василий Васильевич начал работать над темой своего будущего магистерского сочинения «Учение Оригена о Св. Троице». Блестящий магистерский диспут Болотова состоялся вскоре после окончания им курса Академии, 28 октября 1879 г. Официальными оппонентами были его учитель и наставник И. Е. Троицкий, а также Ф. Г. Елеонский.⁷ В архиве ученого хранятся материалы к работе над диссертацией (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 71. 162 л.) и автограф чистового варианта (Там же. Д. 70). Состоит этот труд из следующих разделов: раскрытие учения о Св. Троице в христианской письменности до Оригена (Иустин философ, Татиан, Афинагор, Ириной Лионский, Климент Александрийский, Тертуллиан); изложение учения Оригена; историческая судьба учения до Юстиниана; суждения ученых о доктрине Оригена. Эта поистине фундаментальная работа, по оценке И. Е. Троицкого, смело могла быть названа докторской диссертацией. Вскоре после утверждения в степени магистра (31 октября 1879 г.) Болотов был избран доцентом Академии (2 ноября 1879 г.) и открыл свой курс древней церковной истории.

В первые годы преподавательской деятельности Болотов писал свои лекции.⁸ К этому времени относятся следующие бумаги из архива: План изучения научных приемов, практикуемых церковными историками при изложении церковной истории (8 октября 1878 г. ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 7. 2 л.); прошение на имя ректора Академии прот. И. Янышева о разрешении пользоваться своим сочинением «Учение Оригена о Св. Троице» (февраль 1879 г. Там же. Д. 8. 1 л.); сравнительные схемы и записи, касающиеся преподавания различных предметов в Санкт-Петербургской, Московской и Киевской Духовных академиях (1880—1881 гг. Там же. Д. 9. 14 л.). Материалы, касающиеся педагогической деятельности Болотова в последующие годы, представлены в архиве ученого большим количеством единиц хранения. Это прежде всего его лекции по общей церковной истории (1879—1895 гг. ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 146. 66 л.; литографированные конспекты лекций 1886—1887 гг. Там же. Д. 147. 39 л.; 1888—1889 гг. Там же. Д. 148. 142 л.; 1896 г. Там же. Д. 149. 121 л.; 1897—1898 гг. Там же. Д. 150; автограф лекций 1897—1898 гг. Там же. Д. 151. 120 л.; планы и конспекты лекций. Там же. Д. 152. 271 л.); «Procès verbal»: список экзаменовавшихся по всеобщей церковной истории на приемном экзамене в Санкт-Петербургской Духовной академии с подробной характеристикой их ответов (24 августа 1881 г. ОР РНБ. Ф. 88. Д. 10. 4 л.); дополнение к темам студенческих работ по общей церковной истории (Там же. Оп. 2. Д. 11); записка по методике приема экзаменов по общей церковной истории (Там же. Д. 12).

Переходя к обзору научного наследия В. В. Болотова, попытаемся вначале дать краткую характеристику некоторых печатных его трудов, материалы к которым хранятся в архиве ученого.

В 1882 г. появляется одна из первых его статей — «К истории внешнего состояния Константинопольской церкви под игом турецким» (материалы к ней: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 72. 348 л.).⁹ Впоследствии Болотов сам отзовется о своих ранних

⁶ Недавно опубликованы 6 студенческих сочинений В. В. Болотова: *Болотов В. В.* Собрание церковно-исторических трудов. Т. 1. С. 431—569.

⁷ *Болотов В. В.* Учение Оригена о Св. Троице. СПб., 1879 (2-е изд.: М., 1999).

⁸ *Бриллиантов А. И.* Профессор Василий Васильевич Болотов: Биографический очерк. С. 438.

⁹ Опубликована: ХЧ. 1882. Январь. С. 138—172; Февраль. С. 353—384.

работах как не уступающих по уровню тому, «что обычно появляется в свет в русской журналистике», и признается, что работал над этой темой по настоянию своих учителей.¹⁰ Эта нетипичная для стиля работы Василия Васильевича статья так и осталась незавершенной. Вначале он дает общую картину завоевания турками Константинополя, а затем переходит к анализу отношений мусульманского законодательства к христианам.

С 1884 г. Болотов избрал для себя принцип писать только новое, только то, что является открытием в науке. В том же 1884 г. появляется первая из серии статей, вышедших под общим заглавием «Из церковной истории Египта».¹¹ В архиве Болотова хранятся выписки и заметки к этим работам (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 75. 445 л.), а также автографы и печатные их варианты (Там же. Д. 74. 152 л.). Статьи были написаны по поводу изданий Э. Ревилью и содержат переводы на русский язык похвального слова Диоскора Макарию, жития блаж. Афу с богословским и текстологическим комментарием. Здесь впервые проявляется удивительная способность Болотова судить о рукописи только по изданию или каталогу, не имея ее перед глазами. Это качество исследователя неоднократно проявляется и в дальнейших его работах и основывается на необыкновенном внимании автора к различным, порой малозаметным, деталям в печатных описаниях кодексов. В статье об архим. Викторе Болотов убедительно доказывает, что рассказ о его посольстве в Константинополь — не более чем легенда. Appendix представляет собой объяснение слова *οἱ παραβαλανεῦν* — названия членов братства, ухаживавших за больными. В противобесобщезвестным толкованиям Болотов определяет их как людей, живших при банях в Александрии и там выполнявших свои функции ухода за недужными. Наконец, работа по хронологии уточняет дату кончины св. евангелиста Марка: 4 апреля 63 г.; автор подчеркивает, что этот день есть твердый *terminus ante quem* некоторых событий апостольского века.

В конце 80-х гг. появляется исследование Болотова «Несколько страниц из церковной истории Эфиопии».¹² В архиве хранятся как печатный вариант работы (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 76), так и подготовительные материалы к ней (Там же. Д. 77. 448 л.). За это сочинение Болотову присуждена Советом Академии полная Макарьевская премия (8 февраля 1890 г.). В архиве хранится также копия (автограф Василия Васильевича) представления Совету И. Е. Троицкого.¹³ После краткого обзора содержания сочинения Троицкий представляет те трудности, с которыми пришлось столкнуться Болотову в его работе: малозвестность языка и обширная, но неудовлетворительная по качеству литература. «Так кратко и в то же время так содержательно и точно характеризовать целые богословские направления с их иногда очень тонкими оттенками... и так сжато и точно суммировать сущ-

¹⁰ Библиографические заметки о своих работах, напечатанных в «Церковном вестнике» и «Христианском чтении» за 1880—1893 г. (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 13. 40 л.; опубликованы: ХЧ. 1907. Январь. С. 250—163). Эта справка была написана Болотовым по просьбе И. Е. Троицкого в связи с предстоящим избранием Болотова в члены-корреспонденты Имп. Академии наук.

¹¹ *Болотов В. В.* 1) Из церковной истории Египта. Ревилью и его издания. 1: Рассказы Диоскора о Халкидонском соборе. В примечаниях: церковно-исторические очерки и наброски // ХЧ. 1884. Ноябрь—декабрь. С. 581—625; 1885. Январь—февраль. С. 9—94; 2) II: Житие блаженного Афу, епископа пемджского // Там же. 1886. Март—апрель. С. 334—377; 3) III: Архимандрит тавенниссиотов Виктор при дворе константинопольском в 413 г. // Там же. 1892. Январь—февраль. С. 63—89; Май—июнь. С. 335—361; 4) Appendix: «Параволаны» ли? (Орфографический вопрос) // Там же. 1892. Июль—август. С. 18—37; 5) IV: День и год мученической кончины св. евангелиста Марка // Там же. 1893. Июль—август. С. 122—174; Ноябрь—декабрь. С. 405—434.

¹² *Болотов В. В.* 1) I: К вопросу о соединении абиссин с православной церковью. Речь, читанная на годовичном акте Академии 16 февраля 1888 г. // ХЧ. 1888. Март—апрель. С. 450—469; 2) II: Богословские споры в Эфиопской церкви // Там же. Июль—август. С. 30—62; Ноябрь—декабрь. С. 775—832.

¹³ *Троицкий И. Е.* Записка об исследовании В. В. Болотова в церковной истории Эфиопии: РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 78. 25 л. Первоначально этот отзыв хранился в архиве И. Е. Троицкого.

ность и оттенки мнений отцов Церкви... мог только ученый, чувствующий себя полным хозяином в этой области», — пишет И. Е. Троицкий (Л. 15). Истории Эфиопии и памятникам эфиопской письменности Болотов посвящает, кроме того, описания нескольких эфиопских рукописей.¹⁴ Болотов был знатоком не только древнего эфиопского, но и современного абиссинского (амхарского) языков. В 1897 г. к нему обращаются с просьбой о переводе на русский язык текстов грамот к орденам, которыми были награждены в Абиссинии русские врачи.¹⁵ За эту услугу Министерством иностранных дел ходатайствовало о награждении Болотова чином действительного статского советника.

В 1898 г. выходит в свет заметка В. В. Болотова по поводу издания Б. А. Тураева «Часослов эфиопской церкви»¹⁶ (рукопись: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 80. 7 л. 30 декабря 1897 г.). Прежде чем издать этот памятник, Тураев неоднократно обращался к Болотову за советами относительно конкретных мест текста. В архиве Б. А. Тураева, находящемся в Государственном Эритаже, хранится несколько писем Василия Васильевича, в которых обсуждается подготовка издания. «Вы находитесь в диковинном заблуждении, если предполагаете, что я действительно знаю толк в эфиопских службах. Больше того, что Вы теперь об этом знаете, конечно, в Европе не знает никто. Может быть... Ваш материал, когда Вы его издадите, поможет *нашим* литургистам — на западных надежды плохи — *начать* разбираться в этом деле», — так оценивает Болотов предпринятый Тураевым труд (письмо от 14 ноября 1894 г.: Архив ГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 120. Л. 1—1 об.). Для суждения об эфиопских литургических книгах, по мнению Болотова, «может быть, излишне иметь в виду основные черты *армянского* богослужения — не потому, что я расположен приписывать (возможность *alldings* допустима) прямое влияние со стороны “народа хайканского” на богослужебный тип эфиопов, но потому, что точкою отправления для армянской литургии служила конечно — задавленная потом Византией — литургияка каппадокийская IV в.» (Там же. Л. 5 об.). В этом же письме речь идет и о журнале, в котором следует напечатать исследование Тураева. «Вопрос об органе, в котором Вы издадите Ваши тексты, кажется, прежде всего связан с вопросом об их количестве. Эфиопский шрифт в тип. Ак. Н. есть, но на много ли полос его хватит? Мне приходилось видеть *только строки* — не страницы — печатанные в СПб по-эфиопски» (Там же. Л. 11).¹⁷ В письме от 26 ноября 1897 г. Болотов предстает перед нами как пасхалист, специалист по хронологии: «Пасхалистическая прибавка в ркп. ОЛДП печатанию не подлежит — и во-первых потому, что за исключением нескольких строк этот текст (*alldings* с вариантами) напечатал уже Scaliger MDXCIII (!), а во-вторых потому, что потребовался бы очень длинный комментарий к переводу. Текст, однако, не лишен научного интереса. Как и Scaligerianum, он предлагает уже пасхалию на первой степени ее искажения (это искажение было уже — в Константинополе — налицо в первой половине VII в.); но все же этот текст сохранил следы (между прочим в виде ошибки) такой древности, что современный эфиоп пользоваться им для вычислений уже не может» (Там же. Л. 22 об.—23). Интересно и весьма поучительно мнение Болотова по поводу транслитерации личных имен из древних текстов при переводе

¹⁴ Болотов В. В. 1) Описание двух эфиопских рукописей, пожертвованных в библиотеку СПб. Дух. Академии преосвященным Анатолием, епископом балтским (ныне острогожским) // ХЧ. 1887. Июль—август. С. 137—160; 2) Описание четвертой эфиопской рукописи библиотеки СПб. Духовной Академии (Cod. Aethiop. Sablerianus Membranac. 4) [Акад. библ.; II/39]. СПб., 1900 (=Журналы Совета Академии 1895—1896 гг.).

¹⁵ Отношение директора азиатского департамента МИД на имя Болотова от 7 июля 1897 г.: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 64. Л. 2—2 об.; Ответ В. В. Болотова: Там же. Д. 65. 24 л.

¹⁶ Болотов В. В. Часослов эфиопской церкви / Издал и перевел на основании нескольких рукописей Б. Тураев. СПб., 1897 (Библиографическая заметка) // ХЧ. 1898. Январь—февраль. С. 189—198.

¹⁷ Именно в Имп. Академии наук и было осуществлено издание: Записки Имп. Академии наук. 1897. Сер. VIII. № 7.

на русский язык: «По-моему, следует звать людей так, как они сами себя звали, в пределах, конечно, русского алфавита и результатов, добытых специалистами... Поэтому я одинаково против и Небунадицара и против Навуходоносора. Последнему место — под строкой, где в первый раз упомянут Набукудур-усур» (письмо от 6 декабря, без года: Там же. Л. 27—27 об.).¹⁸ В письме от 9 мая 1898 г. Болотов высказывает ряд замечаний по поводу техники издания текста, в частности говорит о необходимости нумерации строк эфиопского текста и об обязательности использования латинского языка для подстрочных примечаний. По его мнению, русский язык должен быть изгнан из примечаний безусловно, так как таким текстом не смогут пользоваться европейские ученые (Там же. Л. 38 об.—39).

Б. А. Тураева можно назвать, наряду с А. И. Бриллиантовым и Д. А. Лебедевым, прямым последователем В. В. Болотова. Эти три замечательных ученых первой четверти XX в. как бы «разделили» между собой наследство своего учителя и предшественника: Лебедев продолжил его исследования по метрологии и хронологии,¹⁹ Бриллиантов — исследования богословские, а Тураев стал преемником Болотова в области ориенталистики. Труды Б. А. Тураева по истории христианского Востока, в первую очередь Абиссинии, подробно рассмотрены в некрологе Тураева, написанном И. Ю. Крачковским. Здесь подчеркивается внутренняя связь между двумя учеными: «1900 год со смертью В. В. Болотова, “второго (по времени, не по таланту) исследователя абиссинской истории”, выдвинул Тураева на пост первого абиссиноведа в России — и теперь через 20 лет после этого надолго останется незамеченным».²⁰ Издание часослова Эфиопской церкви в 1897 г. явилось одним из первых опытов Тураева в этой области. Труд этот нашел, по словам Крачковского, достойного ценителя в лице Болотова, который своей обстоятельной рецензией-исследованием за два года до смерти как бы «в гроб сходя благословил» преемника, зорко разглядев в нем «редкого между светскими учеными знатока богослужения». Полное сочувствие встретил у Болотова и принятый в книге метод перевода не на русский, а церковнославянский язык. «Для нас же, его товарищей и учеников, остается одно утешение: западная наука гордится двумя великими абиссиноведами — Лудольфом и Дильманом, русская наука может назвать два таких же великих имени — Болотова и Тураева», — так заканчивает Крачковский свой очерк.²¹

В 90-е гг. В. В. Болотов принимал активное участие в работе Комиссии по старокатоличеству (полное название: Комиссия для выяснения условий и требований, которые могли бы быть положены в основу переговоров со старокатоликами, ищущими общения с Православной восточной церковью) и был ее делопроизводителем. Среди материалов, касающихся работы Болотова в этой Комиссии, отметим неизданные статьи ученого в составе журналов заседаний Комиссии в 1893 и 1897 гг. Первая из них озаглавлена «Несколько примеров отношения древней церкви к хиротониям канонически незаконным» (Приложение 2 к журналу Комиссии от 15 марта 1893 г.: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 31. Л. 122—142). Болотов приводит здесь ряд примеров из истории эпохи Вселенских соборов и отмечает, что «слово *ἄκυρος* употребляется в канонах в таком широком смысле, что его нельзя истол-

¹⁸ Этот неординарный для эпохи принцип филологической транскрипции личных имен Болотов проводил и в своих лекциях, называя Феодора Мопсуетского Мопсуэтийским, по месту его происхождения — Μόψου ἐστία. См.: *Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви*. СПб., 1918. Т. 4. С. 151. Следует отметить, что введенная Болотовым поправка соответствует общепринятому наименованию св. Феодора в европейских языках — Mopsuestensis.

¹⁹ О Д. А. Лебедеве см.: *Медведев И. П. Мир ученого одиночества: священник Димитрий Лебедев // Деятели русской науки*. [Новая серия]. СПб., 1999. Вып. 1. С. 227—267.

²⁰ *Крачковский И. Ю. Б. А. Тураев и христианский Восток*. Пг., 1921. С. 7—8.

²¹ Там же. С. 16.

ковать везде и всюду в смысле “недействительно” по современному нам употреблению этого слова» (Л. 127). Далее он говорит о практике Кафолической церкви, принимавшей епископов-монофизитов в сущем их чине; это обращает внимание на действительность хиротоний, совершенных епископом отлученным (Л. 140). Следующий пример — хиротония патриарха Фотия, рукоположенного отлученным сиракузским архиепископом Григорием Асвестой, не считалась недействительной. Второй очерк — «К вопросу об опресноках» (Приложение 10 к журналам 20 и 27 апреля 1893 г.: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 31. Л. 145—155). Основываясь на работе М. Чельцова²² и исследованиях проф. Д. А. Хвольсона,²³ Болотов делает следующий вывод: «В высшей степени вероятно, что Господь и вкусил пасху с квасным хлебом и первую евхаристию совершил на квасном хлебе» (Л. 150). Вопросу о евхаристии посвящены также черновые записи Болотова в связи с работой в Комиссии по старокатолическому вопросу, хранящиеся в трех тетрадах (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 33. 23 л.). Третий трактат — «Споры об опресноках» — содержится в приложении 11 к журналу Комиссии от 27 апреля 1893 г. и представляет собой начало автографа Болотова со списком источников (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 31. Л. 226—227). Участие Василия Васильевича в этой Комиссии обязаны своим происхождением труды ученого по вопросу о Filioque, которые не были читаны на заседании Комиссии и впервые напечатаны на немецком языке под заглавием «Thesen über das Filioque»: Vom einem russischen Theologen», без указания имени.²⁴ В архиве Болотова эти материалы хранятся в автографе (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 79. 165 л.), а в 1913 г. они были изданы А. И. Бриллиантовым с подробной вступительной статьей.²⁵

В 1898 г. состоялось воссоединение Урумийской епархии несторианской Сиро-халдейской церкви с Православной церковью. В. В. Болотов принимал деятельное участие в подготовке этого события: он был переводчиком, секретарем, экспертом; не без его участия составлен и сам чин присоединения. Значительную часть рукописного наследия ученого составляют материалы, касающиеся подготовки этого события: «Чин, который должны принимать присоединяемые к Православной церкви несториане» (1898 г. ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 36); «Записка со справками из дел Святейшего Синода по вопросу о присоединении айсор-несториан к Православной церкви» (печатные тексты) (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 35. 25 л. Тот же материал хранится: РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 104. Л. 1—7: рукописное предисловие Болотова; л. 8—30 (=с. 1—46) печатный текст). В качестве эксперта при подготовке присоединения несториан Болотов написал «Записку по вопросу, каким чином присоединять несториан и монофизитов к Православной церкви» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 42. 5 л.). Он отмечает, что существуют три чина принятия инославных христиан: 1) в X, XII вв. армяне принимали через крещение; 2) Вальсамон (XII в.) свидетельствует о практике миропомазания (для несториан, яковитов и армян); 3) ранее и обычно не крестили и не помазывали, но требовали от них

²² Чельцов М. И. Полемика по вопросу об опресноках между греками и латинянами в XI—XII вв. СПб., 1879.

²³ Д. А. Хвольсон — профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре еврейской, сирийской и халдейской словесности и Духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии. См. о нем: Коковцов П. К. Д. А. Хвольсон (1819—1911): Некролог // Изв. Имп. АН. 1911. № 10. С. 741—750. Болотовым использована здесь статья: Хвольсон Д. А. Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти // ХЧ. 1875. Ч. 2. С. 430—488; 1877. Ч. 1. С. 821—876; Ч. 2. С. 557—610; 1878. Ч. 1. С. 352—419.

²⁴ Revue internationale de Théologie. 1898. Т. 24. Р. 681—712.

²⁵ Бриллиантов А. И. Труды проф. В. В. Болотова по вопросу о Filioque и полемика о его «Тезисах о Filioque» в русской литературе // ХЧ. 1913. Апрель. С. 431—457; Болотов В. В. К вопросу о Filioque // Там же. Июль—август. С. 921—927; Сентябрь. С. 1046—1059; Ноябрь. С. 1289—1309; Декабрь. С. 1391—1414.

только анафемы на их собственную ересь. По мнению Болотова, «только этот последний образ принятия обращающихся стоит в согласии с ходом истории» (Там же. Л. 1). Далее приводятся несколько примеров из древней практики: свидетельство св. Софрония Иерусалимского об ошибках в присоединении — иногда миряне просто причащались в Кафолической церкви (Там же. Л. 1 об.—2). Если обращался епископ, то он подавал письменное отречение от ереси. При присоединении целой епископии, продолжает Болотов, встает вопрос о сохранении обряда; например, 70-летний епископ армянин не может научиться правильно служить по-гречески или по-русски (Там же. Л. 2 об.). Особое внимание обращается на мнение Вальсамона: «К этому мнению следует отнести внимательно уже по тому одному, что оно высказано не только патриархом антиохийским (эту кафедру Вальсамон занимал в то время, когда писал рассматриваемый ответ), но и “царем канонистов” (такой эпитет усваивает Вальсамону многие ученые)... Суждение Вальсамона имело бы, пожалуй, решающее значение, если бы можно было доказать, что он просто констатирует практику, уже существующую в Православной церкви. Но и сам Вальсамон высказал свой взгляд как ученое мнение... канониста. Его слово, следовательно, веско лишь настолько, насколько вески те доказательства, на которые он опирается» (Там же. Л. 5—5 об.).

Если вышеприведенная записка относится к сфере канонического права, то другая справка, подготовленная Болотовым в связи с составлением чина присоединения несториан, — чисто догматического характера (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 95. 5 л.). Здесь выясняется взаимное отношение терминов в учении о Св. Троице (φύσις = οὐσία, ὑπόστασις = πρόσωπον). Взаимозаменяемость этих терминов Болотов доказывает, исходя из первого правила Пятого Вселенского собора и «синодики» св. Софрония Иерусалимского. «Помочь новоприсоединяемым, — если предполагается, что их присоединение к православию обещает и подъем у них богословского просвещения, — разобратись в святоотеческой терминологии неизлишне, а потому и надобно напоминать им о равнозначимости οὐσία = φύσις, существо = естество, ἰτιῦτά = κυανᾶ не только благовременно, но даже и безвременно. Некоторые богословские обороты речи они должны запомнить твердо, словно таблицу умножения» (Там же. Л. 5). В архиве Болотова хранятся три тетради выписок о несторианах и яковитах; без сомнения, они также имеют отношение к присоединению несториан (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 112. 58 л.). Здесь представлены следующие материалы: иерархический состав современной несторианской церкви (по свящ. В. Синадскому) (Л. 2—8 об.); таблица-список несторианских церквей уезда Назлучайского (по свящ. Синадскому) (Л. 9—10); современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан (Л. 11—14); списки несториан-патриархов Востока и патриархов-яковитов (по Ассемани) (Л. 36—58 об., 42) и др. Результатом участия Василия Васильевича в подготовке присоединения несториан явилось создание целого ряда научных статей, известных под общим заглавием «Из истории церкви сиро-персидской» (материалы к работе: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 87. 284 л.; набортная рукопись и печатный вариант: Там же. Д. 86. 141 л.; записи, касающиеся истории сиро-персидской церкви: Там же. Д. 88. 149 л.).²⁶

²⁶ Болотов В. В. 1) Глава I: Супурган. Значение этого имени // ХЧ. 1899. Январь. С. 95—112; 2) Экскурс А: Saphakan-Wasrugakaw: Из исторической географии Армении // Там же. С. 112—121; 3) Экскурс Б: Древнейшие митрополии в церкви персидской // Там же. Февраль. С. 323—349; 4) Экскурс В: Смутное время в истории сиро-персидской церкви // Там же. Март. С. 535—547; 5) Глава II: Список католиков селевкие-ктесифонских // Там же. Апрель. С. 789—804; Май. С. 1004—1031; Июнь. С. 1182—1204; 6) Экскурс Г: Что знает о начале христианства в Персии история? // Там же. 1900. Январь. С. 65—99; Март. С. 428—439; 7) Πάρρητος: Из эпохи споров о Пасхе в конце II в. // Там же. Март. С. 439—454; 8) Экскурс Д: Календарь персов // Там же. 1901. Март. С. 439—462; Апрель. С. 499—515; 9) Экскурс Е: Церковный год сирохалдеев // Там же. Июнь. С. 937—948; 10) Corrigenda // Там же. С. 949—965.

С изучением Болотовым инославных нехалкидонских церквей связано написание интереснейшей исторической справки: «Об общине сабиев («христиан св. Иоанна») в Нижней Месопотамии» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 421. 8 л.). Текст этой записки готовился к публикации А. И. Бриллиантовым, в рукописи есть его карандашные пометы. На л. 1 сверху запись: «Рукопись В. В. Болотова прошу сохранить по возможности *чистой*. А. Бриллиантов». Речь в этой записке идет о мандайе, секте гностиков, живших около г. Басры по нижнему течению Тигра. Называли они себя «назореями», «христианами св. Иоанна», гностиками. Европейцы узнали о существовании мандайе в XVII в. В XIX в. их оставалось немного (до 15 000 душ). Болотов излагает содержание их священных книг, говорит о степенях священства, праздниках. «Это явление, — пишет ученый, — представляет интерес: а) как архаистический остаток движения, в главном своем течении исчезнувшего давным-давно, и б) как выпуклый показатель того, что гносис — в своих главных представителей заявивший о себе своим антииудаизмом — был течением антихристианским, вел борьбу с христианством путем компромисса с ним» (Л. 7). Здесь в отличие от известного гносиса — вражда против Христа, христианства и христианской жизни. Мандайе — это уклонившиеся в гносис ученики Иоанновы; их язык представляет собой интересный остаток языка вавилонских иудеев. Ной для них — последнее великое явление ветхозаветной истории; с Авраама уже начинаются лжепророки. «Но все же, связанные с христианством единством исторической почвы — бытовых условий новозаветного времени, māndājē в своих учреждениях представляют нечто, похожее на копию с христианской жизни древнейшего периода» (Л. 8 об.).

Одной из самых значительных работ В. В. Болотова по истории Византийской церкви явилась его рецензия на сочинение Н. Н. Глубоковского о Феодорите Кирском.²⁷ Эта рецензия, по сути, представляет собой отдельное обширное исследование. Материалов к этой работе в архиве обнаруживается немного, в основном это отрывочные записи; зато она неоднократно становится предметом обсуждения в переписке Болотова. Впервые он дает характеристику книги Глубоковского в письме к И. Е. Троицкому от 2 марта 1890 г.: «У меня на столе московская литературная новинка... Сочинение производит впечатление очень выгодное. Уста тех, которым Феодоритово имя неприятно по догматическим основаниям, заграждены уже тем, что на титуле вместо эпиграфа красуется целое стихотворение Иоанна Евхаитского в похвалу Феодориту. Ученое трудолюбие автора вне вопроса... Обеляет Феодорита автор через край немножко, и потому воинствует на немцы не всегда с победой. И в других пунктах он иногда рубит только топором после скобели. Но вообще, при беглом перелистывании книги, я встретил промахов... очень немного» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 194. Л. 28 об.—29 об.). Предметом подробного обсуждения исследование о Феодорите становится в трех письмах Болотова к Глубоковскому от 1890—1891 гг. (черновики: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 181). В первом из них он благодарит своего корреспондента за присылку сочинения. Вначале, пишет Болотов, он хотел ответить подробным образом, «но и не взявшись за перо, я увидел, что для этого недостатит мне повествуящую время. Поэтому ограничусь кое-чем, и мои заметки — штрихи человека, который за те десять лет, на которые он старше, выработал себе некоторые приемы придирчивого читателя, — благоволите принять как искреннее желание быть Вам полезным мое выражение моего сочувствия Вашему труду... То, что касается первого тома, прошу считать не за

²⁷ Болотов В. В. Отзыв об удостоенном Св. Синодом полной премии митрополита Макария в 1892 г. сочинений Н. Н. Глубоковского «Блаж. Феодорит, епископ киррский. Его жизнь и литературная деятельность». I—II. М., 1890 // ХЧ. 1892. Июль—август. С. 58—62, 63—124, 125—164 (=Theodoreiana. I: Отзыв; II: Addenda-Corrigenda; III: Addendis Superaddenda. СПб., 1892).

критику Вашего труда — в ней Вы не нуждаетесь... — а за простую беседу с Вами» (Л. 1—2). Далее следует подробный разбор текста сочинения, впоследствии напечатанный в Theodoretiana (Л. 2—11). Следующее письмо (Л. 14—15 об.) содержит важную оценку достоинств Глубоковского как преподавателя. Здесь Болотов обсуждает вопрос, следует ли его корреспонденту занять кафедру Св. Писания в Петербургской Духовной академии. Василий Васильевич склонен ответить на этот вопрос отрицательно: «Ваш ли Fach — академическая кафедра Свящ. Писания, где Вы будете не просто “преподавателем”=передавателем (чужого), а Forscher? Боюсь, что нет. Вы понесете сосуд с драгоценной влагой, переполненный до краев, и рискуете пролить его: в “Феодорите” Ваша походка слишком порывиста для такой ноши; “История” — другое дело: можно и вылить несколько “киафов” — не очень дорого стоит. На кафедре Св. Писания во всяком случае Вы должны быть только ἐρμηνευτής, *interpres* *наличного, готового*; в Феодорите — Ваша сила в том, что Вы — “искатель следов” новых, не внесенных в данный отдел фактов; что Вы “мишёр” против разных земляных и каменных сооружений. Я знаю ряд фактов, где Вы как *interpres* слабы и уязвимы, потому что Вы не вслушиваетесь в тон факта, понимаете его в другом регистре — и в другом цвете. Экзегету — золотые весы Коттона, сильный микроскоп и “схизофон”... у Вас же — орудия боевые» (Л. 14 об.—15). Последнее письмо (от 18 октября 1891 г. Л. 16—19 об.) также посвящено обсуждению будущего места службы Глубоковского; в нем Болотов объясняет тонкости избирания преподавателей в Духовной академии. Созвучно этим строкам и другое письмо Болотова, на наш взгляд, также адресованное Н. Н. Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 206. Л. 1—2 об.; в описи архива адресат не обозначен). Вот что пишет здесь Болотов о своем корреспонденте: «Вы втолковываете свою собственную мысль в трудные тексты, слышите в них призвуки, которых нет там для моего уха, видите тонкие намеки в тирадах простых до буквальности... Так и меня Вы поняли верно *quod logicet*, но неверно *quod αἰσθητικῶν*... “Недостойство”, “лучшей участи” — это не мой угол зрения. Церковная история — предмет *низшей* пробы, чем Св. Писание, но историка и экзегета эта градация не касается. Все ученые равны, *какими* бы предметами они ни занимались. Я сам — и думаю не потому, что боюсь труда заново — кафедры Св. Писания не взял из доброй воли... Дело идет только о *качествах*, а не об оценке лица, его дарований и т. д.» (Л. 1—1 об.). Затем Болотов обрисовывает характер и темперамент того кандидата, которого он выдвинул на кафедру Св. Писания. «По моему убеждению, такая натура ничего не втолкует, но, так сказать — семитски выслушает... свой текст, семь раз примерит — один раз отрежет, и это без насилия над собой, а по внушению своего характера. Такие люди — экзегеты *φύσει*. Мы же с Вами — думаю — слишком арийцы для такой работы и к такому мягкому *toucher* *неспособны*» (Л. 2—2 об.).

Если Theodoretiana — это сочинение, которое можно назвать продолжением исследования Глубоковского о Феодорите, то «продолжением продолжения» явилась переписка Болотова с Д. А. Лебедевым, будущим специалистом по метрологии и пасхалии. В архиве хранятся два дела, связанные с этой перепиской: выдержки из писем В. В. Болотова к Д. А. Лебедеву по вопросам хронологии за 1892—1894 гг. (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 27. 107 л.) и наборная рукопись под названием «Восемь писем проф. В. В. Болотова студенту Вифанской семинарии Д. Лебедеву (ныне профессору истории древней церкви в Московской Духовной академии)» (Там же. Д. 28. 104 л.). Это — автограф Лебедева, где не только приводятся письма Болотова, но вкратце передается содержание писем самого Лебедева.²⁸ Кроме того, ру-

²⁸ Материал не отмечен в вышеупомянутой статье И. П. Медведова о Д. А. Лебедеве (см. примеч. 19).

копись снабжена вступительной статьей и комментарием, датируется 24 июня 1917 г.; она осталась неопубликованной.²⁹ Эти письма Болотова, адресованные его ближайшему преемнику, содержат интереснейшие суждения Василия Васильевича — о месте ученого в мире, о том, какой должна быть научная работа; кроме того, он сообщает много сведений о самом себе. Поэтому мы считаем нужным остановиться на них подробно.

В предисловии Д. А. Лебедев сообщает, что он впервые узнал о Болотове из книги А. П. Лебедева «Из истории Вселенских соборов IV и V веков», а затем ознакомился с его диссертацией об Оригене. После окончания курса семинарии Лебедев уехал на родину, в село Спирово, находящееся недалеко от Иосифо-Волоколамского монастыря. Там он взял из библиотеки монастыря все номера «Христианского чтения», чтобы изучать сочинения Болотова. В конце февраля 1893 г. он обратился к ученому с просьбой выслать свои труды (ОР РНБ. Ф. 88. Д. 28. Л. 1—2). Первое ответное письмо Болотова датируется 4 марта 1893 г. В нем он дает Лебедеву советы, как следует изучать иностранные языки (в качестве языков мертвых — для чтения научной литературы) и объясняет соотношение между различными европейскими языками (Там же. Л. 3 об.—4). Далее Болотов высказывает свое мнение о будущем Лебедева, советует ему продолжать образование в Московской Духовной академии и, между прочим, пишет следующее: «Да и вообще я не посоветовал бы никому в наше время особенно стремиться к высшему образованию, видеть в нем бесспорное *summum bonum*. В моих глазах хороший семинарист всегда стоял и стоит выше посредственного академика. Посредственного, т. е. пошедшего в Академию без явно и верно выразившихся склонностей к теоретической науке. Диплом кандидата богословия так часто встречается на жизненном рынке, что курс на него стоит самый низкий. Места, где человек с натурой ученого мог бы жить и действовать, переполнены» (Там же. Л. 5). Последующие письма Лебедева, содержащие массу *addenda et corrigenda* к работам Болотова, немало удивили последнего и заставили его прислушиваться к голосу молодого, но крайне внимательного и вдумчивого читателя. «Такой внимательный читатель, как Вы, имеет полное право на своевременный ответ от автора. Ваши *Addenda-Corrigenda* были для меня истинно приятным оазисом: я просто не ожидал — между читателями не по казенной надобности — встретить человека, столь тщательно относящегося и к “сухим” деталям, и к цитатам. Если бы на каждую статью ученого типа нашлось хоть по десятку читателей в Вашем духе, вероятно, тон русской богословской литературы значительно повысился бы и кой-какие явления исчезли бы с поверхности печатного слова» (письмо 2 от 16 марта 1892 г. Там же. Л. 5 об.—6). Замечания Лебедева касались различных работ Болотова, среди которых «Следы древних месящесловов поместных церквей»,³⁰ Theodoretiana и др. С большей частью их Василий Васильевич соглашается и здесь же объясняет причины неожиданных изменений в темах своих ученых занятий (Там же. Л. 9—10). В третьем письме (от 24—26 июня 1893 г. Там же. Л. 15—18) в связи с изданием *Evangelium Hierosolymitanum* М. Эриццо Болотов формулирует свое *credo* в отношении научной работы. Оправдывая несурзанности латинского перевода сирийского текста, он пишет: «Однако, милостивые государи, *conte Miniscalchi Erizzo* — честный ученый, не чета многим и многим из нас и вас: он издает *неизданное*, с *рукописи*, не переиздает в 1001-й раз уже другим изданного на том только основании, что и мы “потрудились”, сверили рукопись и отметили из нее полтора варианта с четвертью... Граф Эриццо работает там, где ничья коса и топор не ходили, не пережевывает чужое достояние с нашим собственным маниловским или балалайкинским красноре-

²⁹ В настоящее время текст готовится к изданию в составе 8-го тома «Собрания церковно-исторических трудов» В. В. Болотова. Два небольших отрывка из этих писем хранятся в архиве В. Н. Беневича (ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 73. Л. 14—15 об.).

³⁰ Опубликована: ХЧ. 1893. Январь—февраль. С. 177—210.

чим; он идет дорогой непроторенной — не гранит мостовой, прищелкивая шпорами наших собственных пояснений, которые умному не нужны, а глупому все же непонятны, а собратьям по оружию не дают ни новой мысленки, ни цитатишки. Конечно, граф мог бы издать в свет месяцеслов просто без перевода; но разве мы-то не завывли бы кликушами: *sytiaca sunt, non leguntur*? Снисходя до немогузнайства нашего, решился он наложить пятно на свое ученое имя, разразившись таким убогим латинским толкованием» (Там же. Л. 16). Далее Болотов в том же письме дает информацию о современном состоянии положения церкви и свободы вероисповедания в Эфиопии при новом царе Мыниликке (Там же. Л. 17 об.—18) и в этой связи замечает: «Я же окончательно ничего не понимаю по-амхарски и гыыз разбираю только по книгам и *на письме*, не со слуха». Так скромно оценивает Василий Васильевич свои познания в редчайших восточных языках, которых, кроме него, в России не знал почти никто.

Четвертое письмо Болотова (от 5 июля 1893 г. Там же. Л. 18 об.—22 об.) написано из села Кравотыни и отвечает на те вопросы, которые не требуют справок по книгам. Оно возвращает нас к Theodoretiana и помимо конкретных текстологических вопросов бросает свет на отношения Нестория и Феодорита. «Феодорит, *скрепя сердце, juxta modum*, анафематствовая Нестория в Халкидоне в 451 г., но и не думал писать главы *Перὶ Νεστορίου* и не верил в самое существование несторианской ереси... Феодорит — грек, такой же, как и все его современники. Вольно же забывать мудрое показание опыта: “суть бо греци льстиви даже до сего дне”. ...От этого клейма свободны были разве единицы между миллионами, и Феодорит *не* был одной из них. Ведь он лобызался даже и с Диоскором, разумеется, скрепя сердце. Братская о Христе любовь *ex officio*. ...Но подлинность *Synodic. c. 170* для меня такой же факт, как то, что я сию минуту вижу голубое небо и на нем белое облако. К сожалению, я должен был бы написать нечто поболее, чем Theodoretiana, — книгу почти с моего Оригена, — если бы вздумал мотивировать свое воззрение на *synodicon*. В том, что ни Несторий, ни Ириней в их “трагедии” не внесли *ни одного подложного документа*, я уверен вполне» (Там же. Л. 20 об.—21). Здесь ученый намекает на свой неосуществленный план написания докторской диссертации о диаконе Рустике, посвященной несторианству (об этом намерении мы будем подробнее говорить далее).

В пятом письме (от 15 февраля 1894 г. Там же. Л. 24 об.—61 об.) Болотов рассуждает о качествах, необходимых для ученого-историка. «Я — историк по свободному избранию (выбрал церковно-историческое отделение, поступив *вторым* в составе XXXVI (курса. — Л. Г.) СПб. Академии), после нескольких уже лет работы утвердился в том, что быть деловитым историком — значит владеть искусством наводить справки. Конечно, хорошо быть с головой, как пивной котел, к зубу знать всяких королей и пап, все годы великие и малые, но это в студенте не ручается ни за что и не обещает ничего. Кто одинаково и равномерно — с поступью ломовой лошади — интересуется всем, так часто сам-то по себе, не интересуется ничем, а если и заинтересуется чем, то — пожалуй — окажется неспособным ни поставить вопрос, ни найти ответ. Книги для историка и истории — при книгах» (Там же. Л. 24 об.). Далее следует обсуждение вопросов, связанных с книгой В. Н. Самуилова и рецензией на нее Болотова:³¹ «Навя-

³¹ Самуилов В. Н. История арианства на латинском западе. СПб., 1890. Замечания В. В. Болотова на коллоквиуме см.: Церковный вестник. 1890. № 42. С. 699—700; а также: Либерий, епископ римский и сирмийские соборы. Четверть часа магистерского коллоквиума 8 октября 1890 года, дополненная и разъясненная // ХЧ. 1891. Март—апрель. С. 304—315; Май—июнь. С. 434—459; Июль—август. С. 61—78; Сентябрь—октябрь. С. 266—282; Ноябрь—декабрь. С. 386—394. В. Н. Самуилов, сын самарского священника, по окончании курса Санкт-Петербургской Духовной академии в течение года работал в Петербурге над магистерской диссертацией, а после ее защиты в 1888 г. поступил на службу в Св. Синод (см.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 697. Дело о назначении обер-секретаря Св. Синода статского советника В. Н. Самуилова постоянно присутствующим членом и правителем дел учебного комитета при Св. Синоде). После поступления на службу Самуилов научной работой не занимался.

зывать Самуилову взгляд, что Евсевий — голова догматически непродуктивная — не был — строго говоря — омием=арианином, что он стоял на почве оригенизма, я не считал приличным, как не считал приличным ограничивать или поправлять места, где Самуилов расходится с «Учением Оригена о Св. Троице»» (Там же. Л. 26). По мнению Болотова, «исследование отношения Евсевия Кесарийского к Оригену само по себе могло бы составить магистерскую диссертацию и взяло бы чересчур много времени и труда, даже бессовестно много — для введения в историю арианства на *латинском западе*» (Там же). Последующие разделы этого обширного письма посвящены самым разным темам — математике, астрономии, разъяснению иероглифов, хронологии. Часть письма — об армянском церковном годе — напечатана,³² причем на л. 41 об.—44 рукописи Лебедев приводит список изменений текста письма, сделанных при публикации. Весьма интересен для нас пассаж, в котором Болотов рассуждает о занятиях хронологией и оценивает свои собственные труды: «Для великих умов, какими — чуть ли не обязательно — считают себя все русские писатели, хронология — мелочь, детали неважные, утомительные подробности. Идеи (или краденые, потому что компилятор *ex professo* — тот же вор, — или вилами на воде писанные), — вот что нам единое на потребу. А сквозь щели столь величественной япанчи — смотрите — и сквозит боязнь “непроизводительной” работы и полная неспособность разобраться в хронологических датах. Моммзен сказал где-то, что на иные головы цифра производит просто угнетающее действие. Если Вы хронологию любите и умеете в цифрах разобраться, то ведь Вы в семье урод. Я имею нескромность причислить себя тоже к уродам. Такого *tour de force*, какой выкинули Вы, на основании нескольких дат высчитав *le 6th* по эре Навонассара для текущего года, конечно, не сумеют совершить 90%, если не 99% из числа лиц компетентных и якобы компетентных в научных вопросах, какую премию Вы им ни назначать... Что касается меня, то я совершенно сознательно “не дорожу любовью народной” и обращаюсь только к аристократии мысли (хотя ищу — и нахожу — ее не всегда там, где она предполагается), не заботясь ни о стенании, ни об игнорировании со стороны “интеллигентных читателей”... Я видел знаки исключительного внимания от “аристократов мысли”, получал благодарности от лиц, мне незнакомых и меня не знающих» (Там же. Л. 60 об.—61).³³ Отсутствие рецензий на статьи, по мнению Болотова, вещь безобидная. «Давать реферат о моих статьях — согласитесь, требующих от читателя довольно большого внимания даже для элементарного понимания и неперевариваемым камнем лежащих на слабые утробы заурядных соратников журналов — значит потратить гибель времени и заработать за эти часы — копейки!» (Там же. Л. 61). Комментируя это письмо, Д. А. Лебедев признается, что многое осталось ему тогда непонятным, так как в семинарии он не изучал ни тригонометрии, ни логарифмов. Впоследствии, однако, он стал уникальным преемником Болотова именно в области хронологии.

Шестое письмо (Там же. Л. 63—90 об.) также посвящено вопросам хронологии и географии, и, кроме того, здесь Болотов дает любопытную характеристику книжных магазинов Петербурга своего времени: «Вы, по-видимому, составили иллюзорное понятие о Петербурге. В книжном отношении этот городишко — не много лучше Спирина. Книги в магазинах есть, но покупаемые, т. е. макулатура, известная под названием беллетристики, и еще шумящие книжные новости в первый год по появлении их. Сравнительно исправнее обстоит дело с естественными науками. Нам

³² Христианский Восток. 1912. Т. 1, вып. 3. С. 267—276.

³³ Одно из свидетельств непонимания трудов Болотова современниками сохранилось в экземпляре тома «Христианского чтения» за 1900 г. из библиотеки СПбИИ: на первом листе статьи «Что знает о начале христианства в Персии история?» (С. 65) стоит запись: «Кто может запомнить, по прочтении, сию дребедень?» (экземпляр принадлежал библиотеке Александро-Свирского монастыря, а оттуда поступил в историко-археологическую комиссию).

же приходится почти всегда “выписывать” (а не покупать на месте) и ждать с месяц получения книги» (Там же. Л. 81 об.). В следующем, седьмом письме (от 18 июля 1894 г.) он объясняет Лебедеву принципы работы немецких книжных магазинов и советует в Петербурге обращаться только к немецким, а не к русским книготорговцам (Там же. Л. 93—96). Седьмое письмо посвящено вопросам хронологии, а также возникновению коптского языка (Там же. Л. 99 об.—100). Наконец, последнее, восьмое письмо начинается с поздравления Лебедева с поступлением в Московскую Духовную академию (в августе 1894 г.), и здесь же Болотов прощается со своим учеником по переписке: «Вы теперь не в Спирове, и я не стану мешать Вам — или помогать разбрасываться — своими слишком обширными корреспонденциями. Это — раз. А второе: не создаст ли частая переписка со мною для Вас некоторых неудобств, не набросит ли на Вас в чьих-нибудь глазах — для Вас небезразличных — нежелательного колорита?» (Там же. Л. 101). Надо сказать, что изучение трудов Болотова и эта переписка явились «отправным пунктом» для всей дальнейшей научной работы Лебедева. Он становится единственным в своем роде специалистом по хронологии и пасхалии, и почти все его работы исходят из идей Болотова. Это нашло отражение в заглавии одной из его статей.³⁴

В архиве Н. Н. Глубоковского хранятся 24 письма Д. А. Лебедева, из которых становится ясно, какое значение имел для него Василий Васильевич. Так, говоря об отзыве о своей диссертации, он пишет: «Мои отношения к незабвенному В. В. Болотову описаны Спасским³⁵ совершенно неправильно. Я был с ним в переписке в 1893—4 гг., еще до поступления в Академию, и моя работа не стоит почти ни в какой связи с его трудами в Комиссии по календарному вопросу. Мне было только известно, что В. В. Болотов сам интересовался вопросами пасхалии, был очень невысокого мнения о русских пасхалиях («пасхалия у нас не в аванже обретается; вздору печатают в пасхалиях в достаточной степени») и собирался сам писать статью “Православная Пасхалия на исторических основаниях”, но выводы, к которым он пришел по вопросу об епактах и т. п., он не сообщал мне. В своем сочинении я не только ссылаюсь на труды В. В. Болотова, но иногда и *опровергаю* его... Сам я вопросами пасхалии заинтересовался с января 1900 г., за 3 месяца до кончины В. В. Болотова и не зная об его участии в календарной комиссии» (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 2—2 об.). В другом письме Глубоковскому Лебедев высказывается против реформы календаря, подчеркивая, что такого же мнения придерживался и В. В. Болотов. «Юлианский год в 365 $\frac{1}{4}$ дней достаточно точен для практической жизни, т. к. никто не живет по 200 лет» (письмо от 22 января 1906 г. Там же. Л. 7 об.). Еще в студенческие годы Лебедев подробно штудировал литографированные лекции Болотова; в 1907 г. он обращается к Глубоковскому с просьбой купить их для него за 10—12 р. или хотя бы получить во временное пользование. Кроме того, он хотел бы ознакомиться с лекциями Болотова по истории догматов, которые тот читал в 1896—1897 гг. за П. И. Лепорского (письмо от 30 марта 1907 г. Там же. Л. 12 об.). В письме от 3 сентября 1911 г. Лебедев дает высокую оценку статьи Болотова о дате мученической кончины св. Марка: «Для хронологии апостольского века, по моему мнению, фундаментальное значение имеет установленная В. В. Болотовым дата мученической кончины св. Марка — 4 апр. 63 г. Этот неожиданный вывод, по-моему, навсегда покончил с гипотезой

³⁴ Цикл Анатолия Лаодикийского по В. В. Болотову // ВВ. 1912 (1915). Т. 19. С. 188—223. Лебедев явился редактором и автором примечаний к разделу о Пасхе во втором томе «Лекций по истории древней Церкви» Болотова (*Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви*. СПб., 1910. Т. 2. С. 428—452).

³⁵ А. А. Спасский — профессор Московской Духовной академии по кафедре общей церковной истории. Здесь речь идет о его отзыве на диссертацию Д. А. Лебедева «Основания и епакты».

“2 x уз” ап. Павла» (Там же. Л. 28). В 1921 г., жалуясь на трудности нового времени, Лебедев не забывает попросить Глубоковского прислать ему оттиск статьи Болотова «Следы древних месяцесловов поместных церквей», так как А. И. Бриллиантов в 1908 г. по недосмотру не прислал его. Оттиски самого Василия Васильевича у Лебедева в плохом состоянии, повреждены червем; «экземпляры Theodoretiana — тоже не в блестящем, хотя и удовлетворительном состоянии» (письмо от 3 марта 1921 г. Там же. Л. 42). Тема «научного родства» с Болотовым звучит и в переписке Лебедева с В. Н. Бенешевичем.³⁶

Изучение вопросов хронологии составляет неотъемлемую часть большинства научных работ Болотова, даже тех, которые имеют перед собой другие цели. Для ученого хронология и вообще методы точных наук, в первую очередь математики и астрономии, — это универсальный и совершенно необходимый *instrumentum studiorum*. Мастерское использование этих методов ставит Болотова в особое положение в среде историков и филологов, предоставив ему возможность сделать ряд открытий и выводов, недоступных другим его коллегам.³⁷

Как специалист по хронологии В. В. Болотов в 1899 г. был назначен представителем ведомства православного исповедания в Комиссии по реформе календаря в России при Русском астрономическом обществе и при Академии наук.³⁸ Материалы, связанные с работой Болотова в этой Комиссии, хранятся в его архиве (в основном это бумаги других лиц, журналы заседаний Комиссии, ее постановления: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 43—57). Как член Комиссии Василий Васильевич написал небольшую записку для Св. Синода «О введении в России нового стиля» (РГИА. Ф. 796. Оп. 181. Д. 379. 36 л.). На л. 2—12 находится машинописный текст работы с карандашной пометой «Мнение В. В. Болотова». Начинается она с главного тезиса ученого: «Святейший Правительствующий Синод имеет достаточно много оснований не желать, чтобы Юлианский календарь в России был заменен каким-либо “исправленным”» (Там же. Л. 2). Далее автор мотивирует свою точку зрения доводами как чисто научными, так и церковно-политическими. В 1910 г. эта записка была отыскана в архиве Синода по ходатайству неперменного секретаря Имп. Академии наук С. Ф. Ольденбурга, и было получено разрешение на ее печатание в докладе, представляемом на рассмотрение Комиссии по введению в России нового стиля (РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 184. Л. 1—9). К работе в Комиссии по реформе календаря имеют отношение следующие неопубликованные опусы из архива Болотова: «О пасхальном цикле у грузин и армян» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 128. 9 л.); «О несовершенстве астрономических инструментов в Александрии в связи с вопросом о пасхалии» (Там же. Д. 84. 3 л.).

Теперь о важнейших неизданных трудах В. В. Болотова. Несмотря на то что А. И. Бриллиантов в течение 14 лет после смерти ученого неустанно публиковал его работы, и по сей день в архиве их остается немало. Некоторые из них уже подготовлены Бриллиантовым к печати, но не успели выйти; одни представляют собой нео-

³⁶ Об этом см.: *Медведев И. П.* Мир ученого одиночества: священник Димитрий Лебедев. С. 227—267.

³⁷ Такова работа «К вопросу об ареопагитских творениях (письмо к архиеп. финляндскому Антонию)», написанная в 1897 г. и опубликованная А. И. Бриллиантовым: ХЧ. 1914. Май. С. 555—580. Здесь Болотов доказывает с помощью астрономических данных, что солнечное затмение в день Распятия было невозможно, и тема в этот момент была метеорологического происхождения. Поэтому седьмое послание сочинения «О небесной иерархии» — одно из решительных доказательств неподлинности ареопагитских творений.

³⁸ Письмо К. П. Победоносцева от 18 марта 1899 г. с предложением принять участие в Комиссии при астрономическом обществе (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 240. Л. 1—1 об.); официальные сообщения об этом назначении от 16 мая и 16 декабря 1899 г. за подписью ректора Академии еп. Бориса (Там же. Д. 51. Л. 1—2); О назначении орд. проф. СПбДА ст. сов. В. В. Болотова представителем от Духовного ведомства в Комиссию по рассмотрению вопроса о реформе календаря в России 18 марта 1899—29 марта 1900 гг.: РГИА. Ф. 797. Оп. 69. Д. 41. 25 л.

конченные наброски, другие же — вполне готовые к изданию очерки. Наиболее интересными из них представляются лингвистические исследования Болотова. Важные, на наш взгляд, выводы содержит заметка без даты и без начала о св. Иоанне Колове (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 98. 5 л.). Сначала речь в ней идет о дате кончины св. Иоанна. Было бы рискованным, по мнению ученого, оспаривать хронологические данные жития, писанного еп. Захарией Ксоиским, который пользовался утраченным сочинением Παράδεισος и местными преданиями. Захария упоминает о «дивольском соборе» в Ефесе. «Эта речь о разбойничьем соборе очень естественна, если св. Иоанн Колов скончался в воскресенье 17 октября 448 г.» (Л. 3 об.). Если эти строки не являются позднейшей интерполяцией в рукопись жития, то, по мнению ученого, «еп. Захарию Ксоиского нужно считать скорее православным, чем официальным монофелитом эпохи Ираклия... И, судя по всему, именно этого епископа... копты и абиссины причислили к лику своих святых» (Л. 3 об.). Далее Болотов дает блестящий филологический пассаж об имени аввы Пишой (Паисия), житие которого написал Иоанн Колов. «Очевидно, “Паисий великий” Παῖσιος в наших святцах — 19 июня — и есть преп. авва Пишой коптских, сирских, арабских, эфиопских, т. е. авторитетных κατ’ ἐξοχήν памятников. У коптов имена “πῖσωι” и “παῖσι” нетождественны ни по употреблению, ни по значению: в имени “Пишой” — коренное слово, по-видимому, есть “шωι” = “верх, высота” и “πι” = греч. ὀ, определенный член муж. рода, а “Паисий” = ὁ τῆς Ἰσιδος, “принадлежащий [богине] Иси” (из «παι» = притяжательного члена ед. ч. муж. р. + «ησι») = Ἰσις), точно так же, как “Пафнутий” πα-φ-ουτι = ὁ τοῦ Θεοῦ, “Божий” (Νουτι = Бог). Нормальная греческой транскрипцией имени Пишой было бы “Πισόης, Πισώης, Πισώος”. Но “Πῖσωι” есть севернокоптская форма, и закономерным южнокоптским ее заместителем было употребительное в Фиваиде имя “Πῖσο”... Его носил один из старейших учеников Пахомия В., называемый по-гречески Ψῆς, Ψῆφ, Ψῶος» (Л. 4—4 об.). Существовал, продолжал Болотов, гимн св. авве Пшою, поемый во время Трисвятого (на коптской литургии перед *Евангелием*). Кажется, этот гимн написан в честь именно Пишой Великого. Свой вывод относительно написания имени Паисия Болотов сообщает в письме И. В. Помяловскому от 13 октября 1892 г.³⁹ «Но меня просто-таки заинтриговало одно местечко в предисловии. Ваш скепсис в отношении к Παῖσιον... Я выяснил для себя, что св. Паисий В. в действительности носил совсем другое имя: не Паисий, а Пишой. Справки, конечно, я наводил в клочках текстов коптского, сирского и арабского. Вы усомнились в правильности этого имени, по-видимому, на основании греческих текстов. Не подготавливаете ли Вы к изданию и жития — рекомого — Паисия В.? Если бы так, то я от души сказал бы Γένοιτο, γένοιτο! и позволил бы себе обратить Ваше внимание на одну книжную новость, которая, быть может, лежит за пределами Вашего библиографич. интереса. В P. Bedjan, Acta Martyrum et Sanctorum [syriace] — tomus III (Parisii—Lipsiae 1892), 572—620 издан — по рукописям с пробелами — сирский текст жития мар-Бишой монаха, которое приписывается тоже Иоанну малому (Колову)». Далее следует анализ текста и перевод отрывков (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 596. Л. 1—4 об.; неоконченный черновик этого письма см.: Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 189. Л. 1—2).

Болотов был профессиональным лингвистом-индоевропеистом и семитологом, знатоком великого множества древних и новых языков. Отдельные пассажи лингвистического содержания разбросаны во многих его трудах и письмах,⁴⁰ а спе-

³⁹ В фонде И. В. Помяловского в Отделе рукописей РНБ хранятся 4 письма В. В. Болотова от 1892—1893 гг. (33 л.).

⁴⁰ См., например, 4 письма к С. Окуневу: Ученые заметки и письма проф. В. В. Болотова, относящиеся к сношениям его с комиссией по переводу богослужебных книг на финский язык // ХЧ. 1906. Март. С. 379—390; Май. С. 671—696. Это целый учебник по сравнительному языкознанию с курьезными примерами из собственного опыта.

циально вопросам сравнительного языкознания посвящены два отрывка из архива ученого.⁴¹ В первом из них (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 19. 6 л.) Болотов рассуждает о соотношении славянской и иранской языковых групп: «Признаки славянской (gerp. славяно-литовской) расы показывают в ней расу молодую (моложе даже германской), выделяющуюся сравнительно поздно... славянский язык твердо стоит на санскритской = арийской почве, и — eo ipso — стоит ближе к латинскому (и германскому) языку, чем к греческому» (Л. 1—1 об.). «Весьма важна близость славянства к иранскому типу в религиозном отношении... понятие о святости у славяно-литовцев тождественно с иранским и не имеет себе соответствующего в других арийских языках» (Л. 3—3 об.). Той же теме посвящена и вторая заметка (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 22. 14 л.). «Де Лагард всегда гордился тем, что ему удалось *первому* формулировать отличие языков арийских от *иранских*.⁴² Их различия наблюдали, разумеется, давным-давно, но именно только как *факты*, более или менее часто наблюдаемые, а не как железные *законы языка*» (Л. 1). Заметки эти интересны, может быть, в первую очередь не содержащимися в них примерами и выводами, а попыткой богословского осмысления лингвистических данных, что составляет значительный пробел и в современном языкознании.

В письмах к ученикам и коллегам Болотов неоднократно высказывает свои суждения о том, как нужно изучать языки. Особенно показательны в этом отношении письмо прот. А. П. Рождественскому, который был в конце 80-х гг. профессорским стипендиатом и кандидатом на кафедру Св. Писания Ветхого Завета Санкт-Петербургской Духовной академии (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 267. Л. 2—4). Письмо готовилось Рождественским к публикации в статье памяти Болотова,⁴³ однако по каким-то причинам в окончательный текст не вошло. В архиве оно хранится в виде корректуры главы XII этой статьи. Болотов настаивал на обучении Рождественского за границей и видел в этом великую пользу для Академии. В Геттингене проф. де Лагард «по моему мнению, первый знаток семитских языков в Европе, единственное лицо, “у ног которого сидеть” стоит человеку, получившему уже высшее образование» (Л. 2). Учиться еврейскому языку необходимо, по мнению Болотова, филологически в строгом смысле слова, т. е. именно у де Лагарда. Даже подвергнуться неприятности со стороны этого не любящего славян немца «стоит и перестойт». «Греческие библейские рукописи де Лагарде знает на славу, понимает, что они стоят и чего они не стоят, как их нужно классифицировать. Сам Тишендорф, не боясь греха, мог бы — по этой части — де Лагарде подавать только калоши», — такую высокую оценку дает Болотов немецкому ученому (Л. 2). Подобные суждения об образовании будущего экзегета и восторженную характеристику де Лагарда мы видим и в записных книжках Василия Васильевича (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 118). По-видимому, эти записи также имели отношение к Уберскому: «Едва ли нужно даже и указывать, как важно для будущего экзегета прослушать курс *такой* еврейской грамматики..., которая является курсом психологии семитов» (Л. 3). «Широкая начитанность проф. де Лагарде в столь разных литературах, как сирская и арабская, дающая ему умение различать между формами эпохи процветания и формами периода увядания языка, пронизательность, с которой он в

⁴¹ Опубликованы: Болотов В. В. <Заметки о Назарете> (Публикация из архивных материалов РНБ) / Подгот. текста Л. А. Герд и Е. Р. Крючковой; Вступ. статья Л. А. Герд // Colloquia classica et indogermanica. III. Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2002. С. 419—432.

⁴² Геттингенский профессор Павел Антуан де Лагард (1827—1891) — ориенталист, автор трудов по иранским языкам, сравнительному изучению семитских языков, критике текста Ветхого Завета. Он был образцом для Болотова в изучении восточных языков и текстологической работе с рукописями.

⁴³ Уберский И. А. Памяти профессора Василия Васильевича Болотова.

массе лингвистического материала выслеживает железную последовательность, с которой работает закон перебора звуков, и, наконец, его прирожденная страсть к лексикографии — все это делает его школу... как нельзя более полезной для будущего экзегета» (Л. 4—4 об.). «Де Лагарде, — продолжает Болотов, — не новичок и в санскрите, хотя и считает свои знания в этом языке ученическими; персидский язык он изучал соп атоге и начиная с его древнейшей формации (бактрийск.); он — выдающийся арменист (член-корреспондент армянской Академии наук и литературы). Нелегко указать, кто из современных ученых мог бы доказать свое превосходство над ним и в знании коптского языка» (Л. 5). В письме к Рождественскому Болотов сообщает некоторые сведения и о себе. С обычной скромностью характеризует он свои познания в восточных языках: «Я сам не филолог и не ориенталист, мои набег на восточные литературы всегда имеют утилитарную цель — прочесть какой-нибудь церковно-исторический памятник». Что касается еврейского языка, Болотов считает, что «не знает его совсем», так как он читает только писанные согласные (Л. 2). Сам Василий Васильевич, по его собственному признанию, не любитель путешествовать даже по Петербургу, и заграничная «ссылка» может быть предпринята только ввиду великой пользы для Академии.

В наше время иногда поражаются тому количеству языков, которые знал Болотов. Однако при этом не следует забывать, что эти языки он знал как мертвые, для чтения источников и литературы. Даже французскую разговорную речь он не воспринимал совсем.⁴⁴ Д. А. Лебедеву он советует изучать европейские языки как мертвые, для чтения научной литературы, и в этом смысле объясняет целесообразность овладения различными языками для ученого-богослова (английский, по мнению Болотова, играет здесь такую же вспомогательную роль по отношению к немецкому, как итальянский к латинскому и французскому) (письмо первое. ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 28. Л. 3 об.—4).

В архиве Болотова немало других лингвистических материалов — по самаритянскому (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 123. 5 л.), финикийскому (Там же. Д. 122. 234 л.), арабскому (Там же. Д. 119. 51 л.) и другим семитским языкам (Там же. Д. 118. 29 л.). В основном эти записки носят характер отрывочных сведений, отдельных наблюдений и записей для рабочего пользования.

Живой интерес проявлял Болотов и к нумизматике. В архиве ученого хранятся материалы к работе о древних монетах (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 15. 41 л.). Основано это исследование на сочинении Епифания Кипрского «О мерах и весах»; автором произведено сопоставление греческого текста с сирийским и объясняются некоторые недоразумения у Епифания. Далее Болотов, основываясь на материале житий св. Симеона, Христа ради юродивого, св. Иоанна Милостивого, св. Марии Египетской, выясняет соотношение между различными денежными единицами. Использует он в своей работе и археологические данные. Исследование состоит из нескольких отрывков, первый из которых имеет относительно законченный вид. Кроме того, в материалах по истории евреев и семитским языкам находятся прорисы монет, сделанные Болотовым с изданий (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 118. Л. 7—10).

В архиве хранятся черновики двух очерков по исторической географии и церковному управлению древней церкви. Первый из них представляет собой отрывок, который был написан, скорее всего, при подготовке рецензии на книгу Н. Н. Глубоковского о Феодорите Киррском (О размерах территории Кирестики — епископской парикии Феодорита и ее населенности: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 100. 2 л.). Второй очерк (О хорепископах и периодевтах: Там же. Д. 99. 6 л.) был опубли-

⁴⁴ См. его собственное признание в письме (И. Е. Троицкому?): «Со слуха я не понимаю французского ни полслова» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 209. Л. 1 об.). Это не мешало ему, впрочем, составлять в случае необходимости обширные письма на немецком и французском языках.

ликован после смерти Болотова как материал к готовящейся церковной реформе.⁴⁵ В древности, пишет автор, не было литургического однообразия, не было и полного единства в церковном управлении. Цель заметок Болотова — «указать скудные остатки церковной практики в тех местностях, которые лежали вне сферы константинопольского влияния и в которых церковное управление построено было по иному типу — более древнему» (Там же. Л. 2). Очерк этот был написан с практической целью — как историческая справка для предполагаемой реформы церковного управления. Вывод Болотова-канониста однозначен: «Не следует возвращаться к формам давнопрошедшим, утратившим всякую соль и силу. История есть только полезный архив, никак не свод законов» (Л. 6 об.). «Эта практика (церковного управления. — Л. Г.) едва ли может претендовать на честь быть самой удобной и для России, почти сплошь еще — и Бог даст — на целые столетия деревенской» (Л. 2).

Среди неизданных работ Болотова определенный интерес представляет отзыв о коптском евхологии, присланном коптом Михаилом Ханна в дар императору Александру III в 1887 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 413. 13 л., отрывки). Евхологий напечатан в Старом Каире в 1886 г., явившись знаком заботы патр. Кирилла V о просвещении своего народа (Л. 10—12). В отзыве об этой книге Болотов дает краткую характеристику коптского богослужения. При этом он отмечает, что монофизитство догматическое совсем не под силу современным коптам даже в лице самых просвещенных их представителей. В их литургиях догматическое монофизитство выражено крайне слабо (Л. 1). Далее автор дает ответ на вопрос, насколько близко коптское богослужение к православному. Несомненно, это богослужение не константинопольского типа, и потому близкого сходства с православным оно не может представлять. «Судя по всему, пение занимает лишь незначительное место в богослужении коптов; большей частью слышится лишь голос священника» (Л. 4 об.). Вместе с тем, продолжает Болотов, во всем существенном копты сохранили свою литургию в том виде, как она отправлялась у них при свв. Афанасии и Кирилле и их православных преемниках. Египетский чин меньше разнится от нашего богослужения, чем, например, римская месса (Там же).

Для большинства читателей В. В. Болотов — ученый, работавший по преимуществу с изданными текстами. Вместе с тем он проявлял живой интерес к рукописям, о чем свидетельствуют опубликованные им описания коптских и сирийских кодексов.⁴⁶ В 80-е гг. он много работал и с греческими рукописями, отчасти по собственному желанию, частью же по поручению И. Е. Троицкого.⁴⁷ В архиве ученого сохранился результат одного из таких его трудов — колляция кодекса «Церковной истории» Евсевия из Московской Синодальной библиотеки № 405.⁴⁸ В описи записная книжка со сверкой вариантов рукописи по изданию Хайна ошибочно обозначена как «Записная книжка с записями лингвистического содержания» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 2. Д. 29. 249 л.). Начало отсутствует, а на л. 248 об. стоит следующая запись: «Mea subscriptio: Τέλος καὶ τῷ Θεῷ δόξα. Finivi collationem codicis 50, a. D. 1886 Febr. die 22 feria vj ante κυριακήν τυροφάγον hora 3 min 11 post

⁴⁵ Болотов В. В. Епархии в древней церкви // Прибавления к Церковным ведомостям. 1906. № 3. С. 99—109.

⁴⁶ Болотов В. В. 1) Описание двух эфиопских рукописей, пожертвованных в библиотеку СПб. Духовной Академии преосвященным Анатолием, епископом балтским // ХЧ. 1887. Июль—август. С. 137—160; 2) Описание сирской рукописи, пожертвованной К. В. Харламповичем (Ак. Б. № Б III/1) // Там же. 1900. Апрель. С. 676—679 и др.

⁴⁷ И. Е. Троицкому Болотов помогал при подготовке издания «Автобиографии» Михаила Палеолога: ХЧ. 1885. Февраль. С. 529—570. См. также: Бриллиантов А. И. Профессор Василий Васильевич Болотов: Биографический очерк // ХЧ. 1910. Май—июнь. С. 563—564.

⁴⁸ Владимир, арх. Систематическое описание рукописей Московской синодальной библиотеки. Ч. 1: Рукописи греческие. М., 1894. С. 64.

meridiem». Ниже Болотов дает общую характеристику рукописи (Л. 249—249 об.). В архиве В. Н. Бенешевича (ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 73. Л. 4—5 об., 6—11 об.) хранятся начальные листы письма Болотова проф. Э. Шварцу от 23 марта 1891 г. Он предложил ему сверку московского кодекса Евсевия, произведенную им для своего употребления. Болотов рассчитывал представить всю сверку в печатном виде уже в сентябре с введением на русский язык. Как отмечает по этому поводу А. И. Бриллиантов, это намерение не было осуществлено и неизвестно, было ли отправлено письмо; Шварц в своем издании Евсевия не упоминает Болотова.⁴⁹

Кроме статей чисто научных среди неизданных работ Болотова обнаруживаются очерки популярного характера, являющиеся, по-видимому, подготовительными материалами к его лекциям. Таков обзор протестантской историографии со времен Реформации до конца XIX в. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 420. Л. 46—126). Автограф этого очерка отсутствует, в архиве хранится копия, сделанная для А. И. Бриллиантова. Здесь Болотов последовательно рассматривает Магдебургские центурии в сравнении с «Церковными анналами» Цезаря Барония, труды Г. Арнольда, Землера, Шплитлера, Шрёкка, Шлейермахера, Неандера, Баура и др. Протестантские ученые успешно занимаются новозаветными толкованиями, творениями св. отцов и латинских писателей, которые имеют значение для германской истории, может быть, будут что-то делать для греческих византийских историков. «Но та литература, которая для нас особенно дорога, писания великих отцов IV и V в., деяния вселенских соборов — перейдут без всяких усовершенствований в достояние будущего времени. Эта область культивируется менее всего, и в настоящее время между протестантами едва ли кто насчитает несколько имен, обещающих сделать что-нибудь на этом поле» (Л. 125). Несколько очерков посвящает Болотов истории монашества. В работе о происхождении монашества (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 96. 37 л.) автор доказывает, что описание Иеронимом встречи Антония Великого с Павлом Фивейским — не более чем «проба пера», литературный вымысел; однако это не значит, что Павел не существовал вовсе. Основная часть очерка представляет собой анализ жития св. Антония Великого. В заключение рассматривается общежительный устав св. Пахомия Великого. В статье «К характеристике новоначального египетского монашества» (ОР РНБ. Ф. 102. Д. 420. Л. 1—12 автограф, л. 19—37 копия) Болотов отвечает на три вопроса: как относилось монашество к мирянам, к клиру и науке. Основополагающие черты в национальном характере коптов, которые составили основную массу монашества в Египте, — это, по наблюдениям автора, «тупая восприимчивость и необыкновенно упругая воля» (Л. 1). Наличием именно этих черт объясняется их уход в монофизитство вслед за Диоскором в V в. Еще один очерк такого же характера — «Об аскетических воззрениях Иовиниана» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 42. Л. 13—18 автограф, л. 38—46 копия). Здесь Болотов дает характеристику одного интересного представителя монашества в Риме. Иовиниан противопоставил монашеству цельное мотивированное нравственное мировоззрение. Он выступал против возвышения монаха над мирянином; для него нет существенной разницы между девой и замужней, между воздержанием от пищи и вкушением с благодарением. Задача христианина — не совершать что-либо превосходное, но сохранить дар возрождения, который дается в крещении.

21 декабря 1884 г. датируется неоконченная работа «Об отношении христианства к рабству» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 73. Л. 1—4 об. подлинник, л. 5—12 копия). Начинается очерк кратким обзором положения рабов в Древнем Риме, при-

⁴⁹ Eusebius. Kirchengeschichte / Hrsg. von E. Schwartz. Leipzig, 1909. Т. 3. См.: Бриллиантов А. И. Профессор Василий Васильевич Болотов: Биографический очерк // ХЧ. 1910. Май-июнь. С. 563—564.

водятся общеизвестное определение Аристотеля («говорящие орудия»), взгляд стоиков на рабство, а затем автор переходит к положению рабов в христианском государстве и отношению церкви к институту рабства. «Церковь вовсе не ставила своей задачей освободить рабов... Следовательно, она только облегчила участь рабов» (Л. 10, 12). Еще одна неоконченная статья — «Хронология римских епископов» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 81. Л. 2—10 об. автограф, л. 11—18 неполная копия, л. 22—44 черновые материалы к ненаписанной части работы). «Предлагаемая здесь хронология римских епископов (большой частью) есть свод результатов, к которым пришли высшие ученые авторитеты в этой области» (Л. 2). Несмотря на заявленную компилятивную цель труда, здесь Болотов высказывает немало оригинальных суждений, обосновывает принцип написания имен, дает трезвую критическую оценку источников и литературы (Л. 3—3 об.). Л. 19—21 об. представляют собой таблицы понтификатов римских первоиерархов от Петра до Адриана (795 г.). Таблицы позднейших веков есть только в черновом варианте (Л. 38—43). В архиве А. И. Бриллиантова хранится начало одной работы Болотова 1883—1884 гг.: «О новооткрытых источниках церковной истории (Codex novarensis membr. saeculi X)» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 422. Л. 1—6 об. автограф, л. 7—20 копия). Написана эта статья по поводу открытия проф. Амелли в 1882 г. кодекса, содержащего латинский перевод деяний Халкидонского собора в древней редакции с рядом важных, до тех пор неизвестных, дополнений. Цель статьи Болотова — определить значение этого памятника для характеристики Флавиана и доказать неправоту Амелли, утверждавшего, будто александрийский патриарх, согласно апелляции Флавиана, был фактически подчинен верховной власти престола св. Петра. По мнению Болотова, новооткрытый документ доказывает обратное.

Среди бумаг Болотова обнаружены также две небольшие заметки литургического содержания. В первой из них — «О пении тропаря “Видехом свет истинный” за литургией св. Иоанна Златоуста» — показано позднее происхождение этого тропаря: XVI в. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 425). По мнению Болотова, он нарушает целостность и стройность чина литургии; в греческих и южнорусских служебниках вместо этого тропаря поется многолетие. «Рекомендуется уничтожение вышеуказанного тропаря, который, нужно правду сказать, и не служит прямым ответом на возглас священника “Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое”» (Л. 3). В архиве А. И. Бриллиантова хранится работа Болотова «Заметки об акафистах» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 419. 6 л.). «Русский акафист, — пишет Болотов, — это высокое музыкальное произведение, исполненное на жалкой скрипиче, это копия с художественной картины блестящего колорита, сделанная карандашом на бумаге... Греческий подлинный акафист есть такое произведение, которое 1. ни на какой язык не переводимо, и 2. едва ли допускает подражание в произведениях оригинальных» (Л. 4). Далее следует подробный анализ греческого акафиста Богородице как поэтического произведения.

В. В. Болотов скончался в самом расцвете творческих сил, поэтому далеко не все его замыслы были осуществлены. Мы уже говорили о намерениях ученого написать работу «Православная пасхалия на исторических основаниях». Самым же значительным из научных планов Болотова было создание докторской диссертации «Рустик, диакон римской церкви, и его литературные труды». Интереснейшим свидетельством об этом намерении является его письмо к И. Е. Троицкому от 11—12 апреля 1896 г. (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 196. Л. 55—64).⁵⁰ Речь в нем идет

⁵⁰ Это письмо, а также две записки на ту же тему, в которых он подробно обосновывает свое открытие — принадлежность Синодика диакону Рустигу (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 62. Л. 1—13), были опубликованы А. И. Бриллиантовым (*Бриллиантов А. И.* Письмо и две записки проф. В. В. Болотова о неоконченной работе его о Рустике // ХЧ. 1907. Март. С. 380—391).

о присуждении Болотову степени доктора богословия. «Думаю, что и Вы не поверили бы мне, если бы я стал утверждать, что о докторстве я никогда не думал и ничего в этом направлении не сделал» (Л. 58). Эти строки красноречиво характеризуют натуру Василия Васильевича. Действительно, он никогда не добивался получения каких-либо степеней и должностей. По окончании семинарии он имел полную возможность поступать в Московский университет, однако предпочел, по его собственным словам, «плыть по течению» и стал студентом Петербургской Духовной академии. Избрание на кафедру истории древней церкви также было для него неожиданным, и никаких усилий к тому он не предпринимал. В вышеприведенном письме к прот. А. П. Рождественскому Болотов рассказывает о себе следующее: «Но для сведения и *руководства* сообщаю Вам, что я *существенно* обязан Михаилу Осиповичу (Кояловичу. — Л. Г.) тем, что я занимаю мою кафедру. С благодарностью признаю, что если бы Михаил Осипович не взял меня нравственно под уздцы смелой и твердой рукой, когда я стал было брыкаться от совершенной для меня неожиданности слишком лестного предложения, то я отказался бы по ученым и домашним основаниям. Теперь я вижу, что на другом месте я, с моим складом, пожалуй, был бы и совсем непригоден» (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 267. Л. 3). Таким же неожиданным было для Болотова избрание его членом-корреспондентом Имп. Академии наук; более того, он считал себя совершенно недостойным этого звания.

В том же письме к Троицкому Василий Васильевич излагает основные мысли своей предполагаемой работы. Он обнаружил одно сочинение Нестория против Кирилла Александрийского, которое до тех пор считалось принадлежащим неизвестному автору. Открытие свое Болотов сделал уже давно — на втором году службы в Академии, и в его литографированных лекциях было довольно прозрачное указание на обретенного им Нестория. Эти лекции внимательно изучались Н. Н. Глубоковским, но Нестория он не нашел (Там же. Л. 60—61). «Для того чтобы установить мой первый тезис, — дать сочинению хозяина, — потребовалось немало скрупулезной работы; она меня убедила, что я прав» (Л. 61 об.—62). Другая причина того, что Болотов не взялся за написание своей докторской диссертации немедленно после магистерской, состоит в том, что в то время у него не было еще «литературной известности», достаточного числа опубликованных трудов. А когда появились в печати очерки «Из церковной истории Египта», вступил в силу новый устав Духовных академий (1884 г.), который, по словам ученого, «хочет научного бесплодия» (Л. 62 об.). «Огонь под котлом работы, о которой речь, правда, давненько залит. Чтобы развести пары, опять войти в линию и из тетрадок, полосок и карточек составить готовую к печати книгу, потребуется несколько месяцев. Она во всяком случае рук не обломит, будет — вероятно — меньше “Оригена”» (Л. 63). Болотов предполагал поступить на европейский манер — на докторскую степень ответить книгой. Заглавие будущей работы предполагалось следующее: «Рустик, диакон римской церкви, и его литературные труды». Такое неброское название, по мнению Болотова, не может раздражать академическое начальство и вызывать неуместные вопросы, например, зачем писать о еретике Нестории (Л. 63 об.). Вероятно, подготовительными материалами к этой работе являются библиографические заметки о споре Нестория с Кириллом Александрийским (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 113. 18 л.). Ответ Троицкого на это послание был отрицательным (письмо от 15 апреля 1896 г. Там же. Д. 249. Л. 4—5). Не следует, по мнению Ивана Егоровича, преждевременно вводить у нас европейские обычаи, а попытка очистить память общепризнанного еретика — Нестория не может рассчитывать не только на благосклонный, но и на спокойный прием. «Ваш труд поступит в первой инстанции на суд не европейских ученых, которые сумели бы оценить от-

крытый Вами “бисер”, а на суд тех благородных животных (хотя и человеческого происхождения и облика), научные приемы которых при оценке таких бисеров непогрешимо определены Самим Спасителем». Этот ответ, видимо, и предопределил дальнейший ход событий: диссертация о Рустике так и не была написана, а осталась в архиве ученого в виде отдельных разрозненных набросков и выписок («Rusticus»: Там же. Д. 85. 53 л.).

Что касается переписки Болотова, то сохранилась она лишь отчасти; по всей видимости, он не имел привычки сохранять свою корреспонденцию. Однако и эти имеющиеся у нас письма достойны специального изучения: многие из них представляют собой настоящие трактаты. Некоторые письма Болотова были изданы в первые годы после его кончины. Тем не менее основная часть его переписки остается по сей день не опубликованной. В виде писем архиеп. финляндскому Антонию (Вадковскому) Болотов оформил несколько своих исследований последних лет жизни.⁵¹ В архиве Петербургской Духовной академии есть одно неопубликованное письмо архиеп. Антонию о делах в Духовной академии и ответы на вопросы о старообрядчестве (ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 481. 7 л.). В виде письма к М. О. Кяловичу написал Болотов и подробное изложение проекта диссертации о Рустике.⁵²

В архиве хранится 20 писем Болотова к И. Е. Троицкому за 1879—1896 гг. (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 194. 67 л.). О некоторых из них мы уже говорили, в других обсуждаются вопросы организационного характера (о печатании диссертации, об издании статей), библиографические, о сверке рукописей из Московской Синодальной библиотеки по заданию И. Е. Троицкого (письмо от 20 февраля 1886 г. Л. 9—10). Написаны эти послания как по-русски, так и на греческом языке. Нередко Болотов обращается к своему учителю τῷ παναρίστῳ διδασκάλῳ и ставит дату не только от Р. Х. или сотворения мира, но и по различным восточным системам летосчисления. Эту манеру датировать письма унаследовал от него Д. А. Лебедев. Писем Троицкого в бумагах Болотова всего два: одно из них посвящено старокатолическому вопросу (об Утрехтской церкви: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 249. Л. 1—2), а второе — ответ на рассуждение Болотова о Рустике и Нестории (см. выше).

Среди писем Болотова Помяловскому кроме вышеприведенного об авве Паисии (Пишое) заслуживает внимания послание от 15 ноября 1892 г. (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 596. Л. 7—32 об.). В нем Болотов благодарит корреспондента за присланные отписки статей и высказывает свои замечания и дополнения к ним, в частности насчет св. мученицы Ираи (Раисы); о повести Аммония Мниха, изданной Помяловским, которая «есть остаток агиографической литературы даже более драгоценный (потому что исключительно редкий), чем — видимо — Вы предполагаете» (Л. 15).⁵³ Для Болотова в этом житии важна хронологическая и богословская сторона дела, ускользнувшая от внимания издателя памятника: «Эти отцы, в Синае и Раифе избиенные, составляют практические instantiae в богословском вопросе о fides implicita, об объеме формальной принадлежности к церкви, словом, для освещения папистического воззрения на церковь единоспасающую» (Л. 15). По поводу с. 26—27 «Шестого археологического съезда»⁵⁴ Болотов, скромно называя себя дилетантом и новатором in orthographicis (Л. 19 об.), пускается в подробные

⁵¹ Болотов В. В. 1) К вопросу об ареопагитских творениях // ХЧ. 1914. Май. С. 555—580;

2) Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого // Там же. Март. С. 281—198.

⁵² Бриллиантов А. И. Письмо и две заметки проф. В. В. Болотова...

⁵³ Помяловский И. В. Аммония Мниха повесть об отцах в Синае и Каифе избиенных. СПб., 1891 (=Прил. 3 к Отчету заседаний ОЛДП).

⁵⁴ Помяловский И. В. Археологический съезд в Одессе 1884 г. СПб., 1885 (=ЖМНП. 1885. Февраль. С. 1—23; Март. С. 1—55).

рассуждения по своему излюбленному вопросу транссонации и транскрипции (Л. 19 об.—25). Беспощадно критикует он в этом отношении своих предшественников — русских богословов, которые «читали по латинским шпаргалкам те тексты, которые были обязаны читать в греческом подлиннике, поэтому я в своих пределах... беспощаден к *монофизитам* и к *дифизитам* и правлю их на монофиситов и дифиситов. *Икономию* в смысле воплощения или благоснисхождения упорно отличаю от экономии» (Л. 30 об.).

Экскурс в археографию представляет собой письмо А. И. Бриллиантову от февраля 1900 г. (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 179. Л. 1—3). Проводится сравнительный анализ данных жития св. Иоанна Римского по латинскому, эфиопскому, греческому и сирийскому текстам, причем особый акцент делается на транслитерации имен самого святого и его родителей (Евтропия и Феодоры), а также на дате — дне памяти св. Иоанна. Для А. И. Бриллиантова Болотовым была подготовлена также справка хронологического характера — «К вопросу о точной дате на грамоте игумена Троице-Сергиева монастыря Мартинаиана (XV в.)» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1 Д. 423. 1 л.).

В письме к П. В. Кедринскому от 29 октября 1895 г. Болотов отвечает на вопросы, связанные с именем св. Павла Никейского (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 185. Л. 1—9. Письмо готовилось А. И. Бриллиантовым к изданию; в архиве хранится не автограф, а фотокопии с него с пометами Бриллиантова и рукописная копия). Имена провинциальных епископов известны почти исключительно только из их подписей под деяниями соборов, на которых они присутствовали. От времени св. Павла не сохранилось ни одного соборного деяния, и потому до 325 г. мы не знаем имени ни одного никейского епископа. Само существование св. Павла Никейского оспаривается некоторыми учеными; он — святой местночтимый, поэтому неудивительно, что нет ни его жития, ни службы. После сопоставления различных славянских прологов и определения их ценности как источников для жития св. Павла Болотов делает следующие выводы: «Епископ никейский исповедник Павел мог жить до 312 г., мог жить и перед 787 г., мог быть и преемником Петра исповедника». Сомнений в его историческом существовании быть не может (Л. 7—9).

А. И. Бриллиантовым готовилось к изданию и другое письмо Болотова — профессору государственного права Петербургского университета Н. М. Коркунову (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 186. Л. 1—51 автограф, л. 53—60 копия). Тема этого письма — объяснение понятия «кафолическая церковь» и доказательство на основе святоотеческих цитат необходимости его употребления: «Русская православная церковь... не может, не колебля исторических устоев своего существования, отказаться от чести — называться *кафолической* церковью (именно *кафолической*, потому что условная замена этого термина славянским «соборная» лишь неудовлетворительно выражает смысл греческого понятия)». С течением времени это — сперва чисто логическое — понятие «кафолическая церковь» получило и полемический характер, как антитеза понятия «ересь».

В другом письме (отрывок письма неустановленному лицу: ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 207. Л. 1—6) Болотов с горечью и негодованием констатирует низкий, на его взгляд, уровень большинства отечественных богословов в сравнении с богословами и филологами европейскими, в первую очередь немецкими: «Многие ли у нас (исключаю академических представителей кафедры патрологии) побеспокоились узнать, на каких опорах держится текст послания к Коринфянам? Многие ли даже читывали это послание по-гречески? Многие ли почтили своим вниманием ученые рефераты об изданиях *Patres Apostolici* в *Theologische Literaturzeitung* и т. п. журналах? Все ли были настолько — сдержанны, что, прочитав с дюжину, не более того, строчек, не покрыли всего откровенным зевком и восклицанием: о, как

все это мелко и скучно!?)» (Л. 3 об.—4). Псевдопросвещенная публика не знает и в 1896 г. того, что ей следовало бы знать еще 20 лет тому назад, детальные текстологические исследования не найдут себе читателя в России.

В Петербургском филиале Архива РАН хранится одно письмо Болотова к В. В. Латышеву, касающееся чтения стихотворной надписи на обороте образка из Херсонеса, в котором предлагается конъектура, дающая тексту «понятный богословский смысл, и на другое значение и не претендует» (ПФА РАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6. 8 л.).⁵⁵ Болотов предоставляет своему корреспонденту пользоваться своими письмами так, как он сочтет нужным. «Ни малейшего неудовольствия с моей стороны не будет, опустите ли Вы мои предположения вовсе, упомянете ли их без моего имени, с моим именем. И всего менее я могу обидеться на самое решительное заявление с Вашей стороны, что Вы с этим предполагаемым чтением несогласны» (Л. 6). Ответное письмо Латышева от 14 апреля [1899 г.] хранится в архиве Болотова (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 231. 1 л.). Вместе с письмом он препровождает и корректуру статьи, содержащей объяснение надписи на херсонесском образке.⁵⁶

Среди эпистолярного наследия В. В. Болотова особняком стоит пространное письмо к И. С. Пальмову, одному из ближайших его коллег по Академии (24 февраля/8 марта [1882 г.]: ОР РНБ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 166. 23 л.).⁵⁷ Болотов оппонировал Пальмову на магистерском диспуте (10 июня 1881 г.), и в том же году по настоянию своего учителя И. С. Троицкого и других ученых наставников — М. О. Кояловича и В. И. Ламанского — Пальмов отправляется в заграничную командировку по славянским странам (продлилась до 1884 г.) с целью исследования памятников славянской древности, как археологических, так и письменных. По возвращении из путешествия Пальмов открыл новый курс лекций по истории славянских церквей. Письмо Болотова — это целая статья, в которой он подробно излагает свои взгляды на жизнь, на русскую и немецкую науку, оценивает славянофильское и западническое направления в русской церковно-исторической науке и, наконец, дает Пальмову конкретные советы насчет его работы о гуситском движении. Язык Болотова здесь, как и во многих его письмах, необыкновенно образный, меткий, исполненный остроумия с характерными для выходцев из духовных школ словечками и выражениями.

Поработав во Львове и других городах Галиции, а затем в Варшаве, Пальмов приехал в Прагу, где и застало его письмо Болотова. По мнению Василия Васильевича, Варшава в научном отношении город бестолковый, «с почтенными, впрочем, исключениями», и вообще в Галиции и Польше Пальмов попусту потратил много времени на светское общение, вместо того чтобы заниматься наукой: «А что есть жизнь? и на что Вам жизнь? и какая ей цена? Но жизнь прежде всего — нет, во-первых, *Geschichte der Altslavischen Kirchen*» (Л. 2 об.). В этих словах, пожалуй, весь Болотов: нужно всецело посвятить себя науке, а все остальные стороны жизни должны стоять на втором плане. С удовольствием поставив крест на галицком периоде работы Пальмова, Болотов не без иронии дает оценку славянофильству своего корреспондента и определяет свою позицию в этом вопросе: «Вы, рыцарь славянофильства, кажется, усвоили себе у ваших галичан или чехов и

⁵⁵ См.: Тункина И. В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // РНБ. С. 224.

⁵⁶ Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике. IV: Несколько памятников с надписями византийской эпохи из Херсонеса Таврического // ВВ. 1899. Т. 6. С. 337—369. Оттиск этой статьи хранится и в бумагах Болотова (ОР РНБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 256).

⁵⁷ И. С. Пальмов (1855—1920) — профессор истории славянских церквей в Санкт-Петербургской Духовной академии (с 1887 г.), член-корреспондент Академии наук (с 1913 г.), академик (с 1916 г.). Цитируемое письмо издано: Герд Л. А. Неизданное письмо В. В. Болотова И. С. Пальмову // ХЧ. 2000. Т. 19. С. 39—81.

некоторые черты их темперамента, довольно “бурного” и чуть-чуть нервного. Вы выступаете против меня под броней “общих идей”, под штандартом “общих вопросов”. Но Вы знаете, что я — совсем не рыцарского типа; я только архивариус торных дорог Патрологии Миня, регистрирующий то, что другим, вероятно, неизвестно и что нам должно бы быть известно. Никаких глубин духа (ни народного, ни общечеловеческого) я не испытываю, никаких общих вопросов я не решаю, в общие идеи верую туго, и — ищу лишь *ultraconcretissima*... Вы-то, конечно, славянофил, но правы ли Вы, как и М. О. Коялович, меня-то крестите западником и воображаете, что дойдете меня, высказавшись “не в интересах романо-германской народности”? ...Для верующего западника, поверьте, я — столь же незавидная находка, как и для славянофила» (Л. 3—4). Далее следуют страницы, на которых Болотов подробно излагает свои взгляды на русскую и немецкую богословскую науку; эти мысли неоднократно высказываются им и в других письмах и даже печатных работах, но в таком завершеном, полном, поистине «программном» виде мы находим их только здесь. Начинает он с рассуждения о сравнительных достоинствах германского и славянского народов. По мнению ученого, «национальность должна развиваться сама собою, и еще далеко не решенный вопрос, есть ли у нас достаточно средств для того, чтобы прямо и сознательно действовать на самую национальность в зерне ее и во всем остальном влиять на человека именно национальным образом» (Л. 6—6 об.). Учиться работать у немцев необходимо: «Я ставлю прямо правило: “ищите правды *прежде всего* и у немцев”» (Л. 7). Отвечает Болотов и на вопрос, который, вероятно, и по сей день задает себе каждый наш соотечественник, начинающий заниматься историей, филологией или богословием: отчето же наука русская отстает от науки европейской? Он приводит цифры, показывающие соотношение богословских сил Германии и центральной части России: на территории России, где свободно уместится весь германский цивилизованный мир, только две Духовные академии и два университета, в которых 72 лица, которые поставлены так, что от них может чего-нибудь ждать богословская наука. В Германии же 29 высших богословских заведений с 274 преподавателями, т. е. почти в 4 раза больше. Провинциальный русский ученый, в отличие от немцев, не имеет необходимых книг для работы, даже Патрологии Миня. «Главное прошлое остается, бесспорно, за ними. Их библиотеки и университеты, их манускрипты и палимпсесты, их иезуиты и *sanmaurini*, их Дю-Канжи и Монфоконы, их Мины и болландисты, их Ассемани и мхитаристы, их Geld и Verleder’ы, на которых мы стоим и похвляемся, точно пигмеи на мухомор. Только смешно, если наши немногочисленные работы по богословию наполняют нас розовыми надеждами насчет нас самих и заставляют нас возносить наши молодые роги пред лицом немцев... когда крепким основанием этих работ, как бы они ни были ценны, была, есть и будет *alma mater Lipsia*» (Л. 9 об.—10). Эти слова — отнюдь не слепое преклонение Болотова перед немецкой культурой и наукой. Как истинный патриот он всегда подчеркивал, что для него очень значимо, что то или иное открытие сделал именно он, *русский*, а как православный полемист он всегда критически относился к протестантскому или католическому богословскому осмыслению истории, чему немало примеров в его отдельных работах и, прежде всего, в лекциях. Восторг вызывали у него работоспособность немцев, их умение работать с источниками, внимание к тексту, палеографическая подготовка, знание рукописного материала. Сетует Болотов на «книжный голод»: по его словам, он чувствует себя завистливым лакомкой, отделенным крепкой стеклянной дверью от роскошного обеда, и потому всегда злорадствует, если какой-нибудь немец не смог достать искомую книгу. «Словом, читая хорошие работы немецких мастеров, убеждаешься, что есть на свете слишком много работ, тебе недоступных, где то, что тебя интересует,

может быть, уже сделано лучше, чем ты можешь сделать, что, не владея всем относящимся к делу материалом (подразумеваю: доступным другим людям), никак нельзя упускать из виду, что ты подвизаешься, быть может, *pro nihilo*» (Л. 11 об.). И это пишет Болотов, который имел возможность выписывать немецкие книги через магазины и получать их в течение месяца (см. выше письмо к Д. А. Лебедеву), статьи которого выходили в свет через 2—3 месяца после сдачи в редакцию и который пользовался библиотеками, комплектовавшимися в то время на вполне европейском уровне! Не советует Болотов Пальмову проводить славянофильские идеи в Европе и нести туда проповедь православия; для русского богослова важнее «*innere Mission*», а не «*Drang nach Westen*». «Не скрою, что мне было бы просто жаль, чтобы Вы так серьезно, как Вы пишете, отнеслись к делу “внешней” миссии “в особенности” — между “нашими противниками”. Роль *Kulturträger*’а или даже только просветителя немцев насчет славянофильства — едва ли из благодарных, и эта игра, может быть, не стоит свеч, если даже вести ее “главным образом (а почему не “исключительно”?) научно”» (Л. 15—15 об.). В диссертации Пальмова, на взгляд Болотова, нуждается в пересмотре именно его отношение к славянофильству. «Что в ней есть слабого, “соломенного” (не по моему только мнению), так это не совсем порванные связи с корифеями славянофильства, не побежденные остатки старославянофильской точки зрения» (Л. 17). Неверным, по мнению Болотова, является один из главных тезисов Пальмова — что православие было не деятельным фактором гуситского движения, но идеальной целью его сознательных стремлений. Воспоминания о том, что чехи помнят, что их вера от Кирилла и Мефодия, ничего не доказывают, эти воспоминания есть и у мажар. Для целей Пальмова нужно доказать наличие не только чаши у гуситов, но и лжицы. «Без лжицы вся теория — *pro nihilo*» (Л. 18). «Не спешите с обобщениями новых материалов: нет ничего труднее обобщений строгих и полных, ненадежнее — обобщений недостаточных» (Л. 18 об.). В заключение Болотов в качестве наставления высказывает свой собственный взгляд на гуситское движение. «А когда Вы станете “православить” Вашего Гуса (отдаю Вам должную честь за ту умеренность, с какой Вы это делаете), то примите к сведению и мои личные замечания. Не увлекайтесь Вашими антипатиями против римского католицизма и не за все возлагайте на него ответственность: не из-за римско-католических влияний завидились в Праге *benatku*, и под римскими влияниями оставалось достаточно места для нового Иерусалима. Не упуская из виду, что римский католицизм не есть только деморализующая сила, но и Христианская церковь. Поймите вернее положение в ней самого Гуса: не забудьте, что до 6 июня 1415 г., когда с него была снята *alba*, — до этой минуты он был римский папер... Искушайте медленным огнем критики, что полагал Гус на место того, что разрушал он... Тогда мы и увидим, куда он идет, кто он, *Syrillo-Methodianus* или *Lutherus antelutheranus*» (Л. 18 об.—19 об.). У Гуса не было бы канонически поставленных епископов. «Поймите и нам покажите Вашего Гуса в тот момент, когда он очутился во главе поднятого им духовного стада во всем своем неприглядном одиночестве, *ἀκέφαλος*, без единого епископа... Какую *историю* рисовал он начатому им движению (в смысле существования не в небесном Иерусалиме, а в земных условиях пространства и времени)? ...Добейтесь этих ответов у Вашего Гуса, и тогда будет видно по крайней мере, что он за птица: под силу ли ему ястребиный полет зоркого Виклефа, или он сродни нашим воробьям, которые, начав с сугубо аллилуйя, скорехонько достукались до беспоповщины?» (Л. 20—20 об.). Итак, заканчивает свое послание Болотов, не нужно тянуть Гуса в ряды православия, «хотя бы для этого нужны были и не канаты, а лишь слабые шелковинки. Кто опрется на этот тростник египетский, тот проколет себе руку» (Л. 20 об.). В С.-Петербургском филиале Архива РАН находятся еще

6 писем Болотова Пальмову преимущественно об академических делах. В одном из них он дает характеристику А. А. Бронзову, будущему преподавателю Академии (от 26 октября 1894 г. ПФА РАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 21. Л. 1—13). Обсуждая пробные лекции Бронзова, Болотов с раздражением отмечает схоластичность его мышления, некритический подход к немецким и французским источникам. «Это не ученый, а только переводчик... Он не внес ни малейшего участия в лекцию как мыслитель, старался всячески обойти кругом да около все пункты, где помыслить приходилось бы» (Л. 6—6 об.). Из этого письма видно, какие высокие требования предъявлялись Болотовым даже начинающему преподавателю: он обязательно должен быть уже сформировавшимся ученым, мыслителем, а не просто знатоком материала. Большое число критических замечаний вызвала у Болотова и диссертация Бронзова. «Докторский коллоквиум не может не свестись на почву моих 18 антитезисов. А в них не все же легко как пух: есть и свинцовки» (письмо ректору Академии еп. Борису (Плотникову). ОР РНБ. Ф. 91. Оп. 2. Д. 14. Л. 1).

В заключение хочется сказать о глубокой духовной связи между В. В. Болотовым и А. И. Бриллиантовым. Наряду с Д. А. Лебедевым и Б. А. Тураевым, Бриллиантов был непосредственным последователем Болотова; целый ряд его научных трудов исходит из идей Василия Васильевича. Для нас, однако, важнее всего та огромная работа, которую он провел над архивом Болотова. После смерти ученого он разобрал его бумаги, пронумеровал их и в течение 14 лет готовил к печати и издавал его неопубликованные работы. Поистине эпохальным можно назвать выход в свет четырех томов «Лекций по истории древней церкви». ⁵⁸ При подготовке этого издания Бриллиантов собирал не только литографированные и рукописные курсы разных лет, хранящиеся в архиве Болотова, но пользовался и материалами, предоставленными ему подчас незнакомыми людьми из других городов. ⁵⁹ Если бы не трагические события 1917 г., прервавшие на долгие годы развитие церковной науки в России, то, вероятно, Бриллиантову удалось бы вполне осуществить свой замысел и опубликовать все *inedita* своего учителя. Издавая труды Болотова, он снабжал их подробным историческим, богословским и библиографическим комментарием, нередко писал пространные вводные статьи, где не только представляла судьба тех или иных рукописных материалов, но и рассматриваются идеи Болотова в свете новейших исследований на эту тему. Преемником Болотова Бриллиантов явился не только как ученый, но и как преподаватель. Именно ему было предложено занять кафедру общей церковной истории, где он читал лекции до 1918 г. Первым, кто сообщил Бриллиантову об этом предложении, был И. С. Пальмов (письмо от 12 апреля 1900 г. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 263. Л. 1—2). Приведем текст этого письма: «Не смущайтесь, что во дни Светлого Праздника начинаю свое письмо с скорбной новости: не стало нашего дорогого, незабвенного... Василия Васильевича! ...Доселе я не могу прийти в себя от ниспосланного на нас удара. Писем, признаюсь, никому не писал. Первое письмо, после слез и горя, пишу Вам и для этого имею серьезные основания. Приходится замещать кафедру общей церковной истории. Я переговорил со многими членами Академического Совета, и все единогласно остановились на Вас — как на единственном желательном преемнике В. В-ча, вышедшем из одной с почившим школы Ивана Егоровича (Троицко-

⁵⁸ *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. СПб., 1907—1918. Т. 1—4 (репринт: М., 1994 — издание Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря).

⁵⁹ Ср. 3 письма И. В. Фигуровского, преподавателя Красноярской семинарии, от 1910 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 313). Он предлагает прислать экземпляр курса, читанного Болотовым в 1889/90 уч. году. Там есть раздел о распространении христианства в Армении, Грузии и Персии, не вошедший во второй том «Лекций по истории древней церкви» (Л. 1—1 об.).

го. — Л. Г.). Вас серьезно ценил незабвенный Василий Васильевич и всегда готов был отстаивать Вашу кандидатуру на академическую кафедру. Итак, исполняя завет почившего Василия Васильевича, имея в виду самую лестную для Вас рекомендацию Ивана Егоровича и удовлетворяя собственному внутреннему убеждению в превосходстве Вашей кандидатуры, усердно прошу Вас принимать, без всяких колебаний, мое настоящее частное предложение, за которым последует, конечно, и официальное. Будьте готовы к этому. Более писать я пока не в силах, ибо душа моя еще не оправилась от нанесенного ей удара». Унаследовал от Болотова Бриллиантов и место делопроизводителя Комиссии по старокатолическому вопросу.

Подводя итоги нашего очерка, следует специально подчеркнуть то значение, которое имеет для исследователей нашего времени личность Болотова не только в смысле его очевидных научных заслуг, но и как «учителя науки». Всей своей жизнью он показал нам пример подлинного самоотвержения ради возлюбленной им истории церкви; показал он и пример критического метода в исследовательской работе, внимательного изучения и анализа первоисточников, в том числе и рукописных; пример критического подхода к библиографии и к уже сложившимся системам и построениям и, наконец, пример изучения языков первоисточников. Последнее обстоятельство следует отметить особо: пожалуй, мало кто из современных историков и богословов считает нужным вдаваться в филологические, особенно лингвистические детали, — а ведь именно на богословском осмыслении этих деталей основываются открытия Болотова! Конечно, невозможно требовать от историков или филологов наших дней того знания высшей математики и астрономии, которым обладал Василий Васильевич, но необходимо взять на вооружение его отточенную филологическую методику. Подлинно профессиональный энциклопедизм был отличительной чертой исключительного таланта Болотова. Равных ему в России не было; он был одинок в своей гениальности, и это одиночество придает некий трагический оттенок всей его личности — личности, которая на короткое время вывела русскую науку на уровень не ниже, а может быть, и выше европейского.

А. И. Бриллиантов: история церкви и византиноведение в трудах ученого

До последнего времени, по причинам в основном идеологического характера, роль Санкт-Петербургской Духовной академии в истории русской науки замалчивалась. Между тем на рубеже XIX—XX вв. там работал целый ряд выдающихся ученых, известных своими трудами как по истории церкви, древней и современной, так и по византиноведению. Одним из них был Александр Иванович Бриллиантов.

Ввиду того, что внешняя сторона его жизни событиями не богата и описание его карьеры сложностей не представляет,¹ основной задачей последующего изложения является раскрытие по возможности причин, вследствие которых А. И. Бриллиантов реализовал себя много ниже своих творческих возможностей.

Все последующее изложение будет основано на анализе архивных материалов А. И. Бриллиантова. Поэтому здесь представляется необходимым прежде всего дать краткую характеристику самого архива. Он хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки («Дом Плеханова», ф. 102). Он был выделен из общего массива дореволюционных архивных документов Санкт-Петербургской Духовной академии, хранящихся здесь же, в «Доме Плеханова». Архив А. И. Бриллиантова состоит из 476 единиц хранения, которые распределяются на следующие группы: биография и личные документы: группы: дела 1—4; материалы служебной и общественной деятельности: дела 5—19; материалы служебной и общественной деятельности в ГПБ: дела 20—29; учебные материалы: дела 30—33; материалы имущественного и бытового характера: дела 34—38; работы и материалы к ним (монографии: дела 39—88; статьи: дела 89—99; биографические очерки: дела 100—120; курс лекций: дела 121—138; доклады и приветствия, справки: дела 139—149; отзывы: дела 150—164; переводы: дела 165—168); переписка: дела 169—348; изобразительные материалы: дела 349—355; материалы родственников (И. И. Бриллиантов: дела 356—387; другие родственники: дела 388—404); материалы других лиц (В. В. Болотов: дела 405—430; К. Я. Здравомыслов: дела 431—450; материалы, касающиеся иных лиц: дела 451—470); печати, надписи, автографы: дела 471—476.

До последнего времени какой-либо литературы об А. И. Бриллиантове, его жизни и научном наследии почти не было. Можно отметить не очень хорошо организованный сборник материалов М. Складовой о Санкт-Петербургской Духовной

---

¹ Не ясны лишь некоторые обстоятельства последних лет его жизни, о чем подробнее будет сказано далее.

А. И. Бриллиантов

академии и ее профессорах.² В книге есть небольшая биографическая справка об А. И. Бриллиантове и опубликовано некоторое количество писем и документов из его архива.³ Книга дает лишь самое общее представление о профессорах Духовной академии. Основное внимание в сборнике уделено гонениям на Православную церковь со стороны советской власти. О научной же деятельности профессоров Академии почти ничего не сказано.

Первая краткая связная биография А. И. Бриллиантова, содержащая также характеристику его научной деятельности, появляется в весьма детальной статье иеромонаха Иннокентия «СПБДА как церковно-историческая школа».⁴ В последующие годы в различных изданиях была опубликована целая серия небольших заметок биографического характера об Александре Ивановиче. Они поразительно близки к тому, что писал иеромонах Иннокентий. Не берусь судить, чем объясняется эта схожесть: переписыванием без ссылок на первоисточник или же тем, что несколько исследователей писали биографии одного и того же человека, т. е. перелагали в конечном счете одни и те же факты. Хотелось бы думать о последнем.

Так, несколько страниц посвящены биографии А. И. Бриллиантова и перечислению его основных научных трудов в недавнем переиздании его наиболее значи-

² Сосуд Избранный: История Российских Духовных Школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства. 1888—1932 / Сост., автор предисловия, послесл. и коммент. — Марина Складорова. СПб., 1994.

³ Биографическая справка об А. И. Бриллиантове — с. 61—62 книги, отмеченной в примеч. 2. Публикации писем из архива А. И. Бриллиантова и в некоторых случаях из других архивных фондов РНБ — с. 99—100, 124—125, 130—131, 156, 269, 271, 278, 305, 331, 333, 361—362 той же книги. Во всех случаях речь идет о письмах А. И. Бриллиантову. В той же книге опубликован ряд других документов из архива А. И. Бриллиантова. См. с. 253—257, 340.

⁴ Опубликовано в следующем издании: Богословские Труды: Сб., посвященный 175-летию Ленинградской Духовной академии. М., 1986., С. 211—268 — статья в целом; с. 233—236, 259—260 — биографические данные об А. И. Бриллиантове. Особо хотелось бы отметить, что данный сборник «Богословских Трудов», в отличие от всех остальных, не имеет номера выпуска.

тельного философского труда — «Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены».⁵ Небольшие биографические справки об А. И. Бриллиантове есть в следующих двух изданиях. Это статья А. А. Бовкалло «Последний год существования Петроградского Богословского института», завершающаяся краткими биографиями всех преподавателей института.⁶ С незначительными добавлениями материал А. А. Бовкалло повторен в биографии А. И. Бриллиантова, имеющейся в «Биобиблиографическом словаре репрессированных востоковедов», составленном Я. В. Васильковым, Ф. Ф. Перченком и М. Ю. Сорокиной.⁷

В связи с тем, что А. И. Бриллиантов был с 1919 г. членом-корреспондентом Академии наук, ему посвящено несколько строк в официальном издании: «Академия наук. Персональный состав». В издании 1974 г. и затем в издании 1999 г. информация о нем содержится практически на одной и той же странице второго тома.⁸

Наиболее обстоятельным из всех существующих в настоящее время работ об А. И. Бриллиантове является публикация М. Н. Шаромазова «Братья Бриллиантовы и их переписка», составляющая 4-й выпуск «Ферапонтовского сборника».⁹ Помимо публикации писем с комментариями данное издание содержит краткую биографию Александра Ивановича и Ивана Ивановича Бриллиантовых (С. 7—10) указанного издания, а также библиографию работ обоих братьев (С. 243—250). Здесь, правда, хотелось бы уточнить, что М. Н. Шаромазов А. И. Бриллиантов интересовал не сам по себе, а только как адресат писем И. И. Бриллиантова, основные работы которого связаны с историей Вологодского края.¹⁰

В завершение этого предварительного обзора хотелось бы особо отметить, что никто из упомянутых авторов не ставил своей целью дать полное описание архива Александра Ивановича и привести характеристику А. И. Бриллиантова как исследователя и человека.

Александр Иванович Бриллиантов родился 17 августа 1867 г. Он был родом из большой (у Александра Ивановича было восемь братьев и сестер) семьи священника, оставившей заметный след в истории и культуре Вологодчины. Его отец, Иван Михайлович Бриллиантов, был священником церкви Ильи Пророка, расположенной в полутора километрах от знаменитого Ферапонтова монастыря, он же возглавлял местную церковноприходскую школу. Брат же Александра Ивановича, Иван Иванович, первым высказал мысль о том, что автором известных фресок Ферапонтова монастыря является знаменитый Дионисий. Именно с работ И. И. Бриллиантова началось возрождение Ферапонтова монастыря.

⁵ Первое издание работы указано в списке литературы, приводимом в конце статьи. Новое издание с осовремениванием орфографии — М.: «Мартис», 1998. Биография А. И. Бриллиантова озаглавлена «От издательства» и занимает три страницы (С. 3—5) указанной книги. Автор этого текста не назван.

⁶ Опубликована в следующем издании: Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. Вып. 24. С. 484—549. Работа завершается биографиями преподавателей и студентов Богословского института. Об А. И. Бриллиантове см.: с. 518.

⁷ Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991) / Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 76—77.

⁸ Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 2. 1917—1974. М., 1974. С. 139; Российская Академия наук. Персональный состав. Кн. 2. М., 1999. С. 138.

⁹ Ферапонтовский сборник. Вып. 4. Письма И. И. Бриллиантова к А. И. Бриллиантову. 1894—1929. М., 1997.

¹⁰ Автор данной статьи хотел особо поблагодарить Г. И. Вздорнова и М. Н. Шаромазова за возможность ознакомиться с материалами М. Н. Шаромазова об А. И. Бриллиантове задолго до их публикации в 4-м выпуске «Ферапонтовского сборника».

Учился А. И. Бриллиантов в Кирилловском Духовном училище (1877—1881 гг.) и в Новгородской Духовной семинарии (1881—1887 гг.). В 1891 г., после окончания курса обучения, А. И. Бриллиантов был первым в списке выпускников Санкт-Петербургской Духовной академии. Как пишет сам А. И. Бриллиантов в автобиографии:¹¹ «По окончании курса в 1891 г. оставлен был при Академии профессорским стипендиатом по кафедре истории. С 8 апреля 1893 г. был преподавателем науки о русском расколе в Тульской духовной семинарии». ¹² Как можно видеть по приводимому ниже списку трудов А. И. Бриллиантова, в годы пребывания в Туле им было написано основное количество работ по проблемам современной ему Русской православной церкви. Последнее обстоятельство объясняется тем, что в Туле в звании исполняющего обязанности епархиального миссионера и преподавателя Тульской Духовной семинарии А. И. Бриллиантов вынужден был заниматься пропагандой православия и одновременно искоренением раскола, признанного общественно опасным сектантством в районе Тулы.¹³ В архиве Александра Ивановича сохранились подготовительные материалы к лекциям, которые он читал в Тульской Духовной семинарии в 1893—1900 гг. Это: «Лекции по истории и обличению русского раскола» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 121. 37 л.), а также «Лекции по истории и разбору западных исповеданий» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 122. 194 л.). Соотношение объемов сохранившихся лекций могло бы в принципе свидетельствовать о том, что А. И. Бриллиантов уделял во время работы в Туле больше внимания разбору западных исповеданий, а не русскому расколу. Думаю, однако, что меньший объем сохранившихся материалов к лекциям по русскому расколу объясняется какими-то случайными причинами.

Есть основания считать, что преподавательская деятельность Александра Ивановича в Туле получила известность в церковных кругах. В архиве А. И. Бриллиантова сохранилось датированное 7 мая 1897 г. письмо от архимандрита Димитрия, ректора Новгородской Духовной семинарии. Последний приглашал Александра Ивановича занять место преподавателя истории и обличения раскола в Новгородской семинарии (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 214). Последующие события показывают, что А. И. Бриллиантов этого предложения не принял.

Два года (1891—1893 гг.) в должности профессорского стипендиата в Духовной академии и семь лет преподавания в Туле (1893—1900 гг.) были для Александра Ивановича самыми значимыми в его становлении как ученого. За два года после окончания Академии им была в основном написана и в Туле лишь дорабатывалась наиболее известная и не устаревшая до сих пор работа по истории философии и богословия «Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены».

¹¹ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹² Последнее уточнение важно потому, что в биографии А. И. Бриллиантова у М. Н. Шаромазова место преподавания Александра Ивановича указано неверно. Тульская Духовная семинария трансформировалась у него в Тверскую.

¹³ Одно из архивных дел (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 8) дает хорошую информацию о самой сути конфликта и частично о деятельности в этой связи А. И. Бриллиантова. В деле приведены три письма министру юстиции от прокурора калужского областного суда от 10 ноября 1897 г., 31 декабря 1897 г. и 12 февраля 1898 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 8. Л. 9—12, 13, 14), из которых видно, что речь шла о распространении в нескольких деревнях сектантского вероучения с оскорбительными насмешками над обычаями и обрядами Православной церкви. В деле сохранился также рапорт (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 8. Л. 16, 16 об.) А. И. Бриллиантова в Тульскую Духовную консисторию по расследованию дела об отправлении молитвословия и треб раскольниками поморского согласия в доме почетного гражданина Батова. Сопоставление этих фактов с трудами А. И. Бриллиантова, написанными в это время (список приведен на с. 302—310 данной статьи), как раз и показывает, что задача Александра Ивановича в эти годы и в данной должности сводилась к участию в расследовании фактов раскола и в налаживании православной пропаганды. В архиве сохранились также два объявления (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 9) о собеседованиях тульского епархиального миссионера А. И. Бриллиантова со старообрядцами. Собеседования эти проходили 27 апреля и 11 мая 1897 г. в Тульском кафедральном соборе.

О дате написания работы свидетельствуют сохранившиеся в архиве подготовительные и черновые материалы к этому исследованию. В основном они датированы 1891—1893 гг. и лишь в незначительной мере — 1891—1898 гг.¹⁴ О том же свидетельствует и письмо И. И. Бриллиантова к А. И. Бриллиантову от 27 февраля 1895 г.¹⁵ Работа была подана как диссертация и успешно защищена в Петербургской Духовной академии 13 июля 1898 г. Таким образом, А. И. Бриллиантов в возрасте 31 года получил ученую степень магистра богословия. Здесь важно отметить, что основа этого сложнейшего исследования, показавшего знание Александром Ивановичем данной проблематики и его умение ориентироваться в научной литературе, была им написана в возрасте 24—26 лет. Подобное возможно только при силе воли, целеустремленности и большой работоспособности. Диссертационное исследование А. И. Бриллиантова позволяет говорить о том, что уже к 26 годам это был специалист высочайшего класса в выбранной сфере деятельности.

Следующий, петербургский, период жизни Александра Ивановича был для него весьма успешным по своим внешним проявлениям. Как следует из уже цитировавшейся его автобиографии, 18 мая 1900 г. Александр Иванович был избран доцентом по кафедре истории древней церкви. 22 декабря 1903 г. он уже экстраординарный профессор сверх штата по той же кафедре, менее чем через год он становится штатным экстраординарным профессором. Затем через 10 лет, 29 сентября 1914 г., Александр Иванович стал ordinary профессором. За два месяца до этого, 24 июля 1914 г., А. И. Бриллиантов стал доктором церковной истории.¹⁶

На кафедре истории древней церкви А. И. Бриллиантов проработал до закрытия Духовной академии в 1918 г. Здесь хотелось бы также отметить, что его деятельность в Духовной академии не ограничивалась только преподаванием. А. И. Бриллиантов был председателем ревизионной комиссии библиотеки Духовной академии на протяжении 18 лет — с 1900 по 1918 г. Иными словами, именно он определял всю политику комплектования библиотеки научной литературой.¹⁷

За все время преподавания в Духовной академии А. И. Бриллиантовым было написано достаточно много научных работ, стоящих по своему значению все же ниже его первого и наиболее известного труда. В эти годы Александр Иванович написал целый ряд биографических очерков о профессорах Санкт-Петербургской Духовной академии (издания указаны в списке работ А. И. Бриллиантова, помещенном в конце статьи). Что касается работ по церковной истории, то здесь можно отметить три статьи: «О происхождении монофизитства» (1906 г.), «К истории арианского спора до первого вселенского собора» (1913 г.), «О месте кончины и погребения Св. Максима Исповедника» (1918 г.).¹⁸ В эти же годы, к 1600-летию миланского эдикта 313 г. о веротерпимости, им была подготовлена монография об императоре Константине (1916 г.). В количественном отношении среди публикаций А. И. Бриллиантова этого времени преобладают рецензии, отзывы на работы других профессоров или же студентов Духовной академии.¹⁹ Ввиду того, что Алек-

¹⁴ Речь идет о следующих делах: ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 39—46 (1891—1893 гг.); Д. 47—48 (1891—1898 гг.).

¹⁵ См.: Феропонтовский сборник. Вып. 4. С. 26—27 (и комментарии к нему: с. 27—28).

¹⁶ М. Н. Шаромазов пишет, правда, не приводя ссылок на источники, что докторская степень была присуждена А. И. Бриллиантову без предоставления диссертации (Феропонтовский сборник. Вып. 4. С. 8).

¹⁷ В архиве сохранилось два объемных дела, раскрывающих деятельность Александра Ивановича в этом своем качестве. Их шифры: ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 19, 20.

¹⁸ Более подробно описание дано в итоговом библиографическом списке. Там же указаны и некоторые более мелкие работы А. И. Бриллиантова, написанные им в эти годы.

¹⁹ На рубеже веков отзывы и рецензии представляли собой весьма почтенный научный жанр, превращаясь нередко в весьма обстоятельные работы исследовательского характера. В основном это не относится к рецензиям и отзывам А. И. Бриллиантова, которые весьма кратки и приближаются тем самым к современным формализованным образцам такого рода сочинений.

сандр Иванович активно участвовал в эти годы в работе Предсоборного Присутствия, им было написано и опубликовано много небольших работ (мнений, справок, записок) по вопросам, так или иначе связанным с предстоящей церковной реформой.

Список всех этих работ (большая их часть опубликована) также приведен в конце статьи. По причинам, которые сейчас уже практически не установить, максимальное количество таких работ было опубликовано А. И. Бриллиантовым в 1906 и затем в 1914 гг. В целом же следует сказать, что во все годы преподавания Александра Ивановича в Духовной академии, как показывает даже поверхностное ознакомление со списком его публикаций, различные отзывы и рецензии продолжали оставаться основным видом его работ.

Особое место в научной деятельности А. И. Бриллиантова рассматриваемого времени заняло издание лекций по церковной истории своего учителя, известного профессора Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотова. За 12 лет (1906—1918 гг.) Александром Ивановичем были подготовлены к изданию, отредактированы, снабжены предисловиями четыре тома «Лекций по истории древней церкви» В. В. Болотова.²⁰ Работа над изданием лекций В. В. Болотова оказалась столь долгой из-за того, что после смерти Василия Васильевича в 1900 г. единого, обработанного и подготовленного текста его лекций не было. В руках А. И. Бриллиантова были лишь предварительные записи самого Болотова, литографические издания его лекций и конспекты студентов. Именно поэтому подготовка каждого тома потребовала большой предварительной текстологической работы.²¹ О сложностях, которые приходилось преодолевать А. И. Бриллиантову, хорошо свидетельствуют четыре архивных дела (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 104—107). Эти «дела» представляют собой составленные А. И. Бриллиантовым подробнейшие планы размещения материала в каждом из томов «Лекций» В. В. Болотова. Иными словами, имевшиеся в руках Александра Ивановича записи были настолько разрозненными, что логическую связь и последовательность между отдельными сохранившимися кусками приходилось устанавливать за автора.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос, что побудило А. И. Бриллиантова потратить долгие годы на подготовку к изданию чужой работы, особенно в той ситуации, когда эта подготовка требовала предварительного весьма сложного текстологического исследования. Ответ на этот вопрос содержится в уже цитировавшемся предисловии А. И. Бриллиантова к первому тому «Лекций» В. В. Болотова. Сочинение В. В. Болотова в редакции А. И. Бриллиантова восполнило существенный пробел в русской науке. Эти «Лекции» были первым систематическим изложением на русском языке истории древней церкви.²² Исторически, однако, сложилось так, что «Лекции» В. В. Болотова и по прошествии столетия остаются единственным

²⁰ *Болотов В. В.* 1) Лекции по истории древней церкви. Т. 1. Введение в церковную историю / Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907; 2) Лекции по истории древней церкви. Т. 2. История церкви в период до Константина Великого / Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910; 3) Лекции по истории древней церкви. Т. 3. История Церкви в период Вселенских Соборов: Церковь и государство. Церковный строй / Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913; 4) Лекции по истории древней церкви. Т. 4. История церкви в период Вселенских Соборов: история богословской мысли / Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. Пг.: третья государственная типография, 1918. Все четыре тома издавались также в журнале «Христианское чтение» или в основном тексте журнала, или в Приложениях. Первый том: ХЧ. 1907. Февраль. С. 250—623; Март. С. 280—361. Второй том: ХЧ. Приложения к номерам за 1908—1911 гг.; Третий том: ХЧ. Приложения к номерам за 1911—1913 гг. Четвертый том: ХЧ. Приложения к номерам за 1913—1916 гг. Все четыре тома воспроизведены также репринтно в 1994 г. в Москве.

²¹ См.: *Бриллиантов А. И.* Предисловие // *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 1. Введение в церковную историю / Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. СПб., 1907. С. VI—VII.

²² Там же. С. II—IV.

сочинением в этой области столь высокого уровня.²³ Здесь, правда, следует сделать одну оговорку. Работая над подготовкой к изданию сочинения В. В. Болотова, А. И. Бриллиантов как бы «перечеркнул» собственный труд в этой области. В архиве Александра Ивановича хранятся его собственные, весьма обстоятельные лекции по истории древней церкви.²⁴ Сохранились в большом количестве подготовительные материалы к этим лекциям,²⁵ а также конспекты этих лекций студентов Духовной академии.²⁶ Существует и литографированное издание этих лекций (оно указано в библиографическом списке, помещенном в конце статьи). В отличие от лекций В. В. Болотова, труд А. И. Бриллиантова в этой области едва ли дождетя полноценного опубликования. С одной стороны, лекции В. В. Болотова подробнее. С другой — они были недавно переизданы (см. библиографический список). Кроме того, за прошедшие десятилетия наука значительно продвинулась вперед, и простое воспроизведение лекций А. И. Бриллиантова без учета новейшей литературы и точек зрения, т. е. без обстоятельнейших комментариев с позиций наших дней, уже едва ли может представить интерес.

Большое место в жизни А. И. Бриллиантова занимала общественная деятельность в церковной среде. В его архиве сохранилось множество приглашений принять участие в заседаниях так называемого Предсоборного Присутствия.²⁷ Так называлась комиссия по подготовке вопросов к обсуждению на предстоящем поместном соборе Русской православной церкви.²⁸ Судя по всему, Александр Иванович активно принимал участие во всех заседаниях Предсоборного Присутствия.

Самым продуктивным во всех отношениях периодом жизни А. И. Бриллиантова стали первые 12 лет советской власти (1917—1929 гг.). В эти годы Александр Иванович достигает максимальной известности в научном мире и максимального признания собственных научных заслуг. Кроме того, после революции А. И. Бриллиантовым было написано основное количество работ.

По своим внешним проявлениям последние 12 лет активной научной жизни А. И. Бриллиантова были сложными. В связи с закрытием Академии он вынужден был сменить несколько мест работы. Из личных документов видно, что в 1919—1920 гг. Александр Иванович был сначала архивистом II Отделения 4-й секции Единого государственного архивного фонда,²⁹ затем старшим архивариусом в том же II Отделении.³⁰ Интересен документ от 29 апреля 1920 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 6), из которого видно, что А. И. Бриллиантов, уже в качестве помощника управляющего II Отделения 4-й секции Единого государственного архивного фонда, командирован в г. Кириллов Череповецкой губернии для разыскания хранящихся

²³ Сочинение В. В. Болотова написано с позиций православного богослова. Сам В. В. Болотов никогда и не скрывал, что пишет со вполне определенных конфессиональных позиций (*Болотов В. В. Лекции...* Т. 1. С. 36—37). За прошедшие 100 лет ни в церковной среде, ни среди представителей светской академической науки не было специалистов такого уровня и интересов.

²⁴ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 123 — «Курс лекций по истории древней церкви». Ч. 1 (1900—1912); Д. 124 — «Курс лекций по истории древней церкви» (1901—1909).

²⁵ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 130—139.

²⁶ Там же. Д. 127.

²⁷ Там же. Д. 13. Дело это состоит из повесток разных учреждений, адресованных А. И. Бриллиантову. Большая часть этих документов (Л. 1—21) состоит из приглашений на заседания Предсоборного Присутствия в 1905—1906 гг. Текст их почти всегда одинаков. Приведем для примера л. 1, повестка от 9 октября 1905 г.: «Канцелярия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Приглашение на заседание комиссии по рассмотрению вопросов, подлежащих рассмотрению предстоящим Поместным собором Всероссийской Церкви».

²⁸ О предпосылках церковной реформы и ее подготовке в годы после первой русской революции см. подробно: *Постеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 25—34, 64—66, 131.

²⁹ Это следует из удостоверения от 7 мая 1919 г.: ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 — удостоверение от 27 октября 1919 г. Из этого документа видно, что А. И. Бриллиантов работал с архивом Санкт-Петербургской Духовной академии.

в монастырях и церквях архивных материалов XVIII в. Венцом карьеры А. И. Бриллиантова как архивиста стала должность заведующего фондом в составе все того же II Отделения 4-й секции архивного фонда.³¹

В эти же годы Александр Иванович читал лекции в существовавшем в Петрограде до 1924 г. Богословском институте. Архивные документы Богословского института показывают, что А. И. Бриллиантов входил в Совет института, являясь одним из лиц, определявших всю деятельность этого учебного заведения.³²

Непосредственно же в архиве А. И. Бриллиантова сохранились только два документа, связанных с его деятельностью в этом институте. Хронологически первым из них является письмо К. Я. Здравомыслова А. И. Бриллиантову (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 221) от 25 декабря 1919 г., из которого видно, что патриарх через К. Я. Здравомыслова обращался к Бриллиантову с просьбой принять участие в чтении лекций в Богословском институте. Другой документ — это удостоверение от 14 сентября 1920 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 7), объясняющееся во многом экономической ситуацией того времени. В документе, выданном Советом Петроградского богословского института, сообщается, что А. И. Бриллиантов освобождается от всеобщей трудовой повинности по заготовке дров.

В 1918—1919 гг. Александр Иванович читал лекции по истории древней церкви в Педагогическом институте, что видно из пяти писем известного византиниста А. А. Васильева, являвшегося в эти годы деканом словесно-исторического факультета Педагогического института. Эти письма (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 204) охватывают период с 24 сентября 1918 г. по 14 сентября 1919 г. А. А. Васильев согласовывал с А. И. Бриллиантовым тематику и время чтения лекций. К тому же времени относится сохранившееся в архиве письмо Н. Я. Марра А. И. Бриллиантову (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 250. Л. 4). Н. Я. Марр — в это время декан факультета восточных языков 1-го Петроградского университета — извещает Бриллиантова о всероссийском конкурсе на занятие вакантных кафедр и профессур на факультете восточных языков. Подобное обращение Н. Я. Марра к Бриллиантову было вызвано, как кажется, следующим обстоятельством. Сохранившиеся в большом количестве в архиве материалы к так и не написанной работе «История монофелитского спора»³³ показывают, что А. И. Бриллиантов владел двумя восточными языками — армянским и сирийским.³⁴ Есть также основания думать, что Александр Иванович знал грузинский.³⁵ Судя по всему, А. И. Бриллиантов предложением Н. Я. Марра не воспользовался.

Важно отметить, что в советское время научные заслуги А. И. Бриллиантова были оценены достаточно высоко. Из автобиографии (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.) видно, что в 1919 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук.³⁶ С 15 ноября 1921 г. Александр Иванович был главным библиотекарем

³¹ См.: ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 — удостоверение от 20 ноября 1920 г.

³² Бовкалло А. А. Последний год существования Петроградского Богословского института. С. 487, 488.

³³ Об этой работе и материалах к ней см. подробно в примечаниях к списку трудов А. И. Бриллиантова.

³⁴ Переводы с сирийского представлены следующими двумя архивными делами — ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 73, 74. Переводы армянских источников: Там же. Д. 76, 77. Кроме того, из письма архиепископа Анатолия (Грисюка) от 28 апреля 1912 г. видно, что Александр Иванович имел в своей библиотеке сирийских авторов. Архиепископ Анатолий благодарит А. И. Бриллиантова за присылку на время сочинения Дионисия Тельмахрского (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 179. Л. 17).

³⁵ В работе А. И. Бриллиантова «Список епископий в обряднике Константина Багрянородного» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 143. Л. 79) есть одно слово на грузинском языке.

³⁶ Официальные издания (Академия наук. Персональный состав — см. ссылку выше в примеч. 8) позволяют уточнить, что он был избран 6 декабря 1919 г. по разряду историко-политических наук Отделения исторических наук и философии.

Публичной библиотеки. В архиве А. И. Бриллиантова сохранилось достаточно много документов о деятельности ГПБ в 20-е гг. и о его работе в библиотеке.³⁷

В научном отношении период после 1917 г. был для А. И. Бриллиантова наиболее продуктивным. Объяснить это, судя по всему, несложно. Большую часть своей творческой жизни А. И. Бриллиантов преподавал в различных вузах. Всякий, кто на собственном опыте знаком с преподавательской работой, знает, насколько мало она оставляет свободного времени. С течением же времени роль преподавания в жизни Александра Ивановича только уменьшалась. В 1918 г. была закрыта Духовная академия, в 1924 г. такая же судьба постигла Богословский институт. Преподавание же в Педагогическом институте было, судя по всему, для Александра Ивановича случайным эпизодом.

В общественной жизни советской России А. И. Бриллиантов уже не участвовал.³⁸ Что же касается церковной жизни, то, помимо преподавания в Богословском институте, о чем речь уже шла, необходимо особо остановиться на письме И. И. Бриллиантова Александру Ивановичу, написанном 17 мая 1923 г.³⁹ Из письма видно, что в 1923 г. кандидатура А. И. Бриллиантова выдвигалась обновленцами на должность правящего архиерея, т. е. митрополита, Петроградской епархии. А. И. Бриллиантов ответил отказом. Отсутствие каких-либо иных документов, которые позволили бы прояснить этот вопрос, не позволяет разобраться до конца в истории выдвижения и рассмотрения кандидатуры А. И. Бриллиантова на должность митрополита Петроградского. Есть основания полагать, что отказ А. И. Бриллиантова выступить от имени обновленцев очень точно характеризует особенности его внутренних взглядов. Возникновение движения обновленчества отражало готовность ряда священнослужителей пойти на компромисс с советской властью, что было совершенно неприемлемо для Александра Ивановича по двум причинам: по политической (непримирение советской власти), по церковно-религиозной (в обновленчестве он видел, судя по всему, отклонение от ортодоксального православия).⁴⁰

Большинство работ А. И. Бриллиантова, написанных после революции, осталось неопубликованным. Штудии по истории церкви в советское время если и не запрещались, то, безусловно, не поощрялись. Конкретные характеристики этих работ отражены в примечаниях к списку литературы. Здесь особо хотелось бы отметить следующие моменты.

Можно только пожалеть, что осталась ненаписанной работа, которая могла бы стать важнейшим научным достижением А. И. Бриллиантова, — «История монофелитского спора». Сохранившиеся подготовительные материалы и многочислен-

³⁷ Главным образом это архивные дела 20—29 фонда А. И. Бриллиантова.

³⁸ В архиве сохранилось письмо А. И. Бриллиантову от 15 февраля 1927 г. за подписью председателя Комиссии по истории знаний АН СССР (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6. Л. 11). Незаборчивость подписи не позволила определить, от кого именно исходило письмо. Его автор извещал, что все действительные члены АН и члены-корреспонденты состоят, если они пожелают, членами этой Комиссии. Автор послания выражал также надежду на то, что А. И. Бриллиантов откликнется на приглашение участвовать в деятельности Комиссии. Надежды эти не оправдались.

³⁹ Цит. по: Феропонтовский сборник. Вып. 4. С. 180—181.

⁴⁰ Хорошей литературы по истории Русской православной церкви в XX в. немного. Имеющиеся же исследования написаны либо с ярко выраженных атеистических позиций, либо — православных и антикоммунистических. Специальной работой об обновленчестве является книга: *Шлишкин А. А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1977 (в особенности же гл. 3. «Обновленческий раскол». С. 78—184). Об обновленчестве см. также работу общего характера: *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 62—82. Эта книга содержит также весьма обстоятельную библиографию по истории русского православия в XX в. (С. 486—494). Что касается отношения А. И. Бриллиантова к советской власти, то этот вопрос несколько более подробно будет рассмотрен далее, при общем анализе внутреннего мира Александра Ивановича.

ные конспекты показывают, что работа была задумана им в годы первой мировой войны. Затем Александр Иванович постоянно возвращался к этой теме на протяжении 15 лет — до выхода на пенсию в 1929 г.⁴¹

По имеющимся материалам видно, что работа должна была представлять собой нечто гораздо больше, чем просто описание теологических и философских споров вокруг доктрины монофелитства. История монофелитов должна была быть показана на широком фоне истории всех конфессий ранневизантийского времени и истории Византии, Армении, становления арабского Халифата. В связи с разработкой А. И. Бриллиантовым этой темы не может не удивить следующий факт. Александр Иванович возвращался к этой теме неоднократно, составлял выписки, но работу не писал. К сожалению, во всем изобилии сохранившихся материалов А. И. Бриллиантова о монофелитах нет ни единой строчки обобщения, синтеза накопленных материалов. Чем это могло быть вызвано? Александр Иванович, безусловно, материалом владел и был в состоянии написать такую работу. Думается, что дело здесь именно в идейной обстановке 20-х гг., когда изучение истории церкви не поощрялось. Правда, в эти же годы А. И. Бриллиантов писал и даже довольно много сочинений по истории церкви.⁴² Поэтому здесь нельзя исключать также и одной гораздо более прозаической причины, которую можно сформулировать так — текучка повседневных дел. Иначе говоря, не забывая об этом сюжете, Александр Иванович вынужден был заниматься разнообразными повседневными делами службы и бытовыми проблемами своими и своих родственников.⁴³ Так и могло получиться, что при всех благих намерениях А. И. Бриллиантова работа не состоялась.

В 1919—1921 гг. А. И. Бриллиантов заинтересовался Иоанном Златоустом. В его архиве хранятся выписки из разных произведений Златоуста с некоторыми замечаниями к ним (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 116). Работа, однако, не состоялась, и интерес Александра Ивановича к известному проповеднику не пошел далее конспектов и предварительных замечаний.

В 1920—1922 гг. Александр Иванович написал большую работу о развитии папской власти в Западной Европе в поздней античности и в раннее средневековье. Работа эта также осталась неопубликованной. Работа велика по объему: рукопись занимает 126 листов крупного формата, исписанных с обеих сторон (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 87).

В 1925 г. А. И. Бриллиантов написал большую статью по истории христианской литературы IV в. — «Маркеллианское произведение под именем св. Анфимия Никомидийского». Статья эта также не опубликована (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 95).

Несомненный интерес представляет его выступление 13 марта 1928 г. на заседании Русско-византийской комиссии с докладом «Список епископий Епифания Кипрского в Обряднике Константина Порфирородного».⁴⁴

Архивные материалы позволяют определить, что появлению этой статьи предшествовала длительная работа А. И. Бриллиантова над сочинениями Епифания Кипрского. В архиве сохранились выписки Александра Ивановича из гомилий Епифания со своими замечаниями (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 117 — 1925—1926 гг.). Имеется также достаточно объемистый словарь терминов и понятий в произведениях Епифания (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 118 — 1926—1927 гг.).

Прежде чем переходить к рассмотрению событий последних лет жизни Александра Ивановича — а с ними связано немало сложных проблем, хотелось бы по-

⁴¹ Конкретная ссылка на архивные материалы приведена ниже, в списке литературы.

⁴² Отмечены в списке литературы в конце статьи.

⁴³ Настолько, насколько позволяют архивные источники, эти вопросы рассмотрены на последующих страницах.

⁴⁴ О дате известно из следующего документа: ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

дробнее остановиться на характеристике А. И. Бриллиантова как ученого и как человека. Эти заметки носят более субъективный характер, ибо архивные документы фиксируют тот или иной факт, тогда как теперь надо будет говорить об их осмыслении или отношении к ним.

Хотелось бы начать с одного общего момента. Для любого человека его работа может быть либо способом обеспечения пропитания, либо — служением той или иной идее по призванию. В полной мере это относится и к ученым, работавшим в Духовных академиях на рубеже XIX—XX вв. Их можно условно разделить на две группы. Для одних работа в Академии была местом службы (самый известный пример — В. О. Ключевский), для других — образом жизни. А. И. Бриллиантов относился, вне всякого сомнения, к последним. Вся его жизнь была подчинена одной цели — служению идее ортодоксального православия. Можно с уверенностью также говорить о том, что занятия наукой были важны для него не сами по себе, а только как способ служения основной для него цели — торжеству православия.

Приверженность вере сама по себе не препятствует научным занятиям, хотя, на мой взгляд, и не способствует им. Здесь очень многое зависит от личности и конкретных особенностей характера человека, далеко не всегда отражаемых в архивных материалах. Служению православию как идее была подчинена — если говорить о современниках А. И. Бриллиантова — вся жизнь таких известных исследователей, как Н. Н. Глубоковский или А. А. Дмитриевский, научная слава которых была уже и при их жизни международной и весьма яркой.

С А. И. Бриллиантовым ситуация несколько иная. Складывается впечатление, что Александр Иванович, в отличие от многих своих коллег, занимавшихся древней историей и византистикой, вообще не выезжал за пределы России. Правда, было бы неверно утверждать, что у А. И. Бриллиантова не было контактов с внешним миром, с учеными других стран. Связи эти, однако, носили, как показывают документы, своеобразный характер.

Отметим прежде всего, что среди иностранных корреспондентов А. И. Бриллиантова преобладали книготорговцы, фотографы и лица, ответственные за подписку на то или иное издание. Иными словами, Александр Иванович искал за рубежом контактов прежде всего с теми, у кого можно было бы купить книги, с теми, у кого можно было бы заказать фотографии нужных рукописей, и, наконец, с теми, с кем можно было бы договориться о подписке на то или иное периодическое издание.⁴⁵

Случайно сохранившийся в архиве документ позволяет представить себе, как именно А. И. Бриллиантов решал эти проблемы в реальной жизни. В одном из архивных дел (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 37. Л. 8) представлена копия квитанции о переводе денег из Петроградского отделения французского банка *Credit Lyonnais* в Париж, со счета Александра Ивановича на счет одного из книготорговцев суммы в 98 франков в уплату за приобретенную литературу. Дата документа написана неразборчиво, и если день совершения операции сомнений не вызывает — 8/21 октября, то год может быть любым между 1914 и 1917 гг.⁴⁶

⁴⁵ Например: ОР РНБ. «Дом Плеханова». Ф. 102. Оп. 1. Д. 172 — письмо (1913 г.) владельцу фотографии в Лондоне с заказом на изготовление фотографий сирийских рукописей из собрания Британского музея; ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 351 (1912—1914 гг.) — переписка с *Bibliotheca Apostolica Vaticana* по поводу изготовления нужных фотографий; ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 332 (1915 г.) — письмо в Париж по поводу организации подписки на 1915—1916 гг. на журнал «*Bulletin de litterature Ecclesiastique*»; ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 342 — письмо (14 января 1913 г.) от римского фотографа *Pompeo Sesani* по вопросу оплаты выполненного заказа; ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 344 — 3 письма от Т. Штауффера (*Th. Stauffer*), книготорговца из Лейпцига (30 июля 1914—18 сентября 1924 г.) по вопросам оплаты высланных книг.

⁴⁶ Квитанция заполнена от руки, и последний знак, образующий цифру года, выглядит настоящим иероглифом.

Интересно, что в архиве сохранилось крайне мало писем А. И. Бриллиантову от зарубежных коллег. Среди немногочисленных писем самого Александра Ивановича обращают на себя внимание 3 письма на русском языке английскому богослову Ф. В. Паллеру (F. W. Puller) (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 175). Письма датируются 1912—1914 гг. В них А. И. Бриллиантов излагал взгляды отчасти В. В. Болотова, отчасти — свои собственные по вопросу о filioque. В архиве сохранились и ответы Ф. В. Паллера на письма А. И. Бриллиантова, относящиеся к интервалу 1912—1914 гг. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 341).

Помимо переписки с Паллером в архиве представлены также:

— письмо от швейцарского профессора Е. Мишо (A. Michaud), датированное 15 марта 1913 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 338);

— письмо от итальянского теолога Аурелио Пальмиери (P. Aurelio Palmieri), датированное 24 сентября 1904 г. Автор подробно писал о своем интересе к русской богословской литературе и к сочинениям А. И. Бриллиантова в частности (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 338);

— письмо от профессора церковной истории Йозефа Печки (Josef Pejčka), датированное 27 апреля 1914 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 340). В это же архивное дело помещен и ответ А. И. Бриллиантова на это письмо. Оба профессора церковной истории обсуждали богословские сюжеты;

— письмо из Берлина (13 декабря 1925 г.) от Карла Хольба (K. Holb), благодарящего А. И. Бриллиантова за присланную литературу, которую он ранее не видел. К сожалению, не удалось определить, кем был К. Хольб и какую именно литературу отправлял ему Александр Иванович.

На этом список иностранных корреспондентов, коллег А. И. Бриллиантова, исчерпывается. Не исключено, что незначительность этого списка вполне отражает реальную жизненную ситуацию. Иными словами, у самого Александра Ивановича среди иностранных корреспондентов коллег, вероятнее всего, действительно было немного, и сам он не особенно стремился к расширению этих контактов.

В архиве А. И. Бриллиантова сохранились и иные документы, характеризующие контакты Александра Ивановича с европейскими странами. Так, до наших дней дошло приглашение Александру Ивановичу приехать в Швейцарию, на конгресс Старокатолической церкви в Берн (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 335). Письмо на бланке датировано мартом 1904 г. Конгресс был запланирован на сентябрь 1904 г. Мы не знаем, воспользовался ли А. И. Бриллиантов этим приглашением. В архиве имеется один по-настоящему загадочный документ. Это письмо на бланке (литография, текст на русском языке), подписанное А. Ц. Стояном, членом австрийской Государственной Думы (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 300). Австрийский парламентарий приглашал Александра Ивановича на Велеградский съезд Велеградской Академии, который должен был состояться в июле 1914 г. в Моравии. Само письмо Стояна датировано 5 июня 1914 г. Упоминание Моравии позволяет, правда, предположить, что речь идет о какой-то из национально-патриотических организаций чехов. Есть в архиве и анкета участника Второго международного конгресса византинистов, который должен был состояться в Белграде в 1928 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 18). Судя по всему, Александр Иванович этим приглашением также не воспользовался.

Изложенный материал позволяет, таким образом, сформулировать следующий вывод: А. И. Бриллиантов не особенно стремился к активному общению с зарубежными коллегами и, вполне может быть, вообще никогда не выезжал из России. Объяснений этому может быть несколько.

Чаще всего побудительным мотивом для любого исследователя ехать за рубеж является невозможность ознакомиться в своей стране с нужной книгой или рукописью.

Для Александра Ивановича этой проблемы не существовало. Будучи ответственным за снабжение библиотеки Духовной академии научной литературой и успешно решая из года в год эту задачу, он имел под рукой все необходимое для своей работы. Судя по всему, А. И. Бриллиантов, прекрасно разбираясь в рукописной традиции исследуемых сочинений христианской литературы, не испытывал интереса к непосредственной работе с рукописями и успешно решал все свои проблемы путем заказа фотокопий нужных рукописей.

Нельзя, однако, исключать, что отсутствие у Александра Ивановича интереса к зарубежным поездкам с научными целями могло объясняться более прозаическими причинами — отсутствием возможности оплачивать зарубежные командировки и многочисленными заботами о своих родственниках.

Архивные документы позволяют утверждать, что из всего многочисленного семейства Бриллиантовых именно Александр Иванович добился в обществе самого высокого общественного положения и сделал наиболее удачную карьеру. Недавно опубликованная в уже цитированном выше 4-м выпуске «Ферапонтовского сборника» «переписка»⁴⁷ двух братьев — Александра Ивановича и Ивана Ивановича Бриллиантовых — показывает, что Александр Иванович постоянно, не реже одного раза в два месяца, переводил родственникам, жившим в селе Цыпино, деньги. Достоверной информацией о доходах Александра Ивановича мы не располагаем,⁴⁸ но регулярность денежных переводов родственникам прекрасно подтверждается документально.⁴⁹

Кроме того, в петербургской квартире А. И. Бриллиантова достаточно регулярно жили его родственники.⁵⁰ Чаще всего это был Иван Иванович Бриллиантов, также учившийся в Санкт-Петербургской Духовной академии. После революции Александру Ивановичу пришлось немало времени заниматься делами другого своего брата — Леонида Ивановича, школьного учителя, больного в начале 20-х гг. эпилепсией. Последний, после 19 лет работы в г. Могилеве (1903—1922 гг.), прибыл в Петроград в 1922 г., поселился в квартире брата и находился на полном иждивении Александра Ивановича. В архиве сохранилось несколько писем А. И. Бриллиантова по делам брата, адресованных в различные государственные инстанции (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 22—24). Датируются эти документы летом и осенью 1924 г. В одном из них Александр Иванович обращается в ленинградский Губздрав с просьбой о разрешении на оставление своего брата Леонида Ивановича в больнице как инвалида труда в связи с тем, что страховая касса признала за Леонидом Ивановичем право на бесплатное лечение как инвалида труда (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 4. Л. 24, документ от 16 октября 1924 г.).

⁴⁷ Обстоятельства невольно заставляют ставить это слово в кавычки. До наших дней дошли лишь письма Ивана Ивановича к Александру Ивановичу. По ним, правда, можно составить представление о тех или иных поступках и взглядах Александра Ивановича.

⁴⁸ В этой связи можно отметить лишь сохранившиеся в архиве два договора о найме квартиры, которые А. И. Бриллиантов подписывал осенью соответственно 1908 и 1909 гг. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 37. Л. 2—3). За свою квартиру он платил 720 р. в год, т. е. по 60 р. в месяц. (Отметим здесь, что и до 1917 г., и после революции Александр Иванович жил по адресу Херсонская ул., д. 5, кв. 30.)

⁴⁹ Ниже приводится лишь несколько ссылок на письма И. И. Бриллиантова, в которых упоминаются денежные переводы А. И. Бриллиантова. Страницы при этом указаны по изд.: Ферапонтовский сборник. Вып. 4. Письмо от 28 ноября/11 декабря 1919 г. (С. 122—124); письмо от 29 декабря 1922 г./11 января 1923 г. (С. 175—177); письмо от 22 июня/5 июля 1923 г. (С. 182—185); письмо от 21 июля/3 августа 1923 г. (С. 185—187); письмо от 8/21 ноября 1923 г. (С. 190—191); письмо от 14/27 и 15/28 января 1924 г. (С. 191—194); письмо от 4—6 и 17—19 января 1925 г. (С. 203—204); письмо от 14/27 февраля 1926 г. (С. 214—216).

⁵⁰ Не случайно поэтому в архиве А. И. Бриллиантова сохранилось много документов, связанных с его родственниками. Так, в делах 356—359 собраны материалы, имеющие отношение к Ивану Ивановичу Бриллиантову; в делах 390—394 представлены бумаги, касающиеся Вениамина Ивановича Бриллиантова; в делах 398—401 — Леонида Ивановича Бриллиантова.

Особого внимания переписка А. И. Бриллиантова заслуживает также в ином отношении. В принципе письма всегда дают основание судить о внутреннем мире человека. Если посмотреть на письма, представленные в архиве Александра Ивановича, с этой точки зрения, то они дают сравнительно немного. Дело в том, что писем самого А. И. Бриллиантова в архиве крайне мало. Это следующие 7 архивных дел — ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 169—176, адресаты которых известны.⁵¹ В 176-й единице хранения числятся, согласно описи, четыре письма неустановленным лицам. Между тем писем неустановленным лицам в этой единице хранения только три. Четвертое из этих писем адресовано Арсению, старообрядческому епископу уральскому. В этом убеждает сопоставление с письмом А. И. Бриллиантову от епископа Арсения (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 182) от 28 сентября 1900 г.⁵²

Вся остальная часть представленных в архиве писем — это уже послания от разных лиц А. И. Бриллиантову. Здесь нельзя не обратить внимание на то, с кем Александр Иванович состоял в переписке. За крайне редкими исключениями, это, если так можно сказать, люди церкви — преподаватели Духовных академий, студенты, учившиеся у А. И. Бриллиантова, церковные иерархи. Иными словами, круг общения Александра Ивановича ограничивался людьми церкви. Обращение к светскому миру и любые контакты с государством, особенно в советское время, у А. И. Бриллиантова вызывались, судя по всему, только крайней необходимостью.

Имеющийся материал позволяет высказать и несколько предположений более личного плана, основанных, правда, на суждении по аналогии. Хорошее взаимопонимание между И. И. Бриллиантовым и А. И. Бриллиантовым позволяет говорить о том, что взгляды Ивана Ивановича были по меньшей мере близки и понятны Александру Ивановичу. Последнее же весьма важно, ибо, как уже говорилось, мы не располагаем письмами самого А. И. Бриллиантова к брату. Разбросанные же в письмах И. И. Бриллиантова отдельные фразы и слова⁵³ позволяют следующим образом охарактеризовать мировоззрение обоих братьев в советское время. А. И. и И. И. Бриллиантовы, будучи глубоко верующими, не могли внутренне принять власть, ставшую на путь репрессий против церкви и насаждением атеизма стремившуюся по возможности уменьшить роль церкви в общественной жизни. Именно поэтому оба брата, вынужденные в силу понятных причин приспосабливаться к окружающей их советской действительности, по сути своей жили узким миром интересов своих ближайших родственников и церкви. В силу своего характера — возможно, воспитания — Александр Иванович и Иван Иванович не были активными противниками советской власти. Не представляет, однако, сомнений, что оба они не были сторонниками советской власти и не могли испытывать к ней симпатий.

С последними годами жизни А. И. Бриллиантова связано несколько неясных моментов, которые — во всяком случае сейчас — не представляется возможным прояснить. Александр Иванович вышел на пенсию в 1929 г. Судя по всему, для А. И. Бриллиантова это был по-настоящему полный отход от дел, ибо в архиве нет никаких свидетельств какой-либо его научной деятельности после 1929 г.⁵⁴ Сейчас остается только гадать, почему именно А. И. Бриллиантов полностью отошел

⁵¹ Среди них хотелось бы отметить А. А. Киреева (Д. 171 — 2 письма, 1898—1901 гг.), Н. Я. Марра (Д. 173, 6 ноября 1916 г.), И. В. Помяловского (Д. 174 — 13 октября 1898 г.).

⁵² При этом соотношение между этими единицами хранения представляется следующим: д. 182 является ответом на 4 письмо из д. 176.

⁵³ Они не приводятся здесь, ибо данная работа посвящена все же характеристике Александра Ивановича как ученого, а эти выводы можно строить только на очень косвенных и расплывчатых данных.

⁵⁴ Можно отметить, что 1929 г. датируются его последние записи материалов, относящиеся к так и не реализованной работе «История монофелитского спора».

от всех дел с момента выхода на пенсию. Обращение к письмам И. И. Бриллиантова, отправленным А. И. Бриллиантову в конце 1928 г., позволяет считать, что у А. И. Бриллиантова особых проблем со здоровьем не было.⁵⁵ Правдоподобным кажется следующее предположение, высказываемое М. Н. Шаромазовым в комментариях к письму И. И. Бриллиантова от 15 декабря 1928 г.⁵⁶ Иван Иванович, среди прочих тем письма, благодарит Александра Ивановича за присланные газеты. В связи с этим комментатор пишет о том, что внимание обоих братьев к газетам не случайно. Они чувствовали осложнение внутренней обстановки и могли предвидеть близость собственного ареста. В этой связи можно предположить, что А. И. Бриллиантов вышел на пенсию и полностью отошел от дел, предполагая приближение очень неблагоприятных для себя обстоятельств.

На следующий год, 10 июня 1930 г., Александр Иванович был арестован. Его обвинили в участии в контрреволюционной организации, возглавляемой академиком Платоновым, собиравшейся якобы свергать советскую власть и восстанавливать монархию. Ему инкриминировали также материальную поддержку сосланных священников. В феврале 1931 г. А. И. Бриллиантов был приговорен к расстрелу. Приговор был заменен 10 мая 1931 г. на 5 лет лагерей с конфискацией имущества. Очень быстро, уже 26 мая 1932 г., Александр Иванович был освобожден. 1 июня 1933 г. А. И. Бриллиантов скончался в ссылке в Тамбове.

По материалам, приводимым М. Н. Шаромазовым, ни год смерти, ни место ссылки А. И. Бриллиантова точно не известны. Со ссылками на сведения, сообщаемые родственниками, М. Н. Шаромазов пишет, что Александр Иванович, скорее всего, умер в 1934 г. Совершенно иная версия сообщается в кратком предисловии «От издательства», помещенном в новом переиздании известной книги А. И. Бриллиантова «Влияние восточного богословия на западное...».⁵⁷ Безымянный автор этого предисловия пишет,⁵⁸ что А. И. Бриллиантов умер в 1930 г. (по другим сведениям — в 1933 г.) от дизентерии во время этапа на пути в Свирлаг.

В этой связи загадочным является пригласительный билет А. И. Бриллиантову на общее собрание Академии наук 2 февраля 1931 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 12. Л. 11). Учитывая особенности менталитета того времени, вероятность ошибки — того, что работники Президиума АН могли послать приглашение на официальное мероприятие осужденному, — представляется сомнительной. Правда, сходные неясности связаны еще с несколькими людьми этого времени и близкого рода занятий. По документам получается, что двое византистов этого времени: В. Е. Вальденберг (1871—1940) и М. А. Шангин (1896—1942) как будто бы привлекались по тому же «академическому делу», что и А. И. Бриллиантов. Однако же документы позволяют в то же самое время сделать вывод о том, что репрессии их как будто бы и не коснулись.⁵⁹ Сопоставление биографий трех ученых дает возможность в этой связи сделать следующее предположение. Судя по всему, организаторы «академического дела» сами запутались в своих «конструкциях обвинения» и вынуждены были отпускать тех лиц, обвинения против которых оказывались более чем несостоятельными, или же смягчать приговоры, стараясь, так сказать, сохранить лицо.

Обращение к специальной исследовательской литературе об «академическом деле» (см. упомянутую работу В. С. Брачева) позволяет сделать и еще одно предположение. Неожиданное по рамкам тех лет смягчение приговоров и быстрое ос-

⁵⁵ См.: Ферапонтовский сборник. Вып. 4. С. 236.

⁵⁶ Там же. С. 236—238.

⁵⁷ См. выше, примеч. 4.

⁵⁸ См. с. 3 указанной книги.

⁵⁹ См. по этому вопросу: Земскова В. И. В. Е. Вальденберг: биография и архив // РНБВ. С. 426—427; Гукова С. Н. М. А. Шангин: жизнь и творчество // Там же. С. 498. Ср. также: Брачев В. С. «Дело историков» 1929—1931 гг. СПб., 1998. С. 3.

вобождение многих осужденных могло объясняться одним прагматическим соображением. Советская власть в целом и организаторы дела в частности совершенно не стремились к уничтожению и разгрому Академии. Цель, бесспорно, заключалась в другом — в трансформации Академии в духе преданности марксизму и коммунистическим идеалам.⁶⁰ В течение короткого срока создать сформировавшихся специалистов высокого уровня, придерживавшихся новой идеологии, было невозможно. Это как раз и диктовало необходимость «взвешенного» подхода к ученым дореволюционного формирования и воспитания. Думается, что как раз это и спасло от физического уничтожения и А. И. Бриллиантова, и многих других так или иначе привлекавшихся по «академическому делу».

Информацию о библиографии работ А. И. Бриллиантова хотелось бы предвратить оценкой самим Александром Ивановичем своей научной деятельности. В автобиографии, написанной после 1918 г., но до 1923 г. (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 2), А. И. Бриллиантов приводит два варианта списка собственных трудов, которые значительно короче приводимого на последующих страницах. Очевидно, что Александр Иванович включил в них только то, что действительно считал наиболее важным.

Л. 1 об.: «К учено-литературным трудам относятся: Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены (1898); К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова, как церковного историка (1901); Происхождение монофизитства (1906); биографические очерки — об епископе Иннокентии Смирнове (1912), проф. В. В. Болотове (1910) и проф. И. В. Чельцове (1911); К истории арианского спора до Первого Вселенского собора (1913); Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. (1916); О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника (1918). Редактировал посмертное издание лекций по истории древней церкви проф. В. В. Болотова т. I—IV (1907—1918)».

На следующей странице того же архивного дела (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 2. Л. 2—2 об.) находится более полный вариант того же списка:

«1. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб., 1898; 2. Иоанн Скот Эригена и его отношение к богословию восточному и западному (речь перед защитой диссертации) // Хр. Чт. 1898. № 7; 3. К вопросу о философии Эригены (ответ профессору В. С. Серебренникову). СПб., 1899; 4. Статья об Эригене в Энцикл. словаре Брокгауза—Эфрона, полутом 81. СПб., 1906; 5. Происхождение монофизитства // Хр. Чт. 1906; 6. К вопросу о бенедиктинских изречениях св. отцов // Хр. Чт. 1906; 7. Из истории арианского спора до Первого Вселенского собора // Хр. Чт. 1913. №№ 6—7; 8. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. // Хр. Чт. 1915—1916; 9. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Хр. Восток. 1914; 10. К характеристике ученой деятельности В. В. Болотова как церковного историка // Хр. Чт. 1907. № 4; 11. Проф. В. В. Болотов. Биографический очерк // Хр. Чт. 1910. № 4, 5—6, 7—8, 12; 12. Проф. И. В. Чельцов. Биографический очерк // Хр. Чт. 1911. № 10, 11, 12; 13. Преосв. Иннокентий (Смирнов) еп. Нежинский. Биогр. очерк // Хр. Чт. 1912».

⁶⁰ Существующие иной раз в литературе оценки «академического дела» именно как разгрома Академии неверны в принципе и объясняются риторикой и эмоциями, далекими от науки (примеры есть в ссылках на с. 3—7 упомянутой книги В. С. Брачева, отличающейся как раз взвешенностью подхода). Не приходится, конечно, сомневаться в том, что репрессии против старых специалистов привели к резкому снижению научного потенциала Академии, но это уже предмет особого разговора.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛНЫЙ СПИСОК РАБОТ А. И. БРИЛЛИАНТОВА¹*Первая группа работ***1898**

1. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены: Магистерская диссертация. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1898. 516 с.²

1899

2. К вопросу о философии Эригены: Ответ профессору В. С. Серебrenникову. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1899. 58 с.

1904

3. Эригена [Иоанн Скот] // Энциклопедический словарь. СПб., издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1904. Т. 41. С. 16—20.

1906

4. Происхождение монофизитства: Речь, предиазначавшаяся к произнесению в день годовичного акта 17 февраля 1906 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1906. 30 с. То же: ХЧ. 1906. Июнь. С. 793—822. То же: Отчет о состоянии Санкт-Петербургской Духовной академии за 1905 г. СПб.: Типография М. Меркушева, 1906.

1910

5. По поводу мнения о существовании в древней церкви так называемых «диаконалис по одеянию» в качестве подготовительной ступени к служению в звании диаконалис в собственном смысле (с рукоположением). 1910 г.³ Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 147.

1900—1912

6. Курс лекций по истории древней церкви. 1900—1912 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 123 (первая часть — 280 л.); ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 124 (вторая часть — 396 л.).

1913

7. К истории арианского спора до Первого Вселенского собора. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 52 с. То же: ХЧ. 1913. Июль—август. С. 372—398; Октябрь. С. 1176—1200.

8. Константин Великий и его сыновья. Статья. 1913 г. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 90.⁴

¹ Список работ А. И. Бриллиантова, составленный М. Н. Шаромазовым, см.: Ферапонтовский сборник. М., 1997. Вып. 4. С. 243—249. У М. Н. Шаромазова список трудов выстроен в хронологическом порядке, без разделения на группы. Приводимый в данной статье список работ А. И. Бриллиантова полнее в том отношении, что здесь отражены имеющиеся в его архиве подготовительные материалы к некоторым так никогда и не написанным работам.

² Из монографического наследия А. И. Бриллиантова это наиболее ценная и не устаревшая вплоть до наших дней работа, что объясняется как необычностью и сложностью сюжета, так и тем, что под подобным углом зрения произведения Иоанна Эригены практически не рассматривались. Работа перендана с осовремениванием орфографграфии в 1998 г. (М.: «Мартис»).

³ Даты неопубликованных работ чаще всего приблизительны.

⁴ Статья представляет собой 12 листов крупного формата, исписанных с двух сторон чернилами. Название не вполне точное, ибо посвящена работа религиозной политике Константина в целом и мотивам его обращения. Вероятнее всего, работа не закончена. Текст на л. 12 просто обрывается.

9. Языческая реакция при Юлиане Отступнике. Статья. 1913 г. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 91.⁵

1914—1916

10. Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 года. Пг.: Типография М. Меркушева, 1916. 198 с. То же: ХЧ. 1914. Январь. С. 23—53; Февраль. С. 141—157; Ноябрь. С. 1398—1422; Декабрь. С. 1531—1559; 1915. Октябрь—ноябрь. С. 1185—1202; Декабрь. С. 1321—1338; 1916. Февраль. С. 158—183; Апрель. С. 421—493.

1915—1916

11. Лекции по истории древней церкви, читанные профессором А. И. Бриллиантовым студентам первого курса Петроградской Духовной академии в 1915—1916 гг. 273 с. (литография).

1918

12. Михаил Керуларий, патриарх Константинопольский. Сведения о его деятельности. Материалы к работе. До 1918 г. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 115.⁶

13. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. Пг.: Типография Российской Академии наук, 1918. 62 с. То же: Христианский Восток. 1918. Т. 6, вып. 1. С. 1—62.

1920—1922

14. История развития папской власти в Западной церкви. Монография. 1920—1922 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 87.⁷

1925

15. Маркеллианское произведение под именем св. Анфима Никомидийского. Статья. 1925 г. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 95.⁸

1912—1929

16. История монофелитского спора. Подготовительные материалы. 1912—1929 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 51—81.⁹

---

⁵ Статья представляет собой 13 листов крупного формата, исписанных чернилами с двух сторон. Посвящена работа религиозной политике Юлиана как реакции на политику времени Констанция. В тексте много рассуждений о самом Юлиане, о его развитии, формировании взглядов. Примечаний как таковых в тексте нет. Есть ссылки на источники в тексте и на полях.

⁶ Статьи фактически нет, ибо имеющийся в данном архивном деле материал представляет собой лишь предварительные конспекты карандашом для себя.

⁷ В монографии охвачен период с древнейших времен до Григория Великого. Работа достаточно велика по объему. Рукопись занимает 126 страниц большого формата, исписанных с обеих сторон. Несмотря на то что сюжет этот неоднократно разрабатывался впоследствии в западноевропейской историографии, работа А. И. Бриллиантова интересна в том отношении, что данное сочинение является, судя по всему, единственным с момента написания исследованием заявленного сюжета на русском языке.

⁸ В статье дается подробный анализ сочинения, опубликованного Дж. Меркати: *Mercati G. Anthimii Nikomediensis episcopi et martyris de sancta ecclesia. Studi et testi. Note di litteratura biblica e cristiana antica. Roma, 1901. P. 87—98.* Основная мысль А. И. Бриллиантова — автором произведения является Маркелл Анкирский, участник Первого Вселенского собора. Анфим, под именем которого сочинение сохранилось, обработал и записал этот текст.

⁹ Судя по обилию дел с подготовительными материалами (30), «История монофелитского спора» должна была стать основной, итоговой работой А. И. Бриллиантова. К сожалению, однако, все 30 архивных дел представляют собой весьма разнообразные конспекты для себя, в основном неразборчивые и отрывочные. Работы как таковой, синтеза имеющихся материалов нет. По первому делу (102-1-51) видно, что А. И. Бриллиантов планировал всестороннее описание такого явления как монофе-

*Вторая группа работ***1894**

1. В ответ на богоборные мысли в тульских беспоповщинских тетрадках // Тульские епархиальные ведомости. 1894. № 21. С. 863—867.

1895

2. Новый миссионерский журнал и значение его для духовенства Тульской епархии // Тульские епархиальные ведомости. 1895. № 22. С. 761—766.

1896

3. По поводу беседы с О. В. Швецовым, защитником австрийского раскола // Тульские епархиальные ведомости. 1896. № 11. С. 311—318; № 12. С. 357—365.

1897

4. Святитель Феодосий Черинговский, как свидетель православия и святости церкви, против глаголемых старообрядцев // Тульские епархиальные ведомости. 1897. № 4. С. 70—82.

5. Из подпольной старообрядческой литературы // Тульские епархиальные ведомости. 1897. № 4. С. 70—82.

1896—1898

6. Дело о молении Батовых. 1896—1898 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 98.

1899

7. Из истории тайного сектантства в Тульской губернии. Скопчество в деревне Нагаеве Чериского уезда в Тульской губернии. Тула: Типография И. Д. Фортунатова, 1899. 35 с. То же: Тульские епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 353—368; № 10. С. 396—415. То же: Тульская старина. Тула, 1899. Вып. 3. С. 9—43.

1896—1899

8. Материалы о распространении старообрядчества и сектантства в Тульской губернии. 1896—1899 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 99. 40 л.

1902

9. Мнение по вопросу включения истории Грузинской церкви в число дисциплин, изучаемых в духовных академиях // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1901—1902 учебный год. СПб., 1902. С. 296—299.

литство по всем возможным источникам, с учетом всей имеющейся литературы. Видно, что А. И. Бриллиантов возвращался к этой теме постоянно, и разработка отдельных сюжетов этой так и не написанной работы растягивалась иногда на долгие годы. Так, на протяжении 17 лет (1912—1929) разрабатывал он для себя тему «Понятие лица, личности в античной философии, христианском богословии и философии нового времени» (Д. 102-1-54). Тот факт, что работа осталась неопубликованной, объясняется, скорее всего, следующим. В общественной атмосфере СССР послереволюционного времени исследования по истории церкви, написанные с объективных, не антиклерикальных позиций, не могли быть восприняты.

1906

10. Записка экстраординарного профессора А. И. Бриллиантова о необходимости лучшей постановки языкознания в Академии // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1905—1906 учебный год. СПб., 1906. С. 100—106.

11. К вопросу об участии в соборах миряи и духовных лиц не епископского сана: Записка (Приложение к отделу II отзыва митрополита С.-Петербургского Антония) // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб.: Синодальная типография, 1906. Ч. 3. С. 101—102.

12. Мнение профессора А. И. Бриллиантова о реформе духовной школы // Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1906. Т. 2, отдел 5. С. 162—163.

13. Необходимо ли введение в современной Русской церкви системы митрополитанского и патриаршего управления в том виде, как она развилась в древнее время в церкви Греческой: Записка (Приложение к отделу II отзыва митрополита С.-Петербургского Антония) // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб.: Синодальная типография, 1906. Ч. 3. С. 108—121.

1908

14. Из прошлого С.-Петербургской Духовной академии. О планах перевода Академии на время нашествия Наполеона в Кирилло-Белозерский монастырь // Церковный вестник. 1908. № 39. Стб. 1229—1231.

15. К вопросу о бенедиктинских изданиях творений св. отцов // ХЧ. 1908. Октябрь. С. 1365—1378.

16. Письма русской «С.-Петербургской» Комиссии — Комиссии старокатолической «Роттердамской». Приложение 1 к статье А. А. Киреева «Современное положение старокатолического вопроса» // Богословский вестник. 1908. С. 424—431 (без указания автора).

1913—1914

17. Труды профессора В. В. Болотова по вопросу о Filioque и полемика о его «Тезисах о Filioque» в русской литературе // *Болотов В. В.* К вопросу о Filioque / Под ред. А. И. Бриллиантова. СПб.: Типография К. Меркушева, 1914. С. 1—17. То же: ХЧ. 1913. Апрель. С. 431—457.

1916

18. Как понимал В. В. Болотов изучение языка. Статья. 1916 г. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 102.

Третья группа работ

1903

1. Речь об ученых заслугах покойных профессоров И. Е. Троицкого и В. В. Болотова // Памяти профессоров С.-Петербургской Духовной академии Ивана Егоровича Троицкого и Василия Васильевича Болотова (19 апреля 1903 г.). СПб.: Типография М. Меркушева, 1903. С. 5—11; То же: Церковный вестник. 1903. № 17. Стб. 525—528.

1906—1907

2. Автономов: Заметки о протонерее Александре Афанасьевиче Автономове. 1906—1907 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 100.

1910

3. Профессор Василий Васильевич Болотов: Биографический очерк. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910; То же: ХЧ. 1910. Апрель. С. 421—442; Май—июнь. С. 563—590; Июль—август. С. 830—854.

1911

4. Профессор Иван Васильевич Чельцов: Биографический очерк. СПб.: Типография М. Меркушева, 1911. То же: ХЧ. 1911. Октябрь. С. 1222—1237; Ноябрь. С. 1272—1293; Декабрь. С. 1410—1425.

1912

5. Преосвященный Иннокентий (Смирнов) епископ пензенский и саратовский: Биографический очерк. СПб.: Типография М. Меркушева, 1912. То же: ХЧ. 1912. Декабрь. С. 1375—1425.

1916—1917

6. Кирилл (Богословский-Платонов), архиепископ Каменец-Подольский: Биографический очерк. 1916—1917 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 109.

1915—1917

7. Профессор-протоиерей Иоаким Семенович Кочетов: Биографический очерк. 1915—1917 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 110.

*Отзывы, отчеты, рецензии, выступления, конспекты лекций,
литографические издания лекций*

1897

1. Отчет Александра Бриллиантова о занятиях по предмету истории и разбора западных исповеданий // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1891—1892 учебный год. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1897. С. 232—244.

1901

2. Выступление на магистерском коллоквиуме Б. М. Мелиоранского 5 июля 1901 г. // Церковный вестник. 1901. № 25. С. 802—806.

3. Речь на магистерском коллоквиуме П. И. Лепорского 7 июня 1901 г. // Церковный вестник. 1901. № 30. С. 959—965.

4. Отзыв на магистерское сочинение П. И. Лепорского «История фессалоникийского экзархата во время его присоединения к константинопольскому патриархату» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1900—1901 учебный год. СПб., 1901. С. 256—261.

5. Отзыв о книге Б. Мелиоранского «Георгий Киприан и Иоанн Иерусалимлянин — два малоизвестных борца за православие в VII в.» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1900—1901 учебный год. СПб., 1901. С. 268—273.

1902

6. Конспект чтений по общей церковной истории в 1901—1902 гг. СПб.: Литография Богданова, 1902. 8 с.

1903

7. Отзыв на сочинение студента А. Алексеевского «Дидим Александрийский» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1902—1903 учебный год. СПб., 1903. С. 336—337.

8. Отзыв о сочинении студента Д. Спиридонова «Религиозное движение в Византии в VII—IX веках» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1902—1903 учебный год. СПб., 1903. С. 338—340.

9. Конспект чтений по общей церковной истории. СПб.: Литография Богданова, 1903. 15 с.
10. Лекции по Введению в общую церковную историю. СПб.: Литография Богданова, 1903. 139 с.

1904

11. Конспект чтений по общей церковной истории в 1903—1904 гг. СПб.: Литография Богданова, 1904. 8 с.

1905

12. Отзыв о сочинении доцента С.-Петербургской Духовной академии иеромонаха Михаила «Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (от 313 до 565 г.)» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1903—1904 учебный год. СПб., 1905. С. 85—93.

1906

13. Записка экстраординарного профессора А. И. Бриллиантова о необходимости лучшей постановки языкознания в Академии // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1905—1906 учебный год. СПб., 1906. С. 100—106.

14. Отзыв о докторском сочинении профессора С.-Петербургской Духовной академии И. С. Пальмова «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1904—1905 учебный год. СПб., 1906. С. 165—180.

15. Отзыв о сочинении студента А. Вакуловского «Полемика бл. Августина против донатистов» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1904—1905 учебный год. СПб., 1906. С. 363—364.

16. Конспект к лекциям по общей церковной истории. СПб., 1906. 13 с.

17. Мнение профессора А. И. Бриллиантова о реформе духовной школы // Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1906. Т. 2, отдел 5. С. 162—163.

18. Об общем характере духовной школы // Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1906. Т. 4, отдел 5. С. 7—9.

19. Об учебном плане духовной школы // Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1906. Т. 4, отдел 5. С. 142—148.

20. О митрополитанской системе // Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1906. Т. 3. С. 8—10.

21. О рецепции // Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб.: Синодальная типография, 1906. Т. 1. С. 161—162.

22. Предисловие и примечания к статье: Ученые заметки и письма проф. В. В. Болотова, относящиеся к отношениям его с комиссией по переводу богослужебных книг на финский язык. СПб.: Типография М. Меркушева, 1906. 37 с. То же: ХЧ. 1906. Март. С. 379—390; Май. С. 671—696.

1907

23. Конспект чтений по церковной истории в 1906—1907 учебном году. СПб., 1907. 8 с.

24. Записки по общей церковной истории: лекции, читанные студентам Санкт-Петербургской Духовной академии в 1906/1907 году. СПб.: Литография Богданова, 1907.

25. Лекции по церковной истории, читанные студентам Санкт-Петербургской Духовной академии в 1906—1907 учебном году. СПб., 1907.

26. Предисловия и примечания к статьям: *Болотов В. В.* Список статей и заметок проф. В. В. Болотова, напечатанных в «Церковном вестнике» и «Христианском чтении» от 1880 до 1893 г. с замечаниями ad instar retractationum. Письмо и две заметки о неоконченной работе о Рустике. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. 26 с. То же: ХЧ. 1907. Февраль. С. 250—623; Март. С. 320—361.

27. Рец. на кн.: *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских соборов [в связи с философскими учениями того времени]. Том первый. Тринитарный вопрос. [История учения о св. Троице]. Сергиев Посад, 1906 // ХЧ. 1907. Октябрь. С. 502—511.

28. Предисловие к кн.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. I. Введение в церковную историю. Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. С. 1—XI.

1908

29. Предисловие и примечания: *Болотов В. В.* Отзыв о сочинении «Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодкинского с кратким предварительным очерком его жизни». Исследование Анатолия Спасского. Сергиев Посад, 1895 // ХЧ. 1908. Август—сентябрь. С. 1253—1275; Октябрь. С. 1400—1420.

30. Рец. на кн.: *Троицкий И.* Обзорение источников начальной истории египетского монашества: Исследование. Сергиев Посад, 1907. СПб.: Типография М. Меркушева, 1908. 13 с.

1910

31. Отзыв о сочинении профессора Московской Духовной академии В. Н. Мышцина «Устройство христианской церкви в первые два века». Сергиев Посад, 1909. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 155. 116 л.

32. Отзыв о сочинении студента Л. Дмитриева «Св. Мефодий Олимпийский и его богословие» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1909—1910 учебный год. СПб., 1910. С. 462—465.

33. Отзыв о сочинении студента Д. Лебедева «Православный греческий мир и славянство в их историко-культурных взаимоотношениях, по изображению русских ученых и писателей, так называемой славянофильской школы XIX столетия» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1909—1910 учебный год. СПб., 1910. С. 509—510.

34. Отзыв о сочинении студента В. Попеско «Руфин Аквилейский и его литературная деятельность» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1909—1910 учебный год. СПб., 1910. С. 603—606.

35. Отзыв о сочинении студента М. Щепанского «Православная церковь и ее значение в культурно-исторической жизни Греко-славянского мира по воззрениям славянофильства 40—60-х годов истекшего XIX-го столетия» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1909—1910 учебный год. СПб., 1910. С. 680—681.

36. Предисловие к статье: *Болотов В. В.* Заметки о селе Кравотыни / Под ред. А. Бриллиантова // ХЧ. 1910. Апрель. С. 527—540.

37. Предисловие к кн.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. II. История церкви в период до Константина Великого / Посмертное издание под ред. А. Бриллиантова. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. С. XI—XVIII.

38. Конспект чтений по общей церковной истории в 1909—1910 гг. и лекции по истории древней церкви. СПб.: Литография Богданова, 1910.

1911

39. Лекции по общей церковной истории, читанные профессором А. И. Бриллиантовым студентам I-го курса Санкт-Петербургской Духовной академии в 1910—1911 гг. СПб.: Литография Богданова, 1911.

40. Отзыв о курсовом сочинении студента А. Самсонова «Учение Опата Милевийского о церкви» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1910—1911 учебный год. СПб., 1911. С. 536—537.

41. Отзыв о сочинении студента А. Сырбу «Старокатолицизм, его сущность, происхождение и отношение к православию» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1910—1911 учебный год. СПб., 1911. С. 559—560.

42. Рец. на кн.: *Малицкий П. И.* История христианской церкви. Выпуск второй. Эпоха вселенских соборов и разделения церковью [313-1-54]. Тула, 1910 // ХЧ. 1911. Март. С. 398—401.

1912

43. Рец. на кн.: *Дюшен Л.* История Древней Церкви. Т. 1 (перевод И. В. Попова и А. П. Орлова). М., 1912. СПб.: Типография М. Меркушева, 1912. 16 с.; То же: ХЧ. 1912. Июнь. С. 750—765; Июль—август. С. 930.

44. Отзыв о книге проф. Тюбингенского университета Фр. Кс. Функа «История христианской церкви от времен апостольских до наших дней / В русском переводе со значительными примечаниями, дополнениями и предисловием П. В. Гидулянова. М., 1911. 1911—1912 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 164. 40 л.

45. Вопрос о Filioque в мнениях С.-Петербургской и роттердамской комиссий. Не опубликовано. Доклад — ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 141 (9 л). Подготовительные материалы к докладу — ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 142.

1913

46. Конспект чтений по истории древней церкви в 1912—1913 гг. и лекции по истории древней Церкви. СПб.: Литография Богданова, 1913. 608 с.

47. Отзыв о сочинении студента Д. Ахматова «Секта сциентистов (Christian Science) и ее учение» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1911—1912 учебный год. СПб., 1913. С. 214—215.

48. Отзыв о сочинении студента Д. Недачина «Преп. Нил Синайский и его творения» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1911—1912 учебный год. СПб., 1913. С. 315—321.

49. Предисловие к кн.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. III. История церкви в период Вселенских соборов. I. Церковь и государство. II. Церковный строй / Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. СПб., 1913. С. XI—XIII.

1914

50. Отзыв о сочинении студента И. Виноградова «Смешанные браки в России» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1912—1913 учебный год. СПб., 1914. С. 304.

51. Отзыв о сочинении студента А. Маньковского «Законодательство имп. Юстиниана по церковным делам» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1912—1913 учебный год. СПб., 1914. С. 389—391.

52. Отзыв о сочинении студента Ф. Самойловича «Базилианский монастырь в пределах Гродненской епархии в XVII—XVIII вв.» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1913—1914 учебный год. СПб., 1914. С. 543—544.

53. Отзыв о сочинении П. Табанского «Император Константин Великий и его религиозная политика (до 323 года)» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1913—1914 учебный год. СПб., 1914. С. 567—569.

54. Отзыв о сочинении студента Г. Чеснокова «Вопросы морали и жизни в произведениях Короленко, Гаршина и Надсона в связи с общою характеристикою их творчества» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1913—1914 учебный год. СПб., 1914. С. 593.

55. Отзыв о сочинении студента А. Федорова «Проблема зла по Вл. Соловьеву» // Журнал заседаний Совета Санкт-Петербургской Духовной академии за 1913—1914 учебный год. СПб., 1914. С. 601—602.

56. Предисловие и комментарии к статье: *Болотов В. В.* Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого [письмо архиепископу финляндскому Антонию] // ХЧ. 1914. Март. С. 281—288.

57. Предисловие и комментарии к статье: *Болотов В. В.* К вопросу об ареопагитских творениях [письмо архиепископу финляндскому Антонию] // ХЧ. 1914. Май. С. 555—580.

1914—1915

58. Отзыв о магистерском сочинении А. М. Сагарды «Климент Александрийский и его литературная деятельность». 1914—1915 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 157. 66 л.

1915—1916

59. Отзыв на магистерское сочинение С. А. Федченко «Св. Ириней, епископ Лионский. Его жизнь и литературная деятельность». 1915—1916 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 163. 27 л.

1916—1917

60. Отзыв о докторском сочинении Н. М. Сагарды «Св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие». 1916—1917 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. 33 л.

1918

61. Предисловие к кн.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. IV. История церкви в период Вселенских соборов: История богословской мысли / Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. Пг.: Третья государственная типография, 1918. С. XI—XV.

1925—1927

62. Отзыв о магистерском сочинении протоиерея М. В. Митроцкого «Христология св. Кирилла Александрийского». 1925—1927 гг. Не опубликовано. ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 153. 9 л.

Е. К. Редин: жизнь и деятельность

(по материалам петербургских архивов)

Егор Кузьмич Редин (1863—1908), историк искусства, археолог и педагог, профессор Харьковского университета, прожил недолгую жизнь и оставил о себе память как об ученом и о «человеке золотого сердца». Коллега, А. И. Успенский, так определил его роль в науке: «Есть два рода ученых, — одни открывают новые горизонты и указывают новые пути деятельности, другие — выясняют детали и устанавливают твердые основы тех или других научных положений. Если одни способствуют, так сказать, развитию науки в экстенсивном направлении, то другие — в направлении интенсивном.

В науке те и другие являются одинаково необходимыми. Покойный Егор Кузьмич, скорее всего, представлял собою тип второго рода ученых... Факт у него на первом месте, в зависимости от этого у него Вы не найдете, может быть, тех широких обобщений, к каким стремится Ваша любознательная мысль, но зато Вы гарантированы от возможности обогатиться познаниями, не соответствующими действительности и составляющими излишний балласт, которого так много в археологии».¹

Литература о Редине незначительна. Вскоре после безвременной кончины ученого, в 1909 г., в Харькове вышли два издания: «Проф. Н. Сумцов. Человек золотого сердца» (с приложением писем Е. К. Редина к Н. Ф. Сумцову)² и «Памяти профессора Е. К. Редина. Некрологи и речи». В 1913 г. Харьковское Историко-филологическое общество посвятило памяти Редина том своего сборника, в который вошли речи, некрологи и воспоминания друзей, коллег и начальников: Д. В. Айналова, ректора университета Д. И. Багалея, А. И. Белецкого (с обзором и оценкой работ Редина), В. П. Бузескула, Д. П. Максименко, А. А. Павловского, М. Е. Попруженко, бывшего попечителя Харьковского учебного округа С. А. Раевского, декана историко-филологического факультета университета Н. Ф. Сумцова, Е. П. Трефильева, А. И. Успенского, о. Иоанна Филевского, Л. Шах-Паронианца, А. Н. Шепелевича. В 1955 г. маленькая статья в «Большой советской энциклопедии» информировала о научной специализации ученого, двух его основных научных работах и о том, что «большой знаток фактов, Редин, однако, воздерживался в своих трудах от широких обобщений».³ В третьем издании энциклопедии Редина проигнориро-

¹ Успенский А. И. Памяти Е. К. Редина // Сб. Харьковского Историко-филологического общества. Т. 19. Памяти Егора Кузьмича Редина († 27 апреля 1908 г.). Харьков, 1913. С. 10 (далее — Сб. Памяти Е. К. Редина).

² Оригиналы писем, по свидетельству украинского ученого С. И. Побожия, скорее всего, не сохранились.

³ БСЭ. 2-е изд. М., 1955. Т. 36. С. 240.

ли. Ряд публикаций, привлекающих внимание к этому ученому, с 1980-х гг. появляется на Украине.⁴

В настоящий момент на вопрос о местонахождении архива Редина трудно дать определенный ответ. Известно, что архив Харьковского университета, в котором могли бы храниться документы профессора Редина, пострадал во время второй мировой войны. Известно также, что нет фонда Редина и в Харьковском областном историческом архиве. Попытки разыскать письма Редина на Украине дали очень незначительный результат.⁵ На мысль о несохранности архива Редина наводит и тот факт, что в «Записках» Харьковского университета до 1953 г. не появилось ни одной публикации об этом ученом.⁶

В связи с этим особый интерес представляют документы, хранящиеся в Петербурге: РГИА (2 письма Редина к юристу М. П. Чубинскому); ЦГИА Санкт-Петербурга (документы об откомандировании Редина Новороссийским университетом в Санкт-Петербургский для приготовления к профессорскому званию, об отправлении его за границу, о защите магистерской диссертации и о присуждении степени доктора истории и теории искусств *honoris causa*); письма в РО РНБ (среди корреспондентов Редина И. В. Помяловский, И. И. Толстой, С. Н. Шубинский) и в ПФА РАН (среди корреспондентов Редина Д. В. Айналов, В. П. Бузескул, С. А. Жебелев, Е. Ф. Карский, Н. П. Кондаков, Б. М. Ляпунов, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, Ф. И. Успенский, В. Н. Щепкин; содержащие информацию о Редине письма Т. Н. Рединой и Д. И. Багалея — к Н. П. Кондакову, Д. В. Айнолова — к С. А. Жебелеву, Н. Ф. Сумцова — к Е. Ф. Карскому, Б. М. Ляпунову и М. Н. Сперанскому; П. С. Уваровой — к Д. В. Айналову; дневники Н. П. Кондакова и несколько фотографий Редина, периода его путешествия на Афон, в фонде Кондакова). Существенно дополнить биографию ученого могут его опубликованные письма к Н. Ф. Сумцову.

⁴С. К. Редін // Словник художників України. Київ, 1973. С. 193; Радкова Є. Вчений, громадянин // Вечірній Харків. 1981. 30 червня; *Побожий С. И.* 3 плеяди фундаторів: До 125-річчя вод дня народження Є. К. Редина // Образотворче мистецтво. 1988. № 2. С. 30—31; Відроджене ім'я // Червоний промінь (Суми). 1988. 24 грудня. № 156. С. 3; Е. К. Редін // Искусство. 1989. № 11. С. 62—64; Е. К. Редін // Летопись (Курск). 1989. Вып. 3. С. 6; Питання атрибуції пам'яток византийського мистецтва V—VII ст. у працях Є. Редина // Наукова конференція «Художнє життя України першої третини ХХ століття: Тези доповідей та повиделень. Харків, 1995. С. 42—43; Редін Єгор Кузьмич // Енциклопедія Сумщини (матеріали). Вип. 3. Діячі науки / За ред. В. Б. Звагельського. Суми, 1999. С. 70; *Коновенко І.* Син селянина Курської губернії // Вечірній Харків. 1989. 2 листопада. № 253. С. 4; Редін Єгор Кузьмич // Митці України: Енцикл. довід / Упоряд. М. Г. Лабінський, В. С. Мурза; За ред. А. В. Кудрицького. Київ, 1992. С. 490—491; *Юрченко О.* Редін Єгор Кузьмич — фундатор українського мистецтвознавства, джерелознавства та бібліографії мистецтва // Наукова конференція «Художнє життя Харкова першої третини ХХ століття»: Тези доповідей та повиделень. Харків, 1993. С. 6—7. Крім того, в 1988 г. Государственная Областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской и Сумской художественный музей выпустили буклет с портретом Редина, списком основных его трудов и работ о нем. 135-летию со дня рождения Редина были посвящены 4-е Сумцовские чтения в Харькове в 1998 г. Через год вышел сборник докладов (Четверти Сумцовські читання: Матеріали наукової конференції, присвяченої 135-річчю з дня народження Є. К. Редина. 18 квітня 1998 р. Харків, 1999), среди которых 12 посвящены или касаются Редина: *Павлова О. Г.* Освітня діяльність Є. К. Редина у Харкові (1893—1908); *Филитенко Р. И.* Е. К. Редін — историк древнехристианского и византийского искусства; *Скирда В. В.* Професор Є. К. Редін як археолог; *Сосновська Т. О.* Церковні старожитності в науковій діяльності Є. К. Редина; *Евтушенко А. В.* Е. К. Редін и Библиотека Харьковского университета; *Тараманова К. Д.* До портрета Єгора Кузьмича Редина — вченого, громадського діяча, просвітителя (за матеріалами, що зберігаються у ХДНБ ім. В. Г. Короленка); *Бахтина С. А.* Матеріали до вивчення історії пам'яток церковної старовини з виставки 12 археологічного з'їзду миста Харкова; *Побожий С. И.* Судьба эпистолярного наследия Е. К. Редина; Е. К. Редін як засновник Харківської університетської школи мистецтвознавства; *Куделько С. М.* Дар Харьковскому университету; *Рибальченко Л. Л.* «Дело славы в архив»; *Борисова Т. М.* З історії Харківського некрополя.

⁵*Побожий С. И.* Судьба эпистолярного наследия Е. К. Редина // Четверти Сумцовські читання. Харків, 1999. С. 27—31.

⁶Систематический указатель к Запискам Харьковского университета за 1874—1919 гг. Харьков, 1953. С. 44—48.

Е. К. Редин

Сам Егор Кузьмич оставил краткое жизнеописание для юбилейного издания Харьковского университета, составленное, судя по приведенной библиографии трудов, в 1905 г.: «Редин Егор Кузьмич, сын крестьянина, родился 1863 года 2 ноября в селе Старшем Курской губернии Дмитриевского уезда. По окончании 2-й Тифлисской гимназии поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета в 1864 г. Направлением своих специальных занятий и руководством в них всецело обязан профессору Н. П. Кондакову, читавшему помимо общих курсов по истории искусств и специальные. С благодарностью вспоминает руководство в занятиях по литературе и помощь в научной работе в студенческие же годы — профессора А. И. Кирпичникова. По окончании курса наук в Новороссийском университете, в 1888 г., с получением золотой медали за сочинение: «Киево-Софийский собор, исследование его мозаичной и фресковой живописи», оставлен на два года для приготовления к профессорскому званию, но с прикомандированием к С.-Петербургскому университету; здесь вновь специально занимался под руководством профессора Н. П. Кондакова. По выдержании магистерского экзамена командирован с 1891 г. за границу, где кроме общего знакомства с памятниками искусства занимался специально памятниками древнехристианского и византийского искусства, наиболее в Италии, а затем Париже, Лондоне, Вене, Берлине, Мюнхене и других городах, в музеях и библиотеках. С 1893 г. начал чтение лекций по истории искусства в Харьковском университете и, кроме того, с 1894 г. по 1898 г. преподавал русский язык и словесность в женской гимназии Д. Д. Оболенской. В 1896 г. получил степень магистра теории и истории искусств по защите диссертации: «Мозаика Равеннских церквей»; в 1901 г. возведен в звание и. д. экстраординарного профессора. В 1898 г. с мая по сентябрь был командирован за границу для научных занятий в монастырях Афона — в качестве члена экспедиции, организуемой Академией наук, и для изучения памятников античного и христианского искусства в Греции. Принимал участие в качестве представителя университета в занятиях археологических съездов Рижского и Харьковского и их предварительных комитетов. Был секретарем последнего, а также состоит секретарем Харьковского Историко-филологического общества. Для изучения церковных древностей Харьковской губернии — ввиду XII Археологического съезда

в г. Харькове — летом 1900 г. и 1901 г. совершил экскурсию по городам и селам некоторых уездов Харьковской губернии. Курсы, читанные в университете, посвящаются истории древнего искусства — восточного и античного, и истории древнехристианского искусства и византийского».⁷

Конечно, ученого оценивают по его делам, но всегда интересно представить то сочетание природы и обстоятельств, которое побуждало или, наоборот, тормозило исследовательскую деятельность, и в этом также помогут выявленные в Петербурге документы.

Первой научной работой Редина было выполненное совместно с Айналовым студенческое конкурсное сочинение «Киево-Софийский собор. Исследование мозаической и фресковой живописи», опубликованное в 1889 г. в «Записках императорского Русского археологического общества». Работа была удостоена золотой медали, об этом сохранилась дневниковая запись Айналова от 27 июня 1887 г.: «Итак, опять старая тетрадка на столе. Поговорить ибо есть о чем. Когда я возвратился в прошлом году в Одессу, тотчас же принялся за сочинение на золотую медаль. Я сам предложил Редину писать сочинение вместе с ним. Он молча согласился, потому что был доволен этим. Сам он ничего не написал бы: в этом деле, то есть в деле искусства, он плох. С какой горячностью, с каким рвением, с каким интересом принялся я за эту седую древность, как внимательно вглядывался в нее, сколько сил потратил на добывание ценных блесков и огромных фактов истории. Они огромны для меня. Я узнал, что значит метод, я приобрел глаз, приобрел знание, как нужно работать. С этим я могу идти вперед. Сочинение написано черне, прочитано Кондакову и проверено им, направлено к цели, которая действительно из смутной стала ясна и выразима. На рождественские каникулы я вместе с Рединым ездили в Киев, вместе осматривали всякую мелочь. Однажды Кондаков во время наших общих занятий спросил, уступлю ли я золотую медаль Редину? Я отвечал, что уступлю. Я знаю и чувствую, что Редину Кондаков симпатизирует больше, чем мне, и в этом мое невыгодное положение».⁸

Тем не менее Редин и Айналов были друзьями. В скупых дневниковых записях Кондакова их фамилии никогда не разделялись запятой, а при перечислении гостей упоминались вместе. Позднее, 13/26 мая 1892 г., М. Н. Крашенинников напишет из Рима И. В. Помяловскому: «У Ивановых познакомился также с Д. В. Айналовым и Рединым, этими современными Орестом и Пиладом»,⁹ а 8 июня 1897 г. Я. И. Смирнов в письме к В. Н. Златарскому, язвительно причисляя себя к непомерно умножившимся в России историкам искусства, упоминает и «Редин—Айналова».¹⁰

В дипломе, выданном Редину по окончании курса в Новороссийском университете, указано, что он «по одобрении факультетом диссертации под заглавием: “Живопись Киево-Софийского собора”, за которую награжден золотой медалью,

⁷ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908. С. 307—308.

⁸ ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 125. Л. 9 об., 9а об. Впоследствии Ф. И. Шмит даст профессиональную оценку этому сочинению: «Когда Д. В. Айналов и Е. К. Редин писали работу о росписях св. Софии, они были еще студентами Новороссийского университета и не имели, конечно, того опыта и той широты кругозора, без коих полное исследование столь важного памятника не может быть проведено. Особенно недостаточны описания мозаик и фресок — можно даже сказать, что в иных случаях описание почти вовсе отсутствует. Занимаясь главным образом вопросами иконографическими, молодые исследователи мало внимания обращали на технику и стиль. “Технике и стилю” посвящена в их книге коротенькая глава в две с небольшим странички, и очень трудно удовлетвориться теми данными, которые на этих страницах сообщаются. Объясняется такое обстоятельство, по всему вероятно, тем, что все исследование велось исключительно на основании рисунков Ф. Г. Солнцева, без ближайшего изучения оригиналов» (*Шмит Ф. И. Киевский Софийский собор. М., 1914. С. 23*).

⁹ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 894. Л. 13 об.

¹⁰ *Въжарова Живка Н.* Руските учени и българските старини. София, 1960. С. 187.

удостоен Советом университета, 23 августа 1888 года, степени кандидата»;¹¹ с 1 января 1889 г. он был откомандирован в Санкт-Петербургский университет для приготовления к профессорскому званию, сроком на два года.¹²

27 октября 1890 г. Редин и Айналов сдали магистерский экзамен.¹³ Редин был назначен в Харьковский университет, и с 1 января 1891 г. Министерство народного просвещения командировует его на два года с ученой целью за границу.¹⁴ Айналов получает командировку от Казанского университета; маршруты друзей по большей части совпадают.

Редин делится впечатлениями с деканом исторического факультета И. В. Помяловским и, скорее всего, ведет дневник, фрагменты которого за 1891 г. под названием «Италия. Из писем к друзьям любителя искусств Е. Кузьмича» опубликует в 1892 и 1893 гг. в нескольких номерах харьковского журнала «Мирный труд».

Путешествие только началось, 13/25 марта 1891 г. он записывает: «Был в палатке дождей (Венеция. — *О. И.*). Убранство, роскошь изумительны..., я не могу остановиться ни на одной картине, т. к. пробежал все залы быстро, чтобы ознакомиться бегло и получить общее впечатление. Штудировать буду после и, вероятно, долго»;¹⁵ 15/27 марта: «Целый день я сегодня опять провел в церкви Св. Марка. Чем более я знакомлюсь с этой церковью, тем она все больше мне нравится. В ней целый музей христианского искусства — на протяжении от первых веков христианства до последнего времени и памятники все собраны лучшие»;¹⁶ 16/28 марта: «Сегодня я как бы просматривал первые листы Венской Библии (знаменитая рукопись, хранящаяся в Венской Библиотеке, писанная золотом и серебром по пурпуру, украшенная миниатюрами, относится к V веку), правда, писанные уже несколько иначе и довольно поздно, но мастером той же школы, к которой принадлежит мастер первой. Я рассматривал мозаичскую роспись притвора Св. Марка, которая начинается с того, чего недостает в миниатюрах первой, — сцен творения. Изучение этих сцен для меня было особенно приятно потому, что интересно наблюдать, как справляется художник с богатым материалом, даваемым ему текстом, а поучительно потому, что в них нахожу оригиналы для русских икон, целиком посвященных бытию; в последнюю поездку в Новгород мне много пришлось видеть таких икон, некоторые я только отметил, т. к. они настолько сложны, что описывать их было невозможно; просто нужно было бы снять фотографии»;¹⁷ 2/14 апреля: «Византийские миниатюры — вот главный предмет моих теперешних занятий. Вчера был в канцелярии церкви S. Georgio dei Greci и рассматривал миниатюры жития Александра Великого (XIII в.) и Евангелия XI в. (недельного или ежедневного); миниатюры последнего хотя и отличаются тонкостью работы и изяществом в красках, но слишком следуют букве текста, и их значение в большинстве случаев не иконографическое, а орнаментальное; меня это отчасти поразило, как, например, фигура Христа служит заголовком буквы вроде цветка или зверя. Незначительное количество миниатюр иконографического характера, однако, повторяет древняя композиция (например, в беседе Христа с самарянкой, исцеление слепого и др.)»;¹⁸ 5/17—6/18 апреля: «Занимаюсь в библиотеке миниатюрами, просмотрел уже все рукописи, указанные в книге акад. Н. П. Кондакова, и нашел одну новую и, по-видимому, весьма интересную псалтырь XI века с прекрасными миниатюрами».¹⁹

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8984. Л. 23.

¹² Там же. Л. 28 об.

¹³ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 11. Л. 456 об.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8984. Л. 16.

¹⁵ Мирный труд. 1902. № 1. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же. № 2. С. 127.

¹⁹ Там же. С. 129—130.

После 6 недель пребывания в Венеции Редин переезжает в Падую и 30 мая/12 июня записывает: «Фрески баптистерия при кафедральном соборе, который я посетил сегодня же, Antonio Padovano (конца XIV в.) перенесли меня опять в Византию; оне показали мне наилучшим образом, что давало византийское искусство для нарождающейся самостоятельной итальянской живописи после средних веков».²⁰ 4/16 мая впечатления из Вероны: «В баптистерии, небольшой церкви, помещающейся около собора, находится большой круглый мраморный сосуд с византийскими барельефами XII в., а во дворе собора я лазил на глубину 1.80 метра смотреть пол с римскими мозаиками; в орнаменте этой мозаики есть мотивы, встречающиеся в живописи древнехристианских катакомб, — сосуд с двумя птицами по сторонам его».²¹

После Вероны и Феррары Редин переезжает в Равенну, 14/26 мая он описывает первое впечатление: «Песчаный, безводный городишка! Вода, которою пользуются жители, проведена из Болоньи, но она пресная до невозможного, словно колодезная. Я с трудом пью ее и прибегаю к помощи соды. Жители его также бедны. Нищие на каждом шагу. Но Равенна богата другим, чего в другом месте едва ли найдешь... древними памятниками древнехристианского и византийского искусства и в таком количестве, и какого достоинства! Я познакомился с photographиями Риччи и поражен количеством удивительных памятников, которых прежде не видел. Сегодня же был в православной крещальне (баптистерии) и начал изучать ее мозаики. Чудные мозаики, удивительные типы апостолов — вокруг Крещения! Один из них — Варфоломей — чистый римлянин, и я его сравниваю с такими, какие встречаются в картинах Тициана (мощная, полная, здоровая фигура)»;²² 17/29 мая: «Сегодня был в усыпальнице Галлы Плацидии. Это небольшое, невысокое квадратное здание... Приблизительно с половины высоты стены своды покрыты мозаиками такой чудной красоты, которая производит необыкновенно сильное впечатление... Своды усыпальницы украшены по голубому фону в светлых красках различными цветами, изображениями апостолов, символами — голубками, пьющими из сосудов с водой, оленями, пьющими из источника, а купол представляет голубое звездное небо с золотым крестом в центре»;²³ 25 мая/5 июня он сравнивает отзывы о «самом высоком наслаждении», испытанном теми, кто видел храм Св. Софии в Константинополе, со своими ощущениями: «Вполне представляю себе возможность такого впечатления, судя по тому, что сам испытал, наслаждаясь внутренним видом Св. Виталия... Но лучшее украшение церкви — это ее мозаики, покрывающие стены, потолок алтаря и свод и стены абсиды. Тут мы видим и богатую орнаментацию во вкусе древнехристианского искусства, и символические изображения, и евхаристические и, наконец, чисто реальные портреты»;²⁴ 28 мая/8 июня: «Сегодня я предпринял, подобно богомольцам нашей православной родины, путешествие к церкви Св. Аполлинария во Флоте (in Classe), где покоится тело Св. Аполлинария, патрона, первого епископа города Равенны. Церковь находится в 5 километрах от города... Мозаика церкви Св. Аполлинария, по-видимому, разновременная; лучшая, VI в. это — украшающая триумфальную арку: образ Христа Спасителя в строгом типе, из которого выработался тип Христа Вседержителя, символы евангелистов по сторонам Его на облаках и пониже — 12 овец, выходящих из ворот города Вифлеема и Иерусалима»;²⁵ 31 мая—1 июня/11—12 июня он

²⁰ Там же. № 3. С. 111.

²¹ Там же. № 4. С. 90.

²² Там же. № 5. С. 104.

²³ Там же. С. 104—105.

²⁴ Там же. С. 107—108.

²⁵ Там же. С. 112—113.

сетует на то, что в Равенне, прежде представлявшей собою «сплошной монастырь», теперь нет ни одного монастыря, но и радуется перспективам развития музея: «Византийский музей Равенны состоит пока преимущественно из архитектурных и скульптурных памятников; он с каждым днем все обогащается и в будущем, очевидно, будет замечательнейшим музеем, с которым необходимо будет знакомиться каждому византологу».²⁶

С конца 1891 г. у нас появляется возможность следовать за впечатлениями Редина по его письмам к И. В. Помяловскому. Научные отчеты здесь соседствуют с хлопотами об участии в чествовании Н. П. Кондакова по поводу 25-летия его научной деятельности. 22 декабря Редин пишет из Рима, где они встретились с Айналовым: «В Риме начинаются уже холода, так что брызги фонтанов на мостовой обращаются в тонкий лед. С утра до вечера мы все-таки в беготне по городу, посещаем музеи и церкви и пробили дорогу к сокровищам Ватикана; здесь мы фотографируем христианские вещи, и дело идет на лад. В Риме мы уже почти полтора месяца; видели уже массу прекрасных вещей, познакомились с богатейшими музеями — Кирхерианским, Капитолинским, Латеранским, побродили, конечно, по разным холмам, по Форуму, видели Термы, Колизей... Но с наибольшим, конечно, интересом рассматриваем и изучаем церкви с мозаиками; в иных случаях приходится разочаровываться..., но в иных неожиданно очаровываться, так, например, мозаикой мавзолея Констанцы. Что за чудный образ Христа юного в одной из ниш, между Петром и Павлом. Это замечательный памятник христианского искусства и для иконографии Христа один из важнейших и интереснейших образов, в смысле типа и древности его... Познакомились с Росси и присутствовали на заседании, где он сделал доклад о пиксиде V в. с изображением чуда увеличения хлебов... В Риме мы пробудем еще, вероятно, полтора месяца, т. к. нам предстоит позаниматься в Ватиканской библиотеке и покончить обзор еще многих невиденных памятников».²⁷ В этом же письме друзья просят Помяловского предупредить их о сроке юбилея, чтобы они могли подготовить свой сюрприз, «а задумываем мы вот что: кроме поздравительной телеграммы мы хотели прислать на Ваше имя (с Вашего, конечно, согласия) лист с выражением наших чувств по отношению к дорогому для нас Никодиму Павловичу, с краткой характеристикой его деятельности — для прочтения его Вами в день юбилея. К этому дню мы хотим также напечатать по маленькой статье, содержанием которых послужат материалы, которые мы собрали в поездке, с маленькими новостями; эти статейки посвящены будут Никодиму Павловичу».²⁸ В письме от 6 января 1892 г. Редин сообщает: «По статье мы приготовили и постараемся также поскорее выслать Вам с тем, чтобы Вы были так любезны, передали их Василию Григорьевичу Дружинину с покорнейшей просьбой от нас — напечатать в Записках Археологического общества».²⁹ Однако к маю у них уже созрел план целого сборника, авторами которого были бы только они: «А. Заголовок на обложке. Сборник статей по истории христианского искусства и археологии в честь Н. П. Кондакова (1866—1891). Д. В. Айналов и Е. К. Редин. В. На выходном листе посвящение: Дорогому учителю Никодиму Павловичу Кондакову посвящают этот сборник признательные и любящие ученики. С. Оглавление. I. Один из типов Христа в мозаиках церкви Св. Констанцы в Риме (Д. Айналова). II. Древнехристианские пиксиды Болонского музея (Е. Редина). III. Таблетка из слоновой кости с изображением Св. Петра из собрания гр. Г. С. Строганова (Д. Айналова). IV. Часть диптиха из слоновой кости из собрания гр. Г. С. Строганова (Д. Айналова).

²⁶ Там же. С. 115.

²⁷ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 2—2 об.

²⁸ Там же. Л. 1 об.

²⁹ Там же. Л. 3 об.

V. Пластинки от кресла св. епископа Максимиана в Равенне из собрания гр. Г. С. Строганова (Е. Редина). VI. Часть триптиха с изображением Вознесения и Распятия из собрания гр. Г. С. Строганова (Д. Айналова и Е. Редина). VII. Пластинка с изображением поклонения волхвов из собрания гр. Г. С. Строганова (Е. Редина). VIII. Икона из собрания гр. Г. С. Строганова (Д. Айналова). IX. Миниатюры апокрифического арабского Евангелия детства Христа Лаврентианской библиотеки во Флоренции (Е. Редина). X. Два сасанидских блюда из собрания гр. Г. С. Строганова (Д. Айналова и Е. Редина).³⁰ Принимая свою идею всерьез, они просят Помяловского: «Так как нам трудно входить отсюда (из Рима. — *О. И.*) во все подробности, то мы осмеливаемся затруднить Вас просьбою — взять на себя труд похлопотать, чтобы сборник вышел достойным нашего дорогого учителя... Одновременно с письмом к Вам посылаем письмо В. Г. Дружинину, в котором просим его также поспособствовать изданию сборника».³¹

17 июня 1892 г. Редин пишет из Неаполя, где они с Айналовым были около месяца, любовались Везувием, посетили окрестности, «изучали сокровища Музеев, пергаменты Библиотеки, были в гостях у [Полеи], Помпония, трагического поэта, Саллюстия, осматривали их весьма удобные, красивые жилища, но их самих не застали дома, равно как и никого из помпейцев».³² Затем Айналов уехал в Палермо, а Редин в Мюнхен, откуда 5 июля он пишет: «Я в восторге от каталогов, от дешевизны книг и фотографий, в чем, кажется, мюнхенцы перещеголяли даже итальянцев».³³ В Германии он оказывается в разгар стихийного бедствия: «В тяжелое и неприятное время сюда я попал, — пишет он 31 августа из Берлина. — Раньше все время стояла страшная жара, а теперь висит в воздухе, грозит отовсюду азиатская гостья-холера, но она зашла сюда из Гамбурга. Город покрылся красным порошком, все дезинфицируют, на столбах красуются красные объявления о первом смертном случае и о мерах, какие нужно принимать против заболевания. Занимался в Императорской библиотеке, где встретил рукописи с византийскими миниатюрами, а также в Kupferstich-Kabinet, где имеется любопытная Псалтирь XIII в. (из собр<ания> Гамильтон в Лондоне), писанная одновременно на греческом и латинском языках и украшенная массою миниатюр, очевидно, копий с более ранних образцов, вроде Псалтири Барберини. В Музее встретил довольно большое количество слоновой кости византийской, но всё уже изданной»;³⁴ 9 октября: «Суров и мрачен Лондон; тяжело в нем жить, но 5 недель, которые я прожил в нем, пролетели для меня совершенно незаметно. В нем такое богатство памятников искусства, такая свобода времени для занятий, что [нрзб.] незаметно проходит время в грандиозных музеях, галереях, библиотеках, где эти памятники собраны. В Библиотеке Британского музея я проводил большую часть времени, занимаясь византийскими рукописями и просмотром редких книг. Из рукописей мое внимание особенно привлекли 2 сирийских евангелия, из которых одно хотя XIII в., но с такими роскошными миниатюрами — по величине, исполнению, содержанию, что равного ему я еще нигде не встречал и оно [нрзб.] всех виденных пока мною византийских Евангелий данного времени; определить работу можно словом — “сир-византийская” (наиболее интересные миниатюры я сфотографировал, но не все вышли удачно). Много интересного, особенно из собрания слоновой кости, нашел

³⁰ Там же. Л. 7—7 об.

³¹ Там же. Л. 5 об., 6 об. Сборник этот не вышел, а в дневнике Кондакова от 14/26 февраля 1893 г. краткая запись: «Письмо от Бока..., что Дружинин называет статьи Редина и Айналова “детскими” и что это ляганье осла назначено мне» (ИФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 14 — 1893 г. Л. 47).

³² РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 9.

³³ Там же. Л. 8.

³⁴ Там же. Л. 10—10 об.

в Кенсингтонском музее. Все это интересное сфотографировано и фотографии продаются в самом Музее, но слишком дорого (по 1 шиллингу)»;³⁵ 30 октября — из Парижа: «Поселился я на rue Rousseau, что совершенно близко от Лувра (почти напротив) и недалеко от Национальной библиотеки... Занятия мои теперь, да еще, вероятно, очень долго вперед, будут происходить в Национальной библиотеке, т. к. в последней весьма много византийских рукописей с миниатюрами, и притом весьма интересных. Но, к сожалению, рукописи эти содержатся плохо: французы, по видимому, мало обращают внимания на сохранение их, и при их порядках можно надеяться, что такая драгоценная рукопись, как Григорий Богослов № 510, потеряет совершенно миниатюры. Листы рукописи сыры, а миниатюры от них ничем не прикрыты, процесс исчезновения можно проследить, сравнив чудные рисунки в красках в издании Бастара, некоторые фотографии в альбоме гр. Уварова с настоящим состоянием тех листов, с которых они сделаны»;³⁶ 27 декабря: «Завтра же я покидаю Париж и еду прямо в Канн к дорогому Никодиму Павловичу. Занятия свои здесь я кое-как покончил, т. е. проштудировал имевшиеся в Национальной библиотеке византийские рукописи, просмотрел несколько латинских, но всего две, к сожалению, т. к. если начать просматривать их, ограничившись даже ранними, то нужно существовать здесь месяца два. Эти две: 1) Знаменитый Амбурнтамский кодекс-Пентатевх с замечательными миниатюрами западной работы, века VII. 2) Латинскую рукопись в<ека> XIV—XV, перевод апокрифического Ев<ангелия> Фомы и история нерукотворенного Спаса с миниатюрами, весьма интересными, как лучший образец влияния апокрифов на искусство. Снимал фотографии и множество рукописей, но, к сожалению, не совсем удачно, т. к. вместо стекол [нрзб.] служила желатинная бумага. Сделано около 70 штук; ничего пока не печатал — для экономии, так как дома придется много печатать, присовокупив лондонские и кучу А. И. Кирпичникова, которого негативы перешли, благодаря его любезности, в мое распоряжение... Слушал несколько лекций в Сорбонне... Читают все эти господа довольно интересно, красноречивы, но слишком популярно, что объясняется, конечно, тем, что они читают для публики, а не для занимающихся специально... Хотя в заграничной жизни было много прекрасного, приятных впечатлений и т. п., но я в данное время мечтаю с удовольствием о спокойном, уютном месте, о спокойных занятиях. Я с сожалением только вспоминаю о том, что не посетил всю дорогую, блаженную Италию и классическую Грецию. Но я утешаю себя надеждой, что, дай Бог, мне придется еще раз побывать за границей и увидеть то, чего не увидел теперь».³⁷

По сдаче магистерского экзамена и перед научным путешествием Редин уже знал о назначении его в Харьковский университет, а 15 ноября 1892 г. он сообщает из Парижа Помяловскому: «Вчера получил я от Никодима Павловича письмо, в котором он сообщает мне, что получил от А. С. Лебедева, декана историко-филологического факультета Харьковского университета, письмо, в котором последний пишет, что “все члены факультета безусловно Вас желают, а Деревицкий более всех, т. к. он сам хотел просить факультет об освобождении его от чтения истории искусства. Успеху будем очень рады. Пусть Редин просится” и пр. Никодим Павлович пишет далее, что мне немедленно надо писать прошение в Министерство с просьбой о назначении меня штатным приват-доцентом. Прошение это я написал и посылаю Вам с покорнейшей просьбой — помочь движению его и выполнению просимого, насколько это будет Вам возможно».³⁸ Уже из Харькова 17 февраля

³⁵ Там же. Л. 12—12 об.

³⁶ Там же. Л. 17 об.—18.

³⁷ Там же. Л. 21—22 об.

³⁸ Там же. Л. 19—19 об.

1893 г. он сообщает: «Тем самым радушным приемом, который я встретил здесь у всех сотоварищей по университету, я, конечно, обязан Вашим обо мне отзывам и Никодима Павловича; благодаря им же я чувствую самое близкое, сердечное отношение к себе проф<ессоров> А. Н. Деревницкого, И. В. Нетушила, А. С. Лебедева; последний настолько любезен, что помогал мне в приискании комнаты, которую я и обрел; она большая, светлая и стоит недорого (15 руб.); в квартире же [имею] обед с ужином (тоже за 15 руб., но это не вполне достаточно). В первые два дня по приезде я с помощью “Ванька” исполнил все должные визиты... В течение следующей недели заходил раза два в Музей, в университетскую библиотеку... Познакомился немного с сокровищами Музея, т. е. с теми картинами, что висят на стенах; самого же главного богатства — акварельных рисунков — не видал. Меня больше всего приводят в восторг слепки Арунделевского общества со слоновой кости; если бы их теперь пополнить еще слепками Кенсингтонского музея, то собрание для штудий — на славу. Слепков античной скульптуры, увы, слишком мало! Хороша, насколько я мог бегло познакомиться, библиотека Матушинского, но она главным образом богата книгами по Возрождению и новому искусству, отчасти лишь по раннехристианскому; византийских богатых изданий нет; из таковых, за исключением Марка Венецианского, и в Музее. Что всего неприятнее — нет совершенно сочинений Росси, и его журнал не выписывается и никогда не выписывался. Музея еще не сдавали, но о сдаче начался разговор с первого дня приезда. Общее впечатление от книг все же такое: много есть хорошего, чего и трудно бы ожидать, но много хорошего нужно и поискать, и пополнить».³⁹

Много сил и душевного горения отдал Редин музею.⁴⁰ Хлопоты его о музее прослеживаются по письмам до 1904 г. 7 марта 1893 г. — Помяловскому: «Я уже получил от Правления отношение о приеме Музея и начал его. Дело довольно сложное, ибо вещей много и притом мелких. Пользуюсь случаем, чтобы сразу и познакомиться с Музеем во всех его деталях. Музей меня очень радует. Начал выписку книг для музейной библиотеки; думаю приобрести все сочинения де Росси и его *Bulletino* за все годы, но не знаю, как подыскать их подешевле; написал Шпитхёферу. Подыскал здесь с помощью А. Н. Деревницкого дешевого фотографа, который берется печатать по 6 коп. [от] штуки и потому написал В. Ю. Боку — выслать мне мои стекла. Собираюсь также отдавать для наклеек на картон покупные фотографии, но за это берут и тоже подешеве (по 10 коп.). Увы, уже отдал 110 штук и предчувствую, что будет беда. Дело в том, что со вчерашнего вечера у нас началась беда и несчастье. Река Харьковка, у которой я живу (в начале Старо-Московской, у самого почти моста) вышла из берегов и затопила все прилегающие к ней низкие места, улицы. Сообщение с другой стороной прервано; улицы превратились в венецианские каналы, подвалы залиты, а равно и тот, в котором живет переплетчик, которому я отдал фотографии. Спас ли он их, а равно и [нрзб.] книги — неизвестно».⁴¹ Письмо от 23 марта по тем же поводам: «Водное испытание наше давно уже закончилось, за это время наши знаменитые реки успели вновь покрываться

³⁹ Там же. Л. 25—26.

⁴⁰ В специальном историческом очерке отмечалось: «С 1893 г. по 1908 г. заведывающим состоял проф. Е. К. Редин, первый представитель кафедры теории и истории искусств. С горячей любовью к дорогому для него предмету он соединял замечательное умение привлечь также различные круги общества к делу обогащения музея памятниками искусств и старины. Вместе с тем обширные знания специалиста сказываются в том строго выработанном плане, по которому пополнялись при нем коллекции и библиотека музея. Благодаря всему этому рост музея при нем достиг чрезвычайного развития, и время его заведывания являлось одной из самых блестящих эпох в жизни этого учреждения» (*Данилевич В. Е.* Музей изящных искусств и древностей // Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905 гг.). Харьков, 1912. С. 68).

⁴¹ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 27—27 об.

ледяным покровом и сегодня вновь открыться; Харьковка течет сегодня грозно-торжественно, привлекая внимание, но не столь сильное, как раньше. Мой переплетчик оказался весьма предусмотрительным, он все спас, как чужое, так и свое, и ныне процветает уже в другом месте... Получил на днях от любезного В. Ю. Бока посылку с печатными фотографиями с моих негативов; в ней нашел несколько дублетов (9), которые пока (когда напечатаю остальные, то сделаю то же) и высылаю Вам — на память. Сами негативы тоже скоро придут... Получил ответ от Шпитхёфера. За римские мозаики просил 1150 лир; за *Inscriptimes* — 180, за *Bulletines di archeologia cristiana I, II, III, IV Ser.* годы 1863—1889 — 600 лир. Не можете ли Вы что сообщить по этому поводу? Б<ыть> м<ожет> Вам известны цены более низкие». ⁴² 20 октября: «Музей пополняется мало-помалу книгами, но мое увлечение приобретением привело меня к тому, что уже теперь бюджет закончен и прихвачена порядочная часть будущего»; ⁴³ 21 декабря: «Пополняю постепенно библиотеку Музея, т. к. уже слишком она бедна нужными для занятий книгами. О приобретении гипсовых слепков, которыми так запасается Московский университет, и нельзя было за безденежьем думать; обратился было в факультет, чтобы ходатайствовал перед Правлением о назначении особой суммы для слепков, но на это не надеются, а советуют, чтобы просил факультет ходатайствовать перед Правлением о ходатайстве в свою очередь перед Министерством»; ⁴⁴ 27 июня 1895 г.: «Давно уже не писал я Вам... За это же время окончил я печатать каталог известной Вам библиотеки Матушинского: повозиться пришлось немало, т. к., когда все книги пришлось перебрать самому, исправлял через рукописи и составил указатели. Посылаю Вам на память 1 экз. этого каталога»; ⁴⁵ 25 сентября 1896 г.: «В библиотеке нашего Музея нашлось несколько книг, имеющихся в 2-х экземплярах; список их я при сем прилагаю. Книги эти, конечно, не могут в своей общей стоимости дойти до стоимости *Diomo*, но если бы более богатая сестра, т. е. Ваш музей, поделился щедро своими богатствами, то менее состоятельная сестра, т. е. наш Музей, принесла бы ей глубокую благодарность и в качестве символического выражения этой благодарности те книги, список которых я прилагаю». ⁴⁶ Между тем музей рос, особенно коллекции его увеличились после проходившего в Харькове XII Археологического съезда, поэтому «по представлению историко-филологического факультета университет возбудил в 1903 г. ходатайство об ассигновании 244 433 р. 73 к. на постройку и оборудование музея. Здание по проекту архитектора В. В. Величка предполагалось построить на Университетской горке». ⁴⁷ Редин пытался по этому поводу заручиться поддержкой столичного академика, своего учителя Н. П. Кондакова. 20 января 1904 г. он пишет ему о плачевном состоянии «своего» Этнографического музея и нумизматического кабинета: «Дело по этому поводу давно уже послано в министерство и от него вполне уже зависит дать ему тот или иной ход, и пустить ли его в весеннюю сессию Государственного Совета или не пустить». ⁴⁸ Однако из-за расходов на начавшуюся русско-японскую войну в марте 1904 г. университету было отказано в просьбе. ⁴⁹ 9 апреля Редин восклицает в письме к Кондакову: «Дело с Музеем пока погребло! Уже получен отрицательный ответ». ⁵⁰ И только

⁴² Там же. Л. 29 об.—30 об.

⁴³ Там же. Л. 37.

⁴⁴ Там же. Л. 40.

⁴⁵ Там же. Л. 59—60.

⁴⁶ Там же. Л. 14—14 об.

⁴⁷ *Данилевич В. Е. Музей изящных искусств и древностей.* С. 57.

⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 51 об.

⁴⁹ *Данилевич В. Е. Музей изящных искусств и древностей.* С. 57.

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 57.

в 1906 г. музей переехал, но не в специальное здание, а «в бывшую квартиру попечителя».⁵¹

Одновременно с заботами о музее Редин с 1893 г. приступает к чтению лекций в университете. 7 марта он только упоминает об этом в письме к Помяловскому,⁵² а 20 октября конкретизирует: «В Университете я читаю два курса: 1) историю древнего искусства; 2) историю христианского искусства. Слушателей немного. Времени на подготовку к этим лекциям отнимается очень много, и [тяну] процесс [чтения] их довольно медленно; теперь лишь только заканчиваю Египет. На 1-й раз, чтобы после было легче, мне хочется прочесть поподробнее, и я кладу в основу лекций труд Перро и Шипте».⁵³ Однако через несколько месяцев у него возникают вопросы относительно прочности служебного положения. 9 января 1894 г. он просит Помяловского узнать, постоянным или временным было назначение министерства о чтении лекций, «т. к. я до решения вопроса... буду лишен возможности получать жалованье, чего уже никак не ожидал и о чем узнал лишь сегодня. Перспектива и впереди подобных заминок неотступно напоминает мне о необходимости скорейшего приготовления диссертации, и я, насколько позволят силы и обстоятельства, буду это делать»;⁵⁴ 24 ноября 1906 г. он пишет Кондакову: «На жизнь мою в общем не могу пожаловаться. Теперь много прибавилось работы по чтению лекций: слушателей теперь гораздо больше, и, конечно, самому приходится прилагать к своим лекциям большие требования, не говоря о том, что в следующем учебном году мне нужно прибавить заново курсы, которые прежде не читал: Ренессанс и Новое время».⁵⁵

Редин прожил всего 44 с половиной года, за 18 лет творческой жизни он создал 100 работ, не считая мелких рецензий и заметок в журналах.⁵⁶ Тематика их разнообразна: история древнехристианского, византийского, древнерусского искусства и археология, история местного края, история Харьковского университета, некрологи и биографические очерки, рецензии и критические статьи. Однако работа над магистерской и докторской диссертациями продвигалась у него трудно, оттягиваемая массой других, как приятных, так и вынужденных обязанностей. Д. В. Айналов писал в некрологе: «Древние греки называли дельфинов Ψίλανθ, ропот любящими людей, за свойство их держаться близко к человеку. Я сказал бы, что у Егора Кузьмича Редина была природная, коренная любовь к людям и всему человеческому. Это та любовь, которая глядит поверх костюма, воспитания, убеждений, сословий, обращаясь непосредственно к человеческой сущности».⁵⁷

Егор Кузьмич был человеком рефлексирующим и на красоту, радость, беду ближнего откликался не всегда адекватно. В сентябре, например, 1896 г. он пишет Жебелеву о том, что в прошлом году познакомился с ученицей харьковского художника Шрейдера, которая за год-два самостоятельных усилий достигла больших успехов в скульптуре, но учитель уехал из Харькова, а она хочет продолжать начатое дело, но не имеет средств для оплаты учебы: «Я покорнейше просил бы Вас навести справки и, где возможно, взять печатные условия, а равно спросить у кого-нибудь из сведущих людей, может ли девица, не получившая гимназического образования, но имеющая призвание, любовь, способности к скульптуре, найти поддержку, руководителя в училище или же, наконец, частными уроками».⁵⁸

⁵¹ Данилевич В. Е. Музей изящных искусств и древностей. С. 57.

⁵² РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 27.

⁵³ Там же. Л. 37.

⁵⁴ Там же. Л. 41 об.—42.

⁵⁵ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 78 об.

⁵⁶ Список ученых и литературных работ Е. К. Редина (1889—1907) // Сб. Памяти Е. К. Редина. С. 168—174.

⁵⁷ Айналов Д. Памяти Е. К. Редина (некролог) // Сб. Памяти Е. К. Редина. С. 6.

⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 19 об.

Жебелев постарался, но уже 11 октября Редин пишет: «На днях виделся с художницей, о которой писал Вам. Ее учитель вернулся в Харьков, открывает школу, и потому она пока будет продолжать свое учение у него. Это на первых порах для нее и хорошо».⁵⁹

В 1899 г. Редин оказывается в водовороте празднования 100-летнего юбилея Пушкина, на выставке в Румянцевском музее его более всего поразили рисунки поэта в его рукописях. 7 мая 1899 г. он сообщает Сумцову: «На целую неделю я был отвлечен от работ поездкою в Св. Горы. Как Вам, конечно, известно, я неожиданно еду в Святые Горы депутатом от Университета. Если бы Вы пожелали, то я мог бы явиться депутатом и нашего Историко-филологического общества; если пожелаете, то немедленно сообщите и пришлите краткое приветствие от имени Общества, которое я мог бы прочесть; и уведоьте официально комитет (в Пскове)».⁶⁰ Письмо от 4 июля содержит ту же знакомую фразу: «На целую неделю я был отвлечен от работ поездкою в Святые Горы. Чем далее в глубь прошлого удаляется эта поездка, тем она более приобретает для меня характер идеального, чего-то волшебного, мечты или грезы. Это было чудное паломничество... я вновь переживаю то же чувство радости и грусти, которое испытывал там; чувство радости от того, что... я, сын народа, увидел последнее убежище этого гения, поклонился праху его и, как мог, выразил благоговение его памяти; чувство грусти в сознании, что мало сделано нами, живущими на счет народа, для приближения его к этому торжеству, для лучшего понимания им того сокровища, что заключено в творениях поэта... Дорога (в Святогорский монастырь. — *О. И.*) довольно живописная... По странной для моего возраста наивности я захватил одно летнее пальто и соломенную шляпу. И досталось же мне! Холод пронизывал меня насквозь, ноги коченели, и я не на шутку боялся схватить новый ревматизм. Но, к счастью, я ехал в экипаже четырехместном с дамой, известной писательницей Лухмановой. Она сжалась надо мной и укрыла меня тем, что у нее было тепло... Торжественная панихида у могилы слушалась под проливным дождем; я был в одном фраке и с серебряным венком в руках».⁶¹

Н. Ф. Сумцов вспоминал: «В последние годы своей жизни Егор Кузьмич читал лекции в городской Художественной школе; он выписал для нее свыше 3 тысяч диапозитивов по истории итальянского искусства и заготовил таким образом ценное пособие, которое за наступившей болезнью лично не мог использовать». Далее Сумцов сообщает, что Редин «даже принимал участие в выборах в I-ю Государственную Думу, причем примкнул к конституционно-демократической партии и прошел в выборщики по ее списку».⁶²

Обосновавшись в 1893 г. в Харькове, получив лекционные часы и приняв музей, Редин уже мог бы выделить время для работы над диссертацией. Однако летом он отправился к отцу в Тифлис. 3 августа он делится впечатлениями с И. В. Помяловским: «Приехал сюда лишь 3 июля... Гнездо в полном расстройстве. Младший брат мой (19 лет) вышел из 6-го класса гимназии и женился... как? Один Бог знает, что ожидает его в жизни, в которую он поспешил так самостоятельно вступить, не запасшись никакими силами. Старшая сестра (17 лет) также оставила гимназию, выйдя из 3-го класса. Младшая сестра (9 лет) ничему еще не научена, не знает азбуки. Батюшка стар и мало имеет влияния на всех их. Оставлять все так, как есть, я не мог и решаюсь на то, что на первых порах представляется, по-видимому, наиболее возможным и необходимым. Я беру с собой обеих сестер и постараюсь

⁵⁹ Там же. Л. 30 об.

⁶⁰ Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову (1898—1905) // Сб. Памяти Е. К. Редина. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 47—49.

⁶² Сумцов Н. Ф. Человек золотого сердца // Сб. Памяти Е. К. Редина. С. 27, 28.

в Харькове поместить их в какие-нибудь учебные заведения; одну, может быть, отдам в пансион, а другая будет жить со мной». ⁶³ Возросли расходы, Редин пишет 20 октября Помяловскому: «Увы, что мало и медленно прогрессирует — это моя диссертация: в заботах о лекциях, о том, о другом, что является на горизонте жизни — она все откладывается на второй план. Это, конечно, меня тревожит и мучит, и я все возлагаю надежды на праздники и на каникулы. А между тем торопиться с ней нужно. Материальные нужды совершенно теперь меня подавляют, я кругом в долгу и никогда не хватает их (денег. — *О. И.*) на удовлетворение всех нужд. Просил кое-кого порекомендовать на уроки русского языка или истории в женские гимназии и пансионы, но ничего никто не устроил; нужно, конечно, бегать и узнавать самому и тогда может добыться чего-нибудь». ⁶⁴

21 декабря все еще в состоянии «разбега» на пути к диссертации он пишет Помяловскому: «Трудно Вам передать, как всякие, по-видимому незначительные, дела мешают вплотную усесться за диссертацию; я как-то не привык делать сразу несколько дел и обыкновенно работал над чем одним, что в данный момент необходимо более, другое, т. е. диссертацию, откладывая и т<аким> о<бразом> выходит то, что я вот уже с год в Харькове и для диссертации нет еще готовой цельной главы»; ⁶⁵ 9 марта 1894 г.: «Мои дела идут по-прежнему. Совестно только сознаться, что с января в заботе о подготовке к лекциям я не подвигал диссертации, с апреля месяца, окончив чтение лекций, думаю до сентября ничем иным не заниматься, как диссертацией. А за мной этот грех водится — я иногда отвлекаюсь, и хотя для своего же дела, но не имеющего для меня лично того значения, какое имеет диссертация. Плод такого отвлечения я Вам сегодня выслал, это небольшая брошюрка; буду очень благодарен, если поделитесь впечатлениями от нее». ⁶⁶

Весной он председательствует от университета на I Художественном съезде в Москве, ведет переписку по комплектованию музея, беспокоится о судьбе статьи «Миниатюры апокрифического арабского евангелия детства Христа Лавренцианской библиотеки во Флоренции», отправленной в редакцию «Записок» ИРАО, и 14 апреля рапортует Помяловскому, что приступил вплотную к работе, а 12 августа уже обозначает результат: «Все лето, за исключением одной недели, я пробыл в Харькове. Занимался диссертацией и всего пока приготовил, по-видимому, одну треть. Ощущается сильный недостаток в пособиях и даже источниках. Так у нас нет Muratori. Regum italic Scriptnes. А между тем для ц<еркви> св. Иоанна Ев<ангелиста>, построенной Галлой Плацидией, имеется в этом издании (vol. I, p. II, p. 568 и сл.) у одного писателя XIV в. описание мозаик погибших этой церкви. За отсутствием его приходится пользоваться из вторых рук... Так или иначе, работа

⁶³ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 34, 34 об. Дела родственников фигурируют в письмах до 1899 г.: 20 октября 1893 г. — Помяловскому: «Младшую сестру пристроил в пансион, где она живет и учится (300 руб. за 10 месяцев); старшая живет со мной и учится в частном пансионе и отдельно еще берет уроки музыки; в будущем году надеюсь пристроить ее для обучения зубоорачебному искусству» (Там же. Л. 38); 27 июня 1895 г.: «Одна из сестер моих, старшая, сдала в мае экзамены за 7 классов гимназии, чему я очень рад; за два года она прошла почти весь гимназический курс» (Там же. Л. 59 об.); 21 августа 1896 г.: «Сестру мою приняли на фельдшерские курсы, и 4 сентября она выехала в СПбург. Теперь предстоит забота о пристройке второй, младшей сестры» (Там же. Д. 1187. Л. 10 об.); 2 июня 1897 г.: «В Тифлис я поеду со старшей сестрой, которая давно приехала из СПбурга, перешедши на 2-й курс своего училища» (Там же. Л. 29 об.); 30 декабря 1897 г.: «Брата моего (о котором когда-то рассказывал) произвели в офицеры (для этого пришлось заложить дом и дать ему денег); сестра, живущая в СПбурге, пишет, что приобрела уже катарр желудка, страдает и лечится» (Там же. Л. 45 об.); 12 ноября 1899 г. Д. В. Айналову: «Дела старшей сестры идут порядочно: она в этом году должна закончить курсы (что решит дальше — не знаю), но дела младшей сестры из рук вон плохи: на 2-й год в 4-м классе и учится скверно» (ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 82. Л. 18).

⁶⁴ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 38.

⁶⁵ Там же. Л. 39 об.

⁶⁶ Там же. Л. 43—43 об.

продвигалась. Теперь же, с началом лекций, она будет сильно замедляться. Я открываю курс истории греческого искусства впервые, т. к. в прошлом году прочел только историю восточного искусства (по Перро и Шипи). Неделю вне Харькова я провел в гостях у Лейкфельда и Сумцова». ⁶⁷

Вообще удаленность от культурных и научных центров и нехватка источников для исследования — лейтмотив посланий Редина. ⁶⁸ 15 сентября он сообщает, что получил письмо от вернувшегося из-за границы Кондакова с приглашением в Ялту «посоветоваться относительно диссертации» и что, скорее всего, соберется в гости на рождественских каникулах. «Занимаюсь, — пишет он, — понемногу диссертацией; буду очень рад, если поскорее окончу ее, т. к. времени уже ушло много, хотя, к сожалению, в значительной части не на нее». ⁶⁹

Дальнейшее развитие событий проследим по конспективным дневниковым записям Кондакова. 7/19 декабря 1894 г.: «Редин пишет, что приедет в воскресенье»; ⁷⁰ «11/23 декабря, воскресенье. Вечером доложили вдруг в 7 ч., что Редин уже в комнате, приехал с [нрзб.]. А пароход и не пришел»; ⁷¹ 12/24 декабря: «Читали с Рединым его “Мозаики Равенны”». Ошибочная манера писать общие части, не разработав предмета, памятников. Гуляли с ним»; ⁷² 13/25 декабря: «Введение у Редина не одобрил: истор<ическая> хар<актеристика> церковей несохранившихся... Письмо от Смирнова, что за удивительный юноша, при этой общей сволочи»; ⁷³ 15/27 декабря: «Вечером у меня жар, 38.4 и несварение. Всю ночь промучился... Совершенно отверг труд Р<едина>»; ⁷⁴ 16/28 декабря: «Читали до конца труд Редина, объявил, что нет работы, не начиналась, а есть компиляция. Начали, по его просьбе, сами работу — понравилось». ⁷⁵

Замечания учителя не лишают Редина душевного равновесия, 21 декабря он опишет Помяловскому свои впечатления от визита: «Вот уже полтора месяца, как я в чудной Ялте в гостях у дорогого Никодима Павловича. Из царства холода, морозов я попал в сказочное царство тепла, красоты... Все почти время стоят теплые чисто весенние дни. Я люблюсь палаццо Никодима Павловича, зеленью, которой он окружен, теми очаровательными видами, которые открываются из окон его — на море, на самую Ялту, расположившуюся полукругом по заливу... Время мое проходит сообразно строгому распорядку владыки и хозяина палаццо. От 11 до 12

⁶⁷ Там же. Л. 47—47 об. Вероятно, весной он получил серьезное служебное приглашение. В дневнике Кондакова от 3/15 мая 1894 г. запись: «Письма со съезда Редина о предложении ему места в Академии художеств и Эрмитаже — просит моего указания» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 14 — 1894 г. Л. 55 об.). 8 мая Редин пишет Айналову: «Долго же ждала меня от Никодима Павловича телеграмма, в которой он пишет: “Соглашайтесь”. Согласно этому я извещил Боку телеграммой же. Что изо всего этого выйдет, конечно, неизвестно. Через день получил от Никодима Павловича письмо, в котором он мотивирует согласие именно комбинацией — Эрмитажа и Академией вместе, о своем согласии он извещил Ивана Ивановича [Толстого]» (ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 82. Л. 1—1 об.). Развитие этой истории, к сожалению, по документам проследить не удалось.

⁶⁸ 15 сентября он пишет Помяловскому, что Айналов прислал из Казани «справку из Муратори, но она что-то не подходит [вся] к имеющемуся у меня переводу, попрошу его еще раз посмотреть» (РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 53 об.). 11 ноября — ему же: «Сердечно благодарю Вас за присылку Bulletin de Rossi. В нем я нашел заметку о результатах разысканий Лангиани относительно некоторых церквей Равенны в архитектурном отношении. Заметка весьма интересная, и я воспользуюсь ею... Сегодня я в великой моей радости получил от В. Ю. Бока текст к изданию Римских мозаик де Росси; текст этот мне очень необходим для главы о росписи храма IV—VI вв., которой я в данное время занят» (Там же. Л. 51—51 об.).

⁶⁹ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 54 об.

⁷⁰ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 14 — 1894 г. Л. 110.

⁷¹ Там же. Л. 111.

⁷² Там же. Л. 111 об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 112.

⁷⁵ Там же. Л. 112 об.

общее занятие мое с Н<икодимом> П<авловичем> по поводу диссертации (просматриваем вместе фотографии равеннских мозаик, и я делаю заметки указаний Никодима Павловича). От 12 до часу гуляние по бульвару. В час обед. После обеда чтение газет. Затем до 4 ч. прогулка вновь по бульвару или по самой Ялте (т. е. по улицам, прилегающим к бульвару). В 4 ч. чай. После чаю общее занятие. В 7 ужин. До 9 ч. занятие; чай и затем литературный вечер: чтение [Тена] и художественного произведения (Пушкина, Шекспира). После 12 ч. расходимся спать... В Харьков я возвращаюсь (с сожалением думаю об этом), вероятно, в начале января и примусь за работу сообразно с указаниями Никодима Павловича, уже за сами мозаики». ⁷⁶

Несколько месяцев снова выпадают ради добровольно-принудительного труда. 30 марта 1895 г. он пишет Помяловскому: «Все это время было довольно тяжело для меня. С одной стороны, подготовка к лекциям, с другой — уроки в частном женском заведении... — отнимали у меня почти все время и не давали возможности заняться диссертацией. Лишь теперь, незадолго до праздников, я взялся снова за работу, и уже непосредственно за мозаики, начиная с Ортодоксального Баптистерия. Как, кажется, я писал Вам уже, результат моей поездки к Никодиму Павловичу был, между прочим, тот, что я решил расширить обзор мозаик — не только V в., но и VI в., взамен истории росписи храма, по которой раньше работал, но которую, по словам Никодима Павловича, мне трудно написать за отсутствием материала по восточным церквам (до VI в.). Думаю работать все лето и хотелось бы окончить к осени. Если бы мне почему-нибудь не удалось это сделать, то думаю, если это возможно будет, просить командировки месяца на три в Россию и за границу: может быть, явится необходимость посмотреть после окончания работы и самые мозаики... Смирнов пишет из Каира и приглашает в Афины и на Афон, куда собирается и Никодим Павлович. Рад бы — да грехи не пускают!»; ⁷⁷ 27 июня он продолжает: «За это время успел закончить I-ю главу своей работы, отослать ее Никодиму Павловичу, и теперь кончаю 2-ю главу (усыпальница Галлы Плацидии). Время летит слишком быстро, и я при всем желании навряд успею окончить всю работу к сентябрю. Буду, однако, стараться»; ⁷⁸ 20 октября 1895 г.: «Все остающееся свободное время от лекций, уроков я посвящаю работе. Окончил уже 4 главы (2 баптистерия, [Антонин Новый], Галлу Плацидию, Св. Виталия); теперь приходится начинать капеллу Хризолога. Мое сильное желание — закончить работу к Рождеству, и я буду стараться достигнуть этого. Хочется, чтобы с января уже решить вопрос о печатании и начать это печатание. Хочется покончить с этой неустойчивостью в положении, с заботами о приискании придаточного заработка, отнимающего время от ближайшей задачи — своих собственных занятий. 1 сентября я послал Никодиму Павловичу письмо и одну из глав работы своей в Ялту и до сих пор не имею от него известий». ⁷⁹

Однако теперь Редин идет форсированным маршем к завершению, уже 25 октября он сообщает: «Окончил 5-ю главу, посвященную небогатой росписью, так называемой капелле Петра Хризолога. Теперь сижу за 6-й главой ц<ерковь> св. Аполлинария во Флоте. Окончив ее, перейду к ц<еркви> S. Michele in Africisio, мозаики которой проданы Германскому музею и лежат в кладовых Берлинского музея. Об этих мозаиках буду говорить лишь по фотографии. Затем думаю обозреть росписи церквей (равеннских) погибших, известных по литературным данным, и в заключении общее обозрение выводов над росписями равеннских церквей. Вопрос о

⁷⁶ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1186. Л. 55—56 об.

⁷⁷ Там же. Л. 57—58 об.

⁷⁸ Там же. Л. 59—59 об.

⁷⁹ Там же. Л. 61—61 об. К сожалению, дневниковых записей Кондакова за 1895 г. обнаружить не удалось.

печатании работы вовсе мною не решен, и именно по поводу его я думаю, да и обращаюсь теперь с покорнейшей просьбой посоветовать мне, где бы лучше напечатать. Я думаю издать решительно все мозаики, правда, одне в большем виде, другие в меньшем (удовлетворительного издания их, как известно, нету; Гаруччи искажил все, в общих новейших руководствах — отрывочно). Это, конечно, будет стоить больших денег. Поэтому, не желая обременять факультет, у которого помощи будут просить и другие, думаю сначала узнать, нельзя ли с удобством для себя и к удовольствию других напечатать где-нибудь в другом месте. В Петербурге, по-видимому, есть три места, где можно было бы напечатать: 1) Археологическое общество, 2) “Византийский временник”, 3) ЖМНП. Но об Археологическом обществе я боюсь и думать, т. к. совершенно не знаю, возможно ли будет обращаться к нему с просьбой независимо даже от того, есть ли у него средства. “Византийский временник” — не знаю, согласится ли печатать большую работу, да притом с рисунками. Если Вам что-нибудь относительно каждого из указанных трех мест (известно. — *О. И.*), то будьте так добры, посоветуйте мне, где лучше и где наиболее возможно и удобно».⁸⁰

В декабре Редин в Ялте читает работу Кондакову и собирается в начале января вместе с учителем ехать в Петербург, чтобы лично просить содействия Помяловского для напечатания работы в «Трудах» Археологического общества и передать фотографии для подготовки рисунков, но 3 января 1896 г., в предполагаемый день отъезда, он пишет Помяловскому: «Решение Никодима Павловича не ехать в СПб, ввиду сильного риска пострадать от страшных холодов, повлияло на изменение и моего давно задуманного плана... Никодим Павлович, жалея мое время и деньги, посоветовал мне не ехать, обещал сделать для меня в письмах к Вам (и С. А. Жебелеву) то, что он был так добр готов был (sic!) сделать лично при свидании с Вами. За время пребывания у Никодима Павловича я прочитал ему всю свою работу. Хотя, по его словам, ее и можно было бы напечатать в том виде, как она есть, но лучше было бы, если бы я исправил некоторые части и внес некоторые дополнения. Все это можно сделать, по мнению Никодима Павловича, за то время, которое нужно для приготовления рисунков, т. е. в течение 2—3 месяцев. Эти рисунки он был так добр выбрал (sic!) вместе со мною из числа тех фотографий с равнинских мозаик, которые я привез к нему».⁸¹ В тот же день он отправляет благодарственное письмо И. И. Толстому: «Из фотографий, высланных Вами мне любезно, я думаю издать три номера, если только Вы будете так добры дать на это разрешение. Если возможно их издать (1) Поперечный разрез усыпальницы Галлы Плацидии, 2) Олени у источника, 3) [Забытая] статуя), то будьте так добры, известите об этом меня или же Сергея Александровича Жебелева, у которого находятся все для меня фотографии».⁸²

Весь январь Редин дает указания Жебелеву о технике изготовления рисунков для книги и оплате этой работы,⁸³ в июле—сентябре — Помяловскому — о внесении изменений в текст корректуры.⁸⁴ 5 июля он пишет из Петербурга Айналову: «Вот уже месяц, как я приехал сюда с тем, чтобы за отсутствием С. А. Жебелева держать корректуру и вообще двигать печатание работы. Но, увы, надежды мои не оправдались. До сегодня еще ни строчки работы не напечатано; [работник] типографии ведет себя по-генеральски и словно оказывает милость, что печатает... Т<а-ким> о<бразом> к началу августа мне не иметь в руках книги, и придется, не ожидая конца (а м<ожет> б<ыть>), ехать в Ригу на съезд (археологический. — *О. И.*).

⁸⁰ Там же. Л. 63—64 об.

⁸¹ Там же. Д. 1187. Л. 1—1 об.

⁸² РО РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1211. Л. 3 об.

⁸³ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 1—6 об.

⁸⁴ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 5, 7, 11.

Не ехать нельзя, т. к. я получил 60 руб. пособия. В постоянных ожиданиях дела провожу бестолково время; хожу в публичную библиотеку (смотрю миниатюры), в Эрмитаж (фотографирую слоновую кость): как будто делаю дело, а в существе убиваю время, ибо голова занята другим. По праздникам бываю в окрестностях: Петергофе, Павловске, Гатчине, Лесном. Был у Ивана Ивановича графа Толстого в Гунгербурге (ныне Усть-Нарва. — *О. И.*)... Как устроится мои дела с диссертацией, не знаю; вероятно, оканчивать буду в Харькове, а м<ожет> б<ыть> после 20 августа вновь заеду в СПб, хотя к 1 сентября должен быть в Харькове». ⁸⁵

Дела «устроились», потому что 24 сентября 1896 г. Редин спрашивает Помяловского, что он «должен сделать официально, чтобы начать дело о диссертации». ⁸⁶ 18 ноября он благодарит Жебелева за присланный экземпляр книги и содействие в ее издании. ⁸⁷ 5 декабря — «за хлопоты по раздаче книг в магазин, присылку квитанций и даже денег» и тут же сообщает: «Вот уже почти 2 недели тому назад как я заболел ревматизмом в ногах и слег в постель». ⁸⁸ Время защиты еще не назначено, и 6 декабря Редин просит Помяловского: «Если диспут будет назначен на январь, то будьте так добры, насколько возможно будет, назначьте, пожалуйста, пораньше, чтобы я не пропустил слишком много уроков». ⁸⁹ Защита состоялась 19 января 1897 г., официальными оппонентами были назначены проф. И. В. Помяловский и приват-доцент А. Н. Щукарев, ⁹⁰ а 27 января Редин был утвержден в степени магистра. ⁹¹ Оценку работы позднее и дал, и обобщил Н. Ф. Сумцов: «Егор Кузьмич в отношении существенного вопроса — о самом происхождении их (равеннских мозаик. — *О. И.*) делит литературу на 2 группы; к одной группе относятся те труды, в которых равеннские мозаики считаются произведениями римской и даже специально равеннской школы; к другой те, в которых оне признаются произведениями византийского искусства. В своей книге профессор Редин пришел к тем выводам, что равеннские мозаики можно отнести к памятникам византийского искусства на почве Италии, лишь с долей влияния на них западных образцов... Айналов в ЖМНП приветствовал диссертацию рецензией, Dobbert в Repertorium für Kunst[liche] Wissenschaften, 1898 г. дал еще более обширный и лестный отзыв, назвав Редина “Wohlverdiente russische Gelehrte” — заслуженным русским ученым, а его труд о равеннских мозаиках — “vortreffliche Werk” — превосходным трудом. В особую заслугу Редину Добберт ставит “тщательное сравнительное изучение равеннских мозаик с другими художественными произведениями, бесспорно византийского происхождения и установление между ними логической и систематической связи”. Небольшой, но весьма похвальный отзыв был помещен в Zeitschrift für christl[iche] Kunst (1897 № 3). Между прочим, тут сказано: “Большой похвалы за-

⁸⁵ ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 84. Л. 4 об.—5 об. 21 августа уже из Харькова он делится с Помяловским впечатлениями от съезда: «1 августа эти заседания начались, и я ежедневно просиживал на них почти в течение целого дня, т. к. их было по 3—4. Участников съезда было около 600, но присутствовало на них (sic!), конечно, меньше... Рефераты, как увидите из дневника съезда, в значительной своей части довольно интересны. Я лично очень доволен, что прослушал значительную часть их, благодаря этому познакомился с такими областями археологии, с которыми при своих занятиях не приходится знакомиться... Интересны были экскурсии в Митаву и Трейден; в Трейдене были произведены раскопки; я с удовольствием смотрел на процесс производства раскопок, т. к. никогда раньше не видел их. Удивительную подвижность проявил Вирхов (ему в то время было 75 лет. — *О. И.*), лазавший по могилам и осматривавший костяки и черепа... В общем съезд, время, проведенное в Риге, оставили во мне хорошее воспоминание о них. В Риге даже нашлась православная старина в виде [икон] XVI—XVII вв.» (РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 9, 9 об., 10 об.).

⁸⁶ Там же. Л. 12 об.

⁸⁷ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 37.

⁸⁸ Там же. Л. 39.

⁸⁹ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 19.

⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8984. Л. 19.

⁹¹ Там же. Л. 22 об.

служивают широкие объяснения Редина, построенные на широком знакомстве с итальянской, французской и немецкой научной литературой. В основательности работы виден ученик Кондакова». В 3-м номере «Deutsche Literaturzeitung» 1898 г. известный знаток истории искусства Стржиговский отметил, что Редин с любовью вошел в глубь изучения предмета и высказал веские замечания по некоторым спорным вопросам равенского искусства. В маленькой библиографической заметке в итальянском журнале «Notizie bibliografiche» после обозрения книги Редина высказано сожаление, что она напечатана не на французском или другом языке, более доступном, чем язык русский, западным ученым.⁹² Эти отзывы сгруппированы тут нами с целью показать, что с первых своих шагов Егор Кузьмич был оценен по достоинству, как выдающаяся научная сила и сопричислен к выдающимся специалистам западной науки по изучению византийского искусства и его отражений в Италии.⁹³

После защиты магистерской диссертации Редин «на подъеме»: он собирается ехать на Афон и начинать работу над докторской диссертацией. 12 марта 1897 г. он пишет Помяловскому: «Недалеко уже и 25 марта — дня предполагаемого моего отъезда в Ялту, но я еще не имею известия — пускает ли меня М<инистерство> Н<ародного> П<росвещения> в экскурсию, согласно ходатайству факультета. А тут еще, к несчастью, эти дела на Востоке! По-видимому, приходят последние времена: все христиане поступили на службу Антихристу (турку). Что-то будет дальше? Во всяком случае еще ничего не известно пока, и мы, может быть невзирая ни на что, поедем на Св. Гору... Вскоре после приезда на первых порах чувствовал себя легко, свободно... Но теперь начинаются новые заботы: нужно приниматься за добывание материала для другой работы... Уроки ложатся бременем и не знаю, когда-то увеличат мое содержание, чтобы можно было избавиться от них».⁹⁴ Все еще надеясь посетить Афон, он пишет 2 июня Помяловскому о другом своем плане: «Я буду очень рад, если попаду это лето в СПб, т. к. мне уже хотелось бы приняться за соби́рание материала для диссертации. Но тема или, вернее, материал моей будущей работы таков, что его можно находить, лишь путешествуя по России, занимаясь в собраниях с рукописями».⁹⁵

Тема докторской диссертации Редина касалась исследования миниатюр «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам.⁹⁶ О вре-

⁹² В 1896 г. Редин с юмором заметил Помяловскому: «Теперь я занимаюсь чтением интересной книги Stuhlfaul'a, посвященной слоновой кости... Издающие новые памятники на русском языке пользуются особым преимуществом: никто не знает об их изданиях. Т<аким> о<бразом> данная мною 3 года тому назад Болонская пиксида в этой книге издается как вещь, совершенно ранее никем не изданная» (РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 22 об.—23).

⁹³ Сумцов Н. Ф. Человек золотого сердца. С. 18—19.

⁹⁴ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 24, 24 об., 25 об. Очевидно, Редин имел в виду греко-турецкую войну 1897 г., в которой Греция потерпела поражение и должна была заплатить Турции большую контрибуцию.

⁹⁵ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 28 об.

⁹⁶ Козьма, или Косьма, грек из Александрии, будучи торговцем, посетил многие страны, затем постригся в монахи и написал, среди прочих, труд под названием «Христианская топография», целью которого было подтвердить библейское учение о сотворении мира данными физической географии. «Но не главная цель, предположенная автором, придает цену его сочинению, а второстепенные и как бы мимоходом и случайно сделанные замечания и полутные объяснения, в которых наука и признает высокое культурное значение «Христианской топографии». Кроме литературного и бытового значения труд Козьмы представляет еще важный художественный материал во множестве рисунков или иллюстраций, которыми снабжен его текст» (Успенский Ф. И. История Византийской империи. VI—IX вв. М., 1996. С. 346). Предполагают, что именно из-за подробного описания Цейлона и индийских зверей Козьме было дано прозвище Индикоплова, или Индикоплевста. Время написания труда датируется VI в. Списки сочинения Козьмы на Руси получили наибольшее распространение в XVI—XVII вв., несмотря на то что тогда и у нас уже были известны системы Птолемея и Коперника. Причину этого определил А. Н. Пыпин: «Отсутствие школы и отсутствие критики превращало литературу в безразличную массу книжного материала, где не было исторических эпох, смены направлений, а были только различные отделы содержания — книги церковные, поучение, летопись, повесть и т. п. Прежде

мени выбора темы можно спорить. В дневнике Кондакова 8/20 января 1889 г. единственная запись: «Редин.[Топограф.]».⁹⁷ Процесс писания диссертации, перемежавшийся болезнями и другими делами, растянулся на 10 лет. Еще 11 февраля 189[7] г. Редин писал Жебелеву: «Занимаюсь понемногу Космой. Но уроки одолевают: прибавилось еще 6. К будущему году хотелось бы совсем их бросить. Летом, если буду на Афоне и если позволят деньги, собираюсь в Рим и Флоренцию для занятия Космой: византийские рукописи — оригиналы [русских]»;⁹⁸ 3 октября 1897 г. — Помяловскому: «Я сижу теперь над переводом Космы Индикопл[ова]; чтение его представляет трудности, а потому, чтобы обязательно прочесть его, я и перевожу слово за словом; на помощь является мне латинский перевод и отчасти славянские; работа идет очень медленно. Однако на рождественских каникулах я мечтаю непременно побывать или в СПб, или в Москве — [нрзб.] и позаниматься над известными мне рукописями Космы. Нет ли у Вас лично или в университете Thevenot. Relation des divers voyages curieux, I, 1663 года? Если есть, то, пожалуйста (извините за беспокойство), пришлите мне ее на время; в ней, как нахожу указания, предложен не то перевод, но комментарий какой-то части Космы».⁹⁹ 21 октября в письме к Жебелеву он обмолвился о предвестниках роковой болезни: «Мысль о будущей работе все более и более беспокоит меня. А тут частые головные боли».¹⁰⁰ Но 22 декабря он уже пишет ему из Ялты, где гостит у Кондакова: «В первый же день приезда Никодим Павлович завел беседу о диссертации моей; он полагал, что объем избранного мною материала слишком велик, что для пользы дела лучше остановиться на каком-нибудь одном или [нескольких] отделах, сделал это так, как Буславев, выбравший, как известно, Апокалипсис. После долгих обсуждений, выборов, остановившись на Косме Индикоплове, если бы оказалось, что это мало, то можно присоединить еще что-нибудь. Таким образом придется остановиться на одной части русских миниатюр, надо искать ему (Козьме. — О. И.) источники в византийских [пезестах] и сделать те или иные параллели, культурно-исторические объяснения. Самую частность темы (Косма Индикоплов) можно пока и не передавать другим. По поводу предполагаемой работы у меня к Вам покорнейшая просьба. Никодим Павлович передал мне свои фотографии с синайской рукописи Космы, но среди них недостает еще трех; я снял с них в [беглых] очерках кальки; будьте так добры, найдите, пожалуйста, по этим калькам негативы и передайте их в средневековое отделение Эрмитажа служителю Ушакову; пусть он напечатает с них оттиски получше».¹⁰¹ В этом же письме он сообщает о полученном через Деревницкого предложении Ф. И. Успенского занять (если не согласится Я. И. Смирнов) место секретаря РАИК после перешедшего на другую работу П. Д. Погодина: «По совету с Никодимом Павловичем, — пишет он, — и по личному решению я полагаю, что лучше не покидать университета, тем более что не имеется докторской диссертации».¹⁰² 30 декабря

всего и выше всего стояли предметы душевного спасения, самый веский авторитет был авторитет старый» (цит. по: Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам / Исследование проф. Харьковского ун-та Е. К. Редина; Под ред. Д. В. Айялова. М., 1916. Ч. 1). Популярность сочинения Козьмы объяснялась еще и тем; что в производстве списков оно было богато украшено цветными миниатюрами, комментировавшими идею произведения.

⁹⁷ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 11. Л. 66 об.

⁹⁸ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 41 об.—42.

⁹⁹ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 51 об.—52.

¹⁰⁰ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 54.

¹⁰¹ Там же. Л. 57 об.—58 об.

¹⁰² Там же. Л. 58 об. Работа эта, очевидно, сулила больше суеты, чем творческого удовлетворения. «Ученые секретари наравне с директором принимали участие в научной работе института, ездили в экспедиции, изучали памятники и писали о них исследования. В стенах же института их научная деятельность находилась под контролем не только директора, но и начальства из посольства, которое относилось к ним как к чиновникам, которые должны отсиживать присутственные часы с 10 до 16 часов дня. В обязанности ученого секретаря входила вся техническая работа по библиотеке, бухгалтерии и канцелярии» (*Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерк истории. СПб., 1999. С. 89).

он пишет Помяловскому: «Еще неделя и лекции в университете закончатся, но уроки в гимназии будут тянуться чуть не до 21-го. Я очень радуюсь, что хотя в течение двух недель, может быть, немного отдохну. Никогда так не чувствовал усталость, как теперь. Истомили уроки, неприятности, истомили непрерывные подготовки к новому курсу лекций и масса разных хлопот, забот о деньгах, долгах».¹⁰³ 17 января 1898 г. он просит Помяловского прислать текст Козьмы Индикоплова, изданный в 1886 г. Обществом любителей древней письменности: «Я предполагаю переписать это издание по тому образцу, как издаются летописи (т. е. с раскрытием [титл] и т. п.), сравнить этот переводной текст с греческим, сравнивать его же с другими русскими переводами, рукописями, какие встречу, чтобы установить, если это окажется возможным, — изводы».¹⁰⁴ Здесь же он просит Помяловского подготовить почву для его обращения в Общество любителей древней письменности с ходатайством о пересылке в Харьков во временное пользование трех известных ему рукописей Козьмы,¹⁰⁵ опять говорит о необходимости поездки в Рим и Флоренцию, чтобы увидеть византийские оригиналы, и о предположении поехать туда прямо с Афона.

Постановление о снаряжении научной археологической экспедиции на Афон было принято еще 10 апреля 1896 г. и касалось только Н. П. Кондакова.¹⁰⁶ О составе экспедиции мы узнаем из постановления, подводившего ее итог: «Экспедиция была совершена в течение апреля, мая и июня текущего (1898. — *О. И.*) года в сообществе приват-доцента Харьковского университета Е. К. Редина, приват-доцента С.-Петербургского университета Н. Я. Марра, архитектора Ф. Г. Беренштама и фотографа Е. И. Германа. Главной задачей экспедиции было поставлено обозрение и исследование афонских ризниц, икон и церковной утвари со стороны их археологического и художественного значения, и в результате обзора образовалось описание предметов древности и художественных памятников 18 обителей Афонской горы, дополненное фотографическим альбомом из 220 снимков и акварельными рисунками Ф. Г. Беренштама. В кратком обзоре акад. Н. П. Кондаков представил характеристику памятников архитектуры, скульптуры и живописи, остановившись с большею подробностью на замечательных окладах, украшенных сканью и дополняющих собою сведения, ранее имевшиеся об этой технике и важные для решения вопроса о Мономаховой шапке».¹⁰⁷ В дневнике Кондакова две записи, от 3/15 и 13/25 февраля 1898 г.: «Писал Редину»,¹⁰⁸ а 15 мая (по старому стилю) Редин пишет из Константинополя местами дословно совпадающие письма Сумцову и Жебелеву: «Вот уже 5-й день как я обитаю здесь. Целые дни провожу в блужданиях по городу и чем ближе знакомлюсь с Константинополем, с его памятниками, с чудной природой, окружающей его, тем более прихожу в восторг, восхищение... Уходя из дому в 9 часов утра, я возвращаюсь в час ночи. Хожу много; концы длинные — с горы на гору... Был несколько раз в гостях в Институте (РАИК. — *О. И.*), в гостях у Ф. И. Успенского и с Б. В. Фармаковским часто совершаю прогулки и провожу вечера».¹⁰⁹ Путешествие от Константинополя он подробно описал Сумцову: «В субботу, 16 мая, в 4 часа, я попал на пароход “Одесса”, который привез меня из Константинополя на Афон. С парохода открывался чудный вид на город... На пароходе публика уже иного характера, которая была на проезде до Константинополя. Видны богомольцы, монахи, любители-путешественники... Целый день в воскресенье мы ехали. Совсем ясно видны ютящиеся по горе там и сям монастыри, келейки. С массой богомольцев высадились

¹⁰³ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 45.

¹⁰⁴ Там же. Л. 47—47 об.

¹⁰⁵ 2 апреля он уже благодарит за присланные рукописи (Там же. Л. 49—49 об.).

¹⁰⁶ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 143. Л. 256 об.; Протокол ИФО VI, § 67 от 10 апреля 1896 г.

¹⁰⁷ Там же. Д. 145. Л. 318; Протокол ИФО XII, § 141 от 7 октября 1898 г.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 115. Оп. 3. Д. 15. Л. 55 об., 60 об.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 59, 59 об., 60 об.

Е. К. Редин и Н. П. Кондаков среди монахов афонских монастырей. 1898 г.

на берег. Часов до 10 ожидали, пока отойдет пароход; в 10 часов сели в лодку и с опасностью (ветер поднимал громадные волны) более 1/2 часу ехали в монастырь. Вот он и предстал. Это громадный замок, целый городок — Русский Пантелеймоновский монастырь. Утром (в понедельник) слушал в церкви обедню; прекрасное пение монахов. После обеда отправился в путь на мулах, в сопровождении монаха через всю гору. К 5 ч<асам> приехал в Иверский монастырь, где и нашел проф. Н. П. Кондакова.¹¹⁰ Тотчас с ним и с Марром (наш спутник) отправились к бывшему константинопольскому патриарху. В получасовом расстоянии у моря стоит башня и церковь; здесь и живет патриарх. Осмотрели церковь, пили чай, любовались с платформы видом и затем опять в монастырь. Утром во вторник вновь были у патриарха, затем посетили монастырь Ставроникиту.¹¹¹ В среду, в 2 часа, попрощались с монахами, сели в лодку и более двух часов ехали по морю, наслаждаясь чудными видами на берег, на афонские горы, на возвышающиеся здесь и там в зелени кельи. Вот и подъехали к Ватопедскому монастырю. Уже издали он поражает своими размерами и красивым местоположением. Как и все афонские древние монастыри, он напоминает крепость, обнесен высокой стеной, имеет башню и пр. ...Устроившись в архондарике, отправились в собор и были поражены его убранством, красотой его — он весь был украшен фресками с любопытными гектографическими изображениями и затем, что наиболее замечательно, его древностями — то единственными в своем роде мозаичными, то живописными иконами, то барельефами в золоте, меди. Положительно это — единственный в своем роде музей памятников византийского искусства. После осмотра отправились с визитом к эпатрону (начальнику монастыря), который принял нас в полном собрании всех старцев-монахов. Н. П. Кондаков изложил через переводчика (русского монаха), что его прислал сам Российский Государь с поручением осмотра, изучения афонских древностей для образца русским церквям и просил разрешения фотографировать все, изучать. Один монах от лица всех выразил на то полное согласие: “Весь монастырь в Ваших руках”, — сказал он... В четверг, 21 мая, с раннего утра отправились в собор монастыря и стали заниматься описанием его замечательных памятников искусства... Целый день (в пятницу, 22 мая) проведен плодотворно в занятиях, описывали, фотографировали иконы мозаичные, фресковые. В субботу опять целый день занятий... В четверг, 28 мая, прощались с Ватопедом. Были торжественные проводы. Все монахи пришли до лодки, на которую мы сели. Более часу ехали мы морем; лодку качало, и я чувствовал себя дурно. Показался монастырь Эсфигмен, стоящий прямо у самого моря, обнесенный высокой оградой, с пиргой. В этой ограде, т. е. толще стены, устроены жилища — лучшие комнаты, обращенные видом на море... На берегу нас встретил игумен, и мы направились в монастырь. По обычаю местному Вас ведут сейчас в “архондарик”, т. е. гостиную, приемную — с нарами, покрытыми коврами, с картинами, портретами различных государей, повешенными на стенах. Вы садитесь и Вам предлагают какую-нибудь сладость, варенье и сладкие напитки... В монастыре Эсфигмена церковь совершенно новая и блестит вся, много русских икон и других предметов — церковной утвари, т. к. монастырь возобновился русскими и на русские деньги... После Эсфигмена мы посетили два славянских монастыря — Хиландарский, Зографский, а в настоящее время обитаем вновь в монастыре св. Пантелеймона, откуда уже будем выезжать в некоторые оставшиеся неосмотренными монастыри.¹¹² Завтра,

¹¹⁰ Запись в дневнике Кондакова: «18/30 мая. Ивер. Приехал Редин. Поехали к отцу Иоакиму на мулах с Рединым и Марром» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 15. Л. 107 об.).

¹¹¹ У Кондакова: «19/31 мая. С 9 утра у отца Иоакима с Гаврилом, Евстафием, Рединым и Германом, 2 иконы и портрет отца, и затем обедали роскошно. Приехали в 2 ч<аса> в Ивер. Поехали на лодке в Ставро-Никиту» (Там же. Л. 108).

¹¹² У Кондакова: «2/14 июня. Руссик. В 5 часов не спал — игумен и прочие приносят благословения. Сели, нет аппарата Редина. Аркана. Кофе на терроне. Лодка с 4 гребцами, в час в Руссике» (Там же. Л. 115).

в пятницу, отходит пароход в Константинополь, и я спешу окончить мое письмо к Вам. Простите грешного брата Георгия, если он своими бледными красками не сумел представить пред Вами той поэтической картины, которая проходит пред ним в бесконечном числе вариантов, представляя и чудные виды природы, и своеобразную жизнь монахов-отшельников.¹¹³ Отсюда в половине июня собираюсь в Солунь, а там в Афины». ¹¹⁴ 28 июня он пишет из Афин Сумцову и с борта парохода, следующего из Афин в Константинополь, письмо на 12 страницах — Жебелеву: «Уже более недели живу я в этом городе и все не могу войти в спокойную колею... Церковь [имп.] Дафни украшена прекрасными византийскими мозаиками, лучшими из известных от XI в.; к сожалению, оне недавно сильно пострадали после землетрясения; однако и то, что осталось, может доставить наслаждение своей красотой даже и не занимающемуся византийским искусством. Поездка в Олимпию — это вновь праздник».¹¹⁵

В письме к Айналову из Харькова, датированном 9 и 28 октября 1898 г., Редин пишет: «С большим удовольствием я присоединяюсь к твоему проекту — издать в связи с дневниками описание Афона и его памятников. Но до выпуска отчета Никодима Павловича и иллюстраций его нам трудно иллюстрировать самим. У меня лично почти никаких фотографий нет, за исключением пустячка с некоторых миниатюр. Ничего нового я лично не открыл на Афоне (sic!); я работал вместе с Никодимом Павловичем, и моя поездка тем для меня полезна, что я видел много вещей с объяснениями Н. П-ча, которых сам, может быть, не увидел. Рукописями [занимался], но не специально все время, а [нрзб.] по окончании других занятий. Ты тем не менее начинай; одно другому не помешает; подготовим текст, уточним его, по выходе отчета воспользуемся его рисунками, и у нас выйдет книга».¹¹⁶ 17—25 декабря Редин делится с Сумцовым,¹¹⁷ а 31-го — с Помяловским¹¹⁸ впечатлениями о пребывании и работе в библиотеке и музее подмосковного имения графов Уваровых в с. Поречье: «О, если бы таких уголков было побольше на Руси и если бы сокровищами их могли пользоваться те серые темные люди, что живут в убогих избушках сел и деревень, окружающих ныне Поречье и им подобных, — пишет он Сумцову, — рассеянный по лицу земли русской, то как бы счастлива была эта земля русская и не выглядела бы она так мрачно, сурово, как выглядит здесь зимой».

Пришла графиня и по моему списку вынула из шкафов столь дорогие моему сердцу рукописи Козьмы Индикоплова, из которых одна 1495 года и писана в Ярославле... И дни идут за днями — с утра до вечера сижу над рукописями, разбираю старательное писание благочестивого книгописца».¹¹⁹ 12 февраля 1899 г. он сообщает Помяловскому: «В рукописной сокровищнице гр<афов> Уваровых я нашел старей-

¹¹³ У Кондакова: «14/26 июня. Отъезд. После литургии снимались у о. Вассиана с игуменом Андреем. У игумена. Его удивление при виде 100 р. За обедом неприятно. Снимал о. Гавриил. Редин уехал в 3 часа» (Там же. Л. 121).

¹¹⁴ Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову... С. 31—35.

¹¹⁵ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 65 об., 69.

¹¹⁶ Там же. Ф. 737. Оп. 2. Д. 82. Л. 6 об.—7.

¹¹⁷ Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову... С. 42—45.

¹¹⁸ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 53—56.

¹¹⁹ Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову... С. 44—45. Сын крестьянина, помнивший завет матери: «Учись, ...учение даст тебе силу и средства поработать для тех несчастных людей, которые живут в необразованности, грязи, бедности. А таких бедных много... много у нас и здесь в городе, и особенно там в деревне, откуда я пришла с тобою к отцу» (Икс. Отрывок из дневника 25 дек. 188... // Биржевые ведомости. 1889. 25 дек. № 353. С. 4). Редин в письме к Помяловскому от 31 декабря 1898 г. восхищается и благотворительностью обитателей усадьбы: «Хозяева — еще молодые люди; преданы своему делу — хозяйству, которое поставили на широких началах; по мере сил вносят [свет] и в окружающую крестьянскую среду: у них есть 4-классная школа, пансион, библиотека народного чтения. Я просто поражаюсь их простым ласковым обращением с детьми, народом. Графиня на чтениях управляет сама фонарем и терпеливо стоит 1—1 1/2 часа во время чтения. А какую щедрую елку для школьников — человек на 250 — они устроили 30 декабря. Кроме подарков с елки были специальные подарки: пакет сластей, 1 книжечка, 1 картинка» (РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 56—56 об.).

ший из известных мне списков Козьмы Индикоплова, XV века, служащий прототипом для многих известных [от] XVI в. списков; этот список, если уступает Архивному (что издало ОЛДП) в изяществе, [четкости] композиции, зато превосходит в сохранении античной красоты и простоты, в близости к византийским оригиналам. Другой — копия того, что мне известен в ОЛДП. В параллель с этими рукописями занялся другими — XVI века и затем сборниками XVII в. — эсхатологического содержания. Ныне, благодаря любезному вниманию П. Н. Шеффера,¹²⁰ занимаюсь списком Козьмы XVII в. особой, любопытной редакцией. Чтение лекций, занятие Козьмой и другие мелкие обязанности — вот круг моих занятий».¹²¹ 16 апреля он пишет Помяловскому о новом отвлечении: «Теперь готовлю обещанный гр<афине> П. С. Уваровой реферат о лицевых рукописях собрания ее покойного супруга — о тех, которыми я занимался».¹²² 10 июня он сообщает тому же адресату о своих находках в Румянцевском музее, о планах работы в Синодальной библиотеке и о продолжении занятий в Петербурге.¹²³ О петербургских занятиях читаем в письмах Жебелева к Айналову — 17 августа: «Кузьмич пока в Питере еще, все снимает Кузьму Индикоплова»¹²⁴ и 28 августа: «Кузьмич уехал с большим запасом фотографий».¹²⁵ 24 октября Редин сообщает Помяловскому, что его «содержание увеличено до 2 тысяч рублей — и только»,¹²⁶ т. е. к профессорскому званию его не представили. В декабре он анализирует рукописи Козьмы, выписанные из Петербурга и Киевской Духовной академии, а с 4 по 7 января собирается в Москву на заседание предварительного комитета по организации грядущего XII Археологического съезда в Харькове.¹²⁷

В 1900 г. в жизни Редина произошло важное событие — он женился.¹²⁸ Однако спокойствие в душе воцарилось ненадолго, потому что с образованием семьи умножились материальные трудности и по-прежнему много времени отнимали служебные обязанности. 24 декабря он жалуется Кондакову: «Не могу спокойно вспомнить о том, что предстоящее лето будет отнято под экскурсии для съезда, а

¹²⁰ Петр Николаевич Шеффер (1868—не ранее 1931) — литератор, археограф; член и секретарь ОЛДП; профессор Петроградского университета; сотрудник Русского музея; директор Музея государственных театров в Ленинграде.

¹²¹ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 57 об.—58.

¹²² Там же. Л. 59—59 об. Работа Редина «Лицевые рукописи графа А. С. Уварова. I. Лицевая псалтырь повествовательной редакции XVII века. II. Лицевая псалтырь по кафизмам 1548 г.» вышла в т. 20 «Трудов» Московского археологического общества.

¹²³ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 61 об.

¹²⁴ ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 33. Л. 12.

¹²⁵ Там же. Л. 13 об.

¹²⁶ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1187. Л. 69.

¹²⁷ Там же. Л. 71 об.—72.

¹²⁸ До этого времени его письма к самым близким людям, Айналову и Кондакову, были полны печали об одиночестве, забывости и заброшенности. И вот 25 января он отправляет Айналову «песнь торжественной любви»: «Дорогой Митя! Бывают в жизни человека такие моменты, когда она, эта жизнь, особенно для него дорога, мила, когда душа его преисполнена радости, счастья, и из глубины ее готов вырваться торжественный клик, когда он на весь Божий мир смотрит любящими глазами и готов всех обнять, расцеловать, открыть свою душу. Такой момент истинного счастья, радости, восторга переживаю я. Жажда, запросы моей души — ласки, сочувствия, любви — друга, чистого, верного, дорогого — нашли отклик в душе дорогого мне существа, одной девушки, которую я давно уже знаю, живя вместе с нею под одной кровлей вот уже восемь лет. Я открыл ей свою душу и нашел в ней отклик; и я, повторяю, теперь рад, счастлив — истинным счастьем чистой любви к ней, дорогой мне всем существом своим, девушке. Ты, дорогой Митя, мой близкий и единственный верный, сердечный друг. Ты знаешь меня хорошо; мы вместе с тобою наяву мечтали и грезили о счастье любви, семейной жизни... Я целую тебя, дорогой, братским дружеским поцелуем и говорю тебе: о, мой друг, как я рад, счастлив, дай мне твою руку, приложи к моему счастливому сердцу и послушай, как оно бьется! Оно трепещет. Оно как бы подавлено неожиданно обилием того чистого счастья, что окружает его; оно словно прислушивается к той чудной позине гармоничных, небесных звуков, что звучат в моей душе» (ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 82. Л. 25—26). Бракосочетание с Татьяной Николаевной Бреннер было назначено на воскресенье, 23 июля, в 5 часов, в Николаевской церкви в Харькове (Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 256. Л. 6).

лето 1902 г. под самый съезд (XII Археологический. — *О. И.*)». ¹²⁹ Попасть в Италию после Афона ему не удалось, и теперь он пытается организовать фотографирование Ватиканской рукописи Козьмы. Через Я. И. Смирнова он получил отрицательный ответ директора Ватиканской библиотеки, о. Эрле, и тогда 9 февраля 1901 г. просит протекции Кондакова: «Нужно Вам сказать, что вот уже три года как Ehrle собирается издать всю Ватиканскую рукопись Козьмы и потому не разрешает фотографировать ее. Но я надеюсь, что если Вы попросите, как известный ученый и академик, и при этом упомянете, что Академия наук будет благодарна и что Вы издадите лишь несколько миниатюр, а остальные Вам [нрзб.] нужны только для сравнений, то он разрешит». ¹³⁰

На лето он снова отвлекается от диссертации, ¹³¹ а 6 сентября отчитывается Кондакову: «К половине августа я дошел до главы об индийских зверях и с того времени никак не могу приняться за этих зверей: масса набирается разных дел, отвлекающих меня в сторону, теперь особенно — дело с переходом Музея [нрзб.] в новое помещение. Думаю скоро приступить к печатанию, надеясь, что за время печатания [опишу] и зверей». ¹³²

По окончании археологического съезда, 11 сентября 1902 г., он извещает Кондакова, что теперь осталось только разослать вещи после выставки и можно «наконец-таки заняться диссертацией. За это говорит и новое существо, явившееся у меня: в ночь с 10 на 11 сентября у меня родился сын». ¹³³ Впечатление о съезде можно получить из письма Айналова к Жебелеву от 22 сентября 1902 г.: «Выстав-

¹²⁹ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 11 об.

¹³⁰ Там же. Л. 15 об.—16.

¹³¹ В письме к Кондакову от 23 апреля он выражает готовность «съездить в слободу Борисовку и познакомиться там с мастерскими и мастерами и вообще практически познакомиться с делом иконописи» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 19). Сетует, что не удалось открыть Харьковскую рисовальную школу, потому что в случае успеха при ней можно было бы устроить иконописную мастерскую; а 29 мая 1901 г. он напишет Жебелеву: «Вы не можете себе представить, как я обременен массой дел по поводу археологического съезда. Будет ли какой толк из съезда — это еще увидим, а теперь пока для меня день за днем уходит на писание писем, бумаг, на запись поступающих вещей, на протоколы и т. п. Благодаря этому я совсем почти не занимаюсь диссертацией» (Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 95). В рамках подготовки к съезду он совершил несколько экскурсий по городам и селам ряда уездов Харьковской губернии для изучения местных церковных древностей, и 2 июля он уже пишет Сумцову из Змиева: «Вот уже месяц, как я под пальятими лучами солнца по пыльным и ухабыстым дорогам на дрогах, бричках, простых телегах путешествую из села в село для изучения церковных древностей, в поисках их... Я посетил пока Мерефу, Артемовку, Комаровку, Бабаи, Хорошев монастырь, Хорошево, Константиновку, Боровую, Воляное, Чугуев, Малиновку, Печенеги, Лебяжье, Коробочкино и, наконец, Змиев» (Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову... С. 52—53). 12 августа — тому же адресату: «Возвратившись из поездки по церквам и монастырям, отправился в новую поездку, и теперь пишу Вам с места раскопок курганов. Чудесная, увлекательная работа — особенно при открытии могил. Перед тобой очию картина погребения древнейшего поселенца юга России. А самое пребывание в течение целого дня в степи, среди этих великанов-курганов! сколько в этом поэзии» (Там же. С. 53—54).

¹³² ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 21—21 об.

¹³³ Там же. Л. 38 об. В тот же день он пишет Айналову: «Матери этот сын достался очень дорого: она страшно мучилась, совершенно обессилела и не в состоянии была сама вывести его на свет Божий; пришлось прибегнуть к помощи врача-акушера, который и извлек его щипцами... Теперь у меня главная забота должна быть о диссертации, и к ней надо приступать» (Там же. Ф. 737. Оп. 2. Д. 82. Л. 27—27 об.). Сына назвали Николаем, в честь друга, начальника Редина, ставшего крестным отцом, Николая Федоровича Сумцова. Судьба его была трудной, а потом и трагической: после смерти отца семья бедствовала, и он с 14 лет подрабатывал, давая уроки младшим школьникам. В 1920 г. он устроился на работу в организованный Сумцовым Музей Слободской Украины им. Г. С. Сковороды и одновременно поступил в Академию теоретических знаний, написал ряд статей по музейному делу. Он был участником I Всесоюзной конференции марксистов, происходившей в декабре 1928—январе 1929 г. в Москве, в 1929 г. вступил в партию, а 29 декабря 1934 г. был арестован по обвинению в участии «в контрреволюционной троцкистской организации». В 1935 г. его отправили в исправительно-трудовой лагерь в Алма-Ату на 3 года, а в 1936 г. без предъявления дополнительного обвинения — на 5 лет в пос. Ногаево Магаданской области. С 1938 г. связь с ним прервалась. Исследователь Н. В. Комаренко называет местом его гибели пос. Ягодный в 60 км от Магадана. В 1989 г. Н. Е. Редин был реабилитирован (*Рибальченко Л. Л.* «Дело сдать в архив». С. 32—38).

ка Егора Кузьмича была огромна, сложна и просто набита вещами... Съезд ученых по силам был средний. Корифеев, за исключением Иловойского, Самоквасова, Антоновича, не было... Если съезд был средний, то обед от города был выше среднего». ¹³⁴ В этом же году вышел подготовленный Рединым «Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове», а в 1903 г. — альбом выставки съезда, но уже в конце года для Редина обозначается перспектива новой серьезной работы по обследованию памятников Херсонеса. ¹³⁵

¹³⁴ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 104 об.

¹³⁵ 14 октября 1902 г. председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова пишет из Константинополя Айналову: «Куда приехала из Севастополя, где провела два дня в Херсонесе, где ужасалась безобразиям, которые допущены там за последни[е] год[ы] благодаря халатному отношению Археологической комиссии к доверенному ей делу... Вам и Редину карты в руки, и потому очень прошу Вас обдумать мое предложение и явиться в январе с выработанным по сему вопросу планом. Буду писать также и Редину, но очень боюсь, что он [пока] так озабочен [последними] распоряжениями по упаковке своей выставки, что у него голова еще не в состоянии думать ни о чем другом. Заняться Херсонесом необходимо, а написать о нем можно много: можно написать историческое исследование, заняться его топографией, заняться его памятниками и, наконец, нарисовать картину того, что сделано и что следовало бы сделать. Этим последним вопросом думаю заняться лично» (ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 93. Л. 1—2). 14 апреля 1903 г. Редин пишет графине Уваровой: «С большим удовольствием прочел я докладную записку Д. В. Айналова об исследовании Херсонеса, о важности этого труда для русской и вообще европейской археологии, об обязательности исполнения его русскими учеными. Я с полной готовностью и радостью принял бы участие в этом труде, считая его обязательным и честью для себя. Но я, как Вам известно и как Вы сами пишете, занят в настоящее время диссертацией и лишен возможности всецело отдаться какой-нибудь части в указанном труде. Поэтому я не могу, к сожалению, взять на себя обязательство в выполнении какой-нибудь части впредь до окончания диссертации, требующей, как вижу по началу, много работы. Но я не откажусь принять участие в той части труда, которую взял на себя Дмитрий Власьевич — по подготовительным работам для нее на месте, иными словами, я не откажусь помочь Дмитрию Власьевичу в этих подготовительных работах, если он меня пригласит в качестве помощника» (Там же. Л. 9—9 об.). В сопроводительном письме от 19 апреля графиня Уварова добавляет: «Зная, как он завален работой, я довольна и этим» (Там же. Л. 12). Херсонесу Редин посвятил июнь 1903 г. и летние месяцы 1904-го. 26 июня 1903 г. он пишет из Севастополя Сумцову: «Пишу, все еще находясь под сильным впечатлением от окружающей меня обстановки, от того мертвого города, в котором я работал две недели. Херсонес мертв, и он с трудом воскресает под ударом лопат рабочих, производящих в нем раскопки, под пером ученых, изучающих его памятники, добытые этими раскопками. ... Безотрадное впечатление производят его развалины. Откопано лишь несколько улиц, но много домов совсем разрушенных и заваленных; открыто много базилик, часовен, но тоже в разрушенном виде и вновь брошенных на произвол, за многими исключениями... И вот ходишь по улицам, влaziшь на стены домов, бродишь по основаниям базилик, под жгучим палящим солнцем, пытаешься оживить фантазией эти развалины, вызвать в живом образе прошлое города, и улы, фантазия отказывает тебе в этом. Слишком слабы остатки прошлого, или, вернее, слишком печальна их обстановка, их сохранность. Печальная книга Русская Помпея — и еще не скоро она заслужит по справедливости это название. Херсонес не беден памятниками: загляните в музей — что там делается; но он беден вниманием к своим развалинам, к тому, что заключается в них. Ежедневно по морю в лодке совершаю путешествие в этот унылый город и отдыхаю лишь в его музее» (Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову... С. 57—58). В 1904 г. Редин обследует Херсонес вместе с Айналовым. 19 июля он пишет Сумцову: «В Херсонесе много больших базилик, но еще больше маленьких церквей и часовен. Особенно интересные часовни, построенные над усыпальницами... Эти часовни любопытной архитектуры, нескольких типов. Многие из них в свое время, при открытии их, были прекрасной сохранности... И лишь наша русская халатность допустила, чтобы эти прекрасные памятники пришли в почти полное разрушение и загрязнение. Грабители мы, а не ученые открыватели древностей... Вытащили вещи, разрушили могилы, своды, лестницы и ни о чем более не заботимся. Главное, хоть бы в свое время снят был надлежащий план, фотографии, хоть бы все это было издано, описано. А то ни верного плана, ни фотографий, одне развалины. Узнавай сам, если хочешь, что было. Пренебрежение к памятникам поразительное» (Там же. С. 68). 22 июля — ему же: «Сегодня мы почти закончили обзор всех открытых базилик, часовен; завтра посетим интересный загородный дом с мозаиками, займемся затем фотографированием» (Там же. С. 69). При фотографировании возникли сложности с военными, пришлось выправлять разрешение на работы, но даже с ним обстановка не была спокойной. В письме от 26—27 июля читаем: «При фотографировании вблизи батареи на нас кричат солдаты, подходят с ружьем, мы вынимаем разрешение, и онн более или менее успокаиваются. Четыре батареи (на самих развалинах) ничтожные и, по-видимому, мнимая защита, а сколько из-за них неприятностей» (Там же. С. 70). В фонде Д. В. Айналова хранится большая подборка херсонесских фотографий (ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 101). После окончания полевых работ «начали занятия в Музее, — пишет он Сумцову 28 июля. — Здесь в тени под крышей чувствуется легче. Но эта громада мрамора, переташенного сюда без всякого порядка из базилик, часовен,

27 ноября 1902 г. он пишет Кондакову: «После получения от Вас письма я успел уже два раза поболеть, правда, не сильно, но все же ощутительно. Я, по-видимому, устал, а времени свободного не имею, чтобы отдохнуть... Для меня существенной задачей теперь — в обеспечении и положения и материального благополучия — является написание диссертации. Я начал писать ее. Работа очень трудная. Ощущаю страшный недостаток в пособиях... О миниатюрах, конечно, надо будет говорить в последовательности, в какой она идет в рукописях, или точнее — разбирать их по отдельным главам сочинения. О самих рукописях, характере работы, миниатюр, отнесении их к той или иной редакции — очевидно, придется говорить особо во введении. А в основной части о самих миниатюрах, их стиле — отдельно по главам и в сопоставлении по редакциям рукописей. Исходить прежде всего от греческих. Таков приблизительный план».¹³⁶ В письме к Кондакову от 27 декабря 1902 г. из Поречья он сетует на то, что поразившая его малярия не позволила воспользоваться приглашением графини Уваровой ни для отдыха, ни для работы, и надеется, что «может быть, к 3 января, когда собираюсь уезжать отсюда, укреплюсь в здоровье и еще погуляю и посмотрю рукописи».¹³⁷ 23 января 1903 г. он благодарит Кондакова за присланные книги и «листки из Синодального списка Козьмы Индикоплова», сообщает о хорошем самочувствии, но что работа над диссертацией продвигается медленно. В тот же день Айналов сообщал Жебелеву: «Вчера получил от него (Редина. — *О. И.*) письмо. Он занимается упаковкой и рассылкой вещей с выставки (сопутствовавшей XII Археологическому съезду. — *О. И.*). Можете себе представить, что это такое и какая это путаница и ерунда?».¹³⁸ В анналах отмечалось, что «особенно много труда пришлось положить ему (хранителю, Е. П. Трефильеву. — *О. И.*) на приведение Музея в порядок после XII Археологического съезда».¹³⁹ В письмах 1903 г. он информирует Кондакова о ходе работы над диссертацией, о нужде, просит найти дополнительную работу, не столь изнурительную, как уроки; благодарит за предложение 2-тысячной ссуды для покупки дома или имения. 25 марта 1904 г.: «Занимаюсь диссертацией, но подвигается она вперед медленно. Оказывается очень [прозорливой]: каждую миниатюру приходится рассматривать по всем многочисленным редакциям русских переводов. За это время пришлось также написать несколько «историй» и биографий ввиду юбилея университета... Вы были так добры — давно мне обещали свое содействие в том, чтобы Общество любителей древней письменности поручило мне описание всех его лицевых рукописей. Это поручение, во-первых, дало бы мне заработок (возможность хотя изредка побывать в СПбурге), а во-вторых, дало бы мне работу, которой я очень дорожу, как для меня весьма интересной и полезной, не говоря о том уже, что самое поручение Общества было бы для меня весьма лестно. Вы были также добры и любезны, обещали мне свое содействие в том, чтобы то же Общество поручило мне издание миниатюр рукописи Ф. И. Буслаева с отрывками из Козьмы Индикоплова. Ввиду того, что я работаю теперь над Козьмой, мне

подавляет тебя. Ты не можешь в ней ориентироваться, т. к. всякие следы о происхождении их из той или иной церкви утеряны» (Письма проф. Е. К. Редина к проф. Н. Ф. Сумцову... С. 70). Результаты работы были опубликованы в изданной Московским археологическим обществом серии «Памятники христианского Херсонеса»: *Айналов Д. В.* Развалины храмов. М., 1905 (Вып. 1); *Лаеров П. А.* Жития херсонесских святых в греко-славянской письменной традиции. М., 1911 (Вып. 2); *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р.Х. М., 1908 (Вып. 3). Подготовленный к печати каталог мраморов Херсонеса, составленный Д. В. Айналовым, остался неизданным. Историю вопроса см.: *Тункина И. В.* Письма М. И. Ростовцева к С. А. Жебелеву // Скифский роман / Под ред. акад. Г. М. Боигард-Левина. М., 1997. С. 399.

¹³⁶ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 39—39 об.

¹³⁷ Там же. Л. 42.

¹³⁸ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 116.

¹³⁹ *Данилевич В. Е.* Музей изящных искусств и древностей. С. 69.

было бы весьма важно теперь же иметь копии с этих миниатюр... Это поручение я, конечно, могу исполнить бесплатно, только буду просить об отгисках». ¹⁴⁰ В январе 1905 г. Редин пишет Кондакову, что диссертация его уже на уровне 5-й главы, а в марте он собирается на археологический съезд в Афины и предполагает воспользоваться случаем, чтобы проехать в Италию и позаниматься в Риме и Флоренции с рукописями Козьмы, однако «революционная ситуация» на родине с марта и до конца года поездке не благоприятствовала, и Редин утешает себя тем, что успеет ознакомиться с итальянскими списками, когда работа над диссертацией приблизится к концу. 1 июля 1906 г. он отвечает Кондакову, видимо, на жестко поставленный вопрос: «Почему я так долго медлю с диссертацией — я в свое время писал Вам по этому поводу: то археологический съезд, то жизнь, то [нрзб.] самый характер работы, требующей множество [справок], требующей описания многих рукописей, обследование одного и того же сюжета в массе списков различных редакций. Что выйдет из моей работы — сам не могу сказать. Могу сказать только, что я старался, насколько это в моих силах было, выяснить все сюжеты и в [византийских] списках и в русских, определить зависимость последних от первых, их самостоятельность, установить редакции иллюстраций и т. п. Конечно — всего мне не удастся выяснить, но я буду рад, если мой труд явится необходимым подспорьем всем будущим исследователям памятника и в художественном и в литературном отношении. Ввиду тесной связи миниатюр с текстом Космы — последний для каждой главы приходится вкратце передавать и отмечать пропуски или дополнения в русских переводах. Не знаю, кончу ли я к сентябрю, но во всяком случае с сентября же начну печатание, с тем чтобы по возможности к весне покончить все вопросы о диссертации». ¹⁴¹ Наконец, 25 декабря 1906 г. он пишет из Москвы, где печатают его труд, В. П. Бузескулу: «Очень рад поделиться с Вами приятной и весьма важной для меня новостью — печатание моей работы наконец началось, я имею уже 1-ю корректуру 1-й главы». ¹⁴² Однако уже 20 апреля 1907 г. он напишет Жебелеву: «Козьму печатаю, но очень медленно: типография не торопится». ¹⁴³ А в мае его поразит болезнь, от которой он уже не оправится. ¹⁴⁴ Побуждаемые

¹⁴⁰ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 53—54. 13 апреля 1914 г. он сообщит Кондакову: «Вчера я получил от графа С. Д. Шереметева официальное предложение принять на себя труд 1) по наблюдению за изданием рисунков Козьмы Индикоплова по рукописи собрания Ф. И. Буслаева, 2) по составлению описания лицевых рукописей Общества. В частном письме В. Майков сообщает мне, что "описание рукописей не будет бесплатным, а мы предполагаем назначить полистную плату рублей в 40 (или 45) за лист"» (Там же. Л. 58).

¹⁴¹ Там же. Л. 75—75 об.

¹⁴² Там же. Ф. 825. Оп. 2. Д. 177. Л. 6.

¹⁴³ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 107.

¹⁴⁴ Н. Ф. Сумцов в траурной статье писал: «Во время похорон Егора Кузьмича многие спрашивали, что свело в могилу такого здорового на вид и прочно сложенного человека, как Е. К. Редин. Источник болезни часто кроется далеко. По-видимому, давний ревматизм и переутомление от трудов сыграли главную роль. Ревматизм повредил сердцу, а на почве скрытого сердечного недуга пошли тяжкие эмболии или закупорки, первая в мае прошлого (1907. — *О. И.*) года в мозгу, а последняя, в легких, в сутки свела его в могилу. Тяжкой болезни ровно год. В хороший майский день сидел я у себя в саду, как поспешно зашел ко мне Егор Кузьмич и стал звать в заседание правления Общества пособия нуждающимся учащимся. Так как в тот самый вечер имело быть думское заседание, то я сначала стал отказываться, но Егор Кузьмич настаивал, жалуясь в то же время на сильную боль в виске. Посмотрев на часы, чтобы не опоздать, он сказал, что не видит стрелок. Я облил его голову холодной водой и посоветовал отказаться от заседания (он был председателем) и лечь в постель (Егор Кузьмич жил от меня через три двора). Но покойный настаивал, и я, чтобы его не огорчить, взял извозчика и поехал с ним на заседание. Но при входе в двери днем он наткнулся на притолок и, поднимаясь по лестнице, держался за мою руку; тут его настойчивость стала ослабевать, и он согласился наконец, чтобы я отвез его назад домой, что я и исполнил. Так началось мозговое поражение, а затем болезнь пошла как будто на улучшение, и Егор Кузьмич уехал, по совету врачей, в прохладную Финляндию; но в Финляндии стало обнаруживаться ухудшение, и с осени положение больного было уже весьма опасно и постоянно можно было ждать катастрофы» (*Сумцов Н. Ф.* По поводу кончины проф. Е. К. Редина // Сб. Памяти

дурными предчувствиями, друзья организовали в Петербургском университете присвоение Редину докторской степени. В отношении декана историко-филологического факультета на имя ректора от 6 октября 1907 г. говорилось: «Заслушав представление проф<ессоров> Д. В. Айналова и С. А. Жебелева о возведении в степень доктора истории и теории искусств и. д. экстраординарного проф. Е. К. Редина *honoris causa*, факультет подверг означенное представление закрытой баллотировке. По подсчету голосов оказалось, что искомая степень присуждена Е. К. Редину единогласно».¹⁴⁵ О постановлении Совета университета 15 октября был информирован управляющий Петербургским учебным округом: «Ознакомившись с отзывом историко-филологического факультета и некоторых г<оспод> членов Совета о высоком достоинстве научных трудов и деятельности Г<еоргия> К<узьмича> Редина, путем закрытой баллотировки, причем было подано 33 избирательных и 2 неизбирательных шара из общего числа 35, Совет постановил... возвести Г. К. Редина в степень доктора истории и теории искусств без испытания и представления им диссертации».¹⁴⁶ 15-го же октября постановление было утверждено Министерством народного просвещения.¹⁴⁷ Редин был тронут, благодарил университет и Кондакова, который, возможно, выхлопотал ему заграничную командировку, о которой Редин давно его просил. В недатированном письме, по содержанию относящемся к концу 1907 г., он пишет: «После Рождества уже истекает законный срок, в течение которого я мог болеть (с сохранением содержания), и я должен приступить к занятиям. А я в данное время настолько еще болен, что не знаю, насколько я оправлюсь к январю и насколько вообще буду в силах заниматься хотя бы для одних лекций. О командировке годовой за границу я давно мечтаю, она для меня так необходима во многих отношениях, но своевременна ли она теперь, когда я еще не оправился».¹⁴⁸ 7 января 1908 г. он пишет Айналову: «Вот что я посылаю Тебе и что должен сообщить для облегчения той работы, которую Ты дружески принял на себя, чтобы помочь мне».¹⁴⁹ I. Листы с 10 по 17, которые Тебе

Е. К. Редина. С. 19). По возвращении из оздоровительной поездки в Финляндию Редин писал 2 сентября 1907 г. А. И. Успенскому: «Я уже в Харькове более двух недель... Не чувствую полного возврата сил; устаю от всего. Думаю начать понемногу заниматься и приняться за прерванную диссертацию, за запущенные корректуры. Хотелось бы поскорее закончить работу... Жизнь, суровая действительность, увя, разбивает мечты, надежды» (*Успенский А. И. Памяти Е. К. Редина*. С. 9—10).

¹⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10136. Л. 1.

¹⁴⁶ Там же. Л. 2.

¹⁴⁷ Там же. Л. 3.

¹⁴⁸ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 91.

¹⁴⁹ Это письмо-завещание интересно тем более, что пока не известно, где же хранится рукопись докторской диссертации Редина или материалы к ней. В некрологе Айналов писал: «Огромная в 12 глав работа его, начатая печатанием в малое 4^о в Трудах Московского археологического общества, приносит на общую ниву русской науки новый чистый, научно составленный материал... Е. К. Редин умер, оставив свой труд не напечатанным, но он находится в руках издательницы его, графини П. С. Уваровой, а редакцию его и печатание он поручил мне еще при своей жизни, но пораженный уже смертельной болезнью. Узнавши о его болезни, я условился с ним, что возьму на себя печатание его труда, доведенное им до 3-й главы. Он успел переслать мне текст лишь четырех глав, просмотренный и приведенный в порядок, остальной текст требует разбора на месте» (*Айналов Д. Памяти Е. К. Редина* (некролог). С. 4). В предисловии к посмертному изданию части труда, датированном 1915 г., Айналов писал: «Кроме указанных материалов к III главе, при жизни Е. К. Редина я ничего не получил, а после его смерти обширный труд его поступил ко мне в своем первоначальном виде. Ознакомившись с рукописью, я увидел, что Е. К. Редин до самого последнего часа своей жизни, пока он был здоров, делал исправления и намечал новые серии рисунков, которые должны были войти в текст с соответствующим описанием. Эти рисунки, однако, во многих случаях остались не только без описания, но даже не были упомянуты в тексте рукописи. Работа оказалась, таким образом, в некоторых частях выполненной вчерне, с расчетом в свое время исправить и дополнить текст. В переписанном виде, но без греческих и иных текстов и без исправлений самого Е. К. Редина, оказались V глава и часть VI. Я не мог воспользоваться этими переписанными главами вследствие их неисправности и предпочел отдавать в печать рукописи самого Е. К. Редина. Работа Е. К. Редина содержит 12 глав и введение. Глава XI оказалась написанной частью сплошным текстом, частью содержится на отдельных листках

посланы давно в двух экземплярах, не представляют чистых листов, а корректуру. Ты увидишь, на некоторых есть пометка, что они или вторая, или третья корректура. Ты, конечно, исправляй третью в тех случаях, когда имеется третья, а не только одна вторая. Ты, таким образом, для всех этих корректур должен сделать последнюю корректуру и, когда пришлют ее исправленную, разрешить для печати, если Ты найдешь это нужным, не заметив вновь крупных ошибок. К этим корректурным листам никаких новых рисунков не нужно, за исключением листа 16-го, на котором, на стр. 127, должно быть вставлено дополнительное клише на основании фотографий с Лавренцианского списка с изображением знаков зодиака. Отпечаток с клише с этим изображением приложен на 127 стр. II. Теперь в посылке Тебе посылаются: 1) гранки 135, 136, 137; эти три гранки были исправлены мною до заболевания в сентябре и к ним приклеены рисунки, таким образом, для этих гранок сделано все, что нужно. 2) Далее посылаются гранки 138—151 включительно; эти гранки не исправлялись, и для них нужно сделать все, что требуется: прокорректировать, отметить рисунки и приклеить эти рисунки. 3) К этим гранкам посылается текст в рукописи, переписанной от 32 стр.—83 а. В тексте порядок рисунков не указан; поэтому Ты должен познакомиться со всеми рисунками, посылаемыми Тебе в отпечатках с клише; на этих отпечатках сзади помечено, из каких рукописей они взяты. Все эти рисунки относятся именно к посылаемым гранкам, и потому они все должны быть использованы для них. 4) Всех этих рисунков посылается 70 штук. 5) Для проверки, в случае необходимости, переписанного текста к гранкам посылается в оригинале вся 4-я глава, а равно и 3-я глава; обе эти рукописи могут послужить материалом для необходимых справок и для посланных Тебе корректурных листов с 10—17. Кроме рисунков нужно указывать в соответствующих местах и фототипические таблицы. Надеюсь, что экземпляр всех этих таблиц Тебе прислала графиня; если же не прислала, то, пожалуйста, попроси ее выслать их Тебе, т. к. без них гранок невозможно исправлять. Будь так добр, пожалуйста, справляйся с атласом Лихачева и в тех случаях, когда нужно делать ссылки на него — делай. Для 3-й главы справляться в материалах «Символики» гр<афа> Уварова не надо, т. к. я успел до болезни извлечь [все те] листы, которые напечатаны; а для гранок, т. е. 4-й главы, если Ты что найдешь полезным и необходимым, то, пожалуйста, поищи. Особенно же я буду просить Тебя об этом для 5-й главы, но об этой главе будет специально речь в свое время, когда будут посылаться Тебе материалы, если только здоровье и силы дадут мне возможность разобраться в них. Сегодня больше я работать, диктовать, не могу, голова отказывается, а потому, до завтра».¹⁵⁰

Назавтра он писал о физическом состоянии: «Конечно, мне теперь значительно лучше; ведь я могу ходить и передвигаюсь по комнатам; сильных головных болей не бывает, но тем не менее тяжесть неприятная, угнетающая тебя, так часто бывает в голове; и эта тяжесть при попытках заняться чем-нибудь серьезным увеличивается. И я так часто принужден лежать в постели. Признаюсь — не менее часто находит отчаяние — неужели это так и дальше будет продолжаться? и я не в состоянии буду больше заниматься... Нет, я не могу допустить этого, ведь я еще так силен, и у меня много внутренней энергии, которую только эта тяжесть в голове, одуря ослабляют и даже отнимают ее совсем. Нет — мы еще поживем, поработаем...».¹⁵¹

в 16-ую долю листа в виде заметок и отдельных описаний рисунков. Глава V, чрезвычайно сложная по составу материала, большому числу рисунков и содержащая 611 страниц писанного текста, действительно представляла большие и серьезные трудности при ее печатании» (Христианская топография Козьмы Индикоплова. Ч. I. С. III). Логично было бы искать этот материал в фонде Айналлова, но там его нет. Фонд был передан в Архив Академии наук вдовой, Надеждой Ростиславовной Айналовой, 23 июля 1942 г., и можно предполагать, что за долгие годы состав его претерпел изменения.

¹⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 82. Л. 28—31.

¹⁵¹ Там же. Л. 31 об.—32.

Это было последнее из доступных нам писем к Айналову. Редин уже год не читает лекции; товарищи (ректор Д. И. Багaley и декан Н. Ф. Сумцов) дают ему совет «подать теперь же в отставку, если только возможно будет получить полную пенсию, т. е. 3000 руб. в год».¹⁵² На максимальную профессорскую пенсию можно было рассчитывать только при 20-летнем стаже, а выслуга Редина была 19 лет и 2 месяца. Редин подает прошение об официальном медицинском освидетельствовании. Исключительный случай надо было аргументировать перед Министерством народного просвещения и финансов. Кондакову (учителю, академику и столичному жителю) пишут — сам Редин, его жена и Д. И. Багaley.¹⁵³

18 апреля Редин сообщает Жебелеву: «Я все еще болею. Собираюсь в Крым».¹⁵⁴ Это было за 10 дней до кончины. В дневнике Кондакова записано: «28/11 апреля 1908 † Е. К. Редин. 7 1/2. На пароходе “Николай” в Сев[астополь]. Штиль. Причал к пароходу. За икрою... 29/12 апр. 9 ч. чай с икрою. Харьков. Ю. Край с изв[е]стием] о † Редина — и похоронили его сегодня. Много воды везде. Ясно, но к вечеру облачно».¹⁵⁵

Друзья без промедления стали хлопотать об увековечении памяти Редина.

В фонде Б. М. Ляпунова хранится письмо к нему Н. Ф. Сумцова, которое по содержанию можно датировать маем 1908 г. Это типографская заготовка на бланке с местом для имени адресата: «Милостивый государь! Борис Михайлович! Историко-филологическое общество при Харьковском университете, обсуждая на заседании 16-го мая вопрос о способах увековечения памяти своего незабвенного сочлена, профессора Е. К. Редина, постановило: 1) посвятить памяти Е. К. Редина особое публичное заседание с чтением соответствующих рефератов; 2) собрать при историческом архиве все труды покойного и его переписку с друзьями и знакомыми;¹⁵⁶ 3) принять участие в сооружении на могиле памятника¹⁵⁷ и 4) ближайший очередной том Сборника трудов и материалов Общества посвятить памяти покойного».¹⁵⁸

Над сборником работали долго, 25 мая 1908 г. Айналов писал Жебелеву: «За некролог дорогого Кузьмича не могу взяться, т. е. берусь, но некролог не выходит, а род памятки или [венка]»,¹⁵⁹ а 21 июня 1909 г. Сумцов агитировал М. Н. Сперанского: «В настоящее время приступаю к печатанию 19 т. Сборника в память проф. Е. К. Редина — прекрасного человека и глубокого ученого, моего лучшего друга. Не найдете ли Вы возможным поместить статью в этом сборнике. Имеется пока около 10 статей, и до Вашей очередь могла бы дойти летом».¹⁶⁰ 23 июня 1908 г. Айналов советовался с Жебелевым: «У Кузьмича большая библиотека, и некоторые вещи можно было бы приобрести в наш музей. Его жена хочет составить каталог, и я поддерживаю эту мысль. Хочу поднять вопрос о приведении в порядок и наличность (sic!) его библиотеки на Съезде, тем более что у него остались разные древние рукописи и иконы из разных мест, которые надо спасти».¹⁶¹

¹⁵² Там же. Ф. 115. Оп. 4. Д. 348. Л. 85 об.

¹⁵³ 8 января 1909 г., уже после смерти мужа, Т. Н. Редина писала Кондакову: «Я получила уменьшенную пенсию в 1333 р. в год с сыном, а по совершеннолетию его буду получать только свои 1000 р.» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 349. Л. 7 об.).

¹⁵⁴ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 105. Л. 110.

¹⁵⁵ Там же. Ф. 115. Оп. 3. Д. 17. Л. 895—895 об.

¹⁵⁶ Есть предположение, что его архив не сохранился, но документально проследить его судьбу, к сожалению, не удалось.

¹⁵⁷ Редин был похоронен на 1-м Харьковском городском кладбище, над могилой установили памятник в виде дерева с обрубленными ветвями. В связи с ликвидацией этого кладбища в 1974—1976 гг. прах видных деятелей истории и культуры, в том числе и Редина, был перенесен на 13-е городское кладбище по адресу: Пушкинская ул., 108 (*Борисова Т. М. 3 історії Харківського некрополя. С. 85*).

¹⁵⁸ ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 312. Л. 4.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 127.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 292. Л. 6—6 об. Сперанский, видимо, не откликнулся, потому что его статьи в сборнике нет.

¹⁶¹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 129.

Возникла даже идея учреждения премии. 10 февраля 1910 г. Сумцов писал Сперанскому: «В последнее время мне удалось устроить несколько публичных лекций с назначением сбора на премии имени Е. К. Редина за лучшие сочинения по истории искусства и археологии. Министерство крайне урезало нас, ограничив сборы лишь Харьковским университетом, который и дал всего 120 руб., а нужно 2500 руб.; вдова пожертвовала 200 руб., а затем я привлек несколько лиц для чтения лекций, и теперь мы уже собрали 1050 руб.»¹⁶²

Наконец, в 1913 г. вышел 19-й том «Сборника Харьковского Историко-филологического общества», посвященный памяти Редина: некрологи, речи, ритуал похорон, воспоминания, несколько научных исследований, письма Редина к Сумцову за 1898—1905 гг. и заметка Сумцова «*Amicus Plato, sed amica magis veritas*», которая сегодня кажется лишней.¹⁶³

В 1916 г., к юбилею Московского археологического общества, под редакцией Айналова вышла 1-я часть «Христианской топографии Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам».¹⁶⁴ В предисловии Айналов описывает трудности, которые испытал как человек, оказавшийся за чужим рабочим столом: «Не имея подписанных рисунков, я принужден был заняться общим их изучением по редакциям рукописей, чтобы быть в состоянии обозначать их правильно по стилю, древним надписям и другим чертам исполнения. Преодолев в общем эти затруднения, я все же должен заявить, что некоторые рисунки помещены мною под знаком вопроса. За неимением подлинных фотографий с надписями, сделанными самим Е. К. Рединым, я не мог прибегнуть к иному способу определения сомнительных рисунков. Для того, чтобы привести их в полную известность, понадобилось бы пересмотреть все те многочисленные рукописи, которые изучал Е. К. Редин в разных монастырях, частных и общественных собраниях и ученых учреждениях. Предпринять эту работу я не имел никакой возможности. Коснувшись рисунков, должен заметить, что я не включил в V главу некоторых рисунков, уже один раз изданных Е. К. Рединым в статье о Шестодневах, именно тех, которые в тексте не описаны подробно, а иногда лишь кратко упомянуты со ссылкой на упомянутую статью. Описывать их я не решался, т. к. вообще принял за правило обнаруживать собственный текст Е. К. Редина. Кроме того, я должен был по не зависящим от меня обстоятельствам изъять из III главы рисунки, заимствованные Е. К. Рединым из ненапечатанной еще II части “Символики” гр. А. С. Уварова и должен буду изъять большое их количество из XI главы».¹⁶⁵

В итоге в это издание вошли первые четыре главы, половина пятой и введение. Авторское введение обнаруживает масштаб проведенной работы — выявление фрагментов произведения Козьмы Индикоплова, содержащихся в разных рукописях XV—XVIII вв., а также анализ 29 источников, отнесенных Рединым к семи редакциям: Уваровской, Синодальной, Архивной, Сложной, Самостоятельной, Полной

¹⁶² Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 292. Л. 9—9 об.

¹⁶³ Профессор А. А. Павловский опубликовал 29 апреля 1908 г. в «Одесском листке» и 2 мая в харьковском «Утре» статью о Редине. Сумцов стал оспаривать его утверждения о том, что на Редина «в Харькове сваливали массу работы общественной» — тем, что «он сам был “жадный до работы”», и то, что Редин должен был «заваливать себя уроками» для добывания денег — тем, что, напротив, он «уроками никогда себя не заваливал, а в последние годы совсем их не брал». Сумцов не учел, что у будущего шире охват фактов для анализа, и история все поставила бы на свои места.

¹⁶⁴ Следует отметить, что при жизни Редин опубликовал ряд статей по отдельным вопросам этой большой темы: в 1905 г. — «Исторические памятники города Адули (в Африке) в лицевых рукописях сочинения Козьмы Индикоплова» (Сб. Харьковского Историко-филологического общества. Т. 15), «Голгофский крест в лицевых рукописях Козьмы Индикоплова» и «Портрет Козьмы Индикоплова в русских лицевых списках его сочинения» (ВВ. Т. 11—12), в 1907 г. — «Страны света и народы по Эфору в лицевых рукописях Козьмы Индикоплова» (ВВ. Т. 13, вып. 2).

¹⁶⁵ Христианская топография Козьмы Индикоплова... Ч. 1. С. IV.

или распространенной и Краткой западного характера. Редин писал: «Полного обозрения всех известных лицевых списков Козьмы Индикоплова, установления редакций их, сравнительного издания их и исследования не имеется в нашей литературе. Наша работа по изучению миниатюр русских лицевых списков Козьмы Индикоплова в связи с византийскими началась несколько лет тому назад. Но она еще не приведена к концу».¹⁶⁶ К сожалению, эта работа, в силу ее незаконченности, не могла быть проанализирована и оценена современниками, но ее принимают во внимание ученые более позднего времени. В исследовании Ванды Вольской любознательный читатель сможет увидеть упоминание о труде Редина, только если догадается посмотреть в указателе, что же кроется за словом «Россия», а в примечании на соответствующей странице увидит среди русских авторов П. Н. Милюкова, И. И. Срезневского и Е. К. Редина.¹⁶⁷ Труды Редина уделяет внимание Е. К. Пиотровская, упоминая о принципе разделения Рединым известных ему списков на редакции, делая акцент на изучении им отличий древнерусской версии от оригинала и на необходимости продолжения усилий в этом направлении.¹⁶⁸ В более позднем исследовании она укажет отмеченный Рединым факт отсутствия в полных иллюстрированных древнерусских списках изображений языческих статуй и памятников, имевших место в оригинале, и поставит вопросы: «Совпадает ли в чем-нибудь предложенная им (Рединым. — О. И.) классификация дошедших списков, основанная на иконографическом анализе сочинения, с выводами текстологических и источниковедческих наблюдений? Могут ли быть они взаимосвязаны и с процессом изучения истории перевода текста памятника?».¹⁶⁹ Работы Редина, в части уточнения его датировки фрагмента «Христианской топографии», подшитого к рукописи Смирнского Физиолога, касается О. Е. Этингоф,¹⁷⁰ здесь же говорится о двух миниатюрах, изображающих Богоматерь, которые были опубликованы Рединым по ныне утраченным фотографиям Палестинского общества,¹⁷¹ что придает труду Редина вес не только исследования, но и источника. Незавершенность «Христианской топографии», для которой был собран огромный материал, скорее всего сейчас утраченный, при обилии многочисленных публикаций на темы достаточно широкого диапазона и бурной общественной деятельности может вызвать сожаление, даже досаду. Однако современник, ученик Редина, сказал: «Впечатление пестроты и разнородности сглаживается качествами, равно проникающими все труды ученого: это, во-первых, любовно-тщательное отношение ко всему, что бы он ни описывал, ни исследовал, это умение отыскать красоту даже в самой стершейся картинке старого манускрипта, полуразбитом окладе древнего евангелия, полураспавшейся мозаике ветхого храма. Во-вторых, это — неуклонное стремление от частного к общему, и это общее — история русского искусства, давно желанная и столь недоступная многим попыткам. И в-третьих, уверенное обладание методом, глубокое знание материала, громадная эрудиция, превратившая память в целую библиотеку».¹⁷² Другой современник, коллега, его дополнил: «Я нароч-

¹⁶⁶ Там же. С. XII.

¹⁶⁷ Wolska W. Recherches sur la «Topographie chrétienne» de Cosmas Indicopleustès. Théologie et Science au VI-e siècle. Paris, 1962.

¹⁶⁸ Пиотровская Е. К. К изучению древнерусской версии «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова // ВВ. 1990. Т. 51. С. 107—109.

¹⁶⁹ Пиотровская Е. К. «Фрагменты “Христианской Топографии” Козьмы Индикоплова в древнерусской письменной традиции: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 17, 23.

¹⁷⁰ Этингоф О. Е. Ветхозаветные символы и иконографические типы Богоматери (по миниатюрам фрагмента «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, подшитого к «Смирнскому Физиологу») // ВВ. 1999. Т. 58. С. 147—148.

¹⁷¹ Там же. С. 149.

¹⁷² Белецкий А. И. Е. К. Редин как историк византийского искусства // Сб. Памяти Е. К. Редина. С. 151.

но пересчитал имеющиеся у меня его брошюры, отдельные оттиски и насчитал самостоятельных научных статей и мелких исследований, из которых каждое вносит в науку что-нибудь новое, — 15, 11 собраний рецензий на вновь появляющиеся исследования, всегда обнаруживавших самостоятельные мнения и огромную в общем начитанность, серьезное знакомство с научной литературой. Этот отзывчивый человек не в состоянии был проходить молча знаменательные дни в жизни ученых, почему-либо близко к нему стоявших, и обыкновенно уделял целые брошюры оценке их научной деятельности, их научных работ, и таких брошюр мы насчитываем 14. Мы не уверены, чтобы безусловно все напечатанное Егором Кузьмичем было у нас, но и этого количества довольно, чтобы убедиться, насколько деятельна была жизнь этого ученого».¹⁷³

Через десятилетия память о научных работах и бурной деятельности Е. К. Редина стала тускнеть. В юбилейном сборнике «Короткі нариси з історії Харківського Державного Університету ім. О. М. Горького. 1805—1940» (Харьков, 1940) о нем не сказано ни слова. Можно предположить, что роль здесь сыграло имя репрессированного Редина-младшего. Однако и следующее юбилейное издание, к 150-летию университета, упоминает ученого только дважды — в связи с организацией им XII Археологического съезда в Харькове и в связи с его помощью библиотеке.

Вышедшая в 1947 г. двухтомная монография В. Н. Лазарева «История византийской живописи», построенная как авторский монолог, в библиографической части примечаний ссылается на работы Редина. Неоднократно упоминает его и И. Л. Кызласова в монографии 1985 г. «История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории)».

Позднее свою оценку даст Г. И. Вздорнов: «Труды Е. К. Редина, за единичными исключениями, предназначены не для чтения, а для изучения, где специалист найдет немало обстоятельно истолкованных иконографических подробностей, но будет безуспешно искать развернутой стилистической характеристики предмета или синтезирующего заключения, — и продолжает, переходя к творчеству Айналова: — Именно с Д. В. Айналова началось новое отношение к художественной старине: утомительный разбор исторических и иконографических подробностей стал понемногу сокращаться, чтобы дать место анализу творчества».¹⁷⁴

Существует утверждение, что мерой таланта является его продуктивность. К сожалению, научная сосредоточенность Редина прерывалась большой организационной и большой преподавательской работой, и струна его жизни лопнула в середине прекрасной мелодии.

¹⁷³ Павловский А. А. Егор Кузьмич Редина. Профессор искусств Харьковского университета // Одесский листок. 1908. 29 апр. № 99.

¹⁷⁴ Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. М., 1986. С. 273.

П. А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике

У исследователя-византиноведа есть замечательная возможность еще на подступах к архиву, в библиотеке, ознакомиться с печатным «Описанием бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию», которое составил человек совсем другой специальности — славист, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, Полихроний Агапиевич Сырку (1852—1905).

Эта работа, опубликованная в 1891 г. как приложение к 64-му тому «Записок Императорской Академии наук», до сих пор не утратила своего значения и стала первой из отметивших вклад этого ученого в византистику.

После смерти епископа Порфирия Академия наук получила 6 ящиков и несколько тюков его бумаг и завещание на 24 000 р. для их издания.

2 ноября 1885 г. Общее собрание поручило Комиссии из академиков А. К. Наука и А. Ф. Бычкова «представить Конференции свое заключение по вопросу об их издании».¹

7 февраля 1886 г. Наука сообщил, что «разобрав вместе с академиком А. Ф. Бычковым один из ящиков с бумагами покойного епископа Порфирия, он убедился, что от участия его в дальнейшем разборе этих бумаг не может быть никакой пользы», а потому просил снять с него обязанности члена Комиссии.² На место Наука был кооптирован академик А. А. Куник, и уже 3 мая 1886 г. Комиссия представила донесение, что «даже из беллого разбора сих бумаг можно заключить, что оне содержат в себе богатый и ценный в научном отношении материал, большая часть которого заслуживает быть обнародованною».³ Бычков и Куник, уполномоченные «приискать за особое вознаграждение» исполнителя, 7 ноября 1887 г. запиской извещают Общее собрание: «Выбор наш остановился на приват-доценте Санкт-Петербургского университета Сырку. Этот молодой ученый посвятил более года неутомимых трудов на приведение в порядок, группировку и описание бумаг преосвященного Порфирия, что дало возможность переплести тетради и отдельные листы по их содержанию в тома для большей сохранности. На днях г-н Сырку окончил перечневой каталог собрания преосвященного Порфирия, который составлен весьма обстоятельно и который было бы желательно напечатать для ознакомления ученых с важными и разнообразными материалами, собранными преосвященным Порфирием во время своего пребывания на христианском Востоке».⁴

¹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 133. Л. 52; Протокол ОС IX, § 81 от 2 ноября 1885 г.

² Там же. Д. 134. Л. 19 об.—20; Протокол ОС II, § 28 от 7 февраля 1886 г.

³ Там же. Л. 36; Протокол ОС V, § 62 от 3 мая 1886 г.

⁴ Там же. Оп. 2—1887. Д. 9. Л. 1 об.—2.

П. А. Сырку

Сырку в предисловии писал: «Приступив к занятиям, я прежде всего сделал внешний обзор всей коллекции бумаг жертвователя, причем оказалось, что она состоит из немногих переплетенных рукописей, большого количества тетрадей и отдельных листов, целой коллекции картин и снимков, в отдельных картонах и листах, и двух ящиков, одного портрета, писанного масляными красками, и, наконец, большого количества печатных изданий... Кроме того, в бумагах преосвященного Порфирия оказались четыре связки печатных листов из разных томов его описаний путешествий по Афону, расположенных в систематическом порядке. В каждой из них нашлось по несколько тетрадей с особыми рубриками на отдельных бумажках. По всей вероятности, содержание листов должно было служить материалом для отдельных трудов, которые имел в виду преосвященный Порфирий. Вследствие этого, может быть, листы следуют не по порядку, а подобраны по предметам. Чтобы привести бумаги в надлежащий порядок, я должен был более или менее обстоятельно ознакомиться с их содержанием, и только после этого оказалось возможным сгруппировать их и выделить в отдельные томы, а затем описать и, для большей сохранности, переплести. При образовании отдельных томов я старался сохранить каждый клочок бумаги, найденный в коллекции. Имея в виду дать по содержанию каждому тому более или менее однообразный характер, я тем не менее преследовал и ту цель, чтобы сохранить и группировку, сделанную в том или другом случае самим автором. Таким образом, все готовые тетради, найденные в коллекции, сохранили почти всегда свой первоначальный состав. Вследствие этого в некоторых томах встречается не совсем строгий подбор статей. Только в одном случае допущено некоторое отступление. Нередко в тетрадях, составленных нашим жертвователем, попадались отдельные печатные брошюры, содержание которых дополняло содержание тетради. Очевидно, что наш автор имел в виду,

судя по печатным его трудам, воспользоваться в большей или меньшей степени содержанием брошюр при приготовлении того или другого своего труда к печати. Вот эти-то именно брошюры отделены от тетрадей, с отметками, откуда они взяты. Впрочем, оказалось невозможным прилагать эту меру при каждом случае, так как иначе пришлось бы допустить в некоторых тетрадях большие пробелы со стороны содержания».⁵

Комиссия также сообщала: «В настоящее время бумаги преосвященного Порфирия приведены в такой порядок, что уже является возможность приступить к исполнению его завещания, а именно: 1) к составлению его жизнеописания, для чего имеются богатые материалы, 2) к выпуску в свет собрания изображений древних икон, что составляло, так сказать, предсмертное желание преосвященного Порфирия. Для этого нужно только напечатать заглавный лист и перечень икон, 3) к немедленному обнародованию 2-го отделения III тома Истории Афона, совершенно подготовленного преосвященным Порфирием к печати, 4) к обнародованию материалов и других ученых трудов преосвященного, появление в свет которых обуславливается непосредственным участием в этом деле лица, вполне знакомого с историческими судьбами Византии и христианского Востока, 5) к постепенному приготовлению полного собрания сочинений преосвященного Порфирия, начиная с разбросанных по разным повременным изданиям мелких его статей, имеющих и до сих пор научное значение. В заключение мы ходатайствуем перед Общим собранием о назначении из процентов с капитала, завещанного Академии наук преосвященным Порфирием, 400 рублей доценту Сырку в вознаграждение “за приведение в порядок и каталогизацию бумаг преосвященного Порфирия”».⁶

Похоже, что в 1887 г. академики несколько торопились с рапортом, потому что только 1 декабря 1890 г. по представлению Бычкова Общее собрание постановило: «Ввиду приведения к концу приват-доцентом Сырку весьма обширной работы по разборке и описанию бумаг преосвященного Порфирия назначить господину Сырку сверх полученных им уже 400 рублей еще особое вознаграждение в сумме 400 же рублей с отнесением сего расхода на счет процентов Порфирьевского капитала».⁷

Сам Сырку в предисловии замечает, что на заседании 1 декабря 1890 г. члены Комиссии «сочли необходимым указать собранию, что было бы желательно прибавить к описанию полный обзор картин и снимков, находящихся при бумагах преосвященного Порфирия, что первоначально не предполагалось, перечень печатных трудов жертвователя и, наконец, указатель личных имен и географических названий, встречающихся в моем Описании».⁸ Видимо, пожелание было устным, так как в тексте протокола оно не зафиксировано.

24 февраля 1891 г. Сырку пишет Бычкову: «Посылаю Вам 23-й лист Описания, который, покорнейше прошу Вас, подпишите, если возможно, к завтрашнему дню и оставьте в Публичной библиотеке, куда я завтра заеду за ним. Простите, что я так спешу: времени осталось не особенно много и дела еще достаточно и боюсь, что не окончу до 9 марта».⁹ Но все складывалось благополучно, и под последними словами предисловия — «Желание это мною исполнено» — стояла дата 1 марта.

В результате, как писал Сырку, «получилось 154 тома и 3 коллекции разного рода официальных и неофициальных бумаг, писем и телеграмм», которые он систематизировал по пяти рубрикам: 1) автобиографические записки с 1841 по 1884 г.

⁵ Описание бумаг епископа Порфирия Успенского... СПб., 1891. С. X—XIII.

⁶ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2—1887. Д. 9. Л. 2 об.

⁷ Там же. Оп. 1 а. Д. 137. Л. 33; Протокол ОС XII, § 138 от 1 декабря 1890 г.

⁸ Описание бумаг епископа Порфирия Успенского... С. XVI.

⁹ ПФА РАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 756. Л. 2.

и переписка — 34 тома, 190 страниц описания, причем дневники описаны подробно, с пространными цитатами, а переписка — без раскрытия содержания (что вполне понятно при ограничении времени выполнения работ годом), 2) географические или описательные (куда он включил и этнографические) материалы — 30 томов, 28 страниц описания, 3) исторические материалы — как собственно по истории, так и по истории литературы и словесности, афонские акты, описание синайских, афонских, греческих и арабских рукописей, история Афона и путешествие по Метеорским монастырям — 78 томов, 70 страниц описания, 4) богословский отдел — 15 томов, 79 страниц описания и 5) искусство — 25 картонов с иллюстративными описаниями, 130 страниц описания.

Полихроний Агапиевич Сырку был человеком широких интересов, большого усердия и весьма драматической судьбы. Его жизнь и творчество мало исследованы. Можно назвать только прижизненную статью в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета»,¹⁰ посмертную статью «Научная деятельность П. А. Сырку» П. А. Лаврова,¹¹ работы молдавской исследовательницы Александрины Матковски: «Полихроние Сырку (1855—1905): Биобиблиографический очерк»¹² и «Из жизни и научной деятельности Полихрония Агапиевича Сырку (1855—1905)»,¹³ статью Л. Е. Семеновой,¹⁴ кандидатскую диссертацию болгарской исследовательницы Тетовской Любы Бончевой «Полихроний Агапиевич Сырку как историк Болгарии».¹⁵ О нем приведена справка в «Молдавской краткой энциклопедии»¹⁶ и статья А. Матковски в «Молдавской советской энциклопедии»,¹⁷ но нет упоминания ни в одном из изданий «Большой советской энциклопедии». Современники в разное время оценивали его неоднозначно, а к концу жизни отзывы были ругательными и в лучшем случае сострадательными.

Архив Сырку, к сожалению, не сохранился, и поэтому реконструкцию этой сложной жизни придется проводить по уцелевшим официальным документам, хранящимся в Российском государственном историческом архиве и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, а также по его письмам в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (среди адресатов А. Ф. Бычков, К. Я. Грот, А. А. Куник, П. А. Лавров, В. И. Ламанский, Х. М. Лопарев, А. И. Лященко, П. В. Никитин, В. В. Радлов, В. Р. Розен, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, Ф. И. Успенский, Т. Д. Флоринский, А. А. Шахматов) и Рукописного отдела Российской национальной библиотеки (среди адресатов А. Ф. Бычков, Д. Ф. Кобеко, С. Ф. Платонов, И. В. Помяловский, А. Н. Пыпин, П. Н. Тиханов, С. Н. Шубинский).

В печатных сведениях о Сырку датой его рождения указывается 1855 г. Возможно, основанием послужила его собственноручная запись в *curriculum vitae*,¹⁸ представленной в период борьбы за профессорское звание. Однако несколько документов из его личных дел указывают на другую дату. В «свидетельстве» от 18 июня 1874 г. сказано: «По метричным книгам Свято-Николаевской церкви Кишиневского уезда селения Страшен за 1852-й год, хранящимся в архиве консисторском, состоит в записке по № 41 следующий акт: “Тысяча восемьсот пятьдесят

¹⁰ СПб., 1898. Т. 2. С. 262—267.

¹¹ ЖМНП. Нов. сер. 1906. Ч. 1. Февраль. С. 62—83.

¹² Кишинев, 1967. 46 с. На молд. яз.

¹³ Советское славяноведение. 1981. № 6. С. 67—77.

¹⁴ Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 327.

¹⁵ Автореф. дис. ... канд. ист. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1994.

¹⁶ Кишинев, 1982. С. 606.

¹⁷ Кишинев, 1976. Т. 6. С. 327.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1384. Л. 38.

второго года июля тридцатого дня у царанина¹⁹ из селения Страшен Агапия Андреевича Сырки и законной жены его Евгении Георгиевой, оба православного исповедания, родился сын Полихроний, которого того же месяца и числа молитвовал и крестил священник Стефан Иванович Сырбу с дьячком Георгием Ивановичем Сырбу, восприемниками были мещанин из г. Кишинева Полихроний Антонович Динисов и коллежский секретарь Косьма Михайлович Павлох из г. Кишинева²⁰. 1852 год можно вычислить и по «увольнительному свидетельству»: «1868 года, тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года, мая пятого дня, мы, нижеподписавшиеся, третья часть Общества жителей царан Бессарабской области, Кишиневского уезда, Варниченской волости селения Страшен, быв на мирской сходке по желанию царанина Полихрония Сырку, сына царанина нашего же Общества Агапия Андреева Сырку, желающего поступить в духовное звание, удостоверяем, что он, Полихроний Сырку, записан по III народной переписи села Страшен при отце его Агапии Сырку под № 302, лет ему от роду 16, холост, поведения очень хорошего, под судом и следствием не был и ныне не состоит, казне и частным лицам не должен; контракта с владельцами земли об отбывании повинности не заключал. Подати и все земские повинности и по сие время полностью и своевременно уплатил. Буде же окажется виновным или должным как казне, так равно и частным лицам, то мы, Общество села Страшен, отвечаем и уплачивать будем за него, Полихрония, навсегда. Поэтому с согласия Общества увольняем его, Сырку, из среды себя навсегда, в чем и подписываемся».²¹

В «ведомости об испрашиваемой пенсии» также записано: «Родился 30 июля 1852 г.».²²

В *curriculum vitae* Сырку пишет, что «первоначальное образование получил в родном селе, затем в Киприановском монастыре и в Кишиневском духовном училище».²³ Живое свидетельство об этом периоде жизни ученого находим в кишиневской газете «Друг» от 6 июля 1905 г. Корреспондент, подписавшийся Г. Марусиным, сообщает: «...имея в Страшенах Кишиневского уезда дело, я посетил это село 3 сего июля. В разговоре с поселянами я, вспоминая толки, будто кто-то из местных жителей “вышел в большие люди”, живет в Петербурге и дажеற்பодает детям императора некоторые предметы (фантазия! — *О. И.*), спросил, не могут ли они сообщить мне фамилию его. Хозяйка дома, в котором я всегда останавливаюсь, наезжая в Страшены, с гордостью сообщила мне, что покойный П. А. Сырку ее двоюродный брат («Полихроний алуй Агакий Сырку») родился в Страшенах, сын поселянина этого села, рано потерял мать. Отец его женился вторично, и мальчику стало не совсем сладко жить. Но страдания его увеличились, когда отец женился в третий раз. Вторая мачеха была несчастного мальчика, истязала его, издевалась над его природным недостатком (покойный ходил прихрамывая). Мальчик, обливаясь слезами, просил и умолял своего отца избавить его от терзаний мачехи («или убей сам, или отдай в монастырь»). Отец уступил просьбам сына и отдал его в ближайший Киприановский монастырь (от Страшен лесом около 8 верст). Здесь, в

¹⁹ Царанами называли свободных хлебопашцев Бессарабской губернии (до 1741 г. — вечины). Первоначально было определено, что они обязаны работать на владельцев 24 дня в году и платить им десятину; с 1775 г. повинность ограничивалась 12 днями. Согласно утвержденному в 1834 г. Положению о царанах им было разрешено в течение определенного срока заключать с владельцами условия на пользование землей за повинности, с правом перехода в имения других владельцев (но еще не на казенные земли). В 1835 г. им было позволено переселяться в города. Положение 19 февраля 1861 г. уравнило в правах крепостных Бессарабской губернии с царанами, а сами они получили право переходить и на казенные земли.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 4—4 об.

²¹ Там же. Л. 5.

²² Там же. Л. 296 об.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 1384. Л. 38.

монастыре, мальчика взял под свое покровительство эконоом. ...П. А. оказался способным, стал прилежно заниматься и оказал большие успехи в грамоте. Между учением и посещением церкви монастырской П. А., уже научившись писать, помогал монахам писать “цидулы” для поселян, покупавших монастырский лес, и всегда старался сделать что-нибудь доброе для своих страшенцев, которым отпускали, вследствие его просьб, лучший лес и кормили монастырским хлебом. Затем П. А. был отвезен эконоомом Киприановского монастыря в Кишинев, где он жил в доме Добру<д>жского монастыря и учился, но где именно, Мария Сырку не знает...».²⁴ Священник Василий Козак вспоминал: «...Киприановский монастырь преклонен Зографскому, на Афоне, монастырю. Населяли тогда этот монастырь иноки — болгары с Балкан и отчасти греки. Вращаясь в детстве между ними, Полихроний Агапиевич Сырку практически владел молдавским, болгарским и новогреческим языками. С домашнею монастырскою подготовкою он поступил прямо в 3-й класс духовного училища и сразу занял в разрядном списке первое место, которое удерживал за собою и по переводе в семинарию во все время обучения в ней. ...до поступления в семинарию мальчик Сырку носил дома и в классе цветной монашеский подрясник. Только в семинарии, когда товарищи его порядком дразнили, он вынужден был переменить свой монашеский костюм на штатский. Юношей он был румяным, цветущего здоровья, с чрезвычайно быстрыми подвижными глазами, отличался любознательностью, интересовался преимущественно филологическими и историческими науками и одарен быстрою сообразительностью. Во время училищного и семинарского курса он, в свободное от классных занятий время, посещал Публичную библиотеку, где пополнял свои познания чтением книг и журналов... В семинарии при мне он учился год: я был в последнем, 6 классе, а он в первом, и нередко обращался ко мне за советом и отчасти за помощью в проходимых им науках, преимущественно математических и словесных, причем в долгу не оставался: при случае обильно угощал меня фруктами киприановских монастырских садов, в особенности яблоками, грушами и виноградом. Будучи уже в университете, он при встрече со мной в Кишиневе летом 1875 г. с восторгом рассказывал о тогдашних светилах — профессорах Санкт-Петербургского университета».²⁵

Отзывы о его прилежании и успехах подтверждаются свидетельством Кишиневской духовной семинарии от 27 июня 1874 г.: «...по окончании полного курса в Кишиневском духовном училище, поступил в Кишиневскую семинарию 20 августа 1870 года и обучался в оной по 15 июня 1874 года при способностях весьма хороших и поведении — 5 — отлично хорошо; изъяснению Св. Писания — 5 — отлично; логике, психологии — 5 — отлично; обзору философских учений — 5 — отлично; русской словесности с историей русской литературы — 5 — отлично; всеобщей гражданской истории, русской гражданской истории, физике и космографии — 5 — отлично; алгебре, геометрии — 4 — очень хорошо; тригонометрии и пасхалии — 5 — отлично; языкам: латинскому, греческому, немецкому — 5 — отлично. После испытаний, бывших в Кишиневской семинарии в конце 1873/1874 учебного года, воспитанник Сирков переведен из IV в V класс Семинарии с причислением по спискам к первому разряду воспитанников и по определению педагогического собрания семинарского Правления от 13 июня 1874 г., утвержденному его преосвященством, преосвященнейшим Павлом, епископом Кишиневским и Хотинским, уволен по прошению из Семинарии. Во уверение чего и дано ему, Сиркову, сие свидетельство из Правления Кишиневской семинарии за надлежа-

²⁴ Друг. 1905. 6/19 июля. № 71. С. 3.

²⁵ Там же.

щим подписом и приложением казенной печати».²⁶ Уволившись из семинарии, Сырку поступает в Новороссийский университет, период обучения в котором зафиксирован свидетельством от 16 сентября 1874 г.: «После поверочного испытания в августе месяце 1874-го года принят был в число студентов сего университета и слушал лекции по 13 сентября того же года, ныне же, согласно его просьбе, из ведомства сего университета уволен, в бытность свою студентом поведения был отличным».²⁷ В *curriculum vitae* он пишет: «...поступил в 1874 г. в Новороссийский университет по историко-филологическому факультету и здесь слушал лекции проф. В. И. Григоровича по славяноведению».²⁸

Через месяц он — студент Петербургского университета, с домом он, очевидно, порвал окончательно, потому что 27 мая 1875 г. в его прошении на имя «инспектора студентов» речь идет о выдаче билета «на проезд в Бессарабскую губернию и свободное проживание в Киприановском монастыре на каникулы».²⁹ Материальная нужда стала жизненным состоянием. Еще при поступлении в Новороссийский университет Сырку имел на руках удостоверение Страшенского сельского полицейского управления, выданное 4 августа 1874 г., о том, что «его отец Агапий Сирков, будучи обременен остальным его семейством, состоящим из жены, трех сыновей и двух дочерей, не в состоянии содержать более сына Полихрония на воспитании».³⁰ 23 января 1875 г. он обращается к ректору Петербургского университета об освобождении от оплаты права слушания лекций во втором полугодии,³¹ прилагая свидетельство страшенского сельского старосты о бедности: «Предъявитель сего, студент Санкт-Петербургского университета Полихроний Агапиев Сырку, 23 лет, имеет отца, поселянина с. Страшены, мачеху, двух братьев и двух сестер, из которых никто на казенное содержание не воспитывается. Отец его, Сырку, владеющий домом в с. Страшенах и землю наравне с другими поселянами того же села, на службе не состоял и не состоит. В удостоверение чего, за подписанием и приложением казенной печати, на основании вышеозначенных, вполне достоверных сведений, свидетельствуется, что студент Сырку в 1874/1875 учебном году не в состоянии внести в Санкт-Петербургский университет за слушание лекций за полгода 25 рублей серебром».³² 19 марта 1875 г. историко-филологический факультет ходатайствовал перед Правлением университета о «назначении студенту I курса П. Сырку единовременного пособия в размере 40 рублей ввиду его крайней бедности». На документе помета декана факультета: «Ходатайствую о г. Сыркове, как о студенте, подающем большие надежды».³³ В 1878 г. Сырку окончил университет. В дипломе читаем: «Поступил в число студентов сего университета 9 октября 1874 г., выслушал полный курс наук по историко-филологическому факультету и оказал на испытаниях следующие познания: в русской словесности, славянской филологии, всеобщей истории — отличные; в философии, греческой словесности, немецком языке — хорошие и римской словесности — достаточные, за которые историко-филологический факультет, по представлении диссертации,³⁴

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 18268. Л. 2—2 об.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1384. Л. 38.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 18268. Л. 16.

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Л. 8.

³³ Там же. Л. 15.

³⁴ На предложенную факультетом задачу «разобрать критически с приложением перевода на русский язык известия о крещении болгар и изложить отношения болгар при Борисе к Риму и Царьграду» Сырку на IV курсе написал сочинение «История христианства в Болгарии до князя Бориса и крещение болгарского народа», за которое был удостоен золотой медали (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1384. Л. 38—38 об.).

признан достойным ученой степени кандидата и, на основании 4-го пункта § 42 общего устава Российских университетов 1863 года, утвержден в этой степени Советом Императорского Санкт-Петербургского университета 31 мая 1878 года».³⁵

За годы учебы он отмечает для себя троих преподавателей, которых назовет позднее в *sitticulum vitae*: «При прохождении университетского курса слушал специальные лекции И. И. Срезневского и Ламанского, а по окончании курса слушал лекции проф. И. В. Ягича».³⁶ По завершении учебы он был оставлен при университете «для приготовления к магистерскому экзамену по кафедре славяно-русской филологии»³⁷ и около полутора лет путешествовал «по Болгарии и восточной Румелии, Македонии и Румынии для изучения славянских древностей и болгарских наречий, получая пособия от Географического и Археологического обществ и Санкт-Петербургского университета».³⁸ Путешествовал он как первопроходец, игнорируя неудобства и собирая все, что могло представлять интерес (не только для него). Например, 29 октября 1878 г. он пишет В. И. Ламанскому из болгарского села Горни Бургета: «Списал много надписей римских и греческих, собрал небольшую коллекцию монет римских, болгарских и отчасти греческих и несколько рукописей славянских и болгарских, не очень старых: лет по 200, 100 и более, бумажных и только одна пергаментная из них. Кроме того, нашел рукопись XVII ст<о>летия» греческого хронографа, важного тем, что в нем описаны царствования нескольких турецких султанов до и после завоевания Константинополя и кроме этого есть много заметок важных, которых нельзя найти в печатных до этих пор византийских хронографах».³⁹ 10 декабря 1878 г. — Т. Д. Флоринскому: «Мое почти трехмесячное путешествие по Болгарии думаю завершить после маленького вояжа из Севлиева, куда я приехал весь ободранный, в грязи и, может быть, еще в чем-нибудь, о котором мне говорить стыдно...».⁴⁰ 28 декабря 1878 г. — В. И. Ламанскому из Софии: «Да и хорошо было бы, коли бы и то, что на меня, было в порядке, а то все изодрано, распорото — благодаря болгарским острыми камнями и колючим кустарникам, которых здесь в весьма большом количестве — кое-где и облатано, но это еще хуже, ибо свидетельствует, что мой костюм подвергался и прежде различным случайностям..., а следовательно, и его хозяин — человек не особенно почтенный».⁴¹ 27 октября 1879 г. — В. И. Ламанскому из [нрзб.]: «Вчера приехал сюда из Букурешта, где я пробыл более одного месяца для окончания работ, начатых в прошлом году в тамошних библиотеках. Там я описал рукописи, которые были для меня доступны или попадались в руки, и кроме того переписал целый сборник апокрифических сказаний, хранящийся в тамошних архивах. Этот сборник весьма важен для истории богомилства и болгарского языка конца XVI начала XVII столетия, а также языка малорусского... Я из Букурешта выслал вторую коллекцию болгарских рукописей и румынские книги в библиотеку университета».⁴²

Исследовательский метод Сырку того периода, распоряжение средствами и отношение его к результатам работы явствуют из его предисловия к сочинению о Чепинской крепости: «В 1879 г. во время путешествия по Болгарии я посетил, между прочим, и Чипино. Чипино или Цепина (Цѣпина), у византийцев Τζεταίνα (Цѣпѣна), есть небольшая котловина, образуемая северо-западным углом Родоп-

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 18268. Л. 29.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1384. Л. 38 об.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 — 1883. Д. 8. Л. 3.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1356. Л. 13—13 об.

⁴⁰ Там же. Д. 1737. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Д. 1356. Л. 17.

⁴² Там же. Л. 23—23 об.

ских гор, при соединении последних с Рильскою планиною; через нее проходит дорога из Татар-Пазарджика или, иначе, из Фракии в Македонию... Я интересовался главным образом языком и произведениями народной словесности этих болгар, но не оставил без внимания и все интересное из того, что касается истории, археологии, этнографии и статистики... Чтобы узнать, что находится под землею на холме, я производил в продолжение 4 дней раскопки на значительном пространстве в стенах крепости. Работы производились под моим руководством добродушными помаками,⁴³ в числе 15—20 человек с ходжею во главе, частью из любопытства, частью же побуждаемые моим необильным золотом. Вся кавалькада, вооруженная лопатами, мотыками, заступами и т. п. орудиями, отправлялась на работу ранним утром и возвращалась вечером около 6 часов под моим предводительством; и туда и назад я гарцовал на коне хаджи-Имама, лучшем в селе... Когда была построена крепость и церковь в ней и кем, трудно сказать в настоящее время. Я склонен думать, что и крепость и церковь византийского времени, судя по найденным мною там рельефным изображениям св. апостолов Петра и Павла. Кроме того и изображения винограда, птиц и листьев, мне кажется, сделаны также византийцем, судя по их отделке. Трудно допустить, чтобы в таком месте, как Чепино, болгарское искусство стояло так высоко во время первого или 2-го болгарского царства... Рельефные изображения св. апостолов Петра и Павла подарены мною Императорскому Русскому Археологическому обществу (в Санкт-Петербурге), в музее которого они в настоящее время хранятся. Первоначально я хотел их принести в дар будущему болгарскому музею, и с этою целью я перевез их из Чепина в Татар-Пазарджик вместе с другими мраморными плитами, на которых были вырезаны виноград и птицы. За неимением другого места в Татар-Пазарджике я поместил их во дворе церкви св. Константина и Елены, где они долгое время оставались без всякого призора и внимания под открытым небом, подвергаясь всевозможным влияниям воздуха и погоды. Видя, что они могут быть уничтожены, я распорядился перевезти их в Филиппополь и там передал их генералу Аркадию Дмитриевичу Столыпину с просьбою отправить в Петербург, в Археологическое общество; генерал Столыпин передал их в распоряжение генерала Скобелева, который распорядился доставить их по назначению. Остальные вывезенные мною из Чепина камни остались в указанном месте в Татар-Пазарджике, т. к. у меня не было возможности перевозить их в Филиппополь — перевозка их мне стоила бы слишком дорого. В 1887 г., когда я находился в Константинополе, знакомый мне татар-пазарджикский болгарин, человек очень интеллигентный, игравший довольно видную роль в свое время в Татар-Пазарджике, сообщил мне, что привезенные мною из Чепина мраморные плиты валяются в церковном дворе, т. е. в том именно месте, где они были мною оставлены; но теперь они почернели от дождя и других влияний погоды. Вероятно, они и ныне находятся там, если только уже не уничтожены». ⁴⁴ Сам Сырку писал, что за время этой поездки он «изучил детально главным образом франко-мидийское, или восточное и шапское, или западное, наречия болгарского языка с их говорами». ⁴⁵

В 1882 г. он выдерживает магистерский экзамен, а 9 января 1883 г. представляет ректору университета программу преподавания языка и литературы румын и просит содействия «о допущении к чтению лекций по означенным в программе предметам в качестве приват-доцента». ⁴⁶ Однако административным путем этот

⁴³ Помаками называли болгар-мусульман.

⁴⁴ Сырку П. А. Старинная Чепинская крепость у с. Доркова и два византийские рельефа из Чепина (в Болгарии) // ВВ. 1898. Т. 5, вып. 4. С. 603, 609—611, 615—617.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1384. Л. 39.

⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 8355. Л. 9.

вопрос не решался — претендент должен был защитить *pro venia legendi*, т. е. «для получения права чтения», специально написанное сочинение. Сырку предложил «Византийскую повесть об убиении Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе». Запись в журнале публичного собрания историко-филологического факультета от 6 ноября 1883 г. сообщает, что «оппонентами на диспуте были проф. Веселовский и В. Васильевский. Защищение диссертации признано удовлетворительным. Определено: представить об этом Совету университета». ⁴⁷ В представленной Совету университета записке от 24 ноября 1883 г. говорилось: «Так как магистрант Полихроний Сырку успешно защитил представленную им *pro venia legendi* диссертацию... и так как программа лекций, которые он предполагает открыть в университете по истории румынского языка и словесности, получила одобрение факультета, то в заседании 19 ноября 1883 г. был обсуждаем историко-филологическим факультетом вопрос о том, следует ли еще требовать от кандидата Сырку прочтения двух пробных лекций, и постановлено было признать это излишним ввиду хорошо известных факультету преподавательских способностей г-на Сырку. Донося о всем этом, факультет ходатайствует о допущении кандидата Полихрония Сырку к чтению лекций по кафедре славянских наречий в качестве приват-доцента». ⁴⁸ Письмом управляющего Санкт-Петербургским учебным округом от 29 декабря 1883 г. ходатайство факультета было удовлетворено, ⁴⁹ а 9 января 1884 г. декан факультета информировал ректора, «что вступительная лекция приват-доцента Полихрония Сырку назначена на 12-е число сего января месяца, т. е. в четверг от часу до двух, и содержанием ее будет вопрос об отношениях румынского языка и литературы к славянским». ⁵⁰

За годы учебы и при первых шагах на научном поприще Сырку успел зарекомендовать себя библиографом, поэтому, когда в Библиотеке Академии наук открылась вакансия, он подал 30 сентября 1883 г. прошение на имя библиотекаря, академика А. А. Куника (своего будущего начальника). ⁵¹ 1 октября Куник докладывает о нем Общему собранию Академии: «Нахожу удобным предоставить privately занятого его (вакантное место младшего помощника библиотекаря. — *О. И.*) кандидату Санкт-Петербургского университета П. Сырку, известному библиографическими и историко-литературными трудами». ⁵² С 8 октября Сырку был принят на должность временно, а 3 декабря 1885 г. Куник ходатайствует перед Комитетом правления Академии наук о включении его «в число лиц, постоянно служащих по найму при Академии». ⁵³

В библиотеке Сырку прослужил 10 лет. В этот период он предпринял в 1887 г. лингвистическое путешествие в Константинополь, на Афон, в Македонию и Сербию; описывал бумаги епископа Порфирия Успенского и начал работу по изданию его «Истории Афона»; защитил при Харьковском университете диссертацию «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. 1. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. Вып. 2. Тексты, собранные П. Сырку» и был утвержден определением университетского Совета от 16 мая 1891 г. в степени магистра. ⁵⁴ Он, конечно, реализовал себя как библиограф, но мотивом поступления его в библиотеку, скорее всего, было не только «стремление облегчить себе доступ к многочисленным рукописям, которые хранились в архивах Петербургской Академии

⁴⁷ Там же. Л. 18.

⁴⁸ Там же. Л. 23.

⁴⁹ Там же. Л. 24.

⁵⁰ Там же. Л. 26.

⁵¹ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1883. Д. 8. Л. 2.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Оп. 4. Д. 553. Л. 5.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 1.

наук»,⁵⁵ но и материальная нужда. Сырку постоянно занимал деньги, например, на 80 писем его к Кунику приходится за 1880—1894 гг. 33 обращения с просьбой об одолжении, некоторые из них невозможно читать без горячего сочувствия, например письмо от 23 апреля 1882 г.: «Вам неизвестно, что я, будучи студентом, получил за свое сочинение большую золотую медаль, которая во всяком случае для меня дорогая вещь, не столько по своей ценности, сколько по значению. В одно из трудных для меня времен я должен был ее заложить в ломбарде, где я должен платить за сохранение проценты, т. к. не могу ее в настоящее время выкупить. Не желая рассеять на проценты и так небольшие мои средства, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой и предложением: не найдете ли Вы возможным выкупить мою медаль на условиях, чтобы она хранилась у Вас на некоторое время, пока у меня не будет возможности возвратить Вам сполна требуемую на ее выкуп сумму; в случае, если у Вас явится до этого времени нужда неотложная в деньгах, то Вы вправе поступить с ней по своему усмотрению и даже продать, хотя мне не особенно хотелось с ней расстаться. Как видите из приложенной при сем ломбардной расписки или квитанции, она заложена за 80 р., но стоимость ее превышает 120 р. Если у Вас есть возможность сделать мне это добро, то не откажите мне в нем. Я Вам бесконечно обязан».⁵⁶

1200 р. приват-доцентского жалованья⁵⁷ были суммой ничтожной как в 1869 г., когда В. Г. Васильевский писал: «На 1200 рублей нельзя жить в Питере»,⁵⁸ так и в 1889 г., когда 1 апреля академик В. И. Ламанский в смятении⁵⁹ записал в дневнике: «Нужно жить и жить и для того, чтобы написать побольше и заработать хоть сколько-нибудь лишних сот рублей. От правительства, от службы государственной мне уже ждать нечего. Очень возможно, что в будущем году Делянов (министр народного просвещения. — *О. И.*) мне уже не назначит дополнительного содержания в 1200 р.; возможно, что и от Академии меня возьмут да и отставят. И тогда останешься на одной пенсии (что актуально и в 2000 г. — *О. И.*), все эти прелести совершенно возможны. И что тогда поделаешь? ...Да, скоро 56 лет. И что сделал, что по себе оставляю. Умру и через год (кроме ребят) все забудут. Никогда я еще не представлял себя в таком правдивом свете и в таком печальном виде. Право, дурак Качановский (в своем Вестнике славянства) ближе всех подошел к истине, обозвав меня бездарным профессором».⁶⁰

В библиотеке же начинают формироваться первые намеки на злоупотребление Сырку доверием, которые впоследствии станут одной из помех на его пути к профессорскому званию. В июне 1885 г. И. В. Ягич пишет Кунику: «Ich habe mir erlaubt in Ihre Abteilung der Bibliothek einen Koffer mit Handschriften, die sich augenblicklich bei mir befinden, zur Aufbewahrung während meiner Abwesenheit zu schicken, wobei

⁵⁵ *Матковски А.* Из жизни и научной деятельности Полихрония Агапиевича Сырку (1855—1905). С. 69.

⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 832. Л. 26—26 об.

⁵⁷ Запись в Журнале заседаний Совета Санкт-Петербургского университета от 1 февраля 1888 г.: «Г-н министр (народного просвещения. — *О. И.*) допустил к чтению лекций по славянской филологии приват-доцента Сырку с вознаграждением по 1200 руб. в год на основании ст. 64 устава» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11346. Л. 25).

⁵⁸ Цит. по: *Герд Л. А.* В. Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // РНВ. С. 55.

⁵⁹ Там же. «Г-н министр народного просвещения предложением от 27 января за № 1536 уведомил, что он не встречает препятствий к тому, чтобы ординарный профессор Ламанский по выслуге 22 января сего (1888. — *О. И.*) года 30-летнего срока учебной службы и по отчислении его из штатных профессоров сохранил за собою право читать лекции и звание профессора, члена факультета и Совета. Что же касается просимого им вознаграждения, на основании 105 ст. университетского устава, то за исключением из сметы сего года особого на сей предмет кредита, г-н министр не нашел возможности удовлетворить ходатайство проф. Ламанского» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11346. Л. 24 об.—25).

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 3. Д. 3. Л. 9 об.—10.

ich auf Ihre gütige Verfügung rechne, dass der Koffer, den Herr Syrku empfangen wird, gut verwahrt werde» («Я позволил себе отправить в Ваше отделение Библиотеки, для сохранения на время моего отсутствия, сундук с рукописями, которые в настоящий момент находятся у меня, причем я рассчитываю на Ваше благосклонное распоряжение, чтобы сундук, который примет господин Сырку, хорошо сохранился». — Перевод мой. — *О. И.*),⁶¹ а в июле 1886 г. он же — археографу И. А. Шляпкину: «Многоуважаемый Илия Александрович! Вы очень обрадовали меня письмом и содержанием его, за исключением того места, где говорите о неполучении книг. В этом виноват не я, а не знаю кто: я нарочно поручил моей Анастасии, кроме стола и лампы, доставить Вам также целую кипу книг. Не смею высказать подозрения, не взял ли их добрейший и милейший Сырку?».⁶² Имели ли место какие-нибудь проступки, после которых профессора, охраняя честь корпорации, ограничивались намеками, можно только предполагать.

В каникулярное время 1893 г. университет командировывает Сырку в Сербию, Далмацию, Трансильванию, Галицию и Буковину; 2 июня он просит предоставить ему отпуск в библиотеке до 15 августа,⁶³ но там назревает конфликт. Сырку 6 июня пишет Кунику длинное эмоциональное письмо: «Вы знаете, что еду не гулять или отдыхать, а еду работать, т. е. продолжать свою здешнюю труженическую жизнь, и вследствие этого имею полное право не желать себе нищенской жизни за границей. Вы это, я думаю, понимаете. Кроме того, Вы моим академическим жалованьем в летнее время воспользоваться не можете, значит, эти деньги, если их получить я не буду, пойдут в казну. Вы, конечно, это [точно] знаете. Следовательно, все зависит от Вас... Но Вы можете сказать, что Вам нет дела до моих нужд. С точки зрения современной это, пожалуй, верно, но с точки зрения нравственной не так, и вот почему. 1. На второй день Пасхи мы говорили, т. е. я и Вы, о моем деле. Я тогда Вам заявил на Ваши запросы, что я не имею намерения оставить службу при библиотеке, и потому я Вас спросил: нужно или Вы желаете, чтоб я это сделал тотчас? Вы же ответили: никто этого не требует и нет в этом надобности, но Вы подумайте о своем положении и скажите мне, когда Вы устроитесь и сможете оставить библиотеку. Я на это Вам сказал: Большое Вам спасибо!

Я хочу выйти из библиотеки без шума и без скандала. Я имею в виду командировку заграничную; но окончательно могу решить вопрос только после того, когда я поговорю с Хитровым (В. Н. Хитрово. — *О. И.*), который в настоящее время находится в Иерусалиме и будет здесь в начале сентября... Затем 17 числа прошлого месяца я... пришел к Вам... Вы выразили только свою неопределенность и потребовали записки о моих “доносе” и “подлоге” для того, что Вы убедились в моей негодности. Я изложил дело фактически и установить точку зрения нравственную и юридическую, иначе я исполнил свой долг. Dixi!».⁶⁴ 15 июня Сырку снова пишет Кунику: «Чтобы ускорить мою поездку, Вы мне сказали, чтобы я дал Вам список тех книг, которых я не могу возвратить; затем в воскресенье Вы удовлетвоались только одною бумагою с моей стороны, чтобы Вы могли потребовать книг по распискам от лиц, которые я укажу; в понедельник Вы стали требовать и бумаги, и списка; наконец, сегодня Вы требуете, что и вчера, и кроме того официальной доверенности, что Вы и Залеман можете проводить обыск в моем доме, когда Вам вздумается. Я несколько не удивился последнему предложению, если бы я был в Турции и был турецким подданным; но здесь положительно меня это положительно (sic!) возмущает. Впрочем, я совершенно напрасно все это говорю.

⁶¹ Там же. Ф. 95. Оп. 2. Д. 1002. Л. 70—70 об.

⁶² Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М.; Л., 1963. С. 314.

⁶³ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 553. Л. 6.

⁶⁴ Там же. Ф. 95. Оп. 2. Д. 832. Л. 84—85.

Считаю нужным Вам заявить, что моя библиотека состоит не из ворованных из Академии книг, а из книг, купленных за деньги, добытые тяжелым трудом.

Благодаря Вашему [ускорению] я потерял полторы недели времени и более 40 р. расходу. Чтобы избегнуть этого же, а также и тяжелых оскорблений, я после серьезного обсуждения решил доставить в вверенную Вам библиотеку все числящиеся за мною книги, хотя бы мне пришлось пробыть в Петербурге и до конца этого месяца, а то, что невозможно добиться этого времени, уплатить.

Эти строки написаны не для того, чтобы Вас оскорблять, потому что они написаны слезами человека оскорбленного и возмущенного до глубины души. Этого, впрочем, Вы никогда не поймете, а напротив, будете чернить. Дело Вашей совести!

Р. С. По окончании всего я попрошу Вас выдать мне формальную расписку, что мною возвращены все книги и сданы Порфирьевские рукописи». ⁶⁵

Каким-то образом конфликт был разрешен, и 21 августа 1893 г. Сырку подает заявление об увольнении из библиотеки с 1 сентября «ввиду увеличения научных занятий и слабости здоровья». ⁶⁶

Покинув библиотеку, он продолжает читать лекции в университете и ездит в научные командировки: «В 1894 г. в Далмацию, Боснию и Герцеговину; в 1895 г. в Чехию; в 1896—1898 гг. в Германию, Бельгию, Англию и Австро-Венгрию; в 1899 г. в Буковину, Трансильванию, в бывшее северное банство (в Венгрии) Банат, Бачку и на Фрушку гору в Срете (в Хорватии), в Сербию и в Болгарию (в Рильский монастырь)». ⁶⁷ Есть сведения, что в 1900 г. он был в Италии, и замечание А. И. Яцимирского о последней поездке Сырку за границу: «Семья покойного допускает мысль, что все это (наиболее ценные части исследования о Карансебешском Октоихе. — О. И.) действительно пропало вместе с двумя чемоданами во время последней его поездки за границу в 1904 г., когда, по словам Полихрония Агапиевича Сырку, уже совсем больного и разбитого, его ограбили где-то на границе Румынии». ⁶⁸ Это кажется невероятным, потому что уже в конце 1903 г. Сырку был навсегда помещен в больницу. А пока он пишет коллегам о своих находках. 13/31 октября 1896 г. из Берлина — В. В. Радлову: «Милостивый государь Василий Васильевич! На днях обратился ко мне один из экспонировавших на выставке немцев с просьбою сообщить нашему этнографическому музею в Петербурге, не найдете ли возможным приобрести коллекцию его вещей, вывезенных им из Африки, вещей, по его словам очень редких и интересных.

Исполняя его настоятельную просьбу, я сообщаю Вам об этом и представляю на Ваше благоусмотрение его краткую опись вещам, из которой Вы сможете составить себе понятие о них, т. е. о вещах. С своей стороны я буду покорнейше просить Вас ответить мне что-нибудь, и было бы хорошо, если возможно, по-немецки, чтобы я мог показать ему Ваш ответ, как ответ директора этнографического музея. Я в Берлине пробуду еще неделю с чем-нибудь, так что успею получить от Вас ответ, если Вы будете любезны написать в непродолжительном времени»; ⁶⁹ 29 октября 1896 г. из Берлина — А. Ф. Бычкову: «Высылаю Вам один экз. "Listón h Br. Kisińskiego", вышедших только на днях в Познани под редакцией секретаря Towarzystwa Przyjaciół Nauk, Болеслава Ерзепки, у которого я выпросил этот экземпляр для Публичной библиотеки. Письма Кицинского интересны для нас тем, что в них описывается с некоторых сторон Петербург начала нашего столетия и

⁶⁵ Там же. Л. 88—89.

⁶⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1798. Л. 14.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1384. Л. 39.

⁶⁸ Карансебешский Октоих II-й половины XIII в. Тексты, описание рукописей и снимки. Посмертный труд П. А. Сырку, с предисловием А. И. Яцимирского. СПб., 1906. С. XIII.

⁶⁹ ПФА РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 245. Л. 1—1 об.

тогдашнее общество столичное для поляка в совершенно спокойном тоне. Впрочем, Вы сами увидите, насколько они интересны, и надеюсь, за присылку их бранить меня не будете. Если Вы найдете возможным послать г. Ерзепки благодарственное письмо, то этим весьма обяжете, я ему сказал, что один экземпляр изданных им писем нужно выслать в Публичную библиотеку, на что он вполне согласился. Ваше извещение о получении Вами книги поощрит его и к дальнейшим высылкам книг»;⁷⁰ Бычкову же 13 января 1897 г. из Лондона: «До сего времени мои занятия меня очень утешают, хотя, я знаю, меня довольно-таки сильно бранят, что я расхаживаю по Европе, а не забрался где-нибудь в дебрях славянских. Да простит им Господь, яко не ведают, что творят. Поеду и к славянам и даже очень хочется до них добраться, но нужно было побывать и в тех местах, где я был и буду еще, мне это необходимо для моих работ»;⁷¹ 19 октября 1897 г. — И. В. Помяловскому из Вены: «На днях прочел в *Insbrucher Nachrichten*, что в одном замке на баварской границе хранится глаголическая рукопись 1057 г. на 12-ти листах пергаменных. Если это [не] шутка, то будет очень интересная вещь. В скором времени узнаю, что за невидаль такая.

P. S. Видели ли Вы новый *Еортологιον Βυζαντινὸν Tedeon'a*;⁷² 12 ноября 1897 г. — А. Ф. Бычкову из Вены: «В Лондоне я пробыл почти половину декабря прошлого года, январь и начало февраля и марта; почти весь февраль пробыл в Оксфорде. В первой половине марта я возвратился в Лейпциг... Надеюсь, впрочем, услужить Вам в Лондоне, ибо мне будет необходимо поехать в Англию еще раз на месяц или на два в будущем году».⁷³ Лондонские отклонения от маршрута, как оказалось, были плодотворными. А. И. Яцимирский впоследствии высоко оценит труд Сырку: «При всем кажущемся богатстве литературы о лондонских рукописях заметки о них П. Сырку не только стоят на высоте в смысле точности, которой вправе требовать палеограф, и разнообразия сообщаемых им сведений, но во многих отношениях являются и первыми по времени... эти мелочи записаны ученым с широкими научными интересами. П. А. Сырку интересовался и языком, и правописанием, и историей перевода, и историей, и культурой южных славян. Не использованные им самим, в общем они дают необыкновенно надежный и в известной степени даже последовательный материал для будущих исследователей»;⁷⁴ 9 декабря 1897 г. Сырку писал А. Ф. Бычкову из Вены: «Охотно соглашаюсь на Ваше желание относительно статьи о книге Штофулеску. Эта книга не представляет ничего особенного, пишете Вы. Я согласен. Но ведь на свете все относительно. Задача журнала, как Вы знаете лучше меня, не в том только, чтобы указывать только на особенное, но заставлять того или другого автора братья только за свое дело или быть внимательным на будущее время. Потом такие статьи как моя заставят господ румын интересоваться и нашими специальными изданиями и смотреть на нас не такими дикими глазами, как они смотрят. Вы знаете, что этот самый Штофулеску приехал было сюда учиться читать славянские грамоты, написанные в румынских землях. Я ему доказал, что этому он может научиться только в России, и он должен был со мною согласиться».⁷⁵

Условия в поездках не всегда складывались благоприятно. В Венгрию он приехал с рекомендательным письмом не из России, а из Вены; в письме от 10/22 февраля

⁷⁰ Там же. Ф. 764. Оп. 2. Д. 756. Л. 6—6 об.

⁷¹ Там же. Л. 14.

⁷² РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315. Л. 20 об.

⁷³ ПФА РАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 756. Л. 20—20 об.

⁷⁴ Славянские и русские рукописи в Британском музее в Лондоне. Посмертный труд П. А. Сырку, изданный под наблюдением и с предисловием А. И. Яцимирского. СПб., 1908. С. XII—XIII.

⁷⁵ ПФА РАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 756. Л. 25 об.

1898 г. из Будапешта он рассказывает А. Ф. Бычкову о прохладном приеме министра иностранных дел Венгрии Перцеля: «Он принял меня довольно сдержанно. Впрочем, о мне ходили здесь ужасные слухи по двум доносам на меня, что я ужасный русский агитатор, и это, заметьте, еще в прошлом году, когда и тени моей не было в Венгрии. Один донос сделан на меня из Дрездена, а другой, кажется, из Вены. Конечно, все это оказалось вздором, и я получил от министра Перцеля открытый лист для путешествия всюду по Венгрии».⁷⁶

3 апреля 1898 г. из местечка Нови Сад он пишет И. В. Помяловскому: «Задержался посмотреть апостол из Герцеговины XII в. ...Отсюда я поеду на [Фрушку Гору], где я посету некоторые из сербских монастырей. Оттуда я возвращусь в Трансильванию, а потом через Румынию поеду в Болгарию, на Афон и Сербию. После этого останется ли у меня время на окончание моего путешествия, а главное, средства, не могу сказать».⁷⁷

Из Бложа (Blosen dorf) 29 августа 1898 г. в письме к И. В. Помяловскому он просит отсрочки возвращения на месяц и делится очередным открытием: «Здесь и в близлежащем селе, Малом Чергеде, я нашел преинтересные и важные для характеристики трансильванских болгар данные. Эти болгары совсем уже погибли, они орумьнились, несмотря на то что они протестанты, вернее, лютеране, но представьте себе, они сохранили еще очень хорошо типы и немало народных обычаев чисто болгарских с некоторыми остатками народных песен. Я описал одни и записал другие. ...Спасибо Вам большое за Ваше пожелание мне собрать болгарский материал, но боюсь, что я его не смогу долгое время издать в свет. Ведь в самом деле, что за польза собирать материал, который может быть мертвым.

Дайте мне хоть какие-нибудь человеческие средства, чтобы можно было существовать, и тогда требуйте от меня, чтобы я дал, что могу давать. Впрочем, Бог не без милости и свет не без добрых людей. Я, действительно, могу побывать и на Афоне и в Риме, но только надо денег иметь, иначе мои мечты будут пустыми. Будьте так любезны, убедите Хитрово устроить что-нибудь для меня в Палестинском обществе, я постараюсь им отработать, когда, Бог даст, буду побогаче».⁷⁸

Вырываясь на простор, Сырку ощущал себя «гражданином мира», забывал узкую цель данной поездки, сжатые сроки и ограниченные средства, потому его письма полны радости приобщения и просьб о продлении командировок и доставлении дополнительных средств. 3 мая он обратится в историко-филологический факультет университета с прошением, в котором укажет на обстоятельства, тормозившие его работу в Венгрии: «В Будапеште, в Новом Саде я получал свои корректуры из Санкт-Петербурга, из Типографии АН, только в одном печатном оттиске, между тем как из этой типографии корректуры мне высылались с оригиналов статей и работ, печатавшихся в академических изданиях при двух печатных оттисках с него. Затем в больших венгерских городах, стоящих на больших железных путях, свои письма из Петербурга я получал иногда только через 2 недели, несмотря на то что обыкновенно почта от нас получается там на 3-й или 4-й день. В некоторых венгерских городах по требованию моих работ мне приходилось оставаться на день, на два и больше времени; в таких именно городах местная администрация преследовала меня запросами самым грубым образом, почему я остаюсь в одном месте так долго. В Новом Саде местный полицейский капитан по требованию фишпана раз обратился ко мне с требованием даже выехать из города раньше окончания моих работ, а в селении Ромосе около Брооса ко мне явились вооружен-

⁷⁶ Там же. Л. 39 об.

⁷⁷ РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315. Л. 30.

⁷⁸ Там же. Л. 31—32.

ные жандармы в десятом часу ночи, когда я был уже в постели. Правда, жандармы по моему требованию удалились, но тем не менее я был крайне оскорблен этим поступком местной полиции, которым был нарушен мой покой. Наконец, в ресторанах, где мне приходилось обедать и ужинать, не столько мадьяры, сколько мадяроны и ренегаты разного сорта дерзкими выходками по адресу России старались нередко вызвать меня на неприятности, и это делалось не без ведома и одобрения некоторых местных фишпанов.

Ввиду того что в нынешнем году, будучи командирован за границу с ученою целью, я должен буду опять посетить некоторые части венгерских областей, населенных сербами, болгарами и румынами, имею честь покорнейше просить историко-филологический факультет ходатайствовать у министра народного просвещения, дабы его превосходительство чрез наше Министерство иностранных дел рекомендовало меня венгерскому правительству как лицо, преследующее только научные интересы, которого никакая мадьярская политика не интересует». ⁷⁹

В 1898 г. выходит объемистый труд Сырку «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Том 1, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского», который на будущий год он предложит к защите в качестве докторской диссертации. Официальные документы ничем не выделяют этого события: защита назначается на 16 мая 1899 г., оппонентами — В. И. Ламанский и А. И. Соболевский, ⁸⁰ отзыв оппонентов завершается обнадеживающим абзацем: «Несомненно автор горячо предан своему предмету и обладает весьма большою начитанностью и обширными сведениями. Труд г-на Сырку должен быть допущен к публичному соисканию». ⁸¹ В журнале публичного собрания историко-филологического факультета от 16 мая записано: «Защитение диссертации признано удовлетворительным. Определено удостоить П. А. Сырку степени доктора славянской филологии и представить об этом Совету университета. Ф. Соколов, В. Ламанский, А. Соболевский, Н. Кареев». ⁸² Результат защиты был утвержден 24 мая 1899 г. ⁸³ Но что-то осталось за пределами дошедших до нас документов, потому что 19 января 1899 г. Сырку писал Ламанскому: «Многоуважаемый Владимир Иванович! Покорнейше прошу Вас, не издавайте никакого отзыва в факультете о моей книге, пока не получите от меня чистого экземпляра. Прося Вас об этом, остаюсь в надежде, что Вы при всем Вашем недоброежелательстве ко мне не откажете мне в моей покорнейшей просьбе». ⁸⁴

Снова, как в 1883 г., Сырку нарушает субординацию: через 2 дня после защиты диссертации, 18 мая 1899 г., он подает докладную записку министру народного просвещения Н. П. Боголепову: «Историко-филологический факультет по предложению проф. А. И. Соболевского единогласно постановил ходатайствовать о назначении П. Сырку годового вознаграждения в 2000 р., как это было до получения им, Сырку, докторской степени, и кроме того, на сие постановление ничего до сего времени не последовало. ...затем ввиду того, что уже получил степень доктора славянской филологии и, наконец, ввиду его семейного положения он всепокорнейше просит Его Высокопревосходительство, господина министра народного просвещения, назначить его, Сырку, ординарным профессором по остающейся по сие время вакантною кафедре славянской филологии в Санкт-Петербургском университете». ⁸⁵

⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 195—196.

⁸⁰ Там же. Л. 198.

⁸¹ Там же. Л. 208 об.

⁸² Там же. Оп. 3. Д. 1106. Л. 29.

⁸³ Там же. Оп. 1. Д. 8355. Л. 3.

⁸⁴ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1356. Л. 63.

⁸⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 74. Л. 2.

Озадачив министерство, Сырку уезжает за границу. 9 августа 1899 г. он пишет Соболевскому из Софии: «София выросла в целый хороший город, что нельзя было ожидать в 20 лет. В 1879 г. я ее оставил скверным турецким селом, а теперь, удивительно, целый город, который может смело конкурировать с Белградом. Молодцы, право, болгары. А как их литература выросла за эти 20 лет, это просто чудо, у них даже в селах есть типографии. Куда сербам до болгар. ...Я узнал в Министерстве перед своим отъездом, что моему делу дан ход и что министр сделал запрос в университете относительно меня. Дело идет о назначении меня ординарным профессором. Одним из первых дел факультета будет мое дело. ...поддержите меня, сколько возможно... Если было бы возможно приехать Вам в Петербург в нынешнем году пораньше, было бы это отлично. Вы могли бы предупредить некоторые интриги, без которых дело не обойдется».⁸⁶

11 сентября на историко-филологическом факультете слушали возвращенную из министерства «по принадлежности» записку Сырку от 18 мая и постановили: «Представить г-ну ректору, что факультет не встречает возражений против увеличения получаемого г-ном Сырку приват-доцентского вознаграждения до 2000 р., но для замещения ординатуры по кафедре славянской филологии... желал бы иметь разрешение высшего начальства на объявление об этой вакантной кафедре во всеобщее объявление».⁸⁷

21 сентября декан П. В. Никитин в представлении на имя ректора подтверждает солидарность факультета в вопросе об увеличении оклада Сырку до 2000 р., о необходимости замещения вакансии на конкурсной основе, а также раскрывает «преувеличения» записки Сырку о большом количестве студентов на его лекциях, о выпущенных им специалистах и о том, что темы работ, удостоенных медалей, были предложены не Сырку.⁸⁸

Не позднее 4 октября Ламанский подает в факультет записку на 13 листах — об истории славяноведения в университете, о целесообразности разделения преподавания его на 2 предмета — на «сравнительную грамматику славянских языков и историю славянских земель и народов». Упомянув о достоинствах Сырку и перечислив недостатки (неумение «легкоправильно» выражаться по-русски, плохое знание русской истории, запутанность изложения и т. д.), он рекомендует на первый предмет В. Н. Щепкина и Б. М. Ляпунова, а на второй — магистранта Н. В. Ястребова, до возвращения же Ястребова из-за границы — А. Л. Петрова и Л. Л. Липовского. В заключение Ламанский просит довести его представление до сведения министра народного просвещения.⁸⁹

Сырку, скорее всего, известно об этой записке, потому что из-за границы он пишет 4 октября А. И. Соболевскому: «Одною из самых полезных в данную минуту мер была бы Ваша записка в факультет для отправления в Министерство в виде контрзаписки записке Ламанского... Если бы Вы согласились написать такую записку, Министерство таким образом могло бы узнать и другой университетский голос о мне, а не только то, что говорит Ламанский, поддерживаемый Никитиным. Без Вашего голоса, я уверен, едва ли я смогу сделать что-нибудь путного для себя в Министерстве».⁹⁰

А тем временем в ноябрьской и декабрьской книжках «Журнала Министерства народного просвещения» появилась рецензия Ламанского на 85 страницах о

⁸⁶ ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 5—5 об.

⁸⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 1106. Л. 33 об.

⁸⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1384. Л. 2—2 об.

⁸⁹ Там же. Л. 4—16 об.

⁹⁰ ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 7—7 об.

докторской диссертации Сырку.⁹¹ И ругательный, отстраненный стиль, и суть обвинений вызывают удивление, потому что это слова учителя, который не ощущает ни роли своей, ни ответственности за те недостатки в работе ученика, на которые сейчас он публично ополчился. «На Западе, — пишет он, — где уже давно французы и англичане, а в последние десятилетия и немцы, научились писать сдержанно и сжато, избегая бесполезных длинных извлечений и ссылок, такая объемистая книга (641 стр.) была бы достаточна для всей истории Болгарии с древнейших времен до конца XIV века (до завоевания ее турками)... Г-н Сырку поныне не умеет ни устно, ни письменно легко и правильно выразиться по-русски... Он большой книжник, начетчик, ревностный коллекционер и собиратель, но не критик, не исследователь в настоящем значении слова. Все, что выходит из границ толкования отдельных слов или простой регистрации однородных фактов, при его объяснениях только запутывается и затемняется... Набранные им выписки, извлечения, весь внешний запас данных как бы не в его распоряжении... Он никогда почти не умеет в них разобраться, упорядочить и разместить их если не в естественной, то хоть в какой-нибудь искусственной системе».⁹²

15 октября А. И. Соболевский направляет в факультет записку: «Сырку около 10 лет или один, или почти один преподавал славяноведение на словесном отделении... и до сих пор и В. И. Ламанский (преподававший только на историческом отделении) и другие члены факультета молчали об его недостатках и предоставляли словесное отделение в его распоряжение. Заявления В. И. Ламанского о недостатках Сырку начались уже после того, как я предложил факультету ходатайствовать о Сырку, и особенно усилились лишь недавно, когда Сырку получил докторскую степень. В. И. Ламанский на докторском диспуте Сырку мог указать недостатки его ученой деятельности или по крайней мере его докторской диссертации, но все его замечания, сделанные им Сырку, более или менее грубые по форме, имели в виду лишь мелкие неправильности изложения и даже опечатки. Я с своей стороны, много занимавшийся тем же периодом истории южнославянских литератур, каким занимался и Сырку, на этом диспуте хотя указал мелкие недостатки в последнем его труде, должен был лестно отозваться об его ученой деятельности вообще. Другие члены факультета не выступали на этом диспуте оппонентами, и диспут закончился для Сырку не менее благоприятно, чем для тех из моих сочленов по факультету, которые диспутировались в нашем Университете, а подведенный на нем итог ученой деятельности Сырку оказался несколько не ниже, чем упомянутых господ сочленов. Он может похвалиться некоторыми учеными открытиями, чем не может похвалиться большинство моих сочленов. Ввиду этого я полагаю, что настаивание В. И. Ламанского на том, чтобы Сырку, как недостойному, не было предоставлено звание профессора, вполне несправедливо и что наш факультет, как всем известно, не блещущий ни учеными заслугами, ни преподавательскими талантами, свободно может принять в свою среду Сырку».⁹³

29 ноября 1899 г. декан П. В. Никитин обращается к ректору университета за разрешением на объявление в печати о конкурсе на замещение вакантной кафедры и о напечатании 20 информационных листовок для рассылки по учебным заведениям, в которых могли бы оказаться претенденты на место. Сроком подачи документов объявлялось 1 марта 1900 г.⁹⁴ Объявления были разосланы в историко-филологические институты в Петербурге и Нежине и университеты: Александровский

⁹¹ Ламанский В. И. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Исследование П. Сырку. Том 1, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898 // ЖМНП. 1899. Ч. 326. Ноябрь. С. 103—136; Декабрь. С. 312—362.

⁹² Там же. С. 105, 108.

⁹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 74. Л. 7—8.

⁹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1384. Л. 18, 32.

в Гельсингфорсе, Харьковский, Московский, Киевский св. Владимира, Варшавский, Новороссийский, Юрьевский, Казанский и Томский.⁹⁵ 3/15 декабря в печати появилось объявление о конкурсе.⁹⁶

4 декабря 1899 г. по иронии судьбы Общее собрание Академии наук утвердило постановление Отделения русского языка и словесности о присуждении Сырку Ломоносовской премии за труд «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. 1, вып. 1 (магистерская диссертация) и Т. 1, вып. 2» (только что разгромленная Ламанским докторская).⁹⁷

29 февраля 1900 г. Сырку подает заявление о внесении его в число желающих занять кафедру.⁹⁸ Соперниками его были ординарный профессор Московского университета Р. Ф. Брандт и Новороссийского — П. А. Лавров, отзывы об ученых трудах претендентов просили дать профессоров Ламанского, Соболевского и Жданова.⁹⁹ И. Н. Жданов отметил: «Из наших филологов и историков не многие останавливают свое внимание на изучении румынского языка, румынской литературы и истории. Поэтому труды г-на Сырку в области румыноведения представляют особый интерес. Ученая критика отметила в трудах г-на Сырку некоторые промахи, обратила внимание на неудовлетворительный стиль его сочинений, но также критика указала и на обширные знания г-на Сырку и на его научно-литературную энергию».¹⁰⁰ Другие мнения нам известны.

Баллотирование кандидатов происходило 21 апреля 1900 г. Накануне проф. С. Ф. Платонов, извещая П. В. Никитина о своей занятости, делегировал ему свои выборные полномочия: «Весь день буду в Гатчине, где у меня 21-го числа заключительные в настоящем учебном году лекции у государя наследника и великого князя Михаила Александровича. Желая тем не менее принять участие в баллотировании кандидатов на кафедру славянской филологии, прошу Вас позволить мне передать свой голос Вам».¹⁰¹

Общее число голосующих было 10: В. И. Ламанский, А. Н. Веселовский, Ф. Ф. Соколов, Ф. Ф. Зелинский, В. К. Эрнштедт, И. Н. Жданов, Г. В. Форстен, А. И. Введенский и П. В. Никитин (2 голоса). При подсчете шары распределились следующим образом: Р. Ф. Брандт — избирательных 1, неизбирательных 9; П. А. Лавров — соответственно 6 и 4; П. А. Сырку — 4 и 6. По результатам голосования определили: «Представить Совету о профессоре П. А. Лаврове как о кандидате факультета на должность ординарного профессора по кафедре славянской филологии».¹⁰²

Сырку тяжело переживал поражение. 27 апреля 1900 г. Лавров писал Шахматову: «На днях, уже после уведомления о результате баллотировки, я получил письмо от Сырку, который жалуется, что против него направлена интрига, что он ждал долго кафедры, и спрашивает, действительно ли я желаю занять ее. Но чем же я во всем этом виноват? Я не искал этой кафедры, мне ее предложили. После продолжительного размышления я решился предоставить дело жребия выбора».¹⁰³ Неудача обернулась и материальным уроном. 27 августа 1900 г. Сырку пишет Соболевскому из Рима: «Из Петербурга сообщили мне, что министр назначил мне вместо прежних 2000 р. опять 1200».¹⁰⁴ В университетском личном деле Сырку переписке на эту тему

⁹⁵ Там же. Л. 26.

⁹⁶ Новое время. 1899. 3/15 дек. № 8538. С. 7.

⁹⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 146. Л. 89 об.; Протокол ОС IX, § 191 от 4 декабря 1899 г.

⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 1384. Л. 37.

⁹⁹ Там же. Л. 30.

¹⁰⁰ Там же. Л. 50—50 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 53.

¹⁰² Там же. Л. 52—52 об.

¹⁰³ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 806. Л. 17 об.—18.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 10.

посвящены многие страницы.¹⁰⁵ Эта история продолжалась до конца 1902 г. Сырку писал прошения сам и просил за него ходатайствовать. На историко-филологическом факультете проходило еще не одно голосование, стройного комплекса документов о которых обнаружить не удалось. Известно лишь, что 10 ноября 1900 г. разгромную записку в факультет подал В. К. Ернштедт: «В заседании 27 октября с. г. ... оказавшись вместе с некоторыми другими членами факультета в меньшинстве, я не нахожу возможным на этот раз безропотно подчиниться большинству и считаю своим долгом подать по этому поводу особое мнение. ... Не могу, к сожалению, обойти также вопроса о нравственном цензе г-на Сырку. Вполне сознавая щекотливость этого вопроса и ответственность, которую я беру на себя, высказываясь на этот счет, я, однако, принужден заявить, что г-н Сырку с этой стороны всего менее удовлетворит требованиям, какие мы привыкли предъявлять к профессору университета. Моим товарищам по факультету известно, что этот отзыв не голословен.

Никто из нас, членов факультета, не желал и не желает лишить г-на Сырку получаемого им приват-доцентского вознаграждения. Мало того, мы охотно согласились недавно на увеличение его вознаграждения до оклада экстраординарного профессора — лишь бы г-н Сырку удовлетворился этим и перестал искать в нашем университете профессуры. На тех же условиях мы согласились бы присоединиться к ходатайству о назначении ему, если бы это было полезно и возможно, вознаграждения еще большего, хотя бы в размере жалованья ординарного профессора. Но г-н Сырку настойчиво и, надо сознаться, назойливо домогается чести быть членом факультета, и факультет, долго отклонявший его притязания, ныне из мягкосердия, боясь преградить ему путь к приобретению права на пенсию (sic!), склоняется к принятию его в свою среду. Думаю, что мягкосердию в таких случаях должен быть предел и что своею снисходительностью в происшедшем мы никоим образом не взяли на себя обязательства пожертвовать в интересах господина Сырку интересами факультета».¹⁰⁶ Записку Ернштедта подписал Форстен, присоединился Платонов; с оговоркой «Не входя за неимением непосредственных сведений, в обсуждение нравственного ценза г-на Сырку, присоединяюсь во всем остальном к мнению проф. Ернштедта» — Зелинский и Браун; с припиской «Мы высказались за назначение приват-доцента Сырку экстраординарным профессором» — Соболевский, Соколов, Жданов. Эта история нашла отражение и в недатированном письме Соболевского к Т. Д. Флоринскому: «Мы теперь находимся в центре вопроса о Сырку. По требованию Министерства происходила у нас баллотировка его и он получил 7 положительных при 6 отрицательных. Но один из его противников, Ернштедт, подал письменное отдельное мнение, которое подписано еще несколькими членами факультета. Здесь говорится, намеком только впрочем, о Сырку, как о человеке. Подымается какая-то старая история, происшедшая лет 6 назад, вследствие которой Сырку должен был выйти в отставку из библиотеки Академии наук. Что это за история, я хорошенько не знаю, могу сказать лишь то, что его обвиняют в получении платы за работу по изданию сочинений Порфирия за несколько листов дважды.¹⁰⁷ Но он и теперь редактирует сочинения Порфирия, получал не раз командировки от Академии наук, печатал ста-

¹⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 220, 220 об., 226, 227, 232, 235.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 74. Л. 19 об.—21.

¹⁰⁷ При увольнении из библиотеки Сырку просил выдать ему справку о размере гонорара из Порфирьевого капитала («с обозначением времени полученных им по ошибке лишних денег и возвращения их») (ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 553. Л. 14 об.). В справке указывалось, что из полученных им в 1892 г. за «Историю Афона» 809 р. 24 к. «уплачено 3 марта 1892 г. по заявлению акад. Бычкова и Куника от 28 февраля 1892 г. за лл. 54—56 — 105 р. и 16 марта, по заявлению акад. Васильевского и Куника от 14 марта 1892 г. за листы 54—58 — 145 р., т. е. излишне выданы Вам 16 марта за листы 54—56 — 105 р., каковые деньги возвращены в капитал епископа Порфирия 24 сентября 1892 г.» (Там же. Л. 16). Конечно, Сырку в своей постоянной нужде оказался нещепетливым или рассеянным, но и три академичка, назначенные руководителями работы и посредниками при оплате, оказались не на высоте своего долга.

ть в ее изданиях! Против него наш нынешний декан Платонов, Загорецкий чистейшей воды, не брезгающий никакими средствами; против него и наш нынешний ректор,¹⁰⁸ тоже неказистый господин. Оба они ведут дело так, что Сырку придется лишиться и приват-доцентского содержания, т. е. быть выброшенным из Университета безо всего. Согласитесь сами, каков он ни есть, но такой участи не заслуживает».¹⁰⁹

Пока Сырку верил, что можно чего-то добиться, он не терял присутствия духа, продолжал заграничные поездки и писал оттуда письма. В Рим он все-таки попал и 27 августа писал Соболевскому, что оказался перед закрытыми до 1 октября дверями Ватиканской библиотеки. Исключение могли сделать только для того, кто представил бы рекомендацию от представителя того государства, в подданстве которого состоит исследователь. «Тогда я, — пишет Сырку, — обратился к своим знакомым еще с археологического съезда в [Сплете] патерам, которые в 5 минут мне все устроили. M-p de Waal, ректор di Capo Santo в Ватикане, т. е. немецкого там поселения и семинарии, повел меня к начальнику Ватиканской библиотеки, иезуиту Ерле (Ehrle), сообщил тому, в чем дело, на что последний ответил, что ему нужно письмо, написанное хотя бы кем-либо из секретарей от имени нашего представителя при папском дворе, и по доставлении этого письма он меня сажает тотчас за работу... На другой день моего приезда сюда я уговорил единственного, оставшегося здесь секретаря посольства нашего, барона Корфа, написать мне требуемое письмо, и занятия мои в Ватикане сделались фактом. Главным образом я занимался переводом Манассиной летописи, в которой я отметил весьма интересную вещь, на которую никто до сего времени не обратил внимания, а между тем она объясняет много. За недостатком места о ней напишу в другой раз».¹¹⁰

Между тем Сырку оставалось почти 5 лет физической жизни и почти 3 года гражданской, которые оказались калейдоскопом событий и переживаний.

25 мая 1902 г. Соболевский подает записку в Министерство народного просвещения: «П. А. Сырку на службе нигде не состоит и постоянного заработка нигде не имеет. Моя просьба очень скромна. Ввиду исполняющегося 25-летия службы, семейного положения,¹¹¹ ученых трудов, я прошу, чтобы Вы сообразовали назна-

¹⁰⁸ Ректором университета в тот период (1899—1903) был юрист Адольф Христианович Гольмстен (1848—1920).

¹⁰⁹ РО РНБ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 302. Л. 25 об.—26.

¹¹⁰ ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 11—11 об. К сожалению, в сохранившихся письмах Сырку к Соболевскому продолжения этой темы обнаружить не удалось.

¹¹¹ Семейная жизнь Сырку, видимо, была сложной, отсутствие полного комплекта документов вынуждает строить предположения. Женился он на Агнии Ивановне Болтенковой, которая по профессии была врачом, видимо, в 1880 г. 24 августа этого года он пишет Кунику: «Адрес мой прежний, т. е. — В Усмани, Агнии Ивановне Болтенковой, для передачи мне» (ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 832. Л. 15). Дети его: Надежда — родилась 18 июня 1881 г., София — 5 января 1885 г. и Вера — 16 августа 1886 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 270). Очевидно, в 1886 г. пути супругов разошлись. 23 февраля Сырку пишет Ламанскому: «Я никогда Вам не жаловался на свою судьбу, никогда не рассказывал о своей семейной жизни ничего, а эта жизнь была ужасна. Все, что было сделано и писано мной за последний 6 лет, было омочено слезами и кровью» (ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1356. Л. 29 об.). Записи в свидетельствах о проживании в Петербурге подкрепляют предположение: 30 ноября 1883 г. с ним вместе проживают жена, А. И. Болтенкова, и дочь Роксанда-Надежда, 5 декабря 1884 г. — жена и дочери Надежда и София, а 23 февраля 1886 г. — только дочери; имя жены из свидетельства вычеркнуто (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 30, 31, 33). Из писем к Соболевскому явствует, что Сырку принимал материальное участие в жизни дочерей. 22 ноября 1902 г. он восклицает: «Ради Бога, защищайте меня в Вашем академическом отделении. У меня дочь больна три месяца» (ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 38 об.), а 22 февраля 1903 г.: «Мне в понедельник, 24 февраля, нужно 50 р. для уплаты в гимназии за учение моей дочери, которая иначе должна прекратить свое учение, как сказал мне сегодня инспектор Василеостровской гимназии Елпатьевский. Можете ли Вы одолжить эту сумму мне или нет? Эти деньги Вы получите назад в марте месяце текущего года, так как в начале этого месяца Палестинское общество начнет печатание приложений к "Книге бытия моего", которой я буду редактором, о чем я уже извещен. До сего времени после моего большого долга Вам, я взял у Вас 150 р. Теперь делайте для меня, что можно. Я же в феврале месяце получил жалованья из университета за разными вычетами 56 р. 66 коп.; на них я должен уплативать квартиру, кормиться и дать корм детям, т. е. двум моим дочерям» (Там же. Л. 40—40 об.). Старшая к этому времени была замужем.

чить П. А. Сырку экстраординарным профессором, штатным или сверхштатным с полным 2000-рублевым содержанием, или с тем, какое он получает в настоящее время, и тем дали ему возможность рассчитывать на пенсию на общем основании».¹¹² Впоследствии Ягич напишет: «Сырку, заупрямившись быть непременно профессором в Петербурге, не достиг цели и остался до конца жизни доцентом этого университета».¹¹³ Не «упрямился» Сырку, просто естественно было претендовать на открывшуюся вакансию в alma mater. Но, проиграв на выборах, он готов был попробовать неожиданный вариант. На записке в Министерство народного просвещения от 20 августа 1902 г. резолюция: «Весь материал о Сырку можно препроводить попечителю Варшавского округа по переходе Кулаковского¹¹⁴ в другое ведомство»,¹¹⁵ а 3 октября 1902 г. Сырку пишет Соболевскому: «Не слышали ли что-нибудь о Варшаве? Дело о переводе Кулаковского сюда — свершившийся факт. Не думайте, что я стремлюсь в Варшаву, я хочу устроить там себе только годы службы, если будет возможно».¹¹⁶

С 1902 г. в поведении Сырку явственно проступают признаки болезни, которые раньше могли восприниматься как странности и дурной характер. В отношении судебного следователя Санкт-Петербургского окружного суда ректору университета от 11 ноября читаем: «Приват-доцент Санкт-Петербургского университета доктор славянской филологии Полихроний Агапиевич Сырку привлечен мною в качестве обвиняемого по 1535 ст. Уложения о наказаниях в оклеветании <оспо>ж Казанской и Сергеевой в бумагах, поданных им мировому судье 25 уч<астка> г. Санкт-Петербурга и приставу 1 уч<астка> Васильевской части, и что г-н Сырку... обязан мною подпискою о явке к следствию и неотлучке с места жительства».¹¹⁷

В Архиве Академии наук хранится документ под названием «Диалог Хр. М. Лопарева с Полихронием Агапиевичем Сырку [во время заседания] о греческом слове “Мускопол”», написанный карандашом и датированный 1902 г.: «Л. Не встречали ли Вы фамилию греческую Мускопол, что может быть по-гречески Μουσκόπολις или Μουσχοπόλιος?»

С. На кой черт это Вам?

Л. Это для Д. Ф. Кобеко.

С. Ему на кой черт?

Л. Подите и спросите его этими словами.

С. Ничего не понимаю.

Л. Да Вы многого не понимаете.

С. Это меня одного касается, и всякому дураку до этого дела нет!».¹¹⁸

30 апреля 1903 г. Сырку, очевидно для внесения сведений в формулярный список, подает записку о недвижимом имуществе жены: «По сообщению сына генерала Ротштейна, покойного Анатолия Васильевича, служившего по управлению Императорским Ботаническим садом, урожденная Болтенкова Агния Ивановна владеет пространством земли свыше 200 десятин, полученных ею от Министерства уделов или Государственных имуществ на правах обработки и вечного владения. В настоящее время эта земля находится в арендном состоянии в Сочинском

¹¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 74. Л. 57.

¹¹³ Ягич В. История славянской филологии // Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. Вып. 1. С. 805.

¹¹⁴ Платон Андреевич Кулаковский (1848—1913) — историк, филолог, публицист, общественный деятель, в 1892—1902 гг. — профессор славянских наречий в Варшавском университете, с 1902 по 1905 г. — главный редактор газеты «Правительственный вестник».

¹¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 74. Л. 58.

¹¹⁶ ПФА РАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 23—23 об.

¹¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 261.

¹¹⁸ ПФА РАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 126. Л. 3.

уезде Черноморской губернии. Агния Ивановна Болтенкова много лет служит в Санкт-Петербурге думским врачом народных Санкт-Петербургских детских училищ с казенным жалованием в 900 р. в год и, кажется, с полагающимися там четверолетиями. Практика на В<ысших> Ж<енских> К<урсах> и общине сестер милосердия на Васильевском острове по Большому проспекту».¹¹⁹ В формулярном списке запись в графе о владении жены в Сочинском уезде, заполненная «по заявлению Сырку», зачеркнута с пометой «сведений нет»,¹²⁰ а 23 августа 1903 г. прокурор Санкт-Петербургского окружного суда информировал ректора университета, что дело прекращено «...определением Санкт-Петербургского Окружного суда от 13 июня 1903 г., ввиду признания Сырку экспертами-психиатрами совершившим приписываемое ему преступление в состоянии сумасшествия, с отменой принятой против Сырку меры пресечения».¹²¹

17 февраля 1903 г. ему определили за чтение лекций оклад 2000 р. «с отнесением этого расхода на специальные средства университета».¹²² 3 мая он подает в факультет прошение об отпуске его за границу, потому что «1) за границей лечение дешевле и удобнее, 2) морские купания в Адриатике весьма полезны мне, 3) советы врачей, 4) буду находиться среди славян».¹²³ Отпуск ему был предоставлен до 1 сентября.

Морские купания не помогли, в письме Соболевского к Флоринскому от 21 октября 1903 г. читаем: «Ничего особенного у нас не происходит. Впрочем, есть нечто для Вас, пожалуй, неожиданное, во всяком случае печальное. Это — сумасшествие Сырку. Когда я приехал в сентябре в Санкт-Петербург, я был поражен его видом: он почернел, похудел, стал говорить медленно и тягуче, вроде того, как говорил Владимир в последнее время своей свободой. Доктора, которые его видели, говорят, что у него прогрессивный паралич мозга. Пока он один, без прислуги, живет в своей квартире, но ректор хлопочет о помещении его куда-нибудь в лечебницу. Лам<анский> собирается ходатайствовать перед факультетом и дальше о том, чтобы его возвели в экстраординарные и затем уволили в отставку на общем положении».¹²⁴

29 октября Сырку пишет приставу: «Господин судебный пристав, на каком основании Вы осмелились произвести разбойническое нападение на мою квартиру? Если Вас беспокоит мое пребывание в Петербурге, то я не понимаю, потому я не это никакого права (sic!). Я Вас совсем отдам под уголовный суд с общинниками за Ваше разбойничье ограбление моей квартиры; пока я хозяин, Вы должны ко мне обращаться. Наконец, если Вы не доставите сегодня моего имущества, то я вчиню иск уголовный против Вас»,¹²⁵ а уже 4 ноября, из психиатрической больницы — Соболевскому: «Многоуважаемый Алексей Иванович. Приходите завтра, пожалуйста, ко мне, если только можно; здесь я нахожусь уже целую неделю и то маюсь бездействием и остановкою моих дел. Мне с Вами нужно поговорить, что я был (sic!) бы свободен во время лекций и в других случаях. Преданный Вам сердечно П. Сырку».¹²⁶

26 ноября Сырку подает на имя ректора прошение об увольнении: «Будучи поражен тяжкою болезнью и не имея возможности исполнять преподавательские обязанности, покорнейше прошу Ваше превосходительство уволить меня из чис-

¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 273—273 об.

¹²⁰ Там же. Л. 298 об.

¹²¹ Там же. Л. 286.

¹²² Там же. Л. 263.

¹²³ Там же. Л. 277.

¹²⁴ РО РНБ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 302. Л. 54—54 об.

¹²⁵ ПФА РАН. Р. V. Оп. 1-С. Д. 47. Л. 5.

¹²⁶ Там же. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 43.

ла приват-доцентов С.-Петербургского университета и исходатайствовать мне установленным порядком пенсию». ¹²⁷ 27 ноября ректор обращается в столичную врачебную управу: «По отзыву доктора А. Э. Бари, болезнь развивается в последнее время очень быстро и, по-видимому, переходит в прогрессивный паралич», ¹²⁸ а 30 декабря попечитель Санкт-Петербургского учебного округа информирует ректора: «Я отчисляю приват-доцента по кафедре славянской филологии П. А. Сырку согласно прошению, по болезни, из состава приват-доцентов Университета». ¹²⁹

Воды сомкнулись. Дальше от Сырку не зависело ничего. События, вызванные им к жизни, затронуть его уже не могли.

11 сентября 1903 г. потомственный почетный гражданин Агапий Иванович Барбос (у которого в петербургский период жизни Сырку останавливался, наезжая в Страшны¹³⁰) оформил на него доверенность с широкими полномочиями: «Милостивый государь, Полихроний Агапиевич. Сим уполномочиваю Вас ходатайствовать по всем личным и имущественным делам моим, ныне производящимся и впредь возникнуть могущим во всех судебно-мировых учреждениях, общих судебных местах, административных, правительственных, общественных и сословных учреждениях, коммерческих судах, правительствующем Сенате, всех его департаментах у должностных и начальствующих лиц сих установлений, в учреждениях, образованных по закону 12 июня 1889 г., в управлении именными заграничных монастырей в Бессарабии, в духовных консисториях, в Министерстве государственных имуществ и земледелия и всюду, где потребность и обстоятельство укажут, для чего предоставляю Вам право... пользуясь всеми правами кредитора, получать присужденные и взысканные деньги для передачи мне и доверенность эту передоверять другим, по Вашему выбору лицам. Всему, что Вы по сей доверенности законно сделаете, я верю, спорить и прекословить не буду». ¹³¹

13 декабря 1903 г. Комиссия по присуждению премий присудила ему золотую медаль графа Д. А. Толстого в 300 р. за представленную им в 1901 г. на конкурс работу «Очерки из истории сношений болгар и сербов в XIV—XVII веках. Житие Св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. (СПб., 1901)», ¹³² а 22 декабря консул в Яссах П. Сипягин предъявил в канцелярию университета долговую расписку Сырку на получение 31 августа у консула 40 французских франков, которые он обязывался вернуть через месяц в Петербурге. ¹³³

4 апреля 1904 г. Министерство народного просвещения обратилось к ректору Петербургского университета с просьбой «не отказать в зависящем распоряжении о безотлагательном возвращении г-ном Сырку взятого им Евангелия». ¹³⁴

Сразу после госпитализации университет начинает хлопотать о назначении Сырку пенсии, и тут выясняется, что приват-доцент по новому уставу права на нее не имеет. В сохранившемся отпуске письма ректора университета к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа от 2 января 1904 г. после вводных слов

¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 291.

¹²⁸ Там же. Л. 291 об.

¹²⁹ Там же. Л. 293.

¹³⁰ Друг. 1905. 6/19 июля. № 71. С. 3.

¹³¹ ПФА РАН. Р. V. Оп. 1-С. Д. 47. Л. 1—1 об.

¹³² Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 150. Л. 81—81 об.; Протокол ОС IX § 226 от 13 декабря 1903 г.

¹³³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 304.

¹³⁴ Там же. Л. 315 об. Рукопись Горско-Сливовского Евангелия, взятую Сырку в Болгарии для научных целей, Болгарское дипломатическое агентство в Санкт-Петербурге пыталось получить еще в ноябре 1899 г. В объяснительной записке от 27 ноября 1899 г. Сырку писал: «Оно было взято мною для моих научных занятий на неопределенное время и будет мною возвращено через год, когда будут окончены мои работы над его текстом» (Там же. Л. 212, 215 об.). По запросу 1904 г. жена Сырку при содействии акад. Шахматова отыскала среди бумаг мужа «болгарскую рукопись четвероевангелия» (Там же. Л. 328), но была ли она именно той, которую требовало вернуть Болгарское правительство, неизвестно.

о душевной болезни Сырку читаем: «Устав российских университетов 1884 г., упраздняя штатных доцентов, состоявших по университетскому уставу 1863 г. на действительной учебной службе и сохранив только институт приват-доцентов, которым не предоставил прав действительной службы, не предвидел случаев, подобных случаю приват-доцента П. А. Сырку, который, имея все формальные права на кафедру, тем не менее в течение более чем 25-летнего ученого поприща своего кафедры не занял и должность профессора не получил. Между тем подобные случаи бывали и бывают, и положение ученого, посвятившего себя всецело ученой деятельности (и, может быть, потому именно не поступившего на государственную службу) и подвергшегося после 15—25-летней деятельности в звании приват-доцента какой-либо тяжкой болезни, сделавшей его вообще неспособным к труду инвалидом, самое тяжелое и самое печальное. Оно много печальнее положения всякого маленького чиновника, которого постигло подобное же несчастье после 15—25 лет действительной службы, ибо такой чиновник по закону имеет право на пенсию, а приват-доцент его не имеет, хотя бы он все время состояния в сем звании нес с успехом те же обязанности, какие университетский устав 1863 г. возлагал на штатных доцентов (читал обязательные для студентов курсы по своей кафедре, по поручению факультета или по распоряжению Министерства народного просвещения и принимал участие во всякого рода экзаменах на факультете и исполнял научные поручения факультета и т. п.). Случай, подобный случаю П. А. Сырку, имел место в Санкт-Петербургском университете в 1900 г.: октября 11 дня 1900 г. скончался приват-доцент по кафедре истории и теории искусств А. Н. Щукарев, пробыв в звании приват-доцента и оставленным при университете около 12 лет (скончался за несколько дней до опубликования высочайшего указа о назначении его экстраординарным профессором). Осиротевшей семье его государь император высочайше повелел назначить пенсию вне правил: вдове 1000 р., а малолетним детям 500 р. в год в виде ежегодного пособия на воспитание. Этот случай дает мне смелость питать надежду, что ходатайство о назначении пенсии П. А. Сырку вне правил, в путях монаршего милосердия может иметь успех».¹³⁵ На письме имеется приписка о том, что размер просимой пенсии в 1200 р. выводится из платы за лечебницу по 100 р. в месяц и что с 1888 по 1899 г. за лекции он получал 1200, а позднее 2000 р.

18 февраля 1904 г. жена Сырку, Агния Ивановна, обращается к президенту Академии наук, великому князю К. К. Романову с просьбой поддержать ходатайство университета о назначении мужу пенсии в 1200 р. Резолюция была: «Если есть основание у Академии поддержать ходатайство университета, рад сделать, что могу. КР».¹³⁶ Получив формальное одобрение, вице-президент Академии и бывший коллега Сырку по университету П. В. Никитин составляет макет письма от имени президента к министру финансов В. Н. Коковцову: «Принимая во внимание, что г-н Сырку был в продолжение многих лет весьма деятельным и полезным сотрудником изданий Императорской Академии наук, я долгом считаю просить Ваше превосходительство не отказать в Вашей сочувственной поддержке этому ходатайству Университета».¹³⁷ На письме помета Никитина: «Переписать в форме рескрипта и после подписания Его императорским высочеством послать г-ну управляющему Министерством финансов».

Сложилась ли так материальные обстоятельства или сыграла роль «подсказка» опыта определения пенсии А. Н. Щукареву, но ответ Коковцова президенту Академии К. К. Романову от 4 марта 1904 г. гласил: «Мною изъявлено согласие на

¹³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 294 об.—295 об.

¹³⁶ ГФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 553. Л. 19.

¹³⁷ Там же. Л. 20—20 об.

испрошение бывшему приват-доценту Санкт-Петербургского университета, доктору славянской филологии, Сырку, пенсии из казны вне правил в наивысшем, оказавшемся в данном случае возможным размере, а именно по 1000 р. в год». ¹³⁸ Днем позднее это решение на бланке товарища министра финансов придет в университет. ¹³⁹

Сырку после этого прожил недолго, последняя запись в его формулярном списке подводит окончательный итог: «Умер, находясь в психиатрической лечебнице доктора Бари в Санкт-Петербурге, 23 июня 1905 г., о чем имеется удостоверение доктора ее от 25 августа 1905 г. за № 637, выданное вдове П. А. Сырку». ¹⁴⁰ Характерна бюрократическая описка за полгода до печального события: «Канцелярия Императорской Академии наук удостоверяет, что в кассе Правления хранится принадлежащая больному (зачеркнуто — «покойному». — *О. И.*) П. А. Сырку одна золотая Ломоносовская медаль. 30 октября 1904 г.». ¹⁴¹

Византиноведение не было ни специальностью, ни преобладающим интересом Сырку, но он мог с пользой применить знание языков, особенно греческого, а знание истории южных славян, тесно связанной с Византией, позволяло ему легко ориентироваться в документах и событиях. Поэтому не случайно при поисках сотрудника для описания архива епископа Порфирия выбор Академии наук пал на него. Кроме уже упоминавшегося «Описания бумаг епископа Порфирия Успенского...» Сырку за 1887—1902 г. подготовил к изданию в общей сложности 10 томов трудов Порфирия.

Следующей после «Описания бумаг...» стала «История Афона», составленная на основании рукописных и отчасти печатных материалов, «собранных еп. Порфирием на Афоне, главным образом, затем в фессалийских монастырях и, наконец, в разных местах Азии и Африки, и в особенности в последней: на Синае и в Каире». ¹⁴² Первые два тома этого труда и половина третьего были опубликованы еще при жизни Порфирия в Киеве: в 1871 г. — в «Трудах» Киевской Духовной академии и в 1877 г. — исправленное и дополненное «оправданиями» (приложениями). Завершающая часть оставалась в рукописи и в завещании Порфирия была определена первой для издания. Общее собрание Академии наук в заседании 9 декабря 1888 г. рассмотрело и одобрило представление акад. А. А. Куника по этому вопросу: «Вторая же половина третьего, и вместе с тем последнего тома, оставшаяся до сих пор в рукописи, обнимает историю Афона с XII века до настоящего времени. ¹⁴³ Вся неизданная рукопись, состоящая из 528 и 348 страниц, переписана начисто самим автором, и на первой странице первого листа им же отмечено: “Непечатано — Печатай”. В приложении, названном автором “Оправдания истории Афона”, приведено 102 номера большею частию афонских актов на греческом языке, на основании которых составлена книга. Ввиду того что означенная рукопись вполне подготовлена к печати, академик Куник предложил поручить ему совместно с академиком А. Ф. Бычковым приступить ныне же к печатанию II отделения III тома истории Афона с тем, чтобы чтение корректур приложенных к книге документов на греческом языке было поручено адъютанту П. В. Никитину». ¹⁴⁴ Как видно, пока об участии в этой работе Сырку речи не было, он в это время занимался изучением и описанием всего архива Порфирия, однако информация

¹³⁸ Там же. Л. 21.

¹³⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8355. Л. 313.

¹⁴⁰ Там же. Л. 373 об.

¹⁴¹ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 553. Л. 22.

¹⁴² Восток христианский. История Афона. Часть 3. Афон монашеский. 1. Судьба его с 911 по 1861 год. Отделение второе. Издание ИАН под ред. П. А. Сырку. СПб., 1892. Предисловие П. А. Сырку. С. XI.

¹⁴³ Хронология заключительной части конкретизируется названием вышедшей книги.

¹⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 136. Л. 58 об.; Протокол ОС XI, § 105 от 9 декабря 1888 г.

о том, что издатели получают вознаграждение за ту работу, которая для него вошла в гонорар за описание архива, сильно смутила Сырку. 27 мая 1890 г. он пишет Кунику: «Вчера я виделся с Василием Григорьевичем (Васильевским. — *О. И.*), который показал мне что-то вроде описания тех томов афонских актов, которые переданы мной около двух месяцев тому назад, и об этом описании уже составлена официальная бумага, подписанная, конечно, и Вами. Если при первых двух томах обошлись без меня и не потрудились даже меня спросить, что сделано мной по этим томам, то нет никакого основания пользоваться моим трудом теперь, когда официально заявлено, что я ничего не сделал по описанию этих томов. Если я для Академии работаю даром, то положительно нет у меня охоты работать и для частных лиц, которые могут сами сделать то, что им нужно, за что получают приличное вознаграждение от Академии и получают, надеюсь. Впрочем, я также не могу, да и не имею права жаловаться, ибо я получил по 2 р. с копейками за том Порфирьевского собрания. Правда, Академия не всем щедро платит, например, по Вашим словам, К. С. Веселовский платил Козловскому¹⁴⁵ по 5 р. за лист, и Вы находили, что это безжалостная эксплуатация чужого труда. Но я нахожу это вполне резонным: член Академии наук охраняет интерес Академии. Не менее понимаю и тех членов, которые являются еще более ревностными охранителями академических интересов, чем почтеннейший К. С. Наконец, мое описание того тома, который был у Лопарева, было уже набрано и представлено Вам два раза: в ноябре прошлого года и сравнительно недавно, хотя меня также не спросили, что сделано по описанию этого тома. Конечно, я был глуп, что я совался с своим описанием, на которое не было обращено никакого внимания; по крайней мере Лопарев им не воспользовался, а только видел его у меня, когда я ему показал его. Так или иначе, но все, что я сделал по описанию Порфирьевских бумаг, будет в моей книге, печатание которой будет окончено в это лето ввиду того, что дело примет для меня крайне позорный характер, и я, конечно, желаю избавиться от позора. Для того, конечно, я должен оставить все и приняться безостановочно за дело.

Я слишком благодушно относился к своему труду для других, и в результате выходило, что я попадаю в нищенское положение, заставлявшее меня иногда обращаться за рублем к другим, которым ввиду этого предоставлялась возможность говорить мне нередко в глаза черт знает что, не говоря уже о том, что говорилось на мой счет за глаза и кем. Конечно, весьма многое из этих разговоров я знаю. Ведь земля слухами полнится.

Чтобы Вы не сказали, что я Вас обманул относительно описания актов, я прилагаю здесь одну карту из описания хилиандарских (*sic!*) актов, кстати, Вы познакомитесь с характером его. Если окажется это слишком подробным, то академик-наблюдатель может сократить, как ему угодно.¹⁴⁶

Возможно, именно этот резон способствовал тому, что по завершении Сырку описания бумаг Порфирия ему кроме положенного гонорара заплатили еще 400 р.,¹⁴⁷ а постановлением Общего собрания от 5 апреля 1891 г. ему уже официально было поручено издание «Истории Афона».¹⁴⁸ В представлении Комиссии,

¹⁴⁵ Игнатий Игнатьевич Козловский (1866—1889) — филолог, ученик Ф. Ф. Фортунатова, автор исследований о «Слове о полку Игореве». Б. М. Ляпунов 7 декабря писал В. Н. Щепкину, узнав о смерти Козловского: «Глубоко жаль его не только как человека, всем нам близкого по занятиям и общим интересам, но и как рано погибшее молодое дарование; я не сомневался в его громадных способностях, в его живом, быстро работающем уме. Жаль, что никто из друзей не напечатал о нем хотя бы маленького некролога. Очень бы хотелось знать, как он жил последнее время, часто ли Вы видали его и в каком он был настроении» (ПФА РАН. Ф. 254. Оп. 1. Д. 43. Л. 5).

¹⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 832. Л. 56—57 об.

¹⁴⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 137. Л. 33; Протокол ОС XII, § 138 от 1 декабря 1890 г.

¹⁴⁸ Там же. Д. 138. Л. 12; Протокол ОС IV, § 45 от 5 апреля 1891 г.

подписанном академиками Бычковым, Васильевским и Куником, говорилось: «После успешного исполнения П. А. Сырку порученного ему описания бумаг преосвященного Порфирия, теперь оконченного печатанием, Комиссия считает полезным возложить на него же стоящее на ближайшей очереди издание последнего тома Истории Афона. Формат издания должен остаться тот же самый, как и в предыдущих томах, вышедших в свет при жизни автора; на этом же основании должно быть определено и количество печатаемых экземпляров. Что касается гонорара, то Комиссия предлагает назначить по 25 рублей за русский текст и по 35 за греческий, из которого преимущественно состоит приложение, заключающее оправдательные статьи, только отчасти переписанные набело, а в конце оставшиеся в довольно неразборчивых подлинниках. В пользу редактора-издателя может быть сверх того предоставлено 25 экземпляров отпечатанного тома. Гонорар будет выдаваем по частям за каждые 5 листов русского текста или за 3 листа греческого — с разрешения третьего Отделения, а в летнее время по записке одного из членов Комиссии, уполномоченного к тому Отделением.

Наблюдение за ходом издания предполагается поручить академику В. Г. Васильевскому при содействии для греческого текста адъюнкта П. В. Никитина. Срок для окончания тома печатанием предполагается назначить годичный.¹⁴⁹

Через месяц, 4 мая 1891 г., Общее собрание постановило принять к сведению разработанные академиками Бычковым, Васильевским и Куником «Правила, относящиеся до издания трудов преосвященного Порфирия».¹⁵⁰ Поскольку в дальнейшем у Сырку будут расхождения с членами Комиссии во взгляде на способ выполнения работы, думается, целесообразно привести полный текст этого нормативного документа: «1) Комиссия по изданию трудов преосвященного Порфирия составляется из двух членов от III-го Отделения Академии и одного от II-го Отделения. Примечание. Представителем II-го Отделения остается академик А. Ф. Бычков, а представителями III-го Отделения впредь будут академики А. А. Куник и В. Г. Васильевский.¹⁵¹

2) Для каждого подлежащего изданию тома или для нескольких однородных томов Комиссия избирает из посторонних лиц редактора, с которым входит в соглашение и которому дает инструкцию относительно способов, какие нужно будет принять для приготовления текста к печатанию, и относительно правил, какие нужно будет соблюдать при печатании.

3) Наблюдение за ходом каждого отдельного издания Комиссия поручает одному из своих членов, который и подписывает листы к печати. В случае потребности к нему присоединяется для наблюдения за исправностью греческого текста специалист по классической филологии из среды Академии или же из посторонних ученых.

4) Лицо, которому будет поручено приготовление к печати и издание отдельного тома, дает обязательство исполнить поручение Академии в назначенный Комиссией срок.

5) Если встретится надобность в отступлении от первоначального плана или предположений Комиссии в каких-либо частностях, то это может быть допущено не иначе, как с разрешения Комиссии в полном составе.

¹⁴⁹ Там же. Оп. 2 — 1891. Д. 4. Л. 10. Согласно справке, выданной Комитетом Правления Академии наук, Сырку было выплачено за 68 листов текста и 2 и 5/8 листа предисловия к «Истории Афона» 2074 р. 24 к., т. е. по 29 р. за лист (Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 553. Л. 16).

¹⁵⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 138. Л. 16 об.; Протокол ОС V, § 61 от 4 мая 1891 г.

¹⁵¹ После того как в 1899 г. ушли из жизни 18/30 января — Куник, 2/14 апреля — Бычков и 13/25 мая Васильевский, в состав Комиссии в том же году были избраны 6 марта П. В. Никитин, 6 ноября А. А. Шахматов и 4 декабря В. В. Латышев (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 146. Л. 24 об., 69 об., 87 об.; Протокол ОС III, § 47 от 6 марта; VIII, § 162 от 6 ноября; IX, § 184 от 4 декабря 1899 г.).

6) Гонорар редактору определяется Комиссиею для каждого отдельного тома в совокупности или же полностью и о размере его представляется Общему собранию Академии.

7) В случае полистного назначения платы выдача гонорара может быть произведена за то или другое количество отпечатанных листов на основании предварительного соглашения Комиссии с издателем и всякий раз по ее определению. Примечание. В летнее вакационное время гонорар может быть выдаваем по записке одного из членов Комиссии, ею уполномоченного.

8) Редактору каждого отдельного тома может быть сверх гонорара представлено известное количество даровых экземпляров, которое должно быть обозначено в представлении Комиссии Общему собранию относительно гонорара.

9) По одобрении Общим собранием решений Комиссии н<епременный> с<екретарь> делает зависящие от него распоряжения об отдаче рукописи в типографию и печатании тома с обозначением количества экземпляров.

10) Все расходы по печатанию материалов, оставленных преосвященным Порфирием, производятся на счет процентов с завещанного им капитала (24 000 руб.).

11) Бумага для печатания приобретается фактором академической типографии с согласия членов Комиссии, от которых зависит и выбор формата для издания.

12) По окончании печатания отдельного тома завод поступает в книжную кладовую Академии и рассылается комиссионерам для продажи.

13) Комиссия ежегодно сообщает Общему собранию в майском заседании о количестве проданных и остающихся в наличии экземпляров изданных трудов преосвященного Порфирия на основании сведений, получаемых от хранителя книжного магазина, а также выписку бухгалтера о состоянии капиталов преосвященного Порфирия.

14) Выручаемые от продажи изданных Академиею трудов преосвященного Порфирия деньги поступают в кассу Академии и причисляются к основному капиталу Порфирия.

15) Все бумаги по делопроизводству относительно издания Академиею сочинений Порфирия, а также относительно сумм, вырученных от продажи оных, хранятся в подлиннике или в копиях при коллекции бумаг Порфирия в первом Отделении библиотеки». ¹⁵²

Книга вышла в установленный срок, двумя отдельными выпусками (основной текст и оправдания-приложения) с общей пагинацией. В донесении Комиссии Общему собранию значилось: «1) последний том “Истории Афона” преосвященного Порфирия, напечатанный под наблюдением г-на Сырку и при содействии П. В. Никитина, в ноябре 1892 г. поступил в продажу». ¹⁵³ В предисловии Сырку указывал, что в процессе работы следовало по мере возможности сверить тексты приложений с оригиналами, а также дать краткие примечания исторического и историко-литературного содержания. Таких примечаний (очень кратких) было сделано 89. ¹⁵⁴

Донесение Комиссии Общему собранию в заседании 1 мая 1893 г. информировало также о том, что «приступлено к печатанию Дневников преосвященного Порфирия, издаваемых под наблюдением г-на Сырку и под ответственною редакцию В. Г. Васильевского на иждивении Палестинского общества, и в настоящее время их всего отпечатано 16 листов». ¹⁵⁵ Это было началом 10-летней работы, в процес-

¹⁵² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2—1891. Д. 5. Л. 8—9.

¹⁵³ Там же. Оп. 1 а. Д. 140. Л. 15; Протокол ОС V, § 69 от 1 мая 1893 г.

¹⁵⁴ Я. И. Смирнов 25 ноября 1893 г. писал болгарскому историку В. Н. Златарскому: «А что Вы в Сырку сомневаетесь, то роль Сырку в книге этой лишь как издателя. Я ее мельком у Васильева видел: том увесистый, огромный, но II-й, а первый был издан давным-давно еще самим Успенским, его, вероятно, теперь найти-то нелегко» (*Въжарова Живка Н.* Руските учени и българските старини. София, 1960. С. 168).

¹⁵⁵ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 140. Л. 15 об.; Протокол ОС V, § 69 от 1 мая 1893 г.

се которой под редакцией Сырку увидели свет 8 томов «Книги бытия моего». На два года в этот длительный процесс вклинилась работа по подготовке к изданию другого труда Порфирия — «Путешествие в Метеорские и Оссоолимпийские монастыри». Старт ей был дан постановлением Общего собрания от 5 марта 1894 г., а редакторство Сырку определено постановлением от 7 мая 1894 г.¹⁵⁶ Книга вышла в 1896 г. По справке Канцелярии Правления Академии, работа оплачивалась по тому же тарифу, что «История Афона», и с 13 мая 1894 г. по сентябрь 1896 г. Сырку получил за подготовку 35 листов текста Порфирия, оглавление, предисловие и 3 и 5/8 листа именного указателя 1186 р. 25 к.¹⁵⁷ Как пишет Сырку в предисловии, текст описания был воспроизведен в том виде, в каком его подготовил для печати автор; исправления касались исключительно описок. Несколько названий, как «Анатопити» и «Апотопити», при невозможности установить их «действительные формы», приведены в двух написаниях; сокращались повторения основного текста в Приложениях. Кроме того, к Приложениям Сырку сделал так называемые Добавления — «Каталог замечательных рукописей, хранящихся в монастырях Метеорских и Киссаво-Олимпийских» и «Живописцы в Фессалии». «Обе эти статьи, — пишет он, — будучи помещены в книге приложений, не были отмечены особыми номерами, которые указывали бы, к какому месту книги оне относятся, но ввиду новизны их содержания, представляющего большой интерес, а также ввиду того, что оне могут служить объяснениями к многим разным местам книги, я счел необходимым добавить их к Приложениям».¹⁵⁸

В 1894 г. Сырку приступил еще к одной работе. Порфирьевская комиссия 5 марта 1894 г. доложила Общему собранию, что «вместе с бумагами еп<ископа> Порфирия, поступившими в Академию по завещанию, предоставлены были в распоряжение Академии 23 фотогравированных снимка с древних икон, из которых одни в большем количестве — до 304, а другие в меньшем — до 276. В завещании преосв<ященного> Порфирия относительно этих снимков выражена просьба, чтоб они были пущены Академиею в продажу и вырученные таким путем деньги присоединены были к пожертвованному завещателем капиталу на издание его сочинений. Комиссия, желая исполнить волю преосв<ященного> Порфирия, нашла более приличным пустить в продажу снимки в виде альбомов, распределив листы изображений в них по группам, сообразно с теми местами, откуда вывезены были покойным самые подлинники, т. е. иконы, с которых сделаны снимки, и поставив каждую группу под особую рубрику вроде следующей: снимки с Синайских икон и т. п. Вместе с тем Комиссия сочла необходимым сопровождать каждый снимок обстоятельным, но более или менее кратким объяснительным описанием, а в начале альбомов поместить краткое введение, в котором должна была быть изложена вкратце история образования иконной коллекции еп<ископа> Порфирия. Эта работа была возложена Комиссиею на приват-доцента Санкт-Петербургского университета П. А. Сырку, который и исполнил ее и заодно привел в известность число снимков, распределил их по группам и по отдельным альбомам. Комиссия в настоящее время находит возможным приступить к печатанию текста описаний и затем выпустить, по окончании печатания, альбомы в свет под заглавием: “Снимки с древних икон, собранных епископом Порфирием Успенским во время его путешествия по Христианскому Востоку”; корректирование же текста при печатании, а также и предварительное исправление отмеченных Комиссиею мест

¹⁵⁶ Там же. Д. 141. Л. 13; Протокол ОС III, § 40 от 5 марта 1894 г.; Л. 26 об.; Протокол ОС V, § 76 от 7 мая 1894 г.

¹⁵⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 553. Л. 16.

¹⁵⁸ Путешествие в Метеорские и Оссоолимпийские монастыри в Фессалии архимандрита Порфирия Успенского в 1859 году. СПб., 1896. С. XXVIII.

последняя поручила г-ну Сырку». ¹⁵⁹ Донесение было одобрено. Постановили приступить к печатанию издания под наблюдением академиков Бычкова, Васильевского и Никитина. Однако в ходе работы, видимо, возникли какие-то сложности, потому что через шесть лет, 4 апреля 1900 г., когда уже сменился состав Комиссии, Никитин писал Н. П. Кондакову: «Заручившись Вашим любезным согласием помочь Порфирьевской комиссии в редактировании издания икон, посылаю Вам один пакет корректуры и 23 снимка икон. Если в содержании текста не найдете чего-либо такого, из-за чего он должен был бы подвергнуться коренной переработке, будьте добры, пришлите мне корректуру обратно по возможности до святой: мне придется еще повыгладить стиль г-на Сырку». ¹⁶⁰ 13 февраля 1901 г. Никитин продолжает: «Полагаясь на любезно выраженную Вами готовность составить краткое описательное предисловие к Порфирьевскому изданию снимков с древних икон, посылаю в Ваше распоряжение снимки и набранную часть описания, сочиненного господином Сырку. В бумагах Порфирия, по-видимому, нет соответствующих материалов, по крайней мере ничего подходящего не нашел я в томе (144-м) Порфирьевских рукописей, которому дано заглавие “Живопись и хронология”». ¹⁶¹

6 октября 1901 г. Общее собрание утвердило ходатайство Порфирьевской комиссии «о разрешении уплатить приват-доценту П. А. Сырку 60 р. за доставленные им материалы для введения, которое согласно предположению Комиссии, одобренному Общим собранием в заседании 5 марта 1894 г. (§ 40), должно быть предпослано изданию снимков с древних икон, собранных епископом Порфирием». ¹⁶² Таким образом работа, которая в 1894 г. считалась «исполненной», в октябре 1901 г. была оплачена как «доставленные материалы», а 1 декабря 1901 г. Комиссия выражала благодарность академику Кондакову, который «оказал ей весьма важную услугу, любезно приняв на себя, по просьбе Комиссии, составление объяснительного текста к изданию “Снимки с древних икон, собранных епископом Порфирием Успенским”», ¹⁶³ а еще через год, 5 октября 1902 г., Общее собрание постановило предоставить Кондакову, «составившему объяснительный текст», 50 экземпляров издания (норма для ведущего исполнителя работы). ¹⁶⁴

Скорее всего, поручая работу Сырку, Комиссия упустила тот факт, что для ее выполнения требовалась квалификация искусствоведа. Альбом был напечатан в мае 1902 г. под названием: «Иконы Синайской и Афонской коллекций преосв. Порфирия, издаваемые в лично им изготовленных 23 таблицах. Объяснительный текст Н. П. Кондакова. СПб., 1902». В предисловии Кондаков объясняет, что коллекция икон Порфирия, снимки с которых составили альбом, поступила в Церковно-археологический музей при Киевской Духовной академии; что Порфирий не был ни археологом, ни искусствоведом и не мог предпринять научного описания своих коллекций. Более того, «эти снимки, — продолжает Кондаков, — исполнены фотолитографией (получившею не вполне правильно на листах название фототравюры) московским фотографом Т. С. Левитским, к сожалению, не с самих оригиналов, но с рисунков, сделанных по поручению преосв. Порфирия художником Африкановым. Иконные оригиналы, очевидно, казались преосв. Порфирию слишком темными для того, чтобы пытаться исполнить с них непосредственно световые снимки. ...Таким образом, и в данном случае большинство снимков, пройдя через руки рисовальщика и литографа, настолько изменили свой характер и утра-

¹⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 141. Л. 13; Протокол ОС III, § 40 от 5 марта 1894 г.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 115. Оп. 4. Д. 295. Л. 1.

¹⁶¹ Там же. Л. 2—2 об. Трудно сказать, что имел в виду П. В. Никитин, но синайские иконы в «Описании бумаг...» Сырку значатся под № 146 и 150 (XIII).

¹⁶² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 148. Л. 56; Протокол ОС VII, § 141 от 6 октября 1901 г.

¹⁶³ Там же. Л. 83; Протокол ОС IX, § 189 от 1 декабря 1901 г.

¹⁶⁴ Там же. Д. 149. Л. 71 об.; Протокол ОС VII, § 174 от 5 октября 1902 г.

тили стильный тип, что при всей внимательности исполнения в результате никакому снимку, ныне издаваемому, доверять вполне нельзя».¹⁶⁵ При сверке таблиц с оригиналами в Церковно-археологическом музее Кондаков убедился в целом ряде погрешностей перерисовки и обнаружил несколько икон, которые имели больше оснований быть воспроизведенными. Предисловие он завершает приговором изданию: «С точки зрения строго научной, но неуместной и слишком притязательной, альбом не заслуживал бы опубликования, если бы оно не вызывалось естественным желанием учреждения исполнить волю завещателя».¹⁶⁶

Передача работы в другие руки, похоже, не задела самолюбия Сырку: записи в дневнике Кондакова свидетельствуют о том, что в феврале, апреле и мае Сырку был субботним и воскресным гостем его дома,¹⁶⁷ а 13 января 1903 г. Кондаков записал: «Снова к Лихачеву, с Кобеко, Лавров<ым>, Сырку, Хрушов<ым>. Еще 5 бут<ылок> шампан<ского>».¹⁶⁸

Девять лет, с 1893 по 1902 г., занимался Сырку подготовкой издания дневников епископа Порфирия за 1841—1885 гг., названных автором «Книгой бытия моего». «Издательского варианта» рукописи этого источника не существовало, а приняв во внимание то, что при описании бумаг Порфирия Сырку считался с авторской систематизацией материала, можно себе представить, с какой кропотливостью он выбирал для издания дневниковые записи, разбросанные по многочисленным записным книжкам и конволютам. Материал 1-го тома, например, был выбран из 12 книжек.

При строгом следовании завещанию Порфирия об очередности издания его трудов дневники увидели бы свет очень нескоро. Поэтому Императорское Православное Палестинское общество из уважения к тому, что Порфирий был первым начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме и подробно описал святые места, которые он посетил, предложило Порфирьевской комиссии принять на себя часть расходов по изданию дневников.

1 мая Комиссия доложила Общему собранию Академии, что «приступлено к печатанию Дневников преосвященного Порфирия, издаваемых под наблюдением г-на Сырку и под ответственной редакцией В. Г. Васильевского на иждивении Палестинского общества, и в настоящее время их всего отпечатано 16 листов».¹⁶⁹

В 1901 г. вышел 7-й том «Книги бытия моего», хронологически закончившийся 26 сентября 1861 г. — последним днем пребывания Порфирия на Востоке. На этом прекратились материальные обязательства Палестинского общества в связи с тем, что позднейшее время не входило «в круг предначертанной Обществу деятельности».

Продолжение работы финансировалось из средств порфирьевского капитала, и 3 ноября 1901 г. Общее собрание Академии одобрило предложение Порфирьевской комиссии «поручить приват-доценту П. А. Сырку, редактировавшему первые 7 томов этого издания, редакцию стоящего на очереди 8-го тома и назначить ему гонорар в размере 25 руб. за печатный лист Порфирьевского текста с тем, чтобы гонорар выдавался по частям за каждые начисто отпечатанные 4 листа».¹⁷⁰

К сожалению, все этапы работы над изданием проследить по документам не удалось. В письмах Сырку содержатся упоминания о подготовке то одного, то другого тома, «специальная переписка» возникает только с января по ноябрь 1902 г.,

¹⁶⁵ Иконы Синайской и Афонской коллекций преосв. Порфирия... СПб., 1902. Л. 2.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 16 — 1902 г. Л. 52 об., 64, 70.

¹⁶⁸ Там же. Д. 16 — 1903 г. Л. 53.

¹⁶⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 140. Л. 15 об.; Протокол ОС V, § 69 от 1 мая 1893 г.

¹⁷⁰ Там же. Д. 148. Л. 70 об.; Протокол ОС VIII, § 166 от 3-ноября 1901 г.

когда создается конфликтная ситуация вокруг 8-го, последнего, тома «Книги бытия моего»¹⁷¹ между редактором, Сырку, и наблюдающими за изданием членами Порфирьевской комиссии, академиками Латышевым и Никитиным. 16 января Латышев пишет Никитину: «Возвращая П. А. Сырку 11-й лист дневника Порфирия, я вычеркнул в нем сомнительные в цензурном отношении места (на стр. 171, 172, 174), заменив каждое из них тремя точками, и наверху листа написал, что комиссия постановила эти места исключить. Получив вчера новую корректуру этого листа, я вижу, что Сырку самовольно распорядился заменить точками все пространство, занимавшееся каждым из исключенных мест, и прибавил от себя примечания, тон которых мне не совсем нравится. Поэтому позволю себе препроводить к Вам этот лист с просьбою о совете, следует ли печатать лист в таком виде, какой ему придал Сырку, или так, как предполагал я, т. е. с заменою исключенных мест простым многоточием и без упоминания об исключении в особых примечаниях. Во всяком случае, если оставить лист в нынешнем виде, то следует прописать название Комиссии, так как теперь совершенно неясно, о какой комиссии идет речь в редакционных примечаниях.

Позволю себе препроводить к Вам и следующий (12-й) лист, в котором на стр. 177, 190, 191 и 192 встречаются выражения и целые тирады, очень меня шокирующие (оные помечены на полях синим карандашом; красным я *casite* обращаю внимание почтенного редактора на очевидные опечатки, не исправленные им в предыдущих корректурах, хотя должен сознаться, что эти скромные намеки на необходимость более внимательного чтения корректуры очень мало на него действуют). Как быть с этими выражениями и тирадами?»¹⁷² В тот же день Никитину пишет Сырку: «Быть может, г-ну академику Латышеву доставляет удовольствие упражнение в выискивании криминальных мест в печатающемся тексте т. VIII «Книги бытия моего» еп. Порфирия с целью спасти общество от какой-то опасности, но, к сожалению, это для меня совершенно невыгодно». Благодаря таким его упражнениям один лист — 11-й задерживается уже около трех недель и, несмотря на то что этот лист был уже один раз кастрирован, г-н Латышев нашел в нем еще и другие места, подлежащие, по его понятию, также кастрированию. Чем я гарантирован, что на четвертой неделе он не найдет в этом листе еще подобных же мест. Затем придет очередь 12-му листу и т. д. Между тем я хлопотал об этой работе не для того, чтобы восторгаться ею, а потому что я нуждаюсь в тех средствах, которые я получаю за работу, и должен Вам сказать, теперь эти средства у меня единственные. ...Во избежание такого рода прелести я обращаюсь к Вам с просьбою, не найдет ли Комиссия возможным изменить установленный порядок выдачи мне гонорара, приняв за норму сверстанный лист, готовый к подписи. Господина Латышева оставим в покое — пусть он предается приятным упражнениям; авось ему это в будущем сочтется и за такие великие заслуги, может быть, и будет министром».¹⁷³ 17 апреля Латышев пишет Никитину: «Я получил от Сырку последние 1 1/2 листа дневников Порфирия. Не говоря о нескольких мелочах, которые пришлось выбросить, я сильно затрудняюсь вопросом, можно ли оставить целиком начинающиеся со стр. 446 рассказы о встречах разных высочайших особ, в числе которых упоминаются поныне здравствующие, как, например, великий князь Николай Константинович, вдовствующая императрица Мария Феодоровна и другие, а также можно ли сохранить на стр. 451 выражение “Этот Сережа был убит” и прочее о Сергее Максимиллиановиче Лейхтенбергском. Рассказы о здравствующих высочайших особах чуть ли не подлежат специальной цензуре...

¹⁷¹ Частично об этом см.: РНВ. С. 149—150.

¹⁷² ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 37—37 об.

¹⁷³ Там же. Л. 38—39 об.

Р. С. Анекдот о швейцаре на стр. 449, думаю, также подлежит исключению».¹⁷⁴

Лаборатория редакторской работы, к сожалению, предствлена только четвертой, сентябрьской, корректурой предисловия к 8-му тому.

Текст Сырку в завершающей части: «Имея сношения, знакомства и даже связи со многими высокопоставленными лицами и до некоторой степени с Царским двором, он (Порфирий. — О. И.) обыкновенно говорит и рассуждает с ними попросту, как с обыкновенными смертными, и таким же образом говорит о них. Вот почему академическая комиссия решила исключить из текста настоящего тома некоторые выражения такого рода».¹⁷⁵

Текст с правкой Латышева: «Имея знакомства со многими высокопоставленными лицами и с некоторыми особами Императорской фамилии, он обыкновенно говорит и о них в своих дневниках совершенно запросто. Академическая комиссия решила исключить из текста настоящего тома некоторые выражения такого рода, особенно относящиеся к лицам, еще поныне здравствующим. Исключены также в последних страницах дневников и некоторые подробности, относящиеся к замечавшимся преосвященным симптомам его предсмертной болезни. Все такие пропуски отмечены многоточиями».¹⁷⁶

14 октября Сырку пишет Никитину: «Прежде чем я взялся писать предуведомление к т. VIII-му “Книги бытия моего”, я всесторонне обсудил, о чем я должен говорить в нем и о чем должен умолчать, и решил быть чрезвычайно осторожным и избегать касаться деликатных обстоятельств и мест в тексте еп. Порфирия. После этого я имел объяснение с акад. В. В. Латышевым относительно содержания предисловия в том виде, в каком оно теперь. Не могу не прибавить здесь, что мне весьма прискорбно, что я не представил своего предисловия и Вашему превосходительству в корректуре.

Что же касается указываемых Вашим превосходительством двух мест в конце предисловия, позволю себе высказать следующее. По-моему, если академическая Комиссия решила раз, что нужно делать некоторые исключения из текста еп. Порфирия, то она имела для этого и основательные, и уважительные причины, созданные политическими, культурными и нравственными взглядами высших кругов нашего времени у нас. С этой точки зрения она имеет полное право во избежание недоразумений со стороны читающей толпы не разглашать своих действий по отношению к тому или другому месту в тексте “Книги бытия моего”».¹⁷⁷

В сентябре Сырку выплатили гонорар за составление указателя к тому из расчета 40 р. за печатный лист,¹⁷⁸ в октябре — за предисловие, оглавление и список сокращений — 28 р. 50 к.,¹⁷⁹ а в ноябре предоставили 50 «редакторских» экземпляров вышедшего тома.¹⁸⁰

При подготовке издания была выполнена гигантская работа по приведению в систему дневниковых записей, перемежавшихся копиями официальных документов и писем и разбросанных по многочисленным конволютам Порфирия. Наверняка Сырку пришлось изобрести технологию поиска. Попытка сверить печатный текст 1-го тома с источником обнаружила следующую последовательность расположения материала (приводятся современные архивные шифры фонда Порфирия Успенского (№ 118) в ПФА РАН): Ф. 118. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—32 об.; Д. 79. Л. 1—47; Д. 2. Л. 72—72 об., 74 об., 73, 53 об.—65 об., 81 об.—82, 69—71 об., 14—15 об.,

¹⁷⁴ Там же. Л. 48.

¹⁷⁵ Там же. Л. 57.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же. Л. 53—53 об.

¹⁷⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 149. Л. 57 об.; Протокол ОС VI, § 155 от 7 сентября 1902 г.

¹⁷⁹ Там же. Л. 73 об.; Протокол ОС VII, § 185 от 5 октября 1902 г.

¹⁸⁰ Там же. Л. 80; Протокол ОС VIII, § 202 от 2 ноября 1902 г.

79 об. — 81, 82; Д. 32. Л. 19 об. — 44; Д. 8. Л. 2 — 2 об., 120 об. — 121; Д. 3. Л. 6 об. — 43 об.; Д. 4. Л. 2 — 57 об., 59; Д. 5. Л. 1 — 66 об.; Д. 6. Л. 7 — 69; Д. 7. Л. 3 — 57 об.; Д. 8. Л. 16 об. — 116; Д. 1. Л. 34 — 67 об., 71. Кроме того, Сырку ссылаются на конволюты, которые вошли в его «Описание бумаг епископа Порфирия», но которые в 1931 г. не поступили в Архив из Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, где до того времени хранился фонд Порфирия.

Каждый том был снабжен алфавитным (персонально-предметно-географическим) указателем, перечнями приведенных планов и рисунков. 1-й том содержал указатель переводов 116 встречавшихся в книге «иностранных речений». Кроме того, Сырку принадлежит 1337 примечаний: в т. 1 — 182, т. 2 — 203, т. 3 — 285, т. 4 — 134, т. 5 — 151, т. 6 — 153, т. 7 — 92, т. 8 — 137. Сегодня можно спорить об их полноте и целесообразности приложения, но, очевидно, Комиссию они устроили в таком виде.

Еще в 1901 г. на уровне завершения печатания 7-го тома «Книги бытия моего» Палестинское общество просило разрешения Академии наук на издание приложений к «Книге бытия моего», которые бы составили «переписку преосвященного Порфирия за этот же период времени, а равно и те его записки, которые, не нося специально ученого характера, касаются современных ему на Востоке дел».¹⁸¹ По предположению Палестинского общества, объем приложений должен был составить 2—3 тома. Сырку надеялся на продолжение работы. В очередной раз одалживаясь, он писал 22 февраля 1903 г. А. И. Соболевскому: «Эти деньги Вы получите назад в марте месяце текущего года, так как в начале этого месяца Палестинское общество начнет печатание приложений к “Книге бытия моего”, которой я буду редактором, о чем я уже извещен».¹⁸² Приложения были изданы уже после смерти Сырку, в 2 томах, под редакцией П. В. Безобразова, без предисловия и послесловия, под названием: «Материалы для биографии еп. Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910. Т. 2. Переписка. СПб., 1910».

В 1909 г. Порфирьевская комиссия докладывала Общему собранию Академии о готовности «приступить к изданию переписки преосвященного, которая представляет исторический интерес и может служить полезным прибавлением к изданному уже автобиографическому труду покойного епископа — к его “Книге бытия моего”... Так как подлинники письма и документы, составляющие переписку, не могут быть даны в типографию, то значительного расхода должно бы потребовать снятие с них копий. Большая часть этого материала была в прежние годы переписана на счет Императорского Палестинского общества, и изготовленные тогда копии хранятся в его канцелярии. Председатель Комиссии обратился к г-ну секретарю Общества с ходатайством о предоставлении этих копий Комиссии для предполагаемого издания. Господин секретарь, сообщая, что на изготовление копий Обществом было затрачено до 800 р., заявил, что Общество могло бы уступить их, но признает справедливым, чтобы ему возмещена была хотя часть расходов по переписке документов... По доставленным Комиссии сведениям письма преосвященного Порфирия и письма к нему составляют в копиях Палестинского общества 2243 листа».¹⁸³ Можно предположить, что хотя бы часть этой работы выполнил в 1903 г. Сырку.

Как филолог-славист и специалист по истории и языку Румынии Сырку опубликовал, по свидетельству молдавской исследовательницы А. Матковски, 48 авторских статей и 97 рецензий.¹⁸⁴ По подсчетам автора настоящей публикации, чис-

¹⁸¹ Там же. Д. 148. Л. 52 об.; Протокол ОС VII, § 129 от 6 октября 1901 г.

¹⁸² Там же. Ф. 176. Оп. 2. Д. 442. Л. 40 об.

¹⁸³ Там же. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 156. Л. 67, 68; Протокол ОС IX, § 205 от 7 ноября 1909 г.

¹⁸⁴ Матковски А. Полихроние Сырку (1855—1905): Библиографический очерк.

ло его собственных трудов восходит к 61, 8 из которых были изданы посмертно под редакцией А. И. Яцимирского. Труды Сырку, кроме лекций и двух из посмертно изданных исследований, публиковались в ряде периодических изданий: «Кишиневские епархиальные ведомости», «Христианское чтение», «Славянский сборник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Филологические записки», «Известия славянского благотворительного общества», «Русский филологический вестник», «Записки Императорского Русского археологического общества», «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», «Известия Отделения русского языка и словесности», «Сборник Отделения русского языка и словесности», «Летопис Матице Српске», «Archiv für slavische Philologie», «Revista pentru istorie, archeologie și filologie», «Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini». В «Византийском временнике» кроме рецензий, некролога памяти Димитрия Матова и статьи «Старинная Чепинская крепость у с. Доркова и два византийские рельефа из Чепина» Сырку с 1894 до 1899 г. монополично вел библиографический раздел «Славянские земли и Румыния».

После смерти Сырку часть его книжной и рукописной коллекции была приобретена Академией наук. В смете Отделения русского языка и словесности на 1906 г. было выделено «на покупку рукописей Сырку 700 р.».¹⁸⁵ Из документов Отделения явствует, что в 1906 г. вдове выплатили 200 р. за «18 пергаменных отрывков рукописных книг», в 1907 г. — 240 р. за «450 книг и брошюр на славянских языках»,¹⁸⁶ в 1910 г. — 100 р. за труд Сырку «Заметки о славянских рукописях некоторых фрушкогорских монастырей», печатающийся в Известиях Отделения (русского языка и словесности. — *О. И.*)».¹⁸⁷

Научная квалификация Сырку (по записи в *curriculum vitae*) была отмечена избранием его в члены ряда отечественных и зарубежных научных обществ: Императорских — Русского географического (1882), Русского археологического (1883), Любителей древней письменности (1893), Неофилологического, Лингвистического и Исторического обществ при Санкт-Петербургском университете, а также The Anglo-Russian literary Society и Nederlandsche Gesellschaft für Anthropologie und Altertumskunde (1897), Oberlansitzer Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte, Лужицкой Матицы сербской, Матицы Моравской, Vacs Bodrogtöténeluni és foldraini lörszob, Delmagyar ország történelmi és régészeti Múzeum társulst. В 1895 г. он был избран в члены Русского археологического института в Константинополе.¹⁸⁸

Память Сырку не почтили вставанием ни в университете, ни в Академии. Возможно, из-за летних каникул. Разной степени подробности некрологи поместили «Правительственный вестник», «Слово», кишиневская газета «Друг». «Исторический вестник» отметил, что покойный «принадлежал к числу тех трудолюбивых ученых, которые считают своею обязанностью постоянно делиться своими работами со специалистами в той же области. Поэтому ежегодно появлялось в различных ученых изданиях несколько его работ, изданий памятников, отчетов».¹⁸⁹ Обстоятельную и доброжелательную оценку научной деятельности Сырку дал П. А. Лавров, заключивший публикацию словами: «Во время своих путешествий по славянским землям покойному удалось приобрести немало цельных рукописей и отдельных листов

¹⁸⁵ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 а. Д. 152 а. Л. 54; Протокол ОРЯС XVI, прил. II к ст. II от 10 декабря 1905 г.

¹⁸⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 885. Л. 1—2.

¹⁸⁷ Там же. Д. 940. Л. 111.

¹⁸⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 74. Л. 12 об.—13. В архивном фонде РАИК имеются черновики записей о намерении избрать Сырку в члены института уже в 1895 г., однако в книге исследовательницы Е. Ю. Басаргиной годом избрания назван 1896-й (*Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. СПб., 1999. С. 210).

¹⁸⁹ Исторический вестник. 1905. № 8. С. 619.

большую часть югославянского, болгарского или сербского письма. Часть их уже поступила в библиотеку Академии наук. Будем надеяться, что и остальные поступят в ту же библиотеку и коллекция имени Сырку навсегда сохранит память о сем собирателе».¹⁹⁰

Легкий холодок, смягченный вынужденным реверансом, чувствуется в некрологе «Византийского современника» за подписью «Г. И.»: «Труды Сырку не блещут ни богатством и оригинальностью идей, ни изяществом или мастерством изложения; тем не менее в истории славяноведения и византиноведения они надолго сохранят свое значение благодаря большому количеству собранного в них нового и часто очень ценного материала».¹⁹¹

Неожиданно подробно, пренебрегая пословицей: «о покойнике — либо хорошо, либо — ничего», на страницах «Archiv für slavische Philologie» выступил В. Ягич: «Со всех сторон мне подтверждают, что минувшим летом скончался П. А. Сырку, имя которого часто упоминается в славистике. Последние месяцы его жизни должны были быть очень печальными. С помраченной душой он вынужден был отказаться от своей деятельности в Петербургском университете и найти приют в лечебнице. Мало приятного было у него на этом свете, отчасти по собственной вине, отчасти из-за немилости обстоятельств. Ему всегда не хватало образования, которое у него основывалось на запоздалой начитанности по предмету, а не на гуманитарном воспитании. Будучи сыном священника (sic!) из Бессарабии, он часто выдавал себя за румына, к сожалению, он не сумел реализовать свое знакомство с румынским языком на пользу славистики. Когда я приехал в 1880 г. в Петербург, я застал его уже кандидатом, оставленным при Университете для приготовления к доцентскому и профессорскому званиям, которых он уже добивался с большим трудом. С большим усердием набросился он на славистику, но без хорошей систематической подготовки и при абсолютном отсутствии метода критического исследования. Он прилежно собирал тексты и рукописи, только издал из них мало. Биография местного болгарского святого Николая Софийского в начале <18>80-го года была уже отпечатана, но вышла в свет в 1901 г. Основное его внимание было сосредоточено на вопросе о книжной реформе в XIV веке, когда ее возглавил тырновский патриарх Евфимий. Две вышедшие части не исчерпали предмета. Многочисленные мелкие заметки, которые касались главным образом вопросов церковнославянской литературы, вырисовываются больше обильными библиографическими сведениями, чем разработкой предмета. Покойный также принимал участие в нашем журнале».¹⁹²

В неопубликованной рукописи «Изучение истории Византии с 70-х годов прошлого века» В. П. Бузескул в краткой справке дает такую характеристику Сырку:

¹⁹⁰ Давров П. А. Научная деятельность П. А. Сырку. С. 82—83.

¹⁹¹ ВВ. 1906. Т. 12, вып. 1—4. С. 586.

¹⁹² K. J. Polychronios Agarjevič Syрку // Archiv für slavische Philologie. 1905. Bd 27. H. 4. S. 636. С годами оценка Ягича не смягчилась. В «Истории славянской филологии» он пренебрежительно говорит: «Кончивший университет в Петербурге, как ученик не то Срезневского, не то Ламанского, он постоянно колебался между филологией и историей, не усвоив в достаточной мере критических приемов ни для филологических, ни для исторических исследований. С Качановским (речь идет о филологе-слависте В. В. Качановском (1853—1901). — О. И.) он сходилась в громадном трудолюбии при известной доле бездарности» (Энциклопедия славянской филологии / Под ред. И. В. Ягича. СПб., 1910. Вып. 1. С. 807). И в воспоминаниях, которые вышли после его смерти, Ягич привлек внимание к Сырку: «Знаю само толико, да је у оно доба нешто потраживао по Бугарској, г. П. А. Сырку, човек врло конфузан од кога није наука ни филолошка ни етнографска имала велике користи, ма да је много писао, али готово све без смисла» (Jagić V. Spomeni mojeга живота (1838—1880). Део I. Београд, 1930. С. 431). («Я знаю только то, что он в то время что-то искал по Болгарии, г[осподин] П. А. Сырку — человек очень конфузный, от которого ни филологическая наука, ни этнографическая не имела большой пользы, хотя он много писал, но почти все без смысла». Ягич. В. Воспоминания моей жизни (1838—1880). Белград, 1930. Ч. 1. — Перевод В. М. Загребина).

«Трудолюбивая бездарность, много печатал, много собрал памятников, но мало удачно издавал и мало что кончал».¹⁹³

Похоронили Сырку на Смоленском православном кладбище в Петербурге,¹⁹⁴ и как провидел автор некролога в кишиневской газете «Друг», призывавший соплеменников соорудить памятник, опасаясь, что могила «скоро затеряется среди других забытых могил»,¹⁹⁵ так и получилось.

И еще один удар суждено было вынести памяти Сырку. В 1916 г. Академия наук готовила к изданию справочник «Личный состав ученых учреждений Императорской Академии наук (Материалы для биобиблиографического словаря за 1889—1914 гг.)»,¹⁹⁶ очерк о Сырку в котором был перепечатан из «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за 1869—1894 гг.». СПб., 1898. Т. 2), и, естественно, не учел 2/3 его работ и факта защиты докторской диссертации.

Почему же так строги, а потом равнодушны были к нему современники? Болгарская исследовательница Л. Б. Тетовска пишет: «На основании ряда архивных материалов раскрывается драматизм жизненного пути ученого, его житейское фиаско, в значительной мере обусловленное его взглядами, отличающимися от взглядов историков, работавших в Петербурге».¹⁹⁷ Скорее всего, история приучила нас связывать страдания со «взглядами».

Тем не менее Сырку действительно был страдальцем. Болезнь, которая на 53-м году исключила его из жизни, развивалась долгие годы, до постановки диагноза эгоцентризм душевнобольного, скорее всего, воспринимался коллегами как признак дурного, а не патологически измененного характера. Такого рода большой часто и сам бывает не в состоянии понять того, что с ним происходит, а в сочетании с максимализмом сиюминутных оценок это создавало проблемы.

И все же, как сказано в некрологе Сырку, подписанном «Л-ч»: «Недочеты Сырку как ученого... мы бы нашли у многих и многих благополучно “профессорствующих”, но без того ценного, что есть у Сырку и что во всяком случае является приобретением для науки. Пусть же правда останется, а все ложное и суетное минется».¹⁹⁸

¹⁹³ ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 1. Д. 78. Л. 173.

¹⁹⁴ Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 212.

¹⁹⁵ Друг. 1905. 1/11 июля. № 66. С. 3.

¹⁹⁶ ПФА РАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 258. Л. 2—3.

¹⁹⁷ Тетовска Л. Б. Полихроний Агапиевич Сырку как историк Болгарии. С. 5.

¹⁹⁸ Славянские известия. 1905. № 7. С. 625.

В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными и современниками

Данный обзор представляет собой продолжение очерка о научном рукописном наследии Виктора Карловича Ернштедта (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 1),¹ и содержанием его является вторая опись того же фонда (поэтому в тексте указываются лишь номера составляющих эту опись дел).

Значительное место в корреспонденции В. К. Ернштедта занимает переписка с отечественными и зарубежными классиками, среди которых можно назвать и знаменитых, и всемирно известных. Однако в силу специфики настоящего издания эта часть эпистолярного наследия ученого подвергнется более краткому обзору,² — тем более, что некоторое время назад перепиской с иностранными филологами-классиками начали заниматься петербургские исследователи А. К. Гаврилов и А. Н. Анфертьева (в силу каких-то обстоятельств эта работа не была завершена, но надежда на ее окончание и опубликование все же не потеряна).

Относительно же «византийского» эпистолярного наследия необходимо сразу отметить, что переписка основателя петербургской школы византиноведения академика Василия Григорьевича Васильевского с В. К. Ернштедтом (Д. 33. 41 л.)³ уже нашла достаточное отражение на страницах издания «Рукописное наследие русских византистов» (СПб., 1999),⁴ и прежде всего следует отметить публикацию наиболее информативной части этой переписки, касающейся сличения Ернштедтом для Васильевского рукописей Ватиканской библиотеки, издания хроники Георгия Амартола и взаимоотношений с Хр. Лопаревым.⁵ Помимо этого опубли-

¹ См.: *Куклина И. В.* В. К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // РНРВ. С. 68—122.

² Тем не менее обзору (в тексте или в примечаниях) подвергается почти вся переписка В. К. Ернштедта с классиками; за пределами обзора остались лишь письма А. К. Наука, К. Я. Люгебиля и У. фон Виламовица-Меллендорфа (письма последнего готовит к публикации А. К. Гаврилов).

³ К сожалению, письма Васильевского в фонде Ернштедта перепутаны не только хронологически, но и текстуально, т. е. окончания двух писем поменялись местами: л. 35—36 являются продолжением л. 11—12 об. (письмо от 12 февраля 1883 г.), а л. 13—14 об. завершают л. 33—34 об. (письмо от 30 марта 1883 г.). При этом письма 1883 г. идут за письмами 1891—1892 гг., затем подложены письма 1893 и 1894 гг., за ними — письмо от 26 июля 1884 г., потом письма 1895—1896 гг. и опять письмо (открытка) 1887 г., и, наконец, идут письма 1897—1899 гг., а вслед за ними — письмо от 30 марта 1883 г. Два письма без даты легко датировать по содержанию (см. в тексте).

⁴ Общую характеристику этой переписки см.: *Герд Л. А.* В. Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // РНРВ. С. 64. Л. Н. Заливалова в своем очерке об архивах В. Г. Васильевского (АРВ. С. 36—44), упоминая об эпистолярном наследии ученого в личных фондах историков, вообще не назвала фонд Ернштедта (см. с. 43).

⁵ См.: очерки Л. А. Герд о Васильевском, И. В. Куклиной об Ернштедте: РНРВ. С. 57—58, 63—66, 112—118.

В. К. Эрнштедт

кованы: отрывки из писем Васильевского к Эрнштедту о Латышеве (начало 80-х и 1892 г.),⁶ письмо о Новосадском (1892 г.)⁷ и отрывок из письма 1899 г. о Паисии Лигариде и «Беседах» Фотия в связи с написанием некролога Куника.⁸

В остальной корреспонденции этого дела много места уделено вопросам журнальной работы. Обсуждение статей, корректур и прочего относится к 1891—1899 гг. — это как раз годы сотрудничества Васильевского как главного редактора ЖМНП и Эрнштедта как редактора классического отдела (с 1891 г.). В качестве примера можно привести письмо Васильевского от 10 октября 1895 г.: «Ввиду стеснения, ощущаемого нами от наплыва статей в наших отделах, и скудости материала в классическом, на которую Вы жаловались, я придумал перенести статью Модестова в этот последний. Надеюсь, что Вы не будете протестовать, а, напротив, дадите мне согласие. Таким способом мы выиграем многое. Материал, приготовленный Вами для ноябрьской книжки, поступит в декабрьскую; Вы получите возможность некоторого отдыха, потому что чтение корректур мы предоставим самому автору... Модестову я сообщу о принятом решении как о совершившемся факте, вызванном необходимостью и вниманием к его собственным интересам...». В конце этого письма приписка: «К сожалению, мне не удалось быть на диспуте

⁶ См. очерк И. В. Тункиной о Латышеве (РНРВ. С. 183 и 189). Из-за вышеуказанной путаницы (см. примеч. 3) И. В. Тункина обозначила «без даты» письмо Васильевского Эрнштедту о магистерской диссертации Латышева, которую так высоко оценили на факультете, что хотели возвести его прямо в степень доктора, но после возражений Люгебиля, что он еще молод, побоялись возражений в Совете юристов и математиков — см. с. 183, примеч. 51. Это как раз л. 35 об., т. е. конец письма от 12 февраля 1883 г.

⁷ См.: РНРВ. С. 86, примеч. 53.

⁸ Там же. С. 90.

Никитского: была очень дурная погода, и я чувствовал себя нехорошо». Васильевский просит Виктора Карловича при встрече с Никитским извиниться за себя (Л. 21—22).

Судя по переписке, отношения были весьма дружественные: Васильевский приглашал Эрнштедта к своему семейству на дачу под Усть-Нарву, где, как он пишет, можно выкупаться в море и совершить прогулку по живописным местам: «Вам были весьма рады» (письмо от 26 июля 1884 г. Л. 20 об.). Василий Григорьевич очень огорчался, когда Эрнштедт бывал нездоров, и специально подчеркивал, что он интересуется его здоровьем чисто по-человечески, а совсем не из-за заботы о журнале («Я вообще отвыкаю о нем заботиться» — письмо от 28 января 1899 г. Л. 30). И далее: «Я вовсе не вижу какой-либо отрады в том, что нашего полку (больных) прибыло, совсем напротив, для меня будет большим утешением узнать, что Вы освободились от своих недугов и снова обрели прежнюю бодрость и крепость. Молю о том Божество... Сам я по-прежнему не могу похвалиться постоянством: бывает то лучше, то хуже, даже и совсем нехорошо. Сегодня — ничего» (Л. 30 об.). В конце одного из писем Васильевский желает Виктору Карловичу здоровья, «чтобы Вы могли гулять и быть веселым» (1 февраля 1899 г. Л. 31 об.).

26 июля 1884 г. Васильевский написал Виктору Карловичу письмо из Одессы, обещая при свидании поделиться впечатлениями от поездки в Константинополь. «Лопарева я просил передать Вам о том, что я познакомился с Гедеоном и получил от него листы готовящегося издания жизнеописаний Византийских патриархов, — прежде всего для нас важны два первые: Митрофана и Александра, современников Константина Великого. Если бы Вы теперь же пожелали познакомиться с ними для своих комментариев к житию Константина, то я мог бы переслать Вам листы немедленно» (Л. 19—19 об.). Корреспондент жалуется, что по нездоровью не имел возможности работать: «Я утешаю себя тем, что за меня работает Лопарев. Сердечно благодарю Вас и от себя за то, что Вы его направили и руководили в греческой палеографии» (Там же).⁹

«На съезде археологическом здесь в Одессе, — извещает Васильевский в этом же письме, — я предполагаю сделать сообщение о письмах Иоанна Апокавка и вообще о кодексе Месопотамита. Может быть, прилично было бы при этом случае сказать несколько слов и еще более общего содержания: т. е. вообще о греческих рукописях, поступивших от Порфирия. Но это может быть сделано только с Вашего согласия, только по Вашим указаниям и со ссылками на Вас. Я во всяком случае упомяну о том, что описатель Порфирьевского собрания сам В. К. Эрнштедт; но был бы, конечно, весьма рад, если бы Вы сделали меня некоторого рода посредником между Вами самим и учеными мужами съезда, т. е. прислали бы какое-нибудь сообщение, на которое я мог бы сослаться» (Л. 20—20 об.).

Открыткой от 7 августа 1887 г. Васильевский сообщает: «Сейчас получил целый корректурный лист “Боярина”¹⁰ и спешу Вам, Виктор Карлович, выразить мою глубочайшую благодарность. Мне кажется, что все тут отлично, и я уверен, что это не одно только мое первое впечатление. Сам по себе я и мечтать бы не мог о таком филологическом изяществе и точности. Когда прочитаю текст внимательнее, еще раз Вам напишу, но не думаю, чтобы Вам нужно было ожидать моего письма для разрешения к печати. Вполне уполномочиваю Вас распоряжаться как Вы знаете» (Л. 26).

⁹ Далее идет характеристика Лопарева (см.: РНПВ. С. 57—58).

¹⁰ Речь идет о совместной работе Эрнштедта и Васильевского над изданием «Стратегикона» Кекавмена. Исследование было опубликовано в 1896 г. в «Записках историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета» (Т. 38) под заглавием: «Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus». См. подробнее: РНПВ. С. 82—83.

Любопытный постскрипtum стоит в начале (sic!) письма от 17 августа 1892 г.:¹¹ «О смерти Наука я здесь получил известия в день его погребения. Жаль доброго и почтенного старика! Припоминая Ваш некролог Люгебиля,¹² я думаю, что я оказал бы надлежащее уважение к его памяти, если бы успел склонить Вас к исполнению просьбы, о которой на последней странице» (Л. 3). В конце письма под пометой NB: «Я бы желал, чтобы [Вы] взяли на себя некролог Наука для журнала» (Л. 4 об.).¹³

8 октября 1898 г. Васильевский поздравил Эрнштедта с избранием его экстраординарным академиком: «Поздравляю с единогласием Отделения. Если бы я присутствовал, то, Вы знаете, оно не было бы нарушено. Но какая моя злосчастная судьба! Не мог я быть на Вашем докторском диспуте, при защите диссертации,¹⁴ которая для меня и доселе представляется идеалом и непревзойденным верхом остроумия вообще, а не только ученой пронизательности. Не участвую и в Ваших баллотировках в Академии. Утешением мне служит то, что в самом представлении, на основании которого совершались выборы и которое составлено, очевидно, умными людьми,¹⁵ мое имя очутилось в таком тесном сочетании с Вашим, что как будто и меня немножко баллотировали» (Л. 28—28 об.).

Незадолго до отъезда на лечение во Флоренцию Васильевский, откликаясь с благодарностью на письмо Эрнштедта с ответами на его вопросы, сожалеет, что не может «в меру своего желания и усердия» в свою очередь ответить на вопросы Виктора Карловича. «Ищу у себя Гедеона и не нахожу. Хотя там, по неоднократным заявлениям Пападопуло-Керамевса», и много неточностей в хронологии патриархов, все-таки от них можно отправляться» (письмо от 1 февраля 1899 г. Л. 31—31 об.). Далее Васильевский рекомендует еще кое-какую литературу и добавляет: «Лучше всего обратитесь к Керамею. Я свои книги уже отчасти уложил в ящики и упаковал — хотя, конечно, не для того, чтобы брать их с собою за границу... Я погружен мыслями в некролог Куника» (Там же).¹⁶

И, наконец, два последних перед отъездом Васильевского за границу письма. Одно совсем коротенькое, от 27 февраля 1899 г.: «При удобной okazji посылаю Вам два тома сочинений Михаила Акомината Афинского, а в чем дело, объясню завтра запискою. Загадка находится в последних строках страницы 357-й первого тома. Когда Михаил сделался Афинским митрополитом?» (Л. 32). Второе, по описи обозначенное «без даты», написано, как вытекает из его содержания, на следующий день, т. е. 28 февраля: «Вопрос, с которым я давно собирался обратиться к Вам, состоит в следующем. В биографии Михаила Акомината Афинского остается спорным пунктом год его вступления на митрополичью кафедру. Обыкновенно принимают теперь 1175-й год; как у *Gregovius*, *Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter*, V. I, S. 311. Основания для того находят в речи самого Михаила на смерть его брата Никиты Хонского (историка), где Михаил говорит о взятии, осквернении и разорении Афин франками в 1205 году и о собственном своем оттуда при этом *иззнании* — после тридцатилетнего и более (последние слова Васильевский подчеркнул дважды. — *И. К.*) в сем городе пребывания (в сане ли архиерея с самого

¹¹ Основное содержание письма касается издания Амартола (см.: РНВ. С. 117—118).

¹² Некролог своего учителя Карла Якимовича Люгебиля Эрнштедт опубликовал: ЖМНП. 1888. Апрель. С. 1—13.

¹³ Некролог Августа Карловича Наука был написан П. В. Никитиным: ЖМНП. 1893. Январь. С. 22—52.

¹⁴ Свою докторскую диссертацию «Порфирьевские отрывки из Аттической комедии. Палеографические и филологические этюды» Эрнштедт защитил в 1891 г.

¹⁵ Представление подписали академики В. Радлов, В. Васильевский, П. Никитин, А. Куник, К. Залеман и барон В. Розен.

¹⁶ Опубликовано: ВВ. 1899. Т. 6. С. 619—636.

начала, в том есть сомнения, впрочем на второй линии). По многим причинам дата 1175 года кажется другим, и мне также, невозможной. Между прочим, и Ламбр, издатель сочинений Михаила, ее не принимает. Я вчера отправил Вам с университетским Людвигом два тома сочинений Михаила, чтобы Вы могли просмотреть текст... и сказали Ваше мнение о смысле слов: ἐμὲ δὲ τὸν ἐκεῖσε πεφοτευμένον τὰ πρῶτα πρὸ δεκάδων ἐτῶν τριῶν ποτ' ὑπερέκεινα. (Л. 37—37 об.). В конце письма: «Я назначил свой отъезд решительно на будущую субботу».

Еще одно письмо пришло уже из Флоренции; по описи оно также считается недатированным, но по содержанию его следует отнести к апрелю 1899 г. Написано оно под диктовку Васильевского: «Переезд из Вены во Флоренцию сильно надломил мои силы, и с тех пор я не могу оправиться. О Риме, куда звал меня Модестов, нельзя было и думать. Он посетил меня здесь. Возбуждает даже зависть своим ученым одушевлением и восторгами. Я же валяюсь в кровати, как пень негодный. Погода здесь целый почти месяц стояла холодная, лили дожди, дул ветер. Это одна из причин моего бедственного положения» (Л. 38). Описывается квартира во Флоренции (5 комнат, садик), прогулки, знакомства, врачи, диагнозы и пр. (Л. 38 об.—39 об.). В конце письма приписка рукою Васильевского, но весьма корявым почерком, — видимо, писать ему было уже очень трудно: «Протягиваю правую академическую десницу через Альпы и дружески целую» — и подпись. В мае Васильевский скончался.

Ученик В. Г. Васильевского, известный византист и палеограф, исследователь древнерусской и византийской литературы Хр. М. Лопарев, имя которого часто упоминалось в переписке его учителя и В. К. Ернштедта, сам вел обширную деловую переписку со своими учеными коллегами,¹⁷ и в том числе с Ернштедтом: 12 писем за 1887—1899 г. (Д. 129. 15 л.). Три из них опубликованы: одно — от 25 сентября 1888 г. — И. П. Медведевым в его очерке о В. Н. Бенешевиче (в связи с работой над каталогом Антонина),¹⁸ два других — от 3 августа 1892 г. и от 18 апреля 1894 г. — в очерке И. В. Куклиной о В. К. Ернштедте (они касаются подготовки к изданию хроники Амартола).¹⁹

22 апреля 1897 г. Хр. М. Лопарев написал Виктору Карловичу целое ученое расследование (Л. 8—10) о рукописи № 2 монастыря св. Павла, которую Сп. Ламброс датировал — и в афинском издании каталога афинских рукописей, а затем и в кембриджском — 800 г., временем царицы Марии (супруги Константина VI), что удостоверяет подлинная запись на последнем листе. Лопарев, подробно характеризуя рукопись, отмечает, что пергаменные листы в ней чередуются с бумажными (первые 22 бумажных листа писаны в XVII—XVIII вв.); сравнивая греческий текст и приводя цитаты, исследователь приходит к выводу, что в рукописи все сочинено, причем сочинено с целью объяснить подлинную запись о царице Марии, но запись эта писана другими чернилами и другим стилем, нежели кодекс; сбоку от нее есть поздняя добавка о Марии (Лопарев приводит греческую цитату), сама же рукопись — не ранее XI в.

В письме от 26 октября 1899 г. (Л. 13) Лопарев сообщает, что более года трудился над комментариями к новооткрытому житию Евдокима и что ему жаль издавать трудно читаемый греческий текст без перевода; по мнению ученого, издание византийского памятника с русским переводом для России вдвое полезнее, а ина-

¹⁷ См. о нем: *Заливалова Л. Н.* Х. М. Лопарев: ученый и его рукописное наследие // АРВ. С. 213—225.

¹⁸ См.: *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // АРВ. С. 375, примеч. 181.

¹⁹ См.: РНРВ. С. 117, 118.

че его прочтут в подлиннике человек пять. Пожалуй, он издал бы с переводом даже и за свой счет, но это ему не по карману. В заключение Лопарев благодарит Ернштедта за то, что тот отыскал и прислал нужную для примечаний выписку из Платона (сам он думал, что это взято у Плутарха).

Остальная часть переписки посвящена главным образом взаимным просьбам и откликам на них: Лопарев отвечает на вопросы Виктора Карловича о днях памяти некоторых святых (письмо от 15 сентября 1887 г. Л. 1), в другом письме (от 9 января 1899 г. Л. 12) сообщает, что интересующий Ернштедта журнал Ἐκκλησιαστικῆ Ἀλήθεια²⁰ у него самого есть лишь за 1886 г., да и то неполный, но что он видел подборку за многие годы в библиотеке А. И. Пападопуло-Керамевса, и кроме того, этот журнал прежде выписывал И. Е. Троицкий, а Санкт-Петербургская Духовная академия, может быть, и теперь продолжает его получать.²¹

Лопарев пишет, что рад услужить Виктору Карловичу за то многое, чем он обязан ему в бытность свою еще студентом (8 февраля 1897 г. Л. 7), но и сам он обращается к Ернштедту за помощью (например, найти источник еще двух греческих цитат для житийного комментария), оговаривая при этом, что он просит уделить для этого частицу досуга, поскольку не смеет претендовать на драгоценное трудовое время своего адресата, ибо «Ваш πᾶρερῶν ἐστὶ μεῖζον моего ἔργον»²² (письмо от 29 октября 1899 г. Л. 14—14 об.), и уже на следующий день, получив сразу два письма от Ернштедта, Лопарев признается, что они представляют для него целое открытие. «Я был прав насчет Вашего πᾶρερῶν: в Вашем письме я нашел подтверждение таким мыслям, к которым дошел только после продолжительного труда» (Л. 15—15 об.). Лопарев делает шутовское предположение, что Николай Пафлагонец, если бы он представил для диспута свое «Житие», мог бы быть «разделан под орех» Фотием, буде тот присутствовал бы на этом диспуте. В конце письма Лопарев привел по-гречески и в своем переводе интересующее Ернштедта место из «Жития».

При чтении этой переписки появляется ощущение присутствия на дружественной беседе ученых мужей, для которых наука — главный и естественный смысл жизни.

От Гавриила Спиридоновича Дестуниса,²³ принадлежавшего к старшему поколению византинистов (у него в Петербургском университете слушали курс истории Византии и византийской литературы В. Э. Регель, Д. Ф. Беляев, Ф. И. Успенский и сам В. К. Ернштедт), Виктор Карлович получил за 1881—1893 гг. 10 писем и 1 открытку (Д. 69. 19 л.); несмотря на значительную разницу в возрасте, отношения, как показывает переписка, были весьма дружественными.

Первое письмо (от 5 мая 1881 г.) написано Г. С. Дестунисом в ответ на письмо от 19 апреля того же года от Ернштедта, находящегося в заграничной командировке в Греции: «Меня очень заинтересовало описание Вашей поездки, несмотря на его краткость. Буду ждать Вашего отчета из Олимпии: не совсем я понял из Вашего

²⁰ Ернштедту понадобилось это издание для работы над текстом «Бесед» патриарха Фотия. Подробнее см.: *Медведев И. П. А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам)* // РНРВ. С. 317.

²¹ Как выяснилось, Ернштедт воспользовался именно библиотекой Пападопуло-Керамевса: в письме от 6 сентября 1904 г. (ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 261. Л. 5) Афанасий Иванович написал П. В. Никитину, что в 3-м томе Ἐκκλησιαστικῆ Ἀλήθεια, который он когда-то давал покойному Ернштедту, он нашел листы печатных исправлений, сделанные Ернштедтом, и отправляет их Никитину (см.: *Медведев И. П. А. И. Пападопуло-Керамевс...* С. 321).

²² «Ваш досуг важнее моей работы» (греч.).

²³ См. о нем: *Курбатов Г. Л.* Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г. С. Дестунис) // ИПС: Византия и Восток. Л., 1971. Вып. 23. С. 179—191; *Белоброва О. А.* С. Ю. и Г. С. Дестунисы: рукописное наследие // АРВ. С. 22—33; *Шукурова А. Э.* Из эпистолярного наследия Г. С. Дестуниса: письма к Ф. И. Успенскому // РНРВ. С. 568—573.

письма, принадлежит ли эта работа к “самостоятельным трудам по тем отделам, которые наиболее близки к прежнему кругу занятий”, — или же, кроме упомянутого отчета, Вы готовите что-либо новое по изданию ораторов. Буду ждать разъяснения Вашего. Мне любопытно услышать от Вас, много ли оказывается отступлений от прежних взглядов по топографии Афин в разъяснениях Вашего руководителя Келера? Пользуются ли его обзорительными прогулками молодые ученые из Греков? Впрочем, теперь все дышит Ареем, и на жилище Афины обращено мало внимания» (Л. 1—1 об.).

Г. Дестунис выражает радость, что Виктор Карлович хорошо устроился в Афинах (в доме Русской церкви) — как по личному сочувствию к нему самому и к его успехам, так и потому, что вообще ознакомление молодых русских филологов с Грецией идет успешно. О себе сообщает, что не выходит из дома («сидение сиднем сидячим»), ждет тепла (Л. 2).

«Ламбр, — пишет далее Дестунис, — прислал мне из Афин, между прочим, перевод на новогреческий язык Одиссеи в стихах, составленный Полилою (Πολυλῶς) (1875—1881), очень хорошо; я читаю с наслаждением. Сам я в настоящее время занимаюсь давненько начатым обзором главных работ по топографии средневекового Константинополя: тут, как говорится, “черт ногу переломит”. Вообразите себе топографические разыскания, которые происходили на расстоянии XVI—XIX вв. и все так, чтобы никак заступ не пришел на помощь археологу: раскопки не были позволены. Уж не знаю, удовлетворю ли кого-нибудь; с другой стороны, занятия Византией без разъяснения того, что сделано по топографии столицы, — не понимаю» (Л. 2 об.).

Переписка 1885—1886 гг. (4 письма) касается просьбы Дестуниса об участии Эрнштедта в работе над дополнениями к книге Леграна: «Известный знаток новогреческой филологии Эмиль Легран издал недавно превосходное сочинение *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par les grecs au XV et XVI siècles*, о котором я пишу отзыв для Журнала Министерства народного просвещения. В двух томах 1070 страниц. Это сочинение нужно и для занимающихся новой Грецией и византийской, и для занимающихся классической греческой филологией по указанию той массы греческих старопечатных книг, которые изданы были в эти века греками. Такая книга, вмещающая на каждой странице десятки фактов, никогда не может притязать на абсолютную полноту; ввиду этого Легран обратился, между прочим, и ко мне с просьбой пополнения его сведений по книгам, в Париже не имеющимся, но которые, он полагает, находятся в нашей Императорской Библиотеке» (письмо от 31 августа 1885 г. Л. 3—4). Так как сам Дестунис по состоянию здоровья не может помочь Леграну, то он просит Виктора Карловича ответить, согласен ли он: 1) сделать четыре выписки по плану Леграновой книги; 2) войти с ним по подобному делу в сношения; 3) не отказаться от гонорара (Легран согласен оплатить работу). План же его таков: отметить число листов, тетрадей, формат, воспроизведение шрифта, заглавия, предисловия, письма, эпиграммы, записи, год, месяц, число, цензурный пропуск и т. п. — «brèf tout ce qui peut jeter quelque lumière sur l’histoire du livre» (Л. 4 об.).

В письме, написанном на следующий день, т. е. 1 сентября 1885 г., Дестунис цитирует Иоанна Златоуста о святом таинстве причащения на старославянском и по-гречески (по памяти); указывает, какое слово пропущено у Барского (Л. 5—6), — видимо, отвечает на вопросы своего корреспондента.

25 сентября Дестунис сообщает, что на днях получил письмо от Леграна, и приводит выдержки (по-французски) с выражением благодарности Эрнштедту за помощь. Легран предлагает в свою очередь сделать для него нужные ему копии в Париже. Гавриил Спиридонович посылает Эрнштедту свою статью об историче-

ских изысканиях Ламбра. «Обратите внимание на поправку в тексте Дексипа (в моей статье стр. 113), сделанную Ламбром, и на то, что мой отец в своем переводе Дексипа в сороковых годах понимал этот текст так же, как и Ламбр» (Л. 7—7 об.). Дестунис просит передать ему 1-й том Леграна, если он больше не нужен Виктору Карловичу: он необходим для окончания рецензии, которая почти готова (Л. 8).²⁴

Следующее письмо написано 4 января 1886 г.: «На днях я получил письмо от Леграна, в котором он просит напомнить Вам о тех запросах, которые были им сделаны Вам через меня. Покорнейше Вас прошу, по возможности, не откладывать окончания начатой Вами для него работы и вместе с тем *уведомить меня* хоть двумя строками, в каком стадии (sic!) находится она, для того чтобы я мог ему о том сообщить; иначе мое письмо к нему будет задержано» (Л. 9—9 об.).

Ернштедт постоянно советовался с коллегой то по поводу конъектур (в письме от 5 декабря 1887 г. Дестунис предлагает ему свою догадку — Л. 11—12 об.), то перевода (письмо от 26 ноября 1890 г. Л. 13—13 об.), то толкования пословицы (письма от 19 и 25 октября 1892 г., л. 15—18). Дестунис внимательно и всесторонне обдумывал предложенные Ернштедтом загадки и затруднения и пытался найти приемлемый выход, стараясь сохранить текст подлинника и не вторгаться резко в письменное предание. В помощь Виктору Карловичу он предлагал редкие книги, имеющиеся в его библиотеке (Л. 15 об.—16, 19). В частности, Дестунис вместе с А. И. Пападопуло-Керамевсом оказал Ернштедту существенную помощь в работе над статьей «Забытые греческие пословицы» (ЖМНП. 1893. Апрель—май. С. 23—48), снабдив его недоступными в России изданиями позднегреческих пословиц. При работе Ернштедта над «Выдержками Паисия Лигарида» Г. Дестунис собирался перевести текст «Бесед Фотия о нашествии Руси» с греческого на русский, чтобы дать возможность более широкого его использования отечественными исследователями.

О коллегиальных научных и деловых отношениях свидетельствуют также хранящиеся в фонде Ернштедта неопубликованные работы Г. С. Дестуниса «Живые остатки византийской терминологии (опыт дополнений к византийскому словарю)» (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 1. Д. 74. 72 л.) и Словник к хронике Феофана (Там же. Д. 75. 42 л.), а также рукопись «Истории войн римлян с персами, вандалами и готами» Прокопия Кесарийского (кн. 2-я) в переводе Спиридона Дестуниса, с комментариями и примечаниями Гавриила Дестуниса (Там же. Д. 76. 166 л.). В бытность Ернштедта редактором классического отдела Г. С. Дестунис опубликовал в ЖМНП рецензию на: *Пападопуло-Керамевс А. И. 'Ανάλεκτα Ἱεροσόλυμιτικῆς σταχυολογίας* (Пг., 1891. Т. 1; 1892. Август. С. 385—400) и статью «Заметки по исправлению текстов в обеих летописях Франдзия» (1894. Январь. С. 1—11).

Письмом от 20 октября 1891 г. Дестунис известил своего молодого коллегу, что получил из типографии Академии наук экземпляры («Записок историко-филологического факультета» (XXVIII часть), где помещена 1-я книга «Истории войн римлян с вандалами» Прокопия, и что посылает в дар Виктору Карловичу экземпляры Прокопия и Паисия (Л. 14—14 об.).²⁵

²⁴ Опубликована: *Дестунис Г. С. Греческая библиография Эмиля Леграна* // ЖМНП. 1885. Декабрь. С. 217—226. В конечном счете помощью Леграну занялся И. В. Помяловский, см. об этом: *Медведев И. П. Русский вклад в создание «греческой библиографии» Эмиля Леграна* // Учен. зап. Рос. Православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 5. С. 205—216 (с публикацией писем Г. С. Дестуниса на с. 207—208).

²⁵ *Прокопий Кесарийский. История войн римлян с вандалами. Кн. первая / Перевод с греч. Спиридона Дестуниса; Комментарий Гавриила Дестуниса* // Зап. ист.-филол. ф-та Имп. СПб ун-та. СПб., 1891. Ч. 28; Паисия Агналостолита, митрополита Родского, описание святой горы Синайской и ее окрестностей, в стихах, написанное между 1577 и 1592 г., изданное в первый раз с предисловием А. И. Пападопуло-Керамевсом и переведенное Г. С. Дестунисом // ППС. 1891. Вып. 35.

Переписывался Виктор Карлович и с другим ученым греком, связавшим свою судьбу с Россией, византинистом и палеографом А. И. Пападопуло-Керамевсом. О последнем уже опубликовано достаточное количество архивных материалов,²⁶ подробно рассмотрены и прокомментированы (И. П. Медведевым) также и письма Пападопуло-Керамевса к Эрнштедту (Д. 161. 5 писем и 4 открытки на греческом и французском языках за 1891—1902 гг. 13 л.).²⁷ В фонде Эрнштедта хранятся две греческие рукописи Пападопуло-Керамевса (см.: РНРВ. С. 121, 305 и снимок на с. 302—303).

От академика А. А. Куника²⁸ Эрнштедт получил за 1894—1898 гг. 9 писем, 4 открытки и 2 записки (на нем. яз. Д. 113. 18 л.²⁹ 6 марта 1894 г., откликаясь на просьбу Эрнштедта, Куник просит его указать не только страницы описания П. А. Сырку,³⁰ но и номера необходимых рукописей, и тогда он пошлет нужные тома на квартиру Виктора Карловича. Основное же содержание этой корреспонденции (1898 г.) касается возможности печатания в ЖМНП Э. Курца из Риги³¹ двух житийных текстов³² и отправки Б. В. Фармаковскому вырезанного из книги экземпляра Фотиевых «Гомилей» для выявления разночтений в рукописи.³³ О Курце сказано, что он перешел в византийский лагерь и знакомит читателей журнала, который издает К. Крумбахер, с состоянием византийских штудий в России и с содержанием «Византийского временника».³⁴ Кунику рижский исследователь присылал богатый библиографический материал для будущего обзора литературы по византиноведению. К 1898 г. относятся также сведения об ухудшении здоровья В. Г. Васильев-

²⁶ См.: *Медведев И. П.* 1) Неизвестный каталог греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленный А. И. Пападопуло-Керамевсом // АРВ. С. 430—445; 2) А. И. Пападопуло-Керамевс... С. 289—335. См. также: *Тункина И. В.* В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // РНРВ. С. 186, 206, 234—236, 244, 245, 254—258, 262, 273 — о совместных работах Пападопуло-Керамевса и Латышева по изданию агиологических и эпиграфических памятников. Об этом см. также: РНРВ. С. 325—328 (И. П. Медведев).

²⁷ См.: *Медведев И. П.* А. И. Пападопуло-Керамевс... С. 317—319.

²⁸ Подробнее о нем см. в материалах В. Н. Бенешевича, опубликованных И. П. Медведевым (Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения // РНРВ. С. 599—603).

²⁹ Письма смотрел А. К. Гаврилов. Благодарю его и А. Н. Анфертьеву за возможность ознакомиться с их содержанием.

³⁰ Речь идет, по всей видимости, об издании: *Сырку П.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных в Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891.

³¹ В архиве Эрнштедта сохранились 7 писем и 6 открыток Э. Курца (Д. 114. 21 л.) за 1893—1902 гг. (на нем. яз.). Письма прочитаны И. П. Медведевым. В 1893 г. Курц откликнулся на публикацию статьи Эрнштедта «Забывтые греческие пословицы» (ЖМНП. 1893. Апрель—май): его письма содержат обширный сравнительный, критический, дополняющий материал (обсуждение пословиц с приведением параллелей из различных источников, толкование смысла, замечания, цитаты, пословицы других народов, уточнения отдельных слов и т. п.), который Эрнштедт так или иначе использовал в дальнейшей работе (см. подробнее: *Куклина И. В.* В. К. Эрнштедт... С. 84—85). Эрнштедт посылал Курцу отписки своих статей и нужные ему для работы книги; так, в письме от 25 ноября 1893 г. Курц спрашивал, есть ли в библиотеках Петербурга (в университете или АН) «*Journal of Hellenic Studies*» (1889. October) со статьей Tozer'a о пословицах греков южной Италии, — он пишет рецензию на то, только что появившуюся публикацию Крумбахера о средневековых греческих пословицах (*Krumbacher K. Mittelgriechische Sprichwörter. München, 1893*), в которой тот не использовал статьи Тозера (Л. 6—7 об.). И уже 7 декабря открыткой благодарит своего адресата за исполнение просьбы (Л. 8). Курц с нетерпением, как он пишет, ожидал появления очередной статьи Эрнштедта в «Византийском временнике» (««Речения Эзопа» в Москве и Дрездене» // ВВ. 1901. Т. 8.) — в этой статье были использованы замечания Курца и его и Папагеоргиу рецензии на статью Крумбахера о средневековых греческих пословицах из собрания Московской Синодальной библиотеки (см. подробнее: *Куклина И. В.* В. К. Эрнштедт... С. 70—71 и 84—85).

³² Такие публикации в ЖМНП не появились.

³³ Б. В. Фармаковский с начала 1898 г. стал ученым секретарем РАИК, — следовательно, экземпляр Фотиевых «Бесед» был отослан в Константинополь (о письмах Фармаковского и его работе по сравнению см. далее). О работе В. К. Эрнштедта, А. К. Наука, А. А. Куника и П. В. Никитина по изучению наследия Фотия см.: *Куклина И. В.* В. К. Эрнштедт... С. 89—93.

³⁴ С 1890-х гг. Эрнштедт являлся активным сотрудником журналов «*Byzantinische Zeitschrift*», «Византийский временник» и «*Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher*».

ского, о том, что он с женой и дочерью живет у В. Э. Регеля и готовится поехать за границу, а сам Регель собирается на Афон.

О том же самом написал В. К. Ернштедту про своего учителя В. Г. Васильевского и сам В. Э. Регель (письмо от 24 июля 1898 г. Д. 180. Л. 4—4 об.). Всего от основателя и редактора «Византийского временника»³⁵ Ернштедт получил 5 писем за 1892—1901 гг. (Д. 180. 5 л.). В основном содержание писем касается журнала Регеля: в каждом какая-нибудь просьба, связанная с корректурами, поправками, устранением сомнений и пр.

В письме от 13 апреля 1892 г. (Л. 1—1 об.) Регель выражает крайнее сожаление, что не смог выполнить просьбу Виктора Карловича: назвать тему своего доклада в Археологическом обществе (перечисляет обстоятельства, помешавшие ему исполнить обещание: проболел две недели, лежал в постели и долго потом не выходил из дома; опасно болен и требует постоянного ухода отец³⁶). 30 ноября 1895 г. Регель отправил к Ернштедту со своим сопроводительным письмом И. И. Соколова, преподавателя Петербургской Духовной семинарии и магистра Казанской Духовной семинарии, которого Регель назвал полезным сотрудником «Византийского временника» и просил Виктора Карловича посодействовать ему в деле, которое тот сам лично объяснит (Л. 2—2 об.).

Два следующих письма (от 29 июня и 24 июля 1898 г.) содержат просьбу Регеля прочесть корректурные листы Афонских актов и снять редакторские сомнения в печатаемых грамотах о. Александра Лаврского, а также благодарность за получение корректурных листов старца Александра Афонского (Л. 3—4 об.). И, наконец, в письме от 6 февраля 1901 г. Регель сообщает, что отправляет своему адресату 2-й том Политиса³⁷ и просит простить великодушно, что совершенно забыл сделать это раньше. В этом же письме в ответ на просьбу Ернштедта Регель сообщает ему рижский адрес Э. Курца (Л. 5).

От византиниста-нумизмата графа И. И. Толстого (старшего) сохранилось в фонде одно письмо (от 20 ноября 1888 г. Д. 197. 2 л.), в котором он, обсуждая с Ернштедтом некую надпись, отвергает объяснение Г. Дестуниса и соглашается с догадкой Виктора Карловича, хотя его и смущает, что приходится отбросить последнее слово в надписи. Здесь же И. И. Толстой хвалит стихотворный талант Радлова, особенно его переводы тюркских народных баллад.

Известный французский палеограф Анри Омон написал Ернштедту 3 сентября 1896 г. (Д. 159. 1 л.) в ответ на письмо своего русского коллеги от 30 июля; речь шла о покупке Парижской Национальной библиотекой новой коллекции акулуфий, однако, пишет Омон, запрашиваемая сумма слишком намного превысила ту, которую библиотека могла бы заплатить.³⁸

От папиролога и палеографа Карла Вессели Ернштедт получил из Вены 3 письма (Д. 41. 3 л.). Одно (на франц. яз.) датируется 1892 г.; на бумаге с грифом Internationale Ausstellung für Musik- und Theaterwesen и от имени комитета Вессели

³⁵ См.: *Медведев И. П.* 1) В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // *АРВ*. С. 157—180; 2) К истории основания «Византийского временника»: неизвестные документы и факты // *Россия и христианский Восток* / Под ред. Б. Л. Фонкича. М., 1997. Т. 1. С. 226—244.

³⁶ Отец В. Э. Регеля — известный ботаник Э. Л. Регель, автор многих научных трудов, директор Имп. Ботанического сада.

³⁷ Имеется в виду работа Ник. Политиса: *Μελέται περὶ τοῦ βίου καὶ τῆς γλώσσης τοῦ ἐλληνικοῦ λαοῦ*: Παροιμίαι. Ἀθήναι, 1901. Т. 2.

³⁸ Речь, несомненно, идет о коллекции греческих рукописей с текстами церковных служб — акулуфий, принадлежавшей афинскому коллекционеру Григорию Бурниану и приобретенной в конце концов (как раз при содействии В. К. Ернштедта) С.-Петербургским университетом. См. об этом: *Медведев И. П.* О происхождении коллекции греческих рукописей С.-Петербургского университета // *Μουσχοβία*: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Вып. 1. С. 293—299.

просит коллегу прислать на подготавливаемую выставку, посвященную современному и древнему театру, свою фотографию и факсимиле только что изданных Ернштедтом Порфирьевских фрагментов из аттической комедии. Выставка пытается объединить все драматические рукописи — греческие и римские; все будет возвращено в полной сохранности (Л. 1).

Второе письмо (на нем. яз.) относится уже к 1901 г. (от 26 мая), в нем Вессели благодарит Виктора Карловича за присланные книги и статьи, спрашивает о здоровье, сообщает, что Церетели 9 мая отправился из Вены в Италию, где он с особым старанием займется своими студиями (Л. 2—2 об.). В письме от 12 декабря 1901 г. (на франц. яз.) Вессели благодарит коллегу за подаренный оттиск его каталога греческих рукописей Императорской Публичной библиотеки.³⁹ Отчет об этом Вессели собрался дать в ближайшем номере своих «Этюд по палеографии и папирологии»; приглашает Ернштедта к сотрудничеству и обещает быстро напечатать его статью или заметку; беспокоится о здоровье (Л. 3—3 об.).

К 1901 г. относится и письмо к Ернштедту известного исследователя греческого фольклора Николаоса Политиса (Афины, 24/7 июля. Д. 169. 1 л.; на греч. яз., перевод И. П. Медведева). Откликаясь с признательностью на присылку ему оттиска статьи Ернштедта «“Речения Эзопа” в Москве и Дрездене», появившейся в «Византийском временнике» (1901 г. Т. 8. С. 115—130), Политис обращается к петербургскому коллеге как к «ученейшему мужу» и просит позволения выразить свою благодарность «на языке, глубоким знатоком которого характеризуют Вас Ваши публикации». Суть дела в том, что во время лечения за границей летом 1901 г. Ернштедт отыскал в дрезденской рукописи Да 35 начало той самой московской рукописи № 239, по которой К. Крумбахер издал в 1900 г. неполный, без начальных листов, сборник пословиц (см. подробнее: РНРВ. С. 70—71, 84—86). Политис пишет, что статья Ернштедта — «отличный вклад в познание византийской паремииологии, дополняющий последнюю публикацию г-на Крумбахера... Когда это собрание было опубликовано, никто, конечно, не надеялся, что так скоро будет найдена его отсутствующая часть, в особенности первый лист, из которого несомненным образом стало ясно, что и это собрание следовало поместить среди существующих под именем Эзопа. Важность Вашей находки подчеркивают ученейшие (буквально: мудрые) комментарии, которыми Вы сопровождаете Ваше издание, толкуя пословицы и показывая их связь и с древними пословицами, и с новогреческими. Считаю себя счастливым, что, вовремя получив Ваш труд, смог упомянуть о нем в предисловии к находящемуся сейчас в печати III-му тому моей коллекции пословиц».⁴⁰ По выраженному в предисловии мнению Политиса, источником такого рода собраний является непосредственный народный фольклор.

От киевского профессора, византилиста и археолога Юлиана Андреевича Кулаковского Ернштедт получил 3 письма (Д. 112. 6 л.): два от 13 и 23 октября 1888 г. (о своем противостоянии с В. И. Модестовым и обидах на него; упоминается также И. И. Холодняк, прочитав книгу которого, Кулаковский понял затруднение Ивана Васильевича Помяловского быть оппонентом при такой манере ученого исследования. Л. 1—4 об.); и еще одно письмо от 3 марта 1897 г., в котором корреспондент просит Ернштедта высказать свои суждения по некоторым надписям из «Сборника христианских надписей Южной России».⁴¹ Кулаковский в связи с написанием

³⁹ Для отчета ИПБ за 1883 г. (опубликовано: СПб., 1885) Ернштедт представил в качестве Приложения II «Список датированных греческих рукописей Порфирьевского собрания».

⁴⁰ См. примеч. 37.

⁴¹ Имеется в виду: *Латышев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

рецензии на этот сборник⁴² хотел уточнить у коллеги вопрос о датировке некоторых надписей по палеографическим признакам (Л. 5—6).

В ответ на просьбу В. К. Ернштедта к профессору Киевской Духовной академии А. А. Дмитриевскому⁴³ навести справки о Паисии Лигариде Алексей Афанасьевич откликнулся письмом от 29 марта 1899 г. (Д. 72). Извинившись за задержку с ответом из-за болезни (нервный удар, лишивший его на два месяца возможности заниматься научной работой и читать лекции), Дмитриевский сообщает все ему известное о рукописях Лигарида, которых нет в Киеве, но зато есть в Москве, а также в библиотеке иерусалимского подворья в Константинополе и в библиотеке александрийской патриархии (Л. 1—1 об.).⁴⁴ Посоветовав Ернштедту обратиться к библиотекам Москвы, автор письма отметил, что в архиве Министерства иностранных дел в отделе греческих документов имеются собственноручные прошения Паисия Лигарида с его подписями, и Сергей Алексеевич Белокуров,⁴⁵ несомненно, поможет получить копии автографов «сего мужа».

Судя по письмам С. А. Белокурова (их 5, они не датированы, но по содержанию относятся к 1899 г. — Д. 22. 5 л.), Ернштедт обращался к нему с вопросами о жизни Паисия Лигарида до приезда в Россию и о его письмах. Белокуров ответил, что о прежней жизни Паисия знает только то, что есть в статьях А. В. Горского и Л. Я. Лавровского (ХЧ. 1889. № 11—12); что о нем есть и у Леграна в последнем томе библиографии греческой XVII в. В архиве, как пишет Белокуров, есть несколько (до 5) собственноручных писем Паисия царю, но все они на латыни, как и подписи; может быть, найдется его греческая подпись на челобитной. Белокуров обещал прислать фото одной страницы письма Лигарида (Л. 1—1 об.). В следующем письме он отвечает на вопросы Ернштедта о возможности сделать фототипии и таблицы и переслать их (Л. 2).

После очередного письма своего адресата Белокуров принялся просматривать греческие дела, касающиеся Паисия. На 10 делах — его греческая подпись, которую Белокуров воспроизводит, а в 11-м, похоже, два документа на греческом языке, написанные Лигаридом. Белокуров готов заказать снимки (Л. 4), которые, по всей видимости, и были сделаны и отосланы, так как в последнем письме Белокуров сообщает о счете за фото (Л. 5).⁴⁶

В. К. Ернштедт получает обширную корреспонденцию из Константинополя от сотрудников Русского археологического института. Д. 204 (6 л.) содержит 3 письма Федора Ивановича Успенского⁴⁷ за 1896—1901 гг., т. е. относящихся как раз ко времени его директорства в РАИК (с 1894 г.). 1 октября 1896 г. Федор Иванович

⁴² Рецензии Ю. А. Кулаковского опубликованы: ФО. 1897. Т. 12, вып. 2. С. 157—161; ВВ. 1897. Т. 4, вып. 1—2. С. 232—238.

⁴³ Подробнее о нем см.: *о. Михаил Арранц*. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // АРВ. С. 120—133.

⁴⁴ Подробнее см.: *Медведев И. П.* Материалы по теме «Греки и Россия в XVI—XVII вв. в архивах русских византистов С.-Петербурга» // Славяне и их соседи: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время (Тезисы XIII конференции). М., 1994. С. 75—76. См.: также: *Куклина И. В.* В. К. Ернштедт... С. 90.

⁴⁵ См. о нем: *Рогов А. И.* С. А. Белокуров // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 65—66.

⁴⁶ Эта переписка дополняет сюжет о работе В. К. Ернштедта над «Выдержками Паисия Лигарида из Бесед патриарха Фотия» (см.: *Куклина И. В.* В. К. Ернштедт... С. 89—93).

⁴⁷ См. о нем: *Басаргина Е. Ю.* 1) Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // АРВ. С. 45—56 (с библиографией); 2) Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Там же. С. 62—92; *Медведев И. П.* О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // Там же. С. 57—61; *Грушевой А. Г.* Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Там же. С. 142—155; *Шукурова А. Э.* Из эпистолярного наследия Г. С. Дестуниса... С. 568—573. В обоих томах «Архивов» опубликовано множество писем различных ученых (В. Н. Бенешевича, А. А. Васильева, В. Г. Васильевского, Г. С. Дестуниса, А. И. Пападопуло-Керамевса, Ф. И. Шмита и др.) к Успенскому.

написал Эрнштедту (на бумаге с грифом: Directeur de l'Institut Archéologique russe à Constantinople) о сирийской рукописи, которую он передал Виктору Карловичу в Риге: будучи редактором «Известий РАИК» и собирая материалы для очередного выпуска, Успенский просил коллегу написать хотя бы небольшую заметку относительно упомянутой рукописи, а «по миновании надобности» передать ее через факультет казенным пакетом на адрес Императорского Российского посольства в Константинополе для Ф. И. Успенского (Л. 1—2).

25 ноября того же года директор РАИК отправил Эрнштедту письмо следующего содержания: «Весьма Вам благодарен за сведения по поводу списков Софийской рукописи. С Вашего позволения я помещу их в ближайшем выпуске Известий Института. Но предварительно позвольте просить Вашего согласия на зачисление Вас в члены Института.⁴⁸ На днях сделаю об этом представление министру. Я только что возвратился из экскурсии в Палестину. Там усердно и успешно работают англичане и французы. Чтобы занять там хотя бы некоторое положение, нужно много работать и делать раскопки. Но что неизбежно потребует и в Иерусалиме приложения русских ученых сил — это музей и библиотека архимандрита Антонина. Музей в особенности отличается хорошими собраниями и отдельными предметами. Если сдать его в миссию без описи, то он неизбежно подвергнется расхищению и утратам... За посылку Ваших трудов заранее благодарю. Но ни этих трудов, ни Софийской рукописи еще мы не получили» (Л. 3—4).

Наконец, третье письмо от 23 ноября 1901 г.: «Очень жалею, что Вы в нежелательном смысле объяснили то обстоятельство, что не сам я написал Вам насчет надписи. Я хорошо был осведомлен о состоянии Вашего здоровья, не находил в себе склонности писать Вам побудительное письмо и не знал, могу ли надеяться на изготовление надписи к печати именно Вами. Припоминаю, что, выражая согласие заняться надписью, Вы мне сказали: будьте спокойны, или сам сделаю, или передам кому другому. Просил Р. Х. Лепера напомнить Вам о надписи и думал, что Роман Христианович, как близкий Вам человек, может с большей свободой выяснить положение дела, чем я. Во всяком случае я очень ценю Ваше участие в издании Института и весьма жалею, что надпись по недоразумению появится не с Вашим именем» (Л. 5—6). Это был ответ на письмо Эрнштедта Успенскому от 2 ноября 1901 г. (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 121: «Многоуважаемый Федор Иванович! Вчера я наконец собрался отослать обратно эстампаж с греческой надписи, который я прошедшей весной получил от Вас через посредство Р. Х. Лепера. Из письма Романа Христиановича я узнал наконец те данные, без которых нельзя было приступить к изданию надписи; но из того обстоятельства, что эти данные дошли до меня таким именно путем и так поздно, я принужден вывести заключение, что Вы предпочитаете увидеть надпись изданною другим лицом. Примите уверения в совершенном почтении Вашего покорного слуги В. Эрнштедта»).

С 1901 по 1908 г. обязанности ученого секретаря РАИК исполнял Р. Х. Лепер, с которым В. К. Эрнштедт поддерживал интенсивную переписку с 1891 г. — с тех пор, как Лепер, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, отправился в заграничную командировку. Первые письма Лепер писал из Афин, Лавриона, Элевсина, Рима (1891—1893 гг.). Всего в фонде Эрнштедта 36 писем Лепера за 1891—1902 гг. (Д. 124. 95 л.). Роман Христианович считал Эрнштедта своим учителем и ставил чрезвычайно высоко. Получив «Порфирьевские отрывки», Лепер поздравляет Виктора Карловича и пишет, что, познакомившись с прекрасно воспроизведенными папирусами, он «с крайним удовольст-

⁴⁸ Почетными и действительными членами РАИК избирались видные русские и зарубежные ученые, общественные и политические деятели. См.: Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт... С. 78.

вием опять слышал, читая, речь полную твердой уверенности и неотразимых доводов нашего бесценного руководителя в эпиграфических и палеографических занятиях» (письмо из Афин от 25 августа 1891 г. Л. 2—2 об.). Отношения были достаточно близкими, во всяком случае, Виктор Карлович в письме к жене из Одессы⁴⁹ от 3 мая 1896 г., беспокоясь о предстоящем в его отсутствие переезде семьи на дачу, пишет, что обратится за помощью к Леперу, отношения с которым таковы, что «церемониться нет смысла» (Д. 6. Л. 69). В мае же Эрнштедт навесил семью Лепера в Ливадии.⁵⁰ Жена Лепера Ольга Павловна в своих письмах к Эрнштедту обращалась к нему как к крестному отцу их дочери — «куму».

Лепер постоянно отчитывался перед Эрнштедтом о проделанной работе, планах, темах, находках, поездках, чтении, замыслах, материальных трудностях, болезнях детей. В ноябре—декабре 1891 г. ЖМНП (с 1891 г. Эрнштедт стал редактором классического отдела) начал печатать диссертацию Лепера об аттических демах.⁵¹ Увлеченный прекрасными лекциями В. Дерпфельда, Лепер начал изучать топографию Афин, затем обошел пешком все окрестности Афин, собирая надписи (письмо от 8 декабря 1891 г., Лаврион. Л. 10—13 об.). В 1893 г. он таким же образом изучал топографию Италии, стремясь по архаическим пластам Лациума и Рима выявить аналогии к древнейшим греческим поселениям (письмо от 12 мая 1893 г., Рим. Л. 28—29 об.). Поскольку Лепер работал медленно, он просил Эрнштедта похлопотать о продлении командировки, надеясь провести еще год за границей.⁵² Из Петербурга он с благодарностью получал корректуры, оттиски, гонорар.

12 июля 1893 г. Лепер поздравляет своего учителя с избранием в Академию наук⁵³ и сообщает, что в Афинах проездом из Трои в Германию был Дерпфельд, который лишь из поздравления Лепера узнал о своем избрании действительным членом Археологического общества (Л. 33—36 об.). В этом же письме — подробности раскопок в Трое и на Делосе.

Летом 1896 г. в отсутствие Эрнштедта Лепер принял на себя заботы по ЖМНП. В письмах он сообщает, что читает корректуры различных статей, выполняет поручения Эрнштедта. Жизненные обстоятельства складывались не очень удачно: Лепера уволили из гимназии за опоздания на уроки; умерла от тифа одна из трех его сестер. Виктор Карлович принял самое деятельное участие в судьбе Лепера, предоставив ему работу в ЖМНП (письма летних месяцев 1897 и 1898 гг., а также 1900 и 1901 гг., когда Эрнштедт лечился за границей, почти целиком касаются журнальных дел).

В конце марта 1901 г. Лепер, измученный денежными осложнениями и в удручающем настроении, отправился вместе с женой в Константинополь (через Афины, где встретился с Дерпфельдом и другими учеными). Он написал Виктору Карловичу, что, по его мнению, для молодых ученых пребывание в Афинах много полезнее, чем в Константинополе (письмо от 3 апреля 1901 г. Л. 72—77 об.).⁵⁴

⁴⁹ В апреле—мае 1896 г. Эрнштедт возглавлял историко-филологическую испытательную комиссию в Новороссийском университете.

⁵⁰ Он написал об этом Роману Христиановичу, и тот 26 мая 1896 г. благодарил его за «милое дружеское письмо» (Д. 124. Л. 39—40 об.). Сам Лепер провозжал семью Виктора Карловича в Ригу. Лидии Ивановне Эрнштедт сообщил о материальных затруднениях семейства Леперов (Одесса, 16 мая 1896 г. Д. 6. Л. 77).

⁵¹ Печатание продолжилось в феврале—марте и закончено в сентябре 1893 г.

⁵² Ср.: *Кужина И. В.* В. К. Эрнштедт... С. 120. О положительном решении Лепер узнал из письма декана И. В. Помяловского.

⁵³ В 1893 г. Эрнштедт был избран адъюнктом.

⁵⁴ Отрывок из этого письма процитировала Е. Ю. Басаргина (Русский археологический институт... С. 80, примеч. 118), но неверно определила, что это письмо Лепер написал из Константинополя, будучи ученым секретарем РАИК. Письмо это написано еще в Афинах, на пути в Стамбул, и Лепер отметил в нем, что «на днях» едет работать в Константинополь.

Следующие 7 писем отправлены Ернштедту уже из Константинополя. 10 июня 1901 г. Лепер написал, что работает над диссертацией, что его освободили от всех обязанностей по канцелярии, библиотеке, сидения в институте, с тем чтобы он занимался исключительно топографией Константинополя (а все перечисленные заботы взял на себя Б. А. Панченко). На Лепера также возложены обязанности по музею и по сбору фотографий; он составил план, создал группу (в которую вошли некоторые из монахов), совершает прогулки с Панченко, Шмитом, Павловским и Ключе с целью изучения Стамбула. Есть и очень интересные для него надписи — главным образом из поездки Ф. И. Успенского в Сирию. «Отношения самые прекрасные, никто в мои дела не вмешивается» (Л. 78—80 об.). Про Панченко Лепер написал, что он бросил пить и изменился к лучшему (на л. 80—80 об. дается характеристика Панченко).

В письмах от 14 августа и 20 октября 1901 г. (Л. 81—84 об. и 85—86 об.) Лепер, оправдываясь перед Ернштедтом, сообщает о ходе работы над диссертацией (которую нереально, как он считает, закончить к осени, а только в течение зимы), пишет о быте, выражает Виктору Карловичу свою преданность и признательность за доброе и дружеское отношение; сообщает о желании Успенского оставить институт, если ему будет обеспечено место в Петербурге, и об институтских слухах по поводу возможной его замены (Ю. А. Кулаковским, А. И. Кирпичниковым, Э. Р. Штерном). На имя Г. Ф. Церетели пришла телеграмма от Б. А. Тураева о болезни его отца, и Лепер разыскивал его на Афоне и в Афинах.

Ернштедта очень заинтересовало упоминание о сборниках гном в письме В. Н. Сахарова (см. далее), он попросил Лепера разыскать рукопись, о которой шла речь. Тот сразу откликнулся на просьбу — «с тем большим удовольствием, что давно хотелось приступить к нашим рукописям, которых большое количество, между тем им нет ни описания, ни каталога: знает их Панченко, но хоть мы и в хороших отношениях, все-таки зависеть от его милостивого расположения неинтересно, тем более, что теперь большинство рукописей перенесено в помещение, отведенное под “музей” в посольстве» (письмо от 18 апреля 1902 г. Л. 91).

Далее Лепер пишет, что просмотрел те немногие рукописи, которые остались в институте и которыми занимались Сахаров и Церетели, но о какой конкретно рукописи писал Сахаров, он не знает, — возможно, что *υψωμα* были как раз в той из рукописей, которые предлагались институту, но не были куплены. Сейчас Лепер посылает выписки из более поздней рукописи (1796 г.), в которой кроме *υψωμα* имеются еще *μωβστιχοι* и *αποφθευματα αλαθισματα* (проза и стихи, не встречающиеся у Migne и у Крумбахера). Лепер сделал выписки из обоих сборников (Л. 91 об.—92 об.).

В последнем письме (от 5 августа 1902 г.) Лепер написал, что хлопочет об открытии в Афинах отделения института и сам бы с удовольствием туда переехал — и жизнь дешевле, и климат лучше (жалуется, что очень стеснен в средствах). Пословиц ни в одной рукописи не нашел, хотя сборных кодексов много. Не ручается, что пересмотрел все рукописи (их тут более сотни), может быть, еще найдет (Л. 93—95 об.).

Письма Романа Христиановича дополняют послания его жены (Д. 123. 7 писем за 1896—1902 гг. 17 л.). Сначала Ольга Павловна пишет из Одессы (дачный сезон: быт, домашние новости, обустройство, просьба — через Виктора Карловича — к мужу, чтобы позволил задержаться до октября, материальные трудности, из-за которых пришлось продать рояль, и пр.). 18 ноября 1901 г. madame Лепер пишет уже из Константинополя: жизнеустройство, дороговизна, визиты, погода; Роману здесь хорошо, не сравнить здешнюю службу с прежней каторгой. Характеристика m-me Успенской: интересная, умная, красивая, вежливая, «живой словарь

приличий и справок», но холодная, и к ней не тянет. С диссертацией приходится нажимать. Сама она испытывает ностальгию по Греции (Л. 6—9 об.). Продолжение той же темы в следующем письме (от 8 февраля 1902 г.): она съездила в свою родную Грецию, где не была восемь с половиной лет, повидала всех старых друзей — вот если бы перебраться в Афины! Она не хочет предложенного Ернштедтом перевода в Дерпт: здесь хоть и мало душевного тепла, но зато столь нужное детям солнышко. Они приноровились к здешней жизни, особенно Роман. Работы немного, всю черную делает Панченко. Своего Романа Ольга Павловна характеризует как с детства забитого (родителями) человека, и он везде сумеет позволить закабалить себя (Л. 10—13 об.). Через 20 дней, успев уже получить ответное письмо Ернштедта, в котором он защищал Лепера от ее нападков, т-те Лепер в очередном письме раскаялась, что наговорила много критического о муже (Л. 14—15 об.). Последнее письмо (от 24 апреля 1902 г.): просилась в Грецию вместо дачи, но раньше времени наступила жара, дети мучаются желудками, очень тяжело. В Константинополе так и не прижилась, холодная дипломатичность давит, не приспособиться (Л. 16—17 об.).

Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета Федор Иванович Шмит начал углубленно изучать византийское искусство, будучи принят в 1901 г. в РАИК в качестве стипендиата. О своем увлечении Византией он писал своему учителю А. В. Прахову и директору РАИК Ф. И. Успенскому,⁵⁵ эта же тема обсуждается и в двух его письмах (из семи) к В. К. Ернштедту (Д. 228. 16 л.).

Первые письма (1900—1901 гг.) Шмит посылал Ернштедту из Рима, где он был домашним учителем детей русского посла в Италии А. И. Нелидова. Речь в этих письмах шла о подготовке к магистерским экзаменам по греческим и римским древностям, и магистрант просил Виктора Карловича уточнить пределы, в которых он должен готовиться (письмо от 30 октября 1900 г. Л. 1—2 об.); подробно описывалось, как он изучает эпиграфику, штудирует Roscher'a и Preller-Robert'a, потому что Виктор Карлович рекомендовал ему изучить эти руководства от корки до корки (письмо от 27 ноября 1900 г. Л. 3—5 об.); из Рима же Шмит послал в ЖМНП свою статью,⁵⁶ а также сообщил Ернштедту, что работает над диссертацией, которая все разрастается,⁵⁷ и обращался к Виктору Карловичу с просьбой узнать точнее о магистерском экзамене и будет ли в нем принимать участие Ф. Ф. Соколов, которого Шмит панически боится (письмо от 8 февраля 1901 г. Л. 10—11 об.).

И наконец, два письма 1901 г. уже из Константинополя. 23 сентября (Л. 12—13 об.) Шмит, написав добрые слова об институте и Успенском, объясняет Виктору Карловичу свое стремление в Константинополь желанием «найти ключ к искусству Возрождения. Старые итальянские мастера начали не с начала — это мне было ясно. И исходили они не прямо от классической древности. Кто был их учителем? Мне говорили Византия. А что такое Византия? Хаос мнений самых противоречивых: с одной стороны, горячие поклонники, восторги которых казались превеличенными и неискренними, с другой — не менее горячие ненавистники, в устах

⁵⁵ См. подробнее в очерке Е. Ю. Басаргиной «Ф. И. Шмит: материалы к биографии» (РНРВ. С. 480 и след.).

⁵⁶ Шмит Ф. И. Стефануса Праксителя. Статуэтка из собрания А. И. Нелидова // ЖМНП. 1901. Сентябрь. С. 147—155. Статья была опубликована также в сб.: *Commentationes Nikitinianae*: Сб. статей по классической филологии в честь П. В. Никитина. СПб., 1901. С. 282—290.

⁵⁷ Речь идет о магистерской диссертации, посвященной мозаикам Кахриэ-Джами: Шмит Ф. И. 1. История монастыря Хоры, архитектура мечети, мозаика нарфиков // ИРАИК. София, 1906. Т. 9. С. 1—306.

которых “Византия” и “византинизм” имели смысл чуть не бранных слов, служили синонимом вырождения и мертвечины. Ни тем ни другим верить я не мог. Да и не хотелось верить — хотелось знать: слишком уж важен вопрос. И я устремился в Константинополь. Но я представлял себе дело гораздо проще, чем оно было в действительности. Под византийским искусством я представлял себе нечто установившееся, вполне определенное. Что может существовать история византийского искусства, развитие, расцвет, упадок, возрождение, — этого я и не подозревал. Впоследствии в Петербурге уже, просматривая всевозможные гравюрные издания, я сообразил, что Византия — это свыше чем тысячелетний период, что это — громадная эпоха в истории искусства, узнал, что существует громадная литература по вопросам византологии...» (с библиографией ему очень помог Б. А. Панченко).

Через месяц, 24 октября 1901 г., отвечая на письмо Эрнштедта, Шмит соглашается с ним, что не следует отказываться от классической древности, и он вовсе не собирается этого делать. «Я желаю только понять ход развития европейского искусства, уяснить чрезвычайно важный византийский период, уловить в нем зачатки Возрождения, связать Возрождение с антикой, Флоренцию с Афинами. Только выяснив историю искусства вообще, можно смотреть на отдельные периоды научно. Иначе рискуешь сделаться и остаться узким специалистом, ничего дальше своего носа не видящим...» (Л. 16).

Четыре письма за 1898—1900 гг. В. К. Эрнштедт получил от Б. В. Фармаковского, и все они относятся как раз к тому времени, когда Фармаковский был ученым секретарем РАИК (Д. 206. 8 л); три посланы из Константинополя, одно — из Патели (Македония). В первых двух письмах (от 2 апреля и 3 июня 1898 г.) обсуждаются журнальные дела: Фармаковский передал через Жебелева свою статью о Вакхилиде, но желал бы сделать дополнения к ней; он просил печатать и рисунки к тексту (Л. 1—2), а 3 июня уже подтверждает, что видел свою статью в майской книжке ЖМНП, рисунки получились недурно, ждет оттисков (Л. 3). Пишет Фармаковский и о том, что работы в Константинополе много: отчет за 1897 г., забота о библиотеке,⁵⁸ печатание 3-го тома «Известий» института; собственная работа над диссертацией и статьей для «Записок» РАО. Фармаковский готов по просьбе Эрнштедта начать сличение зрешней рукописи (Фотия) с изданием Наука, хотя и мало доверяет своему палеографическому искусству. Если дело не пойдет, он снимет фотографии. Просит уточнить, где рукопись опубликована, и прислать издание Наука (Л. 3 об.—4). Сообщает, что Ф. И. Успенский привез из Македонии довольно интересную надпись, и приводит начало текста (Л. 4 об.). В письме из Македонии (30 октября 1898 г. Л. 5—6 об.) Фармаковский описывает раскопки доисторического некрополя в Патели.

Весьма своеобразны 4 письма к Эрнштедту сотрудника РАИК Владимира Николаевича Сахарова, охватывающие короткий промежуток времени всего в четыре месяца — от октября 1901 г. до января 1902 г. (Д. 188. 9 л.). О студенте Новороссийского университета Владимире Сахарове Эрнштедт узнал из письма профессора классической филологии и декана историко-филологического факультета этого университета А. Н. Деревницкого от 22 июля 1898 г. (Д. 68. Л. 10—11). В письме дана очень лестная характеристика Сахарову, который, как пишет Деревницкий, по семейным обстоятельствам вынужден покинуть Новороссийский университет (и императорскую стипендию) и перевестись в Петербургский университет; знания его профессор считает незаурядными, а Эрнштедта просит испытать его и принять под свое руководство. Сахаров продолжил свою учебу в Петербурге,

⁵⁸ В последнем письме от 30 мая 1900 г. (Л. 7—8 об.) Фармаковский просит для библиотеки института некоторые издания Академии.

переписывался с Деревицким и сообщал ему, что очень многим обязан Эрнштедту (Там же. Л. 12—13).

В Константинополь, как признается сам Сахаров в первом же письме Эрнштедту (от 6 октября 1901 г.), он приехал вопреки его совету и сразу понял, что Виктор Карлович был прав. «Я до сих пор не могу разобрать, зачем я сюда явился. Тем не менее пытаюсь работать» (Д. 188. Л. 1). В следующем письме⁵⁹ Сахаров сообщает, что ему дано задание искать материалы по истории церковного строительства и топографии Константинополя в Аста Sanctorum, а кроме этого он приступил к изучению и описанию институтских рукописей. «Т. к. эпоха Юстиниана теперь, по-видимому, слишком разработана, то я, согласно совету Федора Ивановича (Успенского. — И. К.), обратился к эпохе иконоборчества... Наукой занимаюсь с большим удовольствием» (Л. 3 об.).

Однако в последнем письме⁶⁰ Сахаров жалуется, что всем этим удобнее было бы заниматься в Петербурге, а здесь препятствуют ему в осмотре местности и стен, институт отказывается ездить на раскопки, если даже зовут на них. «Я занялся рукописями. Попалась рукопись XII в., очень аккуратно и красиво написанная — почти полный экземпляр толкований Иоанна Златоуста на книгу деяний Апостольских. Я начал сличать с Migne'm — текст очень сильно разнится и часто к большой выгоде рукописи. Мои сличения оборвали довольно быстро: "Вы этим не увлекайтесь". С какой же стати было платить за рукопись 260 рублей, если ее и исследовать не надо? Другая рукопись XVII в. Есть очень исправные списки очень старых вещей. Сборник гном, по-видимому, не изданных; несколько стихотворений Феодора Птохопродрома, по-видимому, тоже не изданных, но проверить нельзя, ибо нет даже "Bibliothèque grecque vulgaire" Legrand. Я бы живо проверил по-другому: гномы, с Вашего позволения, списал бы и прислал к Вам (они и списаны наполовину, и притом все гномы с обширными схолиями), Феодора — послал бы к Пападимитрию, а полемические сочинения против латинян — к Арсению, еп. Кирилловскому. Сразу определилась бы ценность имеющихся произведений и то, стоит ли их издавать. Да съедят меня за такой прием. А рукописи — единственная археологическая отрасль, которой я мог бы здесь заняться с успехом» (Л. 6 об.—7).

За короткий срок отношение Сахарова к институту и его сотрудникам претерпело резкие изменения к худшему. В первом письме он всех характеризует как добрейших и милейших людей — Ф. И. Успенского и его жену, Б. А. Панченко, Р. Х. Лепера, Ф. И. Шмита (Сахаров пишет «Шмидт»). В последнем письме: и Константинополь — прескверный город, и институт в целом расклеивается, авторитет его столь низок, что он вызывает только насмешки и презрение здешней публики. Способствуют этому сплетнями и циничным поведением, пьянством и посещением публичных домов сами сотрудники, особенно А. А. Васильев, Б. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев, Б. А. Панченко.⁶¹ Последний очень сильно пьянствовал и распутничал, «тушил лампы по веселым домам» (Сахаров описывает весьма скабресный эпизод). Здесь все вообще циники, считает Сахаров, но филологи имеют славу невероятных циников. Все ужасны и подвергаются насмешкам в глаза и заглазно (Л. 5 об.—6 об.).

Успенского Сахаров обвиняет в том, что он думает только о своих лекциях, которые он читает здешней публике, делая подчас грубейшие ошибки. Так, он «сказал,

⁵⁹ На нем стоит пометка Эрнштедта: «Получено 14 ноября 1901 г.».

⁶⁰ С пометой Эрнштедта: «Получено 8 марта 1902 г.».

⁶¹ О деятельности Б. А. Панченко в РАИК см.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт... С. 64—71, 78. Б. В. Фармаковский был ученым секретарем РАИК в 1898—1901 гг.; А. А. Васильев и М. И. Ростовцев были прикомандированы к институту и проходили там подготовку (1899 г.).

что отца Юлиана убил Константин, что по смерти Константина империя разделилась на две части, тогда как она разделилась на три; что Юлиан получил христианское воспитание, тогда как он был воспитан эвнухом (sic!) по-язычески, а христианство лишь поверхностно скользнуло по его душе; перепутал несторианство с монофизитством. Одним словом, я думаю, что он так читает только потому, что аудитория состоит большей частью из дам, но серьезно говорю, что если бы напечатать курс так, как он его читает, то это был бы позор...» (Л. 7 об.).

Жалуется Сахаров и на сложные отношения с Панченко, который держится за место секретаря и всех подозревает в подсиживании, отсюда и слежка, и интриги. Поведение Романа Христиановича (Лепера) безупречно в нравственном отношении, но приходится его сторониться, чтобы Панченко не усмотрел заговора против себя. Чтобы не возбудить вражду и преследование со стороны Панченко, Сахаров вынужден, по его словам, отказываться от приглашения Успенского пить у них вечером чай (Л. 8—8 об.). «Я пишу далеко не все, что довело меня до состояния почти невменяемости», — отмечает Сахаров (Л. 8 об.).

К горестному состоянию тоски и уныния добавилась серьезная болезнь: в конце ноября Сахаров вместе с Панченко отправились в путешествие по Малой Азии, попали в какую-то болотистую (вернее, залитую водой) местность возле Бостанджика, Сахаров подхватил инфлюэнцу и сильный плеврит, потерял голос, оказался из-за всего этого в больнице. О дальнейшей его судьбе написал Эрншtedту Р. Х. Лепер: 16 января 1902 г. он известил Виктора Карловича, что у Сахарова — туберкулез гортани, подробно описал тяжелое его состояние, высокую температуру, туберкулез кишок и просил известить родных и знакомых (Д. 124. Л. 87—88 об.), а 29 января сообщил о смерти Сахарова (Л. 89—90 об.). По всей вероятности, последнее письмо, написанное в больнице и полученное Эрншtedтом в начале марта, было ему отправлено уже после смерти его подопечного или же сильно задержалось в дороге.

Немалую часть эпистолярного наследия Эрншtedта составляет корреспонденция его учеников. Переписку с С. А. Жебелевым, сохранившуюся в обозреваемом фонде в двухстороннем варианте, можно выделить как особый и весьма информативный сюжет (см. об этом далее). Папиролог и палеограф Григорий Филимонович Церетели, любимый и преданный ученик Виктора Карловича, написал учителю за 1891—1901 гг. 100 писем и 40 открыток (Д. 222. 364 л.). Архивами и перепиской Церетели много занимался И. Ф. Фихман, и в его очерке «Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого» (АРВ. С. 226—258) приведено множество цитат — от отдельных фраз до обширных текстов — из писем, отправленных Эрншtedту.⁶² Немало их и в других работах И. Ф. Фихмана о Церетели.⁶³

В названном очерке (С. 250) дана исчерпывающая характеристика этой переписки: «Письма (Церетели. — *И. К.*), будучи адресованы разным лицам (учителю, друзьям, ученику, жене, близкому другу), должны, казалось бы, сильно отличаться друг от друга. Некоторые отличия, разумеется, есть, но не кардинальные, если не считать отдельных частей писем к В. К. Эрншtedту, носящих характер подробнейших отчетов о проделанной работе, включая изложение (с комментариями) про-

⁶² См. в указанном очерке с. 238 (примеч. 54), 244 (примеч. 91), 245 (примеч. 93 и 96), 246 (примеч. 102), 247 (примеч. 103), 249 (примеч. 112), 252 (примеч. 121), 254 (примеч. 130—132, 135, 136), 254—255 (примеч. 138), 256 (примеч. 144), 257 (примеч. 147—149, 152, 153), 258; здесь же цитируются два отрывка из прошения Эрншtedта (1901 г.) о продлении заграничной командировки Церетели на год (с. 234 и 249). Речь идет о папирусах, палеографии, о работе над Италом, о настроениях и пристрастиях; даются — чаще неместные — характеристики русским (Ф. И. Успенскому, Ф. Ф. Зелинскому, М. И. Ростовцеву) и зарубежным (К. Крумбахеру, К. Весселя, У. фон Вилламовицу-Меллендорфу, Т. Моммзену, Ф. Дж. Кеннону, Дж. П. Мэкеффи, С. де Риччи) исследователям.

⁶³ См. подробную библиографию в указанном очерке на с. 226 (примеч. 1).

слушанных лекций, сообщения о просмотренных рукописях, транскрипции папирусов⁶⁴ и т. д. Неизвестно, вел ли Церетели дневники (об этом в переписке не упоминается, дневников не сохранилось). Но его письма — а писал он легко, образно, прекрасным русским языком, звучащим ныне несколько старомодно, — это своего рода дневники-исповеди, в которых он, не стесняясь, изливал свою душу, давал волю своим чувствам (нередко гневу и язвительной иронии), не скрывая своей гордости по поводу того, что он не такой, как другие». ⁶⁵ В свою очередь Виктор Карлович никогда не забывал (в письмах к жене, к С. А. Жебелеву) упомянуть о визитах, встречах, беседах, интересном времяпрепровождении с Церетели. И его зарубежные корреспонденты также часто информировали его о работе, планах и передвижениях его ученика. Григорий Филимонович написал после смерти своего учителя весьма проникновенный некролог.⁶⁶

Другой преданный ученик и безотказный помощник Виктора Карловича, доставлявший, правда, немало хлопот и огорчений учителю своим непростым характером, — М. Н. Крашенинников, от которого Ернштедт получил за 1889—1902 гг. 38 писем и 7 открыток (Д. 107. 75 л.). В судьбе М. Н. Крашенинникова Ернштедт постоянно принимал участие, сглаживая своими советами неприятности, вычитывая корректуры его работ, наблюдая за их печатанием (особенно в ЖМНП, где Крашенинников печатал свои Эпиграфические этюды, *Prosopiana*, *Varia* и др.). В письмах Крашенинников подробно писал о своей работе — статьях, переводах, диссертации, новых рукописях, сличениях, об этапах печатания Прокопия, посвящениях; обсуждал с Виктором Карловичем предлагаемые последним коньектуры и поправки в корректурах; по просьбе учителя производил колляции рукописей (так, в Венеции в 1892 г. он сличал два кодекса Marc. 474 и 475 и, давая подробные описания в письме от 5 марта/ 22 февраля, предварял их словами: «С величайшим удовольствием исполняю я Ваше поручение и сожалею только о том, что оно такое маленькое. Для Вас я с радостью готов сличить все рукописи Италии». Л. 6).⁶⁷

В свою очередь Крашенинников неоднократно обращался к Ернштедту с просьбами о наведении справок, например, о Прокопиевой рукописи в Канаде (письмо из Флоренции от 10 августа 1897 г. Л. 16—17 об.); в одном из писем Крашенинников спрашивал адрес Лопера, чтобы попросить его сличить парафразу *Anecdota* в рукописи XVIII в. из Константинополя (узнал о ней случайно от Керамевса): может быть, она дает что-нибудь новое для критики текста, если она сделана по какой-либо неизвестной доселе рукописи; просит узнать у Керамевса, нет ли упоминаний *Anecdota* в других рукописях, и о том же просит узнать у Успенского: не видал ли он какой-нибудь рукописи Прокопия в Трапезунте или других посещенных им местах (письмо из Юрьева от 14 мая 1902 г. Л. 67—68 об.). Обращался Крашенинников к Ернштедту и с просьбами о нужных книгах, и за помощью в толковании трудных мест в рукописях: так, в открытке от 17 ноября 1899 г. он просил Виктора Карловича помочь разобрать в Ватиканской рукописи, 152 и в Венецианской, 398 места, которые сам разобрать не смог (цитирует — л. 46 об.). Много в письмах и личного (сплетни, коллеги, знакомые, здоровье, интриги и пр.).⁶⁸

⁶⁴ Характерный пример: цитата (почти на страницу) из письма Церетели Виктору Карловичу от 13 апреля 1901 г. (Д. 222. Л. 273—274) о работе над папирусом VIII в. (из собственного собрания) — см. с. 247—248 указанного очерка.

⁶⁵ Два больших отрывка из письма Церетели Ернштедту опубликованы в очерке: *Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 115—116, примеч. 25 и 26. Церетели Г. Ф. Памяти В. К. Ернштедта. СПб., 1903.*

⁶⁶ Сообщая в этом же письме, что собирается в Рим (Л. 7 об.), Крашенинников пишет, что готов к любым поручениям (то же самое — в открытке от 4/16 августа 1896 г. Л. 13). Сличал Крашенинников для Ернштедта и венецианскую рукопись Синтипы (в 1897 г.).

⁶⁸ Подробнее о Крашенинникове и его переписке с Ернштедтом см.: *Анфертьева А. Н. М. Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека // РНРВ. С. 375—419.*

Помимо корреспонденции «византинистов *ex officio*» в фонде Ернштедта сохранилось и большое количество писем так называемых факультативных византинистов (оба выражения принадлежат И. П. Медведеву — см.: РНРВ. С. 6, редакторское предисловие). Среди них первое место по праву отводится академику Петру Васильевичу Никитину, который, будучи филологом-классиком по образованию и призванию, оказался, как и Ернштедт, в византийском лагере.⁶⁹ За 1880—1901 гг. он написал Виктору Карловичу 8 писем (Д. 155. 12 л.). Три первых письма (от 8 декабря 1880 г., 13 марта и 8 июля 1881 г.), а также письмо от 9 июля 1890 г. процитировала О. В. Иодко в своем очерке о П. В. Никитине (РНРВ. С. 132—133, 140). В остальных письмах — наука (вопросы, консультации), личные дела, расписание лекций в университете, заботы о здоровье Виктора Карловича. В последнем письме — от 22 февраля 1901 г. — Никитин сообщил, что Отделение заслушало вопрос о командировке Ернштедта (о деньгах он сообщит позже), и горячо пожелал коллеге скорейшего выздоровления (летом 1901 г. Ернштедт лечился и работал в Германии).

П. В. Никитин написал для Петербургского университета отзыв о докторской диссертации Ернштедта (см.: РНРВ. С. 77), он же вместе с другими академиками подписал представление Виктора Карловича в Академию наук, его перу принадлежит и наиболее обстоятельный некролог Ернштедта.⁷⁰ О той выдающейся роли, которую сыграл П. В. Никитин в посмертном издании сочинений ученого, помимо очерка О. В. Иодко см. также очерк И. В. Куклиной о научном рукописном наследии Ернштедта (РНРВ. С. 70—71, 85, 92—95).

Среди тех, кто успешно соединял классику и Восток, необходимо также назвать Федора Федоровича Соколова, воспитавшего целую плеяду русских эпиграфистов и палеографов, волею судеб (и собственной волей) прибитых к византийскому берегу (В. К. Ернштедт, С. А. Жебелев, В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. И. Новосадский). Дело 194 насчитывает 23 письма Ф. Ф. Соколова (1880—1902 гг.; 42 л.). Первые два письма (от 13 и 23 июня 1880 г.) отправлены из Афин: сам Федор Федорович приехал туда 9 июня, обустроивается, ждет Виктора Карловича («Отлично было бы, если бы вы с Латышевым условились вместе ехать»), уже воспел в Афинах славу нового издателя Антифонта, просит привезти экземпляры; о погоде, жаре, советы путешественнику и пр.; в Афинах собирается жить вместе с Виктором Карловичем в одном из отелей (Л. 1—4).

Следующее письмо — уже из Петербурга (от 2 сентября 1880 г.). Соколов болел в дороге (астма) и в городе (простуда), начал читать лекции в Историко-филологическом институте и в университете. (Одновременно он написал в Афины и Латышеву — всегда отправляет письма парами.) «Ваш Антифонт⁷¹ привел в восторг Кобета. Кобет напечатал весьма хороший отзыв о Вашем труде и прислал два экземпляра своей рецензии Науку, в том числе один для Вас. Я вполне ожидал наилучших отзывов, но тем не менее чрезвычайно приятно, что эти ожидания таким блестящим образом сбываются» (Л. 6). Соколов сообщил также, что Константин Васильевич Кедров нашел возможность обоим командированным со следующего года добавить по 500 р., и просил обоих писать чаще (Л. 5—6 об.). И в дальнейшем Ф. Ф. Соколов, беспокоясь о неважном материальном положении своего младшего коллеги, писал ему, что Кедров собирается прибавить денег и заплатить долги Виктора Карловича архимандриту (имеется в виду архимандрит Анатолий — о нем см. далее) — письмо от 4 октября 1880 г. В этом же письме — хороший

⁶⁹ О П. В. Никитине-византинисте см. очерк: *Иодко О. В. П. В. Никитин и его вклад в византистику* (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН) // РНРВ. С. 131—171.

⁷⁰ *Никитин П. В. Некролог В. К. Ернштедта* // ИАН. Сер. 5. 1902. Т. 17. № 2. С. I—VI.

⁷¹ *Antiphontis Orationes edidit V. Jernstedt. Petropoli, 1880.*

отзыв об общей (Эрнштедта и Латышева) статье,⁷² одобрение плана поездок Эрнштедта по Греции, вопросы об ученых, с которыми он там познакомился; пишет, что рад успеху Виктора Карловича, обнаружившего редкую надпись, которую сам он не заметил (Л. 7—9 об.).

В письмах от 6 ноября 1880 г. и 12 января 1881 г. Ф. Ф. Соколов хвалит находки Эрнштедта, благодарит его и Латышева за присылаемые эстампажи надписей, пишет, что ждет от Эрнштедта реферата о пергамских раскопках, описания его поездки в Олимпию, описания дома Шлимана в Афинах, а также сообщает о новых открытиях в области древней истории (о должностях в Афинах и Аттике); хотя он и называет Эрнштедта первым эллинистом, но советует ему поучиться у Келера (Л. 10—16 об.), которого хоть и ставит очень высоко, но в письме от 15 мая 1881 г. (Л. 17—20 об.) ругает его злодеем и демоном за то, что тот прочитал надпись, над которой сам он долго корпел, причем прочитал больше (то, что Соколов пропустил на оборотной стороне) и гораздо лучше, и поместил в *Mitteilungen* об этом отличную статью. «Честь ему и слава!», — восклицает Соколов, но с досады ставит кляксу (Л. 20). Эрнштедт в своем письме очень ругал и исправлял Юргевича, — Соколов считает, что «основательно и превосходно», и пишет (Там же), что и Наук тоже исправлял Юргевича. Федор Федорович (по совету Кедрова) поднял на факультете вопрос о продлении командировки Эрнштедту для работы над рукописями Италии и советовал ему обратиться в департамент с прошением о пособии на обратную дорогу, поскольку после двух лет пребывания в Греции Эрнштедт хотел заехать в Петербург (письма от 13 октября и 10 ноября 1881 г. Л. 21—24). Обсуждается вопрос о кандидатуре преемника на место Эрнштедта: решено в конце концов, что ему на смену поедет Корольков, хотя его здоровье вызывает серьезные опасения, а вскоре подойдет очередь Никитского — этот и способный, и здоровый (Там же). В конце письма от 10 ноября Соколов доверительно и грустно пишет: «Сегодня мне стукнуло 40 лет... Никому не говорите».

Три следующих письма датируются 1882 г. (от 30 января, 7 февраля и 19 мая. Л. 25—31): разбираются письма Виктора Карловича, статьи, надписи, восстановления; Соколов очень хвалит молодого исследователя и, обсуждая статью Эрнштедта о Саламинской битве,⁷³ высказывает о ней свое собственное мнение, идущее вразрез с Фукидидом. В письмах 1890—1902 гг. больше всего места уделяется вопросам печатания их автора в ЖМНП (оттиски, гонорар, корректуры, немецкие резюме его исследований, рецензии и пр.); обсуждаются также научные (восстановления надписей), учебные и личные дела. 23 декабря 1900 г. Соколов благодарит своего адресата за деятельную роль в избрании его в члены-корреспонденты АН.

Столь часто упоминаемый в письмах Ф. Ф. Соколова и столь им ценимый Василий Васильевич Латышев, будучи историком и филологом-классиком, а также эпиграфистом соколовской школы, отдал византиноведческим студиям, как считает автор обстоятельного очерка о нем И. В. Тункина (РНВ. С. 172—288), более 20 лет своей жизни. Однако если вести отсчет от его первых контактов (1887 г.) и совместной работы с А. И. Пападопуло-Керамевсом по изданию агиологических и эпиграфических памятников,⁷⁴ то можно сказать, что Латышев был связан с византиноведением более 30 лет.

У Эрнштедта и Латышева было очень много общего и помимо научных интересов и знаний: они были ровесниками (разница в полгода), одновременно отправившись в заграничную командировку в Грецию, жили в Афинах, списывали

⁷² Имеется в виду статья «Одна из вновь найденных афинских надписей», напечатанная в ЖМНП (1880. Ноябрь. С. 467—471) и подписанная: В. Эрнштедт, В. Латышев.

⁷³ Эрнштедт В. К. Саламинская битва // ЖМНП. 1882. Март. С. 105—127.

⁷⁴ Ср.: РНВ. С. 325—326 (очерк И. П. Медведева о Пападопуло-Керамевсе).

и публиковали надписи, посылали эстампажи П. В. Никитину и Ф. Ф. Соколову. Первое письмо Латышева из Вильны Ернштедту в Рим от 3 сентября 1882 г. свидетельствует о весьма дружеских отношениях (отрывок из него опубликован в очерке И. В. Тункиной о Латышеве, см.: РНРВ. С. 182). Латышев жалуется на скуку провинциальной жизни, благодарит своего адресата за новости и, живо интересуясь обстоятельствами отъезда Виктора Карловича в Рим, просит его написать, чем в первую очередь он собирается заниматься в «вечном городе» — эпиграфикой, топографией или рукописями в Ватиканской библиотеке (Д. 121. Л. 1—2 об.). В дальнейшем их отношения перестали быть столь дружелюбны и перешли, как отмечает И. В. Тункина, в область академически деловых.⁷⁵

Всего в 121-м деле 15 писем, 5 открыток (1882—1898. 23 л.). Общую характеристику переписки дала И. В. Тункина: речь идет о публикациях самого Латышева и его учеников в ЖМНП. Более подробно это выглядит следующим образом: 13 апреля 1891 г. Латышев из Казани благодарит Ернштедта за присланные «Порфирьевские отрывки», которые он просмотрел «с живейшим интересом», но заниматься конкретным штудированием сейчас не может — занят на службе,⁷⁶ придется отложить до лета. В этом же письме Латышев рекомендует Ернштедту для напечатания в ЖМНП заметки своего ученика С. А. Селиванова о найденных им надписях и просит не судить юношу строго за то, что он не смог сразу докопаться до смысла надписей, ведь об архаические надписи ломают зубы и патентованные ученые (Л. 3—4).⁷⁷

27 октября 1891 г. Латышев посылает в ЖМНП «мелочишку, которую совместно и посылать», но на большее у него не хватило времени.⁷⁸ Слышал, что можно поздравить коллегу с ординатурой (Л. 5—5 об.). В открытке от 26 февраля 1892 г. Латышев сообщает, что он рад намерению Ернштедта обсудить его заметку⁷⁹ в Археологическом обществе,⁸⁰ и просит сообщить ему в Казань как свои собственные доводы против его предположения, так и возражения (если будут) при обсуждении (Л. 6). В следующей открытке (от 23 марта) Латышев задает вопрос: какое впечатление произвела на петербургских археологов его заметка о храме Девы у Страбона? И извещает, что посылает еще одну статью Селиванова (о Колофоне) для напечатания, хотя статья и размазана, но Латышев сам готов ее сократить по корректуре (Л. 7).⁸¹

Открыткой от 12 апреля 1892 г. Латышев известил коллегу, что на днях отправил несколько мелких поправок к Стефану Византийскому (Л. 8). О посылке самой статьи, видимо, сообщало письмо от 31 марта того же года (по описи — б/г): отправлена большая часть текста, остальное — через несколько дней, так как нужны кое-какие справки (Л. 17). К этой же статье (и соответственно к этому же году) относится, скорее всего, и сообщение от 2 мая из Харькова об отправлении дополнительных примечаний к статье о Корокондаме (Л. 19).⁸²

⁷⁵ И. В. Тункина в своем очерке объясняет возможные причины охлаждения (РНРВ. С. 182—183).

⁷⁶ В сентябре 1890 г. Латышев принял назначение помощником попечителя Казанского учебного округа и переехал в Казань. О дальнейшей его карьере см. в указанном очерке И. В. Тункиной (С. 201 и след.).

⁷⁷ Опубликовано: Селиванов С. А. Несколько неизданных родосских надписей // ЖМНП. 1891. Апрель. С. 1—24. В конце, на с. 24, замечания Ернштедта («К надгробию Идаменея»). Немного позднее был опубликован ответ автора на замечания Ернштедта: Селиванов С. А. К статье «Несколько неизданных родосских надписей» // ЖМНП. 1891. Август. С. 53—56.

⁷⁸ Имеется в виду «Эпиграфическая заметка», напечатанная в ЖМНП в январе 1892 г. (С. 35—36). Речь идет о статье «Заметки по древней географии северного побережья Черного моря и Крыма, I: К Страб., VII, 4, 2». Опубликовано: ЖМНП. 1892. Апрель. С. 1—9.

⁸⁰ С 1891 по 1894 г. Ернштедт был секретарем Императорского Русского археологического общества (по отделению археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской).

⁸¹ Опубликовано: Селиванов С. А. О Колофоне, Нотие, Кларе и о новых надписях Колофонской области // ЖМНП. 1892. Октябрь. С. 1—18; Ноябрь. С. 67—82.

⁸² Опубликована: Латышев В. В. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря и Крыма, II: К Стефану Византийскому // ЖМНП. 1892. Август. С. 65—68.

1 марта 1894 г. находящийся в Петербурге Латышев посылает в ЖМНП большую заметку к Диодору и просит напечатать ее в апреле, так как хочет сам прочесть корректуру, а в апреле он уезжает из Петербурга (Л. 9). Ернштедт и печатает ее в апрельской книжке журнала.⁸³ Видимо, к этому же году можно отнести не датированное по описи письмо (Л. 23—23 об.) относительно примечания к Диодору, которое Латышев предлагает вклеить в соответствующее место статьи (по корректуре). В этом же письме предлагается для обсуждения в заседании классического отдела Археологического общества заметка «Новые данные по истории Боспорского царства».⁸⁴

Письмо б/г от 22 ноября об отправке статьи о греческой надписи о царе Биребисте вместе с фотографическим снимком для цинкографии тоже легко датируется: эта статья была напечатана в ЖМНП в январе 1896 г.⁸⁵ (письмо, следовательно, датируется 1895 г.). Латышев писал Виктору Карловичу, что ему пришлось оставить несколько вопросительных знаков (особенно его смутили строки 26 и 40). Имя Шкорпила⁸⁶ в названии статьи надо сохранить. Автор просит не менее 50 оттисков (Л. 21).

Вполне поддается датировке и письмо от 10 сентября (Л. 20) об отправке для журнала перевода приписываемого Мосху ἐπιτάφιος Βίωτος, — это статья «Из стихотворений Мосха Сиракузского. Надгробная песнь Биону», напечатанная в ЖМНП в октябре 1897 г. (С. 38—43). В письмах 1898 г. (Л. 10—12 об.) Латышев обсуждает с Ернштедтом возможность напечатать в ЖМНП магистерскую диссертацию Ф. Э. Видемана («О начале греческой письменности» (сам магистрант находился в это время в заграничной командировке в Берлине). Латышев посылает рукопись, обсуждает перемену названия, делает кое-какие замечания и сокращения (Л. 14).⁸⁷

Материал, о котором говорили и писали ученые мужи, был равно близок и знаком им обоим — об этом свидетельствуют и просьбы о помощи в затруднительных случаях, и желание помочь, и, наконец, даже скромная констатация достигнутого, — например, в Р. S. к письму от 17 марта 1898 г. Латышев пишет: «В надписи, найденной Кулаковским в Старом Крыму, мне удалось сделать небезынтересное открытие» (Л. 12 об.). В другом письме, оставшемся недатированным (от 10 января. Л. 16), Латышев приводит текст надписи на свинцовой пластине, который ему удалось прочесть; большего, как он считает, можно было бы добиться только с увеличительным стеклом, а это очень утомляет глаза. Латышев пишет, что был бы рад, если бы коллеге удалось помочь, и хочет заметку об этом поместить в ИАК за подписью Ернштедта.⁸⁸ Что отношения не были уж столь официальными

⁸³ Латышев В. В. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря и Крыма, III: К Диодору Сицилийскому. С. 6—9.

⁸⁴ Опубликовано в июньской книжке ЖМНП за 1894 г.: «К истории Боспорского царства» (С. 81—85).

⁸⁵ Латышев В. В. Эпиграфические этюды, VII: Декрет из города Дионисополя, сообщенный В. В. Шкорпилом // ЖМНП. 1896. Январь. С. 1—19.

⁸⁶ Подробнее об истории находки и опубликования этой надписи см. в очерке И. В. Тункиной о Латышеве (РНРВ. С. 189—190).

⁸⁷ Публиковалась в ЖМНП под заглавием «О начале греческой письменности» в июне, июле, августе 1898 г., в январе—феврале и августе—сентябре 1899 г. Видеман написал Ернштедту 8 писем за 1896—1901 гг. из Варшавы, Берлина, Петербурга (Д. 43. 17 л.). В первом письме (от 10 марта 1896 г., Варшава) он сообщал Виктору Карловичу о своих занятиях по воспитанию и обучению членов семейства графов Стальбергеров, о своих собственных занятиях древними языками и палеографией, диссертацией и подготовкой к завершению магистерского экзамена. Все последующие письма касаются печатания его диссертации и статей в ЖМНП (изменения названий, досылка текста, поправки, корректуры, сроки и пр.).

⁸⁸ По всей вероятности, речь идет о заметке: *Jernstedt V. De epigrammate Tryphonidis Panticaræae*, помещенной в качестве дополнения к статье В. В. Латышева «Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г.» (ИАК. 1902. Вып. 3. С. 21—57, на с. 57). Возможно, что и письмо следует датировать 1902 г.

и сухими, свидетельствует и письмо (б/г) от 15 апреля (Л. 18) о том, что Латышев читал *Anecdota graeca* и нашел подтверждение высказанному ранее мнению Эрнштедта о глаголе $\lambda\alpha\iota\beta\omega$. Автор письма предлагает своему адресату взять это на заметку.

И, наконец, еще одно — сопроводительное — письмо Василия Васильевича от 29 ноября, которое также можно уверенно датировать по содержанию 1901 г. Письмом этим Латышев извещает, что присланная из Одессы для возможного напечатания в ЖМНП предсмертная работа Л. Ф. Воеводского⁸⁹ записана под диктовку С. А. Селивановым и снабжена предисловием и комментариями последнего (Л. 22—22 об.). В первой описи фонда Эрнштедта (Д. 90. 16 л.) вместе с рукописью Воеводского сохранилось и сопроводительное письмо самого Селиванова от 25 ноября 1901 г., в котором он просит в случае опубликования послать гонорар вдове Воеводского. В предисловии Селиванов подробно излагал историю своего знакомства с Воеводским (перечеркнуто, скорее всего, Латышевым, поскольку тот напечатал, что разметил красным карандашом возможным сокращение предисловия). Василий Васильевич заявил о своей готовности держать корректуру и распорядился об оттичках: Селиванову (20) и семье (40); гонорар — вдове.

В фонде Эрнштедта (Д. 189. 3 л.) сохранились еще два письма Селиванова 1891 г. из Афин,⁹⁰ в одном из которых он благодарит Виктора Карловича за намерение (высказанное им в письме к Р. Х. Леперу) прислать ему свою докторскую диссертацию («Порфирьевские отрывки из Аттической комедии. Палеографические и филологические этюды»). Селиванов пишет, что очень хотел ее иметь, но не осмеливался навязываться. Сам он послал в «Записки Археологического общества» заметку «К топографии острова Родоса»,⁹¹ и поскольку Эрнштедт ведет классический отдел и в ЖМНП, и в «Записках», — просит его проследить за участью своей «безделицы» (письмо от 23 сентября 1891 г. Л. 1—2 об.). Просит также присылать «Записки» в Афины, в библиотеку (ЖМНП они получают регулярно). Селиванов высказывает свою признательность Виктору Карловичу за замечания и корректуру, которую он осмелился поместить в *Mitteilungen*.⁹² Через месяц Селиванов уже благодарит за подарок, за решение вопроса о присылке «Записок Археологического общества», за справку о своей заметке. Обещает посылать оттиски из *Mitteilungen*. Сообщает, что собирается в Малую Азию (27 октября 1891 г. Л. 3—3 об.).

Филолог-классик и специалист по древнегреческой литературе Николай Иванович Новосадский принадлежит, наряду с Эрнштедтом, Латышевым, Никитским и Жебелевым, к той самой замечательной школе эпиграфистов, которую воспитал академик Ф. Ф. Соколов. Будучи профессором Варшавского университета (с 1888 г.), он отправил В. К. Эрнштедту за 1891—1895 гг. 14 писем (Д. 158. 27 л.). Основное их содержание касается защиты докторской диссертации: Новосадский хотел защищать ее в Петербургском университете, но после отрицательного отзыва Ф. Ф. Зелинского университет диссертацию отверг. Рецензия Зелинского была напечатана в ЖМНП.⁹³ Новосадский, считая, что задета его научная честь и ему нанесено незаслуженное оскорбление, выслал Эрнштедту резкий ответ (письмо от 15 июля 1892 г. Л. 13—14 об.) и просил напечатать его как можно скорее и без

⁸⁹ Речь идет о работе Воеводского «Соляная теория мифов и древнейшая греческая культура» (см.: РНВ. С. 121). Напечатана в ЖМНП в мае 1902 г.

⁹⁰ В 1890 г., после окончания ПИФИ, Селиванов был командирован на три года в Грецию.

⁹¹ С. А. Селиванов был автором монографии «Очерки древней топографии острова Родоса» (Казань, 1892).

⁹² Имеются в виду *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung*.
⁹³ *Зелинский Ф. Ф. Культ Кавиров в древней Греции* Н. И. Новосадского. Варшава, 1891 // ЖМНП. 1892. Март. С. 248—272.

изменений. Редакция пыталась смягчить и сократить ответ (текст письма В. Г. Васильевского Ернштедту по этому поводу см.: РНРВ. С. 86, примеч. 53), но на страницах журнала он так и не появился.

Новосадский постоянно просил у Виктора Карловича совета, справок, выписок, исправлений, помощи с конъектурами. «Ваши конъектуры так часто оказываются *sagacissimae*», — пишет он (2 сентября 1891 г. Л. 3). Ернштедт быстро и оперативно отвечает, делает замечания и исправления, присылает нужные выписки. «Такая готовность делиться знаниями встречается редко», — справедливо и с благодарностью отмечает Новосадский (24 ноября 1895 г. Л. 27).

Среди первоклассных филологов-классиков, пополнивших ряды византиноведов, В. Н. Бенешевич называет также и академика Александра Васильевича Никитского (см.: РНРВ. С. 608). Последний за 1895—1902 гг. написал Ернштедту 19 писем, 2 открытки и записку (Д. 156) — сначала из Одессы, где Никитский преподавал в Новороссийском университете, затем из Юрьева (в Юрьевском университете Никитский был профессором историко-филологического факультета), а с 1902 г. — из Москвы. Письма его в основном касаются публикаций в ЖМНП (отправления частями, подтверждения, благодарности, корректуры, сокращения, исправления, оттиски и пр.). В письме от 30 сентября 1898 г. Никитский оправдывается в ошибках в греческом языке, на которые ему справедливо, по его признанию, указал Виктор Карлович, благодарит за замечания и просит делать их и в будущем. Он сообщает о своих планах и замыслах, упоминает несколько раз о М. Н. Крашенинникове (с которым вместе преподавал в Юрьевском университете) и о его работе над Проклопием.

19 марта 1901 г. Никитский извещает петербургского коллегу о своем сильном желании покинуть Юрьев. По всей вероятности, обсуждался вопрос о его приглашении в Петербург, во всяком случае, С. Ф. Платонов в письме от 2 марта 1901 г. написал Ернштедту: «Приглашение Никитского не мешает сейчас же поднять вопрос о “латинисте”. Но у нас есть свой, Ростовцев — “скоро доктор”, если не считать Холодняка — “скоро доктора”. Звать мимо них со стороны есть ли надобность? Средств у нас хватит и на грека, и на латиниста вместе» (Д. 165. Л. 21 об.). Как пишет Никитский, С. И. Соболевский соблазняет его Москвой,⁹⁴ но для ординатуры необходима докторская, которую он и собрался печатать летом. Шансов на успех у него мало, так как большинство, скорее всего, поддержит Мищенко. В Юрьеве ему жаль расставаться только с Михаилом Никитичем (Крашенинниковым), но ведь и он же здесь в конце концов не останется (Л. 34 об.).⁹⁵

Никитский пишет также о подготовке к диспуту в Петербурге; он испуган тем, что его могут заподозрить, будто он рвется в Петербург, и в стремлении перебежать дорогу С. А. Жебелеву. Уж лучше он тогда останется в Юрьеве и не будет двигаться с места (письмо от 28 октября 1901 г.).⁹⁶

Два следующих письма (от 8 апреля и 5 августа 1902 г.) посланы Ернштедту уже из Москвы: Никитский пишет об устройстве, лекциях, взаимоотношениях

⁹⁴ Об этом см. письмо С. И. Соболевского Ернштедту из Москвы от 14 марта (6/г; очевидно, однако, что это 1901 г.): в Москву хотят взять эллиниста с главной специальностью по древностям и истории литературы. Лучше всего — А. В. Никитского, но он не соответствует по званию. Соболевский просит утвердить его в Петербурге доктором *honoris causa* с подачи Ф. Ф. Соколова и самого Ернштедта — может быть, с представлением диссертации (Д. 193. Л. 3—3 об.).

⁹⁵ Отрывок из этого письма напечатан: *Анфертьева А. Н.* М. Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека. С. 390.

⁹⁶ О диспуте Никитского С. Ф. Платонов написал Ернштедту 10 октября 1901 г.: факультет утвердил Ернштедта вторым оппонентом у Никитского, а сам диспут назначен на 11 ноября. Ф. Ф. Соколов представит отчет на заседании факультета 31 октября. Платонов просил и Ернштедта пожаловать в этот день на факультет с отзывом (Д. 165. Л. 25).

с коллегами, о дороговизне жизни, о том, что в Москве — не в пример Петербургу и Юрьеву — плохая библиотека. После отъезда Никитского из Юрьева Крашенинников предлагал освободившееся место ординарного профессора в Юрьевском университете Жебелеву, о чем тот в сомнениях писал Виктору Карловичу 14 декабря 1901 г. (Д. 80. Л. 76—77 об.), приводил доводы за и против и просил совета.

Филолог-классик, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, исследователь языка Гомера Дмитрий Федорович Беляев также оказался в рядах византиноведов (изучал в Казани «Устав византийского двора»). Эрнштедт писал отзыв на его исследование «История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы» (Казань, 1886).⁹⁷ В фонде Эрнштедта — 2 письма Беляева (Д. 23): одно (от 22 мая 1891 г.) — личного характера (приглашение на чашку чая); другим письмом (от 12 января 1897 г.) Беляев поблагодарил за присланную в Казань статью Эрнштедта об Анакреонтиках.⁹⁸ Заодно он просил поблагодарить Церетели за присланную книжку о рукописных сокращениях⁹⁹ (сам он не знает адреса). Беляев писал, что, возможно, соберется написать где-нибудь заметку о книжке трудолюбивого Церетели, которая пришла в Казань во время занятий по греческой палеографии и как раз тогда, когда дошли до сокращений (Л. 2—2 об.).

Ученики и более молодые исследователи, отправляясь в заграничные командировки, безотказно делали для Эрнштедта копия рукописей (как сам он в свое время делал сличения для В. Г. Васильевского). Кроме вышеупомянутых Р. Х. Лепера, М. Н. Крашенинникова, Г. Ф. Церетели, Б. В. Фармаковского копированием и описанием греческой рукописи *cod. Vaticanus 335* Ватиканской библиотеки занимался в бытность свою в Риме (1895 г.) и М. И. Ростовцев. Всего он написал Эрнштедту 5 писем за 1895—1900 гг. (Д. 182 — два письма, две открытки; одно письмо от 28 октября 1895 г. находится в фонде П. В. Никитина: ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 235. Л. 6—7 об.).¹⁰⁰

И. В. Тункина процитировала ту часть письма Ростовцева Эрнштедту от 12 ноября 1895 г., которая касается его собственной работы и его планов отъезда в Вену для подготовки задуманного исследования о *Villa rustica* и для занятий греческой и римской эпиграфикой (Л. 3—3 об.). Начало же этого письма (Л. 2—3) как раз касается работы над рукописью. Ростовцев не сумел довести списывание до конца и должен прерваться, так как уезжает в Вену. Остальное он поручит сфотографировать, и фотографии будут готовы и высланы к концу недели (если необходимо, то и с негативами). Ростовцев поручил это одному своему здешнему приятелю Амелунгу. «Кроме того, — пишет Ростовцев, — не будучи вполне уверен в полной точности моего списка и сознавая его важность для Вас, я просил другого моего хорошего знакомого, много списывавшего и сличавшего греческих рукописей доктора Граевен²а проверить мой список по рукописи и переслать его Вам вместе с фотографиями» (Л. 2 об.).

Эрнштедт просил по возможности сделать для него копия всей рукописи, и Ростовцев пишет, что это можно возложить на того же Гревена (за обычную в таких случаях плату — 5 франков в час). Поскольку он человек компетентный, то на него «можете столько же положиться, как и на М. Н. Крашенинникова. На днях

⁹⁷ См.: РНВ. С. 105—106.

⁹⁸ Эрнштедт В. К. Заметки к *Anacreontea* (к *Συμπλοτικὰ ἤματα*) // ЖМНП. 1896. Ноябрь—декабрь. С. 94—102.

⁹⁹ Церетели Г. Ф. Сокращения в греческих рукописях, преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. СПб., 1896.

¹⁰⁰ Обзор этих писем см.: Тункина И. В. Документы М. И. Ростовцева в Санкт-Петербургском Архиве РАН // Скифский роман. М., 1997. С. 29—30.

приехал сюда Малейн, и я конечно мог бы ему поручить окончание работы, но побоялся, так как он списыванием и сличением рукописей греческих совсем не занимался. Очень сожалею, что мне самому не удалось докончить начатого, но обстоятельства сильнее меня в данном случае» (Л. 3).

Вышеупомянутое письмо Ростовцева от 28 октября 1895 г. (в фонде Никитина) дополнено его сличениями Vatic. gr. 335 (Л. 9—17 об.); в этом же фонде находятся письма и других помощников Эрнштедта по сличению рукописи «Синтипы» — М. Н. Крашенинникова, К. Крумбахера и Г. Гревена (см. подробнее: РНРВ. С. 94). По-видимому, Виктор Карлович обращался за помощью и к И. В. Ягичу: 24 июня 1895 г. тот ответил из Вены о своем затруднении выполнить просьбу Эрнштедта о собрании рукописей в связи с отъездом Вессели и другими обстоятельствами (Д. 238. На нем. яз.).

С Гревеном Эрнштедт вел довольно оживленную переписку: дело 58 содержит 3 письма и 4 открытки за 1895—1896 гг. (на нем. яз.). Открыткой от 19 ноября 1895 г. Гревен известил Эрнштедта, что выслал 6 фотографий отрывка из Vatic. gr. 335, и если что-то нужно, — он готов к сотрудничеству (Л. 1). Уже 25 ноября, успев получить от Эрнштедта ответное письмо, он пишет, что готов выполнить его просьбу, как только закончит свою спешную работу (Л. 2). И далее также идет обсуждение рукописных дел и обещание выполнить просьбы коллеги. 11 января 1896 г. Гревен сообщил, что не нашел вариантов рукописи; отклонений очень много (приводит подробности о рукописи); обещает посмотреть Vatic. gr. 1432 с письмом Феодора Студита (Л. 5—6).

От немецкого византиниста Карла Крумбахера в фонде Эрнштедта сохранились 18 посланий (12 писем, 5 открыток, 1 визитная карточка с приглашением) за 1893—1902 гг. (Д. 111. 21 л.). Все они опубликованы Т. Н. Тасенко во 2-м томе «Архивов» (РНРВ. С. 123—130), и таким образом трудночитаемые (из-за почерка) письма Крумбахера стали доступны исследователям.

Сличал для Эрнштедта рукописи и Александр Николаевич Щукарев. От него дошло 4 письма (Д. 233. 6 л.): от 16 февраля 1892 г. (Петербург), 7 сентября/26 августа 1897 г. (Париж) и два без даты (в одном из них — адрес Селиванова в Берлине, в другом — рассуждения по поводу «Афинской политики» Аристотеля). Наиболее информативно парижское письмо, в котором Щукарев сообщает, что навел справки по просьбе Виктора Карловича относительно рукописи 1115, и на четырех страницах письма описывает рукопись, списывая греческие и латинские пометы на полях, сообщая сведения о почерке (например, что л. 1—7 и 307—314 писаны другой рукой), заметках, приписках и пр. Одна из заметок на поле: «Fol. 280 legitur narratio Ioannis monachi... Эта "narratio", как указал мне А. А. Васильев, издана в Patrol. Graeca Migne'я, т. 109 — целиком, как оказалось по сличению» (Л. 3). На том же листе еще заметка на поле: «Ioannis Hierosolymitani episcopi Synodicon, quod sub nomine s. Iou. Damasceni... fol. 239. Это и есть, по-видимому, интересующий Вас трактат. Он издан у Комбефизия во втором томе Novi Auctorii bibliothecae Patrum в столбцах 663—716 и в гораздо более полном виде, чем в нашей рукописи» (Л. 3—3 об.); Щукарев приводит начальные слова на л. 239 и конечные — на л. 245.

От своего коллеги по Петербургскому университету филолога-слависта академика Владимира Ивановича Ламанского Эрнштедт получил два письма (Д. 117. 3 л.). Ламанский, один из учителей Ф. И. Успенского, был близок византинистам и как знаток славянских рукописей, и как участник подготовки создания Русского учебного центра в Константинополе (см.: АРВ. С. 75—76), и особенно тем, что в свое время побудил В. Г. Васильевского, по образованию историка-античника, заняться историей Византии (см.: РНРВ. С. 55). Оба его письма к Эрнштедту —

личного содержания. Дата первого неразборчива, второе — от 3 июня 1889 г. из Боровичей: Ламанский из телеграммы Васильевского узнал о смерти О. Ф. Миллера, горюет и сожалеет, спрашивает Виктора Карловича, как это произошло,¹⁰¹ и хвалит Миллера как человека и труженика; пишет, что заказали панихиду.

Сохранились в фонде Ернштедта и письма Федора Евгеньевича Корша (Д. 106). В своих «Лекциях по истории византиноведения» В. Н. Бенешевич охарактеризовал академика Корша как выдающегося лингвиста и полигистора, примкнувшего «к византинистам по вопросам языка и народного эпоса».¹⁰² Корш обладал блестящей эрудицией не только по своей основной специальности, но и по истории европейских литератур и языковедению индоевропейских и азиатских наречий. Очень точно о нем написал Ернштедту Э. Л. Радлов 17 февраля 1900 г.: «Психология москвичей проста: душа их Корш (а ум — Шварц), посему они и не отдалаются от своей души, дабы не умереть» (Д. 177. Л. 4).

Сам Федор Евгеньевич в письме к Ернштедту от 3 февраля 1885 г., очертив свои разнообразные области знаний, скромно резюмировал, что он во всем дилетант, хотя и полезен тем, что готовит молодых специалистов. «От славы я, конечно, отказался — тем более, что она принуждена отказаться от меня» (Л. 4). «Уже из этой свойственной мне многосторонности Вы можете заключить, что я отношусь с полным сочувствием к Вашим экскурсиям в пределы византизма. Я сам не чужд ему и даже преподаю в здешнем университете (Московском. — И. К.) среднегреческий язык...» (Л. 4 об.). Корш уверяет, что они с Виктором Карловичем чуть ли не двойники, да еще оба поэты («части поэзия и привела меня к многоязычию»). «Если Вы еще скандинав согласно с Вашей фамилией, вот Вам еще право на мою симпатию: я как-то особенно схожусь с потомками варягов» (Там же).

Этим же письмом Корш поздравил коллегу с экстраординатурой, которая, как ему кажется, знаменует победу над Зелинским. «Ваш Зоил просится в Киев прямо на экстраординатуру, а министерство предлагает ему приват-доцентуру с вознаграждением».¹⁰³

От упомянутого профессора Московского университета Александра Николаевича Шварца Ернштедт получил 9 писем за 1891—1900 гг. (Д. 224. 14 л.). Большею частью они касаются присуждения Боткинской премии Ернштедту за его «Порфирьевские отрывки». Шварц сочинение прочитал, назвал этот труд превосходным и единственно достойным премии, о чем написал доклад Комиссии. Сообщает о присуждении премии, описывает препятствия и кривотолки, справедливо, по его мнению, преодоленные (Л. 1—7 об.). Затем Шварц откликнулся на смерть А. К. Наука (письмо от 15 сентября 1892 г. Л. 8—9), послал для декабрьской книжки ЖМНП поправки к статье С. А. Жебелева (28 декабря 1893 г. Л. 10—11 об.), но после объяснений Ернштедта попросил их не печатать, а просто сообщить автору (4 января 1894 г. Л. 12—12 об.).¹⁰⁴ Шварц поблагодарил за приглашение сотрудничать в ЖМНП и просил выразить свою глубокую признательность членам Русского археологического общества, избравшим его своим действительным членом (письмо от 19 января 1896 г. Л. 13).

Коллега Ернштедта по Петербургскому университету Иван Васильевич Помяловский написал ему за 1880—1899 гг. 31 письмо (5 из них не имеют даты)

¹⁰¹ О. Ф. Миллер умер от разрыва сердца.

¹⁰² «Лекции...» В. Н. Бенешевича опубликованы И. П. Медведевым (см.: РНВ. С. 607).

¹⁰³ Всего в деле 106 четыре письма от Ф. Е. Корша. В первом из них (от 25 мая 1881 г.), посланном из Петербурга в Афины, идет речь об обмене научной продукцией; два последних относятся к 1900 г. (личного содержания) и 1901 г. (1 мая): Корш сообщает, что он уже неделю находится в Петербурге, очень занят; извещает, что готовит статью для сборника в честь П. В. Никитина (Л. 6).

¹⁰⁴ Имеется в виду статья: *Жебелев С. А. Женская голова из Аргосского Ирзона* // ЖМНП. 1893. Декабрь. С. 111—113.

и 1 открытку (Д. 169. 41 л.). Помяловский благодарит своего адресата за присланные снимки с Анапской надписи, за копию греческой надписи, просит передать благодарность Сп. Ламбросу за письмо и за полученные через Г. Дестуниса его *Κερκυραϊκὰ ἀνέκδοτα* — ценный подарок для Археологического общества (письма от 14 февраля и 8 апреля 1882 г. Л. 3—4 и 5—6 об.); много места уделяется учебным и научным делам (экзамены, диспуты, диссертации, заседания, хлопоты об ординатуре для Виктора Карловича, стипендии, отзывы и т. п.), а также делам издательским и журнальным.

27 марта 1895 г. Помяловский написал: «Челобитствую Вам своим Паисием, примите его благосклонно, ибо он, кажется, того заслуживает. Это тип совершенно отличный от Григория Синаита и Афанасия, но не менее характерный» (Л. 33).¹⁰⁵ В другом письме (без даты, л. 40) Помяловский приглашает коллегу взглянуть на греческую рукопись Евангелия XII в. — «*палимпсест*, привезенный с Востока». Еще в одном (недатированном) письме приводится выписка из адресованного Помяловскому письма М. Н. Крашенинникова: «При случае не можете ли сообщить В. К. Эрнштедту мою конъектуру...¹⁰⁶ На днях закончу сличение Жития Константина и Елены — и напишу Виктору Карловичу» (Л. 41).

Корреспонденция показывает весьма дружественный характер отношений двух ученых: приглашения домой и на дачу, возможность для Виктора Карловича в отсутствие Помяловского работать в его кабинете¹⁰⁷ и пользоваться его библиотекой. В письме от 12 июня 1891 г. (Л. 22—22 об.) Иван Васильевич выражает свою радость по тому поводу, что Эрнштедт просматривает его книжное собрание, и просит забрать дублеты.

Фонд Эрнштедта содержит одно письмо от историка искусства, археолога и востоковеда Якова Ивановича Смирнова (17 января 1902 г., Петербург. Д. 191. 1 л.): в ответ на предложение Виктора Карловича написать рецензию на академическое издание сочинений Герца¹⁰⁸ Смирнов ответил, что, сколь это ни лестно, вынужден отказать, так как слишком много скопилось начатых и неоконченных работ. Еще одно письмо Я. И. Смирнова Эрнштедту (от 22 октября 1895 г.) случайно сохранилось в фонде Д. В. Айналова.¹⁰⁹

От историка литературы академика Александра Николаевича Веселовского Эрнштедт получил за 1887—1900 гг. 21 письмо (по большей части без даты) из Петербурга и Италии (Д. 40. 30 л.). Полиглот и эрудит, пользующийся в своих фольклорно-литературных изысканиях сравнительно-историческим методом, А. Н. Веселовский подчеркивал весомый вклад Византии в историю европейской литературы и ее немаловажную роль в качестве посредника между Востоком и Западом. Занимаясь исследованием творчества Боккаччо, Веселовский обращался к Эрнштедту за советами и благодарил его за некоторые подсказки и за то, что тот убедил не доверяться чужим толкованиям вообще и в частности толкованиям тех, кто писал о Боккаччо, а полагаться лишь на собственное чутье, которое-то и подсказало Веселовскому, что Дидона=Венера. Исследователь восхищен тем, как Эрнштедт попал в точку, преподав такой урок (Л. 24). Следом Веселовский благодарит за Ариадну и обсуждает со своим адресатом некоторые неясности у Боккаччо (Л. 27).

¹⁰⁵ Имеется в виду «Житие св. Паисия Великого» (опубликовано: СПб., 1900).

¹⁰⁶ Речь идет о надгробии Христа по эстампажу В. В. Латышева (предмет споров между Эрнштедтом и Латышевым). Крашенинников предлагает возможное чтение.

¹⁰⁷ Эрнштедт был расстроен, что надолго оставил открытой форточку в кабинете Помяловского (зимой!), но хозяин кабинета отнесся к этому весьма благодушно (письмо от 16 декабря 1889 г. Л. 17—17 об.).

¹⁰⁸ Полное собрание сочинений историка искусства К. К. Герца под редакцией В. В. Латышева (9 выпусков) вышло в 1898—1901 гг.

¹⁰⁹ Опубликовано: *Климанов Л. Г. Я. И. Смирнов: из рукописного наследия* // РНБВ. С. 466—468.

Веселовский просит Виктора Карловича порекомендовать переписчика греческой рукописи, так как сам не успевает (Л. 3); просит помочь в чтении последних корректур греческого текста вместо Дестуниса, у которого болят глаза (Л. 29—29 об.); одним из немногих датированных писем (от 31 декабря 1900 г. Л. 18) приглашает на заседание неофилологического общества и другим письмом (без даты. Л. 26) — на собрание (обсуждение устава) романо-германского общества.

В письмах обсуждаются также общие хлопоты о стипендии для Ф. А. Брауна¹¹⁰ и вопрос об устройстве доктора Паволини, преподавателя итальянского языка в Болонье, на историко-филологический факультет Петербургского университета (рекомендацию ему дают Веселовский — на русском и профессор д'Анкаона, его бывший учитель — на итальянском языке) — письмо от 16 апреля 1887 г. (Л. 5—6), а также от 26 и 30 апреля, 2 и 11 мая того же года (Л. 8—15).

В одном из писем (в связи с хлопотами о стипендии для Брауна) упоминается Владиславлев. От Михаила Ивановича Владиславлева есть в фонде Ернштедта одно письмо от 4 июня 1887 г. (Д. 48), в котором он сообщает, что вступил в должность ректора (Петербургского университета) и перестал быть деканом факультета (историко-филологического); выражает глубокую благодарность Виктору Карловичу как секретарю факультета. «Вы были безукоризненным моим помощником, — пишет Владиславлев, — не чуждались дела, несмотря на свои ученые занятия, и терпеливо принимали на себя многие мелкие, но потому и тягостные хлопоты». Собирается рекомендовать Ернштедта на дальнейшее секретарство при новом декане, кто бы он ни был (в 1887 г. деканом стал И. В. Помяловский; Ернштедт оставался секретарем до 1893 г.).

Деловые и дружеские письма философа Эрнеста Львовича Радлова к Ернштедту (13 писем, 3 открытки за 1891—1902 гг.) составляют д. 177 (18 л.). С 1899 г., когда после смерти В. Г. Васильевского Э. Л. Радлов стал главным редактором ЖМНП (до этого он был помощником главного редактора), корреспонденция его посылается на официальных редакторских бланках, и хотя много и часто обсуждаются именно журнальные дела (статьи, рецензии, диссертации, работа типографии и пр.), но есть и письма личного характера: консультации, приглашения на обед и на дачу, заботы о здоровье, предложения книг от букинистов, выражение готовности отдать Виктору Карловичу найденное у себя собрание сочинений Сенеки и «Характеры» Феофраста (а если Виктору Карловичу они не нужны, то какому-нибудь студиозу-филологу).

Одно из писем (от 22 октября 1900 г.), начинающееся словами: «Дорогой Виктор Карлович!» и заканчивающееся: «Душевно преданный Вам», очень выпукло рисует характер Ернштедта. «Ваше вчерашнее нападение было столь для меня неожиданным (хотя по существу оно и не вполне несправедливо, почему проф. Никитскому и «будет возмещены его убытки»), что я забыл сказать Вам главное: статью Базинера я, конечно, передаю на Ваше усмотрение, и ежели Вы найдете, что ее почему-либо нельзя печатать, то мы и не напечатает, а Вы ему объясните причины. Особенно огорчила меня, дорогой Виктор Карлович, Ваша последняя

¹¹⁰ В фонде Ернштедта (Д. 28. 11 л.) хранятся 6 писем и 1 открытка Ф. А. Брауна (1887—1901 гг.). В письме от 27 августа/8 сентября 1887 г. Браун (из Швейцарии) сообщает радостное известие о присуждении ему пособия в 400 р.; пишет о предложении занять кафедру всеобщей литературы в Нежине и о причинах своего отказа: боится лекторства, знает только немецкую литературу, и интересы его лежат в другой области: помимо немецкой литературы — лингвистика, фольклор и мифология. Тема будущей магистерской диссертации: заговоры и заклинания у индоевропейцев; вскоре приедет в Петербург для сдачи магистерского экзамена (Л. 1—6). 27 августа 1901 г. Браун извещает о передаче Ернштедту диссертации приват-доцента Киевского университета В. И. Петра о древнегреческой музыке с просьбой, чтобы Ернштедт и С. К. Булич дали отзыв (Л. 10), а если Ернштедт откажется быть оппонентом, то тогда согласится Зелинский (письмо от 1 сентября 1901 г. Л. 11).

стрела; Вы их выпустили несколько, причем направили в самые больные места, а горше всего то, что, выпустив последнюю и заявив, что она последняя, Вы все же еще нанесли жестокое оскорбление пепельнице редакционной, а вместе с тем и всей редакции. Оставляю, однако, в стороне шутки; я должен Вас поблагодарить за то, что Вы указали мне на мой недосмотр. Прошу Вас верить, что я стараюсь быть ко всем справедливым, и только необходимость иногда заставляет являться в свете скупого рыцаря и навлекать на Вас неприятные письма с жалобами на редактора» (Л. 7—7 об.).

Уже на следующий день, успев получить письмо от своего коллеги, который не принял шутки и продолжал кипеть, Радлов, отвечая ему, слегка извиняется и признает, что шутил «несколько тяжеловесно» (23 октября 1900 г. Л. 8—9). Объясняет он это обычным для себя осенним нездоровьем, но все-таки он благодарен Виктору Карловичу за дружеское расположение, которое проявилось, в частности, в том, что тот согласился напечатать у себя Базинера.¹¹¹ «Ваше расположение и мнение о себе, — пишет главный редактор, — я очень ценю» (Л. 9).

Через год и опять-таки в октябре Радлов пишет Эрнштедту, что заходил к нему, но не застал: «Надеюсь, что гнев Ваш прошел и что у Вас отходчивое сердце. В действительности я ничем не заслужил Вашего гнева; напротив, всегда стараюсь соблюдать Ваши интересы» (письмо от 27 октября 1901 г. Л. 13—13 об.). Корреспонденция эта недвусмысленно дает понять, насколько близко к сердцу принимал Эрнштедт интересы журнала и его классического отдела, а также и интересы «своих» авторов.

В фонде сохранился (Д. 8) черновик письма Эрнштедта Дмитрию Фомичу Кобеко (карандаш, без даты) по поводу его исправлений текста «Беседы о святых Цареграда». Виктор Карлович хесть и пишет, что он профан в древнерусской литературе, но чтение статьи его заинтересовало, и исправление текста, которое предложил Кобеко (поменять местами две из четырех частей «Беседы»), навело его на мысль, что следует посчитать количество строк в этих частях, так как оно должно быть приблизительно равным. Эрнштедт проделал такую работу по печатному тексту и предлагает Кобеко проверить это по рукописи. Предварительный подсчет Эрнштедта обещает благоприятный исход и новый довод в пользу точки зрения Кобеко.

Письма коллег к Эрнштедту с вопросами, с обращениями за справками и советами относительно кодексов, папирусов, надписей и просто литературных сюжетов свидетельствуют о его постоянной готовности делиться своими обширными знаниями.

П. В. Никитин, получив ответы от Виктора Карловича на интересующие его вопросы и поблагодарив за «великодушную любезность», просит ответить еще на целый ряд вопросов по палеографии и надписям (Д. 155, письмо от 8 июля 1881 г.). А. Прахов просит помочь разобрать греческую надпись (Д. 173, письмо от 29 января 1888 г.), а академик М. И. Сухомлинов — указать источники различных стихотворений (в деле 195 4 его письма к Эрнштедту за 1893—1900 гг. 7 л.). Преподаватель гимназии в Киеве Иван Тимошенко в двух письмах 1897 г. (Д. 196) благодарит за исправления и замечания по поводу его труда о русских пословицах и их литературных и греческих источниках — «Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок» (имеется благоприятный отзыв Крумбахаера в ВЗ), а также за рекомендованную ему Эрнштедтом литературу. Преподаватель истории в Рижском реальном училище Ф. Ф. Вестберг (Fr. Westberg) в письме от 15 октября 1898 г. (на нем. яз.) попросил уточнить палеографическую дату «бес-

¹¹¹ Статья О. Ф. Базинера «О новейших успехах классической филологии» появилась в ЖМНП в январе 1901 г.

следно исчезнувшего» кодекса, содержащего фрагменты так называемого *Anonymus Tauricus* или *Toparcha Gothicus*, который К. Б. Газе отнес ко времени Владимира, к 989 г. «Какие он имел основания?» — спрашивает Эрнштедта автор письма. По мнению самого корреспондента, некоторые русские ученые (например, Успенский и Милюков) дают более точные датировки; изданы же эти фрагменты в Боннском издании Льва Диакона (1828 г.), с. 496—505 (Д. 42. Л. 1—2 об.).¹¹²

А. Г. Бекштрем, еще будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета и работая в 1895 г. в Московской Синодальной библиотеке, буквально засыпает своего учителя вопросами о рукописях: описывает все интересные, с его точки зрения, кодексы, приводя по-гречески и латыни названия и начала текстов, прося Виктора Карловича сообщить ему, не издано ли это уже и не открыл ли он вторично Америку; списывает тексты и жалуется на огромное количество малопонятных аббревиатур; просит адреса Цертели и Крашенинникова, чтобы обратиться за советом, спрашивает, нельзя ли выяснить у Крумбахера, кем и когда изданы письма епископа Арсения; признается, что предчувствие Эрнштедта оправдалось, и отрывок из московской рукописи оказался принадлежащим Павлу Эгинету.¹¹³

Заканчивая в 1897 г. университет, Бекштрем пишет о трудностях с экзаменами и о плохом состоянии здоровья, затем снова (с 1898 г.) начинает работать над рукописями, сообщает о рукописи № 490 из Синодальной библиотеки (лечебник), частично изданной Маттеи (приводит латинское заглавие и греческие названия глав, считает, что рукопись *ἀτακτα* и что ее нужно издавать); задает ряд вопросов о папирусах; просит разрешения и содействия в напечатании отрывка Руфа Эфесского, открытого Эрнштедтом и списанного Бекштремом из московской рукописи № 436.¹¹⁴ Советуется с Виктором Карловичем относительно печатания своих работ в ЖМНП, корректур и пр. Из доклада Бекштрема «К биографии Орозия», текст которого сохранился в фонде Эрнштедта (Оп. 1. Д. 72. 1897 г. 7 л.), выросла большая статья «Орозий и его петербургские списки».¹¹⁵ Всего Бекштремом написано за 1895—1902 гг. 11 писем, 5 отрывков (Д. 21. 28 л.).

Историк-античник В. П. Бузескул в письме из Харькова от 23 октября 1891 г. (Д. 30) просит Эрнштедта дать ему ответ с точки зрения палеографа — не может ли быть новонайденная рукопись Афинской политики фальсификацией; в литературе этот вопрос почти не затронут, а между тем поскольку он занимается трактатом как историческим источником, то хочет быть уверен, что это не подделка (Л. 1—2). 14 ноября 1891 г. Бузескул уже благодарит коллегу за ответ и за интересные сообщения (Л. 3—3 об.). Виктор Карлович заверил своего корреспондента, что вскоре появится по этому поводу исследование Вессели. Бузескул признается, что по многим соображениям и по содержанию и раньше считал исключенной возможность подделки, а теперь, после письма Эрнштедта, у него на этот счет не осталось и тени сомнения. Автором он склонен считать Аристотеля, но с той именно оговоркою, которую сделал и Эрнштедт, т. е. что первоначальный текст подвергся значительным интерполяциям, а быть может, и урезкам. Такой интерполяцией, по мнению Бузескула, является анекдот о Фемистокле и Эфиальте, как он и попытался доказать в своей статье в ЖМНП.¹¹⁶

¹¹² Речь идет о так называемой «Записке Готского топарха», которая, как теперь доказано, является фальшивкой, изготовленной ее первым издателем К. Б. Газе. См. об этом: *Medvedev I. Τοπορία ἐνὸς πλάστογραφήματος: ὁ λεγόμενος Toparcha Gothicus // Βυζαντινά: 2000. Т. 21. Σ. 237—249* (русский вариант статьи см.: Мир Александра Каждана. СПб., 2003. С. 160—172).

¹¹³ См.: *Бекштрем А. Г. Погибшая рукопись Павла Эгинского // ЖМНП. 1898. Август—сентябрь. С. 66—114.*

¹¹⁴ *Бекштрем А. Г. Неизданные отрывки Руфа Эфесского // ЖМНП. 1899. Март. С. 116—132.*

¹¹⁵ Опубликовано: ЖМНП. 1900. Август—сентябрь. С. 63—100; Октябрь—ноябрь. С. 41—80.

¹¹⁶ *Бузескул В. П. Фемистокл и Эфиальтова реформа Ареопага // ЖМНП. 1891. Июль. С. 12—24.*

Египтолог Владимир Семенович Голенищев, хранитель Эрмитажа, справляется у Эрнштедта, дал ли он где-либо описание деревянных табличек с греческими надписями № 1138 и 1139 ГЭ и известен ли ему греческий папирус № 1123, перешедший в Эрмитаж от Тишендорфа; приводит латинское описание этого папируса Тишендорфом (письмо от 23 февраля 1890 г. Д. 55). Эрнштедт предполагал издавать папирусы из собрания Голенищева (см.: РНРВ. С. 87), но ранняя смерть помешала этим замыслам.

Такие же консультации получают и зарубежные ученые. В письмах из Флоренции Джироламо Вителли (Vitelli J.), профессора греческой литературы, обсуждаются (на итал. и нем. яз.) некоторые палеографические вопросы, упоминаются Церетелли, Наук, Крумбахер (3 письма, 3 открытки за 1885—1902 гг. Д. 47, 7 л.). Оскар Леопольд Гебгардт (Gebhardt Oscar Leopold), профессор книговедения и документации в Лейпцигском университете, просит в своей корреспонденции (3 открытки на нем. яз. — 1897, 1899 и 1901 гг.) узнать о рукописи Витрувия «Об архитектуре» в ИПБ или БАН и прислать краткие аннотации о содержании и древности. Профессор также благодарит Эрнштедта за присылку Эзопа (Д. 51).¹¹⁷ Рихард Ферстер (Foerster Richard), профессор классической филологии в Бреслау, предлагает сравнить Codex Petropolit., 174, fol. 339—844 с Либанием, изданным Reiske, vol. IV, 447—459 (открытка на нем. яз. от 19 мая 1895 г. Д. 208). Н. Феста (Festa N.), профессор греческой филологии в Риме, просит помочь интерпретировать греческую надпись (открытка на итал. яз. от 3 мая 1903 г.¹¹⁸ Д. 209). Датский филолог-классик И. Л. Уссинг (Ussing I. L.), профессор Копенгагенского университета, отправивший Эрнштедту 5 писем и 1 открытку (на нем. и франц. яз.) за 1885—1902 гг. (Д. 205. 8 л.), интересуется папирусом из Мукдена, который появился в Петербурге,¹¹⁹ а также московскими греческими рукописями для Corpus medicorum. В последнем письме в ответ на вопросы Виктора Карловича Уссинг сам объясняет, как были найдены во Владивостоке эти мукденские рукописи, и пишет, что уже официально списался с директором Владивостокского института. В одном из писем Уссинг благодарит коллегу за присланные «Порфирьевские отрывки» — восстановление его впечатлило.

Профессор классической филологии Марбургского университета, автор и соиздатель лучшей до сих пор античной энциклопедии Георг Виссова, поблагодарив Эрнштедта за присылку «Порфирьевских отрывков» и похвалив работу, предлагает дать подробное изложение на немецком языке в научной периодике, — например, в Berliner Philolog. Wochenschrift (открытка, август 1891 г. Д. 46. Л. 7 об.), и сам позднее просит своего адресата дать отзыв на 1-й переработанный том RE Pauly—Wissowa (открытка от 16 и 29 мая 1894 г. Л. 5 об. и 6 об.) для ознакомления русской ученой публики с этим трудом (о неоконченном отзыве Эрнштедта см. подробнее: РНРВ. С. 106—107). Эрнштедт завязал дружеские отношения с Виссовой еще в 1883 г., во время своего пребывания в Риме. Сохранилось письмо (от 31 мая 1883 г.), в котором, в ответ на желание петербургского коллеги еще раз посетить Villa Ludovisi, Виссова назначает ему свидание в 5 ч. у ворот Виллы. 19 августа того же года Виссова направляет свою римскую открытку в Библиотеку св. Марка — зал рукописей, для В. К. Эрнштедта: в ней он подробно описывает свои планы путешествий по югу Италии для изучения рукописей и памятников и план работы зимой в Римском археологическом институте над топографическими памятниками Рима; сообщает, что на днях отправляется во Флоренцию, Венецию, Верону (Л. 2 об.). В письме от

¹¹⁷ Эрнштедт В. К. «Речения Эзопа» в Москве и Дрездене // ВВ. 1901. Т. 8. С. 115—130.

¹¹⁸ Эрнштедт скончался 21 августа 1902 г., видимо, корреспондент еще не знал этого.

¹¹⁹ О том же писал Эрнштедту С. И. Соболевский в открытке от 4 июля 1900 г. (Д. 193. Л. 2): читал в газетах, что из Мукдена привезены в Петербург рукописи, и хочет знать, нет ли там чего-либо по его части.

14 октября того же года из Бреслау Виссова подробно пишет о своей работе во время этого путешествия: в Венеции изучал различные сборники греческих эпиграмм и занимался эксерптами Прокла в Venet. A der Ilias, в Вероне с 7 утра до 6 вечера сравнивал для Венской АН комментарий к псалмам Хилариуса. Для своих филологических занятий выбрал Антифонта и думает также заняться «Агриколой» Тацита. Высылает Эрнштедту нужные ему для работы над ораторами книги (Л. 3—4 об.). Всего в деле 46 2 письма и 4 открытки (1883—1894 г. 7 л., на нем. яз.).

Как уже было отмечено в предыдущем очерке (см.: РНРВ. С. 122), Эрнштедт предпочитал писать и издавать свои труды по-русски. Когда он отправлял экземпляры и оттиски зарубежным исследователям, ему часто приходилось сталкиваться с известной позицией: *Rossica non leguntur*. Так, филолог-классик из Геттингена Герман Зауппе (Sauppe), поблагодарив коллегу письмом от 14 декабря 1892 г. за присланное новое издание «Электры» Наука, прибавляет здесь же, что в исследовании Эрнштедта об Антифонте и аттических ораторах ему приходилось следить лишь за греческим текстом, так как по-русски он не читает (Д. 82). Автор «Истории греческой литературы» Альфред Круазе (Croiset), поблагодарив Эрнштедта за присланную диссертацию («Порфирьевские отрывки из Аттической комедии»), также пишет, что по-русски не читает (Д. 109).¹²⁰ Н. И. Новосадский, в мае 1891 г. поздравивший Эрнштедта (из Варшавы) с победоносным диспутом (Д. 158), 2 сентября оттуда же благодарит его за присланные «Порфирьевские отрывки» и сообщает, что исследованием очень заинтересовался Келер, которому Новосадский сообщил об этом летом в Берлине; Келер весьма сожалел, что не знает русского языка.

О том же самом и по тому же поводу писал Виктору Карловичу из Берлина профессор классической филологии Макс Ротштейн (Rothstein): «За Вашего Менандра я еще ни разу не благодарил, делаю это сейчас; что я его прочитал, утверждать не могу: при том жалком состоянии моих нервов мне невозможно специально с этой целью выучить русский» (письмо от 30 декабря 1891 г. Д. 183. Л. 8 об.). 18 декабря 1901 г., откликаясь на присылку Эрнштедтом его статьи «Вещий папирус» (ЖМНП. 1901. Октябрь), Ротштейн написал: «Спасибо за новое подношение! К сожалению, оно снова на русском, который я все еще не выучил и, пожалуй, в этой жизни едва ли выучу, так что этот профетический папирус вряд ли может рассказать мне о чем-либо минувшем» (Л. 46). Автору статьи пришлось излагать ее содержание в ответном письме по-немецки.¹²¹

¹²⁰ От Круазе Эрнштедт получил из Парижа два письма (1893—1894 гг.) — в первом из них речь идет о книге Круазе о Ксенофоне, которая уже разошлась, экземпляров нет, а переиздавать ее он не хочет из-за большого количества поправок. Она войдет в его «Историю греческой литературы», которая должна увидеть свет в ближайшее время.

¹²¹ Всего в деле 183 24 письма, 6 открыток и 1 визитная карточка М. Ротштейна (1883—1902 гг. 59 л.). Корреспонденция прочитана И. П. Медведевым. Между коллегами происходит обмен научной информацией, касающейся прежде всего интересующих их обоих рукописей. Виктор Карлович отвечает на вопросы Ротштейна, который занят Лукианом, и в связи с этим просит проверить датировку и некоторые места в ватиканских (№ 87, 90 и др.) и в венецианской (№ 434) рукописях; сам же Ротштейн просматривал для Эрнштедта рукописи Болоньи, Модены и Вероны (Эсхин, Исократ), но не нашел ничего важного; Эрнштедт прислал в Берлин свое издание речей Антифонта, и Ротштейн читал его со своими студентами. Высказанное мною в очерке о научном наследии ученого предположение, что он готовил второе, дополненное и переработанное издание своего Антифонта (см.: РНРВ. С. 73—74), подтверждается письмами берлинского коллеги, который не только побуждал издателя, отложив в сторону византийцев, вплотную заняться Антифонтом («В сущности, Вы просто обязаны сделать это». Л. 44), но и прислал (и обещал прислать еще «целый ворох» в будущем) свои эмендации и конъектуры (письма 1891—1901 гг.). Откликнулся Ротштейн и на другие присылаемые из Петербурга работы Эрнштедта (Кекавмен, Апасгеонтеа), и на просьбы коллеги (например, о письмах Гейнзия в Берлине, которые Ротштейн безуспешно там разыскивал. Л. 37—38), писал он и о своей работе (над Проперцием). В 1895 г. Ротштейн опекал и развлекал в Берлине Виктора Карловича (см. подробнее переписку с Жебелевым), а в 1899—1900 гг. объектом его забот стал Церетели, о котором он часто и тепло писал в Петербург его учителю. Ротштейн часто интересуется здоровьем своего адресата, и сам много пишет о болезненном состоянии своих нервов.

Профессор классической филологии Отто Крузиус (Cruzius) в открытке из Гейдельберга (1901 г.) выражает по поводу присланных ему коллегой Эзоповых изречений («Речения Эзопа» в Москве и Дрездене) // ВВ. 1901 Т. 8) сожаление, что по-русски не читает (Д. 110). О том же написал из Берлина 11 декабря 1901 г. хранитель Берлинского музея В. Шубарт (Schubart): благодарен за присылку публикации, но по-русски не читает и поэтому следил только за греческим текстом (Д. 231). Любопытно, что профессор Берлинского университета египтолог А. Эрман (Erman), также получивший публикацию от Эрнштедта, пишет, что это все для него за семью печатями, но он надеется, что д-р Шубарт ему поможет (Д. 236).

Очень болезненно переживал это «игнорирование великого народа» Г. Ф. Церетели (письмо к В. К. Эрнштедту из Берлина от 10 декабря 1899 г. Д. 222. Л. 96—99 об.). Сообщив учителю, что Виладовиц на протяжении нескольких лекций, разбирая его Антифонта, очень его хвалит за остроумие и тонкое критическое чутье («кадит изрядно»), Церетели пишет, что отзывы эти слушать ему чрезвычайно приятно, тем более, что за границей услышать много о русских ученых невозможно. «Когда, скажите мне, когда наступит конец этому пренебрежению к умственной работе России?», — патетически восклицал Церетели.

Возможно, в редкие благоприятные моменты могло показаться, что еще немного — и русский язык станет международным языком науки, однако, как ни горько это признавать, трагические события русской истории и печальная судьба русской науки с ее неосуществленными замыслами и длинным мартирологом привели к тому, что спор за приоритеты в научном мире русский язык проиграл английскому.

Редакторской деятельности в классическом отделе «Журнала Министерства народного просвещения» Эрнштедт отдал 11 лет своей жизни (1891—1902). Это была трудоемкая и кропотливая работа, преданное служение науке. Там Виктор Карлович и сам напечатал большую часть своих статей и заметок, там печаталось и большинство его коллег — классиков и византистов. Переписка с ними по поводу журнальных дел занимает значительное место в эпистолярном наследии ученого. Отчасти эта корреспонденция уже нашла отражение на страницах данного обзора. Что же касается филологов-классиков и других коллег Эрнштедта, то большая часть переписки с ними не выходит за пределы чисто деловой, сопроводительной, касающейся лишь обсуждения сроков печатания, корректур, оттисков, гонорара и пр., и в этом смысле малоинформативна.

Сюда относится корреспонденция О. Ф. Базинера (Д. 17. 9 писем, 7 открыток), С. К. Булича (Д. 31. 2 письма, 1 открытка), братьев Ждановых — историка литературы академика Ивана Николаевича (Д. 78. 2 письма)¹²² и профессора греческой словесности в Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине Сергея Николаевича (Д. 79. 2 письма), Ф. Ф. Зелинского (Д. 83. 2 письма), Н. Н. Ланге (Д. 118. 1 письмо), А. М. Ловягина (Д. 128. 4 письма), А. И. Малеина (Д. 138. 7 писем), А. А. Малинина (Д. 139. 3 письма), В. К. Мальмберга (Д. 140. 4 письма, 6 открыток), Ф. Г. Мищенко (Д. 147. 10 писем, 4 открытки), В. И. Модестова (Д. 148. 3 письма), И. В. Нетушила (Д. 153. 5 писем, 1 открытка), Макса Нидермана (Д. 154. 1 письмо, 1 открытка), А. О. Поспишила (Д. 172. 1 письмо), И. И. Холодняка (Д. 215. 8 писем), О. А. Шебора (Д. 225. 13 писем, 16 открыток), Георга Шмида (Д. 227. 7 писем, 1 открытка), Э. Р. фон Штерна (Д. 230. 2 письма, 3 открытки).

¹²² В письме от 6 октября 1892 г. И. Н. Жданов написал о Клоссиусе и о его работах по римскому праву. Этот же Клоссиус, как отметил Жданов, написал статью о библиотеке вел. кн. Василия Ивановича и Ивана Грозного (ЖМНП. 1834. Июль); над некоторыми рукописями в княжеской библиотеке работал Максим Грек (Л. 2—3).

Другую часть той же журнальной переписки можно рассматривать как более содержательную. Так, поэт, переводчик и литературный критик Иннокентий Федорович Анненский за 1896—1902 гг. написал Эрнштедту 30 писем по поводу печатания в ЖМНП его переводов трагедий Еврипида (Д. 15. 41 л.). Последовательно в журнале были опубликованы за эти годы «Рес», «Геракл», «Ифигения-жертва», «Электра», «Орест», «Алькеста», «Ипполит». Переводы сопровождалась авторскими исследованиями в виде отдельных статей, предисловий или послесловий.¹²³ Закончены переводы были к концу жизни Анненского (в 1907 г. вышел отдельной книгой 1-й том).

Переводчик неизменно спрашивал редактора и коллегу о качестве своих переводов и статей и благодарил за ценные и лестные отзывы такого знатока древности. Это касалось не только Еврипида и Вакхилида, но и Леконта де Лиля, которого также (наряду с Верленом, Бодлером и др.) перевел Анненский.¹²⁴ Эрнштедт, как видно из писем, оказал большое внимание «Ресу» и «Гераклу», а также предлагал напечатать в журнале «Финикиянок», но Анненский уже успел их отдать в «Мирь Божий» (письмо от 20 октября 1897 г. Л. 4—4 об.).

Внимательно прислушивался переводчик и к замечаниям Эрнштедта. «Что касается единства строфичности (речь идет об «Электре». — И. К.), то Вы попали как раз на тот вопрос, в котором я больше всего колеблюсь», — пишет Анненский 25 марта 1898 г. (Л. 11 об.—12).¹²⁵ Анненский исправляет замеченную редактором ошибку, оправдывается перед Эрнштедтом, заподозрившим его в том, что он смотрит на Вилламовица как на «источник» (письмо от 23 января 1901 г. Л. 26 об.—27), обсуждает русскую транскрипцию греческих имен (Геракл или Геркулес, Алькеста или Алкестиды, Ипполит или Гипполит).¹²⁶ По совету Эрнштедта Анненский заменил «Ифигению Авлидскую» на «Ифигению в Авлиде» (письмо от 27 января 1898 г. Л. 10). В письме от 24 мая 1898 г. Анненский написал, что всегда считал *за честь* участвовать в журнале под редакцией Виктора Карловича и неизменно сохранит это чувство (Л. 8).

Чрезвычайно интересны в письмах Анненского как толкования самих трагедий Еврипида,¹²⁷ так и оценки качества своих переводов,¹²⁸ но это скорее тема спе-

¹²³ «Миф и трагедия Геракла» (сентябрь 1897); «Посмертная “Ифигения” Еврипида» (май 1898); «Художественная обработка мифа об Оресте, убийце матери, в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида» (июль—август 1900); «Поэтическая концепция “Алькесты”» (февраль—март 1901); «Трагедия Ипполита и Федры» (август 1902). Сам И. Ф. Анненский, посылая Эрнштедту свое послесловие к «Оресту», оценивал его как совершенно самостоятельную работу по источникам (письмо от 25 декабря 1899 г. Л. 20 об.).

¹²⁴ На годичном заседании Общества классической филологии и педагогики Анненский прочел большой доклад о Леконте де Лиле и написал 29 января 1899 г. Эрнштедту, что рассчитывал там его увидеть: «Вы этим занимались, и я хотел бы знать Ваше мнение» (Л. 15 об.).

¹²⁵ На заседании Общества классической филологии и педагогики, как пишет Анненский в этом же письме от 29 января 1899 г., он заранее раздал греческий текст, но возражений в правильности и точности перевода не последовало (Л. 12).

¹²⁶ Последнее Анненский считал более правильным и предпочтительным, но, уступая мнению Эрнштедта, он согласился уничтожить «Г» в имени героя (письмо от 30 сентября 1901 г. Л. 28).

¹²⁷ «Электра», по мнению Анненского, больше всего подходит к типу музыкальной драмы (письмо от 1 января 1898 г. Л. 7); «Ипполита» переводчик называет кардинальным произведением Еврипида и рассматривает как вещь глубоко религиозную; в литературном и артистическом мире на нее сейчас смотрят иначе (этому способствует подготовка к постановке на Александринской сцене перевода Мережковского), и хоть сам Анненский не надеется на распространение своих работ, но пишет, что не может отказаться от попытки борьбы «с предрассудками в области близкой моему сердцу» (письмо от 23 апреля 1901 г. Л. 31—32). Только одна пьеса Анненского («Фамира-кифаред») увидела свет рампы, да и то уже после его смерти: в 1916 г. ее поставил в Камерном театре в Москве А. Таиров, однако она довольно быстро сошла со сцены.

¹²⁸ Посылая в журнал «Ореста», Анненский написал, что долго и пристально работал над переводом, считает его более удачным, чем другие свои переводы, и хочет посвятить его Виктору Карловичу (письмо от 25 ноября 1899 г. Л. 20—20 об.). В журнале «Орест» появился без посвящения. В другом письме (от 2 мая 1902 г. Л. 38 об.) Анненский делает следующую приписку: «Вообще перевод “Ипполита” меня мало удовлетворяет — лучше всего обработан мой “Орест”».

циальной публикации. Шла речь, разумеется, и о корректурах («Для корректуры имею всегда время, силы и охоту» — письмо от 29 декабря 1899 г. Л. 21), и об оттисках (обычно Иннокентий Федорович заказывал 100 экземпляров, из них 50 — на лучшей бумаге), но отношения, безусловно, не ограничивались только рамками сотрудничества: Анненский бывал у Эрнштедтов дома, извещал Виктора Карловича о состоянии своего здоровья (он часто сидел дома из-за плеврита), приглашал к себе в Царское Село «в качестве дорогого гостя» на прослушивание пьес,¹²⁹ откровенно объяснял своему адресату причину задержки с высылкой «Ифигении в Авлиде»: ученики выпросили рукопись для разучивания, были устроены считки, оркестр уже разучил глюковскую увертюру, но это оказалось так плохо, что пришлось не пощадить молодого самолюбия и снять пьесу (письмо от 24 января 1898 г. Л. 8 об.—9). Письма Анненский писал, как правило, на официальных бланках с грифом: «Директор Императорской Николаевской гимназии».

Писали Эрнштедту и переводчики Пиндара — поэт-символист Вячеслав Иванович Иванов (Д. 87. 2 письма) и преподаватель русского языка и логики, сотрудник ЖМНП Валериан Владимирович Майков (Д. 134. 9 писем, 1 телеграмма — о смерти отца). В июле—августе 1899 г. в журнале был опубликован перевод Вяч. Иванова 1-й Пифийской оды Пиндара. 20 июня 1899 г. (из Петербурга) переводчик написал Эрнштедту, что с благодарностью оставляет ему рукопись, которую только сегодня утром сумел закончить, и книги (просит прощения за задержку), и выражает надежду, что сможет увидаться с Виктором Карловичем до отъезда (Л. 1—2). 24 июля уже по дороге в Германию Вяч. Иванов извещает о получении корректуры, просит принять во внимание свои исправления наряду с редакторскими и учесть еще одну мелочь — поставить ударения на словах: «суд то был вечных судеб» в III эпосе. Просит известить его в Лейпциге о времени выхода и оттисках (Л. 3). Срок от окончания рукописи до опубликования можно назвать просто стремительным.

Валериан Владимирович Майков публиковал в журнале свои переводы с комментариями эпиникиев Пиндара¹³⁰ и статью «О не дошедших до нас произведениях Пиндара» (январь 1892 г.). В письмах (Д. 134. 14 л.; б/г) он благодарит Эрнштедта за сообщение о «брошюре» Пападопуло, которая пришлась как раз кстати для его комментария к 3-й Пифийской оде Пиндара. Текст Пападопуло, как пишет переводчик, дает новое относительно содержания «Эрифилы» Стесихора.¹³¹ Майков приводит греческие цитаты, сопоставления и пишет, что, если Виктор Карлович найдет это интересным, он не прочь опубликовать небольшую заметку (Л. 1—2 об.). Майков также предлагал в журнал стихотворные переводы Менандра,¹³² писал о своих неудачных лекциях на Высших женских курсах, приглашал своего корреспондента в театр. В одном из писем он поблагодарил Эрнштедта за то, что тот выбрал его редактором своих «Порфирьевских отрывков» (1891 г.) и напечатал о нем в предисловии теплое слово (Л. 3—3 об.).

В 1892 г. Эрнштедту написал три письма Леонид Николаевич Майков, дядя Валериана Владимировича, — в поддержку и с просьбой о скорейшем напечатании статьи своего племянника о Пиндаре (Д. 136. 3 л.). Сам Л. Н. Майков много печатался в ЖМНП, главным образом в отделе критики и библиографии.

¹²⁹ Приглашая 30 декабря 1896 г. на прослушивание «Геракла», Анненский пишет, что подходящий поезд отправляется в Царское Село в 8 вечера, а обратный — в 1 ч. 10 ночи (рабочий день Виктора Карловича начинался в 5—6 утра, поэтому такое расписание трудно считать действительно «подходящим», тем более, что ему надо было еще добраться от вокзала к себе на Васильевский остров). При приглашении на «Алькесту» (письмо от 12 декабря 1900 г. Л. 24) обратный поезд — в 11.40.

¹³⁰ Публиковались в августе—октябре 1892 г., январе, апреле и ноябре—декабре 1893 г., июне 1896 г. и мае 1898 г.

¹³¹ О какой работе Пападопуло-Керамевса идет речь, выяснить не удалось.

¹³² Опубликованы не были.

От Владимира Владимировича Майкова Ернштедт получил 2 письма (Д. 135): от 22 сентября 1897 г. с конфиденциальным приглашением по поводу визита г. Рериха¹³³ и от 24 февраля 1900 г. с приложением листка со сведениями для Карге (Пауль Карге, архивариус из Кенигсберга, составлял *Gelehrterlexicon*, для которого просил справки у Ернштедта о целом ряде русских ученых, и в частности о В. В. Майкове. Д. 89. 2 письма).

Яков Андреевич Денисов, профессор классической филологии из Харькова, в письме от 15 сентября 1898 г. предложил Ернштедту в ЖМНП заметки о метрике по Софоклу (Д. 67). Хотя Денисов и не стал автором журнала, но там в октябре 1898 г. появилась рецензия Ф. Ф. Зелинского на его книгу «Дохмий у Эсхила» (Харьков, 1989). Во втором своем письме Ернштедту (от 7 марта 1899 г.) Денисов написал, что был повергнут в смущение и замешательство этой рецензией и ее игривым тоном¹³⁴ и хотел бы ответить там же, где она появилась.¹³⁵

Филолог-классик Г. Э. Зенгер во время профессорства в Варшавском университете (1893—1901 гг.) написал Ернштедту 12 писем и 2 открытки (Д. 84. 24 л.). В своей корреспонденции он благодарил за предложение сотрудничать в классическом отделе ЖМНП и за приглашение участвовать в сборнике в честь Ф. Ф. Соколова, который был его учителем (Зенгер дает ему в письме превосходную характеристику как преподавателю и как человеку). Статью Зенгер не представил, но предложил латинские стихи.¹³⁶ Затем он обсуждает возможность напечатать в журнале свою статью, написанную для сборника в честь И. В. Помяловского, которого он очень чтит, но со статьей запоздал. В 1901 г. Зенгер принял участие в сборнике в честь П. В. Никитина.

Коллега Ернштедта по университету и по ЖМНП Сергей Федорович Платонов много места в своей корреспонденции к Виктору Карловичу уделял как издательским, так и учебным делам (Д. 165. 16 писем, 8 открыток. 29 л.). В одном из своих писем Платонов отдает должное редакторской работе Ернштедта: «Я признаю, что Вы не задерживали выхода книжек в свет, что с Вами работать, после Верта, очень приятно, что на содержание отдела, благодаря Вам, можно указывать с чувством удовольствия и гордости: отдел стал ученым и содержательным». Но все-таки просит ускорить сроки представления рукописей в типографию, чтобы V отдел не отставал от других и чтобы не было накладок, как с Бузескулом (потеряли сноску). «Я повторяю, что от души уважаю Вашу редакторскую работу, признаю ее результаты, радуюсь, что Вы именно в V отделе. Но не будем же, говоря словами Васильевского, “являть другим зрелище внутренней безурядицы”». И Платонов указывает точные сроки: за 1.5 месяца оригинал в типографию, за месяц — появление гранок, за две недели — появление сверенных листов и за неделю — их возвращение от редактора отдела (письмо от 28 июня 1892 г. Л. 10 об.—12).

Именно распоряжения Платонова по журналу позволяют датировать 2 письма, обозначенные по описи «без даты». Так, 26 августа Сергей Федорович советует Ернштедту оставшиеся при сверстке классического отдела страницы 95 и 96 занять стихами Латышева (Л. 26). Редактор V отдела так и поступил: в сентябрьской

¹³³ Имеется в виду Николай Константинович Рерих (1874—1947) — художник и общественный деятель.

¹³⁴ Ф. Зелинский умел обижать своими рецензиями — ср. реакцию М. Н. Крашенинникова и Н. И. Новосадского на его отзывы (см. выше; см. также: РНРВ. С. 382—383).

¹³⁵ Ответ на страницах журнала не появился. Между тем это была не первая рецензия Зелинского на Денисова: в апреле 1893 г. он опубликовал там же рецензию на его книгу «Дохмий. Глава из греческой метрики» (М., 1892), но она, по-видимому, не вызвала такой обиды.

¹³⁶ В июльской книжке ЖМНП за 1895 г. был опубликован перевод Зенгера на латинский язык стихотворения А. Мицкевича «Альпухара». Позднее были опубликованы: Заметки к латинским поэтам (июнь 1901) и Заметки к первой книге «Сильв» Стация (январь 1902).

книжке ЖМНП за 1891 г. на указанных страницах стоит: В. Л. [Василий Латышев]. Из стихотворений Мосха Сиракузского.

В другом письме речь идет о статьях С. К. Булича и О. А. Шебора и переводе комедии Плавта «Пустозвон» И. И. Холодняка (Л. 27—28) — все эти материалы относятся к 1894 г.¹³⁷ Здесь же Платонов пишет, что ему доставили греческую рукопись Саккетти при нотах, и с нее можно набрать и отпечатать такой вздор, который даст понятие не о греческой музыке и греческом языке, а разве что об авторе или переписчике. Тем не менее статья появилась в августе 1894 г.: *Саккетти Л. А.* О музыкальной художественности древних греков. В этом же письме Платонов сообщает, что статью Шебора поместили в журнал¹³⁸ и О. А. (Осип Антонович Шебор) помог ему прочесть корректуру всего листа, но «с большой живостью» отказался править «Пустозвона».

В одном из первых своих писем (от 10 мая 1889 г.) Платонов напоминает Виктору Карловичу, что тот на днях говорил ему о некоей новогреческой повести. Теперь он просит для заинтересовавшейся этой повестью жены дать ее на май или на лето, а сам хочет зайти к Виктору Карловичу в удобное время и получить указания о новогреческом словаре, грамматике и переводах повести (Л. 2).

Еще одно любопытное сообщение: «Дела Пападопуло не совсем хороши. Его “Житие”, конечно, принято в Записки.¹³⁹ Но денег ему пока не дали: пособий у нас нет, а командировать его затруднились без его (или Вашей о нем) докладной записки. Теперь два пути: или уполномочьте меня просить ректора о пособии (даст не много), или набросайте записку о том, куда и зачем его командировать» (письмо от 24 марта 1901 г. Л. 22).

От филолога-классика, профессора Московского университета М. М. Покровского Ернштедт получил за 1892—1901 гг. 10 писем и 1 открытку (Д. 167. 14 л.). В переписке в основном обсуждаются вопросы печатания статей Покровского в ЖМНП, обмена научной продукцией, участия Покровского в сборнике в честь П. В. Никитина (хотел прислать статью по истории римской элегии, об Овидии, но не успел закончить) и т. п. Интересно письмо от 11 сентября 1899 г., в котором Покровский предлагает в журнал статью г. Нидермана, швейцарского филолога, приват-доцента Базельского университета,¹⁴⁰ описывает, что в Москве вокруг Ф. Э. Фортунатова, учеником которого был и Покровский, издавна группировались иностранные ученые филологи-лингвисты, которые занимались изучением русского языка и России, а потом, разъехавшись по университетам Европы, много способствовали устранению предрассудков о России и оказывали гостеприимство русским ученым. Некоторые из них поддерживают ученые и литературные связи с Россией. Так, Solmsen (Бонн, профессор сравнительного языковедения) и Broch (доцент славянских наречий в Христианини) поместили свои статьи в сборнике в честь Ф. Е. Корша (Л. 8—9 об.).

Летом 1893 г. Ернштедт отправился в Москву поработать над рукописями. В письмах к жене он упоминает братьев Соболевских — «наш» (т. е. петербургский) Алексей Иванович¹⁴¹ и московский профессор-классик Сергей Иванович.

¹³⁷ Статья С. К. Булича «К вопросу о новонайденных памятниках древнегреческой музыки» опубликована в мае, «Пустозвон (Miles Gloriosus)» И. И. Холодняка печатался в июне—августе (фамилия переводчика была обозначена: И. И. Х-къ, так как в это же время Холодняк под полным именем печатал «Эпиграфические заметки»).

¹³⁸ *Шебор О. А.* Hor. Sat. I, 9, 43 sqq. // ЖМНП. 1894. Август. С. 103—106.

¹³⁹ Речь идет о: *Пападопуло-Керамевс А.* Феофана монаха-пресвитера житие преподобного Иосифа Песнописца // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. 1901. Т. 50, вып. 1.

¹⁴⁰ Статья М. Нидермана (на лат. яз.) о речах Демосфена была опубликована в январе 1900 г.

¹⁴¹ В деле 192 — 1 письмо и 1 открытка к Ернштедту от А. И. Соболевского. В письме (от 6 сентября 1888 г.) он сообщает о начале своих лекций и просит в отсутствие Ивана Васильевича (Помяловского) сделать необходимые распоряжения (Ернштедт в это время был секретарем факультета). Открытка датирована 4 ноября 1892 г. — это короткий библиографический ответ на какой-то вопрос Виктора Карловича.

В письме от 28 июля (Д. 6. Л. 9) он описывает визит к Соболевским: «Классик Соболевский милый довольно человек, скромный, но себе на уме. Живут они в ветхом домике на Пресне, с порядочным садом фруктовым и овощным...». От С. И. Соболевского Эрнштедт получил 2 письма и 1 открытку (1895—1901 г. Д. 193. 3 л.). Письмо от 14 мая 1895 г. содержит просьбу, если это возможно, напечатать в одной из осенних книжек ЖМНП его рецензию на учебник греческого синтаксиса Исаенкова. Можно было бы напечатать ее в «Филологическом обозрении», пишет Соболевский, но Исаенков — окружной инспектор в Московском учебном округе, а Адольф (редактор ФО) состоит учителем в гимназии, и не хочется подвергать его неприятностям, так как рецензия отрицательная: книжка весьма плохая, но из-за положения автора усиленно вводится в гимназиях (Л. 1—1 об.).¹⁴² О другом письме и открытке см. примеч. 94 и 119.

В фонде Эрнштедта сохранилось письмо А. В. Адольфа от 12 сентября 1890 г. с просьбой принять участие «своими трудами» в издании «Филологического обозрения» (Д. 13. 1 л.). Адрес редакции: Москва, Староконюшенный пер., близ Прецистенки, д. 3, кв. 6.

В обзоре научного рукописного наследия В. К. Эрнштедта (РНРВ. С. 119) упоминалось о его командировке в 1896 г. в Одессу, в Новороссийский университет: он был назначен Министерством народного просвещения председателем Историко-филологической испытательной комиссии. Подробный научный отчет о его деятельности (Оп. 1. Д. 62) дополняется письмами к жене (Оп. 2. Д. 6), в которых Виктор Карлович описывает свое путешествие: он осмотрел Херсонес (отчасти с помощью директора Херсонесского музея К. К. Косцюшко-Валюжинича), Севастополь, Одессу, Ялту, Ливадию, Гурзуф, Алупку, Ореанду; в Ливадии отыскал дачу Ольги Павловны Лепер, жены Р. Х. Лепера (письмо из Одессы от 16 мая 1896 г. Л. 72 и след.). В письмах упоминаются профессора Новороссийского университета: филологи-классики Э. Р. фон Штерн, О. Ф. Базинер,¹⁴³ А. В. Никитский и декан А. Н. Деревицкий,¹⁴⁴ историк Г. И. Перетяткович, византилисты С. Д. Пападимитриу,¹⁴⁵ А. И. Кирпичников, Н. Ф. Красносельцев, историк искусства А. А. Павловский,¹⁴⁶ философ Казанский и др.¹⁴⁷ Эрнштедт написал, что нанес визит Базинеру, собирается с визитами к Пападимитриу и Казанскому, был на обеде у декана Деревицкого. «В музее, — сообщил он жене 3 мая (Л. 69 и след.), — я сделал маленькое открытие, о чем (вероятно, через Штерна, директора музея) весть скоро облетела факультетских». «Моя поездка в Одессу была очень удачной», — подытожил Виктор Карлович в письме к С. А. Жебелеву от 24 июня 1896 г., уже находясь на даче под Ригой (Д. 7. Л. 9).

1901 год был ознаменован серьезным беспокойством университетских классиков в связи с решением Министерства народного просвещения о реформе средней школы и устранении греческого языка как обязательного для изучения в гимназиях. Курс министерства на сворачивание греческого языка был воспринят и Эрнштедтом

¹⁴² В ЖМНП рецензия не появилась.

¹⁴³ Эрнштедт отмечает, что Базинер — зять знаменитого боннского филолога Бюхелера (письмо от 26 апреля 1896 г., Одесса. Д. 6, л. 62 и след.).

¹⁴⁴ О нем Виктор Карлович пишет с большой симпатией. Письма Деревицкого к Эрнштедту (Д. 68) отчасти также освещают эту поездку и подготовку к ней (расписание, сроки экзаменов, реакция студентов и т. д.).

¹⁴⁵ Незадолго до поездки Эрнштедта в Одессу Деревицкий приглашал его на диспут к ученому греку по средневековому греческому языку и посылал чистые листы его диссертации (письмо от 5 апреля 1896 г. Д. 68. Л. 8—9; см. также л. 6—7, письмо б/д).

¹⁴⁶ В фонде Эрнштедта (Д. 160) хранится одно письмо Павловского от 19 ноября 1897 г. из Одессы по поводу его статьи для сборника в честь И. В. Помяловского.

¹⁴⁷ Письма от 26 и 28 апреля, 2, 3 и 23 мая (Д. 6. Л. 62 и след., 78 и след.). В письме от 23 мая Эрнштедт подробно описывает Перетятковича и Красносельцева.

как катастрофический (ср.: РНРВ. С. 119—120). В письме к С. А. Жебелеву от 27 июня/10 июля 1901 г. (Herrenalb) он сетует по поводу гибели «нашего средне-учебного классицизма». За сына (Петра) он не боится, так как уверен, что Kirchenschule отстоит свой классицизм, однако что же будет с историко-филологическими институтами — разве что их преобразуют в институты отчизноведения и военной выправки (Д. 7. Л. 37 об.). Сказано метко и выразительно, — пожалуй, и для наших дней. Параллелью к этому является высказывание М. Н. Крашенинникова: в письме к Эрнштедту из Юрьева от 13 апреля 1902 г. он написал, что узнал из «Правительственного вестника» о переменах в Министерстве просвещения и очень хотел бы видеть Виктора Карловича товарищем нового министра «для возрождения искалеченного военно-тюремным персоналом классицизма» (Д. 107. Л. 66—66 об.).

С. А. Жебелев еще подлил масла в огонь, сообщив Эрнштедту, что на филологический факультет решили принимать женщин (с правом преподавания по окончании во всех классах женских гимназий и в младших классах мужских) и что будет «нашествие прекрасного пола» (3 июля 1901 г., Гатчина. Д. 80. Л. 64—67). Испуганный Виктор Карлович в ответном письме возражает против барышень на факультете, выражая опасение, что *alma mater* превратится в *saeva mater cupidinum*¹⁴⁸ и что круглый год будут сходки (7/20 июля 1901 г., Herrenalb. Д. 7. Л. 39 об.). Сергей Александрович 12 июля успокоил Эрнштедта, написав в Herrenalb, что известие о барышнях на факультете оказалось уткой. Сам он тоже с прискорбием обсуждает проблему реформы средней школы (Д. 80. Л. 68—69 об.).¹⁴⁹

Весьма информативная переписка Эрнштедта со своим учеником и коллегой Сергеем Александровичем Жебелевым занимает в фонде, бесспорно, особое место — прежде всего потому, что сохранились письма обоих корреспондентов: Виктор Карлович за 1895—1901 гг. написал Жебелеву 22 письма и 7 открыток (Д. 7) и получил от него за 1893—1901 гг. 41 письмо и 7 открыток (Д. 80); немаловажно и то обстоятельство, что самого Жебелева можно рассматривать в качестве связующего звена, моста между античностью и византиноведением — в научном смысле, между классиками и византинистами — в личном плане (об этом готовит очерк А. А. Нейхардт). Между учеными происходит интенсивный обмен информацией, преданный ученик отчитывается о работе, спрашивает совета у учителя относительно элевсинских надписей, сообщает, что заканчивает диссертацию (22 июня 1898 г. Л. 30—31) и приступает к печатанию (31 июля. Л. 32). Обсуждение одного темного места у Аппиана, относительно которого Жебелев хотел знать мнение коллеги, разворачивается в целую дискуссию (письма Жебелева от 14 и 16 мая 1897 г., СПб. Д. 80. Л. 18 и 19—20 и ответы Эрнштедта от 15 и 16 мая того же года, СПб. Д. 7. Л. 10—11 и 12—13). В феврале 1899 г. происходит взаимный обмен письмами по поводу надписи Дименета и нового толкования Диттенбергером вопроса о стратегиях (Д. 7. Л. 23—24; Д. 80. Л. 36—36 об.).

Уезжая летом 1895 г. в заграничную командировку в Берлин и Вену, Виктор Карлович ставил своей целью поработать над папирусами и поучиться у своих

¹⁴⁸ «Мать-питомица превратится в свирепую мать вожделений» (*лат.*).

¹⁴⁹ Эта проблема затронула почти всех профессоров. Среди писем Ф. А. Брауна к Эрнштедту находится постановление, которое историко-филологический факультет обсуждал 27 сентября 1901 г. Поступающим предлагалось: 1) иметь дополнительную отметку по греческому языку и 2) для лиц, этой отметки не имеющих, организовать занятия по греческому языку на младшем семестре. При голосовании первое поддержали А. Н. Веселовский, В. К. Эрнштедт, В. И. Ламанский, второе — И. А. Бодуэн де Куртенз, Ф. А. Браун, А. И. Введенский, П. А. Лавров, А. И. Соболевский (Д. 28. Л. 12—14). А. Н. Деревницкий 29 ноября 1901 г. в письме к Эрнштедту похвалил студентов-филологов, которые проявляют как никогда усердие и любовь к занятиям в настоящем году, «накануне предреканого слухами и прессою крушения русской филологической науки» (Д. 68. Л. 15—16).

западных коллег. Весьма любопытна переписка этого времени (Ернштедт писал жене и Жебелеву) с характеристиками немецкой и австрийской профессуры и научной атмосферы в европейской среде. 24 июня/6 июля он сообщает Жебелеву, что ежедневно сидит над папирусами и успел кое-чему научиться, но за столь короткий срок (он провел в Берлине ровно месяц — с 1 июня по 1 июля) многого не сделаешь. «Здесьние, а также Вилькен учились годами, и все-таки Дильс называет датировку папирусов *Geheimlehre*» (Д. 7. Л. 2 об.—3); но в следующем письме — из Вены от 12/24 июля — Виктор Карлович признается, что доволен собой: в смысле папирусов он сделал в Берлине все, что мог (Л. 4 об.).

Своей жене, Лидии Ивановне, Ернштедт также написал из Берлина, что пытается на лету схватить все то, на что местные ученые положили годы (10/22 июня. Д. 6. Л. 17). «Здесьние филологи и археологи народ очень любезный и совершенно по-братски относятся к своему скифскому коллеге» — это из письма к Жебелеву (Берлин, 24 июня/6 июля. Л. 3). Однако уже 28 июня/10 июля Виктор Карлович жалуется жене, что от напряженных занятий папирусами начали болеть глаза (Д. 6. Л. 35).

Из немецких филологов Виктору Карловичу больше всех понравился Г. Дильс (он слушал его лекции). И жене (Д. 6. Л. 16 об.), и Жебелеву (Д. 7. Л. 3—3 об.) он написал, что ему досталось от Дильса за одну из конъектур в Симониде в его диссертации (в «Порфириевских отрывках»). «Я, впрочем, продолжаю думать, что я прав», — настаивает он в письме к жене.

Побывал ученый и на палеографических занятиях В. Ваттенбаха, который после других заставил читать и русского коллегу. «Он старикашка хороший, по-гречески в ударениях плох, да и в палеографии не совсем тверд. В папирусах он еще менее моего смыслит», — написал Виктор Карлович Жебелеву (Д. 7. Л. 3 об.).¹⁵⁰ В цитирувавшемся уже письме к жене находим подробности о Ваттенбахе, который «читает как раз такой курс греческой палеографии, какой я не раз уже читал, притом с упражнениями в чтении снимков, — *tout comme chez moi*. Когда все уже прочли (народа было немного, человек 7), Ваттенбах предложил и мне, и я конечно читал» (Л. 16). И В. Ваттенбаха, и А. Кирхгофа петербургский исследователь назвал «ветеранами нашей науки» (Там же). Кирхгофа он так охарактеризовал в письме к жене: «Почтенный старик, один из самых крупных представителей нашей науки, зрением слаб, но работает, видимо, неутомимо. Читает он, говорят, архискучно, но беседа его интересна. Он был сослуживцем Наука...» (Л. 18).

Упоминает Виктор Карлович также Ульриха Келера¹⁵¹ («который успел совсем поседеть, что ему, однако, очень идет. Он такой же милый, умный и *grand-seigneur*, как прежде, если не более». Л. 16 об.) и М. Ротштейна,¹⁵² характеризую его как славного малого, с которым можно поболтать по специальности (Л. 18). Келер советовал «познакомиться с Моммзенем, который уже не читает, но работает *wie ein Student*» (Там же). В письме к Жебелеву из Вены от 12/24 июля 1895 г. Ернштедт посоветовал, что так и не сумел в Берлине познакомиться с Моммзенем, хотя

¹⁵⁰ Здесь же Виктор Карлович сообщает, что видел на упражнениях у Ваттенбаха Видемана, «который строчит диссертацию по древнейшей истории греческого письма, а впрочем, так же глуп, как был в прошлом году» (Л. 3 об.). Описывает он и встречу в картинной галерее с В. В. Стасовым, которого называет «трубой нерихонской». В четверть часа он доказал, отмечает Виктор Карлович, что во всей Греции только Гомер чего-нибудь стоит, а все остальное искусство и литература — дрянь.

¹⁵¹ От Келера Ернштедт получил из Берлина три письма — два датируются июлем 1897 г., одно — ноябрем 1900 г. (Д. 92. 3 л.). Келер интересовался коллекциями золотых аттических монет и просил Ернштедта как коллегу и друга о помощи и содействии для ознакомления с петербургским собранием из Кабинета нумизматики; хотя он и представлял себе, что там золотых монет нет, но хотел удостовериться в этом. В последнем письме Келер выразил сожаление по поводу несостоявшейся встречи: когда Виктор Карлович находился в Германии, Келер отсутствовал.

¹⁵² См. примеч. 121.

видел его два раза (один раз на заседании Академии наук, посвященном памяти Лейбница); в последний день перед отъездом Виктор Карлович пришел к Моммзену с визитом в 8.45 утра, но тот успел уйти за полчаса до этого (Д. 7. Л. 5).

С Г. Дильсом и М. Ротштейном Виктор Карлович совершил поездку на Wann-See. Туда же с ними поехал «ветхий Эрнст Курциус с дочкой, тоже довольно уже ветхой. Курциусу я был представлен 19 лет тому назад; тогда он мне очень не понравился; теперь ему 80 лет или даже 81; он плохо видит, плохо слышит, но работает, весел и здоров. Теперь по крайней мере он очень любезен, мягок и приветлив. Он помнит Люгебиля, даже Софью Андреевну (жену Люгебиля. — И. К.), помнит немного Наука...» (письмо к жене от 18/30 июня 1895 г. Д. 6. Л. 28). Ротштейн опекал и развлекал Виктора Карловича, сопровождал в экскурсиях и на прогулках (Эрнштедт упоминает о поездке с Ротштейном в Сан-Суси), принимал его у себя на даче.

В Берлине Виктор Карлович слушал лекции знаменитого историка Г. Трейчке — об этом он написал и Сергею Александровичу, и жене, причем письмо к Лидии Ивановне от 2/12 июня (Д. 6. Л. 21) содержит некоторые подробности: «Он не молод, около 60-ти, совсем глух, почему у него и голос несколько глухой и монотонный. Оратор он не увлекательный, но вполне владеет словом, говорит быстро, умно, живо, литературно, но не книжно». В своей лекции о федеративных государствах Трейчке даже острит и проводит параллели с современностью Германии, на Бисмарка, на национальные особенности американцев и англичан.

Из берлинских ученых упоминается также директор музея египтолог А. Эрман, который познакомил Эрнштедта с Б. А. Тураевым, уже давно находившимся за границей (Париж, Италия, Лондон, Берлин). Виктор Карлович охарактеризовал Тураева как «замечательно хорошего и трудолюбивого человека» (письмо к жене от 28 июня/10 июля из Берлина. Д. 6. Л. 35 и письмо к Жебелеву из Вены от 12/24 июля. Д. 7. Л. 5).

По дороге в Вену Эрнштедт на три дня остановился в Дрездене, посетил Курта Троя и осмотрел с восхищением его собрание слепков.¹⁵³ В Вене были продолжены занятия папирусами, но обстановка там была, судя по письмам, менее благоприятной. Виктор Карлович жаловался Жебелеву, что работа идет плохо, коллеги — вежливо отталкивающие, *odium philologicum*¹⁵⁴ сильно в ходу и вообще атмосфера довольно пакостная. Порядочный человек Борман, да и тот отчасти озлоблен до мелочности (письмо от 12/24 июля. Д. 7. Л. 5—5 об.).

С. Франкфуртер, библиотекарь Венского университета,¹⁵⁵ предваренный Ротштейном, заранее переговорил с И. Карабачеком о возможности работы петербургского ученого с папирусами. Карабачек был утонченно вежлив, но отвел для работы неудобное время — после 4 ч. (письмо к жене от 10/22 июля. Д. 6. Л. 42 и след.). Но вообще, как отмечает исследователь (Там же), венцы — большие мастера по части обращения с папирусами (чистка, переплет, дешифровка и пр.). Карабачек не слишком понравился русскому коллеге: «Это человек сильно себе на уме, подозрительный и, по-видимому, склонный хитрить, да еще попусту, так — из любви к искусству. Так же глупо хитрит и Ягич...» (письмо к жене от 6/18 июля. Л. 40).

¹⁵³ В открытке жене от 2/16 июля (Л. 38 об.) Виктор Карлович написал, что Трой «здесь важная птица, что не особенно благотворно на него действовало».

¹⁵⁴ «Филологический душок» (лат.).

¹⁵⁵ Франкфуртера Виктор Карлович ругает за развязность и пишет: «Мой антисемитизм, начинавший, к моей собственной радости, склоняться к уступкам, благодаря симпатичной личности Ротштейна, теперь принимает снова более свирепую окраску» (письмо к жене из Вены от 10/22 июля 1895 г. Л. 46). В фонде Эрнштедта имеется 1 письмо и 5 открыток от Франкфуртера за 1897—1902 гг. (Д. 213. 8 л.) с ответами на вопросы и запросы Эрнштедта (в основном по библиографии).

В качестве параллели можно привести письмо Г. Ф. Церетели к своему учителю Эрншtedту из Вены (от 28 января 1901 г. Д. 222. Л. 251—251 об.): впервые увидев Ягича, Церетели характеризует его как человека умного, но фальшивого, с которым надо держать ухо востро. «Будь он каким угодно великим ученым в своей области, но мне кажется, — пишет Церетели, — что подобный человек не может создать школы, ибо от учителя кроме знаний требуется еще известная нравственная стойкость и чистота, ну, а этого у известного слависта — я убежден — нет». Высказывания Церетели о западных ученых почти всегда отличались излишней критичностью, но в данном случае важно другое: его высокое мнение об учителе — это безусловная проекция на Эрншtedта (и многие места разбираемой и цитируемой корреспонденции подтверждают наличие у него названных качеств).

Незадолго до отъезда из Вены, как сообщил Виктор Карлович Жебелеву 31 июля 1895 г. (уже находясь на даче под Ригой), он встретил в Hofbibliothek петербургского студента-германиста Шишмарева, которого он назвал многообещающим. Они совершили поездку в Карнунт, и последний разочаровал Эрншtedта: он оказался столь же похож на Помпеи, сколько Архангельск на Неаполь; раскlopки неинтересные, бедные (Д. 7. Л. 6 об.—7).

Жебелев, отбыв летом 1900 г. в заграничную командировку, в свою очередь делился с Эрншtedтом впечатлениями: в Берлине работал в музее, слушал лекции Келера; в Дрездене достойны похвалы гипсовые слепки; в Мюнхене общался с Г. Ф. Церетели, который очень увлечен папирусами (на взгляд Сергея Александровича, даже слишком); хвалит интересный курс античного искусства А. Фуртвенглера (письмо из Мюнхена от 18 июня 1900 г. Д. 80. Л. 47—48 об.).

В ответе, написанном 21 июня/4 июля из Карлсбада, где Эрншtedт в это время лечился (Д. 7. Л. 26—27), Виктор Карлович выражает сожаление, что у Келера только три слушателя — действительно маловато для такого ученого. Он читает содержательно, но не увлекательно, а в Берлине декоративной стороне дела придает много значения. Эрншtedт называет Келера человеком чрезвычайно порядочным и считает, что он сделал глупость, приняв приглашение в Берлин, где ему приходится конкурировать с Гиршфельдом и «прочими жидовствующими». К числу последних Эрншtedт относит и Фуртвенглера: «Я его не слушал, но имею понятие о его личности, видел его. В Афинах его соотчичи относились к нему с нескрываемой иронией, считая его Streber'ом.¹⁵⁶ В своем роде он, разумеется, молодец: Streber достиг своего, стал силой — и ирония умолкает, а со временем, чего доброго, обратится в восторг. В современной Германии такие перемены декорации дело обычное».

27 июня/10 июля Жебелев отвечает из Мюнхена, что в Фуртвенглере разочаровался: этот «модернист», каких еще поискать, ездит в глиптотеку на велосипеде, что напомнило Сергею Александровичу некоторых петербургских профессоров, и одно это отвратило от Фуртвенглера, а к тому же еще невозможные «реверансы» при чтении лекций: взьерошивание волос, нервное подергивание лица и т. п. Впрочем, Жебелев признал, что памятники он объясняет с большим вкусом и без особенных парадоксов (Д. 80. Л. 49—50 об.). Отвечая 2/15 июля (из Карлсбада) на это письмо, Виктор Карлович пишет, что здоровье его улучшается, уже нет тошноты, рвоты и колик по ночам; думал даже заняться велосипедным спортом, но не вышло — дорого и пр.¹⁵⁷

¹⁵⁶ «Карьерист, честолюбеш» (нем.).

¹⁵⁷ Эрншtedт удивлен тем, что Сергей Александрович собирается ехать в Бонн: «Разве там музей порядочный? Или желаете взглянуть на Loschke?». Виктор Карлович делится своими впечатлениями о Г. Лешке пятнадцатилетней давности и подытоживает их следующими словами: «Во всяком случае он человек деликатный, не чета, например, Узенеру» (Д. 7. Л. 28—29 об.).

В письме от 14 июля 1900 г. Жебелев сообщает своему адресату, что третьего дня прибыл в Лондон и поселился в компании с Тураевым и Церетели, в близком соседстве с А. А. Васильевым. Английский, по собственному признанию Сергея Александровича, он знает очень мало, но с Васильевым чувствует себя в Лондоне как дома. Тураев весь ушел в эфиопские жития святых, а Церетели — в папирусы. Сам Жебелев изучает Британский музей, который настолько грандиозен, что нужны, по мнению пишущего, годы, чтобы с ним познакомиться. В этом же письме Жебелев описывает свое путешествие по Германии, во время которого он видел все германские музеи (Д. 80. Л. 51—52 об.).

«Что у Вас на первых порах голова закружилась от Британского музея, это понятно», — отвечает ему Ернштедт из Schonau 25 июля/7 августа (Д. 7. Л. 30—31 об.). Чтобы изучить его, для этого, без сомнения, требуются годы. Но даже сузив поле зрения и ограничив его исключительно искусством, Сергей Александрович, по мнению учителя, все-таки (как и Церетели с Тураевым) занят не тем, что нужно для преподавания на кафедре, для которого важнейшее, центральное место занимают язык и его памятники. Если бы не это обстоятельство, можно было бы радоваться, что преподавание Жебелева у Штиглица и в Академии художеств¹⁵⁸ решительно обратило его к археологии.¹⁵⁹ «Археологи с Вашей подготовкой (филологической и исторической) и с Вашими данными нам очень нужны. Но филологи нам тоже очень нужны, по крайней мере покуда древние языки еще не вытеснены из средней школы. Филологи нам тем более нужны, что один из лучших, П. В. Никитин, бросил преподавание, а г. Зелинские не готовят ни археологов, ни филологов, а только болтунов и нахалов».

Трудно сейчас представить такую быстроту почтовой связи, но уже 27 июля/9 августа (т. е. через два дня) Жебелев посылает из Лондона подробное рассуждение об археологии, ее отношении к древней истории и полезности для классической филологии (Д. 80. Л. 53—54 об.).

Коллегиальная и дружеская переписка учителя и ученика недвусмысленно свидетельствует о том, насколько близко принимал к сердцу и уму Виктор Карлович занятия, карьеру, трудности, проблемы и замыслы Сергея Александровича. Когда в 1898 г. Жебелев защищал магистерскую диссертацию («Из истории Афин 229—31 гг. до Р. Хр.»), Ернштедт писал ему: «С диспутом, на мой взгляд, Вас можно поздравить, и такое, сколько мне приходилось слышать, общее впечатление. Вы вели себя на кафедре идеально: не робели, не горячились, не злюкались и т. д. 'Αγαθῆ τύχη»¹⁶⁰ (21 декабря 1898 г., СПб. Д. 7. Л. 22).

После диспута и замечаний А. В. Никитского, Ф. Ф. Соколова и Р. Х. Лепера Жебелев признал свою неправоту относительно первого года Македонской войны. Никитский предложил написать об этом заметку. В марте 1899 г. появилась в ЖМНП рецензия Ф. Ф. Соколова на его диссертацию. Жебелев в письме к Ернштедту (24 марта 1899 г., СПб. Д. 80. Л. 37—40 об.) просил у него совета, так как и сам хотел бы написать заметку о первом годе Македонской войны и о признании своей ошибки. Виктор Карлович ответил ему 27 марта (СПб. Д. 7. Л. 25—25 об.), что он не видит препятствий к слиянию статьи Жебелева со статьей Никитского, но и надобности в этом также не видит. «Ваше нежелание полемизировать с Федором

¹⁵⁸ С. А. Жебелев преподавал историю в Центральном училище технического рисования барона Штиглица (1891—1903) и был профессором истории древнего искусства в Высшем художественном училище при Академии художеств (1894—1905).

¹⁵⁹ Ернштедт под археологией скорее понимал изучение памятников искусства. Таким же образом рассматривал эту отрасль Н. П. Кондаков, который настоятельно побуждал Жебелева перейти на археологию («Судьба этого предмета у нас горькая, и кто любит его, должен его поддержать» — из его письма к Сергею Александровичу от 10 июля 1897 г., см.: ПФА РАН. Ф. 724. Оп. 2. Д. 168. Л. 56 об.).

¹⁶⁰ «В добрый час!» (среч.).

Федоровичем (Соколовым. — *И. К.*) я понимаю, но можно сделать так: А. В. Никитский пришлет свою статью; кроме того, Р. Х. Лепер, по прочтении его статьи, напишет то, что считает нужным дополнить или возразить; затем, если окажется нужным, Вы приложите свое, и наконец, Ф[едор] Ф[едорович] даст свое заключение. Все это под общим заглавием, но за подписью каждого из авторов, могло бы быть напечатано в “Журнале” [Министерства народного просвещения] осенью (сейчас места мало). Если Вы не против, то сообщите А. В. Никитскому, а я переговорю с Лепером. К Федору Фед[оровичу] мы приступим после, если обстоятельства не сложатся так, что придется раньше ему об этом сказать». ¹⁶¹

Эрнштедт поддерживал историко-археологические устремления ученика и его интерес к древнему искусству, хотя и настаивал постоянно, что самое важное, основа и базис всех исследований — язык. ¹⁶² Именно Виктор Карлович убеждал Жебелева поторопиться с диссертацией (письмо от 27 июня/10 июля 1901 г., *Herrenalb.* Д. 7. Л. 37). 3 июля Жебелев сообщил ему о повороте к новой диссертационной теме о древности провинции Ахайя: намечается ряд эпиграфических этюдов; тема уже им достаточно разработана, источники — авторы и надписи — собраны, и здесь, как считает Сергей Александрович, он ближе к требованиям филологии. А тема торговых и культурных сношений греков-колонистов с Грецией и Малой Азией останется на будущее и подождет результатов новых раскопок (Гатчина. Д. 80. Л. 64—67). Свою новую тему ученик еще раз обсудил с учителем в письме из Гатчины от 12 июля (Там же. Л. 68—69 об.).

Отвечая спустя четыре дня на это письмо, Эрнштедт соглашается с выбором диссертанта и дает советы по теме; если Сергей Александрович считает, что быстрее осилит этот замысел, то почему бы ему и не писать Ἀχαιῶν? Относительно же его опасений, что филолога может скорее скомпрометировать тема с преобладающим «археологическим» характером, нежели с «историческим», то Виктор Карлович успокаивает исследователя, однозначно одобряя археологический уклон: «Напротив, — пишет он, — так как кафедры археологии нет, а историки новой школы более или менее отрешиваются от нее, то естественно, что филология и археология вступают в союз, т. е. что филологи пишут на археологические темы». И опять следует предупреждение: «Не забывайте упражняться в языке!» (7/20 июля, *Herrenalb.* Д. 7. Л. 38—39 об.). Докторскую диссертацию («Древности провинции Ахайя») Жебелев успешно защитил в 1903 г. ¹⁶³

31 июля 1898 г. Жебелев написал Эрнштедту, что в этот день он зашел со статьей Айналова к редактору «Византийского временника» Регелю и видел у него В. Г. Васильевского, который с женой и дочерью поселился у Регеля: ему стало очень плохо и его с трудом перевезли из деревни в Петербург; сейчас ему уже лучше, он гуляет по саду Регеля и собирается, если окрепнет, поехать куда-нибудь в Финляндию, а затем для окончательной поправки за границу, вероятно в Италию. Василий Григорьевич «очень изменился, но, принимая во внимание все им перенесенное, все-таки более или менее выглядит молодцом» (Д. 80. Л. 32—32 об.; в этом же письме — известие о свадьбе Б. А. Тураева и сестры Г. Ф. Церетели).

Обсуждается в письмах и личность византиста и литературоведа А. И. Кирпичникова. «Вот человек, с которым ладить легко и на которого положиться трудно! Хороша же Москва, что лучшего декана не могла найти!», — восклицает Эрн-

¹⁶¹ Планы эти не были осуществлены.

¹⁶² В письме из Ассерна от 16 июня 1898 г. (Д. 7. Л. 19 об.—20) Эрнштедт пишет, что он всегда желал и желает, чтобы Сергей Александрович имел ясное представление о научной постановке фонетики и морфологии.

¹⁶³ Издаиа: СПб., 1903. Рец. Ф. Ф. Соколова: ЖМНП. 1904. Май.

штедт (письмо от 27 июня/10 июля 1901 г., Nettenalb. Д. 7. Л. 37), а в начале августа, откликаясь на известия, сообщенные Жебелевым, пишет: «Я не только о смерти И. Н. Жданова, но и о смерти Сухо[м]линова узнал из Вашего письма. От смерти Сухомлинова науке и Академии ни тепло, ни холодно, но Жданова очень жаль. Бог знает, кого нам теперь подsunут в Академии (не говоря уж об университете). Не Кирпичникова ли? Он давно подбирается к нам и, вероятно, недаром дружит за последнее время с Н. П. Кондаковым» (2/15 августа 1901 г., Schonau. Д. 7. Л. 41). Жебелев спустя несколько дней (8 августа, Гатчина. Д. 80. Л. 70—71 об.) предлагает своему адресату несколько иную версию: в Академии, вероятно, появится Кирпичников, но Кондаков уж точно положит ему черняка. «Оба сии мужа взаимно ненавидят друг друга, хотя, по византийскому обычаю, и говорят друг другу любезности».

Много места в этой переписке уделено журнальной деятельности. Эрнштедт оставался на посту редактора классического отдела ЖМНП до последнего своего дня и уделял редакционной работе много сил, времени и внимания. Жебелев был ему верной опорой и безотказным помощником. В письмах с обеих сторон постоянно обсуждаются статьи, корректуры, типографские дела, отписки, исправления, некрологи, рисунки, планы и пр. 18 июня 1895 г. Жебелев пишет Эрнштедту в Берлин о журнальных делах и корректурах, о статьях Зенгера, Базинера, Малеина и др. (Д. 80. Л. 6—7). 24 июня/6 июля Виктор Карлович в ответном письме благодарит за хлопоты по журналу и планирует, что в августе достаточно двух листов, хотя при этом отдел будет занят двумя неполными статьями. «Васильевский, — пишет Эрнштедт, — уже не раз спрашивал меня: “Из-за чего Вы хлопочете?”». Вопрос, хотя и иронический, однако все-таки характерный» (Д. 7. Л. 2).

Только-только вернувшись из-за границы и находясь на даче под Ригой, Виктор Карлович просит Жебелева (письмо от 31 июля 1895 г. Д. 7. Л. 6) отправить в типографию статью Энмана и потребовать скорейшего набора, с тем чтобы он смог на отдыхе прочитать корректуры. Журнальные дела обсуждаются не только в отъездах,¹⁶⁴ — адресаты шлют друг другу пожелания и обмениваются планами, и находясь в Петербурге. Например, Виктор Карлович, на голову которого свалились заботы о дочерях, заболевших дифтеритом, извещает 17 февраля 1898 г. Жебелева, что отдает мартовскую книжку журнала в полное его распоряжение (Д. 7. Л. 14—15 об.). «По отделу классической филологии [Вы] полный хозяин» (приписка на л. 15 об.). Виктор Карлович уже договорился с типографией, что корректуры с рукописью отправят Жебелеву и автору (И. Ф. Аннскому), дает распоряжения о листаже, месте и необходимости написать «Продолжение следует», пишет, что Б. В. Фармаковский обещал для журнала статью о Вакхилиде, XVII — перевод с археологическим комментарием, и что полученную им статью Крашенинникова он успел отдать Васильевскому. В следующем письме (26 февраля, СПб. Л. 16—17)¹⁶⁵ Эрнштедт, по-прежнему занятый болезнями и дезинфекциями, все-таки, беспокоясь о журнале, предлагает, что будет сам читать корректуры, и об-

¹⁶⁴ В уже упомянутом письме из Ассерна (см. примеч. 162) содержится просьба Эрнштедта передать Крашенинникову корректуру его Прокопия с некоторыми замечаниями Виктора Карловича (Л. 19). Ср. также письмо от 11/24 июня 1901 г., Nettenalb (Д. 7. Л. 35 об.), в котором Эрнштедт извещает Жебелева, что посылает ему статью Крумбахаера с переводом.

¹⁶⁵ Ср. также письмо от 17 мая 1901 г. из СПб. (Д. 7. Л. 32—32 об.), где речь идет о статьях Ф. Е. Корша и Э. Л. Радлова и о просьбе к А. Н. Деревицкому написать некролог Л. Ф. Воеводского. В случае его отказа Виктор Карлович просит Жебелева поискать кого-либо, кто близко знал Воеводского в Одессе. Некролог был написан А. Н. Деревицким и опубликован в июльской книжке журнала за 1901 г.

суждает возможность печатания различных материалов и приготовления цинкографии для рисунков к статье Фармаковского.¹⁶⁶

Ученик на всю жизнь сохранил благодарную память о своем учителе. Его перу принадлежит теплый и проникновенный некролог Эрнштедта (ЖМНП. 1902. Октябрь); вместе с другими преданными учениками (Г. Ф. Церетели и М. Н. Крашенинниковым) он издал в 1907 г. посмертный сборник трудов ученого (Opuscula) и даже спустя 25 лет после смерти учителя (в 1927 г.), читая в кружке друзей греческого языка доклад, посвященный памяти Виктора Карловича, по-прежнему заявлял, что его место никем не занято, что не нашелся пока еще достойный продолжатель его дела (см.: РНПВ. С. 68, примеч. 2).

Еще один любопытный сюжет в эпитафическом наследии В. К. Эрнштедта — его переписка с архимандритом Анатолием, главой русской православной миссии в Афинах, а впоследствии — епископом Балтским, Каменец-Подольским, Острогорским и Уманским. За 1882—1892 гг. Виктор Карлович получил от него 24 письма (за 1882—1886 гг. — из Афин, а затем последовательно — из Каменец-Подольска, Воронежа, Киева и Калуги. Д. 14. 47 л.). Архимандрит писал Эрнштедту сначала в Олимпию, потом в Италию и Рим и после возвращения адресата в Россию — в Петербург. В его письмах много подробностей о работе магистрантов в Греции и даже о поездках самого Эрнштедта в Олимпию, Рим, Милан. Архимандрит весьма озабочен состоянием русской науки и очень печется о нравственности молодых археологов. Его заветная мечта, которой, правда, так и не суждено было осуществиться, — создание в Афинах русской археологической школы (Института).¹⁶⁷

Очень заботливо архимандрит встретил командированного в Грецию выпускника ПИФИ Д. Королькова, внимательно следил не только за его здоровьем (тот приехал очень заморенным и окреп физически в Афинах), но и за его образованием, занятиями и научной работой, помогал в выборе темы, защищал от нападок начальства, сожалел, что способствует ему в его эпитафических изысканиях только Келер. «Я сам ему помогаю собирать археологические материалы, покупая их у крестьян, которые мне верят и приносят их» (Л. 9 об.). Когда срок командировки Королькова истек, архимандрит готов был содержать его на свой счет: он почитал его весьма талантливым и написал Эрнштедту, что «Латышев против него — пигмей» (Л. 16 об.). Он продолжал опекать Королькова и после его отъезда в Москву, а позднее, уже из Подольска, с огорчением констатировал, что из Королькова вышел магистрант-неудачник (Л. 34 об.).¹⁶⁸

¹⁶⁶ Здесь же Виктор Карлович пишет о рецензии, которую М. Н. Крашенинников написал на докторскую диссертацию И. И. Холодняка (*Scapina sepulcralia latina*). О непростых отношениях этих двух ученых мужей см.: *Анфертьева А. Н.* М. Н. Крашенинников: к портрету ученого и человека. С. 379, 381—382 и примеч. 36. Вот еще одно свидетельство из того же письма Эрнштедта: «Рецензия М. Н. Крашенинникова если не доставит удовольствия Холодняку, то будет приятна другим людям, в особенности если она вызовет сердитый ответ Холодняка, который любит и умеет говорить колкости. И дурак же Иван Ильич [Холодняк], что напросился на рецензию М. Н. Крашенинникова! Ведь М[ихаил] Н[икитич] человек “с темпераментом” — вроде А. Н. Веселовского: как войдет в раж — а войти им ничего не стоит — то хоть святых выноси вон. Обдумал ли М[ихаил] Н[икитич], что Зелинский и в факультетском отзыве, и на диспуте не поцеремонится воспользоваться данными, заключающимися в рецензии? Опять он своему антагонисту поможет влезть на пьедестал» (Д. 7. Л. 16 об.—17).

¹⁶⁷ Подробнее об истории этого вопроса см.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт... С. 79—80.

¹⁶⁸ От Д. Н. Королькова Эрнштедт получил 20 писем (Афины, Москва, 1881—1886 гг. Д. 105. 52 л.) — в основном с информацией о путешествиях, о работе над надписями и описанием раскопок; Корольков советовался с Виктором Карловичем по поводу восстановлений («Жаль, что я был плохим учеником у Наука». Л. 20 об.). Ср.: РНПВ. С. 104. Пишет о хороших отношениях с Келером: «Не знаю, чего больше в этом человеке — энергии, ума или чувства» (Л. 13 об.). Келер, как отмечает Корольков, высоко ставит филологические дарования Эрнштедта и его эрудицию в эпитафической области, и он очень сожалел, что ничего не получил от Эрнштедта для *Mitteilungen*. Корольков чрезвычайно много внимания уделял собственной особе.

Точно так же архимандрит опекал и Ернштедта, способности которого к научной работе высоко ценил, снабжал его деньгами в трудных финансовых обстоятельствах, способствовал его поездкам по Греции и Италии, исходя из простого и мудрого соображения: «Что теперь можно сделать за 100 франков, то потом и тысячами не наверстаешь» (Л. 7 об.). В сентябре 1885 г. он написал в Петербург, что не числит долга за Виктором Карловичем, так как считает, что вложил свою скромную лепту в русскую науку (Л. 28 об.). «Я полюбил вас (архимандрит почему-то даже слово «россия» писал со строчной буквы. — *И. К.*) за ваш ум и доброе сердце, способное к поэзии, и навсегда останусь вашим другом», — написал он Виктору Карловичу в марте 1883 г. из Афин (Л. 9). Он очень беспокоился, что в Риме у Ернштедта может начаться лихорадка: «Ученость без здоровья грустный капитал!» (Л. 5). Сам архимандрит, весьма интересующийся всякого рода древностями и скупающий их, не забывал сообщить своему адресату о находках новых греческих надписей, о перевезенных в Афины из фессалийских монастырей рукописях византийского времени (Л. 20 об.), о раскопках в Греции; всегда подробно сообщал об успехах членов русской колонии в Афинах и особенно хвалил А. В. Никитского и Н. И. Новосадского, которых опекал после отъезда Королькова.

Архимандрит благодарит в письмах Виктора Карловича за присылаемые им из Петербурга его труды (докторская диссертация, статьи), читает и хвалит их. Одобряет его женитьбу, благословляет его первенца, названного в честь архимандрита Анатолием (потом шлет утешения по поводу потери первенца. Л. 38). Перебравшись в январе 1888 г. в «Скифию», епископ продолжает свою переписку с Ернштедтом, читает его труды, поздравляет с прибавлением семейства и благословляет появившихся на свет дочь Елену (1888 г.) и сына Петра (1891 г.), сообщает новости о своей работе, жите, борьбе, зовет в гости. Вообще в посланиях священника много внимания уделяется политике и светским новостям. Несмотря на преклонный возраст, о. Анатолий предстает перед нами человеком очень жизнерадостным, энергичным, пристрастным и увлекающимся. Подкупают его заботливость и внимание к окружающим. В своем квасном патриотизме он ругает всех в Европе, кроме англичан (с которыми надеется соединиться церквами), а особенно евреев. Его антисемитизм достигает такого непристойного для христианина накала, что он даже приветствует еврейские погромы в Польше («Люто побили жидовство в Варшаве» — л. 1 об.). Его частые антисемитские высказывания неприлично было бы даже упоминать, не только цитировать, но, к сожалению, они находили сочувствие у Ернштедта, многие откровения которого на эту тему неловко читать.

Последнее известие об о. Анатолии в архиве Ернштедта принадлежит А. В. Никитскому (Д. 156): в апреле 1902 г., перебравшись в Москву, Никитский навестил разбитого параличом батюшку в Новоспасском монастыре.

Всего 2-я опись фонда Ернштедта насчитывает 245 дел. Помимо проанализированной деловой и научной переписки, которая рельефно проявляет читательский характер, эрудицию, область научных интересов и общественных занятий не только самого исследователя, но и его многочисленных корреспондентов, фонд содержит и некоторое количество писем личного характера. Кроме писем Виктора Карловича к жене (Д. 6. 39 писем и 23 открытки из Петербурга, Берлина, Вены, Одессы, Нижнего Новгорода, Стокгольма, Москвы, Гейдельберга, Сестрорецка за 1893—1902 гг. 120 л.), о которых уже шла речь в данном обзоре, это прежде всего 29 открыток Виктора Карловича к детям Анне, Вере, Елене и Петру из Петербурга, Саратова, Гейдельберга, Стокгольма, Карлсруэ, Сестрорецка (1899—1902 гг. Д. 5. 29 л.), дающих возможность представить Виктора Карловича в роли отца. В этом отношении показательно письмо Ернштедта к профессору

психологии и философии Н. Я. Гроту (Эстония, 27 июня 1902 г.): речь идет о семейном чтении на отдыхе, причем сам глава семейства читает «Путешествие вокруг света в 80 дней» Жюль Верна и пьесы Александра Дюма-отца; после разбора нескольких пьес Виктор Карлович добавляет: «Почитываю Одиссею, а также сборник староиспанских пословиц. По утрам занимаюсь с Петей и Елочкой; первого посвящаю в греческую этимологию и читаю с ним “*Sans famille*” Гектора Мало... С Елочкой мы читаем Корнелия Непота в обработке К. Я. Любегилля. Попутно она научается и латинской грамматике. Кроме того, втроем мы прочли вслух “Вильгельма Телля” Шиллера и “Ифигению в Тавриде” Гете. Русские книги они и без меня читают» (Д. 2. 2 л.).

Фонд сохранил и письма, открытки, записки Лидии Ивановны к мужу (Д. 77. 1892—1902 гг. 58 л.), письма и открытки детей к отцу (Д. 76. 1899—1902 гг. 37 л.), а также переписку с родственниками (1 открытка к сестре Аманде Карловне Мерценфельд, на нем. яз. из Сестрорецка, от 29 апреля 1901 г. Д. 10; 1 письмо теще Лине Павловне Деллеви от 9 августа 1891 г. Д. 4; 5 открыток к шурину Владимиру Ивановичу Деллеви за 1900—1901 гг. Д. 3, 5 л., и два письма от шурина с подробностями армейской жизни, от 26 декабря 1894 г. и 11 января 1896 г. Д. 66. 4 л.).

Множество писем содержит просьбы о рекомендациях, заступничестве, ходатайствах, поддержке, поручительстве: пишут преподаватели гимназий или их жены, пишут старые друзья, рекомендуя в университет своих сыновей, пишут коллеги и студенты, иногда уже окончившие курс, но сохранившие привязанность и благодарность профессору, просят совета, обращаются за книгами, за содействием в переносе или назначении экзаменов, устройстве на службу и т. п., — видимо, Виктор Карлович никому не отказывал в помощи.¹⁶⁹

Типичный пример: Адольф Осипович Савицкий, бывший студент Петербургского университета, написал Ерншtedту (Д. 185; б/г), что хлопочет получить место преподавателя, но, несмотря на присужденную ему первую степень, подавать попечителю Округа только одно прошение — бесцельно: лишь внесут в список вечных кандидатов. Просит письменную рекомендацию (письмо профессора-экзаменатора очень много значит для карьеры) и уже через три недели благодарит Виктора Карловича за то, что тот не остался глух к просьбе: «Был на днях у Леонида Ивановича (Л. И. Лаврентьев, попечитель Округа. — И. К.), встречен был сухо, но после прочтения Вашего письма — весьма приветливо обласкан». Савицкий благодарит Ерншtedта за приглашение бывать у него дома, хочет воспользоваться приглашением и получать советы, чтобы действительно стать именно таким преподавателем, каким был отрекомендован.

Еще один весьма показательный пример: Александр Андреевич Попов, директор Художественного училища в Одессе, обратился к Ерншtedту с просьбой помочь в деле, от которого зависит дальнейшая судьба его самого и его семьи: на днях в Совете Академии художеств будет избираться лицо на место директора Художественного училища в Одессе; поскольку Попов уже прослужил 15 лет, то ему будет обидно это место потерять. «Зная Ваши связи, Ваше влияние и Ваше доброе и отзывчивое сердце, я прошу Вас, посодействуйте мне в получении этого места» (Д. 170. Л. 1—1 об.).¹⁷⁰ В следующем письме (б/г) Попов уже благодарит

¹⁶⁹ Достаточно перечислить номера соответствующих дел: 16, 39, 57, 59, 75, 85, 104, 116, 125, 149, 170, 171, 178, 185, 190, 203, 207, 223.

¹⁷⁰ Интригу против почти единогласно избранного директором А. А. Попова объясняет в письме к Ерншtedту его жена (Д. 171; б/г): она убеждена, что это дело рук «жидов и ожидаемых христиан» во главе с Павловским, и поскольку в училище и Совете общества более половины евреев, то совершенно необходим русский человек; если у ее мужа будет власть, открывает карты Ольга Попова, да еще рука в Петербурге, то все встанет на свое место, и все поймут, что от него зависят, и уймутся.

Виктора Карловича за сердечное участие в его деле (мнение Эрнштедта повлияло на И. И. Толстого, но Попов просит повлиять еще и на Н. П. Кондакова, советами которого граф руководствуется). Видимо, Попов все же получил от строгого благодетеля некий выговор, так как в конце письма читаем такую фразу: «Принимаю с удовольствием Ваш добрый совет “подтянуться, но не выходить из границ”» (Л. 2 об.).

Таков в итоге получился портрет большого ученого второй половины XIX в., написанный эпистолярными мазками как им самим, так и его современниками.

Л. А. Мацулевич: архив ученого

Л. А. Мацулевич — прекрасный русский искусствовед, во всем мире известный своими трудами, посвященными византийским изделиям из серебра. Его работы еще при жизни нашли освещение в литературе.¹ После его смерти было опубликовано несколько некрологов и список работ.² В 1986 г. в Государственном Эрмитаже было проведено совместное научное заседание отделов Востока и Истории первобытной культуры, посвященное 100-летию со дня рождения исследователя, на котором было сделано несколько докладов о жизни и деятельности Леонида Антоновича.³ В конце 1980-х гг. вышло несколько статей об ученом.⁴ Однако, несмотря на интерес, проявляемый исследователями к Л. А. Мацулевичу и его работам по византийскому искусству, его фонд, хранящийся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, до сих пор почти неизвестен исследователям.

Личный фонд ученого поступил в ПФА РАН в 1970 г. от вдовы Мацулевича, Жаннеты Андреевны Мацулевич. Фонд был первично обработан ею самой. Окончательная обработка была произведена научным сотрудником Архива Т. А. Войтовой. В 1972 г. по просьбе Ж. А. Мацулевич фотографии, соединенные в описи № 5 фонда, были переданы в фотоархив ЛОИА, так как значительная часть фотоархива исследователя была передана туда им самим.⁵ В Архиве РАН в фонде № 991 сейчас находятся 4 описи: научные труды и материалы к ним, биографические материалы и по деятельности, переписка, труды других лиц. Но прежде чем дать характеристику научным материалам Л. А. Мацулевича, хотелось бы напомнить биографию ученого, насколько ее можно восстановить по материалам его личного фонда.

---

¹ См.: Двадцатилетие работы в Эрмитаже Л. А. Мацулевича // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1; Курбатов Г. Юбилей Л. А. Мацулевича: Семидесятилетие и 45 лет научной работы // ВВ. М., 1957. Т. 12.

² Иссен А. А. Некролог Л. А. Мацулевича // СА. 1960. № 3; некрологи Л. А. Мацулевича были также опубликованы в следующих изданиях: ВВ. 1960. Т. 17. С. 373—375 (на с. 375—378 опубликован список работ Л. А. Мацулевича, составленный Ж. А. Мацулевич); Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1960. Вып. 18.

³ Доклады Г. И. Вздориова «Ученики Д. В. Айналова»; Ю. А. Пятницкого «Деятельность Л. А. Мацулевича в Византийском отделении Эрмитажа (1920-е гг.)»; воспоминания Т. Д. Белановской, А. В. Давыдова, А. Д. Столяра (эти доклады заявлены в «Программе Научного заседания отделов Востока и Истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, посвященного 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН Грузинской ССР Л. А. Мацулевича. 12—13 ноября 1986 г.»: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 51).

⁴ Залеская В. Н. Л. А. Мацулевич // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 74—78 (здесь опубликован список работ ученого); Белоброва О. А. Л. А. Мацулевич // Советское искусствознание. М., 1987. Вып. 21; Вздорнов Г. И. Волоотов. М., 1989. С. 26—32.

⁵ ПФА РАН. Ф. 991. Дело фонда.

Леонид Антонович Мацулевич родился 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1886 г. в Санкт-Петербурге.

Дед Л. А. Мацулевича, поляк Ян Мацулевич, был сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1864 г. Он вернулся в 1890-х гг. в семью сына А. И. Мацулевича и вскоре умер.⁶ Отец Леонида Антоновича — Антон Иванович Мацулевич служил чиновником в Переселенческом управлении в Петербурге. Умер в 1900 г. молодым.⁷ Мать, Ольга Павловна Мацулевич, урожденная Никитина, в юности работала гувернанткой. В 1880—1881 гг. вышла замуж за Антона Ивановича; имела четверых детей. Всем дала высшее образование, несмотря на то что осталась вдовой, когда младшей дочери едва исполнилось 10 лет.⁸ Роль ее в судьбе сына была очень велика: недаром, поздравляя Л. А. Мацулевича с оставлением при университете, его учителя, Д. В. Айналов, писал (28 мая 1912 г.): «Поклон низкий и душевные поздравления с Вашими успехами прошу передать прежде всего Вашей матери...».⁹ Она умерла в блокадном Ленинграде.¹⁰

Трудовую деятельность Л. А. Мацулевич начал с 14-летнего возраста после смерти отца: будучи учеником гимназии, репетировал по рекомендации преподавателей учеников младших классов. В годы студенчества работал корректором в типографии.

После окончания в 1905 г. 5-й классической гимназии поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет, а в 1912 г. после сдачи государственных экзаменов был «оставлен при Петербургском университете для подготовки к профессорской и научной деятельности».¹¹ Д. В. Айналов отметил в цитированном выше письме: «Уверен, что Вы будете работать с увлечением и удовлетворением для русской науки».¹² В 1912 г. начал чтение лекций по истории искусства на Высших женских архитектурных курсах Е. Ф. Багаевой. Во время первой мировой войны в 1914 г. ушел добровольцем в действующую армию, где служил в 11-м пулеметно-автомобильном взводе; в 1917 г. был демобилизован как преподаватель. В 1917—1918 гг. — преподаватель Проскуровской женской гимназии, а в 1918—1919 гг. — научный сотрудник Русского музея в Петрограде.

С 1919 г. Л. А. Мацулевич перешел в Государственный Эрмитаж. В 1920 г. он руководил эвакуацией ценностей Эрмитажа из Москвы. Сначала Л. А. Мацулевич работал хранителем отдела Византии, с 1930 г. — заведующим отделом Византии, с 1931 г. — заведующим созданной им Готской секции отдела Доклассового общества, а с 1934 до 1941 г. — заведующим отделом Доклассового общества. В Эрмитаже Леонид Антонович работал до 1949 г.¹³

⁶ Родные Л. А. Мацулевича. 6 фото [до 1900—1934]: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 45. Л. 1а.

⁷ Там же. Л. 1а об.

⁸ Там же. Л. 2а, 2а об. Владимир Антонович Мацулевич, старший брат Л. А. Мацулевича, был одним из участников организации и устройства большой кустарно-промышленной выставки в Петербурге в 1908—1909 гг. (Там же. Л. 3 об.), позже — организатором и первым руководителем музея Красной Армии в Петрограде, а затем в Москве (Там же. Л. 6 об.).

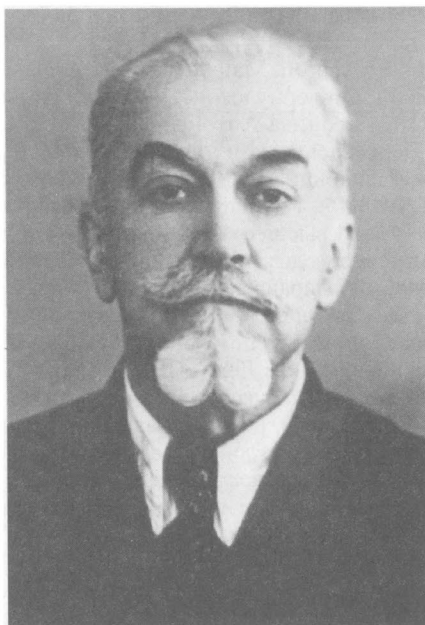
⁹ Письмо Д. В. Айналова к Л. А. Мацулевичу от 28 мая 1912 г. из Козельца: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 47. Л. 14 об.

¹⁰ В фонде сохранились письма В. А. Мацулевича из блокадного Ленинграда. Среди них — трагическое известие: «Тетя и мама не вынесли трудностей жизни и, несмотря на все наши старания и заботы, умерли: тетя 5.1, мама 9.1» (письмо от 22 января 1942 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 128. Л. 7). На этом практически заканчиваются сведения о личной жизни Л. А. Мацулевича. Не понятно, когда он женился на Жаннете Андреевне Вирениус, с которой он, возможно, познакомился на Бестужевских женских курсах. Известно, что в 1921 г. она еще носила девичью фамилию (Памятники Владимиро-Суздальского края, описания, зарисовки, записная книжка 1921 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 20. Л. 204 об.). Практически нет сведений и о детях Мацулевичей: на некоторых фотографиях присутствует приемная дочь Лида (Там же. Оп. 2. Д. 35. Л. 2, 6), есть также поздравления с 70-летием от приемной дочери Леоноры Густавовны Каксман (Там же. Д. 16. Л. 11).

¹¹ Краткая биография Мацулевича Л. А. 1939 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

¹² Письмо Д. В. Айналова к Л. А. Мацулевичу от 29 января 1912 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 47. Л. 14.

¹³ Трудовой список и трудовая книжка Мацулевича Л. А.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 4.

Л. А. Мацулевич

Параллельно с этим Мацулевич был профессором Российского института истории искусства (1918—1922), старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР (1928—август 1941 г., с перерывами), ответственным экспертом Представительства РСФСР в Паритетной комиссии по обмену культурными ценностями между РСФСР и УССР (1930—1933), участвовал в работе Комитета по охране памятников культуры Грузии (1936—1938).¹⁴

В трудовой книжке Л. А. Мацулевича отмечено, что его профессия — историк материальной культуры и искусства.¹⁵ Фраза несколько громоздкая и для такого документа, как трудовая книжка, не характерная. Но не нашлось в административном языке иного выражения, чтобы охватить весь спектр интересов и занятий Л. А. Мацулевича. Кратко пересказать его творческую биографию можно так:

Как ученик профессора Д. В. Айналова свою научную деятельность Леонид Антонович начал с занятий проблемами древнерусского искусства, в частности новгородского и псковского. Новгородскому детинцу была посвящена его первая публикация, увидевшая свет в 1910 г., — от этой даты исчислялся потом научный стаж исследователя.¹⁶ Наиболее значительным исследованием Л. А. Мацулевича в области древнерусского искусства является монография «Церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Володове близ Новгорода» (1912).¹⁷

¹⁴ Краткая биография...: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

¹⁵ Трудовая книжка Мацулевича Л.А.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 4. Л. 2.

¹⁶ Мацулевич Л. А. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII в. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1910. Вып. 3; Трудовая книжка Мацулевича Л. А. Л. 9 об.

¹⁷ Мацулевич Л. А. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Володове близ Новгорода // Памятники древнерусского искусства. СПб., 1912. Вып. 4. Последним обращением к новгородской тематике стала статья: Мацулевич Л. А. Новгород и Таллин. К вопросу о генезисе архитектурных форм // Краткие сообщения ИИМК. М.; Л., 1941. Вып. 10.

После перехода в Государственный Эрмитаж Л. А. Мацулевич переключился на исследование византийского искусства. Его «любовью» была византийская торевтика, изучавшаяся им с максимально возможной тщательностью. В фонде учебного сохранились многочисленные тематические подборки описаний, выписок, зарисовок, иллюстраций (например, «Блюда. Византийский антик»;¹⁸ «Клад 1929 г. в Уральском областном музее»¹⁹ и др.). Работа Л. А. Мацулевича нашла отражение в ряде статей и монографий. Наиболее известны: «Серебряная чаша из Керчи» (М., 1926), «Byzantinische Antike» (Берлин, 1929).²⁰

В более поздние годы вопросам, связанным с изучением византийской торевтики, были посвящены еще две работы Леонида Антоновича — книга «Погребение варварского князя в Восточной Европе» (М.; Л., 1934) и статья «Византийский антик в Прикамье» (МИА СССР. М.; Л., 1940. № 1). В 1931 г. Леонид Антонович стал в Эрмитаже заведующим Готской секции отдела Доклассового общества. Ранее изучавший местные археологические памятники Восточной Европы главным образом по связи их с находками произведений византийского искусства, он с этого времени все глубже входит в исследование истории культуры племен Северного Причерноморья в период от последних веков до нашей эры и вплоть до V—VI вв. н. э.

Результаты его исследований нашли свое отражение как в выставках Эрмитажа (1932, 1937, 1941 гг.), так и в ряде печатных работ, например, «Бляхи-обереги сарматского панциря» (Л., 1947). Много сил Л. А. Мацулевич, в частности, уделил исследованию керченских памятников IV—V вв. н. э.²¹

На протяжении почти всей научной карьеры в его работах присутствовало Закавказье.²² Раннесредневековые памятники Грузии были главной темой исследований Л. А. Мацулевича в последние годы его жизни: в 1957 г. им была сдана в печать большая монография, посвященная исследованию мозаичного пола, обнаруженного при раскопках храма в Пицунде (Бочвинта) «Мозаики Питиунта-Бичвинта».²³

В 1938 г. Л. А. Мацулевичу была присвоена степень кандидата искусствоведения без защиты диссертации, а в 1939 г. — степень доктора искусствоведения и звание профессора Ленинградского университета.²⁴

С конца 1941 г. по осень 1944 г. Л. А. Мацулевич находился в Ташкенте и работал в Ташкентской группе АН СССР. В эти годы он занимался вопросами истории Средней Азии и ее культурными связями со странами Восточной Европы в античное время. Результатом деятельности Л. А. Мацулевича этих лет стала неопубликованная монография «У истоков многотысячелетней культуры народов Узбекистана»,²⁵ получившая высокую оценку узбекских археологов.²⁶

¹⁸ ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 56.

¹⁹ Там же. Д. 57.

²⁰ Русский перевод этой работы был выполнен Ж. А. Мацулевич в 1960 г. Рукопись хранится в Государственном Эрмитаже.

²¹ См., например: *Мацулевич Л. А.* 1) Чаша Константина из Керчи и «Готские древности». Заметки о раскопках, зарисовки, иллюстрации, библиография, 1926: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 71; 2) О раскопках в Крыму. План доклада в ГАИМК и материалы к нему. 1929 г.: Там же. Д. 74; 3) Археологические памятники Крыма. Выписки, зарисовки, иллюстрации, схемы. 1929—1948: Там же. Д. 85; 4) Культура и искусство Керчи во время гуннского племенного союза. План (Краткое содержание книги). 10 ноября 1939 г.: Там же. Д. 94.

²² Первая работа: *Мацулевич Л. А.* О росписи церкви в селе Зарзма в Закавказье // Труды Всесоюзного съезда художников, дек. 1911—январь 1912 гг. Пг., 1914. Т. 1.

²³ В списке работ Л. А. Мацулевича Жаннетой Андреевной отмечено: «Рукопись сдана в издательство “Заря Востока” в Тбилиси» (Список трудов Мацулевича Л. А. (1960): ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21. Л. 9).

²⁴ Выписки из протоколов ВАК об утверждении Л. А. Мацулевича в ученой степени кандидата исторических наук, доктора искусствоведения (без защиты диссертации) и в ученом звании профессора 1938—1939, 1946: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 5.

²⁵ Список трудов Мацулевича Л. А. (1960). Л. 8.

²⁶ Приказ № 59 по Институту истории и археологии АН УзССР об объявлении благодарности Мацулевичу Л. А. с занесением в трудовую книжку: Там же. Д. 27. Л. 4.

В 1946 г. Леонид Антонович был избран членом-корреспондентом АН Грузинской ССР, о чем ему сообщил академик, президент АН Грузии Н. И. Мухелишвили: «Общее собрание Академии наук Грузинской ССР, учитывая Ваши крупные научные заслуги, избрало Вас на своем заседании от 30.12.1946 г. членом-корреспондентом Академии. Сообщая Вам об этом, искренно поздравляю Вас. Президент АН ГССР, академик Н. И. Мухелишвили».²⁷

Л. А. Мацулевича часто приглашали работать в разные учреждения, предлагали другие виды научной работы.²⁸ Например, 15 октября 1945 г. Н. И. Брунов писал: «В Академии Архитектуры прошлой осенью был организован институт истории и теории архитектуры... Очень хотелось бы, чтобы Вы приняли участие в работе сектора истории русской архитектуры. В этом смысле высказывались большинство работников института. Мне поручено обратиться с просьбой дать институту для издания что-либо из Ваших исследований по истории русской архитектуры и русской монументальной живописи и скульптуры».²⁹ В 1955 г. Леонид Антонович был приглашен в Ученый совет Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.³⁰

С 1939 по 1952 г. (с перерывом на время войны) Л. А. Мацулевич преподавал в Ленинградском государственном университете на историческом факультете. Он читал на отделениях искусствоведения и археологии обязательный курс музееведения, вел семинар «Византийское искусство X—XII вв.» (1946—1947), руководил многими курсовыми и дипломными работами.³¹ Выразить отношение к Леониду Антоновичу коллег и учеников могут строки из адреса от кафедры археологии (1946):

Дорогой Леонид Антонович! В день Вашего шестидесятилетия горячо поздравляем Вас от имени профессоров, преподавателей, аспирантов, лаборантов и студентов кафедры археологии и желаем Вам здравствовать много, много лет.

С Университетом тесно связана вся Ваша научная жизнь. В студенческие годы здесь формировались Ваши научные интересы, и под руководством крупнейших представителей русской науки того времени Вы проходили первоклассную школу изучения памятников материальной культуры. Еще будучи студентом, Вы написали ряд работ в области изучения древнерусского зодчества, не утративших своего научного значения и в наши дни.

В стенах Университета в течение многих лет протекает Ваша профессорская деятельность. Мы знаем Вас как разностороннего большого ученого с огромной эрудицией и одновременно как талантливого педагога, умело и с готовностью передающего молодежи свои обширные познания.

Творческое горение, неизменное чувство нового, исключительное умение заставить «говорить» вещественный памятник, тонкое понимание вещи в качестве исторического источника, энциклопедические знания в различных областях истории и искусства — таковы отличительные черты Вашей научной и педагогической деятельности.

Товарищи по работе и ученики ценят в Вас чуткого, отзывчивого человека, отдающего все свои силы любимой науке.

Желаем Вам, дорогой Леонид Антонович, доброго здоровья и долгих лет плодотворной работы в родном Университете.

М. Каргер, П. Борисовский, Вл. Равдоникас, М. Тиханова, Т. Белановская [и еще 12 подписей]. 7.11.1946].³²

²⁷ Мухелишвили Н. И. Письма к Л. А. Мацулевичу, 31 декабря 1946 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 139. Л. 1.

²⁸ О работе исследователя по редактированию и изданию трудов других лиц см., например, письмо Л. А. Мацулевича Носову Николаю Евгеньевичу, ученому секретарю ИИАН СССР от 10 октября 1957 г.: Там же. Д. 38.

²⁹ Там же. Д. 65. Л. 2—2 об.

³⁰ Письмо Л. А. Мацулевича Семенову Александру Александровичу (акад. АН Таджикской ССР) от 23 мая 1955 г.: Там же. Д. 39.

³¹ См.: Мацулевич Жаннета Андреевна. О подготовке научных кадров Л. А. Мацулевичем: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 28.

³² Адрес от кафедры археологии ЛГУ в связи с 60-летием со дня рождения Л. А. Мацулевича от 7 ноября 1946 г.: Там же. Д. 12.

Последние годы жизни Л. А. Мацулевич сильно болел, из-за чего ему пришлось уйти из университета. Но он не прекращал научную работу. В письмах, датированных 1958—1959 гг., постоянно мелькают известия о новых сердечных приступах и новых статьях.³³ Умер Леонид Антонович скоропостижно 22 мая 1959 г. в 8 ч. вечера в Доме отдыха Союза архитекторов в Зеленогорске, похоронен в Ленинграде на Серафимовском кладбище.

Наибольший массив материалов, отложившихся в фонде исследователя, — это материалы его научной работы. Большую часть из них составляют предварительные подборки информации.

Выписки по интересующим его темам Л. А. Мацулевич вел практически одинаково в течение всей жизни: на листиках размером в четверть альбомного листа, на каждом листике — выписки из одного труда по конкретному вопросу или зарисовки и характеристики определенной вещи. Отдельные листы сложены в подборки, на обложках которых помечена тема выписок.³⁴ Иногда подобные подборки сложены в обложки с обозначением более крупной темы.³⁵ Материал организован так, чтобы можно было его легко найти. «Отправной точкой» подборок, несомненно, были темы проводимых Мацулевичем исследований.³⁶ Если сравнивать такие коллекции подготовительных материалов и законченные работы ученого, то можно отметить, что в фонде присутствуют материалы практически ко всем работам исследователя, собранные на протяжении всей его жизни. Сохранились как материалы 1910-х гг.,³⁷ так и собранные в 1942—1944 гг. в эвакуации.³⁸ Очевидно, рабочие материалы были очень важны для Мацулевича и он следил за их порядком и сохранностью. При работе с ними стоит учитывать, что они не содержат мыслей и заметок самого исследователя и не дают никакой дополнительной информации о его взглядах и мнениях, но зато могут служить прекрасным источником сведений по той или иной теме.³⁹

Другой группой материалов являются многочисленные записные книжки. Традиция ведения их, по-видимому, была перенята Леонидом Антоновичем, так же

³³ См., например, письмо Л. А. Мацулевича к Ш. Я. Амирашвили, акад. АН ГрузССР, от 4 апреля 1959 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 2. Л. 1об.; письмо Л. А. Мацулевича к М. К. Гегешидзе (учен. секретарю Отделения общественных наук АН ГрузССР) от 30 декабря 1958 г.: Там же. Д. 12. Л. 1.

³⁴ Материалов такого характера в фонде отложилось очень много: из 227 дел оп. 1 подборками выписок или других подготовительных материалов (фотографии, зарисовки, слепки) являются 98 дел.

³⁵ См., например, «Блюда. Византийский антик». Описания, выписки из литературы, зарисовки, иллюстрации: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 56.

³⁶ Так, по-являю, что материалы под названием «Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Крещение» (1920—1922. Там же. Д. 23) использовались Леонидом Антоновичем при подготовке статьи: Хронология рельефов Дмитриевского собора во Владимире Залесском // Ежегодник Российского института истории искусства. Пг., 1922. Т. 1, вып. 2, а «Материалы к мозаикам Пицунды» (1952—1957. ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 135) — при подготовке серии статей о мозаичном поле, найденном при раскопках в Пицунде, и прежде всего — монографии «Мозаики Питиунта-Бичвинта» (1957. Там же. Д. 139). Однако некоторые подборки невозможно соотнести с написанными работами (как опубликованными, так и неопубликованными) — например, «Материалы по дарбазному покрытию и культуре дерева в Грузии» ([1948]. Там же. Д. 131) и другие подборки материалов по религиозным представлениям. Возможно, здесь мы сталкиваемся с материалами, связанными с теми интересами ученого, которые не вылились в самостоятельные исследования, или по темам, бывшим необходимыми при написании многих работ.

³⁷ Например, «Происхождение новгородских храмов, Новгород, торговля Новгорода и др. Древнерусское искусство, кирпичный стнль, церкви с планами, пилястры, полужая арка, трехлопастная арка, Псков, план Пскова» (1910 г. ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 16).

³⁸ Например, «О взаимном влиянии культуры Византии и Средней Азии» ([1942—1944]. ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 166).

³⁹ Использование материалов, собранных Л. А. Мацулевичем, в современных исследованиях: *Вздорнов Г. И.* Волотово. Часть «Документация».

как и его другом и коллегой В. К. Мясоедовым, у их общего учителя Д. В. Айналова.⁴⁰

Мацулевич совершил в своей жизни много научных поездок: он участвовал в экспедиции 1909—1910 гг. в Новгород,⁴¹ ездил с музейными комиссиями во Псков и на Украину, участвовал в экспедициях в Крым (прежде всего в раскопках Эски-Кермен), в экспедиции по обследованию архитектурных памятников Грузии, в поездке в Петрозаводск за петроглифами Бесова Носа. Уже это белое перечисление показывает, насколько разнообразные материалы содержатся в записных книжках Л. А. Мацулевича.

Большинство записных книжек, содержащихся в фонде, близко путевым дневникам: здесь отмечены маршрут передвижения, смета расходов, расписания съездов,⁴² выписаны имена ученых и их контактные телефоны. Кроме этого, записные книжки содержат четкие, подробные и порой очень поэтичные описания осмотренных исследователем памятников. Иногда записная книжка полностью была заполнена при работе над одной коллекцией или на одном памятнике археологии или архитектуры.⁴³ В записные книжки попадали многочисленные наблюдения за архитектурными памятниками России, Кавказа, Средней Азии, зарисовки предметов, хранящихся во многих музеях европейской части СССР.⁴⁴ Записные книжки ученого содержат много материала, важного для исследователей русского и византийского искусства, археологии Причерноморья и степной полосы России эпохи великого переселения народов.⁴⁵ Но в них практически отсутствуют сведения о мнениях самого Л. А. Мацулевича по поводу осмотренных памятников. Типичным примером заметок в записной книжке может служить описание Никорцминды из записной книжки 1937 г.: «Рельефы южного портика особенно прекрасны и своим четким мастерством и сдержанностью декоративных приемов. Рельеф отличается по своей декоративности и совершенству от рельефов портала. Содержит стилобаты. Представляют замки как нелюры — и это у всех столбов. Нет мелочности, а очень большая сдержанность».⁴⁶

Говоря о записных книжках ученого, невозможно не сказать о его рисунках. Кроме тщательных зарисовок архитектурных и археологических памятников в ранних книжках (времени экспедиции в Новгород и путешествия по Прионежью) есть поэтические пейзажи с изображением наиболее воодушевивших исследователя мест и храмов. Они очень лиричны, хотя и не теряют при этом точности изображения памятника.⁴⁷ После начала 1920-х гг. такие зарисовки из записных книжек Мацулевича надолго исчезают и вновь появляются только в период путешествия

⁴⁰ См., например: *Айналов Д. В.* Дневник путешествия по Италии «Венеция — Св. Марк», одна зап. книжка. 1892: ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 5; *Мясоедов В. К.* Памятники старины Новгорода, Киева и др., поездка за границу, дневник путешествия. Записи и зарисовки. Семь зап. книжек. 1907—1914: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 4. Д. 32.

⁴¹ Об этом см.: *Соленикова Е. В.* Л. А. Мацулевич и исследования новгородских древностей. Экспедиция 1909—1910 гг. // Новгород и Новгородская Земля. История и Археология: Материалы научной конференции. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 350—357.

⁴² В книжках 1909—1913 гг. См., например: Новгородские памятники архитектуры (записи, зарисовки). Две зап. книжки. 1909—1910: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 5. Л. 22—26, 68 об.

⁴³ См., например: Описание церкви Нередицы. Две зап. книжки. 1909—1910: Там же. Д. 3.

⁴⁴ Например, Археологические памятники Херсонеса, Одессы, Херсона. Записи и зарисовки. Три зап. книжки. 1923, 1939: Там же. Д. 69.

⁴⁵ Записные книжки Л. А. Мацулевича и сейчас используются как самостоятельный источник. См., к примеру: *Антипов И. В.* О типах подцерковий в новгородской архитектуре XV—н. XVI вв. // Новгород и Новгородская Земля. История и Археология: Материалы научной конференции. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 326 (использован чертеж Мацулевича, изображающий план церкви в Гостинополье).

⁴⁶ Материалы по археологии Грузии. Записи и зарисовки. Пять зап. книжек. 1937—1938, 1945—1950: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 122. Л. 30 об.

⁴⁷ См., например: Там же. Д. 2. Л. 244, 246; Д. 4. Л. 19; Д. 5. Л. 55 об.

по Грузии с экспедицией по обследованию малоизвестных архитектурных памятников Закавказья:⁴⁸ по-видимому, ученый не смог устоять перед величественной красотой гор и архитектуры горцев.

Таким образом большая часть научных материалов фонда оказалась очень ценной и интересной, но совершенно не освещающей работу и мысли Мацулевича. Тем большее внимание привлекают к себе тексты его книг и статей, отложившиеся в фонде. Это всего 44 дела. Из них 8 — тексты небольших статей для издательства Большой советской энциклопедии,⁴⁹ активное сотрудничество с которым он поддерживал последние 10 лет своей жизни. В фонде также отложились переписка с издательством, рецензии авторов на статьи ученого, рецензии исследователя на статьи других авторов для БСЭ.⁵⁰ Статьи, написанные для Энциклопедии, сохранились в виде черновиков со следами многих правок. По-видимому, чистового материала для своего пользования Мацулевич не оставлял.

Кроме того, в фонде сохранились экземпляры 9 опубликованных работ исследователя. Большинство из них практически идентичны с публикациями, а отличия, если они и есть, — лишь незначительная редакторская правка. Внимание привлекает только текст статьи «О Бартымской чаше», законченной Ж. А. Мацулевич после смерти мужа и опубликованной в журнале «Советская археология» № 3 за 1962 г. с сокращениями;⁵¹ а также текст о художественном убранстве Тбилиси в начальный период, где Мацулевич сделал попытку восстановить одну из скульптурных групп, существовавших в Тбилиси в начале нашей эры, по изображению на серебряном тазике, обнаруженном при раскопках в Армазисхеви. Эта статья была опубликована на грузинском языке.⁵²

Интересно отметить то, что почти все опубликованные работы, сохранившиеся в фонде, увидели свет в последние годы жизни исследователя или после его смерти.⁵³ Работ, опубликованных раньше, нет ни довоенных, которые могли пропасть во время блокады, ни 40-х—начала 50-х гг. Довоенные тексты, скорее всего, могли быть уничтожены самим ученым, по-видимому перед эвакуацией, когда перед ним мог встать выбор: какую часть архива сохранить (и увезти с собой?). Это подтверждается также тем, что все рукописи, отмеченные в списке работ Мацулевича как сданные в печать, но невышедшие, в фонде присутствуют.⁵⁴ И только 3 рукописи, отмеченные в списке трудов Мацулевича, в фонде отсутствуют. Это монография «Очерки по истории культуры и искусства племен Северного Причерноморья первых веков нашей эры—пятого века нашей эры» (судя по предисловию к описи фонда, написанному в 1972 г. Т. А. Войтовой, консультировавшейся с Ж. А. Мацулевич, рукопись пропала во время войны) и тексты двух докладов: «Новые археологические находки на территории Грузии» (доклад прочитан

⁴⁸ Памятники архитектуры Грузии. Записи и зарисовки. Одна зап. книжка. 1938: Там же. Д. 123. Л. 3, 16, 23.

⁴⁹ «Христианское искусство», 1955: Там же. Д. 39; «Византийское искусство», 1950: Там же. Д. 63; «Исидор Милетский», 1951: Там же. Д. 64; «Иерусалим древний», 1951: Там же. Д. 175; «Иерусалим средневековый», 1951: Там же. Д. 176; «Меровингское искусство», 1953: Там же. Д. 178; «Мокви», 1953: Там же. Д. 136; «Покрышкин», 1953: Там же. Д. 206.

⁵⁰ См.: Брунов Н. И. Отзыв о статье Л. А. Мацулевича «Иерусалим» для БСЭ 1952: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 18; Максимов П. Н. Рецензия на статью Л. А. Мацулевича «Покрышкин» для БСЭ 1953: Там же. Д. 19; рецензии Л. А. Мацулевича на статьи: «Кахрие-Джами», 1952: Там же. Оп. 1. Д. 202; «Мистра», 1953: Там же. Д. 205; «Грузинская ССР. Изобразительное искусство», 1951: Там же. Д. 197; «Равенна», 1954: Там же. Д. 208; «Софии храм», 1954: Там же. Д. 209; «Грачаница», 1950: Там же. Д. 195; «Хиос», 1955: Там же. Д. 211; «Панселин», 1953: Там же. Д. 207; «Трабзон», 1955: Там же. Д. 210.

⁵¹ «О Бартымской чаше». Статья и материалы к ней, б/д: Там же. Д. 146; ср.: СА. 1962. № 3.

⁵² ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 140; опубликована: Мнатоби. 1968. № 10.

⁵³ Исключение составляет только статья: Мацулевич Л. А. Бляхи-обереги сарматского панциря // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1947. Вып. 4; в фонде: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 106.

⁵⁴ Список работ Л. А. Мацулевича см.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21.

18 ноября 1938 г. в Государственном Эрмитаже) и «Эривани Аспарух и культурные связи Закавказья с Севером» (доклад на совместной сессии Отделения общественных наук АН Грузинской и Армянской ССР, 26 мая 1948 г.).⁵⁵ Все это свидетельствует о большом внимании исследователя к своим работам, аккуратности и порядке, с которым он хранил материалы.

Также в фонде присутствуют тексты более чем двух десятков неопубликованных работ.⁵⁶

Среди работ ученого сохранилось большое количество рецензий. То, что Л. А. Мацулевич был активным рецензентом, можно понять по списку его трудов.⁵⁷ В фонде сохранились все неопубликованные работы из этого списка, а также многие другие, в списке не указанные, — всего 27 рукописей. Рецензентом исследователь был очень тщательным и дотошным — особенно хорошо это заметно в отзывах на диссертации. Рецензируемую работу он разбирал очень подробно, пересказывая ее основные идеи и давая им свою оценку. Особенно ценными, по мнению Мацулевича, были такие качества, как постановка четких территориальных и хронологических границ исследования, выделение самобытных черт материала и его места в культуре сопредельных территорий.⁵⁸

Труды других лиц, сохранившиеся в фонде ученого, также очень неоднородны. Прежде всего хочется отметить, что здесь сохранилось несколько дел, содержащих записные книжки с рабочими материалами коллег Л. А. Мацулевича — В. К. Мясоедова⁵⁹ и Н. А. Крижановской.⁶⁰ Они прекрасно дополняют рабочие

⁵⁵ Там же. Впрочем, не исключено, что существовали работы Л. А. Мацулевича, не отмеченные в списке и не сохранившиеся в фонде. Ср. письмо А. В. Арциховского от 7 апреля 1953 г.: «Я с большим удовольствием ознакомился с Вашей рукописью “Исторический след русского князя Петра”. Ваши научные построения очень интересны и, при всей их гипотетичности, заслуживают печати. Конечно, я не слишком компетентен в затронутых вопросах. Никаких замечаний не имею»: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 56. Л. 1. Кроме того, в фонде сохранился фрагмент (5 листов, с. 61—65) монографии «Для чего производятся или чему учат археологические раскопки» (на титульном листе сохранилась помета: «Книга для взрослых детей. Написана в 1932—1933 гг. Рукопись утрачена... в издательстве»): Там же. Оп. 1. Д. 31.

⁵⁶ Наиболее интересные из них будут рассмотрены далее. Здесь же хочется привести список не рассмотренных в данной статье неопубликованных работ Л. А. Мацулевича: «Об изучении памятников старины». Набросок доклада, сделанного на Тверской Архивной комиссии 7 декабря 1912 г.: Там же. Д. 215; «О деятельности Ленинградской консерватории в Ташкенте во время эвакуации». Статья. 1944: Там же. Д. 171; «Приблизительный набросок выступления 3 октября 1952 г. в Союзе архитекторов о выставке архитектуры Румынии»: Там же. Д. 224; «Народное жилище Средней Азии в свете культурных пережитков». Доклад в Узбекском научно-исследовательском институте искусствознания 14 февраля 1944 г.: Там же. Д. 170; «Сарматское искусство». Статья. 1939: Там же. Д. 97; «Этногенез аланов в связи с вопросом о взаимосвязи Средней Азии и Юго-Восточной Европы на рубеже н. э.». Тезисы доклада на сессии комиссии по этногенезу и этнографии при ОИФ АН СССР. 27—29 августа 1942—[1944] г.: Там же. Д. 221; «Сарматская культура. Глиняная урна в форме повозки». Статья. 1939: Там же. Д. 96; «Сарматы». Глава для I тома «Истории народов СССР» [1939]: Там же. Д. 95; «Культура северо-восточного Узбекистана в связи с вопросом в Кангое». Доклад на кафедре археологии САГУ 3 июля 1942 г.: Там же. Д. 162; «У истоков многотысячелетней культуры народов Узбекистана». Монография. 1942—1944: Там же. Д. 164; «Могильник в Николаевке Херсонской губернии». Статья. 1932: Там же. Д. 86; «К элементам античного наследия в докиевской Руси». Доклад в Институте истории и археологии АН УзССР на сессии международной группы по изучению культуры Руси. 13 марта 1943 г.: Там же. Д. 220. Кроме того, сохранились предварительные наброски к работе Л. А. Мацулевича «Скифские подкурганные сооружения (раскопки Бобринского в районе Смелы) в исторической перспективе», [1942—1944]: Там же. Д. 102.

⁵⁷ См.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21.

⁵⁸ Типичным примером является отзыв на диссертацию Р. В. Джапаридзе «Керамическая промышленность Грузии в XI—XII веках», 2 января 1956 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 212.

⁵⁹ См. выше, примеч. 40.

⁶⁰ Крижановская Н. А., Скалон К. М. Описание предметов могильных погребений столиц Усть-Лабинской и Воздвиженской. Описание, выписки из литературы, зарисовки. Б/д: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 19; Крижановская Н. А. 1) Подвески, крестики, пряжки, костяки и др. Описание, зарисовки предметов музеев Чернигова и Белой Церкви. Две зап. книжки. 1930: Там же. Д. 20; 2) Дневники поездки в Харьков, Полтаву, Киев, Херсон, Одессу совместно с Л. А. Мацулевичем. Описания, зарисовки отдельных предметов музеев Харькова, Киева, Херсона, Одессы. Одна зап. книжка. 1930: Там же. Д. 21; 3) Предметы музеев Украины (бляхи, топоры, пряжки, гребни, шашки, стрелы и др.). Описание, зарисовки. Одна тетрадь. 1930: Там же. Д. 22.

материалы самого исследователя по архитектуре Новгорода и археологии Украины. Остальные работы — это тексты других авторов (тезисы, доклады, статьи). Их больше 40. Примерно четверть создана до войны, несколько сохранилось от военного периода, остальные датируются второй половиной 40-х—50-ми гг. или не имеют даты. Темы этих исследований разнообразны: животноводство, языкознание, этнография, теория стиля, археология античности, скифов, сарматов и других племен, новая и новейшая история.

Византии и византийскому миру посвящена едва ли треть из них. Одним из самых ранних является перевод статей Казимира Мокловского и Мариана Соколовского о церкви в Лаврове, выполненный Мацулевичем еще в 1910 г.;⁶¹ статьи содержат много ценных наблюдений и важных суждений об архитектуре этого уникального памятника. Средневековой архитектуре посвящен выполненный Мацулевичем конспект доклада, прочитанного в ИИМК А. Л. Якобсоном о работе над изучением архитектуры Армении.⁶² Материалы интересны также тем, что позволяют сравнить точки зрения обоих исследователей: например, Якобсон рассматривает структуру здания прежде всего через плановое построение, а Мацулевич — через вертикальное решение.⁶³ В тезисах доклада В. Н. Лазарева о школах иконописи доминирует мысль о превалировании местных тенденций над заимствованиями.⁶⁴

Сохранилась серия тезисов работ разных лиц, датированная концом 1950-х гг., возможно, относившихся к одному сборнику (?): М. И. Артамонов дает в своей работе характеристику византийско-хазарских отношений,⁶⁵ О. И. Домбровская пытается передатировать некоторые памятники средневекового Херсонеса с IV—V на IX—X вв.,⁶⁶ Е. Э. Липшиц в своих тезисах вновь обращается к вопросу влияния славян на формирование византийской общины,⁶⁷ М. Сюзюмов обращает внимание читателя на значение ересей в истории Византии: люди вели борьбу за выбор пути и в результате не пошли ни по одному.⁶⁸

Но если в фонде осталось много материалов по научной работе исследователя, то его преподавательская деятельность практически не нашла отражения. Материалы к лекциям занимают всего 5 дел, причем в основном это документы 1947—1952 гг.⁶⁹ В них нет текстов лекций: только небольшие планы и заметки. Большая часть этих дел — списки студентов и их работ. От преподавательской деятельности Л. А. Мацулевича 1910-х гг. материалов не сохранилось.⁷⁰

В течение жизни Л. А. Мацулевич вел активную переписку. Среди его корреспондентов были Н. И. Брунов, Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев, В. Ф. Левинсон-Лессинг, М. Э. Матье, В. И. Равдоникас, М. А. Тиханова и мн. др. Во многом именно переписка позволяет уточнить детали научной жизни ученого. Анализ писем

⁶¹ «К произведениям церковной архитектуры на Червонной Руси». Переводы статей Казимира Мокловского «Церковь Лавры в Лаврове, романский памятник в Галицкой Руси», Мариана Соколовского «Наблюдения над архитектурой церкви в Лаврове». 1910: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 9.

⁶² Якобсон А. Л. Отчет о работе над изучением памятников средневековой архитектуры Армении. 1945: Там же. Д. 143.

⁶³ Там же. Д. 10.

⁶⁴ Лазарев В. Н. Константинополь и научные школы в свете новых открытий. Б/д: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 4. Д. 25.

⁶⁵ Артамонов М. И. Византийско-хазарские политические отношения [1958]: Там же. Д. 4.

⁶⁶ Домбровская О. И. О некоторых спорных вопросах в исследовании и датировках памятников средневекового Херсонеса. 13 апреля 1956 г.: Там же. Д. 13.

⁶⁷ Липшиц Е. Э. Спорные вопросы истории ранневизантийского феодализма. 29 октября 1958 г.: Там же. Д. 29. Ср.: Липшиц Е. Э. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма // ВВ. М., 1947. Т. 1 (26).

⁶⁸ Сюзюмов М. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии. 4 ноября 1958 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 4. Д. 42.

⁶⁹ Там же. Ф. 991. Оп. 1. Д. 183—187.

⁷⁰ Сохранилось лишь гневное письмо Мацулевича Е. Ф. Багаевой о плохой оплате на женских архитектурных курсах от 1 мая 1913 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 5.

исследователя показывает, что по большей части свои собственные письма (вернее, их черновики) он не хранил. По тем немногим, что сохранились, почти невозможно догадаться, что переписка была одним из компонентов научной деятельности ученого (это становится ясно при анализе писем, обращенных к нему).

Большая часть писем Мацулевича, так же как и писем, обращенных к нему, датируется 40—50-ми гг., с момента эвакуации из Ленинграда во время войны до его смерти. Среди них много писем сотрудников Эрмитажа и ИИМКА, как оставшихся во время войны в Ленинграде, так и уехавших в другие города, с известиями об их жизни, работе, научных планах.⁷¹ Есть также переписка с грузинскими коллегами и АН Грузии: это или официальные письма с согласованием плана работ,⁷² или дружеская переписка с рассказами о творческих планах, последних новостях из жизни научного сообщества.⁷³ Подобный же характер во многом носит и переписка с другими адресатами.⁷⁴ Часто встречаются письма по вопросам организации научной работы,⁷⁵ многие из них связаны с публикацией статей Л. А. Мацулевича.⁷⁶ К сожалению, писем, в которых содержатся материалы к научному творчеству ученого, сохранилось очень мало. Это несколько писем, в которых исследователь обменивается с адресатами информацией,⁷⁷ и несколько писем, в которых он обменивается мнениями.⁷⁸ Все это показывает, что Мацулевич вел переписку подобного рода, но до нас она, увы, не дошла.

⁷¹ См., например: письмо Л. А. Мацулевича М. Э. Матье, А. А. Передольской, И. М. Лурье из Ташкента от 25 сентября 1942 г. (ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 32); письма к Мацулевичу: А. А. Иессена из Свердловска, за 1942—1945 гг. (Там же. Д. 100), М. Э. Матье из Ленинграда, 1942 г. (Там же. Д. 145), Т. Д. Розановой, 1942—1944 гг. из Ленинграда, полевой почты (Там же. Д. 158).

⁷² См., например: письма Мацулевича к А. М. Апакидзе, ст. н. с. ГрузССР, 1953—1954 гг. (Там же. Д. 3); к Г. С. Ахвледиани, академику ГрузССР, 1953—1957 гг. (Там же. Д. 4), письмо к Мацулевичу О. Гвинчидзе, помощника вице-президента АН ГрузССР, 1950 г. (Там же. Д. 83).

⁷³ См., например: письмо Л. А. Мацулевича к Ш. Я. Амиранашвили, академику АН ГрузССР, 1959 г. (Там же. Д. 2), письма и телеграммы Ш. Я. Амиранашвили к Мацулевичу, 1929—1959 гг. (Там же. Д. 49).

⁷⁴ От переписки Мацулевича 20—30-х гг. в фонде сохранилось ничтожно мало материалов: всего 2 письма самого ученого и 36 писем к нему. Видимо, эта часть переписки или пропала в годы блокады, или была уничтожена самим исследователем. Впрочем, комплекс переписки второй половины 40—50-х гг. производит впечатление фрагментарности. Не исключено, что Мацулевич свою переписку специально не хранил, и наличие ее в фонде — результат случайного стечения обстоятельств.

⁷⁵ См. примеч. 28.

⁷⁶ Среди них — письма Мацулевича о судьбе своих работ, сданных в издательства: см., например, письма Б. Т. Горянову о публикации их в «Византийском временнике» за 1945—1947 гг. (ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 13. Л. 1 об., 3—4 об.); письмо Р. Н. Набиеву, директору Института истории и археологии АН УзССР, о том, что Мацулевич забирает на переработку свою рукопись «У истоков многотысячелетней культуры народов Узбекистана», так как она была написана до выхода работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» 1952 г. (Там же. Д. 37), возможно, исследователь так и не успел закончить переработку, и рукопись поэтому не была издана. Также встречаются в письмах и краткие рецензии на работы ученого: см., например, письмо Владимира Васильевича Мавродина, профессора ЛГУ, Л. А. Мацулевичу от 1950 г.: «Многоуважаемый Леонид Антонович! То, что Вы сделали, — просто замечательно. Где Вы думаете печатать? Надо опубликовать возможно скорее. Я хочу ускорить вывод Вашей статьи в свет и, если это Вас устранивает, попытаюсь Вам помочь. Прошу Вас позвонить мне (А00043 добав. 112 (дом.) или 79 (служ.)). С приветом В. Мавродин (подпись)» (Там же. Д. 123. Л. 1), на письме пометы: рукой Ж. А. Мацулевич: «Записка Мавродина написана в результате доклада Л. А. о группе Орла со змеей в 1950 г.» и рукой Л. А. Мацулевича: «Статью давал для прочтения 13.6, возвращена в Каб. Археологии 14.6». Ср. также примеч. 54.

⁷⁷ Это письмо Ш. Я. Амиранашвили с переводом надписей, указанных Мацулевичем (ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 49), письмо к Леониду Антоновичу научного сотрудника института археологии Грузии М. М. Ивашенко о присылке на определение фотографий византийских разновеса и весов (Там же. Д. 21), письмо Мацулевича И. Н. Луцкевичу с просьбой выслать фотографии двух зооморфных фибул и восьмилучевой фибулы с орнаментом-елочкой (Там же. Д. 29), письмо Б. Н. Аракеляна о состоянии гарнийской мозаики (Там же. Д. 53).

⁷⁸ Это письмо Г. К. Вагнера (Там же. Д. 70), см. Приложение I; письмо Н. Бортвина о кладе, найденном в верховьях Камы, с вопросом, как туда могли попасть византийские вещи (Там же. Д. 64), письмо Мацулевича к А. Г. Шанидзе о датировке мозаик Бир-эль-Кутта (Там же. Д. 42. Л. 2).

Исключением на общем фоне выглядит коллекция писем к ученому Н. Н. Воронина, известного исследователя древнерусской архитектуры, д.и.н.⁷⁹ Она охватывает период с 1942 по 1959 г. и содержит 21 письмо и 9 открыток. Лакун в этой переписке очень мало. Темы, волновавшие ученого, разнообразны. Н. Н. Воронин очень беспокоился о здоровье Мацулевича, регулярно спрашивал, носит ли тот присланный ему янтарь.⁸⁰ Московский исследователь часто пишет о текущих делах и общих знакомых в научном мире,⁸¹ в 1949 г. заочно представляет Л. А. Мацулевичу П. А. Раппопорта — в будущем прекрасного исследователя древнерусского зодчества,⁸² сообщает последние новости о своих раскопках и состоянии памятников древнерусского зодчества в Боголюбове,⁸³ Муроме,⁸⁴ Старице,⁸⁵ Гродно,⁸⁶ в Ростове,⁸⁷ на Нерли, делится своими исследовательскими наблюдениями.⁸⁸ Н. Н. Воронин часто обращается к смыслу своей работы, но вот оценку ей в разные годы дает различную: «Я хотел хоть как-то ознакомить людей с сокровищами прошлого, увлечь ими, заставить любить их так же, как любили мы» (1945 г.),⁸⁹ «Помнится, как писал Вам обратное, а сейчас уже нет ни капли веры ни в себя, ни в пользу своего дела. Простите минор — это моя постоянная и давящая тоска» (1952 г.).⁹⁰

Если переписка 20—50-х гг. сохранилась в фонде Л. А. Мацулевича плохо, то переписка дореволюционная, напротив, прекрасно освещает жизнь ученого. Здесь отложились материалы самого разного характера: переписка с родственниками,⁹¹ многими знакомыми,⁹² переписка с архитекторами и учеными по научным и научно-организационным вопросам,⁹³ переписка с членами новгородского церковно-археологического общества и новгородского общества любителей древности, с которыми Мацулевич активно сотрудничал, занимаясь исследованием новгородской архитектуры.⁹⁴ Есть в фонде также письма Д. В. Айналова (см. Приложение II) и друзей и коллег Л. А. Мацулевича — В. К. Мясоедова, Н. П. Сычева и Н. Л. Окунева.

⁷⁹ Там же. Д. 72.

⁸⁰ Там же. Л. 27. По-видимому, Леонид Антонович эти янтари носил: на фотографиях, сделанных в 1955 г. в Хосте, у него на шее видна цепочка с камушками: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 39. Л. 6, 7, 11.

⁸¹ См., например: Там же. Оп. 3. Д. 72. Л. 3, 12, 17, 28, 33 и др.

⁸² Там же. Л. 26, Н. Н. Воронин называет «моего Раппопорта».

⁸³ Там же. Л. 2 — описание послевоенного состояния памятника.

⁸⁴ Там же. Л. 9.

⁸⁵ Там же. Л. 22.

⁸⁶ Там же. Л. 22—23, 36 — о Старом Замке в Гродно.

⁸⁷ Там же. Л. 51.

⁸⁸ Например, о том, что, с точки зрения Н. Н. Воронина, в тверском зодчестве нет связей с псковским, которые предполагал Л. А. Мацулевич (Там же. Л. 5).

⁸⁹ Там же. Л. 1 об., высказывание посвящено книгам Н. Н. Воронина.

⁹⁰ Там же. Л. 40.

⁹¹ Письма матери, О. П. Мацулевич (ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 130), брата и сестер (Там же. Д. 129 и 183).

⁹² Людями, детей которых Мацулевич учил русскому языку и литературе (Там же. Д. 17, 86, 50); сослуживцами (Там же. Д. 66, 68).

⁹³ Среди них есть письма В. Н. Бенешевича (Там же. Д. 61), П. А. Гусева (Там же. Д. 81), С. А. Желева (Там же. Д. 96), В. В. Латышева (Там же. Д. 118), А. А. Спицына (Там же. Д. 169), Я. И. Смирнова (Там же. Д. 168), Б. В. Фармаковского (Там же. Д. 180), Г. И. Котова (Там же. Д. 111), В. С. Карповича (Там же. Д. 105). Примером письма Л. А. Мацулевича может быть письмо к Г. И. Котову от 20 мая 1912 г., где исследователь подробно отвечает на замечания В. В. Сулова к его статье о Вологовской церкви (Там же. Д. 27. Л. 3—5).

⁹⁴ Например, письма Л. А. Мацулевича к М. В. Муромцеву, председателю новгородского общества любителей древности. В одном из них исследователь пишет: «...в нем [предыдущем письме к Мацулевичу] не чувствуется тех добрых отношений, какие существовали между нами и новгородцами. Михаил Валериевич, на чем были основаны эти добрые отношения? Новгородцы видели, что мы приехали к ним не для бутафории, не “для крику и пускания пыли в глаза”, как крылато выразилась графиня Прасковья Сергеевна (Уварова. — Е. С.), новгородцы видели, что мы работаем и работаем не из корыстных побуждений, а движимые научным интересом, и, я думаю, они оценили это, почему и относились к нам хорошо» (ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 35. Л. 3).

Самая крупная подборка — это письма В. К. Мясоедова⁹⁵ — подробные рассказы обо всем, что он увидел и узнал, почти дневники путешествия. Подборки писем Н. П. Сычева и Н. Л. Окунева много меньше.⁹⁶ Большая их часть посвящена личным делам, но встречаются и замечания по их общей с В. К. Мясоедовым и Л. А. Мацулевичем работе в Новгороде.

Таким образом можно отметить очень неравномерную комплектацию материалов фонда. В нем очень полно сохранились документы дореволюционные и второй половины 40—50-х гг. От 20—30-х гг. остались практически только материалы для научной работы. По-видимому, перед отъездом в эвакуацию перед Л. А. Мацулевичем встал выбор: какую часть архива оставить в Ленинграде, какую сохранить, так как количество вещей, которые можно было взять с собой, наверняка было ограничено. О том, что такой отбор был произведен самим Л. А. Мацулевичем, свидетельствует то, что рабочие материалы 20—30-х гг., тексты неопубликованных статей этого времени представлены очень полно, а переписки, материалов по научно-организационной работе почти нет. Скорее всего, они пропали во время блокады — в статье 1945 г. исследователь пишет по поводу письма Н. П. Кондакова о статье Л. А. Мацулевича «Серебряная чаша из Керчи»: «Привожу по памяти (архива моего не сохранилось)».⁹⁷ То, что осталось относительно много дореволюционных материалов, объясняется, по-видимому, какими-то личными причинами, побудившими Мацулевича их сохранить.

Кроме того, определенный отбор был проведен Жаннетой Андреевной Мацулевич при комплектации фонда. По ее многочисленным пометкам, определяющим дела, видно ее трогательное отношение к работе мужа. Однако материалы лично характера ею в Архив переданы не были.

Первой крупной работой Л. А. Мацулевича было участие в комплексной научной экспедиции по изучению новгородских и псковских архитектуры и росписей совместно с В. К. Мясоедовым, Н. П. Сычевым и Н. Л. Окуневым.⁹⁸ Среди публикаций по результатам этой экспедиции были две крупные работы: «Фрески Спаса Нередицы» Мясоедова (Л., 1925) и «Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Волотове» Мацулевича (СПб., 1912). В фонде, хранящемся в Архиве, есть много подготовительных материалов к этой работе.⁹⁹ Но Волотовская церковь была не единственным памятником, привлекавшим внимание исследователя. Среди новгородских храмов Мацулевич выделял прежде всего три памятника: Волотовскую, Липенскую и Нередицкую церкви. Он считал, что Нередицкая церковь принадлежит к простейшему типу византийских храмов II тыс. н. э. и является самым чистым образцом этого типа в Новгороде.¹⁰⁰ Липенский храм знаменует собой другой тип церкви, и сам «Никола Липный заключает в себе все элементы новгородской архитектуры XIV века, все они явление не местное, а характеризуют строительство всех стран, опоясывающих Балтийское море и Финский залив».¹⁰¹ Волотовская церковь, по его мнению, уникальный памятник: все церкви Новгорода при-

⁹⁵ Письма В. К. Мясоедова Л. А. Мацулевичу из Берлина, Киева, Москвы, Петербурга (Петрограда), Павловска, Тярлево, Твери. 291 п., 30 отк., 6 тел., 2 виз. карт. — 2 янв. 1914—28 июля 1915 г. (Там же. Д. 138).

⁹⁶ Письма Н. Л. Окунева (Там же. Д. 142), Н. П. Сычева (Там же. Д. 172).

⁹⁷ Мацулевич Л. А. Памяти Д. В. Айдалова. Роль византиноведения в деятельности Н. П. Кондакова и Д. В. Айдалова: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 222.

⁹⁸ См. примеч. 39, 41.

⁹⁹ Например, «Описание архитектурных памятников с. Волотово Новгородского уезда». Четыре зап. книжки. 1909—1910: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 4.

¹⁰⁰ «Нередицкая церковь в Новгороде, архитектура». Наброски статьи. 1910: Там же. Д. 7. Л. 3.

¹⁰¹ «Происхождение новгородских храмов, Новгород, торговля Новгорода и др.». Выписки из литературы, зарисовки. 1910: Там же. Д. 16. Л. 213.

надлежат к вышеупомянутым типам, а Волотовская — соединение их: у нее коробовые своды сочетаются с полопастным покрытием и 1 апсидой.¹⁰²

Интерес Мацулевича к церкви Николы на Липне ограничился подробной фиксацией ее архитектуры в записных книжках.¹⁰³ Церкви Спаса на Нередице он уделил гораздо больше внимания: кроме многочисленных заметок и описаний ее¹⁰⁴ в фонде есть несколько работ об этой церкви. Это «Нередицкая церковь в Новгороде, архитектура»,¹⁰⁵ «Роспись Нередицкой церкви в Новгороде».¹⁰⁶ На титульном листе еще одной рукописи рукой Л. А. Мацулевича написано «Глава II. Архитектура»; Ж. А. Мацулевич приписала «Византийская». При внимательном прочтении работы становится ясно, что эта рукопись также посвящена архитектуре церкви Спаса.¹⁰⁷ Первая работа в целом является сокращенным вариантом двух остальных. В первых же ее строках Л. А. Мацулевич пишет: «Нередицкая церковь является одним из самых важных памятников русского искусства: во-первых, она точно датирована летописями. Ее постройка относится к 1198 г., а ее роспись к 1199 г. Во-вторых, она отличается исключительной сохранностью и в этом отношении оставляет далеко за собой все русские храмы XI—XII столетий».¹⁰⁸

Для того чтобы полностью раскрыть особенности архитектуры церкви (в работе «Глава II. Архитектура»¹⁰⁹), Мацулевич сначала приводит подробный разбор типа храма, его истории в архитектуре Византии, затем подробно освещает особенности композиции и оформления церкви, особенно отмечая прочность, логичность и компактность постройки, а затем так же тщательно исследует фундамент, кладку и конструкцию храма. Весь этот анализ позволяет ему прийти к следующему выводу: «Нередицкая церковь — типичный малый храм простейшего вида начала второго тысячелетия, выросший в иных условиях, чем его византийские братья, и впитавший поэтому некоторые черты чисто местного характера. По своей конструкции он всецело принадлежит Византии, по роду кладки — древней Руси великокняжеского периода, а по материалу — Великому Новгороду».¹¹⁰

По каким-то причинам росписи Нередицы исследователь уделил меньше внимания, отметив лишь некоторые ее особенности: это чисто русская роспись, единственный памятник русской храмовой росписи домонгольского периода; для отдельных изображений (например, изображение Христа из деисуса) ближайшими аналогами являются сирийские памятники (например, миниатюры Евангелия Рабулы).¹¹¹

Кроме исследования архитектуры и росписей церквей участники экспедиции занимались изучением и фотофиксацией предметов, хранящихся в ризницах храмов Новгорода. В частности, в Софийском соборе был найден неизвестный дотоле план Детинца, изображенный на омофоре Никона.¹¹² Обычно предметы ризниц фотографировались 1—2 раза.¹¹³ Исключение составляли знаменитые новгородские серебряные кратиры XII в. — уникальные произведения древнерусской мелкой пластики. Они были сняты почти со всех сторон, с отдельно сделанными кадрами

¹⁰² Мацулевич Л. А. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Волотове близ Новгорода. С. 2.

¹⁰³ См., например, «Памятники архитектуры Новгорода и Владимира». 1909: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 1. Л. 9—13.

¹⁰⁴ См., например, «Описание церкви Нередицы» 1909—1910: Там же. Д. 3.

¹⁰⁵ Там же. Д. 7, большая часть текста посвящена росписи церкви.

¹⁰⁶ Там же. Д. 8.

¹⁰⁷ Там же. Д. 43.

¹⁰⁸ Там же. Д. 7. Л. 3.

¹⁰⁹ Там же. Д. 43. Л. 3—23.

¹¹⁰ Там же. Л. 24.

¹¹¹ Там же. Д. 7. Л. 10—19.

¹¹² О нем см.: Мацулевич Л. А. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII в.

¹¹³ См.: Фотоархив ИИМК, альбом 0.5.

с изображениями фигур и надписями.¹¹⁴ Обратить особое внимание на эти памятники рекомендовал ученикам Д. В. Айналов (см. Приложение II). К снимкам кратиров довольно быстро проявился интерес в научном мире. Так, Л. А. Мацулевич отвечал на одно из полученных писем (18 мая 1912 г.): «Глубокоуважаемый Илья Александрович! Я передал Вл. К. Мясоедову о Вашем желании иметь наши фотографии с Софийских кратиров. Мясоедов пишет о них статью в Зап. Арх. о-ва, поэтому снимки и находятся в его ведении. Он, конечно, охотно согласится предоставить их Вам в самом ближайшем будущем. Мы, Илья Александрович, Вас надеемся увидеть и всегда охотно сделаем для Вас все, что только в наших малых силах. Ваш Л. М.».¹¹⁵ По-видимому, адресатом письма был И. А. Шляпкин.

К исследованию этих кратиров Мацулевич снова вернулся в конце 40-х гг. в докладе «Черты сарматского наследия в народном искусстве Древней Руси».¹¹⁶ Он отметил, что композиционная система этих кратиров — это композиционная система фиалов, известная с ахеменидского времени. Также он продолжил и развил идею В. К. Мясоедова о том, что кратиры появились в ризнице св. Софии только в XV в.: Л. А. Мацулевич считал, что они принадлежат киевской традиции, опирающейся на традицию изготовления подобных чаш, существовавшую в Поднепровье на протяжении всего I тыс. н. э.¹¹⁷

Возможно, именно изучение серебряных кратиров явилось начальной точкой интереса, проявляемого ученым к византийскому серебру. Уже в 1913 г. он создает подборку материалов о серебряном византийском тазике, хранящемся в Домском соборе в Риге.¹¹⁸ В дальнейшем исследование торевтики стало одной из основных тем работы исследователя в 20—30-х гг.¹¹⁹ Именно Мацулевич ввел понятие «византийский антик» и показал, что этим памятникам было свойственно сохранять, подобно античному серебру, мифологический сюжет, но с новой трактовкой стиля изображения, без натурализма и пластической моделировки.¹²⁰ Однако о мнении Л. А. Мацулевича по этому вопросу можно судить исключительно по публикациям. В архиве не сохранилось ни одного текста ученого на эту тему, да и справочные материалы — в основном небольшие подборки, созданные в конце 20-х—начале 30-х гг.¹²¹

Параллельно с работой над изучением «византийского антика» Мацулевич принимал активное участие в археологических исследованиях в Крыму — прежде всего Эски-Кермена.¹²² Но публикаций по материалам раскопок ученым сделано не было.¹²³ Тем интересней план доклада «О раскопках в Крыму» и материалы к нему, отложившиеся в фонде.¹²⁴ Текст начинается с абзаца, показывающего ха-

¹¹⁴ См.: Там же, альбом 0.9.

¹¹⁵ ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 45. Л. 1.

¹¹⁶ Черновик доклада в ИИМК и материалы к нему, 28 февраля 1950 г.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 38.

¹¹⁷ Там же. Л. 19—33.

¹¹⁸ «Тазик в Dommuseum zu Riga». Выписки из литературы на рус., нем. яз. Зарисовки. 1913: Там же. Д. 67.

¹¹⁹ См., например: *Мацулевич Л. А.* Серебряная чаша из Керчи // Памятники Гос. Эрмитажа. Л., 1926. Т. 2; *Matzulevič L.* Byzantinische Antike. Berlin; Leipzig, 1929; а также другие работы.

¹²⁰ *Залеская В. Н.* Прикладное искусство Византии IV—XII вв. СПб., 1997. С. 3—4.

¹²¹ Например, «Византийские блюда». Описания, выписки из литературы, зарисовки, иллюстрации. [1929]: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 49; «Блюда. Византийский антик». Описания, выписки, зарисовки, иллюстрации. [1929]: Там же. Д. 56.

¹²² См., например, «О раскопках в Крыму». Описания предметов, найденных при раскопках в Бати-лиман. Записи, зарисовки. Одна зап. книжка. 16, 29 октября 1931 г.: Там же. Д. 79; «Археологические памятники Крыма». Выписки, зарисовки, иллюстрации, схемы. 1929—1948: Там же. Д. 85.

¹²³ Исключение составляет только предисловие к сборнику: *Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931—1933 гг.* // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 117. С. 7—11 (имя Мацулевича в публикации не указано). Ср.: Список трудов Мацулевича Л. А.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21.

¹²⁴ ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 74.

ракетное для Л. А. Мацулевича стремление подчеркнуть заслуги предшественников: «Доклад — не отчет о работах. Буду останавливаться не на всех работах отнюдь не потому, чтобы преуменьшить сделанное или скрыть, но чтобы представить весь триумф Н. И. (Репникову. — Е. С.). Он не “изобрел” Эски. В 1880 гг. работал Б. Д. (Бертье-Делагард. — Е. С.), комиссия 1911 г. ... Заслуга краеведов и Ник. Ив., что их дело стало осуществляться».¹²⁵ Прежде всего Мацулевич уделяет в докладе внимание крепостным сооружениям Эски-Кермена: их сложности, мастерскому использованию природных качеств места. Он считает, что стены, по-видимому, строили херсонесцы.¹²⁶ Привлекая для сравнения материалы исследований некрополя и анализ политической ситуации того времени, ученый приходит к следующему выводу: «Т. к. обр. на основании имеющегося материала с памятников материальной культуры, Эски-Кермен к. V—VII вв. не может быть рассматриваем вне Херсонеса и вне всех опорных пунктов горного Крыма, вне сферы средиземноморского торгового капитала».¹²⁷

Но много больше Л. А. Мацулевича интересовало «варварское» население Крыма: «Причерноморская степь служит ключом ко всей стране — для всей страны она является ключом к Черному и Средиземному морю и тогдашней мировой столице — Константинополю. Этот ключ держали в руках образующиеся в Причерноморье и быстро сменяющиеся племенные союзы. Они являются посредниками между страной и внешним миром».¹²⁸ В годы войны погибла книга Л. А. Мацулевича «Очерки по истории культуры и искусства племен Северного Причерноморья первых веков до н. э.—V в. н. э.».¹²⁹ В фонде сохранилось краткое содержание книги о Керчи во времена гуннского союза.¹³⁰ Судя по этому содержанию, исследователь хотел прежде всего обратить внимание на сложные процессы взаимодействия античных и варварских, христианских и языческих традиций, раскрыть как можно полнее исторические проблемы в области культуры и искусства, а параллельно дать полный каталог эрмитажного собрания с научными комментариями.¹³¹

Краткое содержание книги о Керчи датируется 1939 г. К этому времени Мацулевич уже несколько лет активно занимался изучением памятников Закавказья и прежде всего Грузии.

Впервые к искусству этой страны исследователь обратился еще до революции. На Всероссийском съезде художников в 1912 г. он представил доклад А. С. Славцева о реставрации храма в селе Зарзма и сам откомментировал показанные материалы, определив их место в группе росписей восточнохристианского мира XIV—XV вв.¹³²

В середине 1930-х гг. Л. А. Мацулевич участвует в серии экспедиций своего друга, Ш. Я. Амиранашвили, целью которых было обследование памятников Грузии, особенно расположенных в труднодоступных районах республики. Работы велись в 1934, 1936—1938 гг. Как и во всех других поездках, в Грузии Мацулевич вел записные книжки, которые ныне хранятся в его фонде.¹³³ По-видимому, он мог вести несколько книжек в одной поездке; возвращаться к начатой книжке через несколько лет. Кроме

¹²⁵ Там же. Л. 4.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Л. 27.

¹²⁸ «Культура и искусство Керчи во время гуннского племенного союза». План (краткое содержание книги). Машинопись. 10 ноября 1939 г.; Там же. Д. 94. Л. 5 об.

¹²⁹ Список трудов Мацулевича Л. А.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21. Л. 11.

¹³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 94.

¹³¹ Там же. Л. 3—4.

¹³² Славцев А. С. О реставрации древнегрузинского храма в местечке Зарзма. *Мацулевич Л. А.* О росписи церкви в селении Зарзма в Закавказье. С. 99—101. Сам Мацулевич в 1912 г. в Зарзме не был.

¹³³ Л. А. Мацулевич во многие места возвращался и позже. Записные книжки, сохранившиеся от его поездок по Грузии, см.: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 116—118, 121—124, 126, 127, 133, 144, 145.

того, при формировании дел книжки не были разложены в хронологическом порядке. Из-за этого сложно дать характеристику грузинским поездкам ученого. Этот материал может стать основой для самостоятельного исследования.

Записные книжки показывают, что Мацулевич не замыкался на архитектуре Грузии. Кроме записей, посвященных церквам, которые экспедиция осматривала (прежде всего обращая внимание на плановое решение и архитектурный декор),¹³⁴ здесь есть наблюдения по археологии¹³⁵ и этнографии Грузии.¹³⁶

Такой комплексный подход к сбору материала нашел свое отражение в работах Мацулевича. В фонде сохранился текст монографии «Черты древней грузинской культуры по находкам в Армазисхеви».¹³⁷ В ней Мацулевич рассматривает материалы, найденные в 1946 г. Мцхетской экспедицией под руководством С. Н. Джанашия. Здесь он применяет все свои знания по византийскому серебру, этнографии, археологии, истории и все свои навыки исследователя, чтобы восстановить облик не дошедших до нас культурных явлений: обрядов, скульптуры, убранства городов.¹³⁸ Свое стремление восстановить древнюю культуру по столь незначительным остаткам Мацулевич объяснял следующим образом: «Народное содержание художественных образов и средств художественного выражения, преемственность народных навыков и изобразительных приемов, совершенство мастерства — характерные черты древней грузинской художественной культуры. Эти черты вновь ярко подчеркиваются находками в Армазисхеви. При этом армазисхевские находки углубляют наши знания древней грузинской культуры и вскрывают в ней новые стороны, новые народные черты. Они, в частности, изменили наши представления о грузинском городе и о внешнем виде его площадей, украшенных скульптурой. Они вообще обогатили наши знания по истории Грузии не только до того неизвестными фактами; они привели к научному пересмотру вопроса об общественном устройстве картлийского государства. Находки в Армазисхеви остаются неисчерпаемой сокровищницей при углубленном изучении древней культуры грузинского народа».¹³⁹

После войны Л. А. Мацулевич продолжил развивать активные контакты с грузинскими учеными. Кавказ по-прежнему был в центре его научных интересов. Исследователь активно изучал грузинскую культуру первых веков нашей эры. Одним из факторов, стимулировавших его интерес к этому периоду, было открытие в конце 1940-х гг. мозаичного пола в Пицунде. Раскопки этого памятника продолжались несколько лет, и Л. А. Мацулевич пристально наблюдал за ними, иногда просто посещая экспедицию, иногда активно участвуя в ее работе.¹⁴⁰

Пицундская мозаика — прекрасный комплекс, сочетающий несколько разновременных участков. Его характерные черты и особенности еще более ясно видны при сравнении с современными ему вымостками в Гарни и Бир-эль-Куте. Мацулевич опубликовал на эту тему несколько статей,¹⁴¹ но самая крупная работа — мо-

¹³⁴ См., например: Там же. Д. 122. Л. 30 об.

¹³⁵ Например: Там же. Д. 126.

¹³⁶ Например: Там же. Д. 131.

¹³⁷ Там же. Д. 132. Отдельные положения этой работы были развиты в публикациях: *Мацулевич Л. А.* 1) Чаша из-под Бартыма // СА. 1962. № 3; 2) К вопросу о художественном убранстве Тбилиси в начальный период // Мнатоби. 1958. № 10.

¹³⁸ Например: ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 132. Л. 49—50.

¹³⁹ Там же. Л. 200—201.

¹⁴⁰ К сожалению, сведения об этом сохранились только в переписке Л. А. Мацулевича с грузинскими коллегами А. М. Апакидзе (ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 3. Л. 2 об., 7—7 об.), А. Г. Барамидзе (Там же. Д. 7. Л. 2), Г. С. Дзоценидзе (Там же. Д. 19. Л. 3).

¹⁴¹ *Мацулевич Л. А.* 1) Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // Вестник древней истории. 1956, № 4; 2) Bir-el-Qutt — историко-художественное значение мозаики // Юбилейный сборник академика В. В. Струве. М., 1959; 3) Мозаики Бир-эль-Кута и Пицунды // ВВ. 1961. Т. 19. См. по поводу первой из этих статей обмен письмами между Л. А. Мацулевичем и А. Н. Грабаром в 1957 г.: *Белоброва О. А.* Из эпистолярного наследия Леонида Антоновича Мацулевича // РНПВ. С. 612—615.

нография «Мозаики Питиунта-Бичвинта» — так и осталась неопубликованной. Ее текст хранится в фонде ученого.¹⁴²

Некогда эта рукопись была сдана в издательство «Заря Востока» в Тбилиси,¹⁴³ но, к сожалению, выпущена не была. Это не единственная работа Л. А. Мацулевича, сданная в печать, но неопубликованная. В фонде сохранились черновики двух работ, сданных в 1946 г. в «Византийский временник»,¹⁴⁴ но в результате ненапечатанных.¹⁴⁵ Обе эти статьи объединяет еще несколько общих моментов: они были созданы во время войны, изначально были прочитаны как доклады и были посвящены памяти известных ученых. Это «Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева»¹⁴⁶ и «Памяти Д. В. Айналова. Роль византиноведения в деятельности Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова».¹⁴⁷ Первый доклад был написан вскоре после получения известия о смерти С. А. Жебелева. В нем Л. А. Мацулевич дает яркий и точный портрет, формулируя, какой человек покинул этот мир. Второй доклад был написан к 6-й годовщине со дня смерти Д. В. Айналова. В докладе Л. А. Мацулевич смотрит на своего учителя с точки зрения его предстания перед вечностью, давая всеохватывающую характеристику его жизни, его работе, его стремлениям. Л. А. Мацулевич описывает Д. В. Айналова как одного из представителей великой школы русского византиноведения. Недаром доклад начинается с фразы: «Мне довелось застать почти всех основателей и главенствующих представителей русского византиноведения. Я совершенно не знал, пожалуй, только В. Г. Васильевского. С одними я встречался, с другими соприкоснулся ближе, с Д. В. Айналовым и Н. П. Кондаковым меня научно объединили узы ученичества».¹⁴⁸

Сейчас, смотря на наследие Л. А. Мацулевича, можно с уверенностью сказать, что он с полным правом занял достойное место в этом ряду.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Письмо Г. К. Вагнера Л. А. Мацулевичу от 12 мая 1959 г.

(ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 70. Л. 1, 1 об.)

Глубокоуважаемый Леонид Антонович!

Не будучи лично знаком с Вами, я позволю себе обратиться к Вам с вопросом, т. к. в своих небольших работах я во многом опираюсь на Ваши знания в области византийского и древнерусского искусства.

До сих пор я работал по изучению древнерусского зодчества, главным образом Рязанской земли. Сейчас же работаю у Николая Николаевича Воронина (в ИИМКе) и уклоняюсь в область древнерусской пластики. Первой моей работой была статья о резной (из дерева) иконе архангела Михаила (нач. XVI в.) из собрания Рязанского музея. Она скоро выйдет в № 76 Кратких сообщений ИИМК (или в

¹⁴² ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 139.

¹⁴³ Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 9.

¹⁴⁴ Там же. Л. 11, см. также письмо Л. А. Мацулевича Б. Т. Горянову, в котором отмечено, что Мацулевич рад печататься в «Византийском временнике», хочет написать о Д. В. Айналове, С. А. Жебелеве (Там же. Оп. 3. Д. 13. Л. 1 об.).

¹⁴⁵ Возможно, именно к ним относится письмо Л. А. Мацулевича к Б. Т. Горянову, где он пишет, что не согласен с механическим сокращением статьи и поэтому забирает ее (Там же. Л. 3—4 об.).

¹⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 219.

¹⁴⁷ Там же. Д. 222.

¹⁴⁸ Там же. Л. 14.

№ 77). Потом я написал статью о древних мотивах в домовой резьбе Ростова Ярославского. Сейчас меня все больше интересует владими́ро-суздальская скульптура и прежде всего — рельефы Георгиевского собора. Мною сдана в печать статья о рельефах с драконами. Сейчас я приступил к усиленной реконструкции композиций на христианские темы, в частности на столе у меня статья о Семи спящих эфесских отроках. Я знаю, что в свое время К. К. Романов намеревался опубликовать статью на эту тему (а также о трех отроках в пещи), но в его архиве, кроме некоторой библиографии, ничего не сохранилось, а может быть, он дальше этого не пошел, не успел пойти. Я стараюсь собрать по возможности наиболее исчерпывающий материал по указанной теме, но, конечно, это выше моих сил. В пределах наших отечественных публикаций мне известны след. памятники: 1) греческая иконка в атласе Н. П. Лихачева (№ 125); 2) Суздальский змеевик; 3) Амулет du Sange, опубликованный еще в 1745 г. и переизданный М. Сперанским; 4) иконка и энколпион из собрания Уварова; 5) иконка из г. Кузьмодемьянска; 6) складень из Благовещенского собора Моск. Кремля; 7) икона из г. Переяславля Залесского. По словам К. К. Романова (запись в его архиве), икона на такую же тему была в Русском музее. Я ее не знаю. Затем К. К. Романов упоминает Хлудовскую псалтирь, но, вероятно, он ошибся, т. к., насколько я знаю, в Хл. пс. есть изображения Трех отроков в пещи и Даниила во рву львином, но не Семи спящих отроков.

Как видите, все известные мне памятники, за исключением Суздальского змеевика, все поздние, относящиеся ко времени после постройки Георгиевского собора. Правда, я не знаю точно даты иконы из атласа Лихачева, но не думаю, что она ранняя.

Не поможет ли Вы мне своими большими знаниями и не укажете ли на известные Вам ранние памятники, особенно византийские? Я буду глубоко-глубоко благодарен Вам. В своей работе я придерживаюсь того мнения, что композиция Семь спящих отроков эфесских находилась в одной из закомар собора (мнение Н. Н. Воронина) и что по своей структуре она, вероятно, повторяла одноименную композицию Суздальского змеевика, а через него — греческой иконки Лихачева (вернее, ее прототипов), т. е. одна из фигур отроков помещалась в центре композиции, а остальные шесть — вокруг нее. С XIV—XV вв. можно говорить о другом варианте композиции, когда в центре изображался не отрок, а какой-нибудь святой.

Но все это пока в стадии предположений.

Я очень увлекаюсь своей работой и, вероятно, буду вести ее до конца жизни.

Желаю Вам здоровья и всяческого благополучия.

С глубоким уважением

Г. Вагнер (подпись)
Георгий Карлович Вагнер

Москва К-1, пер. Садовских, 2, Институт истории материальной культуры АН СССР.

Ответ на это письмо Л. А. Мацулевич написал утром в день своей смерти. На самом письме дата написания не стоит, определена по почтовому штемпелю.

II. Письмо профессора Дмитрия Власьевича Айналова к его аспирантам, работавшим в Новгороде в 1910-х гг., Л. А. Мацулевичу, В. К. Мясоедову, Н. П. Сычеву и Н. Л. Окуневу

(ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 3. Д. 47. Л. 1—2 об.)

Без обращения, без даты.

1) Из книги Регеля «Analecta» рекомендую вчитаться в письма Исидора и в «proemium» к ним.

2) Также в «Narratio de Russorum ad fidem chriztianam conversione» и в proemium, в котором, однако, *sigurve* мне кажется сомнительным.

3) Обратит внимание на автографы грамот и сравнить их с надписями Волоотовских росписей.

(P. S. Если не будет затруднительно, то отдайте книжку эту в переплет. При использовании во время работ, особенно при сравнении надписей с автографами, она может совсем рассыпаться.)

Узнайте, почему мне ничего не прислали из Новгорода, разумею книжку с Вашими статьями.

Если в Спасе Преобр. найдутся фрески, то, я полагаю, что было решено: исследование их должен взять Николай Львович (Окунев. — E. C.), у которого темы хотя и хорошие, но не могут взять всего человека целиком в свою власть.

Эмиля Маля надо внимательно читать Николаю Петровичу (Сычеву. — E. C.). Знает ли он великолепную фототипию, изданную Dehio und Bezold'ом по Нюрнбергскому слепку, с Новгородских Корсунских врат?

1) Хорошо было бы, если бы Вы все еще раз задумались, почему “гениальны” пустые стены Новгородск. соб. (прилагаю некоторые картолины и советую смотреть также не менее гениальные стены Пармского собора и вообще стены храмов Ломбардии).

2) Хорошо было бы, если бы Вы изучили, ну, хотя бы пригляделись, к очень повышенным пропорциям храма св. Георгия в Юрьевом монастыре. Это важно и для Чернигова. А если бы с Покрышкиным поговорили относительно реставрации его и новых добавлений, то и лучше придумать трудно. Нельзя ли узнать, круглые окна, на его башне, древние или нет? Если древние, то смело идите в Сильвестровский сборник, а оттуда на запад за поисками. Если новые, то значит XVII или XVIII век, значит, русский барокко.

3) Относительно креста Антония Новгородского надо помнить, что на нас лежит долг установить прочную его историю. Добывайте все возможные сведения, устные и свои зрительные. Какая его обложка, а если можно узнать, и дерево и все прочее, кончая величиной, камнями, бляхами, а затем спросите, нет ли записи в ризничьей книге. У меня есть некоторые наблюдения, а Вы должны добыть также сведения.

4) Сосуды новгородские удивительны. Их надо снова осмотреть, а надписи, если возможно, сфотографировать и затем следить за ними. Есть ли в них новгородские особенности. Боюсь говорить дальше. Зорко смотрите их и сообщите мне, что заметите нового.

5) Рипиды обе, если они не сфотографированы Покровским хорошо, следовало бы хорошо снять.

6) Сфотографируйте блюдо. Нельзя ли снять рельефы с Персеем и глянуть, что под ними, хотя бы при содействии Покрышкина. Знаки на обратной стороне надо, чтобы Леон. Антонович (Мацулевич. — Е. С.) или Ник. Петр. (Сычев. — Е. С.) точно скопировали или карандашом продавили.

7) Относительно зубцов на среднем куполе Св. Софии — ясно, что они имеют простейшие консоли. Аналогии надо искать на западе.

Это все, что в разное время отметил, остальное приложено.

III. Послесловие Л. А. Мацулевича к монографии «Мозаики Питунта-Бичвинта»

(ПФА РАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 139. Л. 159—164)

Мозаики Пицунды — страница истории грузинского искусства. Ознакомление, даже первичное, с мозаиками пицундской базилики, раскопанной Бичвинтской экспедицией, сразу же показывало не только живописные достоинства их, но и незаурядный художественный и культурный их облик. Историческое и искусствоведческое изучение их требовало тем большую тщательность и осторожность в раскрытии художественного содержания, что это первый и пока единственный обнаруженный на кавказском Причерноморье пример мозаичной вымостки пола. До сих пор в Грузии неизвестно больше ни одной современной Пицунде или более ранней вымостки. Отсутствие подобного памятника противоречило данным самой пицундской мозаики. Действительно, непосредственно бросалось в глаза, что на ней, по сравнению с вымостками в сопредельных странах, отражено местное своеобразие, что ко времени ее исполнения здесь уже был накоплен, явно, свой опыт, что она тесно связана с живым народным наследием. К тому же на пицундскую мозаику наложило особый отпечаток то, что строители базилики не могли не привлекать к выполнению вымостки местных мастеров и умельцев. Они в какой-то мере отражали художественные потребности передовых кругов городского общества. Все это выдвигало дилемму: либо оставаться в пассивном ожидании таких будущих открытий в Грузии, которые принесли бы необходимые более ранние сравнительные местные материалы, либо активно искать исследовательские пути, возможные при нынешнем наличии обнаруженных грузинских памятников. Принятый второй активный путь вызвал необходимость как включать в научное рассмотрение сохранившиеся части пицундского мозаичного убранства, чтоб происходило не только простое накопление наблюдений и регистрация их. Задача заключалась в постепенном наращивании материала, чтобы освещаемый участок мозаики выдвигал последующие вытекающие из предыдущего, искусствоведческие и исторические задачи. Преследовалась цель обогатить, возможно полнее и разностороннее, понимание мозаичной вымостки Пицунды и раскрыть художественное содержание и историческое значение ее. Крещальня выдвинулась по значительности предварительно вытекающих одна из другой проблем на первое в порядке исследовательского описания место. В числе таких проблем столь животрепещущие вопросы, как вопрос о предшественнике пицундской мозаики, об отношении искусства Пицунды-Бочвинты 2-й к Пицунде-Бочвинте 1-й, о пицундской школе мозаичистов, об их тесных связях с местными народными образами и народным художественным ремеслом. Площадку мартирия уместнее рассматривать, владея выводами, почерпнутыми из мозаик крещальни. Она их дополняет и отчасти уточняет. Группе мозаик V в., вскрывающих изменяющееся направление

художественных связей в новой исторической обстановке, принадлежит третье место. Оно обусловлено предшествующим разбором сохранившихся участков вымостки IV в. Так определился план монографии.

В предпосланное рассмотрению мозаик Введение вынесены в основном вопросы и замечания, не связанные непосредственно с описанием и разбором пицундских мозаик как выдающегося памятника местного искусства. Раздел первый Введения отдан кратким историческим сведениям, тогда как раздел второй сосредоточивает в себе необходимые архитектурные разъяснения на основе археологических и, отчасти, письменных материалов, а также сопоставления с зарубежными памятниками первых веков, особенно с сиро-палестинскими. Основным же предметом и ядром настоящего исследования являются пицундские мозаичные вымостки IV и V вв.

Монография делится на три части, соответственно трем основным участкам мозаики, сейчас обособленным один от другого, а в свое время представлявшим собой единую вымостку. В зависимости от содержания, а также от постепенного включения той или другой стороны рассматриваемого вопроса, каждая часть распадается в свою очередь на несколько разделов. Всего их в трех частях двадцать два, если приравнять по значению к разделу Приложение ко второму разделу второй части. Последнее посвящено палеографическим данным мозаичной надписи, находящейся на площадке мартирия, служащим косвенным подтверждением датировки мозаик площадки не позднее IV в. Вообще — нужно сказать — задаче наиболее точного определения времени выполнения пицундских мозаик уделено пристальное внимание. К этому вопросу выше приходилось возвращаться неоднократно и с разных точек зрения. Можно сказать, что вопросы хронологии проходят через всю книгу, но только изредка и то относительно ненадолго выдвигаются на передний план. Само собой разумеется, что монография строится на строго обоснованной хронологической базе. Но специального раздела для этого в ней не выделено. Задачей и целью ее является не хронологическая атрибуция данного памятника, а выяснение исторических, художественных и общеархитектурных основ, при совокупности которых только и стало возможным выполнение в IV в. в Пицунде мозаичной декоративной живописи вполне сложившегося мастерства.

Своеобразие этого мастерства выступает особенно четко, если сопоставить нашу мозаику со второй кавказской выдающейся мозаикой, открытой в Гарни. Пицунда в Абхазии и Гарни в Армении — эти два культурных центра в Закавказье, сохранившие образцы художественной вымостки, представляют собой независимые школы мозаического искусства. Они складывались не на тождественной основе, питались каждая своими связями, осваивали неодинаковое культурное наследие, развивались без непосредственного воздействия одной на другую. Каждый был центром своей страны, своего народа. В Пицунде художественные образы эллинистического наследия — еще живые и действенные сливались с исконными народными образами кавказского приморья. В них отчетливо реалистическое содержание, в них выражено жизнеутверждающее мироощущение, чувство подлинно народного оптимизма. Их нельзя оторвать от родной старины, от образов местного фольклора. Тем показательнее принципиальное отличие декоративной системы коврового типа на вымостке в крещальне от средиземноморской-римской, тем убедительнее и нагляднее связи с искусством Палестины.

Пицундская мозаичная вымостка вышла из-под рук не случайных заезжих иноземцев или странствующих ремесленных артелей. В создании ее безусловно принимали участие местные мастера и умельцы, внесшие в нее свои исконные, народные художественные образы, цветовую выразительность и жизненную силу. Пицундская мозаика не случайный эпизод, а неотъемлемая страница грузинского искусства.

Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды

(по материалам личного фонда)¹

«От книг к памятникам, из кабинета на реальную сцену истории и с вольного исторического воздуха опять в библиотеку и архив!» — как девиз выписала «из брошюры И. М. Гревса», одного из своих учителей,² Е. Ч. Скржинская эти слова.³

Имя Елены Чеславовны Скржинской хорошо известно медиевистам самого широкого диапазона: историкам западноевропейского средневековья, Византии, Киевской и Московской Руси.⁴

«Всегда есть люди, которых Бог наделил большим талантом, и они служат ему на протяжении всей жизни, не отступая от своего призвания, какие бы тяжкие испытания ни выпадали на их долю. Таких людей было немало среди русских ученых, родившихся на рубеже XIX и XX вв. Гражданская и две мировые войны, страшный вихрь Октябрьской революции, лагеря и ссылки, преследования за взгляды, не совпадающие с официально признанными, и даже за социальное происхождение — все это они с честью выдержали, не отказываясь от усвоенных с юности высоких истин. Думается, что Елена Чеславовна Скржинская занимает в числе этих ученых

---

¹ Западноевропейская секция Архива СПбИИ РАН, ф. 14 «Е. Ч. Скржинская». Далее при ссылках на этот фонд указываются только опись и единица хранения. Материалы личного фонда Е. Ч. Скржинской поступили в архив в апреле 1981 г. от ее дочери М. В. Скржинской без описи. Часть материалов не была разобрана, часть объединена в папки, надписанные самой Е. Ч. Общий объем поступивших документов составил около 8 метров россыпи. Впоследствии фонд пополнялся. После смерти И. Ч. Скржинской, сестры Е. Ч., часть ее личного архива, состоящую главным образом из семейной переписки и личных документов членов семьи, была принята на хранение по просьбе М. В. Скржинской. С помощью В. И. Мажуги эти материалы были привезены из Москвы в Ленинград. От В. И. Мажуги поступила часть писем М. В. Юдиной к Е. Ч., в свое время переданных ему на хранение М. В. Скржинской. Кроме того, фонд пополнялся отгисками или ксерокопиями статей Е. Ч. или материалов о ней. Часть материалов Е. Ч. хранится у ее дочери М. В. Скржинской (о судьбе писем Л. П. Карсавина к Е. Ч. см. примеч. 11). В результате научно-технической обработки фонда документы к 1990 г. были объединены в 6 описей (см. далее). Фонд был разобран и описан Е. В. Бернадской (Оп. 1–3, 5–6) и А. Н. Васильевым (Оп. 4 и часть оп. 6 — «Переписка членов семьи»). К сожалению, при обработке были допущены ошибки и просчеты. Требуется редакция заголовков, так как они не всегда отражают содержание единиц хранения; необходимо реформирование многих дел; чистка дел от дублетных материалов и материалов, которые требуют помещения в другие дела; предложенная обработчиком рубрикация первой описи также требует совершенствования.

² См.: *Скржинская Е. Ч.* И. М. Гревс: Биографический очерк // *Гревс И. М.* Тацит. М.; Л., 1946. На заседании кафедры истории средних веков ЛГУ, посвященном пятилетию со дня смерти И. М. Гревса, ею был прочитан доклад «И. М. Гревс», а в газете «Ленинградский университет» от 14 июня 1941 г. была опубликована ее статья «Замечательный ученый (памяти И. М. Гревса)», см.: Оп. 1. Ед. хр. 217. В этой же единице хранения собраны различные материалы, относящиеся к И. М. Гревсу.

³ *Гревс И. М.* К теории и практике «экскурсий» как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 10—11.

⁴ О научной деятельности Е. Ч. см. далее и Приложение 2 «Литература о Е. Ч. Скржинской».

Е. Ч. Скржинская

свое особое и достойное место. Несмотря на ряд трагических событий в ее личной и научной жизни, она на склоне лет считала прожитые годы все-таки удавшимися, так как ей удавалось постоянно заниматься своим любимым делом». Эти слова о своей матери написаны М. В. Скржинской (доктором исторических наук, специалистом по истории Северного Причерноморья) в неопубликованной статье «Елена Чеславовна Скржинская (к столетию со дня рождения)», которой Марина Владимировна любезно разрешила нам воспользоваться.⁵

Родилась Е. Ч. 24 апреля 1894 г.⁶ в дворянской семье в Санкт-Петербурге, городе, который она очень любила и где прожила всю жизнь (с перерывом на время эвакуации из блокадного Ленинграда в Москву). Отец — Чеслав Киприанович Скржинский — инженер на Путиловском заводе, один из пионеров электротехники в России, соратник известных изобретателей Яблочкина и Лодыгина. Мать — Елена Владимировна Головина-Скржинская — одна из первых в России женщин-врачей. Выбрав трудную специальность психиатра и невропатолога, она вела врачебную практику, более 40 лет работала в больнице Николая Чудотворца, стала первой в России женщиной, выступившей в суде в качестве медэксперта. После разрыва отношений между супругами материальную поддержку семье оказывал дальний родственник матери Яков Игнатьевич Ковальский — «дядьба», как его называли дети. Физик по образованию, талантливый педагог-естественник, имя

⁵ Эта статья подготовлена на основании доклада на конференции памяти Е. Ч., г. Судак, сентябрь 1997 г. и предназначалась для опубликования в сб. «Археология Крыма». Ссылки на статью далее даются по машинописному экземпляру — Оп. 2. Ед. хр. 33 «Материалы о фондообразователе». При написании биографического очерка нами использованы материалы фонда 14 «Е. Ч. Скржинская» и литература о Е. Ч. (см. Приложение 2 «Литература о Е. Ч. Скржинской»).

⁶ В литературе приводится 1897 г. как год рождения Е. Ч. (в 1997 г. даже отмечался столетний юбилей Е. Ч.), однако в выписи из метрической книги указана точная дата 24 апреля 1894 г. (Оп. 2. Ед. хр. 1). По свидетельству Е. К. Пиотровской, коллеги Е. Ч. по работе в ЛОИИ, ссылающейся на воспоминания самой Е. Ч., ошибка возникла при оформлении документов для поездки в Норвегию летом 1917 г. Позднее Е. Ч. не стала исправлять год рождения, и в частности уже в трудовой книжке 1920 г. проставлен 1897 г. (Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 3).

которого донныне известно тем, кто занимается методикой преподавания физики, он стал непосредственным воспитателем четырех детей Скржинских — Е. Ч., двух ее братьев и сестры.

Высококультурная среда с ранних лет окружала Е. Ч. Достаточно назвать А. Ф. Кони, чьей любимицей стала юная Елена Чеславовна (сам он считал себя ее «особо крестным»), семью петрашевца И. М. Дебу, известного врача-психиатра О. А. Чечотта, семьи профессора юриста А. Н. Макарова и профессора экономиста В. В. Леонтьева (отца будущего Нобелевского лауреата) и многих других.

С 1910 г. Скржинские обосновались на Крестовском острове в двухэтажном красном каменном доме с башенкой на Ольгиной ул., д. 14, который был построен на участке земли, купленном в 1905 г. за 1000 р. (см.: Оп. 6. Ед. хр. 4, 79). В 20-е гг. дом был превращен в коммунальную квартиру. Именно здесь прожила Е. Ч. большую часть своей жизни — до 1975 г., когда в связи со строительством новых корпусов больницы дом пошел на снос, и Е. Ч. была вынуждена переселиться. Здесь бывали многие известные люди: А. Ф. Кони, Л. П. Карсавин, А. Н. Макаров, Н. П. Лихачев и многие, многие другие.

Е. Ч. закончила семь классов Петербургской Коломенской женской гимназии ведомства императрицы Марии и из рук вдовствующей императрицы Марии Федоровны получила золотую медаль на торжественном приеме в Гатчинском дворце (1911 г.). В 1912 г. Е. Ч. закончила VIII дополнительный педагогический класс женской гимназии Э. П. Шаффе, что затем открывало возможность получить высшее образование.

Еще в школьные годы история стала любимым предметом Е. Ч. Об этом свидетельствуют темы ее гимназических сочинений: «Бернард Клервосский и средневековая мистика» (ноябрь 1911 г.) и «Объединение Италии» (май 1912 г.) (Оп. 2. Ед. хр. 16); вот как она сама много позднее записала на обложке тетради со вторым из этих сочинений: «Перечитала это сочинение спустя 62 года после написания 27 декабря 1974 г. Для гимназистки хорошо, но ясно неуменее более логично и последовательно дать картину весьма сложных политических событий. Все они выглядят однозначными».

На Высшие (Бестужевские) женские курсы, которые находились на 10-й линии Васильевского острова, она пришла в 1913 г. с уже вполне определившимися интересами. Она попала в среду увлеченных студентов и блестящих преподавателей, большинство из которых одновременно вело занятия и в Петербургском университете.

Декан историко-филологического факультета И. М. Гревс, историк-медиевист и прекрасный преподаватель, стал одним из учителей Е. Ч., обширную биографию которого Е. Ч. написала вскоре после его смерти.⁷ Академик И. И. Толстой, с которым они вместе готовили к изданию книгу И. М. Гревса, откликнулся на эту биографию в письме к Е. Ч. такими словами: «Прекрасно написано! Превосходная, хорошо, очень хорошо сделанная статья. Она и художественна, и хороша по тону, и важна как исторический документ: к ней будут еще не раз возвращаться грядущие историки русского просвещения» (Оп. 4. Ед. хр. 277). Сама Е. Ч. на страницах своего экземпляра «Тациты» перед биографией Гревса записала: «Я пропустила (увы — тогда не полагалось и я боялась загубить работу) имя самого талантливого ученика И. М. Гревса — Льва Платоновича Карсавина (умер в июне 1952 г. в лагере около станции Абезь, в Коми) и его друга по студенческим годам в университете — Николая Петровича Оттокара, который, защитив докторскую диссертацию в университете, уехал в Италию, где и умер во

⁷ Скржинская Е. Ч. И. М. Гревс: Биографический очерк. С. 223—248.

Флоренции».⁸ Интересна характеристика своей работы, высказанная Е. Ч. в письме к Г. А. Острогорскому от 27 февраля 1958 г.: «Я написала эту биографию не вполне как ученица И. М. Гревса. Ею я была очень мало. Но моя учительница настоящая и почти единственная, чл.-корр. АН СССР, Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская, была всецело его ученицей. Я за нее выполнила ее долг, так как она умерла в 1939 г., на 1.5 года раньше, чем умер И. М.» (Оп. 4. Ед. хр. 29).

Действительно, на Бестужевских курсах она посещала лекции и семинары многих профессоров, имена которых прочно вошли в историю гуманитарных наук: Н. О. Лосского (философия), М. И. Ростовцева, Ф. Ф. Зелинского, Б. В. Фармаковского (античность), Л. П. Карсавина, А. А. Васильева, В. Н. Бенешевича, Д. В. Айналова (средние века), С. Ф. Платонова, С. М. Середонина (русская история), Е. В. Тарле, Н. И. Кареева (новая история), но главным учителем, наставником и другом на всю жизнь для нее стала О. А. Добиаш-Рождественская — источниковед, специалист по средневековой палеографии и дипломатике.

Годы учебы совпали с годами первой мировой войны. Е. Ч. заканчивает курсы сестер милосердия и работает в госпитале на Среднем пр. Васильевского острова в здании недавно построенного химического факультета.⁹ В санитарном поезде она побывала и в прифронтовых районах, о чем напоминают письма Е. Ч. к родным, отправленные из тех мест, где побывал поезд (Оп. 4. Ед. хр. 6, 36). В годы войны дружная семья Скржинских несет потери: в 1916 г. умирает младший брат Е. Ч. гимназист Роман, а в 1917 г. умирает Я. И. Ковальский.

Заканчивала свое образование Е. Ч. уже в Петроградском университете, в состав которого были включены Бестужевские курсы. Здесь она завершила свою дипломную работу «Паломничество в Монтекассино и Монтегаргано» (Оп. 1. Ед. хр. 91а), о которой говорится далее, и после окончания университета в 1919 г. была оставлена при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. Одновременно благодаря положительным характеристикам, полученным от наставников, Е. Ч. была принята в недавно преобразованную из Археологической комиссии Российской (впоследствии — Государственную) Академию истории материальной культуры (ГАИМК).

Какой видели ее учителя, показывает отзыв И. М. Гревса, хотя и написанный в 1935 г., но содержащий характеристику Е. Ч. времени окончания университета: «Е. Ч. Скржинская известна мне со времени ее студенчества. Она окончила курс в Петроградском университете в 1919 г., а до этого ряд лет участвовала в устраиваемых мною семинарских занятиях по средневековой истории. В работе своей она проявляла, помимо живой энергии и воодушевления, стремление к глубокому изучению первоисточников, раннюю способность к критическому анализу и в суждениях и выводах, обнаруживала постоянную склонность к исследовательскому труду, проницательность мысли и несомненный синтетический талант. В ней уже тогда чувствовался готовящийся выдающийся научный работник. Она обладала всеми нужными вспомогательными средствами к работе: разнообразными историческими знаниями, хорошо начитанностью, методическими и техническими сведениями и прекрасным знакомством с древними и новыми языками. Выходила она из школьных лет с редкою осведомленностью и твердою подготовкою в области тем как социальной и экономической истории, так и проблем духовной культуры. Такое предвидение своих университетских учителей она оправдала дальнейшим уже самостоятельным творчеством» (Оп. 3. Ед. хр. 13).

В ГАИМК Е. Ч. была принята в качестве научного сотрудника 2-го разряда, в какой должности проработала с 30 апреля 1919 г. до 1 декабря 1929 г., затем с 1 декабря

⁸ Скржинская М. В. Елена Чеславовна Скржинская. Л. 3. Сохранилось письмо Н. П. Оттокара к Е. Ч. от 15 ноября 1924 г. из Флоренции (Оп. 4. Ед. хр. 219).

⁹ См.: Свидетельство о пожаловании Императором сестре милосердия Петроградского городского лазарета № 143 серебряной медали с надписью «за усердие» (Оп. 2. Ед. хр. 3).

1929 г. была переведена в научные сотрудники 1-го разряда. Сохранилась выписка из протокола заседания Совета РАИМК о выборах в научные сотрудники: «по разряду древностей раннехристианского периода, переселения народов и Византии» избрана Е. Ч. Скржинская «большинством 12-ти голосов против 3-х» (Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 6). В этом разряде сосредоточился цвет дореволюционной исторической науки: его возглавлял крупный византинист А. А. Васильев (ставший позднее основоположником американской византистики), а после его отъезда за границу — академик Н. П. Лихачев. Здесь работали Ф. И. Шмидт, Ф. И. Успенский, А. П. Смирнов и др.

Первые годы работы в РАИМКТАИМК — это не только период становления Е. Ч. как ученого. На это же время приходится очень сложный и мучительный период отношений с историком-медиевистом и философом Л. П. Карсавиным.¹⁰ Е. Ч. встретила с ним, будучи еще студенткой. Интерес к средневековой истории привел ее на семинары Л. П. Карсавина, «которые он в голодные и холодные годы первых лет революции вел в кабинете своей квартиры, находившейся на первом этаже в здании нынешних филологического и восточного факультетов университета... С 1920 г. Л. П. стал постоянно бывать на Крестовском острове в доме Е. Ч. и познакомился со всей ее семьей... Глубокая и трудная любовь связала красивого талантливого профессора и его ученицу. Карсавин был женат и имел малолетних дочерей, которых нежно любил. Материально семья полностью зависела от его скромных в те времена заработков. Поэтому обреченность и бесперспективность его любви к Е. Ч. с самого начала лежала темной тенью на их отношениях. Но чувства были столь сильными и всеохватывающими, что, несмотря ни на что, временами верилось в возможность преодоления любых преград...» (Л. 3).

Несмотря на постоянные встречи и звонки по телефону, Л. П. писал много писем Е. Ч. Она их бережно хранила всю жизнь вместе с немногими, полученными из-за границы.¹¹

Несколько раз, страдая от безысходности их отношений, Е. Ч. пыталась разорвать всяческое знакомство с Л. П. Но проходило некоторое время, и он вновь проводил долгие часы на Ольгиной улице. Конец этому положило пролетарское государство, распорядившееся выслать за границу профессоров, не согласных с новой марксистской идеологией. В ноябре 1922 г. уехал и Карсавин. Из Германии он писал Е. Ч. письма, страстно желал ее снова увидеть, обещал, что здесь все уладится, он оставит семью, они вместе поедут в Италию и будут навсегда вместе. Ей очень хотелось в это верить (Л. 5).

С большими трудностями весной 1923 г. Елена Владимировна (Головина-Скржинская) достала необходимые средства, и Е. Ч. вместе с сестрой поехали в Берлин. Однако там все повторилось так же, как в Петербурге, вероятно, еще более мучительно. Л. П. не мог ни оставить семью, ни отказать от своей любви к Е. Ч. Так продолжалось три месяца, и она поняла, что положить этому конец может только ее отъезд в Россию. После возвращения на Крестовский единственным утешением для Е. Ч. стали научные занятия¹² (Л. 6).

¹⁰ Мы не стали бы касаться столь деликатной темы, если бы в наше распоряжение не была предоставлена статья М. В. Скржинской «Лев Платонович Карсавин и Елена Чеславовна Скржинская», подготовленная для переиздания книги Карсавина «Noctes Petropolitanae», и которой нам было любезно разрешено воспользоваться. Цитаты из работы даются по машинописному экземпляру (Оп. 2. Ед. хр. 33).

¹¹ К сожалению, в последние годы жизни Е. Ч. дала письма Карсавина для ознакомления его солагернику А. А. Ванееву, который вовремя не вернул их, а после смерти Ванеева его наследники отказываются возвращать письма.

¹² Показательно для ее тогдашнего душевного состояния, что в архиве Е. Ч. отсутствуют какие-либо научные материалы, датированные 1923 г. Е. Ч. и Л. П. суждено было еще раз увидеться через четверть века после расставания, в 1946 г. в ее доме на Крестовском острове: Скржинская М. В. Лев Платонович Карсавин и Елена Чеславовна Скржинская. Л. 8—10.

Материалы, сохранившиеся в архиве Е. Ч., позволяют сделать вывод о круге научных интересов молодой сотрудницы РАИМКа: история Южной Италии, политика папы Адриана, «чудеса» по хронике Льва Остийского, история средневековой культуры и религии — таковы темы штудий Е. Ч. По этим темам был собран обширнейший подготовительный материал, состоящий из выписок из источников и литературы. Что-то осталось на стадии заготовок, что-то было оформлено в виде докладов (Оп. 1. Ед. хр. 91а, 92, 93, 145, 146, 148).

Италия, ее история и искусство были неизменной любовью Е. Ч. с юных лет и до конца жизни. Она побывала в этой стране один раз в ранней молодости летом накануне первой мировой войны и писала оттуда матери (Оп. 4. Ед. хр. 6). Когда же после октябрьского переворота стало ясно, что поездки в Италию¹³ и изучение ее средневековой истории по хранящимся там документам стали невозможны, Е. Ч. сосредоточила свои исследования на маленьком кусочке Италии в России — генуэзских колониях в Крыму. Она изучала историю этих колоний по документам, хранящимся в российских архивах и библиотеках, по имеющимся изданиям, знакомилась с генуэзскими надписями, сосредоточенными в Павловском дворце, ездила на раскопки в Крым, в частности в Судак, исследуя средневековые надписи. Уже в 1920 г. Е. Ч. делает доклад «По поводу археологической карты средневекового Крыма» (Оп. 1. Ед. хр. 1). Занятия латинскими надписями Крыма завершились изданием в 1928 г. в Генуе (на франц. яз.) свода надписей генуэзских колоний в Крыму. В него вошли 55 тщательно исследованных эпиграфических памятника: 39 из Феодосии, 13 из Судака, 3 из Балаклавы. Книга снабжена большим количеством иллюстраций, представляющих репродукции надписей и фотографии памятников, на которых они находились. О. А. Добиаш-Рождественская высоко оценила труд своей ученицы, назвав его «классическим», и полагала, что он мог бы доставить Е. Ч. ученую степень в любом университете в Западной Европе.

Публикация средневековых латинских надписей Крыма сделала имя Е. Ч. известным не только отечественным, но и зарубежным ученым, вызвав у них интерес и к другим работам автора. За создание и издание свода Е. Ч. была избрана членом Таврического общества истории, археологии и этнографии (1929 г.) и членом-корреспондентом Лигурийского исторического общества (1931 г.) (Оп. 2. Ед. хр. 6, 7). Она намеревалась издать этот труд и по-русски и до конца жизни продолжала работу по пополнению свода, внесению в него исправлений (Оп. 1. Ед. хр. 16), однако удалось опубликовать только три надписи, не вошедшие в работу 1928 г., в статье «Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма» (1958 г., см. Приложение 1).

Первый период работы Е. Ч. в ГАИМК был наполнен интенсивными занятиями. Она изучала историю и археологию Крыма, куда Е. Ч. постоянно ездила на раскопки, участвовала в 1926 г. в конференции, посвященной 100-летию Керченского археологического музея, выступив там с двумя докладами, но не замыкалась на крымско-генуэзской тематике. Об этом можно судить, обратившись к архиву ученого. Она изучает и транскрибирует испанские грамоты XII в. и папские буллы из собрания Публичной библиотеки (Оп. 1. Ед. хр. 153, 154), переводит с греческого «Хронику Морей» (Там же. Ед. хр. 112), занимается темой «К истории епископского посоха» (Там же. Ед. хр. 149), пишет рецензию на работу И. Стржиговского (Оп. 1. Ед. хр. 210а).

Первой пробой пера Е. Ч. явился перевод с французского языка книги Ж. Мишле «Жанна Д'Арк» (1920 г., совместно с Т. А. Быковой), а первой научной публикацией

¹³ В последний раз за границей Е. Ч. побывала в 1923 г. (в Германии).

стала статья «Об одном средневековом курорте» (1925 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 130), в которой Е. Ч. предстала как серьезный, сложившийся исследователь. Эта работа и поныне сохраняет свое значение, о котором поэтично написал И. П. Медведев: «По языку, по тонкости интерпретации источника, положенного в основу статьи, это маленький шедевр, от которого веет ароматом эпохи и перед которым бледнеют тома новейших авторов, пытающихся постичь “мир средневекового человека”».¹⁴

Благополучно складывавшаяся научная деятельность была прервана в 1930 г.: 20 августа, вскоре после перевода ее в сотрудники 1-го разряда, в ходе чистки кадров она была уволена из ГАИМК «по сокращению штатов». Возможно, сказались социальное происхождение и непрекращавшаяся переписка со многими знакомыми, выехавшими за рубеж. Е. Ч. «не только уволили, но и полностью отсекали от ставшего ей родным научного содружества, где она встретила многих духовно близких людей. Насколько это грубо и обидно, можно понять лишь на одном примере. В 1934 г., когда скончался Н. Я. Марр, Елену Чеславовну не пустили на панихиду в Мраморный дворец, и она не смогла попрощаться с создателем ГАИМК’а».¹⁵ В этот же год пришлось перенести еще один удар — умирает мать, Елена Владимировна, оказавшая самое глубокое влияние на дочь, оставшаяся и для взрослых детей самым близким другом.

В первой половине 30-х гг. Е. Ч. добывала скудный заработок с помощью прекрасного знания европейских языков: французского, немецкого, английского, итальянского. Она делала переводы совершенно чуждых ей по тематике статей во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидротехники им. Б. Е. Веденеева (1931—1933 гг.; в должности переводчика библиотеки), в Институте экспериментальной медицины (1933—1935 гг. — научный референт). Приходилось заниматься случайными, разовыми заработками: чтением лекций по истории средневековой литературы в Центральном Доме искусств, организацией экспозиции по истории средневекового письма для Музея связи. Е. Ч. «пошла было на курсы водителей трамвая, но туда ее не приняли по причине недостаточно хорошего зрения»; когда стало совсем плохо, пришлось менять в Торгсине на продукты золотую медаль, полученную по окончании гимназии.¹⁶

«В эти годы ее неоднократно вызывали сотрудники НКВД, расспрашивали о коллегах по работе, предлагали стать осведомителем, но ей удавалось отказываться, что было очень небезопасно и рассматривалось как нежелание помогать строительству нового государства. Поэтому она жила с чувством постоянной угрозы ареста, но, в отличие от многих своих друзей, она, к счастью, его избежала. Жизнь стала грустной и трудной. Дом на Крестовском... превратился в коммунальную квартиру с разношерстной публикой. Был вытоптан небольшой сад у дома, любовно выращенный Еленой Владимировной. Многие друзья либо эмигрировали, либо находились в лагерях...».¹⁷

Несмотря ни на что, научная деятельность продолжалась. Публикуются три небольшие, но очень значимые для Е. Ч. статьи: одна в Германии и две в Италии. Это, безусловно, способствовало укреплению репутации Е. Ч. как исследователя. Если одна из статей — «Le colonie genovesi in Crimea» (1934 г.) продолжала уже ранее начатую работу по изучению истории генуэзских колоний, то две другие ознаменовали обращение Е. Ч. к новой для нее области, а именно к истории Византии, к которой исследовательница подходила, основываясь на материалах любимой ею Италии (см. о них далее). Одна из них: «Eine neue Urkunde über die

¹⁴ Медведев И. П. Елена Чеславовна Скржинская // ВВ. 1983. Т. 44. С. 268.

¹⁵ Скржинская М. В. Елена Чеславовна Скржинская. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 2, 6.

¹⁷ Там же. Л. 7.

Beziehungen Urbans IV zu Genua» (1932 г.) — исследование документа из коллекции Н. П. Лихачева — письма папы Урбана IV от 23 мая 1262 г. коммуне Генуи. В другой статье — «Esame e datazione del contratto di Messina» (1935 г.) — Е. Ч. обратилась к документу, ранее опубликованному В. Н. Бенешевичем, и почти на два столетия исправила предложенную им датировку. «При этом она воссоздала всю историческую обстановку, в которой документ возник, что позволило датировать его в пределах двух десятилетий... Первый значительный опыт Е. Ч. Скржинской в византистике был, таким образом, выполнен в успешном соревновании с европейски признанным знатоком византийского права, каким был В. Н. Бенешевич».¹⁸

С середины 30-х гг. ситуация для Е. Ч. несколько улучшается. В 1935—1937 гг. она работает в Институте истории науки и техники (по договору и в качестве научного сотрудника 1-го разряда) и за удивительно короткий срок выдает огромный объем научной продукции. Наблюдается просто всплеск активности ученого, притом — на основании материалов, новых для Е. Ч. как исследователя. В первую очередь следует назвать очерк, охарактеризованный О. А. Добиаш-Рождественской как «прекрасно написанный» (Оп. 3. Ед. хр. 13), — «Техника эпохи западноевропейского средневековья» (1936 г., в 8 авт. л.) и «безупречные» переводы «очень трудных текстов на старофранцузском и латинском языке из истории средневековой агротехники» (Там же) с предисловиями и комментариями: «Поэмы о версонских вилланах» и трактата Альберта Великого «О растениях» (1936 г.). Это только большие опубликованные работы (все см. Приложение 1), а ведь в эти же годы были осуществлены переводы «одного из самых ранних (если не самого раннего) трактатов по технике красок, стекла, литья и т. д., принадлежащего перу автора X в. монаха Феофила, писавшего свой труд в Германии» (Оп. 3. Ед. хр. 13; о судьбе перевода трактата Феофила см. далее), а также перевод итальянского сочинения Агостино Галло «Двадцать дней об агрикультуре и об удовольствиях виллы» со вступлением и комментариями.

В 1935 г. Е. Ч. предпринимает попытки получить звание кандидата исторических наук без защиты диссертации по совокупности работ. Заявления Е. Ч. были поддержаны бывшими учителями и коллегами. В архиве сохранились датированные 1935 г. отзывы о научной деятельности Е. Ч., данные О. А. Добиаш-Рождественской, И. М. Гревсом, С. А. Жебелевым, в которых они единодушно поддерживали заявление Е. Ч., очень высоко оценивая результаты ее научной деятельности, а академик Д. М. Петрушевский даже счел возможным написать, что «научные работы Е. Ч. Скржинской далеко выходят за пределы требований, предъявляемых научным работам, дающим право на степень кандидата исторических наук, и степень доктора исторических наук является логическим выводом из них» (см.: Оп. 3. Ед. хр. 13). В результате Е. Ч. была утверждена в ученой степени кандидата исторических наук 15 мая 1936 г., однако диплом получила только через 12 лет — в 1948 г.

С 1936 г. начинается сотрудничество Е. Ч. с Ленинградским университетом, где она читала ряд спецкурсов. В 1936/37 и 1939/40 гг. она читала общий курс латинской палеографии группам «англиистов» и романистов (на филологическом факультете), в 1938/39 г. курс «Генуэзские торговые фактории в Крыму» (на историческом факультете), в 1939/40 г. курс по истории материальной культуры Западного Средиземноморья, в 1940/41 г. курсы «Латинский Восток» и «Генуя и ее фактории в Крыму». В 1939 г. она получила ученое звание доцента (хотя и на половинном окладе) и была включена в состав Комиссии по приему государственных экзаменов. Е. Ч. организовала экскурсии студентов ЛГУ в Крым для знакомства

¹⁸ Мажуга В. И. Исторический источник как предмет истории культуры (Об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской) // ВИД. 1987. Т. 18. С. 9.

с памятниками византийского и геноузского периодов истории (Оп. 3. Ед. хр. 13), а также опубликовала в эти годы ряд статей по методике преподавания истории в высшей школе: «Забытая историческая дисциплина» (1940 г.), «Неиспользованный источник преподавания истории» (1940 г.), «Спецкурсы на исторических факультетах» (1941 г.), «Практические занятия на исторических факультетах» (1941 г.).

Когда началась Великая Отечественная война, Е. Ч. не смогла эвакуироваться вместе с университетом из-за болезни двухлетней дочери и брата. Эвакуирована была в конце мая 1942 г. в Москву, где оставалась до июня 1945 г. Живя в Москве, Е. Ч. преподавала в Городском педагогическом институте, читала курс истории средних веков и заведовала кафедрой (1942—1943 гг.). 20 июля 1943 г. она вновь становится сотрудником Института истории материальной культуры в качестве докторанта, начинается второй период работы Е. Ч. в этом учреждении, продолжавшийся, как и первый, 10 лет.

По поручению института летом 1944 г. Е. Ч. вместе с А. Л. Якобсоном ездила в Крым для выяснения состояния археологических и архитектурных памятников, пострадавших в годы немецкой оккупации. С окончанием войны Е. Ч. возвращается в свой дом на Крестовский остров и переводится в Ленинградское отделение ИИМКа. С 1 октября 1946 г. она зачислена старшим научным сотрудником; в мае 1948 г. прошла перееаттестацию и утверждена в звании старшего научного сотрудника по специальности «археология»; аттестат датируется 11 января 1952 г. (Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 7—8).

В 1946 г. закончился срок докторантуры. Планировалась диссертация на тему: «Геноузские торговые фактории в Крыму, их история и памятники». Согласно справке заведующего сектором славяно-русской археологии (в котором состояла Е. Ч.) чл.-корр. АН В. И. Равдоникаса «закончены основные части диссертации», сделаны четыре доклада, в печати находятся две статьи» (Оп. 3. Ед. хр. 13; не датирована, по содержанию — не ранее конца 1947 г.). Тем не менее защита не состоялась. Мы затрудняемся дать вразумительное объяснение тому, что Е. Ч. отказалась от продолжения работы.

Можно высказать только некоторые предположения. Вряд ли можно говорить о неспособности написать диссертацию: кроме имевшихся публикаций и находившихся в печати работ имеются тексты докладов, заметки, наброски по отдельным проблемам и вопросам, был собран обширнейший материал (выписки из источников и литературы) — все это находится в архиве ученого. Оставалось только упорядочить и организовать собранное. Однако это не было сделано. Не приходится думать об охлаждении к теме, поскольку это не свойственно Е. Ч.-исследователю, да и в последующие годы статьи, так или иначе связанные с темой, по-прежнему выходили из-под пера Е. Ч., и в архиве продолжал накапливаться материал.

Возможно, могли сказаться и загруженность разного рода текущей работой (подчас далекой от науки — см. далее), и то обстоятельство, что в ЛО ИИМК Е. Ч. по ряду причин обращается к изучению новых тем: готовит большую работу об Аккерманской крепости (Оп. 1. Ед. хр. 25—29), приступает к переводу письменных источников о хазарах (Там же. Ед. хр. 66—73) (об этом см. далее); начинает исследование «Гетики» Иордана (Там же. Ед. хр. 59, 64, 65) и «Барбаро и Контарини» (Там же. Ед. хр. 80). Нельзя исключить, что на решение Е. Ч. отказаться от завершения диссертации могли повлиять и мотивы личного характера.¹⁹

Много времени и сил отнимали разного рода научно-организационные дела.

¹⁹ Крайне осторожно можно предположить, что одним из мотивов было то обстоятельство, что вскоре после их встречи в 1946 г. Л. П. Карсавин был арестован, а затем отправлен в лагерь, где скончался в 1952 г.

С мая 1946 г. по 1950 г. Е. Ч. являлась ученым секретарем Крымской комиссии при ИИМК; в летние месяцы 1949—1951 гг. исполняла обязанности ученого секретаря ЛО ИИМК, весной 1951 г. ей пришлось исполнять обязанности заведующего ЛО ИИМК (Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4). В 1947—1953 гг. она заведовала аспирантурой — сохранилась статья из стенгазеты ЛО ИИМК «За советскую археологию» № 15 от 12 апреля 1951 г., которая наглядно показывает, что и в этой работе Е. Ч. была предельно добросовестна: «Каждый поступающий в аспирантуру нашего Института встречается прежде всего с Е. Ч. Скржинской. Уже при оформлении документов, при сдаче вступительных экзаменов начинаешь чувствовать ее постоянную заботливую опеку: эта опека не оставляет нас до последнего года аспирантуры, до момента написания автореферата и защиты диссертации». Среди подписавшихся под этой статьей аспирантов — имена будущих докторов наук: В. М. Массона (впоследствии многолетний директор ЛОИА), А. А. Нейхардт, В. П. Любина и др. (Оп. 3. Ед. хр. 12).

Число публикаций Е. Ч., вышедших в свет во время второго периода ее работы в ИИМК, сравнительно невелико — 9. Среди них можно назвать биографический очерк о Гревсе (1946 г.), статьи, непосредственно связанные с темой ее диссертации, — «Генуэзцы в Константинополе в XIV в.» (1947 г.) и «Петрарка о генуэзцах на Леванте» (1949 г.), и целый ряд рецензий (см. Приложение 2; подробнее о научных работах см. далее). При этом будем помнить и о знакомом каждому исследователю кропотливом повседневном труде по сбору и осмыслению материалов, о котором можно судить, обратившись к архиву Е. Ч., — труде, который в последующие годы принес плоды и воплотился в исследования, а затем и в публикации.

30 апреля 1953 г. Е. Ч. была уволена из ИИМК «по сокращению штатов»; по свидетельству самой Е. Ч.: «Освобождена от работы в ИИМК АН СССР на основании КЗОТ ст. 47 п. А (ввиду сокращения данного вида работы), так как было сочтено неправильным допускать работу историка, специалиста по письменным (лат. и греч.) источникам в чисто археологическом учреждении, в котором объектом изучения должны быть вещественные памятники» (Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 4 об.).

Кроме работы в ИИМК с 1945 г., когда было возобновлено издание «Византийского временника», Е. Ч. была неременным и деятельным членом редколлегии этого важнейшего для существования отечественного византиноведения печатного органа. Переписка с членами редколлегии красноречиво показывает, сколь трудоемкой была эта работа (см. далее). С возвращением в Ленинград возобновилась и педагогическая работа Е. Ч. в ЛГУ: в 1947 г. на кафедре истории средних веков она вела спецкурс «Северное Причерноморье XII—XV вв.», в 1948 г. читала курс лекций по подготовке студентов к практике в Крыму.

В период 1953—1956 гг. Е. Ч. находилась на пенсии, при этом не оставляя попыток найти себе работу в каком-либо учреждении Академии наук. В июле 1956 г. ей это удалось: она была принята на должность старшего научного сотрудника в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, со многими из работавших в нем коллег она была давно знакома и сотрудничала, в том числе и в качестве члена редколлегии «Византийского временника». В ЛОИИ она проработала до окончательного ухода на пенсию в 1970 г. — 14 лет. Сохранился отчет Е. Ч. за январь—март 1970 г. с припиской: «Это последний в моей жизни отчет — 21 апреля 1970 г. я узнала от людей, 24 апреля от директора, что выведена на пенсию по возрасту ввиду необходимости сократить штаты, чтобы наскрести 1200 руб. денег на нужды Института» (Оп. 3. Ед. хр. 15. Л. 43).

Работа в ЛОИИ позволила Е. Ч. заниматься тем, что в ЛО ИИМК считалось не соответствующим профилю этого института, а именно изучением и изданием письменных источников, точнее говоря — исследованием и переводом средневековых

авторов, что стало основным направлением в научной деятельности Е. Ч. в стенах ЛОИИ. Как уже указывалось, еще в 30-е гг. Е. Ч. был осуществлен перевод ряда источников, но именно в ЛОИИ Е. Ч. получила возможность заниматься этим без всяких ограничений, и она становится одним из основных исследователей материалов Западноевропейской секции архива.

С коллекциями Н. П. Лихачева Е. Ч. была знакома со студенческих лет, а в последующие годы, работая вместе с Н. П. Лихачевым в ГАИМК, получила возможность изучать их обстоятельно. Сохранилось любопытное свидетельство — письмо от Н. В. Измайловой, коллеги Е. Ч. по ИИМК, написанное 12 июня 1925 г. в Судак, где тогда находилась на раскопках Е. Ч. Приведем отрывок из него: «В сегодняшнем заседании разряда Лихачев показывал свои сокровища — свинцовые папские печати и грамоты разные — подлинные и фальшивые в виде иллюстрации к вопросу о подлинности документов, возбужденному на Вашем последнем докладе. Он это притащил из дому... А потом старичок разошелся, открыл свой заветный шкаф в углу у камина и извлек разные замечательные испанские документы. Тут пожалели, что Вас нет, так как Вы ими интересуетесь, но Н. П. сказал, что Ел. Ч. все хочет заняться чем-нибудь замечательным, а надо начать с более скромных, но все же интересных вещей, вот, например, и вытащил какой-то лоскуток пергамена, меньше четвертушки, оборванный со всех сторон, с оборванными словами. На Вашу защиту вступилась Ольга Ант[оновна Добиаш-Рождественская], но Лихачев не сдавался и заявил, что показал бы Вам эти документы, если бы Вы взялись за изучение *всех* его испанских документов в целом. Тут же он показал два замечательных документа, сказавши, чтобы Вам о них *не говорили* (вот коварство!), один VIII, другой IX веков, написанные вестготским письмом, как определила Ольга Ант. Все ими очень восхищались. Не говорите только, что я Вам проболталась, а постарайтесь сами, чтобы он Вам это показал» (Оп. 4. Ед. хр. 136). О постоянном интересе Е. Ч. к западноевропейским документам, собранным Н. П. Лихачевым, свидетельствуют пометы с датами на подготовительных материалах, сохранившихся в ее архиве. Первой публикацией была работа о булле папы Урбана IV 23 мая 1262 г., направленной коммуне Генуи (см. далее).

Став сотрудником ЛОИИ, Е. Ч. исследует как отдельные грамоты — такие, как дарственная грамота императрицы Агелтруды, грамоты маркграфини Матильды Тосканской, договор между Генуей и Византией и другие (см. далее), так и комплексы документов, такие, как акты Кремоны, Падуи, Венеции (так называемые акты Риальто). Не все было опубликовано, многое осталось в виде транскрипций, картотек, выписок и т. п. Среди работ, увидевших свет, особо выделяются две обстоятельные публикации кремонских и падуанских актов.

В издании «Акты Кремоны XIII—XVI вв.», увидевшем свет в 1961 г., которое явилось продолжением публикации «Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР» (М.; Л., 1937), подготовленной к изданию С. А. Аннинским, тогдашним хранителем Западноевропейской секции, и с предисловием О. А. Добиаш-Рождественской, Е. Ч. не только участвовала в подготовке текстов — совместно с коллегами В. И. Рутенбургом и Л. Г. Катушкиной — и написала «Очерк из истории Кремоны», но и взяла на себя труд быть редактором совместно с В. И. Рутенбургом. Книга получила положительные отзывы как в нашей стране, так и за рубежом (см. подборку рецензий: Оп. 1. Ед. хр. 225).

Издание «Акты Падуи конца XIII—XIV в.» вышло из печати в 1987 г. — после смерти Е. Ч., но, как отметила в «Археографическом введении» к публикации А. М. Кононенко (1931—1984) — ученица Е. Ч., хранитель Западноевропейской секции Архива, также не дожившая до публикации актов, «идея подготовки к

изданию “Актон Падуи” принадлежала доктору исторических наук Е. Ч. Скржинской (1897—1981). Ей не довелось увидеть это издание завершённым. Воздавая долг ее памяти, мы считаем необходимым сказать о том, сколько внимания, знаний, труда, любви и заботы вложила она в подготовку текста. Практически каждый документ, кем бы он ни был прочитан, затем прошел через ее руки. Она же подготовила предметно-терминологический указатель.²⁰

В 1956 г. появилась работа Е. Ч., посвященная «Истории» Олимпиодора, дошедшей до нас в передаче патриарха Фотия в составе его «Библиотеки».²¹ Автор V в. Олимпиодор описал события 407—425 гг., происходившие в Западной Римской империи во время правления Гонория. Ярко представлены такие личности, как Стилихон, Аларих, Галла Пластидия, дочь византийского императора Феодосия I и жена правителя везеготов Атаульфа.

При общей высокой оценке работы Е. Ч., как об этом можно судить по письмам к Е. Ч. ее коллег, комментарий к тексту, его обширность и обстоятельность вызвали возражения, в частности, московского коллеги Е. Ч. — Бориса Тимофеевича Горянова, позиция которого, как пишет он сам, не называя имен, отражала мнение и некоторых других исследователей. Приведем выдержки из полемики между ним и Е. Ч., о содержании которой можно судить по сохранившимся письмам (опустив приводимые Е. Ч. примеры «безграмотности» некоторых докторов наук).

Полемика эта носила принципиальный характер — каков должен быть комментарий к публикуемому памятнику, актуальна она и сейчас. Начало же полемики восходит к 30-м гг., когда Е. Ч. готовила работу о «Поэме о версонских вилланах» и столкнулась с неприятием своего комментария. О. А. Добиаш-Рождественская, редактор сборника, в который предназначалась публикация, решительно воспротивилась историческому комментарию, предложенному Е. Ч., правда, предложив своей ученице перенести комментарий в «Предисловие» (письма О. А. от 1 и 10 августа 1934 г.: Оп. 4. Ед. хр. 120).

5 мая 1956 г. Б. Т. Горянов писал Е. Ч.: «Внимательно ознакомился с Вашей публикацией, напечатанной в VIII томе [ВВ]. Она поражает тщательностью, огромностью, широтой комментария. Но мне показалось все-таки, что в этом отношении Вы допустили некоторую гипертрофию. Ваши отдельные примечания разрастаются в целые исследования, кроме того, мне показалось, что Вы включили в отдельных случаях много таких сведений, которые должны быть известны читателям такого специального журнала. Здесь должен быть учтен характер комментария в связи с планами нашей серии подобных публикаций. А так как Ваша публикация появилась № 1, то невольно равнение будет на нее. Надо будет еще тщательно продумать, что следует давать в комментариях и без чего можно обойтись» (Оп. 4. Ед. хр. 99).

8 мая Е. Ч. отвечает своему корреспонденту: «Я намеренно сделала комментарий... максимальным по объему. Цель была двоякая — а) *поработав, оживить* весьма лаконичный, дошедший до нас в самой скудной форме, источник; я убеждена, что кто бы к нему ни обращался, смог бы подойти к тексту Олимпиодора только таким, “проработывающим”, путем; б) *дается все* (что я на своем уровне смогла), *относящееся к каждой частице* этого источника, невзирая на то, что некоторым “потребителям” (так выразился П. Н. Третьяков) одно, другое, третье и знакомо. Я имела в виду, что берущий в руки текст-перевод получит *все* объяснения, не должен будет лазить за справками, будет иметь перед глазами много, что

²⁰ В подготовке текстов также участвовал другой ученик Е. Ч. — В. И. Мажуга; он же дополнил указатель.

²¹ Работа включает в себя греческий текст, перевод, статью «Олимпиодор и его сочинение» и 5 указателей: имен; географических названий; этнических названий; терминов; авторов.

можно привлечь — там... выберет себе нужное. Поэтому я не побоялась некоторых повторений: ведь такие источники не читаются с начала до конца, а берутся по ссылке, частями... К этим моим соображениям о полноте, подробности комментария необходимо добавить нечто довольно щекотливое. Теперь, в наше время, очень трудно сказать, что известно (или должно быть известно), а что неизвестно, или малоизвестно. Не говоря уже о том, что самые ученые издания в наш век и в нашей стране всегда должны быть направлены и на широкий круг *интересующихся* читателей... Я думаю, что и для представителей учености многое “простое” («обще»-известное) было бы полезно. Что греха таить — *общая (по специальности)* образованность бывает порой довольно низка... Увы, увy... сия беда глубока и долговременна. Тыкать на нее нельзя — слишком много виновных, слишком пошатнулся процесс образования, и не скоро еще все наладится» (Оп. 4. Ед. хр. 11).

12 мая — новое письмо Горянова: «Мы на днях говорили об обсуждении Вашей работы об Олимпиодоре. Особенно важно обсудить характер комментария. Поскольку предполагается издание целой серии подобных работ, необходимо тщательно преподать всем участникам серии исчерпывающие указания о том, что должно явиться составными частями комментария, что должно и что не должно в нем содержаться. Я внес предложение, чтобы была разработана инструкция или памятка, которая была бы роздана каждому составителю комментария. Дело очень серьезное, и здесь надо добиться единообразия. Если считать, что изданный покойным М. В. Левченко Агафий в какой-то степени может рассматриваться как начало этой серии, то ведь его комментарий по своему характеру не имеет ничего общего с Вашим... Я не собираюсь оспаривать значение Вашего комментария. Это настолько ценный труд, который может вызвать только восхищение. Но он потребовал настолько огромной работы, что на него вряд ли сможет равняться какой-либо другой составитель комментария. Кроме того, мне кажется, что мы стали бы заблуждаться, если бы поверили в то, что наша серия получит, по третьяковскому выражению, широкого “потребителя”. В этом лучшим доказательством моих опасений (их справедливости) служит судьба наших томов “Виз. Вр.”, про которые издательство постоянно жалуется, что они плохо расходятся, затовариваются и в значительных количествах лежат мертвым грузом на базах “Академкниги”, несмотря на их незначительный тираж...» (Оп. 4. Ед. хр. 99).

15 мая следует ответ Е. Ч.: «Относительно характера комментария я во многом с Вами согласна, может быть, надо делать его не короче (это противное в этом случае слово — «покороче!»), а общее. Откровенно же говоря, комментарий к Агафию, к Никифору, тем более к Прокопию сделан — на мой взгляд — так: что в ту минуту комментатор знал, то и объяснил, чего не знал — пропустил, а о запресе (боже упаси — максимальном!) потребителя (всякого, и сейчас, и через 100 лет) ни секунды не помышлял. Еще необходима оговорка: этот именно источник — Олимпиодор — особенно требует комментирования: ведь он “изуродован” (не нарочно, конечно) конспектом, в виде которого ему пришлось попасть в наши руки. На самом деле, я уверена, он был очень богат и подробен — и — если бы дошел до нас полностью, — говорил бы сам за себя. Я хотела проявить некое “искусство” историка, обрабатывающего такой сухой, костлявый, художничавый, полумертвый текст. И если будут еще такие тексты, надо их осмыслять только так» (Оп. 4. Ед. хр. 11).

Б. Т. Горянову не удалось убедить Е. Ч. в своей правоте,²² и вскоре представилась случай продолжить дискуссию, так как Е. Ч. представила для обсуждения но-

²² Что же касается комментария к Олимпиодору, то отметим, что П. В. Шувалов — редактор переиздания работы Е. Ч. в 1999 г. в виде отдельной книги (см. далее примеч. 113) счел нужным подчеркнуть, что «комментарии Скржинской... характеризуются стремлением не только облегчить читателю понимание комментируемого источника, но и дать развернутую картину событий той эпохи,

вую обширную работу, посвященную «Гетике» Иордана. 27 октября 1957 г. Горянов пишет: «Ваш комментарий буквально потрясает своей грандиозностью. Чтобы охарактеризовать ее, достаточно сопоставить число страниц текста (перевода) и комментария. Но вот — нужно установить, следует ли объяснять известные любому студенту названия, как Лузитания, Балеарские острова, нужно ли в издании с тиражом максимум 2 1/2 тыс. и, ergo, рассчитанном на специалистов, пояснять, кто такой Тацит, Страбон etc; я взял лишь отдельные примеры, их можно дать очень много... Конечно, многие экскурсии, занимающие нередко по 3—4 и более страниц, являются каждый целым исследованием. Но — нужно ли стремиться в каждую такую статью включить все, что Вы *сможете* сказать, или следует ограничить и исключить то, что, скорее всего, этим 2 тысячам читателей, скорее всего, знакомо. Мое давнее предложение — разработать инструкцию или “положение” для всех комментаторов — до сей поры не подхвачено и не реализовано. ... Я только хочу еще раз со всей категоричностью подтвердить, что тот объем, уровень, качество комментария, который лежит на моем столе... — *никто из наших сотрудников* поднять не сможет...» (Оп. 4. Ед. хр. 99).

2 ноября Е. Ч. отвечает: «Согласна с тем, что грубо общеизвестные вещи не надо включать в комментарий, что относительно них надо производить и, по-видимому, еще произвести отбор. Мне об этом уже говорили, правда — не указывая ничего, кроме Суллы. Не согласна с тем, что все, что известно, не должно присутствовать в исследовательской работе: во-первых, этого обойти невозможно, во-вторых, пребывает неизвестным, что у нас (а русская работа в 1-ю очередь делается для читателя СССР) известно, а что неизвестно... важен “угол”, под которым то или иное объясняется. Вы правы, что странно объяснять, кто такой был Тацит, — но надо объяснить, кого имел в виду Иордан, говоря о Корнелии, и на какое произведение Корнелия он опирается. Может быть, большинство, увы — конечно, не все! знают о Балеарских о-вах: незачем объяснять все же, где они находятся и кем населены, но есть смысл указать, что Орозий, из которого черпал Иордан, называет эти о-ва, а также Помпоний Мела. Оба автора служили источником для Иордана... Теперь относительно обширности, подробности комментария. Я уверена, что составитель комментария *обязан* к этому стремиться. *В сумме его подробных разъяснений* таится возможность игры, сверкания источника, его смысла и замысла, вообще — его ценности. Откинуть, в данном случае, легче, чем искать — в случае надобности — более широких разъяснений. Учитывать же удобство лиц, стремящихся полегче и побыстрее охватить тему, “не загрузить” себя — этим удобством можно и пренебречь. Как Вы не совсем правы, предполагая хорошие познания у любого студента (я не собираюсь особенно ему помогать, но возмечивать его культуру время еще не пришло). Так, Вы неправы и в том, что работой, подобной моей об Иордане, будут пользоваться 2.5 тыс. людей, по числу выпускаемых экземпляров. Такой подсчет неверен... Относительно же перспектив комментирования

которая описана в источнике. Поэтому часто отдельные комментарии Скржинской разрастались до больших экскурсов, достойных самостоятельной публикации. В результате комментарий становился самостоятельным произведением, организованным, правда, без видимо логической последовательности, если не считать последовательность комментируемых отрывков. С другой стороны, из поля зрения Скржинской иногда выпадали при комментировании вопросы, связанные со структурой и композицией самого текста источника. Иногда оставались непрокомментированным упоминания в источнике отдельных второстепенных исторических деятелей. Однако эти очевидные недостатки перекрывались научной ценностью огромного числа оригинальных наблюдений, за которыми скрывается целостное восприятие исторических событий. Скржинская, будучи в первую очередь историком, комментировала, скорее, события и сам дух эпохи, отраженный в источнике, нежели чем отдельные тонкости публикуемого текста (что было бы более свойственно филологу). И в этом, наверное, и состоит причина того, что работы Скржинской уже не один десяток лет по-прежнему притягивают к себе читателей» (Предисловие ко второму изданию. С. 6—7).

Константина Порфирородного и Иоанна Кантакузина²³ скажу следующее. В сем тонком деле (в обработке источника) у каждого историка есть свой подход, обусловленный и разными интересами, и разными идеалами работы, и разной степенью старания, и многим другим. Вы сделаете по-своему, достаточно ученый М. В. Левченко делал по-своему, и вовсе не ученый Кондратьев тоже осмелился делать по-своему.

Одно только скажу: я убеждена, что было бы научной небрежностью высшей марки, если *De adm. imp.* будет издано *не* с максимальным комментарием. Это — основоположенный источник, и именно у нас и для нас он должен быть комментирован полно и разносторонне. Произведение Кантакузина, конечно, допускает более сжатый комментарий. Во всей своей работе я более всего ценю вводную статью, затем стоивший мне многих — с годами выяснявшихся — переделок и улучшений перевод. Комментарий же хуже остального, прежде всего потому, что в руках одного человека он не мог вырасти равномерным и равноценным. В нем есть части, старательнее проработанные, много безразличных частей (хотя в меру сил выверенных) и немало, верно, недостаточных и поверхностных частей. Но, Вы сами понимаете, охват материала в труде Иордана весьма широк...» (Оп. 4. Ед. хр. 11).

Е. Ч. не смогла убедить своего оппонента. В письме от 10 ноября он пишет: «Никак не могу согласиться с тем, что комментарии к различным авторам внутри одной и той же серии могут отличаться большим разнообразием... Если Ваш комментарий выйдет в свет одним из первых, наш читатель усвоит себе, что в комментарии *можно найти все*, и, перейдя к другим комментариям, получит горькое разочарование, ибо такого обширного, порою исчерпывающего комментария, кроме Вас, не в состоянии написать *ни один* из нас, без всяких исключений... Особо хочется остановиться на комментарии к “*De adm. imperio*” Const. Porph... Когда я приступил (после перевода) к комментированию, я убедился в том, что если комментарий делать в какой-либо степени исчерпывающий, то это — работа многих, многих лет. Вообще мне кажется, что эта работа не под силу одному человеку...²⁴ если делать этот комментарий по примеру Вашего, то его закончат в лучшем случае мои внуки...» (Оп. 4. Ед. хр. 99).

Оба исследователя остались каждый при своем мнении, и в 1960 г. работа Е. Ч. вышла из печати с посвящением «Памяти учителя — Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской». В книге объемом в 436 страниц комментарий занимает около 20 печатных листов (с. 183—364).²⁵ Главный научный труд Е. Ч. создавался долго, первое обращение к теме датируется 40-ми гг. О многих трудностях можно судить по переписке 50-х гг. Отсутствие в стране некоторых изданий Иордана, отдельных работ заставляло обращаться к помощи зарубежных коллег. Уже перед выходом книги из печати Е. Ч. беспокоится по поводу того, что ей осталось неизвестным новое издание Иордана, подготовленное итальянским ученым Франческо Джунта. Она просит узнать об этом издании своего болгарского коллегу Ивана Дуйчева; тот наводит справки непосредственно у итальянца и пишет Е. Ч.: «До сих пор издание текста не вышло. Таким образом, думаю, будьте спокойны и продолжайте. Ваше издание — на основании существующих текстов» (письмо от 26 марта 1960 г.: Оп. 4. Ед. хр. 127).

Пришлось преодолевать и технические сложности. Приведем лишь один пример. Книгу отдали в издательство «Восточная литература». Редактор В. В. Альтман обращается к Е. Ч. с просьбой: «Есть и другой момент, который диктуется

²³ Идет речь о работе Б. Т. Горянова по подготовке этих источников к изданию.

²⁴ Впоследствии этот источник был издан в переводе Г. Г. Литаврина и под его редакцией; в комментировании принял участие коллектив авторов.

²⁵ Для сравнения: статья «Иордан и его *Getica*» — С. 11—61; латинский текст и перевод — С. 65—182.

только техническими обстоятельствами и интересами выхода книги в свет в обозримые исторические сроки, это — греческие цитаты, вкрапленные в изложение вступительной статьи и примечаний в “Комментарии”. Набор греческого (в отличие даже от дальневосточных языков) представляет для типографии Восточного изд-ва исключительную трудность. Известен случай, когда из-за незначительного греческого набора книга вышла в свет на 14 месяцев позже — предположенного и вдобавок со множеством ошибок, сильно компрометирующих издание. Поэтому руководители изд-ва не только настоятельно просят, но и по-товарищески рекомендуют свести к минимуму греческие тексты. Иными словами, оставлять греческий только тогда, когда это нужно для выяснения терминологии или непосредственно для анализа текста. Во многих случаях простые ссылки на соответствующие места источников придают даже некоторую экономность изложения и облегчают чтение. При этом научные достоинства статьи и “Комментария” не терпят никакого ущерба. В ряде мест излишне и воспроизведение латинских выражений, поскольку они безукоризненно переведены Вами и помещены в должных местах. Это также технически имеет свои основания: ведь лучше, чтобы книга вышла к осени этого года, нежели, скажем, к лету 1960-го» (письмо от 7 февраля 1958 г.: Оп. 4. Ед. хр. 48). Книга, однако, вышла в свет именно в 1960 г.

Появление «Гетики» Иордана стало для Е. Ч. важным этапом в жизни: на основании ее 1 декабря 1961 г. была защищена докторская диссертация в Институте археологии АН СССР; оппонентами выступали академики С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров, д-р ист. наук А. И. Неусыхин; искомая степень была присуждена единогласно (см.: Оп. 2. Ед. хр. 8).

Для того чтобы показать значение труда Е. Ч., предоставим слово специалисту. А. И. Неусыхин в своей рецензии на книгу отмечал, что издание сочинения Иордана, «впервые выпущенное у нас в свет в латинском оригинале с параллельным русским переводом, представляет собой большой научно-исследовательский труд крупного размаха и значения... Комментарии в своей совокупности дают целую энциклопедию не только по Иордану, а и по всей эпохе, которая так или иначе затронута в его работе. Многие комментарии Е. Ч. Скржинской являются значительными исследовательскими статьями, в которых автор впервые (не только в советской, но и зарубежной историографии) самостоятельно вскрывает различные пласты упомянутых у Иордана племен и устанавливает целый ряд фактов, относящихся к происхождению этих племен, их взаимоотношениям друг с другом, особенностям социального строя, к деятельности их вождей и королей и т. д. В большинстве случаев комментатор достигает этого путем самостоятельного решения спорных вопросов и посредством критического сопоставления различных точек зрения, высказанных в научной литературе на различных европейских языках... Возможность такого самостоятельного решения научных контроверз и уточнения ряда выводов исторической науки происходит из углубленного изучения комментатором весьма обширного круга разнообразных источников по истории раннего средневековья: сочинений греческих и римских писателей, византийских хроник, законодательных памятников, агиографии, надписей и др. (с привлечением данных археологии). Только такое глубокое исследование всех этих исторических источников, прекрасным знатоком которых является Е. Ч. Скржинская, позволило ей... в своих комментариях к Иордану не ограничиться его собственными данными и известиями его современников, а все время последовательно проводить сопоставление произведений писателей VI в. с более ранними и более поздними памятниками. В результате комментарий к Иордану превратился в большой исследовательский труд по истории славянских, германских, иранских и других племен раннего средневековья, их передвижений и столкновений в пределах Восточной, Центральной и Западной Европы, а также — изменений

в их общественном строе. Этот труд проливает свет как на исторические судьбы готов, так и на всю эпоху переселения народов и смены старого, рабовладельческого, греко-римского мира новым, феодальным строем, развившимся впоследствии у германских и славянских народов.

Большая научная заслуга Е. Ч. Скржинской заключается не только в весьма ценных толкованиях самого текста Иордана, данных в переводе и обоснованных в примечаниях, но и в самостоятельном исследовании указанных выше вопросов в ряде обстоятельных примечаний, носящих характер статей, которые в целом рисуют широкую картину освещаемой комментатором эпохи...

Вступительная статья..., где высказан ряд весьма важных и новых в науке точек зрения относительно характера работы Иордана, места и времени ее написания, политической тенденции и т. д., представляет еще одно исследование автора, вносящее существенный вклад в источниковедение раннего средневековья.²⁶

Это мнение было высказано в 1963 г., но не утратило верности и сегодня. О том, что работа Е. Ч. выдержала проверку временем, свидетельствует и второе издание Иордана в 1997 г. (в котором учтены изменения и дополнения, сделанные Е. Ч. в последовавшие за первым изданием годы), как и второе вышеупомянутое издание Олимпиодора. При этом, очевидно, можно спорить по поводу перевода отдельных мест Иордана, писавшего на неклассической латыни, так же как и сомневаться по поводу некоторых предположений, выводов, высказанных в комментариях, однако едва ли допустимо огульное неприятие всей работы в целом, как это содержится в высказывании А. Н. Анфертьева, сделанном мимоходом и без какого-либо обоснования: «Комментированное издание русского перевода (Скржинская. Иордан) содержит ошибки и не отвечает современным требованиям».²⁷

Работая в ЛОИИ, Е. Ч. подготовила еще одну значительную работу: издание путевых записок двух венецианцев — Барбаро и Контарини о посещении ими Московии. Впервые обратилась к этой теме Е. Ч. еще в 40-е гг., в 1971 г. книга вышла из печати (см.: Оп. 1. Ед. хр. 80—87, 88—91). Помимо текста источника на итальянском языке она содержала русский перевод, исторические очерки, комментарии и указатели.²⁸ Столь долгий срок подготовкой объясняется не только присущей Е. Ч. скрупулезностью, дошностью в работе, но и во многом тем, что в эти же годы шли занятия над объемистыми исследованиями, посвященными Иордану, актам Кремоны и Падуи, не говоря уже о более мелких публикациях, которыми Е. Ч. постоянно занималась: стремление заниматься всем интересным, об опасности которого предупреждал Е. Ч. Н. П. Лихачев, было свойственно Е. Ч. на протяжении всей ее научной деятельности.

Обращение к темам русской истории было подготовлено всем предшествующим периодом занятий с западноевропейскими и византийскими источниками. Характерно, что и в этой работе Е. Ч. исходит из итальянских материалов, в данном случае — венецианских. Занимаясь историей средневековой Италии и других стран Запада, Византии, Е. Ч. неизбежно сталкивалась с необходимостью изучения и русских источников. В течение немногих лет она освоила, по словам дочери,

²⁶ Неусыхин А. И. [Рец. на 1-е издание «Гетики»] // ВВ. 1963. Т. 23; цит. по переизданию рецензии во 2-м издании Иордана: С. 462—464 (см. Приложение 1).

²⁷ Анфертьев А. Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1. С. 98. И совсем неуважительным по отношению к памяти Е. Ч. представляется утверждение Анфертьева о «неправдоподобных интерпретациях Скржинской», приведенного в качестве примера комментарий № 111 Е. Ч. (Там же. С. 134). Для сравнения приведем мнение другого современного исследователя «о великолепном комментарии Е. Ч. Скржинской» (Болгов Н. Н. Письменные источники по истории позднеантичного Северного Понта: позднеантичные тексты III—VI вв. // Античный мир: Материалы научной конференции. Белгород, 1999. С. 128, примеч. 15).

²⁸ Скржинская Е. Ч. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 275. Рецензию Л. М. Брагиной, И. Г. Добролюмова, В. А. Кучкина см.: История СССР. 1973. № 1 (Оп. 1. Ед. хр. 225а). Подробнее об этой работе см. далее.

«новую для себя специальность: источниковедение памятников письменности Киевской и Московской Руси». У дочери Е. Ч. — М. В. Скржинской, по ее словам, «хранятся экземпляры “Повести временных лет”, Ипатьевского, Новгородского и других летописных сводов, густо испещренных пометками и записями Елены Чеславовны: замечаниями, отсылками, выводами из прочитанного и сопоставления с другими летописями, которые достаточно наглядно показывают движение мысли исследовательницы, развитие ее научного поиска — и необыкновенную тщательность в работе с источником. Она полушутя-полусерьезно говорила: “Я могу не знать какой-нибудь статьи, потому что я знаю источник”. И ее работы русской проблематики... демонстрируют глубокое понимание древнерусских источников, которые умело и тонко сопоставляются с источниками византийскими и западноевропейскими, открывая в последних новые сведения и грани».²⁹

Первое обращение к «русской» теме было предпринято в 1946 г. биографическим очерком о Гревсе, а ее продолжением стала статья «Греческая надпись из Тмутаракани» (1961 г.), в которой Е. Ч. по-новому прочитала дату на надгробии монаха и архитектора Иоанникия, вступив в полемику с известным эпиграфистом прошлого В. В. Латышевым, уверенным в том, что автор надписи XI в. не знал правильного летосчисления.³⁰ В следующем году была опубликована еще одна статья, посвященная греческой надписи на бронзовом кресте, найденном при раскопках христианского храма в ущелье реки Большой Зеленчук; надпись датирована 1067 г. (см.: Оп. 1. Ед. хр. 162; см. также далее). Среди других работ по «русской» тематике следует назвать статью о послых Ивана III в Италию (1972 г.) (см.: Оп. 1. Ед. хр. 91).

В архиве остались и исследования, которых Е. Ч. не увидела напечатанными. Часть из них была опубликована после ее смерти: подготовленное А. К. Гавриловым «Печать Нила» (1985 г.), подготовленное Н. Ф. Котляром «Половцы» (1986 г.), подготовленная М. В. Скржинской большая работа о взаимоотношениях Москвы и Венеции (1997 г. и 2000 г.), в которой отражена судьба неудавшегося посольства к Ивану III (а далее в Персию) венецианского посланца Джованни Батиста Тревизана (на Руси — Ивана Тревизана) в 1471—1474 гг. История миссии Тревизана к московскому государю, раскрытая на основании анализа русских летописей и документов из венецианского архива, драматичная сама по себе, стала для Е. Ч. поводом для углубления в европейскую политику последней трети XV в. В частности, она подробно рассматривает историю женитьбы Ивана III на Зое, дочери морейского деспота Фомы Палеолога. Этот брак был задуман в Риме и Венеции с целью втянуть Московское царство в антитурецкую коалицию. Однако, как показывает Е. Ч., Иван III не прельстился призрачной ролью «наследника» византийского престола и не стал брать на себя обязательств по отвоеванию Константинополья у турок.³¹

«Русь и Византия» — другая тема, живо интересовавшая Е. Ч., как можно судить по материалам архива (см. далее). Планировалось много работ, к сожалению, ненаписанных или не доведенных до конца — об этом свидетельствуют планы и аннотации монографий по теме «Русь, Византия, генуэзцы» (Оп. 1. Ед. хр. 34). Однако одну тему следует выделить, так как работа по ней была Е. Ч. практически завершена, и она, безусловно, представляет интерес для исследователей как Византии,

²⁹ Скржинская М. В. Елена Чеславовна Скржинская. Л. 11.

³⁰ Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1903—1905 гг. // ИАК. 1905. Т. 14. С. 132—133.

³¹ Скржинская М. В. Вклад Е. Ч. Скржинской в изучение истории Византии (доклад, прочитанный на конференции украинских и греческих византинистов, Афины, декабрь 2000 г.). Машинопись. С. 5—6; см. также об этой работе Е. Ч. в статье Н. Ф. Котляра в книге статей Е. Ч. (2000. С. 5—35; см. Приложение 2); здесь же обзор и других исследований по «русской» тематике; см. также далее.

так и Руси. Это — «Русские князья в Византии (XII в.) и вопрос об Отскалане» (Оп. 1. Ед. хр. 51—54). Основные выводы сводятся к следующему: можно признать установленным, что русские князья (в 1161 г. — Юрьевичи, а по аналогии с ними — полоцкие князья несколько ранее — в 1129 г.), будучи насильственно изгнаны из Руси, добровольно, по своему выбору, уходили в Византию. Е. Ч. исследует вопрос о «волоости», которую получил Мстислав по приезде в Константинополь. «Отскалана», о которой идет речь в Ипатьевской летописи, это не может быть Аскалон на сиропалестинском побережье, и Отскалану надо искать в тех местах Византии, где она нуждалась в военной защите и где русский князь мог принять участие в этой защите. Е. Ч. понимает слово как «волоость от Скалана» — название территории, дарованной Мануилом I князю Мстиславу. Она называлась «Скалана». Слово «Скалана» — производное, грамматически оно представляет собой отыменное суффиксальное образование: от основы имени существительного — латинского слова *scala* (которое проникло в среднегреческий «византийский» язык — ἡ σκάλη) и присоединенного к этой основе суффикса «ан-а». В XI—XV вв. слова — латинское *scala* и греческое ἡ σκάλη — имели два хорошо известных в различных областях Средиземноморья значения: 1) лестница, 2) причал, стоянка кораблей, гавань. Было еще третье значение: это крутой, труднопреодолимый горный проход, перевал через горный хребет. Вряд ли это лестница, но не вошел ли в название волости, предоставленной Мстиславу, один из терминов: или «горный», или «морской»?

Говоря о работах, посвященных истории Руси и Византии, следует упомянуть и о большой работе «Письменные источники о хазарах и Хазарии (анализ свидетельств византийских писателей IX—XII вв.)» — работе, в основном законченной и готовой для опубликования (Оп. 1. Ед. хр. 66—73; подробно см. далее).

Последнее десятилетие своей жизни Е. Ч. находилась на пенсии, но до самого конца продолжала работать, не изменяя привычке ежедневно заниматься за своим большим старинным письменным столом, участвовала в научной жизни ЛОИИ.

3 июня 1997 г. в день именин Елены Чеславовны коллеги, ученики и друзья собрались в «доме Лихачева» на Петрозаводской улице на заседание ее памяти. Было прочитано письмо декана исторического факультета Московского университета С. П. Карпова: «Вклад Елены Чеславовны в историю Италии, Византии и Причерноморья трудно переоценить. Ее издания Иордана, Барбаро и Контарини, ее корпус генуэзских надписей Крыма, ее штудии по истории Половецкой степи и русско-итальянских связей, по истории науки стали давно классическими, на них учат медиэвистов во многих университетах, включая Московский. Елена Чеславовна всей своей трудной и благородной жизнью явила пример истинного служения науке. Неукоснительно следуя избранному ею принципу: *Nulla dies sine linea*, она вершила Дело, которое любила и глубоко понимала. Она была подлинным Мастером источниковедения и в полной мере принадлежала к блестящей плеяде петербургской (ленинградской) медиэвистики. Она была требовательна к себе и людям, но чужда мелочности и справедлива даже в самых суровых суждениях».³²

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И МАТЕРИАЛЫ К НИМ

Та часть личного фонда, в которой сосредоточены «Научные труды и материалы к ним» (Оп. 1. 234 ед. хр.; 1918—1981 гг.), содержит как опубликованные работы (в виде автографов или машинописи), так и значительное число неопубликованных (в различной степени законченности). Собранный огромный документальный материал содержит выписки из греческих, латинских, итальянских хроник и документов, их переводы, тексты из русских летописей, конспекты и выписки из отечественной и зарубежной литературы.

³² Цит. по: Скржинская М. В. Елена Чеславовна Скржинская. Л. 13—14.

Эти документы представляют большую ценность для исследователей, занимающихся той же тематикой, что и Е. Ч. В опись кроме научных трудов включены разработки лекционных курсов и семинарских занятий, рецензии и отзывы на работы коллег, воспоминания об ученых, оттиски работ Е. Ч., рецензии на ее труды, научные труды других лиц. В описи исчерпывающе представлена научная деятельность Е. Ч., хотя имеются и некоторые пробелы: так, по непонятной причине отсутствуют материалы по Олимпиодору, крайне мало оттисков собственных работ и др.

Эпиграфом к описанию научного наследия Е. Ч. Скржинской может служить ее собственноручная заметка в одной из многочисленных тетрадей с выписками и конспектами: «Завет от старой — наиболее совершенной — школы (из наследия АИХ) “впиваться в текст как собака в добычу на охоте”». Из педагогического трактата Гварино, XV в.» (Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 108 об.). Е. Ч. Скржинская познакомилась с АИХ — Анной Ильиничной Хоментовской в 1914 г. на Бестужевских курсах,³³ и впоследствии ей предстояло стать ее душеприказчиком. В Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН имеется личный фонд А. И. Хоментовской, в котором отложились 10 писем к ней от Е. Ч. Скржинской (Ф. 19. Оп. 2. Ед. хр. 14).

В личном фонде Е. Ч. Скржинской в свою очередь сохранились 40 писем и 28 открыток А. И. Хоментовской к ней за 14 декабря 1925 г.—6 сентября 1942 г. (Оп. 4. Ед. хр. 298) и автограф воспоминаний Е. Ч. Скржинской об А. И. Хоментовской и доклада на заседании кафедры истории средних веков 2 июня 1948 г., посвященном ее памяти (Оп. 1. Ед. хр. 222). В одной из папок со своими материалами Е. Ч. Скржинская сохранила листки со сделанными А. И. Хоментовской выписками, которые обернуты в лист бумаги с надписью рукой Е. Ч. Скржинской «Листки Анны Ильиничны Хоментовской» (Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 184—192).

* * *

Научные интересы Е. Ч. Скржинской были очень широки. Но во все более чем 60 лет ее работы как историка — начиная с первых докладов: «Паломничества в Monte-Cassino и Monte-Gargano и отношение между 2мя святилищами (приблиз. до XI в.)» в феврале 1918 г. (Оп. 1. Ед. хр. 91а. Л. 1—30), «Политика папы Адриана и его территориальные приобретения в Беневенте» предположительно в марте 1919 г. (Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 38—50), об археологической карте Крыма, прочитанного в разряде археологии раннехристианской и византийской ГАИМК в ноябре 1920 г. (Оп. 1. Ед. хр. 1; план доклада автором помечен 18, а рукопись текста 20 ноября), — они были сосредоточены на одной, в буквальном смысле слова «глобальной» задаче: понять и по возможности объяснить те события и процессы, которые происходили в Средиземноморье, и особенно в Северном Причерноморье и соприкасавшихся с ним степях и древнерусских землях, в период с XII в. и до турецкого завоевания.

Все темы, которые она исследовала, имеют прямое и непосредственное отношение к этой проблеме: будь то история императора Фридриха II и зарождения коммунального строя в Италии, взаимоотношения Византии и итальянских морских республик Генуи и Венеции, история итальянской колонизации Северного

³³ Анна Ильинична Хоментовская, урожд. Шестакова (I.X.1881—3.X.1942), историк-медиевист, автор 4 монографий по истории итальянского Возрождения, две из которых изданы посмертно, и многих статей. См.: *Рутенбург В. И. Лоренцо Валла и его время // Хоментовская А. И. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.; Л., 1964, С. 18—20; Каганович Б. С. 1) Анна Ильинична Хоментовская // Средние века. 1989. Вып. 52. С. 294—306; 2) Об авторе этой книги // Хоментовская А. И. Итальянская гуманистическая эпитафия: ее судьба и проблематика. СПб., 1994. С. 10—18; в этой же книге помещены ее автобиографический очерк «Пройденный путь» (С. 221—257) и предисловие (С. 3—9).*

Причерноморья во всех ее аспектах и, в том числе, связанная с ней крымско-генуэзская эпиграфика, участие Руси в упомянутых процессах, связь с историей этих краев Хазарского государства, степных народов, Золотой Орды — также в их взаимоотношениях с Византией, итальянцами и Русью, и т. д.

Будучи историком-исследователем по глубокой природной склонности, подкрепленной творчески и глубоко усвоенными заветами научной школы («старой — наиболее совершенной»), чему способствовало близкое общение с И. М. Гревсом, О. А. Добиаш-Рождественской («наставница и учительница»),³⁴ А. И. Хоментовской, Н. П. Лихачевым (и знакомство с его коллекциями, на материалах которых созданы ее работы по западноевропейской дипломатике),³⁵ она всегда всесторонне и основательно «зарывалась» в источники и литературу. Как она сама писала в 1940 г. в статье о значении палеографии, «настоящий историк обязан прежде всего знать в подлиннике источники той эпохи, которой он занимается, и никогда не пренебрегать ими при изучении научной литературы вопроса».³⁶

Отсюда — значительное число выполненных ею переводов различных греческих и латинских хроник и исторических сочинений, поскольку исследовательница была убеждена, что, только тщательно переведя источник на родной язык, можно вникнуть в суть его содержания. Ведь источник — это «фундамент как знаний, так и могущих вытекать из них построений», поэтому она по справедливости строго относилась к «облегченному» отношению к источникам и их переводам.³⁷

Не одобряла она и другие крайности — как цитирование источников без перевода, так и приведение только переводов без цитирования источников. В рецензии на «Византийский сборник» она отметила, что «многие длинные греческие цитаты оставлены без перевода, что едва ли правильно, если принять во внимание, с одной стороны, не всеобщее знакомство с греческим языком, а с другой — трудность специальных юридических текстов».³⁸ Во внутреннем отзыве о статье А. П. Каждана «Византийский практор на берегах Киммерийского Боспора в конце XII века», представленной им для 23-го тома «Византийского временника», она высказала мнение, что автор «напрасно поспешил на подлинные цитаты из письма; он, собственно, не привел ни одной цитаты и предоставляет читателю размышлять только над русским их переводом» (Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 23—33; отзыв датирован 12 апреля 1962 г.). Кроме того, она считала эти переводы важной частью обучения на исторических факультетах: «чтобы, идя вслед за читаемым профессором общим курсом, останавливаться на главнейших “узловых” моментах этого курса и “прорабатывать” их на материале источников (в переводе) и имеющейся на русском

³⁴ Памяти О. А. Добиаш-Рождественской Е. Ч. Скржинская посвятила доклад на заседании кафедры средних веков ЛГУ 4 апреля 1940 г. (Оп. 1. Ед. хр. 218) и доклад на совместном собрании этой кафедры и ЛОИИ СССР 22 сентября 1964 г., приуроченном к 25-летию ее смерти (Там же). На одном из листов с набросками второго из этих докладов записано: «31 августа 1964 г. пон. я ездила с А. Д. Люблинской и Вл. Серг. Люблинским на могилу О. А. Доб. Рожд. и Дм. Серг. Рожд. на Волковом кладбище. Исполнилось 25 лет со дня смерти О. А. = 30 авг. 1939 г.».

³⁵ См.: «Выступление Е. Ч. Скржинской на открытии мемориальной доски с именем Н. П. Лихачева (на доме № 7 по Петрозаводской ул. в Ленинграде) 26 июня 1973 г.», в котором особый упор был сделан на обоснование «чрезвычайной ценности» документов, сосредоточенных в Западноевропейской секции Архива (Оп. 1. Ед. хр. 220).

³⁶ Скржинская Е. Ч. Забытая историческая дисциплина // Вестник высшей школы. 1940. Т. 10. Автограф см.: Оп. 1. Ед. хр. 163.

³⁷ Скржинская Е. Ч. [Рец. на кн.:] Гуковский М. А. Итальянское возрождение. Л., 1947. Т. 1 // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. 1948. Т. 5, № 5. Об этой книге ею был также прочитан доклад на заседании кафедры истории средних веков ЛГУ 25 февраля 1948 г.; текст доклада см.: Оп. 1. Ед. хр. 187. Л. 81—109. Рецензия была ею послана в «Вестник ЛГУ», но была возвращена редакцией.

³⁸ Скржинская Е. Ч. [Рец. на] Византийский сборник / Под ред. М. В. Левченко. М.; Л., 1945 // Вестник АН СССР. 1946. Вып. 5—6. С. 120—125.

языке литературы».³⁹ Поэтому представляется совершенно нерациональным то, что многолетние труды самой Е. Ч. Скржинской пропадают втуне, и многие из этих сделанных ею переводов до сих пор не опубликованы, вместо того чтобы пополнить собой золотой фонд отечественного источниковедения.

Это относится также ко многим разложенным по темам и сюжетам обширным фундаментальным «заготовкам», подготовительным материалам, оставшимся не переработанными в «тексты», которые, несомненно, были бы написаны такой же выработанной годами труда научной прозой, какая была присуща ее окончанным трудам, как напечатанным, так и оставшимся в рукописи докладам и сообщениям, статьям, переводам и комментариям к ним.

О том, как работала Е. Ч. Скржинская, можно составить представление хотя бы по одному из ее отчетов: «27.1.1923, суб. В Исторический Исследовательский Институт при Петербургском Университете. Отчет научного сотрудника II-й категории Е. Ч. Скржинской за 1922-й год. 1) Продолжалась работа по истории южной Италии XII-го—XIII-го веков, которая строилась применительно к предполагаемой, но еще не окончательно разработанной программе магистерских экзаменов. Изучение источников указанного периода привело к выводам о формах сосуществования латинской и греческой культур и об их проявлениях в норманнскую и гогенштауфенскую эпохи. Изучены хроники: (лат.) Фалькона Беневентского, Угона Фальканда, арх. Солунского Ромуальда Рикарда из св. Германа, Николая Ямсиллы, Сабы Маласпины (греч.) Евстафия, архиеп. Солунского и др. 2) Одним из эпизодов в занятиях историей Италии была в расширенном виде работа в разряде византийского искусства и археологии Академии истории материальной культуры, касающаяся муниципального устройства Генуи и ее колоний на Востоке. Изучены генуэзские статуты, *Liber iurium reipublicae Genuensis* и памятники колониальной жизни генуэзцев в Крыму. В связи с этими занятиями прочтен публичный доклад в Академии о генуэзских уставах крымской колонии Каффы и ряд докладов в разряде. 3) а) Под руководством проф. А. А. Васильева совершенствовалась в греческом языке на памятниках исторической византийской литературы (Никита Акоминат, Анна Комнина). б) Участвовала в семинарии по истории вальденсов, руководимом проф. Л. П. Карсавиным. в) Ознакомилась с итальянизированным латинским языком генуэзской канцелярии XIV и XV вв.» (Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 11—11об.).

ВИЗАНТИЯ и ИТАЛИЯ. В конце 50-х—начале 60-х гг. Е. Ч. Скржинская вплотную занялась эпохой Мануила I Комнина и амбициозной политикой этого императора и тщательно подобрала источники как византийские, так и западные, относящиеся к этой теме. Прежде всего, это материалы, которые можно объединить под общим названием «Хрисовул 1169 г. Мануила I Комнина». Текст этой грамоты 1169 г. — договора между византийским императором и коммуной Генуи, заключенного ее послом Амико де Мурта, — сохранился в видимированной греческой версии в составе грамоты, данной Генуе императором Исааком Ангелом в 1192 г., а латинский экземпляр хранится в Государственном архиве Генуи.

Вокруг этого документа, важного для истории освоения итальянскими морскими республиками Черного моря, исследовательница собрала много источников и историографических материалов, касающихся различных сторон проблемы. Это выписки относительно хрисовулов как вида источников (Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 116—217: тетрадь, озаглавленная «Fr. Dölger W. Heinemeyer о хрисовуллах». Л. 234 — 254: тетрадь под заглавием «хрисовуллы И. II Комн. Ман. I Комн. Мих. VIII Палеол. Иоанн V Палеол. По изд. Lampros'a»), обширная подборка материалов о

³⁹ Скржинская Е. Ч. О практических занятиях со студентами исторических факультетов // Вестник высшей школы. 1941. Т. 11. Автограф см.: Оп. 1. Ед. хр. 165.

самом хрисовуле 1169 г. — прежде всего, текст документа: две латинские версии, их переводы на русский язык и сравнение обоих переводов, перевод на русский язык греческого текста, а также относящиеся к этой грамоте места из исторических сочинений Никиты Хониата, Иоанна Киннама и Георгия Хониата (Оп. 1. Ед. хр. 37; см. также тетрадь, озаглавленную «Экономич. полож. в Византии при Мануиле I (Nic. Chon.)»: Там же. Ед. хр. 121. Л. 182—198).

Работа над этим материалом привела Е. Ч. к замыслу большого исследования, тему которого она сформулировала как «мировое господство». Об этом свидетельствует набросок, относящийся к 1964 г. и озаглавленный ею «План “мировое господство”», который сопровождается подборкой выписок: «I. — В каком виде (выражениях, сравнениях и утверждениях) отразился вопрос о политике Мануила I Комнина а) в виз. источниках б) в лат. источн.; II. — Как характеризуется политика Ман. I Комнина в сочин. соврем. историков [как стремление к мировому господству]; III. — Единств. раз Ник. Хон. гов. о мечтах Мануила I о миров. монархии Юстиниана — в рассказе о намер. Мануила завоевать Египет; IV. — Обычно же счит. что мечты о мир. господстве проявл. у Ман. I в отнош. Италии; V. Как пишут о жел. Мануила I завоевать земли в Италии а) виз. писатели б) лат. писатели; VI. — В титулах имп. Мануила I (см. эдикт 1166 г.) нет упомин. об Италии; VII. — О намерен. западн. государей завоевать виз. империю а) норманны б) Фр. I Барб. Генрих VI; VIII — “Страх” Мануила перед Западом» (Оп. 1. Ед. хр. 49).

К этой теме относятся также тематические подборки, озаглавленные автором: «отзывы о генуэзцах», «Мануил I Комнин и Генуя», «“Узел” в 1154—55 г. Италии и планы Мануила I (по Chal)»⁴⁰ (с припиской: «конец успехов Мануила I в Италии = взятие *Бриндизи* сиц. королем Вильгельмом I — 28 мая 1156 г.»), «политика Мануила I в отношении Сицилии 1155—1158. Nic. Chon.», выписки из «Деяний Фридриха» Оттона Фрейзингенского, «Генуэзцы в Византии в кон. XII в.», «из App. Jan.», «И. Киннам о Сиц. и об Ит.», «1204 год Nic. Chon.» (Оп. 1. Ед. хр. 35), о политике Мануила I по отношению ко многим государствам тогдашней ойкумены («Мануил I и Венгрия, ... и Турция, ... и Египет, ... и Малая Армения, ... и Иерусалимское королевство, ... и Антохия») (Оп. 1. Ед. хр. 43), в том числе к Руси (посольство 1163 г. к князю Ростиславу Мстиславичу) (Оп. 1. Ед. хр. 46—47). Отдельно рассмотрены: история ареста в 1171 г. венецианских купцов как следствие договора с генуэзцами, озаглавленная «Арест венецианских купцов византийцами 12 марта 1171 г.» (Оп. 1. Ед. хр. 38—39), а также употребление слова «*Ρωσῖα*» в грамоте 1169 г. (Оп. 1. Ед. хр. 42; подробнее об этих материалах см. в разделе «Византия и Русь»).

Под обложкой, озаглавленной «Нимфейский договор 13 III 1261 г.», объединены материалы о договоре, который сыграл важную роль в позднесредневековой истории всего Причерноморья и Крыма особенно; они относятся к истории взаимоотношений Византии, отвоеванной у латинян Михаилом VIII Палеологом, с генуэзцами и венецианцами (Оп. 1. Ед. хр. 20). Эти материалы собирались, по объяснению самой исследовательницы, «в связи с общей историей генуэзской торговли в Восточном Средиземноморье и непрерывного соперничества генуэзцев и венецианцев, с одной стороны, и их борьбы с византийцами в Константинополе — с другой» для предполагавшейся докторской диссертации «Средневековые генуэзские фактории в Крыму (история и памятники)», которая, к сожалению, не была написана, хотя материалов для ее написания было собрано едва ли не в исчерпывающем для своего времени изобилии.⁴¹

⁴⁰ Имеется в виду монография Фердинанда Шаландона: *Chalandon F. Les Comnène. Etude sur l'empire byzantin au XI et XIIe siècles. T. 2: Jean II Comnène et Manuel I Comnène. Paris, 1912.*

⁴¹ Отчеты Е. Ч. Скржинской о работе над докторской диссертацией «Средневековые генуэзские фактории в Крыму (история и памятники)» с сентября 1943 г. по май 1944 г. и с 1 мая 1944 г. по январь 1945 г. (Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 141—147).

Здесь собраны выписки из сочинений византийских и латинских авторов и из регест, изданных Францем Дёлгером,⁴² а также конспекты научных статей, освещающих период, непосредственно предшествовавший изгнанию последнего латинского императора Балдуина II из Константинополя, историю Нимфейского договора и перипетии взаимоотношений Византии с итальянскими морскими державами того времени после восстановления империи ромеев.

Сделан разбор текста Нимфейского договора по изданию Камилло Манфрони⁴³ и выявлены те места из написанной венецианским летописцем второй половины XIII в. Мартино да Канале «*La Cronique des Veniciens*»,⁴⁴ которые повествуют об истории взаимоотношений Византии, Генуи и Венеции до и после заключения договора. Просмотрены регесты Ф. Дёльгера и выписаны из них те, которые относятся к взаимоотношениям тех же государств в период между I и IV крестовыми походами.

Выписки сопровождаются заметками, отражающими соображения, возникавшие по ходу работы: записав историю о том, как в 1264 г. Гульельмо Кверчи, генуэзский подеста в Константинополе, пообещал представителям короля Манфреда помочь вернуть город латинянам, но император Михаил VIII узнал об этом сговоре, приказал арестовать генуэзца и сообщил об этом в Геную, исследовательница замечает: «Надо думать, что эпизод не отражает политики Генуи, а был личным делом Guil. Quercis'я».

Составлен подробный конспект исследования Эрвина Дадэ, сопровождающийся выписками о последовавших за Нимфейским договором безуспешных попытках отвоевать у византийцев утерянную Латинскую империю;⁴⁵ законспектирована также статья М. Канара о договоре между Михаилом VIII Палеологом и египетским султаном Калауном, заключенном в 1281 г., и выписан текст договора.⁴⁶

С личностью этого императора и взаимоотношениями Византии и Генуи связан также другой набросок — «Надписи при вышивках на паллии из Sala del ufficio di città в Генуе», датированный 17 июля 1946 г. Текст наброска содержит транскрипцию всех 20 надписей, сопровождающих вытканые на этом платке сцены, которая сделана по репродукции из книги, также приложенной к рукописи.⁴⁷

Автор пишет: «Этот pallium представляет собой покрытую вышивкой ткань 375 см в длину, 125 см в ширину. Предположительное объяснение: этот pallium изготовлен генуэзцами в 1270 г., когда Михаил Палеолог посетил Перу».⁴⁸ Затем, отметив, что в исследовании Роберто Лопеца, авторитетного итальянского ученого, паллий «помещен среди других шелковых изделий *византийских*»,⁴⁹ Е. Ч. Скржинская высказывает свою точку зрения на этот памятник: «Несомненно, что это не византийская работа и поэтому не может быть одним из тех паллиев, которые Михаил Палеолог по Нимфейскому договору обязался посылать ежегодно в собор св. Лаврентия в Генуе».

⁴² Dölger F. Corpus des griechischen Urkunden des Mittelalters und den neueren Zeit. Reihe A. Regesten. Abt. I. Regesten der Kaiserurkunden der Oströmischen Reiches von 563—1453. Theils 1—3. München; Berlin, 1925—1932. См. также тетрадь с выписками из регест Ф. Дёльгера: Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 237—262.

⁴³ Atti della Società Ligure di storia patria. 1898. Vol. 28. P. 791—809.

⁴⁴ Archivio storico italiano. 1845. T. 8. P. 229—707.

⁴⁵ Dade E. Versuche zur Wiedererrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopel im Rahmes der abendländischen Politik 1261 bis etwa 1310. Würzburg, 1937.

⁴⁶ Canard M. Le traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qala'un // Byzantion. 1935. Bd 10. N. 2. P. 669—680.

⁴⁷ Hertzberg G. F. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischer Reiches. Berlin, 1883 (вклейка).

⁴⁸ Пера (турецкая Галата) — генуэзский селтльмент на высоком восточном берегу бухты Золотой Рог в Константинополе.

⁴⁹ Lopez R. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. Vol. 20. N 1.

Далее, объясняя сцену в верхнем ряду изображений, сопровождаемую надписью «S. Laurentius inducens altissimum imperatorem grecorum dominum michaelē ducam angelum comnenum paleologum in ecclesiam ian(uensem)», подытоживает: «Эпизод 5 — в котором указан Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог — исторический и определяющий этот памятник» (Оп. 1. Ед. хр. 95а. Л. 163—165).

Е. Ч. Скржинская также проанализировала сочинения византийских историков XIV в. — «Историю ромеев» Никифора Григоры, «Историю» Георгия Пахимера, «Историю» Иоанна Кантакузина и не только выявила в них места, относящиеся к изучаемой ею теме, но взяла на себя труд сделать переводы 11 из 37 книг сочинения Григоры, 6 из 13 книг Пахимера и многих глав из Кантакузина, относящихся к византийско-генуэзским войнам первой половины века. Перевод сочинения Кантакузина датирован 1944—1946 гг., озаглавлен «Cantacuz. I мой стр. 1—112» и «Cantacuz. II мой стр. 113—76 (так в рукописи. — А. В., Л. К.) о войне между генуэзцами и Кантакузином в 1348 г.» и содержит выписанные из боннского издания соответствующие места по-гречески и их параллельный перевод на русский язык (Оп. 1. Ед. хр. 113). Текст перевода книги XVIII «Истории ромеев» Н. Григоры, в которой повествуется о войне 1348 г. между генуэзцами и византийцами, приложен к подборке материалов по соответствующей теме (см. также тетради с греческим и русским текстами «Истории ромеев» Никифора Григоры: Оп. 1. Ед. хр. 127).

В одной папке с материалами к докладу «Позднесредневековый Крым и Константинополь» (Оп. 1. Ед. хр. 23) находятся также краткое изложение содержания двух публикаций и статей к ним и выписки на греческом и латинском языках, датированные «16 июня 1924 г., пон. Дух. день» (Там же. Л. 105—108 об.). Эти материалы касаются взаимоотношений Генуи и Византии, хотя и опосредованно — через личность папы Иннокентия IV, генуэзца из рода Фиески, графов Лаванья — и относятся к тексту четырех греческих писем императора Фридриха II (известных в копиях XIII в., которые находятся в Библиотеке Лауренциана во Флоренции, № 2725). Интерес к деятельности этого императора проявился у Е. Ч. Скржинской много раньше, когда в начале 1920 г. она вплотную обратилась к изучению истории XIII в. (см. раздел «Южная Италия»).

Из трех писем Фридриха за 1249—1250 гг., написанных к его зятю — никейскому императору Иоанну Дуке Ватацу, особый интерес представляет третье. Поводом для написания этого письма послужила состоявшая из францисканских и доминиканских монахов миссия, направленная папой Иннокентием IV к никейскому правителю для переговоров об унии. В своем послании «Фридрих II осуждает в сильных выражениях папскую милицию (sic), ...негодует на козни Иннокентия IV, кардиналов и монахов» (Л. 106 об.).

Авторы этих статей придерживались разного подхода к языковому характеру писем. Густав Вольф считал конструкцию фраз текста письма латинской и делал из этого вывод, что первоначально император написал письма на латинском языке, а затем в императорской канцелярии они были переведены на греческий язык.⁵⁰ В противоположность этому заключению Никола Феста полагал — «и вполне основательно», соглашается с ним Е. Ч. Скржинская, что с филологической точки зрения письма были написаны итальянцем по-гречески. Свою уверенность в этом он основывал на том, что многие греческие слова представляют собой транслитерацию именно итальянских слов, таких, к примеру, как: Γενουβισιον — итальянское Genovesi (латинское Januensium), κοντος — итальянское conte (латинское comes), μαρκεσανος — итальянское marchese (латинское marchio), καβαλλαριων — итальянское cavallari (латинское

⁵⁰ Wolff G. Vier griechische Briefe Kaiser Friedrich der Zweiten. Berlin, 1855.

equitum)⁵¹ — ведь хорошо известно, что «в южной Италии — греческий язык был очень распространен и мешался с итальянским» (Л. 106). Выписки из статей завершаются переписанным полностью из издания Н. Фесты параллельным греческим и латинским текстом этого письма Фридриха II (Л. 106 об.—108 об.).

Доклад под названием «Закрытое письмо папы Урбана IV от 23 мая 1262 г., Витербо» был прочитан в ГАИМК 15 мая 1925 г. В архиве хранятся: транскрипция латинского текста документа (Архив СПбИИ РАН. 3. е. с. Колл. 41 «Документы папской канцелярии». Картон 502. Ед. хр. 25. См. также сделанную Е. Ч. транскрипцию буллы того же папы от 20 июня 1264 г.: Оп. 1. Ед. хр. 154. Л. 199—200), текст доклада на французском и немецком языках, затем оформленный в виде статьи, а также собственноручная записка (Оп. 1. Ед. хр. 95а; см. также сделанные ею транскрипции этого папского документа и булл Урбана IV от 1 декабря 1261 г. — Архив СПбИИ РАН. 3. е. с. Картон 503. Ед. хр. 2, и от 17 июня 1264 г., Иннокентия IV от 15 марта 1251 г. — Там же. Картон 502. Ед. хр. 13, датированные январем 1960 г., в отдельной тетради, озаглавленной «Папские буллы»: Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 128 и далее).

Текст записки вводит нас в предысторию этого исследования: «В собрании Н. П. Лихачева⁵² имеется один документ, который давно уже обратил мое внимание. При беглом рассмотрении — когда он был дан мне в руки на несколько секунд — он уже заинтересовал меня, как носящий некоторые признаки неподлинности — и в то же время уже одним своим видом свидетельствовавший и о подлинности. На обратной стороне знакомой мне рукой позднейшего генуэзского архивария стояло тоже не лишнее интереса замечание — Imperatore dei Greci Paleologo (рукой XVI—XVII в.). Когда я получила документ для занятий — для этого пришлось потерпеть около года — то увидела, что он представляет немалый исторический интерес». В докладе об этом же было упомянуто кратко: «Документ из собрания Н. П. Лихачева, любезно им предложенный для моих занятий. Это письмо папы Урбана IV от 23 мая 1262-го года, направленное в Геную и выражающее недовольство папы по поводу союза генуэзцев со схизматиком Михаилом Палеологом» (Оп. 1. Ед. хр. 95а. Л. 4—5).

Исследование о булле Урбана IV через несколько лет было опубликовано в виде статьи, озаглавленной «Eine neue Urkunde über die Beziehungen Urbans IV zu Genua», в продолжающемся издании Прусского Исторического института в Риме «Quellen und Forschungen aus den italienischen Archiven und Bibliotheken» (1932. Bd 22).⁵³ О затянувшейся на несколько лет истории этой публикации свидетельствует переписка автора, сохранившаяся благодаря ее эпистолярной культуре, подражавшей, помимо прочего, обыкновение сохранять черновики и отпуски своих писем и помечать на них дату их написания, отправления, а зачастую и получения ответа.

Через несколько месяцев после зачтения доклада в ГАИМК Е. Ч. Скржинская обращается с просьбой о содействии в напечатании этой работы к Паулю Керу, исследователю папских булл и издателю «Regesta Pontificum Romanorum. Italia Pontificia», [из Ленинграда], 31 марта 1926 г.:

⁵¹ *Festa N.* Le lettere greche di Federigo II // Archivio storico Italiano. Serie V. 1894. Т. 13.

⁵² В те годы коллекции помещались, как и ныне, в доме Н. П. Лихачева на Петрозаводской ул., 7, носили общее название «Палеографический кабинет» и находились в ведении Петроградского университета. В 1925 г. с избранием Н. П. Лихачева действительным членом АН СССР кабинет перешел в ведение Академии наук и стал именоваться Музеем палеографии.

⁵³ К сожалению, не удалось отыскать ни оттиска статьи в бумагах Е. Ч. Скржинской в фонде 14, ни томов самого издания за эти годы в библиотеках Санкт-Петербурга, поэтому приводятся только год и том публикации — согласно собственноручному указанию автора: «Список работ Е. Ч. Скржинской» (Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 30).

«Профессору Р. Кehr. Обращаюсь за советом и прошу содействия: работаю по документам средневековым, касающимся Германии и Италии, за последнее время особенно над папскими буллами; среди последних отыскала одну, не лишенную исторического и палеографического интереса — а именно: это булла п[апы] Урбана IV от 23 мая 1262, написанная в Витербо. Она является первой из небольшой серии известных нам булл Урб[ана] IV, касающихся отношений между Генуей, Михаилом Палеологом и Римом. Она не издана и не была внесена ни в папские регистры, ни в регистры генуэзской республики (*Liber Iurium*). По некоторым внешним признакам можно предположить, что она является “закрытым папским письмом” (?).

По исследовании этой буллы у меня получилась *небольшая статья*, которую мне весьма хотелось бы предложить Вашему просвещенному вниманию как глубокому знатоку этих вещей и попросить указания и содействия, чтобы поместить ее в какой-нибудь исторический немецкий журнал. Статья, написанная мною первоначально по-французски (ввиду лучшего знания этого языка, чем немецкого), занимает около $\frac{1}{2}$ листа; к ней прилагаются две фотографии.

Работаю научным сотрудником Акад. Ист. Мат. Культ. в Ленинграде, но напечатать здесь пока нет возможности. Обращаюсь к Вам, так как все мое историческое образование выросло на трудах немецких ученых, на *Monumenta Germaniae*, на Ваших изданиях» (Оп. 4. Ед. хр. 17: черновик на русском языке; там же датированный черновик этого письма на немецком языке).

Ответное письмо самого П. Кера в архиве отсутствует, но сохранились два письма д-ра В. Финстервальдера (*W. Finsterwalder*) из Берлина на бланках «*Monumenta Germaniae*» (Оп. 4. Ед. хр. 289):

1) «Berlin 6/4. 26

Sehr geehertes Fräulein. Im Auftrage von Herrn Geheimrat Kehr, der mir Ihren Brief übergab, gestatte ich mir Ihre Anfrage zu beantworten. Wenn Ihre Arbeit sich zur Aufnahme eignet, wird es vielleicht möglich sein, sie in der von nur herausgegebenen Zeitschrift “Neues Archiv” zu veröffentlichen. Es schadet nichts, wenn dieselbe in französischer Sprache abgefasst ist. Nur muss ich Sie bitten, die Arbeit zur Begutachtung an mich einzusenden, damit wir sehen können, ob sie sich zur Aufnahme eignet. Über das weitere gebe ich Ihnen dann später Nachricht».

2) «Berlin, 23/8. 26

Mr. le professeur Kehr m’a chargé de vous faire savoir, qu’il a accepté de recevoir votre travail dans le fascicule prochain des: «Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken», parcequ’il s’occupe spécialement avec l’histoire d’Italie. Votre travail sera imprimé en texte original, s’est-à-dire en français».

Однако по неустановленным причинам в ближайших выпусках работа напечатана не была, и свое продолжение история получила только через четыре года, как об этом можно судить по двум письмам, на сей раз из Preussisches Historisches Institut in Rom, подписанным Г. Лэром (*G. Laehr*),⁵⁴ по поводу публикации статьи (Оп. 1. Ед. хр. 95а).⁵⁵

Первое письмо датировано 5 ноября 1930 г.:

«Sehr verehrte Fräulein Doktor. Vor kurzem hatte Frau Dr. Friedlaender in Berlin die Freundlichkeit, mir Ihre Anschrift mitzuteilen. Das gibt mir die Möglichkeit, mich mit Ihnen wegen Ihres Manuskriptes in Verbindung zu setzen (über “Urbain IV et Gênes”), das schon fast 4 Jahre bei uns in Institut ruht.

Die Schriftleitung der “Quellen und Forschungen” hat es für nötig befunden, Ihr Manuskript einer deutschen Bearbeitung zu unterziehen, die — mit Hilfe z. T. von

⁵⁴ Сведений о нем найти не удалось.

⁵⁵ Оба письма написаны на бланках института и вложены в конверты института.

рömischen Quellen — Ihre Darstellung in einigen Punkten modifizierte. Infolgedessen wagte die Schriftleitung nach erfolgter Übersetzung und Überarbeitung nicht, das neue, deutsche Manuskript ohne Ihre Einwilligung zu drucken. Da Ihre Anschrift hier unbekannt war, konnte keine Anfrage erfolgen.

Da wir nun Ihre Anschrift erfahren haben, erlaube ich mir, Ihnen mit gleicher Post Ihr Manuskript zusammen mit der deutschen Übersetzung zuzusenden. Wenn Sie Ihre Einwilligung geben, dass diese deutsche Übersetzung Ihres Aufsatzes in den "Quellen und Forschungen" gedruckt wird, so bitte ich, sie mir sobald wie möglich mit Ihrer Genehmigung zurückzusenden.

In der Hoffnung, dass Sie den Druck Ihres Aufsatzes in der deutschen Fassung gestatten werden, verbleibe ich in vorzüglicher Hochachtung ganz ergebenst. G. Laehr».

К этому письму Г. Лэра приложен черновик ответного письма Е. Ч. Скржинской, датированный 24 февраля 1931 г.:

«Sehr verehrter Herr Doktor, Ich bin Ihnen sehr dankbar für die Zusendung meines Manuskripts zusammen mit der deutschen Übersetzung, die ich leider (wegen meiner letzten Krankheit) nur jetzt durchlesen konnte. Ich finde sie ganz befriedigend (einige kleine Bemerkungen habe ich in den deutschen Text hinzugefügt) und werde sehr glücklich sein, mein Aufsatz in den "Quellen und Forschungen" gedruckt zu sehen. Von dem lateinischen Texte der Bulle — Ich wollte nur fragen, ob Sie in Ihren Ausgaben immer die Abschrift des Originals etwas verändern? Ich meine die Majuskeln (dei und nicht De, Civitas und nicht civitas, altissimus und nicht Altissimus etc.), die Abbrüviaturen, und die Punctuation. In der Hoffnung einige Worte zum Antwort von Ihnen zu haben, verbleibe ich ganz ergebenst».

Вскоре был получен ответ от Г. Лэра из Рима от 25 апреля 1931 г.:

«Sehr verehrte Fräulein Doktor,

Zu meinem Leidwesen hat mich eine längere Krankheit gehindert, Ihren rechtzeitig für die Rücksendung Ihres Manuskriptes und für Ihr Schreiben vom 24. II zu danken. Ihr Aufsatz wird nun sobald als möglich in den "Quellen und Forschungen" gedruckt werden. Leider kam Ihr Manuskript etwas zu spät zu uns zurück, so dass es für den in diesen Tagen erscheinenden XXII. Band unserer Zeitschrift nicht mehr herangezogen werden konnte. In vorzüglicher Hochachtung ganz ergebenst. G. Laehr».

Еще через год статья была опубликована в очередном томе «Quellen und Forschungen».

Для работы, посвященной договору между Византией и Генуей, аутентичная копия которого на латинском языке хранится в Архиве СПбИИ РАН (З. е. с. Колл. 4 «Материалы по истории отдельных городов и областей Италии». Картон 137. Ед. хр. 5), собирались материалы в папку под заглавием «Хрисовулл Иоанна VI Кантакузина 6.V.1352, архив ЛОИИ = 5/137» (Оп. 1. Ед. хр. 115). Речь идет о мирном договоре Византии и Генуи, последовавшем за вооруженным столкновением генуэзско-турецкого войска с объединенными византийско-венецианско-арагонскими силами и знаменитым ночным сражением на Босфоре прямо под стенами Константинополя 13 февраля 1352 г.

Транскрипция первых 20 строк договора датирована 24 июня 1948 г., затем были транскрибированы еще 13 строк — на листах с транскрипцией 33 строк имеется помета «текст не кончен — только строки 33». Наконец 10 декабря 1959 г. датирована транскрипция всех 90 строк текста договора, и на последнем листе с транскрипцией помечено: «Сверено с текстом Lib. Jur. II col. 601—606 22.IV.60; ГПБ». Сделаны наброски плана работы: «Для статьи о хрисовуле 1352 г. — Политическая ситуация (исходить из моей статьи о Петрарке — Виз. вр. II 245—266 о войне 1350—1355 гг.). Добавить сведения из Thiriet La Romanie a) — полит. сит. в Виз. б) — полит. сит. в Генуе в) — полит. сит. в Венеции. = Место документа ractum

6.V.1352 г.» и «1. Посмотреть Liber Jurium II р. 328 = текст хрисовуллы 1352 г. — тот же? подобный? отличный? 2. Принять во внимание хрисовулл И. Кантакузина Венеции от мая 1351 г. изд. в *Dipl. Ven-Lev* II N 5 р. 4—12. 3. Привлечь все из Никифора Григоры в отношении этих лет (1350—1352). 4. Главы из *R. Cessi Politica ed economia di Venezia nel Trecento. Saggi*. Roma, 1952. 5. Соединить с моей статьей “Петрарка...” в Виз. врем. Т. II».⁵⁶ Документ опубликован И. П. Медведевым.⁵⁷

Генуэзской проблематике также посвящены многочисленные выписки и транскрипции булл из Государственной Публичной библиотеки и собрания Н. П. Лихачева, собранные в тетрадках, озаглавленных «Папы — Генуя» и датированных 1927—1933 гг. (Оп. 1. Ед. хр. 154).

Интерес Е. Ч. Скржинской также привлек «венецианский документ о платежах в городе Лампсаке, нач. XIII в.», на который опирался Ф. И. Успенский в третьей части своей работы «Следы писцовых книг в Византии»;⁵⁸ ее заметки об этой работе и венецианском документе датированы 18—19 мая 1976 г. (Оп. 1. Ед. хр. 211).

ВИЗАНТИЯ И КРЫМ. Истории взаимоотношений Византии, главным образом ее столицы Константинополя, и Таврики в XII—XV вв., включая и полувековой период Латинской империи, был посвящен ряд сделанных на протяжении более чем 20 лет докладов, материалы к которым сохранились.

27 апреля 1928 г. в ГАИМК прочитан доклад «Пути из Крыма на исходе средневековья» (Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1—30). Затем на эту же тему был сделан доклад «Византия и итальянские колонии в XIV в.» на заседании 28 апреля 1945 г. сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной памяти академика Ф. И. Успенского и приуроченной к столетию со дня его рождения (Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 3: пригласительный билет). Через два года были прочтены два доклада, тексты которых в основном совпадают: «Константинополь в системе западноевропейской средневековой торговли», прочитанный 14 января 1947 г. на заседании исторической секции научной сессии ЛГУ,⁵⁹ «Константинополь и северопрichernоморская периферия в XV в.», прочитанный на сессии Отделения истории и философии АН СССР 27—28 ноября 1947 г. в Москве,⁶⁰ и «Позднесредневековый Крым и Константинополь», согласно собственноручной записи автора «прочтенный на заседании секции по истории средневекового Крыма 21 сент. 1948 г. Симферополь. Сессия по истории Крыма. Крымская научно-исследовательская база АН СССР» (Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 1).

В архиве сохранились материалы, отражающие последовательность работы над текстом доклада 1948 г.: рукописный и машинописный тексты тезисов доклада с пометой «посланы в Москву 16 окт. 1948 г.» (Л. 21, 26—27 и 22—25); черновая рукопись (Л. 1—18) и беловая рукопись и машинопись окончательного текста доклада (Л. 43—65 и 28—42), отправленного 24 октября 1948 г. в журнал «Известия АН СССР. Серия истории и философии» для предполагавшейся публикации; подготовительные наброски к докладу «Византия и итальянцы в XIV в. (Константинополь в системе средневековой средиземноморской торговли и падение империи)» (Л. 92) и «Крупный центр и перекресток в системе торговли Средиземноморья»

⁵⁶ Скржинская Е. С. Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т. 2. С. 245—266. Подготовительные материалы, выписки из литературы, переводы источников см.: Оп. 1. Ед. хр. 118.

⁵⁷ Медведев И. П. Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // ВВ. 1977. Т. 38. С. 161—172.

⁵⁸ Успенский Ф. И. Следы писцовых книг в Византии. III. Окладной лист города Лампсака // ЖМНП. 1884. Ч. 231. С. 289—335.

⁵⁹ «Наброски для доклада на научной сессии ЛГУ (историческая сессия, 14 января 1947 г. суб. 53-я аудитория истфака)»: Оп. 1. Ед. хр. 124.

⁶⁰ Скржинская Е. Ч. Константинополь и северопрichernоморская периферия в XV в. // Пригласительный билет и тезисы докладов сессии Отделения 27—28 ноября 1947 года, посвященной вопросам византиноведения. М., 1947. С. 19. Наброски к докладу см.: Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 376—381.

(Л. 93); выписки из книги XVIII «Истории ромеев» Никифора Григоры о вражде Генуи и Венеции в 1348 г. (Л. 72—74) и разные выписки, касающиеся того же предмета (Л. 75—91).

Основной пафос доклада выражен автором достаточно определенно: «Разнообразные письменные источники и множество археологического материала... свидетельствуют о временах близкого — хозяйственного, политического, культурного и просто ежедневного бытового — общения Крыма, особенно его берегов, с Константинополем. Столица Византии, как один из крупнейших городов восточного Средиземноморья и крупнейший город всего Причерноморья, как город исключительного центрального положения и значения, притягивала черноморскую периферию, и сама, в свою очередь, находила в себе силы распространять на нее, в той или иной мере, свое влияние. ...Столичный византийский порт на Босфоре обуславливал вхождение Черного моря в систему моря Средиземного. Через Константинополь Причерноморье (и главным образом северное) включалось в эту систему, т. е. вступало в общение с рядом стран средневекового мира» (Л. 28).

Последовательно развернув историческую панораму вовлеченности Крыма в XII—XV вв. в систему средиземноморских отношений и отметив значение Нимфейского договора (которому посвящено отдельное исследование, см. выше) для судеб полуострова (Л. 8—9), исследовательница подытоживает: «Итак, в XII—XV вв. Крым был планомерно и с дальновидностью введен в систему средневековой мировой торговли и играл в ней первостепенную роль, пока были обеспечены пути: морские — через проливы и сухопутные — по степям. История Крыма в позднее Средневековье показывает, что его расцвет, все что он мог дать в эту эпоху через свое географическое положение и благодаря своим преимуществам и богатствам, властно требовал господства на проливах для приобщения его и лежащих за ним стран к еще более широкому миру. Эти проливы, запирающие и отворяющие Черное море, не могли контролироваться только Византией. В XIII, а тем более в XIV—XV вв. она потеряла возможность играть крупную роль в торговле, раскинутой по большей части морей, известных средневековому человеку и связанных Средиземным морем. Проливы, так или иначе, должны были выпасть из ослабевших рук тех, кому они принадлежали политически. Такую их судьбу и демонстрирует красноречивый пример из истории между Крымом и Константинополем в XIII—XV столетиях» (Л. 42).

В 1958 г. была задумана работа «Политика и экономика Византии в Северном Причерноморье в XII—XIII вв.», рассчитанная на 1958—1960 гг., «замысел [которой] сводится к следующим общим чертам: при Комнинах, когда начались и развернулись (неизбежные, но роковые для Византии в будущем) уступки империи в пользу растущей экономической экспансии итальянских приморских республик, одним из наиболее важных участков, на которых осуществлялись эти уступки, были берега (а, следовательно, и Hinterland) Черного моря с воротами к нему — Константинополем. На раннем этапе этих уступок (и встречного наступления итальянцев) империя стремилась извлечь выгоду для византийской экономики. Соответственно нуждам последней — помимо острых нужд иного порядка — развивалась и средиземноморско-черноморская политика Комнинов. С еще большей резкостью это, уже начатое, направление в экономике и политике наблюдалось и при первых Палеологах в конце XIII в. с той разницей, что если экономическая политика Комнинов была инициативной и творческой, то экономическая политика Палеологов (особенно Михаила VIII) была вынужденной и, по существу, пагубной для империи. В работе должны быть анализированы хрисовулы (начиная с 1155 г.) и свидетельства византийских нарративных источников, а также материал ряда латинских документов и хроник. В общую картину средневекового

экономического развития Северного Причерноморья, как области неотъемлемо входившей в систему Средиземноморья, включается и Киевская Русь (в меру возможности извлечь для этого некоторые свидетельства источников). Общие и частные выводы, а также наблюдения, достойные того, чтобы считаться новыми, еще не могут быть сформулированы».⁶¹

Были собраны материалы, относящиеся к этой теме, особенное внимание исследовательница уделила жалованным грамотам византийских императоров, подробно вникнув прежде всего в содержание хрисовула 1169 г. Мануила I Комнина, текст которого сохранился в греческой версии в составе хрисовула, данного Генуе императором Исааком Ангелом в 1192 г. О материалах, относящихся к хрисовулу 1169 г., речь шла выше в обзоре материалов о взаимоотношениях Византии и Италии.

25 ноября 1958 г. на пленарном заседании сессии Отделения исторических наук АН СССР по проблемам византиноведения, которое вел академик В. П. Волгин, Е. Ч. Скржинская представила постановочный доклад «Византийская политика в Северном Причерноморье в XII в.». Сохранились: рукописный текст доклада, тезисы в рукописном и машинописном виде, копия стенограммы доклада (Оп. 1. Ед. хр. 40).

В ходе работы был определен срок окончания первой части — декабрь 1962 г., уточнено название монографии — «Византия, Русь, генуэзцы на Северном Причерноморье в XII в.», содержание стало более конкретным, о чем свидетельствует собственноручная авторская записка, датированная 10 июня 1962 г.: «Гл. I. Торговые связи между Русью и Византией (Киев — Константинополь) в XII в.; гл. II. Торговые связи между Русью и Северным Причерноморьем (Киев — половецкие степи — Таврика — Матраха) в XII в.; гл. III. А. Общая политика Византии в Средиземноморье и отношение империи к итальянским торговым республикам (Венеция, Пиза, Генуя) в XII в. В. Политические отношения между Русью и Византией в XII в. (критика византийских и западноевропейских источников о «вассалитете» Руси); гл. IV. Первое проникновение генуэзцев в Северное Причерноморье (хрисовул Мануила I Комнина от 1169 г.)» (Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1). Через три месяца в записке, датированной 10 сентября, смысловой упор полностью переносится с Византии на Русь и расширяется временной период, охваченный в монографии: «Киевская Русь, Византия и генуэзцы в XII—XIII вв.» (Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 3). К этой монографии была подготовлена обширная, доведенная до 1980 г. библиография, озаглавленная «Русь, Византия и генуэзцы в их политических взаимоотношениях в XII—XIII вв.» (Оп. 1. Ед. хр. 57—58).

ВИЗАНТИЯ И РУСЬ. Взаимоотношения Византии и Руси занимали важное место в исследовательских интересах и трудах Е. Ч. Скржинской. Диапазон разысканий был широким и простирался от «попытки разгадать, что такое *Ρωσσία* в хрисовуле 1169 г.» (Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 2) до рассмотрения вопроса о «подчинении Руси Византией».

В подборке материалов «Рассмотрение названия *Ρωσσία* (в хрисовуле 1169 г.) 1) на Керченском проливе (именно на Таман. п-ве) 2) *Ρωσσία* = Киевская Русь» содержатся выписки из византийских авторов, сопровождаемые переводами на русский язык, касающиеся как первой локализации — в Тмутаракани, так и употребления слова во втором значении, употребление слова «Россия» арабскими и западноевропейскими средневековыми писателями, а также конспекты мнений исследователей: Ю. А. Кулаковского, А. В. Соловьева, Г. В. Вернадского, А. А. Спицына, А. Н. Насонова, Г. Г. Литаврина и других по этому вопросу (Оп. 1. Ед. хр. 42).

⁶¹ «Приблизительная аннотация к теме плана старшего научного сотрудника Института истории АН СССР Е. Ч. Скржинской на 1958—1960 гг. 12.V.1958»: Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 5—6.

К этому сюжету относятся также: выписки «О термине “Росия” — Ρωσία на печатях» с припиской «к статье о византийском посольстве 1163 г. в Киев» (Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 269—272); выписки «по поводу Ρωσία у Маврод.» (Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 140—141); тетрадь с выписками из работ отечественных историков, озаглавленная «Для Руси на юге. Ρωσία» (Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 143—159).

В архиве имеются также подготовительные тематические материалы, подвергшиеся лишь первичной систематизации: «Церковные отношения между Византией и Русью. Ложное понимание слова “гегемония” у византийских авторов (Приселков, Пл. Соколов)» (Оп. 1. Ед. хр. 41), «Походы русских князей (охрана купцов) — Ростислав, Мстислав; датировка походов» (Оп. 1. Ед. хр. 44), «Пути между Киевом и а) Константинополем б) Крымом и Таманским полуостровом. Залозный путь, солоный путь, греческий путь» (Оп. 1. Ед. хр. 50), о посольстве 1163 г. от императора Мануила I Комнина к киевскому князю Ростиславу Мстиславичу (Оп. 1. Ед. хр. 46—47).

Особо необходимо остановиться на обширной подборке подготовительных материалов к статье «Русские князья в Византии (XII в.)» (Оп. 1. Ед. хр. 51—55). Задавшись вопросом, «почему изгоняемые русские князья останавливались в своем выборе места изгнания на Византии» (Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 48), исследовательница ставит перед собой задачу: «В данной статье мы предлагаем — на основе перекрестного рассмотрения русских и византийских источников — опыт исследования двух княжеских изгнаний в Византию в 1129 и в 1161 гг. Мы объединяем этот опыт с анализом не выясненного до сих пор названия “Отскалана”, которым в летописи определена неизвестно где находившаяся “волость”, дарованная византийским императором одному из изгнанных князей, бежавших из Руси» (Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 2).

Работа была выстроена по следующему плану: «15.IV.73. План. — Связи Киевской Руси с Византией. — Высылка русских князей в Византию; данные Ипатьевской летописи, анализ текстов, относящихся к событиям XII в. 1 Почетная ссылка = нет, сами выбирают место 2 Сведения о причинах ссылки 3 Сведения о местах ссылки. — Города и волости, даруемые русским князьям на территории империи — братья вел. кн. Андрея Боголюбского (Василько и Мстислав, их мать и малолетний брат Всеволод). — Куда направлял византийский император сосланных русских князей — фема Παριστρίου, города на правом берегу Дуная. — Загадочное название волости: Отскалана. 1) Нелепое объяснение = “Аскалон” на сиро-палестинском побережье 2) Анализ названия: два слова; объяснение каждого из них (список городов) 3) Где могла быть От-Скалана (борьба с кочевниками; рассказы Скилицы, Анны Комнины и др.)» (Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1). К сожалению, эта статья, для которой был собран всесторонний и обширный материал и которая обещала стать исследованием, чрезвычайно интересным и глубоким не только по замыслу, но и по исполнению, осталась недописанной.

Осталось незавершенным и еще одно начатое исследование: «Подчинение Руси Византии», которое было задумано как «детальное опровержение мнения о подчиненности Киевской Руси Византии» (Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1). Пафос исследования разъяснен в наброске введения к статье: «Раньше изучения вопроса об отношениях между Византией и Русью в области политической и экономической следует рассмотреть вопрос, бывший предметом исследований ряда историков, а именно вопрос о возможности подвластного положения Киевской Руси, ее подчинения Византии. Собственно не было высказано ни одного обоснованного, твердо проведенного мнения о том, что древняя Русь подчинялась Византийской империи, но несколько данных источников, якобы свидетельствующих об этом отношении, даже будучи отвергаемыми, до сих пор остаются не до конца разъясненными и

именно в отрицательном смысле. Необходимо дать наиболее полное толкование этих свидетельств и попытаться окончательно установить их смысл, решив, таким образом, вопрос о политическом положении древней Руси в современной ей международной обстановке» (Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 150—151).

К этой же теме относятся записи, озаглавленные «*Минорский Hudud al'-Alam* (1937). *Идриси Jaubert'y, t. II*» и содержащие конспекты иноязычных переводов сочинений персидского географа X в.⁶² и арабского географа XII в.,⁶³ датированные исследовательницей 20 и 27 апреля 1955 г. (Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 126—139).

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЫМ и ИТАЛЬЯНСКИЕ МОРСКИЕ РЕСПУБЛИКИ ГЕНУЯ и ВЕНЕЦИЯ. В одной из своих заметок, датированной 28 декабря 1919 г., Е. Ч. Скржинская отметила: «Пришлось так, что занимаюсь я все полуостровами: исторически — Италией, археологически — Крымом, туристически — Норвегией» (Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 47).

ГЕНУЯ: о генуэзских колониях и крепостях в Крыму. К изучению средневекового Крыма и его памятников Е. Ч. Скржинская приступила в первые годы своей профессиональной деятельности. В датированном 4.X.1921 г. «*Curriculum vitae*» она пишет о том, как это произошло: «В 1919-м году проф. Васильев предложил мне заниматься в качестве научного сотрудника в Росс. Академии истории материальной культуры, в разряде древностей раннехристианских и византийских. Вначале мне был поручен вопрос по истории готского государства в Крыму, затем вопросы из истории позднего крымского средневековья, именно эпохи торговых итальянских колоний на крымском полуострове» (Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 18—18 об.). Об этом свидетельствуют и отчеты о деятельности ГАИМК: «Е. Ч. Скржинская приготовила исследование о системе генуэзских укреплений (Каффа, Солдайя, Чембало, Алхат, Чобан-Куле)»,⁶⁴ и ее собственноручные отчеты (Оп. 3. Ед. хр. 1), и заявления о поездках в командировки в Крым, и записные книжки, веденные там, и то, что она долгое время состояла ученым секретарем Крымской комиссии ГАИМК/ИИМК,⁶⁵ и сохранившиеся в архиве исследовательницы материалы.

Первые по времени датированные материалы представляют собой четыре пронумерованные тетради под общим названием «*Gazagia*» (так в генуэзских источниках называлась область, включавшая в себя Крым), содержащие выписки из источников и литературы. Тетради датированы 20 апреля—20 октября 1919 г. (в 4-й тетради есть также записи о поездке в Крым осенью 1923 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 2). Одним из последних, в которых она высказывает свои суждения об истории раннесредневекового Крыма, вероятно, является отзыв для редколлегии «Византийского временника» на статью Л. В. Фирсова «О положении страны Дори в Таврике» (1978), в которой автор обратился к одному из не вполне разрешенных вопросов истории раннесредневекового Крыма, а именно — к вопросу о локализации страны Дори, заселенной готами» (Оп. 1. Ед. хр. 212).

Следующие по времени записи относятся к докладу «об археологической карте Крыма», который она готовила к произнесению в ноябре 1920 г.: «План доклада

⁶² *Hudud al'-Alam*. «The regions of the World». A Persian geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. and explained by V. Minorovsky with the preface by V. V. Barthold. Oxford; London, 1937.

⁶³ *Géographie d'Edrisi / Trad. de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert*. Paris, 1840. Т. 2.

⁶⁴ *Фармаковский Б. В.* Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. // Сообщения ГАИМК. 1929. Вып. 2. С. 16. «Зимой 1926—1927 г. на известных “средах” — публичных общих собраниях ГАИМК в Мраморном дворце Е. Ч. Скржинская прочитала доклад “Итальянские замки в Крыму”» (см.: *Борисковский П. И.* Первые 30 лет Института археологии АН СССР // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1980. № 163. С. 6).

⁶⁵ Материалы, относящиеся к работе Е. Ч. Скржинской в Крымской комиссии, находятся в: Оп. 3. Ед. хр. 2, 3, 4, 5, 5а.

об археологической карте Крыма в разряде, 18.IX.1920», «Список названий для нанесения на археологическую карту Крыма (10-и верстку)», набросок текста «По поводу археологической карты средневекового Крыма. 20.IX.1920 суб.» (Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 175, 172—173, 115—125).

Через два года, 13 декабря 1922 г., в разряде археологии раннехристианской и византийской ГАИМК прочитан источниковедческий доклад «Латинский мир на Востоке (жизнь генуэзских поселений в Крыму по уставам XIV—XV вв.)», на обложке рукописи помечено: «Доклад 13.XII.1922 ср.» (Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 8—42 об.), на черновом фрагменте текста доклада также имеется помета: «к 17.XI.1922 пятн. разряд» (Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 110—111).

В 1927 г. она собирала материалы, сведенные под одну обложку с надписью «Casa di S. Giorgio», для работы по следующему плану: «Для плана. I) по Sieveking'у — S. G.⁶⁶ 1) подгот. явл. 2) возникнов. 3) деятельн. (не Банк) II) Генуэзск. торговля 1) колонизация 2) пути 3) устр. колоний, их назначение и смысл. III) «Эксплоатация» колоний 1) что получ. Генуя от колоний — и упадок 2) передача Банку и что он мог сделать для Крыма (Док. о передаче, док. об управл. выборы и инструкции) 3) падение колоний»; к одному из набросков плана приписано: «1. мысль: характер крымских колоний совсем особый, там нет эксплуатации страны и окружающего населения, как напр. на Кипре — сахарные плантации или в Фокее — добыча квасцов. 2. — неохотно взяли Крым пользы никакой а дож втайне хотел сохранить колоний» (Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 1, 6). В архиве имеется также текст доклада, подготовленного по этому плану, под заглавием «Генуэзский Банк св. Георгия и восточные колонии («Из истории раннего банковского капитала»)), датированный «15.V.1927 воскр.» (Оп. 1. Ед. хр. 114). Доклад, в силу особенностей доступной тогда исследовательнице источниковой базы, носил несколько общий характер и был основан главным образом на литературе. Только в наши дни, когда предпринята полная публикация описи архива банка и начиная с 1990 г. издается том за томом, становится возможным фундаментальное исследование деятельности этого финансового учреждения.⁶⁷

В июне 1927 г. она провела экскурсию по памятникам Крыма, сопровождавшуюся лекциями для студентов педагогического института, по маршруту: Феодосия, Судак, Ялта, Севастополь (Балаклава, Херсонес). В архиве имеются подготовительные материалы и тетрадь, содержащая собственноручные «Записи лекций, читанных руководителем Е. Ч. Скржинской во время Крымской экскурсии студентов Ин-та им. Герцена в июне 1927», а также «Заключительная лекция студентам Института им. Герцена, ездившим в экскурсию в Крым в июне 1927 г.», прочитанная 18 октября 1927 г. (Оп. 1. Ед. хр. 167: тетрадь в черной обложке). Там же лежат: материалы к лекциям о средневековом Крыму, которые она читала в 1939 г., и конверт с карточками, озаглавленный «Хронология для спецкурса “Северное Причерноморье” в XII—XV вв. ЛГУ, 1946—47 уч. год, весеннее полугодие», и билеты для экзамена по этому спецкурсу.

В 1929—1932 гг. ею была полностью подготовлена к изданию объемистая рукопись (236 л.), озаглавленная «История генуэзских поселений в Крыму», на обложке которой имеется собственноручная авторская запись: «Июнь 1978 г. просмотрено, проверены страницы и вставки на отдельных листках. Всего рукопись содержит 300 страниц, писанных моим почерком, не ранее 1929-го года и не позднее 1931/32 гг. Послано prof. Ettore Lo Gatto, им переведено на ит. язык и издано

⁶⁶ Sieveking H. Die Casa di San Giorgio. Fr. in B. 1899.

⁶⁷ Inventario dell'Archivio del Banco di San Giorgio (1407—1805) / Sotto la direzione di Giuseppe Felloni. Roma, 1990. Всего предполагается издать 7 тематических серий (vol. 1—7) по несколько томов в каждой; уже вышли по 6 томов третьей и четвертой серий.

в *Europa Orientale* в 1934 г.» (Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1). Один раздел этой работы — глава 2 «Феодосия», был опубликован в продолжающемся издании Института по изучению Восточной Европы в Риме,⁶⁸ где работал Э. Ло Гатто (правда, в письме Э. Ло Гатто от 6 октября 1932 г. из Рима речь идет о первой главе: «avro tradotto il primo capitolo») (Оп. 4. Ед. хр. 180. Л. 1), и машинописный текст итальянского перевода этой главы также хранится в архиве (Оп. 1. Ед. хр. 17). Полностью работа по-итальянски, насколько нам известно, не была опубликована по причинам, которые проясняет письмо Э. Ло Гатто из Рима от 25 января 1935 г.:

«Non ho nulla da perdonarLe; il colpevole sono piuttosto io che dopo il nostro incontro a Leningrado non mi son più fatto vivo per la pubblicazione del Suo lavoro sulle Colonie genovesi in Crimea. Effettivamente una parte del lavoro è stata pubblicata nella rivista “Europa Orientale”, ma la pubblicazione non ha avuto seguito perchè attendevo le correzioni che Ella aveva promesse e che avrei dovuto sollecitare. La Sua lettera con tutte le preziose osservazioni che contiene, mi ha fatto immenso piacere e seguendo le Sue indicazioni corregerò definitivamente il testo italiano e provvederò alla pubblicazione del lavoro che potrà perciò essere pronto dentro il primo semestre di quest’anno» (Оп. 4. Ед. хр. 180. Л. 2).

К этой теме относятся также: перевод главы 12 из книги XIII «Истории ромев» Никифора Григоры «о Кафе», сделанный по боннскому изданию (С. 683—686) (Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 156—158); выписанные в разные годы, но по большей части в 20-е, многочисленные выдержки из всех доступных источников (генуэзских анналов и уставов, уставов заморских колоний Генуи) и конспекты литературы, касающиеся генуэзских колоний в Крыму, средневековых крепостей вообще и крымских в частности (Оп. 1. Ед. хр. 3, 4, 6; Ед. хр. 137. Л. 100—219: общая тетрадь); описания, чертежи и зарисовки генуэзской крепости в Судаке, выполненные в 1925 г.,⁶⁹ блокноты и записные книжки с различными записями, сделанными в библиотеках, а также во время поездок в Крым и Одессу в тамошних музеях и архивах, как, например, блокнот о Балаклаве за 23—26 августа 1926 г. и записные книжки, озаглавленные «Судак 1928» (Оп. 1. Ед. хр. 12; книжка содержит записи об экспедиции в Судак 1 июля—11 августа 1928 г., в состав которой входили: Ю. В. Готье (заведующий), Н. Б. Бакланов, М. А. Тиханова, Е. Ч. Скржинская) и «Судак 1929» (Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 31—97), записи «О работах экспедиции в Судак в 1928 VII—VIII. Генуэзская крепость. 2.XI.1928 птн» (Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 260—277), тетрадь «Раскопки в Судаке авг.—сент. 1929. Дневник раскопок Е. Ч. Скржинской» (Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 198—248).

Одному документу из Архива СПБНИИ РАН (3. е. с. Колл. 4 «Материалы по истории отдельных городов и областей Италии». Картон 137. Ед. хр. 4) посвящены транскрипция и выписки в тетради, озаглавленной «Генуя. Хиос (1347) 4/137 = архив ЛОИИ» с припиской на обложке, объясняющей интерес исследовательницы к этому документу: «упомянуто “officium Gazarie”» (генуэзское ведомство крымских колоний) (Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 263—285). Речь идет о генуэзском акте, составленном, судя по приписке на обороте второго листа, в 1300 г. генуэзским нотарием Пелегрино де Брачеллис и записанном на двух бумажных листах, отделенных от регистра нотариа.

⁶⁸ Skrzinska E. Le colonie genovesi in Crimea (Cap. II: Teodosia) // *L’Europa Orientale*. 1934. Т. 14. P. 213—234.

⁶⁹ Оп. 1. Ед. хр. 7 («Чертеж по частям Судакской крепости на 33 листах. 21.VII.1925 вт. Мраморный дворец» — Л. 107—136; «Судак. Описание крепости. VII.1926», составленное «по записям, сделанным в Судак в 1925 г.» — Л. 137—164; «Общее о крепостях (перед описанием крепости в Судак)» — Л. 165—181 об.; «Тезисы 2-х моих докладов на Керченской конференции в сентябре 1926 г.: 1. Судак — памятник западного средневековья в Крыму, 2. Латинские надписи из генуэзских колоний в Крыму. 15.VII.1926» — Л. 182—183 об.). В записи от «22 октября 1925 г. четв.» Е. Ч. Скржинская отметила: «К. К. Романов рассматривает мой план Судака» (Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 150).

К этой же теме относятся выписки из литературы о хане Ногае, сделанные в тетради, на обложке которой имеется пояснительная запись: «Важно для Судака. Судак разрушен Ногаем — генуэзцы взяли пустое, не привлекавшее никого место (Е. С.)», а на первой странице помечено: «8.IV.1945 птн. Последний раз была в Ленинской библиотеке» (Оп. 1. Ед. хр. 123). К истории Судака относится также тетрадь с выписками из литературы, озаглавленная «Ист. Судака. Доконч. о Зол. Орде и Крыме. Освет. путеш. XIII и нач. XIV в.» (Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 136—165).

В статье 1940 г., в которой обосновывается важность для преподавания истории в высшей школе «источников, пока что почти неиспользуемых», речь идет именно «о памятниках материальной культуры, в частности о монументальных памятниках, сохранившихся на месте и таким образом составляющих до сих пор живой, нетронутый — поскольку его пощадили время и поток человеческой жизни кругом — кусок исчезнувшего прошлого», это положение опирается именно на средневековые генуэзские памятники в Крыму.⁷⁰

Этой же теме были посвящены два специальных курса, которые она вела в университете: «Генуэзские торговые фактории на Черном море» — во втором полугодии 1938/39 учебного года, а затем, расширив его, «Итальянские торговые фактории на Леванте (преимущественно — генуэзские фактории в Крыму) в XIII—XV вв.» — во втором полугодии 1946/47 учебного года. План второго спецкурса состоял из 11 частей (приводится в сокращении): «1. Итальянские коммуны в XII—XIII вв. и в частности — внутреннее устройство приморских республик Венеции, Пизы и Генуи... 2. Венеция и ее давние связи с Византией... 3. Генуя и ее устремление... 4. Пера и Византийская империя... 5. Неразрешившаяся борьба между Генуей и Венецией за торговые станции Северного Причерноморья... 6. Очерк истории Крыма в средние века... 7. Генуэзские и венецианские торговые станции на берегах Черного и Азовского моря... 8. Памятники генуэзских и венецианских факторий... 9. Внутреннее устройство и управление крымскими факториями. Их окружение (золотоордынский мир). 10. Торговые пути от берегов Черного и Азовского морей и текущие по ним товары... 11. Падение итальянских факторий на Леванте»; в архиве имеются также материалы к занятиям и конспекты прочитанного о Генуе (Оп. 1. Ед. хр. 171), выписки из сочинения Рубрука, относящиеся к истории Судака, переводы соответствующих мест (Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 50—54). К этим двум курсам тематически примыкает специальный курс, читанный ею в первом семестре 1940/41 учебного года, «Латинский Восток», для которого был составлен рабочий план и подготовлено пять пронумерованных тетрадей материалов (Оп. 1. Ед. хр. 172).

О средневековой крымско-генуэзской эпиграфике говорится далее в разделе «Средневековая эпиграфика».

ВЕНЕЦИЯ. К разработке темы, названной ею в рабочих записях «Венеция и Левант», Е. Ч. Скржинская только подступалась: были сделаны обширные выписки из документальных публикаций и литературы (Оп. 1. Ед. хр. 122, 173: 4 тетради выписок и конспектов, датированные 1941 г.), в том числе касающиеся взаимоотношений Венеции с Генуей (Оп. 1. Ед. хр. 123: выписки из «Генуэзских анналов Андреа Дандоло»; Ед. хр. 173: два рукописных варианта текста без заглавия, трактующего взаимоотношения Венеции, Пизы и Генуи в Средиземноморье). Среди 3 тетрадей с подготовительными материалами для курса лекций по истории средневековой Италии, который она читала в 1941 г., есть текст вводной лекции, которая переросла в рассказ (к сожалению, неоконченный) о своеобразии Венеции, начинающийся

⁷⁰ Скржинская Е. Ч. Неиспользованный источник преподавания истории // Вестник высшей школы. 1940. Т. 10.

словами: «Среди городов-коммун, а затем синьорий северной Италии совершенно особое место принадлежит Венеции, городу, который, по словам одного раннего средневекового писателя (Кассиодор), до того удивителен, что более похож на обиталище водяных птиц, чем на человеческое жилье» (Оп. 1. Ед. хр. 176: тетради озаглавлены соответственно «Италия-интродукция», «Италия I» и «Италия II "Italia" и отсутствие единства»).

К этой теме примыкают также выписки из литературы, сделанные в тетради под заглавием «Лат. Греция и Архипелаг» (Оп. 1. Ед. хр. 176).

ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ. Этой теме — связи южной Италии как с Западом (норманны), так и с Востоком (Византия), посвящен самый ранний из сохранившихся в архиве текстов Е. Ч. Скржинской — текст доклада, прочитанного ею 12 февраля 1918 г. (место не указано, только помечено: «Нач. 2.II.1918», «Конч. 7.II.1918» и «Доклад был 12.II.1918»): «Паломничества в Monte-Cassino и Monte-Gargano и отношение между 2мя святилищами (приблиз. до XI в.)» (Оп. 1. Ед. хр. 91а. Л. 1—20). Замысел появился годом раньше, как свидетельствует запись на листке с библиографическими выписками, датированном «24.IV.1917»: «Вопрос о святыне Монте Кассино. Борьба латинской и византийской церковной культуры. Паломничества» (Оп. 1. Ед. хр. 91а. Л. 23).⁷¹ Но затем она переключается на другие темы.

С этим связаны заметки на двух листках, заслуживающие того, чтобы привести их полностью: «*Южная Италия с норманнами и Византия.* Тогда как до этого, ю. Италия с лангобардами и Византия. Следовательно время, начиная с XI в. — м. б. правда нужно для предварительного освещения X в. — он богат историей влияния греч. монах. — и тут совершенно неразработанная область житий васил. монахов и большой вопрос столкновения греческой и латинской культур — но не потребует ли эта область всего времени и серьезной исторической работы — *следует ли поддаваться мало-определенному желанию заняться более поздним временем, и стремиться к ю. Италии XI в. и позже?* Привлекает больше расцвет всякий, — хочется, чтобы и *папство* было уже могучим и самостоятельным и *религиозная жизнь* больше бы себя осознала и *гений человеческий* вышел бы из сравнительной темноты IX—X веков. Оперлась на слова Gay — в Conclusion — хотела заниматься норманнами и Византией. Но вполне ли правилен вообще прием, с которым я подхожу к интересующему моменту — *a priori ego намечаю, нащупываю воображением* и хочу извлечь его из источников — т. е. изучить — и натываюсь на не соответствующие моим ожиданиям выводы — не потому, что они оказываются противоположными моим предположениям априорным, а потому что они или малы (так вышло со Львом Остийским) (Лев Остийский — автор монте-кассинской хроники «Chronica Monasterii Cassinensis», над изучением которой Е. Ч. Скржинская работала в июле—августе 1918 г. Оп. 1. Ед. хр. 146 — А. В., Л. К.), или мало доступен материал, т. к. скуден или недосыгаем для меня (надо лучше знать греческий язык, м. б. нужно арабский, во многих случаях надо знать формы византийской администрации и т. д.). Исходить из одних источников без предварительной своей мысли, идеи, стремления — тоже, мне думается, неправильно — но не следует ли соединить эти два пути вместе? — и вообще у меня тенденция спрашивать, чтобы не терять самой времени в поисках» (Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 23—24 об.). Эти заметки сделаны, по-видимому, в феврале 1919 г., поскольку за ними следует другая запись, датированная 17 (4) февраля 1919 г.: «Была у А. А. (Васильева. — А. В., Л. К.) с некоторыми вопросами — изложены на нескольких бумажках — главный из них был о способе подхода к работе — исходить ли из априорной мысли или из того только, что может дать данный источник — и не получила, в общем,

⁷¹ См. также «Отчет о занятиях с IX.1918 по IX.1919»: Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 35 и др.

определенного ответа» (Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 25). Эта же тема развивается и в черновике «1-й отчет летом 1919 г.» (Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 33—33 об.), и в других записях этого времени, содержащих основные сюжеты, относящиеся к истории южной Италии.

Сперва зимой 1918/19 г. готовит материалы и пишет текст «предполагаемого краткого доклада» на тему: «Политика папы Адриана и его территориальные приобретения в Беневенте», предметом которого «является вопрос о территориальных приобретениях п. Адриана в южн. Италии в связи с *promissio donationis* Карла Вел. 774 года, прослеживаемый главным образом по письмам Адриана от 775—по 790 г.» (Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 30—58). Текст доклада Е. Ч. Скржинская дала на рассмотрение двум людям, мнением которых дорожила: «Прочтено 24 (11) III.1919 Л. П. Карс<авин>у. Особых замечаний не было никаких, что не означ. что их и не мож. быть. До этого просмотрено О. А. [Добиаши-Рождественской] — белгий но одобрительн. отзыв» (Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 30). Высказанные «Замечания О. Ант. По поводу доклада о Карле и п. Адриане» записаны на отдельном листке (Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 5).

Затем Е. Ч. Скржинская записывает: «2.II.1920 г. оставила пока *Trinchera*'у (южно-ит. греч. грамоты — для *Monte-Cassino*)⁷² и св. Януария (для культа лат. святых в южн. Ит.) — и начала заниматься 13 век. в ю. Ит. — Фридрихом II Гогенштауфеном» (Оп. 1. Ед. хр. 91а. Л. 25, 41—50: выписки датированы 23—24 января 1920 г.). Составляется список «Книги для Фридр. II Гогенштауфена», содержащий 20 названий и выписки, с припиской «прочтено» (Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 472—483), а также выписки, озаглавленные «Выдержки из источников для Fr. II» (Оп. 1. Ед. хр. 91а. Л. 77—97), и выписки, сведенные под общей обложкой «Fr. II» (Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 145—161). На предварительной стадии работы исследовательница поставила себе задачу «за известный период 1220—1230 прочесть... просм<...> свести конспективно в общую картину. писать» и частично выполнила ее: сохранился текст неоконченной работы без заглавия с пометой «V.1920 СПб.», состоящий из введения и двух глав и начинающийся словами, выражающими пафос исследования: «Фридрих II Гогенштауфен — германский император и сицилийский король — представляется одним из самых видных деятелей и вместе величавых образов средневековья» (Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 162—257).

В июле 1921 г. ею был сделан доклад «Освящение пасхальной свечи и гимн *Exultet* в средневековой западной церкви», тему которого она обосновала следующим образом: «Выбор моей темы обусловлен тем, что я нашла возможным выделить ее для отдельного доклада из изучаемых мною матерьялов по истории южной Италии и представить эту работу в виде реферата, подходящего к заданиям семинария по средневековому церковному быту и его матерьяльным памятникам» (Оп. 1. Ед. хр. 148). План работы состоял из двух частей: «I. *Часть литургическая*. 1. Богослужение в последние 3 дня Страстной недели. 2. Обряд освящения огня (где, как происходил и как давно) — перенесение в Рим и обряд там. 3. Символика освящения огня. 4. Молитвы, сопровождающие обряд. 5. *Vetus Itala* и *Vulgata* текста *Exultet*. 6. Распространенность *Exultet* в Италии по *mss* миссалов и сакрамент. 7. Перевод *Exultet*. II. *Часть иконографическая*. 1. Особенности освящения пасхальной свечи в южной Италии. 2. Памятники матерьяльной культуры от этого обряда: а) амвоны и канделябры в) свитки с миниатюрами». Как видим, и для этой работы исследовательница выполнила перевод источника.

⁷² *Trinchera F. Syllabus graecorum membranarum. Neapoli, 1865*. Выписки из этого издания: Оп. 1. Ед. хр. 91а. Л. 51—61. См. также библиографические заметки и выписки под заглавием «Греч. докум. из Ю. Италии», «Термины из южно-ит. частных актов», датированные февралем—мартом 1924 г. (Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 102—117, 118—119).

К тому же времени и региону относятся и материалы об епископском посохе, собранные в тетрадке под названием «*Vasculus*» (Оп. 1. Ед. хр. 149).

После этой работы Е. Ч. Скржинская готовит исследование «Определение и датировка Мессинской договорной записи», которое, по замыслу исследовательницы, укладывалось «в серию очерков по византийскому быту в ю. Италии»: сперва делает сообщение о ней в разряде 9 мая 1924 г., затем 17 июня текст его передает ученому секретарю ГАИМК Б. В. Фармаковскому для возможной публикации (Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 1—130: под общей обложкой, озаглавленной «Мессинская грамота и попутный материал»). Кроме этого, в архиве сохранилась авторская копия текста статьи с пометой красным карандашом: «Послано Ал. Ник-чу для пересылки *Lo Gatto* 27.VII.1931» (Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 131—138), раскрывающей то, каким путем статья оказалась опубликованной в итальянском журнале, да и то только через 11 лет после ее написания.⁷³

Вскоре она вновь обращается к изучению грамот, опубликованных Франсиско Тринкерой, о чем свидетельствует подборка материалов под общей обложкой, озаглавленная «Греч. частно-юридич. акты из южн. Италии. Мрам. Дворец 1924 г.» (Оп. 1. Ед. хр. 92). Некоторые результаты предпринятого изучения этих грамот были ею доложены в разряде ГАИМК. Под обложкой с записью «*Instrumenta dotalia*» и пометкой «прочитано в разряде 11.VII.1924 птн.» находится текст сообщения, озаглавленный «Заметка о предметах материальной культуры из византийской Южн. Италии (по брачным договорам из *Syllabus graecarum matrimoniarum Trinchera*)», в которой говорится о 66 предметах из 13 документов, и выписки к ней (Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 96—114, 115—135). В одной из книг библиотеки СПбИИ РАН нашлись вложенные между страниц листы с выписками, показывающие, что брачные договоры как вид документа и через 40 с лишним лет привлекали интерес исследовательницы. Эти листы содержат сопровождаемые переводом и аннотациями тексты генуэзских документов начала XV в., опубликованных Марией Луизой Баллетто.⁷⁴

Вскоре Е. Ч. Скржинская с целью «познакомить разряд с материалом и ходом ежедневной, текущей работы» делает еще одно сообщение, основанное на вышеупомянутых грамотах, текст которого вместе с выписками озаглавлен «*Testamenta*», содержит разбор 9 завещаний XII—XIII вв. и сопровождается пометой: «Сообщено в разряде 1.VIII.1924 птн.» (Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 76—85, 86—95).

ИТАЛИЯ И РУСЬ. В архиве имеются 4 папки, озаглавленные «Венеция — Москва» (Оп. 1. Ед. хр. 88—91). В одной из них, имеющей также подзаголовок «К истории итало-русских связей в конце XV в.», находится законченная работа, относящаяся к одному из важнейших вопросов русской истории: судьбе византийского наследства и политическим предпосылкам возникшей позднее идеи «Москва — третий Рим». Работа предположительно должна была называться «Венеция—Москва» (Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 170: «упомануть в статье “*Венеция—Москва*”»), на обложке папки она названа «1) *Очерк* об Иване Фрязине и Иване Тривизане», а на отдельных листах определенная автором как «Оторванная от “Барбаро и Контарини о России” часть работы, заключающая тему об Иване Тривизане и Софье Палеолог. И венецианские документы (в связи с Иваном III)» — на листке при собственноручной рукописи и «Иван Тривизан (отделено от V-й главы Барбаро)» — на листке при машинописном тексте (Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1а, 60а).

Ясно, что в результате работы над изданием «Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.» (Л., 1971) (выписки из русских летописей,

⁷³ Skrzinska E. *Esame e datazione del contratto di Messina conservato nel codice Sinaitico* // *Studi bizantini*. 1935. T. 4. P. 141—151.

⁷⁴ Balletto M. L. *Il «Liber privatus» di Giovanni da Diano (1392—1419)* // *Documenti sul Quattrocento genovese*. Genova, 1966. P. 5—147 (Fonti e studi di storia ecclesiastica. IV).

означенные автором как «Летописи», см.: Оп. 1. Ед. хр. 162; подготовительные материалы к этой публикации см.: Оп. 1. Ед. хр. 81—84) выделится в самостоятельную тему сюжет о браке Ивана III с византийской царевной и о роли в этом деле папы Павла II (венецианца Пьетро Бальбо) и венецианцев Джованни Баттиста Вольпе (Ивана Фрязина), «денежника» — откупщика московского Монетного двора, и связанного с этим сюжетом дела Джованни Баттиста Тревизана (Ивана Тревизана), посланника к татарскому хану.

Как обычно, были сделаны обширные выписки из источников (византийских писателей, в частности «Хроники» Георгия Сфрандзи,⁷⁵ и итальянских документов и анналов) и литературы и подготовлены комментированные переводы соответствующих мест (Оп. 1. Ед. хр. 89). Прежде всего это «Венецианские документы 1473 г.», содержащие два постановления Совета приглашенных от 21 июля и 20 ноября, и два письма от 4 декабря — Ивану III и Ивану Тревизану, опубликованные Энрико Корнетом, но мало учтенные исследователями.⁷⁶ Не найдя этой книги в отечественных библиотеках, Е. Ч. Скржинская запрашивает фотокопии соответствующих страниц в Венеции и обращается в Государственный архив Венеции с просьбой прислать копии подлинных документов, опубликованных Э. Корнетом. Копии были получены и находятся в архиве исследовательницы (Оп. 1. Ед. хр. 90). В сопроводительном письме Луиджи Ланфранки, директора Государственного архива Венеции, от 2 декабря 1968 г. содержится также и важные указания об отсутствии в опубликованном тексте имен лиц, внесших предложение в Совет, а в регистре — результатов голосования, а также разъяснения по дипломатике дожеских грамот (*ducali*) и порядку ведения регистров в дожеской канцелярии: «Ella potrà constatare che l'edizione del Cornet è in tutto conforme agli originali, con le solo omissioni dei nomi dei proponenti la parte, segnati a margine all'inizio. Riguardo alle due ducali del 1473, 4 dicembre, il registro non riporta la votazione. Le ducali, approvate dal Senato, venivano poi spedite sotto forma di lettere in nome del Doge. Al testo trascritto a registro si aggiungevano allora l'*intitulatio* e l'*inscriptio* al principio; la *datatio*, la sottoscrizione del Segretario e la bolla plumbea alla fine, omettendo il numero dei voti riportati» (Оп. 3. Ед. хр. 17, в ответ на письмо от Е. Ч. Скржинской от 27 августа 1968 г.). Последняя фраза отчеркнута Е. Ч. Скржинской с пометой нотабене. «Очерк об Иване Фрязине и Иване Тревизане» опубликован через 30 лет под заглавием «Московская Русь и Венеция времен Ивана III».⁷⁷

Для работы «Венеция—Москва» переведены также места из венецианских «Анналов» Доменико Малипiero,⁷⁸ содержащие известия «1) О посольстве Семена Толбузина в Венеции в 1474 г. 2) О посольстве братьев Ралевых в Венеции в 1488 г.», второе из которых было использовано для отдельного исследования. Первоначально его результаты были изложены в виде доклада на заседании VIII Всесоюзной сессии византинистов в Свердловске 21 октября 1969 г. (Оп. 1. Ед. хр. 91).

⁷⁵ О создании Макариосом Мелиссеносом на основе подлинной «Хроники» Г. Сфрандзи обширной компиляции, долгое время считавшейся расширенной редакцией («*Chronicon maius*») этого произведения, см.: Медведев И. П. О подделке византийских документов в XVI в. // ВИД. 1969. Т. 2. С. 279—280. Установление факта подделки не снимает, однако, вопроса о тех источниках, которые использовал создатель «Псевдо-Сфрандзи», и этот вопрос рассматривается исследователями.

⁷⁶ *Le guerre dei Veneti nell'Asia 1470—1474. Documenti cavati dall'Archivio ai Frari in Venezia e pubblicati per Enrico Cornet. Vienna, 1856, documenti 77, 85, 90, 91.* Опубликовано в приложении к: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье / Подгот. текста к печати М. В. Скржинской и Н. Ф. Котляра; Вступ. статья Н. Ф. Котляра. СПб., 2000. С. 249—257.

⁷⁷ Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. С. 180—237.

⁷⁸ *Annali veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero // Archivio storico italiano. 1843—1844. T. 7. P. 106, 310.* Опубликовано в приложении к: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. С. 258—259.

Л. 64—70: краткое содержание («тезисы») доклада в Свердловске 21 октября 1969 г.), а затем в 1972 г. опубликованы.⁷⁹

К истории русско-итальянских отношений примыкают также отложившиеся в архиве исследовательницы подготовительные материалы к работе о русской серебряной монете последней четверти XV в. с надписью «Аристотель», о которой речь далее — в разделе «Эпиграфика».

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЭПИГРАФИКА. Собственноручный «Curticulum vitae», составленный 29 декабря 1926 г., содержит указание на то, что работа по крымско-генуэзской эпиграфике была начата и велась по заданию ГАИМК, была рассчитана на три года и предусматривала две командировки (Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 34). Сохранилось множество различных материалов, связанных с подготовкой свода генуэзских надписей Крыма, затем публикацией надписей, найденных после издания свода. Все эти материалы свидетельствуют, что «задание» превратилось в одно из пожизненных исследовательских увлечений.

К собиранию этих материалов Е. Ч. Скржинская приступила в 20-е гг., поскольку 30 января 1925 г. датированы доклад «Генуэзские надписи» и относящееся к нему «Резюме для протокола» (Оп. 1. Ед. хр. 13). Затем она занялась систематическим обмерами, снятием эстампажей и чтением надписей: в Феодосийском музее, в Судакской крепости, в Одесском археологическом музее, в Павловске (Оп. 1. Ед. хр. 8). Имеется отдельная папка под авторским заглавием «Подготовка работы о генуэзских надписях в Крыму, (1926—27 гг.) в 1925 г. работа в Феодосийском музее, в Судакке на крепости; начало изучения генуэзских надписей» (Оп. 1. Ед. хр. 9; в папке находятся: копия плана Судака, снятого А. Л. Бертье-Делагардом, описание 22 датированных и 4 недатированных феодосийских надписей на постройках, 13 феодосийских надгробных надписей, 2 балаклавских надписей, находящихся в Генуе, 13 судакских надписей). В вышеупомянутом докладе о банке св. Георгия также есть отдельная страница, озаглавленная «к надписям» (Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 28).

Были собраны подготовительные материалы для доклада о надписях, подготовленного и прочтенного на конференции в Керчи 6 сентября 1926 г.: «Тезисы 2-х моих докладов на Керченской конференции в сентябре 1926 г.: <...> 2. Латинские надписи из генуэзских колоний в Крыму. 15.VII.1926» (Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 183—183 об.) и «“Надписи” для съезда» (Оп. 1. Ед. хр. 11). Тезисы уместно воспроизвести полностью, поскольку их содержание показывает, что работа по подготовке к изданию свода была в основном уже проделана: «Крымские генуэзские надписи — самостоятельная и достаточно цельная группа памятников. Материал, шрифт и формулы. Сохранность имен, историческая ценность надписей и особенно их значение для объяснения как сохранившихся, так и исчезнувших построек. Точное пополнение списков кафедральных консулов и отражение административной системы крымских колоний. Разбор главнейших надписей, новое чтение и новые догадки. Полный материал для первого исчерпывающего критического издания крымских генуэзских надписей».

Среди материалов: перечень генуэзских плит, хранящихся в Археологическом музее в Одессе, от 15 марта 1925 г. (Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 96), письмо сотрудника этого музея М. Ф. Болтенко (Оп. 1. Ед. хр. 66) и заметки об этих плитах, датированные сентябрем 1947 г. (Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 93—100); материалы о судакских надписях (Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 75—108; Ед. хр. 9. Л. 29—31 об.); рукопись доклада и статьи «Обработка средневековых эпиграфических памятников», датированная

⁷⁹ Скржинская Е. Ч. Кто были Ралева, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV в.) // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 267—281. Перепечатано в: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. С. 158—179.

8 июля 1946 г. (Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1—15 и далее); материалы для указателя имен, упоминаемых в генуэзских надписях Крыма (Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 108—193); 4 письма о судакских надписях от Н. Ф. Лапина из Москвы за 16 декабря 1926—13 июля 1927 г. (Оп. 1. Ед. хр. 10—11)⁸⁰ и другие материалы и заметки.

Уже в 1925 г. Е. Ч. Скржинская начала предпринимать усилия для издания свода надписей, вступив с этой целью в переписку с разными лицами в Италии (Оп. 4. Ед. хр. 30, от 29 и 30 сентября 1925 г.); редакцией журнала «Archivio storico italiano» — сохранились отпуски ее писем к секретарю редакции Б. Барбадору и его ответы (Оп. 4. Ед. хр. 2, 53). Усилия дали плоды — издавать свод взялось Лигурийское общество отечественной истории, о чем свидетельствует переписка за 1925—1928 гг. с председателем Общества Алессандро Латтесом (Оп. 4. Ед. хр. 22 и 171) и секретарем Общества Франческо Поджи (Оп. 4. Ед. хр. 33 и 229), а главное — напечатанный в 1928 г. в Генуе свод.⁸¹

Выходом в свет свода на французском языке в Генуе исследовательница не удовлетворилась и не только продолжала собирать материалы (Оп. 1. Ед. хр. 24: крымские надписи — Феодосия, Судак, Мангуп, Херсонес, 1948—1958 гг.) и публиковать новооткрытые памятники,⁸² но не оставляла надежды издать свод на русском языке. Сохранилось ее письмо к А. М. Панкратовой от 16 сентября 1954 г. о «возможности издания на русском языке “Латинских генуэзских надписей Крыма” (около 70) XIV—XV вв.». Независимо от хода дела исследовательница продолжала надеяться на осуществимость русского издания и работать над сводом. Впечатляющим свидетельством этой работы остался авторский экземпляр генуэзского издания 1928 г., распухший от дополнений (вплоть до 1978 г.) и сопровождающийся авторской запиской: «Генуэзские надписи в Крыму. Изд. 1928 + нарощие впоследствии добавления и исправления. Все свести в русское издание!! Может быть в 1967 г.?» (Оп. 1. Ед. хр. 16).

Интерес исследовательницы к средневековой эпиграфике не ограничивался ни генуэзскими надписями, ни Крымом. Она готовила для монографии «Аккерманская крепость» главу «Эпиграфика», в том числе этюд «о пропавшей греческой надписи из Аккермана с начальным словом “τελος”», которую исследовательница датирует 1397 г. (Оп. 1. Ед. хр. 29). Опубликованы работы по греческой и латинской эпиграфике, подготовительные материалы к которым сохранились в архиве исследовательницы: о греческих надписях из Тмутаракани⁸³ и с Северного Кавказа.⁸⁴ Подготовительные материалы к северокавказской надписи помещены в конверт с надписью «Зеленчукский крест. Найден летом 1960 г. В. А. Кузнецовым в одном из храмов на верхнем Зеленчуке (левый приток Кубани)», один из набросков озаглавлен «Греческая надпись 1067 г. на бронзовом кресте с Северного Кавказа» (Оп. 1. Ед. хр. 162). В конверте также находится письмо от В. А. Кузнецова, датированное 30 мая 1961 г., в котором он, в частности, пишет: «Я как автор раскопок

⁸⁰ См. также: Лапин Н. Судак. 1928.

⁸¹ Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928 (Atti della Società Ligure di storia patria. T. 56).

⁸² Скржинская Е. Ч. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. Переведено и издано в Италии: Skrzinska E. Iscrizioni genovesi di Sudak // Miscellanea storica ligure. 1963. Vol. 3. P. 59—67. Подготовительные материалы к этой публикации, относящиеся к 1954—1958 гг., см.: Оп. 1. Ед. хр. 30, 31; переписку с П. Н. Шульцем, заведующим отделом археологии Крыма Института археологии Академии наук, и работниками издательства «Наука» О. Д. Дашевской и А. И. Смирновым см.: Оп. 3. Ед. хр. 29; Оп. 4. Ед. хр. 314.

⁸³ Скржинская Е. Ч. 1) Греческая надпись из Тмутаракани // ВВ. 1961. Т. 18. С. 74—84; 2) Половцы: Опыт исторического истолкования этникона: Из архива ученого // ВВ. 1986. Т. 46. С. 255—276. Перепечатано в: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. С. 90—113.

⁸⁴ Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ) // ВВ. 1962. Т. 21. С. 118—126.

разумеется не возражаю против Вашей статьи, наоборот — приветствую ее и хочу скорее держать ее в руках (будучи уверен в том, что Вы подарите мне отгиск!). У меня только одно небольшое пожелание — не лучше ли печатать Вашу статью после того, как Вы лично посмотрите памятник?».

Исследование, основанное на северноморско-венецианском эпитафическом памятнике — латинской эпитафии 1362 г. из Таны (нынешний Азов), было также переведено и издано в Италии на следующий же год после публикации в «Византийском временнике».⁸⁵ Текст письма Е. Ч. Скржинской в Музей истории донского казачества в Новочеркасске от 5 февраля 1971 г. и приложенная к нему записка И. Г. Спасского позволяют узнать предысторию этого исследования: «Проф. Ив. Георг. Спасский (Эрмитаж), разбиравший после войны нумизматическую коллекцию Новочеркаского музея, показал мне — на одной из таблиц неоконченного издания каталога Х. И. Попова (Харитон Иванович) — изображение каменной плиты с 8-ми строчной латинской надписью от 19 августа 1362 г. и гербом. Будучи специалистом по средневековой эпитафике Сев. Причерноморья, прошу Вас сообщить мне...».⁸⁶ В записке И. Г. Спасского без даты, обращенной к Н. Ф. Котляру, зятю Е. Ч. Скржинской, говорится: «Дорогой Николай, сколько времени забываю спросить у Елены Чеславовны, знает ли она незаконченный *каталог* Новочеркаского музея (автор — Попов)? В нем есть какая-то плита эпитафическая, наверно генуэзская. У нас в библиотеке отдела есть, когда-то я привез, фото приличное», внизу под текстом записки приписано рукой Е. Ч. Скржинской: «Ив. Георг. Спасский сказал мне об этом 25.I.71 на сессии памяти Б. В. Фармаковского в Эрмитаже».

В архиве исследовательницы отложились также подготовительные материалы к работе о русской серебряной монете последней четверти XV в. с надписью «Аристотель», которую такие исследователи, как А. С. Уваров и А. В. Орешников, считали чеканенной московским денежником и архитектором Аристотелем Фьорванти (Оп. 1. Ед. хр. 162). Среди этих материалов имеется листок, озаглавленный «“Орнистотель” = Аристотель» со следующим текстом Е. Ч. Скржинской: «*Мои соображения*: по хорошему фотоснимку, приведенному Орешниковым на стр. 50,⁸⁷ ясно видно, что на оборотной стороне монеты — где имеется 3-х строчная надпись — после первого знака (либо буква «О», либо кружок) стоит буква “А”, а не “R”... Без всякой натяжки в трехстрочной надписи на обороте серебряной деньги времени Ивана III можно прочесть имя Аристотеля: ...При таком чтении надо первый знак признать «кружком». А вернее — артиклем “о”!!!».

ПАЛЕОГРАФИЯ И ДИПЛОМАТИКА: «МАТЕРИАЛЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В АРХИВНЫХ ФОНДАХ». Такое название дала в отчете о работе в 1969 г. сама Е. Ч. Скржинская перечню подготовленных ею работ, основанных на документах, хранящихся в Архиве СПБ ИИ РАН (тогда ЛОИИ

⁸⁵ Скржинская Е. Ч. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 103—118. Перепечатано в: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. С. 114—157. Итал. перевод: Skrzinskaia E. C. Un ambasciatore veneziano all'Orda d'Oro (analisi dell'epitafio di Jacopo Cornaro — Tana, 1362) // Studi veneziani. 1974. Т. 16. P. 67—96. Подготовительные материалы: выписки из источников и литературы, транскрипции, фотографии, рукописный и машинописный тексты работы (Оп. 1. Ед. хр. 31—32). К истории публикации в Италию см. переписку с Агостино Пертузи, директором Института истории венецианского государства Фонда Джорджо Чини (Венеция) и редактором продолжающегося издания «Studi veneziani», Джино Бенцони, сотрудником того же института и секретарем издания, и Джорджо Феррари, директором Библиотеки Марчиана (Оп. 4. Ед. хр. 3 и 59, 31 н 224; Оп. 3. Ед. хр. 29, 288).

⁸⁶ Переписка с Музеем истории донского казачества в Новочеркасске: отпуск письма Е. Ч. Скржинской, посланного 5 февраля 1971 г., с приложенной запиской И. Г. Спасского к Н. Ф. Котляру и 7 писем к ней от О. Е. Ворониной, заместителя директора Музея по научной части, за 5 марта 1971—2 июня 1972 г. (Оп. 3. Ед. хр. 29).

⁸⁷ Орешников А. В. Орнистотель денежник Ивана III // Старая Москва. М., 1914. Вып. 2. С. 50.

СССР АН СССР) и происходящих из коллекций Н. П. Лихачева: «Написана статья “Дарение Агелтруды (907 г.)”. Передана для напечатания в “Археографический ежегодник” (выход намечен на 1970 г.). Обработана рукопись о Хиосе — фрагмент книги генуэзского нотариуса [об этом документе см. выше]. Обработаны два рукописных акта маркграфини Матильды Тосканской (1100 и 1115 г.)» (Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 145).

Вопросами палеографии и дипломатики она начала вплотную заниматься, судя по датированным конспектам, в начале 1917 г. и считала эти дисциплины перво-степенно важными для историка.⁸⁸ Она не оставляла этих занятий и впоследствии: изучала литературу, в частности фундаментальные пособия А. Жири и Х. Бреслау (Оп. 1. Ед. хр. 152),⁸⁹ транскрибировала испанские грамоты XII в. (Оп. 1. Ед. хр. 153) и папские буллы из собрания Государственной Публичной библиотеки (см. также относящиеся к папской канцелярии и, соответственно, к буллам, выписки из «Пособия по дипломатике» А. Жири, сделанные в тетради, названной «Палеография. Буллы»: Оп. 1. Ед. хр. 152, 154; выписки из «Пособия по дипломатике» А. Жири: Оп. 1. Ед. хр. 170). Кроме того, в течение 1936—1940 гг. она прочитала в университете несколько лекционных курсов по латинской палеографии, к которым сохранились подготовительные материалы, в том числе иллюстрации, и записи лекций (Оп. 1. Ед. хр. 169—170; в ед. хр. 170 находится иллюстративный материал — фотографии различных рукописей — к лекциям; а также отдельная тетрадь, озаглавленная «ГПБ 1940 Миниатюры»).

Публикации статьи о дарении императрицы Агелтруды⁹⁰ предшествовал доклад, сделанный 21 мая 1969 г. на объединенном заседании Археографической комиссии АН СССР и сектора истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР. Докладу в свою очередь предшествовали переговоры Е. Ч. Скржинской с С. О. Шмидтом — разговор в ноябре 1968 г., затем письмо от 16 февраля 1969 г., в котором она предлагала: «Можно ли прочесть на заседании Археографической комиссии два небольших доклада о единственных в своем роде ранних (X в.) частных итальянских актах, хранящихся в архиве ЛОИИ АН СССР? Программа такова: Из сокровищ архива ЛОИИ АН СССР а) Е. Ч. Скржинская. Дарение Агелтруды (907 г.) б) А. М. Кононенко. Поручительство из Пьяченцы (938 г.)» (Оп. 4. Ед. хр. 42).

Хранящиеся в Архиве СПБ ИИ РАН две грамоты маркграфини Матильды Каносской, одной из интереснейших деятелей итальянской истории своего времени, представляют собой акты (в аутентичных копиях) с воспроизведением ее подписи (*corpis figurée*). Е. Ч. Скржинская наряду с транскрипцией текста грамот предприняла исследование их содержания и исторической обстановки, в которой они появились (Оп. 1. Ед. хр. 108—109). Интересна судьба копии той дарственной грамоты, которая была дана графиней 4 мая 1115 г. бенедиктинскому аббатству в Полироне, где она и была похоронена (умерла 24 июля 1115 г.). Чтобы выяснить судьбу грамоты, исследовательница, исходя из записи на оборотной стороне грамоты: «Questo duplicato di un atto della contessa Matilda dell'anno 1115 — del quale esistono presso gli Archivi di Milano, oltre ad un simile originale, anche due copie autentiche — fu ceduto a titolo di cambio per una copia di un manoscritto inedito. Milano 12 Luglio 1862. L. Osio direttore, — обращается с запросом в Государственный архив Милана (Оп. 3. Ед. хр. 29: черновик, датированный 10 октября 1969 г.).

⁸⁸ Скржинская Е. Ч. Забытая историческая дисциплина.

⁸⁹ Giry A. Manuel de diplomatique. Paris: Hachette, 1894; Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Berlin; Leipzig: Verlag Walter de Gruyter, 1931.

⁹⁰ Скржинская Е. Ч. «Дарение Агелтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 338—349. Подготовительные материалы к работе см.: Оп. 1. Ед. хр. 106—107.

Вскоре приходит ответ от 12 января 1970 г. с указанием на публикацию актов Матильды и приложением транскрипции текста оригинала, хранящегося в Милане: «L'Archive d'Etat de Milan conserve l'original du document de la Contesse Matilde de Canossa pour l'Abbaye de Polirone 1115 mai 4 et deux copies <...> Nous vous adressons la transcription du document original. Les dorsalia contiennent aussi "...ceduto a certo Signor C. Riva di Milano a titolo di cambio..."», c'est à dire que le document de Leningrad a quitté l'Archive d'Etat de Milan à la datation des dorsalia pour échange parmi Monsieur C. Rive. Le Directeur de l'Archive d'Etat de Milano était en 1862 Luigi Osio, qui avait signé l'inscription des dorsalia. Malheureusement l'archive du Secrétariat de l'Archive d'Etat de Milan pour l'année 1862, fut perdu pendant la guerre 1940—1945 et nous n'avons pas les documents de l'échange avec Monsieur C. Riva. La publication des actes de Matilde est la suivante...» (Оп. 3. Ед. хр. 29).

Сохранился лист с записью плана работы над грамотой 1100 г. с припиской «Написать по этому плану»: «Док. 1100 г. 1) *Историч. черты*. — Объезд провинций. — Засед. в центр. городе, в palatium, выслуш. жалоб. — Выдача привилегий. — В дан. случае Тусция, Флоренция — монастырь Vallambrosa-congregatio — жалобы монахов — выдан *декрет* (запрет альбергарии, fodrum'a и привлеч. дух. лиц в светский суд). — 2) *Тип документа и цель копии*. — Copie figurée ясно по а) ошибки переписчика (пропустил подпись) б) не поставлено имя писца (Frugerus) в) подпись переписчика (Frug) как *dictator* et scriptor — он же копиист — Для какой цели, вскоре после оригинала: дают в кач. охранной грамоты одному из членов конгрегации Vallambrosa. 3) *Дорсальн. надписи* А — Основная записка а) ист. справка о Мат. Б) характер. документа Б — Запись в лев. верх. углу косо: коллекционер Succì В — 2 приписка Лихачева» (Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 120). К плану приложены материалы исследования и подробный разбор текста на «желтом листке» — обложке, в которую был помещен документ предыдущим владельцем, возможно Э. Суччи, имя которого названо в тексте плана.

В двух папках с надписями рукой Е. Ч. Скржинской «Сьена (tavolette)» (Оп. 1. Ед. хр. 110—111) в течение 1974—1977 гг. были собраны подготовительные материалы для исследования, недатированный набросок введения к которому озаглавлен «Редкие памятники средневекового итальянского искусства в архиве Лен. отделения Ин-та истории СССР АН СССР». Текст наброска дает представление о характере задуманной работы: «В богатейшем изобразительном искусстве средневековой Италии есть один небольшой отдел (относимый обычно к миниатюре, к области «arti minori»), который известен, как проявившийся в XIII—XVI вв. лишь в одном из тосканских городов. Этот город — Сьена, а единственные в своем роде памятники — художественно украшенные миниатюрами деревянные доски (размера folio), соединенные одна с другой полосой кожи, которая образует как бы корешок книги. Однако это не книжные переплеты. Доски служили окладом или обложкой, являлись крышками, которые охватывали и хранили вкладываемые между ними — как в “папку” — документы. Этот способ хранения документов практиковался только финансовым ведомством сьенской коммуны и относился к ее государственной казне, к ее государственным ценностям, к ее доходам и расходам. В пору расцвета искусства миниатюры на досках Биккерны они заключали, как правило, следующие элементы: живописные изображения светского или церковного содержания; надписи (на 5—10 строках) с именами должностных лиц и с указанием срока их финансовой деятельности; ряды гербов, связанных с фамилиями названных лиц. Все это окружалось орнаментацией полей обеих досок, иногда весьма богатой, с применением золотого фона и гравировки» (Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 43—44). Сохранился также другой набросок текста, более «прозаический», датированный «27 июня 1974 г. чтв.» и «2.VII.1974»: «В Архиве ЛОИИ — две

деревянные доски, части как бы “оклада”, вернее — ряд покрывок, “папки” (для охвата вкладываемых в них бумаг, для хранения в архиве)[мб “обложка” — но не бум. а деревянная]....» — (Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 246—255).

Пафос этих строк навеян, вероятнее всего, соответствующим местом из книги П. Муратова,⁹¹ но, к сожалению, два хранящихся в архиве памятника, текст надписей на которых датирует их XV в., являются не подлинными обкладками счетов Биккерны, которые хранятся в Государственном архиве Съены в палаццо дель Говерно (бывш. Пикколомини) и доступны для обозрения, а представляют собой искусные художественные подражания работы известного итальянского мастера Федерико Ичилио Йони конца XIX—начала XX в. и были приобретены Н. П. Лихачевым именно как таковые.⁹² Тем не менее собранные Е. Ч. Скржинской материалы: выписки из литературы о Съене и ее коммунальном устройстве, о ведомстве Биккерны (и этимологии самого этого названия) и об обкладках ее счетов, в том числе о надписях и гербах, на них изображенных, фотографии 7 живописных досок с надписями могут послужить прочным основанием для работы тех исследователей, которые обратятся к этим сюжетам.

О работе по транскрипции других документов из Архива СПБИИ РАН: латинской копии договора Византии с Генуей от 6 мая 1352 г., генуэзского акта 1347 (?) г., связанного с Хиосом, и папских булл Урбана IV и Иннокентия IV говорилось выше в соответствующих местах.

Продолжая работу по публикации документов, хранящихся в Западноевропейской секции Архива СПБИИ РАН, которая была начата публикацией актов Кремоны,⁹³ актов итальянских коммун⁹⁴ и актов Падуи⁹⁵ — в двух из этих работ она принимала непосредственное участие, Е. Ч. Скржинская приступила к изучению венецианских документов, собранных в коллекцию 6 «Венеция и ее владения», составила картотеку документов, хранящихся в картонках 186, 187, 187а, 205, затем транскрибировала и снабдила краткими аннотациями 24 акта XIV в.: 18 — из картонки 186, 2 — из картонки 187а, 2 — из картонки 205, для двух документов архивный шифр не указан (Оп. 1. Ед. хр. 120 (картотека); Ед. хр. 119 (транскрипции с аннотациями)).

Е. Ч. Скржинская изучала также и средневековые документы, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки. В мае 1917 г. ею были прочитаны и транскрибированы четыре папские буллы XII в.: две — Каликста II и две — Иннокентия II (Оп. 1. Ед. хр. 152. Л. 19—34).

РАЗНОЕ

«Аккерманская крепость». Материалы, объединенные под таким общим заглавием (Оп. 1. Ед. хр. 25—29), включают в себя: дневниковые записи о работе на крепости (Аккерман—Монкастро—Белгород Днестровский) в сентябре 1947 г., альбом

⁹¹ Муратов П. Образы Италии. М., 1917. Т. 1. С. 246—247.

⁹² См.: Климанов Л. Г. О художественных подражаниях сменским *tavolette dipinte* из коллекций Н. П. Лихачева // ВИД. 1998. Т. 26. С. 78—87.

⁹³ Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР / Подгот. к изданию С. А. Аннинский; Предисловие О. А. Добыш-Рождественской. М.; Л., 1937; Акты Кремоны XIII—XVI веков в собрании Академии наук СССР / Под ред. В. И. Рутенбурга и Е. Ч. Скржинской. М.; Л., 1961 — для этой публикации Е. Ч. Скржинской написана статья «Очерк из истории Кремоны (в связи с публикуемыми документами)». Подготовительные материалы (транскрипции актов, выписки из литературы, заметки для статьи и примечаний) к публикации см.: Оп. 1. Ед. хр. 95.

⁹⁴ Итальянские коммуны XIV—XV веков: Сб. документов из Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР / Подгот. к печати Е. В. Бернадской. Л. Г. Катускиной, В. И. Рутенбург; Под ред. В. И. Рутенбурга. М.; Л., 1965.

⁹⁵ Акты Падуи конца XIII—XIV в. в собрании Академии наук СССР / Подгот. текстов Е. Ч. Скржинской, А. М. Кононенко и В. И. Мажуги; Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1987. Подготовительные материалы (транскрипции актов, выписки из литературы, заметки для статьи и примечаний) к публикации см.: Оп. 1. Ед. хр. 97—105а.

с натурными зарисовками крепости, сделанными Е. Ч. Скржинской, и фотографии планов и видов крепости; выписки из источников и литературы и списки библиографии; рукопись описательной части (первой главы) предполагавшейся монографии «Аккерманская крепость (разбор ее частей и описание памятника в целом)», подготовленной в 1948 г.; рукопись введения и план второй главы «Белгород-Днепровский, Монкастро—Аккерман»; подготовительные материалы к третьей главе «Эпиграфика», в том числе этюд «о пропавшей греческой надписи из Аккермана с начальным словом “τελος”», которую исследовательница датирует 1397 г.

«Портрет Данте». Сообщение под таким названием было сделано Е. Ч. Скржинской 31 марта 1965 г. на заседании группы по изучению истории Италии ЛОИИ АН СССР. Текст сообщения в архиве отсутствует, но, судя по подготовительным материалам, построено оно было главным образом на произведении Джованни Боккаччо «Жизнь Данте» (Оп. 1. Ед. хр. 96). В папке с материалами сохранилась тетрадь с многочисленными выписками под заглавием «Dante [trasumanar l'umanità] 1927—28», в которую вложен конспект статьи В. Ф. Шишмарева «Рукописный отрывок “Комедии” Данте Музея Палеографии Академии наук», датированный «23.II.1929 суб.», что свидетельствует о давнем интересе к этому сюжету. Это подтверждается и карандашной пометой «портрет», сделанной сверху того листа тетради, на котором находится выписка соответствующего места из сочинения Дж. Боккаччо (Там же. Л. 64).

«Pegolotti». Под таким названием в архиве исследовательницы хранятся набросок плана «Для доклада по Бальдуччи Пеголотти», датированный I.IV.1946, и черновая рукопись подготовленного в 1947 г. доклада о трактате о торговле флорентийского купца Франческо Балдуччи Пеголотти, составленном в 1310—1340 гг. (Оп. 1. Ед. хр. 129).

Предыстория этой работы интересна. 2 января 1945 г. Е. Ч. Скржинская обратилась с письмом к ответственному секретарю Medieval Academy of America Чарльзу Миллеру с просьбой прислать академическое издание этого единственного в своем роде памятника: «I am in great need of a book, which unfortunately perished during the blockade of Leningrad» (Оп. 3. Ед. хр. 29).⁹⁶ Книга была получена 30 января 1946 г., и Е. Ч. Скржинская приступила к собиранию материалов, исследованию самого трактата, в котором содержится множество сведений о торговле в Черноморском регионе, и подготовке доклада. Набросанный ею план состоял из четырех пунктов: «1. Введение Эванса (к изданию текста) 1936; 2. Friedmann — Der mittelalt. Welthandel von Florenz 1912; 3. Соответственные места из Гейд'а; 4. Рукопись статьи о Пеголотти Успенского,⁹⁷ в архиве АН. Общее: а) из Gesch. Italiens L. M. Hartmann'а (1924) б) Византия XIV в. по Васильеву (1932) в) Зол. Орда XIV в. по Якубовскому г) Пути — от Константинополя д) не забыв. Encyclop. de l'Islam».

В архиве также отложились материалы и датированные 1935 г. рукописи глав для учебника по истории техники в эпоху феодализма: глава I, глава II «Сельское хозяйство», глава V «Горное дело, металлургия, металлообработка» (Оп. 1. Ед. хр. 132).

К этой же работе относится характерная «программная» записка на отдельном листе бумаги, датированная десятью годами позже: «1) Написать очерки по истории техники западноевропейского средневековья (с привлечением византийского материала) только в пределах XI—XIV вв. (приблизительно, т. е. беря немного

⁹⁶ Полное название этого издания: *Balducci Pegolotti F. La pratica della mercatura* / Ed. by Allan Evans. Cambridge (Mass.), 1936.

⁹⁷ См. воспоминания Е. Ч. Скржинской о встречах с Ф. И. Успенским в 1921—1928 гг., которыми она поделилась на заседании сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной памяти академика Ф. И. Успенского и приуроченной к столетию со дня его рождения (Оп. 1. Ед. хр. 221: «Об Успенском»).

раньше и пользуясь позднейшим материалом, часто необходимым). II) Написать отдельные очерки для XV в. — по отдельным отраслям, пользуясь гл. обр. трактатами. III) Доделать Феофила X в. IV) Доделать Aug. Gallo XVI в.» с припиской «Сделаю ли?! 25.IV.45. Москва» (Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 67).

Упомянутый Феофил — это автор трактата «Записка о различных ремеслах» (состоящего из трех книг: о красках, о стекле и о металле), который Е. Ч. Скржинская перевела на русский язык и в 1930—1940-е гг. собирала материалы (в частности, много конспектов статей об истории сохранившихся списков трактата, об авторстве и времени создания) для примечаний и словаря (Оп. 1. Ед. хр. 138—140). Предполагался следующий объем публикации: «русский текст — 5.6; латинский текст — 5.6; примечания — 2.0; словарь — 0.5; введение — 1.0 = 14.7». 12 мая 1947 г. исследовательница сделала доклад о трактате Феофила в секторе [Института археологии?] (Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 89—96; Ед. хр. 143. Л. 302—310 об.). В тетради с тезисами доклада есть также сделанные на следующий день после заседания записи об обсуждении, при котором «более всего после доклада было обращено внимания на датировку трактата», а также «советовали (И. Н. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина) разобрать трактат с точки зрения тех вещей, которые там описаны (чаши, кадилница); М. К. Каргер указал, что, может быть, вопрос о дате уяснится на предмете витражей, которые детально описаны у Феофила и хорошо разработаны в науке». На эти указания, пишет далее Е. Ч. Скржинская, «я ответила, что чтобы осуществить такой подход к трактату — надо очень хорошо знать сохранившиеся вещи западноевропейского происхождения X—XII вв., знать все музеи — я эту задачу, конечно, взять на себя не могу» (Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 97—98 об.). Тем не менее, как можно судить по материалам ее архива, она продолжала собирать сведения (последние выписки из литературы относятся к 1963 г. и касаются датировки и авторства трактата) и иллюстрации, относящиеся к «вещам»: «Для Феофила I Кадилница Трирская (*des sacrifices*) II Кадилница Лилльская (*des enfants dans la fournaise*) III Лампа», и фотографии подобных предметов, хранящихся в Эрмитаже (Оп. 1. Ед. хр. 142).

В связи с занятиями историей сельского хозяйства в средние века ею был сделан указанный в «программной» записке после Феофила полный перевод итальянского сочинения Агостино Галло «Двадцать дней об агрикультуре и об удовольствиях виллы», написанного в форме диалога (Оп. 1. Ед. хр. 136).

Материалы и датированная апрелем—июлем 1934 г. рукопись «Поэма о версонских вилланах (сельские работы в северной Франции в XIII в.)», опубликованная в 1936 г. (Оп. 1. Ед. хр. 137),⁹⁸ относятся к работе по истории сельского хозяйства в средние века. По этой же теме были также собраны материалы и написан текст доклада, прочитанного, судя по записи, 10 марта 1933 г. (Оп. 1. Ед. хр. 137а. Л. 1—53). В докладе говорилось «о представлении средневекового ученого о домашних животных», а в заключении сказано, что «доклад есть предварительное ознакомление с материалом и характером его источников». Были изучены сочинения: XII в. — Гуго Викторинца, Гонория Отенского, Гильома де Конш, аббатисы Хильдегарды; XIII в. — Гервазия Тильберийского, Александра Неккама, Винченция из Бове, Альберта Великого, Фомы из Кантимпре (с припиской «неизд.»), Варфоломея Английского, Брунетто Латини, *Compendium philosophiae* (с припиской «неизд») и сделаны многочисленные выписки и переводы ряда мест.

РЕФЕРАТЫ, ОТЗЫВЫ и РЕЦЕНЗИИ. Е. Ч. Скржинская относилась к написанию рефератов для последующих докладов в научной аудитории, написанию

⁹⁸ Опубликована в изд.: *Агркультура в памятниках западного средневековья*. М.: Л., 1936. С. 163—184 (Труды Института истории науки и техники. Вып. 1).

отзывов и рецензий так же добросовестно, как и к собственной научной работе, и особенно не жалела труда и времени на проверку основательности источниковой основы исследования. В архиве находятся около 40 таких работ историографического характера, из которых в печать попали лишь некоторые.⁹⁹

Для доклада, сделанного 1 декабря 1921 г., ею была скрупулезно реферирована книга Иосифа Стржиговского,¹⁰⁰ которая «посвящена, как и большинство работ известного венского ученого, непрерывно интересующему его вопросу о культурном потоке с Востока, который, вместе с переселением народов, хлынул в Европу на смену античности». Затем по материалам реферата был написан отзыв для напечатания в библиографических известиях ГАИМК; на первом листе отзыва написано: «просмотрено и поправлено О. А-ой [Добиаш-Рождественской], а потом мной 14.III.1922 вт.» (Оп. 1. Ед. хр. 210а. Л. 2, 102).

Отзывы о научных публикациях источников: А. П. Каждана «Анонимная хроника времен Льва VI. Перевод с греческого, предисловие и комментарий» (февраль 1957 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 189), представленная для издания в серии средневековых памятников; Г. Г. Литаврина «Советы и рассказы Кекавмена» (см. далее).

Отзывы о монографиях: о рукописи Я. Н. Любарского «Михаил Пселл. Человек и писатель»,¹⁰¹ отзыв прочитан на заседании византийской группы ЛОИИ СССР АН СССР 27 января 1975 г. (Оп. 1. Ед. хр. 197). В отзыве, в частности, говорится, что «монография Я. Н. Любарского появляется вовремя; она нужна среди разрабатываемых проблем и книг советскому византиноведению. Автор, выдающийся знаток своей темы, давно зарекомендовавший себя в рядах советских византистов, как тщательно работающий ученый, вооруженный нелегкой техникой исследования византийской истории и филологии, тонкий исследователь и интересный докладчик». Отзыв на книгу Г. Г. Литаврина «Советы и рассказы Кекавмена» (М., 1972), представленную затем на соискание ученой степени доктора исторических наук (Оп. 1. Ед. хр. 196).¹⁰² Рецензия на книгу А. Л. Якобсона «Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)» (М.; Л., 1950) (Оп. 1. Ед. хр. 215).

Отзывы о рукописях статей для научных изданий: В. П. Бабенчикова «Недоразумения в этнической географии раннесредневекового Крыма» для журнала «Советская археология» (1962 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 179); об упомянутой выше статье А. П. Каждана «Византийский практор на берегах Киммерийского Боспора в конце XII века» (представленной им для 23-го тома «Византийского временника»); о статье Н. Я. Полевого «К анализу первой Корсунской статьи русско-византийского договора 944 г.» (предназначенной для опубликования в 24-м томе «Византийского временника») (Оп. 1. Ед. хр. 203); о статье для «Византийского временника» Л. В. Фирсова «О положении страны Дори в Таврике» (1978 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 212); о статье А. Л. Якобсона «Взаимосвязи Северного и Южного Причерноморья в XI—XIII вв.» (1978 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 215); о статье А. В. Гадло «К истории Восточной Таврики VIII—X вв. (Итоги раскопок 1964 г. у дер. Пташкино)» (Оп. 1. Ед. хр. 215).

⁹⁹ См. «Список печатных трудов Е. Ч. Скржинской» в: *Медведев И. П.* Елена Чеславовна Скржинская. С. 268—269. С тех пор в список удалось внести некоторые исправления и дополнения, частью выявленные в ходе фронтального просмотра материалов личного архива исследовательницы, частью благодаря появлению в печати посмертных публикаций (см. Приложение 1).

¹⁰⁰ *Strzygowsky J.* Altai-Jran und Völkerwanderung. Leipzig, 1917.

¹⁰¹ Опубликован: *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978.

¹⁰² Вместе с текстом отзыва хранятся: материалы обсуждения доклада Г. Г. Литаврина о его книге о Кекавмене на заседании в Институте славяноведения 27 декабря 1973 г. и развернутый конспект ученого спора по поводу сочинения Кекавмена между Г. Г. Литавриным и А. П. Кажданом, опубликованного на страницах 36-го тома (1974 г.) «Византийского временника».

Отзывы о докторских диссертациях: Б. А. Цветковой «Европейский юго-восток и османская экспансия» (1972 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 213); Г. Г. Литаврина «Советы и рассказы Кекавмена» (защищена по одноименной монографии 29 октября 1973 г. в Институте славяноведения АН СССР, на защите Е. Ч. Скржинская выступала одним из оппонентов) (Оп. 1. Ед. хр. 196).

Отзывы о кандидатских диссертациях: Е. В. Бернадской «Возникновение синьори в Ферраре» (1949 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 181), В. И. Рутенбурга «Флорентийские компании XIV века (Из истории раннего капитализма)» (1949 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 207), Р. А. Наследовой «Город Фессалоники и македонские славяне» (1955 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 202), Л. М. Баткина «Социально-политическая борьба во Флоренции в конце XIII—начале XIV в. и идеология Данте» (1959 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 180), В. Н. Малова «Палеографическое исследование документов по истории Франции конца XV—XVIII вв.» (1965 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 199), И. Н. Лебедевой «Поздние греческие хроники. Историко-культурное значение и переводы» (1967 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 195), Л. И. Киселевой «Курсивное письмо во Франции XIII—XV вв. (по материалам ленинградских собраний)» (1969 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 191), М. И. Кржижановской «Романская пластика из кости и некоторые проблемы ее развития» (1970 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 192). К сожалению, в фонде не удалось отыскать отзыва на главу диссертации П. И. Жаворонкова «Никейская империя и Запад (Взаимоотношения с государствами Апеннинского полуострова и папством)», которую, согласно приложенному письму автора, он прислал с просьбой просмотреть и высказать свое мнение (Оп. 1. Ед. хр. 188).

Отзыв об автореферате кандидатской диссертации К. Ф. Савело «Королевская власть и социально-политическое значение тэнов в Англии IX в.» (1971 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 208).

Отзывы о дипломной работе Г. М. Прохорова «Русско-византийские отношения в X—XI вв.» (1965 г.) (Оп. 1. Ед. хр. 204).

Замечания относительно статей «Византиноведение», «Византия» для «Исторической энциклопедии» (Оп. 1. Ед. хр. 184).

Рецензия на роман А. И. Билика «Меч Ароя» (Киев, 1978) (Оп. 1. Ед. хр. 182).

В архиве сохранились также рукописные рецензии на некоторые публикации и работы по истории естествознания и техники (Оп. 1. Ед. хр. 135а): *Friedrich K.* Die Steinbearbeitung in ihrer Entwicklung vom 11. bis zum 18. Jahrhundert. Augsburg, 1932 (датирована 5 октября 1935 г.);¹⁰³ *Weinreich H.* Wort und Werkzeug in den Predigten des Johann Mathesius // Deutsches Museum. Abhandlungen und Berichte, 4. Jahrgang. Heft 2. Berlin, 1932 (датирована 21 января 1935 г.);¹⁰⁴ *Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. Des Theophilus presbiteri Diversarum artium schedula.* Berlin, 1933;¹⁰⁵ *Бакланов Н. Б.* Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935. Вып. 1.¹⁰⁶ Сохранилась также рецензия на предпринятую Фредди Тирье публикацию регест решений венецианского сената, относящихся к восточному Средиземноморью (Оп. 1. Ед. хр. 206).¹⁰⁷

ПЕРЕВОДЫ. Будучи источниковедом по глубокой природной склонности, подкрепленной творчески усвоенными заветами научной школы («старой — наиболее совершенной»), Е. Ч. Скржинская каждое задуманное ею исследование строила на глубоком и всестороннем фундаменте письменных источников, всякий раз начиная работу с тщательного, филологически выверенного перевода текста источника на русский язык, чтобы можно было вникнуть глубоко в суть его содержания.

¹⁰³ Опубликовано в: Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 7.

¹⁰⁴ Опубликовано: Там же.

¹⁰⁵ Опубликовано в: Архив истории науки и техники. 1936. Вып. 9.

¹⁰⁶ Опубликовано: Там же.

¹⁰⁷ *Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie / Par F. Thiriet.* Paris, La Haye, 1958. T. 1. N° 1329—1399.

Ею выполнено значительное число переводов различных греческих и латинских хроник и исторических сочинений, которые все так или иначе связаны с Византией и освещают те или иные стороны ее места в тогдашнем мире, но лишь немногие из которых были опубликованы.

Строго отношение к публикации переводов письменных источников Е. Ч. Скржинская не только исповедовала сама, но и проповедовала, высказывая его в отзывах на работы, выполненные коллегами. В отзыве о работе А. П. Каждана «Анонимная хроника времен Льва VI. Перевод с греческого, предисловие и комментарий» (февраль 1957 г.), представленной им для публикации в серии средневековых памятников, она, в частности, обращает внимание на необходимость «во введении пояснить читателю, что в представлении средневекового человека год делится по признаку церковных праздников, постов, дней памяти разных святых, дней освящения храмов и т. п., что день пасхи — праздника без твердой даты, а переходящего — определяет другие сроки, группирующиеся вокруг этого центрального торжества христианской церкви, что, одним словом, *хронология в средние века тесно связана с церковными датами и определяется ими*. Поэтому в уточнении хронологии средневековых событий имеет большое значение точное знание церковных дат и церковной терминологии. Осведомленность в последней также абсолютно необходима для понимания смысла средневекового источника, особенно же такого, который родился в церковной или монастырской среде и связан с жизнью людей этой среды... Надо показать во введении эту яркую специфику большинства средневековых источников — их церковно-хронологическую окраску и, в ряде случаев, церковную обстановку и даже, так сказать, церковную обусловленность событий... Хорошо бы все указанные особенности кратко иллюстрировать примерами из текста... Приходится помнить, что чтение текста, которому исполнилось много сотен лет, почти всегда трудно, особенно с первого раза. Поэтому важно (даже в специальном, “учебном”, издании) подготовить читателя, облегчить его “вхождение” в источник. Таким облегчающим моментом хорошо служит предпосланное тексту его содержание; не схемы глав или линий сюжета, а связное и достаточно полное содержание, с выделением главных частей, ярких эпизодов, характеристик и живо написанных картин. Сделать это может и должен только специалист-историк, проштудировавший и продумавший все содержание источника. Данное пожелание не продиктовано мыслью о популяризации, тем более о “разжевывании” исторического материала; если хорошо составленное содержание текста поможет студенту или учителю, то может быть не менее, хотя и по-иному, оно поможет и квалифицированному ученому... Кроме важности хронологических вех следует соблюдать осторожность и точность и в общей церковной терминологии (именно не только той, которая служит уточнению хронологических показаний), почти всегда присущей средневековому тексту... “вольный” перевод недопустим. Я уверена, что в научном труде, тем более в труде, посвященном источнику, термины и понятия вышеуказанного порядка, несмотря на то что совершенно чужды в современной жизни советских людей, должны быть и переведены, и объяснены с возможной точностью; для средневекового человека они отнюдь не были чуждыми и потому понимать их, уметь передать и раскрыть — прямая обязанность историка-медиевиста» (Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 85—86).

В отзыве о переводе источника в монографии Г. Г. Литаврина «Советы и рассказы Кекавмена» она с полной уверенностью высказывает мнение, что «он, несомненно, на многие годы останется основным в пользовании всех ученых, интересующихся редкостным сочинением Кекавмена... Суммируя впечатление от перевода, представляющего собой труд довольно тяжелый, мы полагаем, что он и достаточно точен, и вполне выразителен; он соответствует своему своеобразному оригиналу» (Оп. 1. Ед. хр. 196). Не менее высоко она — автор глубокого и всестороннего

комментария к «Гетике» Иордана — оценила и комментарий к сочинению Кекавмена, который автор «счел необходимым сделать крайне обширным и всесторонне освещающим источник (1352 примечания, занимающих 317 страниц)» (Там же). Она также с интересом приняла участие в обсуждении на заседании византийской группы при ЛОИИ АН СССР 18 апреля 1973 г. перевода сочинения Г. Плифона, выполненного И. П. Медведевым, затем выросшего в его работу о византийском гуманизме.¹⁰⁸

И, конечно, она была бескомпромиссно строга к небрежным или неграмотным переводам исторических источников. Приведем два примера. Свои заметки, содержащие оценку публикации Л. Г. Катушкиной донесений 1496 г. пизанского посла в Генуе и Венеции Дж. Мариони (хранящихся в 3. е. с. Архива СПбИИ РАН), Е. Ч. Скржинская красноречиво озаглавила: «10 декабря 1968. Обсуждение работы (скороспелой) Л. Г. Катушкиной» (Оп. 1. Ед. хр. 190). И отметила, что «подготовка текстов несовершенна... Общая небрежность — и в статье, и в *транскрипциях*. Язык документов не прост — надо его довести до читателя; во-первых — обдумать пунктуацию, 2) строжайше выверить и (самой авторше) осмыслить содержание (повторяю, язык не прост)».

Как свидетельствуют ее отзыв о работе Я. И. Цукерника «Житие св. Северина» и переписка по поводу рукописи этой работы с редактором издательства, Е. Ч. Скржинская считала невозможной публикацию выполненного автором перевода, поскольку «незнакомство (очень значительное, если не полное) с латынью вообще и особенно с латынью раннего средневековья сделало перевод весьма неточным и просто плохим. Недостаточно зная эпоху и ее многочисленные источники, автор не понял специфически средневекового значения многих слов... Затруднения с латынью разрешались просто: автор воспользовался помощью лица, знающего классическую латынь. Такой способ предлагается в МГУ для спасения и удобства тех студентов, которые взяли орудовать средневековыми латинскими сочинениями, не потрудившись над латынью, а подставляя вместо себя самого латиниста, но далеко не медиэвиста. Это дурной и даже развращающий способ; естественно, что продукт подобного симбиоза оказался никуда не годным» (Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 19 об.—20: черновик письма от 28 октября 1980 г. к С. С. Цельнику, сотруднику редакции издательства «Восточная литература»).

Самый ранний из сохранившихся в архиве переводов, сделанных Е. Ч. Скржинской, — перевод греческой «Морейской хроники» начала XIV в., повествующей о I и IV крестовых походах и событиях 1204—1292 гг., происшедших в находившихся под французским владычеством Морее и Афинах, — на обложке указана дата февраль 1923 г. и написано заглавие «ΤΑ ΧΡΟΝΙΚΑ ΤΟΥ ΜΟΡΕΩΣ» (выполнен по лондонскому изданию 1904 г.).¹⁰⁹ Для какой определенной цели делался перевод, выяснить не удалось, возможно также, что Е. Ч. Скржинская работала над текстом хроники не одна, как можно предполагать на основании записи «Начали в пон. на масл. 12.II.1923», об окончании свидетельствует дата на последнем листе «23.IV.1923 пон.» (Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 3, 25).

Отдельной книгой был издан¹¹⁰ тщательно и всесторонне комментированный перевод сочинения «О происхождении и деяниях гетов» историка середины VI в.

¹⁰⁸ Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976 (2-е изд.: СПб., 1997). Заметки Е. Ч. Скржинской см.: Оп. 1. Ед. хр. 200.

¹⁰⁹ The Chronicle of Morea / Ed. by J. Schmitt. London, 1904 (Byzantine Texts / Ed. by J. V. Bury).

¹¹⁰ По воспоминаниям Л. М. Баткина, Е. Ч. Скржинская как-то «связвила по поводу авторов, которые могут сказать “моя книга”, Фу-ты! Как нескромно, как нехорошо. Положительный человек скажет разве что: “моя книжка”» (Баткин Л. М. Начиннающий медиэвист из провинции — в гостях у Люблинских // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество: проблемы самоидентификации. 1998. М., 1999. С. 231).

Иордана — «одного из наиболее замечательных авторов эпохи раннего европейского средневековья».¹¹¹ Отзывы об этой работе отечественных коллег — Е. С. Косминского, Д. С. Лихачева, М. Е. Сергеенко, О. Л. Вайнштейна, А. П. Каждана были самыми высокими и показывают, что она была воспринята как высокий образец (Оп. 1. Ед. хр. 62). Не замедлили отозваться и зарубежные византиноведы.

Вот лишь некоторые из них. Робер Гийан (Guilland Robert, Université de Paris, Faculté des Lettres) считает, что ее комментарий к Иордану «Ce sera une précieuse contribution à une meilleure connaissance de cette époque», и выражает надежду, что этот замечательный труд найдет своего переводчика и западные историки, русского языка не знающие, также смогут с ним познакомиться: «Je souhaite que votre ouvrage trouve un traducteur dans l'une des langues occidentales plus accessibles aux historiens non slavissants, car il est regrettable de penser qu'un aussi magnifique instrument de travail reste inaccessible à des chercheurs, qui ont tout à gagner à vous lire» (Оп. 4. Ед. хр. 107: письма от 6 января и 13 февраля 1961 г.). Жильбер Дагрон (Dagron Gilbert) предполагает использовать работу в своих исследованиях, относительно которых пишет, что «le domaine de mes recherches est la haute époque byzantine (IV—VI siècle), celui de mon enseignement l'Orient médiéval en général. Jordanès, vous vous en doutez, m'a posé quelques problèmes et c'est en cherchant à les résoudre que j'ai trouvé votre commentaire des *Getica*; j'aimerais pouvoir l'utiliser avec profit dans un petit article que je mets au point sur un sujet très particulier: l'origine des Goths et la représentation du monde barbare» (Оп. 4. Ед. хр. 109: письмо от 29 марта 1970 г.), Рафаэлло Морген (Morghen Raffaello, Il Presidente del Istituto storico italiano per il Medio evo), поблагодарив за присланную книгу, добавил, что ее публикация показывает неизменный интерес советских историков к средневековью: «ho ricevuto con molto piacere la Sua edizione critica delle "Getica" di Jordanes, che mostra il non mai interrotto interesse degli storici sovietici per il Medioevo» (Оп. 4. Ед. хр. 204: письмо от 3 марта 1961 г.).

Е. Ч. Скржинская и после выхода книги продолжала интересоваться Иорданом, она написала об этом Р. Моргену: «Vous, qui êtes le chef des études médiévales en Italie, c'est de Vous que j'espère de recevoir la réponse à la question qui m'intéresse et m'inquiète: comment les médiévistes italiens ont-ils apprécié (à condition qu'ils ont pu prêter attention à mon livre sur Jordanès, paru 1960) mon article servant d'introduction (surtout les pages 33—54) où je discute a) pourquoi l'oeuvre de Jordanès a survécu; b) quelle est la région ou même la ville la plus probable où l'oeuvre de Jordanès — le traité vraiment politique — a été créé. Est-ce que les historiens d'aujourd'hui ne sont point d'accord avec moi que Jordanès a écrit son oeuvre à Ravenne, qu'il est un écrivain d'Italie du Haut Moyen âge, un écrivain "italien"» (Оп. 4. Ед. хр. 45: письмо от 1 декабря 1963 г.) и получила от него ответ, в котором содержался совет обратиться к Франческо Джунта, знатоку предмета: «Au regard de Jordanès, Vous pouvez mieux qu'à moi Vous adresser à M. le Prof. Francesco Giunta, professeur à l'Université de Palermo, qui a particulièrement étudié l'oeuvre de cet écrivain du VI siècle» (Оп. 4. Ед. хр. 204: письмо от 24 января 1964 г.).

В связи с работой по переводу и комментированию сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» была написана статья о склавенах и антах¹¹² и сделаны переводы «Истории» Олимпиодора, «Космографии» неизвестного автора из Равенны, «Византийской истории» Приска. Переводы были готовы уже в начале 50-х гг., как явствует из собственноручной записи: «Как сообщала И. И. Ляпушкину

¹¹¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. статья, перевод, коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 11. (2-е изд.: СПб., 1998).

¹¹² Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новнетуне // ВВ. 1957. Т. 12. С. 3—30. Материалы к статье: Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 64.

б.1.51 перед отъездом сектора в Москву на пленум др.-русск. городов Иордан Getica — 25 п. л. Приск — 5 п. л. Олимпиодор — 5 п. л. Рав. аноним — 6 п. л.» (Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 243), но напечатать удалось далеко не все, подготовленное к изданию.¹¹³

Наглядный тому пример — более 20 лет тянулась и окончилась безрезультатно история с публикацией сочинения Приска, и можно только отдать должное тому упорству и терпению, которые выказала Е. Ч. Скржинская. В архиве сохранилась ее записка, датированная 5 мая 1972 г. и озаглавленная «Вновь о Приске (апр.—май 1972 г.): «Приск. Предварительные заметки после Москвы в начале апреля 1972 г., когда я воспротивилась (с успехом ли?) тому, чтобы Приск и его сочинение (“уникум”) были переданы некой молодой сотруднице “Саше”. Я пыталась доказать, что подобная “Саша” даст, в лучшем случае, бледный безличный рассказ и беспомощный перевод, в худшем же — испортит, даже изгадит, уникальный памятник, будучи сама вовсе не виновата. Сказала Зинаиде Владимировне [Удальцовой], что у меня есть полный перевод, но еще нет комментария. Никакого руководства трудами “Саша” я не возьму. Обработку такой уникальной и плохо (во фрагментах) дошедшей до нас вещи, как “История” Приска, нельзя делать вдвоем, да еще при минимальной подготовленности одного из этих двух. Кира Алекс. Осипова была за мое исполнение Приска, насчет Зинаиды Владимировны — не знаю. Надо послать некоторые общие соображения (мои) насчет издания Приска. Могут быть два вида издания того, что дошло до нас от Приска: а) только то, что касается гуннов (это — большая часть фрагментов) б) все фрагменты: *гунны, Египет, Рим*, некоторые события в *Константинополе* при Феодосии II и последующих императорах. В связи с этим можно дать всю последовательность фрагментов, т. е. все сохранившиеся части “Истории” Приска в (приблизительном) хронологическом ряду, и из всех, донесших до нашего времени эти фрагменты, источников (с их характеристикой)...» (Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1—2). И уже в июне начинается работа над публикацией: составлен план, включая расположения фрагментов, набросок вступительной статьи, озаглавленной «Приск (для начала)».

О некоторых других переводах (гимна *Exultet*, Агостино Галло, Поэмы о версонских вилланах, Феофила) говорилось выше.

ВИЗАНТИЙСКИЕ АВТОРЫ. Взгляд из Византии на Восток задумала показать Е. Ч. Скржинская, предприняв и в основном завершив огромный — без всякого преувеличения — труд, озаглавленный ею «Письменные источники о кочевниках юго-восточного Причерноморья, Крыма и Предкавказья (Анализ свидетельств византийских писателей). Ч. I — Источники V—VII вв. Ч. II — Источники IX—XII вв.».

Значительной частью этого труда по переводу и комментированию византийских авторов была работа под названием «Письменные источники о хазарах и Хазарии (Анализ свидетельств византийских писателей IX—XII вв.). Переводы на русский язык, комментарии и вводная статья» (Оп. 1. Ед. хр. 66—72), общий объем которой составляли «18 источников = 30 отрывков = 480 примечаний. Всего 240 стр.» и которая, согласно собственноручной записи, была сделана уже к концу 1953 г. «В ИИМК дек. 1953 г. — показывала Е. И. Крупнову в присутствии А. Д. Удальцова, Д. Б. Шелова, Н. Я. Мерперта» (Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 9а).

Были переведены следующие тексты: Феофан. «Хронография» (нач. IX в.) 1) О персидских походах императора Ираклия в 622—628 гг. и об участии в них

¹¹³ «История» Олимпиодора / Перевод, вступ. статья и коммент. Е. Ч. Скржинской // ВВ. 1956. Т. 8. Отдельное издание: *Олимпиодор Фиванский. История* / Перевод с греч., вступ. статья, коммент. и указатели Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. Подготовительные материалы к этой работе в архиве исследовательницы отсутствуют.

хазар на стороне Византии в 626 г. 2) О болгарях у Меотиды и о приходе туда хазар в 679 г. 3) О событиях в жизни императора Юстиниана II после первого низложения (695—711 г.) 4) О посылке Юстинианом II спафария Льва в Аланию в нач. VIII в. 5) О закавказских походах хазар на арабов в VIII в. 6) О морозе на Понте и на берегах Хазарии в 763 г. 7) О браках византийских императоров с хазарскими князьями.

Никифор. «Краткая история или бревиарий» (нач. IX в.) 8) О персидских походах Ираклия (в добавление к Феофану). 9) О болгарях у Меотиды и о приходе туда хазар (в добавление к Феофану). 10) О событиях в жизни Юстиниана II после первого низложения (в добавление к Феофану).

«Житие» Иоанна Готского (кон. VIII—нач. IX в.) 11) О заговоре населения Таврики против хазар в кон. VIII в.

Равеннский географ. «Космография» (кон. VII—нач. VIII в.) 12) О Хазарии в составе «Великой Скифии».

Константин Порфирородный. Трактат «Об управлении империей» (сер. X в.) 13) О построении Саркела. 14) О дипломатических отношениях между Византией и кочевниками. 15) О взаимоотношениях между хазарами, узами, аланами, турками и печенегами.

Продолжатель Феофана (X в.) 16) О построении Саркела. 17) Об участии хазар и мадьяр в византийско-болгарской войне 894 г. 18) О нападении мадьяр на территорию Византийской империи в 934 г.

Георгий Кедрин (Иоанн Скилица в переложении Георгия Кедрина). «Хроника» (кон. XI—нач. XII в.) 19) О построении Саркела.

Георгий Монах Амартол. «Хронограф» (IX в.) 20) О мадьярах на Дунае в пол. (?) IX в.

«Паннонское житие» Константина Философа (кон. IX в.) 21) О проповеднической миссии Константина в Хазарию в 856—858 гг.

Письмо Анастасия Библиотекаря к епископу города Веллетри Гаудеруку (между 875—879 гг.) 22) О посещениях Херсона Константином Философом на пути в Хазарию в 856 г.

«Итальянская легенда» [о Константине Философе] (2-я пол. IX в.) 23) О хазарской миссии Константина и его пребывании в Херсоне в 856 г.

«Нотии епископатов» 24) О епископатах в Хазарии.

«Минологий» Василия II (составл. в кон. X—нач. XI вв.) — житие Стефана Нового 25) О пути в Хазарию через Херсон.

Письмо патриарха Николая Мистика к архиепископу Херсонскому (нач. X в.) 26) О наведении порядка в церковных делах Хазарии.

Симеон Магистр. «Хроника» (X в.) 27) Об употреблении слова «Хазар» в разговорной речи IX в.

Константин Порфирородный. Трактат «О церемониях византийского двора» (сер. X в.) 28) О формуле обращения византийских императоров к хазарским хаганам.

«Клеторологий» Филофея (899 г.) 29) О военных чинах хазарских гетерий на императорских приемах.

Георгий Кедрин (Иоанн Скилица в переложении Георгия Кедрина). «Хроника» (кон. XI—нач. XII в.) 30) О византийском походе в Хазарию в 1016 г. (Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 10а—12а; Оп. 1. Ед. хр. 67а).

Порядок следования текстов несколько раз менялся, но основной корпус оставался неизменным. Для публикации «Хронографии» Феофана Е. Ч. Скржинской была уже написана вводная статья (42 рукописные страницы) и составлены три указателя — «Имена собственные», «Географические названия (с включением

этнических названий)», «Специальные термины» (Оп. 1. Ед. хр. 67а). Для вступительных статей к другим переведенным ею текстам были также собраны подготовительные материалы и в ряде случаев сделаны наброски (Оп. 1. Ед. хр. 68).

Не удовлетворившись подбором выдержек из византийских авторов, повествующих о хазарах, она подготовила «Приложения», в которые включила переведенные ею места из других византийских авторов, прямо к хазарам не относящиеся: из «Истории» Приска Панийского, из «О войнах» Прокопия Кесарийского, из «Истории» Агафия Миринейского, из «Истории» Менандра Протектора и из «Истории» Феофилакта Симокатты (Оп. 1. Ед. хр. 67б).

К этому большому корпусу — к его основной части и к приложению — имеются также обширные подготовительные материалы, озаглавленные «Черновики: 1) Агафий 2) Менандр 3) Феофилакт Симокатта» (Оп. 1. Ед. хр. 125).

1) «Агафий. Перевод и комментарий» (л. 1—112). Перевод выбранных мест из «Истории» греческого (византийского) писателя второй половины VI в. Агафия, относящихся к истории области Лазика (Колхида) в юго-восточном Причерноморье и в связи с византийско-персидскими отношениями в 552—558 гг. Некоторые отрывки из 2-й, 3-й и 4-й книг «Истории» Агафия ранее уже были переведены на русский язык М. В. Левченко.¹¹⁴

Е. Ч. Скржинская отобрала для перевода следующие места, так поименованные ею: о Лазике (кн. 2, гл. 18), о нападении персов на Лазику из Иверии (кн. 3, гл. 2, 6, 12), описание лазов (кн. 3, гл. 5), об оногурах (кн. 3, гл. 5), об эрулах (кн. 3, гл. 6), о выплате стипендии варварам Мисимианы или «форма связи и денежных отношений между Империей и варварами Предкавказья и волго-донских степей» (кн. 3, гл. 15—17), «о форме службы гуннов на стороне ромеев» (кн. 3, гл. 17) и у персов (кн. 4, гл. 13), о схватке савиров с дилимнитами (кн. 3, гл. 18), о «турках» — «внешний вид “Турков” отчасти отражен у Агафия» (кн. 1, гл. 3), «о гуннах у Мэотиды» (кн. 5, гл. 11—13), «военная политика Юстиниана в старости», о Велизарии и «описание отражения кутригуров от стен Константинополя в 558 г.» (кн. 5, гл. 14—20), о Херсонесе Фракийском и о защите его от гуннов Забергана византийским полководцем Германом в 558 г. (кн. 5, гл. 21—25). Выполнен перевод по боннскому изданию 1828 г.¹¹⁵ и затем сверен, судя по позднейшим припискам, сделанным карандашом, с изданием Людвига Диндорфа.¹¹⁶

Рукопись перевода выборочных мест из «Истории» Агафия разделена на три части. Первая содержит греческий текст каждого места, за которым затем следует перевод (Л. 2—52), в конце приложены наметки комментария, озаглавленные «в примеч. о Пётре» и содержащие выписки и перевод на русский язык соответствующих мест из сочинений Прокопия Кесарийского «Война с персами» и «Война с готами» (Л. 53—59). Вторая часть представляет собой только перебеленный текст перевода, в котором выдержки из Агафия сведены в три тематических раздела: «а) Кочевники из волго-донских степей в Лазике» (Л. 60—67), «б) Гуннские племена близ Мэотиды» (Л. 68—69), «в) Поход Кутригуров под предводительством Забергана к стенам Константинополя в 558—559 гг.» (Л. 71—81). Третья часть озаглавлена «Примечания» и содержит 101 комментарий (Л. 82—113), некоторые из которых весьма обширны, как, например, примечания об области Лазика или находившейся на ее территории византийской приморской крепости Петра.

2) «Менандр Протектор. Фрагменты “Истории” (VI в.)» (Л. 114—213). На обложке рукописи собственноручное заглавие Е. Ч. Скржинской: «Менандр. О первом обмене посольствами между Западным Тюркским каганатом и Византией

¹¹⁴ См.: ВВ. 1950. Т. 3. С. 305—349.

¹¹⁵ *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonn, 1828. P. 1—335.

¹¹⁶ *Historici graeci minores* / Ed. L. Dindorf. 1871. Т. 2. P. 132—453.

в 568 г. при кагане Дизабуле и императоре Юстине II. а) О посольстве от Турков (посол *Маниах*) в Византию, в 568 г. б) Об ответном посольстве из Византии (посол *Зимарх*) к Туркам, в 569 г.». Перевод выполнен по тем же изданиям, что и перевод Агафия.¹¹⁷ Вначале расположен рабочий текст, состоящий из выписок на греческом языке и следующих за каждой из них переводов: сперва «а) Посольство от Турков» (Л. 128—141), затем «б) Посольство Земарха из Византии к Туркам» (Л. 142—162). Затем следует перебеленный текст этих двух разделов (Л. 115—119, 120—127). Под этой же обложкой также находятся фрагменты, не указанные в собственноручном заглавии: ж) сам текст отсутствует, его содержание не указано, имеются только листы с пометой «Примечания к Менандру “ж”», содержащие обширные комментарии (Л. 163—182); з) О посольстве из Византии (посол Валентин) к Туркам в 576 г. — О захвате Боспора Турками в 576 г.» — текст перевода (Л. 183—186) и «Примечания» (Л. 187—201); и) О Турках, якобы окруживших Херсон в 580 г. при императоре Тиберии II» — текст перевода (Л. 202—203) и «Примечания» (Л. 204—213).

3) «Феофилакт Симокатта. История (за 582—602 гг.)» (Л. 213 а, 213 б, 214—240). На обложке рукописи написано: «Феофилакт Симокатта изд. de Boog (1887) *Corpus SS hist. Byzantinae. Vonnae 1834*». Рукопись содержит три фрагмента из этого сочинения, выполненные по указанным на обложке изданиям.¹¹⁸ «к) О Турках Западного каганата в Закавказье во второй половине VI в.» — кн. 3, гл. 6, § 9—14 (Л. 214—215) и «Примечания» (Л. 215—216); «л) О Турках Западного каганата в персидских войсках в Закавказье и в Армении, в кон. VI в.» — кн. 5, гл. 10, § 13—15 (Л. 217) и «Примечания» (Л. 217—218); «м) О племенах между нижней Волгой и Приазовьем и о движении Аваров по их территории» — кн. 7, гл. 7, § 6—14 и гл. 8, § 1—5 (Л. 219—221) и «Примечания» (Л. 221—224). Под той же обложкой находится рабочий вариант рукописи, содержащий, как и в других случаях, греческие тексты указанных фрагментов, сопровождаемые переводами (Л. 224—240).

К приложению относится также и папка, озаглавленная «Приск. Византийская история (фрагменты)» (Оп. 1. Ед. хр. 65). В папке хранятся материалы к переводу, в том числе развернутый конспект книги Юзефа Куранца о Приске, которую удалось получить из Польши.¹¹⁹ Переводы всех фрагментов перепечатаны на пишущей машинке и разложены по порядку: Е. Ч. Скржинская предполагала расположить сохранившиеся фрагменты сочинения Приска, следуя реконструкции Ю. Куранца.

Для свода источников о хазарах и для издания сочинения Иордана был сделан перевод 5 книг сочинения «Аноним Равеннский. Космография»,¹²⁰ который занимает 6 пронумерованных тетрадей, на обложке 4-й из которых имеется запись: «Все кончено к отчету за 1950 г.» (Оп. 1. Ед. хр. 63). В начале первой тетради записаны соображения относительно времени создания этого сочинения: «К датировке Рав. Анонима = VII век (вверху сделана приписка, вероятно, позднейшая: «лучше считать 1-ая пол. VIII в.»). — *А. В., Л. К.*) 1) Хазары, Хазария (IV 1) впервые под своим именем “хазары” появляются в византийских источниках в 626 г., когда Византия заключила союз с хазарами для войны с персами. 2) В Испании нет еще арабов. Автор отчетливо говорит, что арабы (*mauri*) живут еще в Африке. 3) р. 248 Кампания — *quae nunc Beneventanorum dicitur patria.* 4) р. 292 Альпы

¹¹⁷ *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonn, 1829. P. 279—444; *Historici graeci minores*. T. 2. P. 1—131.

¹¹⁸ *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonn, 1834. P. 23—346; *Theophylacti Simocatae Historiae* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1887.

¹¹⁹ *Kuranc J. De Prisco Panita, rerum scriptore quaestiones selectae*. Lublin, 1958.

¹²⁰ *Ravennatis anonimi cosmographia et Guidonis geographica* / *Ex libris manu scriptis ediderunt* M. Pinder et G. Parthey. Berlin, 1860.

“Титаны” отделяют Италию от Септимании, Бургундии, Маврианов, Ранинов (= Рэтиев?) *quae modo a Bauvariis dominatur*». Часть переведенного текста вошла в состав свода письменных источников о хазарах, часть была использована для комментариев к Иордану.

Е. Ч. Скржинская не собиралась ограничиваться переводом и публикацией одних только византийских авторов, писавших о хазарах, что следует из ее отчета о работе в первом полугодии 1952 г., помеченного «9 июня 1952 г. пон. на засед. группы слав. русск. археол.»: «— по плановой теме (Саркел — Белая Вежа проблема XV) “Письменные источники (греческие, славянские, латинские)” сделаны а) переводы с означенных языков 25 отрывков из 13 источников б) комментарии к этим текстам в) введение заключающее характеристику тех сведений о Хазарах и Хазарии, которые дают источники и, в частности, разбор вопроса о Саркеле (о цели его построения). Вся работа (начатая во 2-м полугодии 1951 г.) занимает ок. 6 п. л. — Прочтен доклад на заседании группы сл.-русск. археологии (в марте 1952 г.)...» (Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 222).

В бумагах сохранились собственноручные тезисы этого доклада: «Краткое содержание доклада Е. Ч. Скржинской “Византийские источники о Хазарах и Саркеле”», содержащие 6 тезисов и датированные 5 апреля 1952 г. (Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 48—50). В конце того же года, в субботу 13 декабря, состоялась ее доклад по работе «Анализ письменных источников о Хазарах и Хазарии (свидетельства византийских писателей VI—XII вв.)», о котором также имеется «Краткое сообщение», датированное 8 декабря 1952 г. (Оп. 1. Ед. хр. 69, рукопись и машинопись). Можно предполагать, что к этому дню исследовательница сочла основную часть работы оконченной.

На протяжении 1970-х гг. Е. Ч. Скржинская много внимания уделяла другим кочевникам, беспокоившим и Византию, и Киевскую Русь в домонгольскую пору, — половцам. Ею собраны обширнейшие материалы: различные свидетельства о половецких русских летописей, византийских писателей, западноевропейских хронистов; проработана богатейшая литература, написано несколько набросков, содержащих ее размышления о влиянии кочевников южных степей на особенности развития древнерусской государственности и о самом названии «половцы» (Оп. 1. Ед. хр. 74—79). По материалам и наброскам эта работа была реконструирована и опубликована уже после кончины автора Н. Ф. Котлярюм.¹²¹

В архиве исследовательницы отложились и другие выписки и переводы из византийских авторов и различные материалы к ним: «Георгий Акрополит», «Пахимер», «Дука» и другие небольшие выписки и заметки (Оп. 1. Ед. хр. 128). Для семинара по сочинению Платона Карпини, который она вела в 1947/48 г., ею был подготовлен план, первые три раздела которого свидетельствуют об особом интересе: «I История движения татар на Запад; II Отражение в источниках татарского нашествия; III Реакция на татарское нашествие в Европе» (Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 1).

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ (Оп. 2. 42 ед. хр.; 1896—1981 гг.). Эта часть фонда содержит личные документы: о рождении (№ 1); образовании (№ 2); о защите докторской диссертации (№ 9); служебные удостоверения (№ 4); дипломы кандидата и доктора исторических наук (№ 7); члена-корреспондента Лигурийского исторического общества (№ 6); списки работ за разные годы (№ 5); материалы по устройству на работу, о получении пенсии (№ 13); документы периода Великой Отечественной войны (№ 12). Интересны для биографии Е. Ч.: гимназические сочинения (№ 18—22), дневник путешествия по Италии (1914 г.,

¹²¹ Скржинская Е. Ч. Половцы: Опыт исторического истолкования этника: Из архива ученого // ВВ. 1986. Т. 46. С. 255—276. Перепечатано в: Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. С. 36—89.

№ 15), конспекты различных лекций на Бестужевских курсах (№ 23); дневниковые записи за разные годы, заметки о своей библиотеке (№ 16—17); воспоминания о гимназии (1980 г., № 24); фотографии Е. Ч. и ее коллег (№ 31—33). В конце описи помещены материалы о Е. Ч.: ксерокопии статей И. П. Медведева, В. И. Мажуги, П. В. Шувалова, Н. Ф. Котляра, машинописные экземпляры докладов и статей М. В. Скржинской (№ 34—42).

ДОКУМЕНТЫ О СЛУЖЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (Оп. 3. 20 ед. хр.; 1918—1978 гг.). В материалах наиболее подробно документирована работа в ГАИМК—ЛОИМК, несколько меньше — работа в ЛОИИ; совсем немного документов о работе в ЛГУ. Не отражена деятельность в учреждениях, в которых Е. Ч. служила после увольнения в 1930 г. из ИИМКа, в том числе, как это ни странно, работа в Институте истории науки и техники, хотя, как указывалось выше, в этот период Е. Ч. много и плодотворно работала. Почти нет материалов о московском периоде работы.

Характер документов различен: много черновиков, копий, вторых (или третьих) экземпляров материалов, оригиналы которых отложились в архивах тех учреждений, в которых довелось трудиться Е. Ч. Много материалов, выполненных типографским способом (программы конференций, симпозиумов, списки их участников, пригласительные билеты, тезисы и т. п.); к ним примыкают машинопись стенограмм заседаний, тексты докладов отдельных исследователей. Однако наряду с этими (черновыми и вторичными материалами) в описи сосредоточены и очень интересные, оригинальные документы, в частности дневниковые записи о раскопках в Крыму, о деятельности Крымской комиссии.

ПЕРЕПИСКА. Значительный общественный и научный интерес для историков науки, культуры и истории России и, разумеется, для изучения биографии Е. Ч. представляет ее переписка, которая в ее личном фонде выделена в оп. 4 «Переписка» (330 ед. хр.; 1902—1981 гг.). Она состоит из двух разделов: 1) письма Е. Ч. за 1903—1980 гг. и 2) письма к ней за 1902—1981 гг. Происхождение первого раздела объясняется несколькими причинами: во-первых, тем, что Е. Ч. оставляла черновики наиболее важных для нее писем; во-вторых, тем, что письма к родственникам оставались в семье и, в итоге, оказались в архиве Е. Ч.; и, в-третьих, в одном случае Е. Ч. потребовала от своего корреспондента (Б. Т. Горьнова) вернуть ее письма.

Все письма можно разделить на несколько групп.

1. Переписка с родственниками (мать — Е. В. Головина-Скржинская; Я. И. Ковальский; братья — Роман и А. Ч. Скржинский, жена и дочь А. Ч.; сестра — И. Ч. Скржинская, ее муж и его сестры; няня — Е. Н. Бострикова) и близкими знакомыми (семья Дебу, Макаровых). Эти письма помимо чисто биографических данных — ценный источник по истории русской интеллигенции. Следует также иметь в виду, что в письмах к родственникам (в первую очередь к сестре — Ирине Чеславовне) содержится много информации о научной и производственной сферах жизни Е. Ч., описываются взаимоотношения с коллегами, об атмосфере в тех институтах, где приходилось Е. Ч. работать.

2. Другая группа писем — от случайных знакомых (например, от соседей по дому отдыха, санаторию, попутчиков в поезде), от соседей по коммунальной квартире и т. д. и т. п.

3. Наиболее важная для темы настоящего издания группа — переписка с учеными (медиевистами главным образом, но среди корреспондентов можно встретить и специалистов по другим отраслям исторической науки).

Подробный обзор переписки Е. Ч. занял бы слишком много места, поэтому ограничимся выборочным перечислением писем самой Е. Ч. и писем к ней.

Письма Е. Ч. Скржинской: Альтману Владимиру Владимировичу, редактору «Иордана», 22 мая 1959 г., 1 п.; Барбадоро Б., историку-медиевисту, 18 декабря 1925 г.—24 февраля 1926 г., 1 п. на франц. яз.; Бенцони Джино, историку-медиевисту, 12 апреля 1968 г.—2 января 1972 г., 9 п., 2 телегр. (чернов.) на итал. и франц. яз.; Гвалаццини Уго, историку-медиевисту, 16 августа 1960 г.—2 августа 1961 г., 2 п. на франц. яз.; Головиной-Скржинской Елене Владимировне, 24 июля 1903 г.—1 ноября 1929 г., 107 п., 20 зап., 98 откр., 2 фотогр.; Горянову Борису Тимофеевичу, историку-византинисту, 22 октября 1945 г.—9 февраля 1958 г., 9 п., 1 телегр.; Грацианскому Николаю Павловичу, историку-медиевисту, 29 июля—13 октября 1938 г., 2 п.; Гийану Родольфу, историку-византинисту, 24 марта—23 сентября 1960 г., 2 п. на франц. яз.; Дагрон Жильберу, историку-византинисту, 2 марта 1970 г., 1 п. на франц. яз.; Ирмшеру Иоганну, историку, 20 февраля 1958 г.—12 мая 1959 г., 2 п.; Керу Паулю, историку, 31 марта 1926 г., 1 п. на нем. и рус. яз.; Латтесу Алессандро, историку-медиевисту, 26 апреля 1926 г.—19 февраля 1928 г., 6 п. на франц. яз.; Лемерлю Полю, историку-византинисту, 16 декабря 1975 г., 1 п. на франц. яз.; Литаврину Геннадию Григорьевичу, историку-византинисту, 19 (23) ноября 1979 г., 1 п.; Моргену Рафаэлло, историку-медиевисту, 1 ноября 1961 г., 1 п. на итал. яз.; Острогорскому Георгию Александровичу, историку-византинисту, 27 февраля 1958 г., 1 п.; Пальмиери А., 29 сентября—30 сентября 1925 г., историку, 1 п., здесь же черновики писем Е. Ч. в архивы Флоренции и Генуи на франц. и рус. яз.; Пертузи Агостино, историку-византинисту, 9 февраля 1968 г.—25 декабря 1970 г., 5 п. на франц. яз.; Пистарину Гео, историку-медиевисту, 9 октября 1969 г.—29 сентября 1970 г., 2 п. на франц. яз.; Поджи Франческо, историку-медиевисту, 4 января 1921 г.—3 ноября 1927 г., 3 п. на франц. яз.; Ристори Ренцо, историку-медиевисту, 15 декабря 1972 г., 1 п.; Скржинской Ирине Чеславовне, 1 апреля 1926 г.—21 ноября 1939 г., 4 п., 17 откр., 1 зап.; Скржинскому Андрею Чеславовичу, 11 октября 1913 г.—11 августа 1937 г., 28 п., 19 откр., 6 зап.

Письма к Е. Ч. Скржинской: Альтман Владимир Владимирович, 7 февраля 1958 г.—13 августа 1959 г., 4 п., 1 откр.; Барбадоро Б., 16 октября 1925 г.—11 марта 1926 г., 2 п. на итал. яз.; Бенцони Джино, 11 марта 1968 г.—6 октября 1975 г., 17 п. на итал. яз., здесь же перевод одного письма, статья «История Таны» (на итал. яз.), инструкция о правилах издания «Studi Veneziani»; Васильев Александр Александрович, 29 августа 1923 г.—март 1926 г., историк-византинист, 4 п.; Гвалаццини Джулия, 22 августа 1960 г.—16 мая 1963 г., 4 п. на франц. яз.; Горянов Борис Тимофеевич, 17 января 1945 г.—14 июля 1949 г., 52 п., 2 откр., 1 телегр., 31 августа 1959 г.—2 октября 1969 г., (1 п. б/д), 30 п., 1 откр., 1 зап.; Грацианский Николай Павлович, 16 сентября—1 декабря 1938 г., 2 п.; Гийан Рудольф, 30 марта 1960 г.—13 февраля 1961 г., 3 п. на франц. яз.; Дагрон Жильбер, 29 марта 1970 г.—6 января 1972 г., 4 п. на франц. яз.; Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна, историк-медиевист, 21 января 1907 (?) г.—13 августа 1939 г. (1 п. б/д), 24 п. (здесь же 1 п. на 2 л. О. А. Добиаш-Рождественской А. Н. Макарову б/д), 23 откр., 1 зап.; Дуйчев Иван Семенович, историк-византинист, 23 декабря 1958 г.—5 февраля 1975 г., 4 п., 8 откр.; Жебелев Сергей Александрович, историк-античник, 17 июня 1925 г.—14 февраля 1941 г., 4 п. (здесь же записка Е. В. Тарле на 1 л.), 1 телегр.; Зимин Александр Александрович, историк России, 30 октября 1967 г.—17 декабря 1978 г., 5 п., 3 откр.; Иванова Ольга Ивановна, зав. заповедником «Судакская крепость», 2 июля 1975 г.—28 февраля 1979 г., 4 п.; Измайлова Наталья Васильевна, археолог, искусствовед, 13 июня 1925 г.—26 июля 1928 г., 3 п.; Ирмшер Иоганн, 18 декабря 1957 г.—28 ноября 1963 г., 5 п. на нем. и рус. яз.; Каждан Александр Петрович, историк-византинист, 8 февраля 1953 г.—30 ноября 1974 г., 30 п.; Каппесова Галина И., историк-византинист, 20 октября 1958 г.—9 января 1970 г., 14 п.,

6 откр. (одна подписана также И. Дуйчевым); Карпов Сергей Павлович, историк-медиевист, 7 декабря 1973 г.—29 декабря 1980 г., 4 п., 9 откр.; Латтес Алессандро, 18 октября 1925 г.—13 июля 1928 г., 16 п., 2 откр. на франц. яз.; 1 фотогр. Латтеса с дарственной надписью; Лемерль Поль, 19 июня 1971 г.—29 декабря 1975 г., 3 п., на франц. яз.; Липшиц Елена Эммануиловна, историк-византист, 30 августа 1934 г.—31 января 1968 г. (1 п. б/д), 6 п., 1 откр.; Литаврин Геннадий Григорьевич, 4 октября 1955 г.—23 декабря 1979 г., 40 п., 6 откр., 1 зап., 1 фотогр., здесь же 1 п. З. В. Удальцовой; Ло Гатто Этторе, филолог-славист, 6 октября 1935 г.—26 февраля 1963 г., 6 п. на итал. и рус. яз., 1 визит. карт.; здесь же извещение о смерти его жены Зои (на итал. яз.); Макаров Александр Николаевич, историк права 7 июня 1922 г.—27 декабря 1927 г., 51 п. (здесь же 2 п. и 1 откр., от разных лиц), 1 зап., 38 откр. (здесь же 1 откр. от его жены), 10 января 1928 г.—22 января 1973 г., 44 п. (здесь же 1 п. от его жены), 61 откр., 1 газ. вырезка, 1 программа «Festspiele 1929 / Berlin»; Морген Рафаэлло, 21 января 1956 г.—19 июля 1971 г., 5 п. на итал. и франц. яз.; Наследова Раиса Анатольевна, историк-византист, 20 апреля 1955 г.—26 апреля 1980 г., 41 п., 6 откр.; Неусыхин Александр Иосифович, историк-медиевист, 18 июня 1956 г.—31 декабря 1968 г., 24 п., 6 откр., 1 фотогр. А. И. Неусыхина; Осипова Кира Александровна, 15 сентября 1959 г.—30 марта 1981 г. (9 п. б/д), 43 п.; 8 откр., здесь же 1 фотогр. ее детей; 1 п. оргкомитета международного симпозиума «Византийская культура» (1979 г.) на 1 л.; Острогорский Георгий Александрович, 19 февраля 1958 г.—16 июня 1971 г.; 17 п., 1 откр., 1 визит. карт.; Оттокар Николай Петрович, историк-медиевист, 15 ноября 1924 г., 1 п.; Пертузи Агостино, 12 октября 1967 г.—18 января 1972 г., 5 п., 2 откр. (подписаны также Д. Бенцони) на франц. и итал. яз.; Пистарино Гео, 9 сентября 1969 г.—17 января 1973 г., 6 п. на итал. яз.; Сюзюмов Михаил Яковлевич, историк-византист, 20 апреля 1956 г.—29 августа 1971 г., 9 п., 1 откр., здесь же 1 п. кафедры всеобщей истории Уральского университета; Тахтай Александр Кузьмич, 20 января 1944 г.—13 января 1947 г., 3 п., 5 откр.; Тиханова-Клименко Мария Александровна, археолог, 31 августа 1925 г.—4 января 1971 г., 11 п., 13 откр., 1 зап., 1 телегр.; Толстой Иван Иванович, филолог-классик, 13 ноября 1944 г.—15 апреля 1946 г., 4 п., 3 откр.; Удальцова Зинаида Владимировна, историк-византист, 28 декабря 1945 г.—17 декабря 1977 г. (3 п. б/д), 66 п.; 1 п. совместно с К. А. Осиповой; на 1 п. ее же приписка, 3 откр.; Федотов Георгий Петрович, историк-медиевист, 2 сентября 1925 г., 1 п.; Хоментовская Анна Ильинична, историк-медиевист, 14 декабря 1925 г.—6 сентября 1942 г., 41 п. (в том числе 1 п. племянника А. И. Х.), 28 откр.; Шульц Павел Николаевич, археолог, 18 декабря 1926 г.—5 февраля 1956 г., 10 п. (на 1 п. пометы Е. Ч.; здесь же 1 п. неустановленного корреспондента), 1 телегр., 1 откр.; Юдина Мария Вениаминовна, пианистка, 11 декабря 1926 г.—25 марта 1968 г., 10 п. (1 п. М. В. Ю. к неустановленному лицу), 24 откр., 1 телегр., программа концерта М. В. Ю.; Якобсон Анатолий Леопольдович, археолог, 4 октября 1946 г.—20 июня 1975 г., 4 п.

* * *

В фонде имеются также еще два раздела, выделенных в отдельные описи.

Раздел «Изобразительные материалы» (Оп. 5. 22 ед. хр. 1914—1981 гг.) содержит фотографии и открытки с видами итальянских городов, настенных росписей церквей, планами средневековых европейских городов, генуэзских крепостей в Крыму, морских навигационных карт.

Раздел «Материалы родственников Е. Ч. Скржинской» (Оп. 6. 241 ед. хр. 1822—1980 гг.) включает в себя документы нескольких поколений семьи русских

интеллигентов 20-х гг. XIX в.—начала 80-х гг. XX в. и, как и раздел «Переписка» (Оп. 4), охарактеризованный выше, представляет интерес для историков русской интеллигенции.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Список опубликованных работ Е. Ч. Скржинской

1. Мишле Ж. Жанна д'Арк / Пер. с франц. яз. (совм. с Т. А. Быковой). М., 1920.
2. Об одном средневековом «курорте» // Средневековый быт: Сб. статей, посвященный Ивану Михайловичу Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности. Л., 1925. С. 260—271.
3. Грамота испанского императора Альфонса VII // Сб. статей в честь Сергея Александровича Жебелева [Б. м.] 1926. С. 477—488 (машинопись).
4. [Аннотация статьи № 3] // Recueil Gébélev. Exposé Sommaire. Leningrad, 1926. P. 9 (на франц. яз.).
5. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava). Genova, 1928 (Atti della Società Ligure di storia patria. T. 56).
6. Eine neue Urkunde über die Beziehungen Urbans IV zu Genua // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1932.
7. Le colonie genovesi in Crimea (Cap. II: Theodosia) // L'Europa Orientale. 1934. T. 14. P. 213—234.
8. Esame e datazione del contratto di Messina conservato nel codice Sinaitico // Studi bizantini. Roma, 1935. T. 4. P. 141—151.
9. [Рец.:] Weinreich H. Wort und Werkzeug in den Predigten des Johann Mathesius. Deutsches Museum. Abhandlungen und Berichte. 4 Jahrg. Heft 2. Berlin: VDI Verlag, 1932 // Архив истории науки и техники. 1935. Вып. 7. С. 509—511 (Подп.: Е. С. Скржинская).
10. [Рец.:] Friedrich K. Die Steinbearbeitung in ihrer Entwicklung vom 11. bis zum 18. Jahrhundert. Augsburg, 1932 // Там же. С. 511—513.
11. Поэма о версонских вилланах. Сельское хозяйство Северной Франции // Агркультура в памятниках Западного средневековья. Переводы и комментарии / Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской и М. И. Бурского. М.; Л., 1936. С. 163—184.
12. Трактат Альберта Великого «О растениях» // Там же. С. 219—283.
13. Техника эпохи западноевропейского средневековья // Очерк истории и техники докапиталистических формаций. М.; Л., 1936. С. 207—343:
  - Гл. I. Введение. Общие черты развития феодальной техники;
  - Гл. II. Техника сельского хозяйства;
  - Гл. III. Техника строительного дела;
  - Гл. IV. Техника военного дела;
  - Гл. V. Горное дело, металлургия и металлообработка;
  - Гл. VI. Техника текстильного производства;
  - Гл. VII. Транспорт;
  - Гл. VIII. Книга в средние века и изобретение книгопечатания.
14. [Рец.:] Technik des Kunsthandwerkes im 7. Jahrhundert. des Theophilus presbyter diversarum atrium schedula. In Auswahl neuherausgegeben, übersetzt und erläutert von Dr.-Ing. Wilhelm Theobald. Berlin: UDI Verlag, 1933 // Архив науки и техники. 1936. Вып. 9. С. 395—397.
15. [Рец.:] Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л.: Изд. Всеросс. Акад. Художеств. научно-исслед. ин-та архитектуры, 1935. Вып. 1 // Там же. С. 397—400.
16. Начало книгопечатания в Западной Европе // Книга и пролетарская революция. 1938. № 8—9. С. 217—220.
17. Книга о знаменитом мореплавателе (Кунин К. Васко де Гама. «Жизнь замечательных людей»). Серия биографий. 1938. Вып. 2 (127) // Там же. 1938. № 8—9. С. 152—153.
18. [Рец.:] Ревзин Г. Колумб. «Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Жургазобъединение. 1937. Вып. 20 (116) // Там же. № 10—11. С. 152—153.
19. Из истории науки. (Выставка в Ленинградской Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина) // Там же. 1939. № 1. С. 131—133.
20. 500 лет европейского книгопечатания // Советская наука. 1940. № 8. С. 98—121.
21. Забытая историческая дисциплина [О палеографии] // Вестник высшей школы. 1940. № 10. С. 13—14.
22. Непользованный источник преподавания истории [О памятниках материальной культуры] // Там же.
23. Спецкурсы на исторических факультетах // Вестник высшей школы. 1941. № 9. С. 24—26.
24. Практические занятия на исторических факультетах // Там же. № 11.
25. Замечательный ученый (Памяти И. М. Гревса) // Ленинградский университет. 1941. 14 июня. № 23 (467). С. 3.

26. [Рец.:] Малкин И. Т. История бумаги. Издание Академии наук СССР. Научно-популярная серия. 1940 // Советская наука. 1941. № 3. С. 155—157.
27. Начало книгопечатания в Европе // Настольный календарь учителя на 1941 г.
28. Кембриджский университет и Ньютон // Исаак Ньютон, 1643—1727: Сб. статей к 300-летию со дня рождения / Под ред. С. И. Вавилова. М.; Л., 1943. С. 392—421.
29. Иваи Михайлович Гревс: Биографический очерк // Гревс И. М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 223—248.
30. [Рец.:] Византийский сборник / Под ред. М. В. Левченко. (Академия наук. Институт истории). Изд. АН СССР, 1945 // Вестник АН СССР. 1946. Вып. 5—6. С. 120—125.
31. [Рец.:] Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях. 2-е изд. доп. Изд. АН СССР. 1946 // Там же. Вып. 10. С. 129—133.
32. Константинополь и северопричерноморская периферия в XV в. // Пригласительный билет и тезисы докладов сессии отделения [истории АН СССР] 27—28 ноября 1947 г., посвященной вопросам византиноведения. М., 1947. С. 19.
33. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. // ВВ. 1947. Т. 1 (26). С. 215—234.
34. [Рец.:] Гуковский М. А. Итальянское возрождение. Т. 1. 1947. Италия с 1250 по 1380 год. Изд-во Лен. гос. ун-та. Л., 1947. // ИАН СССР. Серия истории и философии. 1948. Т. 5. № 5. С. 461—467.
35. Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т. 2. С. 245—266.
36. [Рец.:] Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. Серия «Итоги и проблемы современной науки». Изд. АН СССР. М.; Л., 1950 // ИАН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. 8. № 1. С. 88—93.
37. [Рец.:] Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес. М.; Л., 1950 // ВВ. 1953. Т. 6. С. 252—269.
38. «История» Олимпиодора. Олимпиодор. «История» (В записях и выборках Фотия) (Перевод) // ВВ. 1956. Т. 8. С. 223—276:
- 1) Перевод. С. 223—232.
  - 2) «Олимпиодор и его сочинение». С. 232—241.
  - 3) Примечания. С. 241—272.
  - 4) Указатели. С. 273—276.
39. О склавеях и антах, о Мурсианском озере и городе Новиеуне (Из комментария к Иордану) // ВВ. 1957. Т. 12. С. 3—30.
40. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 155—175.
41. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. статья, перевод, коммент. М., 1960. 436 с.:
- 1) Предисловие. С. 7—10.
  - 2) Иордан и его «*Getica*». С. 11—61.
  - 3) «*Getica*». Перевод и латинский текст. С. 63—182.
  - 4) Комментарий. С. 183—364.
  - 5) Приложения. С. 367—376.
  - 6) Литература. С. 377—387.
  - 7) Указатели. С. 408—425. Ср. № 59.
42. [Рец.:] *Colonna M. E. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. Vol. 1. Storici profane. «Casa editrice Armani», Napoli, 1956 // ВВ. 1960. Т. 17. С. 260—263.*
43. Греческая надпись из Тмутаракани // ВВ. 1961. Т. 18. С. 74—84. Ср. № 62.
44. [Редактирование:] Акты Кремоны XIII—XVI веков в собрании Академии наук СССР. М.; Л., 1961 (совм. с В. И. Рутенбургом).
45. Очерк из истории Кремоны (в связи с публикуемыми документами) // Там же. С. 5—38.
46. [Подгот. текстов актов к изданию] // Там же (совм. с Л. Г. Кагушкиной, В. И. Рутенбургом).
47. Греческая надпись из средневековой Алании (Северный Кавказ) // ВВ. 1962. Т. 21. С. 118—126.
48. *Iscrizioni genovesi di Sudak // Miscellanea storica ligure. 1963. Т. 3. P. 59—67.*
49. *Storia della Tana // Studi Veneziani. 1969. Т. 10. P. 3—45.*
50. «Дарение Агельтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 338—349.
51. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статья, подгот. текста, перевод и коммент. Л., 1971. 275 с.:
- 1) Записки Иосафата Барбаро. С. 5.
  - 2) История Таны (XIV—XV вв.). С. 29.
  - 3) Биография Иосафата Барбаро. С. 64.
  - 4) Записки Амброджо Контарини. С. 86.
  - 5) Барбаро и Контарини о Москве. С. 96.
  - 6) Итальянский текст, перевод Барбаро. С. 113.
  - 7) Комментарий. С. 161.
  - 8) Итальянский текст, перевод Контарини. С. 188.
  - 9) Комментарий. С. 235.
  - 10) Указатели.
52. Кто были Ралева, послы Ивана III в Италию (к истории итало-русских связей в XV в.) // Проблемы истории международных отношений: Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 267—281. Ср. № 62.
53. Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 103—118. Ср. № 54, 62.

54. Un ambasciatore veneziano all'Orda d'Oro (analisi dell'epitafio di Jacopo Cornaro, Tana, 1362) // *Studi Veneziani*. 1974. Т. 16. Р. 67—96. Ср. № 53, 62.
55. Печать Нила (Киевская находка 1976 г.) // ВИД. 1985. Т. 16. С. 83—92 (подгот. к печати А. К. Гавриловым).
56. Половцы. Опыт исторического истолкования этника (Из архива ученого) // ВВ. 1986. Т. 46. С. 225—276 (подгот. к печати Н. Ф. Котляром). Ср. № 62,1.
57. [Подгот. текстов актов Падуи к изданию] // Акты Падуи конца XIII—XIV в. в собрании Академии наук СССР. Л., 1987.
58. Предметно-терминологический указатель // Там же. С. 250—260 (с дополнениями В. И. Мажуги).
59. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / Вступ. статья, перевод, коммент. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. 506 с. Ср. № 41.
60. Московско-венецианские отношения 70-х годов XV века в русских летописях и документах Сената Венеции (дело Тревизана) / Подгот. к печати М. В. Скржинской // *Annali di Ca'Foscari. Rivista della Facoltà di lingue e letterature straniere dell'Università di Venezia*. 1997. Т. 36 / 1—2. С. 569—598. Ср. № 62.
61. *Олимпиодор Фиванский*. История / Перевод с греческого, вступ. статья, комментарии и указатели; Под ред. П. В. Шувалова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. 234 с.
62. Русь, Италия и Византия в средневековье / Подг. текста к печати М. В. Скржинской; Вступ. статья Н. Ф. Котляра. СПб., 2000. 284 с.:
- 1) Половцы. Опыт исторического истолкования этника (Из архива ученого). С. 36—86. Ср. № 56.
  - 2) Греческая надпись из Тмутаракани. С. 90—113. Ср. № 43.
  - 3) Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро). С. 114—152. Ср. № 53, 54.
  - 4) Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию. С. 153—179. Ср. № 52.
  - 5) Русь и Венеция времени Ивана III (по русским летописям и венецианским источникам). С. 180—237. Ср. № 60.
  - 6) Приложения I, II, III, IV (Извлечения из русских летописей, итальянских актовых и нарративных источников). С. 238—283.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Литература о Е. Ч. Скржинской

1. Памяти Е. Ч. Скржинской (1897—1981) // СВ. 1982. Вып. 45. С. 383—384 (без подписи).
2. *Медведев И. П.* Елена Чеславовна Скржинская // ВВ. 1983. Т. 44. С. 267—269.
3. *Мажуга В. И.* Исторический источник как предмет истории культуры (об исследовательском методе Е. Ч. Скржинской) // ВИД. 1987. Т. 18. С. 3—24.
4. *Мажуга В. И.* Е. Ч. Скржинская — исследователь и публикатор исторических источников // *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. 2-е изд. СПб., 1997. С. 490—505.
5. *Шувалов П. В.* Римляне и варвары в комментариях Е. Ч. Скржинской // *Олимпиодор Фиванский*. История. 2-е изд. СПб., 1999. С. 12—17.
6. *Шувалов П. В.* Предисловие ко второму изданию // Там же. С. 5—9.
7. *Котляр Н. Ф.* Елена Чеславовна Скржинская и ее труды по истории средневековых Руси, Византии и Италии // *Скржинская Е. Ч.* Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000. С. 5—35.
8. *Климанов Л. Г.* Эпиграфика «эпохи торговых итальянских колоний на Крымском полуострове» в научном наследии Е. Ч. Скржинской (1897—1981) // Сугдея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси—Украины: Материалы научной конференции. Киев; Судак, 2002. С. 123—126.

Часть II. ПУБЛИКАЦИИ

Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга

В С.-Петербургском филиале Архива РАН хранится интереснейший личный фонд (Ф. 88. Оп. 1—2) академика Ф. И. Круга, одного из тех немецких ученых (наряду с И. П. Колем, З. Байером, Г. Ф. Мюллером, А. Л. Шлецером, И. Г. Штриттером), которые, по оценке Ф. И. Успенского, стали «первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле»,¹ принеся с собой в Россию «научный критический метод», выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой. Восприняв «близко к сердцу» поставленную перед Академией наук задачу — исследовать корни русской истории, академики пришли к необходимости заняться изучением и византийских источников по истории IX—X вв. в связи с вопросом об образовании русского государства и крещения Руси.

Иоганн Филипп (в России — Филипп Иванович) Круг (1764—1844),² уроженец г. Галле, где он и получил университетское образование, в 1791 г. нанимается в качестве учителя в дом одного польского сановника, с семьей которого в 1794 г. оказывается в «собственно России»; с 1795 г. он в Москве, где становится воспитателем сына графини Орловой, вдовы гр. И. Г. Орлова; 15 августа 1803 г. Ф. И. Круг переезжает в Петербург, оставшись здесь, вопреки первоначальному намерению, навсегда. Все эти годы он усиленно занимается нумизматикой, к которой пристрастился с детства, обменивает привезенную с собой в Москву немецкую коллекцию иностранных монет на коллекцию русских (у одного родственника графини), довольно быстро овладевает сначала церковнославянским, а затем и русским языком, получив в домашней библиотеке Орловых, изобиловавшей славянскими и русскими рукописями (некоторые из них были дарами императрицы Екатерины), превосходную возможность познакомиться с источниками по русской истории (библиотека гр. И. Г. Орлова, которого братья звали «философом»), погибла в огне в 1812 г.). Именно как нумизмат Круг зачисляется в 1805 г. сотрудником («помощником библиотекаря») Эрмитажа, работая, правда, лишь в его Минцкабинете под начальством Г. К. Келера,³ а его исследования о русской нумизматике древнейшего периода⁴

¹ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России // *Анналы*. 1922. Т. 1. С. 115.

² Единственным, но зато в высшей степени основательным и хорошо документированным очерком, воссоздающим творческую биографию Ф. И. Круга, является скромно озаглавленное «Введение» к посмертно опубликованным трудам ученого, написанное А. А. Куником: *Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. SPb., 1848. Th. 1. S. 1—CCLVI.

³ Гинзбург Г. И. Г. К. Келер и библиотека Эрмитажа // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России*. СПб., 2000. Т. 2. С. 94, примеч. 8.

⁴ См., например: *Krug Ph. Zur Münzkunde Russlands / Hrsg. von Kaiserl. Akademie der Wiss.* SPb., 1805. 200 S. Русский перевод: *Круг Ф. Критические разъяснения о древних русских монетах*. СПб., 1805.

открывают ему двери в Академию наук (адъюнкт по русской истории с 27 марта 1805 г., экстраординарный академик с 11 марта 1807 г., ординарный академик с 16 августа 1815 г.).

Следуют труды Круга в области русской и, наконец, византийской хронологии, долгое время остававшейся «ахиллесовой пятой» не только российского, но и западного византиноведения. Сосредоточившись в своем основном исследовании «Критический опыт объяснения византийской хронологии, с особым вниманием к ранней истории России»⁵ на изучении византийских хронистов Феофана, Никифора и Симеона, он внес значительный и общепризнанный вклад в выверку нескольких сотен хронологических дат и в пересмотр господствовавших тогда в науке ошибочных взглядов таких авторитетов, как Дюканж, Пажи, но прежде всего бесконечно чтимый им Шлецер, «победной полемикой» против которого называет труд Круга А. А. Куник.

«Общепризнанность», впрочем, была несколько односторонней. Вот как расценивает действие своего детища сам автор (перевожу с немецкого): «Моя “Хронология Византийцев”, которая написана лишь в связи с древнейшей русской историей, имела счастье найти замечательный прием за границей и публично быть прославленной в качестве классического произведения».⁶ Геерен, например, называет книгу Фениксом в исторической литературе; Рюс, Хюльман, Шлоссер, Газе и другие заимствовали из нее множество исправленных данных в свои сочинения; от них они перешли в лучшие новейшие исторические труды, и до сих пор не нашлось ни одного человека, который счел бы ошибочным и опроверг хотя бы одно из более чем ста исправлений. — Но не так было в России. В Академии книга не произвела никакой сенсации; никакого признания, одобрения, поощрения — таков результат всего этого. Книга появилась в 1810 г., а я еще в 1815 г. был экстраординарным, хотя еще при моем определении на службу (ибо я, сорокалетний, отказывался стать адъюнктом), а затем снова, при появлении сочинения о русской нумизматике в 1805 г., мне было официально обещано быстрее повышение в звании, в то время как другие, сидевшие подо мной, давно продвинулись. Осталось совершенно незамеченным, что сказал старик Шлецер еще в 1806 г.: “Очень часто я его (Ф. И. Круга. — И. М.) в сочинении о нумизматике с основанием поправлял, опровергал и дополнял; но это самая первая и до сих пор единственная книга о древнерусской истории, подготовленная и напечатанная со времени смерти Байера (1738 г.) в самой России, которую отмечает подлинно научная критика”. Помимо Академии, мои исследования (при условии, что они вообще представляют интерес) все же больше всего должны приниматься во внимание теми, кто занимается древнерусской историей *ex professo*. Однако, когда в 1816 г. Карамзин, с которым я уже давно состоял в переписке, издал свои первые тома, корректурные листы которых он мне показывал, оказалось, что им не было принято во внимание так много из того, что я, как я полагал, строго доказал, что он (когда я ему об этом сказал и потребовал, если он в состоянии, опровергнуть меня) оказался вынужденным кое-что перепечатать и добавить к первому тому особый лист с дополнениями. Точно так же новейший историк Полевой показывает, что он мою книгу не читал, когда он (приведем только один пример) на стр. 159 тома I заставляет вел. княгиню Ольгу быть крещенной гнусным Феофилактом, а не Полиевктом,

⁵ *Krug Ph.* Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. SPb., 1810. XVI + 326 S.

⁶ Множество хвалебных отзывов и рецензий (в том числе авторов, указанных ниже самим Кругом) перепечатано А. А. Куником в его замечательном очерке о Круге: *Krug Ph.* Forschungen... Th. 1. S. XCVIII—CXXIX.

который, однако, уже годом раньше (3 апреля 956 г.) был посвящен в патриархи... Если это происходит с вышеназванными людьми, то можно ли ожидать, что другие, которым все это не столь близко, примут большее участие в таких исследованиях? И разве кому-нибудь придет в голову перевести подобную книгу целиком или в извлечениях на русский язык, не обращая внимания на то, что, может быть, кто-то и мог бы чему-нибудь научиться из нее?⁷ Можно ведь напечатать: «Мы не понимаем такой учености!»⁸ Но тогда получается, что даже желание видеть напечатанными мои статьи, которые почти все критического содержания, чрезмерно! Конечно, это не более чем пустая фраза, а посему мои исследования не пропадут; один я действительно верю: то время, что я еще могу напряженно работать, можно использовать гораздо полезнее, если продолжить записывание на бумаге результатов собственных исследований, чем тратить его на переписывание набело, на заполнение лакун уже известными фактами, на исправление корректур».⁹

Из процитированного явствует, что Круг почувствовал себя глубоко оскорбленным невниманием к его труду именно русской публики, для которой тот в первую очередь и предназначался; этим же, как отметил еще А. А. Куник, объясняется и тот факт, что после 1810 г. Круг фактически прекратил публиковаться (ни одной более или менее крупной статьи за 34 года!), и только после его смерти, в 1848 г., усилиями акад. А. А. Куника был издан уже упоминавшийся сборник его писавшихся «в стол» трудов, причем оказалось, что некоторые открытия были сделаны им задолго до того, как их сделали другие. Так, одним из важнейших его открытий было отождествление Хроники Георгия Амартола как основного и тщетно разыскивавшегося еще Шлецером византийского первоисточника Летописи Нестора (т. е. Повести временных лет), — открытие, сделанное Кругом еще в 1806 г. и на протяжении десятилетий оставшееся неизвестным.¹⁰

Возвращаясь к архиву ученого, следует еще раз отметить, что «сливки» с него снял акад. А. А. Куник, тщательно разобрав все писавшееся «в стол», отобрав достойное опубликования и осуществив посмертное издание в двух томах.¹¹ В меньшей степени им использована переписка Ф. И. Круга, хотя и с нею Куник ознакомился досконально. А между тем важность ее для истории науки не вызывает сомнений. Став доверенным лицом графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826) во многих научно-археографических предприятиях последнего и прежде всего — по связям с европейскими научными центрами (особенно Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, Круг «взял на себя роль консультанта, рецензента и редактора, выполняя свои обязанности с большим старанием и знанием дела».¹² Невозможно изучать деятельность

⁷ В примечании к этому месту А. А. Куник, опубликовавший записку Круга, помечает: «Позднее она (книга Круга) переводилась дважды».

⁸ Имеются в виду слова одного автора, процитированные в рецензии К[аченовского?] на шлецерского «Нестора» в «Вестнике Европы» (1811. Октябрь. С. 217).

⁹ *Krug Ph. Forschungen...* Th. 1. S. CXXX—CXXXIII.

¹⁰ *Ibid.* S. CXXXV, 162—163.

¹¹ Второй том (*Zweiter Theil*) сборника «*Krug Ph. Forschungen...*» продолжает пагинацию первого (всего оба тома насчитывают 836 с.). В архивной описи рукописей трудов Ф. И. Круга (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1: составители Н. А. Рычкова и Г. П. Блок) всякий раз тщательно устанавливается соответствие «архивной единицы» ее изданию. Из неопубликованных мелочей отметим заметку «*Stellen aus der griechischen Chronik des Mönchs Georg, mit dem Beinamen Hamartolus, nebst deren Uebersetzung in Nestors Jahrbüchern, mit Anmerkungen*», датированную 10 января 1827 г. (Там же. Д. 29. 4 л.). Видимо, об этих «выписках» спрашивал В. М. Ундольский в письме к А. А. Кунику от 7 сентября 1855 г.: «Не уцелело ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола, сообщенных г. Бодянскому, — он не может их найти или не желает сообщить мне их». См.: *Медведев И. П.* Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в С.-Петербургском филиале Архива РАН // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 807.

¹² *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 25.

румянцевского кружка без полноценного использования отложившейся в личном архиве Круга его обширной ученой корреспонденции, включающей в себя помимо отпусков и черновики писем самого Круга письма Н. М. Карамзина, М. Н. Погодина, П. М. Строева, Д. П. Попова, А. Н. Оленина, Д. И. Языкова, А. Х. Востокова, И. Ф. Г. Эверса, Г. К. Кёлера, П. И. Кеппена, Ю. Клапрота, О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерна, А. Х. Лерберга, Г. А. Розенкампа, Рауль-Рошетта и других, но прежде всего — 195 писем графа Н. П. Румянцева за 1808—1825 гг.¹³

Для византинистов первостепенный интерес представляет переписка Круга с знаменитым парижским филологом-эллинистом немецкого происхождения Карлом Бенедиктом Газе (45 пространных писем последнего и черновики ответных писем Круга),¹⁴ в которой нашло отражение, пожалуй, наиболее важное событие в мировой византистике того времени — первое издание «Истории» одного из крупнейших византийских писателей второй половины X в. Льва Диакона, ценнейшего источника не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси (балканские войны киевского князя Святослава в 968—971 гг. составляют один из основных сюжетов его сочинения).

Несколько слов о личности издателя. Карл Бенедикт Газе (родился 11 мая 1780 г. в саксонской Сульце близ Наубурга в семье священника, умер 21 марта 1864 г. в Париже)¹⁵ получил прекрасное классическое образование в классической гимназии Веймара и в университетах Йены и Гельмштедта; в 1801 г. переехал во Францию, ставшую его второй родиной (в его устройстве деятельное участие приняли парижские греки Адамантиос Кораис и Панайотакис Кодрикос, но особенно — французский эллинист G. d'Ansse de Villosion); в 1805 г. зачислен сотрудником Императорской библиотеки; в 1812 г. приглашен королевой Гортензией в качестве воспитателя ее несовершеннолетнего сына Наполеона-Луи Бонапарта (будущего короля Франции Наполеона III); в 1816 г. назначен профессором греческой палеографии и неозеллинистики в Королевском училище восточных языков; в 1824 г. избран членом Академии надписей и изящной словесности; в 1828 г. стал кавалером ордена Почетного легиона; в 1830 г. назначен профессором немецкого языка и литературы в *École Polytechnique*, а в 1832 г. — одним из заведующих Отделом рукописей Национальной библиотеки; в 1837 г. Газе осуществил свою давнюю мечту — посетил Элладу, где был награжден королем Оттоном орденом золотого креста Спасителя; в 1849 г. стал командором Почетного легиона; в 1852 г. назван профессором основанной им в Сорбонне (*Faculté des Lettres*) кафедры сравнительной грамматики;¹⁶ за издание «Истории» Льва Диакона награжден русским правительством орденом св. Владимира 4-й степени; избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук с 27 июня 1821 г.¹⁷

Публикатор многих текстов средневековой греческой письменности (среди которых — сочинения Иоанна Лиды), Газе все-таки на первое место ставил именно издание Льва Диакона, идея которого возникла у него с самых первых лет пребывания в Париже, но осуществление которого, по мнению Н. Панайотакиса, вряд ли стало бы возможным без участия в нем графа Н. П. Румянцева и акад. Ф. И. Круга.¹⁸ Ознакомившись с попавшей ему на глаза заметкой Газе о рукописи Королевской

¹³ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 74 и 115 (243 л.).

¹⁴ Там же. Д. 21 (93 л. писем Газе); Оп. 1. Д. 138 (черновики писем Круга).

¹⁵ О нем см.: *Panagiotakis N. M. Λέων ὁ Διάκωνος. Ἀθήναι*, 1965. Σ. 111—123; *Ševčenko I. The Date and Author of the so-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. T. 25. P. 117—188* (с подробной библиографией работ о Газе).

¹⁶ Изложено по: *Panagiotakis N. M. Λέων ὁ Διάκωνος. Σ. 111—112*.

¹⁷ Российская Академия наук: Персональный состав. М., 1999. Кн. 1. С. 353 (без портрета).

¹⁸ *Panagiotakis N. M. Λέων ὁ Διάκωνος. Σ. 113*.

библиотеки (нынешней Paris gr. 1712) с текстом «Истории» Льва Диакона и о проделанной им работе над текстом памятника, с публикацией (*speciminis causa*) его VI книги,¹⁹ Н. П. Румянцев обратился с письмом (на французском языке) к А. Н. Оленину от 18 марта 1813 г., в котором говорится следующее: «Заметка г-на Газе о рукописи Императорской библиотеки Франции, содержащей “Историю”, сочиненную Львом Диаконом, достаточна, чтобы возбудить большой интерес и особенно у русских. Нельзя не согласиться с ученым в том, что было бы в высшей степени полезно опубликовать этот труд, напечатав его. Г-н Газе, который как никто другой способен осуществить его прекрасное издание, признается, что с этой целью оставалось завершить латинский перевод, который он сделал. И поскольку этот перевод сделан, почему бы не появиться и самому изданию? Нет необходимых для предприятия финансовых средств? Нужен был бы аванс? О какой сумме могла идти речь? А не было бы возможным приобрести за деньги простую копию греческого текста с *правом напечатать ее здесь в сопровождении русского перевода* (выделено мной. — И. М.)? Сколько может стоить такая копия?»²⁰

В свою очередь А. Н. Оленин обратился за содействием в этом деле к Ф. И. Кругу, поручив ему связаться как с самим Газе, так и с его «шефом», редактором журнала «Magazin encyclopédique» Обэном-Луи Милленом (1759—1818), на предмет прояснения вопроса. «Статс-секретарь Оленин, — говорится в письме Оленина к Кругу (без подписи, писано канцеляристом) от 28 марта 1813 г., — препровождает при сем к Его Высокоблагородию Филиппу Ивановичу Кругу подлинную записку, полученную от Государственного Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева. Статс-секретарь Оленин просит Филиппа Ивановича изготовить, на точном основании изложенных в сей бумаге пунктов, письмо к г-ну Миллену или к г-ну Газе относительно к получению копий с упоминаемых в записке рукописей и прочаго; также покорно просит доставить сие письмо к нему за открытою печатью (*sachet volant*), дабы Граф Румянцев мог видеть содержание онаго, так как доставление сего письма он принимает себе. Статс-секретарь Оленин для лучшего в сем деле успеха просит написать два письма, одно к г-ну Миллену, а другое к г-ну Газе. 28 марта 1813».²¹ К письму была приложена и «подлинная записка» канцлера (на самом деле, как я предполагаю, составленная в канцелярии Оленина в духе вышеприведенной, действительно подлинной, адресованной А. Н. Оленину записки канцлера), причем фраза о копии была выражена в ней следующим образом (приводится в оригинале): «Il desireroit aussi savoir: si Mr Hase ne veut pas lui céder une copie exacte du texte grec qu’il a retouché, avec le droit de le faire paraitre imprimé avec une traduction russe qui se feroit (sic!) à Pétersbourg? Et quel est le prix d’une pareille copie accompagnée du droit de sa publication?»²²

Круг, несомненно, выполнил возложенное на него задание, но отправленные им письма не дошли до адресата.²³ Это видно, во-первых, из одного сохранившегося в бумагах Оленина черновика французского письма (Оленина к Газе? Тогдашняя манера авторов писать о себе в третьем лице и не подписываться затрундяет

¹⁹ Notices et Extraits de manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres Bibliothèques. 1810. Т. 8. P. 254—296.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 542 (Оленины). Д. 25. Л. 14.

²¹ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 60. Л. 1.

²² Там же. Оп. 1. Д. 186. Л. 1—2.

²³ Черновик его письма к Газе от [?] марта 1813 г. сохранился в его бумагах. Между прочим, сообщая о петербургском богаче, ревнителе отечественных древностей, который хотел бы способствовать изданию Льва Диакона, Круг уточняет: «Derselbe Gönner wünscht ferner zu wissen, ob Sie ihm wol eine ganz genaue von Ihnen revidirte Copie des griechischen Textes von Leo Diac. uberlassen wollen, die er hier in St. Pet., begleitet von einer russischen Übersetzung, könnte im Druck erscheinen lassen; und was Sie dafür verlangen? Er erwartet eine schnelle Beantwortung dieser Fragen» (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. С. 209—210 об.).

идентификацию), в котором, между прочим, говорится (в моем переводе с французского): «В начале прошлого года Государственный секретарь Оленин обязал г-на Круга из Петербургской Академии наук написать г-ну Миллену из Парижа письмо, чтобы постараться получить копию с рукописи Льва Диакона. Г-н Круг тотчас же снизошел к просьбе Государственного секретаря Оленина, но, к сожалению, еще не получил ответа: причиной могла быть война! Соответственно, г-н Круг охотно взялся бы снова написать г-ну Миллену, который является шефом г-на Газе. Он бы написал даже прямо этому последнему, хотя и не знаком с ним персонально, если бы у него были возможности доставить письмо, которое бы не затерялось, а также получить ответное письмо, т. е. то, что г-н Круг на себя не берет».²⁴

Во-вторых, об этом свидетельствует сам К. Б. Газе в своем первом письме к Кругу от 24 сентября 1814 г. «Из расспросов, — говорится в нем, — с которыми ко мне несколько месяцев назад подступил один молодой офицер, г. Берто, я предположил, что Вы имели любезность писать мне; а на основании письма барона фон Штрандмана, секретаря русского посольства в Англии, я убеждаюсь в этом еще раз. Этот последний... сообщает мне из Лондона, что ныне находящийся там г-н Крузенштерн (выдающийся мореплаватель и географ И. Ф. Крузенштерн. — *И. М.*) спрашивает, получил ли я Ваши письма ко мне, отправленные во время войны. К сожалению, ни одно из них не дошло до меня. Предполагаю, что, как и многие другие, они были вскрыты и утаены бонапартистской полицией. Мне этот инцидент особенно досаден, ибо, с одной стороны, эти письма, возможно, содержали заказы и запросы от Вас, которые остались и поныне неисполненными и безответными; с другой стороны, как пишет г-н Штрандман, в них, по его мнению, речь шла об одном историческом сочинении, относящемся к русской истории, которое г-н Рейхсканцлер Романцов (*sic!*) хотел иметь напечатанным или списанным в Париже. Я не сомневаюсь, что это сочинение — “История” Льва Диакона; по крайней мере, я несколько дней назад получил письмо г-на госсекретаря Оленина, в котором речь идет также об этом сочинении... Князь Волконский также прислал мне записку следующего содержания: хотят, чтобы рукопись оригинального текста Льва была послана в Петербург с тем, чтобы она была напечатана там, ибо я, возможно, откажусь от его (Льва) издания. Я ответил, что мое намерение (опубликовать «Историю» Льва Диакона в луврской серии *Corpus Byzantinae Historiae*. — *И. М.*) не изменилось и что Лев уже готов к печати. Несколько дней назад г. Дювиньо, прибывший из Петербурга, привез мне письмо графа Оленина, в котором тот требует пересылки рукописей Амартола и Льва. Первый не входит в мои планы, и я указал его (Оленина. — *И. М.*) посланнику, графу Поццо ди Борго, путь, на котором он должен искать разрешение министра, которое он несомненно получит. Но что касается Льва, то я Вас самого спрашиваю, справедливо ли лишать меня возможности первым выпустить его после того, как я обратил внимание публики на этого автора и на протяжении нескольких лет тратил на его обработку те немногие часы, которые оставляли мне дела по службе. Мои предварительные исследования, рукописи нашей Библиотеки, все мои шестилетние штудии дают мне в руки средство сделать такое издание полнее, чем это может быть где-то в другом месте. И как позорно было бы для меня, если бы я, публично пообещав ученой Европе стать первым издателем, не сдержал слова. Но почему бы Льву не быть напечатанным здесь? Я принимаю это предложение, так как оно, согласно сообщению г-на Штрандмана, содержится в Вашем письме и так как оно действительно для нас всех и выгодно, и почетно. За 3000 франков г. Эберхард (у него

²⁴ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 25. Л. 16.

вышли Плутархи Кораиса) выражает готовность выпустить 500 экземпляров (греческий текст с латинским переводом, словарем и предисловием). Из этих экземпляров 50 я бы зарезервировал себе, чтобы распределить их здесь; остальные г. Эберхард направил бы ближайшим и надежнейшим путем г-ну Оленину, г-ну Романцову (sic!) или же тому, кто покроет расходы на печатание. Таким образом, Лев мог бы появиться как предтеча и провозвестник моего большого тома, который затем, разработанный не спеша, последовал бы через год или два. Само собой разумеется, что в предисловии я бы помянул с благодарностью и прославлением Вас и того, кто бы поспособствовал изданию. Все это я написал и г. Оленину (письмо не сохранилось? — *И. М.*); поговорите с ним, ведь Вы наверняка знаете его». ²⁵

Ответ Ф. И. Круга нам неизвестен, но зато известен результат дела: *editio princeps* оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона стало осуществляться (стараниями К. Б. Газе и на средства гр. Н. П. Румянцева) в Париже, растянувшись на несколько лет (1814—1819), в то время как первый перевод труда на «российский язык» предполагалось сразу же по появлении оригинала изготовить и издать в Петербурге — также на деньги Н. П. Румянцева. ²⁶

Публикуемые ниже письма Газе как раз и отражают весьма драматичную историю издания оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона. ²⁷ Значительная часть их содержит обильную информацию о ходе печатания; о движении корректур (акад. Круг не только просматривал все корректуры, но и делал свои поправки к публикуемым текстам); о трудностях с их пересылкой и пересылкой писем, которые часто не доходили до адресатов. Много места в них отведено попыткам объяснить и оправдать непомерно затянувшееся издание (1814—1819 гг., и это притом, что уже в первых письмах говорится о готовности издания к печати), обоснованию и расчетам требовавшихся со стороны графа финансовых субсидий (в ответ на которые тот незамедлительно выписывал чеки), описанию трагедии с гибелью во время шторма значительной части тиража (125 экземпляров из совокупного тиража в 400 экземпляров) ²⁸ при транспортировке их по морю на бриге «Меркурий» в Петербург, бесконечным просьбам к Румянцеву и Кругу ходатайствовать о награждении его (как и его друга Рауля-Рошетта) орденом св. Владимира, красочному описанию научной жизни Парижа тех времен и т. д. Письма изобилуют упоминаниями имен огромного количества людей, так или иначе связанных с описываемыми событиями, от государственных деятелей (имп. Александр I, Н. П. Румянцева, А. Н. Оленина, И. Каподистрия, С. С. Уварова, кн. Волконский, гр. Орлов, Воронцов, Нессельроде, гр. Поццо ди Борго и др.), ученых и писателей (выдающийся мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, Клапрот, Сен-Мартэн, Рауль-Рошетт, Жюль Давид, Н. М. Карамзин, А. Х. Лерберг, Ф. Шамполион, П. И. Кеппен, А. Кораис, М. Т. Каченовский, А. С. Березин, Б. Г. Нибур, Ф. П. Аделунг, Хальма, Е. Е. Кёлер, Ремюза, Цирбед, Х. Д. Френ, Сильвестр Саси, А. Май, И. А. Гульянов, Л.-М. Лангле, О. Коцебу и т. д.), художников (Л. Корис, Шерадам, Matthes), сотрудников русских посольств в Париже и Лондоне (И. О. Шtrandман, И. Г. Шре-дер, Лавенский), печатников и книготорговцев — до близких парижских друзей (некая мадемуазель Канель, мадам Берто) и родственников (брат Круга Леопольд, брат Газе). Многим из них даются на страницах писем весьма выразительные характеристики.

²⁵ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 1—4 об.

²⁶ О последнем подробнее см. в статье: *Медведев И. П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // *ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ*: к 75-летию академика РАН Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 86—98.

²⁷ Подробно об этом см.: Там же.

²⁸ Бытующая в литературе другая цифра погибших экземпляров (150) восходит к ошибочной информации, сообщенной Раулем-Рошеттом в его рецензии на издание Льва Диакона (*Journal des Savants*. 1820. Janvier. P. 4).

Знакомясь с содержанием писем, мы, конечно, не могли не иметь в виду и головоломную историю с предполагаемым изготовлением Карлом Бенедиктом Газе фальшивки — так называемой «Записки Готского топарха», т. е. некоего анонимного фрагментарного текста, который якобы был им найден в одном из рукописных кодексов Королевской библиотеки Парижа и затем исчез — неизвестно куда — и который, по мнению Газе, мог служить дополнением к краткому известию Льва Диакона о взятии Херсона (Корсуня) русскими при Владимире Святом, ибо был составлен ближайшим участником события.²⁹ Разумеется, рассчитывать на то, что в каком-то из своих писем Газе признается в подлоге или просто проговорится, не приходилось, — ничего конкретного по этому «делу» переписка не сообщает. И тем не менее некоторые наши наблюдения над «методологией» работы Газе с текстами, его высказывания по этой части, свидетельствующие о его ярко выраженной склонности к «филологическим играм», к экспериментированию с византийскими текстами (с аттическими, как он сам сознается, он бы себе этого не позволил), с византийской лексикологией и семасиологией, убеждают нас в том, что одним из такого рода экспериментов могло стать (думаю, что и стало) сочинение им «Записки Готского топарха», тем более, что налицо был и мотив «преступления» — как можно более «раскошелить» не жалеющего денег русского «спонсора».³⁰ Даже удивительно, что опытный и восприимчивый к такого рода вещам Ф. И. Круг ничего не заподозрил.

Зато уникальную информацию письма Газе содержат о других его неизвестных или малоизвестных, оставшихся неосуществленными, издательских проектах (таких как «Хроника» Георгия Амартола, «Хронография» и письма Михаила Пселла, «История» Никифора Грегоры, сочинения Григория Паламы, «Морейская хроника» и др.), «спонсором» которых также должен был выступить (и, в сущности, уже выступил, так как им «вперед» были уже оплачены по крайней мере два первых из названных) Н. П. Румянцев.³¹ Со смертью графа 6 августа 1826 г. все работы, однако, приостановились, прервалась почему-то и переписка Газе с Ф. И. Кругом.

Публикуемые письма Газе к Кругу писаны немецкой «готикой»; несколько писем, встречающихся в подборке и адресованных к Н. П. Румянцеву, писаны на французском языке. Все письма публикуются целиком, без изъятий, в хронологическом порядке, который не всегда совпадает с порядком их хранения в архивном деле, а в некоторых случаях, как будет отмечено, вообще целые куски текста попали в личные фонды других ученых, в частности А. А. Куника, где они сейчас и хранятся. В издании, таким образом, осуществлена некоторая реконструкция текста писем. Нам остается, наконец, сердечно поблагодарить Г. Ф. Байера за то, что он любезно согласился просмотреть издание в рукописи и исправить некоторые наши ошибки в прочтении текста. Приводим текст писем (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 1—92).

²⁹ Этим сенсационным открытием наука обязана, как известно, американскому ученому И. Шевченко. См.: *Ševčenko I. The Date and Author...*

³⁰ Подробнее о наших наблюдениях, а также догадке в отношении литературного источника, использованного Газе при воссоздании событий, запечатленных в «Записке», см.: *Medvedev I. Ἱστορία ἐνὸς πλαστογράφου: Ὁ λεγόμενος Toparcha Gothicus // Βυζαντινά*, 2000. Т. 21. Σ. 237—249. См. также русский вариант статьи: *Медведев И. П. К вопросу о неподлинности так называемой Записки Готского топарха // Мир Александра Кавказа: К 80-летию со дня рождения*. СПб., 2003. С. 160—172.

³¹ О наиболее «продвинутом» из этих издательских проектов — «Хронографии» Пселла — см.: *Медведев И. П. Малозвестный проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла // ВВ*. 2001. Т. 60 (81). С. 183—191.

№ 1 (л. 3—4 об., 44). Помета Круга (о получении?): 16 Okt. 1814.

Paris d. 24 September 1814

Ich wende mich an Sie, werthester Herr Hofrath, um mich mit Ihnen über eine Sache zu verständigen, über die Sie mir wahrscheinlich Aufklärung geben werden. Schon lange wünschte ich mit Ihnen in Briefwechsel zu treten, und die Anzeige, die ich in Hn. Millins *Magazin Encyclopédique* (Avril 1814. pag. 446) von Ihrer Chronologie der Byzantiner gemacht habe, kann Ihnen als Beweis dienen, wie sehr ich Ihre gelehrten Arbeiten zu würdigen weiß.

Schon aus einer Nachfrage, die ein junger Offizier, H. Berteaux, vor einigen Monaten bei mir that, vermuthete ich, daß Sie die Güte gehabt mir zu schreiben; und durch einen Brief Hn. Barons von Strandman, Russischen Gesandtschaftssekretärs in England, komme ich so eben darüber zur Gewißheit, Dieser, den ich bei seinem Hierseyn sah, meldet mir aus London. Herr von Krusernstern (jezt dort) frage nach, ob ich Ihre Briefe an mich, die er mir während des Krieges adressirt, richtig erhalten.

Leider ist mir von diesen nichts zu Gesicht gekommen Ich vermuthete, sie sind von der bonapartistischen Polizei, so wie viele andere, erbrochen und unterschlagen worden. Höchst unangenehm aber ist mir dieser Vorfall, theils weil diese Briefe wahrscheinlich Aufträge oder Nachfragen von Ihnen enthielten, die nun unvollzogen u. unbeantwortet geblieben sind; theils weil mir H. von Strandman schreibt, er glaube, es sei in denselben die Rede gewesen von einem historischen Aufsatz die Russische Geschichte betreffend, den Herr Reichskanzler von Romanzoff habe in Paris drucken oder abschreiben lassen wollen. Ich zweifle nicht, daß dieser Aufsatz die Geschichte des Leo Diakonus gewesen; wenigstens habe ich vor wenigen Tagen einen Brief von Hn. Staatssekretär v. Olenin erhalten, worinn von diesem Werke gleichfalls die Rede ist. Alles diess erheischt, wie es scheint, baldige Aufklärung.

An einem Supplementband der Byzantina arbeite ich, wie Sie wahrscheinlich wissen, seit sechs Jahren, leider oft unterbrochen durch Beschäftigungen, zu denen mich mein Amt zwingt. Vermöge dessen lag mir ob, alle seit der Revolution in die Bibliothek gekommenen griechischen u. lateinischen Handschriften zu durchsuchen, u. zu verzeichnen. Diese Arbeit, zeitraubend, obschon nicht ohne Reiz, auch nicht ohne Nutzen für mein Hauptunternehmen, war wenige Monate vor dem Einrücken der Alliirten in Paris beendet, u. ich arbeitete wieder für meinen Band, der folgende *Inedita* enthalten sollte: 1. Leo Diaconus. 2. Psellus Chronographie. 3. Dessen Briefe, soviel ihrer historischen Inhalts sind. 4. Einige Bücher (wir haben nicht alle unedirte) von Nicephorus Gregoras. 5. Anonyma.

Von diesen war Leo druckfertig, u. Psellus Chronographie beinahe ganz; an der lateinischen Uebersetzung der Briefe arbeitete ich nach Kräften, als Fürst Wolkonsky mir eine Note sendete, des Inhalts, man wünsche die Originalhandschrift des Leo nach Petersburg geschickt zu erhalten, um ihn dort drucken zu lassen, weil ich wahrscheinlich auf seine Herausgabe Verzicht gethan. Ich antwortete, meine Absicht sei noch immer dieselbe, u. Leo sei druckfertig.

Nun bringt mir vor wenigen Tagen Herr Duvigneau, aus Petersburg kommend, einen Brief von Hn. Grafen v. Olenin, worin dieser die Uebersendung der Handschriften des Hamartolus u. Leo's begehrt. Ersterer liegt außer meinem Plan, u. ich habe Hn. Grafen Pozzo di Borgo, *Ihrem* Gesandten, den Weg angegeben, auf dem er um die Autorisation des Ministers nachzusuchen hat, die er ohne Zweifel erhält. Was aber Leo betrifft, so frage ich Sie selbst, nachdem ich die Aufmerksamkeit des Publikums auf diesen Schriftsteller gelenkt, und Jahre lang die wenigen Stunden, die meine Berufsgeschäfte mir übrig ließen, auf seine Bearbeitung gewendet habe, ob es billig wäre, mich außer Stand zu setzen, ihn zuerst erscheinen zu lassen. Meine Vorarbeiten, die Handschriften

unserer Bibliothek, alle meine Studien seit sechs Jahren geben mir Mittel an die Hand, eine solche Ausgabe vollständiger zu machen, als sie es irgend anderwärts werden kann. Und wie schimpflich wäre es für mich, wenn, nachdem ich öffentlich versprochen, der erste Herausgeber zu werden, ich doch nun dem gelehrten Europa nicht Wort gelten könnte.

Warum aber sollte Leo nicht hier gedruckt werden? Ich komme auf diesem Vorschlag, da er, nach Hn. von Strandmans Bericht, in Ihrem Briefe gewesen zu sayn scheint, u. weil er wirklich für uns alle gleich vortheilhaft u. ehrenvoll ist. Für dreitausend Franken macht sich Herr Eberhart (bei dem Corays Plutarche erscheinen) anheischig, fünfhundert Exemplaren, den griechischen Text, die lateinische Uebersetzung, ein Glossarium u. die Vorrede enthaltend, zu liefern. Von diesen Exemplaren würde ich mir fünfzig ausbedingen, um sie hier zu vertheilen; die übrigen würde H. Eberhart Hn. von Olenin, oder H. v. Romanzoff, oder dem, der die Druckkosten bestritten, auf dem nächsten u. sichersten Wege zukommen lassen. So könnte Leo als Prodromus oder Anzeige meines grossen Bandes erscheinen, der hernach, mit Müße ausgearbeitet, in einem oder in zwei Jahren folgte. Daß ich in der Vorrede Ihrer, u. desjenigen, der den Druck befördern würde, mit Dankbarkeit u. Ruhm gedächte, versteht sich von selbst.

Alles dies habe ich auch Hn. von Olenin geschrieben; haben Sie die Güte, sich mit ihm — da Sie ihn ohne Zweifel kennen — zu besprechen. Daß ich Ihnen für Ihre freundschaftliche Verwendung herzlichen Dank wissen werde, brauche ich Ihnen nicht zu versichern. Betrachten Sie mich als jemanden, der, Ihnen völlig ergeben, alle Aufträge, die Sie in Paris ausgerichtet, alle Nachsuchungen, die Sie in unsern Handschriften gethan wissen wollen, mit Freuden übernehmen wird. Wünschen Sie die chronologischen Angaben bei Leo u. Psellus (dieser hat ihrer sehr wenige ausgezeichnet? oder die bei Simeon Logotheta oder andern verglichen? Ich stehe Ihnen zu Gebot, obschon ich mich sonst wenig mit Chronologie u. Synchronistik beschäftigt. Denn meine Arbeit über die Byzantiner ist rein philologisch; ich will bloß den Text wo möglich so rein liefern, als er aus den Händen der Schriftsteller ging. Kritische Prüfung der Wahrheitsliebe eines jeden, Würdigung der Hilfsquellen, der historischen Angaben überhaupt liegt nicht in meinem Plan; was ich auch thun kann, bleibt doch nur Materialien u. Vorarbeiten zu Ihren historischen Werken.

Und so gebe ich die ganze Sache zutrauensvoll in Ihre Hände. Verhandeln Sie mit der Behörde, sprechen Sie mit Hn. von Olenin, an den ich als Probe das neunte Buch Leos, in der Eil abgeschrieben, übersendet habe — nur die Noten fehlen, die grammatisch, ungefähr wie die zu Timario im neunten Band der *Notices et Extraits*, wiewohl kurzer, sind, u. die ich in ein Glossarium alphabetisch hinter den Text zusammen zu stellen denke u. sein Sie in Voraus meines herzlichen u. thätigen Denkes versichert. Den Postweg aus Erfahrung scheuend, übergebe ich Hn. Grafen Pozzo di Borgo diesen Brief, bete für dessen glückliches Anlangen. u. empfehle mich Ihrem wohl wollenden Andenken u. Ihrer freundschaftlichen Verwendung.

Hase.

à la Bibliothèque du Roi, rue de Richelieu.

№ 2 (Л. 5—6 об.). Помета Крпра: 6. Nov. 14.

Paris d. 18 October 1814

Zugleich mit einem Briefe an Hn. Graf von Olenin habe ich, werthester Herr Hofrath, auch einen an Sie Anfang dieses Monats Hn. Pozzo di Borgo übergeben. Darinn drückte ich Ihnen mein Bedauern aus, zwei Briefe nicht erhalten zu haben, die Sie, wie ich durch

Hn. Baron von Strandman aus London weiß, an mich geschrieben; zugleich machte ich Ihnen wegen meiner Byzantiner Vorschläge. Nun versichern mir zwar die Herrn der Russischen Gesandtschaft, meine Briefe an Hn. von Olenin u. an Sie seien abgegangen, jedoch mit zwei verschiedenen Kurieren, u. über Wien. Da nun außerdem über unsern schriftlichen Mittheilungen bis jetzt ein ungünstiges Geschick gewaltet zu haben scheint, so fürchte ich hier neue Verspätungen u. Nachlässigkeiten; u. da ich höre, daß eine Gelegenheit von Ihrer Gesandtschaft geradezu nach Petersburg abgeht, benutze ich diese, auf die Gefahr hin, daß Sie das hier Geschriebene zum Zweitemale lesen.

An einem Supplementband der Byzantina arbeite ich seit sechs Jahren. Da mir aber zugleich amtshalber die Durchsuchung u. Beschreibung aller neuerworbenen griechischen u. lateinischen Handschriften unserer Bibliothek obliegt, so wurde freilich bei dem großen Zuwachs der letzten Jahre meine Arbeit häufig unterbrochen, obschon ich eben dadurch manchen nicht unwichtigen Beitrag entdeckt, u. ununterbrochen für meine Noten gesammelt habe. Leo Diakonus, die Chronographie von Psellus, dessen Briefe, und einige unedirte Bücher von Nicephorus Gregoras sollten, wie ich mehrere Male in Paris angekündigt, die Hauptbestandtheile eines Foliobandes ausmachen, ein zweiter, als Ergänzung des Ducangischen Glossariums, mehrere Tausend griechische Wörter, die bis jetzt in den Wörterbüchern fehlen, enthalten. Von letzterem habe ich in dem dieses Jahr erschienenen Band der *Notices et Extraits* einige Proben gegeben; von dem ersten Bande sind Leo Diakonus u. Psellus Chronographie druckfertig; Psellus Briefe habe ich diesen Sommer im Schweiß meines Angesichtes in Ciceronianisches Latein zu zwingen gesucht.

Nun erhielt ich vor ungefähr drei Wochen einen Brief von Hn. Grafen von Olenin, worinn er die Uebersendung der Handschriften des Hamartolus u. Leo Diakonus von uns begehrt. Was Hamartolus anbelangt, liegt dieses ganz außer meinem Plane, u. obschon durch Hn. Pozzos di Borgo Abreise die Unterhandlungen mit dem Minister des Innern, der Handschrift Uebersendung betreffend, etwas in die Länge gezogen worden sind, so hoffe ich doch auf baldige Beendigung zu Ihrer Zufriedenheit. In Betreff Leos aber nehme ich Ihre Freundschaft u. Billigkeit in Anspruch. Wäre es nicht kränkend, ja beinahe beschimpfend für mich, wenn ein Schriftsteller, dessen Herausgabe ich seit Jahren angekündigt, ja zu dessen Bekanntwerdung ich selbst durch die Anzeige in den *Notices* beigetragen, nun doch nicht zuerst durch mich, wie ich versprochen, erschiene? Und meine Noten? nicht unwichtige Beiträge zur Byzantinischen Geschichte u. Gracität, denken Sie, wie unangenehm es mir seyn würde, sie seit Jahren aus einer Menge Handschriften mühsam u. doch vergeblich, zusammengetragen zu haben.

Auf der andern Seite ist mir der Gedanke sehr zuwider, als ein Drache zu erscheinen, der, wo nicht über Gold, doch in einem feindlich sitzt. So wie Leos Schrift für Ihre kritischen βιβλιοτάξω Untersuchungen der Russischen Urgeschichte wichtig, oder auch nur brauchbar werden kann, ist schnelle Mittheilung derselben meine, so wie jedes Gelehrten, Pflicht. Darum thue ich Ihnen einen Vorschlag, um so zutrauensvoller, da ich vermuthete, daß in Ihren verlohrenen Briefen an mich enthalten waren.

Nach Hn. Eberharts u. Didots Versicherung, denen ich meine Abschrift, Uebersetzung und Noten gezeigt, kann Leo mit dreitausend Franken Vorschuss gedruckt werden. Bewegen Sie vermögende Gönner Russischer Urgeschichte diese Summe, die doch früher oder später durch den Verkauf der Exemplare wieder einkommt, vorzuschießen, und sie an die Russische Gesandtschaft in Paris zu senden. Dann kann der Druck sogleich beginnen, zu sechshundert Exemplaren, Ihnen gehörig bis auf fünfzig, die ich mir zur Vertheilung an hiesige Zeitungsredaktionen u. dergl. vorbehalte. Daß ich in der Vorrede Ihrer u. der Beförderer der Unternehmung [вырвано] überhaupt mit gebührender Erkenntlichkeit gedenke, versteht sich ohnehin. Psellus, [вырвано] u. was sonst noch meinen ersten Folioband ausmachen wird, erscheint dann später, etwa nächstes Jahr. Mir selbst ist es nicht unangenehm, dem grösseren Werke durch Leos Herausgabe eine Art von Prodromus voranschicken zu können.

Sollten Sie indessen der Russica Leos sogleich benöthigt seyn, so bin ich erbötig — da doch der Druck, selbst etwa in einem Monat angefangen, schwerlich vor Februar beendigt seyn wird, Ihnen alles, was in seiner Geschichte die Russen betrifft, Ihnen [sic!] auf der Stelle abzuschreiben u. zu übersenden. Das sechste Buch ist schon gedruckt; das neunte habe ich vor einigen Wochen an Hn. von Olenin geschickt; alles übrige steht Ihnen sogleich zu Diensten.

Ich habe Ihnen noch viel zu sagen; mir fehlt der Raum. Betrachten Sie mich als Ihnen in Allem ergeben, ὡς τὸν σὸν κατὰ πάντα. Wir bearbeiten beide die Byzantiner, aber in ganz verschiedener Hinsicht. Ich beschäftige mich nur mit dem Text u. der Sprache, will dem Chronologen u. Geschichtschreiber Materialien geben, zu wirklichen historischen Untersuchungen bin ich weder aufgelegt noch geeignet. Aber ich glaube, daß ein Verein zwischen uns beiden für die Wissenschaft nicht ohne Nutzen bleiben wird. Wollen Sie Vergleichen zweifelhafter stellen? Berichtigungen der Zahlzeichen? Sei es in einem Byzantiner, oder in mehreren. Meine Analyse Ihres trefflichen Werks, die (im dießjährigen Aprilstück des *Magazin Encyclopédique*) kann Ihnen zeigen, wie nützlich dergleichen Beiträge werden können.

Und nun leben Sie wohl. Ich flehe zu Ἐρμῆς ἐνόδιος um glückliche Ueberkunft dieses Briefes, u. bitte Sie um Ihr freundschaftliches u. wohlwollendes Andenken.

Hase (à la Bibliothèque du Roi rue de Richelieu)

№ 3 (Л. 7—8 об). Помета Круга: 24 Марз 15.

Paris den 14 Februar 1815

Empfangen Sie meinen herzlichen Dank für Ihren gütigen Brief vom 20 Nov./2 Dec. vorigen Jahres, den ich in einem von meinem Verwandten Hn. Reyher den 9/21 December geschriebenen eingeschlossen vor einigen Wochen erhielt. Den, welchen Sie mir am 21 Oktober schrieben, habe ich seitdem erwartet, aber noch nicht erhalten; auch ist Herr von Krusenstern bis jezt noch nicht hier eingetroffen.

Ihrem Rathe gemäss schreibe ich soeben an Hn. von Romanzoff, u. werde den Brief beider Gesandtschaft abgeben. Da indessen wir schon so manches Unglück mit unsern Sendungen gehabt haben — auch Madam Bertaud, die sich Ihnen empfehlen lässt u. sich wohl befindet, hat seit Monaten keine Briefe bekommen — lege ich Ihnen eine Abschrift dieses Briefes ein. Sollte binnen vierzehn Tagen nichts von der Gesandtschaft an den Hn. Kanzler kommen, so überreichen Sie ihm gefälligst diese beikommende Abschrift, und sprechen Sie zu gunsten meiner Sache. Den Stand derselben werden Sie aus der Beilage sehen. Die Buchhändler haben mich beredet, Leo, wo möglich, in der *Imprimerie du Roi* drucken zu lassen; zwar kommt es etwas theurer, als in einer Privatdruckerei; aber wir finden auch nirgends anderwärts die Vignetten, Typen u. Verzierungen genau so, wie sie in den übrigen Ausgaben des *Corporis Byzantini* sind, und wie ich nun hoffe, daß sie in den Leo kommen werden. Übrigens verlangen wir von S.E. dem Kanzler nicht mehr als dreitausend Franken, nach unserer früheren Abrede; nur werden Sie aus meinem Briefe sehen, daß die Zahl der Exemplare geringer ausfällt. Indessen denke ich, daß ihm auch die zweihundert, die er — wahrscheinlich ein jedes zu 30 Franken — hier u. in Deutschland verkaufen lassen kann, genug scheinen, u. ihn gewiß für seinen Aufwand entschädigen werden. Von den zweihundert, die ich für mich verlange, werde ich gern mehrere an die Recensenten vertheilen, welche das Werk anzeigen. Nur bitte ich Sie, dafür zu sorgen, daß von Seiten des Hn. Kanzlers schleunige Antwort komme. Denn ich bin Willens, binnen vierzehn Tagen den Druck anfangen zu lassen, und würde in grosse Verlegenheit gerathen, wenn das Geld, worauf wir zählen, ausbliebe.

Wie vielen Dank bin ich Ihnen nicht schuldig für Ihre wohlwollenden Bemühungen; ich wiederhole meine Bitte, geben Sie mir bald Gelegenheit, mich erkenntlich zu zeigen. Daß ich in meiner Vorrede den Hergang der Sache erzähle, und welchen Antheil Ihr freundschaftlicher Eifer an der endlichen Erscheinung *Leos* hat, versteht sich von selbst. Ich sehne mich sehr nach der Ankunft Hn. von Krusensterns, um mit diesem unsere Angelegenheiten weitläufig zu bereden.

Bis dahin, wo ich Ihnen sogleich wieder schreiben werde, leben Sie recht wohl. Lesen Sie meinen Brief an den Kanzler aufmerksam durch; ich denke, daß ich in demselben nichts unschickliches verlange oder sage. Und nun empfangen Sie nochmals meinen herzlichen Dank, und meine Bitte um Erhaltung Ihrer wohlwollenden Freundschaft.

C. B. Hase.

[à la Bibliothèque du Roi, rue de Richelieu]

N. S. Ich mache keinen Umschlag um den Brief an den Kanzler, um nicht unnöthig die Schwere des Pakets zu vermehren; falls Sie den Brief übergeben, haben Sie wohl die Güte ihn einzuschlagen.

№ 4 (Л. 9—10 об.).

Париж. 2 сентября 1815 г.

Endlich antworte ich Ihnen auf Ihren wohlwollenden Brief vom 27 März/8 April, etwas spät, aber die Zeitumstände entschuldigen mich; wenige Tage nach Empfang Ihres Schreibens brach der Krieg wieder aus, und was weiter erfolgt ist, wissen Sie. Indessen habe ich keine Zeit verlohren, den Druck zu betreiben, und Sie erhalten hiermit zwei Korrekturbogen des durch Ihre freundschaftliche Verwendung nun endlich doch an das Licht geförderten Leo. So wie Sie sehen, wird er ungefähr hundert Seiten=25 Bogen, ausmachen; ich werde dann noch den unedirten Tractat *Περὶ παραδρομῆς πολέμου* (*Ducange Glossario Graec.* in dem *Index auctorum ineditorum column. 30*) anhängen, der auf Befehl des Kaisers Nicephorus Phocas geschrieben, von mässiger Ausdehnung, aber unterrichtend für die damalige Einrichtung des Kriegswesens ist, vieles enthält, was in der Taktik des Kaiser Leo's nicht vorkommt, u. also ein *Excursus De re militari Byzantinorum tempore Leonis Diaconi* angesehen werden kann. Den Band denke ich mit dem von mir gefundenen Bruchstück des Joannes Epiphaniensis (*Notice des Manuscrits VIII.259 (1)*) und der griechisch ungedruckten *Epistola Theodosii monachi De expugnatione Syracusarum* zu beschließen, die bei *Ducange Glossar. Indice auctor.* col 62 erwähnt, und in unserm *Codex regius 3032.* zum Theil enthalten ist. So, meine philologischen u. grammatischen Noten mitgerechnet, die noch darauf folgen werden, wird der Band doch ungefähr zweihundert Seiten, ohne die Vorrede, enthalten, u. also noch etwas stärker seyn als der *Agathias* in der *editio Regia*. Hoffentlich hat dieser ganze Plan Ihren Beifall; sonst bin ich bereit, nach Ihrem Wunsche abzuändern, was Ihnen scheinen könnte einer Änderung zu bedürfen. Die Noten sind, wie die zum *Timarion* im neunten Bande der *Notices*, nur kritisch und grammatisch; alle historischen Erläuterungen sind Ihnen vorbehalten, wie ich schon voriges Jahr die Ehre hatte Ihnen zu schreiben. Das ganze Werk wird dem Kanzler dedicirt werden, und in der Vorrede erlauben Sie mir, nebst ihm auch Ihnen meinen Dank öffentlich abzustatten; denn der Himmel weiß, wie lange ohne Sie Leo noch ungedruckt geblieben wäre. Die Herausgabe des *Hamartolus* gefällt mir sehr; ich glaube in der That, daß seine Chronographie viel im Norden gelesen worden, u. eine Quelle gewesen ist, woraus *Nestor* schöpfte. Der Text ist aus den vielen u. guten Handschriften, die wir haben, ohne Mühe zu berichten, und der Styl entweder aus andern Schriftstellern, die ich sogleich wiedererkenne, zusammengetragen, oder, wo

er von dem Verfasser selbst kommt, sehr leicht u. einfach, so daß mir die Übersetzung in das Lateinische nicht viel mehr Zeit als das Abschreiben u. Vergleichen des griechischen Textes kosten wird. Um so mehr betreibe ich jezt die Beschleunigung des Druckes in der *Imprimerie du Roi*, wo aber freilich bei der ἀστασία καὶ συχνῇ μεταβολῇ τῶν πραγμάτων ὁ ἀριθμὸς τῶν ἐργαζομένων σφόδρα ἐσμικρύνθη, und in diesem Augenblick noch nicht funfzig (sic!) Folioseiten von den 200, die der Band haben wird, gesetzt sind. Indessen hat man mir mündlich u. schriftlich versprochen, daß es von nun an schneller gehen solle, und was die Kosten betrifft, so ist trotz dem, was ich jezt nun noch beiducken lasse, die Unternehmung mit dem dreitausend Franken, die mir der Kanzler hat auszahlen lassen, u. den Erleichterungen, die ich vielleicht noch hier finde, vollkommen gedeckt. Wir werden fünf u. zwanzig Exemplare auf Velinpapier bekommen, u. das sollen die seyn, welche ich dem Kanzler schicken werde, der sie wahrscheinlich zu Verschenkungen an Bibliotheken des Russischen Reichs bestimmt. Alle übrigen werden zwar nicht mit unnöthigem Luxus, aber doch anständig, auf Schreibepapier, u. im übrigen gerade wie der Agathias *edit. Regiae* — siehe oben — gedruckt.

An den Kanzler habe ich gleich nach dem Einrücken der Verbündeten hier geschrieben, ihm für seine grossmüthige Unterstützung unserer Unternehmung gedankt, und den Brief, weil die Straßen noch nicht ganz sicher waren, Hn. Graf von Nesselrode übergeben, der mir versprochen hat, ihn mit der ersten Gelegenheit zu übersenden. Ich will aber auch jezt noch einmal mit der Post schreiben. Herr von Krusenstern ist bis jezt noch nicht nach Paris gekommen, wenigstens so viel ich weiß; einen Freund von ihm, Hn. von Strandmann, damaligen russischen Gesandtschaftssekretär in London, der auch Sie kennt, habe ich voriges Jahr mit Vergnügen hier gesehen, und Ihnen auch, dünkt mich, in einem meiner früheren Briefe von diesem geistreichen u. vielseitig gebildeten jungen Mann gesprochen.

Empfangen Sie nochmals meinen herzlichen Dank für alles Verdienst, das Sie sich um die Byzantinische Geschichte, den Leo und mich erwerben. Indem ich Ihnen ein Polychronion singe, wie ein Waräger, bitte ich Sie um die Fortdauer Ihrer Freundschaft, Ihre fernere Empfehlung bei Hn. Grafen von Romanzoff, und um gütige Leitung im Verfolg unserer Unternehmungen und Ausgaben. Wie sehr wünschte ich Ihnen einmal beweisen zu können, daß Sie keinen Undankbaren verpflichtet haben.

Paris d. 2 September 1815

C. B. Hase
Rue de Richelieu,
à la Bibliothèque du Roi.

N. S. Herr Millin lässt sich Ihnen freundlichst empfehlen. Wir erwarten Ihre lezten Schriften; zu Anzeige einer jeden bin ich, wie Sie wissen, bereit.

№ 5 (Л. 11—12).

Париж. 23 февраля 1816 г.

Wie sehr bin ich Ihnen für Ihren gütigen Brief vom 29 December vorigen Jahres verbunden, so wie für die Bemerkungen, die Sie mir über die beigelegten Korrekturbogen machen. Ich sende Ihnen hier neue, und bitte gleichfalls sie durchzugehen; falls auch Ihre Vorschläge erst nach dem Abdruck ankommen, werden sie doch leicht in einem Anhang am Ende des Bandes Platz finden. Ueber einige bin ich selbst mit mir nicht einig: *ναρκᾶν* mit *cohorrescere* zu übersetzen, scheint mir doch ein wenig stark; *non dubitare* ist freilich auch zu schwach, wie ich jezt wohl sehe; ich glaube, Leo, der diess

Wort oft braucht, 20 A. 49. B. 54. A. 70. D., hat ungefähr das sagen wollen, was Cicero mit *non veritus est*.

Αἰμάτων 22. C. gehört höchst wahrscheinlich zu ἄνδρα. So ἄνδρας αἰμάτων 25. B. αἰμάτων ἄνδρες 65. C. Der Ausdruck ist biblisch, und kommt oft bei den Kirchenvätern vor. Alle Ihre übrigen Vorschläge habe ich an — und in die Uebersetzung aufgenommen; erfreuen Sie mich recht bald mit neuen über beiliegenden Text. Hier in Paris ist die Latinität grausam in Verfall; Boissonnade u. Visconti ausgenommen ist im ganzen Institut auch nicht eine Person, die im Stande wäre ein lateinisches Buch zu schreiben, ja vielleicht nur eine Seite ohne arge Fehler, so daß mir hier freundlicher Rath ganz abgeht, und der Ihre mir doppelt werth ist. Zum Glück ist Leo leicht, Hamartolus noch mehr; aber Psellus voll Anspielungen auf Neuplatoniker, Aristoteliker, u. wenig bekannte Dichter, so daß ich zuweilen bei der Uebersetzung weder aus noch ein weiss. Denn bei Kommentaren übergeht man unbemerkt das Dunkle; in Uebersetzungen verräth sich jede nicht ganz verstandene Stelle sogleich.

Hier folgen die Korrekturen neunzehn gedruckter Bogen; noch einige sind gesetzt, u. also mehr als vier fünfstel der Geschichte Leos. Auf ihn werde ich in diesem Bande 2. die Taktik des Nicephorus Phokas [περὶ παραδρομῆς πολέμου] folgen lassen 3. Θεοδοσίου μοναχοῦ ἐπιστολὴ πρὸς Λέοντα διάκονον [nicht der Unsere] περὶ τῆς ἀλώσεως Συρακούσης 4. das von mir in den *Notices et Extraits des MSS.* erwähnte Fragment des Joannes Antiochenus. Meine Noten, philologischen u. grammatikalischen Inhalts, wie die zu dem Timario im neunten Theil der *Notices*, sollen den Band schließen, der nun freilich gegen dreihundert Seiten haben und also etwas theurer zu drucken seyn wird, als einer von hundert u. zwanzig Seiten, auf den wir zuerst unseren Anschlag machten. Indessen habe ich schon hier von Seiten des Ministeriums Zusicherung, daß man sogleich eine bedeutende Anzahl Exemplare an sich nehmen wird, wodurch alle mögliche Kosten vollkommen gedeckt sind, da bei der *Imprimerie Royale* erst einige Monate nach dem Ende des Druckes bezahlt wird.

Könnte ich Ihnen doch schon die Korrekturbogen der Vorrede zusenden, und das Dedikationsblatt an den Kanzler; jene ist beinahe fertig, meine Noten auch, aber der Druck geht nicht so schnell als ich wünschte; denn die *Imprimerie Royale*, vermindert wie der Staat, ist von 150 Pressen auf vierzig beschränkt, von denen nur eine für Leo sezt. Ich treibe indessen nach Vermögen, und man verspricht, daß ich von diesem Monat an alle vierzehn Tage drei neue Bogen erhalten soll. An dem Hamartolus übersetze ich jetzt; vielleicht bekommen Sie die ersten Korrekturbogen von diesem noch vor Ende des jetzt angefangenen Jahres.

H. Millin empfiehlt sich freundlichst, u. erwartet mit Sehnsucht Ihren Aufsatz, so wie die Schrift Hn. Lehrbergs. Er hat Ihnen vor wenigen Wochen geschrieben, so auch Madam Bertaud ihrer Schwester; doch hat sie einen zweiten Brief mir gegeben, den ich beilege. Jedermann befindet sich bei ihr wohl; auch ist ein Schaal von dorthen an Melle Canel auf dem Wege.

Ich bin vor wenigen Wochen, mit Beibehaltung meiner Stelle an der Bibliothek, zum Professor des Neugriechischen an der hiesigen *École Spéciale* ernannt worden, u. lege Ihnen die Rede bei, mit der ich meine Vorlesungen vor einem sehr gemischten Publikum eröffnete. Es ist dieselbe Stelle, die Villosion hatte, und die, nach seinem Tode aufgehoben, von dem Minister neu Kreirt (так?) worden ist. Ein zweites Exemplar ist für den Kanzler, wenn Sie meinen, daß es ihm angenehm seyn kann.

Schließlich noch zwei Anfragen. Könnten Sie mir wohl einige Materialien über Hn. Akademiker Lehrbergs Leben zukommen lassen? Ich möchte wohl einen Artikel über ihn in der hier vielgelesenen *Biographie universelle* machen, worinn ich auch Ihrer gedenken werde; vielleicht befördert diess den Absatz des von Ihnen herausgegebenen Lehrbergischen Werkes.

Zweitens frage ich bei Ihnen offenherzig an, ob, nach Escheingung des Leo, ich den Kanzler um seine Verwendung bitten kann, mir von Seiten der Russischen Regierung irgend eine Auszeichnung zu verschaffen, so wie z. B. mein jetziger Kollege H. Langlès den Wladimirorden hat. So gemässigt ich sonst in meinen Wünschen bin, so gestehe ich doch, daß bei dem jetzigen Stand der Dinge hier und für meine persönliche Lage Ihre Empfehlung in dieser Hinsicht der wesentlichste Dienst ist, der mir immer geleistet werden kann; ohne von dem Ehreivollen zu sprechen, das eine solche Aufwertung für mich wäre. Doch überlasse ich Ihnen diese für mich sehr wichtige Sache ganz, und will deren Gelingen niemandem als Ihnen verdanken.

Haben Sie die Güte, inliegenden Brief — den ich Ihnen offen lasse — dem Kanzler zu überreichen, empfangen Sie nochmals meinen herzlichen Dank für alles, was Sie zum besten unserer Unternehmung thun, und erhalten Sie mir Ihre wohlwollende Freundschaft.

Paris d. 23 Februar 1816.

Hase.

№ 6 (Л. 13—14 об.).

Paris den 3 Mai 1816

Ihre gütigen Briefe habe ich beide erhalten, den vom 10 März durch die Post, und wenige Tage darauf den vom 21 durch Hn. Staatsrath Gervais. Da mir dieser sagt, es gehe morgen ein Kurier nach Petersburg, so benutze ich die Gelegenheit, Ihnen vorläufig nochmals zu danken, und zu melden, daß ich den letzten Korrekturbogen Leos, №. 28, Seite 109—112, in den Händen habe. Noch viel mehr ist gesetzt, und ich treibe nach Kräften. Mit der nächsten Gelegenheit, die in etwa zehn Tagen abgehen wird, erhalten Sie durch die Gesandtschaft die Korrekturen bis zum Ende Leos, und zugleich, wie ich hoffe, schon den Anfang von Nicephorus Taktik. Die Bitte um Fortsetzung Ihrer gütigen Bemerkungen, die ich in meinem vorigen Briefe that, wiederhole ich hier. Bei einer *editio princeps*, zumal aus einer einzigen Handschrift, ist es unmöglich, daß nicht allerlei *παροράματα* mit unterlaufen; und Ihre Erinnerungen, sollten sie zum Abdruck des Textes zu spät kommen, finden in meinen Noten Platz.

Seit ich Ihnen zum letztenmal schrieb, erhielt ich den Besuch des Herrn von Tourgeneff, eines jungen Officiers aus dem Generalstabe des Russischen Observationskorps, das in der Picardie steht. Dieser, nur auf wenige Tage in Paris, war von Hn. von Olenin an mich gewiesen, um Exemplare Leos, falls er gedruckt sei, an Hn. von Olenin zu befördern, der diese, sagte H. von Turgeneff, Karamsin zur Benutzung mittheilen wollte. Ich hätte ihm wohl ein Exemplar, d. h. alle Bogen des Textes, so weit sie bis jetzt abgezogen (*tirés*) sind, aus der Königl. Druckerei verschaffen können, habe diess aber natürlich nicht ohne Ihre Genehmigung thun <wollen> und also geantwortet, ich wünsche, was fertig wäre, an Sie senden, <an> Sie möge sich Olenin und Karamsin wenden. Es scheint mir billig, daß diese Herrn die frühere Mittheilung Ihnen verdanken. Folglich bekommen Sie mit dem nächsten Kurier, außer neuen Korrekturbogen, die ich Sie gefälligst durchzusehen bitte, noch ein — vielleicht schon ganz vollständiges — Exemplar von Leos Text für Hn. von Olenin, falls Sie und der Reichskanzler für gut finden, es ihm zu geben. Letzterem werde ich zugleich wieder schreiben.

Daß Nestor G. Hamartolus gekannt, scheint mir außer Zweifel. Leider hat Daunou seit einigen Tagen den ersten und zweiten Theil Nestors aus unserer Bibliothek, welches mir umso widriger ist, da ich mich gewöhnlich dieses Exemplar bediene, und ein anderes, welches ich aus Deutschland kommen lasse, noch nicht hier ist. Ich habe indessen das verliehene zurück gefordert, und Sie erhalten eine nähere Würdigung der Handschrift mit Rücksicht auf die Stelle, die Sie bezeichnen, Th. II. S. 129—135. Wahrscheinlich

schon in meinem nächsten Briefe möchte ich Ihnen bedeutendere Beweise geben können meiner herzlichen Erkenntlichkeit für alles, was ich Ihnen verdanken werde u. schon verdanke, so wie meiner Achtung und unwandelbaren Anhänglichkeit.

Hase.

Lehrbergs Biographie erhalte ich wahrscheinlich durch Frau Staatsrätin Gervais. Madam Berteaud befindet sich wohl; nur ist ihr Bruder, der lange Zeit Officier in der Kaiserlichen Garde war, noch immer nicht angestellt.

Адрес: A Monsieur Monsieur Krug, Membre de l'Académie, Conseiller etc. à S. Pétersbourg [печать]

№ 7 (Л. 15—16 об.). Помета Круга: 19 Aug. 16.

Paris d. 24 Julius 1816.

Ich benutze die Abreise der Frau von Gervais, um Ihnen, verehrter Freund, für Ihre Sendungen u. Briefe zu danken. Die Sachen für Hn. Millin und mich sind glücklich angekommen, und mein Artikel über Lehrberg für die *Biographie universelle* ist fertig; da indess der das L. enthaltende Band erst nächstes Jahr erscheint, so frage ich bei Ihnen nach, ob Sie es für gut finden, daß H. v. Klaproth (jezt hier, und täglich in der Bibliothek arbeitend) einen Artikel über die neuesten in Russland statthabenden Bemühungen zu Aufklärung der Russischen Geschichte überhaupt, und Hn. Lehrberg insbesondere, für das *Magazin encyclopédique* mache? Herr Klaproth hat sich mir dazu angeboten, und ich glaube, daß wir ihm mit diesem Auftrage einen Gefallen thun würden; überdem spricht er mit grosser Achtung und Anhänglichkeit von Ihnen, und, so weit ich urtheilen kann, mit Sach- und Personenkenntniß von den gelehrten Arbeiten in Petersburg; so daß ich denke, wir könnten ihm diese Arbeit — die überdem durch meine Hände geht, ehe sie gedrückt wird — wohl überlassen; doch habe ich es ohne Ihre Genehmigung nicht thun wollen; entscheiden Sie darüber. Hn. Professor Gräfe's *Epistola critica* zeige ich selbst an. Der Kanzler ist so gütig gewesen, vor einigen Wochen an mich zu schreiben, und mich über mancherlei Philologisches u. Bibliographisches zu befragen; leider habe ich ihm nur über das wenigste vollkommene Auskunft geben können. Was ich in meiner Antwort über die Identität von Sor, Sarat u. Sudack gesagt, lassen Sie sich doch mittheilen; ich bin neugierig, ob meine Vermuthungen Ihnen haltbar scheinen werden.

Man druckt jezt an Nicephorus Taktik. So wie ich die guten Bogen des Leo alle habe, sende ich Ihnen ein vollständiges Exemplar des soweit gediehenen Bandes, das Sie dem Kanzler zur Probe vorlegen mögen. Ich bin mit dem Drucke, die grosse Langsamkeit abgerechnet, zufrieden, und suche den Text nach Kräften fehlerfrei zu machen. Vergessen Sie ja nicht, mir Ihre Bemerkungen zu den übersendeten Bogen mitzutheilen; ich habe Gelegenheit gefunden, die, welche Sie mir früher machten, alle anzubringen.

Frau von Gervais, die mir auch von Ihnen erzählt hat, habe ich mit Vergnügen hier gesehen, und bedauere sehr, daß diese geistvolle u. vielgebildete Dame ihren Aufenthalt hier nicht verlängert. Sie geht zunächst nach Spa, doch will ich sie nicht ohne einen Brief an Sie abreisen lassen; wahrscheinlich aber erhalten Sie, noch ehe Sie diesen bekommen, einen andern auf dem geraden Wege durch die Gesandtschaft.

Mit unwandelbarer Achtung und Anhänglichkeit

Ihr dankbarer Hase.

Frau Bertaud und deren Tochter Mlle Sophie befinden sich sehr wohl; letztere malt grosse Bilder in Oel, nicht ohne Talent. Der Bruder von Madam Bertaud ist seit einigen Wochen wieder in Aktivität, als Offizier bei einem Artillerieregiment der Königlichen Garde. Er war, wie Sie wissen, *en retraite*.

№ 8 (Jl. 17—18 об.). Помета Круга: 29 Julius 17.

Paris d. 11 Julius 1817.

Ich erhalte soeben, verehrtester Herr und Freund, Ihren Brief vom 12 Mai dieses Jahres durch Melle Canel, und werde durch ihn äusserst betroffen u. unruhig, da es scheint, daß zwei Pakete, von hier nach Russland bestimmt, und eins von Ihnen an uns, verlohren oder doch auf das widrigste verspätet worden sind. Das erste, an Sie gerichtet, habe ich an die Gesandtschaft im November vorigen Jahres abgegeben: es enthielt eine Abschrift der ersten Abschnitte des Hamartolus, nebst Druckbogen des Leo. Sollte es verlohren seyn, so wäre diess mir zwar äusserst empfindlich; indessen liesse sich der Verlust leicht wieder gutmachen. Ganz unersetzlich aber wäre der des zweiten, für den Kanzler bestimmten, das ich gegen Mitte Mais dieses Jahres abgab. Darinn war, ausser einem ausführlichen Briefe von mir, 1. der fertig gedruckte Text des Leo nebst dem Schriftsteller, den ich daran schliesse, im Ganzen an 160 Seiten *en bonnes feuilles*. 2. eine Note meines Kollegen, Hn. Cirbieds, Professors der Armenischen Sprache an der *École Spéciale*, als Antwort auf Anfragen des Kanzlers. 3. das Leben des heil. Philaretus, aus einer griechischen Handschr. von mir auszugsweise in das französische übersezt. 4. ein Stück meiner Noten handschriftlich, als Probe. — Wie die Herrn der Gesandtschaft versichern, ist diess alles von hier nach Maubauge geschickt worden, um von da mit einem Kurier weiter zu gehen, den das Okkupationskorps von Zeit zu Zeit nach Petersburg sendet. Haben Sie doch die Güte, dort bei den Behörden gefälligst nachfragen zu lassen; vielleicht liegt das Paket irgendwo, durch Fahrlässigkeit der Unterbeamten; es ist sehr gross, mit dem Siegel unserer Bibliothek, u. mit blauem Papier umschlagen.

Dagegen ist auch das Hn. Millin bestimmte Paket, worinn, wie Sie schreiben, Ihr gütiger Brief vom 19 März dieses Jahres an mich lag, heute d. 11 Julius noch nicht angekommen; dabei ist wahrscheinlich die Abhandlung, von der Sie sprechen, und die er also auch nicht hat. Da überhaupt die Sache einmal zur Sprache kommt, so gestehe ich Ihnen, daß wir alle, Madame Bertaud, deren Bruder u. ich, uns oft unter uns über die Person beklagt haben, die bei der Russischen Gesandtschaft hier die Kurierabfertigungen besorgt. Dieser junge Mensch, Hr. Spiess, ist äusserst unhöflich, und wohl, wenigstens zum Theil, schuld an den Unannehmlichkeiten, die wir bei unserem Briefwechsel leiden. Um so mehr wünsche ich die baldige Ankunft des Herrn Staatsraths Schröder, durch den die Briefe in Zukunft gewiß sicherer u. regelmässiger gehen werden.

Man druckt jezt an dem vorletzten Bogen meiner Noten zu Leo, der also nun, denke ich, in einigen Monaten beendigt seyn muss. Daß der Druck über zwei Jahre lang gedauert, kommt daher, daß nur ein einziger Arbeiter für mich jezt, und auch dieser einigemal, wo es viel für die Regierung zu drucken gab, unterbrochen worden ist. In der Folge soll es, hoffe ich, besser gehen. Ist das Ganze, mit Noten (worinn Sie oft erwähnt sind), Vorrede und Index vollendet, und die Rechnung der Kosten gemacht, (man bezahlt in der Königl. Druckerei erst am Ende des Druckes) so werde ich denn bestimmt die Druckkosten des Psellus überschlagen können. Die des Leo übersteigen, wie ich voraussehe, dreitausend Franken, denn der Band bekommt gegen 350 Seiten; da indessen die hiesige Regierung eine nicht unbedeutende Anzahl Exemplare nimmt, so kann ich leicht zulegen, was an der mir vom Kanzler übersendeten Summe fehlt. Die genaue Berechnung erhalten Sie im Original mit dem ersten vollständigen Exemplar des Leo, u. zugleich den ausführlichen

Ueberschlag, wieviel der Druck des Psellus kosten könnte. Nach ihm denke ich den Hamartolus herauszugeben, falls ich von Seiten des Kanzlers dieselbe grossmüthige Unterstützung finde; in die Noten suche ich, nach Banduris Beispiel, so viel *inedita historica* als möglich aus unsern Handschr. einzuschieben.

Das *Magazin Encycl.* ist unterbrochen, und erst seit kurzem wieder unter dem Titel *Annales encyclopédiques* fortgesetzt worden. Hr. von Klaproth, jezt mit einem Preussischen Gehalte hier, hat Hn. Millin gebeten, ihn die Anzeige der Lehrbergischen Schriften machen zu lassen, u. dieser es ihm bewilligt. Klaproths Aufsatz habe ich darauf durchgesehen, und manches Sie u. den Kanzler betreffende eingeschoben. Die von Ihnen handelnde Stelle ist folgende: — Un autre savant, M. Krug, a dirigé ses recherches plus particulièrement vers la chronologie. L'écrivain qui ne fait que reproduire ou que fondre ensemble les récits de ses prédécesseurs, qui nous peint les guerres, les révolutions, la chute des Empires, ne traite, pour ainsi dire, que la partie romanesque de l'histoire, et se trouve recompensé, en quelque sorte, par le charme de sa composition. Mais le savant qui compare des dates, qui s'occupe de calculs et de chiffres, entreprend un travail plus nécessaire peut-être, et surtout plus ingrat. Deux ouvrages de M. Krug (hier führe ich den vollständigen Titel Ihrer Werke Ueber die Münzfunde Russlands u. Ueber die Chron. der Byzantier an) peuvent être cités comme modèles des recherches dans ce genre. L'auteur a porté une lumière toute nouvelle dans des siècles couverts d'obscurité, reformé un grand nombre d'erreurs, et levé beaucoup d'incertitudes. On y reconnaît une érudition solide, une connaissance approfondie des anciens dialectes Slaves, une sagacité qui pénètre les objets et en saisit les rapports, une force de tête qui les combine et les approfondit. — Die Recension werden Sie im Juliusheft erhalten; mir selbst ist es angenehm, den Ausdruck meiner Dankbarkeit gegen Sie und den Kanzler so viel als möglich auch durch den Mund anderer zu vervielfältigen.

Unverzüglich werde ich auch nun mit der Post an den Kanzler schreiben, und ihn, ohne mich jedoch namentlich über jemanden zu beschweren, von meiner letzten Sendung benachrichtigen. Sie aber, verehrtester Freund, verzeihen Sie mir die Unruhe u. Ungelegenheit, deren wiewohl unverschuldete Ursache ich bin. In Zukunft schreibe ich Ihnen, bis zu Hn. Staatsrath Schröders Ankunft, mit der Post. Melle Canel, die noch etwas leidet, und Hr. Millin empfehlen sich Ihnen; letzterer erwartet die Sendung, von der ich oben sprach. Erhalten Sie mir Ihr gütiges Wohlwollen, u. empfangen Sie von neuem herzlichen Dank, so wie die Versicherung meiner unwandelbaren Anhänglichkeit, und meiner Bereitwilligkeit zu jedem Gegendienste.

K. B. Hase

[Bibliothèque du Roi, rue de Rachelieu.]

N. S. Melden Sie mir doch gefälligst die Vornamen u. Titel des Kanzlers, wie diese ungefähr auf dem Titel des Leo, AUSPICIIIS ILL. COMIT. NICOLAI (nicht wahr?) DE ROM. etc. und nun seine Würden, kleiner gedruckt — EXSCRIPSIT, TRANSTULIT, EDIDIT, u. nun mein Name — lateinisch gesetzt werden könnten. Daßelbe würde in der Zueignung wiederholt.

№ 9 (Jl. 19—20). 6 августа 1817 г. Помера Круга: 30 Oct. 17.

Ich will, verehrtester Herr und Freund, Hn. von Gretsch nicht von hier abgehen lassen, ohne ihm wenigstens einige Zeilen mitzugeben. Einen früheren Brief, als Antwort auf den Ihrigen durch Melle Canel überbrachten, werden Sie durch die Post erhalten; ich habe mich darinn über die Hindernisse geäußert, die durch die Ungefälligkeit u. Fahrlässigkeit des Hn. von Spiess — wie ich glaube — der bei der hiesigen Russischen

Gesandtschaft das Kurierwesen besorgt, für unseren Briefwechsel erwachsen sind. Wenigstens weiss ich jetzt so viel, daß er ein grosses Paket an den Kanzler endlich hat über Maubeuge abgehen lassen, bin aber dennoch fast entschlossen, in Zukunft, wenigstens bis zum Eintreffen des Hn. von Schröder, mich geradezu an die hier befindlichen Adjutanten des Russischen Okkupationskorps zu wenden, welche alle, besonders H. von Turgeneff, eben so gebildet als gefällig sind.

Da ich vermuthen muss, daß das was ich Ihnen über Hamartolus geschrieben, irgendwo liegen geblieben ist, so schreibe ich Ihnen jetzt den ganzen ersten Theil der Chronik aus unserem besten Codex mit den verschiedenen Lesarten der andern ab. Der Druck der Noten zu Leo ist nun beinahe vollendet; um den Band vollzumachen, fehlen jetzt nur noch die sehr kurzen Noten zu Nicephorus Taktik, ferner die Indices, welche ich jedoch etwas ausführlich mache, die Vorrede u. der Titel. Die Anzeige des Lehrbergischen Werkes hat Hr. Millin Klaproth übertragen, u. ich dessen Artikel überarbeitet. Mit meiner Sendung des Hamartolus, die ich Hn. von Schröder, oder, falls er noch nicht angekommen, den Adjutanten übergebe, schreibe ich Ihnen mehr, und umständlicher; manches wird Ihnen auch H. von Gretsch sagen können, der den Leo, so weit es gediehen, gesehen, und dessen Bekanntschaft zu machen mich sehr gefreut hat. Sehr bald erhalten Sie wieder einen Brief von mir; bis dahin empfehle ich mich Ihrer Freundschaft, Ihrer Fürsprache bei dem Kanzler, u. Ihrem gütigen Wohlwollen.

Paris d. 6 August
1817

Hase

**№ 10 (Л. 39—41 об.). Первая половина письма «застряла» в бумагах
А. А. Куника, откуда она и перепечатывается.**

(ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 190. Л. 1—4 об.)

Paris d. 19 Oktober 1817

Ihr gütiger Brief vom 31 August 1817, verehrtester Freund, hat mich über das Schicksal meiner letzten Sendung beruhiget, die ich um so mehr gefährdet glaubte, da die Briefe des Kanzlers an Pozzo di Borgo und an Graf Woronzoff schon angekommen waren, und man in der Gesandtschaft versicherte, nichts von meinem Paket zu wissen, auch sich in den Registern des Hn. von Spiess, der die abgehenden Sachen verzeichnen soll, von demselben nichts vorfand. Nun ist es aber doch angekommen, und das Hierseyn des Hn. Staatsraths Schröder lässt hoffen, daß ähnliche Unordnungen in Zukunft nicht mehr stattfinden werden. Deswegen übergebe ich mit Zuversicht dem mit mir sehr freundlichen Adjutanten des Hn. von Woronzoff dieses Paket, den Anfang des Hamartolus mit einigen Noten über die in unserer Bibliothek befindlichen Handschriften desselben enthaltend. Beides war schon in der Sendung vom November vorigen Jahres; da diese aber, so wie die Ihrige an Hn. Millin, ganz verlohren scheint, so habe ich diese kleine Abhandlung noch einmal geschrieben, und diessmal noch weitläufiger als vorher. Daß Nestor Hamartolus gekannt, scheint mir aus der Beschreibung der Ländervertheilung unter Noahs Söhne (S. 39 meiner Abschrift), verglichen mit Nestor T. 15. u. ff., ausser Zweifel. Außerdem haben, wie Leo Allatius Harles. Bibl. Graec. VII. 464. richtig bemerkt, fast alle späteren Griechischen Chronisten, oft wörtlich, aus Hamartolus geschöpft. Daß er das Wahre mit Irrthümern u. Fabeln vermengt, lässt sich aus der Zeit entschuldigen, worinn er lebte. Er schrieb gegen die Mitte des neunten Jahrhunderts; dieses und das vorhergehende sind die Epoche, wo nach dem Verlust der bevölkertsten und wichtigsten Länder des Reichs in Asien und Afrika in den übrigen durch stete Verheerungen Barbarei

u. Unwissenheit auf das höchste gestiegen war. Eine bessere Zeit fängt mit Photius an, gegen das Ende des neunten Jahrhunderts, und reicht bis zu den letzten Komnenen; ja selbst nach der Eroberung Konstantinopels durch die Lateiner, als Zerstückelung die Kraft des Reiches auf immer brach, ist die Barbarei nie wieder so gross geworden, als sie von Heraklius Tode bis auf die Thronbesteigung der Macedonischen Dynastie und Leo den Weisen war. Damals, nach dem Verlust der lateinisch redenden Provinzen, war alle Kenntniss Römischer Litteratur ohnehin untergegangen, und selbst Griechische Geschichtschreiber, außer den in den Schulen erklärten, las man wenig; also fehlte Kunde der Vorwelt; dagegen scheint man Orientalische Sagen von Iskander, dem Quell der Unsterblichkeit und Wunder, Ländern am Ganges von den Arabern aufgenommen zu haben, und Pseudokallisthenes u. Iulius Valerius — vielleicht auch das Itinerarium Alexandri M. — sind auf diese Weise zu den Griechen dieser Zeit gekommen, die über ihre eigne frühere Geschichte die Araber befragten; gleichsam als ob Sieger immer, wie an Tapferkeit u. Glück, so auch nothwendig an Einsicht und Gelehrsamkeit den Besiegten überlegen seyn müssten. (—So ist auch, dünkt mich, in den Bilderstürmen das Bestreben der Isaurischen Dynastie unverkennbar, Einrichtungen der Ueberwinder nach, zuahmen, wie im Kalifat den Glauben zu vereinfachen, und die geistliche Gewalt in die Hände der weltlichen Machthaber zu bringen. —)Darum also, glaube ich, sind selbst Hamartolos Fabeln einiger Aufmerksamkeit würdig, nicht wegen ihrer geschichtlichen Zuverlässigkeit, sondern — zum Theil wenigstens — als Nachhall östlicher Volkssagen, und als Denkmäler der damaligen Richtung, oder vielmehr Verirrung, des historischen Studiums.

Der Druck Leos ist seit drei Wochen wieder unterbrochen, weil um die 24 Quartbände starke Pensionenliste zu beendigen, die den Kammern im November vorgelegt werden soll, alle Pressen der Königl. Druckerai in Beschlag genommen worden sind. Dennoch glaube ich, daß schon fast ganz gesetzt. Als Probe schicke ich Ihnen von diesen zwei Druckbogen. Meinem früheren Plan gemäss, habe ich alle weitläufige geschichtliche Erörterungen vermindert (darauf muss sich überhaupt, denke ich, der erste Herausgeber eines Griechischen Textes nicht einlassen), wohl aber aus den *ineditis* der Bibliothek was nur irgend den Text erläutern konnte, beigebracht, diesen kritisch zu bestimmen, und manche Stellen meiner Uebersetzung zu vertheidigen gesucht. Da ich ferner durch meine Arbeit nicht nur mit den meisten byzantinischen Geschichtschreibern, sondern auch mit der Patristik bekannt geworden bin, und fast keine bedeutende Schrift der Griechischen Kirchenväter vom 3 bis siebenten Jahrh. ist, die mir nicht bis zu einzelnen Phrasen und Worten im Gedächtniss gegenwärtig wäre (vielleicht hätte ich besser gethan, mir etwas verständigeres einzuprägen) — ich auch wohl die Geschichte der meisten Griechischen Worte, deren Sinn in den verschiedenen Jahrhunderten sich geändert hat, von den Homerischen u. klassischen Zeiten an durch die Römischen u. Byzantinischen herab schreiben könnte — so habe ich oft in den Noten schwankende Bedeutungen genauer zu bestimmen, manche Irrthümer der Uebersetzer (nicht lebender, denn ich vermeide alles polemische) zu berichtigen, auch wohl die Lexika durch bis heute unbekannte Worte zu bereichern gesucht. Freilich hat mich diess oft zu Abschweifungen geführt — siehe 191. B. — doch werden diese in den Noten zu den letzten Büchern Leos seltener. Ueberdem habe ich Ihren u. des Kanzlers Absichten am besten zu entsprechen geglaubt, wenn ich die Ausgabe nicht bloß für Geschichtsforscher, sondern auch für Lexikographen und Philologen überhaupt wichtig zu machen suchte. Daß man sich in diesen Anhäufungen zurecht finde, dafür werde ich durch einen genauen Index sorgen; auch zugleich in einer besondern Tafel die Ausgaben der weniger bekannten Werke angeben, auf die ich mich beziehe. Wird nun auch Psellus und Hamartolos erschienen seyn, so denke ich die Griechische Lexikographie durch mehr als tausend Worte bereichert zu haben, welche größtentheils keineswegs barbarisch, und von denen einige, die sich schon einzeln bei Klassikern fanden, von neueren Herausgebern als *voces nihili et nauci, et cujus nullum*

suppetit exemplum, weggestrichen worden sind; obschon eben diese Ausdrücke bei Schriftstellern, die keine anderen Worte brauchen als Attische, wie z. B. bei Gregorius von Nazianz, fünf bis sechs mal vorkommen.

In Betreff der Exemplare, verehrtester Freund, werde ich in Allem Ihrer gütigen Weisung folgen. Fünf u. zwanzig auf Velinpapier gedruckte will ich dem Grafen unmittelbar zusenden, hundert andere, oder soviel Sie sonst meinen, nach Ihrer oder seiner Bestimmung nach Teutschland oder Petersburg. Auf hundert andere hat die hiesige Regierung subskribirt. Wird diese das Exemplar mit 40 Fr. bezahlen — sehen Sie inliegenden Prospectus — so sind alle ersinnliche Kosten vollkommen gedeckt, und wir behalten noch einigen Ueberschuss, um den Druck Psellus anfangen zu können. Modifikationen könnten nur dann eintreten, wann die hiesige Regierung einen sehr großen *rabat* wollte, was ich noch nicht weiß. Auch werde ich erst nach dem Drucke Leos, wann ich darüber die Rechnung erhalten und Ihnen, mit den gehörigen Belegen, gesendet habe, ganz bestimmt den Ueberschlag machen können, wieviel der Druck des Psellus kosten kann; doch glaube ich, daß wenn nicht etwa bei uns mit einem Ministerwechsel die Hoffnung auf hiesige Subskription verschwindet, 3000 fr. wohl hinreichen; denn Psellus Text ist nicht sehr viel bedeutender, als der des Leo und Nicephorus zusammengenommen. Auch sagen Sie mir gefälligst, wann Sie den ganzen Leo haben werden, ob die Ausdehnung, die ich den Noten gegeben, Ihrer und des Kanzlers Meinung entspricht; denn natürlich wird die Kürze oder Fülle der zu Psellus auf die Druckkosten dieses Einfluss haben. So wie Leo beendet ist, bin ich so frei, Ihnen ein Exemplar für den Kaiser mit einem Briefe an diesen zukommen zu lassen. Ich wünsche nur den Wladimirorden, da Langlès, mein Kollege, auch keinen andern hat; und bin für Ihr gütiges Wohlwollen gerührt und dankbar.

Die Recension des Lehrbergischen Werkes — die lange Note am Ende ist von mir — hat Klaproth dieser Tage an Sie geschickt. Es ist traurig, daß bei dem Talant, das er hat, sein früheres Benehmen so zweideutig gewesen zu seyn scheint. Ich kenne ihn sonst wenig, und habe bei Gelegenheit dieser Recension nur zufällige Berührungen mit ihm gefaßt.

H. Millin hat sich, so wie ich, über das Angenehme, das Ihnen dieses Jahr begegnet, herzlich gefreut, und wird Ihnen geschrieben haben. Hn. Grot <habe> ich noch nicht gesehen. Mademoisell (sic!) Canel dankt Ihnen für Ihren Brief; sie ist ziemlich wohl, war aber, da ich sie sah, niedergeschlagen; denn ihre Nichte — dieselbe welche in Oel marlet und seitdem verheirathet ist — hat ihr vor kurzem gebohrens Kind verlohren. Φουφουδοτὸς scheint mir Orientalischen Ursprungs, u. Beiwort eines Gewandes oder Kleidungsstückes; ist er *roth*, von <...> *fua, rubia*, Färberröthe? oder *bunt*, von <...> *fufuda*, Mischung? Ich kenne es bloß aus Ducange *Glossar. Graec. II. Append.* 164. A. wo in der Stelle aus Cod. Reg. 2734 jezt No. 156. die von Achar aus der Ierichoischen Beute entwendete ψιλὴ ποικίλη (Josua VII. 21) erklärt wird: ῥένδον βαβυλωνιτικῆν (Ducange hat falsch gelesen) φουφουδοτὴν καλήν, *einen schönen bunten (?) babylonischen Gürtel*, oder wenigstens sind *Babylonica* bunte gestickte Teppiche. Schreiben Sie mir doch gefälligst, in welchem Zusammenhange Ihnen φουφουδοτὸς vorgekommen ist. Sonst finde ich auch φούφελ in einem Recept bei Salmasius *ad Solin.* II.1325. B. das scheint aber ein ganz anderes Wort.

Die Anzeige des Gräfeschen Werkes, für die letzten Monate des *Magazin Encyclopédique* bestimmt, ist durch dessen Unterbrechung gleichfalls verspätet worden; Sie erhalten sie aber gewiß nun bald abgedruckt. An den Kanzler will ich noch einmal durch die Post schreiben. Bald werde ich nun, denke ich, Ihnen Dank öffentlich in der Vorrede zu Leo bezeugen können; genehmigen Sie für jezt die Versicherungen meiner zärtlichen Anhänglichkeit, meines Dankes, und meiner unbegrenzten Hochachtung.

Hase.

So eben, da ich diesen Brief schließe, kommt Mademoisell Canel u. giebt mir inliegenden für Sie. Sie soll mich, sagt sie, von Ihrer *véracité* versichern; dafür verehrtester Freund, brauche ich keine andere Bürgen als Ihre thätige Güte, Ihren Eifer für die Wissenschaften, und das freundschaftliche Wohlwollen, von dem Sie mir schon so viele Beweise gegeben haben. Aber ich höre mit Freude, mit welcher Anhänglichkeit und Achtung alle die von Ihnen sprechen, welche so glücklich sind, Sie persönlich zu kennen. Leben Sie nochmals recht wohl, und erhalten Sie mir Ihre gütige Freundschaft.

№ 11 (Jl. 21—22 об.). Помета Круга: 7 Febr. 18.

Paris d. 4 Januar 1818.

Vor einigen Tagen erhielt ich Ihren freundschaftlichen Brief vom 16/28 November, und eile, ihn unverzüglich zu beantworten. Wie gütig sind Sie, mir das wenige, was ich beim Abschreiben des Hamartolus gethan, so hoch anzurechnen. Fände ich Gelegenheit, noch zehnmal mehr für einen Ihrer litterarischen Zwecke zu wirken, dann erst würde ich glauben, etwas gethan zu haben, was vielleicht mit einer der zahllosen und großen Verpflichtungen, die ich gegen Sie habe, verglichen werden könnte.

Der Kanzler hat vollkommen recht, und ich werde seiner Verfügung pünktlich nachkommen; nämlich 3 Exemplare auf Velinpapier durch Pozzo di Borgo, und die übrigen 22 auf Velin mit 50 auf ordentl. Papier zu Schiffe an ihn senden. Die andern 50 bleiben einstweilen für ihn hier. Leider war der Druck dieses Spätjahr von neuem aufgehalten worden, da die Regierung alle Pressen für das Budget und die Administrationen in Beschlag genommen hatte; er hat aber seit einigen Wochen wieder angestanden, und man setzt jetzt an dem Index, den ich, der Noten wegen, etwas weitläufig gemacht habe. Sie billigen doch den Plan, dem ich bei Abfassung dieser gefolgt bin? Um sie auch für Hellenisten überhaupt nicht ganz unwichtig zu machen, habe ich zuweilen von den vielen Bemerkungen, die sich mir beim Lesen griechischer Schriftsteller früherer oder späterer Zeiten aufdrängen, einige darinn aufgenommen, wie z. B. über Ἄποτρος in beiliegendem Bogen 213. A. (im August *gesetzt*; seitdem habe ich die erste Korrektur von neun andern Bogen in den Händen gehabt). Ich weiß wohl, daß man mir Abschweifungen wird vorwerfen können; allein da ich nun einmal meinen Studien eine bestimmte Richtung gegeben habe, und bei Ihrer großmüthigen Freundschaft hoffen darf, auch im Verfolg derselben Unterstützung zu finden, so thue ich vielleicht nicht Unrecht, wenn ich z. B. Worte, die dem gewöhnlichen Philologen unbekannt, in die Wörterbücher nicht aufgenommen, mir aber bei meinem sehr treuen Gedächtniss nebst ihren Autoritäten gegenwärtig sind, in den Noten anführe und erläutere. Geschichtliche Fragmente habe ich auch aufgenommen, obschon bei weitem nicht so viel als Sie in den Anmerkungen zum Psellus finden werden, dessen Annalen freilich auch eine viel längere Zeit umfassen.

Was die Herausgabe dieses letzteren anbelangt, wäre es wohl das Beste, wenn der Kanzler die sechstausend Franken, die er so gütig ist mir anzubieten, gegen Ende März oder Anfang Aprils hierher schickte. Dann ist der Druck des Leo gewiß zu Ende; ich würde dann die ganze Summe in die Kasse der Königl. Druckerei gegen Schein einverlegen, und mir zugleich eine schriftliche Versicherung erbitten, daß man den Druck in achtzehn Monaten beendigen wolle. Sieht man das baare Geld, und mithin alle Kosten vollkommen gedeckt, so zweifle ich nicht, daß man sich dazu verstehen wird.

d. 8 Januar.

In Betreff der Karte, welche der Kanzler gestochen wünscht, lege ich Ihnen den Brief Hn. Willemins bei, auf den er mich etwas hat warten lassen. So eben bringt er mir

ihn. Es ist kein Zweifel, daß dieses wichtige Denkmal der Erdkunde eine wahre Zierde unseres Bandes seyn würde; Norwegen, Schweden, ja auch sogar etwas von der Westseite des weißen Meeres bei Archangel sind darauf verzeichnet, mit vielen Namen, eben so die Umgebungen des schwarzen u. Kaspischen Meeres; indessen wage ich doch nicht, ohne weiteres dem Kanzler die neue Ausgabe von eilfhundert Franken aufzubürden. Fragen Sie darüber gütigst bei ihm nach. Will er, daß sie gestochen werde (u. ich kenne niemanden, der mehr zu einer solchen Arbeit geeignet wäre, als H. Willemin — sehen Sie hier den Prospektus eines seiner Werke), so antworten Sie mir gütigst so bald als möglich. Sollte der Stich auch erst zu Ende März vollendet seyn, so könnten wir die vier Blätter immer noch den wenigen Exemplaren Leos, die schon von Paris weg seyn würden, nachsenden. Ich selbst kann leicht zwischen die Noten und den Index eine kürze Beschreibung der Karte einschieben.

Sie sehen, ich mißbrauche fast Ihre gütige Erlaubniß, Sie mit meinen Wünschen behelligen zu dürfen; indessen Sie wissen besser als ich, ob u. wie die Sachen dem Kanzler vorzutragen sind. An Klaproth habe ich Ihren Auftrag ausgerichtet. Es ist traurig, daß bei seinem Talant er so streitsüchtig und unverträglich zu seyn scheint. Auch hier hat er Krieg mit jedermann, und ich, so freundlich ich sonst mit allen Teutschen zu seyn suche, habe mich ganz von ihm zurückziehn u. ihm im eigentlichen Verstande meine Thür verschließen müssen. Die Briefe an Mademoiselle Canel habe ich bestellt; sie und die ihrigen empfehlen sich Ihnen herzlich. Erlauben Sie mir daßelbe für mich zu thun, und empfangen Sie die herzlichen Versicherungen meiner Dankbarkeit, Hochachtung und zärtlichen Anhänglichkeit.

K. B. Hase

In Betreff des an den Kaiser zu sendenden Exemplars zähle ich besonders auf Ihre Güte. Den schon früher geschriebenen Brief an den Kanzler lege ich Ihnen hier in einem offenen Umschlage bei; siegeln Sie ihn gütigst zu; Sie sehen, daß ich ihn in Betreff der Karte an Sie verweise. Wird sie gestochen, so könnte sie, da meine Bestrebung nur ganz kurz seyn wird, einem Geschichtsforscher, wie Sie sind, Stoff zu einer äußerst wichtigen und lehrreichen Abhandlung geben.

№ 12 (Л. 23—24). Париж, 13 марта 1818 г. Помета Круга: 29 März 18.

Herr von Köhler will, verehrtester Freund, daß ich diesem seinem Briefe einige Zeilen beilege. Er spricht Ihnen darinn von einem meiner Verwandten, gleiches Namens mit mir, der, noch nicht dreißig Jahr alt, in Leipzig studirte, dann in Kurland ein Erzieher war, und vorigen Sommer eine Reise nach Paris unternommen hat, hauptsächlich um für die Ausgabe einiger Aristotelischen Werke, die er bearbeitet, zu sammeln. Hier hat er die Bekanntschaft mit Hn. von Köhler, den er schon früher in Petersburg sah, erneuert, u. dieser ihm von der Möglichkeit gesprochen, bei dem Kanzler als Bibliothekar angestellt zu werden. Ich kenne Hn. Hase als einen im Griechischen sehr erfahrenen, und sonst auch, besonders in Geschichte u. Statistik, auch Bibliographie, vielseitig unterrichteten Mann, den ich seit seinem Hierseyn täglich gesehen, mich über seine philologischen Arbeiten gefreut, und ihn sehr lieb gewonnen habe. Darum, so sehr ich auch fürchten muss, durch Begehrlichkeit Ihnen, verehrtester Freund, zudringlich zu scheinen, kann ich doch nicht umhin, dem was H. von Köhler Ihnen schreibt, mein Zeugniß beizufügen. Sehen Sie übrigens selbst, ob es einem jungen Manne zu rathen ist, auf eine solche Weise mit dem Kanzler in Verbindung zu treten, ob dessen hohes Alter nicht die Versetzung in

ein entferntes Land bedenklich machen kann, und inwiefern dabei an allenfallsige Sicherheitsstellungen zu denken wäre. Ihre Meinung soll Hn. Hase bestimmen. Ich schätze ihn zu sehr, um nicht gewiß zu seyn, daß er Ihres Rathes u. vielleicht in der Folge Ihrer gütigen Theilnahme nicht unwürdig ist.

Herr v. Köhler treibt mich zum Schluß. Von Leo schreibe ich Ihnen unverweilt; er ist nun bald fertig. Haben Sie den Brief erhalten, worinn ich von dem Stich u. Druck der Katalanischen Karte sprach?

Mit zärtlicher Anhänglichkeit Ihr dankbarer

Paris d. 13 März
1818.

K. B. Hase.

№ 13 (Л. 25—26 об.). Париж, 15 августа 1818 г.
Помета Круга: 10 Окт. 18.

Wie sehr fürchte ich, verehrtester Freund, daß die über alle Gebühr lange Dauer des Druckes unseres Leo Ihre Geduld ermüde. Er hätte zu Anfang dieses Jahres vollendet seyn sollen; und jetzt, im August, sind es trotz meines Treibens die letzten drei Bogen (zwei der Vorrede, und einer die Zuschrift enthaltend) noch nicht. Um den Verdacht der Fahrlässigkeit von mir abzuwenden, werde ich zwar in einem Briefe an den Kanzler einige der vielen Billets einlegen, die ich über diese Angelegenheit aus der Königl. Druckerei bekommen habe; aber die Sache ist mir demungeachtet äußerst widrig. Ich wünschte so sehr schleunigen Fortgang, der Ihnen u. dem Kanzler meine Dankbarkeit und Thätigkeit bezeugen könnte; und nachdem ich Monate lang von Tage zu Tage verschoben Ihnen zu schreiben, in der Hoffnung vollständige Exemplare mitsenden zu können, muss ich doch nun wieder Ihre Erwartung täuschen. Rechnen Sie mir diese Verzögerungen nicht zu, die mir selbst am meisten schaden. Da jetzt von dem ganzen Buche nur noch etwa eilf Seiten, und der Titel, zu drucken sind, so kann die Beendigung unmöglich entfernt seyn, obschon ich wahrhaftig keine Zeit weiter zu bestimmen wage. Den Text und die Noten (diese noch nicht ganz vollständig, da ich die letzten drei Bogen erst in acht Tagen abgezogen haben kann) werden Sie in dem Exemplare finden, das ich dem Kanzler schicke; den Schluss der Vorrede lege ich Ihnen hiermit in meiner Urschrift bei. Sie sehen, daß ich keine Gelegenheit versäume, Ihren großen Verdiensten um die Wissenschaft Gerechtigkeit widerfahren zu lassen.

Der Gedanken Hn. von Köhlers, meinen Verwandten bei dem Kanzler anzustellen, habe ich nie gebilligt, und schrieb Ihnen damals nur, von ersterem getrieben. Ihre Gründe billige ich durchaus. Auch mir hat es geschienen als ob Herr v. Köhler, bei lebhafter Einbildungskraft, zu leicht glaubte was er wünscht; sonst aber ist es mir angenehm gewesen, seine Bekanntschaft zu machen, und recht oft um ihn zu seyn. Könnten Sie selbst doch uns einmal so glücklich machen, Sie hier zu sehen.

Ich schreibe Ihnen diess an einem traurigen Tage. Wir haben heute Millin begraben, der gestern (14 August) früh um zwei Uhr gestorben ist. Ich verliere an ihm einen Freund, u. die gelehrte Welt einen thätigen und vorurtheilsfreien Archäologen. Für seine *Annales*, die dieses Jahr wohl noch fortgesetzt werden, habe ich eine Anzeige des Werkes des Grafen Bray gemacht, für welches ich Ihnen recht sehr danke. Das darinn zu lobende habe ich, wie billig, hervorgehoben; aber scheinen Ihnen nicht auch die Ansichten des Verfassers gar arg katholisch? Ueberhaupt bin ich mit dem durch das ganze Buch herrschenden Geiste nicht sehr zufrieden; doch diess unter uns.

Ich bin nicht ohne Missmuth, indem ich diess schreibe, bin es auch diesen Sommer oft gewesen; ja es wäre möglich, daß der beständige Verdruß, den ich mit den Druckern

habe, einigen Einfluss auf meine Gesundheit übe. Wenigstens ist letztere dieses Jahr nicht mehr so fest, wie sie bisher (ich bin 36 Jahr alt) war. Was mag der Kanzler von mir denken? Vertheidigen Sie mich wenigstens, und erhalten Sie mir Ihr oft bewährtes freundschaftliches Wohlwollen.

Herzlich und dankbar der Ihre

Paris d. 15 August
1818

Hase.

Mademoisell Canel befindet sich wohl. Ich sehe sie immer noch von Zeit zu Zeit, und noch öfter ihren Bruder, Artillerieoffizier in der Königl. Garde.

№ 14 (Л. 37—38 об., 42—43). Помета Кпыра: 26 Febr. 20.

Paris den 10 April 1819.

Wie ich das ewige Zögern unserer Buchdruckerei bei Ihnen, verehrter Freund, und bei dem Kanzler entschuldigen soll, weiß ich nicht. Seit Ihrem gütigen Briefe vom 20 Oktober u. dem des Kanzlers vom 15 habe ich mit Fleiß die Antwort verschoben, weil Rousseau mir die bestimmtesten Versicherungen gab, im Februar würde Alles vollendet seyn, und es mir peinlich ist, immer dieselben Klagen wiederholen zu müssen. Im Anfang des Jahres war auch der Index bis in den Buchstaben J bereits gedruckt, als Graf Forlin, der seine malerische Reise durch den Orient dem König schnell überreichen wollte, durch einen Kabinettsbefehl und *tout de faveur* sich von neuem der Presse bemächtigte, [die] für mich arbeitet, und so bin ich von 14 Tagen zu 14 Tagen bis jezt hingehalten worden. Erst seit gestern bekomme ich wieder Korrekturen, und in der That ist etwa nur noch ein Bogen des Registers zu setzen übrig, nebst der Zuschrift an den Kanzler, und den Titeln. Aber so nahe auch endlich die Erscheinung des Werkes seyn muß, ist es mir doch unmöglich, Sie noch länger auf Briefe warten zu lassen. Ich schreibe darum an Sie und den Grafen; glauben Sie mir, daß dieses langwierige Vorwärtsgehen ein wirklicher Kummer meines Lebens ist. Denn trotz meines Treibens und Streitens mit Rousseau ist es doch beinahe unmöglich, daß Sie oder auch der Kanzler nicht an einige Fahrlässigkeit meiner Seits glauben, und Sie können sich leicht vorstellen, wie beunruhigend für mich dieser Gedanke ist.

Ich habe, da meine Gesundheit weniger fast zu seyn anfängt, vorigen Spätsommer und Herbst eine Reise in die Schweiz gemacht. Gerade während meiner Abwesenheit kam Graf Bray hier an, so daß ich ihn nicht sah. So würde ich mich also an Hn. von Schröder gewendet haben, um Ihnen das Paket, welches H. Duchapelle überbringen sollte, nach Petersburg zu besorgen. Allein aus Madam Bertaud habe ich indess folgendes herausgebracht: Die Generalin Irmini hat das Paket Hn. Dechapelle anvertraut, und dieser es in seine Kisten gelegt, welche erst nach seiner Abreise von Petersburg dort angekommen, und von der Mauth (*la douane*) in Beschlag genommen worden sind. *Mais soyez tranquille*, sagt Madam Bertaud, die freilich, als eine gewöhnliche Pariser Bürgersfrau, über alles, was jenseit des Montmartre vorgeht, weder Kenntniß noch Wissbegierde noch Ahnung hat; *M. Duchapelle est un homme sûr. Il est un peu fou à la vérité, car il a reçu trente-deux coups de sabre sur la tête et sur le corps; mais pour cela ne néglige ni ses propres affaires ni celles des autres. D'ailleurs, ma soeur doit avoir expliqué tout cela à M. Krug.* Lezteres wird hoffentlich geschehen seyn; und wollen Sie gütigst auf der Mauth Erkundigungen einziehen, so werden Ihnen, denke ich, die Zollbeamten das Ihrige nicht verweigern können.

Sie erhalten hiermit die vierzehn Bände der *Art de vérifier les dates*, wofür ich 112 Franken bezahlt habe. Folglich sind von dem Wechsel, der mir durch Hn. von Adelung und Langluis zukam, noch 32 Franken in meinen Händen, wofür ich die folgenden Bände, so wie sie erscheinen, anschaffen und Ihnen senden werde.

Von Hn. Gräfes Buch hatte ich eine vortheilhafte Anzeige gemacht und Millin gegeben, der aber starb, ehe sie abgedruckt werden konnte. Mein Konzept ist unter seinen Papieren verlegt worden. Ich kann jedoch leicht, sobald Sie es wünschen, in irgend eine Zeitschrift oder ein Tagesblatt, etwa den *Moniteur*, eine andere lobende Anzeige einrücken lassen. Was ist Ihre Meinung über Hn. Gräfes kritisches Verfahren? Ist es nicht etwas kühn? Nämlich — denn beim Ueberlesen sehe ich, daß diess wohl einiger Erläuterung bedarf — in der *Epistola critica* an Uwaroff finde ich einen außerordentlichen Scharfsinn, Vertrautheit mit der Metrik, Syntax u. Dichtersprache, u. viele nicht zu bestreitende Verbesserungen. Das hatte ich öffentlich gesagt, u. werde es auch wieder, sobald Sie es wünschen. Was ich nicht sagen werde, *quae mea natura est*, u. weil ich allen Gelehrten Teutschen Stammes nach Kräften diene, u. nie entgegen bin, ist meine Privatmeinung, daß man, wo Handschriften nicht wenigstens etwas gelten, in willkürlicher Verbesserung Griechischer *Dichter* leicht zu weit geht. Denn gerade die dichterische Sprache <...> die regelloser, unbestimmtere u. s. w. doch diess unter uns; die heutigen Schüler gehen einen anderen Weg.

Mein Psellus mit vielerlei historischen und geographischen Notizen, die ich in den Noten zusammengestellt, ist schon lange ganz druckfertig. Für meine Aehren- oder Halmenlese aus lateinischen *ineditis* brauche ich wieder gütigen Rath. Da die Königl. Druckerei so langsam vorwärts schreitet, könnten wir nicht diesen Band unserer Sammlung anderwärts, bei Eberhart etwa, oder bei Didot, drucken lassen? Zum Grund möchte ich die *Libri duo de bellis Hierosolymitanis* legen, *versibus politicis graecobarbaris*, welche unser Cod. Regius graecus No. 2898 enthält (Catalog. Bibl. Reg. II. 567. C), und in dem viel von der Zerstückelung des Oströmischen Reichs durch die Lateiner, u. manches über das Trapezuntische Kaiserthum, ja auch über die Genueser und deren Schiffahrt im Schwarzen Meere vorkommt. Diese Art von Reimchronik, die ich abgeschrieben u. übersetzt habe, und welche schon Ducange herausgeben wollte, könnte das Hauptwerk dieses Bandes werden, und alle meine *Inedita* über die Geschichte des östlichen Europa, Russlands und der Uferländer des Pontus, vom XIII Jahrhundert abwärts bis auf den Fall Konstantinopels, würden in den Noten Platz finden. Auch, meine ich, könnten wir dort die große Karte auf Holz anbringen, von der ich Ihnen schon sprach. Die Druckkosten, obschon verhältnißmäßig bedeutender als in der Königl. Druckerei, würden doch nicht 7000 Fr. übersteigen. Ich würde, nach reiflicher Ueberlegung, diese Weise der vorziehen, die *Inedita* über die Nordische Geographie in kleinen Oktavbänden, mit Französischen Einleitungen, erscheinen zu lassen. Sind *geographica* blos Zugabe gelehrter Arbeiten, so, dünkt mich, erwartet man weniger, von dem Herausgeber, erschöpfende Erläuterungen; gebe ich sie aber als Hauptsache in einer besonderen Sammlung, so wirft mich diess in weitläufige Untersuchungen über die Erdkunde des Mittelalters, und führt mich von den Studien, mit denen ich vertraut bin, ab. Diess ist meine Ansicht; theilen Sie mir die Ihrige mit, der ich, so wie in Allem, beipflichten werde.

Mit Cirbied, einem trägen, einfältigen und eigensinnigen Menschen, ist nichts zu machen. Nachdem er mich Jahre lang mit Versprechungen hingehalten, erklärt er mir, daß er sich mit der Arbeit, die wir ihm vorschlagen, nicht befassen könne. Ich habe mich darum an Hn. Saint-Martin gewendet, der viel jünger, thätiger, in der Litteratur bewanderter, und auf Europäische Weise gelehrt u. gebildet ist. Seinen Brief an mich lege ich für den Kanzler bei. Freilich sind die Druckkosten ungeheuer; ein Quartband, ungefähr wie der Ptolemeus des Hn. Halma, französisch u. armenisch, würde 13—15000 Fr. kosten. Französisch allein freilich kaum über 4000, aber Saint-Martin dringt sehr auf Mitdruck des Textes, ohne

jedoch daraus eine *conditio sine qua non* zu machen. Auch erhält dann das Gelehrte Europa Aufschlüsse aus einer fast unbekanntem Welt, statt dessen uns Hellenisten kaum noch eine dürftige Aehrenlese übrig bleibt. Sehn Sie nun selbst, verehrtester Freund, was zu thun ist, und was man, von meinem Vorschlage sowohl, in Betreff des geographischen Bandes, als von dem Saint-Martins, dem Kanzler vortragen kann.

Die Anzeige von Renvalls Finländischen Wörterbuche, welches der Graf drucken lassen, ist in den *Annales politiques* erschienen. Klaproth, der nach Berlin gereist war, kommt wieder hierher zurück, wie mir H. von Humboldt sagt, mit großer Gehaltszulage. Er hat auch hier überall Streit gehabt. Millins schöne u. zahlreiche Bibliothek wird vielleicht von der Preußischen Regierung für die Akademie Bonn gekauft werden. In meinem nächsten Briefe erhalten Sie gewiß Nachricht von dem Ende des Drucks. Ich zähle, wie immer, auf Ihre gütige Verwendung wegen des Exemplares an den Kaiser. Das an Ihren Herrn Bruder soll sogleich nach Vollendung des Bandes nach Berlin abgehen.

Mit unwandelbarer Anhänglichkeit u. Dankbarkeit ganz der Ihre.

Hase.

№ 15 (Jl. 28—28 об.). Париж, 28 июля 1819 г.
Помета Круга: 14 aug. 19.

Endlich, verehrtester Freund, sind wir mit dem Leo zu Ende, und schon hat man mir ein vollständiges Exemplar auf Velinpapier geliefert, in dem ich die Kupfer nach hiesigem Brauche bunt malen lassen, und das ich sogleich darauf der Gesandtschaft zur Uebersendung an den Kanzler übergeben werde. Indessen will ich nicht einen Augenblick verlieren, um Sie von dem Ende der Arbeit zu benachrichtigen; zumal da jenes Exemplar wieder lange unterwegs bleiben könnte. Diesen Brief sende ich Ihnen durch die Post.

Hn. von Köhler, der so gütig war mir zu schreiben, empfehlen Sie mich bestens u. sagen Sie, daß ich die Ehre haben werde, mit derselben Gelegenheit, durch die Gesandtschaft, auch ihm zu antworten. Hier ist ein Brief für ihn; einen von mir wage ich nicht beizulegen, um (da man nicht bis Petersburg frankieren kann) Ihnen nicht gar zu viele Auslagen zu verursachen. Sagen Sie Hn. von Köhler gefälligst, daß die bezeichnete Chriseulsche Inschrift sich nicht mehr in Paris befindet, sondern nach England gegangen ist. Seinen Brief an Hn. Allier (der noch hier ist) habe ich selbst überbracht; letzterer empfiehlt sich freundlich; seine Antwort wird er, nach Hn. von Köhlers Wunsche, an Hn. Mionnet abgeben. Das Weitere schreibe ich ihm selbst, mit dem Bande an den Kanzler.

Die 14 Bände der *Art de vérifier les dates* haben Sie nun wohl erhalten, nebst einem Briefe an den Grafen, einem Hn. Saint-Martins an mich, u. einem Exemplare Leos, so weit dieser vor vier Monaten gedruckt war. Ueber Hn. Saint-Martins u. meine Vorschläge erwarten wir Ihre und des Grafen Meinung. Das Exemplar an Ihren Hn. Bruder soll durch die Preußische Gesandtschaft nach Berlin gehen; das bunte an den Grafen will ich an Hn. von Merian, dem Russischen *Commissaire général*, abgeben, einem sehr gefälligen Mann. Dann seitdem H. von Schröder abwesend u. im Bade ist, bin ich wieder in des sehr störrigen H. von Spießbände gefallen (*Comment*, sagte er, als ich ihm die Kiste schickte, worinn die 14 Bände der *Art de vérifier les dates* waren; *je ne voudrois pas me charger pour l'Empereur lui-même d'une caisse aussi énorme; il y a des banquiers à Paris qui font des envois à Saint-Petersbourg, qu'on s'adresse a ceux - ci*), und den ich in solchen Sendungen sehr nachlässig glaube. Die hundert Exemplare an den Kanzler werde ich wohl zur See senden.

Noch habe ich die Rechnung aus der Druckerei nicht, vielleicht aber kann ich sie schon in acht Tagen einem Exemplar beilegen. Ich hoffe, daß mit dem, was der hiesige

Minister des Inneren beisteuert, alle Kosten gedeckt seyn werden. Da wir nur 25 Exemplare auf Velinpapier geben, wird mir wohl der Kanzler erlauben, Eins davon für den Kaiser zu bestimmen, das ich dann mit einem Briefe begleiten werde, und dabei ganz vorzüglich auf Ihre gütige Fürsprache rechnen.

Empfangen Sie nochmals meinen herzlichen Dank für die Güte u. das Wohlwollen, wodurch Sie die Erscheinung meines Werks möglich gemacht haben. Wie sehr wünschte ich mich für Ihre Freundschaft u. thätige Verwendung dankbar beweisen zu können. Verschaffen Sie mir bald dazu irgend eine Gelegenheit, u. erhalten Sie mir Ihr gütiges Andenken.

Paris d. 28 Julius 1819.

Hase.

№ 16 (Л. 27). Помера Кпрыа: 2 Sept. 19.

Paris den 9 August 1819.

So eben giebt mir Choris Ihren gütigen Brief vom 4/16 Julius; ich sehe daraus mit Beängstigung, daß Sie damals die Briefe noch nicht hatten, welche ich im April dieses Jahres an Sie und den Kanzler schrieb, u. die durch die Gesandtschaft gegangen sind. Dabei war ein Brief Hn. Saint-Martins, eines Armenisch gelehrten jungen Franzosen, an mich, den ich dem Kanzler statt des ewig zaudernden Cirkbieds vorschlug; ferner 14 Bände der *Art de vérifier les dates*. Es scheint mir unmöglich, daß der große Kasten, in dem alles diess war, und den ich Hn. von Spieß zugestellt habe, verlohren seyn sollte; ich verweise Sie also darauf. Dann habe ich Ihnen vor etwa acht Tagen durch die Post geschrieben, die Beendigung des Drucks zu melden; diesen zweiten Brief haben Sie ohne Zweifel bei Lesung dieses schon bekommen. Also jezt nur so viel, daß mir ein vollständiges Exemplar auf Velinpapier vor zehn Tagen abgeliefert wurde, u. ich es, nachdem die Kupfer auf hiesige Weise gemalt worden sind, jezt binden lassen. <Da> es fertig ist, gebe ich es Hn. von Merian, dem Russischen Generalkommissär hiermit Berechnung der Unkosten, die ich bis dahin aus der Buchdruckerei <...> werde. Von Ihren mir gesendeten Wechsel habe ich für die *Art de vérifier les dates* 112 Franken bezahlt; seitdem sind noch vier Bände erschienen wodurch das Werk vollständig geworden ist. Diese habe ich für 24 Franken gekauft, u. lege sie zu der Sendung, welche durch die Gesandtschaft gehen soll. Bestimmen Sie mir gütigst, zu welchem Ankauf ich die übrigen 8 Fr. zu denen ich das Nöthige zulegen werde, verwenden soll. Hn. Frähns Brief habe ich besorgt, und H. von Sacy wird unmittelbar antworten. Klaproth, der jezt Preußischer Seits hier ist, u. an Mandschurischen Wörterbüchern u. s. w. auf der Königl. Druckerei drucken läßt, ist Ihnen für die Lehrbergische Karte sehr dankbar; die dritte habe ich Maltebrun gegeben, der dafür in dem *Journal des Débats* Ihrer freundlich gedenken soll.

Mit nächstem mehr. Meine Sendungen müssen doch endlich eintreffen; mögen sie mich bei Ihnen u. bei dem Kanzler entschuldigen, u. Sie überzeugen, daß ich mir in einer Unternehmung, deren Anfang u. Vollbringung ich Ihrer Güte verdanke, keine Fahrlässigkeit habe zuschulden kommen lassen. Meine besten Empfehlungen an Hn. von Köhler. Leben Sie recht wohl, u. empfangen Sie nochmals meinen herzlichen Dank für Ihre wohlwollende Verwendung in dieser Sache, so wie überhaupt für Ihre gütige und unwandelbare Freundschaft.

Hase.

№ 17 (Л. 35—36 об.). Помета Круга: 25 Febr. 20.

Paris 28 August 1819.

Endlich, verehrtester Freund, sind wir mit Allem zu Ende. Die Exemplare sind aus der Druckerei geliefert, und, wie Sie aus beikommendem Schein sehen, 124 heute nach Petersburg abgesendet. In diesem Kästchen liegen zwei, das eine mit gemahlten Kupfern für den Grafen, das zweite für den Kaiser. Zu dem Briefe an den Kanzler füge ich die Rechnung mit den Belegen. Sie werden daraus sehen, daß der Druck höher zu stehen gekommen (6898 Fr.) als wir anfangs glaubten, besonders der Noten wegen, und so einen Theil des für den Psellus bestimmten Geldes weggenommen hat. Indess ist doch auch die Ausgabe so gerathen, daß die wohl schwerlich an irgend einem Orte in Europa für diese Summe so gut u. geschmackvoll hätte ausgeführt werden können, und dem Kanzler wird diess wohl einleuchten. Für den Psellus haben wir noch 4102 Franken übrig, von welchen zweitausend bei Hn. Eberhart liegen, dem *Imprimeur Royal du Collège de France*, eben dem welcher Corays, Clariers u. anderer Schriften druckt, und mit der *Imprimerie Royale* in Verbindung stehend das Materielle, so wie die ersten Korrekturen des Leo besorgt hat. Wollen Sie nun gefälligst den Kanzler bewegen, daß er uns wenigstens die fehlenden zweitausend Franken — wenn Sie können, viertausend; denn ich sehe aus dem Vergleich meiner Handschriften, daß Psellus stärker werden wird als Leo, selbst wenn ich mich in den Noten kürzer fasse; also wohl nach dem jezt gegebenen Maaßstabe 7—8000 Fr. kosten kann, von denen wir nur 4100 hier haben — wo nicht sende, doch wenigstens zusichere? Denn ich weiß nicht, ob wir von dem hiesigen Ministerium, mit dem ich schon des Leo wegen in einem kleinen Streit liegen, eine Subscription für den Psellus erhalten werden. Ich überlasse die Sache Ihnen. Zahlbar ist das Geld für Psellus an die *Imprimerie Royale* erst nach Ende des Drucks, also reicht es uns hin, für diesen Zeitpunkt, etwa in anderthalb oder zwei Jahren, dessen gewiß zu seyn. Nur müssen freilich diese genau bestimmt werden; sonst würde sich die Königliche Druckerei, nach Endigung des Psellus, an mich halten, und mich zu Vollmachung des Fehlenden zwingen.

Zu dem Exemplar an den Kanzler habe ich, wie Sie mir riethen, einen flüchtigen Französisch geschriebenen Auszug meiner Vorrede gelegt, zu dem für den Kaiser einen Brief. Diese Angelegenheit empfehle ich Ihrer Güte besonders. Mir ist vollkommen genug, durch Ihre Fürsprache auch nur den Wladimirorden zu erhalten, so wie ihn mein Kollege H. Langlès hat; diess wird, denke ich, leichter seyn als den Annenorden, den man überhaupt hier wenig kennt. An den Kanzler habe ich absichtlich davon nichts geschrieben; sollte diess oder sonst ein Brief an jemanden in dieser Sache nötig seyn, so haben Sie wohl die Güte, mich so bald als möglich davon zu benachrichtigen. Ferner sagen Sie mir ganz unverhohlen Ihre Meinung über die Form meiner Arbeit. Soll ich die Noten zu Psellus kürzer machen, oder ungefähr in demselben Verhältniss? Sie, verehrtester Freund, sind unter den wenigen, deren Urtheil sachkundig und mir höchst wichtig ist.

Beiliegend die vier noch fehlenden Bände der *Art de vérifier les dates*, von denen ich Ihnen, dünkt mich, in meinem letzten Briefe schrieb. Ich habe von Ihrem Gelde nun noch acht Franken; bestimmen Sie mir gütigst, wie ich diese, mit dem was ich gern zulegen werde, für Sie anwenden soll. Ferner finden Sie einen Brief für Hn. von Köhler, den Sie ihm wohl zukommen lassen; sagen Sie ihm noch gefälligst mündlich, daß ich nicht alle Hofnung aufgegeben, das *monumentum Charini* (*Catalogue de Dubois No. 186*) abgeschrieben zu erhalten, und deswegen Englischen Gelehrten, die jezt, bei Anfang unserer Bibliotheksferien, zurückreisen, Auftrag gegeben habe.

An Ihren Hn. Bruder werde ich durch die Preußische Gesandtschaft schreiben, und zugleich zwei Exemplare Leos senden. Ueber alles, was ich früher in mehreren Briefen an Sie und den Kanzler geschrieben, erwarte ich nun sehnlichst Ihre Antwort. Die Zugaben zu Psellus sollen noch reichhaltiger werden als die zu Leo. Lassen Sie uns doch bald eine

Ihrer Gelegenheits — oder sonstigen Schriften zukommen. Meine Verpflichtungen gegen Sie sind so groß, daß ich sie durch ein *elogium perpetuum* zwar nie werde vermindern, aber doch bei solchen Gelegenheiten meine Empfindungen werde ausdrücken können. Und wer würde auch Ihren rastlosen Eifer für die Wissenschaft, Ihre edle Uneigennützigkeit, Ihr Streben zu Beförderung alles Schönen und Guten nicht dazu würdigen, und mit Freuden davon sprechen. Leben Sie wohl, empfangen Sie nochmals meinen herrzlichen Dank für Ihr gütiges Wohlwollen, und erhalten Sie mir ein freundliches Andenken.

Hase.

№ 18 (Л. 29).

Paris d. September 1819

Sie erhalten schon wieder einen Brief von mir, verehrtester Freund, um Ihnen zu sagen, daß ich in den letzten Tagen Augusts ein zweites Paket (das erste müssen Sie nun längst erhalten haben) an die Gesandtschaft abgegeben habe. Darinn liegt: 1) ein Brief an Sie 2) ein Prachtexemplar des Leo, mit gemahlten Kupfern, für den Kanzler 3) ein Brief an diesen 4) ein französisch geschriebener Auszug meiner Vorrede, wie Sie mir riethen ihm zu schicken 5) ein Exemplar des Leo für den Kaiser 6) Brief an diesen 7) die Rechnungen, den Druck des Leo betreffend 8) ein Brief an Hn. von Köhler 9) vier Bände der *Art de vérifier les dates* für Sie, welche das Werk vollständig machen. — Zur gleicher Zeit sind, durch Hn. Baron von Merians Verwendung, 120 Exemplare des Leo, für den Kanzler, nach dem Havre de Grâce abgegangen, u. jezt gewiß schon auf der See. Natürlich wünschte ich, daß meine Briefe durch die Gesandtschaft früher ankäm(en?) als diese Sendung zu Wasser; auch hat mir H. von Schröder diess wohl versprochen; sollte es aber doch nicht geschehen, so entschuldigen Sie mich wenigstens bei dem Kanzler, u. sagen Sie ihm, daß diese Versäummiss nicht auf meine Rechnung zu setzen sei. Ich bedauere sogar jezt, die vier Bände der *Art de vérifier les dates* nicht auch zur See geschickt zu haben; denn so wie ein Paket etwas bedeutend wird, macht man bei der Gesandtschaft die größten Schwierigkeiten es anzunehmen. Dagegen zeigt mir der ebengenannte H. von Merian, Russischer Generalkommissär in Paris, lebhaften Antheil an unserer Unternehmung, und seine Gefälligkeit u. Dienstfertigkeit ist so groß, daß Sie wohl auch dem Kanzler lobend von ihr sprechen könnten.

Von dem Psellus sind jezt vier Bogen gedruckt, die ich Ihnen bei der nächsten bedeutenden Sendung beilegen werde. Möge die Ausgabe des Leo Ihren Beifall erhalten, denn ich lege auf Ihre Meinung den höchsten Werth. Ihren Briefen sehe ich darum mit großer Sehnsucht entgegen, wiederhole Ihnen meinen herzlichsten Dank, und empfehle mich nochmals Ihrer freundlichen Fürsprache und Ihrem gütigen Wohlwollen.

Hase.

№ 19 (Л. 30—31 об.). Париж, 27 октября 1819 г.

Das ungunstige Geschick, das mich zu verfolgen scheint, und muthlos machen könnte, dauert noch immer fort, verehrtester Freund. Vor einigen Tagen erfahre ich durch die Zeitungen (*Journal des Débats mercredi 20 Octobre*), daß das Schiff, worauf 124 — nicht 150, wie der Bericht sagt — Exemplare des Leo waren, untergegangen ist. Aus der Gesandtschaft hatte man sich nicht die Mühe gegeben, mich davon zu benachrichtigen;

übrigens ist der Bericht, den die Autoritäten aus Havre hingesandt zu haben scheinen, auch in anderem *Betracht* unwichtig. So wie das Meer wieder offen wird, werde ich natürlich dem Kanzler hundert andere Exemplare senden, aber die 24 auf Velinpapier sind nicht zu ersetzen. Übrigens scheinen die Exemplare assekurirt gewesen zu seyn — für wie viel, werde ich bald durch Hn. von Merian erfahren — und sonach haben wir wohl für den Druck des Psellus Geld genug. Aber da das hiesige Ministerium darauf besteht, hundert zu nehmen, und nur 400 gedruckt sind, ich auch an hiesige Zeitungen schon einige vertheilt habe, so werden die Exemplare gewaltig selten werden. Würde sich der Kanzler wohl mit sechzig, oder achtzig, begnügen, damit wir doch einige mehr nach Teutschland oder England senden könnten? Indessen folge ich in Allem dankbar u. freudig Ihrem Rathe.

Ein zweiter Verdruß ist die unerhörte Fahrlässigkeit der hiesigen Gesandtschaft. Vorgestern erhalte ich einen Brief des Kanzlers aus *Hamel en Russie blanche*, worin er sagt, daß er die Sendung nicht erhalten habe, *qui devoit contenir les propositions de M. de Saint-Martin*. Damit laufe ich in die Gesandtschaft; H. von Schröder war nicht zu sprechen, man weiß mich an Hn. von Spieß; ich frage bei diesem nach einem *paquet*, das ich im Frühjahr auf der Gesandtschaft abgegeben; er antwortet mir *qu' il ne s'en souvient plus*, und läßt mich stehen. Denken Sie, wie widrig dergleichen Scenen sind, wo ich trotz der Milde meines Wesens (denn nie habe ich mir die mindeste Ungeduld zu schulden kommen lassen) und trotz der Achtung, in der ich in Paris zu stehen glaube, bei diesen jungen Leuten und ihren Bedienten um ein Wort Aufklärung wie um eine Gnade betteln muss. Zum Glück nimmt sich H. von Lavensky meiner an, und erinnert sich dunkel, daß in Hn. von Schröders Vorzimmer ein Paket liege, führt mich dahin, und wir finden — das Kästchen, welches ich den 25 August, ungefähr, dort abgegeben, und um das sich weiter niemand bekümmert hatte. Darinn sind ein Exemplar auf Velinpapier an den Kanzler, eins an den Kaiser u. s. w. wie Sie nun wohl aus einem meiner Briefe wissen, der im September von hier durch die Post abgegangen ist. Ich erschrak, das Paket noch da zu finden; *soyez tranquille*, sagte mir Lavensky sehr höflich; *il partira le plutôt possible, dans un mois ou deux, ou dans trois, nous ne savons pas au juste*. Von dem früheren Paket wüsste er nichts, erbot sich aber, mich überall herumzuführen um es zu suchen, und in der That fanden wir es endlich in einer Kammer neben der Kanzlei. Freilich ist es etwas groß, wegen 14 Bände der *Art de vérifier les dates*, die ich hineingethan hatte, und ich erinnere mich, schon mit Hn. von Spieß darüber Streit gehabt zu haben. Aber man hätte mir doch wenigstens geradezu sagen sollen, daß man es nicht absenden könne, u. es nicht sieben Monate lang in einem Winkel liegen lassen. Da mir nun H. von Lavensky bestimmt erklärte, daß kein Kurier dieses frühere Paket, wegen seiner Größe, mitnehmen könnte, wurde beschlossen es wieder zu mir zu schicken (nach siebenmonatlicher Verspätung); *nous en feront trois ou quatre petits paquets que nous expédierons successivement*. Diess war den 20 Oktober; die folgenden Tage, während man bei mir an Kleineren Kästen arbeitete, hatte die Gesandtschaft, wie es scheint, eine *epistolam flagitatoriam* von dem Kanzler bekommen, und mir schrieb H. von Schröder, ich möchte das große Paket lassen, wie es wäre, dafür aber das zweite plombiren lassen; er wolle nun beide nicht mehr durch den Kurier, sondern durch Fuhrleute absenden. Also werde ich ihm beide wieder morgen zusenden; vorher aber meinen Brief (vom April) an den Kanzler, mit einem beiliegenden Saint-Martins, aus dem ersten Paket herausnehmen, u. ihn, mit einigen Zeilen von mir begleitet unmittelbar durch H. von Merian an den Kanzler schicken. Ihnen schreibe ich diess durch die Post.

Da ich glaubte, daß Sie und er längst die Sendungen erhalten hätten, habe ich angefangen, an hiesige Zeitungen mehrere Exemplare, zur Anzeige, zu vertheilen. Schon haben einige unserer Blätter mit großem Lobe von dem Grafen geredet. Indessen halte ich jetzt mit aller fernerer Austheilung inne, bis ich erfahre, daß Sie im Besitz der Ihnen

zugeschickten Exemplare sind. Der Beifall, den das Werk findet (möchte diess auch von Ihrer Seite der Fall seyn), erhält mich trotz aller Widerwärtigkeiten bei frohem Muthe, und es freut mich zu sehen, daß die Gelehrte Welt des Grafen großmuthige Aufopferungen dankbar anerkennt. An Ihren Hn. Bruder ist ein Exemplar mit einem Briefe von mir abgegangen. Von dem Psellus schicke ich Ihnen mit erster Gelegenheit einige Druckbogen. Machen Sie mir bald die Freude, von Ihnen ein gütiges Wort zu erhalten, lassen Sie sich das Kaiserliche Exemplar empfohlen seyn, beschützen Sie wohlwollend, wie bisher, unsere Unternehmung bei dem Kanzler und anderwärts, u. leben Sie recht wohl. Nie werde ich aufhören, Ihnen mit zärtlicher Liebe und Dankbarkeit ergeben zu seyn.

Paris d. 27 Oktober 1819.

Hase.

**№ 20 (Л. 34). Париж, 3 декабря 1819 г.
Помета Круга: 25 Dez. 19.**

Ich benutze, verehrtester Freund, das gütige Anerbieten des Hn. von Krause, der gestern zu mir kam, und eine außerordentliche Gelegenheit nach Petersburg gefunden hat, um seinem Briefe diese wenigen Zeilen beizuschließen. Meine Briefe, von denen der letzte von der Mitte Oktobers, dünkt mich, war, und durch die Post abgegangen ist, haben Sie nun wohl erhalten, so wie auch die beiden Ex<emplare> des Leo auf Velinpapier, das eine für den Grafen, das zweite für den Kaiser. Verwenden Sie sich gütigst in Betreff des letzteren. Die übrigen 25 Ex. auf Velinpapier, so wie 100 auf gewöhnlichem, sind leider durch den Schiffbruch untergegangen, aber assekurirt gewesen, für 4800 Fr. von welcher Summe, meint H. von Merian, der sich äußerst thätig u. gütig hierinn verwendet, doch gewiß uns 4500 Fr., oder ungefähr, ausgezahlt werden; 300 Fr. könnten die faux frais wohl betragen. Natürlich ersetze ich dem Grafen den Verlust, wie er es wünscht, durch 60, 80, 100, oder 125 Exemplare, wie er und Sie es wünschen; sagen Sie mir auch gütigst, was ich mit den 4500 Franken thun soll, wenn sie eingehen. Hier haben fast alle Zeitungen, das *Jour. des Débats*, die *Gazette de France*, *Le Mercure*, *Le Constitutionnel*, *Le Moniteur*, von unserem Buche u. besonders von dem Grafen mit großem Lobe gesprochen; alle diese Artikel sammle ich für Sie, u. sende sie Ihnen bei erster Gelegenheit. An Ihren Hn. Bruder habe ich ein Exemplar mit einem Briefe nach Berlin geschickt. Lassen Sie mich bald wieder ein gütiges Wort von Ihnen vernehmen, u. empfangen Sie nochmals die Versicherungen meines herzlichen Dankes, meiner Verehrung, und unwandelbaren Anhänglichkeit.

Paris d. 3 Decemb. 1819

Hase.

Der Graf muss neuerdings zwei Briefe von mir erhalten haben, vom 22 u. 28 Oktober, dünkt mich. Verzeihen Sie die große Eile dieses Briefes, nächstens mehr.

№ 21 (Л. 45—45 об.). Помета Круга: 25. Jan. 20.

Paris den 30 December 1819.

Ich benutze Hn. von Turgeneffs Abreise, verehrtester Freund, um ihm diesen Brief mitzugeben, in den ich einen an den Grafen, und ein Heft *Leonina* oder *Leoniana* einlege. Sie sehen, daß unsere Unternehmung Beifall findet; alle diese Lobsprüche kommen

eigentlich auf Ihre Rechnung, denn ohne Sie würde mein armer Diakonus wohl immer noch ungedruckt in seinem Winkelchen liegen.

Von dem Kanzler habe ich einen Brief vom 6 Novemb. V. S. erhalten. Er spricht mir darinn von dem Verlust der 124 Exemplare, und sagt: *en tout cas c'est à moi seul et sans que cela vous concerne, à en supporter la perte.* Die 124 Exemplaren waren (wohl zu gering) für 4506^f versichert worden. Will der Kanzler (dem ich in jedem Falle 125 andere sende, denn die ganze Ausgabe ist sein Eigenthum), daß ich diese 4506^f behalten soll, so kann ich diess nur unter der Bedingung thun, daß er die Güte hat, unseren Druck des Psellus anderweitig zu bedenken. Denn aus den nunmehr ohne Zweifel eingegangen Rechnungen werden Sie sehen, daß die Druckkosten Leos 6898^f betragen. Nun haben wir aber im Ganzen, die 2000^f des hiesigen Ministeriums mitgerechnet, nur 10,000^f gehabt; folglich sind in der Königl. Druckerei jezt nur noch 4,102^f übrig. Der Druck des Psellus, der bedeutend stärker ist als Leo, kann wohl auf acht oder neuntausend Franken kommen, und ich darf also wirklich von der Güte des Kanzlers Assekuranzgeld nur dann annehmen, wenn Sie glauben, daß er zu den 4,102^f die in der Druckerei liegen, das noch fehlende, um 8—9000^f voll zu machen, zuschießen wird. Alles diess vermitteln Sie, verehrter Freund, wie Sie wollen; ich folge durchaus Ihren Ansichten, Ihren Gefühlen, und Ihrem Rathe.

Hn. von Krause, der nun wieder abgereist ist, habe ich vor etwa einen Monat einen kleinen Brief an Sie gegeben. Außerdem schrieb ich Ihnen einmal im Oktober, und einmal im November. Diese drei Briefe, und besonders die zwei Sendungen, deren Verspätung mir vielen Kummer gemacht hat, sind wohl nun in Ihren Händen.

Thun Sie Ihr möglichstes mit dem Exemplar an den Kaiser. Mit großem Verlangen sehe ich Nachrichten von Ihnen entgegen, deren ich so lange beraubt war. Vergessen Sie nicht, daß Ihre Zufriedenheit mit meiner Arbeit und mit mir selbst unter die Dinge gehört, die ich in der Welt am höchsten schätze. Beruhigen Sie mich daher bald durch ein freundliches Wort, und erlauben Sie mir, Ihnen die Versicherungen meiner Dankbarkeit, zärtlichen Liebe und Verehrung zu wiederholen.

Hase.

№ 22 (Jl. 46—47 об). Помета Крыга: 28 Febr. 20.

Paris den 30 Januar 1820.

Herrn von Turgeneff, der in den ersten Tagen dieses Monats von hier nach Petersburg abging, habe ich einen Brief an den Kanzler und einen an Sie mitgegeben; in letzterem lag ein Heft Zeitungsblätter, in denen von unserer Ausgabe des Leo, nicht unvortheilhaft, die Rede war. Seitdem habe ich Ihren gütigen Brief vom 20 November, mit zweitem des Kanzlers, erhalten; und auf diesen eile ich jezt, Ihnen zu antworten. HnHn. S. Martin u. Remusat habe ich die Exemplare des Fränhschen Berichts mitgetheilt, die ihnen der Kanzler bestimmte. Beide sind ihm und Ihnen (denn Sie können denken, daß ich hier häufig von Ihnen spreche) sehr dankbar. Saint-Martin geht auf Ihre Vorschläge vollkommen ein, u. will unmittelbar an den Kanzler schreiben; Remusat hat mir einen Brief an diesen gegeben, der nebst einem von mir vor wenigen Tagen durch Hn. Baron von Merian an den Kanzler abgegangen ist. Finden Sie Gelegenheit, dieses leztern (*Conseiller d'État et Commissaire général de S. M. l'Empereur de Russie* bei dem hiesigen Liquidationswesen zwischen Russland und Frankreich) große Gefälligkeit in unseren Angelegenheiten u. seinen wissenschaftlichen Sinn zu rühmen, so thun Sie der guten Sache einen Dienst. Saint-Martin, durch Thätigkeit, Kritik und höhere Ansichten einem Teutschen Gelehrten vergleichbar, seine Jugend und vielseitige Orientalische Sprachkenntniss nicht einmal gerechnet, ist gewiß viel brauchbarer für Ihre u. des Kanzlers

Absichten, als der eigensinnige und faule Cirbied, der Europäische Gelehrsamkeit gar nicht begreift, mich Jahre lang durch Versprechungen hingehalten, und am Ende doch nichts gethan hat.

So wie das Meer offen wird, werde ich die fünfzig Exemplare Leos, auf zwei verschiedenen Schiffen, unter der Adresse des Kanzlers abgehen lassen; auch erlauben Sie mir, außerdem noch einige besonders für Sie beizulegen; ich würde es mir Vorwürfe machen, da ich hier so viele verschenke, Ihnen, dem ich sie alle verdanke, kein einziges gegeben zu haben. Will der Kanzler, das ich das Assenkuranzgeld für die verlorenen Exemplare (4506^f) behalten soll, so werde ich es zum Druck des Laurentius Lydus anwenden, dessen unedites Buch *De ostentis et prodigiis* in einer hiesigen Handschrift übrig ist, welche Choiseul-Gouffier aus Konstantinopel mitbrachte, und die nach dessen Tode von unserer Bibliothek erstanden ward. Lydus Buch *De magistratibus reip. Romanae* ist aus demselben MS. schon vor langer Zeit von Hn. Fuß, damals in Paris, jezt Professor in Lüttich, herausgegeben, und mit einer Einleitung von mir begleitet worden, die ich Ihnen beilege, und woraus Sie das Weitere sehen werden. Das Buch *De ostentis* habe ich mühsam aus der in diesem Theil zerrissenen und übel zugerichteten Handschrift herausgelesen, und seit lange(m) zum Druck fertig; das Beispiel des Leo Diak. aber zeigt Ihnen, daß Arbeiten dieser Art hier lange unbeachtet liegen bleiben können, und ich sehe keine rechte Möglichkeit, diese anders als auf dem Wege, von dem ich spreche, an den Tag zu fördern. Für mich wird es eine erwünschte Gelegenheit, meine Bekanntschaft auch mit der höheren und klassischen Litteratur zu zeigen; und da das Buch von geringem Umfange, Alles, auch meine Noten, schon ausgearbeitet ist, und die einzig darauf zu verwendende Zeit die seyn würde, welche zu Durchsicht der Korrekturen nöthig wäre, so würde die Herausgabe meiner Hauptbeschäftigung auch nicht im mindesten nachtheilig seyn.

Beiliegend ein Brief an Hn. von Köhler. Die Kisten der Gesandtschaft, die ich Ihrer Güte empfehle, haben Sie wohl nun erhalten. M.^{le} Canel ist jezt hier und wohl; sie wohnt bei Frau v. Heckscher, einer aus Hamburg hinher geflüchteten Jüdin. Von dem Schrecken, das diese Dame bei der dortigen Judenverfolgung gehabt, wird man Ihnen wohl geschrieben haben. H. v. Krause ist nicht mehr in Paris, war es auch nicht mehr, als ich Ihren gütigen Brief vom 20 Novemb. erhielt, worin ihn Lebzelttern u. Graf Thurn grüßen ließen. Ich hatte ihn aber schon im Anfange seines Hierseyens gesehen; er war früher, als er in Bordeaux wohnte, in Handels Verbindung mit einem meiner Verwandten, Hn. Reyher, der auch jezt noch in Bordeaux ein Haus hat, und daselbst lebt.

Erfreuen Sie mich bald wieder mit einem gütigen Schreiben, und erhalten Sie mir Ihre wohlwollende Freundschaft.

Hase.

2 Februar um zwei Uhr. So eben bringt mir Saint-Martin beiliegenden Brief, den ich offen in das schon gesiegelte Paket lege, das ich wieder erbrochen habe. Ich glaubte, er hätte mittelbar an den Kanzler geschrieben. Sie werden schon aus diesem Briefe sehen, daß S. Martin — noch nicht dreißig Jahre alt — dem entspricht, was ich von ihm sagte. Er verlangt für die Beiträge zu dem großen Werke, handschriftlich nach Petersburg zu senden, zweitausend Fr., und die Bücher, von denen er in seinem Briefe spricht. Hoffentlich findet der Graf diese Forderung nicht übertrieben. Leben Sie nochmals recht wohl, empfangen Sie meinen herzlichen Dank, u. behalten Sie mich lieb.

**№ 23 [к графу Р. П. Румянцеву] (Л. 48—49 об.).
23 февраля 1820 г.**

Votre Excellence aura reçu sans doute une de mes lettres datée de la fin de Janvier, et renfermant deux autres, l'une de M. Abel-Remuzat et l'autre de M. Saint-Martin, dans lesquelles ces deux savants expriment à Votre Excellence toute leur gratitude. Depuis le départ de cette lettre dont M. le Baron de Mérian a bien voulu se charger, j'ai reçu moi-même une de M. de Krug du 13 Janvier, à laquelle je répons aujourd'hui. Aussitôt que la mer sera ouverte, j'expédierai à Votre Excellence les cent exemplaires de Leon qu'Elle désire, et je les adresserai à la maison de commerce de MM. Krause. Les premiers feuillets imprimés de Psellus seront joints à cet envoi. Je pourrai même, si Votre Excellence le juge à propos, Lui faire parvenir par la même occasion la collection de la Byzantine, qu'Elle desire avoir. MM. de Bure, ou Treuttel et Würtz à qui j'en ai parlé, nous la procureront sûrement d'ici à un mois. Le prix des vingt-huit volumes qui la composent réellement, peut aller à 800 ou mille francs; car je ne conseille pas à Votre Excellence d'acheter ce que nos libraires appellent la grande Collection, consistant en 50 volumes, et comprenant, outre les vingt-huit dont je viens de parler, 22 autres, tels que l'*Oriens Christianus* du P. Lequien, les *Gesta per Francos* par Bongars, les *Numismata Imp. Romanorum* par Banduri, le *Corippus* de Foggini etc. ouvrages que les libraires regardent il est vrai comme à la Byzantine, mais que Votre Excellence possède peut-être déjà en partie, et qui ne tiennent à la Collection que d'une manière indirecte. D'ailleurs ils sont assez difficiles à réunir, et ils en augmentent considérablement le prix, 44 volumes seulement ayant été portés à 2251^l à la vente de M. le Duc de la Valière.

Dans une de mes lettres précédentes j'ai fait mettre sous les yeux de Votre Excellence les Journaux Français qui parlent de notre édition de Léon. Le Journal des Savans lui en consacra deux articles. Le premier, beaucoup trop obligent pour moi, vient de paraître, et paye à Votre Excellence le juste tribut de reconnaissance que Lui doivent tous les gens de Lettres. Je n'attends que l'apparition du second, dans le Numéro de Février ou de Mars, pour les envoyer tous les deux à Saint-Pétersbourg. Les Journaux d'Allemagne, dont j'ai vu quelques uns, rendent également justice à la générosité de Votre Excellence, et à Son amour éclairé pour les lettres.

Je remercie Votre Excellence de Ses dispositions bienveillantes à mon égard, concernant les Fonds que la caisse d'assurance nous a payés. D'après ce que me dit M. le Baron de Mérian, les cent exemplaires ne pourront guère partir d'ici que dans un mois ou six semaines. Aussitôt que je les aurai expédiés, je m'empresserai d'en instruire directement Votre Excellence, et de Lui réitérer les hommages de la gratitude et du profond respect avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Monseigneur,

votre très-humble et très-obéissant serviteur.

Paris le 23 Février
1820

Hase

№ 24 (Л. 51—52 об.). Помета Круга: 18 März. 20.

Paris, d. 24 Februar 1820.

Einen Brief, den ich vor etwa vier Wochen durch Hn. Baron von Merian an Sie schickte, mein hochverehrter Freund, so wie die dabei liegenden Briefe Abel-Remusats und S. Martins an den Kanzler, haben Sie wohl nunmehr erhalten. Ich auch den Ihrigen vom 13 Januar, auf den ich Ihnen hiermit antworte. Zuerst von den Geldsachen, wo ich

Ihnen wieder für Ihre gütige Verwendung danken muß. Die Assekuranzkasse hat 4506^f 57 Centimes bezahlt — siehe Beilage A. Die hundert Exemplare, welche ich, so wie das Meer offen wird, auf zwei verschiedenen Schiffen unter Ihrer Adresse an das Krausische Handlungshaus nach Petersburg absenden werde, machen, zu 40^f das Exemplar, 4000^f — siehe als Beilage B den früher gedruckten Prospektus. Ferner habe ich Mademoisell Canel 750^f gegeben — siehe ihren Schein Beilage C. Nun habe ich auch noch Ihrem früher zum Ankauf der *Art de vérifier les dates* gesandten Gelde 8 Franken übrig, thut 4514^f 75^c. Also 4750^f abgezogen von 4514^f 15 sous, die ich hatte, blieben noch 235^f 5 sous auszugleichen. Bouquint *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, das mit den 100 Exemplaren eingeschiffet wird, bringe ich Ihnen noch nicht in Rechnung, weil ich den Preis nicht ganz genau weiß; wir werden versuchen, die bis jezt erschienenen sechzehn Bände für 310—330^f zu bekommen.

So weit die Geldgeschäfte, verehrtester Freund, wobei ich hoffe, ganz in Ihre Ansichten eingegangen zu seyn. Alles was in meinen letzten Briefen darüber geschrieben, findet sich nun berichtet und bestimmt; ich habe durch Sie ein Mittel gefunden, meine *Prodigia Lydi* drucken zu lassen; denn dazu will ich die 4000^f den Preis der 100 Exemplare, anwenden — und in der Vorrede soll gleichfalls Ihrer und des Kanzlers gedacht werden. Nur aber haben Sie die Güte, auch den Druck des Psellus, wo möglich, zu sichern. Denn dieser kommt gewiß auf 8000, vielleicht auf 9000^f, in der Druckerei aber liegen nur 4,102^f; und bei jetzigen gewitterschwangern Zeitläufen können wir gar nicht darauf rechnen, von dem hiesigen Ministerium, das mit wilden demagogischen u. oligarchischen Partheien auf Tod und Leben kämpft, Unterstützung zu erhalten. Ist aber der Druck vollendet, so wird die Imprimerie Royale die Bezahlung des Fehlenden, vielleicht 5000^f von mir fordern. Indessen schreitet der Druck des Psellus vorwärts, zwar jezt etwas langsam, so wie aber die Sitzung und das Gezänk der Kammern zu Ende geht, habe ich die Versicherung, daß zwei Pressen für mich allein arbeiten sollen.

Beiliegenden Brief aus Teutschland lesen Sie wohl mit Vergnügen. Wünschen Sie, daß ich Ihnen auch die Teutschen Zeitschriften sammeln, in denen von Leo die Rede ist? Oder haben Sie Mittel, diese unmittelbar von dorthen zu erhalten?

Sollte nicht in Betreff des Buchhändlers Marc — so lese ich den Namen in Ihrem Briefe — ein Missverständniss obwalten? Hier ist allerdings ein M. Marc, libraire, rue Rameau No. 11 und bei diesem bin ich gewesen; er hat aber nie von Vorschlägen den Verlag der Kotzebunschen Reise betreffend gehört, und kennt letzteres Werk nicht einmal dem Namen nach. Und doch ist diess der einzige Buchhändler dieses Namens in Paris. Haben Sie vielleicht die Unterschrift des Buchhändlers nicht entziffern können? Das ist in Französischen Briefen häufig der Fall.

Beiliegendes von Madem. Canel, die sich wohl befindet, und sich Ihnen empfiehlt. Die Exemplare, meint H. von Merian, können doch wohl erst in etwa sechs Wochen, wo das Meer offen seyn wird, abgehen; bis dahin schreibe ich Ihnen noch einmal. Sind die Kisten der Gesandtschaft endlich angekommen? Leben Sie recht wohl und erhalten Sie mir Ihre Freundschaft; wie sehr wünsche ich Gelegenheit zu finden, Ihnen meine Dankbarkeit anders als mit bloßen Worten zu bekräftigen.

Herzlich der Ihre. Hase.

H. von Merian, dessen Gefälligkeit und Güte ich nicht genug rühmen kann, übernimmt die Besorgung auch dieser Sendung.

№ 25 (к гр. Н. П. Румянцеву) (Л. 53—54 об.).
Париж, 23 мая 1820 г.

Monseigneur,

Votre Excellence ajoute par les témoignages de satisfactions dont Elle veut bien m'honorer, aux nombreuses obligations que je Lui ai déjà, et je puis dire qu'au milieu de l'approbation générale dont jouit notre entreprise, Ses paroles pleines de bienveillance sont ce qui me flatte et qui m'encourage le plus. Que d'obligations j'ai à M. de Krug de m'avoir présenté à Votre Excellence, et que je m'applaudis de la direction que mes études ont prise; je leur dois le bonheur d'être connu de Vous., Monseigneur, et d'associer en quelque sorte, dans cette série de publications, mon nom à l'immortalité du Vôtre.

Une lettre de M. de Krug que je viens de recevoir, contient un exposé des vues de Votre Excellence sur les travaux qui nous restent à entreprendre, vues auxquelles j'adhère entièrement. Le volume de Léon est accueilli partout avec tant d'empressement que nous pouvons hardiment faire tirer les volumes subséquents à cinq cents exemplaires chacun; je regrette même que nous ne l'ayons pas fait pour Léon dont on n'en a tiré que 400. Cinquante de ces exemplaires à tirer seroient aussitôt envoyés à Votre Excellence; je garderois les cent dont Elle veut bien disposer pour moi; et les 350 restans remis au plus offrant des libraires serviroient à couvrir une partie des dépenses exigées par l'impression du volume suivant. Celui de Psellus sera plus fort que celui de Léon, et les frais de l'impression pourroient bien s'élever à 8-9000 f; néanmoins, comme nous avons déjà 4102^f déposés à l'Imprimerie Royale, il suffit que Votre Excellence veuille dans le courant de cet été disposer de cinq mille francs, et nous les adresser ici. Je les remettrai à la caisse de l'Imprimerie Royale où les 4102^f se trouvent déjà, et je ne doute pas que nos imprimeurs ne redoublent alors de zèle et d'activité.

Les cent exemplaires de Léon destinés pour S. Pétersbourg sont emballés, et le premier envoi, de cinquante, est parti depuis trois semaines, comme Votre Excellence le verra par le reçu ci-joint. Les autres cinquante seront expédiés dans quelques jours, également par les soins de M. le Baron Mérian qui a été très sensible aux témoignages de satisfaction dont je lui ai fait part d'après la lettre de Votre Excellence.

Je serai enchanté, Monseigneur, si par Votre entreprise je puis obtenir communication des cartes anciennes qui, à ce que m'écrit M. de Krug, se trouvent à Parme. Elles me seront probablement fort utiles pour l'explication de la grande carte Catalane qui sera placée dans notre volume additionnel. Le manuscrit du Vatican, No. 7029 n'a jamais été transporté à Paris, et même si nous l'avions eu, il ne seroit plus en notre possession; puisque en 1815 nous avons rendu tous les manuscrits venus d'Italie. Il doit donc être encore à Rome; et si Votre Excellence veut faire écrire à M. Angelo Maio, Bibliothécaire du Vatican, ou à M. l'abbé Marino Marini, Camerlingue de Sa Sainteté et Préfet des Archives du Vatican, je ne doute pas qu'ils ne s'empressent de faire copier l'ouvrage de Marco Marulo. J'écris dans ce moment à M. de Krug, et je lui donne les mêmes détails.

Je ne puis terminer ma lettre, Monseigneur, sans vous témoigner de nouveau ma gratitude de la manière flatteuse dont vous parlez de mes travaux. Vous daignez dire que l'édition de Léon est un service rendu à vous; c'est vous au contraire, Monseigneur, qui par votre générosité et votre munificence en avez rendu le plus grand aux lettres, en élevant un monument impérissable à la gloire des anciens héros de Votre patrie. Si j'ai été assez heureux pour obtenir le suffrage de l'Europe savante, je le dois bien moins à l'extrême désir que l'avais de terminer d'une manière digne de vous le travail dont vous m'avez chargé. C'est à l'influence de Votre nom que nous devons tout le succès de l'entreprise, comme nous avons dû à votre générosité les moyens de la commencer.

MM. Silvestre de Sacy et Abel-Remusat me chargent de Vous présenter leurs hommages. Agréez aussi les miens, ainsi que les sentiments de reconnaissance et de respect avec lesquels j'ai l'honneur d'être, Monseigneur,

de Votre Excellence
le très-humble et
très-obéissant serviteur
C. B. Hase.

Paris 23 Mai 1820.

№ 26 (Л. 55—56 об.). Помета Круга: 8 Jun. 20.

Paris d. 23 Mai 1820.

Ihre beiden Briefe, mein hochverehrter Freund, den einen längeren vom 4 März alten Styls, den zweiten vom 20 März, nebst mehreren Beilagen, habe ich beide vor wenigen Tagen zusammen erhalten, und danke Ihnen herzlich für Ihre Bemühungen in Rücksicht des Ordens. Aus dem, was Sie mir mittheilen, sehe ich wie rastlos und wirksam Ihre Schritte gewesen sind, u. finde von neuem wieder die Worte von Madem. Canel bewährt, welche Sie *le plus obligeant, le plus délicat et le plus parfait des hommes* nennt. Beider Sendungen Inhalt habe ich S. Martin sogleich mitgetheilt. In einer der beiden lag ein offner Brief des Grafen an ihn, mit freundlichen aber unbestimmten Aeußerungen, und Aufforderungen zu dem Werke. Ueber das Einzelne verweist er an Sie. Ich rieth daher Saint-Martin, mit den Herrn der *Imprimerie Royale* einen möglichst genauen Ueberschlag der Kosten seines Werkes zu machen, und Ihnen dann zu schreiben. Indessen schicke ich Ihnen vorläufig diesen Brief, wie Sie wünschen, und werde zugleich, durch die Post, an den Grafen schreiben. S. Martins Brief sende ich, so wie er mir ihn giebt, in einem zweiten mit dem Kurier nach. Sein Werk über Armenien, das er mir für Sie gegeben, erhalten Sie mit dem zweiten Fünfzig der Exemplare, denn die ersten Fünfzig habe ich durch das Handelshaus Gontard, welches alle Sendungen der Russischen Gesandtschaft besorgt, den 28 April zu Hn. Krause abgehen lassen. Zu diesem zweiten Fünfzig werde ich auch *Bouquets Scriptt., rer. Gallicar. et Francie* legen, die mir die HHn. *de Bure, libraires de la Bibl. du Roi*, gewiß bis dahin aufbringen; auch *Letronnes Dicuil*, ein gutes Buch.

An dem Briefe an den Grafen, der mit diesem zugleich durch die Post abgeht, bitte ich ihn Ihrem Rathe gemäß um 5000^f, wodurch der Druck des Psellus vollkommen gesichert, u. von unvorhergesehenen Ereignissen unabhängig wird. Für die Reimchronik können wir, denke ich, wohl noch nichts von ihm fordern, da der Druck des Psellus so langsam geht. Freilich ist in einigen Jahren des Grafen Tod, oder plötzliche Schwächung seiner Geisteskräften zu befürchten, wo dann Alles aufhören würde. Es ist unmöglich, ihm solche Besorgnisse auch nur von fern merken zu lassen; könnte er aber nicht, etwa nächstes Jahr, auch nur 6000^f für die Reimchronik und den Stich der in demselben Bande erscheinenden Karten bei Ihnen niederlegen? Denn obschon dieser Band, des Stiches der Karten halber, höher zu stehen kommen würde als irgend einer der früheren, so würde doch auch die *casse typographique*, von welcher der Kanzler spricht, aus dem Verkauf des Psellus gewiß schon entstanden, u. im Stande seyn, einen großen, wo nicht den größten Theil der Kosten zu decken. Denn in den Vorschlag des Grafen, daß von 500 Exemplaren er 50, ich 100 bekommen, und die übrigen 350 *au plus offrant des libraires* gegeben werden sollen, gehe ich mit Freuden ein.

Sagen Sie mir doch, ob ich die Stelle Ihres Briefes vom 13 Januar vollkommen verstanden habe: "Machen Sie sich — schreiben Sie — für die jezt vermehrte Zahl der Exemplare aus jener Summe — dem Assekuranzgelde — bezahlt". Und so habe ich für

die 100 zu sendenden Exemplare, 40^f für jedes, 4000^f gerechnet. Berichtigen Sie mich ja hierin, wenn ich falsch verstanden habe, und seien Sie überzeugt, daß ich nie eine andere Ansicht als die Eurige in dieser Sache geben werde. In jedem Fall darf Ihnen keine Nachrechnung, Boucquet betreffend, zukommen; diess geht mich allein an; ich behalte doch genug für Lydus.

25 Mai. So eben bringt mir Saint-Martin einen Brief für Sie, und einen für den Grafen. Sie werden daraus sehen, daß die Kosten für einen jeden Band — es sollen ihrer drei werden — 6 bis achttausend Franken sind. Er wünscht (verzeihen Sie bei dem hohen Alter des Grafen seinen Wunsch und sein Besorgniß), daß man 24000^f, oder doch wenigstens 8000^f, die Kosten des ersten Bandes, ihm so bald als möglich hierher übermachen könnte. Verhandeln Sie diess; aus seinen Briefen werden Sie, wie schon aus seinen Schriften, ihn als gründlichen, vielseitigen u. thätigen Gelehrten schätzen. Sie können ihm Teutsch schreiben, er versteht es. Jakuts Geographisches Lexicon ist, sagt er mir, nicht hier. Sein Werk über Armenien hat er mir für Sie gegeben; ich werde es dem Boucquet beilegen.

So viel heute, Verehrter Freund. Bei Maze (nicht Marc, wie ich in einem früheren Briefe las) habe ich Ihren Auftrag ausgerichtet, u. erhalte von ihm so eben einen Brief für Sie, so wie auch [дыра от печати] <ei> nen von Mad.^{el} Canel, die Antwort auf den von mir überbrachten. Zugleich schreibt si[e] [дыра] sehr freundlich: *J'espère que notre aimable correspondant va bientôt me répondre* (sie hat so große Freude an Ihren Briefen, daß sie behauptet, Sie schrieben nicht oft genug: "*Je lui écris six lettres avant d'en recevoir une*", sagt sie), *et je m'en fais une double Fête puisque cela me procurera, Monsieur, l'avantage de votre visite*. Alle diese Briefe, nämlich 1. Saint-Martins an Sie 2. Desselben an den Grafen 3. M.^{el} Canel an Sie 4. Mazes, auch an Sie, will ich morgen in einen Umschlag thun, und diesen Hn. von Merian geben, mit noch einigen Zeilen von mir; dieser Brief aber soll noch heute auf die Post geschickt werden. Leben Sie wohl, theuerster Freund, empfangen Sie nochmals meinen herzlichen Dank für alle Ihre Güte, und behalten Sie mich lieb.

Hase.

N. S. Dem Grafen habe ich in einem Briefe vom 23 Februar über die hiesigen Preise der Byzantina Nachricht gegeben. Die 28 Bände (was die hiesigen Buchhändler *la petite Collection* nennen) werden hier für 800—1000^f verkauft; also scheinen mir 700 Rubel — etwa eben so viel Franken, nicht wahr? ein sehr billiger Preis. — Wir laden Ihrer Güte erschrecklich viel auf; sind wir, S. Martin und ich, nicht unbescheiden?

№ 27 (Л. 57—57 об.).

Paris d. 25 Mai 1820.

Gestern, verehrtester Freund, sind zwei Briefe von mir, einer an Sie, der andere an den Kanzler, mit der Post abgegangen. Diese Zeilen schreibe ich, um sie dem Umschlage beizufügen, den ich um folgende Briefe mache: 1. Saint-Martins an Sie 2. Desselben an den Grafen 3. Mad.^{el} Canel an Sie (steckt in S. Martins Umschlage) 4. Hn. Heytt's, des Buchführers bei Maze, auch an Sie 5 Remusats an Hn. von Uwaroff, welchen Brief Sie wohl zu besorgen die Güte haben. Zu meinem vorgestrigen Briefe wüsste ich wenig hinzuzusetzen. Saint-Martin hat mir außer den zwei Bänden des Werks über Armenien auch noch ein Heft von 120 Seiten für Sie gegeben, das er so eben erscheinen läßt: *Recherches sur l'époque de la mort d'Alexandre* — er greift darinn Champollion Figeac heftig an. Sie bekommen es mit den zweiten Fünfzig, 3 Exemplaren, so wie auch Boucquet

u. Dicuil. Denn S. Martin ist zwar sehr rechtlich, gelehrt, scharfsinnig und thätig, aber doch, für mich wenigstens und meine Gutmüthigkeit, ein wenig rechthaberisch, und, wenn er Recht zu haben glaubt, schonungslos. Aber diess? was ich ihm oft freundlich verwiesen, geht seine Verdienste als Gelehrter nicht an, und ist seiner Jugend zuzuschreiben; er ist noch nicht dreißig Jahr alt. Ich wünsche sehnlich, daß seine Vorschläge von dem Grafen mögen genehmiget werden, sollte sogar meine Unternehmung etwas darunter leiden und die Sendung der vom mir für Psellus verlangten 4—5000^f deshalb verspätet werden. Denn so unangenehm es mir wäre, mein mühsam ausgearbeitetes Werk nicht bald gedruckt zu sehen, so thut mir doch S. Martins Plan so schön, daß ich glaube, man muß, von aller Persönlichkeit abgehend, das Nützlichste am meisten u. schnellsten fördern. Aber hoffentlich erwirken Sie das Nöthige für uns beide. Leben Sie wohl, liebster Freund, und behalten Sie mich in wohlwollendem Andenken. Ewig der Ihre.

Hase.

№ 28 (Jl. 58—59). Помета Круга: 20 Aug. 20.

Paris d. 4 August 1820.

Zwei Briefe von mir, wenige Tage hinter einander in den letzten Tagen des Mais geschrieben, sind Ihnen nun wohl, verehrtester Freund, durch Hn. von Merians bewährte Güte zugekommen. Sie enthielten die Antwort auf die Ihrigen vom Anfange und aus der Mitte des März. In dem zweiten der meinen waren Briefe S. Martins, Damazes und von M.^{el} Canel an Sie, auch einer von S. Martin an den Grafen. Wenige Tage darauf bekam ich durch die Russische Gesandtschaft ein sehr verbindliches Schreiben des Kanzlers, so wie einen Brief des Kaisers mit dem Wladimirdiplom u. Orden, worauf ich dem Kanzler sogleich geantwortet, und ihm meinen Dank bezeigt habe. Auch Ihnen, dem allein ich eigentlich das Gelangen zu einer rühmlichen und vortheilhaften Arbeit verdanke, statt ich hiermit von Herzen den meinigen ab. Je länger wir uns kennen, desto mehr erkläre ich mir und theile selbst die Anhänglichkeit, Achtung und Liebe, die Sie allen denen einflößen, die mit Ihnen, wäre es auch nur von fern, in Berührung sind.

Hn. Montagnes Besuch erhielt ich vor einigen Wochen, und durch ihn Ihren Brief vom 11/23 Mai. Ich habe diesem rechtlichen u. wackern Mann nach Kräften zu nützen gesucht; und da er sich nicht in Paris, sondern in Bordeaux niederzulassen wünschte, ihm einen Brief an meinen Verwandten, Hn. Reyher, dortigen Kaufmann, mitgegeben (welcher, wenn ich nicht irre, früher mit Ihrem Freunde, Hn. Krause, gemeinschaftliche Handlung hatte). Nur will ich wünschen, daß Hn. Montagnes Eigenschaft als Protestant ihm nicht in Bordeaux schade, wo die eigentlichen Einwohner meistens arg fanatisch sind, die dort ansässigen fremden Kaufleute aber ihre Söhne viel außer Frankreich erziehen lassen.

Endlich habe ich auch gestern einen Brief des Kanzlers vom 20 Junius aus Moskau empfangen, und in diesem eine Anweisung auf die 5000^f, welche uns noch fehlten, um den Druck des Psellus vollkommen zu decken. Ich habe ihm heute Morgen mit der Post geantwortet. So ist dann, dank Ihrer Güte und Verwendung, auch diese Angelegenheit vollkommen im Reinen. Ueber Saint-Martins Vorschläge schreibt er mir nicht; sollten Sie und er meinen großen Brief vom 25 Mai noch nicht empfangen haben? Die hundert Exemplare sind doch gewiß nun angekommen. Das erste Buch des Psellus ist schon seit einiger Zeit fertig gedruckt; ich schicke Ihnen bei der ersten Gelegenheit die Druckbogen. Bekommen Sie in Petersburg das *Journal des Savans*, unstreitig die beste unserer gelehrten Zeitschriften? Es ist auch ein Artikel über Leo, von Raoul Rochette, darinn;

unglücklicherweise ist Rochette bald darauf Censor geworden und in politische Streitigkeiten gerathen; so daß er den zweiten, versprochenen, Artikel noch nicht hat fertigen können. Ich gehe vielleicht diese Bibliotheksferien, im September, nach Mailand, u. werde dort die Ambrosianische Bibliothek in Rücksicht auf Russische u. Byzantinische Geschichte durchsuchen.

M.^{ell} Canel (rue de Clichy No. 30 bei Madam Heckscher) habe ich so eben besucht; sie hat leider ihre Schwester, Madam Bertaud, verlohren, mit der sie genau u. herzlich verbunden war. Sie selbst habe ich in Trauer u. niedergeschlagen gefunden, fast für keine Freude empfänglich als für die, von Ihnen zu sprechen, und von Ihnen sprechen zu hören. Schreiben Sie ihr doch bald; sie ist so verständig, sanft und angenehm, daß ich mir eine große Freude daraus mache, Ihre Briefe selbst zu überbringen.

Mit herzlicher Freundschaft und Dankbarkeit ganz der Ihre.

Hase.

№ 29 (Jl. 60—61 об.). Помета Крыга: 19 Oct. 20.

Paris d. 15 August 1820.

So eben erhalte ich, verehrtester Freund, Ihren gütigen Brief vom 1 Julius, nachdem ich Ihnen vor wenigen Tagen einen durch die Post abgesendet. In dem Ihrigen waren einer für M.^{ell} Canel und einer für S. Martin, die ich sogleich selbst besorgt. Erstere dankt Ihnen herzlich und mit Rührung für Ihr dauerndes u. gütiges Andenken. Daß Sie ihre Schwester, Madam Bertaud, verlohren, wissen Sie nun schon aus meinem letzten Briefe. Das arme Mädchen ist in tiefer Trauer, und muthlos; sie hat geweint, u. sagte, daß sie sich nach Petersburg zurücksehne; dort habe sie Wohlwollen, Theilnahme, Herzlichkeit gefunden. Hier sei, nach ihrer Schwester Tode, fast niemand, dessen Umgang ihr Freude mache. Ich stellte ihr vor, sie sei ihren Freunden und sich selbst schuldig, sich wehmüthigen Empfindungen nicht so hinzugeben; *oui*, antwortete sie mir, *grondez moi; M. Krug me grondoit aussi bien souvent*. "Bitten Sie ihn, mir mein Stillschweigen zu verzeihen"; *je suis incapable de tracer une ligne, mais la première lettre que je serai en état d'écrire, ce sera pour lui. Je ne suis heureuse que dans mes souvenirs*.

Die 5000^f für Psellus, so wie des Kanzlers Schreiben an S. Martin und Remusat, sind richtig eingetroffen; von letzterem lege ich eine Antwort bei. Unbegreiflich ist es, daß von unsern Schiffen auch nicht Eins angekommen war, als Sie schrieben; doch müssen die hundert Exemplare gewiß in Ihren Händen seyn, wenn Sie diess lesen.

In alle Vorschläge des Kanzlers willige ich mit Freuden ein. Wie großmüthig und edel haben Sie in der Frähnischen Sache gehandelt. M.^{ell} Canel hat wohl recht, wenn sie sagt: *M. Krug est le plus généreux des hommes*.

Von dieser Ihrer Güte muß ich freilich hier schon wieder in Betreff meines Lydus Gebrauch machen. Allerdings ist der Druck angefangen, und wird ungefähr auf 3000^f kommen. Aber ich will nicht, und darf nicht wollen, daß der Kanzler diese Kosten ganz trage, zumal da er den Druck nicht eigentlich guthieß. Der Stand unserer Kasse ist so: Von Hn. von Merian haben wir rein erhalten 4506^f, denn die Assekuranzkosten waren berichtigt u. abgezogen. Ferner 8^f, von Ihrem früher gesandtem Gelde übrig. Thut 4514^f. Von diesen gehen nun ab a. Fünfzig Exemplare, jedes zu 40^f .....2000^f

b. An Mad.^{ell} Canel gegeben 750

c. Für Bouquet u. Dicuil, laut beiliegenden Scheins 415

3165^f

Diese 3165 abgezogen von 4514, bleiben 1349^f übrig, welche freilich zum Druck des Lydus nicht hinreichen, aber das übrige kann und werde ich leicht selbst hinzufügen.

Sagen Sie nun gefälligst, wie ich zu Ihrer Berechnung mit dem Kanzler die Sache vorstellen, ob ich ihm selbst darüber schreiben, oder Ihnen bloß obige Rechnung französisch schicken soll. Alles was u. wie Sie es verfügen, heiße ich unbedingt gut.

Darf ich Ihnen noch eine Bitte vorlegen? Einer meiner vieljährigen Bekannten, obschon etwas jünger als ich, H. David, Sohn des berühmten hiesigen Mahlers, hat in Göttingen studiert, ist ein trefflicher Hellenist, spricht Teutsch, Alt- und Neugriechisch, u. hat sonst vielseitige Verwaltungs — und andere Kenntnisse. Er war Auditeur unter Bonaparte, verlor 1815 diese Stelle und Hofnung zu andern, da seine Familie als republikanisch und verdächtig verfolgt wurde, gieng darauf auf eigne Kosten nach Griechenland, war zwei Jahre lang Lehrer der lateinischen Sprache an dem jetzt von den Türken wieder aufgelösten Gymnasium in Smyrna, hat dort sich mit den Leuten und der Sprache sehr vertraut gemacht, und ist nun seit einigen Monaten wieder zurück, ohne irgend Aussichten zu haben. Wäre für ihn keine Anstellung bei einer Schule in Petersburg möglich? Für seinen Charakter und seine ausgezeichneten Kenntnisse kann ich mich ganz eigentlich verbürgen. Sagen Sie mir ein Wort, ob es verständig ist, ihm Hofnungen auf Petersburg zu geben oder bei ihm zu unterhalten.

Mit dem nächsten größeren Pakete erhalten Sie Aushängebogen des Psellus und das Journal des Savants, in dem zwar ein sehr freundlicher, aber leider nur ein Artikel über Leo ist; den zweiten wird H. Rochette nun wohl nachholen, da er von einer Reise nach der Schweiz in wenigen Tagen zurückerwartet wird. Ich selbst gehe im September, unsere Ferien benutzend, auf einen Monat nach Mailand, um Handschriften der Ambrosinischen Bibliothek, kleinere Werke u. Briefe des Psellus u. s. w. enthaltend, zu vergleichen und abzuschreiben. Alle Aufträge bei Maze sind ausgerichtet. Hier ist Alles Ihres Lobes voll; S. Martin schreibt Ihnen unmittelbar; empfangen Sie nochmals auch von mir meinen herzlichen Dank für Ihre vielfache Güte. Mit unwandelbarer Verehrung u. Freundschaft herzlich der Ihre.

Hase.

№ 30 (Л. 62—63 об.). Помета Крыга: 7 Dec. 20.

Paris d. 5 November 1820.

Seit wenigen Tagen, verehrtester Freund, bin ich von meinem *iter Italicum* wieder hier, nachdem ich in Turin, Mailand, Venedig, Bologna, und von da auf der *via Aemilia* rückwärts, in allen Bibliotheken emsig und nicht ohne Erfolg nach *Byzantinis* gesucht habe. Bei meiner Rückkunft fand ich einen Brief des Kanzlers vom 13 August hier vor, mit der Anweisung auf 8000^f für Hn. S. Martin. Um diese Summe in der Königl. Druckerei niederzulegen, erwarten wir bloß die Guttheißung des *Gardes des Sceaux*, welche für jeden in der Impr. Royale zu unternehmenden Druck nöthig ist, und nie verweigert wird; auch ist H. S. Martin schon darum eingekommen. Während meiner Abwesenheit waren auch die 5000^f, welche den Druck des Psellus völlig decken, bei Lapanouze fällig geworden; ich habe sie also erhoben, und sie sind, wie Sie aus beikommendem Scheine sehen, in der Königl. Druckerei.

Erinnern Sie sich meiner Bitte in dem Briefe, den ich Ihnen in der Mitte Augusts schrieb? Diessmal wieder eine, die mir mehr am Herzen liegt. Aus meinen Briefen und noch viel mehr aus seinen gelehrten Arbeiten kennen Sie schon Hn. Raoul-Rochette, Konservator der Königl. Münzsammlung, Professor der Geschichte an der hiesigen Fakultät, Königl. Censor, und einen der geistreichsten und thätigsten Mitarbeiter am Journal des Savants, auch mir freundlich und wohlwollend. Sein großes und gelehrtes Werk über die Griechischen Pflanzstädte besitzen Sie vielleicht schon selbst; seine kürzlich erschienenen Briefe über die Fourmontischen Inschriften denkt er Ihnen selbst zu senden.

Hn. Rochette nun hat ein Russischer Adjutant, Sampunsky glaube ich (leider fallen mir die Slavischen Namen selten recht in's Gehör), der mit Herzog von Richelieu in der Krim war, eine nicht unbedeutende Anzahl dort gefundener Griechischer Inschriften (in der Abschrift), auch Zeichnungen unedirter Münzen mitgetheilt; und H. Rochette, der mit gründlichen philologischen und geschichtlichen Kenntnissen kritischen Scharfsinn und ein merkwürdiges Talent für Darstellung und Ausdruck verknüpft, will jene Denkmäler erklärt herausgeben, und möchte diese seine Schrift Kaiser Alexander zueignen. Über letzteres nun verlagen wir Ihren gütigen Rath:

1. Muß man überhaupt, um dem Kaiser ein Buch zuzueignen, dessen Genehmigung verlangen? Müssen diess selbst Gelehrte, welche, wie H. Rochette, angesehen und bekannt sind?

2. Ist die Genehmigung nöthig, an wen muß man sich deshalb wenden? An Graf Nesselrode? An Capodistrias? Ich hatte erst den Gedanken, den Kanzler um seine Verwendung zu ersuchen; mag aber bei dessen hohem Alter ihn doch nicht bemühen, wenn wir ihn füglich umgehen können.

Über alles dieses sind Sie wohl so gütig, verehrtester Freund, uns einige Worte zu schreiben. Durch Ihren freundlichen Rath verpflichten Sie nicht nur mich, sondern auch Hn. Rochette, der einflußreich, jugendlich thätig, und einer der geachtetsten hiesigen Gelehrten ist.

Bei M.^{er} Canel war ich diesen Morgen. Unruhig über Ihr Schweigen hatte sie schon während meiner Abwesenheit oft nach mir geschickt; und als ich kam, beruhigte ich sie kaum durch eine Stelle aus des Kanzlers Briefe vom 13 August, worinn er schrieb: *J'attends M. de Krug à diner, et nous causerons de vous avec un égal intérêt*. Daraus wissen wir wenigstens, daß Sie wohl waren. Schreiben Sie doch so bald und so oft als möglich dem liebenswürdigen und Ihnen sehr ergebenen Mädchen. Einen Brief von ihr werden Sie auf der Post erhalten. Auf diesen bezog sie sich, als ich sie heute sah, und bittet Sie von neuem durch mich, uns nicht so lange ohne Nachrichten zu lassen. *Dites à M. de Krug que j'ai déjà assez d'autres chagrins et d'autres inquiétudes, et qu'il ne faut pas qu'il y ajoute encore celle-là*. Diess sind ihre Worte.

Psellus rückt langsam vor. Beiliegend ein Brief an den Kanzler, und einer S. Martins an mich. Über dessen Inhalt urtheilen und entscheiden Sie selbst. Ich bin blos Übersender; finden Sie unschicklich, daß sein Wunsch dem Kanzler mitgetheilt, so haben Sie die Güte, diess mit wenigen Worten in einem Briefe an ihn oder mich zu äußern; ich glaube, er wird sich bedeuten lassen.

Über Lydus habe ich Ihnen Mitte Augusts geschrieben; diesen Brief haben Sie doch erhalten? Ich keinen von Ihnen seit dem vom 1 Julius. Sie wissen, wie sehr wir alle Sie lieben, und wie sehr uns auch nur der Gedanke an die Möglichkeit beunruhigen muß, Sie könnten unpäßlich seyn. Darum erfreuen Sie uns bald durch ein liebes Wort, und erhalten Sie mir Ihr gütiges Wohlwollen.

Mit unwandelbarer Dankbarkeit und Verehrung herzlich

der Ihre. Hase.

H. Möller, ein junger nicht ungeschickter Mann, der als Bibliothekar des Herzogs von Gotha die von Seetzen zusammengebrachten Orientalia in Gewahrsam hat, ist seit kurzem hier, um die Arabischen Münzen der Königl. Bibliothek zu studieren. Vielleicht ist diese Nachricht Hn. v. Frähn nicht unwichtig. — So eben bringt mir H. Rochette seine *Lettres sur l'authenticité des inscriptions de Fourmont*, ein Exemplar für den Kanzler, das zweite für Sie, mit freundlichen Empfehlungen und Versicherungen seiner hohen Achtung. Sie erhalten Alles durch die Gesandtschaft (sic!). Leben Sie nochmals recht wohl.

Ich habe die Absendung der Briefe verspätet, weil ich täglich auf die *autorisation des Gardes des Sceaux* wartete, ohne welche die Königl. Druckerei sich zu keinem Drucke

anheischig machen darf. Diese Genehmigung ist gestern, 10 November, dort angekommen, und ich, denselben Tag benachrichtiget, habe heute die achttausend f dort niedergelegt, und trage die Briefe heute Abend an Hn. von Merian. Leben Sie nochmals recht wohl.

den 11 November 1820.

№ 31 (Л. 64—64 об.). Помета Круга: 7. Jan. 21.

Paris den 14 November 1820.

Beiliegende Exemplare seiner letzten Schrift hat mir Raul-Rochette gegeben, verehrtester Freund. Das eine für Sie, die übrigen für den Kanzler, die Akademie und Grafen Uwaroff. Ueber sein Anliegen habe ich Ihnen vor wenigen Tagen geschrieben, in einem Briefe, den Sie durch Hn. von Merian, nebst einem für den Kanzler, gewiß schon erhalten haben werden, wenn Sie dieses lesen. Dieses Paket gebe ich der Gesandtschaft.

Ferner lege ich die ersten Bogen des nunmehr vor beinahe einem Jahre angesehenen Psellus bei. Außerdem sind noch eilf gesetzt, aber ich brauche die Korrekturen noch immer, bis ich eine *série de bonnes feuilles* haben werde, die Sie dann auf einmal bekommen sollen.

Endlich schickt Ihnen Herr David sein vor kurzem erschienenes Buch, eine Vergleichung des Alt- und Neugriechischen. Sie erinnern sich wohl, was ich Ihnen über ihn im August, kurz vor meiner Reise nach Italien schrieb. Noch ist seine Lage wie damals, und seine Wünsche sind dieselben. Den ersten Artikel über Leo im *Journal des Savans*, von Hn. Raoul-Rochette, habe ich Ihnen wohl geschickt? Der zweite ist noch nicht erschienen. Rochette verspricht mir, sich unverweilt damit zu beschäftigen, und ich hoffe er wird es thun, nicht nur aus Freundschaft für mich, sondern auch aus Achtung für Sie und für den Kanzler.

Ueber alles Uebrige beziehe ich mich auf meinen Anfang dieses Monats geschriebenen Brief. Ihrer Akademie — fällt mir bei Rochettes Exemplar für diese ein — habe ich natürlich keins des Leo übersendet, da es schicklich war, dessen Vertheilung dem Kanzler allein zu überlassen. Diess billigen Sie doch auch?

Wir sind jetzt nun seit Julius ohne Nachrichten von Ihnen, sowohl Mad.^{ell} Canel als ich. Machen Sie uns doch bald die Freude einer wohlwollenden Antwort, und vergessen Sie, darum bittet Sie auch Ihre Freundin, die welche Ihnen zugethan sind, nicht.

Dankbar der Ihre.
Hase.

№ 32 (Л. 65—66). Помета Круга: 4. Apr. 21.

Paris d. 15 Februar 1821.

Länger darf ich nicht anstehen, verehrtester Freund, Ihnen auf Ihren gütigen Brief vom 4 Januar, worinn einer des Hn. von Beresin lag, zu antworten. Viel habe ich Ihnen zu melden, und fange mit meinem Danke an. Der Druck des Psellus ist durch Sie auf eine so gütige Weise vermittelt, daß ich nicht weiß, wie ich Ihnen meine Verbindlichkeit ausdrücken soll. Zählen Sie darauf, daß unter den vielen, die Sie verpflichtet und denen Sie theuer sind, niemand Ihnen ergebener ist als ich.

Ueber das unbegreifliche Ausbleiben der zweiten Kiste bin ich erschrocken, u. habe theils selbst alle mögliche Nachfragungen angestellt, theils Hn. von Merian gebeten, es seinerseits zu thun. Gestern früh erhielt ich diese seine Antwort, auf welche ich hier schreibe; und den Abend, bei ihm, erfuhr ich, daß das Handelshaus Gontard die Kiste an

den Grafen Romanzoff adressiert habe, nicht an Krause, wie ich gesagt hatte. Nun wird die Kiste nach Petersburg auf das Zollhaus gekommen und dort liegen geblieben seyn, zumal bei der jetzigen Abwesenheit des Grafen. Anders, meint H. von Merian, sei die Verspätung nicht denkbar. Haben Sie doch die Güte im Zollhause nachfragen zu lassen, ob dort nicht etwas für den Grafen sei, u. geben Sie mir recht bald darüber Nachricht. Hier ist nichts liegen geblieben, u. in Rouan, höchst wahrscheinlich, auch nicht. Sollte die Kiste aber ja nicht in Petersburg seyn, so ist sie dort, in Rouan; und ich werde sie gewiß ausfindig machen, sollte ich auch selbst dahin reisen. Man braucht dazu nur vier und zwanzig Stunden.

Die Kiste mit Orientalischen Büchern für S. Martin ist nach langem Verzuge vor etwa acht Tagen hier eingetroffen. Alles darin befindliche habe ich vertheilt, an Sacy, Klaproth (die Inlagen von Hn. Frähn nämlich), und das Uebrige an S. Martin, der für das schöne Geschenk Ihnen u. dem Grafen seinerseits danken wird. Die Exemplare Ihrer u. Lehrbergs Schriften sind bei Treuffel u. Würtz, die sich darüber mit Ihnen berechnen werden. Lazar Parbetsis Armenische Geschichte besitzt S. Martin selbst; die übrigen von Ihnen erwähnten Werke, also: *Moses Choren. edit. Venet.* — Arakel Vartabet — Busandaran — Jegische Geschichte des Märtyrers Vartan — wünscht er sehr, und wird Ihnen darüber schreiben. So auch Raoul-Rochette, der sich Ihrem Wohlwollen bestens empfiehlt. S. Martin stellt in seinem Gesuche Ihnen Alles anheim.

Was endlich David betrifft, der Ihnen schon früher eine kleine aber gehaltreiche Schrift zusendete, so habe ich Beresins Brief an ihn sogleich besorgt, denn leider ist er seit einem Monat in Brüssel, bei seinem todtkranken Vater. Aber sein hier befindlicher Bruder sagt, Jules sei entschlossen, einen Ruf nach Bukarest anzunehmen, wo die dortigen Kaufleute u. der Hospodar selbst ihm vortheilhafte Bedingungen machen, um an dem Gymnasium der Stadt lateinisch und französisch zu lehren, auch ein großes griechisch-französisches Wörterbuch, an dem er arbeitet, zu vollenden. Ich habe nun acht Tage gewartet, ohne Antwort aus Brüssel, und darf meine an Sie nicht länger verschieben, füge dieser also inliegenden Brief an Beresin bei, worinn ich ihn von dem Stand der Sache unterrichte. Diese Höflichkeit bin ich Beresin schuldig. Daß der Auftrag aus Petersburg nicht um einige Monate früher geschah, thut mir leid, auch um das armen Davids willen; denn mit den Griechen in Bukarest kommt er doch auf keinen grünen Zweig, so schön auch, in seines Bruders Munde, die Anträge von dorther lauten. Coray hat die Sache vermittelt.

Mit dem nächsten größeren Pakete erhalten Sie die *bonnes feuilles* des Psellus bis zu S. 54; so viel ist jezt abgezogen. Die ersten lagen bei der Schrift Rochettes. Die für die Reimchronik nöthige Summe denke ich von dem Kanzler zu fordern, wenn ich ihm wenigstens den größeren Theil des Psellus gedruckt senden kann, was, trotz der Langsamkeit der Leute, doch diesen Sommer seyn wird.

Und nun leben Sie wohl, theuerster Freund. So wie mir S. Martin, Rochette, David, Briefe geben, schreibe ich noch einmal, also vielleicht in wenigen Tagen. M.^{ell} Canel hat Ihnen auf den überbrachten Brief schon mit der Post, glaube ich, geantwortet.

Dankbar der Ihre.
Hase.

N. S. Hier ist leerer Raum; ich fülle ihn mit Nachrichten. Kennen Sie Hn. Gädicke, Professor aus Petersburg? er ist jezt hier, und ich bin mehrere Male mit ihm zusammengetroffen; er scheint mir gebildet und nicht ungelehrt. Daß Mad. Bertaud gestorben, wissen Sie ohne Zweifel; auch deren vor wenig Jahren verheirathete Tochter, Mad. Chéradame, hat mancherlei Unfälle, an denen ich herzlich Antheil nehme. Der Maler H. Choris (er brachte mir einen Brief von Ihnen) giebt Zeichnungen, die er auf seiner Reise um die Welt gemacht, hier in Steindruck heraus; weiß und billigt das der

Graf? Was macht H. von Köhler? Empfehlen Sie mich ihm gefälligst. Ihnen empfiehlt sich Sacy, u. die ganze hiesige gelehrte Welt.

№ 33 (Л. 67—68 об.). Помета Круга: 26 Apr. 21.

Paris 16 März 1821.

So eben, verehrter Freund, bringt mir M.^{ell} Canel inliegenden Brief, den ich erwartete, und den meinigen beizufügen eile. Einen von mir, vom vorigen Monat, haben Sie wohl durch Hn. von Merian erhalten. In diesem lag ein Entschuldigungsschreiben von mir an Hn. von Beresin; in dem jetzigen sind zwei von David, der seit acht Tagen wieder hier ist, aber bald abreist. Er wird die Ehre haben, Ihnen auch von Bukarest aus zu danken. Erhalten Sie ihm Ihr Wohlwollen; er verdient es durch seine Eigenschaften und seine Lage.

Aus dem Briefe an den Kanzler sehen Sie meine Ansichten über Italiänische Bibliotheken und Hofnungen. H. Petit-Radel von hier, und H. Professor Brandis aus Berlin, den die Preußische Regierung Jahre lang auch bis Neapel reisen ließ, um Materialien für eine große Ausgabe des Aristoteles zu sammeln, beide einsichtsvoll und weltkundig, sind meiner Meinung, daß durch Briefe überhaupt nicht viel auszurichten sei, und auch durch eine Reise wenig, in Rom ausgenommen, wo Niebuhr den Deutschen Philologen ein Arbeitszimmer in der Vaticana ausgewirkt hat, das ihnen sogar der schlaue und neidische Majo nicht wieder hat entreißen können. Aber ich halte für besser, verehrtester Freund, für eine solche Reise nach Rom, so angenehm sie mir sonst wäre, dem Kanzler keine Kosten zu verursachen. Denn erstens ist doch diesen Sommer nicht daran zu denken; es sind Stürme jenseits der Alpen, die sogar zu uns nach Paris scharf herüberwehen könnten. Zweitens nehme ich durch den Empfang eines Reisegeldes eine Art von Verpflichtung auf mich; und es wäre doch wohl möglich, daß außer dem ungedruckten Theile des Nicephorus Gregoras nichts weiter für unsern Zweck in der Vaticana wäre. Wie unangenehm als, dem Kanzler umsonst Ausgaben gemacht, und seine Erwartungen getäuscht zu haben. Vielleicht findet sich später eine Gelegenheit, daß ich auf eigne Kosten, oder auf die der hiesigen Regierung, nach Rom gehen kann. Wenden Sie daher Ihren Einfluss lieber, wenn es angeht, zu S. Martins besten an, der Ihnen seine Sache vollkommen überläßt. Bedeutende Orientalische Handschriften, welche nicht in Paris wären, sind, meint S. Martin, auch in Petersburg, Skandinavien und Belgien nicht; er wird sich darüber mit Ihnen u. Hn. Frähn weitläufiger erklären.

Bei Gide fils bin ich gewesen. Er sagt, der Druck des trefflichen Werkes des Hn. von Krusenstern würde Anfang Aprils beginnen, und so schnell vorwärts gehen, *que le premier Volume sera imprimé dans l'espace d'un mois, et qu'au mois de Juin tout sera en vente. Onze cartes sont déjà faites*, aber es scheint, daß der Stich der Kupfer den Druck etwas verspätet hat. Sagen Sie übrigens Hn. von Krusenstern, daß ich noch mehrere Male hingehen werde, und daß Gide ein sehr ordentlicher u. geachteter Mann ist; auch wird das Werk wohl zu bestimmter Zeit erscheinen; denn in Privatdruckereien arbeitet man hier eben so schnell, wenn blos Französisches zu setzen ist, als es in der Königl. Druckerei, leider, langsam geht.

Raoul-Rochette, Remusat, S. Martin tragen mir die besten Empfehlungen an Sie auf. Letzterer, seit kurzem im Institut, hat mir seinen Brief noch nicht gebracht; so wie ich ihn erhalte, schreibe ich Ihnen wieder. Dieser Brief geht durch Hn. von Merian, dem ich oft von Ihnen erzählt habe. Er kommt selbst bald nach Petersburg, und wünscht sehr Ihre Bekanntschaft zu machen. Die Kiste mit den 50 Exemplaren des Leo ist nun gefunden?

Leben Sie wohl, mein hochverehrter Freund, empfehlen Sie mich Hn. von Köhler, und geben Sie uns bald wieder Nachrichten von sich, welche nicht mir allein herzliche Freude machen.

Dankbar der Ihre.
Hase.

Kennen Sie Hn. Professor Gädicke aus Petersburg? er ist hier, scheint sich mir aber mehr mit politischen als philologischen Dingen abzugeben. Ich gab den Brief auf, den Sie schrieben, als Sie David erwarteten; soll ich Ihre Aufträge, den Tabak und das blaue Tuch betreffend, ausrichten, sobald ich jemand finde, der Ihnen das hier Gekaufte überbringen kann? Leben Sie nochmals wohl, theuerster Freund.

№ 34 (Л. 71 об.—72 об.).

Paris d. 7 Mai 1821.

Diessmal nur einige Worte, verehrtester Freund, um diese Bücher zu begleiten, welche Raoul-Rochette an Sie und an Uwaroff schickt. Schon früher schrieb ich Ihnen, daß er eine Sammlung griechischer, in der Krim gefundener Inschriften herausgegeben, und sie Kaiser Alexander zueignen wird; dieses Werk empfehle ich nach Kräften Ihrer gültigen Fürsprache.

Eben von ihm ist auch die *Histoire critique des Colonies grecques*, welche Treuffel u. Würtz, auf diesem Blatte, uns statt der Bände anbieten, die Sie vorigen Winter hierher sendeten. Da ich nicht weiß, ob Sie Rochettes Buch vielleicht nicht schon selbst besitzen, oder ob überhaupt der Tausch Ihnen wünschenswerth scheint, so habe ich Treuffel geantwortet, ich würde Ihnen schreiben, selbst aber nichts entscheiden. Sonst ist das Werk, wenn auch nicht (trotz des Titels) mit dem kritischen Sinne abgefaßt, wodurch sich Teutsche Werke auszeichnen, dennoch nicht unwichtig, u. zeugt, wie alles was Rochette schrieb, von philologischer Gelehrsamkeit, Geist, und vielseitigen Kenntnissen.

Durch ein kleines Versehen in der Form ist der Druck des Psellus wieder etwas aufgehhalten worden. Als wir ihn begannen, glaubte Rousseau, die ihm vom *Garde des Sceaux* auf mein Ansuchen gegebene *autorisation d'imprimer la continuation de l'histoire Byzantine*, würde nicht nur für Leo, sondern auch auf alle folgende Bände hinaus gültig seyn. Ich verließ mich darauf, und der Druck wurde angefangen. Vor kurzem aber sind Anisson du Perron, directeur de l'Imprimerie Royale, und der Garde des sceaux wegen anderer Dinge zerfallen, und Rousseau, ängstlich, meint nun, ich müsse für jeden Band insbesondere eine *autorisation* verlangen, *afin que l'Imprimerie Royale soit tout-à-fait en règle vis-à-vis le Garde des sceaux*. Ich habe also bei diesem meine Eingabe vor wenigen Tagen gemacht, und die *autorisation* kann u. wird mir nicht verweigert werden; unangenehm ist nur, daß der ohnehin langsam genuge Druck wieder bis zu Ankunft der Erlaubniß <...> halten wird. Uebrigens will ich schon betreiben, daß diese schnell erfolge.

Die Kiste mit den 50 Exemplaren des Leo ist doch nun gefunden? H. Gädicke, aus Petersburg, ist noch immer hier, u. beschäftigt sich gewaltig mit Verfassungen, Pressefreiheit, u. *pouvoirs balancés*.

Von Ihnen, verehrtester Freund, sind wir nun recht lange ohne Nachricht. Erfreuen Sie M.^{ell} Canel und mich bald mit einigen Zeilen, und geben Sie uns ein freundliches Zeichen Ihres Wohlseyns und Andenkens.

Unwandelbar der Ihre

Hase.

№ 35 (Л. 69—71 об.). Помета Круга: 15. Oct. 81.

Paris d. 28 Julius 1821.

Endlich erhalte ich Ihren gütigen Brief vom 5 Junius, verehrtester Freund, nebst der Einlage für M.^{ell} Canel, und ich brauche Ihnen nicht zu sagen, wie groß unsere Freude ist; wir waren gar zu lange ohne Nachrichten von Ihnen gewesen. Seit meinen Briefen vom 15 Februar u. 16 März habe ich Ihnen noch einmal, im Mai, geschrieben, mit einigen Bänden, die Raoul-Rochette Ihnen u. Uwaroff schickte: aber dieses, ziemlich dünne, Paket ist durch die Gesandtschaft gegangen, u. wird also wohl erst nach langer Zeit eintreffen. Wie sehr freue ich mich daher, daß Sie mir den Kommissionär S. Florents, Dufart, angeben, der ein eindeutiger u. pünktlicher Mann zu seyn scheint, und durch den also die Sendungen regelmäßiger ankommen werden, als leider bisher geschah.

Sein Anerbieten benutze ich hiermit, in einer Sache, wobei ich mich bei Ihnen, wie oft, Raths einholen muß. Einer meiner Bekannten, H. Delort, ein sonst wackerer u. (gelind) unterrichteter junger Mann, ist ein mäßiger Dichter, auch sonst als weitläufiger Verwandter des Staatsministers abbé de Montesquiou und als chef de bureau unsers Ministeriums (de l'Interieur) nicht ganz ohne Einfluß, u. daher zu schonen. Dieser Delort nun hat beikommendes *Voyage pittoresque aux environs de Paris*, zwei Bände, geschrieben, u. will dem Kaiser ein Exemplar dieses Buches zuschicken, sich darauf gründend, daß er dem Kaiser 1814. von dem abbé de Montesquiou, damaligen Minister, vorgestellt wurde, u. ihm eine *pièce de vers* überreicht hat. Mit dieser Idee u. seinem Buche kam er zu mir, bald nachdem ich Ihnen zum letztenmal geschrieben, und bat um meine Verwendung. Ich antwortete, ich kenne in Russland niemanden als Sie u. den Kanzler; dieser würde sich gewiß nicht mit seiner Angelegenheit befassen; an Sie wolle ich allenfalls seinetwegen schreiben. Dieses thue ich nun hiermit, in drei Theilen, als ob ich noch predigte:

1). Können Sie, ohne daß es Ihnen die mindeste Mühe des Hin- u. Herredens oder sogar wirkliche Schritte verursacht, dem Delort einen Art Gunstbezeugung vom Kaiser (er möchte eine Dekoration) auswirken, so wäre diesem Dichter wohl ein solcher Gefallen zu erzielen.

2). Findet diess die geringsten Schwierigkeiten, so wünsche ich, daß Sie Ihren wohlwollenden Einfluß für Rochette versparen, wenn dieser sein Werk über die Taurischen Inschriften dem Kaiser zueignen wird. Aufrichtig zu sprechen, verdient auch Rochette, als Gelehrter u. Philolog, Ihre Verwendung zwanzigmal mehr, als mein Poet.

3). In diesem Falle nun, wenn für die *petits vers* Delorts nichts zu thun ist, wollten Sie wohl in einem Ihrer nächsten Briefe einige Zeilen einrücken, woraus er sehe, daß ich geschrieben u. für ihn, nach Vermögen, gesprochen habe. Ich wünsche auch wirklich recht sehr, seinen Wunsch in Erfüllung gehen; nur dürfen wir doch, von hier aus, nicht gar unsinnige Forderungen machen. Ein paar höfliche u. unbestimmte Worte also, die ich ihm aus Ihrem Briefe übersetzen kann, etwa, daß trotz meiner Fürsprache Sie mir melden müssen, poetische Schriften wären gar nicht in Ihrem Bereich, oder so, bringen ihn zur Ruhe, ohne daß er sich mit mir erzürmt; denn jetzt überläuft u. plagt er mich täglich mit seinem Buche. Im Anfange des Zweiten Bandes stehen sogar Verse auf mich.

So weit von Jules Delort, dessen Buch ein Exemplar für Sie u. eins für den Kaiser, mit diesem Briefe durch Dufart abgeht, u., wie dieser glaubt, binnen Monatsfrist in Ihren Händen seyn wird. Das Exemplar für den Kaiser wird ja wohl, wenn es nicht angeht daß Sie es empfehlen, auf dem gewöhnlichen Wege in dessen Bibliothek zu bringen seyn, ohne daß man weiß, daß Sie um dessen Herkunft gewußt haben. Jetzt von andern u. wichtigeren Dingen. Der Aufenthalt des Druckes des Psellus von dem ich Ihnen schrieb, ist nun behoben, u. der nahe Schluß der Kammersitzung läßt mich hoffen und für's erste keine weitere Unterbrechung befürchten. H. Choris hat den Brief nicht erhalten, worinn Sie von der Subscription des Kanzlers schrieben, wohl aber einen von Hn. v. Adelung.

Er dankt Ihnen auf's verbindlichste für den Antheil, den Sie an seiner Herausgabe nehmen, empfiehlt sich Ihrer Güte, u. läßt sagen, er habe Mad. Matthes, der Frau eines in Petersburg wohnenden Künstlers, die von Paris dorthin zurückreiste, zwei Exemplare seines Werkes, für den Kanzler, u. ungefähr ein Dutzend an Hn. Matthes mitgegeben. H. Choris, der mir bei seiner Hierherkunft einen Brief von Ihnen mitbrachte, gefällt mir sehr, u. ich habe ihm nach Kräften nützlich zu werden gesucht, ihn auch bei Hn. von Merian eingeführt, der ihm in mancherlei behilflich gewesen. An Hn. von Merian, einen trefflichen u. gelehrten Mann, habe ich vor einiger Zeit einen Brief S. Martins an Sie abgegeben, in welchem einer an den Kanzler lag; daß S. Martins Bücher auch bei Ihnen meine früheren Aeußerungen über ihn bestätigen, freut mich sehr; Cirbied, der kaum recht lateinisch weiß, u. keinen Begriff von gelehrter Kritik hat, wird nie im Stande seyn, etwas Aehnliches hervorzubringen. Sobald der XIV. Band der Wiener Jahrbücher hier ist, soll Rochette eine Anzeige Ihres Aufsatzes in *das Journal des Savants* einrücken lassen, die wir Ihnen schicken werden; die Sache ist mit ihm abgesprochen u. ausgemacht. Er empfiehlt sich Ihnen bestens. Von mancherlei Unfällen, welche die Familie von M.^{ell} Canel betrafen, wird sie Ihnen wohl geschrieben haben; sie selbst ist wohl, u. hatte mir einen Brief für Sie versprochen, der aber bis heute (29 Julius) noch nicht gekommen ist; vielleicht schickt sie ihn noch vor Schluss dieses Pakets. Beiliegend einer für den Kanzler. Dem armen David geht es übel; als er nach Wien kam, waren eben die Unruhen in der Wallachei ausgebrochen, u. die Oesterreichischen Behörden ließen ihn nicht weiter; indessen mußten die Familien, auf die er rechnete, aus Bukarest flüchten, u. er selbst kehrte, nach langem Warten, muthlos nach Paris zurück, wo er noch ist. Seine Frau, eine junge Griechin, die er in Smyrna heirathete, hat er dort gelassen; diese, fürchten wir, ist ganz verschollen. Durch Delort (siehe oben) habe ich ihm einige Unterstützung aus dem Ministerium verschafft, *prise sur les fonds destinés à l'encouragement des gens de lettres*; denn der reiche Vater, an einer *pétrification du coeur* in Brussel krank, giebt ihm nichts. Die erste sichere Gelegenheit, Ihnen Tabak u. Tuch zukommen zu lassen, werden wir, M.^{ell} Canel und ich, gewiß nicht versäumen. Vergessen auch Sie uns nicht, verehrtester Freund, und bewahren Sie mir Ihr wohlwollendes Andenken. Dankbar der Ihre

Hase.

Inliegenden Brief von M.^{ell} Canel an Sie finde ich heute, 31 Julius, bei Mad. Chéradame, ihrer Nichte, vor, wo ich diesen Morgen war. Heute Abend geht das Paket zu Dufart. Leben Sie nochmals wohl, verehrtester Freund.

№ 36 (Л. 73—74 об.). Поема Крпуга: 6 Dec. 21.

Paris d. 20 Oktober 1821.

Bei meiner Rückkunft nach Paris (ich habe diese Ferien eine Reise nach Genua gemacht) fand ich Ihren gütigen Brief vor, verehrtester Freund, mit dem Diplom der Akademie, das Ihr Wohlwollen mir verschafft hat. Es ist ein neuer Beweis Ihrer Freundschaft und des Antheils, den Sie an mir nehmen. Empfangen Sie dafür meinen herzlichsten Dank; inliegendes Schreiben übergeben Sie wohl gütigst der Akademie.

De Reise nach Genua habe ich schnell gemacht und beendet. Da es Zeit wird, die letzte Hand an die Noten zum Psellus zu legen, wollte ich versuchen, ob nicht in den Archiven des alten Freistaats byzantinische Urkunden aufzufinden wären. Ich gieng also Anfang Septembers über Lyon nach Marseille, schiffte mich dort ein, und kam nach einer dreitägigen Schifffahrt in Genua an. Leider aber sind die älteren Archive seit der Vereinigung nach Turin geschickt worden, und aus vorjähriger Erfahrung weiß ich, wie

schwer es fällt, dort zu dem zu gelangen, was unter unmittelbarer Aufsicht der Regierung steht. Also habe ich mich begnügt, in den übrigen, dort gebliebenen, Sammlungen nachzusehen, in denen der Vorrath, besonders an Griechischen Handschriften, unbedeutend ist. Doch habe ich einiges abgeschrieben, und mehreres verglichen, was Sie in den Noten zu Psellus sehen werden, deren Druck diesen Winter, denke ich, rasch vor sich gehen soll.

Ueber Coui, Gax, Grenoble, Lyon zurückgekommen, traf ich Hn. von Bray noch hier, wenige Tage darauf aber reiste er nach München ab. Doch kommt er auch diesen Winter nach Petersburg, und dann vielleicht, auf längere Zeit, wieder hierher. Klaproth, der hier in gar übelm Rufe steht, möchte sich gern wieder, so höre ich, nach Petersburg berufen lassen. *De his tu videris*; ich sehe ihn gar nicht. Glauben Sie nicht auch? fehlte das Zeitwort, stehen, in irgend einer Sprache, so könnte man in dieser Sprache gar nicht von Klaproth sprechen.

So eben kam ein gestern hier eingetroffener M. de Goulianoff und ließ mir einen *Discours sur la grammaire générale* in den Händen, den ich lese. H. von Goulianow spricht ordentlich neugriechisch, als ob er von einem ὑπατος τῶν φιλοσόφων abstammte; auch seine Abhandlung klingt ganz byzantinisch; sie scheint mir *prolixo, subtile et vide*. Was Sie von ihm denken und halten, weiß ich zwar nicht; indessen habe ich, schon seines Titels als Akademiker wegen, ihm nach Kräften nützlich zu werden gesucht, und ihn mit Remusat, und meinen übrigen Freunden, bekannt zu machen versprochen. Da er darauf bestehet, seine Abhandlung der *Académie* vorzulesen (Sie wissen, das Institut ist in die drei Akademien, *des sciences, de la langue Française, et des inscriptions et belles-lettres*, d. h. der Geschichte u. Philologie, getheilt), so wollen wir es dahin vermitteln, daß er sie der *Acad. Française* mittheilt; die *Acad. des inscriptions et belles-lettres*, welche mit dem eigensinnigen und in gelehrten Dingen ganz unwissenden Volney den H. von Gulianow in seiner Schrift gerade sehr rühmt, in bitterem Streiche lag, hält nicht viel auf *Grammaire générale*. Aber in der *Acad. Française* sizt Sicard, mit dem kann H. Gulianow von Diderot u. Riverol reden, auch ihm beiher begreiflich machen, daß *Kyrie eleison* griechisch, und nicht, wie Sicard glaubt und hat drucken lassen, hebräisch ist.

Die Tatarischen Wörterbücher, welche der Kanzler uns gütigst versprach, sind noch nicht angekommen; auch die Sibirischen Inschriften nicht. Bloss bei Ihrem ersten Briefe lag, ohne Erklärung und vielleicht nur als Umschlag, ein Blatt, das solche Inschriften zu enthalten schien; ich habe es Remusat gegeben. Meine Sendungen, eine vom Julius, mit einem Briefe von S. Martin, durch Dufart und eine frühere vom Mai, durch die Gesandtschaft, mit Büchern von Hn. Raoul-Rochette, sind nun wohl in Ihren Händen; mit der nächsten durch Dufart erhalten Sie den Psellus, so weit er gedruckt ist; ich lasse die abgezogenen Bogen zusammenbinden, wie ich es früher mit Leo that. Wann kommt der Kanzler zurück? Hn. von Krusensterns Reise ist nun, wie Sie wissen werden, französisch hier erschienen, macht Aufsehen, u. wird als merkwürdiges u. bedeutendes Werk gewürdiget; nur die frömmelnde Parthei wüthet über das, was er von der Lage der Christen in Japan und China sagt. Es sind sogar darüber Aufsätze in der *Chronique religieuse* u. auch im *Drapeau blanc* erschienen, in letzterem vor wenigen Tagen, dem noch ein zweiter folgen soll. Wenn ich nicht vermuthete, daß Sie diese Zeitung und jene Zeitschrift in Petersburg hätten, legte ich Ihnen Blatt und Heft bei.

Bei M.^{ell} Canel bin ich mehrere Male gewesen, und ich bin sehr gern dort. Tausend Empfehlungen von Raoul-Rochette, Remusat, S. Martin. Erhalten Sie mir Ihr freundschaftliches Wohlwollen, und erfreuen Sie uns bald mit einem gütigen Worte. Dankbar der Ihre.

Hase.

№ 37 (Л. 75—76 об.). Помета Круга: 19 Aug. 22.

Paris d. 16 April 1822.

Seit Ihrem gütigen Briefe vom vorigen Herbst, verehrtester Freund, den ich im Oktober bei meiner Rückkehr von Genua beantwortete, ist ein Monat nach dem andern verstrichen, ohne daß wir freundliches Wort von Ihnen vernommen haben. Auch ich habe geschwiegen; länger darf ich aber doch nicht anstehen, mich in Ihr Gedächtniß zurückzurufen, auf die Gefahr hin, daß unsere Schreiben jezt sich kreuzen könnten.

Der Fall, von dem ich Ihnen schon mehrere Male geschrieben, ist jezt eingetreten. H. Raoul-Rochette, Ihr großer Verehrer, so wie wir alle, hat den Druck seiner Krimischen Inschriften geendiget, und diese dem Kaiser zugeeignet. Für letzteren ist hier beiliegend ein Exemplar und Brief, so wie beides auch für Sie. Und nun, verehrtester Freund, nehme ich Ihr gewohntes Wohlwollen inständigst in Anspruch; *tu nunc omni amore enitere, ut nos juves*. Das heißt, wenden Sie alles an, um meinem Freunde, der es recht sehr verdient, die Dekoration des Wladimirordens zu verschaffen. H. Rochette ist, durch persönliche Eigenschaften, seine Liebe zu der Wissenschaft, auch Dienstfertigkeit, eins der einflussreichsten Mitglieder des Instituts. Seine vielseitige Gelehrsamkeit, seltene Darstellungsgabe und tiefe Sprachkenntniß beweisen seine Werke; daß er thätiger Förderer gründlicher Forschungen, auch Kenner und Schätzer Teutscher Philologie sei, kann ich, wenn man es nicht schon aus seinen Schriften sähe, aus meinem Umgange mit ihm bezeugen. Also thun Sie wirklich, geehrtester Freund, durch wohlwollende Anwendung Ihres Einflusses den Wissenschaften, ihm, und ganz besonders mir einen wesentlichen Dienst. Alles weitere überlassen wir Ihren Einsichten und Gutdünken. Beiliegende Exemplare, eins für die Akademie, das zweite für Uwaroff, haben Sie wohl die Güte bestens zu besorgen.

Ueber unsere Sendungen waltet ein wahrer Unstern. Von den Tatarischen Wörterbüchern, welche der Kanzler Hn. Remusat bestimmt hat, ist noch nichts angekommen; eben so wenig die Sibirischen Inschriften, von denen Sie mir schreiben. Sagen Sie uns doch gütigst, auf welche Weise diese Sachen hierher geschickt wurden; vielleicht liegen sie irgendwo hier, ohne daß wir es wissen. Meine vorlezte Sendung mit Briefen von Hn. S. Martin, so wie alle früheren, ist wohl nun in Ihren Händen. H. Remusat hat neulich ein *Mémoire sur les relations des princes Chrétiens avec les Empereurs Mogols*, den Eroberern Russlands, erscheinen lassen, dem mehrere folgen sollen. Von diesem ersten, das eben jezt erschienen ist, hat er auch Ihnen u. dem Kanzler Exemplare zudedacht, in denen Sie seine Gelehrsamkeit nicht verkennen werden. Es ist in Remusats Talent manches Aehnliche mit dem Lehrber, dieselbe Klarheit der Ansichten, und derselbe Scharfsinn. Ihnen und dem Kanzler wird darum die Schrift angenehm seyn; und ich mache daraus, so wie aus den zuletzt gedruckten Bogen des Psellus, und neuen Briefen Hn. S. Martins, die er mir zu geben versprochen hat, ein Paket, das ich Dufart anvertrauen will. Der Druck des Psellus geht leider sehr langsam.

Und nun leben Sie wohl, geehrtester Freund. Könnte ich doch recht bald im Stande seyn, Ihnen einen Theil der Schuld abzutragen, zu welcher Ihr gütiges Wohlwollen mich vielfältig verpflichtet hat. Bewahren Sie mir es auch für die Zukunft, und empfangen Sie die herzlichen Versicherungen meiner zärtlichen und unwandelbaren Anhänglichkeit. Dankbar der Ihre

K. B. Hase.

Meine besten Empfehlungen an Hn. Köhler, auch an Hn. Prof. Gädicke, falls er nach Petersburg zurück ist, u. Sie ihn sehen. Studirt er noch die *pouvoirs balancés*? An den Kanzler habe ich diessmal nicht geschrieben, um den Kurier nicht zu versäumen; meine

nächste Sendung enthält aber gewiß einen Brief an ihn. Leben Sie nochmals wohl, verehrtester Freund.

Ihr langes Schweigen wird doch nicht dadurch veranlaßt, daß ich in einem meiner früheren Briefe Ihre Güte für Hn. Delort, so wie jezt für Hn. Rochette, in Anspruch nahm? Hätte Ihnen diess missfallen, verehrtester Freund? Ich wäre untröstlich, u. bin jezt schon ängstlich, wie wenn man nachsinnt, wodurch man geliebte Abwesende beleidigt haben könnte. Aber das Reimschmidtsansuchen habe ich selbst damals, wenn ich nicht irre, halb scherzhaft vorgetragen; es war der poetische Wunsch eines gutmüthigen, sonst aber ganz unbedeutenden Luftflings. Hn. Rochettens Sache ist etwas ganz anders.

№ 38 (Л. 77—78). Помета Круга: 1 Sept. /22/

Paris d. 19 August 1822.

So eben, verehrtester Freund, erhalte ich Ihren gütigen Brief von 4 Julius dieses Jahres, mit einem des Kanzlers, und sehe daraus mit Schrecken die großen Lücken in unserem Briefwechsel. Seit meinem Briefe von 20 Oktober habe ich dreimal nach Petersburg geschrieben. Einmal an Sie, durch den Kurier der Gesandtschaft, anfangs Aprils, so viel ich mich erinnere; dabei lagen Exemplare der *Antiquités grecques du Bosphore* Raoul-Rochette's auch Briefe von diesem an den Kanzler und an Sie. Das zweite Mal zur See, auch an Sie, im Mai, mit Aushängebogen des Psellus. Während dieser Zeit, vom September vorigen Jahres an, waren wir alle hier ohne Nachrichten von Ihnen, und sehr beunruhiget, bis ich Anfang Julius die Sendung des Kanzlers mit der Griwna erhielt. Daraus sahen wir wenigstens, daß Sie wohl waren. Die Münze habe ich dem Institut (näml. der Acad. des Inscriptons et Belles-lettres) mitgetheilt, auch haben sie Remusat u. Raoul-Rochette jeder einige Tage im Hause gehabt, ohne die größere Inschrift lesen zu können. In Bezug darauf habe ich, vor etwa drei Wochen, dem Kanzler durch die Gesandtschaft geantwortet; in diesem lezten Pakete liegen auch Exemplare einer Abhandlung Remusat's über den Verkehr der Mogolischen (sic) Chane mit europäischen Fürsten, welche Abhandlung später als wir glaubten erschienen ist. An diesen Versäumnissen ist hauptsächlich Fahrlässigkeit des Grafen Bray, und die durch ihn verspätete Ankunft der Griwna schuld, denn diese ist gegen sieben Monate unterwegs gewesen; ferner das unerklärliche Ausbleiben der Bücherkiste, von welcher auch Dufart nichts wissen will. Schreiben Sie uns doch gefälligst, auf welchem Wege sie hierher gesandt worden; sie liegt sicher irgendwo in einem Zollhause, in Rouen, *au Havre*, oder am Ende gar noch in Kronstadt. M.^{ell} Canel habe ich inliegenden Brief sogleich gegeben; sie wird Ihnen, so wie ich jezt, durch die Post schreiben. Recht leid thut es mir, daß ich diesen Sommer auf dem Lande, zwei Stunden von Paris, wohne, und nur zur Bibliothek hereinkomme; sonst würde ich das mir durch unandelbare Anhänglichkeit an Sie angenehm u. lieb gewordene Mädchen häufiger besuchen, als ich jezt kann. Delort's dummes Buch lassen Sie ruhen; ich habe ihm die Stelle Ihres Briefes vorgelesen, die ihn betrifft, und er hat sich zufrieden gegeben; das ist Alles, was ich wünschte; beinahe thut es mir jezt leid, daß ich, durch ihn bestürmt, Sie mit seinen hirnlosen Ansinnen behelliget habe. Für R. Rochette thun Sie was Sie können, *tuo tamen commodo*.

Wollen Sie, daß ich bei unserer *Société Asiatique*, in der ich selbst *membre du conseil* und Mitredakteur der von ihr herausgegebenen Zeitschrift bin, Sie und den Kanzler als Mitglied vorschlage? Den kleinen Beitrag von 30^f, den jedes Mitglied jährlich zu bezahlen hat, will ich berichtigen, sobald Ihnen die Sache überhaupt annehmlich scheint; Sie erhalten dann dafür auch das Journal, welches alle Monate erscheint. Der Graf Orloff, der jezt hier wohnt, und viele auswärtige Große und Gelehrte sind Mitglieder.

So eben kommt H. Choris, der Mahler, und sagt, daß er in vierzehn Tagen eine Gelegenheit zur See haben werde. Durch diese schreibe ich Ihnen wieder, und lege die Ihnen bestimmte Abhandlung Remusat's bei. S. Martin giebt mir gewiß auch bis dahin einen Brief, er ist das Ihnen und dem Kanzler schuldig. Ein Unglück ist es, daß mein Druck des Psellus so langsam geht; S. Martin hat, aus Gründen, die er Ihnen auseinander setzen wird, den seinigen noch nicht einmal anfangen können. Die Sibirischen Inschriften erwarten wir mit Ungedult, und wollen in dem *Journ. des Savans* eine prächtige Anzeige davon machen.

So viel für jezt, verehrtester Freund; ich will den Posttag nicht versäumen. an den Kanzler schreibe ich noch diesen Abend, *eadem lucerna*, sagt, glaube ich, Cicero, *qua epistolam absolvi tuam*, und an Sie wieder mit der Sendung, welche H. Choris besorgen wird. Verzeihen Sie die Verspätungen, die aber wirklich nicht uns zugeschrieben werden müssen; und erhalten Sie Ihren hiesigen Freunden Ihr wohlwollendes und gütiges Andenken. Herzlich und dankbar der Ihre.

Hase.

Wir haben jezt mehrere Teutsche Gelehrte hier, die auf der Bibliothek arbeiten, besonders den mir durch seine Bescheidenheit, Liebenswürdigkeit und große philologische u. geschichtliche Kenntnisse sehr gefallenden Prof. aus Göttingen, Otfried Müller. Er ist kaum 25 Jahr alt; kennen Sie sein Werk über Orchomenos u. die Minyer? wenigstens ist er keiner von den Wischenkerlen, die jede griechische Mythe an Indische Elefantenrüssel anknüpfen wollen. Ferner ist der Historiker Schlosser aus Heidelberg hier, der Bilderstürmer, von dem ich in der Vorrede zu Leo rede; der ist nicht ohne Verdienst, aber grillig, verwirrt und gelind wahnsinnig, ungefähr wie H. von Köhler. Gulianow wüthet, u. schreibt an einer *dissertatio galeata* gegen das hiesige Institut. David ist in Morea.

[адрес] à Monsieur Monsieur de Krug, membre de l'Académie Imperiale des Sciences, Chevalier de plusieurs ordres etc. etc. Saint-Petersbourg. + пометы почты: в 7 линии и академическом Доме. Кол. Советнику Кругу

№ 39 (Л. 79—80). Помета Круга: 20 Jan. 23.

Paris den 26 Oktober 1822.

So eben, verehrtester Freund, bin ich von einer Reise nach Rouen und Havre zurück, welche ich zum Theil in der Absicht machte, über die Bücherkiste Erkundigungen einzuziehen, die seit so lange von Petersburg an uns abgegangen ist. Leider aber, da ich weder das Schiff, auf dem sie gekommen, noch die Aufschrift welche sie hat, genau angeben konnte, sind alle meine Nachfragen in den weitläufigen Zollhäusern sowohl in Rouen als in Havre fruchtlos geblieben. Haben Sie doch die Güte, in einem Ihrer Briefe uns zu sagen, wann, durch wen, und mit welcher Adresse sie an uns abgegangen; ich habe an beiden Orten, wo ich war, Personen beauftragt, sobald ich selbst nähern Nachweisungen habe, dort weiter nachzusuchen.

Ihren gütigen Brief vom 11 Julius habe ich erhalten. Auch die Sibirischen Inschriften, und sie nach des Kanzlers Willen vertheilt; Remusat wird sie in dem Oktoberheft des *Journal des Savans* anzeigen. Dieses wird zwar erst in einigen Tagen ausgegeben; ich habe den Artikel aber handschriftlich bei Remusat gelesen, und hoffe, Sie und der Kanzler werden damit zufrieden seyn. Man sagt darinn, *que bientôt la Sibérie aura aussi ses Gruter et ses Muratori*. Den Kanzler habe ich um die Erlaubniss gebeten, seinen Namen auf die Liste der Mitglieder unserer *Société Asiatique* einschreiben zu dürfen, von welcher ich Ihnen vor einigen Monaten sprach. Können wir auch Sie zu den Unseren zählen?

S. Martin ist jetzt mit dem Drucke seiner *Histoire de Palmyre* so beschäftigt, daß trotz meines Treibens kein Brief von ihm herauszubringen ist; hoffentlich wird er *directement*, wie er sagt, an Sie und den Kanzler schreiben. Abel Remusat sendet Ihnen, mit den freundlichen Grüßen, seine Abhandlung über die Mogolen; das zweite Exemplar übergeben Sie wohl gütigst Hn. Prof. Frähn, mit meinen und des Verfassers besten Empfehlungen. Für Sie füge ich Sacy's bei Eröffnung der *Société Asiatique* gehaltene Rede bei.

Sehr traurig ist es, daß unser Druck des Psellus so langsam geht, und jetzt nun wieder, da der Anfang der Kammersitzungen herannaht, unterbrochen werden wird. Wenigstens, je länger der Druck dauert, desto reichhaltiger werden, hoffe ich, meine Noten an unedirten Sachen und nicht unwichtigen Fragmenten jeder Art.

Meine Freunde und Kollegen, Remusat, Raoul-Rochette (dessen Angelegenheit ich Ihnen nochmals empfehle), S. Martin, Langlès, und besonders H. von Sacy, danken Ihnen, dem Kanzler und Hn. Prof. Frähn auf das verbindlichste für die ihnen mitgetheilten Abhandlungen u. Schriften. Klaproth scheint jetzt etwas ordentlicher zu werden, lügt weniger, und arbeitet mehr. H. von Köhler ist also aus der Krim zurück. Empfehlen Sie mich ihm gefälligst. Ist er immer noch so wahnsinnig, wie er in Paris war?

M.^{cl} Canel habe ich nun, bei meiner fast monatlichen Abwesenheit, sehr lange nicht gesehen; ich werde sie in wenigen Tagen besuchen. Auf Ihren Brief von Julius, der dem an mich beigeschlossen war, muß sie schon längst geantwortet haben. Gott erhalte Sie wohl, verehrtester Freund, sich, den Wissenschaften und Ihren Freunden, unter denen sich mit herzlicher Ergebung und Dankbarkeit nennt der Ihrige.

Hase.

№ 40 (Л. 81—82). Помета Круга: 29 Jan. 23.

Paris den 20 Januar 1823.

Vor etwa einem Monate habe ich an den Kanzler durch die Post geschrieben, verehrtester Freund, heute will ich auch Ihnen, auf demselben Wege, ein Zeichen meines Lebens und meiner Erinnerung geben. Die Sendung von Ende Oktobers haben Sie nun wohl durch die Gesandtschaft erhalten; mit ihr Exemplare der Abhandlung Remusat's über die Mongolen, eins für Sie, ein zweites für Hn. von Frähn. Von Ihnen sind wir nun, Madem. Canel und ich, seit Julius ohne Nachrichten. Schreiben Sie uns doch gefälligst, wann, durch welches Schiff, und mit welcher Adresse die Bücherkiste von Petersburg an uns abgegangen ist; meine Nachfragen sind in Havre und in Rouen, wo ich diesen Herbst war, ohne Erfolg geblieben. Ferner (so dreist machen Sie mich durch Ihre stäte Güte) bitte ich, Raoul-Rochette's Begehren, d. h. Bandwunsch, nicht ganz aus den Augen zu verlieren, oder ihm doch wenigstens, wo möglich, auf seinen Brief einige Worte teutsch (das er liebt und schreibt) zu antworten. Er hat von Ihnen die höchste Meinung, legt also auf Alles, was von Ihnen kommt, mit Recht großen Werth; und es ist in mancherlei Rücksicht gut, ihn bei freundlicher Laune zu erhalten. Denn außer seinen wirklichen Verdiensten als Philolog und Archäolog, außer seinem ausgezeichneten Talent als französischer Stylist (kennen Sie seine *Lettres sur la Suisse?*), ist er einflußreich unter den hiesigen Gelehrten, und wird wahrscheinlich, nach des fünf und siebenzigjährigen Dacier's Tode, *Secrétaire perpétuel de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres*. Welcher ungeheure Unterschied, zum Beispiel, zwischen ihm und Pougens, von dem Sie mir einmal geschrieben, der hier allgemein verlacht wird, und dessen Romane erbärmlich, so wie die etymologischen Schriften weder gehauen noch gestochen, ohne gründliche Sprachkenntniß, so wie ohne eine einzige kritische Idee sind.

Mit Erstaunen, und ungern, höre ich seit einem Monate, daß Madem. Canel wieder nach Petersburg zurück will. Wäre ich nicht in mancherlei verwickelte Weltverhältnissen verstickt, ich glaube wahrhaftig, ich ließ das sanfte und gute Mädchen nicht reisen. Wenigstens, sagt sie, wird sie nicht über einige Jahre in Rußland bleiben. Ihre junge Nichte, Mad. Cheradame, will sie begleiten. Ich brauche Ihnen nicht zu sagen, wie sehr ich wünsche, daß letztere eine geschätzte Künstlerin, Gelegenheit finde, ihr Talent als Porträtmahlerin auf eine ihr vortheilhafte Weise unter den Russischen Großen zu üben. Kurz ehe sie abreist, will ich durch Maltebrun ein die Künstlerin lobendes Artikelchen in das Journal des Débats einschwärzen lassen.

Wie ich vorausgesehen hatte, stockt nun der Druck des Psellus wieder. Ich habe dem Kanzler darüber geschrieben; und benutze die Verzögerung, meine Noten durch *inedita* so viel als möglich zu bereichern. Mit Klaproth sind wir wieder höchst unzufrieden. Es ist unglaublich, wie sehr diesem nicht ungeschickten Manne alles Gefühl für Schicklichkeit, alles Zartgefühl, ja sogar der Menschenverstand fehlt. So hat er plötzlich vor kurzem, unter dem Namen *Luis de L'or*, eine Art von Schmähschrift auf Hn. von Adelong drucken lassen, worinn er ich weiß nicht welche Etymologien auf das gröbste angreift. Denken Sie, wie sehr er sich dadurch hier schaden mußte, wo man jede *critique amère*, sobald sie pöbelhaft ausgedrückt wird, als Beweis einer schlechten Erziehung ansieht. *Il parait que c' est un drôle*, sagt der ernsthafte Sacy von ihm, und sieht dabei aus wie Mord und Todschlag (дается маленький рисунок головы. — И. М.).

Kennen Sie Remusat's neulich erschienene chinesische Grammatik? Sie scheint mir ein Meisterwerk, und auch für allgemeine Sprachkunde höchst wichtig. Gulianow, der letztere so treibt, wie man es vor vierzig Jahren in der oberflächlichen Voltairischen Schule that, ist verschollen; ich weiß nicht einmal, ob er noch in Paris wohnt. David, jezt aus Griechenland zurück, lebt in Triest; er hat mir mehreremal aufgetragen, Ihnen für den gültigen Antheil, den Sie an ihm genommen, nochmals zu danken.

Fehlte mir nicht der Raum, so schriebe ich Ihnen, glaube ich, noch stundenlang fort. Alle Ihre Freunde grüßen herzlich. Erfreuen Sie uns bald, Hn. Rochette und mich, mit einem gültigen Worte, und erhalten Sie uns Ihr wohlwollendes Andenken. Dankbar und treu

der Ihre.

Hase.

№ 41 (Л. 83—84). Помета Крыга: 17 Jun. 23.

Paris den 10 Mai 1823.

So schnell kommt mir die Abreise von Mad. Chéradame und Mad.^{ell} Canel, daß ich nur die Zeit habe, Ihnen, verehrtester Freund, diese Worte zu schreiben; mehr von mir zu erzählen überlasse ich den beiden Reisenden. Große Freude haben Ihre gültigen Briefe vom Februar bei mir und Hn. Raoul-Rochette gemacht; letzterer dankt in beiliegendem Schreiben, so wie ich in diesem, für Ihr thätiges und unermüdliches Wohlwollen. Sie billigen wohl, daß ich mir kein Gewißen daraus gemacht, R. R. die Stelle Ihres Briefes mitzuthellen, worin von K.'s Wuth die Rede war. Dieser Archäolog hat mir (diess unter uns) bei seinem Hierseyen so zänkisch, wunderlich, und so bössartiger Natur geschienen, daß ich kein Bedenken trug, durch Kundmachung seines Zorns das Verdienstliche Ihrer Verwendung bei R. R. in ein helleres Licht zu stellen. Wie nun auch die Entscheidung des Kaisers in der bewußten Sache sei, Sie haben an R. R. auf immer einen ergebenen, thätigen und zuverlässigen Freund. Hn. Hofrath von Köppen's "Alterthümer am Nordgestade des Pontus" kennen und besitzen Sie wohl schon längst; mir schickte er beides, näml. die Alterthümer, und eine Abhandlung über den Stand der Geschichtskunde in Rußland, aus Wien.

An den Kanzler habe ich vor einigen Wochen geschrieben, und ihn gebeten, Ihnen meine, ich fürchte ziemlich grundlosen, Vermuthungen über eine Note mitzutheilen, die sich in einem Slavischen Nomokanon befindet. Hier konnte sie niemand erklären. Der Druck des Psellus wird nun wohl in einigen Wochen wieder fortgesetzt werden. Auch erscheint jezt bald die *Histoire de Palmyre* von S. Martin; und dann wird er, denke ich, den Druck seines Werkes für den Kanzler endlich anfangen. Ich benutze den langen Verzug, die Noten zu Psellus zu sichten und zu bereichen; sie werden an *historicis* und *ineditis* weit reicher ausfallen als die zu Leo, freilich — da man doch immer den Raum berechnen muss — etwas auf Kosten der philologischen Erläuterungen. Allein letztere sind ja, obschon vielleicht nicht unnutz, doch im Grunde nichts anderes als ἐκδρομαὶ πολυπνοὶ, wie die Griechen sagen, und Abschweifungen in's Blaue.

Der arme David, der sich in allen Briefen Ihrer Güte lebhaft erinnert, ist aus Griechenland zurück, und irrt in Italien; zuletzt war er in Rom, im Hause von Hieronymus Bonaparte. Klaproth steckt in tiefen Schulden, und wird nun, in einigen Monaten, seine Mandschurische Grammatik und Chrestomathie erscheinen lassen; er mag ja auf seiner Hut seyn, daß ihm keine Fehler entschlüpfen, denn es giebt wohl keinen Schriftsteller in Europa, der durch seine *critique amère* und sein streitsüchtiges Wesen sich so viel Feinde gemacht, und die wohlwollendsten Freunde so von sich abzuwenden gewußt hat. Auch Malte-Brun ist sehr gegen ihn aufgebracht. Wie übel ist es, daß ernstere Studien, die gerade den Geist am meisten erheben sollten, so oft allen bösen Regungen, Neid, Gehässigkeit, Zanksucht, Thor und Thür zu öffnen scheinen.

Halb und halb von M.^{el} Canel beredet, gieng ich vor einigen Monaten mit dem Gedanken um, die beiden Damen durch Teutschland über Berlin nach Petersburg zu geleiten. Urlaub hätte ich wohl erhalten, und einige tausend Franken allenfalls auch aufgewendet, um die Berliner gelehrten Anstalten, Petersburg, und vor allem Sie, verehrtester Freund, bei einer nie so wiederkehrenden Gelegenheit zu sehen. Aber nach reichlicher Ueberlegung fand ich es doch nicht gerathen, mich von hier, wo Alles unsicher ist, und noch unsicherer werden könnte, gerade jezt auf so lange Zeit zu entfernen. Ich muß also diesen Gedanken, so lieb er mir geworden war, aufgeben. Meine Stelle soll Ihre Freundin vertreten, und statt meiner wenigstens einen [?] überbringen, den ich Sie um die Erlaubniß bitte, ihr zu geben. Unsere ganze *Société Asiatique*, Sacy, S. Martin, Remusat, tragen mir die besten Grüße an Sie auf; ich selbst schreibe bei der ersten Sendung wieder, und mehr. Bis dahin leben Sie wohl, verehrtester Freund, und erhalten Sie mir Ihre gütige Erinnerung; wir werden hier nicht aufhören, das Andenken an Ihre wohlwollende Theilnahme in herzlicher Liebe zu bewahren.

Dankbar der Ihre. K. B. Hase.

N. S. Gerathewohl lege ich Ihnen beikommende Note in den Umschlag; sie ist von dem Obristen Gomin, einem wackeren Mann. Können Sie davon Gebrauch machen, so würden Sie ihn verpflichten; ich kenne ihn zwar bei weitem nicht so genau wie David, aber doch genug, um verbürgen zu können, daß er halten würde, was er verspricht. Uebrigens diess *tuocommodo*, wie Cicero sagt; ich nehme an ihm keinen andern Antheil, als einen ziemlich allgemeinen.

№ 42 (Л. 85—86). Помера Кпыра: 25 Dec. 23.

Paris den 12 November 1823.

Inliegend, verehrtester Freund, einen Brief an den Kanzler, den ich zum Theil auf Bitten Hn. Raoul-Rochette's geschrieben habe. Lesen Sie ihn gefälligst, und sollten Sie, da Sie an Ort und Stelle sind, Verhältnisse, Gemüther und Ansichten wohl kennen, sollten

Sie unnütz oder auch nur unschicklich finden, was ich über und besonders für Raoul-Rochette sage, so geben Sie den Brief gar nicht ab; in wenigen Wochen werde ich wieder an den Kanzler schreiben. Zwar glaube ich, was Raoul-Rochette's Angelegenheit betrifft, auch diesmal durchaus nichts gesagt zu haben, was nicht vollkommen wahr wäre; freilich aber beruhiget mich diess nicht über die mögliche ἀτοπία und ἀπρέπεια meines Schreibens; darüber können allein Sie entscheiden.

Ferner lege ich mein Augurienbuch bei, von dem früher die Rede war, und mit dessen Ausgabe ich mich diesen Sommer beschäftigt habe. Leider, da der Druck ganz auf meine Kosten gegangen, besitze ich so wenig Exemplare, daß ich weder für den Kanzler noch für die Akademie über eins verfügen kann; Ihnen aber, mein hochverehrter Freund, gebührt vor allen ein Zeichen meiner innigen Ergebenheit und treuen Liebe. Allerdings ist das Werk an sich nicht sehr bedeutend; aber die alte Handschrift war in einem so heillosen Zustande, daß zu befürchten stand, sie würde in hundert Jahren ganz in Moder aufgelöst seyn. So habe ich dann das Werkchen, das doch immer eine kleine Lücke ausfüllt, retten wollen; und bei den vielen Ergänzungen ist mir die unrühmliche Fertigkeit im unattischen Griechisch, die mir Byzantiner, Kirchenväter und halb hellenische Neugriechen gegeben, allerdings sehr zustatten gekommen; mit einem reinen Attiker würde ich nicht gewagt haben, so dreist umzugehen.

Von dem Psellus, dessen Druck (der Text nämlich) doch nun ziemlich vorgerückt ist, werde ich die Ehre haben, Ihnen ein gebundenes Exemplar, wie früher vom Leo, zukommen zu lassen. Daß S. Martin endlich seinen Druck begönne, wünschte ich sehr; druckfertig ist er für den ersten Band, aber theils seine *Histoire de Palmyre*, theils vielfältigen andere Arbeiten machen, daß er den Anfang gar zu sehr verzögert. Schreiben Sie mir doch in einem Ihrer Briefe gütigst darüber ein paar Worte, die ich ihm zeige kann, und die ihn spornen.

Was macht Mad. Chéradame, und ihre liebe Verwandtin? Von ersterer habe ich aus Petersburg einen freundlichen Brief erhalten, wofür ich ihr verbindlichst danke; daß ich ihr nicht schreibe, verzeiht sie vielleicht dem Vielbeschäftigten; auf jeden Fall entschuldigen Sie mich bei ihr, und empfehlen Sie mich gefälligst beiden Damen; auch Hn. von Köhler (denn noch bin ich mit meinen Bitten nicht zu Ende) danken Sie für seine neuliche Schrift über Bosphoritanische und Chersonische Münzen. Kennen Sie Hn. von Köppen's "Alterthümer am Nordgestade des Pontus"? Er ist so gütig gewesen, seine Schrift mir von Wien aus zu schicken, und sie hat hier ziemliches Aufsehen gemacht, wegen der in ihr enthaltenen Inschriften. Die teutsche Uebersetzung einer Abhandlung Hn. von Katschenofsky's über die Driwna haben wir noch nicht erhalten.

Tausend freundliche Empfehlungen von Remusat, Raoul-Rochette u. Sacy, auch von S. Martin, zwischen dem und Cierbied neulich eine gewaltige Fehde ausgebrochen, aber auch zu meiner großen Freude wieder beschwichtigt ist. Leben Sie wohl, theuerster Freund, bewahren Sie mir Ihr gütiges Wohlwollen, und empfangen Sie die Versicherungen meiner innigen Liebe, Dankbarkeit und Verehrung.

Unwandelbar der Ihrige.
Hase.

№ 43 (Л. 87—87 об.). Помета Крыга: 30 Jun. 24.

Paris den 22 April 1824.

Heute nur wenige Worte, mein hochverehrter Freund, hauptsächlich um Ihnen Hn. Sinner von Aerberg, aus Bern, zu empfehlen, der von hier nach Petersburg abgeht. H. von Sinner, aus einem alten schweizerischen Geschlecht, studirte zuerst in Bern Theologie und Philologie, setzte dann später das Studium der letzteren in Paris fort, wo er mehrere

Jahre lang in unserer *École spéciale* mein fleißiger Zuhörer war, und ich von seinen Anlagen und Kenntnissen die vortheilhafteste Meinung bekommen habe; bei seiner Rückkehr nach Bern aber scheint ihm der dortige kleinstädtische Jammer und das pedantische Wesen der alten Schweizerperücken den Aufenthalt so verleidet zu haben, daß er bald wieder nach Paris zurückkam, und sich seitdem entschloss, nach Rußland zu gehen, um dort sein Glück zu versuchen. Ohne nun freilich diesen Plan veranlaßt, oder eigentlich gebilligt zu haben, so kann ich doch nicht umhin, verehrtester Freund, Hn. Sinner, da er ihn nun einmal ausführen will, als einen wirklich philologisch gelehrten jungen Mann und gründlichen Hellenisten Ihnen auf das dringendste zu empfehlen. Ich rechne dabei ganz auf Ihre Güte und Nachsicht, die schon so oft erprobte, fühle mich aber dazu durch meine Ueberzeugung ermuthiget, daß H. von Sinner Ihres Rathes und Ihrer Theilnahme nicht unwürdich ist. Obschon von Hause aus teutsch gebildet, hat er doch eine viel größere Fertigkeit im Französischen, gleichsam seiner zweiten Muttersprache, als jezt die meisten jungen teutschen Philologen haben; und diese Sprachgeläufigkeit kann ja wohl in Rußland nichts anders als ein großer Vortheil seyn.

Auf Ihren gütigen Brief vom vorigen Januar behalte ich mir vor, in wenigen Tagen, umständlich zu antworten, auch dem Kanzler weitläufig zu schreiben; heute drängt mich H. von Sinner, der neben mir sitzt, zu schnellem Schluß. Was Ihnen sonst, verehrter Freund, von mir selbst und besonders von unserem hiesigen litterarischen Treiben wissenswerth scheinen könnte, wird er Ihnen mündlich sagen können; denn er ist in den Tageserzeugnissen dieser Philologie wohl bewandert, und hat auch mich, seit er wieder in Paris ist, oft gesehen. Leben Sie wohl, verehrtester Freund, erhalten Sie mir Ihr gütiges Wohlwollen, und empfangen Sie die Versicherungen meiner Dankbarkeit und treuen Liebe.

Hase.

Von R.Rochette haben Sie wahrscheinlich vor kurzem Briefe erhalten. Mad. Canel befindet sich wohl.

№ 44 (Л. 88—88 об.). Помета Крыга: 21 März 25.

Paris den 24 Februar 1825.

Ich eile, verehrtester Freund, die sich mir anbietende günstige Gelegenheit zu benutzen, um Ihnen durch die Güte des Herrn Grafen von Bray von dem allmällichen, obschon leider sehr langsamen Fortgange unseres Druckes des Psellus Nachricht zu geben. Sie können sich kaum vorstellen, mit wie vielem Verzug aller Art, der auch mich ganz mißmuthig macht, wir zu kämpfen haben. Zwar ist nun jezt ein großer Theil des Textes gedruckt, und ich schmeichelte mir, Ihnen und dem Kanzler schon vorigen Spätherbst die *bonnes feuilles* desselben vollständig und geheftet zukommen zu lassen; aber seitdem sind wir wieder in die verwünschten Kammersitzungen gefallen, und bei der mangelhaften Einrichtung der Imprimerie Royale, der niemand abhelfen kann, haben die *labeurs* (philologische Arbeiten) wieder den *travaux* (französischen Drucken) Platz gemacht. Daßelbe ungefähr widerfährt auch Saint-Martin, dessen Histoire de Palmyre man gleichfalls noch nicht beendiget hat. Wie unangenehm diess für uns alle ist, verehrtester Freund, können Sie sich denken; ja ich habe verschoben dem Kanzler zu schreiben, weil ich ihn doch nur mit Klagen behelligen konnte. Indessen ist es doch unumgänglich nothwendig ihm diese Tage meine schuldige Ehrerbietung zu bezeigen, und dazu werde ich des Herrn Grafen Bray gütiges Anerbieten mit Freuden benutzen. Durch seine Gefälligkeit wird auch Herr von Köppen, der sich jezt in Petersburg aufhält, wahrscheinlich

zugleich mit Ihnen einen Brief von mir erhalten, mit dem gewünschten Facsimile einer slavischen Handschrift, die mir aber sehr neu, vielleicht sogar jünger als das fünfzehnte Jahrhundert und die ersten slavischen Drucke scheint. Manche andere der wenigen in unserer Bibliothek enthaltenen slavischen Handschriften scheinen weit älter. Mein sogenanntes Hexenbuch, den Lydus *De Ostentis*, haben Sie wohl durch Herrn Sinner erhalten, einen jungen Schweizer, der in Paris mein Zuhörer war, und den ich Ihrer Fürsprache, wo es sich schickt, empfehle; seine philologischen Kenntnisse hat er durch die eben erschienene Ausgabe der Schrift des Buondelmonti *De insulis Archipelagi* bewährt. Sollten Sie ihn treffen, so haben Sie wohl die Güte ihm zu sagen, daß die uns bestimmten Exemplare vor wenigen Tagen hier angekommen, und größtentheils seinem Wünschen gemäß vertheilt sind. Auch ihm würde ich heute schreiben, und ihm für die freundliche Erinnerung auf den ersten Seiten seiner Schrift danken, wenn ich nicht, seit meiner Ernennung in die Akademie der Inschriften, wo ich Abhandlungen lesen und über eine Menge neulich ausgegrabener Alterthümer umständliche Berichte abstaten soll, so mit Geschäften überhäuft wäre, daß mir kaum ein Augenblick bleibt, mich schriftlich bei geliebten Abwesenden in's Andenken zu bringen. Diesen Brief, dessen letzte Seite ich unbeschrieben lasse, nehme ich heute (25 Febr.) in die Sitzung der Akademie, um Saint-Martin zu treiben, ein Wort für Sie beizufügen. Die HHn. Raoul-Rochette und Remusat lassen sich bestens empfehlen. Mein Andenken, hochverehrtester Freund, erneuern Sie gefälligst bei Madam Chéradame, so wie bei allen, die sich in Petersburg meiner erinnern, bitten Sie den Kanzler, den Ausdruck meiner Ehrerbietung zu genehmigen — der beständige Verzug kann ihm nicht unangenehmer seyn als er mir ist, — und vor allem empfangen Sie selbst die wiederholten Versicherungen meiner ewigen Dankbarkeit, hohen Achtung und treuen Liebe.

K. B. Hase.

[приписка Сен-Мартена]

Je profite de quelques instants, que je devois à la séance de l'Académie, pour me rappeler à votre excellence de venir. Quoique depuis très long temps je n'ai pas eu l'état [?] de m'entretenir avec vous non plus qu'avec M. le comte de Romanzoff, ce n'est pas que j'ai oublié ni mes engagements, ni mes promesses, mais depuis deux années j'ai été un peu détourné de mes occupations ordinaires. L'impression de mon Histoire de Palmyre, qui [нрзб.] actuellement à l'imprimerie royale m'a beaucoup occupé aussi. Je n'ai pas cependant perdu de vue la collection orientale relative à l'histoire de Russie, la plupart des extraits necessaires sur [нрзб.] et j'espère pouvoir dans la suivante année la mettre en ordre et les disposer pour l'impression. Je vous demande pardon de l'indifférence (?) de mes expressions, je vous écris (?) au milieu d'une discussion. Si j'avais été prévenu plutôt par M. Hase, je lui avais remis pour M. le Comte de Romanzow et pour vous, une lettre [и. т. д.]. Saint-Martin.

№ 45 (Л. 90—91). Помета Круга: 29 Aug. 26.

Paris den 6. August 1826.

Aus einem Briefe Herrn Sinner's vom 11. März sehe ich, verehrtester Freund, mit großem Bedauern, daß in unserem Briefwechsel wieder die unangenehmsten Störungen eingetreten sind. Im Februar vorigen Jahres gab ich Herrn Grafen Bray einen Brief für Sie, so wie der Gesandtschaft, unmittelbar als die Nachricht von dem Tode des Kanzlers und meines mir unvergeßlichen Gönners hier ankam, ein Paket, worinn gleichfalls ein Brief für Sie und Druckbogen des Psellus lagen. Auf alles dieses habe ich keine Antwort

erhalten, und doch schließe ich aus dem Briefe Hn. Sinner's, daß Sie wenigstens einmal, im Laufe des vorigen Jahres, wie es scheint, die Güte hatten an mich zu schreiben; dieser Brief ist mir aber nicht zugekommen. Sie können sich leicht vorstellen, theuerster Freund, wie verdrießlich mir diese häufigen Lücken in unserm schriftlichen Verkehr sind, gerade bei Ihnen, dessen wohlwollender Empfehlung und thätig wirkendem Eifer ich so viel verdanke.

Wie sehr hätte ich gewünscht, daß der selige Kanzler die vollständige Ausgabe des Psellus noch erlebt hätte. War ich so glücklich, durch meine Bearbeitung des Leo seinen Beifall zu gewinnen, so schmeichle ich mir, daß jetzt, bei meiner größeren Bekanntschaft mit Wesen und Geschichte der byzantinischen Zeit, der Psellus noch mehr seinen, und Ihren, Erwartungen entsprochen hätte. Aber man druckt auch jetzt noch an den Noten, in denen ich, wie früher zu Leo, so viele Sach- und Sprachbemerkungen als ich kann zusammenzustellen suche, und mein möglichstes thue, um aus diesem zweiten Band der Byzantina ein bleibendes Denkmal zu machen, das des Verewigten, und Ihrer, nicht ganz unwürdig sei.

Daß der Kanzler kurze Zeit vor seinem Tode noch Geld angewiesen (wie ich vermuthe, für die Herausgabe des Hamartolus der Chronik), erfahre ich aus Hn. Sinner's Brief mit wirklicher Rührung; wie glücklich war es, daß ein Mann von so edlem Eifer, der auch noch über seinen Tod hinaus für die Wissenschaften zu wirken suchte, in Ihnen einen einsichtswollen Rathgeber fand. Ich werde gewiß auch die Verpflichtung, die ich übernommen, gewissenhaft zu erfüllen suchen, und meine Manuskripte für beide Werke sind fast fertig; freilich aber kann ich an den Anfang des Druckes der Chronik wohl nur dann erst denken, wann Psellus erschienen seyn wird, etwa in der ersten Hälfte des nächsten Jahres. Hamartolus, im Grunde weniger wichtig, mag warten bis zuletzt. Bis Sie die Ausgabe des Psellus in Petersburg haben, ist das beste, daß alle Summen, die zu folgenden Drucken dienen sollen, in Ihren Händen bleiben. Den Psellus müssen wir wohl der *Memoriae aeternae* des Verewigten weihen — Sie sollen Korrekturbogen der Vorrede und Dedikation zeitig genug erhalten, um mir Ihre Bemerkungen und Aenderungsvorschläge mittheilen zu können; den Band der Chronik möchte ich, mit ehrfurchtsvoller neuer Erwähnung der unsterblichen Verdienste des Kanzlers, herzlich gern Ihnen zueignen. Ich bin Ihnen so vielfach und seit so lange verpflichtet, daß es wirklich ein Bedürfniß meines Herzens ist, meine Dankbarkeit einmal auch öffentlich auszusprechen.

Wäre nicht für Psellus schon alles, und für die beiden andern Bände bei weitem das meiste schon ausgearbeitet, so würde ich um die Zeit verlegen seyn, welche die Arbeit braucht; denn ich beschäftige mich jetzt, dem Wunsche des Ministeriums gemäß, mit einem *Catalogue raisonné* aller unserer griechischen Handschriften, der in Lieferungen erscheinen soll. Aber für meine drei noch übrigen Byzantiner habe ich fast nichts weiter zu thun, als die Korrekturen genau durchzusehen, und den Druck zu treiben, befinde mich dabei, Gott sei Dank, vollkommen wohl und munter, so daß ich endlich doch mit den *Byzantinis* zu Ende kommen werde, ja vielleicht sogar, ehe ich sterbe, mit dem langen Katalog.

Dieser Brief geht durch die Post, so wie ich vor wenigen Tagen einen an Hn. Sinner auf demselben Wege abgeschickt habe. Leben Sie wohl, mein hochverehrtester Freund, behalten Sie mich lieb, und empfehlen Sie mich gütigst meinen Bekannten in Petersburg. Raoul-Rochette, der nach Italien abgereist ist, grüßt Sie herzlich; wir haben noch den Tag vor seiner Abreise viel von Ihnen gesprochen. Herrn Staatsrath von Köhler bin ich für die Uebersendung seiner Abhandlung über die Stadt Gargaza recht sehr verbunden.

Mit unwandelbarer Liebe und Verehrung dankbar der Ihre

K. B. Hase.

№ 46 (без даты)

Ich sende Ihnen das versprochene Heft. Werfen Sie gütigst einen Blick darauf, um Hn. von Krug als Augenzeuge versichern zu können, wie einstimmig man hier des Kanzlers großmüthige Aufopferungen für die Wissenschaften würdigt.

Die Zeitungen senden Sie mir wohl gütigst morgen früh zurück, da ich mir vorbehalten, das Heft, wenn es vollständig geworden (noch fehlt mir das *Journal des Savans*, die *Annales des Voyages* etc.) unmittelbar an Hn. von Krug zu schicken.

Mit der vollkommensten Hochachtung dankbar der Ihre.

Freitag Morgens.

Hase.

Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: письма к академику А. Ф. Бычкову

А. С. Павлова (1832—1898)¹ современники называли «великим канонистом», «одним из лучших знатоков канонического права в Европе».² По авторитетному свидетельству Н. Суворова, можно сказать, постоянного оппонента А. С. Павлова, «ему не было равных в знании архивов и древлехранилищ России и Европы».³ Если русская дореволюционная наука лидировала в области изучения истории византийского права у южных славян и в России, то в этом была немалая его заслуга.

А. С. Павлов работал в области исторического правоведения. Им сделано чрезвычайно много для критического издания памятников и их исследования. А. С. Павлову, как никому другому, было свойственно видение глубины и многомерности процесса правообразования в древних обществах. Он начал с критического издания старославянских текстов, в которых содержались переводы или переделки памятников византийского права. Ученый внимательно изучал «внешнюю их историю»: время и место появления того или другого источника в славянском переводе, способ его распространения и применения в данной стране, те перемены, каким он подвергся при этом в своем составе и редакции, а затем уже он переходил к «внутренней истории», выясняя, насколько юридические нормы, содержащиеся в источнике иноземного права, привились «к жизни принявшего их народа и какое вообще влияние оказали они на развитие и установление местной юридической жизни».⁴ Наука обязана ему такими классическими изданиями, как «Первоначальный славяно-русский номоканон» (Казань, 1869), «Номоканон при большом требнике» (Одесса, 1872; 2-е перераб. изд.: М., 1897), «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные, вместе с греческим подлинником и с историко-юридическим введением (СПб., 1885), «50 глава Кормчей книги» (М., 1887) и др.

А. С. Павлов прекрасно понимал, что каноническое право в Древней Руси и у южных славян охватывало не только церковную, но и гражданскую сферу жизни общества. Следует отметить, что у нас он был первым, кто заявил, что церковное

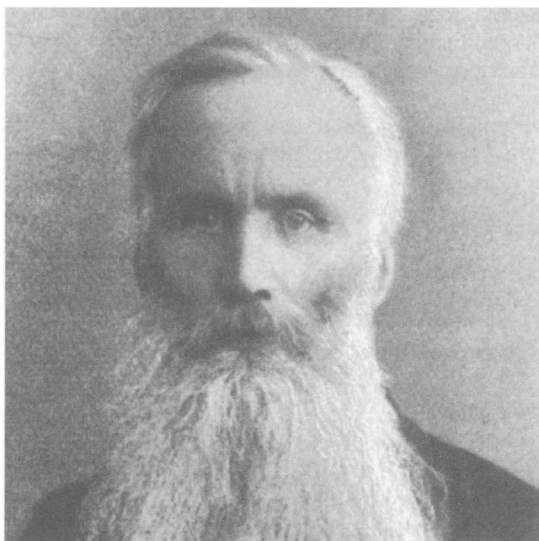
---

¹ Лебедева Г. Е., Морозов М. А. У истоков изучения канонического права в России: А. С. Павлов // История Византии и византийская археология: Тезисы докладов X научных Сюзюмовских чтений. 25—27 марта 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 9—12; Лебедева Г. Е. Из истории канонического права в России: А. С. Павлов // АДСВ. Екатеринбург, 1999. С. 328—337.

² Прибавления к изданию Творений Св. отцов в русском переводе. СПб., 1888. Ч. 42. С. 389.

³ Суворов Н. Памяти А. С. Павлова // ВВ. 1898. Т. 4. С. 831.

⁴ Павлов А. С. Русские помники по К. Е. Цахариэ фон Лингенталь // ВВ. 1894. Т. 1. С. 467.

А. С. Павлов

право по существу своему прежде всего наука юридическая.⁵ Такое понимание предмета во многом определило широту его исследовательской программы.

Большую научную ценность представляет и публикация А. С. Павловым источников «Памятников древнерусского канонического права» XI—XV вв.⁶ Издание, задуманное в годы преподавания А. С. Павлова в Новороссийском университете и осуществленное после его перехода в 1875 г. в Московский университет,⁷ давно признано классическим. Однако в подробности подготовки и реализации этого примечательного проекта историографы до сих пор не вдавались. Собственно, у них и не было в руках соответствующих материалов.⁸

В фонде академика А. Ф. Бычкова, хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, нами обнаружено 32 письма А. С. Павлова. Одно то, что эти письма почти целиком посвящены предьстории и истории публикации 1880 г. и проливают свет на вопрос о судьбе второго тома «Памятников», заставляет обратить на них пристальное внимание. Замечательно, что переписка показывает не только научную лабораторию великого ученого, но дает и нечто большее: неся на себе печать незаурядной личности автора, она по-своему ярко характеризует А. С. Павлова как ученого и как человека.

Читая переписку А. С. Павлова с академиком А. Ф. Бычковым, понимаешь, какая тяжелейшая дорога вела к тому, чтобы современники, а потом и потомки назвали его издание «классическим», «капитальным».

Публикуемые письма были отправлены профессором Алексеем Степановичем Павловым из Москвы в Петербург академику Афанасию Федоровичу Бычкову (1818—1899), члену Археографической комиссии, с 1891 г. — ее председателю.

⁵ Павлов А. С. Курс церковного права. 2-е изд. Сергиев Посад, 1902. С. 15—17.

⁶ Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. Ч. 1 (Русская Историческая библиотека. Т. 6); Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 1.

⁷ Маркевич А. И. Двадцатилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890.

⁸ Лебедева Г. Е. А. С. Павлов как издатель «Памятников древнерусского канонического права XI—XV вв.» (в свете неопубликованной переписки ученого с академиком А. Ф. Бычковым) (в печати).

Переписка охватывает период 1876—1896 гг. Автографы писем хранятся в личном фонде А. Ф. и А. И. Бычковых (ОР РНБ. Ф. 120. А. Ф. и А. И. Бычковы. Оп. 1. Д. 1055). В подавляющем большинстве случаев сохранены особенности авторской орфографии.⁹

Большинство из упоминаемых в письмах лиц и сочинений общеизвестно и не нуждается в пояснениях, поэтому справочный аппарат в нашей публикации сведен к минимуму.

1

(1871)

Ваше Превосходительство, Афанасий Федорович,

Душевно сожалею, что не застал Вас, тем более что до меня дошли зловещие слухи о скором отъезде Вашем из Петербурга. Будьте милостивы ко мне до конца: предоставьте мне возможность решить еще один вопрос, при помощи библиотеки. Мне нужно рассмотреть печатный Номоканон при Требнике, начиная с отдельного издания этого Номоканона в Киеве в 1620 году; за ним — в Требниках, начиная, кажется, с Филаретовского. Не имея счастья застать Вас в библиотеке, я решил до 1 часу заняться в Синоде с надеждою, что и нынешний день не пропадет для меня в библиотеке.

Ваш покорный слуга А. Павлов

2

Милостивый государь, Афанасий Федорович,

Ваше письмо от 8 января, совершенно успокоившее меня на счет получения Вами моего последнего Номоканона, встревожило меня известием, что «в библиотеке нет этого Номоканона в отдельном издании». Я был бы самым благодарным пасынком моей *alma mater*, если бы не делал ей скромных приношений от трудов своих. Могу Вас уверить своим вечным спасением, что в библиотеку послан мною еще в октябре отдельный экземпляр моего последнего издания, на веленовой бумаге, каковых теперь у меня уже не имеется. Не завалился ли он где-нибудь в канцелярии? Посылка отправлена была от университета, за его печатью, и в разносной книге имеется расписка о получении этой казенной, занумерованной посылки в одесской почтовой конторке. Я так огорчен этим обстоятельством неполучения моей книжки в библиотеке, что готов начать официальную переписку с почтовым ведомством, пользуясь своим званием редактора университетских «Записок».

Душевно благодарю Вас за сообщение адреса Цахария [К. Э. Цахариз фон Лингенталь].¹ Я имею некоторые основания предполагать, что у него есть списки греческого текста Номоканона более древние и исправные, чем мой. Если так, то побываю нынешним летом и за границей, чтобы исправить подлинный текст Номоканона — для второго издания (первое, в числе 400 экз., почти все уже разошлось).²

⁹ При передаче древнерусского текста рукописей, цитируемых в письмах А. С. Павлова, правописание их сохранено, кроме букв і; і; оу, ѡ, ѡ, которые заменены соответствующими буквами современного алфавита «и», «у», «я», «о»; буквенные обозначения цифр заменены арабскими. Примечания, данные под звездочкой, принадлежат А. С. Павлову.

Есть еще некоторая надежда получить список из Константинополя или с Афона — через посредство часто цитируемого мною архимандрита Вулиаиди. Поехал бы я и сам на Восток, да знаете, какой прием может ожидать там при настоящих обстоятельствах русского ученого, да еще — канониста?

Итак, отложив *ria desideria* до более благоприятного времени, я думаю нынешним летом опять заняться в столицах, преимущественно в московских архивах Министерства юстиции и иностранных дел. Конечно, трудно будет обойти и *alma mater*. Но когда было бы более удобным обратиться к ней, т. е. когда можно наверное застать Вас в Санкт-Петербурге, в Вашем отделении библиотеки? Оно без Вас и отпертое будет запертым. Вы такой руководитель, который руководит не в библиотеке только, но и в самих занятиях посетителей занимающихся. Я еще не знаю ни одного из таковых, кто бы говорил или думал иначе.

«Здравия Вам и благоденствия и во всем благого поспешения».

19 января 1873 года

Ваш усерднейший слуга А. Павлов

¹ *Медведев И. П., Таценко Т. Н.* Письма К. Э. Цахариз фон Лингенталь в архиве А. А. Куника // АРВ. С. 389—430; *Лебедева Г. Е.* А. С. Павлов и К. Э. Цахариз фон Лингенталь // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 114—122.

² *Павлов А. С.* Номоканон при Большом Требнике // Зап. Имп. Новорос. ун-та. 1872. Т. 8. Удостоено Уваровской премии.

3

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Академия поручила мне написать разбор на новую книгу А. Попова «Историко-литературный обзор русской полемики против латинян».¹ Для этого дела мне нужно будет съездить в Петербург, чтобы пересмотреть некоторые греческие и славянские рукописи Публичной библиотеки. Но предварительно открывается надобность в следующих пособиях, которых не нахожу в университетской библиотеке: 1) в новом (французском) каталоге греческих рукописей — Муральта и 2) в Вашем описании рукописей Гильфердинга, поменуемом в одном из отчетов библиотеки. Осмеливаюсь просить Вас: не найдете ли Вы возможным прислать мне их на время, т. е. до моей поездки в Петербург, которая предполагается на Фоминой неделе? К тому времени я наметил бы себе, по обоим каталогам, те рукописи, которые мне нужно будет заняться. Теперь занимаюсь пока здешними источниками, которые отчасти и наводят меня на мысль ехать в Петербург, чтобы еще раз воспользоваться Вашим просвещенным содействием и учеными указаниями в сокровищах библиотеки.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорным слугою

14 февраля 1876 г.

А. Павлов

Москва, Большая Молчановка, дом княгини Оболенской

¹ *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI—XV вв. М., 1875.

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

На днях я приобрел 2-й том издаваемой Археографической комиссией «Русской исторической библиотеки». Покупка сделана собственно ради памятника № 1 — «Вопросов Феогноста». Прочитав этот памятник в комиссиейском издании, я не мог не пожалеть о двух рублях, утраченных на его покупку. Не говоря уже о хронологической путанице, напечатанной в «примечании» к памятнику и доказывающей совершенное незнакомство издателя с Пасхалией, укажу на пропуски в самом тексте или, что то же, в списке, избранном для издания. Список этот, в сравнении со многими другими, имеет, правда, одно преимущество: в нем «Вопросы Феогноста» не перемешаны с «Вопрошаниями Кирика»; зато из него выкинуто и многое, бесспорно принадлежащее к первоначальной редакции памятника. Например: «Вопрос. Приходящимъ от татаръ хотящихъ крестится, и не будетъ велика съсуда, въ чемъ погружати его? Ответъ. Да обливають его. 3 жды. Глаголя во имя Отца и Сына и Святаго Духа». В большей части известных мне списков этот вопрос и ответ не находится — потому, конечно, что наши старинные книжники соблазнялись словом обливать. Или: «Вопрос. Аще будетъ любо зверь, любо птиць, а удавится въ силѣ, достоить ли ясти? Ответ. Аще будетъ при нужи» (конец ответа в единственном известном мне списке его высокoben; но ясно, что смысл был утвердительный). Еще: «Вопрос. Подобаеть ли сухою стафилюею служити, или ни? Ответ: Аще не будетъ где вина въ которой земли отнудъ, да изгнетуть новую стафилъ, и служить, а не сухую (то есть не бухарский изюмъ, который имель въ виду вопрошатель, сарайский владыка); аще ли иметь служити грехъ имать отъ Бога». Оставляю другие, менее характерные пункты, принадлежность которых к оригинальному тексту «Вопросов», по моему мнению, бесспорна. Указанные недостатки изданного списка я принял так горячо к сердцу, во-первых, потому, что это — памятник канонический; во-вторых, и главным образом, по следующей причине: у меня уже почти готов к печати сборник всех памятников русского канонического* права от «Правил» митрополита Иоанна до посланий митрополита Фотия (включительно). Есть в этом сборнике и совершенно неизвестные памятники; большинство предлагается по новым спискам, и только весьма незначительная часть взята из прежних изданий Экспедиции и Комиссии. Но вот беда: пока я служил в Новороссийском университете, была возможность издавать что и сколько угодно, но не имелось материала; здесь много материала, но негде его издавать. При таком положении дела я пришел к смелой мысли обратиться, через Ваше благосклонное посредство, к Археографической комиссии: не найдет ли она возможным издать упомянутый сборник в одном из дальнейших томов своей «Библиотеки»? Мне кажется, мотивы к участию в этом деле довольно уважительны: 1) издания, в которых разбросаны занимающие меня памятники, составляют теперь библиографическую редкость; 2) текст памятников в них не всегда полон («Вопрошания Кирика») и исправен («Правил митрополита Иоанна» и др.); 3) сборник, как выше замечено, дал бы кое-что и новое, а в целом представлял бы издание весьма удобное и целесообразное. Труд издания взял бы я на себя без всякого вознаграждения, разве только попросил бы несколько экземпляров.

Еще одна усерднейшая просьба — уже к Вам лично. В прошлом году в Ваше отделение поступила от Лобанова-Ростовского греческая рукопись XIII века, в которой, между прочим, содержатся «различные правила св. отцов». Составляют ли эти правила особую часть в рукописи или разделены между другими статьями? Если — первое, то в высшей степени желательно было бы получить общее их

заглавие, по которому можно будет, конечно приблизительно, судить о составе содержащегося здесь канонического сборника. Бог знает, что это за «правила св. отцов»: может быть, из-за них нужно будет немедленно ехать в Петербург, чтобы воспользоваться ими для приготовленного мною «второго» издания «Номоканона при Требнике».¹

Ваш усерднейший слуга А. Павлов

Большая Молчановка, дом княгини Оболенской.

12 декабря, 1876 г.

* А не царского (т. е. законодательных актов гражданской власти по делам Церкви).

¹ Павлов А. С. Номоканон при Большом Требнике. 2-е новое издание // Учен. Зап. Имп. Моск. ун-та. М., 1897. Вып. 14. Отдельно.

5

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Принося Вам мою живейшую признательность за участие, с каким Вы отнеслись к моему предложению об издании памятников русского канонического права Археографической комиссией, спешу исполнить намеченные Вами предварительные условия, именно: 1) посылаю, в виде образчика, первый из предлагаемых к изданию памятников — «Правило» митрополита Иоанна II. Он совершенно готов к печати, и если Комиссия найдет возможным теперь мне отдать его в типографию, то за мною задержки не будет: следующий памятник могу доставить через несколько дней. 2) В конце настоящего письма найдете перечень памятников, имеющих войти в издание. В нем, может быть, найдутся кое-какие пропуски, которые впоследствии будут мною восполнены. Главным источником материала будут служить известные Комиссии рукописи Румянцевская и Синодальная, а также Макарьевские Миней. Можно продолжить сборник и дойти — до времен Стоглавого собора, или до конца XVI в. Думаю, что мне ни разу не доведется ограничиться одной только перепечаткою памятника, где бы то ни было изданного: все будет взято из рукописей или проверено по ним*. 3) Что касается вопроса о том, какое бы число экземпляров желал я получить от Комиссии, то ввиду совершенно неожиданно предложенного мне за редакторский труд гонорара считаю вполне достаточным 10—15 экземпляров, только просил бы 5 из них — на веленовой бумаге.

Повторяю еще раз мою глубокую благодарность за Ваше сочувственное отношение к моему труду, который надеюсь продолжать безостановочно и окончить к будущей осени. Живой личный интерес в деле, составляющем мою давнишнюю заветную мечту, да будет для Комиссии главным ручательством за мое усердие и аккуратность.

Истинно преданный и благодарный Вам А. Павлов

10 января 1877 года

* Издания бывшей Экспедиции и потом Комиссии не всегда безупречны.

6

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Посылаю Вам, через университетскую канцелярию, еще часть моего оригинала, именно № 3—11. Теперь уже не опасаясь быть застигнутым врасплох корректурой, которая, впрочем, не грозит мне своею поспешностью, по крайней мере, до сих пор я не имел с нею дела.

А. Ф. Лавров,¹ мой коллега по науке, которого я, конечно, не замедлил уведомить о начале дела, столь близкого нашему сердцу, настаивает на необходимости принять в издание все греческие акты по делам русской церкви, изданные Миклошичем и Мюллером (*Acta patriarchatus C/politani*). Я нахожу, что это противоречило бы принятому правилу — избегать всяких перепечаток, хотя мысль иметь в одной книге полное, по возможности, собрание древнейших памятников нашего канонического права и для меня имеет великую прелесть. Если Вы найдете нужным сделать такое дополнение к программе издания, то, при докладе о том Комиссии, предложите вопрос: присоединять ли русский перевод к тексту тех грамот, которые неизвестны в старом славянском переводе? Я не отказываюсь ни от какой работы над делом, которое, надеюсь, будет полезно не одним канонистам и немалое число лет.

Соблазняет меня мысль — как можно ближе подвинуть свое издание к Вашему, посвященному памятникам синодального периода. Впрочем, если захватить все время, обнимаемое первым томом Актов Экспедиции и Комиссии, то промежуток между мной и Вами не будет уж слишком велик и труден для перехода историку русского церковного права.

Александр Ильич² обещался мне поискать в складах Комиссии упомянутый том тех и других Актов (с соответствующими «Дополнениями»), который совершенно необходим мне при настоящей работе и которым на короткое время снабдил меня Н. С. Тихонравов.³ Я был бы вполне доволен, если бы мне предоставлена была возможность беспрепятственно пользоваться этим пособием до окончания моего дела, но только — с правом делать на полях приписки и заметки карандашом.

Искренно преданный и признательный Вам А. Павлов

8 февраля 1877 года

¹ См. о нем: *Маркевич А. И.* Двадцатилетие Новороссийского университета. Одесса, 1890.

² По-видимому, речь идет о А. И. Тимофееве, члене Археографической комиссии, главном редакторе государственных актов с 1865 по 1881 г.

³ Н. С. Тихонравов (1832—1899), историк русской литературы.

7

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Не могу налюбоваться на доставленный мне Александром Ильичем образец издания моего сборника: просто, удобно и изящно! Вам исключительно я обязан, что мой многолетний труд, совершавшийся при обстоятельствах, не весьма благоприятных для его окончания, увидит наконец свет Божий и притом — в таком привлекательном виде. Употреблю все усилия, чтобы и внутренние достоинства издания соответствовали его наружности и чтобы, таким образом, Ваше глубокое сочувствие к делу было мною вполне оправдано. Особенности трудностей представляет и особенного внимания требует, конечно, издание древнейших памятников (митрополита Иоанна,

Кирика, митрополита Кирилла и др.). Тут хочу быть в отношении к себе беспощадно строгим. И теперь еще продолжаю перечитывать здешние списки в надежде найти какие-нибудь варианты, которые бы заслуживали быть внесенными в издание при корректуре. Поэтому повторяю мою усерднейшую просьбу о том, чтобы корректура, по крайней мере первых 10—12 номеров, посылаема была ко мне в гранках. Что касается до позднейших памятников или таких, которые сохранились в списках не старше XV века, то здесь, по примеру прежних изданий Комиссии, можно обойтись и с обыкновенным шрифтом. Исключения могут быть допущены разве только для самых старших списков этой эпохи, каков, например, список «Устава, како достоин избирати в епископы» в рукописи Ундольского № 1 (катал., стр. 6).

Так как подлинники некоторых памятников находятся у Вас в Петербурге и копии с них не всегда сняты мною собственноручно, то предвижу необходимость сделать туда экскурсию. Для этого прибавлю на пост одну лекцию, чтобы после Пасхи освободить себя от служебных занятий неделю или две. Надеюсь, начальство не поставит мне этого в вину.

Совершенно преданный и искренне признательный Вам А. Павлов
12 февраля 1877 года

8

Христос воскрес!

Душевно радуюсь, высокопочитаемый Афанасий Федорович, что старые Ваши знакомцы, одетые и причесанные в моей скромной мастерской, оказались, после Вашего осмотра, достойными выхода в ученый свет (у нас, впрочем, не отменно великий и взыскательный). Надеюсь, что в дальнейших корректурах уничтожится и пестрота типографского одеяния, в которой, по совести, должен и себя признать виноватым. Гораздо труднее для меня установить неизменную норму для ученого аппарата к тексту. Она представляется мне в следующих общих правилах: 1) примечания под заглавиями памятников (так называемые в предыдущих томах «Исторической библиотеки» «Легенды») должны быть посвящаемы библиографической истории текста; 2) варианты требуют строгого выбора, который определяется двумя целями: а) уяснением грамматического смысла мест неясных в основном списке и исправлением его погрешностей; б) указанием характерных и сознательных поправок в старом тексте, какие нередко замечаются еще в пергаменном периоде списков данного памятника (например, Чудовская Кормчая № 4 знаменательно исправляет в определении Ильи Новгородского «дискось» в «Агнец»); 3) главнейшая задача примечаний состоит в указании источников того или другого места в памятнике, именно — источников неизвестных или даже недоступных (каковы греческие рукописи). И тут, конечно, нужна строгая экономия, мера, определяемая целью издания, а не исследования.

После праздников нужно будет съездить в Поречье к графу А. С. Уварову. У него, в числе рукописей бывших — Царского, находится превосходный список митрополитических посланий, гораздо исправнее и отчасти полнее того (Синадального № 563), которым пользовалась Комиссия при издании 1-го тома Актов исторических с Дополнениями. А после экзамена, в начале мая, предстоит поездка в Петербург для более обстоятельного ознакомления с Погодинским Древлехранилищем, откуда жду хорошей добычи. Кстати, существует ли подробный инвентарь для этой части Вашего отделения?

Слух о коллективном выходе из университета 22 профессоров до меня не дошел, хотя не могу скрыть от Вас, что общее впечатление, произведенное здесь исходом так называемого Любимовского дела, таково, что слух этот — психологически верен. На беду, г. Любимов наделен некоторыми нравственными талантами, которых не хочу исчислять поименно, но которые бесспорно производят на его сослуживцев какое-то вызывающее действие. Теперь он, конечно, чувствует себя неуязвимым и — не скрывает того. Впрочем, Бог с ними, этими университетскими делами: омерзели они мне до глубины души. Жаль только одного, что в этих делах Любимовы торжествуют, а Соловьевы терпят поражение: вот об нем упорно ходит слух, будто он подал в отставку.

Еще раз мой душевный привет Вам со светлым Христовым праздником. Совершенно преданный Вам

А. Павлов

29 марта 1877 года

9

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Посылаю еще три текста. Один из них (№ 3) я решился вставить в издание по следующим соображениям: а) он бесспорно принадлежит к области памятников канонического права; б) издание преосвящ. Макария, как я убедился по сравнению с подлинником, оказалось (как и всегда у нашего почтенного иерарха) не везде правильным. Но если Вы потрудитесь прочитать мою легенду к этому памятнику, то увидите, что я тут позволяю себе поживиться на Ваш счет, именно хочу внести в свое издание несколько страниц из Никоновской летописи Вашего издания. Не знаю, простите ли Вы мне этот плагиат, но мотивы его таковы, что виновный «заслуживает снисхождения». Другого источника для полного издания столь важного памятника не имеется; оставить мне тут пробел в моем сборнике не хочется. Впрочем, оставляю дело на Ваше безапелляционное решение; умоляю только не трогать текста, напечатанного у Макария.

Сегодня как громом поражен повесткою о явке в пятницу в чрезвычайное заседание Совета для избрания ректора. Не предвижу ни одного верного кандидата, и выбор до ваката едва ли состоится. А в бумаге начальства прямо сказано: избрать немедленно. Любимов, получающий сведения «из самых надежных источников», говорят, еще за неделю каркал о предстоящих выборах.

Усерднейше прошу № 3 послать, в том или другом виде, к Александру Ильичу для передачи в типографию, ибо № 2, вероятно, на днях будет уже отпечатан.

Душевно преданный и благодарный Вам А. Павлов

25 мая 1877 года

10

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Вы хорошо знакомы с собранием рукописей, принадлежащих Ярославскому архиерейскому дому. По некоторым указаниям, находящимся, между прочим, и в Ваших докладах Академии, мне сдается, что я могу найти там кое-что и для издаваемого мною сборника памятников русского канонического права. Во всяком

случае, интересно бы знать, существует ли на месте какой-нибудь инвентарь для пользования рукописями и доступны ли они частным лицам для занятий? Если есть какая-нибудь надежда на добычу в самом содержании рукописей, то я стал бы просить Вас обратиться, к кому следует, лично или через Комиссию, с ходатайством о допущении меня к занятию ими.

Упомянутый сборник, как Вам без сомнения известно, доведен теперь почти до половины XV века: печатаются последние послания митрополита Фотия. Сверх ожидания, весь доселе приготовленный мною материал поместился на каких-нибудь 25 полулистах, которые, конечно, не могут быть выпущены в виде особого тома «Исторической библиотеки». Нужно вести сборник далее — по крайней мере до начала XVI века. Грамоты митрополита Ионы и современных ему русских иерархов займут приблизительно почти такое же количество типографских листов, как и предыдущие памятники той же категории. Замечательно, что покойный Григорович (протоиерей, издатель 1-го тома Актов исторических) довольно свободно относился к своим оригиналам. Но, по Вашему совету, я не решился указывать в своем издании всех неточностей, а иногда довольно важных ошибок и пропусков прежнего издания, сделанного нередко по тем же спискам. Не нужно ли будет сделать об этом общую оговорку в предисловии, чтобы объяснить читателям различие моего и прежнего чтения?

Н. С. Тихонравов привез мне из Питера довольно неприятное известие, что Измаил Иванович [Срезневский¹] не получил еще экземпляра моей рецензии на книгу А. Н. Попова: получили ли Вы? Чтобы не высылать назад в Питер экземпляров, назначенных для поднесения лично знакомым мне членам Академии, я просил А. Н. Тимофеева разослать их по назначению: неужели он, на кого взираю я, как на воплощенную аккуратность, доселе не исполнил моей просьбы?

В последнее время типография что-то стала работать не очень усердно над моим сборником. Оригиналу у нее довольно, но корректуры получают все реже и реже.

Наша последняя студенческая история кончилась, слава Богу, благополучно, без мер строгости. Это нужно, по всей справедливости, приписать уму и такту нашего ректора.

Искренно и глубоко уважающий Вас А. Павлов

12 апреля 1878 г.

¹ И. И. Срезневский (1812—1880) — филолог и этнограф, академик Петербургской Академии наук.

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Колеблюсь относительно принятого мною и Вами одобренного плана довести 1-й том канонических памятников до Стоглава. По соображению с количеством материала (имею в виду только русский материал, а не греческие акты у Миклошича) том этот, доведенный до Стоглава, будет состоять не менее как из 35 листов. Чтобы удостоверить Вас в этом, я пошлю Вам (когда дойду до конца XV века) полный список остающихся памятников (до Стоглава). Но предварительно хотелось бы знать Ваше мнение насчет того, помещать или не помещать в издании три последние слова Просветителя Иосифа Волоцкого — о необходимости казнить еретиков градскою казней? По содержанию слова эти бесспорно принадлежат к

памятникам русского канонического права, тем более, что собор 1504 года осудил еретиков (жидовствующих) именно по настояниям Иосифа и как бы дал санкцию его учению. Последнее подтверждается тем, что в своем (еще неизданном) послании к монахам, не повиновавшимся соборному определению, Иосиф повторяет содержание вышеуказанных своих трех слов от лица самого собора или, по крайней мере, митрополита (Симона).

Чем дальше иду со своим изданием, тем чаще встречаю примеры «своемыслия» прежних издателей по отношению к подлиннику. Я уже говорил Вам, что послание, приписанное Феодосию Ростовскому (Акты исторические Т. 1, № 64), может быть с одинаковым правом усвоено и всякому другому ростовскому владыке XV века, ибо вместо имени автора в рукописи везде стоит глухое имярек. Равным образом послание Геннадия, изданное там же под № 101, издатели адресовали митрополиту Зосиме — опять по собственному усмотрению, а не вслед за подлинником, в котором адресат не назван. Если уже вставлять непременно имя, то с большею вероятностью (почти даже наверное нужно заменить имя Зосимы именем Симона, так как в послании к сему последнему, которое помещено под № 104, Геннадий сам свидетельствует: «да и к тебе если о ФедкѢ о двоеженцѢ (дьякѢ) послал грамоту» (стр. 147, столб. 2, строк. 3-я сверху)). Грамота № 101 тоже говорит о дьяке двуеженце, имярек (которое издатели затушевали). Ввиду всех изложенных обстоятельств я решился поступить так: 1) грамоту, усвоенную Феодосию Ростовскому, издать в конце XV в. под заглавием: неизвестного ростовского архиепископа; 2) грамоту к Зосиме перевести на имя Симона. Но вот что всего более меня затрудняет и в чем не оставьте меня советом: как поступить с посланиями, изданными в Актах под № 97 и 98 и усвоенными митрополиту Геронтию? В подлиннике опять стоит роковое имярек. На самом же деле послания принадлежат исключительно митрополиту Ионе, под именем которого и изданы далее (по списку Царского) под № 261.* На беду, издатели не оговорили, что имя Геронтия выставлено прежде, над теми же посланиями, по догадке, напротив, прямо заметили: «Оба послания, писанные митрополитом Ионою к вятчанам, послужили образцом для Геронтиевых» (другими словами: обращены, в Синодальном списке, в безымянный образец и по догадке приписаны Геронтию). И я немножко сплеховал: открыл это печальное обстоятельство слишком поздно, т. е. когда дошел до посланий Геронтия; нужно было бы так или иначе раскрыть истину в легенде к посланиям Ионы (№ 73 моего издания). А раскрыть истину или, что то же, вытравить ложный факт, вкравшийся в русскую историю (церковную и гражданскую), мне кажется, необходимо. Но как и где? В предисловии или в примечании к единственному посланию Геронтия, которое войдет в мой сборник? (Акты исторические. Т. 1, № 285. II).

Преданнейший А. Павлов
На Никитской, Шереметьевский переулок, дом князя Мещерского.

* У меня под № 73.

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

По Вашему указанию перехожу за рубеж XV века с тем, чтобы идти вплоть до Стоглава. Насколько этим решением удлинится путь к предполагаемой цели и вместе увеличивается объем 1-го тома издаваемых мною памятников, об этом можно приблизительно судить по прилагаемому при сем списку русских и греческих

статей, стоящих на ближайшей очереди. Правда, число последних может быть сокращено, согласно с моим замечанием в конце, или еще более; но к русским статьям еще могут быть прибавления. По крайней мере, я не решил еще относительно некоторых (большей частью неизданных) сочинений Иосифа Волоцкого, имеющих отношение к каноническому праву (например, посланий об эпитимиях, пострижений рабов, против Серапиона Новгородского и др.). По счастью, мне удалось найти здесь (в Архиве Министерства иностранных дел) превосходный список послания Иосифова к инокам, не признававшим соборного определения (1504 г.) о казни еретиков. Содержание этой статьи — то же, что и трех последних слов «Просветителя», но они гораздо их короче, а главное — редактировано как бы от лица всего собора; поэтому оно с большим удобством и правом может получить место в ряду с другими каноническими памятниками, а слова «Просветителя» пусть там и остаются.

На днях мне очень посчастливилось в поисках по рукописям Чудова монастыря: нашел совершенно неизвестное поучение митрополита Зосимы с изложением соборного приговора 1490 г. о жидовствующих. К сожалению, статья эта не имеет конца. Там же нашел весьма замечательный список чтимых и отреченных книг. Обращаю еще Ваше внимание на статью № 113: Геннадий оправдывается здесь от нареkania в том, что получил святительский сан за деньги. Найдена эта статья в бумагах (собственноручных) Ундольского, который замечает, что она взята из «Сборника Погодинского № 668, л. 158». Я справлялся в рукописи, носящей теперь этот №, и не нашел искомого послания. Впоследствии я узнал, что нумерация Погодинского собрания несколько раз изменялась и что некоторые рукописи «улетучились» еще до поступления собрания в Публичную библиотеку. Однако же хочется верить лучшему, т. е. предполагать, что сборник, бывший в руках у Ундольского, находится на своем месте, но не попал ко мне в руки потому, что стоит под другим №. Приметы его, по Ундольскому, — in 4to, на 313 листах. Кроме Геннадиева послания, которое приготовлено мною к изданию по копии покойного библиографа, в том же сборнике находится еще чрезвычайно важная для меня, но, к сожалению, не описанная Ундольским статья: «Настольная грамота митрополита Феодосия протосингеллу Иосифу, митрополиту Кесарии Филиппов, лета 6972, апреля 2 дня» (л. 136 об.). Не можете ли Вы, высокопочитаемый Афанасий Федорович, сделать розыск в Погодинском Древлехранилище по указанным признакам? Может быть, и найдется! В таком случае, упомянутая ставленая грамота могла бы быть напечатана в «Дополнениях», без которых не обойдешься. А важна она в том отношении, что по ней можно было бы судить, как тогда относилась к русской церкви греческая, формально не признававшая автокефальности «своей дщери» до самого учреждения у нас патриаршества. На этот вопрос наткнулся уже Максим Грек, но, как Вам известно, жестоко накололся.

Искренно преданный Вам А. Павлов

20 ноября 1878 г.

К изданию в 1-м томе «Памятников русского канонического права»:

№ 101. 1467 г. Послание митрополита Филиппа в Новгород (Акты исторические. Т. 1, № 82).

102. 1471 г. Его же в Сергиев монастырь (Акты исторические Т. 1, № 278).

103. 1471 г. Его же в Новгород (ib. № 281).

104. 1471 г. Его же в Псков (ib. № 283).

105. 1473 г. Филофея, епископа пермского ставленая грамота священнику (не издана).

106. Повольная грамота Феодосия Рязанского (не издана).

107. 1476—1481 гг. Грамота Вассиана Ростовского в Кириллов монастырь (Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 209).
108. 1477 г. Феофила новгородского в Псков (Акты исторические. Т. 1, № 284).
109. Повольная Вассиана Тверского (не издана).
110. Отреченная Феофила Новгородского (Акты Экспедиции. Т. 1, № 378 — 1497 г.). До сих пор набрано.
111. 1480 г. Повольная Вассиана Ростовского (не издана).
112. Отреченные грамоты 1484 г.: 1) новгородского архиепископа Сергия (не издана) и 2) суздальского епископа Феодора (Акты исторические. Т. 1, № 94).
- Примечание: Повольные и отреченные грамоты издаются только такие, которые имели типическое значение, т. е. служили образцами для позднейших. Все вышеприведенные акты того и другого рода потому приняты в издание, что каждый из них представляет особую типичную форму; те же, которые подходят под ту или другую из этих форм, указаны только в легендах и, где нужно, в примечаниях.
- № 113. Послание Геннадия Новгородского к волоцкому князю Борису Васильевичу 1485 г. (не издана).
114. 1488. Грамоты великого князя Ивана Васильевича и митрополита Геронтия Геннадия Новгородскому о еретиках (Акты исторические. Т. 1, № 285).
115. 1490. Геннадия Новгородского: I) митрополиту Зосиме (Акты Экспедиции. Т. 1, № 380) и II) собору 1490 г. (издана не вполне).
116. Поучение Зосимы митрополита против еретиков (не издано).
117. Определение собора 1492 г. о Пасхалии на 8-ю тысячу лет (не издано).
118. Грамота Геннадия Новгородского о том же (издана в Приложении к VI тому Истории русской церкви Макария).
119. 1495. Его же повольная (Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 19). Памятники неизвестного времени, но не позднее XV века, именно:
- № 120. Поучение N митрополита ко князем и всем православным христианам (из Кормчих русской редакции. Не издано).
121. Священнические вопросы вроде Кириковых (не изданы).
122. Чин избрания и поставления в священники и диаконы (не изданы).
123. Свидетельство духовника о ставленнике (не издано).
124. Окружное послание N ростовского архиепископа о съезде духовенства на Белоозеро на собор, изданное в 1 томе Актов исторических под № 64, с именем Феодосия.
125. Послание ростовского архиепископа N к князю N о бранобритии (не издано).
126. Два святительские поучения (вероятно, Геннадия Новгородского) — не изданы.
127. Послание митрополита N к прихожанам церкви N о повиновении своему отцу духовному (не издано).
128. Послание митрополита N к князьям, не повинующимся своей матери (издано с именем Ионы в Дополнениях к Актам историческим. Т. 1, № 11).
129. Уставная митрополичья грамота о монастырском общении (Акты Экспедиции. Т. 1, № 381. I).
130. Наказная митрополичья грамота о повиновении братии игумену и пр. (ib. II).
131. Послание митрополита N к архимандриту монастыря N с выговором за излишнюю строгость к младшей братии (не издано).
132. Списки книг чтимых и отреченных (из рукописи XV века).
133. Формы благословенных и ставленных грамот (духовнику, протопопу, священнику, протодьякону, дьякону). Ср. примеч. после № 112.
134. 1501 г. Послание Симона митрополита в Пермь (Акты исторические. Т. 1, № 112).

135. 1502—1503. Геннадия Новгородского к митрополиту Симону о причетнике двоеженце (издано в Актах исторических. Т. 1, № 101, под 1490—94 г., и адресовано Зосиме).

136. 1503—1504. Определения московского собора: а) о поставлении на мздб (Акты Экспедиции. Т. 1, № 382); б) о вдовых попах (ib. № 383) и в) о церковных имуществах (издано в «Секуляризации церковных вотчин» Павлова).

137. Геннадия митрополиту Симону о ставленниках и училищах 1504 г. (издано в Актах исторических. Т. 1, № 104 — под 1496—1504 гг.).

138. «Написание ростовского попа Скрипицы» против соборного определения о вдовых попах (издано в «Четьях»).

139. 1505 г. Послание игумена Памфила (Дополнения к Актам историческим. № 22).

140. Послание Иосифа Волоцкого к монахам, не признававшим правильность соборного определения 1504 г. о казни еретиков (изложено у Хрущова в сочинении об Иосифе, стр. 194—197). Взамен предположенных к изданию трех последних слов «Просветителя». Содержание то же.

141. 1506 г. Настольная грамота игумену Кирилловского монастыря (Акты юридические. № 381).

142. 1507 г. Грамота митрополита Симона Нифонту, епископу суздальскому, с разрешением рукоположить ставленника в митрополию (не издано).

143. Послание Иосифа Волоцкого к митрополиту Симону с жалобой на Серапиона Новгородского, запретившего ему священнослужение (Памятники старинной русской литературы. Т. 4, стр. 208).

144. Разрешительная грамота Симона Иосифу (изложена у Хрущова, стр. 214—215).

145. Послание Серапиона Новгородского Симону митрополиту оправдательное по делу Иосифа (Памятники старинной русской литературы. 4. стр. 210).

146. Вторая разрешительная грамота Иосифу (Акты исторические. Т. 1, № 290).

147. Определения Виленского собора 1509 г.

148. Иосифа Волоцкого послание к великому князю Василию Ивановичу о еретиках 1510—1511 гг. (изложено у Хрущова, стр. 242).

149. 1522—1529. Послание и поучения митрополита Даниила:

I. в Волосов монастырь (изложено в VII т. Истории Русской церкви Макария, стр. 363—364).

II. Два послания к какому-то епископу (там же, стр. 365—367).

III. Послание к иноку о монастырских уставах (ib., стр. 370—372).

IV. Поучение против развода (ib. 353—354).

V. Отрывок из поучения о том же (стр. 355).

VI. Поучение о втором браке (ib., стр. 357—359).

VIII. Послание к дмитровскому князю Юрию Ивановичу (стр. 388—389).

Предполагается издать все эти статьи под одним №, так как ни одна из них не может быть приурочена к определенному году.

№ 150. 1526—30. Уставная грамота новгородского архиепископа Макария Духовскому монастырю (Акты исторические. Т. 1, № 292).

151. Его же послание в великому князю Василию Ивановичу об учреждении общежития в новгородских монастырях (Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 25).

152. 1534 г. Ставленная грамота священнику Кирилловского монастыря (Акты юридические. № 385).

153. Макария Новгородского послание в Вотскую пятину (Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 28).

154. Чин поставления митрополита Иосифа в 1539 г. (Акты Экспедиции. Т. 1. 184).

155. Отреченная грамота митрополита Даниила (ib. № 185).
 156. Грамота великого князя Ивана Васильевича о назначении архимандрита в Переяславский Троицкий монастырь (ib. № 186).
 157. Феодосия Новгородского в Корелу (Дополнения к Актам историческим. № 32).
 158. Его же повольная (ib. № 34).
 159. Его же в Псковский Печерский монастырь (ib. № 35).
 160. 1545 г. Его же в Устюжну Железнопольскую (Акты исторические. Т. 1, № 298).
 161. 1547. Митрополита Макария о праздновании новым русским Святым (Акты Экспедиции. Т. 1, № 213).
 162. Феодосия Новгородского послание в Вотскую пятину 1548 г. (Дополнения к Актам историческим. Т. 1, № 43).

Отделение II

Греческие акты, предполагаемые к изданию, вместе с русским переводом, из Миклошича и Миллера.

- № 1. Грамота императора Иоанна Кантакузина о соединении русской митрополии (t. 1, p. 261).
 2. Его же о том же (ib. p. 263).
 3. Его же галицкому князю о том же (p. 265).
 4. Соборная о том же (p. 267).
 5. Патриаршая, вызывающая галицкого митрополита на суд (p. 271).
 Примечание. Все могут быть соединены под одним № в видах экономии места.
 6. Послание патриарха к русскому митрополиту о примирении с тверским князем (ib. p. 320).
 7. Ставленная грамота Алексея митрополита (p. 336).
 8. Патриаршая грамота новгородскому епископу о повиновении митрополиту (p. 347).
 9. Грамота тому же об отлучении некоего Феодорита, искавшего поставления в митрополиты (ib. p. 350).
 10. Соборное поставление о перенесении кафедры русского митрополита во Владимир (ib. p. 351).
 11. Соборное поставление о распрях между киевским и литовским митрополитом (ib. p. 425).
 12. Патриаршая грамота литовскому митрополиту (p. 434).
 13. Патриаршая грамота Димитрию Донскому (p. 516).
 14. К русскому митрополиту (p. 518).
 15. К русским князьям (p. 520).
 16. К новгородскому епископу (p. 522).
 17. Патриаршая отлучительная против русских князей (ib. p. 523).
 18. Против смоленского князя (p. 524).
 19. О подчинении литовских епархий киевскому митрополиту (p. 525).
 20. Синодальная грамота Антонию, епископу галицкому (p. 578).
 21. [зачеркнуто]
 22. Патриаршая грамота к русскому митрополиту о галицкой митрополии (p. 582).
 23. Патриарх вызывает русского митрополита на суд (p. 585).
 24. Грамота патриаршеская к Михаилу Тверскому (ib. p. 586).
 25. К тому же (p. 590).
 26. Соборная грамота о митрополите Пимене (t. 2, p. 12).
 27. Патриаршая грамота в Новгород о стригольниках (ib. p. 31).
 28. Митрополит Киприан призывается на суд (ib. p. 98).

29. Соборная грамота о низложении Пимена и пр. (ib. p. 116).
  30. Патриарх присуждает Дионисию Суздальскому Городец (p. 137).
  31. Патриаршая грамота по делам русской церкви (p. 157).
  32. Патриарх разрешает митрополиту вифлеемскому совершать pontificalia в русской церкви (p. 171).
  33. Патриаршая грамота в Новгород о подчинении митрополиту (p. 181).
  34. Патриаршее поучение московскому князю Василию Дмитриевичу (p. 188).
  35. Патриаршая грамота о луцком епископе (t. 2, p. 180).
  36. Инструкция патриаршим послам в Россию (p. 194).
  37. Патриаршая отлучительная грамота в Новгород (p. 177).
  38. Патриаршая к суздальскому архиепископу (p. 192).
  39. Инструкция послам в Россию (p. 278).
  40. Грамота патриарша к русскому митрополиту о войне против неверных (p. 282).
- Примечание. Исключены только две грамоты, относящиеся к России: 1) о канонизации митрополита (Петра) — t. 1, p. 191 и 2) просительная о милостыни — t. 2, p. 359. Не исключить ли еще № (по моему списку) 6, 23, 24, 25 и 28?

13

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Пользуясь выраженной Вами в последнем письме готовностью проверить по подлиннику послание Геннадия Новгородского, издаваемое мною (№ 113) по копии Ундольского, посылаю при сем корректуру этого памятника, с дополненной, согласно Вашему указанию, легендой. Дополнение мотивировано (tacite) желанием оказать помощь другим, кто будет пользоваться бумагами Ундольского.

До сих пор ничего не могу решить относительно хронологического термина, до которого можно будет довести русскую часть издаваемых мною памятников. Посмотрю, сколько выйдет листов, когда дойду до конца XV века. Но, кажется, и теперь можно сказать наверное, что тут нужно будет остановиться с русскими статьями и приниматься за греческие. При этом покорнейше прошу Вас наставить меня по одному вопросу о самой внешности издания. Так как греческие акты будут стоять подряд, вне хронологической связи с русскими, то, мне кажется, необходимо начать с них новую нумерацию и, кроме того, проложить между ними и русскими белую осьмушку с оглавлением: Отделение II. Акты константинопольского патриарха по делам русской церкви, известные только в греческом подлиннике. Само собою понятно, что соответственное оглавление нужно будет приделывать и к русским памятникам.

Жду с величайшим нетерпением и даже с некоторым страхом Вашего описания рукописей Погодинского Древлехранилища: наверное откроются пропуски в моем сборнике! А какие там могут скрываться сокровища, об этом отчасти свидетельствуют две статьи, до которых я добрался, благодаря только случайным выпискам и заметкам Ундольского (говорю о послании Геннадия и ставленной грамоте митрополита Феодосия греческому архиерею, за сообщение которой приношу Вам искреннюю и глубокую благодарность). Впрочем, кое-что успел я выудить и из отпечатанных листов Вашего Описания.

С подлинным почтением и полною преданностью остаюсь

Вашим усерднейшим слугою

А. Павлов

7 декабря 1878 г.

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Жалуюсь Вам на академическую типографию. Еще в сентябре прошлого года послал туда конец оригинала издаваемого мною сборника памятников русского канонического права. Месяца четыре тому назад препровожден туда же и указатель к русским памятникам. И поверите ли? За все это время не напечатано трех листов! То разные юбилейные издания, то другие неведомые или непонятные мне препятствия останавливали ход типографских работ по моему изданию на целые месяцы. Много мы переписывались и лично переговаривали об этом с Александром Ильичем, но дело все идет по-прежнему: за весь великий пост я имею только одну корректуру. Употребите, Бога ради, во всей силе Ваше влияние на типографию и заставьте ее покончить с моим сборником непременно к началу июня. Я сам ничего не могу поделать. Вакат думаю провести где-нибудь подальше от Москвы и без всяких ученых работ, от которых измучился до крайности. А нужно собраться с силами для новой работы, на которую пригласил меня наш Владыка — Митрополит: говорю о продолжении описания рукописей Синодальной библиотеки. По этому делу осмеливаюсь обратиться к Вам с другою просьбою. У меня нет востокского «Словаря», без которого нельзя обойтись при подобной работе. Здешние букинисты просят за него страшную цену — от 10 до 12 руб. Между тем в подвалах академической типографии, вероятно, мирно гниют сотни экземпляров. Нельзя ли извлечь оттуда один для будущего описания синодальных рукописей?

Еще вопрос. На близкой очереди описания стоят знаменитые синодальные Кормчие. Достойное описание их требовало бы тщательного сравнения их с Вашею Рязанской Кормчей. Но есть ли возможность, через посредство синодальной канторы, ходатайствовать о высылке в Москву, т. е. в ту же кантору? Я слышал (от [А. Е.] Викторова), что рукописи Публичной библиотеки, при соблюдении известных формальностей, могут быть высылаемы разным учреждениям. Если это так, то я непременно обратился бы в кантору с просьбою вступить с Вами в сношения.

Москва приличным образом отдала, в лице своего ученого люда, последний долг незабвенному Измаилу Ивановичу. В понедельник, если позволит состояние здоровья (уже другой месяц страдаю лихорадкой), буду поминать его в Археологическом обществе.

Библиотека [О. М.] Бодянского¹ куплена букинистами за 7000. Я купил из нее (за 50 коп.) известное московское издание Житие Климента Болгарского. А за Словарь Востокова просят 10 р.!

С неизменною преданностью и высоким уважением пребываю
Вашим усердным слугой

А. Павлов

3 апреля 1880

Большая Молчановка, дом Головина.

¹ О. М. Бодянский (1808—1877) — русский и украинский филолог-славист.

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Вместе с этим письмом посылаю на Ваше «*approbatur*» корректуру предисловия к VI-му тому «Исторической библиотеки». Согласно Вашему желанию, оно

редактировано так коротко, что, пожалуй, Вы останетесь и недовольны моим редакторским лаконизмом. Впрочем, шириться было некуда: книга и без того раздослась до 43 листов. Цензуре Вашей ближайшим образом подлежит конец предисловия, где идет речь о моей авторской и редакторской деятельности. Не имея чести быть членом Комиссии, я не решаюсь напечатать эту частицу своих «Prolegomena» без Вашего предварительного просмотра, хотя она редактирована с крайней осторожностью и с соблюдением должного равновесия между авторитетом Комиссии и тем, что считал редактор своим бесспорным правом сказать о себе и своим нравственным долгом — о других. Теперь, окончивши труд, возложенный на меня Комиссией, могу применить к себе евангельские слова: «жена, егда рождает, ... и болеет; но егда родит, забывает боль от радости, занеже явился человек в мир». И мне мил VI том «Исторической библиотеки», как родное детище; я люблю теперь и переводом греческих актов, за который, как Вам известно, взялся с большою неохотой и только по Вашему личному настоянию. Еще более противно было душе моей заниматься составлением указателей, которые назойливо вымогал у меня Александр Ильич. То и другое первоначально не входило в программу моей редакторской деятельности и повело к неожиданному утолщению тома, так что я нашел себя вынужденным прибегнуть для напечатания сих частей к спасительному петиту. Но для меня лично петит этот был вовсе не спасителен, и я с полной верой в Ваше благожелательное участие к моему труду и ко мне лично обращаюсь к Вам с усерднейшей просьбой, не найдете ли Вы возможным ходатайствовать перед Комиссией о возвышении мне гонорара за греческие акты и указатели до размера, установленного за подобные труды для членов Комиссии.

Истекающий високосный год был для меня весьма тяжек. Благодаря сырой квартире, я получил злейший ревматизм, от которого то и дело страдал весной и летом. Вот эти-то немощи и не позволяли мне собраться с силами, чтобы ответить на Ваше письмо, в котором Вы, между прочим, спрашивали меня: не помешает ли мне работа по описанию синодальных рукописей проводить дальнейшее издание канонических памятников? И тогда и теперь не могу отвечать на этот вопрос с полной уверенностью: да. Нужно прибавить: «аще Господь восхочет... будем». Нечего и говорить, что душа моя больше лежит к канонике, чем к библиографии, и, уступая этой личной симпатии, я решился выпустить VI-й том «Исторической библиотеки» с двойным титулом, т. е. с прибавлением настоящего: «Памятники русского канонического права книга I». На половину 2-й книги у меня уже приготовлен материал. Дело стоит только за Стоглавом, так как не могу остановиться на списке, который следовало бы взять за основной.

Усерднейше благодарю Вас за 2-й выпуск Вашего Описания рукописей и за Словарь Востокова.

Душевно преданный Вам А. Павлов

11 сентября 1880 г.

P. S. Надеюсь, что Комиссия не откажет мне в нескольких (например, в 15) экземплярах «Памятников». Квартирую на Новинском бульваре, в доме Камынина.

Высокопочитаемый Афанасий Феодорович!

Комиссия, без сомнения, по Вашему ходатайству так щедро вознаградила меня, что гонорар, третьего дня полученный мною от Александра Ильича, превзошел самые смелые мои ожидания. Примите мою искреннюю и глубочайшую

признательность за Ваше теплое и неизменно благовольтельное участие к моему труду и моей личности.

Сейчас я получил письмо от моего петербургского коллеги — М. И. Горчакова. Он уведомляет меня, что в Академии почти решено поручить мне написать отчет о его новой книге («О тайне супружества»), которую он представил на соискание Уваровской премии. Едва ли я не буду просить Вас «иметь мя отреченна». Вам известно, какое на моих плечах лежит теперь дело. Моя рецензия вышла бы не меньше разбираемой книги (я и сам давно работал над тем же предметом), а между тем труд автора и рецензента, по уставу о премиях, вознаграждается слишком неравномерно. Кроме того, хотя я и нахожу, что труд моего коллеги заслуживает малой премии, но боюсь, чтобы «не задушить его в своих объятьях»: книга имеет много, очень много крупных недостатков.* Вот если бы возможно было и мне представить свой труд не только в качестве рецензии на сочинение о. Горчакова, но и как самостоятельный — на ту же тему, тогда отчего бы не уделить на это дело месяца два (minimum) во время ваката; благо, — черновая работа вся уже налицо.** В противном случае мне гораздо легче и выгоднее написать рецензию в каком-нибудь журнале. По-видимому, и автор не будет в претензии, если меня устроят от дела: «знает кошка, чье мясо съела». Но я-то во всяком случае не устроюсь, т. е. напечатая разбор, где бы то ни было. Академия мне, судя по письму Михаила Ивановича, может найти и других критиков, именно — пресовящ. Алексея, [К. П.] Победоносцева и [Н. В.] Калачова.

Все выше изложенные обстоятельства, как мне кажется, могут послужить Вам указателем того направления, в каком должен быть решен вопрос о рецензенте книги о. Горчакова. Во всяком случае я счел своим нравственным долгом высказать Вам с полной откровенностью свой личный взгляд на дело и свое отношение к нему.

Наши естествоиспытатели все сильно возмущены забаллотировкой Менделеева. Но в этом деле я не судья: «моя изба с краю, ничего не знаю». Иное дело вопрос: могу ли я выступить (например, в Журнале Министерства народного просвещения) рецензентом своего собственного издания? Мне кажется, что указать значение этого издания не предосудительно и самому редактору — тем более, что официальное предисловие слишком уж коротко. Ваше мнение будет служить для меня судом, не допускающим апелляций.

Душевно преданный Вам А. Павлов

Говорят, наследники Измаила Ивановича продают его сочинения. Тут бы узнать адрес их?

Мой адрес: Новинский Бульвар, дом Камыниной.
21 ноября 1880 г.

* Уже сам автор, получив экземпляр моего издания, заметил некоторые свои промахи.

** Тогда вышло бы так, что Академия разделила премию (большую) между двумя авторами.

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Вот святки просидел я над книгою Горчакова и все еще не кончил разбора. Мудреная книга — и по приемам исследования, и по своеобразной логике автора. Лучше бы ему не браться за предмет, действительно весьма важный во всех отношениях, или, взявшись, не торопиться в его разработке. Да боялся, сердечный, как бы я не предупредил его! Отсюда эти суетливые поиски по иностранным библиотекам, доставившие и Вам немало напрасных хлопот. Говорю: напрасных — в том смысле,

что почти все, чего он искал, было, так сказать, под носом: частью у Вас в Публичной библиотеке, частью у нас в Москве. У Вас он нашел бы, во-первых, полный и превосходный греческий список статьи, начинающейся словами: 'Ο Ῥαδίνος Πατρῆς, мелкие отрывки которой ему «посчастливилось» (стр. 178) найти в венской рукописи. Я говорю о греческой рукописи Публичной библиотеки № СХХIII (по французскому каталогу), где упомянутая статья находится на л. 249, под заглавием: Διαφασίς ἀκριβῆς κτλ. (Впрочем, усерднейше прошу Вас, на всякий случай, проверить мое показание и известить меня о результатах справки.) Во-вторых, у Вас имеется в Погодинском Древлехранилище небольшой «номоканунец» (сербский) № 243, где содержится перевод Марафары (Скофдилий — там), за которым тоже немало было погони по разным «европейским» библиотекам. А греческий подлинник давным-давно имеется в моих портфелях: и он взят не в «Европе», а у нас — в Москве. Данные науки, как грибы, нужно искать умеючи. Иначе — «будешь видеть под лосом, но не видеть под носом». Приготовляя теперь свои старые (но не заплесневелые) грибы на выставку, я увидел, что сделал значительные пробелы в выписках из вышеупомянутого Погодинского номоканунца. Будет ли успех, если я стану через университет ходатайствовать о высылке его в Москву, примерно — недели на две? Рукопись эта, в других отношениях, весьма незначительна (по-моему, она конца XVII в.), и едва ли кто спросит ее во время отлучки в белокаменную. Разве не станет ли задним числом заниматься ею о. Горчаков, которому я глухо написал о ней? В таком случае — подождет. Festina lente, учит нас пример питерского коллегги.

Еще небольшая просьба. В Погодинском Древлехранилище находится сербский список Синтагмы Властаря, написанной в 1451 г. Драгомиром Грамматиком. Как на грех, я забыл заметить ее номер, так что теперь лишен возможности цитировать эту рукопись. Вероятно, в каталоге она значится с годом написания.

Теперь покаюсь Вам в некоем «злом умысле» против Публичной библиотеки: имею сильное подозрение, что она владеет двумя греческими каноническими рукописями, когда-то принадлежавшими московской Патриаршей библиотеке. Разумею вышеупомянутую рукопись № СХХIII (Кормчая с толкованиями Зонары) и № LХVI (Номоканон без толкований, а с краткими схолиями на полях). Мои подозрения основываются на следующих данных. Сохранились листы подробного (неконченного) Матеевского описания греческих рукописей здешней синодальной библиотеки. Здесь, между прочим, довольно обстоятельно описаны и вышеупомянутые две рукописи, теперь не существующие в библиотеках. Это описание так близко подходит к Вашим рукописям, что невольно рождается подозрение в их тождестве с бывшими синодальными: содержание и порядок статей — те же самые, только пагинация не сходится. Но Вы очень хорошо знаете, что перемена старой пометы листов есть обычное и почти единственное средство для скрытия места, откуда рукопись попала в руки торгашей-букинистов, снабжающих все библиотеки своим подспудным товаром. Так, по-видимому, приобретены Вашей библиотекой означенные две рукописи. Я хочу напечатать Матеевское описание — с тем, чтобы Вы проверили мои подозрения, которые, конечно, неудобно высказывать в печати. Впрочем: «что с возу упало, то пропало». Публичная библиотека, конечно, ни в каком случае не поступится своим добром, которым владеет bona fide и уже, может быть, около полустолетия.

Завтра у нас акт. Боимся скандала, который, по-видимому, неминуем. Дай Бог, чтобы пессимисты были неправы.

Ваш усерднейший слуга А. Павлов

11 января 1881

(Новинский бульвар, дом Камыниной).

P. S. Как манны небесной жду 3-го выпуска Вашего Описания. Первые два сослужили мне не одну великую службу.

18

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

А. Е. Викторов сообщил мне приятное известие о приобретении Публичной библиотекой пергаменного греческого Номоканона XI или XII века. Как бы мне хотелось поближе ознакомиться с этой рукописью! Не найдете ли Вы возможным сделать так, чтобы она, по примеру Погодинского сербского Номоканона, прокатилась на некоторое время в Москву? Это было бы полезно и для нее самой. Она получила бы здесь самое тщательное описание, с которым бы и возвратилась опять в свое обиталище. Если это возможно, то уведомите меня, как начать дело, т. е. входить ли опять с прошением к ректору, чтобы он ходатайствовал о высылке рукописи в университет, или как иначе?

В «Христианском чтении» набирается первая глава моего исследования о 50-й главе Кормчей (по поводу или, паче речут, против книги Горчакова). Должно быть, статья кое-кому очень не понравится. Хочу преследовать своего коллегу на всех его путях: 1) он представлял свою книгу в Киевскую Духовную академию на докторскую степень, и я представлю туда же и с той же целью (на самом деле я этого не сделаю, но хочу пошкольничать, именно — отправить экземпляр к киевскому ректору с запросом: не найдет ли Совет Академии возможным и меня допустить к диспуту, так как я имею докторский диплом не из Духовной академии, а от университета); 2) он в Академию наук за премией, и я туда же. Так и буду преследовать его, как «Горе-Злосчастье», пока не загоню его «в иноческий чин», куда он, по-видимому, и сам стремится. Но я «останусь у ворот Св. обители».

Пожалейте свою Академию и ее типографию: не поручайте о. Горчакову писать рецензии на книги, представляемые на премии. Это — питерский Амфилохий, с той только разницей, что московский умеет, по крайней мере, читать рукописи, а Ваш и в этом слаб.

Впрочем, пора перестать злословить. А то Вы не пошлете мне Номоканона.

Глубоко уважающий и искренно преданный Вам А. Павлов

28 января 1882 г.

Новинский бульвар, дом Камынина

19

Высокопочитаемый Афанасий Федорович!

От всей души поздравляю Вас с назначением на пост, который в глазах всего ученого русского мира уже давно принадлежал Вам *de facto*. Это поздравление я хотел было принести Вам в «соборном послании» от лица Преосвящ. Алексия и моего, но досточтимый мой коллега по науке, занятый архиерейским служением, не свободным от своего рода суеты, до сих пор все еще не нашел времени для составления упомянутого послания. Поэтому я решился учинить «раскол» тем более, что представился к тому и другой настоятельный повод — получение от Вас «Библиологического словаря» Строева, за который приношу Вам вседушвенную благодарность. Статьи, осмеливаюсь пожаловаться Вам на канцелярию Академии: она слишком неаккуратно высылает мне издания II-го Отделения. Уваровских отчетов я не получаю с XIX, в котором напечатан мой разбор книги покойного А. Н. Попова, а последний том «Записок», высланный мне в прошлом году, есть XXXVIII (кн. 1). Между тем немецкие *Bulletin*'и высылаются весьма аккуратно.

Неужели и тут сказывается разница национального характера? Мне особенно хотелось бы получить отчет об «Истории» Голубинского.

Преосвящ. Алексей на днях заявил мне, что он формально отказался от разбора книги Горчакова. Злополучная книга во всех отношениях! Судьба ее отчасти отразилась и на моей работе о том же предмете, начало которой напечатано в «Христианском чтении», до получения моей корректуры, чрезвычайно небрежно. Ошибки исправлены (и то не все) только в отдельных оттисках. Если Вы пробегали мою статью, то могли убедиться, что моя критика вовсе не «беспощадна». Дальнейшие главы будут немножко построже. Они появятся уже после того, как автор увенчан будет премией.

На этой неделе собираюсь на дачу. Если Иван Афанасьевич¹ не оставил своего намерения приехать в Москву для подробного ознакомления с выставкой, то моя квартира с 5-го июня (когда переедут на дачу учащиеся дети) — к его услугам. Она очень недалеко от выставки. Только я не оставляю в ней прислуги.* Сообщаю ему, на всякий случай, свой дачный адрес: по Курской железной дороге, станция Бутово, для передачи в село Воскресенское.

Искренно и глубоко преданный Вам А. Павлов

11 мая 1882 года

¹ И. А. Бычков (1855—1944), член-корр. АН, сын академика А. Ф. Бычкова.

* Но это можно будет как-нибудь устроить. Молодому человеку потребуется, конечно, не очень сложное служение.

20

Высокопочитаемый Афанасий Федорович!

Мне удалось открыть в одной греческой рукописи Патриаршей библиотеки чрезвычайно любопытный отрывок юридического текста, которого не нахожу ни в Базиликах, ни в *Jus Graeco-Romanum* Цахария. Ученые немцы протрубили бы о таком открытии на весь свет, но у нас эти дела делаются не так легко. Наплачешься, пока найдешь типографию, которая бы могла сделать правильное опрyantное издание греческого текста. «Все упование мое возлагаю» на Вашу академическую типографию, и при том — на ту часть ее, которая работает на иноязычное отделение Академии, так как хотелось бы предисловие к тексту составить и напечатать на немецком языке. Могу ли я, в качестве члена-корреспондента Академии по русскому отделению, надеяться, что меня пустят в иноязычное отделение, хотя бы с немецким текстом? Но предварительно нужно было бы снести по этому делу с Цахарией, с которым я знаком заочно, но адреса которого теперь не помню. Будьте добры, высокопочитаемый Афанасий Федорович, сообщите мне его адрес. Мнение творца истории греко-римского права об открытом мною тексте послужило бы мне поощрением и подспорьем в работе.

Долго я колебался насчет того, как редактировать вторую главу моего разбора книги о Горчакова. Были минуты, когда я готов был вовсе бросить эту главу, т. е. пройти молчалием почти $\frac{2}{3}$ сочинения моего плодovitого коллеги. Но теперь — *alea jacta est* и мосты к отступлению сожжены. Каждая вещь в книге названа ее собственным именем. Если [И. С.] Бердников увенчает автора премией, то и я буду искать таковой же мне; а если забракует, то и мне заградит путь к премии.

Прошлым летом гостил у меня брат — красноярский протоиерей, человек довольно состоятельный. Он сильно заинтересовал меня рассказами о разных памятниках древнерусской письменности, какие будто бы можно найти в сибирских

консисториях и у частных лиц, в особенности у купцов и золотоприискателей — раскольников. Думаю нынешним летом съездить туда, благо о. протоиерей берет на себя половину путевых издержек. Во всяком случае путешествие в родную Сибирь, надеюсь, подействует на меня освежительно.

В газетах было известие о Высочайшем повелении на тот предмет, чтобы Министерства, по случаю предстоящей коронации, в представлениях к наградам по своим ведомствам не стеснялись ни сроком, ни нормальным числом наград. Между тем наш попечитель не нашел возможным представить ни одного из служащих в университете, кто получил последнюю награду в январе 1881 года: пусть, дескать, дожидаются срока. Не думаю, чтобы это было согласно с мыслью высшего начальства, если только, действительно, состоялось вышеупомянутое Высочайшее повеление.

Ваш усерднейший и преданнейший слуга А. Павлов

11 апреля 1882 года

Новинский бульвар, дом Камыниных.

21

Высокопочитаемый Афанасий Федорович!

Сегодня я отправил Александру Ильичу, для доклада Комиссии, смету расходов на печатание 2-й части «Памятников русского канонического права», составленную здешней синодальной типографией, с приложением образца набора, шрифта и бумаги, снятого с 1-й части. Типография просит дороговью — по 27 руб. за лист, не считая бумаги, но я предпочитал бы иметь дело именно с этой, а не другой типографией, хотя бы для того нужно было поплатиться некоторой частью редакторского гонорара, в случае если Комиссия найдет вышеуказанную цифру типографии слишком высокой. А если бы Александр Ильич в ближайшую свою поездку в Москву принял на себя труд лично переговорить с типографией, то, мне кажется, он мог бы добиться некоторой сбавки с ее счета.

2-я часть «Памятников» будет состоять, приблизительно, из 45 печатных листов. В состав ее, как известно, должны войти памятники XVI века. Но тут является кляузный вопрос относительно одного чрезвычайно важного памятника, похищенного у меня г. Гильдебрандтом¹ и помещенного им в числе памятников западнорусской полемики против латинства. Я говорю об определениях вселенского собора 1509 года, напечатанных в начале IV-го тома Русской исторической библиотеки. Помещение сюда этого памятника мой почтенный коллега оправдывал доводами, основанными, как мне кажется, на слишком уж широком понятии о том, что принято называть полемикой. Думаю, что эти доводы не лишают меня права на памятник, бесспорно канонический. Отказаться от него значило бы лишать мой сборник одного из самых ценных и неотъемлемых его достоинств. При том же я не думаю, чтобы перепечатка г. Гильдебрандта не давала места другому, более критическому изданию. Во всяком случае цель моего сборника — быть, так сказать, мостом от древней России к новой в области церковного права — требовать, чтобы он отличался, по возможности, такой же полнотой, как и его младший брат — сборник источников церковного права синодального периода.

Есть несколько и других вопросов относительно состава и содержания 2-й части моих «Памятников», но об этом после, когда я представлю Вам полный список всех статей этой части. Если мне доведется иметь дело с синодальной типографией, то часть эта была бы напечатана не больше, как в полтора года. Усерднейше

прошу Вас походатайствовать в Комиссии о возможно скорейшем ответе в типографию, если, конечно, ее условия будут приняты.

Искренно Вам преданный А. Павлов

20 октября 1883 года

¹ Г. К. Гильдебрандт (1843—1890), историк, по поручению Археографической комиссии в 1868—1870 гг. использовал балтийские архивы.

22

Высокопочитаемый Афанасий Федорович!

Сегодня в Московских ведомостях напечатана телеграмма из Петербурга, подтверждающая давно ходивший у нас слух, что профессор Казанского университета Флоринский, предназначавшийся в ректоры сибирского университета, получает высшее назначение — делается попечителем сибирского учебного округа. Кто же будет ректором? Как сибиряк, и именно томич родом, я живейшим образом заинтересован судьбой возникающего в родном краю университета и был бы готов перейти туда на службу, если бы Высшее Начальство признало меня способным и достойным занять первоначальную кандидатуру г. [Т. Д.] Флоринского. Правда, я до сих пор не занимал в университетах административных должностей, потому что не искал их теми способами, какие практиковались в период действия устава 1863 г.; но 25-летний опыт службы в трех университетах научил кое-чему и меня по части университетской администрации. Не честолюбие, направленное у меня совершенно в другую сторону, подсказывает мне только что написанные строки, а твердое убеждение, что я мог бы быть полезен сибирскому университету именно как сибиряк, не прерывавший связей с родным краем. Влечет меня туда и сознание своих обязанностей в отношении к детям (а их у меня шестеро), судьбу которых я мог бы устроить там лучше и легче, чем в Москве или где бы то ни было в европейской России. Моя служебная репутация, по милости Божией, чиста и безупречна, а так как в этом и заключается весь фундамент моей жизни, то едва ли можно опасаться, что я под старость ударю себя в грязь лицом перед Высшим Начальством на новом служебном посту.

Глубоко убежденный в Вашем неизменно благоволительном расположении ко мне, высокопочитаемый Афанасий Федорович, осмеливаюсь обратиться к Вам с усерднейшей просьбой назвать мое имя Его Высокопревосходительству Ивану Давыдовичу при случае, когда зайдет речь о кандидатах на ректорство в Томском университете. Если же Вы почему-либо найдете невозможным исполнить мою просьбу, то забудьте настоящее письмо, как бы его вовсе не было, и не осудите

душевно Вам преданного Алексея Павлова

12 мая (день моего рождения) 1885 года

Поварская, Борисоглебский переулок, дом Писемского

23

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

Вы возмущаетесь прискорбными событиями в жизни нашего университета. Да, я сам, в продолжение 30-летней профессорской службы бывший свидетелем в трех

университетах разных студенческих беспорядков, никогда не видал ничего подобного. Утешительно в настоящем случае только одно, что, по самому тщательному расследованию университетских и городских властей, в настоящих беспорядках не оказалось ничего политического, что ставило бы их в связь с проклятой памяти событиями 1 марта. Это — дело чисто университетское, домашнее. Но в этом-то именно и заключается весь трагизм настоящей минуты. У нас существует общее убеждение, что при первом появлении г. Брызгалова в своей должности беспорядки повторятся с новой силой. С другой стороны, все отлично хорошо понимают, что правительство не может снять нашего инспектора с поста потому только, что он потерпел публичное оскорбление. Авторитет власти, конечно, должен быть спасен во что бы то ни стало. Принцип, по всей вероятности, восторжествует, хотя бы при этом и обнаружилось, что г. Брызгалов далеко не из тех лиц, которые стоят на высоте своего призвания и стоят тех жертв, которых потребует *justitia*. Главный его недостаток — это ревность не по разуму, неумение сдерживать себя мудрым правилом: вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу. Его отношения к студентам, по совести, не могу признать нормальными. Заносчивость и самомнение, при довольно ограниченных умственных способностях, — качества весьма не привлекательные в административном лице, имеющем дело с молодежью. Даже по отношению к профессорам его действия принимают иногда вызывающий характер. Не могу допустить, чтобы все это не было известно Высшему Начальству. Да умудрит его Господь Бог решить дело так, чтобы торжество правды совершилось с возможно меньшим числом жертв! Простите за этот эпизод. У кого что болит, тот о том и говорит.

Анонимный иерарх, автор упомянутых мною статей Православного обозрения, есть тот самый, которому посвящена моя книга. Они написаны, когда он был еще Александром Федоровичем Лавровым, по поручению тогдашнего обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого, который передал их на просмотр покойному преосвящ. Иоанну Смоленскому. Рукопись, доставшаяся наследникам покойного, принята была ими и редакцией Православного обозрения за его собственное сочинение. Преосвящ. Алексей (тогда викарий московский) остановил дальнейшее печатание их на том основании, что труд его, по своему происхождению, имел официозный характер.

Уже целый месяц собираюсь я съездить в Петербург по делам ученым и житейским, между которыми у меня нет большой разницы. Но все находится что-нибудь задерживающее. А нужно быть непременно по случаю близкого исполнения 30-летия моей профессорской службы и необходимого отчисления в заштат.

В рукописях покойного А. Н. Попова мне удалось открыть дивный памятник русского языка и канонического права XII в. — поучение новгородского архиепископа Ильи — Иоанна.* Думаю издать его с комментариями в Вашем, то есть академическом, «Сборнике». Статья эта займет около трех листов. Но не могу ли я надеяться, что на этот раз Академия найдет возможным дать мне некоторый гонорар хотя бы в таком размере, чтобы я мог покрыть им издержки на поездку в Петербург?

Душевно скорблю о болезни Н. И. Григоровича, о которой до сих пор ничего не слыхал. Та же беда стряслась над женой Н. С. Тихонравова.

Душевно преданный Вам А. Павлов

4 декабря 1887 г.

(Смоленский бульвар, дом Шнейдера).

* Составители каталога этих рукописей с моих слов назвали памятник этнм именем, о чем я недавно и заявил в заседании Археологического общества.

Ваше Высокопревосходительство,
глубокоуважаемый Афанасий Федорович,

Сейчас вернулся я из факультетского заседания, на котором, между прочим, заслушано было предложение Ваше университетскому начальству об оставлении меня на профессорской кафедре еще на пять лет, с известным вознаграждением, определенным новым университетским уставом. Не скрою от Вас, что до получения этого предложения меня сильно тревожила мысль о возможности остаться при одной только пенсии и, вследствие того, уступить свою кафедру другому — штатному преподавателю. Но — благодарение Господу! — мои опасения оказались напрасными. Благодарение и Вам, высокопочитаемый Афанасий Федорович, за этот новый знак благосклонного внимания ко мне, оказанного в такой момент моей жизни, когда я считал себя «висящим на волоске». Ведь есть немало профессоров, не менее заслуженных, которые в моем положении остались на своих прежних местах с одной только пенсией (у нас, например, Троицкий). Мои опасения казались мне тем более основательными, что мой ярославский коллега,¹ как слышно, давно уже собирается переменить свою лицейскую кафедру на университетскую. Штатный, конечно, вытеснил бы заштатного. Но, пока этого не случилось, постараемся доказать, что и «за штатом» можно делать свое дело не без пользы для университета и науки.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства усерднейшим слугой

А. Павлов

23 сентября 1888 г.
(Смоленский бульвар, дом Смольянинова).

¹ По-видимому, речь идет о Н. С. Суворове.

Высокопочитаемый Афанасий Федорович,

Занимаясь понемногу собиранием материала для составления порученной мне Академией наук рецензии на известную Вам книжку Суворова,¹ возымел я надобность во втором издании старшей Новгородской летописи, которым уже несколько десятков лет чревоболит достоуважаемый П. И. Савваитов,² но до сих пор не может разрешиться от сего бремени. На первых листах этого невидимки-издания находится полный текст так называемого Судебника Константинова и Русской Правды. Для меня было весьма важно ознакомиться с тем и другим текстом по старшему списку Новгородской летописи (если не ошибаюсь — XV в.). А так как у Вас, без сомнения, имеется экземпляр этой неизданной летописи, то усерднейше прошу Вас выслать мне на время первые листы савваитовского издания, на которых содержится предисловие издателя и полный текст упомянутых двух памятников (если там имеется и список церковного Устава Ярослава, то для меня не лишне было бы познакомиться и с ним).

По тому же делу мне до крайности нужна одна небольшая справка в рукописи Кормчей Погодинского Древлехранилища № 235, XVI в. На последнем листе этой рукописи находится тоже послесловие: «Азь худый и недостойный и многогрешный раб Божий Дорофей мних написал есмь книгу сию глаголемую Номоканон, закону правило, месяца марта в 20 день... лета 6883 (=1375) при благоверном и

христоролюбом князи Великом Димитрии Константиновиче и при епископе нашем христоролюбивом Священном Дионисии суздальском и городском». [Н. В.] Калачов («О значении Кормчей», стр. 117, примечание 56) понял это послесловие так, что подлинник Погодинской Кормчей был написан мнихом Дорофеем в 1375 г. Если бы это было так, то находящийся здесь (л. 105) список церковного устава Ярослава получал бы особенное значение, как копия с подлинника XIV века. Но занимаясь, лет 10 тому назад, этой Кормчей, я возымел некоторое подозрение насчет выше-приведенного послесловия. Во-первых, оно как будто писано другой рукой, более мелким почерком, и стоит как-то на отлете. А во-вторых — и это главное — оно оказывается почти дословно сходным с послесловием Вашего старого знакомого — мниха Лаврентия (Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. 2, стр. 463). Даже день написания Кормчей (20 марта) совпадает с днем написания Летописи. Разница только в имени писца и в годе (что, конечно, вызвано было необходимостью скрыть предполагаемую мною подделку послесловия). Взгляните, Господа ради, еще раз в эту рукопись и скажите мне Ваше мнение о ее послесловии, дабы я мог однажды навсегда решить вопрос о находящемся здесь списке Ярославова устава и прежде всего — вопрос о том, помещать или нет этот список в приложении к своей рецензии?

На днях здесь получено известие из Казани, что тамошний ректор (Кремлев) уехал в Петербург с просьбою об отставке от своей должности. Что сие значит? Уж не обиделся ли он моим назначением в председатели Казанской юридической комиссии? Когда мы были сослуживцами, то — нужно сознаться — не питали друг к другу товарищеских чувств.

Душевно преданный А. Павлов

1 февраля 1889 г.

¹ Суворов Н. С. 1) Следы западнокатолического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; 2) К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль, 1893; Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М., 1892.

² П. И. Савваитов (1858—1895) — историк, археолог, член Археографической комиссии.

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

Освободившись на днях от исполнения обязанностей присяжного заседателя, отнявших у меня две недели дорогого времени и немало здоровья, спешу принести Вам искреннейшую благодарность за присланные мне, по Вашему распоряжению, издания Археографической комиссии, которых у меня не доставало.

Что касается до Вашего вопроса о том, когда я примусь за издание второго тома памятников русского канонического права, то могу ответить Вам только предположительно: вероятно, не прежде оставления службы в университете, что должно случиться (конечно, при другом предположении: если буду жив) через два года, когда исполнится 40 лет моей профессуры. Теперь же, при 6 лекциях в неделю, при занятиях изданием для Палестинского Общества грамот иерусалимских, хранящихся в здешнем архиве Министерства иностранных дел, и для Византийского временника — памятников византийского канонического права (неизданных), решительно не могу взяться за дело, столь близко лежащее к моему сердцу. Но по выходе из университета первым моим служебным долгом (по званию члена Археографической комиссии) и первым ученым занятием будет именно издание

означенных памятников, которые почти все, за исключением только Стоглава, готовы у меня к печати.

Прошу принять уверение в моем истинном почтении и совершенной преданности.

Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга А. Павлов
21 октября 1891 г.

27

Высокопочитаемый Афанасий Феодорович,

Душевно рад, что моя работа, вызванная книжкой проф. Суворова или, точнее, Академией наук, «обрела благодать пред очима Вашима». Мне жаль было оставить в своих бумагах труд, на который потрачено было два ваката. Я искренно желал доставить автору книжки, отданной на мой суд, искомую им премию, но не мог, конечно, скрывать недостатков его работы, по крайней мере — особенно крупных. Академия обратила внимание только на эти недостатки, что решило судьбу и моей рецензии, к немалому моему огорчению. Пришлось еще раз ее переделывать, уничтожая все признаки ее, так сказать, официального происхождения. При переделке оказалось нужным выделить из нее важнейшую часть — трактат о происхождении уставов Владимира и Ярослава для новой обработки, в каковой предполагаю напечатать его в Журнале Министерства народного просвещения.

Послезавтра уезжаю на Кавказ, куда посылают меня доктора для окончательного излечения от одержавшей меня болезни, точнее — от ее неизбежных результатов — крайней слабости и восприимчивости к простудам.

Я не послал Ивану Афанасьевичу особого экземпляра своей книжки в том предположении, что он состоит собственником Вашей библиотеки. Впрочем я предоставляю ему обратиться в свою личную собственность цензурный экземпляр, имеющий поступить в Публичную библиотеку на законном основании, так как я послал туда особый экземпляр с поправками, сделанными типографией (посредством перепечаток) и от руки. После ваката я вышлю или привезу Ивану Афанасьевичу все перепечатанное и укажу, где нужно сделать поправки от руки.

Мой реферат о каталоге иерусалимских рукописей, благосклонно выслушанный Его Высочеством, Августейшим Председателем Палестинского общества, будет вполне напечатан в изданиях этого Общества. Он составлен мною с целью поощрить автора каталога к дальнейшему труду и расположить к нему великого князя.

От всей души желаю Вам провести нынешнее лето в добром здоровье. Осенью, приблизительно в начале сентября, надеюсь лично представиться Вам в Петербурге.

Сердечный привет Екатерине Николаевне от искренно преданного и благодарного Вам

А. Павлова

2 июня 1892 г.

28

Высокоуважаемый Афанасий Феодорович,

Рекомендую Вашему благосклонному вниманию подателя сего письма, Сергея Николаевича Северианова, ученика покойного Николая Саввича Тихонравова и одного из самых деятельных участников в издании Толковой Палеи, предпринятом учениками и почитателями покойного профессора-академика. Г. Северианов много трудился над

описанием древнеславянских рукописей, находящихся как в русских, так и в зарубежных библиотеках (между прочим, описаны для печати рукописи покойного Миклошича к венской *bibliotheca aulica*). Свою библиографическую ученую деятельность Сергей Николаевич соединяет с издательской и предполагает напечатать несколько памятников древнеславянской и русской письменности, имеющих высокое значение для наших филологов и историков литературы. По этому последнему делу он имеет настоятельную нужду в Ваших добрых советах и указаниях и просит меня снабдить его настоящим письмом. Подробности своего дела податель сообщит Вам лично.

Некролог Цахарию, озаглавленный мною «Русские поминки по Цахарию», уже послан мною в редакцию «Византийского временника»,¹ так что в настоящее время я уже не нуждаюсь в пособиях, какие просил у Вас для этого дела через любезнейшего Ивана Афанасьевича.

С истинным почитанием и совершенной преданностью пребываю Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой

А. Павлов

29 апреля 1894 г.

Москва, Смоленский бульвар, дом Духовского (новый адрес).

¹ Павлов А. С. Русские поминки по К. Е. Цахариз фон Лингенталю // ВВ. 1894. Т. 1. С. 464 и след. Переиздан в ст.: Лебедева Г. Е. А. С. Павлов и К. Э. Цахариз фон Лингенталь // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 118—122.

29

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

На днях я имел удовольствие получить из Археологической комиссии XV том «Русской исторической библиотеки», и по этому тому имел неудовольствие убедиться, что мне не выслан предыдущий (XIV) том, представляющий для меня особенный интерес, так как в нем, по указанию объявления, напечатанного на обложке XV тома, содержатся «Акты Холмогорской и Устюжской епархий». Кроме того, мне не посчастливилось получить, несмотря на неоднократные личные просьбы, 4-го и 5-го выпуска Летописей Комиссии, хотя, если не ошибаюсь, я уже состоял членом Комиссии, когда эти выпуски были напечатаны. Поэтому обращаюсь к Вам с усерднейшей просьбой, благоволивте сделать распоряжение о высылке мне означенных изданий.

Весьма интересует меня вопрос: получены ли наконец Публичной библиотекой рукописи покойного о. архимандрита Антонина?

С истинным почтением и совершенной преданностью пребываю Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слуга

А. Павлов

4 октября 1895 г.

Москва, Смоленский бульвар, дом Духовского.

30

24 декабря 1895 г.

Смоленский бульвар, дом Духовского

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

Сейчас я получил Ваше официальное письмо от 20 декабря № 296, в котором Вы уведомляете меня о состоявшемся в Археологической комиссии постановлении

о том, чтобы при моем содействии снята была копия со старейшего списка Жития св. Стефана Пермского в до-Макарьевских Четвхх Минеях, хранящихся в Московской Синодальной библиотеке. По этому поводу долгом считаю предварительно и без малейшего промедления спросить Вас, какие именно до-Макарьевские Четвххх Миней Синодальной библиотеки разумела Комиссия при составлении изложенного постановления: те ли, которые указывает проф. В. О. Ключевский в сочинении «Древнерусские жития святых» стр. 92, примеч. 3 (т. е. рукопись № 91, л. 650—777), или те, на которые ссылается покойный преосв. Филарет Черниговский в своих «Житиях русских святых» (изд. Тузова 1882, т. 1, стр. 533, примеч. 191, т. е. рукопись № 420)? Спешу с этим вопросом потому, что день памяти св. Стефана (26 апреля) теперь уже не так далек, а между тем предположенное к этому дню издание Жития Просветителя Перми потребует по крайней мере двух месяцев работы, так как это Житие занимает в рукописях около ста (и больше) листов. Указание преосв. Филарета, правда, не отличается особенной точностью сравнительно с указанием Ключевского Четвхххх Миней № 420 пусть будет XIV в., но писана ли она до или после Макарьевских Миней, это, конечно, другой вопрос, на который я ничего не могу сказать определенного, так как ни разу не видал этой рукописи и не сравнивал ее с Макарьевскими Минейями. Вам, без сомнения, известно, что списки Жития св. Стефана (Епифаниева) XVI в. имеются и в других библиотеках (Соловецкой и Троицкой).

К предположенному изданию Жития св. Стефана не соблаговолит ли Комиссия присоединить и единственный доселе известный памятник литературной деятельности этого Святителя, напечатанный мной в VI томе Русской исторической библиотеки под № 25? Принадлежность его св. Стефану Пермскому, кажется мне, выше всякого сомнения. Начертание Пермьскій есть очевидное исполнение старинного написания: Пермьскій, или даже Пермьскій.

После Нового года думал было на несколько дней съездить в Петербург. Но вот уже три недели не выхожу из дома: опять проклятая инфлюэнца, которая в третьем году чуть было не отправила меня ad patres. Стал было поправляться к Рождеству, но благодаря одному скверному факультетскому делу, заставившему меня в сильный мороз выехать из дома (на диспут Хвостова),¹ опять слег в постель и, вдобавок, оглох, так что думать о какой-нибудь дальней поездке не приходится.

Поздравляю Вас с наступающими праздниками.

Вашего Высокопревосходительства усерднейший слуга А. Павлов

¹ По-видимому, речь идет о диспуте М. М. Хвостова (1872—1920).

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

Не имея возможности по причине болезни, продолжавшейся около месяца, выходить из дома, я вследствие Вашего письма от 21 декабря минувшего года письменно снесся с некоторыми московскими учеными по вопросу о старшем и лучшем списке св. Стефана Пермского. Оказалось, что такой список находится в Чудовской рукописи № 31/333 (конца XV века). Справлялся я и относительно лица, которому можно было бы поручить списывание копии с названного памятника. Ответ, полученный мною по этой справке от Семена Осиповича Долгова, привел меня в большое смущение. Мне было заявлено, что теперь в Москве почти совсем перевелись хорошие копиришники с рукописей. Ходят в Музей на эту работу

какие-то две барышни, но исполняют свое дело и плохо и весьма дорого. В этом, впрочем, и сам я убедился, когда мне нужно было получить копию со славянского списка известной подложной дарственной грамоты Константина Великого папе Сильвестру для напечатания в Византийском временнике.

Ввиду этих обстоятельств, а главное вследствие моей болезни, не позволяющей мне выходить из дома в такие морозы, какие стоят теперь, я не надеюсь исполнить поручение Комиссии с такой поспешностью, какой требует конечный срок, предназначенный для издания названного памятника, весьма обширного по своему объему. Сама проверка копии по оригиналу, думается мне, потребует не меньше двух недель, при других (служебных) моих занятиях. Меня в особенности затрудняет приискание хорошего писца и вопрос о назначении ему гонорара. То и другое, если дело уже не может обойтись без моего участия, я просил бы Вас устроить путем официальных сношений со здешней синодальной Конторой или с бароном Бюллером. Первая может поручить списывание Жития теперешнему хранителю синодальных рукописей (г. Сироткину), а последний может командировать на это дело кого-либо из своих чиновников. Если же Комиссия предпочтет для издания Чудовский список (что было бы желательно), то нужно будет предварительно снестись с митрополитом московским, без разрешения которого монастырские рукописи никому не показываются. Да в Чудово нельзя и заниматься рукописями. Обыкновенно они, по ходатайству заинтересованных лиц и учреждений, высылаются на время в Синодальную библиотеку.

Вот какая процедура требуется для исполнения поручаемого мне дела. Не лучше ли было бы потребовать обе рукописи, и Чудовскую и Синодальную (№ 91), в Петербург, где, вероятно, легче найти и хороших копиистов?

Искренно преданный Вам А. Павлов

Начертание перемьский, вместо пермьский в Новгородской летописи по Синодальному списку, стр. 403. Это в дополнение к предыдущему письму.

32

Высокоуважаемый Афанасий Федорович,

Подождите немножко сноситься с митрополитом о Чудовской рукописи. О ней я узнал от В. О. Ключевского, он же почерпнул свое сведение из «Агиографии» члена Комиссии Н. П. Барсукова, но потом прислал мне прилагаемую при сем цидулку, в которой изменяет (хотя нерешительно) свое первоначальное показание. Нужно, значит, спросить сначала Николая Платоновича, который видел рукопись и потому может дать о ней категорический отзыв. Кроме того, я просил бы Вас дать мне несколько дней для ознакомления с житиями русских святых в рукописях Архива Министерства иностранных дел, которыми В. О. Ключевский не пользовался, когда писал свое исследование о житиях. Пользующий меня доктор обещал выпустить меня из дома в Татьянин день, а так как я предполагаю ограничиться только церковной частью нашего университетского торжества, то после обедни зайду в архив и спрошу Белокурова, какие списки Жития св. Стефана Пермского нашел он в архивских рукописях, о чем я настоятельно просил его вскоре по получении Вашего первого письма. Вообще могу сказать Вам по совести, что я близко принял к сердцу дело, к участию в котором пригласила меня Комиссия, и если, Бог даст, поправлюсь здоровьем к началу лекций, то готов буду сделать все, что от меня зависит. Найдите в Москве писца, — я не откажусь быть справщиком его копии с оригинала.

А будет ли Епифаниеву тексту Жития предпослана ученая биография св. Стефана? Если будет, то, конечно, нельзя будет обойтись и без нескольких страниц об

изобретенной им пермской азбуке. Вам, без сомнения, известно, что она фототипически снята покойным о. архимандритом Леонидом (Ковалчельник) с одной Кормчей XVI века, принадлежащей графу Уварову, и приложена к описанию этой Кормчей.

Желательно было бы получить от Вас ответ поскорее. Не обижусь, если употребите для сего более свободную и молодую руку Ивана Афанасьевича.

Искреннейше преданный Вам А. Павлов

6 января 1896 г.

Вечная память Александру Ильичу!

Письма Габриэля Милле к Н. П. Кондакову

В историографии тема взаимоотношения русской и французской школ византиноведения намечена лишь в самых общих чертах.¹ Хорошо известно, что на рубеже веков изучение раннехристианского и византийского искусства пережило блестящий расцвет. Русские и французские исследователи заняли лидирующее положение.² Особое значение для развития дисциплины имело решение вопроса о генезисе этого крупного художественного явления и создание адекватных его природе исследовательских методов. Русская школа, главным образом в лице Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова, выдвинула тезис о греческих, эллинистических истоках византийского искусства. Французские историки искусства авторитетно поддержали эту концепцию. Ведущее положение русской науки во многом определялось достаточно длительное время ее вкладом в развитие иконографического метода. Трудно переоценить роль трудов Кондакова в стимулировании этого плодотворного тогда направления. Среди французских исследователей особое место принадлежало Ш. Дилью (1859—1944)³ и его ученику Г. Милле (1867—1953).⁴ Оба ученых внимательно следили за открытиями русских коллег, Милле специально выучил для этого русский язык. Показательно, что последний обладал даже таким раритетом, как «Синайский альбом» фотографий, выполненных лишь в 15 экземплярах сразу после путешествия Кондакова в 1881 г.⁵ Диль и Милле были прямо связаны с РАО, а позднее с Академией наук России—СССР. Милле по возрасту принадлежал к поколению старших учеников Кондакова и испытал прямое и

---

¹ Вариант настоящей статьи с переводом писем Г. Милле на русский язык опубликован нами в кн.: *Кызласова И. Л.* 1) Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (По материалам архивов). М., 1999. С. 163—188; 2) История отечественной науки об искусстве Византии и древней Руси (1920—1930-е годы). По материалам архивов. М., 2000. С. 78—96.

² *Жебелев С. А.* Введение в археологию: История археологического знания. Пг., 1923. Ч. 1. С. 170; История европейского искусствознания: Вторая половина XIX века—начало XX века. М., 1969. Кн. 1. С. 108.

³ Ш. М. Диль (Diehl), фактический создатель французской школы византиноведения; основатель кафедры истории и цивилизации Византии в Сорбонне и профессор (1899—1934), член Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres (1910), иностранный почетный член РАО (1911), иностранный член-корреспондент АН СССР (1925).

⁴ Г. Милле (Millet), работал в École Française в Афинах (1881—1896), École Pratique des Hautes Études (с 1896 г.), профессор Collège de France (1926—1937), член Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres (1929), почетный президент Международной Ассоциации византинистов (1948), иностранный член-сотрудник РАО (1918), член-корреспондент РАН. См.: *Матюшкина М. Л., Павлова К. Н.* Габриэль Милле: биобиблиографическое эссе // Искусство христианского мира. М., 1999. Вып. 3. С. 228—240.

⁵ *Вялова С. О.* Значение монастыря св. Екатерины на Синае в истории культуры // Наследие монастырской культуры: Ремесло, искусство, искусство. СПб., 1997. Вып. 2. С. 12. № 38.

Габриэль Милле

значительное влияние его трудов, его исследовательского метода.⁶ Иногда французского исследователя даже относят к школе Кондакова при расширенном ее толковании.⁷ Примечательно, что сам Милле отмечал и вдохновляющее для него значение книги Д. В. Айналова «Эллинистические основы византийского искусства» (1900),⁸ ставшей одним из капитальных достижений отечественной византистики. Айналов много сделал для разработки стилистического анализа. В то же время именно труды Дилья и Милле уже начиная с 1905—1910 гг. сыграли во многом определяющую роль в сложении современной оценки палеологовского стиля и дали важный толчок для развития стилистического анализа.⁹

Введение в научный оборот наиболее значительных фактов из эпистолярного наследия Г. Милле, хранящегося в России (в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН), началось недавно. Благодаря усилиям ряда исследователей стало известно, что он вел переписку с конца XIX в. по середину 1930-х гг. с Н. П. Кондаковым (1897—1916 гг., 16 писем и 1 открытка), Ф. И. Успенским, Н. П. Лихачевым, Д. В. Айналовым, В. Н. Бенешевичем и А. И. Некрасовым.¹⁰

Большой интерес представляют 13 писем и 3 открытки, посланные Милле Кондакову на протяжении 1917, 1920—1924 гг., находящиеся в фонде последнего

⁶ *Vernadskij G. V. Nicodim Pavlovic Kondakov* // ССАВСК. Прага, 1926. P. XXVI; *Некрасов А. И. Древнерусское изобразительное искусство*. М., 1937. С. 12.

⁷ *Тункина И. В.* Н. П. Кондаков: обзор личного фонда // АРВ. С. 98.

⁸ *Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства: Исследования в области ранневизантийского искусства*. СПб., 1900. См.: *Мацулевич Л. А.* Памяти Д. В. Айналова: Роль византиноведения в деятельности Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова // СИ. М., 1986. Т. 21. С. 344. Ш. Диль и Г. Милле пытались издать книгу в 1900 г. по-французски (см.: *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // АРВ. С. 273).

⁹ *Подобедова О. И.* Вместо предисловия // *Грабарь Игорь. О древнерусском искусстве*. М., 1966. С. 13.

¹⁰ *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985. С. 89. № 65; АРВ. С. 56, 61, 91, 11—112, 210—211, 288, 307, 349, 364, 371, 382.

в Литературном архиве «Памятники национальной письменности» в Праге (далее — ЛАПНП).¹¹ Это был заключительный период во взаимоотношениях двух ученых. Письма написаны по-французски и приводятся полностью.¹² К сожалению, ответными посланиями мы не располагаем. Из истории личного общения исследователей известно пока немного. Так, в 1898 г. они одновременно работали на Афоне.¹³ Нельзя не сказать о еще одном источнике, свидетельствующем об обращении русского ученого к трудам его французского коллеги. Речь идет о дневнике Кондакова 1917—1925 гг. (ЛАПНП). Там находим сведения о книгах, привлекавших внимание исследователя. Например, в июле 1920 г. он не раз изучал труд Милле по евангельской иконографии (1916).¹⁴ Есть и записи типа «читал Millet». Кратко упоминалось и о переписке с последним.

Ценность публикуемых ниже писем определяется несколькими обстоятельствами. Они содержат, во-первых, сведения о живом научном общении, а во-вторых, высокие оценки деятельности Кондакова. Самые ранние письма дают определенное представление о характере дореволюционных контактов. Из них становится известным факт посылки Кондаковым Милле своего труда «Иконографии Богоматери»¹⁵ и фотографий, сделанных во время экспедиции русского ученого в Македонию в 1900 г. Письмо от 30 января 1917 г. содержит поздравление в связи с награждением Кондакова за научные заслуги орденом Почетного Легиона 2-й степени — вручение награды произошло в декабре предыдущего года: «Наше правительство удостоило высокой чести, увенчав одной из самых значительных наград карьеру столь блестящую и плодотворную, как Ваша. Очевидно, что наше византиноведение обязано тем, что оно собой представляет, глубине Вашей мысли, Вашей несравненной проницательности. Вы заронили новые идеи, вдохновившие все наши работы. Лично я ощущаю самую живую радость».

Письмо французского исследователя, написанное между 1918 и 1920 гг., продолжает поднятую прежде тему о «Иконографии Богоматери». Приведем слова Милле: «Позвольте мне Вам сказать, что я восхищен силой Вашей мысли, всегда глубокой и творческой. Вы умеете раскрыть, в художественных формах, основное содержание, чувства и мысли, сообщающие им жизнь. Вы продемонстрировали нам метод, могущий сделать историю искусства привлекательной и поистине человеческой. Вы совершенно правы, уделяя в ней место иконографии, поскольку она показывает нам, часто более ясно, чем стиль, пути влияний, тип, который остается, тогда как форма меняется от одной страны к другой. Ваша книга обнимает такую обширную область, объясняет нам иконографию Богоматери и, одновременно, дает лучшее понимание всей истории христианского искусства первых веков. Примите мои пожелания здоровья, столь драгоценного для наших занятий, вместе с выражением моего восхищения».

30 сентября 1920 г. жена ученого, Софи Милле, сочла необходимым отметить в своем послании, что ее муж является одним из самых больших почитателей Кондакова. Вскоре Милле вернулся с Афона и 4 ноября поспешил сообщить по поводу жизни Кондакова в Одессе: «Я действительно счастлив знать, что Вы в безопасности,

¹¹ В описи фонда указано 17 писем Г. Милле Н. П. Кондакову, так как в этот счет вошло одно письмо жены Милле (*Kopecká L., Dandová M. Nikodim Pavlovic Kondakov (1844—1925) // Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze. Slovanský ústav. Písemná pozstalost. Praha, 1995. S. 7.*)

¹² Фрагменты из шести писем изданы нами в статье: Новое о раннем этапе научной деятельности А. Н. Грабара (1919—1924 гг.) // Древнерусское искусство: Византия. Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896—1990). СПб., 1999. С. 82—95.

¹³ См. письмо Н. П. Кондакова П. С. Уваровой от 9 февраля 1899 г.: Письма Н. П. Кондакова и П. С. Уваровой 1880—1923 годов / Публ. И. Л. Кызласовой // СИ. М., 1997. Т. 10 (1). С. 529.

¹⁴ *Millet G. Recherches sur l'Iconographie de l'Evangile aux XIV, XV et XVI siècles, d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris, 1916.* См. также: *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси (1920—1930-е годы). С. 81.

¹⁵ *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2.

вдали от этой ужасной смуты». Позднее Милле вохищался мужеством, с которым Кондаков продолжал свое научное творчество в тяжелых условиях эмиграции — она началась для русского ученого 8 февраля 1920 г. Одна из основных тем последующей переписки связана с обсуждением вопроса возможности издания одной из последних крупных работ Кондакова «Русская икона». ¹⁶ Прежде чем обратиться к данной теме, напомним интересное свидетельство М. И. Ростовцева, ¹⁷ оказавшегося в Париже в 1920 г. Его наблюдения, относящиеся к Милле, полны пессимизма: «Он забыл все, чем он обязан был русским ученым». Правда, речь шла о частном обстоятельстве, в котором Ростовцев не преуспел. ¹⁸ Но, писал ученый в том же послании, все же «французы были очень милы ко мне, к Вам же они относятся с надлежащим почтением». По обобщенной оценке того же Ростовцева, отношение в Европе к русским ученым-эмигрантам равнодушно и прагматично. ¹⁹ В связи с этим особенно важно, что, как упоминалось, в приводимых ниже письмах Милле давал очень высокую разностороннюю оценку научного наследия Кондакова.

Как из дневника исследователя, так и из данных писем ясно, что Кондаков обратился с просьбой способствовать изданию во Франции «Русской иконы» порусски. Публикация крупной и весьма специальной книги с большим числом иллюстраций на чужом языке в послевоенной Европе была явно затруднена. ²⁰ Вероятно, были ограничены и организационные возможности самого Милле. ²¹ Но полагаем, что его послания проникнуты сердечным желанием помочь с изданием монографии. Почти во всех приводимых ниже письмах 1920—1924 гг. затрагивалась эта важнейшая для Кондакова тема. С самого начала ее обсуждения Милле заявил, что издание возможно только по-французски (письмо от 4 ноября 1920 г.). В послании от 11 февраля 1921 г. он высказал мысль о возможном содействии в публикации монографии Академии надписей и изящной словесности, Института славянских исследований и французского правительства. Учитывая твердую позицию автора «Русской иконы», Милле писал о варианте двойного текста книги — французского и русского (письма от 1 марта и 3 марта 1921 г.). Милле также пытался способствовать переезду Кондакова во Францию. Согласно посланию от 24 сентября 1922 г., Милле был уверен, что его русский коллега в ближайшее время окажется в Париже, и был разочарован отказом Кондакова. В письме мы читаем: «Как я сожалел, что Вы не согласились преподавать у нас. Это настоящий русский университет, занятия которого проходят в помещении Института славянских исследований. Вы обрели бы здесь выдающихся соотечественников, и лично для меня было бы большой радостью учиться подле Вас. Вопрос денег не был бы для Вас такой уж большой трудностью. Может быть, можно было бы найти дополнительные источники». И в 1923 г. Милле не терял надежды на переезд Кондакова в Париж (письма от 6 июня, 8 октября). На протяжении трех лет Милле выдвигал очень конкретные и разумные предложения по подготовке издания, вплоть до своего участия в переводе книги. Немало во всей этой ситуации зависело от Кондакова. В дневнике он записал 12 января 1923 г., что его приглашают работать при Сорбонне

¹⁶ Кондаков Н. П. Русская икона. Прага, 1928—1933. Т. 1—4.

¹⁷ М. И. Ростовцев (1870—1952), историк античности, археолог, один из учеников Н. П. Кондакова. Уехал из России в 1918 г.

¹⁸ Из письма М. И. Ростовцева Н. П. Кондакову от 11 июня 1920 г. (см.: Письма М. И. и С. М. Ростовцевых Н. П. и С. Н. Кондаковым / Публ. Г. М. Бонгард-Левина, В. Ю. Зуева, И. Л. Кызласовой, И. В. Тункиной // Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 437). М. И. Ростовцев хотел издать некролог Я. И. Смирнова.

¹⁹ См. письмо М. И. Ростовцева Н. П. Кондакову, написанное, вероятно, в ноябре—декабре 1920 г. (см.: Письма М. И. и С. М. Ростовцевых Н. П. и С. Н. Кондаковым. С. 438).

²⁰ См.: «Издателя в Париже найти нельзя» — из того же письма М. И. Ростовцева Н. П. Кондакову.

²¹ См.: «Влиянием в Париже он не пользуется» — из письма М. И. Ростовцева Н. П. Кондакову от 11 июня 1920 г. (Письма М. И. и С. М. Ростовцевых Н. П. и С. Н. Кондаковым. С. 437).

только на год и далее: «Стоит ли из-за года приезжать в Париж?». Милле-де «выражал отступление даже в издании. Мне лично приятнее, если не устроится». Кондаков не хотел доверять почте свой драгоценный труд, кроме того, он мечтал получить гонорар. Важное свидетельство оставил В. И. Вернадский,²² посетивший ученого 3 июня 1922 г.: «Утром у Н. П. Кондакова. Он показывал свою работу “Русская икона”, труд многих лет жизни. Он считает, что если этот труд не будет издан, то пройдет лет 50—60, пока вновь эти данные могут войти в науку. Я его понимаю. Он считает, что история русской иконы еще в общих чертах не написана. Много пишут, но настоящего научного проникновения нет. Он хочет издать ее так, чтобы что-нибудь получить как гонорар (10 000 fr.). Вел в этом смысле переговоры с французами, болгарями, здесь в Праге. Но в связи с валютой и тяжелым положением эта сумма не может быть найдена. Милле, Рейнак²³ предлагают ему просить субсидии на издание от Парижской академии — и он получил бы — но тогда при издании он не получит гонорара. Я считаю, что его работа должна быть издана — это проявление русского творчества, то, что сейчас наиболее важное. Чем больше сейчас созидательного творчества, тем сильнее русская культурная работа, тем скорее мы выйдем из невозможных, варварских условий нашей жизни... Для меня ясно стало впервые (подчеркнуто мною. — И. К.) то огромное значение, которое имело это искусство в жизни — ведь дом был переполнен иконами, и репродукций не было!...»²⁴

Переписка с Милле о «Русской иконе» продолжалась и в 1924 г. Кроме того, в период 1920—1924 гг. между учеными шел обмен публикациями. Особенно примечательны строчки из письма от 24 сентября 1922 г. Посылая свою книгу «L' Ancien art serbe. Les églises» (1919), Милле писал о другой своей книге: «Все те приятные слова, сказанные Вами о моей “Иконографии”»,²⁵ меня очень тронули. Эта книга во многом обязана Вашим собственным исследованиям. Вы нам открыли замечательный и большой путь в изучении византийской археологии. Вы посеяли урожай, который мы пожинаем». Французский ученый принял большое участие в подготовке к изданию одной из последних статей Кондакова, посвященной особенностям убранства конской сбруи в Византии.²⁶ Милле замечал: «Мы были бы очень польщены иметь Вашу статью в нашем первом номере». Речь шла о новом журнале «Byzantion». Когда Кондаков решил приобрести дом на юге Франции, его коллега пытался помочь и в этом (письмо от 18 августа 1924 г.). В апреле 1924 г. Милле и Кондаков встретились на I Конгрессе византистов в Бухаресте. Через несколько месяцев, 7 сентября, французский ученый писал, получив фотопортрет Кондакова: «Я вижу на нем выражение той поразительной энергии, которой годы совсем не коснулись и которой мы так восхищались в Бухаресте».

К основному комплексу писем мы присоединили два сопутствующих, располагая их по хронологии. Исключение сделано для письма 1920 г. С. Милле Кондакову — оно помещено среди писем мужа. Прежде чем обратиться к основным текстам Г. Милле, приводится письмо Н. П. Кондакова Н. А. Блаш (урожд. Брюнелли) 1911 г. (архив общества «Икона» в Париже).²⁷ Адресат ученого, получая

²² В. И. Вернадский (1863—1945), основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, академик Петербургской АН с 1912 г. В 1920-е гг. несколько раз бывал в Чехии.

²³ Рейнак (S. Reinach, 1858—1932), французский археолог, историк религии и искусства, член Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres, иностранный член-сотрудник РАО (1907), директор музея античных древностей (1902).

²⁴ Вернадский В. И. Дневники: Март 1921—август 1925 / Ред. В. П. Волков. М., 1998. С. 64. Из того же источника известно, что американский историк Ф. Голдер также пытался помочь с изданием «Русской иконы».

²⁵ Millet G. 1) L' Ancien art serbe: Les églises. Paris, 1919; 2) Recherches sur l'Iconographie...

²⁶ Kondakov N. Un détail des harnachements byzantins // Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger à l'occasion du quatrevingtième anniversaire de sa naissance. Paris, 1924. P. 399—407.

²⁷ Благодарю председателя общества «Икона» в Париже, З. Е. Залесскую, предоставившую копию письма и разрешившую ее опубликовать.

высшее образование в Париже, стала в данном случае связующим звеном между Кондаковым, Дилем и Милле. Послание — выразительный документ, говорящий о глубокой заинтересованности в этом общении. Отметим, в частности, желание обсудить особенно животрепещущую тогда тему — византийское искусство XIV в. Интересен и пассаж автора о науке 1870-х гг. — он очень близок к соответствующим страницам «Воспоминаний и дум», диктовавшимся 8 лет спустя.²⁸ Завершает основную группу писем послание Г. Милле сыну исследователя С. Н. Кондакову 1925 г. (ЛАПНП). Это отклик на весть о кончине ученого. Здесь важна мысль о нем как об «одном их самых почитаемых мной учителей».

Письмо Н. П. Кондакова М-ме Н. А. Блаш¹

8 февраля 1911 г.

Очень, очень благодарю Вас за письмо и присланные открытки. Все они для меня интересны и даже важны, так как позволяют мне с удобством сравнивать их с другими аналогическими памятниками. После Вашего письма я получил также письма от гг. Диля и Милле, и мне было очень приятно узнать, что они довольны пересылкою сочинений Буслаева. Т. II.² Я постараюсь затем немедленно исполнить просьбу Диля об издании Киевской Софии в нашем «Обществе».³ Вместе с тем когда это издание будут отсылать в Сорбонну, приложу к этому три книжки «Русских древностей»,⁴ равно постараюсь подобрать для Сорбонны, что имею. К сожалению, я настолько мало верил в полезность моих сочинений, что почти ничего не сохранил от прежнего времени. Когда я начал заниматься византийским искусством, им никто не интересовался, а в университете надо мною издевались и профессора, и студенты. Очень понятно, [что я] так и сам смотрел на свои сочинения. Никто не поверит теперь, что «Историю византийского искусства» я написал в течение трех месяцев, как диссертацию,⁵ спеша перейти к другой теме по античному искусству, чтобы меня не очень ругали за «Византию».

Надеюсь на днях же получить ответ и тогда напишу сам Дилю, которому, как и Милле, прошу передать мой привет и выражение желания увидаться с ними и подробно поговорить по вопросу о византийском искусстве XVI столетия. Я более чем уверен, что иконописные мастерские, исполнившие в Сербии и Македонии большие росписи, были чисто славянские, хотя иногда и надписывали свои фрески по-гречески для пущей важности.

Вы меня очень обяжете, если будете писать, от времени до времени, хотя что-либо по части парижских новостей по археологии. Я настолько живу совсем один, что для меня новости из близких ученых сфер большая редкость.

Ваш Н. Кондаков

¹ Письмо отпечатано на машинке с авторской правкой и подписью. На отдельном листе имя адресата (по-русски) с уточнением по-французски: получившей диплом Парижского университета, историко-филологического факультета и студентке l'École des Hautes Études.

² Ф. И. Буслаев (1818—1897), филолог, историк искусства, академик, профессор Московского университета, учитель Н. П. Кондакова. Имеется в виду: *Буслаев Ф. И.* Сочинения по археологии и истории искусства. СПб., 1908. Т. 1; 1910. Т. 2.

³ Речь идет о каком-то проекте, связанном с одним из двух археологических обществ.

⁴ Толстой И. И., *Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889—1899. Вып. 1—6.

⁵ *Кондаков Н. П.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876. Это была докторская диссертация.

²⁸ *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. Прага, 1927. Переиздано: М.: Индрик, 2002 (Составл., подгот. текста и примеч. И. Л. Кызласовой).

Письма Г. Милле Н. П. Кондакову***№ 1**

Monsieur,

J'ai su par M. Berenstamm que la mission est remise à un temps plus favorable. Il faut nous féliciter d'avoir attendu. J'ai même pu craindre de voir nos projets tout à fait compromis au moins pour cette année. Pourtant les événements paraissent prendre meilleure tournure: il semble qu'une solution soit près d'intervenir; peut être est-il temps de songer à un départ prochain.

Je me suis demandé si ces derniers événements ne serviront pas de prétexte aux moines pour nous créer des difficultés. De pressantes recommandations seront nécessaires. J'ai l'intention d'aller les chercher moi-même à Constantinople. Il serait heureux que nous puissions nous y rencontrer. Je serai donc heureux de connaître vos intentions pour y conformer mon programme.

Je vous serais reconnaissant de vouloir bien écrire à M. Homolle. Bien que ma mission soit indépendante de l'Ecole, je reste officiellement sous sa direction; d'autre part la mission de mon camarade Laurent dépend entièrement de lui. Je crois qu'il serait désireux de connaître directement vos projets et de recevoir de vous les propositions relatives à une entente entre les deux missions. Il paraît redouter les dangers et les difficultés d'une mission en ces temps troublés. Si vous ne partagez pas ces craintes, votre lettre les dissipera.

Veillez croire, Monsieur, à l'assurance de mes sentiments respectueux.

[G. Millet]

50 Rue Jacob.
29 avril 1897.

№ 2

Couvent de Laura 15/27 avril [1898]

Monsieur,

J'aurais voulu vous souhaiter la bienvenue à Karyés mais en l'absence des représentants des couvents il nous était impossible de commencer par le Protaton; nous nous sommes donc rendus à Lavra.

Je serais très heureux de vous voir dès votre arrivée. Voudriez - vous m'en prévenir au couvent de Lavra où nous resterons assez longtemps et me donner un rendez-vous.

Je fais bien des vœux pour le succès de votre mission et vous prie de croire à mes sentiments respectueux.

G. Millet.

№ 3

7 Rue de Verneuil
28 Mai 1901

Très honoré Monsieur,

J'ai lu avec grand plaisir votre étude sur la peinture populaire contemporaine et vous remercie de votre gracieux envoi. Il y a là des données précieuses pour l'histoire de l'art au Mont Athos.

* Первые 17 писем Г. Милле к Н. П. Кондакову публикуются по его автографам, хранящимся в: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 272. 26 л. К печати подготовлены И. П. Медведевым.

Je profite de cette occasion pour vous entretenir de notre Collection byzantine dont vous avez pu lire le programme dans la *Byzantinische Zeitschrift*. Je desirerais beaucoup en faire un instrument de travail utile et je sais combien sa valeur en serait accrue si vous vouliez bien nous aider de vos conseils et de votre concours. C'est surtout pour les albums de l'Athos qu'ils me seraient précieux un échange entre vos photographies et les notes auxquelles je pourrais joindre celles de Mistra ou d'Italie, nous permettraient de mettre à profit pour nos recherches des documents encore inédits. Il est bien entendu que dans nos albums le nom de l'auteur du cliché ou du chef de mission sera toujours indiqué et qu'aucune publication n'en pourra être faite sans son consentement.

Vous m'aviez annoncé au retour du Mont Athos que le comte Tolstoi mettrait à ma disposition pour les publier les plans et coupes des principales églises de l'Athos. Je prépare en ce moment pour le *Bulletin de Correspondance Hellenique* un article où ils seraient à leur place. J'ai écrit deux fois au comte Tolstoi sans recevoir de réponse. Vous seriez bien bon de me faire savoir si de nouvelles raisons s'opposent à ce qu'ils me soient communiqués.

Vous avez du recevoir en temps opportun mon volume sur Daphni. Un compte rendu de M. Rjedine me montre que je me suis mépris sur le sens d'une de vos conclusions. Je regrette vivement ce contresens. Au moins ai-je la satisfaction de me trouver ainsi d'accord avec vous et d'avoir abondé dans votre sens, sans m'en rendre compte.

Je vous prie, très honoré Monsieur, de croire à l'assurance de mes sentiments respectueux.

G. Millet

№ 4

Paris 34 rue Halle (14e)
14 janvier 1903

Très honoré Monsieur,

Veillez agréer mes vœux bien sincères pour votre santé que me rendent très précieuse le souvenir de votre bienveillant accueil et le respect que m'inspire votre belle oeuvre. Cette année encore vous avez acquitté un nouveau titre à notre reconnaissance en publiant votre beau livre sur le mont Athos, dont je vous remercie bien cordialement.

Je prends la liberté de vous envoyer mes photographies des Bibliothèques italiennes. Chaque épreuve porte l'indication du manuscrit. Le catalogue que je publierai prochainement fera connaître pour chacune le numéro et le sujet. Vous vous souvenez que vous aviez bien voulu me promettre en échange votre collection du Mont Athos. Je vous serais reconnaissant, si vous vouliez bien m'envoyer ces photographies prochainement.

Ainsi que vous m'y aviez autorisé, j'ai fait reproduire votre album du Sinai en entier dans le format 18/24. Chaque épreuve porte votre nom. J'ai conservé exactement votre classification. Ces reproductions ont été bien réussies. Peut-être désirerez-vous les recevoir: je me ferai un devoir de vous les envoyer si vous en manifestez le désir.

J'ai été bien heureux de savoir que vous avez si brillamment réussi votre expédition en Macédoine. Ce serait pour notre Collection une heureuse fortune que de recevoir un choix de vos photographies en échange des notes.

Veillez agréer, très honoré Monsieur, avec mes remerciements pour vos bontés l'hommage de mes sentiments respectueux.

G. Millet.

Vous avez dû recevoir le volume du General de Beylié sur l'habitation byzantine. C'est un effort intéressant et qui mérite d'être encouragé. En avez vous été satisfait?

№ 5

34 rue Hallé Paris — XIVE
21 février 1903.

Très honoré Monsieur,

Vous recevrez en meme temps que cette lettre quelques photographies des miniatures d'Italie qui avaient été oubliées dans le premier envoi. Je vous prie de garder toutes celles que vous avez reçues et de m'envoyer les 120 épreuves du Mont Athos que vous avez sous la main. Si vous vouliez compléter cet envoi par un choix de vos photographies de Macédoine je vous en serais très reconnaissant. Je m'en remets d'ailleurs entièrement à vous, car déjà, si vos 120 photographies se composent principalement de 18/24, elles équivalent presque à mes 228 qui sont, sauf une, des 13/18. Si vous ne pouvez me fournir des photographies de Macédoine je me consentirai des 120 du Mont Athos et j'attendrai que vous vous rendiez à Jalta pour en avoir d'autres.

Le Général de Beylié est actuellement à Saïgon (Cochinchine) pour deux ans. Il suffit de lui écrire à Saïgon où il est commandant en chef de la garnison pour que votre envoi le rejoigne. Votre appréciation favorable lui fera assurément un très grand plaisir.

Veuillez agréer, Monsieur, l'hommage de mes sentiments respectueux.

G. Millet.

№ 6

34 rue Hallé 14-e
29 juin 1903

Très honoré Monsieur,

je vous prie de m'excuser de vous remercier si tard de votre aimable lettre et de l'envoi des photographies. Depuis deux mois une série de circonstances et de travaux urgents m'ont obligé à remettre de jour en jour le soin de ma correspondance.

Puisque vous vouliez bien me proposer de remplacer par de bonnes épreuves et de compléter celles que j'ai reçues, j'accepte votre offre avec grand plaisir. Dans le catalogue de notre Collection, que je vais bientôt faire imprimer, j'indiquerai par avance que vous avez bien voulu nous offrir votre album du Mont Athos complet. S'il était possible de le recevoir au mois d'Octobre, je vous en serais très reconnaissant.

Je vais publier dans une l'histoire générale de l'art, que dirige M. André Michel, un chapitre de 150 pages sur l'art byzantin. C'est une tâche malaisée que j'ai eu des scrupules à accepter. Heureusement des travaux tels que les vôtres et ceux de vos élèves m'ont beaucoup soutenu. Je vous demanderai l'autorisation de reproduire quelques unes des photographies de votre album du Sinaï, le sont les numeros 32, 34, 37, 54 et 60 de votre catalogue que je permettrai de citer sous la rubrique nouvelle: Hautes Etudes (Kondakov) en indiquant dans la bibliographie votre publication originale.

J'admire beaucoup votre si féconde activité scientifique. J'ose espérer que vous voudrez bien m'honorer de l'envoi de l'album iconographique pour en faire un compte rendu. Si ce n'était pas trop demander j'exprimerais le voeu d'en recevoir un autre exemplaire pour la Collection où il rendrait les plus grands services.

Veuillez agréer, Monsieur, l'hommage de mes sentiments respectueux.

G. Millet.

№ 7

St. Marcelin par Fagence Var
23 Sept. 1903.

Très honoré Monsieur,

J'ai eu l'honneur de vous écrire déjà pour vous demander l'autorisation de reproduire quelques photographies de votre album du Sinaï dans une Histoire de l'art' destinée à la vulgarisation, que publie la Maison Colin. Pensant que vous ne verriez pas la difficulté, j'ai pris la liberté de faire les gravures avant d'avoir reçu cette autorisation, car mon éditeur est pressé de terminer le volume. Mais je voudrais, avant de donner le bon à tirer, être assuré de votre consentement. Vous seriez donc bien bon de me l'envoyer le plutôt possible. Veuillez m'excuser de vous causer ce tracas. Il m'a semblé que les beaux documents, choisis et rapportés par vous de si loin, devaient figurer dans un livre que les rendra familiers au grand public et que vous ne pouviez que vous réjouir de voir ainsi populariser votre oeuvre.

J'ai profité des vacances pour lire avec attention votre volume sur l'Athos. J'ai ressenti une grande joie à voir ces monuments si intéressants publiés et appréciés avec votre incomparable maîtrise. Cette oeuvre fait grand honneur non seulement à votre science, mais aussi à votre habile diplomatie, car nul autre que vous n'aurait obtenu autant de l'astucieuse prudence des moines.

Veuillez agréer l'hommage de mes sentiments les plus respectueux.

G. Millet.

Veuillez me répondre à Paris, 34 rue Hallé.

№ 8

Paris — 7e 7 Rue de Verneuil
21 Novembre [1903]

Très honoré Monsieur,

Je vous remercie de la part que vous voulez bien prendre à notre Collection. En examinant la liste de vos photographies je constate que très peu sont double emploi avec les miennes et que le mieux serait pour notre Collection d'avoir l'album complet de façon à ce que lorsqu'il y sera renvoyé dans une étude on puisse trouver exactement la référence. Je vous proposerais donc de faire simplement un échange. Je ne puis vous envoyer encore notre catalogue qui n'est pas terminé. Mais vous pourrez voir à la Société Palestinienne nos albums de Mistra et de Mont Athos. Les deux de Mistra comptent ensemble 59 18/24 et 79 13/18 soit 148 épreuves. Ceux de l'Athos 181 en majorité 13/18 auxquelles il faut ajouter 97 photographies des peintures murales qui ne sont pas encore cataloguées. Donc 278. Peut-être préférerez-vous l'album des Bibliothèques Italiennes que je suis en train d'organiser et où sont représentés les Prophetes et le Grégoire de Naz. de Turin, le Grég. de Naz. et le psautier de l'Ambrosienne, l'octateuque, l'évangélaire VI-23, et le Grég. de Naz. de la Laurentienne, le Ménologue, les 1156 évangélaire de Grotta-Ferrata, Urb. 2 et Palat. 189 du Vatican, tous les évangélaire, le Job <np36> et le psautier de Venise, enfin quelques manuscrits latins de Pérouse où l'influence byzantine est sensible. Je n'ai pas sous la main le chiffre total mais il doit dépasser 200 en sorte qu'il équivaudrait sensiblement à votre album du Mont Athos. Si ce dernier vous convient je vous prierais de m'en prévenir au plutôt, car on va bientôt tirer les épreuves, et il serait plus facile d'exécuter votre album en même temps que le notre.

Je vous remercie de votre gracieuse intervention auprès du comte Tolstoi pour les plans et les coupes. J'ai déjà indiqué à M. Berenstamm les documents qui entreraient dans le cadre de mon article.

J'ai encore une prière à vous adresser. Je vais publier un gros chapitre (150 p.) sur l'art byzantin dans une histoire de l'art dirigée par M. André Michel. Je vous demanderai l'autorisation d'y reproduire d'après votre album du Sinaï la mosaïque de l'église, une ou deux figures d'évangelistes et peut-être une miniature de Job et du Cosmas.

Au sujet de votre album du Sinaï une idée m'est venue à l'esprit et je vous la soumets. Notre Collection a un cadre assez large qui peut comprendre des clichés de toute provenance. La rubrique (celle que vous <...> sur les épreuves de la Société palestinienne par suite d'un malentendu a été mal rédigée) doit être Hautes – Etudes et entre parenthèses le nom du donateur ou du chef de mission, en sorte que l'album du Sinaï pourrait avoir une seconde édition sous cette forme: Hautes – Etudes (Kondakov). L'avantage de cette seconde édition serait de mettre ces documents à la disposition d'un plus grand nombre d'archéologues. Je ferais faire les clichés un peu réduits d'après notre exemplaire de la Bib. Nationale; mon photographe qui est habile pourrait même peut-être en améliorer quelques uns. Si vous pensez comme moi, que cette combinaison peut rendre service et faire connaître d'avantage votre oeuvre. Je vous prie de me procurer les autorisations nécessaires, un mot pour le conservateur de la Bib. Nat. Il est bien entendu que pour tous les clichés incorporés à notre collection le droit de reproduction reste strictement réservé au chef de mission.

Notre collection s'est beaucoup enrichie cet été. J'ai fait des fouilles fructueuses à Tarento et nous sommes en train de reproduire le Skylitzès de Madrid.

Croyez, Monsieur, à mes remerciements et à mon bien respectueux dévouement.

G. Millet.

№ 9

34 rue Hallé Paris XIVe
17 Decembre [1903]

Monsieur et très honoré Collègue,

Monsieur Denis Roche vient de me remettre vos très belles photographies du Mont Athos. Ce sont pour nos études des documents infiniment précieux qui donneront plus d'attrait à notre Collection. Veuillez agréer mes remerciements les plus sincères.

J'ai été très heureux de recevoir par la même occasion de bonnes nouvelles de votre santé et d'apprendre que vous préparez un grand ouvrage qui serait traduit en français. Il serait vraiment très heureux que votre profonde intelligence de l'art peut rendre service à de nombreux lecteurs qui ne connaissent pas votre langue.

M. Dalton dont vous connaissez les importants travaux m'a chargé de vous demander l'autorisation de reproduire quelques unes de vos photographies du Sinaï dans un grand ouvrage qu'il prépare. Il me serait très agréable de pouvoir lui annoncer que vous ne voyez aucun inconvénient à cette publication.

Permettez moi de vous réitérer mes remerciements et de vous prier d'agréer l'hommage de mes sentiments les plus respectueux.

G. Millet.

№ 10

Paris, 34 rue Hallé XIVe
15 Mars 1904.

Très honoré Monsieur,

Je prends la liberté de vous envoyer le Catalogue de la Collection des Hautes — Etudes, en vous remerciant encore d'avoir bien voulu collaborer à cette oeuvre en

m'autorisant à reproduire votre Album du Sinaï. Ce catalogue vous aidera à utiliser les photographies que vous avez déjà reçues. S'il s'en trouve parmi les autres qui puissent vous être agréables, je serais très heureux de pouvoir les échanger contre les photographies de votre mission en Macédoine que vous voudrez bien mettre à ma disposition pour enrichir notre Collection. Ces photographies nous rendraient grand service et nous serions très honorés de les posséder, même si votre ouvrage doit paraître bientôt.

Je vous enverrai dans quelque temps le premier fascicule du Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Athos que je publie en collaboration avec les Pères Petit et Pargoire de Constantinople. J'ai profité de l'autorisation, que vous m'aviez donnée par avance, d'utiliser vos photographies de l'Athos, pour illustrer cet ouvrage avec des spécimens d'écriture, soit en faisant dessiner des fac-similés d'après vos photographies ou les planches de votre livre, soit en reproduisant quelques unes directement. J'ai profité aussi de l'autorisation que vous aviez bien voulu obtenir pour moi de reproduire quelques documents de l'Album Sévastianov. Je vous exprime ici toute ma reconnaissance en attendant de le faire publiquement d'ici 8 ou 10 mois, dans la préface qui paraîtra avec le second fascicule.

Veillez agréer, très honoré Monsieur, avec mes remerciements l'hommage de mon dévouement respectueux.

G. Millet.

Lorsque vous aurez l'occasion de faire tirer des épreuves de vos clichés de l'Athos vous serez bien bon de songer à compléter celles que vous m'avez envoyées et à remplacer les plus défectueuses.

№ 11

34 rue Hallé
29 Nov. 1906.

Monsieur le Professeur et très honoré Collègue,

Je vous suis très reconnaissant d'avoir bien voulu m'offrir votre étude sur la famille princière russe. C'est une joie pour nous d'applaudir à votre belle activité qui nous apporte sans cesse de nouvelles oeuvres suggestives et fortes. Je me ferai un plaisir d'analyser prochainement ce beau livre dans un périodique.

J'ai fait cet été un long voyage en Serbie et en Macédoine. J'ai eu le plaisir de retrouver le souvenir de votre passage. Que de monuments intéressants conserve encore ce malheureux pays.

Permettez moi de vous adresser quelques brochures que je vous prie d'accueillir avec bienveillance comme un hommage respectueux.

Veillez, Monsieur le Professeur, agréer l'assurance de mes sentiments respectueux et dévoués.

G. Millet.

№ 12

Paris, 34 rue Hallé, XIVe
10 avril 1909

Monsieur et très honoré collègue,

Permettez moi de vous remercier bien vivement de votre beau livre qui m'a tout particulièrement intéressé, puisque j'ai eu l'occasion d'étudier moi-même les monuments que vous avez publiés. Ces monuments m'avaient laissé une forte impression: il m'est très agréable de sentir mon jugement corroboré le plus souvent par votre haute autorité et parfois de mieux comprendre les faits à la lumière de votre pensée.

Permettez moi de vous remercier aussi de l'honneur que vous m'avez fait en approuvant mes observations à propos du psautier de Munich.

J'oserais vous adresser une prière. Serait-il possible d'acquérir pour la Sorbonne l'album des photographies de votre expédition? Ainsi que les photographies exécutées par M. Pokryskin à Mesémvrie? Comme votre texte renvoie souvent à cet album, je suppose que vous voulez bien le mettre à la disposition de ceux qui désirent étudier de plus près les monuments, publiés par vous. Si c'est possible, je vous serais infiniment reconnaissant de vouloir bien me mettre en relations avec un photographe qui tirerait des épreuves pour le compte du Gouvernement français.

Veuillez agréer, Monsieur et très honoré collègue, avec mes félicitations et mes remerciements l'assurance de ma respectueuse considération.

G. Millet.

№ 13

Paris 13 juin 1909.

Mon cher maître et très honoré collègue,

Je vous suis très reconnaissant de l'offre aimable que vous voulez bien me faire de vos albums de l'Athos et de la Macédoine pour la collection des Hautes-Etudes.

J'ai fait part au Directeur de l'Enseignement Supérieur de votre désir de confier ces documents à l'Ambassade française de S. Pétersbourg. Il me répond que cette manière de procéder pourrait soulever des difficultés d'ordre protocolaire, qu'il serait préférable de faire parvenir ces documents à l'ambassade de Russie à Paris par l'entremise de la valise diplomatique russe. M. l'ambassadeur de Russie à Paris les ferait ensuite parvenir à destination dans la forme habituelle. Je regrette vivement les ennuis que cet envoi peut vous occasionner.

En vous remerciant encore, je vous prie d'agréer l'assurance de ma très respectueuse considération.

G. Millet

№ 14

[открытка с видом Palais de Fontainebleau – Cour des Adieux]
Fontainebleau 28 mais [19]10.

Monsieur,

Je suis très sensible à la bienveillance, avec laquelle vous avez apprécié l'album de Mistra et vous en remercie vivement.

Je serais très honoré si vous jugez à propos de reproduire la Nativité du Christ. Quand je rentrerais à Paris dans huit jours, je m'occuperai de vous envoyer des épreuves. Mais peut-être au moins pour la pl. 139.2 auriez vous avantage à employer la figure de l'album qui est retouchée.

Votre respectueusement dévoué.

G. Millet.

№ 15

34 rue Hallé XIVe
4 janvier 1911.

Monseur et cher Maître,

En rentrant de vacances je trouve votre beau livre sur l'Iconographie de la Mère de Dieu, comme un heureux augure pour l'année 1911. Il jette une vive lumière sur l'art du

XIVe s. Les rapprochements que vous faites entre les icônes russes et les tableaux italiens sont d'une admirable clarté. Permettez-moi de vous remercier de m'avoir envoyé ce guide précieux au moment où je mets la dernière main à mon *Mistra* et de vous féliciter respectueusement de votre inlassable activité si féconde pour la science.

Veuillez accueillir avec bienveillance trois brochures que je vous adresse avec cette lettre.

Je vous prie de croire à ma très respectueuse considération.

G. Millet.

№ 16

34 rue Hallé XIV
14 février 1911

Monsieur et très honoré collègue,

Mademoiselle Brunelli m'a remis de votre part les deux volumes de Bouslaev. Par suite d'un malentendu je les ai eus après quelque temps ce qui excuse mon retard à vous remercier de votre très aimable attention. Veuillez transmettre mes remerciements respectueux à l'Académie des sciences.

Vous avez eu une très heureuse idée de réunir ces études pleines d'aperçus originaux et de vues pénétrantes. Les étrangers vous en sauront d'autant plus de gré qu'il leur est difficile de connaître les études publiées sur l'art russe et qu'ils trouveront là les plus précieuses informations.

Veuillez agréer mes vœux sincères pour votre santé et croire à mes très respectueux sentiments.

G. Millet.

№ 17

34 rue Hallé Paris XIV
5 sept. [19]16

Monsieur et respecté Maître,

J'ai eu la plaisir de lire, il y a quelques mois, dans un journal de Moscou, un compte rendu de votre second volume de l'Iconographie de la Mère de Dieu. Vous aviez eu autrefois la bonté de m'offrir le premier. Si vous avez encore pensé à moi et si vous ne craignez pas de confier à la poste une oeuvre aussi précieuse, je serais très heureux de recevoir ce second volume, pour faire, des deux ensemble, une longue analyse dans la Revue archéologique ou tout autre périodique. J'aurais grande joie à montrer ce puissant effort de votre inlassable énergie. Un tel compte-rendu sera lu chez nous avec grand plaisir, comme tout ce qui touche votre pays.

On m'a demandé d'écrire aussi sur l'ancien art serbe pour faire honneur à nos héroïques alliés. Je prépare un article qui paraîtra dans une Revue et un volume plus considérable. Dans ces études, vos observations et vos idées tiendront naturellement une large place. Pour les faire mieux comprendre, j'aurais avantage à posséder, et à pouvoir reproduire les photographies de votre mission. Elles complèteraient admirablement ma propre collection. Aussi j'oserais vous demander, en m'excusant de tant de hardiesse, s'il serait possible de faire tirer ces épreuves. Naturellement, la Collection des Hautes – Etudes supporterait les frais.

Permettez moi de vous offrir mes vœux pour votre précieuse santé, pour la santé de tous les vôtres, de ceux qui exposent leur vie pour notre victoire commune. Je vous prie de croire à mon respectueux dévouement.

G. Millet.

№ 18

30 janvier 1917
[Paris] 34 rue Hallé

Monsieur et très respecté Maître.

Sachiez d'abord que je vous offre mes très sincères félicitations. Notre gouvernement sera grandement honoré en couronnant par une des plus hautes distinctions une Carrière aussi brillante et féconde que la vôtre.¹ Il a compris que notre science byzantine doit ce qu'elle est à la profondeur de votre pensée, à votre pénétration incomparable. Vous avez semé les idées neuves dont s'inspirent tous nos travaux. J'en ressens pour ma part la plus vive joie.

Vos trois aimables lettres me sont bien exactement parvenues. Je vous prie de m'excuser d'avoir tardé à répondre à la première. Vous avez bien voulu m'annoncer par cette lettre l'envoi de votre volume.² Je l'attendais d'un jour à l'autre pour vous en accuser réception, et c'est ainsi que, de jour en jour, j'ai remis au lendemain le soin de vous écrire. J'en suis tout confus. Je vous remercie de la démarche que vous avez bien voulu faire à l'ambassade de France pour obtenir que le livre parte par la valise diplomatique. Je suis tout heureux et touché de l'offre que vous me faites de m'envoyer les photographies de votre expédition. J'ai pris la liberté d'indiquer sur une feuille, jointe à cette lettre, les numéros d'après la liste imprimée à la fin de votre volume sur la Macédoine.³ Ils sont nombreux et vous voudrez bien m'en excuser. Je vous remercie vivement de votre aimable démarche auprès de Mr. Pokryschkin et recevrai ces photographies avec le plus grand plaisir. Veuillez lui transmettre mes remerciements et lui demander aussi pour moi l'autorisation de reproduire les dessins qu'il a publiés dans mon livre, ainsi que dans le votre.⁴ Comme ses photographies peuvent faire un assez gros paquet et qu'elles représentent des documents très précieux j'ai cru sage de demander à notre ministère des affaires étrangères l'autorisation de les faire venir par la valise diplomatique. J'ai fait valoir l'intérêt qu'il y aurait à ce que livre, écrit pour honorer la Serbie dans son passé artistique⁵ et lui témoigner notre affection, fusse mieux informé et mieux illustré grâce à votre bienveillant concours. J'ai tout bien d'espérer que cette autorisation me sera accordée. Je vous prie de me faire savoir si les épreuves que je recevrai ont été tirées pour moi et en ce cas de combien je suis redevable au photographe, ou si ce sont les exemplaires de votre propre Album, que je vous renverrai après les avoir utilisées. Je me suis permis de signaler à M-me Christitch, qui s'occupe des œuvres Serbes, quelques gravures de votre livre. Il m'a semblé qu'il vous serait agréable de collaborer à une exposition que l'on prépare à Lyon.⁶ Peut-être aurez vous reçu une demande à ce sujet.

Je vous prie, Monsieur et très respecté Maître, d'accepter avec mes sincères remerciements l'hommage de mes sentiments respectés.

G. Millet

¹ Речь идет об ордене Почетного Легиона.

² Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2.

³ Кондаков Н. П. Македония: Археологическое путешествие. СПб., 1909.

⁴ П. П. Покрышкин (1870—1922), историк архитектуры, архитектор, академик. См.: Покрышкин П. П. Православная церковная архитектура XII—XVII столетий в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906. О влиянии на него Н. П. Кондакова см.: История европейского искусствознания: Вторая половина XIX века—начало XX века. М., 1969. Кн. 2. С. 56. Вероятно, имеется также в виду книга: Кондаков Н. П. Македония: Археологическое путешествие.

⁵ Millet G. L'ancien art serbe: Les églises. Paris, 1919.

⁶ Сведениями о Христич и Лионской выставке мы не располагаем.

№ 19

10 avril 1917
[Paris] 34 rue Hallé XIV

Monsieur et très respecté Maître.

Vous aviez bien voulu m'annoncer l'envoi de votre t. II de l'Iconographie de la Mère de Dieu, par la valise diplomatique. Je n'ai encore rien reçu. Je crains qu'il ne soit égaré. Si vous avez l'extrême bonté de m'indiquer la date où vous avez remis les volumes à l'Ambassade, je ferai une réclamation. Mr. Schlumberger¹ a depuis très longtemps reçu les deux volumes par la poste. Je n'ai pas non plus les photographies de Macédoine que vous avez eu l'extrême bonté de m'offrir. Elles me seront très utiles en ce moment car il est temps que j'établisse le plan de mon ouvrage et de l'illustration. Puis-je espérer les recevoir bientôt?

Permettez-moi de vous offrir mes vœux d'heureuses fêtes² et de vous dire avec quel cœur nous souhaitons le bonheur de votre chère et grande patrie, au milieu des événements extraordinaires qui font notre admiration. La «Revue de Paris» vient de publier un article sur l'oeuvre des Zemstvos, à peu près tel que je l'avais écrit il y a six mois, pour faire comprendre à mes compatriotes l'élan d'idéalisme qui entraînait la société russe. Je vous prierais d'en accepter un tirage à part.³

Je vous prie, Monsieur et respecté Maître, d'agréer l'hommage de mes sentiments très dévoués.

G. Millet

Mes deux volumes vont paraître dans quelques jours. L'un est intitulé «L'Iconographie de l'Évangile aux XIV siècle», «L'École grecque dans l'architecture byzantine».⁴

Je me demande s'il est possible et s'il est prudent, en raison du blocus, de vous les envoyer dès maintenant.

¹ Г. Шлюмберже (Schlumberger, 1844—1928), историк, создатель византийской сигиллографии. См. о нем: Лихачев Н. П. Деятельность Густава Шлемберже. 1924 / Публ. Е. В. Степановой // ВИД. Л., 1991. Т. 23. С. 233—269.

² Речь идет о Пасхе.

³ Сведений о статье мы не имеем.

⁴ Millet G. 1) Recherches sur l'Iconographie dans l'Évangile aux XIV, XV et XVI siècles, d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris, 1916; 2) L'École grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916.

№ 20 [1918—1920]

[Paris] 34 rue Hallé XIV

Monsieur et très respecté Maître.

Je voulais lire votre beau livre¹ avant de vous en remercier et je dois m'excuser du retard. Permettez-moi de vous dire combien j'admire la force de votre pensée toujours pénétrante et inventive. Vous savez découvrir, sous les formes artistiques, le contenu substantiel, les sentiments et les pensées qui leur donnent la vie. Vous nous montrez la méthode qui peut rendre l'histoire de l'art attrayante et vraiment humaine. Vous avez bien raison d'y réclamer une place pour l'iconographie, car elle nous montre souvent plus clairement que le style [est] la voie suivie par les influences, le type qui demeure, alors que la forme change d'un pays à l'autre. Votre livre qui embrasse un si vaste domaine nous apprendra ainsi à connaître l'iconographie de la Mère de Dieu et, en même temps, à mieux comprendre toute l'histoire de l'art chrétien pendant les premiers siècles.

Permettez-moi de vous offrir mes vœux respectueux pour votre chère santé si précieuse pour nos études et d'y joindre l'hommage de mes sentiments d'admiration.

G. Millet

¹ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 2.

№ 21

30 septembre 1920 r.
St Marselin Mons Var

Monsieur,

Mon mari est au Mont Athos, depuis Avril, il ne pense rentrer que fin Octobre. Votre lettre a dû certainement se perdre. Dès son retour, il se fera un plaisir de vous écrire et de mettre à votre service toute son activité. Bien souvent au milieu de la tourmente qui agite en ce moment votre pays, nous avons pensé à vous et cela a été pour nous une grande joie d'apprendre que vous étiez à l'abri.

Je saisis cette occasion, Monsieur, pour vous dire toute notre admiration, vos livres nous sont si familiers et mon mari m'en vante toujours les beautés. C'est un de vos grands agmirateurs!

Veillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués.

S. Millet

№ 22

4 novembre 1920
Athènes

Monsieur et très respecté Maître.

Permettez-moi de vous dire le très grand plaisir que m'a causé votre aimable lettre du 20 juillet ainsi que votre carte.¹

Je suis vraiment heureux de vous savoir à l'abri, loin de cette terrible tourmente. Vous voudrez bien m'excuser de ne pas vous avoir écrit plus tôt. J'étais au Mont Athos, vous le savez, et j'ai dû fournir un travail très dur, si fatigant que j'ai renoncé toute correspondance. Nous avons reproduit dans les plus grands détails tous les monuments de l'art chrétien, édifices, peintures, miniatures, trésors. Nous ferons connaître au public, par une large publication, toutes ces oeuvres précieuses que votre beau livre a révélées il y a vingt ans.

Avec quel courage vous continuez votre oeuvre scientifique. Ce sera pour notre pays un grand honneur que de voir publier à Paris votre étude sur l'icône russe.² Malgré la hausse des prix et les difficultés de l'heure, j'espère fermement trouver un editeur qui comprendra l'importance d'une telle publication. Seriez-vous assez bon pour m'indiquer approximativement le nombre des planches ou des gravures et l'étendue du texte. Ou bien voudriez-vous me confier vos documents? Ce serait peut être le moyen le plus sûr d'aboutir. L'ouvrage sera, naturellement, publié en français. Permettez-moi de vous offrir mes services, si vous jugez utile de faire revoir la traduction ou corriger les épreuves.

Vous avez bien voulu m'adresser le second volume de Votre «Iconographie de la Mère-de-Dieu». Je l'ai reçu un an après l'époque où vous m'en aviez annoncé l'envoi, à un moment où les communications se trouvaient interrompues. Veuillez m'excuser de ne pas vous avoir remercié plus tôt et veuillez agréer mes sincères félicitations. Je vous remercie de l'intérêt que vous avez bien voulu porter à mes propres ouvrages. Vous voudrez bien me permettre de vous en faire hommage dès que je serai rentré à Paris. Je

compte en effet partir demain et arriver dans une huitaine de jours. Soyez assez bon pour m'écrire à mon adresse ordinaire 34 rue Hallé.

Je vous prie d'agréer, Monsieur et respecté Maître, l'hommage de mes sentiments dévoués.

G. Millet

¹ Н. П. Кондаков писал уже из Софии.

² Кондаков Н. П. Русская икона. Прага, 1928—1933. Т. 1—4.

№ 23

11 février 1921
[Paris] 34 rue Hallé XIV

Cher et honoré Maître.

J'espère obtenir assez de souscriptions pour votre ouvrage. Je viens de voir Mr. Evgraph Kovalevski¹ qui m'a promis de s'y intéresser. Nous avons le concours de l'Académie, de l'Institut Slave et, j'espère, du Gouvernement. L'éditeur que paraît le mieux disposé, je crois vous l'avoir dit, est Geuthner. Je l'ai revu, mais il m'a déclaré ne pouvoir faire aucune évaluation, aucune proposition ferme sans avoir d'abord examiné vos documents. Le prix de revient dépend, pour beaucoup, du caractère des photographies, du groupements que l'on peut en faire le tirage, l'autre part, l'éditeur sera plus ou moins généreux si les documents peuvent intéresser un public plus ou moins large. Il ya là une question d'ordre commercial dont il est juge. Les planches en couleurs ne peuvent pas se coller sur papier couché. Cela ferait une tache. Il faut renoncer à pareille économie. Permettez-moi aussi de vous demander si vous nous enverrez votre manuscrit en français ou en russe. Si vous l'envoyez en russe, nous le ferons traduire. M-me Blanche, une de vos admiratrices, pourrait s'occuper de ce travail. Ce serait peut-être la solution la plus pratique. A quel moment pourriez vous être prêt? Si votre manuscrit se trouve prêt des maintenant, je vous proposerai de me l'envoyer par voie diplomatique à votre illustration. Je ferai de mon possible pour aboutir. Je ne puis pas poursuivre les négociations, tant que je n'ai pas eu documents. Vous recevrez prochainement mon «*École grecque*» et mon «*Iconographie*» à titre d'hommage. Je souhaiterais qu'il fut rendu compte de ces ouvrages dans un périodique bulgare. Voudriez vous m'indiquer une personne qui saurait faire cette récénsion et le périodique qui la publierait. Je leur ferai envoyer un exemplaire. Veuillez agréer, mon respecté Maître, l'hommage de mes sentiments respectueux.

G. Millet

La poste ne répond pas des envois de livres en Bulgarie. Il faut que je cherche une voie plus sûre.

¹ Е. П. Ковалевский (1865—1941), член Государственной думы (вопросы народного образования) и церковного собора 1917—1918 гг., эмигрировал в 1920 г., жил в Париже.

№ 24

1 mars 1921
[Paris] 34 rue Hallé XIV

Cher et respecté Maître.

Mr. Whittemore¹ a bien voulu se charger de mes deux volumes et de quelques tirages à part. J'espère que vous les avez reçus. Je vous suis très reconnaissant d'avoir songé à en publier vous-même un compte rendu.² Ce sera pour moi un grand honneur.

Je comprends que vous désiriez publier votre ouvrage en russe. Mais je doute qu'un éditeur français consente à s'en charger. Avez-vous en vue une maison capable d'entreprendre une telle édition? Ou bien désirez-vous que je cherche à Paris. On m'a parlé de Jacques Povolozhy qui fait des éditions russes et françaises. Vous ne parlez dans votre lettre des planches exécutées par la phototypie Golike et Wilborg. Le travail fait pourrait-il être utilisé ou bien est-il perdu et doit être recommencé d'après les aquarelles originales? Ou pourrait-elle faire une double édition, l'une en russe, l'autre en français. Quoi que vous décidiez je serais toujours heureux, mon Cher Maître, de vous être utile et de vous donner par mon concours un témoignage de mon respect et de ma gratitude.

Votre respectueusement dévoué.

G. Millet

¹ Т. Виттмор (Whitmore, 1871—1959), американский византист, участвовал в помощи русской молодежи за границей.

² Эта рецензия не была напечатана.

№ 25

3 mai 1921

[Paris] 34 rue Hallé XIV

Monsieur et cher Maître.

Je vous prie d'abord d'agréer mes vœux d'heureuses fêtes de Pâques. Puissiez-vous nous donner, de longues années encore, les beaux travaux que nous attendons de vous.

L'éditeur de l'Union des zemstvos publiera votre livre. Nous avons envisagé une édition russe et une édition française. On imprimera à Prague pour avoir moins de frais. Peut-être, à cette heure, êtes-vous déjà saisi de l'affaire. Lorsque le devis sera prêt, j'essaierai d'obtenir une souscription de l'Académie et du Gouvernement. Mr. Grabar m'a envoyé son compte-rendu.¹ J'ai reçu d'ailleurs, par Mr. Ivanov, la collection complète du Bulletin de la Société archéologique bulgare. Je désirerais vivement lire le travail de Mr. Ajnalov sur les peintures du XIVe siècle parus dans les «Zapiski».² Comment pourrais-je me le procurer? J'attends bien impatiemment votre étude sur les fresques de Bojano.³ J'ai écrit cet article sur les zemstvos, parceque, pendant la guerre, j'ai travaillé quelques mois, à titre de volontaire, dans le bureau de la Guerre et des affaires étrangères, sur la presse russe. Tous, nous avons ainsi volontairement cherché à nous rendre utiles.

Veuillez agréer, Monsieur et cher Maître, l'expression de mes sentiments respectueux.

G. Millet

¹ А. Н. Грабар (1896—1990), историк византийского искусства; учился в Петербургском университете у Я. И. Смирнова и Д. В. Айналова, окончил курс университета в Одессе у Н. П. Кондакова, с последним постоянно общался в Болгарии в 1920—1922 гг. Отчет по археологической поездке по Болгарии был послан Г. Милле, так как А. Н. Грабар думал перебраться жить и работать во Францию, что и произошло в 1922 г.

² Айналов Д. В. Византийская живопись XIV столетия // Зап. ИРАО. 1917. Т. 9. С. 62—230 (есть отд. отт.: Пг., 1917. 174 с.).

³ Н. П. Кондаков и А. Н. Грабар планировали в соавторстве издать исследование о Боянских фресках. План не был осуществлен, и вышла книга: Грабар А. Н. Бояската църква. София, 1924.

№ 26

4 septembre 1921¹
St Marselin par Mons Var

Mon cher Maître.

Je croyais avoir répondu à votre lettre du 12 mai et vous avoir remercié de votre intéressante brochure.² Ma lettre a dû se perdre. Je m'étonne du silence de l'Union des zemstvos. Je vais rappeler l'affaire à Mr. Alereieff.

Avec tous mes vœux d'heureuses vacances je vous prie d'agréer, Mon cher et honoré Maître, l'expression de mes sentiments respectueux.

G. Millet

¹ Датируется по штемпелю.

² Кондаков Н. П. Мифическая сума с земною тягью // Списание на Българската академия на науките. София, 1921. Кн. 22. С. 53—66.

№ 27

24 septembre 1922
St Marselin par Mons Var

Monsieur et respecté Maître.

Je suis bien confus de tant de retard et vous prie humblement de m'excuser. Je n'ai pas voyagé. Mais pris par le travail, la fatigue, un peu de maladie, j'ai remis de jour en jour le plaisir de causer avec vous. En dernier lieu, on m'avait fait espérer votre visite à Paris. Je vois par votre aimable carte du 9 septembre que ce projet ne s'est pas réalisé. Combien je regrette que vous n'ayiez par accepté l'enseignement chez nous. C'est une véritable Université russe que enseigne dans le local de l'Institut d'Études slaves. Vous auriez retrouvé ici d'éminents compatriotes et pour moi j'aurais une grande joie à m'instruire auprès de vous. La question d'argent n'aurait pas été pour vous une si grande difficulté. Peut-être aurait-on pu trouver des ressources supplémentaires. J'apprends avec grand plaisir que votre ouvrage sur l'icône russe va paraître.¹ J'aurais préféré qu'il ne fut pas abrégé et paraisse en français. J'y avais pensé. Et la chose serait faite depuis longtemps si vous n'aviez modifié vos projets, lorsque j'ai négocié l'affaire avec les éditeurs, l'Institut Slave et l'Académie. Mr. Zacharof dont vous me parlez était absent de Paris cette année. Je ne pense pas qu'en dehors des concours officiels, on puisse publier un ouvrage de cette importance. Peut-être pourrez-vous revenir sur ce projet. Soyez assez aimable pour me faire savoir, par un mot, si vous restez quelque temps à Prague, à la même adresse. Je vous ferai parvenir mon volume sur l'ancien art serbe.² Ce que vous me dites d'aimable sur mon «Iconographie» me touche beaucoup, le livre doit beaucoup à vos propres recherches. Vous nous avez ouverte la belle et grande voie des études d'archéologie byzantine, vous avez semé les moissons que nous récoltons.

Je vous prie encore de ne pas me tenir rigueur de mon silence et de vouloir bien me donner de vos nouvelles. Je serais trop heureux si je pouvais vous être utile.

Veillez accepter l'hommage de mes respectueux sentiments.

G. Millet

Veillez m'écrire toujours à Paris 34 rue Hallé XIV.

¹ Речь идет о кратком варианте книги: Kondakov N. P. The Russian Icon. Oxford, 1927.

² Millet G. L'Ancien art serbe: Les églises.

№ 28

19 octobre 1922
St Marselin par Mons Var

Cher et respecté Maître.

J'apprends avec plaisir que vous n'avez pas renoncé à publier votre ouvrage en France. Puisque vous voulez bien me faire connaître votre façon de voir, vous me permettez de vous indiquer les conditions que me paraissent nécessaires pour aboutir. Les éditeurs à qui je me suis adressé il y a deux ans ne se montraient nullement séduits par le sujet et ne croyaient pas au succès de la publication. Même avec une souscription certains refusaient l'affaire. La condition primordiale me paraît donc être une souscription de l'Académie ou de l'Institut Slave. Il faudrait intéresser à la publication les Tchécoslovaques et les Yougoslaves. Les honoraires seraient légitimes. Mais ils greveraient beaucoup les frais. On obtiendrait plus facilement un tant pour-cent sur la vente. C'est là une question d'ordre pratique et l'on peut toujours trouver un moyen de la résoudre. Il faut aussi prévoir quelques frais pour la traduction ou bien, si vous traduisez vous-même? Pour la mise au point et la correction des épreuves. Si vous désirez de donner suite à ce projet je vous prierais d'abord d'arrêter définitivement votre texte le plus court possible et votre illustration et de les envoyer à Paris. Il n'est pas possible d'engager des négociations sans montrer les documents: c'est ce que tous les éditeurs m'ont dit. Ainsi l'ordre à suivre serait le suivant:

1. Mettre la dernière main à votre ouvrage (en russe, si vous voulez) et envoyer votre manuscrit avec l'illustration à une personne de votre choix.
2. Négocier avec un éditeur.
3. Les conditions étant bien arrêtées, demander une souscription.
4. Je ne tarderai pas à rentrer à Paris où je serai très heureux de recevoir de vous une nouvelle lettre à ce sujet (34 rue Hallé XIV). Ma femme très touchée de votre aimable souvenir vous prie, comme moi-même, d'agréer l'hommage de nos respectueux sentiments.

G. Millet

№ 29

6 juillet 1923
[Paris] 34 rue Hallé XIV

Cher et respecté Maître.

Les amis de Mr. Schlumberger se proposent de lui offrir un volume de «Mélanges» pour célébrer son 80e anniversaire.¹ Nous nous sentirions très honorés si vous vouliez bien vous joindre à nous pour donner, en toute simplicité, ce témoignage d'affection à notre Maître respecté. Il suffirait d'un court article, une dizaine de pages, que nous serions bien aisés de recevoir en novembre. Nous aurons des planches.²

Le congrès des sciences historiques de Bruxelles a émis un voeu pour la publication d'une revue des «Études byzantines» qui paraîtrait en Belgique et aurait un caractère international.³ Les négociations sont en bonne voie. Ce serait une belle recommandation pour notre oeuvre. Et le premier fascicule avait un article de vous.⁴ Je suis toujours à votre disposition pour la publication de votre livre sur l'icône russe. Ne vous préoccupez pas des souscriptions. Elles sont nécessaires, mais c'est moi qui les solliciterai. J'ai depuis longtemps obtenu des promesses. Je ferai traduire votre travail et vérifierai la traduction. Je vous prierai seulement de faire copier votre texte à la machine à écrire si cela vous est commode. Laissez-moi organiser tout cela. Je veux que mon pays rende un

bel hommage à votre admirable carrière scientifique. Tel sera le sens que l'Académie, l'Institut Slave ou le Gouvernement attacheront aux souscriptions.

Je vous prie, mon cher et respecté Maître, d'agréer l'hommage de mes sentiments respectueux et dévoués.

G. Millet

Désirez-vous toujours venir à Paris? Ce serait le moment de demander la chose. Dites-moi vos intentions et j'écrirai à Mr. Meillet. Pourriez-vous indiquer, parmi vos collègues actuellement à Prague, celui qui pourra nous faire, pour la revue, une bibliographie et un Bulletin sur l'histoire de la Russie dans ses rapports avec l'Empire byzantin.

¹ Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger, à l'occasion du quatrevingtième anniversaire de sa naissance.

² *Kondakov N.* Un détail des harnachements byzantins.

³ V Международной конгресс исторических наук. 1923 г. Речь идет о журнале: *Byzantion. Revue International des Études Byzantines.* Paris; Liège, 1924. Vol. 1.

⁴ *Kondakov N. P.* Les Costumes orientaux à la Cour Byzantine // *Byzantion.* 1924. Vol. 1. P. 7—49.

№ 30

8 octobre 1923
St Marselin par Mons Var

Monsieur et cher Maître.

J'ai sous les yeux votre aimable lettre du 10.07.23 où vous avez bien voulu me parler de vos projets. Permettez-moi de vous demander si vous pensez pouvoir bientôt les réaliser. A propos de «L'Icône russe», Madame Olga Vitoli a bien voulu me proposer son concours pour la traduction. Elle a pris cette initiative sur votre conseil. Son expérience et son talent me paraissent offrir les meilleures garanties. Avez-vous correspondu de nouveau avec Mr. Meillet pour un enseignement à Paris? C'est le moment je crois de négocier cette affaire. Les cours commencent en novembre. Si vous attendez la fin de votre contrat avec l'université de Prague vous resterez ses mois sans emploi. Vous avez bien voulu me promettre un article pour les «Mélanges» Schlumberger. Je serais très heureux de le recevoir, si c'est possible, vers le 1er novembre.

Je vous prie, Monsieur et cher Maître, de croire à mes sentiments respectueux et dévoués.

G. Millet

№ 31

[Paris] 34 rue Hallé XIV
30 janvier 1924

Monsieur et cher Maître.

Je suis bien en retard et m'en excuse. J'ai été très surchargé tous ces temps et j'ai besoin de toute votre indulgence.

Permettez-moi d'abord de vous offrir mes vœux et mes félicitations. C'est plutôt l'Académie¹ que je féliciterai d'avoir su réparer un trop long oubli et rendre enfin l'hommage qu'elle devait à un Maître vénéré qui a véritablement créé notre science des monuments de l'Orient médiéval.

J'ai un grand plaisir à causer avec Mr. Johne Crane² de vous, de votre ouvrage. Mr. Crane m'a annoncé son intention de prendre à sa charge les frais de traduction. Dès que j'aurai en mains votre manuscrit, je le donnerai à traduire. Madame Vitoli m'a fait savoir

qu'elle se chargerait volontiers de ce travail. Je tâcherai de faire pour le mieux. Si vous pourriez me faire parvenir votre manuscrit avant la fin de mars, ce serait préférable. Il est possible que je m'absente ensuite pour aller au Congrès de Bucarest³ et pour voyager. Il est fâcheux que vous ayez tardé. En ce moment, la crise des changes et la politique d'économie rendent la publication plus difficile vaut mieux se hâter. Ne vous inquiétez pas de votre article.⁴ J'arrangerai la rédaction et je l'illustrerai avec quelques — uns des monuments que vous citez. Si vous aviez par hasard quelque chose d'inédit, ce serait encore mieux. Notre projet de revue des «Études Byzantines» est en bonne voie. Nous espérons avoir bientôt les subventions et les abonnements nécessaires. Nous serons très honorés d'avoir un article de vous dans notre premier numéro. Au sujet des vêtements de la cour byzantine, vous connaissez sans doute l'ouvrage récent de Mr. Ebersolt intitulé «Les arts somptuaires de Byzance».⁵

Je vous prie, mon cher Maître, de croire à mes sentiments respectueux.

G. Millet

¹ В конце 1923 г. Academie des Inscriptions et des Belles-Lettres избрала Н. П. Кондакова своим членом-корреспондентом. Согласно дневнику, ученый узнал об этом сначала из газет (запись от 9 декабря 1923 г.).

² Д. Крэн (J. Crane, 1899—1982), личный секретарь президента Чехии Т. Г. Масарика в течение 7 лет; учился в Гарварде, в Праге посещал лекции Н. П. Кондакова в Карловом университете; сын Ч. Крэна (Ch. R. Crane, 1858—1939), крупного американского промышленника, мецената, филантропа. При финансовой поддержке Д. Крэна было осуществлено издание «The Russian Icon» (посвященное ему автором). Полное издание книги финансировалось канцелярией президента Чехии Т. Г. Масарика, а также Ч. и Д. Крэнами. Позднее они поддерживали Семинарий — Институт им. Н. П. Кондакова.

³ I Международный конгресс византистов проходил с 14 по 19 апреля 1924 г.

⁴ Речь идет о: *Kondakov N. P. Les Costumes orientaux à la Cour Byzantine.*

⁵ *Ebersolt J. Les art somptuaires de Byzance. Paris, 1923.*

№ 32

18 août 1924
St Marselin par Mons Var

Monsieur respecté Maître.

J'ai écrit à Mr. Toll,¹ 7 rue Toullier Paris V, et ma lettre m'est revenue. Pourrai-je avoir l'adresse actuelle? On m'offre pour 25.000 fr. une maison très avantageuse à 5 km de Toulon près du tramway.² J'espère qu'on pourra obtenir un rabais. J'ai envoyé la note de l'agence à Mr. Toll. Mais je crains qu'il ne l'ait pas reçue ma lettre. A Grasse, les offres que j'ai reçues ne sont pas très intéressantes. Il faudrait voir les agences.

Votre respectueusement dévoué G. Millet

Mr. Toll peut écrire à l'agence Fournier, Place de théâtre, Toulon en lui rappelant mon nom.

¹ Н. П. Толль (1894—1985), археолог, историк искусства, эмигрировал. Был студентом Н. П. Кондакова в Карловом университете, один из создателей *Seminarium Kondakovianum*.

² Г. Милле пытался помочь Н. П. Кондакову приобрести дом на юге Франции.

№ 33

7 septembre 1924
St Marselin par Mons Var

Cher et respecté Maître.

J'ai bien reçu votre aimable lettre du 02.09, votre adhésion aux «Mélanges» Schlumberger et le montant de votre souscription (75 fr.). Je vous prie d'agréer mes très

sincères remerciements. Je suis infiniment touché de votre aimable attention pour moi-même. Je regarde avec joie votre beau portrait.¹ J'y vois l'image de cette belle rigueur que l'âge n'a point atteinte, qui nous à tous émerveillés à Bucarest. J'écris à Mr. Graindor au sujet de la planche de Racinet.² J'ai fait faire français. Il y aurait intérêt de le faire court, l'impression coûtant relativement plus cher que la phototypie. Les éditeurs³ vous prient de leur communiquer vos documents, c'est-à-dire les photographies si c'est possible, les toutes. Ils pourront alors étudier l'affaire de près et faire un devis. Si vous pouviez me les confier — en faisant l'envoi par exemple par la valise — je négocierai l'affaire au mieux de vos intérêts. L'éditeur demandera naturellement un appui. Nous solliciterons à la fois l'Académie, le Gouvernement, la colonie russe et aussi les Gouvernements de Bulgarie et de Serbie. L'éditeur vous recommanderait aussi de choisir un titre ou figurât le qualificatif de byzantin. Ce serait un élément de succès.

Dès que le jour de l'an sera passé, je vous enverrai mon «École grecque» et mon «Iconographie de l'Évangile». Quant à «l'Ancien art serbe», il faut s'adresser au Gouvernement de Belgrade. Je vais m'en occuper.

Veillez croire à mes très respectueux sentiments et agréer tous mes vœux et ceux de ma femme.

G. Millet

¹ Фотопортрет.

² По-видимому, Г. Милле пытался помочь достать какую-то иллюстрацию.

³ Дальше речь идет о предварительной работе по изданию «Русской иконы».

№ 34

29 décembre 1924¹
[Paris] 34 rue Hallé XIV

Mon cher et respecté Maître.

Ce que vous me dites d'aimable à propos de ma décoration² m'a vivement touché. Aucun éloge ne peut me faire plus de plaisir que les vôtres, vous qui êtes l'initiateur et le Maître de nos études. Vous voudrez bien excuser le retard de cette lettre. J'attendais l'occasion de rencontrer Mr. Diehl et de visiter quelques éditeurs. Ainsi que vous pouviez le prévoir, l'heure est mauvaise pour une publication coûteuse. Tout est cher et les acheteurs sont rares. De larges marchés, tels que l'Allemagne et la Russie sont fermés. Même l'Amérique hésite à dépenser. Votre ouvrage avec des planches en couleurs demanderait 75 000 ou 80 000 francs. On a dû vous écrire que l'Académie ne dispose pas de fonds suffisants pour entreprendre une telle publication. D'autre part, les mécènes sont tellement sollicités par les misères à secourir, qu'on ne peut guère compter sur eux. Mr. V. Goloubiev voyage en Extrême-Orient. Son frère, Mr. Léon Goloubiev (11, rue Théodore de Banville), paraît porter moins d'intérêt aux études archéologiques. Mr. Zaharov (53 avenue Hoche) est dans le Midi en ce moment.

Je désire très vivement publier votre travail. Mes conversations avec les éditeurs m'ont démontré que pour réussir il faut faire des sacrifices. Une planche en couleur coûte au moins 1000 francs. Il faudrait se contenter d'un tout petit nombre, 4 ou 5 au plus. Un des éditeurs que j'ai vu et qui paraîtrait disposé à marcher propose ceci: 1. Faire deux volumes distincts un pour le texte, l'autre pour les images, et reproduire les images en phototypie avec impression au recto et au verso. 2. Partager l'ouvrage en deux ou trois tomes que seraient publiés en deux ou trois ans, de manière à ménager les ressources de l'acheteur. Voici d'ailleurs quelques chiffres que vous donneraient une idée des prix:

1. Feuille (16 pages) en 8°, papier ordinaire, sans photogravures: environ 280 fr. (tirage à 500).

2. Photogravures: 0 fr. 20 c. centimètre carré (pour l'exécution du cliché).

3. Papier ordinaire: 0.20 la feuille.

4. Papier couché: 0.32 la feuille.

5. Phototypie format en 4°, tirage recto et verso, les 8 planches: 115 francs. (tirage à 500).

Votre texte sera naturellement en un cliché qui est maintenant chez le phototypieur. Mais il me reste une épreuve en double que pourrait être utilisée pour «Byzantion».

Mr. Vernadsky³ m'avait envoyé une notice biographique et une liste de vos principales ouvrages. J'y avais joint une courte note sur la signification de votre oeuvre.

Tout cela est arrivé trop tard pour «Byzantion».⁴ On a déjà imprimé une autre notice rédigée par Mr. Ebersolt.⁵ Rien ne sera perdu, je publierai ces documents dans une revue française.

Je regrette encore que Mr. Toll ne m'ait pas mis au courant de ses démarches et se soit si vite découragé. Nous aurions trouvé.⁶ Ne chercheriez-vous pas une location ou une pension? Ma femme vous remercie de votre charmant souvenir et se joint à moi pour vous offrir nos voeux respectueux.

G. Millet

Vous avez bien reçu je pense les épreuves de votre article.⁷ Soyez assez bon pour me le renvoyer au plus tôt pour la mise en pages.

¹ В дате письма ясно читается «1920», но это явная описка, датируем по содержанию.

² Сведений о награде мы не имеем.

³ Г. В. Вернадский (1887—1973), историк, сын В. И. Вернадского; эмигрировал в 1920 г., вошел в круг учеников Н. П. Кондакова в Праге, один из создателей *Seminarium Kondakovianum*.

⁴ Имеется в виду подготовка заметки Г. Милле по поводу 80-летия Н. П. Кондакова.

⁵ *Ebersolt J. M. Nicodim Pavlovitch Kondakov // Byzantion. 1924. Vol. 1. P. 1—6.*

⁶ Речь идет о поисках дома.

⁷ *Kondakov N. Un détail des harnachements byzantins.*

Письмо Г. Милле С. Н. Кондакову

№ 35

[Paris] 34 rue Hallé XIV
24 mars 1925

Cher Monsieur,

Mr. Vernadsky a dit sans doute la part que j'ai prise à votre deuil. Une lettre de lui m'avait averti avant celle de faire part et je lui avais immédiatement écrit en le priant de se faire mon interprète auprès de vous. Laissez-moi vous exprimer encore ma très profonde sympathie. Votre père était un des Maîtres que je vénérerais le plus. Sa pensée profonde et inventive m'avait initié à notre science, m'avait toujours mis sur la voie des recherches fécondes. Je conserve précieusement son souvenir et son exemple.

Vous devez être en possession maintenant des «Mélanges Schlumberger». Nous n'avons pas encore les tirages à part. Vous en aurez vingt-cinq. L'éditeur en a fait tirer un plus grand nombre et les vend. Il les cède aux auteurs au prix de revient. J'ai bien reçu le tirage à part de «Byzantion» et les planches des pages 36—40, 42 et 46. Laissez-moi vous offrir mes sincères remerciements. Laissez-moi encore en terminant vous dire avec quelle émotion j'ai lu votre aimable lettre et vous remercier. Votre père avait conservé jusqu'au dernier jour toute sa force et son courage. Il a quitté ce monde sans avoir rien perdu de lui-même. C'est un grand souvenir.

Je suis tout à votre disposition s'il m'est possible de vous être utile. Veuillez croire à mes sentiments distingués et dévoués.

G. Millet

Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни

(по материалам эпистолярного наследия)¹

Мировая величина в художественной медиевистике, «архистратиг русской национальной археологии» академик Никодим Павлович Кондаков (1844—1925) весной 1917 г. уехал в Одессу, покинув Петроград, как оказалось, навсегда.² Трудности сначала беженства, затем и эмиграции разделила с престарелым Н. П. Кондаковым курсистка Е. Н. Яценко, неотлучно находившаяся с академиком с весны 1917 г., ставшая его секретарем и «почти нянькой» (лишь в 1921 г., уже в Болгарии, к ним присоединился старший пасынок ученого С. Н. Кондаков). В том же 1917 г., 1 сентября, Н. П. Кондаков смог добраться из Одессы до Москвы. Однако из-за угрозы немецкой оккупации Петрограда и новых политических потрясений в стране, по совету своего любимого ученика Я. И. Смирнова, прибывшего в Москву с эвакуированными ценностями Эрмитажа, академик все же не рискнул вернуться в северную столицу — по его поручению туда на несколько дней отправилась Е. Н. Яценко. Она вывезла с собой три папки с рукописями Кондакова, забрав их у хранителя Библиотеки АН Ф. И. Покровского. Из рукописей две существовали в единственном экземпляре: 1-й том «Русской иконописи», 3-й том «Иконографии Богоматери» и «Итальянские миниатюры»,³ а также находившиеся в Археологической комиссии два пакета с материалами для 2-го тома «Русских кладов».⁴

О пребывании в Москве Екатерина Николаевна сообщала С. Н. Кондакову 9 октября 1917 г.: «Жизнь наша очень интересна, особенно для меня, впервые, с

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00215а.

² С 15 апреля 1917 г. Н. П. Кондаков жил в Петербурге—Петрограде, с 18 апреля по 28 августа 1917 г. — в Одессе, с 1 сентября по 11 октября 1917 г. — в Москве, с 14 октября 1917 г. по 7 сентября 1918 г. — в Ялте, с 9 сентября 1918 г. по 24 января/6 февраля 1920 г. — в Одессе, с 25 февраля 1920 г. по 21 марта 1922 г. — в Софии, с 26 марта 1922 г. до конца жизни — в Праге. См.: *Тункина И. В.* Материалы к биографии Н. П. Кондакова // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения / ГРМ. [СПб.], 2001. С. 9—23.

³ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 252. Л. 1—2 об.

⁴ Второй том «Русских кладов» Н. П. Кондакова был утвержден к изданию Императорской археологической комиссией в ноябре 1896 г. Текст размером от 20 до 25 печатных листов в четвертую долю листа должен был заключаться указателем к обоим томам объемом в 1 печатный лист. Первоначально автор планировал иллюстрировать том 2–3 таблицами в красках, 32–36 таблицами фототипий и 150–175 цинкографическими клише в тексте. С 1 февраля 1917 г. к работе была привлечена Е. Н. Яценко, «занимающаяся по истории искусства и приготавливающая для этого тома научную работу по формам звериного стиля в русских древних и лицевых рукописях», с оплатой 50 р. в месяц из средств комиссии. 13 апреля того же года Яценко сдала в комиссию на временное хранение материалы к этому изданию. 15 сентября 1917 г. по поручению отца С. Н. Кондаков забрал из комиссии «два пакета опечатанных с материалами для 2 тома Русских кладов» (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1—1885. Д. 59. Л. 260, 288—298, 319 об., 381—382). Эти материалы Е. Н. Яценко привезла Н. П. Кондакову в Москву.

Н. П. Кондаков

некоторыми знаниями, знакомящейся с памятниками. Работаем каждый день в Историческом музее, там нам вынули клады. Были у Остроухова и сегодня с Орешниковым у Зубалова — большая коллекция икон, Никодим Павлович считает ее хорошим, ценным собранием. 8 и сегодня были у Малютина — кончал писать портрет, не скажу, чтобы портрет Никодима Павловича мне особенно нравился, не передает всех индивидуальных особенностей. Он показывал нам свои работы, этюды и портреты. Вспомнила тебя, при ином положении вещей была бы интересная статья для “Столицы и усадьбы”». ⁵ Н. П. Кондаков и Е. Н. Яценко покинули Москву 11 октября 1917 г. и затем почти год прожили в Ялте.

Бегством из столицы Кондаков пытался оградить себя от политических временщиков всех оттенков, от войны, разрухи, голода, от идеологического гнета большевиков, повсеместного уничтожения науки и культуры — всего того, во что была ввергнута страна. Все намерения Н. П. Кондакова вырваться на север в 1918—1919 гг. в Петроград и для исследовательской поездки по монастырям были заранее обречены на неудачу из-за возраста ученого, обремененного грузом рукописей, с которыми он никогда не расставался, и нечеловеческих условий быта времен гражданской войны. Уже находясь в Одессе, Никодим Павлович через А. А. Шахматова исходатайствовал себе охранную грамоту — удостоверение от Российской Академии наук о командировании его на юг России «для изучения памятников христианской древности в связи с его работами по иконографии, сроком с 15 июня по 15 сентября 1919 г.» ⁶

⁵ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 252. Л. 1—2 об. Подробнее о пребывании Кондакова в 1917 г. в Москве см.: *Кызласова И. Л.* Из дневника Н. П. Кондакова за 1917 г. / Санкт-Петербургский Фонд культуры. Программа «Храм». (К 150-летию со дня рождения Н. П. Кондакова): Сб. материалов. СПб., 1994. Вып. 6 (ноябрь 1993—июнь 1994). С. 44—55.

⁶ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 94. Л. 31.

Мысль о выезде из России «куда глаза глядят» впервые посетила патриарха отечественной византистики в декабре 1917 г.⁷ Поражение Белого движения вынудило Н. П. Кондакова 24 января/6 февраля 1920 г. покинуть Одессу на одном пароходе с И. А. Бунинным, затем через Константинополь выехать в Болгарию. Осев на два года в Софии,⁸ Никодим Павлович вынужден был перебраться в Прагу из-за отсутствия необходимой научной литературы и крайне ограниченного круга интеллектуального общения. Стимулом к переезду послужило и то, что начиная с осени 1921 г. по инициативе президента Т. Г. Масарика в рамках так называемой русской акции правительство Чехословакии выделяло немалые средства для поддержания русских «культурных сил». В Прагу устремились многочисленные эмигранты, ранее жившие в Болгарии, Турции, Югославии, Польше, Германии и странах Прибалтики. Фигура Н. П. Кондакова в Праге, еще 1 декабря 1898 г. избранного действительным иностранным членом по Историческому отделению Чешской Академии наук, литературы и художеств, смотрелась особняком от русской эмигрантской общности, «хотя бы по той причине, что он не был принят чехословацкими властями из милости на государственное иждивение, а приглашен в Прагу со всем почтением, подобавшим члену Петербургской Академии наук, по инициативе совета Карлова университета, избравшего его профессором-ординариусом (или *honoris causa*)».⁹

В течение трех лет, с 1919 по 1922 г., Кондаков не имел контактов с коллегами в Петрограде и даже не переписывался «с кем-либо в России вообще». Лишь в конце 1922 г. через В. А. Францева он получил приглашение представить отчет о научной деятельности для Отделения русского языка и словесности РАН, что стало поводом для возобновления контактов с коллегами на Родине.

Для реконструкции биографии Н. П. Кондакова, для истории русской науки первых лет советской власти и истории русской эмиграции непреходящую ценность представляет переписка ученого 1917—1925 гг. с русскими коллегами, оставшимися в Советской России, хранящаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и Литературном архиве «Памятники национальной письменности» в Праге. Письма адресованы непременно секретарю РАН С. Ф. Ольденбургу, председателем в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) А. А. Шахматову и В. М. Истрину, востоковеду Н. Я. Марру, историку В. П. Бузескулу, близким ученикам С. А. Жебелеву и Д. В. Айналову. В Праге сохранилась и ответная корреспонденция А. А. Шахматова, Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева, А. А. Спицына, В. П. Бузескула, Д. В. Айналова и др.¹⁰ Дополнением к ним служат послания Е. Н. Яценко к С. А. Жебелеву, Н. Л. Окунева к Д. В. Айналову, а также письма С. А. Жебелева к С. Н. Кондакову и одному из последних учеников Н. П. Кондакова, ученому секретарю Семинария им. Н. П. Кондакова, Н. М. Беляеву и С. Н. Кондакова к Д. В. Айналову, сохранившиеся в архивах Петербурга и Праги.

⁷ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 132.

⁸ См.: *Манолаков Х.* Русская эмиграция в Чехии и ее болгарские рефлексии (Никодим Павлович Кондаков и Болгария) // Междунар. конф. «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды славянской библиотеки и пражских архивов» (Прага, 14—15 авг. 1995 г.): Сб. докладов. Прага, 1995. Ч. 2. С. 660—674.

⁹ *Лосский Б. Н.* В Русской Праге (1922—1927) // Минувшее. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 13.

¹⁰ Описание пражской части архива Н. П. Кондакова, хранящейся в ЛАПНП, см.: *Nikodim Pavlovič Kondakov (1844—1925) / Zpracovala Lydie Kopecká a Marta Dandová.* Praha, 1995. Недавно опубликована опись фонда Археологического института Н. П. Кондакова, хранящегося в Отделе документальных фондов Института теории и истории искусств АН ЧР в Праге: *Archeologický institut N. P. Kondakova 1925—1952. Inventář fondu. Zpracovala Lydie Kopecká.* Praha, 1999.

Наиболее информативны письма к одному из любимых и близких по духу учеников Кондакова — С. А. Жебелеву.¹¹ Они знали друг друга 35 лет, с осени 1890 г., когда по рекомендации В. В. Стасова Сергей Александрович был привлечен к чтению корректур фундаментального труда Кондакова «Византийские эмали». Их объединяла совместная деятельность в кружке фактопоклонников при музее древностей Петербургского университета и в Русском археологическом обществе. «С покойным Н. П. Кондаковым, — вспоминал позднее С. А. Жебелев, — мы всегда были согласны в том, что мы сами учились гораздо больше из живого общения с людьми, чем из книг, как бы они хороши и нужны нам ни были».¹² Видя методичность, работоспособность и трудолюбие Жебелева, работавшего в строгих рамках историко-филологического направления русской гуманитарной науки, Кондаков стремился переманить младшего коллегу из области классической филологии и античной истории в сферу археологии и истории искусств: «Чем более я вижу, как Вы работаете, тем более я жажду, чтобы Вы перешли на археологию. Судьба этого предмета у нас горькая, и кто любит его, должен его поддерживать» (10 июля 1897 г.). В годы первого десятилетия их переписки рефреном звучит одно и то же настойчивое предложение мэтра: «Очень рад, что Вы много работаете и с таким упорством... С истинным восторгом всюду видел, как Вы научно работаете. Вы точно каменщик у нас в горах: сперва дробите, тешете, потом укладываете так, что и пазов не видать. Вся эта работа только более и более побуждает меня желать, чтобы Вы работали и по археологии. И тут Вы послужили бы образцом методичности, точности и также непреложности выводов» (30 июля 1897 г.).¹³ Ознакомившись с магистерскими диссертациями своих учеников — С. А. Жебелева и М. И. Ростовцева,¹⁴ Кондаков дал им высокую оценку в письме от 31 мая 1899 г.: «Ростовцеву передайте, что очень благодарю его за книгу. Ваши обе диссертации не только плод эрудиции, но и живого отношения к науке, как стремление к знанию. И, пожалуйста, не говорите Якову Ивановичу (Смирнову. — *И. Т.*), но именно этим последним обстоятельством они отличаются от большинства немецких современных книжек, близко напоминающих семинарские тетрадки».¹⁵

С. А. Жебелев регулярно участвовал в кондаковском домашнем семинаре — субботних «журфикасах» так называемой Свободной Академии, где шло «приобщение к ремеслу» нескольких поколений исследователей.¹⁶ Сергей Александрович также постоянно следил за научными трудами своего духовного учителя, которые он ценил не только из-за их содержания, но прежде всего из-за методологических установок автора: «Я уже прочел довольно “Афона”,¹⁷ читается с большим интересом, не говоря, уж конечно, о поучительности. Всего же более меня радует и восхищает то, что 1) русская историко-филологическая наука еще не умирает, несмотря на то что ее оживляют очень немногие (хотел бы сказать более, да, боюсь, Вы меня заподозрите в неискренности) и 2), говоря по-русски, Вы утерли нос

¹¹ В ПФА РАН сохранились 83 письма Н. П. Кондакова к С. А. Жебелеву за 1893—1925 гг. (Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. 161 л.), 10 писем и 18 открыток С. А. Жебелева к Н. П. Кондакову за 9 апреля 1897 г.—8 августа 1914 г., из Москвы, Петербурга, Гатчины, Афин, Константинополя, Милана, Рима, Флоренции в Петербург, Ялту, Рим (Ф. 115. Оп. 4. Д. 146. 35 л.). В Праге сохранилось 14 писем Жебелева за 1923—1925 гг. (ЛАНП), письма в Одессу и Ялту 1917—1920 гг. до нас не дошли.

¹² ОДФ ИТИИ АН ЧР. Ф. К1-28. № 4 (письмо С. А. Жебелева к Н. М. Беляеву от 30 июня 1927 г.).

¹³ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 56 об.—57.

¹⁴ Жебелев С. А. Из истории Афин: 231—229 гг. до Р. Хр. СПб., 1898; Ростовцев М. И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 109—109 об.

¹⁶ Подробнее см.: Кызласова И. Л. Забытая традиция в преподавании истории искусства: Из опыта Ф. И. Буслаява и Н. П. Кондакова // *Rossica*. Praha, 1996. № 2. С. 77—84.

¹⁷ Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне / Изд. Имп. АН. СПб., 1902.

академикам» (21 февраля 1902 г.); «Получил “Македонию”¹⁸ — спасибо; превосходная книга, вышедшая как раз вовремя. Снова должно преклониться пред Вашей энергией и работоспособностью. Нашему поколению до Вашего ой-ой куда далеко!» (23 марта 1909 г.). Высокая оценка иконографического метода Кондакова звучит в письме от 30 апреля 1914 г. с реакцией на выход первого тома «Иконографии Богоматери»:¹⁹ «Книга вышла чрезвычайно нарядная. Успел ее разрезать и начал читать. Уже “Введение” показывает, с какой интересной и, пожалуй, единственно научной точки зрения Вы подошли к сюжету и разработали его. Особенно радостно было прочесть то, что Вы написали о “форме и содержании”. В трактатах по классическому искусству, более мне знакомых, с легкой руки Фуртвенглера, разбор “форм” совершенно вытеснил, за последнее время, разбор “содержания”. Впали в такую же крайность, в какую ударялись в свое время, когда разгадывали только содержание. Конечно, и в том и в другом случае история искусства получалась однобокой и кривобокой. Мне думается, что в будущем увлечение “формой”, если не пройдет — да оно и не может и не должно пройти, — все же станут уделять больше внимания и содержанию. И тогда “однобокая кривобокость” исчезнет. В этом отношении труд Ваш для всех историков искусства должен сыграть первостепенную роль и многих обратить на путь истинный, а давно и открыть глаза на то, как теперь должно трактовать историю искусства, если она хочет быть историей. Вот что мне пришло в голову при начальном ознакомлении с книгой, и мне захотелось Вам об этом сразу же и написать».²⁰

Краткую характеристику вклада в науку Н. П. Кондакова С. А. Жебелев дал в неопубликованной работе «Археология и общая история искусства», написанной в 1918 г. для так и не вышедшего в свет сборника «Русская наука».²¹

«В области изучения памятников классического искусства русская наука... стремилась... лишь не отставать от того прогресса, которым ознаменовалось развитие... в науке общеевропейской. Зато в области изучения искусства византийского русская наука давала и дает тон и поныне науке общеевропейской. И обязана этим византийская археология неутомимой, разносторонней и всегда плодотворной деятельностью Н. П. Кондакова. Н. П. Кондаков называет своим “незабвенным учителем” Ф. И. Буслаева, который, по его словам, заложил фундамент русской археологической науки. Н. П. Кондаков возвел на этом фундаменте прочное и мощное здание, причем при возведении его применил те методы историко-аналитической конструкции, благодаря которым археология превращается в историю искусства. Н. П. Кондаков является, бесспорно, первым археологом и историком искусства, опиравшимся при своих исследованиях христианских памятников на тщательное и всестороннее изучение их стиля, ведущим все свои разыскания на широкой исторической основе, пользовавшимся постоянно сравнительным методом. Многократные посещения западноевропейских музеев, путешествия по странам христианского Востока не только сделали Н. П. Кондакова первоклассным знатоком христианских памятников, но и дали ему возможность ввести в научный обиход и тщательно обследовать целый ряд памятников, ранее неизвестных вовсе или недостаточно, либо неправильно оцененных. Наконец, по содержанию труды Н. П. Кондакова охватывают, можно сказать, христианское искусство во всей его совокупности».²²

¹⁸ Кондаков Н. П. Македония: Археологическое путешествие / Изд. Импер. АН. СПб., 1909.

¹⁹ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери / Изд. Импер. АН. СПб., 1914.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 4, 27, 32—33.

²¹ О судьбе сборника «Русская наука» см.: Тункина И. В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916—1930 гг.) // Петербургская Академия наук в истории академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции 28 июня—4 июля 1999 г. / РАН СПбНЦ. СПб., 1999. Т. 1. С. 182—194.

²² ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 5. 47 л. 10 мая 1918 г.—1 октября 1921 г. (очерк С. А. Жебелева подготовлен к печати И. В. Тункиной).

Помимо научной сферы С. А. Жебелева и Н. П. Кондакова связывали общность политических взглядов, сходные пессимистические оценки событий русской истории и современной им действительности. Так, по письмам времен первой русской революции²³ прослеживается их крайне негативная оценка революционного и либерального движения, успехи которых, по их убеждению, неизбежно ввергнут страну в «пугачевщину», проявляются во многом сходные консервативно-националистические взгляды с явным душком ксенофобии и антисемитизма, которые были достаточно характерны для определенной части русской научно-художественной интеллигенции почвеннического толка.

«Вы были правы, предсказывая “пугачевщину”, — писал Жебелев 27 июля 1906 г. — До настоящей революции мы не доросли, да и слишком малокультурны». Несколькими днями позже он продолжил тему в письме из Гатчины от 8 августа 1906 г.: «Я, поневоле, обсуждал сам с собою неоднократно ту трясиину, в которую мы попали, и пришел к убеждению, что дело вовсе не так плохо, как рисуют его “левые” и “правые”. Революционное движение в России, без сомнения, есть, но где оно соредоточено по-настоящему? На окраинах, населенных в массе инородцами и париями-русскими. Инородцы, кого бы из них мы ни взяли, культурных ли поляков, или диких кавказцев, или тупых эстов и латышей, имеют полное право быть нами недовольны, потому что мы их всех старались русифицировать не при помощи культуры, как бывает это в культурных странах, а при помощи кулака. Ну а на кулак всегда отвечают кулаком. У нас же при русификации никакого оружия в руках не было, кроме кулака, ибо культура наша=0. И пока на окраинах наших будет действовать только кулак, нам от революции не избавиться. Виднейшую роль в революции играют евреи. Это несомненно и раньше было, а теперь, когда я посидел месяц на суде в компании с евреями, для меня ясно как день. Что теперь делать с жидами? Самое было бы лучшее избавиться от них, т. е. переселить их куда-нибудь. Но это невозможно. Есть другой способ, предлагаемый, например, Чечулиным, — всех их вырезать. Но это дико. Остается компромисс — уравнивать евреев. И пока это не будет сделано, не видеть нам покоя. Хуже всего будет то, что в происходящей теперь нелепости все евреи, полячишки и т. п. наши “друзья” останутся целы, а глупые россияне погибнут массами. В сюжет: “русские революционеры” не поверю — в России происходит грабеж, это верно, но революции, как исторического фактора, и в помине нет. Да и кто из русских будет революционировать? Какая-нибудь кучка очень сильно<...ных> в сущности людей, вроде того Чернова, который в свое время писал... статьи в “Сыне Отечества” и который (он был одним из коллег по суду), на деле, оказывается утопистом-романтиком... С грабежами же и дикостями правительство не может справиться, ибо оно само — грабительство и дикость — так что нашла коса на камень. У нас теперь и кадетов считают революционерами... С<оциал>-д<емократы> и с<оциалисты>-р<еволюционеры> прекрасно поняли кадетов — они такие же оппортунисты, как и многие из нас. Во время суда с<оциалисты>-р<еволюционеры> и с<оциал>-д<емократы> с нетерпением ждали образования кадетского министерства. Если, говорили они, с правительственным министерством мы боремся два месяца, то кадетское мы свалим в две недели, предъявив им, т. е. кадетам, к уплате данные ими векселя. С одним только кадетом с<оциалисты>-р<еволюционеры> и с<оциал>-д<емократы> и считается — это с Пашкой Милоковым, которого считают умным, но черствым эгоистом. Вы спрашиваете меня подробно о суде. Было б долго писать, расскажу уж! А теперь скажу только одно, что с<оциал>-д<емократы> — это сплошь жида, есть между ними и неглупые, но большинство из них дальше брошюр Каут-

²³ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 146. Л. 14.

ского не идут. С<оциалисты>-р<еволюционеры> симпатичнее с<оциал>-д<емократов>, ибо убежденнее их, но с<оциалистов>-р<еволюционеров> у нас очень мало, и они просят не смешивать их с грабителями. Что будет, сказать нелегко: если правительство будет... по-прежнему заседать в комиссиях, писать входящие и исходящие, то, вероятно, ничего не будет, та же канитель, какая и была, а в результате полный разор России и экономический, и культурный».

В другом письме, из Петербурга в Рим от 15 сентября 1906 г., приводится язвительная характеристика профессоров — членов кадетской партии: «Воображаю, что пишут о нас и наших делах в итальянских газетах. На самом деле, кажется, не так страшен черт... Правда, “экспроприации” продолжаются, военно-полевые суды расстреливают и вешают, Шиповы ссорятся с Гучковыми (обоим хочется в министры) и т. п. Но поворот в настроении общества, несомненно, есть и благоразумия побольше, чем было в прошлом году. Наши университетские “кадеты” поправили неузнаваемо. Михаил Иванович (Ростовцев. — *И. Т.*) в первый же день приезда, *progratia motu*,²⁴ заявил мне об этом. Дмитрий Власьевич (Айналов. — *И. Т.*) чувствует себя как-то сконфуженно, избегает говорить о политике и старается перейти на шутивную почву, перемешивая обсуждение политики жидовскими анекдотами. Кадеты полее, вроде Эрвина Гримма, глупого Гревса, заигрывавшие прежде со студентами, теперь не прочь даже прибегнуть к мерам строгости. Таким образом в Университете революция... привела к эволюции... Лекции пока идут очень хорошо, сходки срываются подчас самими же студентами, и Совет старост больше грозит на словах. Должно быть, все мы перебесились и, возможно, войдем в русло. Правда, потрачено и времени и сил, и потрачено задарма, много. Но авось не погибнем. Только бы не осложняли положение дел ни правая, ни левая стороны, да и правительство наше занялось бы настоящим делом, да было бы поискреннее».²⁵

Н. П. Кондакова и С. А. Жебелева сближали и крайне пессимистические взгляды на будущность России. Никодим Павлович являлся членом Клуба русских националистов, общества «Русское собрание», «Самодетельная Россия» (1915) и целого ряда славянских и откровенно националистических, близких к черносотенным, объединений. Его единомышленниками являлись член Союза русского народа академик А. И. Соболевский и октябрист М. А. Капустин. Неудивительно, что на протяжении десятков лет в переписке с Жебелевым муссируется вопрос о засилье «немецкой партии» как в Историко-филологическом отделении Академии наук, так и среди сотрудников Эрмитажа, активную оппозицию которым составляли оба ученых (об этих обстоятельствах их биографий до сих пор принято было стыдливо умалчивать).

«Академия (наук. — *И. Т.*) выбирает Анучина — вот ученый по плечу Радлову! Скоро стыдно будет оставаться членом-корреспондентом этого милого учреждения, если там наберут фельетонистов в ординарные академики. Впрочем, хуже прежнего не будет!» (5 февраля 1896 г.). Далее Кондаков сообщает о нежелании представить первый том «Русских кладов» (СПб., 1896) на одну из академических премий из-за предвзятости некоторых членов АН, в частности Д. Н. Анучина, скептически отнесшегося к методологическим установкам автора.²⁶ «Между нами, я окончательно отчаялся снискать у русских археологов внимания к своим сочине-

²⁴ «По собственному побуждению, без влияния извне» (*лат.*).

²⁵ ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 146. Л. 17—17 об., 19—19 об.

²⁶ Анучин Д. Н. 1) Крупный новый труд по истории русского искусства и древностям (сочинение проф. Н. П. Кондакова «Русские клады домонгольской эпохи») // Русские ведомости. 1897. Апрель. № 105; 2) Археологическое значение «Мономаховой шапки» по мнению Н. П. Кондакова // Археологические известия и заметки. 1897. № 5—6. С. 163—165.

ниям. Очевидно, что мне лучше было бы писать поменьше» (8 мая 1897 г.). Жебелев придерживался противоположной точки зрения и стремился морально поддержать учителя: «Что касается представления “Кладов” на премию, то, пожалуй, представлять стоит, хотя бы потому, что тогда Стасову, наверное, поручат писать отзыв, а то он будет все собираться и собираться. С другой стороны, у нас относительно премий создан какой-то странный порядок — представлять самому. На мой взгляд, раз книга заслуживает премии, то высшее ученое учреждение и должно само давать ее. Но у нас ведь вообще много аномального, и когда порядок вещей изменится, Аллах ведает. Что касается размера премии, то я не могу представить себе, чтоб Вам за “Клады” дали неполную премию. Впрочем, Академия наук такое учреждение, что надо идти на все... Анучинского отзыва я не читал, но Айналов сообщил мне его содержание. Нужно ли удивляться отзыву? По-моему, трудно писать отзыв о том, чего не знаешь и не понимаешь. А хотелось бы знать, что вообще понимает Анучин и все господа, именующие себя русскими археологами? Мне сдается, что Ваши “Клады” вся русская наука оценит нескоро; пока у нас к таким книгам не привыкли и их прямо-таки боятся. Но обращать на это внимание едва ли стоит: книги все-таки единственное оружие против российской власти тьмы. Вот что мне пришло в голову — хорошо бы такую книгу перевести на французский язык — иностранцы все-таки даже в незнакомой области разберутся скорее, чем наши» (11 мая 1897 г.).

По поводу собственного избрания в академики по Историко-филологическому отделению, проходившего с определенными трудностями, Кондаков сообщил 31 марта 1898 г.: «Вы, вероятно, знаете, что мое дело еще раз отложено на 15 апреля. Пишут мне, что почти все немцы против меня в Отделении. Но кто эти немцы, кроме Куника и Радлова и Залемана, я не знаю других. Не знаете ли Вы?». А вот реакция Кондакова на статью И. М. Гревса «В. Г. Васильевский как учитель науки. Набросок воспоминаний и материалы для характеристики»: ²⁷ «Я уже успел письменно отказаться от некролога Васильевского, хотя продолжаю читать его книги. Статья Гревса мне показалась пошлым патериком профессору-лектору, чем Васильевский не был. Статья эта всего полнее обрисовала мелкие лужи, в которых плавают Гревсы» (12 октября 1899 г.).²⁸

Кондаков, всю жизнь отличавшийся крайней германофобией, сочетавшейся с поклонением всему французскому, не мог примириться с мыслью о засилье иностранцев в администрации и среди хранителей Эрмитажа: «Мне очень жаль, что Я. И. Смирнова хотят провести и дать ему начальство в лице феноменального осла и выроodka чухонского — Ливена» (письмо Жебелеву от 26 января 1899 г.).²⁹ Аналогичные взгляды и оценки мы найдем в письмах С. А. Жебелева к Кондакову четверть века спустя. Германофобия Н. П. Кондакова приняла крайние формы в годы первой мировой войны. 25 декабря 1914 г. И. И. Толстой (старший) записал в дневнике о своем визите к Н. П. Кондакову: «В разговоре он меня спросил, часто ли вижу с братом (Д. И. Толстым, директором Эрмитажа. — И. Т.). “А что?” — “А то, что он устроил у себя, в Эрмитаже, немецкое гнездо: там всего два русских хранителя (Смирнов и Марков), а все остальные — сплошь немцы. Между тем у Дмитрия Ивановича постоянно бывает Сазонов, который по дружбе, очевидно, сообщает ему все тайны нашей политики. Ты понимаешь, что из этого может выйти? Об этом уже всюду говорят...”. Записываю этот по существу нелепый разговор для характеристики момента и настроений».³⁰

²⁷ ЖМНП. 1899. № 8. Отд. 4. С. 27—74.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 20—20 об., 45 об., 89 об.—90, 112 об.; Ф. 115. Оп. 4. Д. 146. Л. 2 об.—3.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 105 об.

³⁰ Цит. по: Толстой И. И. Дневник, 1906—1916 / Публ. Л. И. Толстой. СПб., 1997. С. 581.

Не избежали словесных выпадов Кондакова и его русские коллеги по научному цеху. Так, прослеживается откровенная ревность Никодима Павловича к успехам Русского археологического института в Константинополе и работам его директора Ф. И. Успенского.

«Мне даже обидно было недавно получить извещение Успенского об избрании меня теперь почетным членом Константинопольского института. Временами я жалею, что не просился сам на место директора, хотя, быть может, и не мог бы иметь успеха, так как Майков и Васильевский желали весьма угодить» (5 февраля 1896 г.); «Вы меня спрашиваете, стоит ли Вам редактировать издание Института Константинопольского. Конечно, это могло бы придать этим изданиям научную форму, но пожелают ли этого Успенский и Погодин? Я слышал здесь от Кирпичникова, что редакция уже поручена некоему Попруженке, безграмотнейшему ослу, из одесских молодых ученых, да еще теплому парню вдобавок. Судите сами, чего там ищут» (30 июля 1897 г.). Во время проведения Афонской экспедиции под руководством Н. П. Кондакова ее члены заехали в РАИК. Своими впечатлениями Никодим Павлович поделился с Жебелевым 13 мая 1898 г.: «Были в Институте с визитом, и на другой день Успенский отдал нам визит, пригласив к себе на вечер письмом Беренштама “и его товарищей”: я, конечно, не пошел. Мне показалось сначала, что Институт действительно работает, но теперь я беру слова назад: он только шумит... Библиотека прекрасная, жаль только, что заниматься в ней некому. Успенский объявил Марру, что он не останется больше года и ищет места в Департаменте, каковое ему будто бы и обещано. Очень возможно, что с уходом Нелидова для Успенского нет того простору, какой ему нужен, при его качествах. Легко было заметить, что посольство им весьма утеснено, и нас сначала приняли было на вилы... Искренне жаль Фармаковского, которого супруга Успенского третирует свысока. Вообще это парочка на подбор. Что мы там видели за два часа времени, Вам расскажет Беренштам...».³¹ С мнением Кондакова был солидарен и Жебелев, посетивший РАИК во время поездки на Международный археологический конгресс в Афинах: «Институтские дела плохи. “Федя” (Ф. И. Успенский. — *И. Т.*) страдает манией величия» (получено в Петербурге 22 марта 1905 г.).³² В переписке зачастую приводятся язвительные оценки даже ближайших учеников. В качестве примера приведу цитату из письма Н. П. Кондакова С. А. Жебелеву от 30 июля 1897 г. с характеристикой молодого Д. В. Айналова: «Жаль мне его! Плохо ему живется (по своей, конечно, вине) и плохо, или мало, он работает. Более разбрасывается на все, что другие предложат, а сам не имеет и не выберет даже темы для занятий. Жаль, потому что и способный, и отличный юноша... Очень хотелось увлечь его с собою».³³

Тесное общение Жебелева с Никодимом Павловичем продолжалось вплоть до отъезда Кондакова из Петрограда в апреле 1917 г., в последующие годы контакты поддерживались с помощью переписки. Объясняя свою многолетнюю близость с Сергеем Александровичем, Кондаков писал ему 9 октября 1924 г.: «Лично я искренно привязываюсь к хорошим людям, несмотря на свою шершавую резкость... Люди связываются духовною взаимною пользою взаимного общения. Так было в нашем кружке. Этою пользою я обязан Вам больше даже, чем Якову Ивановичу (Смирнову. — *И. Т.*)».³⁴

³¹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 20, 57 об., 93—93 об.

³² Там же. Ф. 115. Оп. 4. Д. 146. Л. 8 об.

³³ Там же. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 58.

³⁴ Там же. Л. 154.

В посланиях к Жебелеву 1917—1919, 1922—1925 гг. Кондаков подробно рассказывает об условиях своего беженского и эмигрантского быта.³⁵ В Прагу ученый переехал вместе с Е. Н. Яценко и С. Н. Кондаковым. После недолгих скитаний по гостиницам и квартирам в октябре 1922 г. они перебрались во дворец баронов Шёнборнов, занятый американской легацией (ныне здание посольства США). Им владели близкий друг президента Т. Г. Масарика американский меценат Чарльз Крэн и его сын Джон. Двухкомнатная маленькая пустующая квартира была предоставлена Кондакову в пожизненное безвозмездное пользование. Несмотря на сравнительную обеспеченность существования, Кондаков постоянно жаловался на дороговизну жизни в Праге: «Получаю я в месяц 3000 крон, и казалось бы, этого достаточно, особенно теперь при даровой квартире. Но здесь жизнь дороже, чем в Париже, и всякая картошка оценивается на крону» (24 марта 1923 г.). Врожденная бережливость, даже скупость Кондакова, судя по письмам к Жебелеву, отразилась на ежедневном рационе питания ученого и его близких: «Мы имеем свой стол, правда, одно блюдо, но дополняем сыром, вареньями всяких фруктов, частыми приемами кофе и, конечно, чаю по-прежнему. Развлечений не имеем, разве в месяц раз в кино, но и то это здесь больше в подвальных залах» (12 сентября 1924 г.). Пражский быт «живописного старца», который, по выражению И. И. Лапшина, «точно с иконостаса сорвался», «облаченного (неизменно, как потом это подтвердилось) в старомодный долгополый черный сюртук с розеткой французского Почетного Легиона в петлице», описывает Б. Н. Лосский: «Домашнее хозяйство, естественным порядком и как будто довольно авторитетно, вела Е. Н. Яценко, хотя, наверное, это было и не всегда легко со склонным к причудам главой семейства. Из этих причуд вспоминается одна, скорее забавная: уважаемых посетителей дома потчевала не она, а сам Никодим Павлович — чаем с кокосовым печеньем, ритуально заварив чай на спиртовке, извлеченной из стоящей на его столе корзинки. Поскольку речь зашла об интерьере, вспомню о висящих на стенах цветных репродукциях произведений живописи, не византийской, как можно было бы ожидать, а итальянской кватрочентистской, среди них одна или две мадонны Боттичелли. Не знаю, по чьей инициативе комнату украшали эти понравившиеся нам фототипии, но реакцией на это Никодима Павловича был пренебрежительно брошенный отзыв “немецкая дешевка”».³⁶

Истосковавшийся по общению со старинным учеником и коллегой, Кондаков пишет Жебелеву об условиях научной работы в Праге, о подготовленных научных работах и перспективах их публикации. В Чехии он читал курс лекций «О роли Восточной Европы, германо-славянских и кочевых народностей в истории образования общеевропейской культуры». «Конечно, здесь есть библиотеки, и после Софии, где их не было, можно заниматься..., — писал Никодим Павлович Жебелеву 3 февраля 1923 г. — Очень жаль, что мой курс, в котором я решил изложить все, что обдумывал последние тридцать лет, я не могу читать у себя, в России. Я нашел так много текстов и памятников, которые объясняют скифские и древнейшие славянские древности, что вот уже почти год как читаю только об этом. Неужели все это пропадет?». Предчувствуя близкую кончину, Никодим Павлович

³⁵ См.: *Копецкая Л. Л.* Н. П. Кондаков и чешская среда // Междунар. конф. «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов» (Прага, 14—15 авг. 1995 г.): Сб. докладов. Прага, 1995. Ч. 2. С. 637—642; *Тункина И. В.* Академик Н. П. Кондаков: пражские письма на Родину // *Зарубежная Россия, 1917—1939 гг.*: Сб. статей. СПб., 2000. С. 230—237.

³⁶ *Лосский Б. Н.* В Русской Праге (1922—1927). С. 14—16.

лихорадочно писал серию очерков на эту тему.³⁷ Тогда его вновь заняла проблема происхождения и эволюции звериного стиля на громадном пространстве от Китая до Западной Европы.

Еще в 1880—1890-х гг. выход в свет «Русских древностей», написанных главным образом Н. П. Кондаковым,³⁸ знаменовал новый этап в истории русской археологии: впервые была предпринята попытка реконструировать целостную картину истории России по данным памятников материальной культуры. В этом исследовании было четко сформулировано представление о последовательной смене на территории Восточной Европы варварских культур скифов, сарматов, эпохи Великого переселения народов, древних славян, причем этот сложный многовековой процесс был представлен с точки зрения его происхождения и взаимосвязей со сменявшимися друг друга цивилизациями Запада и Востока. «То Сирия, то Персия, то Индия и Средняя Азия выступают... своего рода руководителями русской культуры, — писал Н. П. Кондаков. — Все дело в том, чтобы и нам самим, наследникам этой культуры, стать на истинную точку зрения теснейших родственных связей древнейшего населения Европейской России с Азией, едва ли не на всем пространстве этой части света. В свою очередь эта точка зрения может установиться у нас только в результате *нового научного взгляда* (курсив мой. — И. Т.) на *варварское* население России...: это варварство должно понимать не в смысле примитивной грубости..., но в том смысле, как этот термин принимали греки, называя древних персов варварами, т. е. в смысле особой, отличной от Запада культуры восточного происхождения и характера, наиболее оригинально выражавшейся в быту кочевников». Именно Кондакови, по мысли Кондакова, являлись в древности «естественным посредником в деле обмена культурных произведений отличных друг от друга культурных центров». Их быт «шел впереди быта земледельческого по усвоению культурных форм»; осознав выгоды меновой торговли, они создавали караванные пути, по которым распространялись культурные типы.³⁹ «Необозримый пояс степей, окаймляющих срединную Россию с Юга и Востока, с их крайне подвижным населением, сослужил важную и столь же широкую службу разрозненным в лесах поселениям в деле достижения ими форм культуры».⁴⁰

О своих раздумьях по этой проблеме Кондаков сообщал Жебелеву еще 19 января 1897 г.: «Занят много и самым любопытным делом — исследованием источников звериного стиля, и что здесь перед мною открывается! Если бы Бог дал веку, я мог бы, в конце концов, начать новую историю искусства и культуры в период IV—XIV веков! Но это останется, вероятно, лишь мечтою!».⁴¹ Много лет спустя в Праге Никодим Павлович осознавал, что свою последнюю работу завершить не

³⁷ Эти курсы были посмертно опубликованы в «Очерках и заметках по истории средневекового искусства и культуры», изданных с предисловием Л. Нидерле Чешской АН (Прага, 1929. III, 455 с., 111 ил.). Очерки включают: Очерк 1. Древности восточных кочевников и Южной России (скифо-сарматские) [заглавие издателей]. С. 1—60; Очерк 2. Искусство средневековых варваров в Европе [заглавие издателей, очерк носит черновой характер]. С. 61—85; Очерк 3. Древности Болгарии. С. 86—128; Очерк 4. О зверином стиле в средневековом искусстве (с 5 приложениями). С. 133—177; Очерк 5. Византийские одежды. С. 178—301; Очерк 6. Византийские и восточные ткани средневековья. С. 302—364. Рукопись этой работы была передана Г. И. Вздорновым в ПФА РАН (Ф. 115. Оп. 1. Д. 34. 307 л. Автограф, машинопись с авторской правкой).

³⁸ Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889—1899. Вып. 1: Классические древности южной России. СПб., 1889; Вып. 2: Древности скифо-сарматские. СПб., 1889; Вып. 3: Древности времен переселения народов. СПб., 1890; Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891; Вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897; Вып. 6: Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899. См. французский перевод первых трех томов: *Antiquités de la Russie méridionale*. Paris, 1891—1893. 3 Livr.

³⁹ Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. С. 25.

⁴⁰ Там же. Вып. 2. С. 2—3.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 31—31 об.

успеет, поэтому бескорыстно делился своими гениальными гипотезами и глубокими многолетними размышлениями не только с пражскими слушателями, но и в письмах к С. А. Жебелеву, М. И. Ростовцеву, Э. Х. Миннзу в надежде, что кто-нибудь из них займется исследованием этой темы. То, что было походя сказано на страницах «Русских древностей» еще в форме догадки или намеков, полвека спустя получило детальную разработку в серии исследований учеников и последователей Н. П. Кондакова как в русской, так и в западноевропейской науке, в частности в трудах М. И. Ростовцева.⁴² Не без влияния Кондакова в первой трети XX в. особое внимание науки привлекли древности кочевников Передней, Центральной Азии, Южной России, Сибири, Китая, без изучения которых невозможно было понять искусство варваров в контактных зонах эпохи античности и раннего европейского средневековья.

После эмиграции Кондаков, остро ощущавший свою оторванность от научного мира послереволюционной России, испытывал определенный дискомфорт из-за невозможности личного знакомства с результатами работ оставшихся на Родине коллег и учеников. Фонды пражских библиотек не могли полностью удовлетворить ученого. Постоянный «книжный голод» был обусловлен отсутствием в библиотеках Чехословакии как главных трудов самого академика, как-то «Русские древности в памятниках искусства» (СПб., 1889—1899) и «Иконография Богоматери» (СПб., 1914—1915), так и новейших публикаций по интересующей его тематике. В письмах встречаются просьбы выслать в Прагу собственные книги, напечатанные до революции, новейшие издания РАН, Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), Эрмитажа, Русского музея, советскую искусствоведческую и археологическую периодику. В годы эмиграции академик сильно переживал недоступность своего научного архива. С помощью петроградских друзей он пытался получить необходимые ему материалы, главным образом фотографии интересующих его памятников. Получив в подарок три первых выпуска «Известий РАИМК», он дает им высокую оценку, высказывая мысли о широте и глубине российского научного знания, которое контрастирует с узкоспециализированными работами западных коллег.⁴³

⁴² См., например, исследования М. И. Ростовцева: 1) *La Russie méridionale et la Chine: Contributions à l'histoire de l'art à l'époque des migrations // V-e Congrès International des Sciences historiques*. Bruxelles, 1923. P. 47—48; 2) *Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments Piot*. 1923. T. 26. P. 99—163; 3) *Сарматские и индо-скифские древности // Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov*. Prague, 1926. С. 239—258; 4) *Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1927. С. 141—146; 5) *Inlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection of C. T. Loo*. Paris; Brussels, 1927; 6) *Le Centre de l'Asie, la Russie, la Chine et le Style Animal / Traduit par S. Murat*. Prague, 1929; *Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1929. Предисловие А. П. Калитинского (С. 5—6). Русский текст: С. 1—29. Французский текст: С. 30—48. Pl. I—XI (ΣΚΥΘΙΚΑ: une série de monographies sur l'archéologie et l'histoire des nomades. Vol. 1), переиздана: *Петербургский археологический вестник*. 1993. № 5. С. 57—75; 7) *The Animal Style in South Russia and China. Being the material of a source of lectures delivered in August 1925 at Princeton University under the auspices of the Harvard-Princeton Fine Arts Club*. Princeton, 1929. XVI, 112 p., 33 pls. (Princeton Monographs in Art and Archaeology. Vol. 14). Последний труд посвящен Н. П. Кондакову и графу И. И. Толстому-старшему. Кондакову посвящена также монография М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1913—1914).

⁴³ Аналогичное впечатление осталось у побывавшего в заграничной командировке Н. Я. Марра, о чем он сообщил в письме к сыну Юрию из Лейпцига 17 ноября 1922 г.: «Был на докладе <Н.> Zimmermann'a "О мадонне и вавилонской культуре". Это в Deutsche общество, основанном еще в 17-м столетии, Zimmermann читал свыше часа, как чтец прекрасно, волнуясь как ученый, несмотря на его годы, но, увы, я был разочарован, кроме абсолютного незнания всей русской литературы о Богоматери, вообще русской литературы, которая в этот раз (разве единственный?) могла быть ему очень полезной, у него выяснилось полное незнание до корней и с вопросом о культе женщины в связи с рыцарством на Западе, о культе женщины (да и мадонны) на Востоке, которую по обыкновению он помещал у арабов (на что, возражая основательно, Fisher переместил источник *культы* женщин с мистицизмом (sic) в персидскую литературу!), и совершенно при таком порхании по культурному миру от Месопотамии через хеттов и египтян с Аравией в романский и германский мир и обратно,

Как типичный представитель позитивистской историографии Кондаков на протяжении всей жизни отличался крайней требовательностью к уровню научной оснащенности и методам работы с источниками своих коллег и учеников. «Чем больше я живу, тем более ощущаю наступивший упадок в русской науке, — писал он Жебелеву еще 28 января 1897 г. — Популярная наука у нас становится прямо позорною, а чисто научные изыскания делаются странною редкостью».⁴⁴ Являясь в прямом смысле слова «фактопоклонником», Никодим Павлович болезненно переживал смену поколений в науке, что нашло выражение в его резком неприятии «импрессионистов науки» — представителей художественно-эстетического направления в искусствоведении и археологии. «Всегда строгий к себе, — вспоминал В. А. Францев, — Никодим Павлович был строг к другим: в своих мнениях, отзывах и суждениях о людях и их деяниях он бывал всегда прямолинеен, не знал никогда компромиссов, но сохранял всегда полное благородство доброжелательного чувства даже к тем, кого он, казалось, «органически не выносил». Глубоко возмущали его душу всякое верхоглядство и пустое тщеславие в научной области, всякая халатность в делах общественных и личных, особенно расплодившаяся в последнее время необузданная хлестаковщина даже среди, казалось, серьезных людей. Судья строгий, но всегда справедливый и нелюбимый, он в высшей степени доброжелательно встречал всякий высокий порыв, всякое идеалистическое стремление молодежи, рвавшейся к свету и просвещению бескорыстно, невзирая на непроглядно-мрачные перспективы впереди».⁴⁵ Показательно скептическое отношение Кондакова к мирискусникам, в частности к А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарю, С. Маковскому, Г. К. Лукомскому, к таким западным ученым, как П. Мутер, Л. Рео, Й. Стржиговский и пр.⁴⁶ При характеристиках коллег он зачастую употреблял свое любимое словечко «ёрнику»,⁴⁷ которым пестрят страницы его дневников и писем. Послания к С. А. Жебелеву заключают резкое критичные оценки Н. Л. Окунева, А. Н. Грабара, сетования на непостоянство в занятиях Г. В. Вернадского Византией.

Любопытны воспоминания и размышления С. А. Жебелева об отношении Никодима Павловича к коллегам и ученикам. Разбирая состав участников пражского

забыл, что за Ираином на Востоке (поправку внес теолог Hass), и совсем не касался этнографических путей. Были еще замечания (лучше и подробнее всех Hass, он и этнологические теории противоборства) выставил Ratzel'я и Бастиана, забыв, впрочем, о возможном третьем, когда ни заимствования, ни психологические совпадения, а зависимость от общего всему миру субстрата этнического, с его матриархатом). Словом, и здесь яфетиды, как Ф. А. Браун соседу своему говорил. Но главное меня удивило появление столь основательного ученого со столь широкой темой и без ориентировки современной» (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 2. Д. 28. Л. 5 об.). С. Ф. Ольденбург пытался объяснить упадок гуманитарных наук в послевоенной Европе началом научно-технической революции: «Нужен весь мой крепкий и стойкий оптимизм, чтобы не взгрустнуть от сумерек культуры, в которых живет вся Европа. Плохо особенно нам гуманитариям, которых и дома не жалуют, да и здесь мало чтут. Техника, техника и отчасти естественные науки. А от нас требуют только популяризации, забывая, что если мы не будем сами учиться и учить настоящей науке, то скоро цена нашей популяризации будет самая жалкая и мы начнем выдыхаться, а без нас гуманитариев плохо придется и техникам, и естественникам. Надеюсь, что через краеведение постепенно вернется интерес к гуманитарным наукам» (письмо И. Ю. Крачковскому из Баден-Бадена от 9 октября 1923 г.; ПФА РАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 687. Л. 13—13 об.).

⁴⁴ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 33 об.

⁴⁵ Францев В. А. Из воспоминаний о Н. П. Кондакове // Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926. С. XLIII.

⁴⁶ Лосский Б. Н. В Русской Праге (1922—1927). С. 14, 15.

⁴⁷ Согласно словарю В. И. Даля, «ёра, ёрник — беспутный туеядный человек, плут и мошенник, развратный шатун; человек сладострастный, падкий до женщин и вообще отличающийся в половой области» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное воспроизведение издания 1903—1909 гг., осуществленного под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртене. М., 1994. Т. 1: А—З. Стб. 1296). Ко второму значению определения «ёрник», судя по материалам петербургского архива Кондакова, более всего подходил старший пасынок Н. П. Кондакова Сергей, о котором В. И. Вернадский, точно уловивший суть, писал: «Сын его был малоудачный» (Вернадский В. И. Дневники: Март 1921—август 1925. М., 1998. С. 74). С осени 1917 г. Сергей состоял в сексуальной связи с Е. Н. Яценко, о чем его приемный отец и не подозревал.

сборника в память Я. И. Смирнова, С. А. Жебелев делился своими мыслями с ученым секретарем Семинара им. Н. П. Кондакова Н. М. Беляевым в письме от 12 апреля 1928 г.: «Статья Стриговского — жидковата, а конец ее настолько нагл, как и все у Стриговского. Но пригласить его надо было, ибо Смирнов с ним действительно был близок, а что Стриговского ругал Никодим Павлович, то кого только он не ругал? Это относится и к окуневскому вопросу. Могу засвидетельствовать, что Н. Л. Окунев был постоянным посетителем журфиксов Никодима Павловича и, значит, особой антипатии он к нему не питал; иначе дал бы ее почувствовать. На меня Окунев всегда производил хорошее впечатление, как скромного и дельного человека. Он очень аккуратно и хорошо работал у меня по византийскому искусству, когда я был редактором в “Новом энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона”, и недоразумений у меня с Окуневым никогда не было. Мне думается, *Seminarium* в отношении Окунева слишком щепетилен. Основываться на отзывах Никодима Павловича невозможно; если им следовать всецело, придется остаться почти в одиночестве. Для работ же Семинария Окунев может быть полезен; неужели не будет его статьи в Смирновском томе, где фигурирует Костецкая (статья ее, правда, дельная), вероятно, никогда не издавшая Смирнова, Романов, вызывавший в Смирнове (и продолжающий вызывать во мне) большие сомнения в своей “мнимой учености”, и т. п. И, наконец, нас так мало работающих, что если мы будем отталкивать Окунева и ему подобных, то мы, право же, погрешим против интересов науки в угоду симпатиям и антипатиям... Все, что делается серьезно, искренне и любовно, все окажется путным, хотя за все путное все равно будут ругать — таковы уж люди... В Смирновском сборнике будут статьи Сычева и Мацулевича. Они — ученики Айналова; Окунев — тоже ученик Айналова. Не может же он отсутствовать. Что же касается Никодима Павловича, то он ругал мне и Сычева, и Мацулевича. Нет, Окунева, по-моему, надо привлечь. И как же в трудах Семинария печатают Ф. И. Успенского? Последнего Никодим Павлович ругал куда больше, чем Окунева, Сычева и Мацулевича, взятых вместе. Семинарий не подозревает, как Никодим Павлович ругал Айналова. Вот Редина он никогда не ругал, потому что Редина был очень покорный человек. Это все пишется не для опорочения памяти Никодима Павловича, которая для меня священна, но чтобы показать, что критические отзывы Никодима Павловича нужно рассматривать *cum grano salis*.⁴⁸ Да и он сам, если бы был жив, стоял бы за привлечение Окунева, как ученой рабочей силы, ибо и для Никодима Павловича, как и для всех нас, интересы науки должны стоять выше и прежде всего. Простите за “нравоучения” — они от доброго сердца ко всем вам...».⁴⁹

⁴⁸ «С крупинкой солн», «с приправой» (*лат.*), т. е. с некоторой поправкой, с оговоркой, с осторожностью.

⁴⁹ ОДФ ИТИИ АН ЧР. Ф. К1-19. № 44. При этом следует подчеркнуть, что сам Сергей Александрович достаточно скептически относился к ряду лиц, привлекаемых семинаром к сотрудничеству. Так, узнав о намерении опубликовать в Праге работу А. И. Анисимова о Владимирской иконе Богоматери, Жебелев писал Н. М. Беляеву 12 января и 4 февраля 1928 г.: «Об Анисимове мое мнение вполне определенное. Покойный Никодим Павлович отнес бы его, я уверен, к любимому им разряду “ёрников”. До 1917 г. Анисимов был учителем новгородской семинарии (или что-то вроде этого) и любителем новгородских древностей. Теперь вознесен (или вознес себя) в ранг первоклассных специалистов и выдает истины, или всем известные, или сомнительные, а чтобы подкрепить их “вескими аргументами”, лягает истинных ученых, правда, покойных, заискивая пред живыми. Как он попал в Ваш семинарий со своей Владимирской, да еще на английском языке, для меня загадка. Кто его сосватал?»; «Анисимова я уже охарактеризовал. То, что Вы пишете, не изменяет, а укрепляет мое мнение о нем. Он, как говорится, благодаря привходящим обстоятельствам “из грязи вышел в князи” и, очевидно, считает себя князем. Будущее покажет все их махинации с очисткою икон. Тот же факт, что нет фотографий с перечисленной Владимирской, сугубо знаменателен; конечно, онн есть, но почему-то под спудом... Поставить его на надлежащее место в его претензиях было бы хорошим делом. Простите за откровенность и не сочтите ее за инъективу, а считать только моим мнением: в ученость Анисимова

Лекции в Карловом университете Кондаков читал на русском языке и в основном для русской аудитории, которая увеличилась с 20 человек в начале курса до 70 в 1923 г. По просьбе чешских студентов, с ноября 1922 г. мэтр перешел на французский,⁵⁰ но затем вновь вернулся к родному языку. Никодима Павловича угнетало то, что слушатели были не подготовлены к восприятию материала — по его словам, аудитория была внимательна, но «бесплодна». В письмах особо отмечены и приватные занятия академика с Дж. Крэнном и А. Масариковой. Престарелому и больному ученому подготовка лекций давалась с трудом, если бы не помощь учеников, участников кондаковского семинара (М. А. Андреева, Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский и пр.), среди которых он особо отмечал Н. П. Толля. Кондакову импонировал скептический склад ума ученика, близкий к взглядам самого академика, чем-то напомилавший ему образ безвременно ушедшего Я. И. Смирнова. «Наряду с приобретаемыми знаниями в области расширенной византологии (или, как говорили студенты, «кондаковедения»), — вспоминал о Толле Б. Н. Лосский, — он обладал талантом к рисованию, необычайно оригинальным складом ума со склонностью к драстическим вплоть до цинизма суждениям и, сверх того, рослой фигурой и красивой наружностью, способствовавшими притязанию на безапелляционное право господства над женскими сердцами».⁵¹ По словам участника Семинария им. Н. П. Кондакова Н. Е. Андреева, Толль «по природе своей вообще был скептик, и первое, что он замечал, — что все плохо, все не то... Он отлично видел правильность общего направления исследования. Это был тот инстинкт материала, о котором говорил Никодим Павлович Кондаков».⁵² В. И. Вернадский писал, что Толль «был предан ему (Кондакову. — И. Т.) как сын».⁵³

Прослеживаемое по письмам к С. А. Жебелеву критичное отношение к научному потенциалу большинства нового поколения ученых⁵⁴ особенно показательно на фоне ностальгии по общению с членами «Свободной Академии». Их фотографии Кондаков просил Жебелева выслать в Прагу, выражая надежду хоть перед смертью быть окруженным лицами близких ему людей. Никодим Павлович просил информировать его об условиях жизни и научных работах оставшихся в Петрограде коллег и учеников, постоянно передавал им поклоны. В письмах Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева, А. А. Спицына, Д. В. Айналова перед нами предстает хроника трудной жизни Академии наук, Академии художеств, РАИМК, Русского музея, Эрмитажа, Петроградского университета в переломный период истории России.

Сосредоточенный на собственных научных штудиях, Н. П. Кондаков стремился ограничить круг своего общения, чему невольно способствовали его резкий

я не очень верю, а вот что он [стоит] первоклассного свежего материала — это верно, и с этим, конечно, приходится считаться». Однако, получив английское издание этого труда, Жебелев отдает ему должное в открытке от 30 апреля 1928 г.: «Издание, по-моему, удалось на славу: оно очень изящно выглядит. Наглядная таблица с постепенными реставрациями превосходно объясняет весь процесс. Пока успел только пробежать текст Анисимова, и, по-видимому, он удовлетворителен вполне, так как содержит одни факты. *Seminarium* можно и должно поздравить с такою прекрасною публикацией, которую, надо полагать, остался бы доволен и тот, чье имя *Seminarium* носит» (ОДФ ИТИИ АН ЧР. Ф. К1-19. № 44).

⁵⁰ *Копецкая Л. Л.* Н. П. Кондаков и чешская среда. С. 638.

⁵¹ *Лосский Б. Н.* В Русской Праге (1922—1927). С. 39.

⁵² *Андреев Н. Е.* Пражские годы // *Новый мир*. 1994. № 11. С. 161. Полный текст мемуаров издан его дочерью Е. Н. Андреевой: *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Таллин, 1996. Т. 1—2.

⁵³ *Вернадский В. И.* Дневники: Март 1921—август 1925. С. 74.

⁵⁴ См.: *Варнеке Б. В.* Материалы для биографии Н. П. Кондакова / Публ. И. В. Тункиной // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; СПб., 2002. Вып. 4. С. 72—152. Ср. аналогичные размышления С. А. Жебелева: *Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С. А. Жебелева: С. А. Жебелев. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их вырождения в будущем / Вступ. статья, подгот. текста, публикация и коммент. И. В. Тункиной // Черки истории отечественной археологии. М., 2002. Вып. 3. С. 142—194.*

критический ум и ершистость характера. Вхожими в дом к Кондакову оказались немногие лица, прежде всего избранные слушатели его курса, а также ряд чешских и русских преподавателей. Достаточно скептически Кондаков относился к образу жизни чешской научной среды; лишь немногие представители местной профессуры, в частности Л. Нидерле, удостоивались лестной оценки русского академика. Показательно, что Кондаков всячески стремился уклониться от участия в общественной жизни Праги. Явное раздражение мэтра вызывала активность различных эмигрантских организаций, от которых он пытался дистанцироваться, неподдельную брезгливость и отторжение — склоки в русской диаспоре.

Однако полностью отстраниться от общественной жизни Праги Кондакову все же не удавалось. В сентябре 1924 г. в Праге по инициативе С. Н. Кондакова был издан сборник статей «Никодим Павлович Кондаков. 1844—1924: К восьмидесятилетию со дня рождения»,⁵⁵ а 1 ноября чешская и русская общественность торжественно отметила 80-летний юбилей ученого. Своеобразные итоги последних лет жизни подведены Кондаковым в письмах к Д. В. Айналову и В. П. Бузескулу, ставших откликами на поздравления с родины. С. А. Жебелев сообщил в Прагу о прошедших в РАИМК юбилейных чтениях в честь Кондакова и о том, что Академия наук проигнорировала 80-летие своего сочлена. Последнее замечание явно задело самолюбие Кондакова.

В письмах С. А. Жебелеву Н. П. Кондаков постоянно жаловался на сырой климат и дороговизну жизни в Праге, писал о намерении перебраться на юг — в Болгарию, Италию или Францию, где ему как легочному больному хотелось закончить свои дни. В годы революции академик лишился всех капиталов и недвижимости, но, экономя буквально на всем, он сумел скопить 15 тыс. франков для приобретения собственного домика в Италии или Франции, но его мечта осталась неосуществленной. В конце 1924 г. болезни престарелого ученого обострились. Несмотря на плохое состояние здоровья, Кондаков вплоть до кончины постоянно думал о работе. Напряженная научная деятельность в конце декабря 1924 г. привела к сердечному приступу, описанному в последнем письме к Жебелеву от 1 февраля 1925 г.

Через полмесяца, 17 февраля 1925 г., Кондаков скончался в Праге. Его последний день описан в письме С. Н. Кондакова к Д. В. Айналову. Сообщения о кончине Н. П. Кондакова с опозданием появились и в советских газетах — центральной «Правде» и ленинградской «Красной газете». Смерть Н. П. Кондакова нашла отражение на страницах академического отчета 1925 г. В нем подчеркнуто, что покойный «принадлежал двум отделениям — Русского языка и словесности и Исторических наук и филологии». Его исследования в области византийского и древнерусского искусства «справедливо стяжали ему мировую известность, — писал С. Ф. Ольденбург. — Никодима Павловича всегда отличало изумительное знание подлинников, и он всегда держался того взгляда, что истинное понимание памятников искусства возможно лишь для того, у кого от непосредственного знакомства с массами памятников непосредственно образовалось особое чутье. Кондаков пролагал всюду новые пути; как все пролагатели новых путей, он встречал горячие возражения, ему часто указывали даже на скороспелые выводы, и все-таки имя Кондакова навсегда вписано в летописи истории изучения искусств Запада и Востока. Востоком он особенно интересовался в последние годы своей жизни. Тяжелая болезнь, требовавшая пребывания в умеренном климате, и раньше отрывала от нас Никодима Павловича, оторвала его от нас и окончательно. Но научные сношения

⁵⁵ Основные статьи переизданы в кн.: *Кондаков Н. П. Воспоминания и думы* / Сост., подгот. текста и примеч. И. Л. Кызласовой. М., 2002. С. 199—227.

он не прерывал, и еще всего несколько лет тому назад шли письменные переговоры о печатании его работ у нас».⁵⁶

После кончины академика его ученики основали *Seminarium Kondakovianum*, который вплоть до середины октября 1928 г. активно сотрудничал с советскими учеными. С. А. Жебелев всячески способствовал изданию трудов семинара — сборника памяти Н. П. Кондакова, тома, посвященного Я. И. Смирнову, стал инициатором привлечения к сотрудничеству с Прагой своих ленинградских коллег, контакты с которыми он взял на себя, читал корректуры и чистые листы посмертно издаваемых «Очерков и заметок по истории средневекового искусства и культуры» Н. П. Кондакова и т. д., высылал книги, навел по просьбе пражских коллег справки в различных музеях страны. Сергей Александрович настаивал на скорейшем издании посмертных трудов Н. П. Кондакова, в том числе «Русской иконы», и как опытейший редактор предлагал собственные принципы публикации: «С иконою Никодима Павловича засиживаться не следует. Время — подлая штука. Оно очень скоро влечет за собою забвение, а забвение даже громкого имени влечет за собою утрату интереса к тому делу, которое с этим именем было связано».⁵⁷

Предел сотрудничеству с Прагой положило развязанное советскими властями «дело академика С. А. Жебелева» (1928—1929 гг.) и политический скандал,⁵⁸ которые, безусловно, отрицательно сказались на исторической памяти о Кондакове на родине, не говоря уже о негативных последствиях для С. А. Жебелева и других ленинградских сотрудников пражских сборников. Вероятно, именно в эти годы С. А. Жебелев уничтожил практически все письма к нему С. Н. Кондакова, Е. Н. Яценко, Н. М. Беляева и других эмигрантов, отсутствующие в его фонде, но винить ученого за это потомуки не имеют морального права. Публикуемые документы об обстоятельствах того времени красноречиво говорят сами за себя.

Переписка расположена по хронологии. Даты писем, за исключением оговоренных случаев, приведены по новому стилю. Сокращенные слова дополнялись без угловых скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Очевидные описки исправлены без оговорок. Курсивом выделены авторские подчеркивания. В квадратные скобки заключены слова, прочитанные предположительно (при нечетко написанном автографе), а также даты и места написания документов, определенные автором публикации. Отточия в угловых скобках означают неразобранные слова. Примечания авторов писем отмечены звездочкой (*). Текст публикуется по современным орфографии и пунктуации, но с сохранением стилистических особенностей оригинала.

№ 1

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву¹

Одесса, гостиница Пассаж
24 мая 1917 г. (ст. ст.)

Дорогой Сергей Александрович,

Вот уже месяц, как я живу в Одессе, и только теперь, окончательно убедившись, что выехать мне отсюда, вероятно, не удастся до осени, я решился написать Вам и просить Вас написать со своей стороны о том, что нового произошло у Вас, в Питере и в Академии художеств.

⁵⁶ Отчет о деятельности АН СССР за 1925 год, составленный непрременным секретарем акад. С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1926 г. Л., 1926. С. II.

⁵⁷ ОДФ ИТИИ АН ЧР. Ф. К1—19. № 44 (письмо от 16 мая 1928 г.).

⁵⁸ Подробнее см.: *Тункина И. В.* «Дело» академика С. А. Жебелева // *Античный мир и мы: Альманах.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 116—161.

Выехать отсюда трудно и, пожалуй, дальше Киева никуда не попадешь, а потому и приходится прожить лето здесь. Пока живется хорошо, даже с некоторым обилием продовольствия (сахар, свет, консервы и т. д.). Помещаюсь в хорошем номере с балконом, выходит он на Соборную площадь, разделенную скверами, и вечером чай можно пить не без удовольствия, наблюдая, как тут же ловят дезертиров, водят воров, собирают митинги и т. п.

Обедаем мы у проф. Линниченко,² и в его же квартире (Елисаветинская, 10) есть надежда найти на лето помещение. Дачи отдаются здесь без мебели, а стоят от 500 руб. и выше за лето. Но слава Богу, что не живешь на даче: в трамвай еще менее шансов попасть, чем в Санкт-Петербурге, извозчики бастуют все время, т. е. за поездку в окрестности требуют 20 руб., за перевозку мебели надо платить 50—60 руб. и т. д.

Здесьняя рисовальная школа³ желает в будущем завести у себя мастерские, равно устроить архитектурный отдел. Все это доброе дело, и я ему не прочь помогать, так как Одесса пока единственный художественный центр в Южной России.

Напишите, пожалуйста, как дела идут и на чем остановилось дело реформы Академии художеств.⁴

Ваш Н. Кондаков

В будущем адрес: Одесса,
Елисаветинская, 10
квартира профессора И. А. Линниченко

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 130—131. Автограф.

¹ Жебелев Сергей Александрович (1867—1941), историк античности, филолог-классик; доктор греческой словесности (1904); академик АН СССР (1927) и Академии художеств (1910). Ординарный профессор кафедры классической филологии (1913—1927), секретарь (1905—1909), декан (1918—1919) историко-филологического факультета, проректор (1911—1912), ректор (1919) Петербургского—Петроградского университета, председатель Совета Эрмитажа (1918—1919), товарищ председателя РАИМК—ГАИМК (1923—1928).

² Линниченко Иван Андреевич (1857—1926), историк, специалист по истории России и западных славян; доктор русской истории (1894); член-корреспондент ПАН (1900) и Краковской АН (1901), заслуженный ординарный профессор Новороссийского университета (1909—1920); профессор ВЖК (1906—1917) в Одессе. Октябрьскую революцию встретил враждебно. Квартира ученого стала местом сбора антибольшевистски настроенной профессуры в Одессе. Согласно записям в дневнике Н. П. Кондакова, 23 апреля (6 мая) 1919 г. Линниченко был уволен из Новороссийского университета. Опасаясь ареста и скрываясь от ЧК, хозяин зачастую не ночевал дома. Профессор вернулся к преподаванию в университете при белых в осеннем семестре 1919 г., но вскоре при новом приближении Красной Армии 1/14 декабря 1919 г. уехал из Одессы в Ялту (ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова, дневник за 1919 г.), так как в Крыму власть добровольцев продержалась до начала ноября 1920 г. После окончательного установления советской власти Линниченко преподавал в учебных заведениях Симферополя, был профессором Таврического университета (1921—1926). С момента приезда в 1917 г. в Одессу Н. П. Кондаков и Е. Н. Яценко, разместившиеся в гостинице «Пассаж», столовались у И. А. Линниченко, а с 7/20 июня по 28 августа/10 сентября 1917 г. и с 9/22 сентября 1918 г. вплоть до эмиграции снимали у него две комнаты в квартире по адресу Елисаветинская, д. 10.

³ Одесское общество изящных искусств (ООИИ) было основано в ноябре 1864 г. (открыто в 1865 г.) с целью «развить вкус и понятие о живописи во всех сословиях общества». Во главе общества стоял избираемый общим собранием Совет. Н. П. Кондаков был почетным членом и членом Совета общества, принял деятельное участие в организации Музея изящных искусств (1889) и Рисовальной школы при ООИИ (1865), которой он заведовал (1883—1888, 1883—1894). С 1880 г. ученый способствовал получению субсидий и льгот от Академии художеств на содержание Рисовальной школы. См.: [Рескрипт президента Академии художеств проф. Н. П. Кондакову] // Художественные новости. 1888. № 4. Стб. 100; № 5. Стб. 130—132 (внутренние известия). В 1900 г. Одесская рисовальная школа и общеобразовательное училище, созданное в 1886 г. при ООИИ, были слиты и преобразованы в Художественное училище с живописным, скульптурным и архитектурным отделениями. Н. П. Кондаков работал в Совете училища с 1917 г. вплоть до своего отъезда из Одессы. См.: Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932): Справочник. СПб., 1992. С. 221—223. В 1888 г. при отъезде Н. П. Кондакова в Петербург преподаватели Рисовальной школы поднесли ученому альбом с собственными фотографиями и рисунками в знак уважения его заслуг перед школой (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 1). В трудные годы гражданской войны в письме

к С. Н. Кондакову от 8 июня 1919 г. Никодим Павлович писал о необходимости продать альбом: «Надо особо показать Одесский альбом — музей (Русский. — И. Т.) даст мало, но коллекционеры могут дать около 4—5 тысяч по теперешним ценам. Иначе оставь себе — будет продано тобою выше, так как Ладженского ни у кого нет, а это был большой акварелист. Константинополь Вилье или продать за 1000 или оставить, вынуж из альбома акварелей. Или оставить весь альбом Одесский и все акварели на хранение у Околовича — человек верный» (Там же. Оп. 7. Д. 177. Л. 131).

⁴В мае 1917 г. по распоряжению Временного правительства была проведена частичная реорганизация Академии художеств: она перестала именоваться императорской, но осталась в ведении бывшего Министерства двора, были упразднены должности президента, обычно занимаемая членом императорской семьи, и вице-президента, административное руководство предоставлялось Совету, председателем которого был избран А. И. Таманя, уполномоченный комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора по делам Академии художеств. Главной задачей Совета стала разработка проекта нового устава Академии художеств, для чего была образована специальная комиссия.

№ 2

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Ялта¹8 декабря [1917 г. (ст. ст.)]²

Дорогой Сергей Александрович,

Поздравляю Вас с праздником и прошу передать тоже Вашим и нашим общим знакомым, Якову Ивановичу,³ Михайлу Ивановичу и Софье Михайловне Ростовцевым,⁴ Фармаковскому,⁵ знакомым по Академии художеств.

Вот уже 2 месяца, как я спешно пишу сочинение по русской иконописи,⁶ днями сижу у стола, никого не вижу и никому не пишу. Очень хочется кончить, сдать работу на хранение, чтобы была напечатана, когда можно будет. А затем начну хлопоты по выезду из России, что называется — куда глаза глядят. Хоть перед смертью не буду видеть ничего, что почти видеть не могу. Сочинение по иконографии Богоматери, III том,⁷ почти готов вчерне, и его буду отделывать, и еще другую тему.

Напишите, как живете и как живут наши. Мы жмемся здесь, но если Вы приедете, найдем место.

Ваш Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 132. Автограф на почтовой карточке с адресом получателя: Петроград, Кабинетская, 7, г. профессору Сергею Александровичу Жебелеву.

¹ Дом в Ялте принадлежал сначала старшему брату ученого, губернскому секретарю, адвокату, почетному гражданину Ялты Михайлу Павловичу Кондакову (1843—1888), затем младшему приемному сыну академика Петру Никодимовичу Кондакову (1886—1919). Здесь Н. П. Кондаков, страдавший болезнью легких, как правило, проводил холодные месяцы года. Дом Кондаковых по адресу Церковная ул., д. 2, сохранился до сих пор (ныне угол ул. Л. Толстого и ул. Нагорной). С осени 1917 г. по 10 мая 1918 г. часть дома была сдана в аренду Красному Кресту под лазарет.

² Датируется по почтовому штемпелю отправления из Ялты — 9 декабря 1917 г.

³ Смирнов Яков Иванович (1869—1918), историк искусства и археолог, академик РАН (1917); любимый ученик Н. П. Кондакова, старший хранитель Отделения средних веков и эпохи Возрождения Имп. Эрмитажа (1909—1918). Автор фундаментального труда «Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи» (СПб., 1909), принесший его создателю европейскую известность.

⁴ Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952), историк античности, археолог; академик РАН (1917), с 1918 г. в эмиграции; Ростовцева (урожд. Кульчицкая) Софья Михайловна (1878—1963), жена М. И. Ростовцева. См.: Скифский роман / Под ред. акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997.

⁵ Фармаковский Борис Владимирович (1870—1928), историк античности, историк искусства, археолог; магистр истории искусств (1902); член-корреспондент ПАН; профессор ПИФИ (1904) и ВЖК (1905), приват-доцент (1905) кафедры истории и теории искусств Петербургского—Петроградского университета. После Октябрьской революции — один из создателей, действительный член (1918) и научный секретарь (1921—1928) РАИМК—ГАИМК, хранитель Эрмитажа (1924—1928).

⁶ Здесь и далее речь идет о монографии Н. П. Кондакова «Русская икона». Сокращенный текст «Русской иконы» был издан в английском переводе его ученика Эллиса Миннза в оксфордском изда-

тельство «Clarendon Press» уже после смерти автора при финансовой поддержке Джона Крэна. См.: The Russian Icon by Nikodim Pavlovich Kondakov, Fellow of the Russian Academy of Sciences / Translated by Ellis H. Minns, Litt. D. F. B. A., Fellow of Pembroke College, Cambridge, Corresponding Fellow of the Russian State Academy for the History of Material Culture. Oxford: Clarendon Press, 1927. XXVI, 226 p., 64 plates. См. рецензию Н. М. Беляева: СК. 1928. Т. 2. С. 361—364. Издание в Праге в 1928—1932 гг. полного текста «Русской иконы» (два тома текста и два тома иллюстраций) на русском и французском языках Семинару Кондакова удалось осуществить благодаря финансовой помощи канцелярии президента ЧСР Т. Масарика и Чарльза Крэна.

⁷ Третий том «Иконографии Богоматери» (из двух частей) был посвящен итальянскому искусству эпохи Возрождения и назывался «Итальянская мадонна». Рукопись книги была продана Н. П. Кондаковым Ватикану в декабре 1924 г. См.: *Копецкая Л. Л.* Н. П. Кондаков и чешская среда // Междунар. конф. «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов» (Прага, 14—15 авг. 1995 г.): Сб. докладов. Прага, 1995. Ч. 2. С. 641.

№ 3

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Ялта, Церковная, 2
16 февраля/1 марта 1918 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Только что получил Вашу открытку от 7 февраля и 14 номеров газет — очень благодарю Вас за то и другое. В Ялте за февраль нельзя было ни купить, ни достать газет: их прятали, как прячут продовольствие, чтобы продать дороже, и, видя только интеллигента, хотя и жаждущего газеты, но не способного дать за нее 1 руб. — 1 руб. 50 коп., в продаже ему отказывали. Газеты, на которые я подписался, оказались закрыты. Итак, благодаря Вам, узнаю, а то за месяц видел всего 2—3 номера «Р[усских] В[едомостей]».¹

После бурных событий началась бурная, ветровая погода. О выезде на север пока нечего думать. Но мечтаю все же подвинуться к Москве — там расчистили иконы в Успенском соборе и зовут смотреть.² И кончить надо «Русскую иконопись» — уже на 2 больших тома написано, а все «Москвы» еще нет.

Напишите, как живет наш кружок.³ Ни от кого, кроме Вас, известий не имею. *На сколько Вы купили газет мне?*

Ваш Н. Кондаков

Р. S. Если Вам голодно, приезжайте, прокормим. Думаете ли выехать?

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 133. Автограф на почтовой карточке с адресом получателя: Петроград, Кабинетская, 7, г. профессору Сергею Александровичу Жебелеву.

¹ «Русские ведомости» — общественно-политическая газета либерального толка, выходившая в Москве; с 1905 г. орган правого крыла кадетской партии. В марте 1918 г. закрыта большевиками.

² С 1 сентября по 11 октября 1917 г. Н. П. Кондаков находился в Москве и неоднократно вместе с Г. О. Чириковым, Д. П. Андреевым и другими обсуждал вопросы научной реставрации Успенского собора Московского Кремля. В 1918 г. при расчистке фресок здесь были обнаружены несколько неизвестных ранее («картин»), важных для Кондакова, который намеревался завершить раздел о московской иконописи в «Русской иконе». См.: *Кызласова И. Л.* К вопросу о внутреннем единстве русской художественной средневековой живописи 1910—1920-е годов. (Из переписки Н. П. Кондакова, Г. О. Чирикова, А. И. Анисимова и Н. М. Беляева) // *Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов)*. М., 1999. С. 69, 81—83.

³ Речь идет о «кружке фактопоклонников» — «духовных» учеников Н. П. Кондакова, которые регулярно собирались на журфиксы в петербургской квартире академика по адресу: Литейный проспект, д. 15. По словам С. А. Жебелева, «строго говоря, учениками Никодима Павловича должны считаться Я. И. Смирнов, Е. К. Редин и Д. В. Айналов; сбоку-припеку можно отнести к числу их и нас

с М. И. Ростовцевым... Но духовных учеников у Н. П. было, конечно, много, и среди них лиц уже более или менее почтенного возраста, как, например, Н. П. Лихачев, В. Т. Георгиевский». См.: Жебелев С. А. Дополнения и поправки к биографии Н. П. Кондакова // СК. 1927. Т. 1. С. 316.

№ 4

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Ялта, Церковная, 2
16/29 марта 1918 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Письмо Ваше от 10 марта я получил уже пять дней назад, но даже до сих пор медлил ответом. Оно подняло во мне все накипевшее во мне негодование и ненависть к тому, что видишь вокруг и о чем узнаешь из газет и от людей. Немцы,¹ которые всему злу причина, далеко, и хотя я, как все русские, не жду их с радостью, но стал к ним равнодушен. Они, по крайней мере, разумны во зле, а мы?

Знаете ли, что в таких дырах, как Ялта, где все на виду, ни дома жить, ни на воздух выйти нельзя без отвращения. Что же читать приходится в «Известиях» идиотских депутатов!² Ведь у нас потребовали вносить все денежные знаки в банки для штемпелевания,³ в течение недели, и я видел лично одного грека, который принес, но у которого банк не взял, хотя он Христом Богом просил, чтобы до 1-го апреля проштемпелевать. Теперь уплотняют квартиры, и слава Богу, что у нас живет пролетариат, т. е. горничная (боится в кухне, можно влезть), и что комнаты малы, у нас «нормальное уплотнение есть».⁴ Затем снято, наконец, военное положение, и выезд из Ялты объявлен свободным. Но за нашим домом сделана застава, даже есть шлагбаум, и стоит 5 болванов в оружии, 1 конный, и у всех проверяют ряд удостоверений. Я тоже получил удостоверение, и от Финансовой комиссии, что уплатил добровольные взносы (всего около 500 руб.) и пр. Но ехать никуда из Симферополя нельзя, и все сидят, разоряются окончательно.

На базаре теперь у нас ничего не купишь, а рестораторы и комиссары покупают и мясо, и птиц, но под полою. Цена курице теперь 25—30 руб. Чай — 25 руб. за фунт. Яйца платим по 4 [руб.] 50 [коп.] десяток, но все же жить было бы можно, если бы можно было знать, что сегодня же не придут с обыском и не возьмут у тебя все, что ценное, и деньги, и все лишние рубашки, и постельное белье и т. д. Ежедневно печатаются конфискации всего серебра в домах и квартирах. Переписывали белье и т. д. По улицам носятся на моторах и извозчиках (3 руб. всякий конец) каторжники с девками, пьяные. В саду сидят матросы тоже с цыганками и чинят непристойности открыто.

Вот почему я прямо радуюсь тому будущему игу, которое готовят немцы русскому народу. Ибо это зверь, которого развращенная власть не смогла обуздать, а его надо даже занудать. Стране теперь хуже, чем при Пугачеве, нами управляют преступники из рахитиков, алкоголиков и припадочных, а их паства 300 тысяч ерников и каторжан, а народ наш уже, действительно, «Бога слопал», так нами собирается закусить.

Советую Вам почитать книжку Gustave Le Bon «*Psychologie du socialisme*», 1907 — поучительная, особенно главы о проповедниках социализма из интеллигенции и профессуры.⁵

Но будет о сем. Все же я провел зиму сравнительно благополучно, и тепло было, и светло. Не покойно только с 8 января, но не все же! А вот теперь уже и не знаю, дальше что делать? На юге оставаться нельзя — будет Украина — съедят мазепинцы,⁶ ибо я не из них. Будет Таврическая республика или Донецкая — ограбят и пустят по миру, и жалованья не получишь. И то не отдали на почте — по-

ложили в сберегательную кассу и дают по 100 руб. в неделю. В профессора не могу идти, в рабочие тоже, да интеллигентам платят 1.50 в день, а рабочим — 10 руб. на винограднике, а в 73 года не возьмут.

Так вот что дальше делать? Работу по русской иконописи кончил — около 80 печатных листов, на 2 тома. Более работать не над чем, так как Иконографию Богоматери III [том] тоже кончил, а пересматривать надо, имея библиотеку под рукою. Надо по делам ехать к Вам в Петроград, а ехать нельзя, особенно с моими грузами и материалами. Вот и сижу у моря, жду погоды.

Вот Вы боитесь стать немецким рабом.⁷ Я же думаю, что Великороссия, оставшись под Советскою властью, будет скорбеть, что не попала под протекторат, как Украина, и, пожалуй, попросится. Нельзя в XX веке жить в стране, где нет права собственности, или оно есть только для некоторых классов, а другие объявлены «вне закона» поголовно. В России жить русскому уже нельзя, скоро будет так же опасно, как в каторжной тюрьме, и, значит, надо из нее уходить. Но куда, с какими средствами, если русские деньги и процентные бумаги ничего не дадут на франки?

Вот о чем мне хотелось бы поговорить с Вами и другими приятелями в Петрограде. Следует что-нибудь придумать, чтобы на этом успокоиться.

Спасибо Вам за новости о наших. Поклонитесь Михаилу Ивановичу,⁸ отчего он мне не ответил на мою открытку? Равно и Смирнов не отвечал.

Низкий поклон Вашим.

Еще раз спасибо. Ваш Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 134—136 об. Автограф.

¹ Германская военная интервенция в Советскую Россию началась 18 февраля 1918 г. по всему фронту от Балтийского моря до Карпат.

² Установление советской власти в Крыму сопровождалось массовыми грабежами и убийствами. Так, 22—23 февраля 1918 г. в Севастополе матросы предприняли попытку уничтожения буржуазии: было убито и ограблено 350 человек, трупы которых сбрасывали в море. В «Других берегах» В. В. Набоков вспоминал: «На ялтинском молу... большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутились в густой толпе стоящих навтыжку мертвецов». Цит. по: *Набоков В. В.* Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 591. Советская социалистическая республика Тавриды (ССРТ) с центром в Симферополе была провозглашена 7—10 марта 1918 г. на I Учредительном съезде Советов рабочих, солдатских, поселанских и батрацких депутатов. ЦИК и СНК республики начали проводить в жизнь декреты советской власти. 30 апреля 1919 г. ССРТ пала и на территории Крыма была провозглашена власть Крымского краевого правительства.

³ Постановлениями ВРК и декретами СНК от 20 ноября, 27 декабря (ст. ст.) 1917 г., 26 января 1918 г. Государственный банк был объявлен собственностью советского государства, а банковское дело — государственной монополией; частные банки были национализированы, конфискованы акционерные капиталы, аннулированы баиковские акции. К ноябрю 1918 г. местные органы советской власти в 57 губерниях изъяли 826 млн р., проводили конфискацию ценностей, продовольствия и жилищ зданий у буржуазии.

⁴ В декабре 1917 г. появился декрет ВЦИК «О реквизиции теплых вещей для солдат...», сообщивший также о реквизиции квартир богатых в пользу бедных. Богатой квартирой, по определению ВЦИК, называлась всякая, «в которой число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно живущего в квартире». Такие квартиры «уплотнялись»: прежних владельцев теснили сначала солдаты, возвращавшиеся с фронта, затем многочисленные представители беднейших классов.

⁵ Речь идет о книге Г. Лебона «Psychologie du socialisme» (1898), изданной также в русском переводе — «Психология социализма» (СПб., 1908), где был выдвинут один из первых вариантов теории «массового общества». Согласно автору, идеи равенства противоречат человеческой природе, поэтому неизбежным следствием цивилизации он считал дифференциацию индивидов и неравенство различных рас; социальное равенство во всех его разновидностях является врагом демократии, поэтому он призвал с ним бороться. Лебон полагал, что психология является основой познания истории, а движущей силой — чувства и верования. Расовые различия между народами дополняются психологическими различиями наследственного характера, что ведет к различию менталитета и конфликтам между народами различных цивилизаций. По Лебону, развитие цивилизаций происходит циклически: толпа людей складывается в расу по мере приобретения общего идеала, затем под влиянием чуждых

элементов идеал разлагается, вызывая распад общества и гибель цивилизации. Конец XIX—начало XX в. Лебон характеризует как эру толпы, различая «гетерогенные толпы» (разнородные массы, например, толпы улицы) и «гомогенные толпы» (однородные массы, такие как политические секты, военные и рабочие касты, буржуазию, крестьянство и прочих как классы), где человек теряет свою индивидуальность, подчиняется ее примитивным импульсам, обретает потребность подчиняться вождю и веру в чудо.

⁶ В ноябре 1917 г. Центральная рада объявила себя верховным органом Украинской народной республики в составе России, а в январе 1918 г. — провозгласила УНР независимой. Вскоре марионеточной радой было подписано Брест-Литовское соглашение 1918 г. с представителями военного командования Германии и Австро-Венгрии, войска которых к апрелю оккупировали почти всю Украину. 29 апреля германское командование разогнало Центральную раду и заменило ее правительством германа П. П. Скоропадского.

⁷ 25 февраля 1918 г. германские войска вошли в Таллин и Псков. Петроград был объявлен на осадном положении. Несмотря на заключение Брестского мира 3 марта 1918 г., немцы продолжали наступление на всех направлениях — 4 марта была оставлена Нарва, советские войска оборонялись на рубеже реки Луга. В целях безопасности советское правительство переехало в Москву. К середине марта наступление на петроградском направлении было остановлено, к августу германские войска продолжали стоять в районах Нарвы, Пскова и Полоцка. Революция 1918—1919 гг. и поражение Германии в первой мировой войне, распад Четверного союза позволили советскому правительству в ноябре 1918 г. аннулировать Брестский мир и перейти к освобождению оккупированных немцами территорий.

⁸ Имеется в виду М. И. Ростовцев.

№ 5

Н. П. Кондаков — С. Ф. Ольденбургу¹

Ялта, Церковная, 2
5 апреля 1918 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Обращаюсь к Вам с просьбою помочь мне приехать в апреле или мае в Петроград, на некоторое время, для использования своей библиотеки. Если бы не трудное мое положение, я бы не решился Вас тревожить, а почему мне нужна помощь, позволите кратко о том изложить.

Я вывез прошлой весною свои две работы: III том «Иконографии Богоматери» и «Историю русской иконописи», то и другое в виде рукописей и материалов, главным образом — фотографий. После того мне прислали и привезли еще дополнительные материалы, а также рукописи, которые я опасался оставить в Петрограде, имея в виду беспорядки при его захвате немцами. Между этими рукописями находятся: II том «Русских кладов» и «Итальянская миниатюра в XIII и XIV веках», т. е. работы, мною не оконченные, но приготовленные к изданию.

Все это ныне составляет груз нескольких пудов, а, главное, ряды пакетов, которые я должен везти с собою в вагоне, в четырех больших саках,* из боязни сдать их в багаж, а при нынешних условиях переезда их утратить. В то же время мне предстоит взять с собою в багаж много лично мне необходимых вещей из багажа, ввиду возможности утраты больших чемоданов.

Вам известно, конечно, что условия езды по железным дорогам не допускают ничего подобного, и, стало быть, мне тронуться в дорогу становится жутким.

Нет ли, потому, какой-либо возможности, мне заручиться из Петрограда, по ходатайству от Академии, какой-либо льготою при возвращении в конце апреля, например, разрешением иметь отдельное двухместное купе, или хотя бы иметь для себя отдельную лавку с тремя местами, так чтобы я мог поместить на них доставляемый мною багаж. Свой личный багаж я мог бы сдать в багаж. Конечно, если бы мне можно было, при этой перевозке, пользоваться хотя бы некоторою помощью при посадке со стороны начальства станционного, чтобы оно мне обеспечивало назначенное место (хотя бы в служебном отделении), мне было бы куда легче.

Вот если у Вас, от Академии, есть какая-либо возможность мне помочь в этом, я был бы очень обязан. Иначе, право, не придумаю, что мне делать. Естественно я с охотой оплачу все льготы, которые могут быть мне предоставлены.

Будьте любезны, известите меня краткою телеграммою, можно ли мне надеяться на это.

Преданный Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 283. Л. 2—3 об. Автограф. На первой странице письма помета рукой С. Ф. Ольденбурга: «Получено 23 января 1919 г.».

* Эти четыре сака и короба ныне составляют в длину 3 аршина, в ширину 0.5 аршина.

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), востоковед-индолог, организатор науки, общественно-политический деятель; магистр санскритской словесности; адъюнкт (1900), непреременный секретарь Петербургской АН — АН СССР (1904—1929).

№ 6

Е. Н. Яценко¹ — С. А. Жебелеву

Одесса
Елисаветинская ул., 10
квартира проф. Линниченко
24 апреля 1919 г. нового стиля

Многоуважаемый Сергей Александрович,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой от имени *Никодима Павловича Кондакова* — не откажите сообщить сыну его Сергею Никодимовичу,² что Н. П. жив и благополучен, насколько это возможно в нынешнее время, что он по-прежнему живет в Одессе у проф. Линниченко и очень бы желал, чтобы Сергей Никодимович приехал жить вместе с ним, не откладывая бы своего приезда, а возможно скорее исполнил бы эту просьбу.

Н. П. в осеннем семестре читал в университете курс по «Истории русской иконописи», будет, если ничто не помешает, продолжать чтение и в весеннем семестре, т. е. тотчас после Пасхальных каникул.³ Это дает Н. П. известное вознаграждение и суточные деньги; пишу для того, чтобы Сергей Никодимович не беспокоился о степени материальной обеспеченности своего отца. Пока и в смысле продовольствия дело обстоит благополучно, хотя, правда, по высоким для Одессы ценам, но достать все можно.

Часто вспоминает Никодим Павлович о своих знакомых и друзьях и просит передать Вам привет, сам он не пишет исключительно из-за того, что не верит, как могут в нынешнее время доходить какие-либо письма.

Я же взяла на себя смелость беспокоить Вас, конечно с согласия Никодима Павловича, в уверенности, что Вы найдете более верный способ передать эту весть по назначению. У Никодима Павловича нет сведений от сына после сентября 1918 г., а тогда он писал, что живет в Гатчине и лишь наездами бывает на академической квартире.

Передайте, пожалуйста, Сергею Никодимовичу также привет и от меня, с пожеланием скоро увидаться. Извиняюсь за причиняемое Вам беспокойство и заранее благодарю Вас от лица Никодима Павловича за исполнение просьбы.

Уважающая Вас

Екатерина Николаевна Яценко

Р. С. Никодим Павлович очень бы желал получить от Вас письмо и узнать, как Вы живете и что Вам удастся работать в столь трудное время. Вероятно, Вы найдете возможным сообщить ему о том, как здравствуют и другие члены Вашего кружка.

ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 9. Д. 55. Л. 1—2 об. Автограф. На конверте (Л. 3) адрес: Петроград, Васильевский остров, 9 линия, д. 20, кв. 6. Сергею Александровичу Жебелеву. Почтовый штемпель о получении в Петрограде 3 мая 1919 г.

¹ Яценко Екатерина Николаевна (1890—не ранее 1938), родилась 9 ноября 1890 г. (ст. ст.) в семье офицера-поручика (в годы Первой мировой войны генерал-майора артиллерии) Н. И. Яценко. Училась в Гельсингфорсе, затем в Марининской гимназии Э. П. Шаффе в Петербурге, которую закончила с серебряной медалью (1907), получив диплом домашней наставницы с правом преподавания русского языка и арифметики (1908). В 1908 г. поступила на историко-филологический факультет ВЖК, училась на отделении русской филологии в подгруппе русской литературы, но была исключена по болезни в 1912 г., повторно поступила на ВЖК в 1913 г. и в январе 1914 г. была вновь отчислена из состава курсисток, так и не закончив учебы. В годы первой мировой войны — сестра милосердия. В 1915 г. познакомилась с Н. П. Кондаковым и вошла в круг его учеников. Спутница Кондакова с весны 1917 г. События октября 1917 г. застали их на юге России, так что Кондаков и Яценко оказались отрезанными от Петрограда. Е. Н. Яценко, став ангелом-хранителем академика, делала с ним все жизненные трудности в Ялте и Одессе (1917—1920), Софии (1920—1922) и Праге (1922—1925). 26 апреля 1919 г. Д. В. Айналов писал С. А. Жебелеву из Снмферополя: «Проездом через Одессу я виделся с Н. П. Кондаковым... При Н[икодиме] П[авловиче] состоит курсистка, которая его бережет и кормит» (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 1. Л. 152). И. А. Бунин, описывая бегство из Одессы 24 января/6 февраля 1920 г., писал о своих спутниках: «Нас было четверо: с нами был знаменитый русский ученый Никодим Павлович Кондаков, грузный старик лет семидесяти пяти, и молодая женщина, бывшая секретарем его и почти нянькой» (см.: *Бунин И. А.* Из воспоминаний «Третий Толстой» // Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 437). После смерти Н. П. Кондакова, вероятно в 1927 г., Е. Н. Яценко уехала из Праги в Ниццу, жила во Франции, с 1931 г. ученый член Археологического института им. Н. П. Кондакова.

² Кондаков Сергей Никодимович (1878—1940), историк искусства, библиограф, публицист, переводчик. Старший приемный сын Н. П. Кондакова. Получил образование на восточном факультете Санкт-Петербургского университета (1903), служил в Канцелярии Министерства Имп. двора (1907—1917). После октября 1917 г. работал делопроизводителем Петергофского художественно-исторического комитета (1918), сотрудником Гатчинского художественно-исторического музея (1918—1919), журналистом и агентом для специальных поручений в Геологическом комитете ВСНХ (1919—1920). Преподаватель Петроградского театрального (балетного) училища (1919); сотрудник газеты «Жизнь искусства» (1919). Во второй половине 1921 г. эмигрировал и впоследствии жил с Н. П. Кондаковым и Е. Н. Яценко в Софии и Праге. Член Союза русских писателей и журналистов, ученый член Археологического института им. Н. П. Кондакова. В 1928 г. уехал в Париж, в конце 1920—начале 1930-х гг. публиковался в эмигрантской газете «Последние новости», подрабатывал гидом-переводчиком на выставках. Безуспешно пытался продать дневники отца издателю, а научное наследие — пражскому семинару его имени (см. письмо С. Н. Кондакова к Н. М. Беляеву из Парижа, без даты [1928], в ОДФ ИТТИИ АН ЧР. Архив Археологического института им. Н. П. Кондакова. К1-28. № 14). Скончался в Париже 5 апреля 1940 г., похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа. О нем и его трудах см. некрологи: *Возрождение*. Париж. 1940. 12 апр. № 4231; *Последние новости*. Париж. 1940. 6 апр. № 6949; *Тункина И. В.* 1) Н. П. Кондаков: Обзор личного фонда // *АРВ*. С. 115—119; 2) *Неизданная библиография С. Н. Кондакова по отечественной археологии и истории искусств* // «Памятники древнерусской культуры». (Материалы 2-й Росс. науч. конф. 8—10 июня 1994 г., посвящ. памяти Святого Макария). Можайск, 1994. Вып. 2, ч. 2. С. 73—79 (на обл.: Макарьевские чтения).

³ В Новороссийском университете Н. П. Кондаков в качестве приват-доцента читал лекции вплоть до своей эмиграции. В письме к С. Н. Кондакову от 9 мая 1919 г. Никодим Павлович уточняет: «Уже зимою я начал читать в университете лекции по истории русской иконописи, 2 часа в неделю, но произошла студенческая забастовка, и я прочитал всего 6 лекций и получил за 1-е полугодие три тысячи рублей. Затем читал у себя дома курс по живописи Возрождения 8 слушателям — Окуневу и Грабару, двум Эрделн, приват-доценту Троицкому, Пете Зябкину, Екатерине Николаевне (Яценко. — *И. Т.*) и еще одной профессорше. Теперь читаю 3 лекции в неделю, тоже 8—10 слушателям. Мечтаю прочесть эти курсы в Санкт-Петербурге или Москве — они выходят у меня очень убедительными и ясными» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 177. Л. 123 об.—124).

№ 7

Е. Н. Яценко — С. А. Жебелеву

7 мая 1919 г.
Одесса
Елисаветинская, 10
Н. П. Кондакову

Многоуважаемый Сергей Александрович,

Извините за причиняемое беспокойство, но очень хочется дать знать о Никодиме Павловиче, как сыну его Сергею, так и Вам. Адреса Гатчины и его места службы мы не знаем, нет уверенности, что он часто бывает на академической квартире, а потому весьма убедительно прошу Вас, от имени Никодима Павловича, передать Сергею Никодимовичу, что он жив, здоров и благополучен, поскольку в нынешнее время возможно. Желал бы видеть Сергея Никодимовича возможно скорее подле себя, иначе в его годы беспокойно находиться в неизвестности и волноваться за сына, зная, насколько трудна в столице жизнь.

Никодим Павлович еще с осени начал чтение курса лекций по истории русской иконописи в университете; был долгий перерыв из-за отсутствия топлива в зимние месяцы, а теперь, после праздников Пасхи, вновь возобновил чтение лекций в так называемом весеннем семестре, говорю в так называемом семестре потому, что власть имущие спешат закончить занятия во всех учебных заведениях не позднее 15 мая нового стиля — но претворится ли их желание в дело, это никому не известно. Кроме студентов Никодима Павловича слушают и профессора, в числе их назыву известного Вам Николая Львовича Окунева.¹

Кроме этого курса Никодим Павлович был так добр, что провел 26-ть чтений по «Истории Возрождения» у себя на дому, но небольшому кружку лиц, посещал тот же Николай Львович и еще другой ученик Айналова,² из молодых, Андрей Николаевич Грабар,³ который переселился из Киева в Одессу для того, чтобы докончить государственные экзамены и быть оставленным⁴ при Новороссийском университете.

Нет сомнения, что Никодим Павлович заканчивал и свои работы по «Русской иконописи», которые выросли за два года его отсутствия из Петрограда в 2 больших тома.

Когда же произошла смена правительства, он начал диктовать мне свои «Воспоминания и думы»,⁵ смена была для нас, простых обывателей, неожиданна, что всех выбила из колеи; работать над научным сочинением Никодим Павлович не мог и решил начать писать свои воспоминания.

Университет, конечно, оплачивает чтения лекций, пишу для того это, чтобы Сергей Никодимович: 1) не думал, что он явится лишним бременем, как он то в одном из своих последних писем писал, а 2) для того, чтобы успокоить его насчет материального положения отца.

Сергей Александрович, Вы бы очень обрадовали Никодима Павловича письмом с возможно подробным описанием своей жизни и того, чем Вы сейчас занимаетесь. Как благополучны Ваша матушка и сестра?⁶ Как живут и существуют остальные друзья-знакомые Никодима Павловича, которые остались в Петрограде? Где устроились за границей Ростовцевы? Жутко ставить вопрос — существует ли библиотека⁷ Никодима Павловича и оставлена ли за ним его академическая квартира?

Никодим Павлович не пишет исключительно из-за того, что не верит в аккуртность нынешних почтовых сообщений. Просит Вас принять его искренний привет и благопожелания.

Наш, общий с Никодимом Павловичем, привет Сергею Никодимовичу и пожелания скорого с нами свидания.

Исполнением просьбы глубоко обяжете.

Уважающая Вас Е. Н. Яценко

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 143. Л. 1—2 об. Автограф.

¹ Окунев Николай Львович (1886—1949), историк искусства, византинист, славяновед. Выпускник Петербургского университета (1909), ученик Д. В. Айналова. Ученый секретарь РАИК (1912—1914), приват-доцент Петроградского университета (1916—1917). Профессор по кафедре теории и истории искусств Новороссийского университета (1918—1919), председатель Совета ООИИ. С осени 1919 г. являлся главным комиссаром по делам искусств в правительстве А. И. Деникина в Ростове-на-Дону. С 1920 г. в эмиграции, в том же году был приглашен профессором археологии на философский факультет университета в Скопье (Югославия), где занимал должность в течение 2,5 лет. В начале 1923 г. переехал в Прагу, преподаватель, с 1925 г. профессор философского факультета Карлова университета, заведующий архивом славянского искусства при Славянском институте (1932—1938), во время Второй мировой войны сотрудник Славянской библиотеки, соавтор Масариковского энциклопедического словаря (Т. 6); член-учредитель Русского исторического общества, член Славянского института и Русской академической группы, почетный член Археологического института им. Н. П. Кондакова.

² Айналов Дмитрий Власевич (1862—1939), историк искусства, специалист по раннехристианскому, византийскому и древнерусскому искусству; доктор теории и истории искусств (1900); член-корреспондент ПАН (1914). Ординарный профессор Петербургского—Ленинградского университета (1903—1917, 1923—1927), ВЖК (1906—1917), профессор и действительный член РИИИ (1911—1917, 1921—1929), заведующий разрядом археологии искусства средневекового Запада Археологического отделения РАИМК—ГАИМК (1921—1929), хранитель голландской живописи Картинной галереи Государственного Эрмитажа (1921—1929). См. о нем: *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: Жизнь, творчество, архив // *АРВ*. С. 259—312.

³ Грабар (Gzabar) Андрей Николаевич (Андре) (1896—1990), историк искусства, филолог, византинист, доктор honoris causa университетов в Принстоне, Упсале, Эдинбурге. Учился в Петроградском университете у Д. В. Айналова (1916—1917), продолжил образование в Одесском (1918—1920) и Софийском (1920—1921) университетах, где стал учеником Н. П. Кондакова. В течение почти трех лет был хранителем музея в Софии (1920—1922), тесно сотрудничал с болгарскими Археологическим обществом и Археологическим институтом. В августе 1922 г. по рекомендации Н. П. Кондакова уехал в Страсбург: преподаватель русского языка и истории русского искусства в средних и высших учебных заведениях, лектор русского языка в институте современного искусства при факультете словесности, профессор истории искусства (1936—1937) филологического факультета Страсбургского университета, историко-филологического факультета в Ecole des Hautes Études (1937—1946), заведующий кафедрой православия и католицизма в Коллеж де Франс (1946—1966) в Париже. См. о нем: *Искусство Византии и Древней Руси*: Тез. докл. конф. Москва, 24—26 сентября 1996 г.: К 100-летию со дня рождения А. Н. Грабара. СПб., 1996.

⁴ Т. е. «быть оставленным при университете для подготовки к профессорскому званию» — два сдачи магистерских экзаменов и защиты диссертации.

⁵ Посмертно опубликованы: *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы / Вводная статья С. Н. Кондакова // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. 79 с. Переизданы: *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. М., 2002. С. 17—190.

⁶ Жебелева Мария Александровна (1871—?), педагог, переводчица, сестра акад. С. А. Жебелева. Закончила гимназию Стависской, служила учительницей в той же гимназии, затем в гимназии Таганцевой, давала частные уроки, с 1918 г. жила «на полном иждивении» С. А. Жебелева, до 1931 г. занималась педагогической деятельностью. В фонде С. А. Жебелева сохранился сделанный ею перевод «Эллинской истории» с исправлениями брата на 1179 л. О ней см.: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 74 (автобиография, трудовой список, переписка).

⁷ Вопрос о судьбе библиотеки обсуждался в письмах Н. П. Кондакова к С. Н. Кондакову: «Нужно продать библиотеку: Русский музей давал за нее 30 тыс., но теперь за нее мало взять и 110 тыс. — она стоит на наши рубли около 150 тыс. и более. Спрашивается, как это устроить?» (19 мая 1919 г.); «Библиотеку я желаю *продать* и именно в Русский музей, но я должен буду выбрать себе около 100 названий нужных для работы моей и твоей книг. Затем я удерживаю у себя *до смерти все коллекции ненаклеенных фотографий*, с тем, что их возвратят после меня. Моя библиотека теперь даже не может быть вновь составлена, разве заплатить за нее сотни тысяч. Я желаю получить за нее только *75 тысяч франков*, не иначе, и считаю эту цену крайне дешевою. Если не купит музей, я распродам по частям дороже. Для Академии (наук. — *И. Т.*) я отберу то, что Отделению понадобится. Желаю продать потому, что решительно не могу жить на севере и, кстади, не вижу возможности жить при нормальных ценах в России» (8 июня 1919 г., см.: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 177. Л. 125 об., 130 об.).

№ 8

Н. П. Кондаков — А. А. Шахматов¹Одесса, Елисаветинская, 10
20 мая 1919 г.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович,

Одесса вступила вновь в почтовые сношения с севером вот уже несколько дней, и я решаюсь заявить Вам о некоторых своих нуждах, на тот случай, если мне все же не придется приехать еще весною в Петроград, как на то я рассчитывал.

Уезжая из Санкт-Петербурга, я вывез с собою три сочинения с материалами (фотографии и записки). В настоящее время эти сочинения представляют пять больших томов in 4о, но к ним имеются у меня также большие материалы, особенно фотографии, большинство в одном существующем экземпляре и т. под., и если все это утратится дорогою, то потеря будет не вознагражимая в полном смысле слова. Одно из этих сочинений по Иконографии Богоматери на два тома печатных требует, правда, для романского периода непродолжительной поездки, но если бы могло быть напечатано, то уже теперь можно было бы печатать том по порядку итальянской Мадонны. Второе сочинение — История русской иконописи, в двух томах с атласом, совсем бы можно было печатать, если бы была бумага для цветных рисунков. Имея в виду, что одно из сочинений написано для издания Академиею, я уже писал в прошлом году С. Ф. Ольденбургу, прося его помочь мне через властей вывезти все эти материалы, хотя бы исходатайствовав мне разрешение на покупку 3 мест или купе, где таковые имеются.² Ответа не получил, — письмо, вероятно, не дошло.

Вторая просьба моя касается собственно моего заштатного положения. Нельзя ли мне получить от Отделения командировку на юг и в среднюю Россию,³ хотя бы до сентября месяца, чтобы мне можно было предъявить извещение Отделения, как формальную бумагу, ныне необходимую для проезда куда бы то ни было.

Лично я желаю особенно попасть домой в Петроград, но не нахожу к тому никаких способов. Конечно, я знаю все обстоятельства современной жизни там, но и здесь дороговизна растет чрезвычайно и скоро, быть может, сравняется с Петербургом.

Только на днях я узнал о кончине Я. И. Смирнова. Известие это столько же поразило, сколько огорчило меня. Итак, все начатые и задуманные им работы останутся неисполненными? Горько донельзя.

Прошу Вас передать мой поклон товарищам по Отделению.

Преданный Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 705. Л. 49—50. Автограф.

¹ Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), лингвист, филолог, текстолог, историк древнейших славянских литератур и языков, историк культуры; доктор русского языка и словесности (1893); академик (1894), председательствующий в ОРЯС (1906—1920) ПАН; с 1899 г. директор I Отделения Библиотеки АН, заслуженный профессор Петроградского университета. Член Государственного Совета от Петербургской АН (1906), член ЦК кадетской партии (кооптирован в 1906 г., в 1908 г. вышел «из-за ненамения времени для работы»; вновь кооптирован в апреле 1917 г.).

² См. док. № 5.

³ Планировавшиеся Н. П. Кондаковым поездки так и не осуществились.

№ 9

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Одесса, Елисаветинская, 10
8 июня 1919 г.

Дорогой Сергей Александрович!

Очень был рад получить от Вас письмо заказное от 18 мая, мною полученное в самом конце. Затем пошли у нас и слухи и даже вести, опять перемежилось почтовое сообщение, не принимали заказных, а затем вновь возобновилось, и вот уже 3—4 дня как почти ежедневно приходят поезда, и с ними и письма от Сережи¹ и некоторые известия.

Вы меня ошеломили сообщением о смерти Я. И. Смирнова:² за день ранее Сережа в письме назвал его покойным, а от Вас я узнал, что он уже 10-го октября умер и, по-видимому, от истощения. Смерть его мне очень горька. У меня не было ученика, так полно снабженного для науки и так любимшего занятия. Неужели надо вновь читать в университете и искать учеников?

Здесь я прочел за два полугодия два введения: в русскую иконопись и в Иконографию Богоматери эпохи Возрождения. По-видимому, я еще могу читать. Слушателей под конец набиралось много и больше всего профессоров и художников. Думаю о том, чтобы прочесть подобные курсы в Санкт-Петербурге, если буду жив и вновь в университете.

За эти два года моего отсутствия из Санкт-Петербурга я мог много заниматься и почти закончил два сочинения: Историю русской иконописи на 2 больших тома с 3-м отдельным томом атласа и Иконографию Богоматери в эпоху Возрождения, тоже в двух томах. По первому, однако, надо еще сделать поездку по разным монастырям. По второму надо тоже побывать на юге Франции и еще раз в Италии. Когда и как я это сделаю, если теперь всякие поездки невозможны по тысяче затруднений и чудовищным ценам? Стараюсь не думать. Для изданий надобна бумага, а ее нет даже для академического, тем более для издания иконописных таблиц. Также стараюсь не думать. Ибо если начать думать, то, пожалуй, сунешь свои томы в печь и сожжешь как дрова. Ведь страшно подумать даже о том, что вывезти эти сочинения с материалами к ним, т. е. фотографиями для нужных рисунков, мне тоже или невозможно, или крайне трудно. Взять сочинения — не брать вовсе багажа, таковы условия переездов теперь. Добыть хотя бы разрешение купить три места в поезде, о чем я писал в Академию С. Ф. Ольденбургу (и ответа не получил), и то не удастся. И потому лучше не думать!

Думаю больше о том, куда бежать: теперь из Одессы, где началась чудовищная дороговизна, растущая до питерских цен; затем также из отечества, где зимою нельзя будет жить, за отсутствием топлива. У нас пуд дров стоит 60—70 рублей, а его хватает на один день в кухне и не хватит на печку: в пуде 7 мокрых поленьев.

Теперь у нас с половины апреля идут дожди, или по два ливня в день, или мелкие подряд. Нет дней без дождя. Все растет так буйно, что озимые имеют колосья в палец толщиной, а стебель еще толще. Но весь этот урожай сгниет от сырости, и даже сена нельзя собрать.

Вот Вам и наши кошмарные новости. Очень жалею Вас, как декана,³ и еще более по участию в заседаниях. Сам почти никуда не хожу. Недавно, однако, пошел в историко-филологический факультет, восстал, во имя университетской науки, против слияния университета с женскими курсами,⁴ и очень сожалею о том.

О Пете⁵ ни слуху ни духу вот уже 8 месяцев; и жена⁶ ждет его в Ялте уже год с двумя детьми, едва сводя концы с концами из доходов от сданного целиком внаймы дома.

Напишите мне подробнее, почему и от чего умер Яков Иванович. Напишите и о других. Поклонитесь нашей компании, кого увидите.

Ваш преданный Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 137—138 об. Автограф.

¹ Здесь и далее под Сереей подразумевается пасынок академика — С. Н. Кондаков, письмо которого было получено Н. П. Кондаковым 19 мая 1919 г. Ошеломленный ученый в тот же день ответил сыну: «Первые из него (письма. — *И. Т.*) узнал о смерти Я. И. Смирнова — очень горько, что все мое, в него посаженное, было усердие ни к чему не послужило, ибо он всегда поступал по-своему и жил очень странно или даже нелепо. Очень мне жаль, что и по науке он мало сделал. Мне уже скоро надо тоже умирать и не вижу, кроме как если опять читать в университете, чтобы я мог приготовить учеников по византийской и русской археологии» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 177. Л. 125).

² Я. И. Смирнов скончался от голодного истощения 10/23 октября 1918 г. Вот что писал о нем М. И. Ростовцев: «Я. И. Смирнов — первая жертва большевистского голодного режима, академик Российской Академии наук и хранитель Эрмитажа. Немногие его знали, но кто знал, тот свято хранит этот образ. Я не видел человека, который был бы столь равнодушным к себе и столь предан своей науке, сразу видевший то, чего не видели другие, “острый взгляд” которого известен был всем археологам Европы, он соединял бесконечное знание вещей с огромной начитанностью и с необычайно острым критическим умом, слишком острым, может быть, мешавшим ему обобщать и строить. Помню его в Эрмитаже, помню в Археологическом обществе. Помню его перегруженные материалами, остроумными открытиями, неожиданными комбинациями длинные и иногда сумбурные, но всегда живые и захватывающие доклады. Помню его в археологических поездках и музеях, где он забывал и об еде, и об усталости, изучая памятники, измеряя, зарисовывая и комбинируя. Помню время научной работы на заботу о своей длинной вереницей тянулись к нему коллеги и ученики за справками, за помощью, за разрешением недоумений. Не знаю, для кого Смирнов работал больше, для себя или для других. А погиб он потому, что ему противно было думать о себе, стоять в хвостах, терять время на заботу о своем больном теле. Он жил как подвижник и умер как аскет. Мир праху его!». См.: *Ростовцев М. И. Поминки (Памяти загубленных друзей и коллег) // Современные записки. Париж, 1920. Т. 2. С. 237.* Другая характеристика Я. И. Смирнова приведена в воспоминаниях директора Имп. Эрмитажа и товарища управляющего Русским музеем графа Д. И. Толстого: «Человек он был крайне своеобразный: большой ученый в области истории древностей, очень разносторонне образованный, характера прямого, очень импульсивный; он обладал особенной наклонностью к критиканству, не говоря о его критических способностях; это преобладание в нем критического ума, а также стремление к самокритике часто парализовали в нем его недюжинную работоспособность; про него говорили, что он всегда, обо всем, со всеми спорит, не исключая и себя самого. Относься строго к себе, он мог, однако, показаться недоброжелательным относительно других; но по существу он был человеком очень добрым, глубоко порядочным, с сильно развитым чувством долга. К сожалению, благодаря отсутствию порядка, а также вышеуказанному свойству — самокритике и сомнению в себе самом, его громадная эрудиция не дала тех плодов, каких можно было от него ожидать. В своих денежных делах он был нерасчетлив, трагил порой собственные средства на казенные цели, благодаря чему бывал в очень стесненных обстоятельствах: во время большевизма он настолько нуждался, что умер от истощения. Физически Смирнов казался значительно старше своего возраста (ему не было и 50 лет), и наружному своему виду он не придавал никакого значения. Говорил он красивым чистым русским языком, но сильно заикался». Цит. по: *Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже. (Воспоминания графа Д. И. Толстого) / Публ. С. Г. Блинова // Российский архив. М., 1992. Т. 2—3. С. 333—334.*

³ С. А. Жебелев в 1918/19 г. являлся деканом историко-филологического факультета Первого Петроградского университета. В январе 1919 г. среди профессуры стали распространяться слухи о намерении советских властей реорганизовать университет, создав на базе трех гуманитарных факультетов (историко-филологического, восточных языков и юридического) единый Факультет общественных наук (ФОН). В апреле 1919 г. Жебелев и Н. Я. Марр, тогда декан факультета восточных языков, упряджая реорганизацию, подали в правительство печатную записку «О реорганизации гуманитарных факультетов первого Петроградского университета» (Пг., 1919. 19 с.), в которой предлагали организовать на основе двух руководимых ими факультетов историко-культурное отделение ФОН из трех отделов: этнолого-лингвистического, историко-филологического и философско-психологического, с целью влить «свежую струю новых материалов, новых мыслей и научных подходов в существующую историко-филологическую науку» для поднятия «уровня методологии и исследовательских технических приемов». Цит. по: *Долинина А. А. Невольник долга. СПб., 1994. С. 208.* 17 августа 1919 г. постановлением Наркомпроса был организован громоздкий ФОН Петроградского университета на базе трех бывших гуманитарных факультетов (включая юридический) и других ликвидированных вузов, из 6 отделений и 98 кафедр.

⁴ 6/19 июня 1919 г. Н. П. Кондаков выступил на заседании историко-филологического факультета Новороссийского университета по вопросу о слиянии его с ВЖК: «Говорил, что это слияние может быть губительно для университетской науки, что суть университета в научном творчестве, оно понизит-

ся или прекратится, курсы — преподавательские учреждения, не больше. Щепкин [возражал], что для поддержания науки при Университетах будут Академии наук. Олимп будет низведен на общий уровень. Учреждена Комиссия по способам слияния... Но в Одесском университете историко-филологический факультет давно покинул науку!» (ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова).

³ Имеется в виду Петр Никодимович Кондаков (1886—1919), художник-любитель, младший приемный сын Н. П. Кондакова. В годы гражданской войны офицер Белой армии, воевал на северном фронте, был во сне зверски убит своими солдатами. 21 октября 1918 г. С. А. Жебелев сообщал С. Н. Кондакову: «Получил от Ростовцева, чрез оказию, письмо от Пети (от 13 августа н. ст.) для направления его Никодиму Павловичу. Петя оказался в Стокгольме, где и встретился с Ростовцевыми. Последние пишут мне, что получили уже открытку от Пети из Бергена, где он оказался, направляясь в Россию» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 164).

⁶ Кондакова (урожд. Кудрявцева) Екатерина Николаевна, жена П. Н. Кондакова.

№ 10

А. А. Шахматов — Н. П. Кондакову

Петроград
9/22 июня 1919 г.

Глубокоуважаемый Никодим Павлович,

Сейчас получил Ваше второе письмо — заказное; первое письмо Ваше не дошло до меня.¹ Очень порадовался тому, что Вы живы, здоровы и в состоянии работать.

Надеюсь, до Вас дошел уже командировочный лист;² его уже недели полторы тому назад должен был Вам выслать непременно секретарь.³ Отделение ассигновало Вам на путевые издержки 5000 р., но вопрос о том, как получить эти деньги и как их Вам доставить, не так прост. Контроль стал в последнее время невозможно трудно придирчив. Нам вернули бумагу, в которой мы просили выслать деньги на имя Сергея Никодимовича для придачи их Вам. В среду подаем бумагу с просьбой выдать их Сергею Никодимовичу и ничего не прибавляем в ней относительно передачи этих денег Вам. Вопрос о жалованье также не прост, благодаря странной постановке его, допущенной Общим собранием. Вы во всяком случае получите жалованье с 1-го июля нового стиля; но боюсь, что его выдадут только в сентябре, в случае Вашего возвращения. Теперь ввиду Вашего официального ходатайства о командировке буду хлопотать о том, чтобы жалованье выдавалось теперь же.⁴ Хорошо было бы, если бы Вы нашли возможность приехать сюда в сентябре хотя бы на неделю; течение жалованья возобновилось бы; Академия дала бы Вам командировку на 6—8 месяцев. Может быть, тогда оказалась бы возможность уехать за границу. Теперь границы закрыты, и по крайней мере из Великороссии получить заграничный паспорт невозможно.

Из членов Отделения⁵ всю зиму провели здесь: Котляревский,⁶ Никольский,⁷ Пальмов⁸ и я. Карский⁹ в Минске; но он приезжал сюда раза три и числится в командировке. На днях сюда вернулись Истрины;¹⁰ они решились на это, опасаясь быть оторванными от Петрограда; в последнее время им было тяжело в Серпухове, где они провели почти два года; как и в других городах, положение с каждым днем ухудшалось. Здесь, конечно, не хорошо, но морально не хуже, чем в любом городе нашей истстрадавшейся родины. Соболевский¹¹ в Москве. Иконников¹² в Киеве. Перетц¹³ в Самаре. Очень беспокоит меня то, что Перетц и Иконников лишены жалованья. Соболевскому оно высылается, так как возвращение его сюда невозможно по причине взятой с него подписки о невыезде из Москвы.¹⁴

Угнетенное состояние нашего духа невыносимо.

Искренне преданный

А. Шахматов

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ 9 июня 1919 г. Н. П. Кондаков послал А. А. Шахматову открытку: «На днях отправил Вам простое письмо, завтра же отсылаю заказное со вложением своего представления Отделению о командировке и ее материальной поддержке. Пишу эту открытку, на случай утраты других, и прошу известить меня о получении» (ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 705. Л. 55. Автограф).

² «Сегодня Никодим Павлович получил письмо от А. А. Шахматова, от 22 июня; бумагу из Отделения, с извещением, что пособие ему назначено в размере 5000 руб., и письмо от С. А. Жебелева и от него же книгу «Евангелия канонические и апокрифические», о чем, если увидите его, можете ему передать» (письмо Е. Н. Яценко С. Н. Кондакову от 2 июля 1919 г.: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 252. Л. 62).

³ Непременный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург.

⁴ «Ввиду имеющегося у Отделения сведения о том, что действительный член Академии Н. П. Кондаков вместе с С. Н. Кондаковым предполагают совершить несколько поездок по южной России для исследования христианских древностей в связи с трудом по иконографии Божьей Матери, Отделение ходатайствовало перед Общим собранием о командировании Н. П. Кондакова, с указанной целью, сроком с 1 июля по 1 сентября с. г. В дополнение к этому ходатайству положено выдать С. Н. Кондакову на расходы по командировке 5 тыс. рублей» (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1919. Д. 166. Л. 328 об. Протокол ОРЯС, 8 заседание от 11 июня/29 мая 1919 г., § 75. С. 28). Это ходатайство было удовлетворено на Общем собрании РАН: «За неперемного секретаря акад. А. А. Шахматов доложил, что он, в качестве председательствующего в ОРЯС, сообщил неперемному секретарю 7 августа с. г. за № 160, что ОРЯС, в заседании своем 11 июня/29 мая сего года, постановило командировать Сергея Никодимовича Кондакова в Одессу для совместной с академиком Н. П. Кондаковым работы над приготовлением к изданию нескольких трудов по христианским древностям и ввиду этого просит выдать С. Н. Кондакову свидетельство на выезд из Петрограда и проезд в Киев, Одессу и другие города России и на возвращение обратно в Петроград. Положено исполнить» (Там же. Л. 86. ОС. 8 заседание от 6 сентября 1919 г. § 194. С. 145).

⁵ Имеется в виду Отделение русского языка и словесности. В 1919 г. жизнь ОРЯС РАН практически едва теплилась — судя по протоколам, состоялось 15 заседаний, на которых присутствовали, как правило, по четыре-пять академиков, главным образом А. А. Шахматов, Н. А. Котляревский, И. С. Пальмов, В. М. Истрин, Н. К. Никольский (отсутствовали И. В. Ягич, Н. П. Кондаков, А. И. Соболевский, В. С. Иконников, В. Н. Перетц, Е. Ф. Карский).

⁶ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925), литературовед, критик, публицист; магистр истории западноевропейских литератур (1899); почетный академик по ОРЯС (1906), ординарный академик (1909) ПАН. Первый директор Пушкинского Дома (1910—1925). Летом 1920 г. арестован ЧК, но вскоре освобожден. В 1922 г. велел за высланными деятелями культуры последовал в Берлин, но вернулся на родину.

⁷ Никольский Николай Константинович (1863—1936), историк древнерусской рукописной книжности и церковно-канонической литературы, археолог; доктор церковной истории (1899); академик ПАН (1916). Профессор Петербургской Духовной академии; приват-доцент историко-филологического факультета Петербургского университета (с 1909 г.); директор БАН и Книжной палаты (1920—1925).

⁸ Пальмов Иван Саввич (1855—1920), историк церкви; доктор церковной истории (1904); академик ПАН (1916) и Чешской Академии наук и искусства (1908). Заслуженный ординарный (1906—1918, с 1911 г. сверх штата) профессор по кафедре истории славянских церквей Петербургской—Петроградской Духовной академии.

⁹ Карский Евфимий Федорович (1860—1931), филолог-славист, языковед, этнограф; академик ПАН (1916). С 1917 г. экстраординарный профессор по кафедре русского и церковнославянского языков Петроградского университета, редактор «Известий ОРЯС АН» (с 1920 г.). Директор Музея этнографии и этнографии РАН.

¹⁰ Истрин Василий Михайлович (1865—1937), филолог-славист, византист, историк древнерусской литературы, текстолог; действительный член ПАН (1907). Председательствующий в ОРЯС РАН—АН СССР (1924—1927).

¹¹ Соболевский Алексей Иванович (1856/1857—1929), филолог-русист, специалист в области сравнительно-исторической грамматики славянских языков, палеограф, этнограф; доктор русского языка и словесности (1884); академик ПАН (1900). Заслуженный ординарный профессор (1907—1908) по кафедре русского языка и словесности Петербургского университета, профессор славяно-русской палеографии в ПАИ (1892—1902). Член Союза русского народа (до 1910 г. член Гласного совета СРН, но отказался от звания), член Государственного Совета. В 1910-х гг. жил в Москве, после октября 1917 г. профессор Первого Московского университета; несколько раз арестовывался ЧК (1918, 1929).

¹² Иконников Владимир Степанович (1841—1923), историк, доктор русской истории (1869); академик ПАН (1914); ординарный профессор кафедры русской истории Киевского университета, заведовал ВЖК в Киеве. Председатель Киевской комиссии для разбора древних актов.

¹³ Перетц Владимир Николаевич (1870—1935), историк русской и украинской литератур, источниковед, текстолог, палеограф, фольклорист, искусствовед; доктор русского языка и словесности (1902); академик ПАН (1914); исключен в 1934, восстановлен в 1957) и ВУАН (1919). Профессор Петербургского—Петроградского университета (1914—1917; с 1921 г.). С 1914 г. жил в Петербурге, затем в Сама-

ре (1917—1921), один из создателей и профессор Педагогического института (1917), реорганизованного в Самарский университет (1918). В ВУАН руководил Комиссией старинной украинской литературы. После возвращения в Петроград читал курс русской филологии в университете и до 1933 г. работал в АН СССР. Арестован по «делу славистов» (1934), выслан на 3 года в Саратов, где и умер; реабилитирован в 1957 г.

¹⁴ Академик А. И. Соболевский как член Союза русского народа впервые был арестован ЧК в 1918 г. без предъявления обвинений, освобожден 24 августа того же года под подписку о невыезде, но дело его продолжало числиться за Московским ревтрибуналом. См.: *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // *In memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка.* М.; СПб., 1995. С. 200; *Пиотровская Е. К.* Письма А. И. Соболевского об отечественной науке и культуре в свете развития событий русской истории 1917—1919 гг. // ВИД. 1998. Т. 26. С. 283—292.

№ 11

Н. П. Кондаков — А. А. Шахматову

Одесса, Елисаветинская, 10
5 июля 1919 г.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

Получив одновременно Ваше письмо от 22 июня и извещение от Отделения, спешу принести Вам и Отделению свою искреннюю благодарность за заботы обо мне. Командировочные деньги мне, действительно, понадобятся для необходимых поездок во Владимир, Москву и разные монастыри средней России. Мне необходимо осмотреть раскрытые в 1918 году и в этом расчисткою древнейшие иконы, о которых мне писали из Москвы иконописцы. Равно осмотреть новые приобретения в собраниях и дополнить то, чего я не видел раньше.

Здесь нам жилось сравнительно лучше, чем в Крыму: есть библиотека, я читал здесь в университете курс иконописи и приватно курс по Ренессансу, затем по продовольствию было гораздо обильнее и дешевле, чем в Ялте. Но теперь, уже более месяца, мы находимся здесь в худших условиях, и дороговизна уже подходит к московским размерам. Наконец последние аресты профессоров: Доброклонского,¹ Вилинского,² Ренненкампа,³ Груздева,⁴ Вальтера⁵ навели на университет тяжелый кошмар. И. А. Линниченко не был арестован только потому, что не ночевал дома, задержавшись в гостях дольше положенного осадным положением срока. В ночь со 2 на 3 июля в его квартиру вошли 6 солдат с офицером и должны были ограничиться только протоколом, не найдя И. А. дома, но потребовали от нас сообщить ему записку о явке в Чрезвычайную комиссию на другой день. Это было исполнено, и И. А. наутро принял эту записку и, объявив, что идет туда, ушел. С того времени мы, как и все семьи других арестованных, ничего о них не знаем.⁶ Ранее арестованный бывший профессор Левашов⁷ расстрелян. Протоиерей университета Кли<то>к освобожден. Пока мы, живущие в квартире И. А., еще не были потревожены. Говорят, что профессоров и юристов (теперь) берут как заложников, на случай обмена. Профессора в большом волнении, особенно пожилые, из-за тяжелых условий «эвакуационного лагеря». Правда, говорят, что старше 70 лет не берут.

Очень благодарю Вас за сведения о товарищах по Отделению.

Только что получил от С. А. Жебелева план реорганизации историко-филологического и восточного факультетов: очень интересно, многое высоко желательно, но столь же многое подлежит суровой критике или крайне сложно, громоздко и даже неисполнимо, или прямо фантастично. Создается скорее дело для тысячеконной Академии наук,⁸ чем для реального русского университета. Совершенно неисполнима пока первая часть, составляющая общий пропедевтический курс. Многое очень декоративно и сулит далекие перспективы, но не дает определенно-

го плана и т. д. Словом, можно было бы очень поговорить с Марром⁹ и Жебелевым, но далеко.

Прошу Вас кланяться товарищам по Отделению. Если случится написать, будьте любезны написать, можно ли надеяться на запас дров в здании Академии наук на будущую зиму. У нас самая тяжелая дороговизна дров: за пуд 80 руб. Почти исключительные богачи еще топят у себя плиты и держат хозяйство, а для 9/10 это уже немислимо.

Преданный

Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 705. Л. 51—52 об. Автограф.

¹ Доброклонский Александр Павлович (1856—1937), историк церкви; доктор богословия (1914). Убежденный монархист. С 1899 г. исполняющий должность ординарного профессора по кафедре церковной истории, декан историко-филологического факультета Новороссийского университета. Член Городской думы г. Одессы. Эмигрировал в 1920 г. в Сербию, читал патрологию как профессор богословского (православного) факультета Белградского университета. Учредитель и член правления Общества русских ученых в Югославии (1920—1937); председатель отделения общественных и исторических наук (1928—1936), председатель (1936—1937) Русского научного института в Белграде. Основные труды в области византистики «Сочинение Факунда, епископа Германского, в защиту трех глав» (М., 1880 — магистерская диссертация), «Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский» (в 2 ч. Одесса, 1913—1914 — докторская диссертация), «Руководство по истории русской церкви» (Вып. 1—4. 1883, 1893).

² Вилинский Сергей Григорьевич (1876—1952), литературовед. В 1915—1919 гг. ординарный профессор русского языка и русской литературы, проректор (1915) Новороссийского университета, с 1923 г. в эмиграции в Чехословакии, профессор университета в Брно (до 1948 г.).

³ Ренненкамф Владимир Николаевич (1862—?), юрист, в 1915—1919 гг. ординарный профессор по кафедре государственного права юридического факультета Новороссийского университета.

⁴ Груздев Сергей Сергеевич, врач, в 1915—1919 гг. ординарный профессор терапевтической клиники медицинского факультета Новороссийского университета.

⁵ Имеется в виду либо Вальтер Петр Александрович, в 1915 г. заслуженный ординарный профессор по кафедре диагностики с пропедевтической клиникой медицинского факультета Новороссийского университета, либо Вальтер Оттон Карлович, в 1915—1919 гг. экстраординарный профессор по кафедре офтальмологии медицинского факультета Новороссийского университета.

⁶ «Начались в университете хлопоты по освобождению, — писал Н. П. Кондаков сыну 16 июля 1919 г., — двоим удалось освободить, прочих держат, — говорят, как заложников, и скоро вывезут, пожалуй, в Киев или куда еще. Затем арестовали хозяина дома Ремиха, и тоже, кажется, вывозят. Опасаясь обыска в помещении Ивана Андреевича, мы просили профессоров присылать ежедневно служителя на ночь, и еще ночуют Троицкий, приват-доцент по церковной истории, и в последние дни Д. К. Крайнев. Последний, узнав, что мы плохо питаемся в столовой Высших женских курсов, взял теперь нас на свой стол... Мы в ужасе за арестованных профессоров, между ними мой приятель Доброклонский, церковный историк, которого лишили было места. Но я и другие профессора в факультете выхлопотали ему поручение читать византийскую историю. Это очень хороший и занимающийся ученый. То же угрожает Вилинскому, ученику Истрина». Здесь же приписка рукой Е. Н. Яценко: «События последнего времени совершенно выбили Никодима Павловича, да и меня, из колеи. Никодим Павлович перестал работать, за нее редко диктует свои воспоминания... Сегодня поистине кошмарный день: утром известие о расстреле хозяина дома; днем... о том, что уплотняют квартиры беженцами...» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 177. Л. 134—134 об., 135 об.).

⁷ Левашов Сергей Васильевич (1856—1919), врач. Ординарный профессор терапевтической клиники медицинского факультета и ректор (1908—1913) Новороссийского университета. Гласный городской думы и почетный мировой судья Одессы. Член Союза русского народа, депутат 4-й Государственной думы, затем председатель фракции правых. Расстрелян 6 июня 1919 г., после чего в его доме на Екатерининской площади расположилась Одесская ЧК.

⁸ В 2003 г. число членов и членов-корреспондентов РАН составляет 1320 человек.

⁹ Марр Николай Яковлевич (1864/1865—1934), востоковед-кавказовед, археолог, лингвист, специалист в области сравнительно-исторического языкознания; доктор восточной словесности (1902); академик ПАН (1909); с 1902 г. ординарный профессор, декан факультета восточных языков (1911—1918) Петербургского—Петроградского университета, председатель РГКК (1918—1919), с 1919 г. (с перерывами) председатель РАИМК—ГАИМК, создатель и директор Яфетического института (1921—1934), директор Государственной Публичной библиотеки (1924—1930). Речь идет о записке С. А. Жебелева и Н. Я. Марра «О реорганизации гуманитарных факультетов первого Петроградского университета» (см. коммент. 3 к док. № 9).

№ 12

Н. П. Кондаков — А. А. Шахматову

Одесса, Елисаветинская, 10
8 июля 1919 г.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

Недавно я послал Вам письмо, а сегодня получилось от сына письмо от 30 мая с извещением, что Вы намереваетесь внести в Общее собрание предложение о командировании меня на юг России для изучения памятников в связи с моею работою по русской иконописи,¹ что даст мне возможность снова получать от Академии жалованье. Благодарю Вас за это предложение тем более, что как раз об этом просил Вас сам в своем письме. Действительно, приезд в Петербург является для меня крайне трудным. От Одессы до Киева проехать пока можно, но по условию можно взять только одно ручное место, что для меня невозможно ввиду больших саков с моими рукописями и материалами и необходимости взять хотя бы часть своих вещей. Оставить здесь хотя бы половину багажа опасно, так как и здесь угрожает реквизиция выморочных вещей, оставленных за выездом.

Я уже писал Вам, что одни только мои сочинения с материалами должны занять три саквояжа: одно сочинение по истории русской иконописи, другое по иконографии Богоматери. Оба сочинения кончены, но мне все же для полной обработки нужна поездка по Московской и Владимирской губерниям, а также по Иконографии Богоматери поездка на юг Франции для личного осмотра романских соборов. Правда, теперь и печатать эти сочинения было бы невозможно ввиду отсутствия нужной бумаги, не только для издания Русской иконописи семьею Терещенко,² но даже и для академического, более простого, издания Иконографии Богоматери. Не менее года придется ждать появления бумаги, даже если все успокоится. Но, конечно, мне не только следует, но и необходимо приготовить оба сочинения к изданию, т. е. подобрать у себя в Петербурге все оставленные там материалы, особенно фотографии. Если издание состоится уже без меня, дело представит непреодолимые трудности при подборе тысяч снимков и рисунков, и самое издание может не состояться.

Горько и прискорбно было для меня услышать о смерти Я. И. Смирнова. Это был, прежде всего, единственный, мною вполне подготовленный ученик и, главное, настоящий ученый, полюбивший свой предмет и постоянно занимавшийся своим делом до полного выяснения. Увы, некоторые крайности его характера ускорили его смерть, благодаря его болезненности. Мне понадобится опять читать в университете, чтобы приготовить ученого археолога, по своему понятию. По счастью, я еще могу читать, хотя и в малых размерах, испробовав здесь. Прочел здесь при факультете за два семестра введение в историю русской иконописи и приватно у себя то же введение в историю живописи эпохи Возрождения. Слушали пять, шесть профессоров, студенты, художники и прочие.

Прилагаю просьбу к Отделению о предоставлении мне некоторых средств на исполнение командировки. Еще раз прошу принять заранее мою благодарность и передать мои поклоны членам Отделения.

Преданный Вам Н. Кондаков

P. S. Прошу Вас передать прилагаемую доверенность сыну моему Сергею Никодимовичу. Я приложил ее на случай утраты письма к нему с ее дублетом.

В Одессе вторую зиму живет И. А. Бунин.³ Ранее он читал, писал в газетах, теперь очень смущается, намеревается ехать в Москву или Петроград.

ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 705. Л. 53—54 об. Автограф.

¹ 15 июня 1919 г. Е. Н. Яценко писала С. Н. Кондакову в Петроград: «10 июня Никодим Павлович получил из Академии наук казенный пакет, с извещением о назначении ему командировки на юг России, и с кратким письмом Ольденбурга... Ольденбург пишет, что жалованье за июнь, июль, август будет выдано лишь тем академиком, которые вернутся (в Петроград. — И. Т.) хотя бы к концу сентября» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 252. Л. 60, 61 об.).

² Правление Товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов «Братья Терещенко» прославилось своей меценатской и благотворительной деятельностью, поддержкой науки и культуры. В правление входили коллекционеры древностей и живописи Б. И. Ханенко, женатый на старшей дочери основателя товарищества Н. А. Терещенко — Варваре Николаевне, А. Н. и К. С. Терещенко. Крупный финансист М. И. Терещенко, сын коллекционера И. Н. Терещенко, с сестрами П. И. и Е. И. Терещенко владел петербургским издательством «Сирин» (1912—1914). С рядом представителей семьи Терещенко—Ханенко Кондаков поддерживал переписку. См. письма к Н. П. Кондакову: Елизаветы Михайловны Терещенко, вдовы коллекционера картин И. Н. Терещенко (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 414. 2 п., 1915 и без даты), министра финансов Временного правительства Михаила Ивановича Терещенко (Там же. Д. 415. 3 п., 1913—1914), его сестры П. И. Терещенко (Там же. Д. 416. 10 п. [1900—1910-е гг.]), камергера, члена Государственного Совета, почетного члена Академии художеств, коллекционера Богдана Ивановича Ханенко (Там же. Д. 452. 2 п., 1909 и без даты) и его жены В. Н. Ханенко (урожд. Терещенко) (Там же. Д. 453. 2 п., без даты).

³ Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), прозаик, поэт, переводчик; почетный академик ПАН по разряду изящной словесности ОРЯС (1909); лауреат Нобелевской премии в области литературы (1933). С 1920 г. эмиграции, жил во Франции. Подробнее о взаимоотношениях Бунина и Кондакова во время пребывания в Одессе см.: *Тункина И. В.* Н. П. Кондаков по неизданным воспоминаниям Б. В. Варнеке. 1917—1920 годы // Никодим Павлович Кондаков, 1844—1925. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения / ГРМ. [СПб.], 2001. С. 56—62; *Варнеке Б. В.* Материалы для биографии Н. П. Кондакова / Публ. И. В. Тункинной // Диаспора. Париж; СПб., 2002. Вып. 4. С. 81, 86, 87, 100, 108—112, 121, 139, 147—152; *Муромцева-Бунина В. Н.* Н. П. Кондаков (к пятилетию со дня смерти) // *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. М., 2002. С. 348—358.

№ 13

А. А. Шахматов — Н. П. Кондакову

Петроград
23/10 июля 1919 г.

Глубокоуважаемый Никодим Павлович,

Письмо Ваше получил. Положительно нам в Петрограде легче, чем где-нибудь в других местах несчастной России. Правда, мы стали голодать и не видим возможности просуществовать на зарабатываемые и выручаемые продажей вещей деньги, но та же дороговизна, что у нас, быть может, в несколько более мягкой форме и в Москве, и в Киеве, и в Одессе, даже у нас в Саратове и в Аткарске, где уже осенью прошлого года приходилось моему семейству очень туго. Стараешься не думать даже о ближайшем времени, тем более не задумываешься над зимой; ясно только, что придется мерзнуть и ютиться в немногих комнатах, для того чтобы обойтись тем небольшим количеством дров, которое нам, по-видимому, предстоит получать.

Отвечая на Ваш вопрос, сообщаю, что Академия дров не заготовила; удастся ли ей заготовить сколько-нибудь достаточное количество, не видно. Впрочем, Сергей Никодимович, который собирается к Вам, расскажет Вам подробнее о положении продовольственного и других житейских вопросов в Петрограде, а я ограничусь пожеланием, чтобы Вы побывали здесь в сентябре на самое короткое время и лично в Общем собрании добились командировки на зимние месяцы. Ваше возвращение в сентябре к началу занятий откроет Вам возможность получить жалованье за июнь—август и обеспечить дальнейшее его получение, где бы Вы ни поселились. Но только личное ходатайство может подвинуть Общее собрание дать Вам длительную командировку при наличии еще некоторых обещаний с Вашей стороны как-то наезжать от времени до времени в Петроград. Е. Ф. Карскому таким путем удалось выговорить себе проживание в Минске. Отделенские хлопоты

ты успеха иметь не будут. Правление отказывается выдавать жалованье за июнь и следующие летние месяцы отсутствующим академикам. В виде компромисса Вам выдадут 6000 р. якобы на подготовительные работы по печатанию Вашего труда.¹ Деньги уже выписаны. Их вместе с 5000 р. отделенскими должен привезти Вам Сергей Никодимович; довериться иному способу пересылки невозможно.

Ваши поклоны членам Отделения я передал. Мы горячо приветствуем Вас по поводу завершения Вами Вашей работы по иконографии; Отделение берет ее на свое попечение и приложит все усилия к ее изданию.

Очень мне грустно за Ивана Андреевича.²

Пожелав Вам всего хорошего, остаюсь

искренне Вам преданный

А. Шахматов

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Третий том «Иконографии Богоматери» Н. П. Кондакова планировалось напечатать, как и два предыдущих, в типографии РАН. Так, в смете на 1919 г. по ОРЯС РАН на печатание «трудов академика Н. П. Кондакова» было предусмотрено 5000 р. (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1918. Д. 165. Л. 327 об. 1-е приложение к протоколу 10 заседания ОРЯС РАН 4 декабря/20 ноября 1918 г.).

² И. А. Линниченко.

№ 14

Н. П. Кондаков — В. М. Истрину

Praha. III. Mala Strana. Tržište 15, Schönborn Palac¹
25 ноября 1922 г.

Многоуважаемый Василий Михайлович,

Я получил от Вас извещение о желательности доставления отчета² (от В. А. Францева³) только 20-го ноября и потому посылаю с опозданием, вполне невольным, так как В. А. был в отъезде из Праги.

Извиняюсь, что не доставлял ранее, но оправданием может служить то, что я не получил обычных извещений.

Прилагаю три отгиска статьи о «Сумочке»⁴ и очень желал бы служить дополнительными объяснениями, если кто из членов Отделения их пожелает.

О своей беженческой жизни не сообщаю ничего, так как со времени своего отъезда из Одессы проживал обычно, но спокойно в Софии и Праге. Выехал я потому, что нуждался в южном тепле и считал, что нахожусь по-прежнему в академической командировке. Остановился в Софии на отдых, из Константинополя, потому что профессора тамошнего университета: Милетич,⁵ Златарский⁶ и Цонев,⁷ придя ко мне, просили остаться у них, и я пробыл там два года. Мне удалось, с помощью русских молодых ученых: А. Н. Грабара, С. И. Покровского⁸ и болгарских археологов, несколько поработать для болгарской археологии средневекового периода. Затем меня пригласили в Прагу, также на два года, для чтения курса истории средневекового искусства и культуры Восточной Европы.⁹

Одно время я располагал ехать в Париж для чтения при Сорбонне того же курса, но, ввиду стесненных материальных условий, должен был от того отказаться.

Имел за это время несколько предложений по изданию *Русской иконы*, но в таких условиях (на русском издательстве «Слово» в Берлине) или с такими ограничениями в иллюстрации (парижские издатели), что переговоры не привели пока ни к чему определенному. Ныне имею предложение издать на английском языке, но еще не знаю, чем определятся переговоры.

Крайне стеснен в своих занятиях добыванием книг и пособий, тогда как ранее пользовался своею библиотекою.

Тяжела дороговизна жизни в Праге, тяжел и ее крайне сырой климат, но вознаграждается это научным общением.

Очень прошу Вас передать моим товарищам по Отделению и членам Академии мои низкие поклоны.

С искренним уважением и преданностью

Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 78. Л. 1—2 об. Автограф. Л. 3 — конверт с адресом: Russie. Petrograd. Петроград. Университетская набережная 5, кв. 28. Академия наук. Академику Василию Михайловичу Истрину. Судя по почтовым штемпелям, получено в Москве 2 декабря, в Петрограде 4 и 6 декабря 1922 г.

¹ После переезда в Прагу Кондаков некоторое время проживал в гостинице «Централь», затем переехал на частную квартиру в районе Вннограды, а в октябре 1922 г. окончательно поселился во дворце Шёнборн (Мала Страна, Тржиште, 15, ныне здание американского посольства), который принадлежал американскому меценату Чарльзу Крэнзу. Здесь Кондакову была выделена бесплатно в пожизненное пользование небольшая двухкомнатная квартира.

² Письма В. М. Истрина в ЛАПНП отсутствуют (благодарю за уточнение Л. Л. Копецкую). Отчет Н. П. Кондакова для ОРЯС за 1922 г. в ПФА РАН (Ф. 9 — ОРЯС) не обнаружен.

³ Францев Владимир Андреевич (1867—1942), филолог и историк-славист; доктор славянской филологии (1907); академик РАН (1921), иностранный член Чешской АН и искусств (1904). Ординарный профессор Варшавского (1907—1915), затем Ростовского-на-Дону (1915—1919) университетов. Эмигрировал в ЧСР, профессор Карлова университета в Праге (1919—1937).

⁴ Речь идет о статье: *Кондаков Н. П.* Мифическая сума с земною тягою // Списание на Българска-та Академия на науките. 1921. Т. 22. С. 53—66.

⁵ Милетич Любомир (1863—1937), болгарский филолог-славист, учредитель и председатель Македонского научного института в Софии, профессор Софийского университета, иностранный член-корреспондент ПАН (1901).

⁶ Златарский Васил Николов (1866—1935), болгарский историк-медиевист, почетный член 14 европейских академий и научных обществ, иностранный член-корреспондент ПАН (1911), декан историко-филологического факультета Софийского университета. Учился в Петербургском университете, сокурсник и друг Я. И. Смирнова.

⁷ Цонев Бенью Стефанович (1863—1926), болгарский филолог, один из создателей болгарского языкознания, действительный член Болгарской АН (1900).

⁸ Покровский Сергей Иванович (1888—1950), археолог; с 1920 г. в эмиграции в Болгарии, жил в Софии, сотрудник археологического музея в Варне, в 1931—1932 гг. публиковал исследования в изданиях Археологического института им. Н. П. Кондакова. См.: *Покровский С. И.* Пятьдесят лет болгарской археологии // СК. 1931. Т. 4. С. 278—289.

⁹ Еще в июле 1921 г. профессорский совет философского факультета Карлова университета в Праге по представлению профессоров Бидло, Хытила и Нидерле постановил пригласить Н. П. Кондакова для чтения лекций. Однако смена правительства в Чехословакии и желание Н. П. Кондакова закончить семестр в Софийском университете задержали переезд в Прагу до конца марта 1922 г.; с мая того же года он начал чтение лекций. См.: *Копецкая Л. Л.* Н. П. Кондаков и чешская среда. С. 637—638.

№ 15

Н. Я. Марр — Н. П. Кондакову

[не позднее 22 ноября 1922 г.]¹

Paris VI

3, rue Bonaparte
Hôtel de Londres

Дорогой и высокоуважаемый Никодим Павлович,

Я вот уже второй раз пользуюсь редким для нашей братии, оставшейся в России, случаем, можно сказать привилегией, научной командировкой к баскам.² Я бы не хотел в этот раз также остаться без обмена с Вами письмами.

В Петрограде и в Академии наук, и в Академии истории материальной культуры³ (вместо прежней Археологической комиссии) большая тоска по Вас. Ряды все реденеют, одни уезжают навсегда под тем или другим предлогом, другие умерли или находятся на грани, каждый из нас на очереди, но, при всей в последнее время особенно меня угнетавшей общей апатии, одного не могу не констатировать, это не убыли, а роста глубокого уважения к Вам и страстного желания видеть Вас в своей научной среде. Когда иного средства не оказалось хотя бы духовно связать Вас с собой, с своим учреждением, в Академии истории материальной культуры Вы были избраны единогласно почетным членом,⁴ притом и по времени первым почетным членом, так как раньше этот институт был вообще упразднен.

Из лиц, которых судьба Вас может интересовать, притом оставшихся в живых, могу назвать С. А. Жебелева и Айналова. Последний самые тяжкие «моменты» петроградского нашего сидения провел на юге, в более «благоприятных» условиях физической жизни, а уже год с лишним он в Петрограде, работает и «процветает» по-петроградски: служит и в Эрмитаже, и в Академии истории материальной культуры, и в других местах. В Эрмитаже теперь во главе С. Н. Троицкий,⁵ и в нем собралась удивительно дружно работающая группа молодых и пожилых специалистов, страшно преданных Эрмитажу и его сокровищам, буквально не щадящих себя, лишь бы их отстоять и сохранить (в этом отношении, не исключая, и положительно образцами собачьей верности представляю и младших служащих, бывших сторожей). Эрмитаж растет, только что (т. е. накануне моего выезда 21 октября из Петрограда) расширился в сторону Зимнего дворца («Дворца искусства»), где он два обширных отделения (в сторону площади) занял художественными произведениями французскими, французами XVII и XVIII, оказавшимися у нас в большей полноте и лучшем подборе, чем на их родине. Вообще сокровищ художественных в Эрмитаже накопилось за это время такое количество, что, как директор меня уверял, к весне Эрмитаж своими экспонатами поглотит весь Зимний дворец, все его залы будут заняты памятниками искусства, там в этом направлении шла непрерывная работа; вывезенные за военное время в Москву коллекции возвращены *благополучно*.⁶ Очень опасно было зимой: опасались неполучения средств на покрытие крыши Эрмитажа, протекало, директор в дождь между картинами ходил уже под зонтом, а картины прорастали на обратной стороне грибами, но на конференции музейных деятелей⁷ удалось заполучить нужную сумму.

С. А. Жебелев провел все тяжести сидения, одно время был даже ректором,⁸ безвыездно в Петрограде. У него бывали различные настроения, несколько месяцев перед моим выездом я боялся за его вообще физическое состояние, да и вообще душевное состояние, но потом он справился, и оставил его в прекрасном здравии.

Н. П. Сычев,⁹ вероятно, о себе давал Вам знать; он — директор Русского музея, оказался весьма искусным, как мне одни говорили, администратором, несомненно средства достает для своего учреждения, много работает, и, судя по беседам с ним, он много интересного открыл, по связям художественного творчества в России, в частности у поморцев, и на Западе, во всяком случае их сродству.

Соболевский был здоров, но он в Москве, там физически всегда, и при новом режиме, жилось легче. В Петрограде, впрочем, по части еды с «нэп'ом»¹⁰ все стало доступно... для располагающих деньгами. Ввиду пайка ученые от голода уже не мрем.

У меня в частности, займу Вас и своей особой, страшный голод по слушателям и последователям. Яфетическое языкознание вскрыло совершенно новое (для меня) представление о составе этническом не одного Средиземноморья и не од-

них мертвых загадочных этрусков и живых басков, но и, казалось бы, совершенно ясных греков с римлянами и романских народов, речь их всех гибридная, яфетическо-индоевропейская, с речью и все доисторические переживания. Все ясно для немногих адептов со мной, как божий день, но здесь мыслят как в XVIII веке, хуже, с большой самоуверенностью и цинизмом блаженных, владеющих креслами. Очень тяжело, а в Петрограде мы отрезаны от мира, что нельзя безнаказанно и оному претерпевать ad infinitum.¹¹

Я с женой¹² (она со мной и кланяется) потеряли младшего сына, 20 лет (умер без нас за наше отсутствие в Крыму¹³), страшное пережили и переживаем. Старший молодой ориенталист,¹⁴ по персидскому (языкознанию. — *И. Т.*), предцинга.

С глубо<ким уважением>

Н. Марр

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹¹ Письмо без даты, датируется по содержанию.

¹² В советское время Н. Я. Марр впервые выехал в академическую заграничную командировку осенью 1920—весной 1921 г. для изучения «яфетических» языков (басков, этрусков, пеласгов), посетил Германию, Италию, Испанию, Францию. Вторично Н. Я. Марр был командирован за рубеж 24 октября 1922 г. для изучения баскского и албанского языков. За границей он провел 8 месяцев, через Лейпциг уехал в Париж, где провел 4 месяца в ожидании испанской визы, затем жил в Испании. Летом 1923 г. Марр вернулся в СССР.

¹³ Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК) была создана декретом Малого совета СНК РСФСР, подписанным Лениным 18 апреля 1919 г., на базе реорганизованной Российской государственной археологической комиссии, бывшей Имп. Археологической комиссии при Министерстве Имп. двора. В ноябре 1918 г. председателем РГАК стал акад. Н. Я. Марр, в состав ее комиссии по вопросу о создании «Академии археологии и истории искусства» (Российской государственной академии археологических знаний, РГААЗ) вошли Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев, С. Ф. Платонов, С. Ф. Ольденбург и А. А. Миллер. Комиссией был выработан проект будущей Академии, представленный Н. Я. Марром в Коллегию Наркомпроса. По настоянию руководства коллегии, а именно заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского, в проект был внесен ряд корректив, в том числе изменено и название — Российская Академия материальной культуры. В ходе утверждения проекта в СНК Ленин лично вписал в название РАМК слово «история». Таким образом новое учреждение стало именоваться Российской Академией истории материальной культуры (с 1926 г. Государственная Академия истории материальной культуры, ГАИМК). Подробнее см.: *Гретьер И.* Письма. 1917—1941. М., 1977. С. 29; *Платонова Н. И.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918—1919 гг.) // *СА.* 1989. № 4. С. 5—16.

¹⁴ Н. П. Кондаков 5 августа 1919 г. был избран заочно в первый состав 28 членов РАИМК. Фамилия Н. П. Кондакова фигурирует в протоколах заседаний в числе неприсутствующих членов, начиная с протокола 1-го заседания Совета РАИМК от 7 августа 1919 г. (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1—1919. Д. 4. Л. 1). На 61-м заседании Совета 17 июля 1922 г., § 926, было единогласно постановлено поставить на повестку дня следующего заседания предложение об избрании Н. П. Кондакова почетным членом РАИМК. На 63-м заседании от 4 сентября 1922 г. председательствующий С. Ф. Ольденбург предложил приступить к избранию Н. П. Кондакова и Д. Н. Анучина почетными членами Академии «без предварительного оглашения записок об их ученой деятельности». Член Академии ассиролог В. К. Шилейко (второй муж А. А. Ахматовой) воздержался от голосования в связи с тем, что «самое звание почетного члена не значится в уставе Академии и потому не существует». В результате баллотировки за предложение было подано 20 голосов, 1 воздержался; так как воздержавшийся голос касался процедурных вопросов, избрание Н. П. Кондакова почетным членом РАИМК было признано единогласным (Там же. Оп. 1—1922. Д. 3. Л. 49, 57; § 946—947).

¹⁵ Тройницкий Сергей Николаевич (1882—1948), историк искусства, специалист по западноевропейскому и русскому прикладному искусству. С 1908 г. хранитель Отделения средних веков и эпохи Возрождения, с 1915 г. хранитель Отделения драгоценностей, заведующий Отделом прикладного искусства (1918—1930) и хранитель Отделения прикладного искусства (1918—1932), первый демократически избранный директор (1918—1927) Эрмитажа. В 1920-х гг. ученый сотрудник разряда прикладного искусства Второго (Археологического) отделения ГАИМК. С 1945 г. работал в Москве.

¹⁶ Резвакуация сокровищ Эрмитажа, Русского музея, царских пригородных дворцов, вывезенных по решению Временного правительства в Москву в 1917 г. из-за угрозы захвата северной столицы немецкими войсками, была проведена в 1920 г.

¹⁷ В августе 1921 г. состоялась конференция центральных музеев Москвы и Петрограда под председательством наркома просвещения А. В. Луначарского. В выступлениях участников говорилось о

катастрофическом состоянии музейного дела в стране и охраны культурного наследия. Через СНК РСФСР Наркомпрос получил необходимые фонды для восстановления центральных и периферийных музеев, было принято решение о создании региональных реставрационных мастерских.

⁸ Ректором Петроградского университета Жебелев являлся всего два месяца — с 31 июля по 29 сентября 1919 г., когда ректором был избран В. М. Шимкевич; 20 октября Сергей Александрович стал председателем исторического отделения ФОН (деканом ФОН был утвержден Н. Я. Марр). См.: 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись, 1724—1999. СПб., 1999. С. 302.

⁹ Сычев Николай Петрович (1883—1964), искусствовед, специалист в области древнерусской живописи, педагог, реставратор, художник. Выпускник Петербургского университета (1910), ученик Д. В. Айдалова, с 1916 г. младший штатный ассистент по кафедре истории и теории искусств историко-филологического факультета университета, после октября 1917 г. профессор ЛГУ, ПАИ, РИИИ, с 1914 г. регистратор музейных коллекций и с 1915 г. секретарь совета, затем хранитель Художественного отдела, хранитель (заведующий) Отделения древнерусского искусства (1926—1932), Художественного отдела, директор (1922—1926) Русского музея, действительный член и председатель художественно-исторического отделения РАИМК—ГАИМК, председатель Комитета изучения древнерусской живописи. Арестован в 1930 г., вскоре освобожден, затем в сентябре 1933 г. осужден по «делу славистов» на 8 лет лагерей, отбывал срок в Соловецких лагерях, затем в лагере Мошево Пермской (Молотовской) обл., в связи с началом войны срок продлен. Освобожден в июле 1942 г., жил в Чистополе и Владимире. Вновь арестован в апреле 1948 г., но в июле того же года освобожден. Судимость снята в 1954 или 1955 г. В конце жизни проживал в Москве.

¹⁰ «Новая экономическая политика» (нэп) проводилась в Советской России по инициативе В. И. Ленина, считавшего нэп временным тактическим отступлением после провала лобовой атаки на капитализм. Введена по решению X съезда РКП(б) с марта 1921 г. вместо прежней насильственно-уравнилельной политики («военного коммунизма», зашедшей в тупик экономикой и приведшей к крестьянским восстаниям, голоду 1921—1922 гг. и Кронштадтскому мятежу 1921 г. Нэп начался с замены продовольственной разверстки продовольственным налогом, что способствовало возрождению рынка продовольствия, с перехода промышленности на хозяйственный расчет, с отмены продуктово-вещевых пайков и введения денежной зарплаты, с поощрения частной и кооперативной торговли, разрешения аренды мелких предприятий, введения концессий и пр. При этом государство сохраняло в своих руках основные средства производства и через органы ОГПУ проводило политику тотального контроля над населением: сохранялось лишение избирательных прав по политическим и экономическим мотивам, в том числе для частных торговцев и предпринимателей (нэпманов), в 1922 г. усилились гонения на православную церковь и оппозиционно настроенную интеллигенцию.

¹¹ «До бесконечности» (лат.).

¹² Марр (урожд. Жуковская) Александра Алексеевна (1864—1940 г.), кавказовед-музеевед, секретарь, переводчик, составитель словарей, жена Н. Я. Марра, неизменная спутница и помощница мужа. Сестра ираниста В. А. Жуковского. Научный сотрудник Комиссии по изучению племенного состава - Института по изучению народов СССР АН СССР (1920—1931), в 1930-х гг. сотрудница Отдела Кавказа Института этнографии АН СССР. См.: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1619, 5405.

¹³ Марр Владимир Николаевич (1900—1921), младший сын Н. Я. Марра, сотрудник арийских экспедиций, помощник во всех исследованиях отца на Кавказе; участник гражданской войны, погнб на южном фронте в Крыму, заразившись тифом. Ему посвящена работа Н. Я. Марра «Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища» (ИГАИМК. 1935. Вып. 105).

¹⁴ Марр Юрий Николаевич (1893—1935), старший сын Н. Я. Марра, востоковед, филолог-иранист; доктор литературоведения (1935, без защиты). Выпускник факультета восточных языков Петроградского университета (1917), преподаватель Ленинградского института живых восточных языков (1922—1923), Института литературы и языков Запада и Востока ЛГУ (1922—1925), Тбилисского государственного университета (1928—1935), научный сотрудник Азиатского музея РАН (1922—1925), Кавказского историко-архивного института — Института кавказоведения Грузинского филиала АН СССР (1928—1935).

№ 16

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
25 декабря 1922 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Уже более трех лет, как я не переписывался с Вами или с кем-либо в России. Получив недавно от Русского отделения Академии наук приглашение прислать отчет о научной деятельности и от А. И. Соболевского из Москвы открытку, я открылся надеждою получить от Вас весточку. Мне очень хотелось бы вступить по-старому в сношение с Вами, тем более, что мне ведь и времени немного осталось. Мне недавно стукнуло 78 лет, а в такие годы надолго не рассчитываешь.

Вы уже, вероятно, знаете, что я за последнее время читал лекции в Софии. И, должно сказать, что, несмотря на отсутствие книг и пособий, читал со рвением. Так и здесь, и будь в Праге получше климат, я был бы всем удовлетворен. Но ее сырость такова, что мне опять хочется возвратиться на юг.

И это тем более, что мечта моя найти здесь издателя моих рукописей: «Русская икона» в 2 томах, с необходимым числом 350 рисунков, «Иконография Богоматери», т. III (Мадонна Италии) тоже с 400 рисунками, — эта мечта не осуществилась пока. К тому же я начал писать еще и о «зверином стиле» в средневековом искусстве — сочинение, меня теперь наиболее занимающее.

По русской иконе я написал краткое изложение (большого сочинения), которое переводит Миннс¹ на английский язык для Оксфордской типографии.

Занимает меня теперь и курс истории Восточной Европы по искусству и культуре в средние века.² Три месяца читал я о скифских древностях, оснащая археологию, чем мог, и пытаюсь объяснить как-нибудь малопонятную восточную основу. Получалось прямо вступление к древностям славянским и византийским. Что из этого выйдет, сам не вижу, но если бы это падало на подготовленную аудиторию, можно было бы продолжать. За эти годы я столько нашел материала по варваризации Византии, как не находил и за все прежнее время. Правда, чем более я старею, тем более растет у меня желание пополнить свои пробелы.

Но будет о том. Живу я удовлетворительно с тех пор, как американцы Крэн³ и его сын⁴ пригласили нас троих поместиться у них на пустой квартире их в их же доме, в 2-х комнатах на неопределенное время. До того я лазил по лестницам в 80 ступеней, раза по два-три в день, да еще в Клементинуме,⁵ в Университете, тоже по Парнасам.

Чем я душевно болею, что не успел вывезти из своей библиотеки хотя бы коллекцию фотографий, мне ежедневно нужных, — а их здесь нет! Увы, увы! Что бы я дал, если бы я мог на два, три дня приехать в Санкт-Петербург и поискать нужный материал в ящиках, сложенных Сережей в здании Новой библиотеки Академии наук!⁶ Правда, это трудно и, может быть, не ко времени.

Но довольно о своих делах. Если Вы получите это письмо, то напишите мне по-прежнему о себе, об университете и о знакомых людях нашего круга. При случае поклонитесь от меня разным лицам: Б. В. Фармаковскому, Г. И. Котову,⁷ Сычеву, Околовичу,⁸ Майкову,⁹ Лихачеву,¹⁰ Ольденбургу, Бенешевичу,¹¹ Покрышкину,¹² А. А. Васильеву.¹³

От Марра я получил письмо из Парижа.¹⁴ С Ростовцевыми изредка переписываюсь.¹⁵ Видел здесь раза два Вернадского.¹⁶ Его сын историк¹⁷ слушает курс средневекового искусства и хочет заняться археологиею. Ученица Фармаковского Андреева¹⁸ также здесь и намерена заняться византийской археологиею.

Кланейтесь сестре. Напишите мне о музеях и изданиях.

Ваш преданный Н. Кондаков

P. S. Письмо беспорядочное — извините, но я сегодня писал слишком много.

Мне приходится снимать фотографии сибирских древностей из «Русских древностей»¹⁹ — ибо этих книг у меня самого нет.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 139—140 об. Автограф.

¹ Миннс (Minns) Эллис (Илья Егорович) (1873—1953), английский историк, археолог; член-корреспондент РАИМК. Профессор Кембриджского университета (Pembroke College). В петербургском фонде Кондакова сохранилось 16 писем и 3 открытки Миннса Кондакову из Кембриджа, 5 января 1903 г.—16 мая 1914 г. (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 276. 42 л.). Подробнее о нем см.: Скифский мир

М. И. Ростовцева и Э. Х. Миннза / Публикация Г. М. Бонгард-Левина, М. Д. Бухарина, И. В. Тункиной // Парфянский выстрел. М., 2003. С. 477—544.

² Эти лекции частично были посмертно изданы Чешской Академией наук и искусств в кн.: *Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры*. Прага, 1929.

³ Крэн, или Крейн (Crane), Чарльз Ричард (1858—1939), крупный американский промышленник, дипломат, мещант, профессор языкознания. Президент Crane Company (1912—1914), член специальной дипломатической миссии президента США в России (1917), американский посол в Китае (1920—1921). Консултант президента США В. Вильсона. Приятель Н. П. Кондакова; благодаря его поддержке издан последний труд ученого «Русская икона», после смерти автора Ч. Крэн взял на себя расходы по изданию сборника, посвященного памяти Кондакова, финансировались предприятия Семинара им. Н. П. Кондакова. Старший сын Ч. Крэна, Ричард Крэн (1882—1938), бизнесмен и дипломат, стал первым американским послом в независимой Чехословакии (1919—1921), а его дочь Флоренс была женой сына первого президента ЧСР Т. Г. Масарика. О Ч. Р. Крэне и его финансовой помощи *Seminarium Kondakovianum—Археологическому институту им. Н. П. Кондакова* см. некролог: *Толль Н. П. Чарльз Крэн // Annales de l'Institut Kondakov*. Belgrad, 1940. Т. 11. С. 244—246.

⁴ Крэн, или Крейн (Crane), Джон (1899—1982), друг и в 1920-х гг. личный секретарь президента Чехословакии Т. Г. Масарика; младший сын Ч. Р. Крэна, брат первого посла США в ЧСР. Учился в Гарвардском университете, как вольнослушатель посещал лекции Н. П. Кондакова в Карловом университете по скифским древностям, Востоку и Византии. Благодаря его поддержке был издан английский перевод «Русской иконы», которое автор посвятил своему слушателю.

⁵ Клементинум — государственная библиотека ЧСР в Праге.

⁶ Перед отъездом за границу С. Н. Кондаков передал на временное хранение в Библиотеку АН, переехавшую в новое здание во второй половине 1921 г. (Биржевая линия, д. 1), 15 ящиков с архивом и пятидесятью библиотечной отта. Надзор за ними осуществлял хранитель Рукописного отдела Ф. И. Покровский. В 1925 г., уже после смерти владельца, ящики были вскрыты и их содержимое передано в фонды библиотеки на постоянное хранение (см. также док. № 51). В 1931 г. после «академического дела» и последовавшей за ним архивной реформы в АН СССР бумаги Н. П. Кондакова были переданы из Рукописного отдела БАН в Архив АН СССР.

⁷ Котов Григорий Иванович (1859—1942), архитектор, педагог, академик архитектуры (1887), действительный член Академии художеств (1893) и член ее Совета (1894), директор Центрального училища технического рисования барона Штиглица (1896) в Петербурге, профессор архитектурного класса Высшего художественного училища при Академии художеств (с 1905 г.). Член «Свободной Академии» Н. П. Кондакова. В 1925 г. ученый сотрудник Секции общей архитектуры РАИМК, преподаватель истории мусульманского искусства в Государственном институте истории искусств, профессор архитектурного факультета Академии художеств.

⁸ Околовнич Николай Андреевич (1867—1928), живописец, реставратор, музейный работник. Выпускник Академии художеств (1897—1901), в 1891 г. сотрудник экспедиции по Сирию и Палестине под руководством Н. П. Кондакова, с 1910 г. преподавал в Пензенском художественном училище, с 1912 г. хранитель художественного отдела, с 1923 г. заведующий реставрационным отделом ГРМ. Автор трудов по реставрации и ее методике, где сформулировал основные теоретические принципы реставрации и направления практической деятельности музея в этой области.

⁹ Майков Владимир Владимирович (1863—1942), археолог, палеограф, библиограф, специалист по славяно-русской письменности, член-корреспондент АН СССР (1925). Преподаватель, затем профессор Петербургского археологического института (1900—1918), хранитель рукописного собрания Императорской Публичной библиотеки (с 1896 г.), редактор изданий Общества любителей древней письменности (с 1896 г.).

¹⁰ Лихачев Николай Петрович (1862—1936), историк, палеограф, археолог, специалист по вспомогательным историческим дисциплинам, историк искусства, коллекционер памятников письменности; доктор русской истории (1892); академик АН СССР (1925; исключен в 1931; восстановлен в 1990). Профессор Петербургского археологического института; с 1902 г. помощник директора Императорской Публичной библиотеки. С 1919 г. ученый сотрудник разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения РАИМК—ГАИМК, профессор факультета языка и материальной культуры ЛГУ. В 1931 г. выслан в Астрахань; вернулся в Ленинград в 1933 г.; реабилитирован в 1967 г. См. о нем: *Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев // АРВ*. С. 181—212.

¹¹ Бенешевич Владимир Николаевич (1874—1938), византист, археолог, историк канонического права; доктор церковного права (1914); член-корреспондент РАН (1924; исключен в 1938; восстановлен в 1958). С 1909 г. экстраординарный профессор кафедры церковного права Петербургского—Ленинградского университета (с перерывами) и ВЖК. Член комиссии «Константин Порфирородный» РАН (1922—1928) — Русско-византийской историко-словарной комиссии, где являлся товарищем председателя и научным секретарем. Неоднократно подвергался арестам (1922, 1924, 1928), в 1929 г. сослан в Кемь (Соловецкие лагеря), где в 1930 г. арестован по «академическому делу» и привезен в Ленинград как один из главных обвиняемых, был осужден на 5 лет, находился в Ухтпечлаге до весны 1933 г. Вновь арестован в ноябре 1937 г. и расстрелян в январе 1938 г. См. о нем: *Медведев И. П. В. Н. Бенешевич: Судьба ученого, судьба архива // АРВ*. С. 339—380.

¹² Покрышкин Петр Петрович (1870—1922), архитектор, реставратор, исследователь древнерусского и византийского зодчества; академик архитектуры (1909). Выпускник архитектурного отделения Академии художеств (1895); с 1902 г. член Археологической комиссии, читал курс истории архи-

текстуры и строительства в Академии художеств. С 1919 г. член РАИМК. В 1918—1920 гг. принимал участие в работе Коллегии (затем Петроградского отдела) по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Организовал в Новгороде живописно-реставрационную мастерскую. С 1920 г. посвятил себя церковной деятельности, умер в сане протоиерея.

¹³ Васильев Александр Александрович (1867—1953), историк, основатель американской школы византизоведения; доктор всеобщей истории (1902); член-корреспондент РАН (1923, исключен в 1935, восстановлен в 1990). Экстраординарный профессор (1917—1925) по кафедре всеобщей истории Петербургского—Петроградского университета, профессор Петербургского женского педагогического института (1912—1922). Действительный член (1919), заведующий разрядом археологин и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения (1919—осень 1926), председатель (1920—1921) РАИМК. В 1925 г. уехал в заграничную командировку в Европу и эмигрировал в США, где до 1939 г. занимал кафедру древней истории Висконсинского университета, затем работал в исследовательском центре Гарвардского университета Думбартон Окс в Вашингтоне. См. о нем: РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 107 (личное дело); *Куклина И. В. А. А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете нежданной переписки* // АРБ. С. 313—338.

¹⁴ См. док. № 15 и 18.

¹⁵ См.: Письма М. И. и С. М. Ростовцевых к Н. П. и С. Н. Кондаковым / Вступ. статья, публикация и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, В. Ю. Зуева, И. Л. Кызласовой, И. В. Тункиной // *Скифский роман*. М., 1997. С. 431—460. Ответные письма Н. П. Кондакова не опубликованы.

¹⁶ Вернадский Владимир Иванович (1863—1945), естествоиспытатель, доктор минералогии (1897); академик ПАН (1906). В 1922—1926 гг. находился в заграничной командировке от РАН — читал курс лекций в Сорбонне в Париже и Карловом университете в Праге. Под угрозой исключения из АН СССР, несмотря на уговоры родных и друзей-эмигрантов остаться во Франции, вернулся на родину.

3 июля 1922 г. В. И. Вернадский записал в дневнике: «Утром у Н. П. Кондакова. Он показывал свою работу “Русская икона”, труд многих лет жизни. Он считает, что если этот труд не будет издан, то пройдет лет 50—60, пока вновь эти данные могут войти в науку. Я его понимаю. Он считает, что история русской иконы еще в общих чертах не написана. Много пишу, но настоящего научного проникновения нет. Он хочет издать ее так, чтобы что-нибудь получить как гонорар (10 000 fr.). Вел в этом смысле переговоры с французами, болгарами, здесь в Праге. Но в связи с валютой и тяжелым положением эта сумма не может быть найдена. Милле, Рейнак предлагают ему просить о субсидии на издание от Парижской Академии — и он получил бы — но тогда при издании он не получит гонорара. Я считаю, что его работа должна быть издана — это проявление русского творчества, то, что сейчас наиболее важное. Чем больше сейчас созидательного творчества, тем сильнее русская культурная работа, тем скорее мы выйдем из невозможных, варварских условий нашей жизни. Гольдер, который мне говорил, что они могут и хотят издать книгу Кондакова (2 v[ol.]), уже более 1.5 года ему ничего не отвечает. К[ондаков] очень критически относится ко II Отд[елению РАН] — если он отстает туда свой труд — может затеряться... К[ондаков] относится ко всем теперешним преувеличениям значения русской иконописи в истории общечеловеческой культуры очень критически. Однако из разговора выяснилось, что он считает это достижение равным достижениям в области русской литературы или музыки — но их мировое значение он не вполне признает. Считает увлечение Толстым, Достоевским — публицистическим. Пушкин непонятен и сейчас Западу. Этот разговор мы не продолжили. Однако он думает, что такого творчества, какое мы видим в русской иконописи, не было ни у одного славянского народа. Другие славянские народы — чехи, поляки — находились под влиянием другого великого центра этого движения — Франции, где в XV веке был расцвет этой творческой работы. В России иконописная работа была задушена Москвой. Последнее столетие (XVII—XVIII) были страдания. Творческая работа еще в начале XVII в. шла. Для меня ясно стало впервые то огромное значение, какое имело это искусство в жизни — ведь дом был переполнен иконами, и репродукций не было!.. Центром К[ондаков] считает Суздаль, а не Новгород. Характер юга не ясен для меня из разговора с ним. Западные образцы получались с трудом и возбуждали творчество: чехи, поляки (югославяне?) получали легко образцы извне». Позднее Вернадский записал: «Я раньше не знал почти Н. П. Кондакова» (28 июня 1942 г.). Цит. по: *Вернадский В. И. Дневники: март 1921—август 1925*. М., 1998. С. 64—65, 74.

¹⁷ Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973), историк Византии и России, близкий к евразийству, историк русского права, историкософ; магистр русской истории (1917). Сын акад. В. И. Вернадского. Профессор Таврического университета в Симферополе (1918—1920). В 1920 г. в правительстве Врангеля занимал пост начальника Главного управления по делам печати. Покинул Крым вместе с остатками Белой армии. С 1920 г. в эмиграции. В ЧСР с 1921 г. Профессор истории русского права Русского юридического факультета в Праге (1922—1927), слушатель и ученик Н. П. Кондакова, один из создателей и директор (совместно с А. П. Калигинским, 1925—1927) Семинария им. Н. П. Кондакова, председатель правления Археологического института им. Н. П. Кондакова (февраль—июль 1935); член Русского исторического общества и Славянского института. В Праге сблизился с евразийцами, испытал влияние П. Н. Савицкого. В 1927 г. с помощью М. И. Ростовцева переехал в США и стал преподавателем (1927—1947), затем профессором русской истории (1946—1956), с 1956 г. заслуженным профессором в Йельском университете.

¹⁸ Андреева Мария Александровна (1900—не ранее декабря 1942), историк-византист; магистр всеобщей истории, доктор философии Карлова университета (1926). Уроженка Подкарпатской Руси, училась в Ломжинской и Череповецкой Марининской женской гимназиях, выпускница Петербургских

ВЖК (1913) по специальности «русская история» (см.: Отчет Комитета общества для доставления средств ВЖК за 1912—1913 учебный год. СПб., 1914. С. 44), ученица А. А. Васильева и Б. В. Фармаковского, совершенствовала образование в Германии, после октября 1917 г. в эмиграции в Праге, член Археологического института им. Н. П. Кондакова (до 1931 г.) и Русского исторического общества, приват-доцент и член Славянского института, сотрудник Славянской библиотеки (конец 1930-х—начало 1940-х гг.).

¹⁹ Речь идет о незавершенном научно-популярном издании Н. П. Кондакова и И. И. Толстого (старшего) «Русские древности в памятниках искусства» (Вып. 1—6. СПб., 1889—1899; вып. 1—3 переведены И. И. Толстым на франц. яз. и вышли под редакцией С. Рейнака: Paris, 1891—1893). Эти книги стали для современников своего рода энциклопедией отечественных памятников истории, археологии и искусства, начиная с античной эпохи вплоть до монгольского нашествия.

№ 17

Н. П. Кондаков — Н. Я. Марру

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
26 декабря 1922 г.

Дорогой Николай Яковлевич,

С большим удовольствием получил я Ваше письмо вчера, очень благодарю Вас за добрую память и надеюсь, что наша начатая корреспонденция не кончится первым обменом. Спасибо за все сведения и за Ваше расположение.

Скажу Вам, что и я очень желал бы видеть Вас и говорить с Вами. Не заедете ли в Прагу на обратном пути? Желая и лично повидать Вас и в то же время поговорить о науке и о Востоке, особенно об Иране, Армении и Кавказе.

На время я покончил с иконописью: у меня готовы уже в рукописях два тома «Русской иконы» и полтора тома «Иконографии Богоматери». Все это лежит, за невозможность найти издателя, который теперь решил бы затратить суммы на их издание с сотнями рисунков.

Мне предложили пока только написать для Оксфордской типографии кратко о Русской иконе. Написал, и книга переводится проф. Миннсом.

Но я теперь читаю курс истории средних веков в Восточной Европе, и из него один эпизод «*О зверином stile*» пишу. Это курс совершенно новый, и он построен главным образом на истории переноса варварами, т. е. кочевниками тюркскими и иранскими, славянами и частью германцами того наследия азиатских культур: Китая, Средней Азии, Персии и Армении, которое они приняли или получили. Вы понимаете лучше меня, что я домогаюсь впервые поставить историю культурных основ Европы (и Восточной, и Западной) на истинно научную — историческую почву. Так как я этой задачи сам письменно исполнить не могу, особенно при современных условиях, то я решил прочесть этот курс, в надежде, что найдется кто-либо из слушателей, который пойдет далее.

Но увы! Я читаю здесь аудитории, хотя очень внимательной и большой, но в большинстве неподготовленной. И вот почему хочу хотя один эпизод выделить и написать, с тем, чтобы он был издан на русском, в России как II том «Русских кладов», или в Болгарии.

Вот почему я очень хотел бы Вас видеть и говорить. Мне бы также нужны были выпуски, какие вышли, Вашего «Христианского Востока» и др. Здесь ничего этого нет.

Роль Армении очень крупная, и если я не могу соглашаться вполне с книгами Стриговского,¹ все же считаю его издания полезными, как своего рода вызов, бросаемый западной науке в том, что она желает забыть и, действительно, забыла. Однако книга «Altai, Iran und Völkervanderung» Стриговского не занимается ни Алтаем, ни Ираном, ни переселением, а вздорно сложную за «усиками», «разводя» их без порядка и толку. «Архитектура Армении» когда-нибудь будет написана,

но ученым архитектором, а наш брат археолог не может все понять в архитектуре.

Живу я пока здесь в хороших условиях: предложили мне у себя в квартире две комнаты Крэны, отец и сын, и я пользуюсь всеми удобствами крова. Но климат Праги, невероятно сырой, мне пагубен, и вряд ли я проживу долго или останусь здесь. Меня, кстати, усиленно зовут в Болгарию, где остались даже ученики.

Много бы можно было поговорить, похоже чем и попросить: не можете ли Вы мне когда-нибудь прислать фотографии звериных фигур Анийской церкви? Очень бы одолжили. Нет ли также фотографии с «каменных рыб»²?

Ваш Н. Кондаков

Вашей жене мой привет.

ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-493. Л. 4—5 об. Автограф.

¹ Стржиговский (Strzygowski J., Стриговский, Стшиговский, Стжиговский) Йозеф (1862—1941), австрийский историк искусства, востоковед, византист. Профессор университетов в Граце (1892—1909) и Вене (1887—1892, 1909—1933), основатель института по истории искусства при Венском университете, создатель «венской школы» в искусствознании. Главные работы посвящены истории средневекового искусства Европы и Азии, выявлению роли искусства Востока и Севера в сложении поздантичной и средневековой культуры Европы. Общеизвестен факт, что все богатейшие материалы, собранные Я. И. Смирновым во время поездки по Малой Азии (1895), в том числе рисунки памятников, были отданы им в пользование Й. Стржиговского, который опубликовал их в своей знаменитой монографии «Восток или Рим» (1900), где выдвинута гипотеза о восточном происхождении христианской иконографии. Ранее та же мысль была разработана в трудах русских ученых — Н. П. Кондакова и его учеников — Я. И. Смирнова, Д. В. Айналова, впоследствии развита в трудах М. И. Ростовцева и др. Позднее Стржиговский опубликовал двухтомное исследование «Die Baukunst der Armenier und Europa» (Wien, 1918), треть иллюстраций к которой представляют собой материалы, переданные ему Я. И. Смирновым. См. воспоминания о Я. И. Смирнове: Историкографические этюды С. А. Жебелева. Три неизданных мемуара С. А. Жебелева / Публикация И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 3. С. 183—184, 188; *Грарбар А. Н.* Несколько слов воспоминаний о Якове Ивановиче Смирнове // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 7—8. См. также письма Й. Стржиговского Н. П. Кондакову: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 397. 8 п., на нем. и франц. яз. из Вены, Граца, Неаполя, Рима, 5 мая 1886 г.—10 декабря 1913 г.

² Речь идет о каменных изваяниях культового назначения в виде рыб-стел (современная датировка: середина II—начало I тыс. до н. э.), впервые открытых Н. Я. Марром и Я. И. Смирновым в Гегамских горах во время работ Гарнийской экспедиции в 1909 г. Подобные изваяния до того не были известны науке, и в 1910 г. петербургские ученые предприняли вторую экспедицию для поиска вишапов (как они назывались в армянской фольклорной традиции), в ходе которой было обнаружено еще несколько памятников. В том же году Марр и Смирнов выступили с докладами в РАО, которые впоследствии легли в основу книги, изданной уже после смерти Я. И. Смирнова. См.: *Марр Н. Я., Смирнов Я. И.* Вишапы // Тр. ГАИМК. Л., 1931. Т. 1. Подробнее об истории открытия и изучения вишапов см.: *Мурадян П. М.* Обращенные в хачкары вишапы-стелы из Елегнадзора // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 20—26.

№ 18

Н. Я. Марр — Н. П. Кондакову

Paris VI
3, rue Bonaparte
Hôtel de Londres
31 декабря 1922 г.

С новым годом, дорогой Никодим Павлович. Очень рад, что живете в работе. Про анийские материалы и сам Ани¹ ничего, к сожалению, хорошего сообщить не могу. Ани — развалины средних веков — в XX-м веке снова разрушены, получили *coup de grâce*² даже в научно-исследовательских своих частях, дом с оборудованными мастерскими, фотографическим отделением для работников и музей спе-

циальный эпиграфический и архитектурный (орнаментальные подробности, в числе их и масса звериного стиля мотивы) разнесены по кусочкам, камня на камне не оставили. Кое-что из вещей и пр. другого музея перед наступлением турок работники Кавказского историко-археологического института (в Тифлисе)³ эвакуировали, часть отобранного бросив под обстрелом приблизившихся уже турок, ...городища.⁴ Позор учинителям межнациональной резни на Востоке! Не повезло и анийским материалам в Петрограде: ученики мои настояли передать их в Кавказский историко-археологический институт, все снимки, все кальки, все рисунки, все дневники мои (конечно снимки и негативы) были нагружены в вагоны, которые должен был сопровождать мой ученик, уехавший, однако, отдельно; случилось это в сентябре 1918 г., и с наступившими октябрьскими днями они все погибли, розыски довели нас до того результата, что, как утверждают, вагоны погибли где-то между Тихорецкой и Баку.⁵ Конечно, кое-что у меня осталось, есть и резьба интересующей Вас церкви на диапозитивах. Иосиф Абгарович Орбели,⁶ который располагает, кстати, и своими, и откомандировывавшегося Академию наук Тер-Аветисяна⁷ снимками богатых рельефов Ахтамара,⁸ обещал до моего возвращения приготовить к выпуску труд мой «Ани и раскопки на городище» (с 150 рисунками),⁹ правда для меня архиустаревший, но на Западе ведь абсолютно ничего не знают про анийские работы даже в том устаревшем виде. Meiller,¹⁰ издатель «Revue des etudes arméniennes», впервые узнал из моей набросанной для них заметки об Ани и в этой серии напечатанной,¹¹ о новом послераскопчном Ани, но заметка та без единого рисунка и очень случайна и сжата, как можете удостовериться. И. А. Орбели вот сколько лет готовит издание анийских надписей.¹² Что у нас издано в сериях Ани¹³ или «Христианского Востока»,¹⁴ конечно можете получить, я уже написал, может быть, до моего возвращения получите. Разве у Вас в руках не было описания дворцовой церкви в Ани с ее планами и деталями?!

Жена благодарит за привет; Вам, может быть, неизвестно, что у нас громадное горе, погиб наш младший сын Володя, неразлучный наш спутник, росший в анийских кампаниях, разделявший с нами все радости и печали анийские, погиб 20 лет, 10 января в 1921 г., когда мы были в командировке у басков, месяцы проболел тифом в госпитале в Крыму: узнали лишь по возвращении в день приезда в Петроград. Старший сын работает по персидской литературе в Петрограде, немало и он претерпел лишь вначале, именно в феврале 1922 года он смог вырваться с Кавказа и вернуться в условия петроградской работы (хоть библиотеки есть!).

Все, что Вы пишете про свои работы, крайне интересно, а для меня особенно суждения о зверином стиле. Ваша мысль о выделении этого, как Вы скромно называете, «эпизода» и создание из него тома в серии русских кладов на русском языке, думаю, всеми будет приветствоваться, и надо труд готовить Вам, и готовить сочувствующим условия для напечатания. Об этой технической стороне еще потом. Но меня интересует по существу тема и Ваша трактовка. Не скрою, меня несколько волнует постановка Вами вопроса на почве изысканий по исторической культуре, очевидно, культурно-историческими перспективами и приемами. Нисколько не сомневаясь в правильности Ваших посылок и выводов, а опасаясь, что и в данном вопросе анализ явления как порождения внешнего привноса с Востока может занести и без того мало учитываемый творческий в каждом районе свой источник, этнографически прослеживаемый и этнографически утверждаемый в истинном родстве друг с другом, одного источника с другим, во всей Европе и Малой Азии с Кавказом и вплоть до глубин Азии и непрерывной связи с этнической основой европейского человечества, первоначальным населением Средиземноморья. Звериный стиль — это тотемное порождение племен первоначально-но яфетического населения всего Средиземноморья в полном его объеме (если Иран,

то это Иран доарийский). Это теперь помимо археологии, а лучше сказать, в связи с начатыми у нас изысканиями археологическими по зверинцу выявляются палеонтологией яфетического языкознания. Повторяю, я нисколько не спорю с приносом или историческим выяснением фактов определенной эпохи в различии звериного стиля, но этнографический источник должен быть учтен и местный.

Не знаю, следили ли Вы за притязаниями яфетидологии по последним моим работам, кажущимся незнакомым с материалами лишь фантазией; я иду теперь дальше в утверждениях своих, чем что напечатано в брошюре «Яфетический Кавказ и 3-й этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры».¹⁵ Скифы это были яфетиды, допустим, впоследствии иранизированные (?!): сам скиф, «сколот» разъяснился, «славянин» термин оказался видоизменением «скифа» и *skulab'a; Киев=Куяба оказался [конечно, не позднейший исторический Киев] постройкой скифов; легенда о Кие, Щеке и Хориве оказалась скифским преданием, параллель, родную ее разновидность, нашел я у армян (через отложившихся в них скифов¹⁶) в истории построения древнейшего культурного города. Боюсь, перешел границы письма, прерываю, но хотелось бы поговорить с тем, кто, думаю, имеет основание не смущаться такими антинаучными утверждениями. Не скоро придет это в университеты.

Н. Марр

P. S. Встречу с Вами очень хотелось бы устроить; мне передали, что для Вас здесь созидают какой-то курс для чтения (слух до меня дошел через Жирмунского,¹⁷ с ним, по его словам, говорил S. Reinach¹⁸).

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Ани — развалины древнеармянского города на правом берегу реки Ахурячи (Арпа-Чай), крепость армянских князей с V в., столица армянского царства Багратидов (X—середина XIII вв.). С 1045 г., после падения Анийского царства — резиденция византийских правителей Армении «катопапов», в 1064 г. город разрушен турками-сельджуками, с 1072 г. под властью курдской династии Шеддадидов, с 1199 г. перешел во владение захаридской Армении, в 1236 г. взят приступом монголами. В XVI в. на развалинах Ани возникла турецкая деревня. В 1878 г. район присоединен к России, но в годы первой мировой войны захвачен Турцией и по Брест-Литовскому мирному договору в составе Карской области перешел под ее юрисдикцию. С 1892 г. на протяжении 14 лет (1892—1893, 1904—1917) город исследовался раскопками Н. Я. Марра: открыты крепостные стены, большой дворец в Вышгороде (штадели), кварталы домов и мастерских, гостиницы, бани, водопровод, небольшая дворцовая базилика VII в. в цитадели, кафедральный собор в виде трехнефной базилики с куполом (989—1001, архитектор Трдат), трехъярусный круглый храм (1001), пятикупольная церковь Апостолов с планом в виде креста, заключенного в прямоугольник, многоапсидные башнеобразные церкви рода Абугамренц (X в.) и Спасителя (1036), богато украшенная резным орнаментом и фресками церковь постройки Тиграна Онецца (1215), др. Турецкий разгром Ани уничтожил музей и сравнял с землей архитектурные памятники. О работах Н. Я. Марра в Ани см.: *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // *Археологические вести.* 1998. № 5. С. 371—382.

² «Губительный, смертельный удар» (франц.).

³ Кавказский историко-археологический институт (КИАИ) был создан в Тифлисе 1 июля 1917 г. постановлением Временного правительства, по инициативе и под руководством Н. Я. Марра, избранного на должность руководителя КИАИ Академией наук, с целью всестороннего изучения памятников духовной и материальной культуры народов Кавказа и сопредельных стран. В 1918 г. был объявлен экстерриториальным, зарубежным учреждением, и лишь в 1922 г. РАН возобновила с ним научные связи. В 1922—1924 гг. подвергся реорганизации.

⁴ Еще в марте 1918 г. адъютант КИАИ Д. П. Гордеев, специалист по истории христианского искусства и грузинским миниатюрам, был отправлен в Ани выяснить условия эвакуации музея древностей и инвентаря института. Он вывез нумизматическую коллекцию сначала в Александрополь, затем в Тифлис. Эвакуация анийских материалов проходила 1—17 апреля 1918 г. и «была закончена под обстрелом турок», занявших к тому времени городище Ани, причем часть обстановки, раскопанных инструментов, издания музея не были вывезены. Библиотека, мелкие предметы музейной коллекции, склад изданий и главная часть оборудования фотолaborатории в 15 ящиках перевезены в Санаин. См.:

Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1918 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1918 года. Пг., 1919. С. 204—205.

⁵ Два железнодорожных вагона с имуществом КИАИ, в состав которого входили все неизданные материалы по аниинским раскопкам (полевые дневники, фотографии, негативы и т. п.), а также издания Аниинского археологического музея, погибли в 1918 г. Подробнее см.: Отчет о деятельности Российской Академии наук... за 1918 год... С. 207; *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки. С. 377.

⁶ Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961), востоковед, кавказовед, доктор по археологии (1934, без защиты); академик (1935) АН СССР, академик (1943) и первый президент АН Армянской ССР (1943—1947). Приват-доцент (1914—1919), профессор (1919—1931) Петроградского—Ленинградского университета, преподаватель ПАИ (1919—1922), профессор РИИИ (1919—1920) и Лазаревского переднеазиатского института (1918—1921), ученый секретарь Коллегии по делам музеев (1918—1920); с 1918 г. член совета РГАК, один из организаторов, научный сотрудник и действительный член (1919—1931), директор (1937—1939) РАИМК—ГАИМК—ИИМК; хранитель Отделения мусульманского средневековья (1920—1926), организатор и заведующий Отделом Востока (1926—1933) Государственного Эрмитажа.

⁷ Тер-Аветисян (Аветисян) Сумбат Варданович (1875—не ранее 1941), кавказовед, археолог, эпиграфист, палеограф; ученик и сотрудник Н. Я. Марра. В 1915 г. — старший хранитель Кавказского музея и Тифлисской публичной библиотеки, учитель армянского языка в Тифлисской 1-й гимназии. В 1917 г. проводил археологические исследования в крепости Гассан-Кале. В 1925—1927 гг. действительный член и заместитель директора КИАИ, лектор Тифлисского государственного политехнического института, ученый секретарь Историко-этнологического общества армян Грузии.

⁸ Ахтамар — остров на озере Ван в Армении, где в начале X в. размещалась резиденция правншей в Васпураканском царстве Арменни династии Арцрунидов, с комплексом дворцовых сооружений и кафедральным собором (архитектор Мануэл, 915—921). Крестовокупольный собор, стены которого внутри покрыты фрескам и резьбой по камню, снаружи последями сплошь опоясывает стены с изображением жанровых композиций, растительным и зооморфным орнаментом. См.: *Орбели И. А.* Ахтамар // Избранные труды. М., 1968. Т. 1. С. 17—204.

⁹ См.: *Марр Н. Я.* 1) Ани. Л., 1934; 2) Ани: Книжная история города и раскопки на месте городища. Ереван, 1939.

¹⁰ Мейе (Meiller) Антуан (1866—1936), французский лингвист, языковед-компаративист, специалист по общему языкознанию, с 1906 г. профессор в Collège de France по кафедре славянского языковедения, создатель школы в лингвистике.

¹¹ *Marrr N.* Ani, la ville arménienne en ruines d'après les fouilles de 1892—1893 et de 1904—1917 // Revue des études arméniennes. 1921. Т. 1. N 4. P. 395—410.

¹² Свод армянских надписей. Вып. 1: Городище Ани / Сост. И. А. Орбели. Ереван, 1966 (на армян. яз.).

¹³ *Орбели И. А.* 1) Каталог Аниинского музея древностей. СПб., 1910. Вып. 1: Описание предметов первого отделения (Аниинская серия № 3); 2) Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910 (Аниинская серия № 4); 3) Развалины Ани. История. Современное состояние. Раскопки. СПб., 1911.

¹⁴ Имеются в виду выпуски научного журнала «Христианский Восток», выходившего в 1912—1922 гг., с перерывами (6 томов, в трех выпусках каждый). В 1911 г. Н. Я. Марр, В. Н. Бенешевич и Б. А. Тураев подали в ИФО ПАН проект о необходимости организации специального журнала для публикации работ по вопросам изучения истории, церкви, права, литературы и языка христианских народов Азии и Африки, их взаимоотношений с Византией и Западом, а также с мусульманским Востоком. Инициаторы проекта стали членами редакционной комиссии журнала. Помню основателей в журнале постоянно сотрудничали В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, И. А. Орбели, И. А. Джавахишвили, К. С. Кекелидзе, публиковались А. И. Бриллиантов, В. В. Болотов, Д. А. Лебедев, Н. П. Сычев, М. И. Ростовцев, Д. В. Айналов, Н. Л. Окунев, Р. П. Блейк, Г. Н. Чубинов, Д. Гордеев, П. В. Эрнштедт, С. А. Жебелев и другие, что обеспечило его высокий научный уровень. См.: Библиография журнала «Христианский Восток». Ереван, 1976.

¹⁵ *Marrr N.* Der japhetische Kaukasus, und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur. Leipzig, 1923 (Japhetische Studien. Bd 2). Подробнее о попытках Марра пропагандировать яфетическую теорию на Западе в начале 1920-х гг. см.: *Тункина И. В.* Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: История взаимоотношений (1920—1925 гг.) // Stratum plus. Кишинев; Одесса; СПб., 2000. № 4. С. 384—391.

¹⁶ Эта гипотеза представлена Н. Я. Марром 18 мая 1922 г. в речи, читанной на годовом собрании РАИМК «Книжные легенды об основании Кнева на Руси и Куара в Армении» (опубликовано: *Марр Н. Я.* Избранные работы. М.; Л., 1935. Т. 5. С. 44—66).

¹⁷ Жирмунский Виктор Максмович (1891—1971), литературовед, литературный критик, лингвист, фольклорист; доктор всеобщей истории литературы (1924); член-корреспондент (1939), академик (1966) АН СССР, профессор Петроградского—Ленинградского университета (1919—1934), ЛГПИ (1923—1931). Основные труды того времени посвящены немецкой диалектологии и фольклору.

¹⁸ Рейнах, или Рейнах (Reinach), Соломон (Саломон) (1858—1932), французский энциклопедист-археолог; историк искусства, историк религии; член Парижской Академии надписей и изящной словесности. С 1902 г. директор Музея национальных древностей в замке Сен-Жермен-ан-Лэ, который

привел в образцовый порядок. Читал лекции в Школе музейных работников при Лувре (1890—1892, 1895—1918). Автор свыше 6 тысяч научных трудов (в том числе около сотни монографий). С. Рейнак с давних пор был лично знаком с Н. П. Кондаковым — вместе с братом Т. Рейнаком он издал под своей редакцией французский перевод, выполненный И. И. Толстым, первых трех томов «Русских древностей в памятниках искусства» Н. П. Кондакова и И. И. Толстого (старшего) (*Antiquités de la Russie méridionale*. Paris, 1891—1893. 3 Livr.). См. письма С. Рейнака к Н. П. Кондакову: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 350. 2 п., 2 виз. карт. на франц. яз., без даты. В 1920—1922 гг. Н. П. Кондаков обращался к нему и Г. Милле с просьбой оказать поддержку в издании двухтомной «Русской иконы» во Франции.

№ 19

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

Васильевский остров, 4 линия 7, кв. 13 — просто С. А. Жебелеву
Петроград, 11 января 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович!

Какую радость Вы мне доставили, прислав весть о себе! И как бы мне хотелось отблагодарить Вас за эту радость, хотя бы тем, что написать Вам длинное-предлинное письмо, письмо обстоятельное! Я был бы готов писать его хоть несколько дней, если бы имел уверенность, что письмо дойдет до Вас. Многого пришлось лишиться за это время, но, поверьте, самое ошутительное для меня было — отсутствие общения с Вами, к которому я так привык и в котором так нуждался. Но не могу писать ни длинно, ни обстоятельно. Требуется речь устная, а не письменная. Тогда, и только тогда, все бы прояснилось и объяснилось. Поэтому буду сух и фактичен, поскольку последнее доступно. Придерживаться буду содержания Вашего письма.

То, что Вы сообщаете о Ваших работах, меня и восхищает, и даже умиляет. А Вашей фразы: «Чем более я стареюсь, тем более растет у меня желание пополнить свои пробелы» я никогда не забуду, и всем, и молодым и старым, в особенности первым, всегда буду ее упоминать. В этой одной фразе — сказано все!

Теперь о наших делах и людях. Об университете, как таковом, писать нечего. Подобно Вам, и я читал и читаю лекции, правильнее веду занятия с небольшою, но знающею и толковою группою студентов и студенток, с рвением. За все эти годы я читал не без перерыва, и летом, и на праздниках. Прочитали мы древних греков изрядное число. Многие настолько преуспели, что я привлек их к переводу нетрудных вещей Платона,¹ благо нашлось издательство, которое хочет, под моей редакцией, издать перевод *всего*² Платона. На днях выходит первый том, где будут мои переводы «Пира» и «Федра». Я перевел сверх того из больших диалогов «Федона» и, пока, половину «Государства». Не надеюсь, чтобы удалось довести это предприятие до конца, но, пока что, очень им увлечен и стал сам ценить Платона очень высоко, после того, как всецело окупился в него.

До того, как засел за Платона, напечатал свои введения в историю Греции и Рима (4 книжки),³ научно-популярные книжки об евангелиях канонических и апокрифических,⁴ об апостоле Павле и его посланиях.⁵ Сдал в печать первую часть «Введения в археологию» (историческую) и хочу обработать вторую часть.⁶ Эти книжки, когда они выйдут, я непременно постараюсь переслать Вам, из них Вы увидите, что нового появилось у нас за эти годы в области археологии. Правда, этого нового очень немного, а важного и ничего нет. Занятия свои пришлось направить в указанном виде потому, что собственно исследовательскою работою заниматься не было возможности. С 1914 г. не знаю почти совершенно ни новых источников, ни новой литературы. Библиотека моя не прибавилась, а убавилась, так как часть книг — в том числе все коллекции журналов — пришлось продать.⁷ В казенных библиотеках только за последнее время стало кое-что появляться, но и то случайного характера. Все же занятия спасали меня. Я устраивался так, что все

время, остававшееся свободным от лекций и домашних работ и забот (а их немало — обходились и обходимся и без прислуги, и без дворника), я писал и писал, писал потому, что читать не мог систематически. И из области научной литературы ничего читать не могу, равно как и в театрах, и в концертах, и в гостях, и на заседаниях всякого рода — нигде не бывал и не бываю. Живу в полном смысле слова анахоретом, и на Невском-то иной раз по два, по три месяца не бывал.

Самое тяжелое было хоронить близких людей. А такихых я потерял немало: Смирнов, Тураев,⁸ Никитский,⁹ Мальмберг.¹⁰ Строго говоря, теперь у меня в Петербурге и Москве никого близкого не осталось. Сначала я и заниматься совсем не мог, но потом взял себя в руки и тогда почувствовал некоторое облегчение, потому что думать совсем не оставалось времени.

Вот кое-что о себе. Теперь о знакомых, которых Вы упоминаете. Один из них, Покрышкин, давно уже уехавший из Петербурга, принявший где-то в провинции сан священника, умер. Остальные здравствуют. Одни благодествуют вполне (Фармаковский, А. А. Васильев, Сычев — директор Русского музея!), о других не знаю, что сказать, так как определить их положение не могу (Котов, Лихачев, Майков), о третьих (Ольденбург) ничего и говорить не хочу. Неважно, по-видимому, Бенешевичу, но зато и беседовать с ним можно еще. Околовича не вижу. Тимофеич¹¹ процветает в Москве. Вообще теперь трудно и говорить, и судить о людях. События все же яснее. Для меня за эти годы многое прояснилось и в древней истории, и в нашей, так что, пожалуй, я научился за последние годы начиная с 1914 г. больше, чем за всю жизнь, хотя книг читал за это время едва меньше, чем раньше: ушла жизнь и, откровенно говоря, заставила относиться к ней с полным равнодушием. Это я считаю большим плюсом для себя, и вот тут я, действительно, могу оказать ся тою скалой, как Вы меня называли. Теперь скала если и [поплывет], то только по одному направлению.

Вы просите написать о музеях — не могу, так как в них не бываю.

Сестра моя Вам шлет свой искренний привет. Она у меня на положении домашней хозяйки, но дает также и уроки.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Петроградское философское общество по инициативе члена-корреспондента РАН, философа Э. Л. Радлова и под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина и Э. Л. Радлова в издательстве «Academia» предприняло издание «Полного собрания творений Платона» в новых переводах в 16 томах, оставшееся незаконченным (вышло лишь 6 томов — Пг., 1922—1924. Т. 1, 4—5, 9, 13—14). С. А. Жебелев опубликовал переводы с примечаниями и вводными статьями «Пира» (рукопись: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 32) и «Федра» (Т. 5. 1922. 173 с.), «Евтифрона», «Апологии Сократа», «Критона», «Федона» (Т. 1. 1923. 216 с.); в рукописи остались его переводы «Государства» для т. 10—11 (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 6—7, с приложением статьи Жебелева «Государство справедливости и разума»), «Письма» для т. 15 (Там же. Д. 8) и диалога «Тимей» для т. 12 (Там же. Д. 24). В переводах принимали участие Я. М. Боровский, переведший «Гиппия Меньшего», «Иона» (Т. 9. 1924), А. В. Болдырев, переведший «Гиппия Большого», «Менексена» (Т. 9. 1924), А. И. Болтунова (в замужестве Амиранашвили), переведшая «Клитофонта» (Т. 9. 1924), Н. Н. Томасов, переведший «Парменида», и Н. В. Самсонов — «Филеба» (Т. 4. 1922, с введениями Э. Л. Радлова), А. Н. Егунов, переведший «Законы» и «Послесловие к Законам» (Т. 13—14. 1923). В рукописи остались переводы Платона, выполненные в 1922—1924 гг. И. И. Толстым (младшим), — «Евфидем» для т. 7 (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 3. Д. 33), А. И. Болтуновой (Амиранашвили) — «Эриксий», «Чайка», «О справедливости», «О добродетели» для т. 15 (Там же. Д. 2), неустановленного лица (М. Н. Дювернуа?) — «Хармид» (Там же. Д. 5), «Гиппарх», «Соперники», «Феаг» (Там же. Д. 6), М. Н. Дювернуа — «Первый Алкивиад. Второй Алкивиад» для т. 6 (Там же. Д. 7), М. Е. Сергеев — «Софист» для т. 7 (Там же. Д. 3), неустановленных лиц — «Минос или о законе» (Там же. Д. 39), «Критий» для т. 12 (Там же. Д. 40), «Политико» для т. 3 (Там же. Д. 41). Заключительный т. 16 предполагалось посвятить составленному С. А. Жебелевым

и Э. Л. Радловым очерку биографии Платона с общей характеристикой его мировоззрения и писательской деятельности «в их целостной совокупности, а также историю платонизма до наших дней».

² Подчеркнуто карандашом Н. П. Кондаковым.

³ См.: Жебелев С. А. 1) Древняя Греция. Ч. 1: Эллинизм. Пг., 1920. 128 с. (Введение в науку. История. Вып. 6); 2) То же. Ч. 2: Эллинизм. Пг., 1922. 112 с. (Введение в науку. История. Вып. 7); 3) Древний Рим. Ч. 1: Царская и республиканская эпохи. Пг., 1922. 119 с. (Введение в науку. История. Вып. 8); 4) То же. Ч. 2: Императорская эпоха. Пг., 1923. 142 с. (Введение в науку. История. Вып. 9).

⁴ Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919. 123 с.

⁵ Жебелев С. А. Апостол Павел и его послания. Пг., 1922. 197 с.

⁶ Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. 1: История археологического знания. Пг., 1923. 199 с.; Ч. 2: Теория и практика археологического знания. Пг., 1923. 172 с.

⁷ Из-за недостатка средств и необходимости «самоуплотниться» С. А. Жебелев вынужден был периодически распродавать по частям свою библиотеку. Так, в 1917 г. всю иностранную периодику он продал недавно основанному Пермскому университету, «но она не дошла до назначения, а погибла в Ярославле во время бывшего там вооруженного восстания. Последнюю большую порцию книг я продал в 1931 г. “Красной газете” за 650 руб.», — вспоминал С. А. Жебелев (цит. по: Жебелев С. А. Автонекролог / Подгот. текста, публикация и коммент. И. В. Тункиной и Э. Д. Фролова // ВДИ. 1993. № 2. С. 192). После смерти ученого его книжное собрание (ок. 5 тыс. единиц) в 1942—1943 гг. поступило в БАН и ныне хранится в библиотеке СПбИИ РАН.

⁸ Тураев Борис Александрович (1868—1920), востоковед-египтолог, специалист по агнографии, создатель отечественной школы историков и филологов по Древнему Востоку и Эфиопии; доктор всеобщей истории (1902), академик РАН (1918). С 1911 г. ординарный профессор Петербургского университета; с 1912 г. хранитель собрания египетских древностей Музея изящных искусств в Москве. С 1919 г. член РАИМК.

⁹ Никитский Александр Васильевич (1859—1921), филолог-классик, историк античности, эпиграфист, доктор греческой словесности (1901), академик РАН (1917). Преподаватель греческой словесности в ПИФИ (1912) и Петроградском женском педагогическом институте (1914), действительный член (1920), с мая 1921 г. заведующий Разрядом археологии греческих колоний Юга России РАИМК.

¹⁰ Мальмберг Владимир Константинович (1860—1921), историк искусства, специалист по античной пластике; доктор теории и истории искусств (1905). С 1907 г. ординарный профессор Московского университета, директор Музея изобразительных искусств в Москве (1913—1921).

¹¹ Георгиевский Василий Тимофеевич (1861—1923), историк древнерусского искусства, специалист в области древнерусской живописи, ученик Н. П. Кондакова. Библиотекарь и хранитель Древлехранилища при Братстве им. Александра Невского во Владимире, уполномоченный Комитета попечительства о русской иконописи, организатор иконописных школ в с. Мстере, Палехе, Холуе Владимирской губ. и в с. Борисовке Курской губ., член ученого комитета и училищного совета при Св. Синоде. После октября 1917 г. — научный сотрудник Всероссийской реставрационной комиссии и Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи (1918), хранитель (1918), заведующий (1923) Отделом шитья и тканей Оружейной палаты.

№ 20

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
3 февраля 1923 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Мне было в высшей степени приятно получить Ваше письмо от 11 января, узнать, что Вы живы и здоровы и даже так усердно работаете. Мой здешний коллега, проф. классической археологии Vusoky,¹ знающий всех петербургских столпов классической филологии: Наука,² Стефани,³ Никитина,⁴ Помяловского,⁵ знает и Вас в их числе. Правда, этот профессор из немногих в Праге: большинство чуждается России и мало чем интересуется и по науке, и по славянству и т. д. Помимо Нидерле,⁶ с которым я также вожу по временам компанию, все прочие, кроме молодых, уже кончили свои научные работы. Правда, что здесь жизнь чрезвычайно дорога, и профессорам жить тяжело. Большинство или сдает у себя комнаты, или их не топят, занимается только в библиотеке, где нестерпима жара, и т. д.

Конечно, здесь есть библиотеки, и после Софии, где их не было, можно заниматься. Однако по Востоку и восточной археологии почти ничего нет, а я теперь занимаюсь археологией буддийской, китайской и среднеазиатской. Очень жаль,

что мой курс, в котором я решился изложить все, что обдумывал последние тридцать лет, я не могу читать у себя, в России. Я нашел так много текстов и памятников, которые объясняют скифские и древнейшие славянские древности, что вот уже почти год как читаю только об этом. Неужели все это пропадет? Аудитория у меня, правда, все растет, с 30 человек увеличивается до 50 и больше, но толку от этого мало. Все студенты не подготовлены. Даже одна курсистка Андреева, бывшая в семинарии у Б. В. Фармаковского, может заниматься иконографией, но и только.

Изложить все то, что читаю, письменно не могу: для этого надо иметь при себе библиотеку. К тому же, хотя я начал писать «О зверином стиле», но и то бросил. Напечатать невысказанно, а вид моих рукописей, составляющих 5 томов in 4o,⁷ по 300 листов в каждом, угнетает!

Надеюсь быть на месяц летом в Италии для закупки фотографий. Увы, все это есть у меня дома, т. е. в Петрограде, а здесь нигде не имеется.

Звали меня на конгресс историков в Брюссель в апреле, но он приходится на учебное время в апреле, и хотя Ростовцев тоже меня туда звал, я не поеду.⁸

Очень хотел бы побеседовать с Вами и вообще по истории, особенно ранней средневековой и, в частности, по русской. Вы из тех немногих, которые не поддаются н^овомодн^ым течениям и тенденциям. Мое научное положение таково: кочевые народы принесли в Европу шаблоны древнеазиатских культур и сообщили их славянам и ближайшим германским народам. Эта восточная половина Европы варваризировала, в свою очередь, Византию и способствовала образованию характерной восточной, полуварварской культуры, которая лишь внешне влияла на западную романо-германскую. Иго Ренессанса начинает спадать, и большой вопрос, чего следует ожидать от Европы в будущем, и от ее восточной половины в частности.

Передайте мою глубокую благодарность Академии материальной культуры и Б. В. Фармаковскому за дорогое для меня внимание.⁹

Равно благодарю Марию Александровну¹⁰ за внимание. Прошу передать прилагаемое письмо Б. В. Фармаковскому, которого адреса не знаю.

Наши Вам низко кланяются.

Ваш Н. Кондаков

P. S. Знаете ли? Я был здесь 1 месяц деканом! Спасал студентов от утеснения со стороны Ястребова¹¹ и Лаппо¹²! Теперь деканом стал москвич А. А. Кизеветтер.¹³

P. S. Если увидите кого-либо из нашего Отделения Академии наук, попросите сообщить мне, получен ли мой отчет о занятиях, посланный В. М. Истрину.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 141—142 об. Автограф.

¹ Высокий (Vysoky) Гиек (1860—1935), чешский антиковед, профессор классической археологии Карлова университета в Праге.

² Наук (Nauck) Август Карлович (Иоганн Август; 1822—1892), филолог-классик, академик ПАН (1858). Профессор греческого языка и литературы в ПИФИ (до 1883 г.).

³ Стефани (Stephani) Лудольф Эдуардович (1816—1887), антиковед, эпиграфист, историк античного искусства; доктор археологии (1842); академик ПАН (1850). С 1851 г. хранитель Отделения классических древностей Имп. Эрмитажа, член Имп. Археологической комиссии (1859).

⁴ Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог-классик, эпиграфист, византист; доктор греческой словесности (1883); академик (1888), вице-президент (1900—1916) ПАН; заслуженный профессор по кафедре греческой словесности (1900), декан историко-филологического факультета (1897—1900), ректор (1890—1897) Петербургского университета; ординарный профессор греческой словесности ПИФИ (1890—1900). О нем см.: *Иодко О. В.* П. В. Никитин и его вклад в византистистику (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН) // РНВ. С. 131—171.

⁵ Помяловский Иван Васильевич (1845—1906), филолог-классик, эпиграфист; доктор римской словесности (1873); член-корреспондент ПАН (1890); заслуженный ординарный профессор римской словесности по кафедре классической филологии (1892—1906), декан историко-филологического факультета (1887—1897) Петербургского университета.

⁶ Нидерле (Niederle) Любор (1865—1944), чешский историк-славист, археолог, антрополог, специалист по первобытной, античной и славянской археологии; иностранный член-корреспондент ПАН (1906); действительный член Чешской АН. Профессор Карлова университета в Праге.

⁷ Т. е. в четвертую долю листа.

⁸ Пятый международный конгресс историков проходил в Брюсселе в апреле 1923 г. М. И. Ростовцев участвовал в конгрессе, Кондаков на него не поехал, так как время его проведения совпало с курсом его лекций в Карловом университете.

⁹ Вероятно, речь идет об обсуждении возможностей публикации труда Н. П. Кондакова о зверином стиле под эгидой РАИМК (см. ниже) или о получении в Праге новейших изданий Академии.

¹⁰ Речь идет о сестре адресата, М. А. Жебелевой.

¹¹ Ястребов Николай Владимирович (1869—1923), историк-славист; магистр славянской филологии (1908). Экстраординарный профессор (1914—1919) по кафедре славянской филологии историко-филологического факультета Петербургского—Петроградского университета, профессор ВЖК (1909). В 1917 г. председатель киевского съезда чехов и словаков. В 1919 г. через Польшу эмигрировал в Прагу, где с 1920 г. был профессором истории славян Карлова университета; староста «Русского сокола» (1921—1922).

¹² Лаппо Иван Иванович (1869—1944), историк-славист, специалист в области русско-литовских связей; магистр русской истории (1902). Экстраординарный профессор Юрьевского университета по кафедре русской истории (1905—1918). В 1920 г. через Югославию эмигрировал в ЧСР (1921—1933), председатель Русского народного университета, руководитель курсов русских национальных предметов при Русской академической группе в Праге. Профессор Каунасского (1933—1940) и Вильнюсского (с 1941 г.) университетов.

¹³ Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), историк, политический деятель, публицист, мемуарист; доктор русской истории (1909). Профессор (до 1911, 1917—1920) Московского университета. Кадет, член ЦК конституционно-демократической партии. После революции неоднократно подвергался арестам, в 1922 г. выслан из страны, сначала жил в Берлине, с 1923 г. в Праге. Состоял в Русской академической группе, Педагогическом бюро, являлся председателем историко-филологического отделения учебной комиссии, членом Русского института, профессором русской истории в Русском юридическом институте, Русском народном университете, в Карловом университете, возглавлял совет Русского заграничного исторического архива. Учредитель (1925) и председатель (1930) Русского исторического общества.

№ 21

Н. П. Кондаков — Н. Я. Марру

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
3 февраля 1923 г.

Дорогой Николай Яковлевич,

Письмо Ваше я получил и очень благодарю. Хотел было отвечать также длинным сообщением своего сожаления, что не нахожусь в Санкт-Петербурге и не читаю курса в русском университете по скифским древностям. Я теперь целиком занят Востоком, даже Китаем, и Восточной Европою и также Армениею, пытаюсь построить новый курс истории средневековой культуры: кочевники, иранцы, земледельцы и кочевники, приход в Европу, варваризация Византии, восточная культура и славянство, готы и т. д. Написал два о том письма Жебелеву и Фармаковскому, и Вам, если позволите, в другой раз.

Книга М. И. Ростовцева *«Iranians and Greeks in South Russia»* вышла в *Oxford, at the Clarendon Press, 1922*. Цены не знаю, ибо получил от автора даровой экземпляр. Сам Михаил Иванович, раньше писавший мне, теперь вот уже 2 месяца не пишет — вероятно, выехал из Америки в Европу. Будет на конгрессе историческом в Брюсселе 8—17 апреля, куда звал и меня. Не могу туда ехать — это учебное время у нас, а пословица: «нанялся — продался»!

Очень бы желал повидаться. Никакого курса мне не предлагали, но ранее выбрали меня профессором в Section Russe Hist.-Phil., обещали сначала 20 тыс. франков в год, под конец предложили 10, и я поехать не мог.

Ваш преданный Н. Кондаков.

ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-494. Л. 6—6 об. Автограф на почтовой карточке с адресом: France, Paris VI, 3, Rue Bonaparte, Hôtel de Londres, Mr le Professor N. Marr.

№ 22

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

Петроград, В. О., 4 линия 7, кв. 13
4 марта 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Получил Ваше письмо от 3 февраля с неделю тому назад и не отвечал до сих пор, потому что всю неделю возился спешно с корректурами перевода Платона. Теперь у нас книгу печатают так: наберут сразу листов 10 и пришлют ворох корректур; читаешь-читаешь их до одури. Вышедший том печатали в «Академической» типографии; выходящий теперь печатается в «Военной». И нужно отдать справедливость: «Военная» работает куда лучше и скорее, чем «Академическая». Sic transit...! Какая невыразимая досада, что Ваши труды не напечатаны еще. Как было бы и важно и интересно следить за тем, как Вы развиваете Ваше основное положение о характере средневековой культуры. Меня лично Ваше положение не только привлекло, но и увлекло. Я убежден, что оно правильно. Правильно оно, по-моему, потому, что естественно. Но как важно знать, как Вы ведете Ваше рассуждение! Так давно мне не приходилось читать серьезные большие русские учебные работы, и так я по ним взалкал, что и сказать не умею. Не знаю, что будет из теперешних молодого и перевалившего за молодость ученого поколения. Что-то не верится, что придут заместители Якова Ивановича,² Мальмберга, Тураева, Никитского. Кстати: дочь Якова Ивановича, Аня, моя крестница, теперь учится у нас в университете. Чудесная девица! Умная, в отца. Специализируется по романской филологии. Из айналовской «школы» сомневаюсь, чтобы вышло что-нибудь путное: Сычеву, например, надо еще много учиться, а он уже прославился. Сам Айналов сильно постарел; нигде почти не видим. Говорить с ним стало не о чем. Вообще для меня по части компании совсем плохо, разве что А. А. Васильев, но и он больше тяготеет к музыке, чем к науке. Он сочинил превосходную вещь на тургеневское «Довольно».³ Когда мы с ним видимся, а это бывает раза 4 в год, я всегда прошу ее играть. Вообще к музыке я очень взалкал, но ни в оперу, ни в концерты не хожу: для меня теперь строгий пост. И я понял теперь, что такое пост и как можно и должно поститься. Идея поста стала для меня ясна только за последние годы — ранее я отвергал самую идею поста, а теперь знаю, как эта идея должна подбадривать и увлекать. И еще за последние годы я страстно полюбил Платона. Если бы Вы знали, какой это был не только мыслитель, но и художник слова! Аристотель в своем мировоззрении всецело стоит на плечах Платона, он — великий ученый, но он засушил Платона своим ученым стилем. И мне теперь понятно, почему схоластика.

Думал я, думал, как бы напечатать Ваши труды здесь. Пока сомнительно, что-бы возможно было. Частных издательств много, но дальше книги в 10 листов,

с очень ограниченным числом рисунков, они не идут, да и не могут идти, ибо книга в 10 печатных листов продается за один золотой рубль, т. е. за 235 000 руб. по текущему курсу. Академия наук и бывшая Археологическая комиссия печатают все крайне медленно. Записки Археологического общества не выходят. Я струсил прах от ног своих в отношении общества, ибо председатель его теперешний С. Ф. Платонов.⁴ Этим сказано все!

Наш старый знакомый Ф. И. Успенский проявляет «кипячую деятельность», но я согласен вполне с тою характеристикой, какую Вы ему в свое время давали. Теперь он хлопочет о поездке в Константинополь.⁵ Хорошо, однако, то, что чванство с Успенского сошло и он стал более все же походить на человека. Марр, при всех его высоких и великих качествах, человек слишком увлекающийся, а потому и бессознательно заблуждающийся в основном. К тому же он бредит своими яфетидами, и чтобы его теорию понять и одобрить, надо всецело ей отдаться. Ясно одно: преемника достойного он себе не оставит и, я боюсь, его теория умрет вместе с ним.

Часто переписываюсь я с Бузескулом,⁶ с которым только этим летом познакомился. Милейший человек и умный! Он в последнем письме просил Вас кланяться. Жаль, что он не живет здесь, — с ним можно было бы водить хорошую компанию. А как вспомнишь прежние Ваши субботы и воскресенья, так и покажется, будто все это было на какой-то иной планете.

Я недавно прочел два тома переписки Александры Федоровны с Николаем II.⁷ Читали ли Вы? Более кошмарной книги я в жизни своей не читал. Одна фраза мне особенно понравилась: «Как скучно, что у тебя много дела». Это много-то дела во время войны, и у кого? Ужас, что такое!

Интересно, что Вы спасали студентов от «угнетения» Ястребова. Вот человек, оставшийся верным самому себе: когда он был здесь, он был нашим главным угнетателем студентов, и они его поголовно все проклинали. А я после того, как расстался с Вами, был не только деканом, но даже, правда, всего три месяца, ректором. Это было, впрочем, еще в 1919 г. Теперь за отсутствием председателя в бывшей Археологической комиссии исполняю его обязанности, но скоро постараюсь от этого избавиться — не по времени, не ко времени.

Кланяйтесь Вашим и напишите, кто с Вами из «Ваших». Сестра моя шлет Вам свой привет.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

Еще много-много листков мог бы написать Вам и если не пишу, то потому, что очень о многом надо было бы написать, и все же это не заменило бы тех бесед, которые столько мы вели с Вами за такое долгое количество лет.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Sic transit gloria mundi — «так проходит земная слава», здесь в значении «этим и кончилось», т. е. упадком, гибелью, крушением надежд (лат.).

² Я. И. Смирнов.

³ О музыкальных пристрастиях А. А. Васильева см.: *Кужлина И. В. А. А. Васильев: «труды и дни»* ученого в свете неизданной переписки // АРВ. С. 334—335.

⁴ Платонов Сергей Федорович (1860—1933), историк России; доктор русской истории (1899); академик РАН (1920; исключен в 1931, восстановлен в 1968). Заслуженный ординарный профессор по кафедре русской истории, декан (1900—1905) историко-филологического факультета Петербургского—Петроградского университета, профессор ВЖК, профессор и директор Петербургского женского педагогического института (1903—1916). После октября 1917 г. — председатель Археологической комиссии (1918—1929), помощник заведующего Главархивом (1918—1923), директор Пушкинского Дома (1925—1929) и Библиотеки АН СССР (1925—1928). Арестован по «академическому делу» (1930—1931), в августе 1931 г. приговорен к 5 годам ссылки в Самару, где и умер (реабилитирован в 1967 г.).

⁵ В 1923 г. в РАИМК обсуждался вопрос о командировании в Константинополь комиссии в составе Ф. И. Успенского, Б. В. Фармаковского и А. Н. Удаленкова для рассмотрения возможности возобновления исследований на Ближнем Востоке, учета и закрепления прав на сохранившееся имущество РАИМК, но эта командировка не состоялась. См.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 142.

⁶ Бузескул Владислав Петрович (1858—1931), историк античности и средних веков, источниковед, историограф; доктор всеобщей истории (1895); академик РАН (1922) и ВУАН (1925). Ординарный профессор по кафедре всеобщей истории (1895—1921) Харьковского университета. После октября 1917 г. — заведующий кафедрой всеобщей истории, позднее кафедрой европейской культуры Харьковского института народного образования (ХИНО, 1921—1924), с 1926 г. почетный руководитель Научно-исследовательской кафедры при ХИНО. О знакомстве с Бузескулом Кондаков сообщил Жебелеву 12 августа 1898 г.: «Здесь у меня (в Ялте. — *И. Т.*) перебивали многие профессора из Одессы и Харькова, между прочим, Бузескул, который мне очень понравился» (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 101 об.). С момента избрания действительным членом РАН Бузескул сблизился с С. А. Жебелевым, о чем свидетельствует их обширная личная переписка, хранящаяся в ПФА РАН.

⁷ См.: Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг.; Л., 1923—1927 (т. 1—2 изданы на англ. яз. в Берлине в 1922 г.).

№ 23

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn

24 марта 1923 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Очень благодарю Вас за письмо, по обыкновению Вашему, столь обстоятельное, от 4 марта. Вы только не упомянули мне ничего о Фармаковском: передали Вы ему письмо мое или еще не выдали его? Надеюсь, что он тоже ответит мне.

По письму Вашему, Платонов теперь председательствует в Русском археологическом обществе. Как помирить это с тем, что я получил от Фармаковского извещение, что я был выбран председателем общества? Будьте любезны — откровенно написать о том, что тут произошло.¹

Поклонитесь от меня А. А. Васильеву — у меня занимается его ученица М. Андреева, учившаяся и в Германии. Что он о ней скажет?

Слушателей у меня слишком много, есть и профессора Ю. В. Вернадский (по всеобщей истории), Флоровский² (по русской истории), и любители: С. Маковский,³ и т. д., всего бывает до 40, но толку от этого пока не вижу. Занимается усердно Н. Беляев⁴ — племянник бывшего военного министра, очень трудолюбивый юноша, корниловский офицер; семинария у меня, при 12 участниках, работает усердно, но, по своей неподготовленности, только по иконографии.

Таким образом, чтения мои пройдут совершенно бесследно, о чем я и писал Н. Я. Марру.⁵ Он написал Ольденбургу,⁶ тот доложил Академии, и она предлагает мне «безотлагательно» напечатать в академической типографии этот курс истории средневекового искусства и культуры.⁷ Однако у меня написана только небольшая часть курса: «*О зверином стиле*» и «*О древнейших тканях, находимых в России*».⁸ И вот я решился написать частями, как придется, чтобы сохранить хотя основное. У меня набралось более 50 пакетов с заметками, текстами и вообще материалами. Основная тема моя та, что, кроме христианского искусства, данного греко-римским миром, средневековое имело еще почти тысячелетнюю историю искусства и культуры варваров. А тогдашние варвары были или современные народы Европы, или исчезнувшие кочевники. Все эти варвары или принесли с собою, или восприняли заимствованную кочевниками древнеазиатскую культуру, чему свидетельством служат памятники их искусства. Весь художественный материал сохранился или в древностях Восточной Европы, или же в этнографическом ее материале. Ясно, какое значение получают славянские племена в смысле пассивного хранения ис-

торического прошлого. И, конечно, если бы мы могли заняться этими материалами, мы могли бы понять лучше историю культуры и оценить значение науки средневековья. Но об этом чем больше говорить, тем тяжелее думать, что эта задача отдаленного будущего. Именно по тому самому, *что вы пишете*, — что нельзя ни в чем положиться на грядущее поколение ученых. Все поколение будет состоять из ёрников разных видов. Прежде они приходились на общеудовлетворительный контингент русской молодежи только единицами, теперь это сплошная толпа. Между нами говоря, в Софии я отказался участвовать во всех русских учреждениях; здесь разрешил и уже каюсь, что состою в Учебной коллегии,⁹ в факультете и т. д.

Так, например, новые мои ученики, как Грабар Андрей, попавший лектором русского языка в Страсбург по моей рекомендации, написав две статьи, весьма поверхностные, уже едет на исторический конгресс в Брюссель. Из прежних учеников Окунев при большевиках в Одессе выскочил в ординарные профессора, не написав ничего, был потом низведен факультетом, когда большевики ушли, в доценты, бросил всякие занятия и университет и ушел товарищем министра к Деникину. Он же составил Общество истории искусства прямо из *demi-monde*¹⁰ — я раз был и был смущен таким «ученым обществом».¹¹ Он уже появился здесь, и рать ёрников здесь все растет и на прежних с боем идет.

Я, конечно, понял, почему Ольденбург предлагает мне напечатать только сочинение по средневековому искусству — «Русская икона» и «Иконография Богоматери» III том, как церковные темы, не могут быть печатаемы.

Кстати, нельзя ли из Санкт-Петербурга получить на время для пользования II том «Иконографии Богоматери»¹² — здесь его нет, и мне нечего показать. Из Германии тоже теперь ничего получить нельзя иначе, как за большие деньги. Просто зло берет, какое грабительство происходит во всей заграничной торговле. Не мудрено, что бесится 3/4 народу повсюду, всем тяжело жить.

Вы спрашиваете, как мы живем: получаю я в месяц 3000 крон, и, казалось бы, этого достаточно, особенно теперь при даровой квартире. Но здесь жизнь дороже, чем в Париже, и всякая картошка оценивается на крону. Поэтому гнусная пара стоит 800, а порядочная пара платья ценится уже тысячами. И вот Вы видите, все чехи — как поляки — одеты в новенькое, хоть и дрянное. Откуда деньги? От взятки всякого рода и торговли всем, что представится. Профессора всюду служат, всем занимаются, кроме лекций. Праздников больше, чем в России. Я читаю общий курс, ничего не пропускаю, и вот на 3-м семестре я еще читаю о V веке. Что же я успею прочитать за 2 года?¹³ В виде курсов читаются, например, о «восточном вопросе» и тому подобные.

Из профессоров вожу знакомство с Нидерле — подлинный ученый, и его «Старожитности»¹⁴ по количеству материала напоминают Шафарика.¹⁵ Затем проф. Vysoky по классической археологии, восхищается Науком, Стефани, Никитиным, Помяловским, Жебелевым, равно старыми германскими классиками. У него и у Цибульки¹⁶ (на богословском факультете) чудные археологические библиотеки при кабинетах.

Сам я по вечерам никуда не выхожу, но ко мне ходят многие: Струве,¹⁷ Лосский,¹⁸ Андрусов,¹⁹ Францев, Вернадский, Флоровские,²⁰ разные любители иконописи и старины и пр. Факультета настоящего нет пока, так как нет ни классиков, ни славистов. Но теперь мы засадили студентов за латынь — многие совсем ее не знают.

Будьте любезны — подействуйте на Б. В. Фармаковского — он прислал Нидерле издания Академии материальной культуры. Нельзя ли мне его фолиант по архаике²¹ скифской? Очень нуждаюсь в русских изданиях. Особенно тоскую по своим фотографиям в альбомах.

Поздравляю Вас и Ваших с великим праздником.

Ваш Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 143—145 об. Автограф.

¹ Н. П. Кондаков, покинувший Петроград 15 апреля 1917 г., в заседании РАО 7 января 1918 г. был избран председателем общества, а его помощником стал М. И. Ростовцев, в июне того же года уехавший в заграничную командировку. Таким образом, РАО осталось и без председателя, и без помощника председателя. В Общем собрании 3 января 1919 г. помощником председателя был избран С. А. Жебелев с предоставлением ему звания председательствующего. В 1917—1918 гг. общество фактически прекратило свою деятельность и отчасти возобновило его в 1921 г. Последнее Общее собрание состоялось 19 июля 1922 г.: были произведены выборы должностных лиц — председателя, помощника председателя и секретаря. Председателем был избран Н. Я. Марр, помощником председателя — С. А. Жебелев, секретарем — И. А. Орбели, которые, однако, «не изъявили согласия принять избрание, и тогда... были избраны: председателем С. Ф. Платонов, помощником председателя — А. А. Ильин, секретарем — Н. П. Сычев». В 1923 г. члены Восточного отделения РАО вышли из состава общества, в полном составе перейдя в образованную в 1921 г. под эгидой Азиатского музея РАН Коллегию востоковедов. Это окончательно развалило общество. В 1924 г. общество как юридическое лицо было ликвидировано после отказа НКВД перерегистрировать его устав, а все имущество общества, за исключением собрания старинных рукописей, переданных в рукописное отделение ГПБ, поступило в РАИМК. См.: РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 453. Л. 20 об., 109 об.; *Варпакова Н. А.* Восточное отделение РАО и его состав (1851—1923) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1990. Ч. 3. С. 231—251.

² Флоровский Антоний Васильевич (1884—1968), историк России нового времени, специалист в области истории русско-чешских отношений; доктор русской истории (1936); доктор исторических наук (1957); доктор философии Карлова университета в Праге (1933). Брат священника Г. В. Флоровского. Профессор Новороссийского университета (1917—1920), Археологического института (1920—1922); директор Одесской публичной библиотеки (1921). Осенью 1922 г. по распоряжению правительства выслан из страны, жил в Константинополе, Софии, Белграде, с 1923 г. — в Праге. Профессор Русского юридического факультета (1923), Русского народного университета—Русского свободного университета, член Русской учебной коллегии, где состоял председателем (деканом) историко-филологического отделения; председатель правления Археологического института им. Н. П. Кондакова в Праге (1948—1952).

³ Маковский Сергей Константинович (1878—1962), художественный и литературный критик, поэт, издатель. Сын живописца акад. К. Е. Маковского. Основатель и соредатор журналов «Старые годы» (1907—1915), «Аполлон» (1909—1917), устроитель художественных выставок. В 1913 г. вошел в Совет Общества изучения древнерусской живописи, участвовал в журнале «Русская икона». В 1917 г. уехал из Петрограда в Ялту, в 1920 г. эмигрировал в Прагу. Редактор журнала «Искусство славян» (1923—1926), первый председатель (1921), заместитель председателя (1922—1924) пражского Союза русских писателей и журналистов (1921—1924), в 1925 г. переехал во Францию, соучредитель пражского художественного общества «Икона» (1925).

⁴ Беляев Николай Михайлович (1899—1930), историк искусства. Племянник последнего царского военного министра М. А. Беляева. Учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета (осень 1916—весна 1917), занимался в семинаре у Н. И. Кареева. Служил в Добровольческой армии (1917—1920), в ноябре 1920 г. эмигрировал в Константинополь, в 1922 г. — в Прагу, закончил отделение истории искусства философского факультета Карлова университета (1922—1927) со званием доктор философии (диссертация посвящена фидулам в Византии). Один из создателей, активный участник и ученый секретарь Семинария им. Н. П. Кондакова, редактор его сборников статей, с 1928 г. редактор серии «Zografika», а также полного издания «Русской иконы» (два тома иллюстраций и первый том текста) и «Очерков и заметок по истории средневекового искусства и культуры» Н. П. Кондакова. С 1929 г. занимался со студентами-стипендиатами семинария, читал лекции по древнехристианскому искусству, о Н. П. Кондакове и его научной деятельности. Н. М. Беляев трагически погиб под колесами грузового автомобиля 23 декабря 1930 г. О нем см.: *Острогорский Г. Николай Михайлович Беляев (1899—1930)* // SK. Praha, 1931. Т. 4. С. 253—260.

⁵ См. док. № 15, 18.

⁶ В фонде С. Ф. Ольденбурга письмо Марра с упоминанием Н. П. Кондакова не обнаружено (ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 371).

⁷ 15 января 1923 г. на 69-м заседании Совета РАИМК С. А. Жебелев сообщил об исследовании Н. П. Кондакова. С. Ф. Ольденбург заявил, что он «предполагает войти в Конференцию АН с предложением о совместном с РАИМК издании труда Н. П. Кондакова о зверином стиле». От имени Совета РАИМК было решено приветствовать Н. П. Кондакова, а сообщенное С. Ф. Ольденбурга «принять к сведению» (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1—1923. Д. 6. Л. 5 об.—6. § 1019). На Общем собрании РАН 12 января 1923 г. непреременный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург доложил, что «по сведениям, полученным из Парижа от академика Н. Я. Марра, в числе трудов, подготовленных к печати академиком Н. П. Кондаковым, есть один, выделяемый из читаемого им в чешском университете в Праге курса

истории средних веков в Восточной Европе и являющийся попыткой “впервые поставить историю культурных основ Европы (и Восточной, и Западной) на истинно научную историческую почву”. Академик Н. П. Кондаков желал бы, чтобы этот труд был издан на русском языке в России. Положено: запросить академика Н. П. Кондакова относительно объема упомянутого его труда и о количестве рисунков, сообщив, что Академия признает желательным напечатать его в ее изданиях и выражает готовность приступить к его печатанию безотлагательно, если по времени получения рукописи условия издательской деятельности Академии окажутся благоприятными» (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1923. Д. 172. Л. 1 об. § 6). На заседании Совета РАИМК от 5 февраля 1923 г. № 71 было заслушано и принято к сведению сообщение С. Ф. Ольденбурга, что «Конференция РАН постановила запросить Н. П. Кондакова о размерах предполагаемого к совместному изданию РАН и РАИМК труда его о зверином стиле и о количестве рисунков и таблиц» (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1—1923. Д. 6. Л. 12 об. § 1026).

⁸ Эти курсы Кондакова были посмертно опубликованы в изданных Чешской АН «Очерках и заметках по истории средневекового искусства» с предисловием Л. Нидерле (Прага, 1929. III, 455 с.).

⁹ Русская учебная коллегия при Комитете по обеспечению образования русских и украинских студентов была основана в Праге в 1921 г., просуществовала до 1935 г.

¹⁰ «Полусвета» (франц.).

¹¹ Об этом обществе 16 июля 1919 г. академик писал С. Н. Кондакову из Одессы: «Вчера я сильно спорил и по этому случаю плохо спал. Спорил же по вопросу о значении эстетического суждения в истории искусства. Окунев составил здесь Общество изучения искусств, сделался его председателем и начал вещать: эстетическое суждение субъективно, потому не обязательно ни для кого, потому не научно. И стало быть, не должно быть никаких выборов художественных произведений, как лучших, оригинальных и пр. Признаюсь, я намеренно не пошел в общество, чтобы не слушать глупостей. Но компания настгла меня на прогулке вечером, и у них шел спор против Окунева, и они обратились с вопросами. Я уже давно видел, что Окунев локровительствует в университете и в (рисовальной. — И. Т.) школе кубистам, футуристам и иным ёрникам современного типа. Его Положение позволяет всем хулиганам быть художниками и даже историками искусства» (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 177. Л. 136). Ответной монетой платил Кондакову и Н. Л. Окунев (см. док. № 29).

¹² См.: Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. СПб., 1915. Т. 2.

¹³ Кондаков Н. П. Введение в археологию варваров: Лекции, читанные в 1924 учебном году на Философском факультете Карлова университета в Праге. [Прага, 1924]. 59 л.

¹⁴ Речь идет о многотомном труде Л. Нидерле «Славянские древности» (Slovenske starozitnosti. 1902—1925, франц. перевод т. 1—2, 1926—1927), в котором были обобщены сведения о славянах IX—XII вв. и установлена их культурная общность в средневековье. С. Н. Кондаков перевел один из разделов труда на русский язык и издал с предисловием Н. П. Кондакова. См.: Нидерле Л. Быт и культура древних славян. Прага, 1924. Первые два тома «Славянских древностей» еще в 1917—1918 гг. по заданию ОРЯС РАН переведил на русский язык проф. Н. М. Петровский (936 и 4 с. рукописи 2-го тома) и акад. И. С. Пальмов (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1918. Д. 165. Л. 319, 324). Неизданная рукопись перевода Н. М. Петровского хранится в ПФА РАН: Р. II. Оп. 1. Д. 259 (Т. 1. 879 л.), 260 (Т. 2. 963 л.); Ф. 9. Оп. 1. Д. 1056 (переписка об издании).

¹⁵ Шафарик (Шафаржик) Павел Йосеф (1795—1861), чешский филолог, историк-славист, этнограф, иностранный член-корреспондент ПАН (1839).

¹⁶ Цибулка (Cibulka) Йозеф (1866—1968), чешский историк искусства, профессор археологии богословского факультета Карлова университета в Праге.

¹⁷ Струве Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, историк, философ, социолог, общественно-политический деятель; доктор экономики (1917), академик РАН (1917; исключен в 1928; восстановлен в 1990). Организатор кадетской партии, лидер ее правого крыла (член ЦК, 1905—1915). Преподавал политэкономии (с 1917 г. профессор) в Петербургском политехническом институте имп. Петра Великого, на ВЖК (1910). Организатор и идеолог Белого движения. Эмигрировал в 1920 г. в Париж, жил в Праге; редактор «правых» периодических изданий.

¹⁸ Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965), философ, историк философии, общественный деятель, мемуарист; доктор философии (1907). Профессор Петербургского—Петроградского университета (1916—1921), преподавал также на ВЖК, в Женском педагогическом институте и др. Член кадетской партии (1905—1917). В 1922 г. выслан из Советской России. В 1922—1945 гг. работал в ЧСР, профессор Русского юридического факультета, действительный член Археологического института им. Н. П. Кондакова. Старший сын Н. О. Лосского Владимир вплоть до 1924 г. слушал лекции Н. П. Кондакова, а средний Борис оставил воспоминания о пребывании в ЧСР: Лосский Б. Н. В русской Праге (1922—1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 7—79. См. мемуары: Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Е. П. Борзовой и А. Ф. Замалева. СПб., 1994.

¹⁹ Андрусов Николай Иванович (1861—1924), геолог, палеонтолог; доктор геологии (1897); академик ПАН (1912). С 1912 г. профессор ВЖК в Петербурге, руководитель Геологического музея АН. Летом 1918 г. выехал по академической командировке в Крым, преподавал в Таврическом университете, в марте 1920 г. эмигрировал в Париж, сотрудничал в Геологическом кабинете Сорбонны, в 1922 г. переехал в Прагу, где скончался. Был женат на Надежде Генриховне, урожд. Шлиман (1861—1935), дочери немецкого археолога Г. Шлимана.

²⁰ Имеются в виду А. В. и Г. В. Флоровские. Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979), философ и православный богослов, религиозный деятель, священник; доктор философии (1923). Брат

историка А. В. Флоровского. С 1919 г. приват-доцент Новороссийского университета. В 1919 г. эмигрировал в Софию, в декабре 1921 г. переселился в Прагу, где жил до 1926 г., приват-доцент Русского юридического факультета (1922—1927), член Русского исторического общества. О нем см.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Перевод с англ. М., 1995.

²¹ Речь идет о труде Б. В. Фармаковского «Архаический период в России» (МАР № 34: Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. гр. А. А. Бобринским, Е. М. Придилом, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон Штерном. Пг., 1914. С. 15—78).

№ 24

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

Петроград, В. О., 4 линия, 7, кв. 13
6 апреля 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Хотя мы с Вами и отделены далеким расстоянием, но, судя по Вашему последнему письму, мысли у нас одни и те же. И если бы мы были вместе, мы не разошлись бы во взглядах, как это теперь у нас сплошь и рядом бывает с людьми, давно знакомыми и, казалось, близкими друг другу по духу. Ваше единомыслие со мною — большая для меня утеха и поддержка. Предоставленный самому себе, мало в ком находя отклик, подчас начинаешь сомневаться в правильности своих взглядов, Вы же меня и насчет «ёрничества», обуявшего всех и вся, и насчет будущих «ученых» перспектив очень подбодрили.

Теперь о некоторых пунктах письма Вашего. Фармаковскому я Ваше письмо, конечно, передам немедленно. Почему он Вам не отвечает, не понимаю — вероятно, мешают лекции, кои он читает всюду, где возможно, и даже там, где их читать не годится серьезному человеку, например в «Институте истории искусств»,¹ похожем на то общество, которое, как Вы пишете, основал Окунев, а может быть, и похуже.

Относительно Археологического общества дело обстоит так: в начале еще 1919 г. Вы были избраны председателем, я товарищем председателя. Когда прошло три года, то истекшим летом не нашли ничего лучшего, как избрать председателем Платонова, после чего я не только снял свою кандидатуру на звание товарища, но и перестал совершенно бывать в обществе, конечно, к удовольствию многих и к сожалению немногих. Насчет «безотлагательности» печатанья, провозглашаемой Ольденбургом, не очень-то верьте. Впрочем, возможно, Вы с Ольденбургом (недавно женился!² sic!) увидите; он собирается ехать за границу — с какими глазами, не постигаю. Кто из двоих «Сергеев Федоровичей»³ лучше, не знаю. Как бы то ни было, бывшие заклятые недруги — теперь приятели. И это знаменательно. Но у нас с людьми теперь бывают такие неожиданности в смысле метаморфоз, что я последним давно уже перестал удивляться. Собственно говоря, и люди-то, в подавляющем большинстве, показали себя в таком свете, что не только удивляться их поступкам, но и считать-то с ними, т. е. с людьми, не стоит. Не подумайте, что я стал мизантропом; нет, просто прояснилось как-то в голове. В этом отношении прожитые годы, когда не приходилось, как прежде, вести более или менее рассеянного образа жизни, а нужно было быть всегда сосредоточенным, научили больше, чем научила вся прежняя жизнь, чем учили всякие книги.

Я стараюсь работать без передышки. Боюсь ее. Первая часть моего «Введения в археологию» вышла и уже почти разошлась. Думаю, чрез месяц выйдет вторая, и тогда я непременно пошлю Вам сразу обе части. Теперь с пересылкою книг за границу довольно хлопотно. Хотелось бы мне послать Вам и свои переводы Платона. Выпущенные 2000 экземпляров «Пира» и «Федра» разошлись без остатка в течение месяца. Теперь начинаю печатать тот том, где будет «Федон». Пришлось

сильно «окунуться» в Платона. Не раскаиваюсь. Если удастся выпустить перевод всего Платона (разумеется, не один я перевожу, переводят и мои ученики, а я редактирую), буду считать свое поприще завершенным.

Получил недавно от Ф. И. Успенского приглашение пожаловать в заседание по обсуждению вопроса о переиздании словаря Дюканжа,⁴ которое предпринимается, кажется, в виде международного предприятия. Пойду в заседание и посмотрю, что наши замышляют.

В Академии материальной культуры, которой я временно, за отсутствием председателя, управляю, можно было бы наладить работу как следует, если бы в ней не околачивалось много праздного, излишнего и, отчасти, вредного народа и если бы всеми не обуяла какая-то классическая лень. Из одной крайности махнули в другую: в Археологической комиссии было людей слишком мало, в Академии штат чуть ли не сотня человек. И все эти сто считают себя «учеными». Какая-то гекатомба⁵ учености и ученых. И так везде и всюду. Вы хорошо написали «не мудрено, что 3/4 народу бесится повсюду», только не потому, что «всем тяжело жить», а также и потому, что многие обезумели не умом, а душами, или, вернее сказать, душонками.

Академия материальной культуры непременно постарается Вам послать ее издания. Только теперь и простого дела нельзя сделать сразу и просто, везде нужен подход. Теперь и «ученые» наши все говорят о каком-то «подходе», все «подходят», и никак подойти не могут.

Знаете ли Вы, что из бывшей Академии художеств за это время умерли Беклемишев,⁶ Залеман,⁷ Померанцев,⁸ Чистяков⁹ и многие другие? Видаюсь с А. Н. Бенуа¹⁰ — он остался прежним. А Котова Вы бы не узнали.

Напишите, кто живет с Вами? Сережа? Петя? Мари?¹¹ — Поздравляю Вас с Светлым праздником. Сестра поздравляет и кланяется. Если бы Вы знали, как мы часто вспоминаем Вас и как именно Вас нам не хватает.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Имеется в виду первый российский Институт истории искусств (ИИИ), открытый в Петербурге в 1912 г. на основе книжного собрания графа Валентина Платоновича Зубова (библиотека основана в 1910 г.). В начале 1913 г. при институте были открыты общедоступные курсы по истории искусств, которые в 1916 г. получили статус вуза. В послереволюционное время институт неоднократно подвергался реорганизациям и даже ликвидации (1930 и последующие годы): в 1920 г. он получил наименование Российский; в 1924 г. переименован в Государственный институт истории искусств (ГИИИ), который включал 4 отдела (разряда) — истории изобразительных искусств, истории театра, истории музыки и истории словесных искусств. В 1992 г. институту возвращено историческое наименование — Российский институт истории искусств (РИИИ). См.: Государственный институт истории искусств, 1912—1927. Л., 1927. 63 с.

² Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, по первому браку Головачева; 1875—1955), вторая жена С. Ф. Ольденбурга. Дочь мирового судьи, племянница народовольца, археолога и этнографа Д. А. Клеменца. Училась на ВЖК, в 1898 г. познакомилась с С. Ф. Ольденбургом. Вышла замуж за политического ссыльного, статистика Д. М. Головачева. Работала учительницей в Сибири. В 1922 г. вернулась в Петроград и вышла замуж за С. Ф. Ольденбурга. С начала 1920-х гг. вплоть до 1952 г. работала в Отделе древностей—Отделе Востока Эрмитажа. С 1924 г. вела дневник (хранится в ПФА РАН в фонде С. Ф. Ольденбурга), где почти ежедневно записывала важнейшие события в жизни АН СССР, ГАИМК, Эрмитажа и других учреждений науки и культуры Ленинграда.

³ Речь идет о С. Ф. Ольденбурге и С. Ф. Платонове.

⁴ Русско-византийская историко-словарная комиссия была основана в 1918 г. под названием «Константин Порфирородный», в сентябре 1923 г. слилась с образованной в том же году Комиссией по переизданию словаря Дюканжа, с целью изучения русско-византийских отношений в X и «смежных» веках, а также для подготовки материалов по переизданию «Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis» Дюканжа, предпринятого Международным союзом академий. Председателем комиссии

являлся акад. Ф. И. Успенский, товарищем председателя — В. Н. Бенешевич, секретарем — И. И. Солов. Членами комиссии были академики В. М. Истрин, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, а также Д. В. Айналов, В. Е. Вальденберг, А. А. Васильев, А. Д. Дмитриевский, П. В. Ернштедт, С. А. Жебелев, А. И. Малейн, И. Ю. Маркон и около 30 иногородних сотрудников. Проект переиздания словаря Дюканжа был похоронен со смертью Ф. И. Успенского.

⁵ От древнегреч. — жертвоприношение, первоначально состоявшее из 100 быков; в переносном смысле — огромные жертвы войны, террора, эпидемий и т. д., здесь в скептическом значении «жертвы науки».

⁶ Беклемишев Владимир Александрович (1861—1920), скульптор, историк искусства, педагог; академик скульптуры (1892), действительный член (1893) Имп. Академии художеств. Профессор-руководитель скульптурной мастерской (1894—1918), заведующий формовской мастерской (1894—1918) и ректор (1901—1903, 1906—1911) Высшего художественного училища при Академии художеств.

⁷ Залемаи Гуго Романович (1859—1919), скульптор, педагог; академик скульптуры (1889), действительный член (1896) Академии художеств. С 1894 г. профессор искусств в натурном классе Высшего художественного училища Академии художеств, в 1918 г. вошел в число профессоров-руководителей Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских.

⁸ Померанцев Александр Никанорович (1849—1918), архитектор, педагог; академик архитектуры (1887), действительный член (1893) Академии художеств. С 1894 г. профессор-руководитель мастерской, ректор (1899—1900) Высшего художественного училища при Академии художеств, член Ученого совета и Техническо-строительного комитета Хозяйственного управления, архитектор Училищного совета при Св. Синоде.

⁹ Чистяков Павел Петрович (1832—1919), живописец, педагог; автор портретов, картины на исторические и бытовые темы; академик живописи (1870); действительный член Академии художеств (1893). С 1892 г. профессор живописи, заведующий мозаичным отделением (1890—1912), руководитель мастерской (1908—1910) Высшего художественного училища при Академии художеств.

¹⁰ Бенау Александр Николаевич (1870—1960), художник, театральные декоратор, историк искусства, художественный критик, мемуарист. В предреволюционные годы — вице-председатель созданного в 1911 г. Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; в марте 1917 г. один из организаторов Комиссии по делам искусств для переговоров с Временным правительством об охране памятников искусства и старины; с 1918 г. член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе. Главный хранитель Картинной галереи Эрмитажа (1918—1926). В 1926 г. не вернулся из Парижа, где находился в командировке от Эрмитажа.

¹¹ Имеются в виду приемные сыновья академика С. Н. и П. Н. Кондаковы и экономка дома Кондаковых в Ялте Мария Францевна Долланкая.

№ 25

Б. В. Фармаковский — Н. П. Кондакову

Петроград,
23 апреля 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович!

Ваше письмо доставило мне большую радость. Я очень сочувствую Вам и понимаю, что работать за границей Вам очень трудно, но я восхищаюсь Вашей силой духа и неутомимостью в научных изысканиях. Эти качества Вы в полной мере сохраняете, как это ясно видно из Вашего письма, а это доставляет всем нам истинную радость. То, что Вы пишете о заграничных специалистах и их узости, мне хорошо знакомо по Риму и Афинам, где мне пришлось много вращаться среди немцев и других. У нас, конечно, другой склад, и нас общество не наших ученых не удовлетворит.

Здесь у нас вся жизнь налаживается. Мы не только не голодаем, живем хорошо. Общение с заграницей, получение литературы началось снова, и главнейшие новые издания из разных стран до нас доходят. Конечно, все еще многого не хватает, но мы надеемся, что разные трудности мы преодолеем. То, что Вы пишете о Ваших трудах по средним векам, нас волнует величайшим образом. Я уверен, что мы в конце концов могли бы раздобыть средства напечатать Ваш труд.

Посылаю Вам первую партию наших изданий. Жду Ваших замечаний насчет «Архаического периода». Древности Майкопа я видел впервые с Вами в Археологической комиссии в 1897 г., и с тех пор они не давали мне покоя. Думаю, что

я датировал их еще слишком поздним временем. Теперь я убежден, что эти вещи — конца III тысячелетия до Р. Хр.¹ (так думают теперь о Майкопе Ebert² и М. И. Ростовцев в «Iranians and Greeks» 1922).

Русское археологическое общество живет, но не по-прежнему. Есть надежда, что, выжив наиболее трудное время, оно снова оживится. Еду скоро в Константинополь.³

Искренне Вам преданный

Б. Фармаковский

Дворцовая наб., 6, кв. 4.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Майкопская культура раннебронзового века Предкавказья и Северного Кавказа, имеющая аналогин в Передней Азии, получила название по яркому комплексу Майкопского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским (1897). Богатый погребальный инвентарь захоронения племенного вождя и его двух жен, ныне хранящийся в Эрмитаже, включал золотые, серебряные и медные сосуды, фигурки бычков, украшения, бронзовые орудия труда и характерную керамику. Археологические материалы майкопской культуры свидетельствуют о тесных контактах между племенами Северного Кавказа и цивилизациями Древнего Востока, проявившихся в частности в высоком уровне металлообработки. В начале XX столетия вопрос о датировке Майкопского кургана вызвал бурную дискуссию в научных кругах. Я. И. Смирнов, отметивший влияние Месопотамии в стилистике вещей, ошибочно относил его к VIII в. до н. э. (1909), Э. Минц — к доскифской эпохе (1913), А. М. Тальгрэн — к бронзовому веку и датировал приблизительно 1500 г. до н. э. (Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikaukaskirja. Helsingfors, 1911. Т. 25. Fasc. 1. 238 p.). С финским ученым согласился и Б. В. Фармаковский (1914), отметивший в погребальном инвентаре сильное влияние хеттского искусства II тыс. до н. э. В марте 1913 г. на Международном конгрессе историков в Лондоне Б. В. Фармаковский прочел доклад «Архаический период в России» (опубликован в дополненном и переработанном виде: МАР. 1914. № 34. С. 15—78). «Первые основы искусства и культуры у нас в России — ионийские, античные», — писал Б. В. Фармаковский. Проанализировав инвентарь Майкопского кургана, археологические материалы из других древнейших памятников Кавказа, Скифии и архаической Ольвии, автор пришел к выводу, что «звериный стиль» ведет свое начало из хеттского искусства, сильно воздействовавшего на ионийское, которое в свою очередь оказало влияние на скифское. Культурные влияния Передней Азии на племена Кавказа и позднейшей Скифии прослежены Фармаковским начиная со II тыс. до н. э. «Звериный стиль», широко распространившийся в степях Восточной Европы и на Северо-Западе Азии, по мнению автора, вызвал многочисленные подражания и местные переработки, которые в эпоху переселения народов были перенесены в отдаленные области Европы, в пережитках дошедшие до нашего времени. В 1940-х гг. А. А. Иессен передатировал майкопскую культуру второй половиной II тыс. до н. э., а М. В. Андреева в 1970-х гг. отнесла Майкопский курган к IV тыс. до н. э., подчеркивая, что на это указывал еще М. И. Ростовцев. Большинство исследователей датирует памятник в пределах 3600—3000 гг. до н. э. (см.: Мунчаев Р. М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994 (Археология России); Рысин М. Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древнейшие общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997; Трифонов В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV—I тыс. до н. э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996; Мачинский Д. А. Об образном строе серебряных и золотых художественных изделий из Майкопского кургана // СΥΣΤΗΤΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 45—70). В. А. Трифонов сдвинул дату к VI—V тыс. до н. э., но его гипотеза не была принята большинством современных исследователей (благодарю за уточнения А. А. Формозова).

² Эберт (Ebert) Макс (1879—1929), немецкий археолог, специалист по археологии Прибалтики и юга Восточной Европы; профессор Кёнигсбергского университета (с 1922 г.). До первой мировой войны проводил раскопки на юге России. Автор монографии «Südrussland im Altertum» (Bonn; Leipzig, 1921), издатель многотомного археологического «Reallexicon der Vorgeschichte» (Bd 1—15. 1924—1932).

³ Поездка Фармаковского не состоялась.

№ 26

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
21 мая 1923 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Спасибо за Ваше письмо от 6 апреля, на которое отвечаю только теперь, так как был очень занят все это время и к тому же не вполне спокоен духом и потому пережидал с ответом. С другой стороны, чтобы сохранить душевное спокойствие, ныне требуется удаляться от людей, сколько возможно, и от русских в частности. Здесь большое скопление русских, и всякое их собрание, заседание похоже на митинги, длится три, четыре часа подряд, прерывается перекорами, ссорами, схватками партий. Партии формируются по интересам: юристы, техники, медики главенствуют по своей многочисленности, забрасывают черняками филологов и т. д. Правда, во главе стоит умный человек — Ломшаков,¹ но его именем действуют его помощники, особенно Новгородцев,² Юревич,³ разные инженеры. У юристов силу имеет Струве, но опять от его имени действуют другие юристы, часто проходимцы. Сам Струве очень умен, но истощается в общих местах и диалектике.

У нас историко-филологический факультет еще совсем не сформирован, нет филологов и нет классиков, кроме Шебора,⁴ а славистом является Вергун.⁵ Ястребов, после годовой болезни, третьего дня умер.⁶ Много у нас русских историков: Лаппо, Кизеветтер, молодой Вернадский (сын академика), много философов: Лапшин,⁷ Лосский, Флоровский (из Одессы). Знаете ли Вы кого-нибудь из них поближе?

Сам я знаю только с Францевым, Лосским, редко выдаю Струве. Вернадский ходит на лекции, выражает желание заняться Византиею. Из учеников намечается пока только один — Беляев, сын военного, племянник бывшего военного министра, молодой корниловец, проделавший известный поход, контужен, офицер. Из чехов я знаю только Нидерле, арабиста Мусила,⁸ слависта Поливку,⁹ классика Высокого, а других только шапочно.

Живем мы здесь в квартире американца мистера Крэна, которому принадлежит дворец б[аронов] Шёнборнов, ныне занятый американскою легациею. В доме у Крэна есть квартира, и одна половина, 2 комнаты, предоставлены нам, безвозмездно, на неопределенный срок. Сын Крэна состоит при президенте¹⁰ и слушает у меня по четвергам на французском языке лекции по скифским древностям, по Востоку и Византии. Слушают тогда же княгиня Яшвиль,¹¹ вдова сына Родзянки,¹² ее дочь¹³ и чехи, двое, трое. Лекции я читаю по-русски, записались 77 студентов и студенток, но слушают обычно 40, не более. Аудитория очень внимательная, но бесплодная. Студенты явно или усталые офицеры-добровольцы, или деморализованы беженством и содержанием.

Мы лично ужились и живем пока безбедно, так как я получаю в месяц 3000 крон, и их вполне хватает на питание. Однако дороговизна такова, что обедать в ресторанах не можем, стоил бы обед и ужин не менее 70 крон в день на троих. Все же купил я за год лишь 3 книги и 100 фотографий у Алинари¹⁴ выписал. Купить себе что из платья или обуви нельзя, все стоит сотни. При мне живет Сергей и известная Вам Екатерина Николаевна Яценко, взявшаяся меня сопровождать в апреле 1917 г. в Одессу и с тех пор оставшаяся у меня жить. Благодаря ей, мы были все эти шесть лет сыты и под кровом, и если терпели иногда от нужды, то это было уже неизбежное. И теперь Екатерина Николаевна готовит обед, я же усовершенствовался в приготовлении чаю, кофе, какао.

Я могу заниматься у себя теперь, хотя, конечно, тоскую по своей библиотеке. Передайте низкий поклон Вашей сестрице.

Ваш преданный Н. Кондаков

Р. С. Петя,¹⁵ видимо, погиб в Архангельске. Жена его с двумя детьми живет в ялтинском доме.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 146—147 об. Автограф.

¹ Ломшаков Алексей Степанович (1870—1960), инженер-конструктор, технолог, специалист по паровым котлам; общественный деятель, член ЦК кадетской партии. До революции преподаватель Петроградского технологического института имп. Николая I. В эмиграции с 1920 г. жил в Праге, с 1921 г. председатель Союза русских академических организаций за границей и почетный председатель Русской академической группы в Чехословакии, с 1923 г. преподаватель, затем профессор Чешского высшего технического училища (пражского политехникума), с 1925 г. член Масариковской академии труда, председатель Общества русских инженеров (1921—1939), основатель Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов, заместитель председателя комитета Фонда помощи русским студентам, член Русского музыкального общества в Праге.

² Новгородцев Павел Иванович (1886—1924), юрист, философ права, общественный деятель; доктор права (1902). Профессор по кафедре энциклопедии права и истории философии права (1903—1906, 1917—1918) Московского университета, ректор Московского высшего коммерческого института (1906—1917). С 1905 г. кадет, член ЦК, депутат 1-й Государственной Думы. В 1920 г. эмигрировал сначала в Берлин, затем в 1921 г. в Прагу; читал лекции в Аахенской технической школе (1921—1922), весной 1922 г. основал и возглавил как декан (1922—1924) Русский юридический факультет, профессор Русского народного университета, учредитель и первый председатель Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева и Русской академической группы (1921—1922) в ЧСР, член правления Союза русских академических организаций за границей, заместитель председателя, председатель правления Русского института в Праге.

³ Юревич Вадим Александрович (1872—1963), врач-патологоанатом, доктор медицины (1902), профессор и заведующий кафедрой учения о заразных болезнях с бактериологией (1910—1918) Военно-медицинской академии в Петербурге, после Февральской революции 1917 г. избран общественным градоначальником Петрограда, в годы гражданской войны служил в Добровольческой армии, в 1919 г. эмигрировал, в 1920-х гг. жил в Праге, член Русской академической группы, председатель Русского туберкулезного комитета и член Комиссии по борьбе с туберкулезом, в 1930-х гг. женился, переехал в Париж, незадолго до Второй мировой войны работал в филиале Пастеровского института в Сайгоне.

⁴ Шебор Иозеф (Šebor Josif; Иосиф Антонович; 1848—1928), чешский филолог-классик, специалист по римской литературе. Выпускник Петербургского университета (1868—1872), с 1877 г. исполняющий должность экстраординарного профессора (утвержден в 1883) по кафедре римской словесности ПИФИ, приват-доцент по кафедре классической филологии Петербургского университета (1876—1896). В 1906 г. вернулся в Прагу. С 1922 г. преподавал в Русском народном университете в Праге. Перевел на чешский язык «Ревизора» Н. В. Гоголя (1887), на русский — сатиры Горация и издал (СПб., 1909) избранные стихотворения этого поэта (благодарю за уточнения Л. Л. Копецкую).

⁵ Вергун Дмитрий Николаевич (1871—1951), филолог-славист, переводчик, редактор, публицист, журналист, поэт, общественный деятель. С 1918 г. приват-доцент славянской филологии в Московском университете, затем профессор Иркутского университета. В 1919 г. эмигрировал в США, в начале 1921 г. переехал в Ригу, в 1922 г. — в Прагу, профессор истории русской культуры в Высшем коммерческом училище, преподаватель русского языка и славяноведения в Высшей технической школе (1922—1928), Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского (1923—1925), на Русском юридическом факультете, соавтор Масариковского энциклопедического словаря (т. 5), председатель Русского сокольства в ЧСР (1922—1925), председатель Карпато-русского национального комитета, Русского сокольства за границей (1923—1930), редактор журнала «Русский сокольский вестник» (1927—1941), член Союза русских писателей и журналистов в ЧСР, Русского исторического общества (с 1925 г.). С 1940 г. проживал в Белграде, с 1945 г. — в США, профессор университета в Хьюстоне.

⁶ Н. В. Ястребов скончался в Праге 17 мая 1923 г.

⁷ Лапшин Иван Иванович (1870—1952), философ-неокантианец, психолог, автор работ о русской музыке и художественном творчестве; доктор философии (1907). Экстраординарный профессор кафедры философии историко-филологического факультета Петербургского—Петроградского университета (1913—1918), ВЖК, Коммерческого института, Военно-педагогических курсов. Сотрудник РИИИ, читал лекции по эстетике (1919—1922). В 1922 г. выслан из страны, поселился в Берлине, с 1923 г. жил в Праге, был профессором философии Русского юридического факультета, Русского народного (свободного) университета и Карлова университета, член Союза русских писателей и журналистов ЧСР, Русского исторического общества, Русского научного института, Русского научно-исследовательского объединения, председатель Русского философского общества в Праге.

⁸ Мусил Алоис (1868—1944), чешский востоковед, арабист, путешественник.

⁹ Поливка (Polivka Jiří) Иржи (Юрий Иванович) (1858—1933), чешский филолог-славист, фольклорист; член-корреспондент ПАН (1901); профессор Карлова университета в Праге (1895—1928), председатель Комитета русской книги, председатель правления Чешско-русского объединения (Еднота), заместитель председателя Королевского чешского научного общества, председатель 1-го класса Славянского института в Праге (благодарю за сообщение дополнительных сведений Л. Л. Копецкую).

¹⁰ Масарик (Masaryk) Томаш Гарик (1850—1937), чехословацкий государственный и политический деятель, философ-позитивист; первый президент ЧСР (ноябрь 1918—декабрь 1935). В 1887, 1889, 1910 гг. посещал Россию. С конца 1914 г. жил в эмиграции, в мае 1917 г.—марте 1918 г. — в России, возглавлял Чехословацкий национальный совет, тогда же сблизился с руководством партии кадетов и членами Временного правительства. В конце 1918 г. вернулся в Прагу. Инициатор правительственной программы помощи русской эмиграции (так называемой русской акции, 1921—1931, фактически продолжалась вплоть до 1939), материально поддерживавшей как отдельных эмигрантов, так и их научные, учебные и культурные объединения, организации и печатные органы, в том числе Семинариум Кондаковианум (с 1931 г. — Археологический институт им. Н. П. Кондакова). На осуществление «русской акции» правительством ЧСР в общей сложности было выделено около полумиллиарда чехословацких крон.

¹¹ Яшвил, княгиня (урожд. Филлпсон) Наталья Грингорьевна (1861/1862—1939), художник, иконописец, меценат, переводчик, вдова полковника лейб-гвардии Царскосельского полка кн. Н. В. Яшвиля, мать Т. Н. Родзянко, близкий друг Н. П. Кондакова. Рисованию училась у П. П. Чистякова, развивала крестьянские промыслы (вышивку) на Украине. Во время Первой мировой войны работала в миссии Красного Креста в Австро-Венгрии. В эмиграции сначала в Греции, с 1920 г. — в Праге, куда была приглашена президентом ЧСР Т. Г. Масариком как гость республики. Одна из основателей и член правления, активный участник Кондаковского Семинара — Археологического института им. Н. П. Кондакова, оказывала его членам материальную поддержку, содействовала изданиям; председатель Общества взаимопомощи русских женщин. См.: *Кызласова И. Л.* Из истории семинария и института им. Н. П. Кондакова: Н. Г. Яшвил // *Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства* (по материалам архивов). М., 1999. С. 189—193.

¹² Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), помещик, общественно-политический деятель; камергер Имп. двора. Один из основателей (1905) и лидеров «Союза 17 Октября» (партия октябристов). Член Государственного Совета (1906—1917), депутат и председатель 3-й (1911) и 4-й (1912) Государственной думы. В 1920 г. эмигрировал в Югославию.

¹³ Родзянко (урожд. Яшвил) Татьяна Николаевна (1888/по другим данным 1892—1933), художник, переводчик, дочь княгини Н. Г. Яшвил, вдова расстрелянного красноармейцами в Киеве сына М. В. Родзянко — Г. М. Родзянко (1891—1918). С 1920 г. в ЧСР, член Семинара — Археологического института им. Н. П. Кондакова, совместно с матерью вела его англоязычную корреспонденцию, была руководителем эмалевого мастерской при институте. Благодарю за сообщение дополнительных сведений Л. Л. Копецкую. Подробнее см.: *Андреев Н.* Княгиня Н. Г. Яшвил // *SK. Beograd*. Т. 11. С. 236—240.

¹⁴ Алилари (Alipari) — известная итальянская фотографическая фирма, специализировавшаяся на съемке памятников архитектуры, произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. В личном фонде Н. П. Кондакова в ПФА РАН сохранились тысячи фотографий этой фирмы (Ф. 115. Оп. 2).

¹⁵ Имеется в виду П. Н. Кондаков.

№ 27

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

Петроград, В. О., 4 линия 7, кв. 13
13 июня 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Очень рад был получить Ваше письмо от 21 мая. Странное дело: Вы пишете, что у вас «чтобы сохранить душевное спокойствие, ныне требуется удалиться от людей, сколько возможно»; то же самое ощущаю я и у нас, и не ныне только, и вообще последние годы. У вас, по Вашим словам, «перекоры, ссоры, схватки партий». У нас никаких партий нет — явно по крайней мере; поэтому нет и «ссор и схваток партий», но зато вообще ничего нет, так какая-то *tabula rasa*,¹ а еще правильнее — болото, с широким применением словицы о болоте и чертях² вообще.

Из поименованных Вами лиц я более или менее близко знаю моих бывших коллег по факультету — Лосского и Лапшина. Из них первому (прошу ему передать мой поклон) отдаю решительное предпочтение пред вторым: оба они знают

много, но у Лосского ум, по-моему, истинно философский, глубокий и достаточно разносторонний, что у философов встречается не так уже часто.

Послал я Вам через Академию истории материальной культуры те из своих писаний за последние годы, какие у меня нашлись. Дошло ли все это до Вас? Вторая часть «Археологии», вероятно, скоро начнет печататься; I том Платона, где будет, между прочим, «Федон», печатается. Теперь, с наступлением лета, я занялся подготовкой «Государства» Платона. Страдаю очень от почти полного отсутствия новой литературы, в особенности журналов с новыми материалами — в виде надписей и памятников; никакой исследовательской работы, при таких условиях, предпринять невозможно, и то, что было давно намечено и подготовлено, лежит без движения. Но еще в гораздо большей степени страдаю от отсутствия научного общения. Смешно сказать, самое тесное общение приходится вести с таким покойником, как Платон. Был здесь недели три В. П. Бузескул (он — академик); с ним можно было много и о многом побеседовать. Из близких людей моего возраста — Айналов ничего не говорит, Васильев с охотой говорит о музыке, Фармаковский стал совершенно бесцветен. Не говоря о мертвых, очень чувствуется отсутствие Ваше и Михаила Ивановича.³ Скоро придет Марр, но он помешан на своих яфетидах, и ни о чем другом с ним говорить не придется. А зато какое количество лиц, с которыми просто не хочется не то что говорить, но и встречаться! И. И. Толстой⁴ — *pater familias*⁵ (у него дочь полутора лет⁶ и недавно родился сын⁷), весь ушедший в пеленки, что не очень-то близко моему сердцу. И так, ученого общения нет.

В университете у меня прекрасная группа, человек в 10 слушателей (старые, из них многие окончили курс). Они настолько понаторели в греческом языке, что мы с ними читаем теперь Эпикура, а одна из слушательниц давно уже и с большим успехом занимается над апокрифом «Acta Pavli et Theclae».

В Академии материальной культуры ко мне перешло все наследство Латышева по изданию южнорусских надписей,⁸ но печатание стоит так дорого, что ни к чему приступить невозможно. Вообще более или менее систематически можно вести работу исключительно индивидуально — кабинетную, что я и делал последние годы. И устал я порядком, а отдыхать и некогда и, в конце концов, не стоит: хочется поскорее доделать начатое и успокоиться с мыслью: все в прошлом.

Я очень рад, что Вы наконец обстоятельно написали о том, как устроились в домашнем быту. И мы жили пока безбедно, хоть и очень скромно, в особенности по части обслуживания самих себя; короче говоря, делали и делаем все сами, начиная от носки дров, стирки и пр. Чтобы показать Вам состояние цен, скажу, что сегодня 1 фунт черного хлеба стоит 2 руб., и вчера я купил на улице «*La vie errante*»⁹ Мопассана, в шагреневом переплете, за 5 руб. Но это цены старых книг, продаваемых *privatim*.¹⁰ Вновь же выходящие книги, по цене, нам недоступны; впрочем, и тут особенно прельщаться нечем.

Читали ли Вы нашумевшего Шпенглера?¹¹ Недавно прочел и нашел, что это какая-то галиматья самовлюбленного тупого немца. Может быть, там очень много «от философии», но греческой истории Шпенглер не только не знает, но и не понимает. Увлечение подобного рода книгами — знамение времени.

Завтра будут праздновать 50-летие ученой деятельности Кареева.¹² На чествование я, конечно, не пойду, а ограничусь письмом. Умер Анучин.¹³ Не очень радостные вещи рассказывали недавно о Цветаевском музее,¹⁴ откуда хотят изгнать слепки. Теперь почти всюду делами управляют «их верные люди», молодые, которым и книги в руки. А мы, старики, рады бываем и тогда, когда нас не трогают. Эрмитаж и Русский музей очень обогатились. Недавно в последнем открылось Этнографическое отделение.¹⁵ Директор Эрмитажа Тройницкий, Русского музея —

Сычев. В составе хранителей в том и в другом много новых, Вам совершенно неизвестных лиц. Впрочем, в Картинной галерее Эрмитажа знакомый Вам Александр Бенуа. Об Академии наук, вероятно, узнаете от Ольденбурга, который едет за границу и будет, как он говорит, и в Праге.¹⁶ Успенский затевает что-то вроде переиздания греческого словаря Дюканжа. Конечно, из этой затеи ничего выйти не может: нет ни сил, ни средств. Зато «шумим, братец, шумим». Вот сколько я Вам написал и дельного и неделного. Желая Вам всего доброго и прошу поклониться Сереже и Екатерине Николаевне. Жалко Петю,¹⁷ если справедливы Ваши предчувствия. Сестра моя Вам и Сереже низко кланяется.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

У нас очень холодная и дождливая, вообще скверная весна.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ «Чистая доска» (лат.).

² Возможно, речь идет о пословице «В тихом омуте черти водятся».

³ Имеется в виду М. И. Ростовцев.

⁴ Толстой, граф Иван Иванович (младший) (1880—1954), филолог-классик, сын И. И. Толстого (старшего); магистр греческой филологии (1918); член-корреспондент (1939), академик (1946) АН СССР. Профессор (1918—1953) кафедры классической филологии ЛГУ, действительный член НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, впоследствии Государственного института речевой культуры (1921—1935), профессор Первого педагогического института — ЛГПИ им. А. И. Герцена (1918—1922, 1933—1942), ученый сотрудник РАИМК—ГАИМК—ИИМК.

⁵ «Отец семейства» (лат.).

⁶ Толстая Людмила Ивановна (р. 1921), дочь И. И. Толстого (младшего) и С. В. Меликовой-Толстой, публикатор мемуаров, дневников и писем деда — графа И. И. Толстого (старшего).

⁷ Толстой Иван Иванович (1923—1941), сын И. И. Толстого (младшего) и С. В. Меликовой-Толстой. Родился в Петрограде, в 1940 г. окончил с отличием среднюю школу и поступил на химический факультет ЛГУ. В июле 1941 г. добровольно вступил в Народное ополчение, погиб в боях под Гатчиной в конце августа 1941 г. См.: Книга памяти Ленинградского—Санкт-Петербургского университета, 1941—1945. СПб., 1995. Вып. 1. С. 292.

⁸ К 1917 г. В. В. Латышевым было подготовлено к печати второе издание 2-го тома «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Ed. Basilii Latyschev» (IosPE, надписи Боспорского царства), однако рукопись свода «несмотря на многочисленные просьбы автора», так и не была принята академической типографией «вследствие переживаемых ею затруднений». В 1919 г. печатание тома было начато, но не закончено. Смерть не дала Латышеву возможности самому довести издание до конца, но РАО в надежде на поддержку РАИМК все же планировало завершить этот труд. В 1920—1930-х гг. С. А. Жебелев, И. И. Толстой, А. И. Доватур и другие сотрудники ГАИМК продолжили работу над боспорскими надписями: в фонде С. А. Жебелева сохранилась рукопись 2-го тома IosPE (ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 34/1-11), впоследствии использованная составителями «Корпуса боспорских надписей» (М.; Л., 1965).

⁹ «Бродячая жизнь» (франц.).

¹⁰ «Частным образом» (лат.).

¹¹ Имеется в виду русское издание книги немецкого философа Освальда Шпенглера (1880—1936) «Причинность и судьба. Закат Европы. Т. 1, ч. 1» (Пг., 1923).

¹² Кареев Николай Иванович (1850—1931), историк-новист, философ, социолог, общественный деятель; доктор всеобщей истории (1891); член-корреспондент ПАН (1910), почетный член АН СССР (1929). Профессор Петербургского—Ленинградского (1890—1899; 1906—1931) университета. 14 июня 1923 г. в университете состоялся торжественный юбилейный вечер в честь 50-летия окончания университетского курса и начала научной деятельности Н. И. Кареева. С приветственными речами выступили 20 человек, в том числе И. М. Гревс, Е. В. Тарле, С. Ф. Ольденбург.

¹³ Анучин Дмитрий Николаевич (1843—1923), антрополог, географ, этнограф, археолог; академик по зоологии (1896—1898), почетный член (1898) ПАН. С 1884 г. профессор, руководил созданными им кафедрами географии (1885) и антропологии (1919, с 1922 г. — НИИ антропологии) Московского университета. После октября 1917 г. участвовал в работах Госплана.

¹⁴ Имеется в виду открытый в 1912 г. по инициативе профессора И. В. Цветаева Музей изящных искусств императора Александра III при Московском университете, где работали покойные друзья С. А. Жебелева — Б. А. Тураев и В. К. Мальмберг (с 1937 г. — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).

¹⁵ Этнографический отдел Русского музея, созданный в 1901 г., был открыт для публики в 1923 г., в 1934 г. получил самостоятельность как Государственный этнографический музей, с 1992 г. — Российский этнографический музей.

¹⁶ Во времяграничной командировки 1923 г. Ольденбург в Прагу не заехал.

¹⁷ Имеются в виду С. Н. Кондаков, Е. Н. Яценко, П. Н. Кондаков.

№ 28

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Palac Schönborn
5 июля 1923 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Простите, что так долго не уведомлял Вас о получении Вашего подарка в виде шести книжек. Закончивался семестр, и я имел много всяких хлопот с экзаменами, семинарию, забором и сдачею книг, всякого рода лекциями французскими и русскими и пр. Увы, для моего возраста Прага слишком шумна, а люди теперь стали еще болтливее и вздорнее. Завели так называемые «пропаганды» и «культуры»: французскую, итальянскую, даже американскую, наезжают, что-то читают, заывают на лекции отовсюду. От чешских *jednot*¹ я получил шесть запросов, не прочту ли лекцию или доклад осенью в разных местах. Затем идут разные праздники и «славности», т. е. юбилеи, и поминки без конца, и вновь болтовня. Русские одурели до полного безумия. Академическая группа раскололась на 2 враждебные группы: одна стоит за образование Народного университета² и вошла в связь с Земгором,³ эс-эрами и большевиками, другая держится уже существующих факультетов.

Таким образом мне, чтобы заниматься, надо идти против течения, не ходить ни в Учебную коллегию, ни в факультет, ни в заседания групп и, стало быть, жить в разладе со всеми. Правда и то, что настоящего единения и здесь нет, есть кабацкое, т. е. в разных клубах, беседах и попросту кофейнях и винных лавках.

Действуют здесь особенно: Петр Струве, Новгородцев, Кизеветтер, Лосский и Лапшин, затем ряд инженеров: Ломшаков и Кривошеин⁴ и т. д.

Ваши книги прекрасны, я прочел «Введение в археологию», читаю «Рим», а Платона только начал, но его выпросил у меня философ Флоровский, прочел и отдал Струве, и когда я получу книгу, не знаю.

Прочел я большие тома Фармаковского⁵ и прошу Вас передать ему мою искреннюю благодарность и выражение удовольствия. Ведь я теперь погружен в искусство скифов, средневековых варваров и в историю звериного стиля и орнамента вообще. Материал собран громадный, но писать можно только по частям ввиду отсутствия под руками библиотеки. На мой современный взгляд, история средневекового искусства и культуры может перестроить совершенно историю Восточной Европы: варвары принесли с собою такую восточную закуску от Персии, Тибета и Средней Азии, что она переработала Византию целиком. Теперь я разбираю громадные материалы этнографические и уже могу вводить их в историю.

В то же время живется беспокойно, опять надо думать, где буду читать с весны, здесь или в Болгарии. Историк румынский Йорга⁶ зовет на время меня в Румынию, где тоже заинтересовались своими старинными церквями. Переписываюсь почти со всеми европейскими центрами, а удовольствия от этого не вижу.

Погода у нас убийственная. Мы не видали солнца весь май и июнь. Сегодня первый солнечный день. Прага самый сырой город в Европе.

Ваш Н. Кондаков

Еще раз большое спасибо. Поклон Вашим.

Р. С. Просмотрел половину книги Шпенглера в русском переводе — сплошная галиматья, пошлая, притязательная, дурацкая. Здесь тоже есть евразийцы,⁷ также пишущие о гибели Европы.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 148—149 об. Автограф.

¹ «Обществ» (чешск.).

² Русский народный университет в Праге был открыт 16 октября 1923 г., в ноябре 1925 г. передан в ведение Министерства образования и народного просвещения ЧСР. Ученый состав включал 64 преподавателя; к 1931 г. в университете обучался 251 студент. В 1934 г. был переименован в Русский свободный университет, практически существовавший до 1946 г. (в марте 1949 г. МИД ЧСР официально выведен из списка обществ в Чехословакии).

³ Земгор — объединение российских земских и городских деятелей. Создан в июле 1915 г. в России как Объединенный комитет земского и городского союзов из представителей местного самоуправления для помощи правительству в организации снабжения русской армии. В январе 1918 г. его организации были официально распущены советской властью, но продолжали существовать до конца гражданской войны. В ноябре 1920 г. переведены из России за границу. Земгор в Чехословакии возник 17 марта 1921 г., распался в 1935 г. Подробнее см.: *Сератинова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-е—30-е годы). М., 1995. С. 57—114.

⁴ Кривошеин (Krivosein) Григорий Григорьевич (1868—?), инженер-мостостроитель. С 1921 г. в эмиграции в Праге, профессор Чешского высшего технического училища (1922—1939), с 1945 г. жил во Франции.

⁵ *Фармаковский Б. В.* 1) Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. С. 15—78; 2) Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Пг., 1921. Вып. 1. 45 с., 5 табл.

⁶ Йорга (Jorga) Николай (1871—1940), румынский историк-медиевист, общественный деятель, публицист, поэт, литературный критик; доктор философии Лейпцигского университета (1893), академик Румынской Академии (1910), член-корреспондент Института Франции. С 1894 г. профессор Бухарестского университета. Председатель Национального собрания (1918—1920), премьер-министр и министр народного образования (1931—1932). Автор многочисленных трудов по истории Румынии, Турции, Балканских стран, которые, по словам русских современников, «написаны небрежно и не всегда по первоисточникам». См.: *Jorga N.* Histoire de la vie byzantine. Bucarest, 1934. Vol. 1—2.

⁷ Евразийство — историко-философское течение 1920-х гг., главными идеологами которого являлись Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский. Высшие формы духовной и социальной организации общества, согласно евразийцам, могут быть выработаны лишь народами Евразии как воплощенными лучшими проявлениями цивилизации, а евразийско-русская культура рассматривается как высшая точка духовного опыта человечества. Противопоставляя Запад и Восток, всю историю послепетровской Руси евразийцы считали отступлением от истинного пути развития России.

№ 29

Н. Л. Окунев — Д. В. Айналову

Praha II, Trojanova, 16
31 июля 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Дмитрий Власьевич,

Узнав от Андрея Николаевича,¹ что он получил от Вас весточку, решаюсь сам написать Вам. За последние три года я делал несколько попыток завязать письменные сношения с петербургскими знакомыми и друзьями, но как-то все дело не налаживалось. Между прочим, писал два раза Николаю Петровичу,² но ничего в ответ не получил. Сведений же о вас всех имею довольно много, хотя и неполных и отрывочных, главным образом из газет и от приезжих. Очень бы хотелось лично от Вас получить известье, узнать, как живете и что делаете. За то время, в течение которого мы с Вами не виделись и не общались, очень многое произошло — и радостного, и печального, но в личной жизни, вероятно, мало что изменилось.

Почти три года я был оторван от научной деятельности обстоятельствами, но последние годы постепенно опять в нее втягиваюсь и теперь работаю довольно

много. Два с половиной года я провел в Македонии — в Скопле, где был профессором университета. Было очень трудно и материально, и морально, особенно в последнем смысле, настолько были некультурны, грубы и так лишены были всякой душевной тонкости и красоты наши гостеприимные хозяева. Но все же за это время, с большим трудом и преодолевая иногда совершенно фантастические препятствия, которые ставились опять-таки теми же гостеприимными хозяевами, мне удалось собрать очень большой материал, особенно в области сербской церковной живописи XIII—XV вв. Интересного, нового и значительного в этой области так много, что приходится многие старые, уже, казалось бы, решенные вопросы перерешать и ставить бесчисленное количество новых. В настоящее время печатается (на русском языке) моя статья на эту тему в чешском журнале «Slavia». ³ Она представляет собою предварительную публикацию некоторых новинок и программу большой работы, которая еще делается. К сожалению, здесь очень худо по части библиотек. В Сербии совсем не было книг, и там никакая обработка этого материала не была бы возможна. Поэтому-то, главным образом, я и перебрался полгода тому назад сюда, но и здесь не многим лучше. Почти нет совсем русской и французской литературы — Ваших книг нет совсем, а мне они очень нужны, особенно «Византийская живопись XIV в.». ⁴ Если Вам не было бы трудно, я бы очень просил Вас прислать мне ее и, если возможно, в двух экземплярах, чтобы один из них остался здесь в университетской библиотеке. В последнем случае можно послать на адрес этой библиотеки (Praha I, Clementinum, Knihovna Karlove University).

Кроме сербского материала со мною здесь и весь материал по христианской и мусульманской архитектуре, привезенный из поездки в Армению в 1917 году. ⁵ Но с обработкой его дело обстоит еще хуже. Востоком здесь никто никогда не занимался, а потому по Востоку нет здесь никакой литературы. Придется ему еще полежать, а очень жалко — очень уж хорошие все вещи. К тому же, ввиду отсутствия интереса к Востоку, и напечатать здесь что-либо по этому вопросу очень трудно. Вообще печатанье здесь, как и всюду, очень затруднено, особенно неохотно идут на иллюстрации, а без них часто работа теряет смысл.

В связи с читаемым мною здесь курсом по истории русского искусства намечается у меня работа и в этой области, главным образом касательно древнего периода, XII—XIV вв. И так как один из вопросов, которые меня более других занимают, относится к владимирским рельефам, которые я сравниваю с армянскими и некоторыми сербскими, мне бы очень хотелось также иметь статью о них Леонида Антоновича. ⁶ Я бы мог воспользоваться экземпляром, который он прислал Никодиму Павловичу, ⁷ но я последнее время избегаю иметь дело с этим господином — и мне пришлось убедиться, насколько это человек умный, но в то же время и дурной. Ко всем своим известным качествам он еще очень постарел и совершенно подпал под влияние своей секретарши ⁸ — злобной, развратной и едва ли не преступной женщины. Когда я был ему нужен в Одессе, он мне пел дифирамбы, а здесь почему-то ему было неуютно, чтобы я попал в Прагу, и чтобы помешать этому, он не остановился даже перед клеветой на мой счет.

Над чем Вы теперь работаете и как Вам теперь живется? Как поживает Надежда Ростиславовна? ⁹ Как живут и что делают Петрович ¹⁰ и Антоныч? ¹¹ Очень бы хотелось и от них иметь весточку. Очень часто всех петербургских друзей вспоминаю и так хотел бы всех повидать.

Уже более четырех лет, как я в разлуке со своими — они продолжают жить в Сумах, где пришлось им очень много вытерпеть и лишений, и болезней, и моральных тягот. Но, слава Богу, все живы. Теперь я хлопочу о том, чтобы раздобыть их сюда и опять объединиться всем вместе. Надеюсь к осени это устроить.

Буду очень рад получить от Вас хоть несколько строк, а покуда желаю Вам всего наилучшего. Искренний привет Надежде Ростиславовне. Передайте, пожалуйста, также самый дружеский привет Антонычу, Петровичу, Сергей Александровичу¹² и всем, кто меня знает и помнит.

Преданный Вам Николай Львович

Р. С. Если бы удалось как-нибудь устроить получение книг от Вас из Питера! Мне очень нужны, кроме Вашей книги, еще следующие: Покрышкина, «Православная сербская архитектура»;¹³ «Памятники древнерусского искусства», издаваемая Академией художеств, тот выпуск, где статья Антоныча о Володове;¹⁴ Бобринского «Резной камень»;¹⁵ Кондакова «Иконография Богоматери», т. 2;¹⁶ наш сборник в Вашу честь¹⁷ и т. д., и т. д.

ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 52. Л. 1—2 об. Автограф.

¹ Имеется в виду А. Н. Грабар.

² Речь идет о Н. П. Сычеве.

³ *Okunev N. L.* Сербские средневековые стенописи // *Slavia*. 1923. Roč 2. Seš. 2—3. S. 371—399.

⁴ *Айналов Д. В.* Византийская живопись XIV столетия // Записки классического отделения РАО. 1917. Т. 9. С. 62—230. Отд. изд.: Пг., 1917.

⁵ В июне—сентябре 1917 г. по поручению ОИИФ РАН в сопровождении архитектора-художника А. Я. Белобородова и фотографа Бульбенко Н. Л. Окунев совершил поездку на Кавказский фронт в Грузию, Армению, Карскую область (ныне Турция) для осмотра, регистрации и принятия мер к охране памятников древности и культуры, которым могла угрожать опасность гибели «в районе турецкой полосы» (копию его рукописного отчета см.: ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 365; опубликован: ИРАН. 1917. Серия 6. № 17. С. 1435—1438).

⁶ Мацулевич Леонид Антонович (1886—1959), археолог, историк древнерусского, грузинского и византийского искусства; доктор искусствоведения (1939). Ученик Д. В. Айналова, вместе с П. Н. Сычевым, Н. Л. Окуневым и В. К. Мясоедовым изучал монументальную живопись Новгорода и Пскова. С 1918 г. сотрудник Русского музея, с 1919 г. — Государственного Эрмитажа (1919—1949); ученый хранитель отделения византийских древностей Отдела древностей (1919—1931), заместитель директора (1920), заведующий сармато-готской секции Отдела доклассового общества (1934—1949); старший научный сотрудник ГАИМК—ИИМК (1928—1941, с перерывами), преподаватель РИИИ (1918—1922). Речь идет о статье: *Мацулевич Л. А.* Хронология рельефов Дмитровского собора во Владимире-Залесском // Ежегодник РИИИ. 1921 [на обл. 1922]. Т. 1, вып. 2. С. 251—299.

⁷ Имеется в виду Н. П. Кондаков.

⁸ Е. Н. Яценко.

⁹ Айналова (урожд. Викентьева или Векентьева, ум. не ранее 1950) Надежда Ростиславовна, жена Д. В. Айналова.

¹⁰ Н. П. Сычев.

¹¹ Л. А. Мацулевич.

¹² С. А. Жебелев.

¹³ *Покрышкин П. П.* Православная церковная архитектура XII—XVIII стол. в нынешнем Сербском королевстве. СПб., 1906.

¹⁴ *Мацулевич Л. А.* Церковь Успения пресвятой Богородицы в Володове // Памятники древнерусского искусства / Изд. Академии художеств. СПб., 1912. Вып. 4. С. 1—34.

¹⁵ Бобринский, граф Алексей Алексеевич (1861—1938), этнограф, археолог, историк искусства. Занимался археологией и этнографией Средней Азии, издал «Орнаменты горных таджиков Дарваза (шитый и вязаный орнамент)», изучал орнаменты энеолитической трипольской культуры, оставил труды по истории русской резьбы по камню и дереву: «Народные русские деревянные изделия: Предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода» (Т. 1—12. М., 1911—1914), «Резной камень в России» (М., 1916). В 1918 г. эмигрировал в Италию. См.: *Петрова М. В.* Из прошлого рода графов Бобринских // ВИ. 1993. № 5. С. 174.

¹⁶ *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2.

¹⁷ Дмитрию Власевичу Айналову от учеников к 25-летию его ученой деятельности. Пг., 1915.

№ 30

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

Петроград, В. О., 4 линия 7, кв. 13¹
12 августа 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Невеселые вещи сообщили Вы мне в последнем письме о том, что в Вашей университетской среде делается. Раздорами и несогласьями мы всегда страдали, а теперь почва для них так благоприятна, как никогда. Вся беда, по-моему, в том, что у нас очень мало лиц, кто по-настоящему любит науку и желает служить ей. Наука у нас всегда была каким-то привеском к «культуре», и этим привеском пользовался каждый на свой лад. Не имела наука самодовлеющего значения, а значит, жаль было самодовлеющих ученых. Ведя теперь жизнь строго анахоретическую и имея дело только с книгами, а по преимуществу с Платоном, я вижу, что наука, действительно, требует значительного отречения от мира, точнее сказать, неприятия его — тогда еще можно кое-как существовать, иначе же остается одно в нашем положении — постараться совершенно изъять себя из мира.

Читали ли Вы труд Эд. Мейера о христианстве?² Если читали, то интересно, что скажете. Я пришел в восхищение от книги, какого давно не испытывал. Мы теперь, т. е. библиотека наша, стали кое-что получать, но исключительно немецкое; а мне бы до зарезу нужно было новое издание Платона французов Круазе.³ Впрочем, приходится по книжной части пользоваться, что судьба пошлет, или, правильнее, что пожелают прислать.

Видали ли Вы непременного секретаря,⁴ который, по слухам, был в Праге? Интересно, что он Вам напевал. Я бы теперь ни единому слову его не поверил, и если бы он со мною раззнакомился, был бы очень рад. Вот уж, подлинно можно сказать, человек «эволюционировал» немало.

Надеюсь, что чрез месяц удастся послать Вам вторую часть «Введения в археологию» и 1 том «Платона», где будет, между прочим, «Федон». Печатают теперь у нас и медленно, и небрежно, а издатели все кулаки, думающие о барышах. Да и сотрудники, особенно у молодых, больше насчет гонорара, а не сути дела. Жаль, что не могу Вам послать журнал «Анналы»,⁵ где я напечатал свои студенческие воспоминания и статейку «Чем дорога нам Греция?».⁶

Приехал в Петербург из Астрахани Дмитриевский.⁷ Он много претерпел, да и теперь ему несладко. Георгиевский, оказывается, хранитель Третьяковской галереи. Это тоже гусь лапчатый. Из нашей компании Васильева давно не видел: он отдыхал в санатории. Часто вижу Фармаковского, но особого удовольствия от этого не испытываю. Марр носится со своими яфетидами. Федор Успенский проектирует переиздание Дюканжа (!) — старческое слабоумие. Айналов уехал к себе на хутор. Молодежь, вроде Сычева, Романова⁸ и подобных, процветает и преуспевает на жизненном пути, но не на научном. Спицын⁹ остался, как и был прежде, т. е. подчас невозможен. Вообще же душу отвести не с кем. Да и то сказать, все, кто был близок, кто далеко, совсем почти на другом свете. Получилось в полном смысле слова «блестящая изоляция» — без людей, без газет, без ученых обществ, без библиотек, кроме своей собственной.

Лето у нас стоит совершенно дрянное — холодное и дождливое. А на юге, говорят, жара неимоверная. В Ольвии раскопки так и не возобновляются. Теперь всеми раскопочными делами ведают... Городцов¹⁰ в Москве, а Академия материальной культуры пишет протесты, на которые, однако, не обращается никакого внимания. Да и вообще у нас, кажется, осталось только прилежание и успехи, и совершенно испа-

рилось внимание. Желаю Вам всего доброго. Поклон Сергею Никодимовичу и Шебору. Сестра Вам кланяется.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ На верхнем поле первой страницы письма карандашная помета рукой Н. П. Кондакова: «Ферман, ак[адемик]. Рус[ские] драгоц[енные] камни».

² Мейер (Meyer) Эдуард (1855—1930), немецкий историк-антиковед, профессор университетов в Лейпциге (с 1884 г.), Бреслау (с 1885 г.), Галле (с 1889 г.) и Берлине (1902—1923), представитель модернизаторского направления в немецкой историографии античности. Речь идет о кн.: *Meyer Ed. Ursprung und Anfänge des Christentums*. Stuttgart, 1921—1923. Bd 1—2.

³ Круазе Альфред (Croiset Alfred, 1845—1923), французский филолог-классик, профессор Сорбонны, издатель произведений Ксенофонта и Пиндара; Круазе Морис (Croiset Maurice, 1846—1935), французский филолог-классик, профессор в Монпелье и в Collège de France в Париже, автор «Истории греческой литературы» (1887—1893, в соавторстве с братом А. Круазе), издатель произведений Эсхила, Аристофана, Демосфена, Лукиана, части трудов Платона и др. Речь идет о кн.: *Platon. Apologie de Socrate, texte établi par Maurice Croiset*. Paris, 1920.

⁴ Имеется в виду С. Ф. Ольденбург.

⁵ «Анналы» — академический журнал по всеобщей истории, выходившей под редакцией Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле (1922—1924 гг., вышло 4 номера).

⁶ См.: Жебелев С. А. 1) Из университетских воспоминаний // *Анналы*. 1922. № 2. С. 168—187 (перепечатка: ВДИ. 1968. № 3. С. 158—175); 2) Чем дорога нам древняя Греция // *Анналы*. 1923. № 3. С. 139—148.

⁷ Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856—1929), историк, литургист, специалист по истории византийского и русского церковного богослужения, источниковед, палеограф, создатель школ по литургии в Киеве и Петербурге; доктор богословия (1895); член-корреспондент ПАН (1903). С 1907 г. ученый секретарь Российского Палестинского общества, член «Свободной Академии» Н. П. Кондакова. В 1918 г. переехал в Астрахань, преподавал в местном университете на кафедре истории и греческого языка (1918—1922). В 1922 г. вернулся в Петроград, с 1923 г. член Русско-византийской комиссии РАН, преподаватель Высших богословских курсов (1923—1928). См.: *Арранц М. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия* // *АРВ*. С. 120—133.

⁸ Романов Константин Константинович (1882—1940), историк искусства, архитектор, художник; член-корреспондент Археологической комиссии, хранитель Этнографического отдела Русского музея. В 1919 г. основатель, действительный член, заведующий разрядом древнерусского зодчества Художественно-исторического отделения РАИМК—ГАИМК, профессор, декан археологического факультета ПАИ, профессор РИИИ, профессор факультета языка и материальной культуры ЛГУ.

⁹ Спицын Александр Андреевич (1858—1931), археолог; член-корреспондент АН СССР (1927). С 1892 г. член Императорской Археологической комиссии, с 1909 г. приват-доцент по кафедре русской истории Петербургского университета и создатель Археологического кабинета при ней (1910); с 1914 г. преподаватель кафедры исторической географии ПАИ, после Октябрьской революции — профессор факультета языка и материальной культуры Петроградского—Ленинградского университета (1918—1927), с 1919 по 1929 г. действительный член, заведующий разрядом русской археологии Этнологического отделения, член комиссии по раскопкам РАИМК—ГАИМК.

¹⁰ Городцов Василий Алексеевич (1860—1945), археолог, создатель школы археологов в Москве; доктор археологии (без защиты); заслуженный деятель науки (1929), член Тулузской АН. Член ВКП(б) (1938). Заведующий созданного им археологического отдела (I Отделения; 1906—1929) Исторического музея в Москве, где изучал и систематизировал археологические коллекции, разработал принципы научного хранения и экспозиции археологического материала. После октября 1917 г. профессор и заведующий кафедрой археологии этнологического факультета I МГУ (1918—1930), заведующий просветотделом Главмузея, председатель археологического отделения Института археологии и искусствознания РАИОН (1920—1929).

№ 31

А. А. Спицын — Н. П. Кондакову

Ковно
24 ноября [1923 г.]¹

Дорогой Никодим Павлович!

Именно «дорогой», ибо Вы действительно таковы для России.

Только что узнал от Нидерле, что Вы в Праге, и не медля берусь за перо, чтобы послать Вам искренний привет и добрые пожелания поскорее вернуться домой, — но ведь все скоро делается только в сказке. Придется еще подождать. Развязка будет еще не скоро, а будет. Помните ли Вы одну свою фразу, которая случайно соскользнула с Вашего пера, и она так по мне ударила, что из всего Вашего наследия ее более всего помню: «Русское равнодушие [к потерям]». Ведь это глубочайшая апатия или сдержанность? Не есть ли это удивительная гибкость русской души, которую Вы хорошо знаете и о которой это же, кажется, говорите. Как ни тяжело у нас дома, но мы все же живы — и работаем, кто погибче.

Может быть, могли бы и похвастать. Где тени, там ведь и свет.

Конечно, я мог бы много рассказать Вам интересного, но ведь не напишешь и малой доли. От прежней Археологической комиссии остались Фармаковский, Чистяков² да я. Новая Академия истории материальной культуры — прекрасная и сильная мысль Марра, но мы сейчас уже не растем, а сокращаемся. Академию наук не трогают, и она стойко держится в своей позиции. О разрушении культурных учреждений в России Вы, я думаю, более знаете, чем мы на месте. Мы собственно ничего не знаем ни о России, ни о загранице и живем слухами...

Если бы Вас что-либо специально интересовало из того, что мне известно, я был бы рад дать Вам сведения. Я вызван в Ковну как специалист по литовским древностям и пробуду здесь до отпуска, до 17 декабря, а может быть, придется и продлить срок пребывания (Kaunas, Hotel Metropol № 30, Lietuva—Litwa).

Было бы приятно получить от Вас письмецо уже просто как знак того, что Вы живы и существуете.

Но есть и остается тема для этого моего письма и для Вашего ответа. Знаем, что Вы приготовили работу о зверином орнаменте, что это — II-й том «Русских кладов», как Вы мне когда-то говорили? Если это так, то ее нельзя издать за границей, так как таблицы в Петербурге. Мы там одно время соблазнились издать их в виде альбома, но воздержались, опасаясь Вас обидеть. Какие Ваши планы? Если это не «Клады», то нельзя ли в самом деле издать альбом с небольшим текстом? Лично я разбираюсь в этих таблицах и не знаю только происхождения 2—3 серебряных вещей, да еще большинства тканей. Что бы Вы мне сказали, для доклада Академии?

В Академии я заведу разрядом русской старины (археология у Миллера³).

Работаю я с большим интересом и мечтаю составить какое-нибудь руководство. Собираем материал для «Словаря русской старины»,⁴ да и вообще дело не стоит, а движется.

Очень раскрутился Археологический институт,⁵ но положение его не из прочных. Московский закрыт,⁶ как Московское археологическое общество⁷ и Московское общество истории и древностей.⁸ Судьба Русского археологического общества⁹ еще не ясна.

Где гр. Уварова¹⁰? Если в Праге, то скажите ей при свидании, что я шлю ей сыновний и братский поцелуй. Я очень часто ее вспоминаю и думаю о ней; что все наши потери пред ее утратами? Дай Бог ей здравствовать и увидеть счастливые дни.

Позвольте и Вас крепко поцеловать. Напишите. Всякими письмами меня порадуете.

Я был бы готов написать и всякому русскому, кому мог бы быть полезным.

Ваш А. Спицын

Сообщите свой адрес.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Датируется по содержанию. В журнале заседаний Совета РАИМК от 13 августа 1923 г. № 78, § 1124 запись: «А. А. Спицыну разрешается заграничная командировка в Литву» (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1—1923. Д. 6).

² Чистяков Иван Федорович (1865—1935), фотограф Имп. Археологической комиссии—РГАК и РАИМК—ГАИМК—ИИМК АН СССР.

³ Миллер Александр Александрович (1875—1935), археолог, этнограф, музейный деятель. С 1908 г. хранитель, затем заведующий Этнографическим отделом Русского музея. Сотрудничал с Археологической комиссией, в 1918 г. избран членом РГАК, действительный член (1919) и заведующий (до 1929) Этнологическим отделением РАИМК. С 1918 г. член Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР, первый демократически избранный директор ГРМ (1918—1921). С 1918 г. доцент, с 1920 г. профессор ПАИ. С 1922 г. заведовал археологическим отделением ЛГУ. Возглавлял созданные им Северо-Кавказскую (1923—1932) и Таманскую (1930—1931) экспедиции РАИМК—ГАИМК. Арестован в 1933 г. по «делу славистов», осужден на 5 лет лагерей с заменой ссылкой в Казахстан. Умер в Карлаге.

⁴ Спицын заведовал разрядом русской археологии I (Археологического) отделения РАИМК. Сотрудники разряда занимались сбором материала в виде выписок и их обработкой для «Словаря русской старины», который остался неизданным. Материалы для словаря представлены в личном фонде А. А. Спицына (Ф. 5) в РА ИИМК. «Словарь включает уже до 90 000 карточек (из которых значительное число принадлежит мне), — вспоминал позднее Спицын, — но это еще далеко не достаточный фонд. Не могу не мечтать об издании курса русской старины, к которому я неустанно готовлюсь, как и к курсу русских древностей, который почти закончен, но все время требует переработки». Цит. по: *Спицын А. А. Мои научные работы // SK. 1928. Т. 2. С. 341.*

⁵ Петербургский археологический институт (ПАИ) был создан в 1878 г. для подготовки специалистов в области археологии и архивоведения из лиц, уже имевших высшее образование. Понятие «археология» в то время трактовалось расширенно как наука о древностях вообще. Собственно археологические дисциплины в структуре преподавания занимали второстепенное место. В 1917 г. в институте читали лекции по славянскому и русскому источниковедению, архивоведению и археографии, юридическим древностям, палеографии, искусствоведению, этнографии, исторической географии, гербоведению, классическим древностям, нумизматике и пр. В 1918 г. встал вопрос о реорганизации института с целью превращения его в вуз для подготовки квалифицированных кадров по различным историческим дисциплинам, в том числе и в области археологии. В 1919 г. в ПАИ открылось отделение археологии и истории искусств, имевшее несколько археологических кафедр. В 1922 г. институт был слит с Петроградским университетом, и на его базе было создано Археологическое отделение ФОН ЛГУ.

⁶ Московский археологический институт (МАИ) — платное высшее учебное заведение, основанное в 1907 г. по инициативе Д. Я. Самоквасова, с археологическим и археографическим (архивным) отделением. Директором МАИ являлся А. И. Успенский. Функционировал на частные благотворительные средства, с 1912 г. получал государственное пособие. В 1922 г. вошел в состав ФОН МГУ.

⁷ Московское археологическое общество (МАО) основано в 1864 г. по инициативе гр. А. С. Уварова для археологических исследований, главным образом в области славяно-русских древностей и для распространения в России археологических знаний. Общество также занималось охраной памятников и проведением раскопок. МАО существовало на субсидии МНП, членские взносы, продажу собственных изданий и проценты с капитала. По инициативе МАО раз в три года собирались Всероссийские археологические съезды (1869—1911). В 1917 г. председателем МАО являлась графиня П. С. Уварова, товарищем председателя Д. Н. Анучин. В 1922 г. общество было закрыто.

⁸ Общество истории и древностей российских при Московском университете (МОИДР) основано в 1804 г. с целью изучения и публикации документов по русской истории. Существовало на государственные субсидии и выручку от продажи изданий. В 1917 г. его председателем являлся В. Г. Глазов. Официально закрыто в 1929 г.

⁹ РАО было закрыто в 1924 г.

¹⁰ Уварова (урожд. кн. Щербатова), графиня Прасковья Сергеевна (1840—1924), археолог, организатор науки, меценат; почетный член ПАН (1894). В 19-летнем возрасте вышла замуж за графа А. С. Уварова, участвовала в создании МАО, а после смерти мужа, с 1884 г. стала бессменным председателем общества, организатором Всероссийских археологических съездов; редактировала и на собственные средства издавала труды МАО. Вела большую и плодотворную деятельность по охране памятников Москвы. Основные труды посвящены археологии Кавказа. В годы гражданской войны эмигрировала в Сербию, где пользовалась денежной поддержкой МИД ЧСР (так называемая русская акция). В последние годы жизни работала над историей МАО.

№ 32

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
[не позднее середины декабря 1923 г.]¹

Дорогой Сергей Александрович,

На Ваше последнее письмо от 12 августа вот только когда отвечаю — в первый день начавшихся здесь университетских вакаций. Но поверьте: ежедневно видел Ваше письмо и не имел духа писать. И не писал никому этою осенью, ниже Миннсу, который все еще переводит краткую книгу о «Русской иконе». Главная причина того в том, что я все это время, помимо всяких лекций, писал то сочинение о роли варваров-кочевников, готов, славян в преобразовании греко-римского мира в новый «называемый европейский». Написал большой трактат о византийском дворе и варваризации его одежд и переносе бывших варварских одежд в Западную Европу. О том же и о Русской иконе читал публичные лекции и еще буду читать в январе. Читал *privatissime*² по средневековой культуре и по чешскому народному орнаменту дочери президента Масарика,³ заводящей кустарные мастерские. Как видите, дела было много.

Вы, конечно, понимаете, что публично читал я поневоле: здесь факультет чешского университета определил продолжить мои курсы еще на год и пожелал послушать часть их в публичных чтениях. Я рад остаться здесь, несмотря на ужасный по сырости климат для меня, легочного больного. Но здесь есть библиотеки, есть кому сообщить новости по своей части, а в Болгарии, куда предстояло ехать, ничего этого нет. Вы же сами понимаете, что для нас с Вами это бедствие еще горше.

Перейду к другому. Ваши книги ходят здесь по рукам и находят большое одобрение у моих учеников. Один из них, Толль,⁴ усердно читает «Введение», другие разобрали исторические трактаты. Выпуска «Платона» я сам доселе не читал — взял его у меня евразиец Г. Флоровский, попovich и философ, для статьи в будущем номере «Русской мысли», и передал ее редактору Струве, а тот удерживал донныне.

Я бы мог послать Вам издание Круазе, но меня известили, что «книги не проходят». И правда, мои брошюры о «Суме с земною тягою» не дошли по назначению.

Непременный секретарь Академии наук, известив меня, через Вернадского, что посетит Прагу и меня, сюда не заезжал и проехал через Берлин. Между тем я его хотел спросить о моих книгах, — где они и что с ними. Академик Вернадский того же пошиба. Его сын, целый год ходивший на мои лекции и объявивший, что будет заниматься Византиею, теперь уже не ходит, когда я именно читаю по Константину (Багрянородному. — *И. Т.*) о дворе, одеждах и т. д.⁵ Я Вам писал, что Академия наук предложила мне печатать у нее мою новую книгу о средневековой культуре. Теперь получил такое же предложение от болгар, и даже с платою по 600 левов за лист. Но эти левы 1/4 кроны чешской, а она 1/2 франка французского и т. д.

Я едва успел заглянуть в II выпуск «Аннал», как их кто-то подхватил и держит.

За это время я получил письма от Георгиевского, он служит в Оружейной палате. Далее от Анисимова, тот в разных местах и занимается реставрацією.⁶

Нельзя ли устроить присылку сюда, в Университет, Библиотеку или куда угодно, экземпляра «Восточного серебра» Я. И. Смирнова. Уж как мне нужно — и сказать не могу, а просить купить теперь не решаюсь.

Имеется ли у Вас издание греческого «Древнего лексикографика», которого вышел уже *шестой том* в 1923 г. в Афинах? Я пользовался в нем статьею Фурины о скарамангиях: работа большая и трудная, а никакого толку. Что за судьба?

Но здесь русские все читают публично, по 2—3 раза в неделю, во всех городах Чехии, Словакии, Моравии, Подкарпатской Руси, в Берлине и т. д.

Новая мода: Лядский⁷ разбирает *в течение семестра* «Преступление и наказание», затем ему читает о том же Лапшин, после него студенты, кто хочет, и т. д. При этом Лядский начинает семестр *в конце ноября*, кончает теперь же, и чехи терпят, даже сделали его — как зятя Пыпина⁸ — ординарным штатным профессором. Впрочем, то же делают и другие, — ради дешевизны — живут в Берлине и там же держат семьи.

Преданный Вам Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 150—151 об. Автограф.

¹ Письмо без даты, датируется по содержанию.

² «Самым частным образом» (лат.).

³ Масарикова Алиса (Masarykova Alice; 1879—1966), чешская общественная деятельница, социолог, доктор философии, дочь первого президента ЧСР Т. Г. Масарика, председатель Чехословацкого Красного Креста. Одна из инициаторов создания «Русского очага» в Праге, почетный член Археологического института им. Н. П. Кондакова, почетный член Союза русских студентов в ЧСР.

⁴ Толль Николай Петрович (1894—1985), археолог, историк искусства; доктор философии Карлова университета в Праге (1927). Уроженец Лодзи (Польша). В годы гражданской войны воевал на стороне Белой армии, был ранен в голову. В эмиграции с 1922 г., учился на философском факультете Карлова университета (1922/23—1926), сблизился с Н. П. Кондаковым, а после смерти учителя стал одним из организаторов и активным членом Семинара его имени, впоследствии сотрудником, членом правления и вице-председателем (1931—1938) Археологического института им. Н. П. Кондакова. Редактировал серию, издававшуюся семинарием «ΣΚΥΘΙΚΑ: une série de monographies sur l'archéologie et l'histoire des nomades». В 1926 г. женился на Нине Владимировне Вернадской (1898—1986), дочери акад. В. И. Вернадского и сестре Г. В. Вернадского (посаженой матерью на свадьбе была княгиня Н. Г. Яшвилъ). Был близок к евразийцам, издал в Праге ряд книг на русском языке, в том числе «Скифы и гунны: Из истории кочевого мира» (Прага, 1928. 79 с. 5 карт. Опыт истории Евразии. Вып. 1. С приложением работы П. Н. Савицкого «О задачах кочевниковедения. (Почему скифы и гунны должны быть интересны для русского?»). С. 81—106), «Tissus coptes. Collection du Musée des arts et métiers de Prague» (Prague, 1928. 44 с. 11 pl.). В 1934—1937 гг. участвовал в экспедициях М. И. Ростовцева в Дура-Европос в качестве фотографа, содействовал изданию отчетов и обработке материалов экспедиции в Сирию. В сентябре 1938 г. (по другим данным, в феврале 1939 г.) покинул Прагу, через Белград переехал в США, с 1939 г. работал на кафедре иранистики Йельского университета, но от научной деятельности отошел. С 1950-х гг., после выхода на пенсию, жил в Миддлтауне, занимался разведением птиц на собственной птицеферме.

⁵ В Праге под руководством Н. П. Кондакова его учениками Г. В. Вернадским, Н. М. Беляевым и Н. П. Толлем велась работа по переводу обрядника Константина Багрянородного на русский язык. В ОДФ ИТНИИ АН ЧР хранится текст русского перевода трактата «De caeremoniis» (К1-22А. Sv. 1—3, машинопись). См.: Archeologický institut N. P. Kondakova 1925—1952. Inventář fondu. Zpracovala Lydie Korpěcká. Praha, 1999. S. 29.

⁶ Эти письма недавно опубликованы: *Кызласова И. Л.* К вопросу о внутреннем единстве русской художественной средневековости 1910—1920 гг. (Из переписки Н. П. Кондакова, Г. О. Чирикова, А. И. Анисимова и Н. М. Беляева) // *Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов)*. М., 1999. С. 66—127.

⁷ Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942), филолог, литературовед, этнограф-фольклорист; доктор honoris causa Белградского университета (1936). В 1901—1907 гг. старший этнограф и хранитель библиотеки Этнографического отделения Русского музея, сотрудничал с акад. А. Н. Пыпиным, на дочери которого художнице В. А. Беренштам-Ляцкой он был женат первым браком. В конце 1917 г. уехал в Финляндию, в 1918 г. в Швецию, с 1921 г. жил в ЧСР. В 1922 г. назначен экстраординарным, в 1927 г. действительным профессором русского языка и литературы Карлова университета. Председатель правления издательства «Пламя» (1923—1926). Председатель Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в ЧСР (1923); член правления Чешско-русского общества (Еднота); почетный член Археологического института им. Н. П. Кондакова, председатель Русского исторического общества в Праге.

⁸ Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), литературовед, этнограф, археограф, публицист, общественный деятель; магистр русской словесности (1857); академик ПАН (1898). Двоюродный брат Н. Г. Чернышевского.

№ 33

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

Петроград, В. О., 4 линия 7, кв. 13
23 декабря 1923 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Чрезвычайно рад был получить Ваше письмо. Продолжительное молчание Ваше готов был объяснить или тем, что Вас нет в Праге, или что Вам на меня что-нибудь насплетничали — мы ведь живем в царстве сплетни, и о нас досужие люди могут сочинять что угодно. Примеров этому немало. Восхищаюсь и преклоняюсь перед Вашей, очевидно, не знающей усталости деятельностью. Очень скорблю о том, что Ваши научные разыскания остаются для меня за семью печатями и пока дразнят мое любопытство. Сдается мне, что Вы, в конце концов, уже перевернули или перевернете все сложившиеся у нас представления о средневековом и Востоке, и Западе. И все это проходит мимо нас. Ужасно!

На печатание Вашего трактата здесь, у нас, особых радужных надежд не возлагаю. Печатание таких рассуждений, как Ваше, и вообще не по времени и, в частности, не к месту именно в Академии наук, курс которой принял совершенно определенное направление и вряд ли в пользу разрабатываемых Вами и нами дисциплин. Академией руководят и верховодят, в сущности, трое лиц: известный «фольклорист» Ольденбург, математик Стеклов¹ и минералог (специалист по драгоценным камням) Ферсман.² За «фольклористом» идет и ему вторит компания восточников. История, филология, искусство... пустая мечта. Большим влиянием пользуется Марр. Но он, в сущности, готов поддерживать только свою яфетидологию, и на ней многие играют не без успеха, а некоторые даже с большим успехом. Быть яфетидологом или хотя бы сочувствующим ей теперь много значит. Вообще, если бы воскрес В. Р. Розен,³ создавший нашу восточную науку, он, вероятно, подивился бы прыти тех своих учеников, которым он много протезировал в свое время. Впрочем, кто знает, где бы оказался он сам: время показало, что «крайности сходятся» — истина во многих случаях. Полагаю, что если бы с Ольденбургом Вы и увиделись, о Ваших книгах Вы вряд ли узнали бы что-либо определенное. Я убежден, впрочем, в их целостности и сохранности, и если бы мог быть Вам в книжном вопросе чем-нибудь полезным, с удовольствием сделал бы все, что мог.

Постараюсь устроить посылку в библиотеку «Восточного серебра» Я. И. Смирнова и думаю, что добьюсь благоприятных результатов, хотя бы пришлось посылать издания частями — всего его целиком никакая бандероль не выдержит, а посылки не принимают. Оставшимся после Смирнова текстом завладел один из «новых», Орбели, и все его, текст, якобы разбирает. Но, конечно, если бы даже и разбирал, ничего путного из этого не вышло бы — тексты к «Серебру», как они задуманы были Я. И., мы, очевидно, иметь никогда не будем.

В ожидании отправки «Серебра» послал Вам вчера, через Академию материальной культуры, пять своих книжек: 1) II часть «Введения в археологию» (пассаж об Эрмитаже готов был вызвать инцидент, теперь улаженный), 2) I том перевода Платона, 3) перевод главы из книги Эд. Мейера,⁴ 4) Евангелия канонические и апокрифические, 5) Апостол Павел и его послания. Последние две книжки прошу не судить строго: они написаны исключительно для широкой публики, которая, как я убеждался в течение всей жизни, не имеет о тех памятниках, которые постоянно читает или слушает в чтении, или превратные, или несуразные понятия. Книжки имели успех, разошлись, но о переиздании их теперь и думать нечего. С посылкою этих пяти книжек у Вас будет все, что мною было сочинено за время Вашего

отсутствия, исключая всякие журнальные статьи, оттисков которых теперь не дают. За одну из них, в III книге «Анналов», московская знаменитость Илья Бороздин⁵ сравнил меня с гимназистом VIII класса.⁶ Вообще могу похвастать: ругают меня очень многие и стараются пакостить, кто чем может; в числе их даже мои, казалось бы, закадычные приятели. Но я не унываю и продолжаю делать свое дело, т. е. редактировать чужие переводы Платона, сам переводить его «Государство» и подготавливать второе издание книжек по древней истории. Общаюсь больше с книгами, меньше с людьми, отчего и слышу человеком «неуживчивым», «резким». Но я всю жизнь чувствовал отвращение к акробатам всякого рода, а тем более к акробатам науки. Помните «лжелибералов»? А сколько теперь «лжеэрудитов»!

Кое-что из новой литературы, почти исключительно немецкой, к нам теперь приходит. Греческого словаря — афинского — нет ничего. А тут Успенский мечтает о переиздании словаря (греческого) Дюканжа! Кстати: он, Успенский, был болен (непорядки в пузыре), но теперь поправляется: организм Успенского всех левивших его в клинике удивил своим здоровьем состоянием для его лет. Все же хотя он, Успенский, и <...>, но — ученый по теперешним временам настоящий. А уж если чем обидела природа, винить его за это не приходится. Во всяком случае, хорошо уже то, что от прежнего чванства не осталось и следа — словно его удалили путем операции. Вообще же людей у нас нет, конечно, таких, каких мне надо. Но это тоже своего рода чванство, за которое и приходится так или иначе расплачиваться.

В университете (чуть было из него не вылетел⁷) я, главным образом, произвожу экзамены и буквально «наслаждаюсь» изумительными ответами, которые подчас способны не столько рассердить, сколько развеселить. В Академии материальной культуры состою товарищем председателя, заведуя [канцелярией], воюю с разного рода пролазничествами, особенно по финансовой части, что опять-таки вызывает со стороны многих протесты. Все же моею *pièce de résistance*⁸ остается Платон. Если бы Вы знали, каким он для меня явился за это время спасителем. Боюсь только, что издание не удастся довести до конца — очень уж дорого обходится печатание (авторский гонорар всего 10 руб. с листа), книга стоит дорого, покупать ее не на что, да и некому.

Послезавтра у Вас Рождество — поздравляю Вас с праздником и наступающим новым годом. У нас одни церкви празднуют его по новому стилю, другие — по старому, то же и публика. Я ввиду этой «дихотомии» не буду праздновать ни по тому, ни по другому. Буду теперь сочинять доклад по поводу столетия годовщины рождения В. В. Стасова.⁹ По просьбе какого-то «комитета» сочинил свои воспоминания о том, как мы издавали со Стасовым Ваши «Эмали».¹⁰ Любил я этого старика, несмотря на все его чудачества и несурзности. Он, считавший себя чистейшим реалистом, был, в сущности, неисправимый идеалист. За это его, я думаю, так и травили.

Не завидую Вашим профессорам, которым приходится читать столько лекций. У нас была эта полоса, но прошла. По-моему, занятие в значительной степени бесплодное и тяжкое. Я предпочел бы, пожалуй, какую-либо посильную физическую работу (быть, хотя бы, приказчиком).

Вот сколько я Вам написал всяких благоглупостей. Добавляю еще — это уже не к их числу относится — у нас только вчера стала Нева и зима; все была сырая грязная осень, с инфлюэнцей,¹¹ которою многие переболели, в том числе и я, и сестра.

Сестра Вам шлет свой искренний привет, также Сергею Никодимовичу, которому и я кланяюсь. Будьте здоровы и благополучны.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Стеклов Владимир Андреевич (1863—1926), математик; доктор математики (1902); академик ПАН (1910), вице-президент РАН (1919—1926). Профессор Петербургского—Петроградского университета (1906—1919). Создатель и директор Физико-математического института РАН (1921).

² Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945), геохимик и минералог, академик РАН (1919). Профессор ВЖК, хранитель, директор (1919—1930) Минералогического музея АН, член и секретарь Комиссии по изучению естественных производительных сил при АН (КЕПС; 1926—1929), академик-секретарь Отделения физико-математических наук (1924—1927), вице-президент (1927—1929), член Президиума (1927—1945) АН СССР; директор Радиевого института (1922—1926).

³ Розен, барон Виктор Романович (1849—1908), востоковед-арабист, создатель новой школы востоковедения в России; доктор арабской словесности (1883); академик ПАН (1879—1882, 1890). Заслуженный (1897—1908, с 1902 г. сверх штата) профессор по кафедре арабской словесности, декан факультета восточных языков (1893—1902) Петербургского университета.

⁴ *Мейер Эд.* Иисус из Назарета / Перевод с нем. и послесловие С. А. Жебелева. Пг., 1923. 56 с.

⁵ Бороздин Илья Николаевич (1883—1959), историк-антиковед, медиевист, востоковед, археолог, специалист по социально-экономической истории Западной Европы, России, истории и археологии народов Востока, историографии всеобщей истории. Секретарь археологической комиссии МАО, до революции — преподаватель истории в Народном университете Шанявского в Москве; сотрудник журнала «Гермес». В 1920-е гг. заведующий историко-этнологическим отделом и член Президиума Научной ассоциации востоковедов (1921), член ученого совета Института народоведения, заведующий отделом журнала «Новый Восток»; заместитель председателя археологической комиссии Московской секции ГАИМК, заведующий отделом Советского Востока Музея восточных культур, преподаватель МГПИ. В начале 1930-х гг. арестован, после освобождения преподавал в Туркменском пединституте, вузах Алма-Аты и Ашхабада, профессор (1947), заведующий кафедрой всеобщей истории Воронежского университета (1943—1959).

⁶ Речь идет о статье: *Жебелев С. А.* Чем дорога нам древняя Греция? // *Анналы.* 1923. № 3. С. 139—148.

⁷ К тому времени из университета были изгнаны Н. И. Кареев, А. И. Введенский, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, П. А. Лавров, Д. К. Петров и другие, вынуждены были вести другие курсы С. А. Жебелев (Рим вместо Греции), С. Ф. Платонов (Древняя Русь вместо Московской) и другие, ряд ученых попал на положение сверхштатных профессоров, т. е. был оставлен без средств к существованию.

⁸ «Самым существенным, основным, главным» (*франц.*).

⁹ Стасов Владимир Васильевич (1824—1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог, библиограф, фольклорист, видный деятель русской художественной культуры демократического направления; почетный академик по разряду изящной словесности ПАН (1900); почетный вольный общник Академии художеств (1859). С 1872 г. до конца жизни служил в Публичной библиотеке библиотекарем и заведовал ее Отделением искусств и технологии. См. письма В. В. Стасова Н. П. Кондакову: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 394. 8 п., 1 зап., из Петербурга в Одессу, Рим, 6 ноября 1885 г.—8 сентября 1905 г.

¹⁰ Речь идет о редком, роскошном и дорогом (1000 р. серебром за экземпляр) издании, не поступавшем в свободную продажу, текст к которому по просьбе собирателя эмалей, знатока и мешената Александра Викторовича Звенигородского (ум. в 1903) и по предложению В. В. Стасова был написан Н. П. Кондаковым. См.: *Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали.* СПб., 1892. 394 с., 358 рис. в тексте, 28 хромолитогр. таблиц (книга одновременно вышла на русском, немецком и французском языках тиражом по 200 экз. на каждом, с использованием червонного золота печатались во Франкфурте-на-Майне). За этот труд 16 мая 1895 г. Н. П. Кондаков был удостоен большой золотой медали РАО. В 1895 г. была напечатана на трех языках не менее роскошная книга «История книги Звенигородского “Византийские эмали”» (СПб., 1895), содержащая отзывы европейских ученых о книжном раритете. См.: *Стасов В. В.* Александр Викторович Звенигородский: Некролог // *Стасов В. В.* Статьи и заметки. М., 1952. С. 192—194.

¹¹ Устаревшее название гриппа.

№ 34

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
13 августа 1924 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Лишь вчера Иван Иванович «удосужился» сообщить мне Ваше письмо к нему.¹ Вчера же и отчасти сегодня я написал прилагаемую при сем «импровизацию», не

выйдя за пределы, указанные Вами. Если «импровизация» не подходит для сборника, будьте добры прочесть ее Никодиму Павловичу в день юбилея.² Написать «ученой» статьи, за краткостью срока, я не успел бы, да и не хотел бы, зная, что юбиляр ученых сборников прежде недолголюбивал. Кому сообщить? Айналов в Киеве, Васильев в Париже, Фармаковский в Ольвии — вот и все, кто остался из нашего кружка. Разумеется, мне бы хотелось к юбилею Н. П. дать что-нибудь более существенное, чем импровизацию. Я уже давно решил про себя посвятить Н. П. мой перевод «Государства» Платона — это будет два тома. Вчера я беседовал с издателем, и он мне клятвенно обещал (но, конечно, надует), что первый из томов выпустит к ноябрю—декабрю. На Вас же возлагается миссия: спросите у Н. П., не имеет ли он что-либо против моего посвящения «Государства» ему, и сообщите мне. Посвящение хотя бы перевода Платона — вещь деликатная и требует согласия того, кому книга посвящается, особенно по нынешним временам. Сам Н. П. давным-давно мне не пишет, а я не рискую писать, не зная, хочет ли он получить мое письмо. Зимой послал я ему ряд своих произведений. Дошли ли они до него? Ничего не знаю.

Если «импровизация» будет печататься, наблюдайте за корректурой, особенно немногочисленных греческих слов; если они представляют затруднение техническое, выкиньте. В тексте везде они переведены. А заглавие тогда дайте «острый в делах», а вместо греческого эпитафия напишите: «Премудрости не превозмогает злоба». И, наконец, ответьте мне хотя открыткой о получении «импровизации» и ее судьбе.

Поклон Н. П.

Преданный Вам С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Имеется в виду приглашение С. Н. Кондакова, через письмо к И. И. Толстому (младшему), к жившим в Петрограде членам кружка ближайших учеников Кондакова принять участие в юбилейном сборнике в честь 80-летия мэтра.

² Здесь и далее речь идет о воспоминаниях, написанных Жебелевым по просьбе С. Н. Кондакова к 80-летию юбилею Н. П. Кондакова. См.: Никодим Павлович Кондаков. 1844—1924: К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924. С. 31—38 (переизданы: *Кондаков Н. П. Воспоминания и думы*. М., 2002. С. 217—222). «Знанию вообще, — писал Жебелев, — в первую очередь знанию научному, Н. П. служит всю свою долгую жизнь и будет служить ему до конца» (С. 222).

№ 35

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

27 августа 1924 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Радуюсь одобрению Вашему «импровизации». Я писал ее по старой орфографии, но, вероятно, сбивался на новую, что неудивительно, т. к. все приходится писать по новой. Пожалуйста, печатайте по старой. Книга Niederle в Вашем изложении мне очень понравилась;¹ теперь ее взял читать Ф. И. Успенский. Niederle — величина; жаль, что я не знаком с ним. Мою «археологию» нужно было бы переиздать, расширив и исправив кое-что, — она вся разошлась, а спрос на нее постоянный. Но 1) я очень занят Платоном, 2) «Наука и школа» прогорела,² 3) Кроленко («Academia»)³ хотел бы ее переиздать, да тоже испытывает материальные затруднения. В иные места здесь конечно не обращусь. Для Вашей «затеи» делайте с ней, что хотите.⁴ Скажите, в чем могло бы выразиться мое участие? Иван Иванович⁵ со

всеми чадами и пр. уехал в Нитисари. Спасибо Вам за теплый отзыв об «Археологии». Здесь она вызвала хвалебные отзывы одних, площадную ругань других, безразличное отношение третьих. Эрмитажные немцы перестали со мною кланяться: попал не в бровь, а в глаз.⁶ Кланяется сестра, а от нас обоих привет Н. П. Телесно уставший, духом обнищавший, от мира ушедший

Ваш С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф на почтовой карточке.

¹ Нидерле Л. Быт и культура древних славян: Авторизованное издание с введением и дополнениями автора и предисловием Н. П. Кондакова / Подгот. к печати С. Н. Кондаков. Прага, 1924. 285 с., ил.

² Кооперативное издательство «Наука и школа» работало в Петрограде—Ленинграде (1918—1929), издавало научно-популярную и учебную литературу для самообразования, в том числе серии «Введение в науку» и «Россия и Европа».

³ Заведующим издательством «Academia», основанным в 1922 г. в Петрограде как частное товарищество, был юрист Александр Александрович Кроленко (1889—1970). «Academia» первоначально являлась издательством филологических и философских обществ при Петроградском университете, затем преобразовано в издательство при ГИИИ (1923—1928), в 1929 г. переведено в Москву, в 1938 г. слилось с Гослитиздатом.

⁴ Вероятно, С. Н. Кондаков планировал переиздание «Введения в археологию» С. А. Жебелева в Праге, но ограничился лишь рецензией на нее.

⁵ И. И. Толстой (младший).

⁶ С. А. Жебелев крайне негативно относился к «немецкой партии», властвовавшей в Эрмитаже, и сетовал, что в послеоктябрьское десятилетие «у некоторых... слишком много “ученого эгоизма”. Он, конечно, должен быть, но в меру и, во всяком случае, не злостным. Заниматься, например, у нас в Эрмитаже лицу, не причастному к Эрмитажу, [стало] очень трудно, почти невозможно. Некоторые “выпады” в статье о Смирнове (СК. 1928. Т. 2. С. 1—16. — И. Т.) именно подчеркивают эти отрицательные стороны теперешнего ученого быта, в противоположность прежнему» (см. письмо С. А. Жебелева к Н. М. Беляеву в Прагу от 4 февраля 1928 г.: ОДФ ИГИИ АН ЧР. К1-28. № 44). По воспоминаниям Б. Б. Пнотровского, в Отделе древностей Эрмитажа, где в 1920-х гг. работал О. Ф. Вальдгауер, В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, О. О. Крюгер, М. Э. Матье-Ольдерогге, Г. И. Боровка и другие, разговорным языком был немецкий. Оппозицию «эрмитажным иностранцам» составляли М. И. Максимова и И. А. Орбели, которого в Отделении древностей все представляли «диким и необузданным» (Пнотровский Б. Б. Странницы моей жизни. СПб., 1995. С. 35, 55—56).

№ 36

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. Mala Strana. Palac Schönborn
12 сентября 1924 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Простите великодушно мое долгое молчание, хотя оно отчасти извиняется моим отчаянным писанием за это время, которое, прямо говоря, отнимало у меня охоту к письмам, о чем скажу ниже. От А. А. Васильева, живущего в Париже, Rue de Beaune, 19, я недавно получил 2-е письмо, из которого узнал, что Вы живы и здоровы и находитесь в Петербурге и к Вам можно писать. Занят же я был: 1) переработкою своего двухтомного сочинения «Русская икона», которое запродам для издания здешнему Министерству иностранных дел; 2) переработкою своего III тома «Иконографии Богоматери», который вырос в 2 тома (450 моих теперешних листов в 4^о) печатных с 330 иллюстрациями, которое надеюсь продать в Италии или где придется; 3) пишу, как Вы знаете, очерки «Истории Восточной Европы», из них описание кладов: Петроссы,¹ Перещепинского² и Миклоша и болгарских древностей. Независимо от того, написал наскоро статьи: о византийских восточно-варварских одеждах и в частности о скарамангии для *Byzantion*,³ издающегося в Брюсселе, затем о воркадиях=челках конских по Константину Порфирородному и разным древностям до китайских включительно.

Все это я делал на вакации с июня по сие время, потому что, в противность прежним планам, в Италию не поехал и просидел сиднем, никуда не выходя, кроме получасовой прогулки. Кстати, у меня отказывается служить правая нога, пораженная еще в 1897 г. моровым ударом, прошедшим легко, но так отозвавшимся, и мучит отчаянный ишиас.⁴ Плохое дело жить при 80 годах и спешно писать сочинения. Мой дорогой ученик Николай Петрович Толль с июня уехал в Париж для работы по египетским тканям и доселе усердно снимает в музеях и читает литературу, здесь отсутствующую. Без него я [как] без рук, не могу лазить по здешним библиотекам, с их лестницами. И все же должен работать, хотя с трудом. Еще труднее мне читать, — грудь у меня часто болит, и голоса не хватает читать 3/4 часа.

Собравши 15 000 франков, я захотел было купить себе домишку в Южной Франции, и Толль мне искал около Тулона. Увы, все есть, но на 30 000 и выше. Буду искать в Италии, хотя там домишки все сырые.

Таковы все мои новости. Не пишу о том, что за лето перечитал я часть изданий по Востоку питерских и хотел было просить в Академии наук прислать мне что-нибудь, но раздумал. Хотел тоже и в Академии материальной культуры просить об ее «Известиях» и тоже раздумал. Хотел просить в Русском музее прислать нужные для издания фотографии его икон и новгородских и тоже отдумал. Так дороги ныне пересылки, что прямо подумаешь и руки опускаются.

Здесь в конце сентября будет съезд академических групп, и меня просили прочесть доклад в Общем собрании, но я отказался — мне трудно читать в общей зале Народного музея.⁵ В то же время чешское правительство, истощенное расходами на тысячи русских студентов и сотни профессоров, приступило к сокращению бюджета по всем министерствам.

Климат здесь не лучше петербургского, но живется порядочно. Мы имеем свой стол, правда, одно блюдо, но дополняем сыром, вареньями всяких фруктов, частыми приемами кофе и, конечно, чаю по-прежнему. Развлечений не имеем, разве в месяц раз в кино, но и то это здесь больше в подвальных залах.

Не лучше, однако, живется в Италии. Пансион неприхотливый 40 франков в сутки, получше 50, и так, по-видимому, везде в больших городах. Прага наша теперь считается самым дорогим городом, и действительно комната не дешевле 30 крон, обед не ниже 15 и т. д., одежда и обувь также, от 700 и выше дрянная пара, около 150 крон сапоги.

Вот М. И. Ростовцев написал из С. Жуана близ Канна, что едет уже на пароходе в Америку, выехал оттуда, получив особо на дорогу, и отыскал себе с будущего года кафедру в Yale, где дают больше. Из прежних писем было видно, как тяжело живется и там.

Как у вас идут дела, и занятия, и жизнь? Кого выдаете и как поживают наши прежние собеседники? Очень интересно послушать и об ученых заседаниях. Когда юбилей Академии наук? Что делаю Н. П. Лихачев, Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский? Поклонитесь им от меня. Очень сетую в разлуке со своею библиотекою, которая была собрана именно ради исполнения «Очерков», и вот из нее я ничего не имею.

Ваш всегда преданный

Н. Кондаков

P. S. Получил я от Чубиновшвили⁶ биографию Я. И. Смирнова, ее перевели на русский язык, можно было бы напечатать в России (здесь не для кого).⁷ Как Вы сами ее нашли и знаете ли? Если я напишу, скажут, что «хвалю своего ученика», как уже говорили мне, когда я представлял Якова Ивановича в Академию.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 152—153 об. Автограф.

¹ Имеется в виду клад из Пьетроассы (Pietroasa), уезд Бузеу, Румыния (ныне в Национальном музее древностей, Бухарест). Найденный в апреле 1837 г. клад золотых вещей, принадлежавший готскому вождю V—VI вв. н. э., включавший блюдо с фигурными рельефными изображениями в античном духе, массивные фибулы в форме птиц с нарядными подвесками, ажурную восьмигранную вазу, инкрустированную полудрагоценными камнями, браслеты и ожерелья готского стиля. Клад был издан румынским ученым-энциклопедистом, историком, археологом, натуралистом Александру Одобеску (1834—1895): *Odobesku (Odobesco) A.* 1) *Le trésor de Pétroussa. Notice descriptive et historique.* Paris, 1885. 152 p.; 2) *Tesaurul de la Petrosă.* Paris, 1882. Album. 8 stampe chromolitografice; 3) *Le trésor de Pétroussa. Historique-description. Étude sur l'orfèvrerie antique.* Paris, 1889—1900 (см. переиздание: *Odobescu A. Opere.* Bucuresti, 1976. Т. 4. 1079 p.).

² Перещепинский клад найден в 1912 г. у с. Малая Перещепина (Полтавская обл., Украина). В него входили парадная золотая и серебряная посуда сасанидского и византийского производства, принадлежности конского убора, железная сабля с золотыми ножнами, золотая гривна, браслеты, пряжки, перстни, поясной набор, стеклянные сосуды и византийские монеты от императора Маврикия (582—602) до Константа II (641—668). Украшением клада являются сасанидское блюдо с изображением царя Шапура II (310—363) и византийское блюдо с надписью епископа г. Томы (ныне Констанца, Румыния) — Патерна, реставрированного блюда в начале VI в. Общая масса золотых вещей составляла около 25 кг, серебряных — около 50 кг. Клад, хранящийся в Эрмитаже, был издан председателем Археологической комиссии гр. А. А. Бобринским в статье «Перещепинский клад» (Доклады, читанные на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г. гр. А. А. Бобринским, Е. М. Придином, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон Штерном // *МАР. Пг.*, 1914. № 34. С. 111—120). Некоторые современные исследователи считают клад инвентарем богатого кочевнического погребения конца VII—начала VIII в., другие — военной добычей славянского вождя, захваченной во время похода на Византию, которая была зарыта в конце VII в.

³ См.: *Kondakov N. P. Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byzantion.* 1924. N 1. P. 7—49 (одна из глав очерка по истории византийских одежд, переработанная из 10-й лекции из курса по истории средневекового искусства, читанного в зимнем семестре 1923/24 г.). В своих последних трудах по изучению восточных костюмов византийского двора Н. П. Кондаков убедительно доказал, что скарамангий — наиболее популярный и излюбленный в Византии ездовой «кафтан» царей и знати, — вероятно, варварского, скорее всего, персидского происхождения. Он указал также на «кавалерийскую моду» в западноевропейском рыцарстве, исторически тесно связанную с византийским прототипом. Кондаков блестяще охарактеризовал огромное влияние, которое оказали кочевники-варвары на развитие византийской культуры. По его словам, история средних веков издана страдает от ложнодносторонней постановки, так как варварский мир, как правило, предавался «полному научному презрению», или при его изучении ограничивались только «историческим попранием германских народов». Кондаков подчеркивал, что кочевники эпохи Великого переселения народов имели своеобразную культуру и что сама Византия в ходе тысячелетней борьбы с варварами подвергалась (непосредственно и через посредников) влиянию культуры этих кочевых народов.

⁴ Правильно: ишиас — пояснично-крестцовый радикулит, заблевание корешков пояснично-крестцового отдела спинного мозга и, главным образом, седалищного нерва.

⁵ 25 сентября—2 октября 1924 г. в Праге состоялся Третий съезд русских академических организаций за границей. В отличие от Первого съезда (Прага, 1921), носившего организационный характер, и Второго (Прага, 1921), посвященного преимущественно организации высшего и среднего образования для русских за границей, на Третьем съезде были заслушаны научные доклады по 4 секциям. «Что же касается участия на съезде патриарха русской учености Н. П. Кондакова, — вспоминал Б. Н. Лосский, — то помню только его сумрачную, державшуюся от всех обособленно фигуру на заключительном, полуконцертном чаепитии». Цит. по: *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922—1927). С. 47.

⁶ Так у Н. П. Кондакова, правильно — Чубинашвили (Чубинов) Георгий Николаевич (1885—1973), искусствовед, исследователь грузинского искусства и архитектуры эпохи средневековья; академик АН ГрузССР (1941), член-корреспондент Академии архитектуры СССР (1941). Уроженец Петербурга. С 1915 г. публиковался в журнале «Христианский Восток», являлся помощником Н. Я. Марра по Анииской экспедиции и по созданию КИАИ (в 1917—1918 г. действительный член по специальности «христианское и мусульманское искусство и археология, этнография», член редакционной комиссии), прошел школу натурных исследований памятников у Я. И. Смирнова. Профессор и заведующий кафедрой истории искусств (1918—1931, 1937—1948) Тбилисского университета, профессор (1922—1931, 1937—1940) и первый ректор (1922—1928) Тбилисской Академии художеств, заведующий отделом архитектуры музея «Метехи» (1934—1941), заместитель директора Музея истории Грузии (1932), с 1941 г. директор Института грузинского искусства АН ГрузССР. Вопреки мнению И. Стржиговского полагал, что грузинская архитектура развивалась независимо от влияния армянского зодчества.

⁷ Речь идет о биографии Я. И. Смирнова, написанной Чубинашвили (Чубиновым). См.: *Tschubinaschwili G. N. Iakov Smirnov (1869—1918) // Bulletin de l'Université de Tiflis.* 1922. N 2. S. 178—196.

№ 37

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
21 сентября 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Чрезвычайно был рад получить Ваше письмо, которое так долго ждал. Преклоняюсь пред Вашей энергией, не знающей предела и не смущающейся ничем. Таких людей, как Вы, в нашем ученом мире теперь почти не осталось — разве М. И. Ростовцев, но ему далеко еще до 80 лет, и он поставлен, конечно, в гораздо более благоприятные условия, чем Вы. Энергичен у нас и Н. Я. Марр, но его энергия *suī generis* и, я бы сказал, несколько эгоистична, так как направлена почти исключительно на яфетидологию, ради которой Н. Я. Марр готов закрывать глаза на многое, иногда очень существенное. Все же он — тот кит, ради которого гуманитарные науки терпимы хотя бы отчасти. Правда, яфетидология Н. Я. Марра все расширяется и расширяется, как истинный кит, готовый поглотить все, ибо она вбирает в себя наряду с греками, этрусками и т. д. — вплоть до чувашей (*sic!*). Не всем такая китовая психология по нутру. Боюсь, как и писал я, что вся эта яфетидология, начавшаяся с Н. Я. Марра, с ним и кончится. Наряду с нею, такие науки, как древность классическая, византийская, чем мы были в свое время так сильны, совершенно гложет. Поощряется востоковедение в широком смысле, и на этом положении востоковедения многие делают себе карьеру, если не ученую, то житейскую. Философия и история почти отсутствуют. Вот что можно сказать вообще о положении гуманитарного знания. Многое в нем, несомненно, обречено в будущем на исчезновение за отсутствием надлежащих работников, число которых естественным путем будет сокращаться, появления же новых ждать неоткуда. У меня, правда, занимались и занимаются до десятка молодых людей и, отчасти, девиц, которых я мог выучить хорошо греческому и латинскому языкам, но которым не мог дать надлежащего филологического образования, за отсутствием многих нужных пособий. Правда, мы получаем теперь отчасти новую ученую литературу, книжную и журнальную, но все это спорадически и несистематически. Печально то, что нет ученого журнала для самостоятельных работ и для критики. Печатается, правда, немало книг, но не по нашей части. Мои, например, книжки по истории и археологии давно разошлись. Нужно было бы пускать вторые, дополненные и исправленные издания, но издателя на них уже не найти — и печатание слишком дорого, и спрос будет небольшой.

Перевод Платона, которому я, за невозможностью заниматься чем-либо другим, отдавал и отдаю все свои силы, может появляться очень медленно, и на то, что я увижу завершение всего этого дела, у меня надежды очень мало. Из той порции, что я взял на себя, я почти все уже сделал — осталось перевести письма. И мои сотрудники сделали достаточно, причем редактирование чужих переводов куда хуже, чем переводить самому: приходится бороться с переводческим самолюбием и, как любили Вы говорить когда-то, заниматься стиркою чужого белья. Все же я надеюсь в этом [июне] появится перевод «Государства». Мне бы очень хотелось поскорее дожидаться этого: 1) потому что появление «Государства» я нахожу очень своевременным, 2) потому что, если Вы разрешите, посвящу свою работу Вам; в «Государстве» идет речь обо всем, или, во всяком случае, о многом из того, о чем мы с Вами беседовали за все время нашего общения.

Археологией приходится заниматься мало. Южнорусские вещи, сибирские, кавказские, русские клады в Эрмитаже для всеобщего обозрения не выставлены,

отношения же с лицами, хранящими их у себя в кабинетах, у меня натянутые, вплоть до того, что некоторые из эрмитажных немцев перестали со мною кланяться. В Эрмитаже кроме картин выставлена античная скульптура, серебро и средневековое прикладное искусство (майолика, стекло и пр.) — все в большом обилии и очень хорошо, благодаря стараниям действительно понимающего толк в этих вещах — Кубе.²

Вы задаете вопрос об ученых заседаниях. Где они? Археологического общества нет, Палестинского³ тоже; Общество письменности⁴ осталось, но без публикаций. В Академии материальной культуры в зимний сезон устраиваются по средам заседания, но без достаточного разбора в смысле выбора материала; к тому же заседания эти публичные. На них нередко душит нас Н. П. Лихачев (избран во II Отделение Академии наук, на место Якова Ивановича или Ваше — не знаю), удушшающий нас сфрагистикой и вообще умеющий устраивать дела. Фармаковский столько набрал себе лекций (а теперь еще, сверх того, хранитель Эрмитажа), что заниматься наукой ему некогда. К тому же он интересуется теперь социологией искусства, марксизмом в искусстве, одним словом, пошел далеко. Айналов и невидим, и несообщителен, и требует себе особого поклонения. Сычев — директор Русского музея и тоже в том же направлении работает. Помните Ваше любимое словечко «ёрник»? Теперь уже можно говорить и об «ёрничестве» вообще как о типичном явлении. Из остальных собеседников, снятых на группе, поднесенной Вам,⁵ Церетели⁶ профессор в Тифлисе, о Васильеве имеете сведения от него, Н. А. Смирнов⁷ невидим; по слухам, передаваемым мне его племянницею, дочка Якова Ивановича, моя крестница, усиленно читает газету. Положение А. А. Дмитриевского очень тягостное. Бенешевич служит библиотекарем в Академии материальной культуры и мечтает стать академиком в Академии наук. Г. И. Котов действует по каким-то ремонтам. Ф. И. Покровского⁸ часто встречаю на Дворцовом мосту.

Материальные условия существования различные, смотря по лицам: есть, кто до 400 руб. в месяц имеет, есть, кто сидит, как я, на 75 руб. — сообразно с этим каждый и проживает. Я веду жизнь более чем уединенную, и то, что Вы называете компанией, у меня нет, если не считать Платона (конечно, не Платонова). Дорогу в театры и концерты забыл. Разучился есть мясо и рыбу, т. е. стал пифагорейцем. Вина не вкушал и не вкушаю. Ко всем этим мнимым лишениям отношусь равнодушно. Но скорблю, что библиотека моя за 10 лет пополнилась лишь случайными, и то большей частью даровыми приобретениями, что даже последних выпусков Dagemberg-Saglio⁹ докупить не в состоянии. Зато полон воспоминаний и ими питаюсь и поддерживаюсь. III том Известий (Академии истории. — И. Т.) материальной культуры будет направлен на днях. Получили ли Вы I и II тома? Они были Вам посланы¹⁰ своевременно — это я точно знаю. Фармаковский копает 10 дней в Ольвии (еще не приехал). Что-то ста<...> от раскопанной Ольвии почти ничего не осталось. Неважно и в Херсонесе.

Биографии Якова Ивановича¹¹ я не получил, а хотел бы. Здесь ее тоже печатать не станут: теперь лозунг *de mortuis* (а отчасти и *de vivis*) nihil.¹²

Кланяюсь Сергею Никодимовичу. Вам обоим шлет свой искренний привет сестра.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ «Своеобразна, специфична, необычна, оригинальна» (лат.).

² Кубе Альфред Николаевич (1886—1942), искусствовед, специалист по декоративно-прикладному искусству средних веков и эпохи Возрождения. С 1910 г. работал в Отделении средних веков и

эпохи Возрождения Имп. Эрмитажа как ассистент хранителя, в советское время хранитель того же отделения в Историко-художественном отделе прикладного искусства, заведующий Отделением прикладного искусства (1930—1942), заведующий Отделом западноевропейского искусства (1939—1942), действительный член Государственного Эрмитажа, заведующий разрядом искусства Возрождения и барокко, впоследствии прикладного искусства Второго (Археологического) отделения РАИМК, преподаватель и научный сотрудник Отдела истории изобразительных искусств ГИИИ. Умер в блокированном Ленинграде. Автор книг, каталогов выставок, брошюр: «История фаянса» (1923), «Майолика и французский фаянс XVIII в. собрания Штиглица» (1923), «Путеводитель по Отделению средних веков» (1925), «Резная кость», «Венецианское стекло», «Лиможские расписные эмали» и пр.

³ Православное Палестинское общество было основано в Петербурге в 1882 г. с целью «собрания, разработки и распространения в России сведений о Святых местах Востока», для оказания помощи православным паломникам, для учреждения школ, больниц и пр. Перед Октябрьской революцией его председателем был А. А. Ширинский-Шихматов, секретарем чл.-корр. А. А. Дмитриевский, председателем отделения научных изданий акад. В. В. Латышев. Общество именовалось «Сообщения Имп. Православного палестинского общества» (с 1886 г. ежегодно) под редакцией И. И. Соколова и «Православный Палестинский сборник». С 1918 г. общество стало называться Российским Палестинским, с 1921 г. им руководил акад. Ф. И. Успенский, секретарем являлся чл.-корр. В. Н. Бенешевич. В 1920-х гг. общество распалось вместе с ГАИМК в Мраморном дворце; в 1935 г. закрыто.

⁴ Общество любителей древней письменности основано в Петербурге в 1877 г. с целью изучения и издания памятников древней славяно-русской письменности. По данным на 1 января 1918 г., в обществе числилось 10 почетных, 8 действительных членов и 205 членов-корреспондентов. Председателем являлся С. Д. Шереметев, секретарем В. В. Майков, членами комитета И. А. Бычков, Н. П. Кондаков, Н. К. Никольский, А. В. Преображенский, П. С. Шереметев, П. Н. Шеффер. С 1918 г. общество именовалось Общество древней письменности и искусства (ОДПИ), с 1935 г. — Общество древней письменности и полиграфического искусства. В 1925 г. число членов достигло 75 чел. Председателем являлся акад. С. Ф. Платонов, членами комитета Н. П. Лихачев, П. Н. Шеффер, Д. И. Абрамович, А. В. Преображенский, В. В. Майков, ученым секретарем была М. С. Боровакова-Тайфлисская. Последним печатным изданием стал отчет о деятельности общества за 1917—1924 гг. (Л., 1925). Общество было закрыто в 1932 г.

⁵ Речь идет о фотографии учеников и друзей Н. П. Кондакова, отправленной Жебелевым в Прагу (ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 203. Нег. № 4505; ОДФ ИИТИ АН ЧР. Ф. К1-19. № 115). На пражском снимке аннотация рукой С. Н. Кондакова: «Свободная Академия. Н. П. Кондаков в кругу друзей по поводу 70-летия Н. П. Кондакова. 1914 г. Дар Семинарию Кондакова от С. Кондакова. Прага, 4 июня 1930 г. Слева направо: (сидят) Б. А. Тураев, В. Н. Бенешевич, Г. И. Котов, Д. В. Айналов, М. А. Капустин [Михаил Яковлевич Капустин (1847—?), врач, специалист в области гигиены и охраны окружающей среды, преподаватель Военно-Медицинской академии (с 1884 г.), профессор Варшавского и с 1887 г. Казанского университетов, один из создателей и лидеров «Союза 17 октября», член ЦК партии (1906—1917), депутат 2-й и 3-й Государственной думы (товарищ председателя думской фракции партии в 3-й Гос. думе), с 1907 г. член Петербургского городского совета («Союза 17 октября»), Н. П. Кондаков, С. М. Ростовцева, С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев; (стоят) Г. Ф. Церетели, А. А. Васильев, Б. В. Фармаковский, Н. Л. Окунев, В. А. Плотноков [Владимир Александрович Плотноков (1866—?), художник-акварелист, выпускник Академии художеств (1891—1897)], Н. А. Смирнов, Я. И. Смирнов, Н. Н. Глубоковский, А. А. Дмитриевский, В. Т. Георгиевский, Ф. И. Покровский, С. Н. Кондаков». Впервые опубликована в кн.: АРВ. С. 137 (с неверными аннотациями ряда лиц); Скифский роман. М., 1997 (вклейка); *Кызласова И. Л.* Из дневника Н. П. Кондакова: 1917 год. Москва. Исторический музей // Страницы художественного наследия России XVI—XX веков. М., 1977. С. 194. (Труды ГИМ. Вып. 89).

⁶ Церетели Григорий Филимонович (1870—1939?), филолог-классик, папиролог, палеограф; доктор греческой словесности (1914); член-корреспондент РАН (1917). Выпускник Петербургского университета (1893), ученик акад. В. К. Эрнштедта. С 1914 г. ординарный профессор кафедры классической филологии, греческих и римских древностей Юрьевского (Дерптского) университета, ординарный профессор по кафедре классической филологии Петроградского (1914—1920) и Тифлисского (1920—1938) университетов. Арестовывался в 1918, 1931 и в мае 1938 гг., погиб в заключении. См.: *Фихман И. Ф.* Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // АРВ. С. 226—258.

⁷ Смирнов Николай Александрович, родственник Я. И. Смирнова, морской офицер, преподаватель Минных офицерских классов в Кронштадте, член «Свободной Академии» Н. П. Кондакова.

⁸ Покровский Федор Иванович (1871—?), археограф, историк древнерусского искусства, помощник Н. П. Кондакова, рукой которого записаны надиктованные академиком работы последних лет перед отъездом на юг в 1917 г. В 1915 г. коллежский ассессор, помощник библиотекаря Библиотеки АН, член ОДПИ и Археографической комиссии. Хранитель иконной лавки Комитета попечительства о русской иконописи, старший ученый хранитель (старший библиотекарь) IV Рукописного отделения БАН, член Комиссии по изданию словаря русского языка — Постоянной словарной комиссии РАН—АН СССР. Автор (совместно с И. И. Срезневским) «Описания Рукописного отдела Библиотеки Имп. Академии наук. 1. Рукописи. Ч. 1—3» (СПб.; Л., 1910—1930), редактор «Полного собрания русских летописей» («Новгородская IV-я летопись». 1925. Т. 4, вып. 2). Арестован по «академическому делу» в октябре 1929 г., осужден на 10 лет концлагерей, досрочно освобожден в 1933 г.

⁹ *Dictionnaire des antiquités et romaines d'après les textes et les monuments, rédigé sous la direction de Daremberg et Saglio. Paris, 1877—1919. T. 1—5.*

¹⁰ Три предложения подчеркнуты карандашом Н. П. Кондаковым. Вероятно, до адресата эти издания не дошли.

¹¹ См. коммент. 7 к док. № 36.

¹² «О мертвых (...и живых) ничего (не говорить)» (лат.).

№ 38

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
9 октября 1924 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Получил Ваше письмо от 21 сентября и почти в то же время получил отпечатанную брошюру о самом себе с Вашим столь милым и дружеским воспоминанием.¹ Признаюсь Вам искренно и откровенно, что оно, так же как и другие воспоминания обо мне, меня столько же глубоко тронуло, сколько и удивило. Искренно скажу, что я не мог ожидать и не ожидал ни появления такой книжечки, ни таких оценок. Приписываю все это тому, что лично я искренно привязываюсь к хорошим людям, несмотря на свою шершавую резкость. Как верно подметил Сенека в известных Вам письмах к Луцилию, люди связываются духовною взаимною пользою взаимного общения. Так было в нашем кружке. Этою пользою я обязан Вам больше даже, чем Якову Ивановичу.² Глубоко Вас благодарю.

Спасибо заранее и за посвящение следующего выпуска Платона — этим Вы меня, классического «невъгласа», приобщите к благороднейшему общению с высшею философию. Жалею, что не могу поговорить с Вами о древней философии, в которой я позволяю себе видеть ту чистоту свежего, хрустального источника и горного ручья, которая поит и нового человека, в противоположение мутным прудам нового философизма. Ведь недаром покойный Памфил Данилович Юркевич³ хотел меня оставить при университете по философии, но я от этого отказался, из-за истории искусства.

Прилагаю Вам свой последний портрет⁴ и вместе другой с письмом благодарственным И. И. Толстому, прося передать ему. Посылать к нему по адресу в Финляндию⁵ не решаюсь: возможно, что уже уехал оттуда. Очень прошу, если имеете, прислать свою карточку фотографическую. Мне так хочется перед смертью быть окруженным лицами близких мне людей, что я решаюсь обратиться к Вам, а если Вам будет нельзя, то кому Вы передадите, с просьбою восстановить для меня это «окружение», добыв мне или экземпляр прежней фотографии с группы, или пересняв с нее уменьшенную копию, хотя бы 18x24. Натурально я доплачу за эту операцию, переслав в письме.

Очень благодарю Вас за обещанную посылку «Известий Академии материальной культуры». Высланных (по Вашему письму) I и II томов «Известий» я не получил и даже не видал. Видел академического «Востока»⁶ два выпуска и даже просил Карского заявить в Академию наук, что мне бы очень хотелось иметь хотя мелкие издания, но мне ничего не присылают.

Сию я теперь за пересмотром греко-римских материалов, преимущественно рельефов (по изданию С. Рейнака), с целью приблизиться хотя бы к некоторому пониманию рельефов золотой чаши Петросского клада. Дело необычайной тонкости и сложности — эта чаша. Случалось ли Вам ее смотреть? Я гляжу на нее вот уже полгода пристально и остаюсь при том же, с чего начал. Одобеско пересади в нее скандинавскую Эдду и учинил непоправимую ошибку: все бросили вещь! А мне теперь и читать и писать (?) о ней нужно.

Низкий поклон Вашей сестре и прошу Вас также поклониться тем, кто помнит меня из нашего кружка. Глубоковский⁷ в Софии, живет ему тяжело, жена совсем заболела. Васильев прислал 2 письма, но поехал из Парижа на Берлин, не на Прагу.

Преданный Вам Н. Кондаков

Очень беспокоились о Вас во время наводнения.⁸ Как прошло оно для Вас?

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 154—155 об. Автограф.

¹ См. коммент. 2 к док. № 34.

² Имеется в виду Я. И. Смирнов.

³ Юркевич Памфил Данилович (1826—1874), философ, педагог; магистр философии (1852). С 1861 г. занял вновь открытую кафедру философии в Московском университете, где в 1861—1865 гг. учился Н. П. Кондаков. Читал лекции по истории философии, по логике, психологии и педагогике, руководил группой студентов, занимавшихся переводами философской литературы, работал в учительской семинарии военного ведомства, с 1869 г. исполнял обязанности декана историко-филологического факультета Московского университета.

⁴ См.: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 91.

⁵ И. И. Толстой (младший) вместе с женой — С. В. Меликовой-Толстой, двумя детьми и сестрой Людмилой Ивановной жил с середины августа по 6 октября 1924 г. в своем загородном имении в Ниитисаари под Выборгом (Финляндия). Переезд в Финляндию был вызван необходимостью реабилитации после 6-недельной болезни (язва желудка). Еще в марте 1924 г. с И. И. Толстым списался С. Н. Кондаков, который просил друга принять участие в юбилейном сборнике в честь Н. П. Кондакова. Именно в Ниитисаари были написаны воспоминания И. И. Толстого «Из далекого прошлого». «Мне дорого то, что и я смогу принять посильное участие в чествовании великого ученого, твоего уважаемого отца, духовная личность которого, помню всего прочего, так близка мне по воспоминаниям детства и юности и неразрывно связывается в моем сознании с образом моего покойного отца... Мы обрели здесь все тот тихий, внутренний покой, какого не может быть в условиях "ленинградской" жизни, где живешь со дня на день, в какой-то нелепой, бесцельной скачке. Уже на границе нас охватило это успокоительное, ровное настроение тишины — сознание, что попали в среду лояльности и гражданской свободы. Для тебя эти настроения уже принадлежат прошлому» (письмо И. И. Толстого С. Н. Кондакову от 22 августа 1924 г. ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова).

⁶ Имеются в виду выпуски журнала «Христианский Восток».

⁷ Глубоковский Николай Никанорович (1863—1937), богослов, историк церкви; доктор богословия (1898), член-корреспондент ПАН (1909) и Болгарской АН (1929). Ординарный профессор (1898—1918) по кафедре Священного Писания Нового Завета Петербургской Духовной академии. После закрытия Академии в 1918 г. избран профессором Петроградского университета, а в 1919 г. — профессором Петроградского богословского института, работал также архивариусом и редактором в бывшем Синодальном архиве (1919—1921). В августе 1921 г. эмигрировал из России, жил в Финляндии, Германии, Чехословакии, был профессором Карлова в Праге (1922) и Белградского университетов (1922—1923), в 1923 г. поселился в Болгарии, являлся профессором по кафедре Священного Писания богословского факультета университета св. Климента Охридского в Софии.

⁸ Б. Н. Лосский вспоминал: «Главным событием ноября, по крайней мере для выходцев из Петербурга, были вести, дошедшие через газеты, а для нас особенно из писем родных и друзей, о том, как, словно в ознаменование столетия вдохновившей Пушкина катастрофы 1824 года, снова в ноябре "вспыл Петрополь, как тритою, по пояс в воду погружен"». См.: *Лосский Б. Н.* В русской Праге (1922—1927). С. 48.

№ 39

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
25 октября 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Письмо Ваше и портрет (также для И. И. Толстого, которому передал уже) [получил] и сердечно Вас благодарю. Мне очень было приятно посмотреть на Вас, как Вы теперь, после семилетней нашей разлуки, выглядите. Не скажу, чтобы Вы

сильно постарели или изменились, нет, но все же на лице Вашем отразились минувшие годы, и какая-то новая, незнакомая мне раньше черта залегла на нем. Как бы то ни было, для Ваших 80 лет Вы выглядите таким молодцом, каким выглядел, в свое время, В. В. Стасов. Теперь, благодаря присланному портрету, я знаю, как Вы выглядите, и уже одно это меня радует. Надеюсь в недалеком будущем послать Вам и свою физиономию, для чего специально снимусь. Та фотография, где выполнялась группа, не существует. Я снес свой экземпляр знакомому Вам Чистякову, который переснимет группу, и тогда я Вам доставлю отпечаток.¹

Если Вам мои «воспоминания» пришлись по душе, то и это меня радует. Я написал свою «импровизацию» буквально в один присест, так как спешил ее отправить, чтобы поспеть к сроку, а времени до этого срока оставалось всего неделя с небольшим, да и размеры заметки мне были указаны определенные. Разумеется, если бы и времени, и места было у меня больше, я бы и написал больше, и, все равно, всего не сказал бы: так много захотелось бы сказать. Но своих чувств, своей признательности за все то, чем я Вам обязан, все равно я не высказал бы, ибо на словах их не выскажешь. Слишком большое значение имело в моей жизни общение с Вами и для души, и для головы моей, и теперешняя разлука с Вами из всех испытываемых мною лишений является наитягчайшей. [Верьте], что это не слова. Хотелось мне послать Вам ко дню Вашего 80-летия хотя бы первую половину «Государства». Но при теперешней медлительности печатания это не удастся, и хорошо будет, если Вы получите книгу в начале нового года. Не моя в том вина — у меня весь перевод и со введениями и с примечаниями был готов еще летом.

Три тома «Известий Академии материальной культуры» Вам посланы заказной бандеролью 20 октября с. г. Раньше вышла путаница. Наш экспедитор, зная, что надо послать в Прагу, послал все проф. Нидерле. Но на сей раз я сам взялся за дело и, надеюсь, книги Вы уже получили или скоро получите. Они, во всяком случае, отправлены.

Наводнение у нас было жестокое.² Я отчасти соприкоснулся с ним. Домой ночевать не мог уже попасть. Зато могу сказать, что наш Пушкин, писавший «Медного всадника» не как очевидец, а по запискам других лиц, описал наводнение 1824 г. так точно, как, пожалуй, и очевидец не описал бы. Вот на этом примере Пушкина я и уразумел, так сказать, вочию, что значит художественное творчество, доподлинное, а не кажущееся.³

Жизнь моя течет по-прежнему внешне, но внутренне все тяжелее и тяжелее. И ранее я мало с кем общался, а теперь и еще сократился. Видел вернувшегося из-за границы А. А. Васильева. Поездкою он остался доволен, но сообщил о ней мало: он хоть и не ёрник, но дипломат, и лишнего не скажет. Хорошо уже то, что не считает Европу «прогнившей», что теперь в моде. Видели ли Вы книгу Стриговского «Krisis der Geisteswissenschaften»?⁴ Я прочесть ее до конца не мог — так стало противно. Судя по некоторым его признаниям, он со всеми перессорился. И не мудрено: требует себе проскинсы. Впрочем, теперь почти все ее требуют или на нее претендуют, и чем меньше у кого заслуг, тем претензий больше. Вы как-то мне писали, что 3/4 земного шара сошло с ума. По-видимому, Вы очень и очень правы. Но каково положение 1/4, не спятившей?!

Был я на ученической выставке в Академии художеств. Картины такие, что жутко становится. Вот все хотели реформировать Академию. А она взяла, да и реформировалась сама до неузнаваемости. Другая Академия, наук, порядочно пострадала от наводнения. То же и университет. Зато город быстро справился с последствиями наводнения. А в первые два дня барка стояла почти вплотную с фасадом Мраморного дворца;⁵ она приплыла к нему вместе с поднявшейся водой, уплыть же обратно в Неву ей уже не удалось.

И. И. Толстой в бытность свою в Финляндии навещал Репина⁶ в Куоккале и нашел его в довольно бодром состоянии.⁷

Помните, как все, и я в том числе, восхваляли раскопки немцев в Олимпии. Что же оказывается? Они совершенно не докопались до глубоких слоев!, а попадавшиеся при раскопках микенские черепки признавали за византийские. Теперь немцев изобличает Дерпфельд,⁸ который тоже принадлежит к 3/4, ибо верит в реальное существование Агамемнона, Приама и пр. Чего доброго, и сама археология сойдет с ума! У нас теперь стали появляться иностранные издания — все-таки не так чувствуешь себя оторванным, но все-таки правильных занятий по своей части мне уже не наладить, да и не для кого, исключая самого себя. Поклон Сергею Никодимовичу.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ См. коммент. 5 к док. № 37.

² Наводнение 23 сентября 1924 г. (уровень выше ординара составил 369 см), когда вода затопила свыше половины территории города, «тягчайшим образом отозвалось» на Академии наук, затопив частные квартиры академиков и учреждения, расположенные в цокольных этажах города (коллекции Музея антропологии и этнографии, Зоологического музея, типографии; в книгохранилище академических изданий примерно 62 тыс. книг было подмочено, из них 2% пришли в негодность, главным образом издания XVIII в.). См.: Отчет о деятельности РАН... за 1924 год. Л., 1925. С. II—III.

³ Наводнение 19 ноября 1824 г. (уровень воды 410 см над ординаром) затопило весь город, кроме Литейной, Рождественской и Каретной частей. По официальным данным, погибло 208 чел. Используя рассказы очевидцев, А. С. Пушкин увековечил его в поэме «Медный всадник» (1833).

⁴ *Strzygowski J.* Die Krisis der Geisteswissenschaften, vorgeführt am Beispiel der Forschung über bildenden Kunst. [Wien], 1923.

⁵ РАИМК в те годы помещалась в здании Мраморного дворца.

⁶ Репин Илья Ефимович (1844—1930), живописец, педагог; академик живописи (1876), действительный член (1893) Академии художеств. С 1899 г. жил в усадьбе «Пенать» в Куоккале на Карельском перешейке. См. письмо И. Е. Репина Н. П. Кондакову: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 352, 1 п. от 5 декабря 1908 г., из Куоккалы в Петербург.

⁷ 5 октября 1924 г. И. И. Толстой писал С. Н. Кондакову из Нийтисаари в Прагу: «Был на днях в гостях у И. Е. Репина в Куоккале, который спрашивал меня о тебе и о Никодиме Павловиче, к которому он проникнут таким большим уважением» (ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова).

⁸ Дёрпфельд (Dörpfeld) Вильгельм (1853—1940), немецкий архитектор и археолог, основоположник методики исследования строительных остатков в классической археологии. Проводил раскопки в Олимпии (1877—1881), Афинах, Микенах, Тиринфе и на холме Гиссарлык (1882, 1890, 1893—1894). С 1887 по 1911 г. являлся директором Афинского отделения Германского археологического института. С 1919 г. профессор археологии в Йене.

№ 40

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
3 ноября 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Кажется, Чистяков не осрамился и хорошо переснял группу.¹ Посылаю Вам два ее отпечатка. Представьте себе, что все, оставшиеся в живых, изображенные на группе лица, прибыли к Вам, к дню Вашего рождения. Это — все, что, по сложившимся обстоятельствам, в настоящее время можно сделать — жить представлениями, а не реальной действительностью. Снимал Чистяков и меня с сестрою, но придется пересниматься: дни у нас стоят темные, и даже искусство Чистякова не в состоянии побороть мрак. Но мы переснимемся, и тогда наши теперешние

физиономии будут у Вас. Надеюсь, группа и изображенные на ней лица возбуждают у Вас немало воспоминаний, как они будят их у меня! *Tempi passati!*²

Нового у нас почти ничего нет. Каждый якобы занимается своим делом. В сущности, осуществляется, казалось бы, совет Сократа: τὸ ἑαυτοῦ πράττειν.³ Но у Сократа каждый («занимающийся своим делом») входил в состав общего, и таким образом из «своих дел» получалось, в конце концов, общее дело, и должно было получиться общее хорошее дело. Мы же просто, каждый, занимаемся своим делом, иногда и мелочным, как в последнее время я, занимавшийся чтением и восстановлением новых, одной ольвийской и одной херсонесской, надписей, без надежды где-либо свою работу напечатать. Где теперь журнал, который стал бы печатать новые надписи? Можно, конечно, было бы это сдать в академические «Известия», но там, видимо, пролежит года, да и иметь дело с непременным секретарем мне не улыбается. А за «Известия (Академии истории. — И. Т.) материальной культуры» мы должны такую сумму денег типографии, что, когда удастся организовать новый том, сказать трудно: старые печатали не по средствам, ибо редактор томов был, печатая их, на [пике], за что, впрочем, попал в члены-корреспонденты Академии наук.⁴

Говорят, по новому академическому уставу Второе отделение сливается с Третьим; члены Академии будут утверждаться, а Президиум назначаться.⁵ Юбилей⁶ все собираются праздновать, но все откладывают, деньги же на празднование все продолжают отпускаться. Правда, дорого стоит ликвидация последствий наводнения.

А. А. Васильев так-таки нам и не рассказал ничего толкового о заграничных своих впечатлениях, ни же о встрече своей с Михаилом Ивановичем.⁷ Узнали только, что он почти не изменился, но Софья Михайловна очень изменилась, т. е. постарела. Брат Михаила Ивановича, Дмитрий Иванович,⁸ живет на Кавказе, занимается сельским хозяйством. Изредка я переписываюсь с Дмитрием Ивановичем.

Очень, по-видимому, тяжело живет у нас А. А. Дмитриевский. Я даже не представляю себе, на что он живет. Но настроение его, по-прежнему, боевое. Георгиевскому, вероятно, лучше, с «Типиконами» же Дмитриевского теперь далеко не уедешь. Не знаю, писал ли я о смерти Анастасии Михайловны Капустиной⁹ (уже с год тому назад). Николая Александровича Смирнова недавно видел; он, по-прежнему, очень парадоксален, но его главный нерв теперь его дети (дочери лет 16, сыну лет 12), ради которых, как он мне заявил, он желает прожить возможно дольше.

Желаю Вам здоровья и крепости сил. Поклон Сергею Никодимовичу. Сестра Вам и ему кланяется.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ См. коммент. 5 к док. № 37.

² «Дело прошлое», т. е. повторение уже невозможно (*итал.*).

³ «Заниматься собственными делами» (*др.-греч.*, цитата из Софокла).

⁴ Редактором первых томов «Известий РАИМК» являлся И. А. Орбели, избранный членом-корреспондентом РАН 6 декабря 1924 г.

⁵ Новый устав АН был утвержден лишь несколько лет спустя, 18 июня 1927 г., хотя его проект получил одобрение Наркомпроса в декабре 1924 г. Согласно отношению неперменного секретаря АН в Главнауку от 2 декабря 1924 г., предлагалось, чтобы не только «члены ее президиума после избрания их Академией утверждались СНК СССР», но и все действительные члены, при этом «как главные руководители, так и научные работники ученых учреждений Академии должны утверждаться Конференцией после избрания их соответствующим отделением» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1—1916. Д. 50. Л. 21—21 об.). Устав планировал изменить структуру АН в пользу физико-математических, естественных и технических наук за счет сокращения наук гуманитарных — путем слияния ОРЯС и ОИИФ образовывалось Отделение гуманитарных наук. См.: Уставы АН СССР. М., 1974. С. 120—129.

⁶ Речь идет о праздновании 200-летнего юбилея АН, помпезно отмеченного в сентябре 1925 г. как общесоюзный. К этому моменту советское правительство приурочило провозглашение АН всеоюзным учреждением. На юбилейных торжествах присутствовал 98 иностранных ученых.

⁷ В ходе частых встреч М. И. Ростовцева и А. А. Васильева летом 1924 г. в Париже Михаил Иванович, собиравшийся перейти из Висконсинского университета в Йельский, и главным образом его жена С. М. Ростовцева настойчиво убеждали Васильева занять освобождающуюся кафедру в Мадисоне, на что Александр Александрович в конце концов согласился. Он получил официальное приглашение от Висконсинского университета уже к новому году. В 1925 г. Васильев уехал в заграничную командировку, закончившуюся его эмиграцией. См.: *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Скифский роман. М., 1997. С. 260.

⁸ Ростовцев Дмитрий Иванович (1866 или 1872—1927?), брат М. И. Ростовцева. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. После революции в годы гражданской войны жил в Одессе, затем в Ростове, в конце 1919 г. выехал на дачу Ростовцевых в Цихис-Дзири (между Батумом и Тифлисом). Из эмиграции М. И. Ростовцев постоянно помогал ему деньгами через Комитет освобождения России и американский Ecaster Relict. Об аресте семьи его брата 23 июня 1927 г. в Цихис-Дзири см.: А. Белый и П. Н. Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. М.; Пб., 1993. Т. 13. С. 260, 267. Попытка А. Белого найти защиту для Д. И. и О. А. Ростовцевых у А. В. Луначарского (двоюродного брата М. И. Ростовцева) успеха не имела.

⁹ Капустина Анастасия Михайловна (ум. ок. 1923), возможно, жена члена «Свободной Академии» М. А. Капустина, или Капустина Михаила Николаевича (1828—1899), государственного деятеля, юриста, специалиста по международному праву, попечителя Петербургского учебного округа, либо жена или дочь Капустина Михаила Яковлевича, знакомого Н. П. Кондакова.

№ 41

Д. В. Айналов и Л. А. Мацулевич — Н. П. Кондакову

Ленинград
6 ноября 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Десять лет тому назад судьба дала мне возможность лично, у Вас на вечере, приветствовать Вас с 70-летием, а теперь я могу лишь душевно поздравить Вас с 80-летней годовщиной посредством письма; да, кроме того, почтить Вашу деятельность небольшой статьей, посланной Милле¹ в «Byzantion». ² Поддерживает меня в этом один Л. А. Мацулевич, подписывающий это письмо и также пославший статью в «Byzantion». ³

На меня, кроме того, как на единственного Вашего ученика, оставшегося в живых, возложена честь сказать речь о Вашей деятельности в Академии истории материальной культуры на тему: «Академик Н. П. Кондаков, как историк искусства». ⁴

Я очень жалею, что не могу почтить Вашей деятельности большой статьей о миниатюрах русской рукописи Георгия Амартола XIII века, так как не могу никак совладать с изготовлением рисунков (их 127). На выходной миниатюре изображен Тверской князь Михаил, а мать его Оксинья в деисусе по сторонам Христа на троне. Эта великолепная миниатюра, а затем и все остальные в тексте крайне занятны и важны. По-видимому, наша рукопись (№ 100 Московской Духовной академии) единственный известный и наштрированный экземпляр в мире. Текст этой рукописи хорошо известен, но миниатюры никого не интересовали. Эту статью во всяком случае я постараюсь напечатать и посвящу ее также Вам. ⁵

О Ваших научных предприятиях мы иногда здесь слышим и удивляемся Вашей предприимчивости и бодрости. Нам становится легче, когда мы вспоминаем, что там, на Западе, Вы держите высоко знамя русской науки и будете еще долго светить нам в нашей научной деятельности. Душевно поздравляем Вас и желаем здоровья, сил, крепости, чтобы мы могли еще долго смотреть на Вас и учиться у Вас, как жить и как работать.

Ваш преданный и любящий ученик (62 лет)

Д. Айналов

Присоединяю мое скромное поздравление и глубокий сердечный привет. Сознание, что Вы являетесь родоначальником нашего знания, что каждый наш шаг в науке восходит к Вам, никогда не покидает нас. И чувство глубокой признательности всегда смешивается с горечью, что мы не можем общаться с Вами и лишены Вашего совета и руководства.

Преданный Вам Л. Мацулевич

Р. С. Душевный привет Сергею Никодимовичу. Д. А.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автографы. Впервые опубликовано: *Кызласова И. Л.* Восьмидесятилетний юбилей Н. П. Кондакова и день его памяти на родине. Речь Н. П. Сычева 1924 г. // *Кызласова И. Л.* Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов). М., 1999. С. 136—137.

¹ Милле (Millet), Габриель (1867—1953), французский археолог, историк искусства, византист; член-корреспондент РАН (1924). Профессор Collège de France, директор Школы высших знаний (l'École des Hautes Etudes). См. письма Милле Кондакову в настоящем издании, с. 616—640.

² Un fragment d'Évangélaire du VI-e siècle de la collection V. N. Chanenko // *Byzantion*. 1924. Т. 1. P. 59—74.

³ Monuments disparus de Džumati // *Byzantion*. 1925. Т. 2. P. 77—108.

⁴ Позднее Д. В. Айналов переработал доклад и опубликовал его в виде статьи: *Айналов Д. В.* Академик Н. П. Кондаков, как историк искусства и методолог. (Доклад в Академии истории материальной культуры 13 января 1925 г.) // *СК*. 1928. Т. 2. С. 311—321 (статья подписана автором 23 июня 1928 г.). Переиздание см.: *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. С. 324—347.

⁵ *Айналов Д. В.* 1) Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке // Краткий отчет Общества любителей древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л., 1925. С. 11—35; 2) Летопись Георгия Амартола (Криница) // *Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines: Compte-rendu par Anastasiévitch et Granić*. Beograd, 1929. P. 127—135; 3) К истории древнерусской литературы. II. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола // *ТОДРЛ*. Л., 1936. Т. 3. С. 13—21.

№ 42

В. П. Бузескул — Н. П. Кондакову

Харьков, Сорокинский пер., 6
27 октября/9 ноября 1924 г.

Глубокочтимый Никодим Павлович!

Еще с молодых лет привык я чтить Вас, как ученого, которым по праву может гордиться русская наука; привык высоко ценить Ваши труды, которым так много обязана история русского и византийского искусства, и наступающий день Вашего 80-летия — 1 ноября старого стиля — дает мне желанный повод выразить Вам чувство глубочайшего уважения, послать Вам сердечное поздравление, душевный привет, самые добрые пожелания — здоровья, бодрости, продолжения Вашей славной ученой деятельности на «многие лета»!

На старости лет стал я, по обязанностям академика, нередко ездить в Петроград; там я вижусь с дорогим Сергеем Александровичем, и мы с ним часто вспоминаем Вас. Часто вспоминаем и с женой былые годы, наши летние пребывания в Ялте, встречи и беседы с Вами, Ваше гостеприимство. Многое с тех пор пришлось пережить мне. Теперь, текущую осень, я прекратил свою преподавательскую деятельность в ИНО (=Институте народного образования), который является преемником покойного университета. Пора: «всякому овощу свое время»...

Примите привет, поздравления и пожелания всего доброго и от жены.
Глубоко уважающий Вас и преданный

Ваш почитатель

В. Бузескул

Р. S. Мое письмо если и дойдет до Вас, то опоздает к 1-му ноября ст. ст.: я только теперь узнал о дне Вашего 80-летия.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

№ 43

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
12 ноября 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Как видите, обещание свое сдержал, и, по прилагаемому произведению фотографа Чистякова, Вы можете теперь ознакомиться с тем, как выглядят моя и сестрина физиономии в настоящее время.¹ В пояснение к своей должен сказать, что я не облысел совершенно, но, при новом порядке вещей, стригусь шесть раз в год машинкою ова нуль,² отчасти для удобства, отчасти «символически». Когда снимался, то только что остригся, а потому и получился такой «красавец». Если бы не Ваше желание иметь мой портрет, поверьте, ни за что сниматься не стал бы. Не только сниматься, но пропадает охота даже заниматься, ибо не видишь совершенно, для кого и для чего стоит это делать. Заниматься же только для себя — эгоизм.

Все же Платона понемногу двигаю и собираюсь теперь переводить приписываемые ему письма. Было сначала предположено, что мы с Радловым³ напишем и книгу о Платоне, но это предположение, если бы и осуществилось, едва ли бы вышло из портфелей авторов в свет, или же книгу пришлось бы снабдить таким предисловием, от которого Платон пришел бы в ужас и не дал бы нам спать. Так что лучше уже не тревожить тень почтенного мужа, ни в чем к тому же не виноватого.

Начинаются холода, а в связи с ними и ухудшение внешней квартирной обстановки, т. е. сосредоточение вместо 4-х в 2-х комнатах. Это происходит теперь регулярно каждый зимний сезон, почему и наступления тепла ждешь с вожделением (привыкнув писать по новой орфографии, не уверен, правильно ли поставил «ока-янное» *ятъ* в слове «вожделение»; а раньше гордился тем, что писал грамотно).

Мне говорил А. А. Васильев, что Диль выпустил 2-е издание своего «Manuel» в двух томах.⁴ Этого нового издания у нас нет, зато видел «Studi bizantini», изданные итальянцами. По-моему, жидковато. У нас в Академии материальной культуры собираются чествовать Ваше 80-летие.⁵ Сначала предполагали выпустить чуть ли не 5 докладчиков, в том числе и меня. Но теперь, кажется, хотят ограничиться одним Д. В. Айналовым.⁶ Искали, с какого портрета сделать диапозитив. Я сказал, что у меня есть новейшая фотография Ваша, но что я не дам показывать на экране. Почему? — спросил меня Фармаковский. Потому что, отвечал я, ваша публика этого не стоит. Обиделись. А я считался при этом с Вашим мировоззрением. Если бы Вы знали, как некоторые лица меня теперь ненавидят за то, что я говорю, что думаю.

Новостей, о которых стоило бы писать, никаких нет. Авось ко следующему письму наберутся.

Сестра Вам кланяется. Она же и я кланяемся Сергею Никодимовичу. Всего доброго!

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Фотографии С. А. и М. А. Жебелевых см.: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 86, 90.

² От лат. *ovum* — «яйцо», здесь в значении «под ноль».

³ Радлов Эрнест Львович (Леопольдович; 1854—1928), философ, литературовед, переводчик; член-корреспондент РАН (1920). Помощник директора (1916—1917), первый выборный директор (1917—1924), заведующий Отделением филологии (1924—1927), почетный член Ученого совета (1927) Петербургской—Петроградской Публичной библиотеки; профессор Петроградского университета (1907—1923), член и товарищ председателя Петербургского философского общества (до 1923 г.).

⁴ Diehl Ch. M. Manuel de l'art byzantin. Paris, 1925—1926. Vol. 1—2.

⁵ Еще 9 мая 1924 г. Совет III (Художественно-исторического) отделения РАИМК поставил вопрос «об устройстве публичного заседания Академии в честь почетного члена академика Н. П. Кондакова, академика Ф. И. Успенского и G. Schlumberger'a по случаю исполняющихся 80-летию рождения их». 12 мая этот вопрос рассматривался в Совете РАИМК: предложенный план был утвержден, организация заседания была поручена специальной комиссии в составе членов Академии А. А. Васильева, Д. В. Айналова, Н. П. Сычева, Б. В. Фармаковского и ученого сотрудника Н. П. Лихачева. Совет также постановил посвятить юбилеям третий том «Известий РАИМК» (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1—1924. Д. 4. Л. 22—22 об. 91-е заседание. § 1283).

⁶ Описание юбилея см. в док. № 44.

№ 44

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. Mala Strana. Palac Schönborn
25 ноября 1924 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Простите, что только теперь отвечаю на Ваши два письма от 7 и 12 ноября. Совсем затерялся в суете всякого рода: приемах, визитах и прямо устал от официальной переписки. Вы знаете, конечно, как я всегда опасался юбилеев, как старательно уклонялся от них дома. На чужбине «Скачи, враже, як пан каже». Пришлось выдержать полчаса часа стойки на кафедре в большой аудитории. Но надо правду сказать, что благодаря таким хорошим людям, как Нидерле, юбилей прошел прямо душевно. Меня освободили от слушания длинного чтения «о моих трудах», и я таки выстоял.¹

Но затем, когда мне пришлось отвечать письмами на телеграммы, письма и бумаги, я очень пожалел, что не уехал на время, как хотел. И теперь еще не кончил свои ответы. Правда, из России была только телеграмма от Тройницкого, письмо от Айналова, и это все. Французы и бельгийцы поздравили меня еще лично на конгрессе в Букаресте.² Но, помимо того, я получил приветствия от Тикканена,³ от Репина из Куоккалы, затем из Италии от папы Пия XI,⁴ Муньоса,⁵ из Испании (о чудеса!), Англии, но особенно много бумаг из Болгарии. Царь Борис⁶ прислал орден «за гражданские заслуги», а муниципалитет Софии пообещал найти улицу, чтобы назвать моим именем. Македонские общества, ассоциации и эмиграция наименовали меня «защитником угнетенных национальностей». Ясно, что мне в Болгарию надо будет ехать через Румынию, а Сербия мне не дает визы.

Придется ли мне, однако, туда ехать — большой вопрос. Срок мой в Карловом университете кончается в феврале. Но здесь купили у меня большое сочинение о «Русской иконе» для издания, и если будут издавать, я понадобится. Далее я читаю лекции, на этот раз у себя, дочери президента Масарика по тканям и вы-

шивкам и еще по древнему быту⁷ и, пожалуй, меня поддержит начальство, — кто знает?

С другой стороны, папа заявил мне о желании купить у меня III том «Иконографии Богоматери», что трактует об Итальянской Мадонне, и издание будет делаться в Италии. Поэтому я уже мечтаю поселиться в Италии, поужнее, где не надо топить печей. Одного не соображу — как там найти угол, чтобы просушивать последние дни!

Надо Вам сказать, что я теперь болею разом и грудью, и сердцем, и правой ногою. Последнее идет от удара, бывшего еще в 1896 г. Хожу мало, на лестницы влезая с трудом.

Но довольно о себе, расписал все. Очень благодарю Вас за Ваши портреты. Теперь я желаю еще иметь какой-либо портрет И. И. Толстого⁸ и второго И. И. Толстого. Нельзя ли подействовать Вам и в этом направлении? Мне хочется собрать в портретах свой бывший кружок и быть окруженным в последние дни близкими людьми.

Будьте любезны и поблагодарите Чистякова за удивительный снимок и в то же время узнайте от него, сколько мне следует ему перевести (или послать, но как?) за его два снимка и негатив.

Затем я получил три тома «Известий Академии материальной культуры» и очень Вас благодарю. Чудные статьи Бартольда⁹ и Алексеева¹⁰ о китайской археологии! Первый том мало удачен, но два другие превосходны, конечно, в иных статьях. Должен сказать много комплиментов, ибо после болтовни французов и умствования немцев русские книги словно чистая вода после скисшего лимонада.

Получил одновременно от М. И. Ростовцева его книгу «Очерки истории древнего мира»¹¹ — американские лекции. Что прочел, то, признаюсь, не понравилось, как мало нравится «*Iranians and Greeks*».¹² А Вам?

Низкий поклон Вашим и членам «нашей» Академии,¹³ кто меня помнит.

Ваш преданный Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 156—157 об. Автограф.

¹ В конце октября—начале ноября 1924 г. в Праге научная общественность ЧСР и русская эмиграция торжественно отметили 80-летие со дня рождения Н. П. Кондакова.

² В период с 12 по 21 апреля 1924 г. Н. П. Кондаков находился в Бухаресте, где принял участие в Первом международном византологическом конгрессе.

³ Тикканен (Tikkanen) Иоганн Якоб (1857—1930), финский историк искусства, археолог, член Археологической комиссии в Гельсингфорсе, профессор Гельсингфорского—Хельсинкского университета. См. его письма Н. П. Кондакову: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 418. 11 л. 8 писем на франц. яз. 13 декабря 1903 г.—9 февраля 1916 г. из Гельсингфорса в Петербург—Петроград.

⁴ Пий XI (Ахилл Ратти; 1857—1939), папа римский (1922—1939), доктор богословия, в 1912 г. префект Амброзианской библиотеки в Милане, в 1919 г. нунций в Польше, активно выступал за военную борьбу с Советской Россией и с коммунизмом, поддерживал белую эмиграцию.

⁵ Муньос (Munoz), печатался также под псевдонимом Aurifex) Антонио (1884—1960), итальянский искусствовед, специалист по романскому искусству, художник, архитектор и дизайнер; доктор архитектуры *honoris causa*. Ординарный профессор Римского королевского (государственного) университета. В ПФА РАН сохранилось большое количество писем Муньоса к Кондакову из Лондона, Алатри, Неаполя, Рима, Палермо, Террачины, Стамбула и Парижа (Ф. 115. Оп. 4. Д. 288, 22 письма, 16 открыток, 2 визитные карточки, 1 конверт; 16 февраля 1905 г.—1 мая 1917 г. и без даты).

⁶ Борис III (1894—1943), царь Болгарии в 1918—1943 гг.

⁷ Кондаков Н. П. Чтения по истории античного быта и культуры: Отдел из курса лекций, прочитанных д-ру А. Масарик 10 ноября 1924 г. по 3 февраля 1925 г. / Предисл. А. Масарик // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1931. 32 с. Отд. оттиск из кн.: SK. 1931. Т. 4. С. 3—32 («печатается по запискам, составленным С. Н. Кондаковым»).

⁸ Толстой, граф Иван Иванович (старший) (1856—1916), археолог, нумизмат, коллекционер монет; почетный член ПАН (1897). Отец филолога-классика акад. И. И. Толстого (младшего). Вице-президент (1893—1905) и почетный член (1905) Имп. Академии художеств, гофмейстер Имп. Двора. Министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте (1905—1906). Соавтор и друг Н. П. Кондакова. См. его письма к Н. П. Кондакову: ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. 423—426. 267 писем, 8 телеграмм, 1 визитная карточка на русс. и франц. яз. за 7 апреля 1886 г.—22 марта 1911 г. и без даты.

⁹ Бартольд Василий Владимирович (1869—1930), историк, филолог, востоковед-иранист, арабист, тюрколог, родоначальник отечественной исторической школы востоковедения; доктор истории Востока (1900); академик ПАН (1913). Профессор Петербургского—Петроградского—Ленинградского университета (1906—1927); действительный член (1919—1930), товарищ председателя (1926—1929) и заведующий Археологическим отделением РАИМК—ГАИМК, инициатор создания и председатель Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН (1921—1930), которая стала центром, объединившим всех петроградских востоковедов. Речь идет о статьях: *Бартольд В. В.* 1) Персидское арк («крепость», «штабеля») // ИРАИМК. 1921. Вып. 1. С. 29—32; 2) Восточно-иранский вопрос // ИРАИМК. 1922. Вып. 2. С. 361—384; 3) Монеты Улуг-Беков // Там же. С. 190—192; 4) Отчет о командировке в Туркестан // Там же. С. 1—22.

¹⁰ Алексеев Василий Михайлович (1881—1951), филолог-китаист, исследователь культуры Китая, глава советской синологической школы; магистр восточной словесности (1916); академик АН СССР (1929). С 1918 г. старший ученый хранитель Китайского отдела Азиатского музея, профессор Петроградского-Ленинградского университета—ЛГИЛИ—Географического института, Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе. Речь идет о статье: *Алексеев В. М.* Судьбы китайской археологии // ИРАИМК. 1924. Вып. 3. С. 49—80.

¹¹ *Ростовцев М. И.* Очерк истории древнего мира. Восток—Греция—Рим. Берлин, 1924. 326 с.

¹² *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. 275 p. См. рецензию Э. Х. Минза: *Journal of Hellenic Studies.* 1923. Vol. 43. P. 84—86. В дневнике Н. П. Кондакова от 10 августа 1923 г. запись: «Читал Ростовцева, не археологическая, а историческая книга!» (ЛАНП. Фонд Н. П. Кондакова).

¹³ Т. е. Свободной Академии.

№ 45

Н. П. Кондаков — Д. В. Айналову

Praha. Mala Strana. Palac Schönborn
10 декабря 1924 г.

Дорогой Дмитрий Власьевич,

Только освободившись от лекций и правки копий со своих сочинений, могу ответить на Ваше любезное поздравление с моим 80-летием. Это истинная правда, что я работаю как вол, по 12 часов в сутки, но увы! как это тяжело в 80 лет!

Правда, что меня поощряют и этим меня подгоняют. Оксфорд, кажется, начинает печатать мою краткую «Русскую икону» — том в 200 страниц. Чешское правительство купило у меня полное сочинение о Русской иконе и намерено издать на русском — 2 тома с 400 рисунками. Римский папа Пий XI приобретает у меня двухтомное сочинение об Итальянской Мадонне. Наконец, вчера я получил от итальянского посла извещение, что король Италии мне пожаловал орден Grand Officier de la Couronne Italienne, а Муньос пишет мне, что «la plus grande distinctive qui existe en Italie».¹

Явно, я должен продолжать, и вот уже два года, как я пишу, и пишу то, о чем думал 50 лет и не решался писать. Это будут очерки истории культуры и искусства средневековой Восточной Европы, числом 8. 4 написаны — составилась том, почти каждый — книжка и нуждается в сотне и больше рисунков. Американцы обещают издать.

Но здоровье плошает, кашляю, болит ото всего грудь. Собираюсь выехать в Италию, но когда будет можно.

Поблагодарите от меня Л. А. Мацулевича за его приписку и добрую память и скажите ему, что очень одобряю его этюд о суздальских «прилепах»,² но что очень желал бы получить от него хотя какие-нибудь его снимки — за фотографии мог бы взяться тот же Чистяков, и я его бы труды оплатил. Эти рельефы должны составлять часть одного из «очерков», но ни издания Бобринского,³ ни фотографий у меня нет! И достать негде.

Далее и Вас попрошу прислать мне экземпляр сочинения нашего Е. К. Редина о «Козьме Индикоплове»⁴ — я не получил экземпляра, а таковой мне очень нужен.

Поклон Вашей жене и просьба общая о доброй памяти
от Вашего преданного

Н. Кондакова

P. S. Пришлите свой адрес и адрес Мацулевича.

ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 42. Л. 13—14. Автограф. Л. 15 конверт с адресом: «Russie. Leningrad. Ленинград. Академия истории материальной культуры. Профессору Д. В. Айналову. Professor D. Ainalov». Почтовые штемпели: Прага, 11 декабря 1924 г., Москва, 16 декабря 1924 г., Ленинград, 19 декабря 1924 г.

¹ «Самое почетное отличие, которое существует в Италии» (франц.).

² См. коммент. 6 к док. № 29.

³ См. коммент. 15 к док. № 29. Сохранились два письма А. А. Бобринского Кондакову, из которых следует, что ученый безуспешно пытался получить у автора это издание для работы: «Глубокоуважаемый Никодим Павлович, как Вам известно, мой “Резной камень” появился в [19]16 году и потому, к великому моему сожалению, я не успел переправить за границу ни одного экземпляра, также не удалось мне лично что-либо вывезти. Мои издания находятся на складе у Hiessemann в Leipzig'e; я ему указывал, что “Резные камни” можно добыть в Ри[ге] у [Крайля], добыл ли он, не знаю. Напишу ему, чтобы уведомил меня, как обстоит дело, и тотчас Вас извещу. Очень рад узнать, что Вы живы и здоровы и работаете над любимой Вашей темой. С нетерпением буду ждать появления Вашей работы, которая меня страшно интересует... Скорбно, что не могу продолжать мои начатые издания по “резному камню в России”, для которого у меня набралась масса материала, лежащего в Москве втуне, без пользы для кого бы то ни было» (15 сентября нового стиля 1921 г., Italia, Trentino, Leis-am-Schlern, Aichstauct — ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова).

⁴ Редин Егор Кузьмич (1863—1908), археолог, историк искусства; магистр теории и истории искусств (1896). Выпускник Новороссийского университета (1888), ученик Н. П. Кондакова и А. И. Кирпичникова. После окончания университета Редин последовал за Н. П. Кондаковым, в 1888 г. переведенным в Петербург, «как прикомандированный к Петербургскому университету на два года для приготовления к профессорскому званию по теории и истории искусств». С 1891 г. командирован за границу, вместе с Д. В. Айналовым изучал памятники Италии, работал в музеях и библиотеках Франции, Англии, Германии. С 1901 г. исполнял должность экстраординарного профессора по кафедре истории искусств Харьковского университета. В 1898 г. командирован на Афон как член экспедиции ПАН под руководством Н. П. Кондакова. Е. К. Редин собрал колоссальный материал для своего незаконченного докторского исследования, часть которого осталась не издана. Его книга вышла посмертно, с кратким предисловием и под редакцией Д. В. Айналова. См.: Редин Е. К. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916. Ч. 1. XV, 366 с., 434 рис.

№ 46

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
17 декабря 1924 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Не сразу, вопреки обыкновению, ответил на Ваше последнее письмо: хотелось написать Вам после того, как соберется заседание в Академии материальной культуры, посвященное Вашему юбилею. Заседание состоялось сегодня и продолжалось 7.5 до 10 час. Читали доклады: ¹ 1) Айналов о Ваших ученых заслугах вообще, ² 2) Мацулевич о Ваших работах в области византийского искусства, 3) Сычев — о Ваших работах в области русского искусства, ³ 4) Малицкий* — о Ваших археологических экспедициях, 5) я — о Ваших теперешних работах и, кратко, о житье-бытье, по Вашим ко мне письмам. Народу было человек до 300. Из знакомых Вам лиц: Марр, Васильев, Фармаковский, Лихачев, Котов; был также президент Академии наук Карпинский, ⁵ который после заседания благодарил меня за доклад и выразил удивление, как это Академия наук не приветствовала Вас. Я на это мог также выразить только свое удивление. Айналов читал хорошо, в общем. Осталь-

ные докладчики мне понравились менее. Забыл упомянуть: была еще Н. Э. Успенская,⁶ которая тоже благодарила меня за доклад мой и сказала мне, что она очень Вас любит. После докладов я сказал Айналову, что хорошо бы нам за Ваше здоровье выпить вина; но оказалось, что и он его перестал пить, как перестал и я. Но ради Вас мы бы разрешили, если бы было подходящее место и подходящая компания, а главное, если бы Вы сами были с нами.

Чистякову Вашу благодарность я передал. Денег ему никаких пересылать не надо: снимки стоили гроши.

Получили ли Вы письмо от Бузескула⁷ к Вашему юбилею? Я точно знаю, что он его послал, и оно должно было прийти к сроку. Неужели оно не дошло? Это опечалит Бузескула.

«Очерков» Ростовцева, к величайшему сожалению, не видел — до нас они не дойдут. Его «Iranians and Greeks» читал и не особенно доволен остался. Я не поклонник таких самоуверенных книг, а Михаил Иванович становится самоуверенным в своих писаниях все более и более. Это, конечно, между нами. Все же это удивительный талант и неиссякаемая сила. С ним можно не соглашаться, но с ним нельзя не считаться. Теперь я допечатываю его большое сочинение об источниках для изучения Скифии и Боспорского царства, где отведено очень много места археологическим памятникам.⁸ Когда книга будет напечатана, я пошлю ее Вам. К сожалению, книга будет без рисунков. И без них нужных тысячу рублей на печатание мы достали еле-еле.

Вообще с издательством ученых работ дело schwach.⁹ И «Государство» Платона медленно печатается. Византийский временник не издается совсем, что приводит в отчаяние Ф. И. Успенского.¹⁰ Изда[ние] «Анналы» рассчитаны на широкую публику, и туда с научными статьями лучше не совать носа. Из заграничной литературы кое-что приходит, но далеко не все, что было бы нужно и без чего я, например, не могу переиздать давно разошедшихся своих «Введений» в историю и в археологию. Впрочем, пожалуй, на такие книги теперь уже и не было бы спросу: так мы шагнули вперед.

Недавно от одного приезжавшего из Москвы архитектора слышал о В. Васнецове¹¹ и Нестерове;¹² живет им плохо, в особенности последнему. Вообще надо сказать, что если и ученые старые разбрелись, то куда-то пропали и старые художники. Здесь, кроме Котова и Преображенского,¹³ встречаю только Л. Бону.¹⁴

Музей Академии художеств в иностранной своей части (Кушелевка¹⁵) попал в Эрмитаж, а русский — в Русский музей. Выставить все, конечно, невозможно. В Эрмитаже Кубе сделал интересную выставку изделий из слоновой кости и собирается издавать каталог этих изделий. Южнорусские вещи, сибирские, сасанидские еще не выставлены. Фармаковский — он теперь хранитель Эрмитажа — давно устраивает выставку вещей из Ольвии, Херсонеса и Керчи, но пока и ее нет, так что не эрмитажному человеку заниматься южнорусскою классическою археологиею нечего и думать, да и византийскою тоже икладами — ничего не выставлено. Можно изучать картины, галереи серебра, фарфора, кости, западное средневековье. В Русском музее почти все выставлено, вплоть до самых последних течений в живописи — *hotibile visu!*¹⁶ Этнографическое отделение пострадало от бывшего осенью наводнения. Теперь у нас усиленно изучают искусство с точки зрения социологии, и в числе таких социологов искусства оказался даже Фармаковский. Вот, кажется, и все наши новости. Зимы мы пока еще не имеем. Мы лично живем по-прежнему и в прежних настроениях.

Поздравляю Вас и Сергея Никодимовича с праздниками и наступающим Новым годом. Сестрица моя Вам обоим кланяется. Ваш поклон членам «нашей» Ака-

демии я передал громогласно в сегодняшнем заседании. Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Со вступительным словом выступил Н. Я. Марр: «О Никодиме Павловиче Кондакове я имел случай — еще мальчиком — слышать впервые не из книг, а из живой родной мне грузинской среды, где помнили об его, молодого, кажется, студента, путешествии в Гурии, о тех же днях с большим воодушевлением рассказывал мне сам Кондаков на пароходе по пути из Севастополя в Константинополь, в те также далекие, далекие дни, когда я имел счастье совершить первое свое заграничное исследование путешествие (имеется в виду Афонская экспедиция под руководством Н. П. Кондакова 1898 г., участником которой был Н. Я. Марр. — *И. Т.*) Это счастье было мне дано волею Кондакова, возглавлявшего франко-русскую экспедицию; увы, лишь при определенной политической конъюнктуре возникшая, а не научно организованная экспедиция, откуда вышли каждый со своей индивидуальной добычей, в том числе и проф. Millet. Чтобы узнать человека, говорят, надо поесть с ним вместе пуд соли. Мне думается, совместное путешествие значительно уменьшает количество потребной в таких целях соли. Никодим Павлович в своих воспоминаниях о путешествиях в Закавказье (оно было не одно) отражал грузинское общественное мнение, соответственно трактуя национальные вопросы Кавказа. Более наглядно проходила передо мною личность ученого в отношениях к представителям старого режима (имеется в виду Константинополь, характеристика деятельности которых одной фразой была убийственна, в отношениях к национальным группам, особенно греческой, а также к духовенству, в отношениях к ученикам (из них в экспедицию поспел прибыть Редин), в отношениях к соотечественникам, да и союзникам тогдашним, французам, работавшим в нашей экспедиции. Но для нас сейчас мучительным вопросом является другой предмет, или тот же предмет, но не в личном аспекте. Почему мы, ученые, так индивидуалистичны? Почему мы так отстаем от времени, когда все живое дышит здоровой потребностью коллективистической организации всякого серьезного общественного дела? Правда ли вина в этом за природой науки или за нами, носителями научной мысли и поборниками научных интересов, особенно в области гуманитарных знаний. Ведь вечер докладов в честь Н. П. Кондакова не есть и не может быть делом личного интереса для работников Академии истории материальной культуры. А если общественно, что общего между мышлением советского гражданина и эмигранта? Ничего. Но в мире научных ценностей Н. П. Кондаков для нас не эмигрант, а предмет живой науки современного, именно общественного, интереса и своим происхождением, крестьянским, и направлением своих теоретических исканий, бросавших семена или клавших основание для укрепления от традиционной рутины культурно скованных национальностей, не одной родной русской, и жизненной стезей, своей судьбой, не находившей устойчивого помещения ни в одной из существовавших организаций павшего режима или находившей его слишком поздно. Какой благодарный материал, чтобы научное собрание с нашей темой сделать полным захватывающего жизненно актуального интереса для широких масс, не для одних специалистов, но для тесного лишь круга ученых. Мы и тему-то распылили. Schlumberger, Кондаков, Успенский, ведь это три звезды с одного неба, и живая, общественно-научная оценка их и для ученого нерасчленима. Говорит ли звезда с звездой, как в безукоризненно организованном космическом мире, или не говорит, чествование трех звезд одного научного небосклона и в том, и в другом случае не могло не дать большей скульптурности каждой из фигур, более реалистичного распределения света и тени... Культурные ценности от прошлого, непонятые, заносящиеся накипью злободневных интересов, забываемые, сами себя давно привыкшие забывать, живые существа не всегда — среди нас и тогда, когда они физически с нашей территории, а разбросанные по всему миру и независимо от происхождения входящие в мировое собрание культурных ценностей, и из них, можно думать, лишь случайный признак, возраст, когда есть другие основания, выдвинул по определенной области три имени: Schlumberger, Кондаков, Успенский. Сегодня Кондаков» (ПФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1620/1399/А-1620: Марр Н. Я. [О Н. П. Кондакове]. Речь на собрании в ГАИМК [вступ. слово]. 17 декабря 1924 г. 18 л. Л. 1—6 — машинопись с авторской правкой).

² См. коммент. 4 к док. № 41.

³ Опубликован: Сычев Н. П. Н. П. Кондаков и его труды по славянской и русской археологии и искусству. К 80-летию со дня рождения // *Кызласова И. Л.* Очерки истории изучения византийского и древнерусского искусства (по материалам архивов). М., 1999. С. 151—162.

⁴ Малицкий Николай Владимирович (1881—1938), византист, специалист по церковной археологии, историк византийского и древнерусского искусства. Исполняющий должность доцента по кафедре церковной археологии (1911—1912, 1913—1918) Петербургской—Петроградской Духовной академии. После октября 1917 г. — профессор Археологического и Богословского институтов (1920—1923), научный сотрудник РИИИ, в 1920-х гг. ученый сотрудник разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения, секретарь Художественно-исторического отделения, секретарь Комиссии по регистрации памятников архитектуры РАИМК—ГАИМК, доцент ЛГУ; помощник хранителя, затем хранитель, старший научный сотрудник Отделения древнерусского искусства ГРМ. Арестован в ноябре 1933 г., осужден по «делу славистов», сослан на 3 года в

Петрозаводск, вторично арестован в сентябре 1937 г., умер в Каргопольлаге.

⁵ Карпинский Александр Петрович (1846/1847—1936), геолог, основоположник русской геологической школы; академик (1886), и. о. вице-президента (1916—1917), первый выборный президент РАН—АН СССР (май 1917—1936 г.); почетный директор (1903—1929) Геологического комитета.

⁶ Успенская Надежда Эрастовна (1862—1941 или 1942), историк, археолог, жена византиста, акад. Ф. И. Успенского, двоюродная сестра О. Н. Мечниковой, жены И. И. Мечникова. Из дворянской семьи. «Образование среднее и незаконченное высшее». Сопровождала Ф. И. Успенского в экспедициях РАИК. В 1919—1930 гг. регистратор, заведующая складом древностей РАИМК—ГАИМК. В 1938 г. привлекалась к работе в Архиве АН СССР как внештатный сотрудник. Погибла в блокированном Ленинграде. См.: РА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 3. Д. 221; ПФА РАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 21.

⁷ См. док. № 42.

⁸ Речь идет о монографии М. И. Ростовцева «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства», изданной под названием «Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических» (Л., 1925). На его набор, не законченный в 1918—1919 гг. и приостановленный после смерти редактора труда акад. В. В. Латышева (1921), в ноябре 1924 г. Н. Я. Марр получил от Главнауки 1000 р. Редактором работы стал С. А. Жебелев. Издание текста должен был сопровождать атлас, таблицы к которому в 1918 г. печатались в типографии Голике и Вильборга. На его издание РАН даже была выделена определенная сумма. К сожалению, атлас остался не опубликован, хотя часть таблиц к нему сохранилась в РА ИИМК РАН. Подробнее см.: *Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 90—91, 92.*

⁹ «Слабый, бессильный»; здесь в значении — «плохо» (нем.).

¹⁰ В послереволюционные годы под редакцией Ф. И. Успенского вышло всего 4 выпуска уменьшенного объема. Подробнее см.: *Медведев И. П. О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // АРВ. С. 57—61.*

¹¹ Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926), живописец, автор эпических полотен на фольклорные и исторические темы, портретов, театральных постановок, ряда архитектурных проектов; действительный член Академии художеств (1893—1905, вышел из состава), член Товарищества передвижных художественных выставок (1878—1897).

¹² Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), живописец, автор портретов, пейзажей, картин на религиозные, исторические и бытовые темы; академик живописи (1898), действительный член Академии художеств (1910); участник выставок объединений «Мир искусства», член-учредитель Союза русских художников (1903).

¹³ Преображенский Михаил Тимофеевич (1854—1930), архитектор, педагог; академик архитектуры (1887), действительный член Академии художеств (1893); член Совета ППО. Профессор-руководитель мастерской (1901—1918) Высшего художественного училища при Академии художеств, член Совета АХ, техник контроля при Св. Синоде, член технического строительного комитета МВД. После октября 1917 г. работал в Отделе по охране памятников искусства и старины, являлся членом-сотрудником РАИМК—ГАИМК.

¹⁴ Бенуа Леонтий Николаевич (1856—1928), архитектор, педагог; академик архитектуры (1885), действительный член Академии художеств (1893). Брат художника А. Н. Бенуа. С 1892 г. профессор, руководитель архитектурной мастерской (1894—1916), ректор (1903—1906, 1911—1918) Высшего художественного училища при Академии художеств. С 1918 г. профессор Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских (позднее Высших художественно-технических мастерских, Вхутемас—Высшего художественно-технического института, Вхутеин).

¹⁵ Имеется в виду специально созданная в Имп. Академии художеств Картинная галерея графа Н. А. Кушелева-Безбородко (1834—1862), который завещал свое художественное собрание Академии художеств для «составления публичной галереи», открытой постоянно для художников и публики, из 466 картин новейших мастеров и 29 скульптурных произведений (каталог галереи издан в 1886 г.). После революции собрание было раздроблено между Эрмитажем и ГРМ.

¹⁶ «Страшно увидеть!» (лат.).

№ 47

Н. П. Кондаков — В. П. Бузескулу

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
25 декабря 1924 г.

Дорогой и уважаемый коллега,

Простите, что я так долго не отвечал на Ваше милое и дружеское письмо по случаю моего 80-летия. Извинением мне может служить моя глубокая старость: ipse Lenectus mortus est.¹ А затем чрезмерная усталость, овладевшая мною как раз в то время, когда надо было отвечать на полученные по этому поводу письма. Я и до сих пор еще этой задачи не кончил и, вероятно, не кончу, как следует.

Живу я пока благополучно в смысле обеспеченности кровя и пищи. Все прочее достается туго и плохо. За книгами надо лазить по средневековым лестницам в 80 ступеней или заниматься в так нажаренных комнатах, что дурно делается. Ежедневно и с истинным сокрушением поминал я свою библиотеку, которой лишился в 1917 г. Читать лекции мне не тяжело по существу, но грудь моя при этом от одной лекции болеет.

Правда, что грудь болеет уже и от письменной работы, а пишу я теперь большую, пятидесятилистную работу по средневековой Восточной Европе на археологической основе. Должно быть 10 очерков — написано только четыре.

Большие работы мои по Русской Иконе и Итальянской Мадонне пристроены: первая куплена чешским правительством, вторая папою. Когда будут изданы обе, трудно угадать.

Угнетает меня здешний климат — он хуже петербургского. Как Вы знаете, я легочный больной, а Прага наиболее опасное место для легочных, и почти треть студентов здесь болеют легкими. Крайняя степень сырости, резкие ветры и густой дымный чад от множества фабрик внутри города и ко всему этому средневековый город.

Надеюсь весной выехать на один, два месяца в Италию.

Низкий поклон Вашим. Напишите, как Вам живется. Не знаете ли харьковского химика профессора Красуского.² Если да, передайте ему мой поклон и его жене — она моя крестница. Я очень желал бы получить от них весточку, но не решаюсь сам написать им, не зная, как им живется.

Всякие пожелания здоровья и всех благ на Новый год и привет знакомым по факультету.

Ваш Н. Кондаков

ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 2. Д.104. Л. 4—5 об. Автограф.

¹ «Сам Ленект мертв» (лат.).

² Красуский Константин Адамович (1867—1937), химик-органик, член-корреспондент АН СССР (1933) и ВУАН (1926); доктор химии. Профессор Варшавского университета (с 1902 г.), Киевского политехнического института (1907—1912) и Университета св. Владимира (1912—1916), затем Харьковского университета—Института народного образования, Харьковского медицинского института, Харьковского ветеринарного института, руководитель Научно-исследовательской кафедры органического химии, председатель Харьковского общества физико-химических наук (1916—1929).

№ 48

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
28 декабря 1924 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Поздравляю Вас заранее с праздником и Новым годом и желаю Вам и всем Вашим всего лучшего. Затем письмо Ваше от 17 декабря я получил и очень благодарю Вас за разные сообщения и за перечень чтений по случаю моего 80-летия. Будьте добры при случае передайте мою искреннюю *благодарность* Академии материальной культуры за устройство и *чтецам* за их труд.

Вы хорошо знаете, что я лично юбилеев не любил всегда, ибо неприятно было думать, что из-за тебя отбывают повинность. На этот раз, ввиду отношения ко мне Академии наук, это выступление Академии истории материальной культуры было, явно, прямое и благожелательное.

Затем должен все же похвалиться, что если в России на меня, по-прежнему, смотрят с пренебрежением, то здесь и вообще в Европе ко мне относятся иначе, и я это почти отовсюду слышу. Мои книги, как, например, «Русские древности», продаются по 5000 франков за экземпляр, в том же роде «Иконография Богоматери» и др. по сотне франков за том. Но их и нет!

Миннс ищет для себя «Иконографию Богоматери» II том, и я решаюсь даже просить Вас, нельзя ли купить этот том у Вас для меня. Миннс так много для меня трудится, что я желал бы подарить ему. Конечно, можно было бы достать из моей библиотеки, но как достать из нее, не придумая. Уже давно скорблю, что со мной нет Константина (Багрянородного. — *И. Т.*) «De ceremoniis», Коди<к>a, издания Racinet и пр. и пр.

Затем из итальянского посольства я получил бумагу с извещением, что итальянский король пожаловал мне орден «Grand officier Итальянской короны», и Миннос пишет, что это «la plus haute distinction qui existe en Italie».¹

Имея в виду вскоре получить деньги за проданный мною трактат об Итальянской Мадонне Ватикану, я уже мечтаю поехать в Италию и купить себе домик с садом в благодатном климате. Я уже поручал своему ученику Н. П. Толлю поискать мне в Южной Франции ферму или сад, но ничего дешевле 35 000 франков уже теперь нет.

Чувствую себя теперь до крайности усталым, и явно, если не передохну, могу получить отпуск вчистую.

Дела у меня между тем все прибавляется. Из Будапешта меня просят хранители музея приехать и помочь разобраться в коллекциях древностей кочевников. Мне и самому бы надо было давно поехать в Италию, но у меня ноги, особенно правая, отказались служить, и я пока отдыхаю, по холоду не выхожу и по библиотечным лестницам не лазаю. Очевидно, и в Италию ехать и не ходить по Ватикану не мыслимо.

Далее я пишу теперь о древностях алан,* аваров, болгар, и вот, например, мне нужно бы иметь 2 маленьких фотографии из издания Перещепинского клада, таб. V, рис. 7в и 7г, ибо даже и рассмотреть рисунок на «чаше для фруктов» нельзя. Будьте добры — скажите о том в Академии материальной культуры или просто милому Чистякову. Очень благодарю его за снимки, но все же желал бы отблагодарить, а чем — не придумая.

Еще — не знаете ли, были с 1914 г. какие-либо раскопки в скифских курганах в России и сделаны ли находки или что подобное? Меня о том спрашивают.

В. П. Бузескулу я ответил только недавно — ведь я до сих пор еще не кончил ответы по 80-летию! Из одной Болгарии я получил более 30 и все длинные депши. Король прислал мне оттуда орден и т. д.

Бываете ли в Русском музее в Иконном отделе? Как там стоит? Поклонитесь от меня Околовичу. Нужд у меня по иконам не оберешься!

Ваш преданный Н. Кондаков

* P. S. В числе источников для изучения Скифии важны сочинения *M. de Groot*,² Hunnen. Chines. Urkunden. 1921. Есть это в списке М. И. Ростовцева?

P. S. От М. И. Ростовцева получил карточку поздравительную из клуба в Мадисоне, с припискою от Джона Крэна, моего частного слушателя и моего хозяина дома.

P. S. Перечитываю Вашу книжку об Апостоле Павле.³ Чудная, превосходная книга! И надо бы перевести и издать на французском языке.

¹ «Это самая высокая честь, которая оказывается кому-либо в Италии» (франц.).

² Гроот Ян Якоб Мария де (Groot Jan Jacob Marie de, 1854—1921), голландский синолог.

³ См. коммент. 5 к док. № 19.

№ 49

В. П. Бузескул — Н. П. Кондакову

Харьков, Сорокинский пер., 6
26 декабря 1924 г./8 января 1925 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович!

Горячо благодарен Вам за Ваше — такое доброе — письмо и за уведомление о получении моего приветствия по поводу Вашего 80-летия. Я высоко чту Вас, храню самые лучшие воспоминания о встречах и беседах с Вами, о Вашем радушии, и мне было бы весьма неприятно, если бы мое приветствие до Вас не дошло.

От души порадовался я, узнав, как Вы продолжаете работать, обогащать нашу науку все новыми капитальными трудами, несмотря на неблагоприятные условия, а также тому, что Ваши труды по русской иконописи и об Итальянской Мадонне так хорошо, так лестно для русской науки пристроены. Надо надеяться, что они вскоре выйдут в свет. Но на каком языке?

Что касается меня, то, как я уже упоминал в предыдущем письме, пришлось пережить мне много тяжкого. В течение трех лет мы с женою жили то в какой-то клоаке, то в конурах, с обваливающимся потолком, с цветью, которою покрывались даже переплеты тех немногих книг, какие я мог иметь у себя под рукой. Моя библиотека, без которой мне трудно было работать, нашла себе приют в бывшем Университете; но пользоваться ею было трудно, ибо она была в беспорядке и в холодном помещении. В течение полугода я не имел даже своего письменного стола. Жёна болела, сестры ее, жившие с нами, умирали одна за другой. Я ходил на базар (хорошо еще, что он был близко), колол дрова, носил воду, выносил помои и проч., читал до 20 лекций в неделю в разных концах города. Я был близок к отчаянию... Спасла меня работа: я увлекся темой об открытиях в области истории древнего мира, совершенных в XIX и в начале XX в., и я писал, писал без надежды, что моя работа увидит свет.¹ Академия наук избрала меня в свои действительные члены. Мне возвратили квартиру в прежнем доме нашем (дом, однако, теперь не наш). В сентябре 1923 г. мы вернулись в него; но занимаем только 3 комнаты. Свою библиотеку я тоже перевез, и мои друзья теперь со мною. Я стал ездить в Петроград, в Академию, раза по два в год. Благодаря содействию дорогого Сергея Александровича, нашелся издатель и для моих книг. Очень хотелось бы выслать экземпляры их Вам; но не знаю, удастся ли: теперь это очень сложно и затруднительно.

Этою осенью я прекратил преподавание в Институте народного образования (университета в Харькове нет: вместо него Институт народного образования). Из прежних членов нашего факультета почти никого не осталось. Из «старых профессоров» только двое: Д. И. Багалеи² и я. Что касается химика Красуского, то таковых здесь два: один Иван Адамович³ в Технологическом институте, другой Константин Адамович — в ИНО (т. е. в названном Институте народного образования). Вы, вероятно, имеете в виду второго, Константина Адамовича, с которым я впервые встретился и познакомился в Ялте, на набережной, при встрече с Вами: он находился в Вашем обществе. Он и теперь вспоминает о Вас. К сожалению, у нас нет ни общих заседаний, ни научных общих собраний, но если встречу с К. А. Красуским, то передам ему Ваше желание. В Институте народного образования он занимает одну из химических кафедр и, кроме того, преподает и в других учебных заведениях.

Наступил уже Новый год по новому стилю, сегодня второй день Рождества по старому (у нас в отношении к праздникам держатся старого стиля). Позвольте же мне и жене послать Вам с своей стороны искренний привет, поздравление и душевное пожелание всего благого!

Глубоко уважающий Вас и преданный

Ваш почитатель

В. Бузескул

Мой адрес: Сорокинский пер., 6, а не Сорокинская ул.; в Харькове, в другом районе, есть Сирохинская ул., и если писать Сорокинская ул., то на почте легко могут смешать.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Речь идет о кн.: Бузескул В. П. Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Пб., 1923—1924. Ч. 1: Восток. 223 с.; Ч. 2: Древнегреческий мир. 182 с.

² Багалей Дмитрий Иванович (1857—1932), историк России и Украины, историограф, археолог, государственный и политический деятель; доктор русской истории (1887); академик и первый вице-президент Украинской АН (1918). С 1908 г. заслуженный ординарный профессор по кафедре русской истории, ректор (1906—1911) Харьковского университета. После октября 1917 г. преподавал историю в Харьковском (до 1927 г.) и Полтавском институтах народного образования, основал в 1921 г. в Харькове научно-исследовательскую кафедру истории Украины.

³ Красуский Иван Адамович (1866—?), химик-технолог, специалист по аналитической химии, химической технологии, технологии сельскохозяйственного производства, на 1914 г. профессор по кафедре химической технологии, заведующий лабораторией по технологии питательных веществ Харьковского технологического института имп. Александра III, приват-доцент по кафедре химии физико-математического факультета Харьковского университета, после революции профессор Харьковского технологического института, директор Украинского института прикладной химии.

№ 50

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
13 января 1925 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Получив Ваше письмо от 28 декабря, я постарался прежде всего раздобыть нужные Вам фотографии с Перещепинского клада. Устроить это не было никакого труда, так как негативы были в Академии материальной культуры. Чистяков отпечатал, и две фотографии Вам прилагаются при этом письме. Пожалуйста, и впредь, если что понадобится по фотографической части, без промедления сообщайте: что возможно, устройте. Нетрудно было и дать сведения о раскопках скифских курганов после 1914 г. Для этого я экцерпировал отчет Археологической комиссии за 1913—1915 гг. — последний, какой имеется.¹ После 1915 г. вряд ли что-либо серьезное было предпринимается в области раскопок. Во всяком случае, сведений о них к нам не поступало. «Иконографию Богоматери» я иногда видел в окнах книжных магазинов. Но я попробую добыть экземпляр из склада Академии наук, что теперь можно сделать только с разрешения неременного секретаря.² Изловить его мне пока не удалось, так как он в Москве, где проводит новый академический устав. На всякий случай, когда будете писать мне, сообщите адрес Миннза.³ Если же раздобуду II том, то и пошлю его, через Академию материальной культуры, прямо в Кембридж; это будет проще, чем послать Вам в Прагу, а Вам из Праги в Кембридж. Наконец, Вашу благодарность Академии материальной культуры я передал вчера в заседании Правления.

У нас перемен каких-либо нет. Очень стеснены с печатанием. Средств отпускают мало, печатание же дорого. Без ученого журнала просто беда. Зная, что нельзя напечатать, как-то и работа тормозится. Под впечатлением одной статьи, напечатанной в Берлине моим учеником Бикерманом⁴ и присланной им мне, я увлечен анализом евангельских рассказов о воскресении и прихожу к любопытным результатам, изложить которые здесь не могу и не буду иметь возможности. Скажу одно: везде говорится *ἤγέρθη, а не ἀνέστη*, т. е. пробудился, проснулся, а не восстал, а это в связи с другими евангельскими показаниями открывает некоторые перспективы. Жаль, что Узенер⁵ умер, не успев написать больше по христианской части, чем он написал. Его преемники куда слабее его, а главное, как филологи, плоше его. Ударились в так называемый фольклор и теперь путаются, вместо того, чтобы правильно и точно интерпретировать, что стоит в греческом тексте.

Книги Groot'a,⁶ насколько мог проследить, М. И. Ростовцев не упоминает. Не удосужился справиться, есть ли она у нас. Сомнительно, ибо новая литература к нам поступает очень нерегулярно.

Завтра собираюсь слушать доклад Айналова. Летом он нашел в Троицко-Сергиевой лавре славянскую рукопись Георгия Амартола с любопытными изображениями: например, портрет князя (кажется, Михаила Тверского) и даже извержение Везувия. Рукопись XIII в. Говорят, в Киевской Софии архитектор Моргилевский⁷ сделал какое-то важное открытие по части архитектуры. Он читает доклад сегодня, но пойти не могу, так как сестра должна уйти из дому, а оставить квартиру на ключе рискованно. Вообще, по-моему, столько можно еще изучать старое и давно, казалось бы, известное, что на много поколений хватит материалу. А у нас все стремятся к новому, сногшибательному, так, например, теперь возятся с трипольской культурой,⁸ о которой ничего определенного сказать нельзя, так как точек опоры нет. Если правда то, что в хеттских письменах открыли и Агамемнона, и прочую *мифическую* старину, то ведь в каком идиотском положении окажется наука XIX в. и как восторжествует Фукидид и вообще древние, которые во все это верили. Но для меня важно, правильно ли разбирают хеттские письмена, случай с открытием *всего* Тита Ливия показывает, как мы должны быть осторожны. Век великой культуры, должно быть, должен всегда совпадать с веком великого «ёрничества».

В Русском музее я был не так давно и видел иконный отдел; он, по-моему, вырос. Был я в музее на открытии небольшой, но интересной выставки рисунков, офортов и литографий Репина. Вообще Русский музей куда живет Эрмитажа, и этим, конечно, он во многом обязан Нерадовскому⁹ и пр., но вряд ли Сычеву, ёрнику большой руки (кстати, с Айналовым они почти не разговаривают; кто прав, кто виноват, не знаю).

Желаю Вам здоровья и бодрости. Кланяйтесь Сергею Никодимовичу. Ему и Вам шлет свой привет сестра.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

У нас зимы еще не было — все время оттепель, а потому и в квартире тепло.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ См.: Отчет Российской государственной Археологической комиссии за 1913—1915 гг. Пг., 1918. 295 с.

² Т. е. С. Ф. Ольденбурга.

³ Последние три слова подчеркнуты Н. П. Кондаковым.

⁴ Бикерман Элиас (Илья Иосифович; 1897—1981), историк-антиковед, востоковед. С 1915 г. учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета, слушал лекции М. И. Ростов-

цева и С. А. Жебелева, в 1917 г. офицер русской армии. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в 1922 г. эмигрировал в Германию, продолжил образование в Берлинском университете, где работал приват-доцентом (1929—1933) вплоть до прихода к власти нацистов, с 1933 г. жил во Франции, работал в Сорбонне, после оккупации Парижа в 1940 г. бежал в Марсель и эмигрировал в США. Сотрудник Еврейского теологического семинария в Нью-Йорке (1946), доцент (1952—1954), профессор (1954—1967) древней истории Колумбийского университета. Автор ряда книг, переведенных на русский язык, в том числе «Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность» (Л., 1975), «Государство Селевкидов» (М., 1985).

⁵ Узенер Герман (1834—1905), немецкий филолог-классик, специалист по истории античных религий.

⁶ См. коммент. 2 к док. № 48.

⁷ Моргилевский Ипполит Владиславович (1889—1943), архитектор, историк архитектуры, специалист по древнерусской и украинской архитектуре, профессор Киевского политехнического института и Киевского художественного института, ученый сотрудник РАИМК.

⁸ Энеолитическая культура Триполье-Кукутени (современная датировка: 4000—2350 гг. до н. э.) была распространена на территории Правобережной Украины, Молдавии и Румынии. Первооткрывателями трипольских памятников в конце XIX в. стали киевский исследователь В. В. Хвойко и профессор Новороссийского университета Э. Р. фон Штерн. Памятники трипольской культуры стали интенсивно изучаться советскими археологами с 1930-х гг.

⁹ Нераловский Петр Иванович (1875—1962), живописец, график, искусствовед, музейный деятель; действительный член Академии художеств (1914); заслуженный деятель искусств РСФСР (1933). Заведующий (1912—1929) Художественным отделом Русского музея, член Совета Государственных центральных реставрационных мастерских (1929—1932), член правления и ученых советов Третьяковской галереи, Эрмитажа, РАИМК—ГАИМК. В 1932 г. арестован на 7 недель, вновь арестован в октябре 1933 г. по «делу славистов», осужден на 3 года лагерей (Сиблаг), в 1936 г. освобожден досрочно. Жил в Тарусе (1936—1938), принимал участие в организации музея-усадьбы В. Д. Поленова. В 1938 г. вновь арестован, осужден на 8 лет лагерей, находился в заключении (1938—1943), освобожден досрочно в январе 1943 г., в 1944 г. получил разрешение жить в Москве. В 1945 г. поселился в Загорске (Сергиев Посад), где жил до конца своих дней, заведовал отделом архитектуры местного музея, с 1948 г. работал в Центральных архитектурно-реставрационных мастерских, в 1955 г. вышел на пенсию. В 1955 г. судимость снята.

№ 51

Н. П. Кондаков — С. А. Жебелеву

Praha. III. Mala Strana. Palac Schönborn
1 февраля 1925 г.

Дорогой Сергей Александрович,

Я долго не отвечал Вам, потому что не мог писать много, а кратко Вам не привык. Со мною произошло то, что надо было ожидать, от крайнего переутомления за нынешний год. Лекции, сочинения, пересмотр двух работ: «Русской иконы» (полной) и «Итальянской Мадонны», переборка и перемена иллюстраций, вставки, чтения на дому по истории древнего быта и пр. и пр., наконец, работа по большой статье для *Byzantion'a*, для сборника Шлюмбергера.¹ 30 декабря у меня сделался утром, при вставании, обморок со рвотою, лежал полдня, затем болела голова долго. Доктора посоветовали прекратить лекции и занятия, но я не мог, понятно, сидеть без чтения. Но пришлось оставить письменную работу и писать по делам только открытки.

Между тем дела мои за границую пошли, как нарочно, ходчее, и мне надо переписываться одновременно с Миннсом, Муньосом, Милье, Софиено, Брюсселем и т. д. В то же время легочный процесс у меня возобновился, и я заявил необходимость уехать на отдых, 2—3 месяца в Италию. Не знаю, чем это, однако, кончится. В Италии дороговизна такова, что в плохом пансионе Рима берут за день 50 лир. Моя мечта купить себе ферму в Италии не осуществима, а жить здесь в сырости тоже не могу.

Между тем хочется написать в очерках историю культуры Восточной Европы. 4 очерка написаны, остаются еще 6—7, до татарского нашествия. Материалы у меня собирались более 40 лет. Успею ли? Хочу поселиться в тиши где-либо.

Но будущее после будет. По делам прежде всего адрес Миннса: England, Cambridge, 2 Wordsworth Grove, Dr. Ellis H. Minns.

Затем вопрос: получили ли Вы от И. И. Толстого сборник юбилейный с моим именем? Сергей послал 2 экземпляра — Вам и Толстому и ему же письма и не получил ответа.

Очень благодарю Вас за выписку из Известий Археологической Комиссии — меня спрашивали из Будапешта. Видели ли Вы находки в Ольвии из гробниц, о чем пишут в немецких газетах. Есть что-нибудь новое в них?

Плохое время во всей Европе: «Русская икона» моя вот уже 3 года как *приготавливается* к печатанию, и когда это кончится, не знаю. Гонорар мне выдали. Это краткое сочинение на 250 стр. А большое сочинение о *Русской иконе*, купленное Чехией (деньги я получил за него), лежит у меня, и даже пальцем не двинуто. Статья для *Byzantion* уже 5 месяцев, как в редакции и не вышла, и оттисков не дают, а для сборника Шлюмбергера год назад сдана.

Замолкли и тут Академии. Одна компания Стриговского лихорадочно работает.

Ваш преданный Н. Кондаков

P. S. Кстати: получили Вы мою «*Мифическую суму с землей*»?² И позвольте спросить Вас по поводу цитаты у Thilo, Cod. арос., N.T., 1832, p. 887, nota: «fabula de Behemoth et Leviathan, quae IV. Esdr. VI, 47—52».

Есть ли апокрифическая книга Ездры *четвертая*, с главы 6?

Мне, к несчастью, нельзя выйти в библиотеку, и я сижу перед этою цитатою. Вы так знаете весь библиотечный арсенал, что я дивлюсь, читая Ваши книги по Новому Завету. У меня же, кроме кембриджского издания Swete, ничего нет для справок. А мифическая фабула важная.

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 160—161 об. Автограф.

¹ Шлюмбергер, точнее Шлюмберже (Schlumberger), Леон Густав (1844—1929), французский историк, искусствовед-византист, археолог, специалист по нумизматике и сфрагистике, член Парижской Академии надписей и изящной словесности (1884), иностранный член-корреспондент АН СССР (1924). Речь идет о статье: *Kondakov N. P. Un détail des harnachements byzantins // Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger, membre de l'Institut, à l'occasion du quatre-vingtième anniversaire de sa naissance, 17 octobre 1924. Paris, 1924. Vol. 2. P. 399—407.*

² См. коммент. 4 к док. № 14.

№ 52

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

В. О. 4 линия 7, кв. 13
10 февраля 1925 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Очень пожалел Вас по поводу приключившегося с Вами недомогания, которое, надеюсь, прошло. Все же постарайтесь устроить себе отдых и вообще поберегите себя, хотя бы ради остающихся составить очерков по истории восточноевропейской культуры. Как бы я хотел ознакомиться с этими очерками! Все это время я сидел над разбором рассказов о воскресении и, мне кажется, нашел много любопытного. Между прочим, думается мне, могу предложить подтверждение Вашему толкованию сцен воскресения на рельефах Сабины¹ и особенно на мюнхенской таблетке,² которое Вы высказали почти 50 лет тому назад. Когда я допишу работу, я Вам сообщу, хотя бы кратко, свои результаты. Напечатать свою работу и негде, и несвоевременно, и неуместно, и у нас, в конце концов, не для кого.³ А с Вами по поводу ее у меня нашлось бы много разговоров.

Мне кажется, что за последнее время все книгами увлекались и увлеклись погоней за новым материалом, а потому, за неимением времени, забросили старое, давно известное; мы, классики, при обилии нового материала, всех надписей и папирусов, чуть что не перестали заниматься старьем. В этом отношении война, остановившая поток нового материала, сыграла благодетельную роль и дала возможность, так сказать, очухаться. Впрочем, и теперь издается много, в сущности, никому не нужных книг. В Германии да, кажется, и во Франции и в Англии много ударились в писание так называемых научно-популярных книг, где пережевывается на всякие лады одно и то же. Несомненно, вся Европа переживает какой-то кризис. Во что он выльется?

У нас появилось новое светило — Ф. И. Шмит,⁴ тот, кто писал о Кахриэ-Джами.⁵ Быстрок невероятный и, должно быть, бросил совсем заниматься наукою. Все изыскивает новые методы, или, как у нас теперь говорят, «подходы». Недавно читал доклад о греческом искусстве, к которому, как он выразился, нужно придумать какую-нибудь этикетку. Таковую оказалось «движение», а у всего последующего искусства, оказывается, такую этикеткою служит «пространство».⁶ Тут не без Стриговского, который, стремясь прославиться, всеми и всем недоволен.

Фармаковский копал в Ольвии всего 10 дней и ничего нового не нашел; да и из старого очень мало. Он тоже «модерничает»; привлекает самоновейшее искусство, всякие экспрессионизмы и т. п. А ольвийский материал лежит без движения; чуть ли не более года устраивает в Эрмитаже ольвийскую выставку. Интересные результаты экспедиции Козлова⁷ в Монголии,⁸ где, между прочим, найдена любопытная ткань, на которой есть что-то и греческое, и еще что-то такое неуловимое пока. Говорят, теперь все сибирские древности получили свое объяснение. Все хотят чем-нибудь поразить, прославиться. Книгу М. И. Ростовцева я заканчиваю⁹ и непременно пришлю ее Вам: там дана хорошая сводка материала, но объяснения большей частью общего характера, без детального анализа. Вообще по классическим древностям южной России и Кавказа работы предстоит много, а они все еще не выставлены в Эрмитаже. ...безобразно.

Книги о Вас И. И. Толстой получил,¹⁰ но мне пока моего экземпляра не дал; обещал как-нибудь принести. Живет он очень далеко, а я по вечерам выхожу только по крайней надобности. К великому сожалению, не получил и Вашей «сумы с землею». Должно быть, пропала, а то кто-нибудь присвоил: теперь и это бывает. Об Ездre пишу на отдельном листке. Поклон Сергею Никодимовичу. Сестра вам обоим кланяется. Будьте здоровы и, ради Бога, берегите себя.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

P. S. Зимы у нас не было и нет; все время оттепель.

С Миннзом пока ничего не устроится. Нужно обращаться к Ольденбургу. А он в Москве. Сделаю, что смогу.

IV книга Ездры=Апокалипсису Ездры. Время составления относится к эпохе после разрушения Иерусалима Титом. От греческого текста сохранился отрывок на папирусе. Полностью существует в латинском переводе VI глава, несомненно, имеется, так как ссылается на XVI главу. Я хотел добыть для Вас выписку из VI, 47—52, но нужных книг в университете не оказалось. Книги же эти следующие: 1) издания: *The fourth Book of Ezra, the Latin Version* edited by R. Bensly = *Texts and Studies* ed. by J. A. Robinson. III². Cambridge, 1895; 2) перевод Н. Gunkel у E. Kautzsch. *Apokryphen und Pseudepigraphen*, II т., р. 331—401; 3) есть еще, должно быть, издание: *Bruno Violet. Die Ezra — Apokalypse* (IV Ezra), берлинское издание отцов церкви, Leipzig, 1910.

Если у Вас ничего этого не найдется, напишите открытку. Я предприиму поиски в Публичной и Академической библиотеках.

Меня лично новозаветные апокрифы очень интересуют, но ими у нас никто никогда не занимался, а потому и книг не собирали.

В имеющемся у меня *Aposcalypses aposgurphae* Тишендорфа есть и апокалипсис Ездры (по-гречески, по парижской рукописи, но это что-то более позднее и отличное от IV книги Ездры). Во всяком случае, о Бегемофе и Левиафане там ничего нет.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ *Кондаков Н. П.* 1) *Les sculptures de la porte de Sainte Sabine à Rome // Revue Archéologique.* 1877. Nouv. Série. Vol. 33. P. 361—372; 2) Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 21; 3) Барельефы (V—VI стол. по Р. X.) деревянной двери базилики Св. Сабины, что на Авентинском холме в Риме (1877) / Публ. И. Л. Кызласовой // Мир Кондакова: Публикации. Статьи: Каталог выставки. М., 2003 (в печати). «Только благодаря... углубленному анализу стили обязана своим происхождением... известная статья Н. П. о рельефах дверей церкви св. Сабины в Риме, которые он отнес к V—VI веку, вопреки обычным тогдашним датировкам XII—XIII века. Эта статья сделала свое дело и провела резкую и разрушительную трещину в западной научной аналитике средневековых памятников». Цит. по: *Айналов Д. В.* Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог // *СК.* 1928. Т. 2. С. 320.

² Имеется в виду известная мюнхенская пластинка из слоновой кости, согласно Д. В. Айналову, возможно, выполненная западными мастерами под влиянием эллинистическо-восточных композиций.

³ *Жебелев С. А.* Иконографические схемы вознесения Христа и источники их возникновения // *Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov.* Prague, 1926. P. 1—18. Исследования Жебелева, в том числе неопубликованные, и подготовительные материалы к работам о воскресении и вознесении Христа не только в художественной, но и в нарративной, прежде всего евангельской, традиции см.: ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 9: «Воскресение Христова» (исследование из 12 глав с добавлениями от 6—7 апреля 1925 г., иа 83 л.; Д. 10: статья в двух редакциях о легенде о плотском воскресении Христа, 61 л.; Д. 11: выписки из источников к этим исследованиям; Д. 29: неопубликованный перевод Жебелева «*Evangelia Aposgurpha "Acta Pilati"*».

⁴ Шмит Федор Иванович (1877—1937), историк и теоретик искусства, византинист; магистр истории и истории искусств (1909); академик ВУАН (1921). Ученый секретарь РАИК (1908—1912), профессор кафедры истории искусств (1912—1921) и заведующий Музеем изящных искусств Харьковского университета, ректор Археологического института (1921—1924), председатель Всеукраинского археологического комитета (1922—1924), заведующий кафедрой искусствоведения НИИ искусствоведения (1922—1924), директор Софийского и Лаврского музеев (1923—1924) и Центрального музея культа (1923—1924) в Киеве. Профессор I-го МГУ и заведующий отделом великокняжеских древностей ГИМ (1924), директор ГИИИ (1924—1928), профессор Академии художеств и ЛГУ (1924—1932), действительный член разряда археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения (1919—1931), заведующий разрядом средневековой культуры Европы и Передней Азии (1929—1931), директор института кадров (1932—1933) ГАИМК. Арестован 26 ноября 1933 г. по «делу славистов», и обвинен в шпионаже в пользу Германии, приговорен к 5 годам лагерей с заменой лагеря ссылкой на тот же срок в Акмолинск, в 1934 г. переведен в Ташкент, до ноября 1936 г. работал научным консультантом Государственного музея искусства Узбекской ССР. В августе 1937 г. вторично арестован, осужден к высшей мере наказания и 10 ноября 1937 г. расстрелян в Ташкенте (посмертно реабилитирован в 1956 г.).

⁵ Точнее: *Шмит Ф. И.* Кахриз-Джами. I. История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков // ИРАИК. 1906. Т. 11. С. 1—306; Кахриз-Джами: Альбом к 11 тому ИРАИК. Рисунки и чертежи, исполненные художником Н. К. Клуге. Мюнхен, 1906. 92 табл. См. также более раннюю работу: *Шмит Ф. И.* Мозаики и фрески Кахриз-Джами // ИРАИК. 1903. Т. 8, вып. 1—2. С. 119—152. Изучением этого памятника Ф. И. Шмит занялся по рекомендации Ф. И. Успенского, о чем он вспоминал в очерке о директоре РАИК, написанном в 1929 г. См.: *Шмит Ф. И.* Ф. И. Успенский / Публ., предисл. и примеч. Е. Ю. Басаргиной // *Деятели русской науки XIX—XX веков.* СПб., 1993. Вып. 2. С. 38—39.

⁶ Ф. И. Шмит позднее написал тенденциозную работу о Н. П. Кондакове, оставшуюся недописанной и неопубликованной: «Византиноведение на службе самодержавия: Н. П. Кондаков» (РА ИИМК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 40. 68 л., машинопись, 26 октября 1933 г.).

⁷ Козлов Петр Кузьмич (1863—1935), путешественник, исследователь Центральной Азии, академик АН УССР (1928). Руководил монголо-тибетской (1899—1901) и монголо-сычуанской (1907—1909) экспедициями (последняя открыла в пустыне Гоби мертвый город Хара-Хото, откуда вывез богатейшие коллекции, касающиеся китайской старины и буддийского культа), возглавлял монголо-тибетскую экспедицию (1923—1926), открывшую в горах Хэнтэй курганный могильник гуньской знати Ноин-Ула рубежа новой эры. См.: *Козлов П. К.* Три года по Монголии и мертвый город Хара-Хото (1923—1925). М.; Л., 1927.

⁸ См.: Боровка Г. И. 1) Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова / АН СССР. Л., 1925. С. 23—40 (о раскопках могильника Ноин-Ула); 2) Die Funde der Expedition Koslow in der Mongolei 1924—1925 // Archäologischer Anzeiger. 1926. S. 341—368; 3) Griechische Stickereien aus der Mongolei // Die Antike. 1927. Bd 3. S. 66—69.

⁹ Речь идет о «Скифии и Боспоре» М. И. Ростовцева (Л., 1925).

¹⁰ Через И. И. Толстого С. Н. Кондаков направил в Ленинград экземпляры юбилейной «синей» брошюры в честь 80-летия Н. П. Кондакова.

№ 53

С. А. Жебелев — Н. П. Кондакову

11 февраля 1925 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никодим Павлович,

Вдгонку за только что отправленным письмом посылаю Вам выписку из книги Bruno Violet, *Die Ezra Apokalypse*, Leipzig, 1911. I. Die Ueberlieferung, стр. 118 сл. (=IV Ezra VI, 47-52). <...>¹

Наряду с латинской версией в той же книге в немецком переводе даны версии сирийская, эфиопская, арабская (две), армянская. Каких-либо важных отклонений от латинского текста нет.

Искренне Вас уважающий и преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Опущен латинский текст цитаты.

№ 54

Д. В. Айналов — Н. П. Кондакову

Ленинград, Фонтанка 34, кв. 21
15 февраля 1925 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Никодим Павлович,

Я послал Вам более недели тому назад Козьму Индикоплова Е. К. Редина.¹ Вы получите экземпляр Я. И. Смирнова, оказавшийся в Музее. Я заменил его тем, который нашелся у меня, а Вам послал принадлежавший Якову Ивановичу, чтобы Вы получили экземпляр от всех нас.

Мы здесь теперь часто слышим о Ваших успехах и работах и питаем надежду, что все, что Вы напечатаете, будет и у нас. Так как теперь мы получили некоторую надежду на более сносную жизнь и на возобновление научной жизни, то Ваши книги оживят наши заседания и практические работы. Особенно мы все интересуемся Вашими работами об иконописи, зверином орнаменте и о других предметах.

Так как теперь музеи наши пополнились огромным количеством нового материала, то Вам здесь было бы большое поле деятельности. Провинциальные музеи также обогатились, иногда первоклассными и неизвестными ранее предметами из серебра и золота, рукописями, материями, картинами и т. д.; так что если бы была возможность, то теперь следовало бы устроить экспедицию для приведения в известность всего нового, что явилось. Но, к сожалению, невозможно добыть денег, и я уже третье лето езжу понемногу по разным городам на свои малые деньги и смотрю новые собрания и музеи.

В Академии материальной культуры теперь понемногу оживает прежняя научная жизнь, но все же мало делается такого, о чем стоило бы писать.

В университете я стараюсь поддержать интерес к нашим занятиям, а теперь, т. е. в этом году, перешел на специальную подготовку слушателей по разным областям художественной музейной индустрии на своих семинариях. Это теперь необходимо потому, что музеи нуждаются в таких работниках, и потому я их заставляю изучать фарфор, стекло, слоновую кость, мозаику, деревянную резьбу в связи с деревянной архитектурой, резной камень и проч., давая им в то же время возможность не упускать из вида общей истории искусства и особенно истории русского искусства и Возрождения.

На печатание работ, написанных за период безвременья, ассигновано полмиллиона, и это нас подняло немного.

Все время мы бываем больны, то я, то жена. Жена особенно меня тревожит, так как у нее был эндокардит,² и последствия его не исчезают. Борюсь с этим как могу, но так как прислуги мы не держим, то приходится все делать самим, и я пишу дрожащим почерком потому, что колено дрова и делаю многое другое по хозяйству.

Жена просит передать Вам свой привет и пожелание здоровья, я тоже желаю Вам бодрости и здоровья. Просим передать наш общий привет Сергею Никодимовичу и всем Вашим.

Искренно преданный и уважающий

Д. Айналов

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ См. коммент. 4 к док. № 45.

² Эндокардит — воспаление внутренней оболочки сердца (эндокарда), основной причиной которого является ревматизм и сепсис.

№ 55

С. Н. Кондаков — Д. В. Айналову

26 февраля 1925 г.
[Прага]

Дорогой и глубокоуважаемый Дмитрий Власьевич,

Я думаю, что Вы уже знаете тяжелую, трудно переносимую новость — кончину Никодима Павловича. Это случилось так внезапно, неожиданно, что трудно привыкнуть к мысли, что его уже нет. Вот и теперь я сижу за его письменным столом, и мне все кажется, что откроется дверь и он, вернувшись с прогулки, скажет — ну, пойдем пить чай.

Сердечный недуг подкрался к нему внезапно. В конце декабря, утром, с ним случился первый сердечный приступ, причем врачи запретили ему читать лекции и вообще советовали уехать в тепло на юг отдохнуть. Этот приступ сильно изменил его; он стал жаловаться на усталость, тяжесть в голове; ему стало труднее читать и писать, и он все мечтал, что уедет на весну в Италию. Однако, несмотря на недомогание, он по-прежнему продолжал работать и в роковой вечер 16 февраля сидел за письменным столом до 10 часов вечера, затем напился чаю и, по обыкновению, в 11 часов был уже в постели, но тут ему стало плохо и, несмотря на все принятые меры, было видно, как он начал угасать, а когда я пришел с доктором около 1 часа, все было кончено — вместо Никодима Павловича лежал холодный труп.

Конечно, такая неожиданная кончина невыносимо тяжела для близких, — без всякой подготовки, — но именно об ней он говорил, как о блаженном переходе без мучений и страданий, и Господь послал ему ее. Временно он лежит в могиле, но к лету, когда будет готова русская часовня, где в крипте устроены loculi,¹ он будет перенесен туда.

После него остался ряд заметок и несколько неоконченных трудов, как свидетели его неустанной деятельности. Опоздал Козьма Индикоплов, не застал Н. П., а как он мечтал его иметь. Еще так недавно газеты были полны описанием его юбилея, а вот теперь — некролог. Последний орден, который ему пожаловали румыны, пришел уже после кончины и торжественно был возложен в церкви на гроб при отпевании.² Только теперь, когда его не стало, можно осознать во всей полноте, какой это был выдающийся ум и ученый. Я получаю из разных стран сочувствия и выражения скорби об утрате. Уходят последние могикане один за другим, и сиротеет Россия. Не знаю, как дальше сложится моя жизнь, а тут нелегко найти какое-либо занятие.

До свидания. Крепко жму руку и прошу передать привет Надежде Ростиславовне.

Преданный Вам

С. К.

ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 2. Д. 123. Л. 1—2 об. Автограф. Л. 3: конверт с адресом: «Профессору Дмитрию Власьевичу Айналову. Ленинград. Фонтанка 34 кв. 26. СССР. Leningrad. SSSR». Почтовые штампы: Прага 29 февраля 1925 г.; Ленинград 7 марта 1925 г.

¹ «Гробницы» (лат.).

² Б. Н. Лосский описал церемонию погребения: «Положенное (должно быть, на случай его переезда в Россию) в запаянный, кажется, внутри свинцовый гроб с окошком над лицом, перед которым лежал на крышке орденский крест Почетного легиона, тело Н. П. в день его погребения отпевалось особенно торжественно в Николаевском соборе на Староместском Намести. Ему поклонились не только соотечественники покойного и государственные академические власти, но, помнится, также многие представители международного ученого мира. На Ольшанском кладбище, где уже возвышались окруженные лесами полностью или почти до верху отстроенные кирпичные стены православного храма, гроб Н. П. был снят с дрог, взят на плечи его учениками и донесен до вырытой могилы». См.: Лосский Б. Н. В русской Праге (1922—1927). С. 50.

№ 56

Д. В. Айналов — С. Н. Кондакову

Ленинград
27 марта 1925 г.
Фонтанка 34, кв. 21

Дорогой Сергей Никодимович,

Ваше письмо, брошюру Никодима Павловича и добавленные к ней рисунки я получил и сердечно благодарю за память. Не мог отвечать немедленно по той причине, что был перегружен работами и заботами.

Недавно я говорил о трудах Никодима Павловича в Обществе любителей древней письменности и привел из Вашего письма место о внезапной смерти Никодима Павловича, а также его знаменитые слова из вступления в его статье. Личные воспоминания читал Ф. Г. Беренштам.¹

Для московского музейного съезда я назначил сообщение «Чтение академика Н. П. Кондакова о художественной индустрии», чтобы протереть глаза нашим де-

ятелям насчет того, что у нас есть свой, современный руководитель музейного изучения художественного материала. Съезд состоится в апреле (кажется) или в сентябре.²

У нас потеря Никодима Павловича чувствуется очень остро. Его смерть как бы надломилла общее состояние некоторого равновесия, и теперь все мы сироты.

Я не знаю, как Вы живете теперь там, далеко от нас, но если бы Вы захотели иметь здесь место, то, мне кажется, в первую голову следует писать Н. Я. Марру, С. Ф. Ольденбургу, С. А. Жебелеву, а обо мне говорить нечего, так как я всегда готов походатайствовать, как позволят мои силы и умение. Память о Никодиме Павловиче у нас много значит.

Жизнь теперь здесь стала много лучше и легче, причем службы налаживаются все выше и жалование все понемногу увеличивается.

Мы все интересуемся судьбой печатаемых и приготовленных к печати трудов Никодима Павловича. Напишите, как обстоит теперь это дело.

Сегодня я видел пришедший к нам первый номер журнала «Byzantion»³ с портретом Никодима Павловича. Изнуренное и доброе лицо его меня больно укололо в сердце.

Пишите, если что надо. Жена благодарит за память и шлет свой искренний привет.

Остаюсь всегда преданный

Д. Айналов

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Беренштам (Бернштам) Федор Густавович (1862—1937), архитектор-художник; действительный член Академии художеств (1908). Библиотекарь (1894—1912) и чиновник особых поручений при президенте (1912—1917) Академии художеств, научный сотрудник Отделения изящных искусств и технологии ГПБ (1924—1930), библиотекарь Ленинградского общества архитекторов.

² В Москве в 1925 г. состоялся второй музейно-археологический съезд.

³ Первый том журнала «Byzantion» (1924) был посвящен 80-летию Н. П. Кондакова.

№ 57

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

8 апреля 1925 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Я получил своевременно и «Мифическую суму», и оттиск из Byzantion, и таблицы к статье. За все это я очень и очень Вас благодарю. Но обещанного письма «дополнительно» все еще не получил. Если оно пропало, страшно негодую. Если Вы его еще не написали, напишите, пожалуйста, как я просил, пообстоятельнее. Так мне хочется — и не из любопытства, а из глубокой любви к покойному Никодиму Павловичу — знать о последних неделях его жизни. Мне никогда не примириться с мыслью, что нет Якова Ивановича,¹ Мальмберга. Вообще кругом так пусто и неуютно, что и сказать не умею.

Предприняли ли Вы какие-либо шаги насчет библиотеки Никодима Павловича?² Академия наук совместно с Академией материальной культуры предполагает устроить «поминальное заседание».³ Меня, конечно, читать не пустят, ибо я на дурном счету у неперменного секретаря. Но я об этом не горюю, ибо всего, что хотелось бы сказать, по обстоятельствам места и времени все равно сказать нельзя было бы. А читать банальщину о Никодиме Павловиче я не могу и не хочу.

Напишите о себе: как устраивается Ваша жизнь? Ничего не знаешь о людях, с которыми прожил чуть ли не весь век.

Письма Вашего я ждал, жду и буду ждать с нетерпением и волнением.

Будьте здоровы. Сестра Вам кланяется. Живем мы, приблизительно, по-старому.
Ваш преданный

С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Имеется в виду Я. И. Смирнов.

² «Одной из его (кондаковского института. — И. Т.) деятельных и преданных сотрудников была знавшая и почитавшая Н. П. княгиня Наталья Григорьевна Яшвил, урожденная Филипсон, принявшая близкое участие в издании "Seminarium Kondakovianum". В доме, где она жила в Дейвице, вскоре и поместилась вверенная ей оставшаяся от Н. П. очень ценная библиотека. Не знаю, путем каких соглашений с приемным сыном и, по-видимому, законным наследником Н. П., Сергеем Никодимовичем Кондаковым, библиотека эта стала как бы общественным достоянием, и как связать ее предыдущую судьбу с дошедшим до сведения И. И. Лапшина живописным эпизодом, о котором пишу с оговоркой "за что купил, за то продаю". ...К семейному кругу Н. П. принадлежала и прибывшая с ним из России ученица Е. Н. Яценко, на которой лежали связанные с ведением домашнего хозяйства заботы. Однако своего качества научной преемницы она не забывала и, когда по погребении Н. П. настало время говорить о наследстве, оказалась обладательницей написанного и подписанного рукой Н. П. письма, вверявшего ей заведение или даже даровавшего ей право на владение библиотекой. В разгар спора на эту тему она торжествуя протянула письмо для ознакомления Сергею Никодимовичу, который, прочтя его, разорвал в клочки и положил в карман. Все это как будто не повлекло к разрыву между ними, потому что год спустя их еще можно было встречать вместе и в общеречии она продолжала слезть за "невесту" (у ехидных обывателей за «одну из невест») Сергея Никодимовича. Не думается, чтобы они были активно причастны к организации Кондаковского института». См.: *Лосский Б. Н. В русской Праге (1922—1927)*. С. 50—51.

³ 24 февраля 1925 г. сначала в Москву, а 26 февраля в Петроград дошло отправленное 18 февраля С. Н. Кондаковым С. Ф. Ольденбургу извещение о кончине Н. П. Кондакова 17 февраля и погребении 19 февраля 1925 г. на Ольшанском кладбище в Праге (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 94. Л. 34—34 об.). 2 марта на заседании Совета РАИМК Н. Я. Марр сообщил о кончине почетного члена, память которого почтили вставанием (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1—1925. Д. 5. Л. 8 об. 102-е заседание Совета. § 1413. На Общем собрании РАН 7 марта 1925 г. за неперменного секретаря акад. А. Е. Ферсман доложил о кончине Н. П. Кондакова. По предложению президента А. П. Карпинского его память почтили вставанием. А. Ф. Ферсман от имени неперменного секретаря довел до сведения Общего собрания, что С. Ф. Ольденбургом было направлено письмо соболезнования С. Н. Кондакову. Согласно постановлению Президиума РАН в заседании Совета РАИМК было доложено предложение РАН устроить в Большом конференц-зале совместное заседание, посвященное памяти Н. П. Кондакова, причем Совет РАИМК выразил согласие и предложил ученому секретарю Б. В. Фармаковскому совместно с представителем РАН выработать программу заседания. А. Е. Ферсман доложило о поступивших в РАН письмах с выражениями соболезнования, в том числе о письме, полученном акад. Ф. И. Успенским от члена-корреспондента Г. Милле. Общее собрание постановило просить Ф. И. Успенского составить некролог покойного сочлена, состоявшего в Академии 27 лет (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1925. Д. 174. Л. 15 об. § 31). Совместное поминальное заседание РАН и РАИМК состоялось в РАИМК 17 марта 1925 г., на нем выступил Д. В. Айналов. Сохранилось его тезисное изложение в записи Ф. И. Успенского, который, по всей видимости, намеревался использовать положения доклада в некрологе Кондакова.

«Доклад Д. В. Айналова 17 марта 1925 г. поминальный.

Доклад был произнесен с воодушевлением и не имел целью произвести полную оценку деятельности своего учителя, который, по его словам, произвел полный переворот в общеевропейской науке по предмету его специальности — истории искусства. Он остановился, или желал этого, на четырех этапах ученой деятельности Кондакова: 1) классическое искусство, где он запасся методом и приемами исследования, показав, что оно переходит в средневековое византийское и готовится для него содержание; 2) византийское искусство, но не само по себе, а как форпост и для западноевропейского, показав его восточные источники; 3) русское искусство как сочетание византийского и элементов русских и извне привзошедших, например, итальянских; 4) искусство эпохи Возрождения. В этом пункте докладчик отрывался из того положения, что Кондаков первый выступил с выяснением того обстоятельства, что Возрождение начинается не с XIII или XII в., а гораздо раньше, с эпохи варварского вторжения в Европу — с Алариха и проч., что это возрождение вывести в Константинополь, как форпост европейской культуры. Главные заслуги Кондакова заключаются в том, что дали западноевропейскому миру новые точки зрения на искусство, что [он] выдвинул восточные влияния (звериный орнамент), что построил новую схему в предмете своей специальности.

В смысле требований ученой техники доклад представил мало реальных оснований для суждений о том, как твердо заложен фундамент учения Кондакова» (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, автограф).

На Общем собрании РАН 3 октября 1925 г. был зачитан некролог Ф. И. Успенского о Н. П. Кондакове (ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а—1925. Д. 174. Л. 35 об., § 111). Материалы к некрологу 1925 г. в виде заметок и критических замечаний Успенского, выписок из трудов Кондакова и статей о нем см.: ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 40. 13 л., автограф. Некролог опубликован: *Успенский Ф. И.* Памяти Никодима Павловича Кондакова: Некролог // Изв. АН СССР. 1926. Сер. 6. Т. 20. № 9. С. 567—576.

№ 58

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

3 июля 1925 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Очень благодарю Вас за оттиск из «Slavia».¹ Если есть оттиск из сборника в честь Schlumberger,² пожалуйста, пришлите. Самой книги у нас, конечно, нет. Я получил от Вернадского приглашение участвовать в сборнике в память Никодима Павловича и ответил, по указанному адресу, согласием. Теперь работаю над статьей для этого сборника.³ У нас все по-старому — скучно и бесполезно. Напишите хоть два слова о себе. Всего хорошего!

Ваш С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Речь идет о некрологе: Slavia. Praha, 1925. Roč. III. Seš. 4. S. 787—789. Ранее в том же журнале была опубликована статья Г. В. Вернадского «Н. П. Кондаков: К его восьмидесятилетию» (Slavia. Praha, 1924. Roč. III. Seš. 2—3. S. 560—563). См. также: *Vernadskij G. V. L'importance de l'activité scientifique de N. P. Kondakov, à l'occasion du 80e anniversaire de sa naissance (1844—1924). Discours prononcé au 3e Congrès des savants russes à Prague (en russe). Prague, 1924. 16 p.* Переведено: *Вернадский Г. В.* О значении научной деятельности Н. П. Кондакова. К 80-летию со дня рождения 1.XI.1844—1924 // *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы. С. 228—257.

² См. коммент. 1 к док. № 51.

³ См.: *Жебелев С. А.* Иконографические схемы вознесения Христова и источники их возникновения // *Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926. С. 1—18* (статья датирована 17/30 сентября 1925 г.).

№ 59

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

2 августа 1925 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Большое Вам спасибо, что Вы мне написали. И мне все еще трудно примириться с мыслью о смерти Никодима Павловича. Очевидно, однако, что за то, что он был такой хороший человек, судьба послала ему такую хорошую смерть. Это, в сущности, единственное утешение, которым можно утешать себя. А еще утешением нашим могло бы быть то, что имя Никодима Павловича бессмертно и что, следовательно, он умер только для нас, его лично знавших и горячо любивших, но он, конечно, живет и будет жить в сознании культурного человечества, если последнему суждено остаться таковым.

Вернадского¹ я знал и знаю мало. Если предполагаемый им сборник осуществится, я буду рад по двум причинам: 1) будет сборник в память Никодима Павловича; 2) мне удастся напечатать свою статью, которую иначе я не знал бы, где и как

напечатать. Статья же получается любопытная, и мне очень жаль, что Никодим Павлович ее не прочтет — она, кажется мне, в его духе.

Теперь о II томе «Кладов». Таблицы имеются в сохранности, <...>ать экземпляров на 600. Достать деньги на печатание Марр мне обещал, и я от него не отстаю. Как же теперь быть с черновым текстом? В каком он состоянии? Отдельные ли это заметки или нечто более или менее связанное? Сплошной ли текст или с лакунами? Если бы мне удалось получить его в руки, я бы определил это по сопоставлению с таблицами. Вообще же я забросил бы все свои дела, лишь бы текст сделать удобопечатаемым. Сноровка к изданию всякого рода посмертных трудов у меня есть — сколько я их издавал. Я Вас очень прошу написать мне обо всем этом, но незамедлительно, ибо пока время благоприятное, а что дальше будет, неизвестно.² Можно было бы устроить и так: Вы сделали бы всю работу, какую в силах сделать, я бы доделал ее, поскольку тоже в силах. Привлекать большое количество лиц к осуществлению всего предприятия, по-моему, нецелесообразно: дело затормозится и из него ничего не выйдет.

Теперь о библиотеке. Я знал и знаю, что она пока в сохранности.³ Когда скончался Никодим Павлович, я, опасаясь за ее судьбу, сразу же написал от имени Академии истории материальной культуры бумагу Академии наук, прося сообщить, что последняя думает с библиотекою делать. На днях мы получили за подписью неперменного секретаря бумагу, где [сказано], что Академия выясняет вопрос на предмет наследования библиотеки Вами.⁴ С тех пор я ничего больше не знаю. Говорить с неперменным секретарем бесполезно, ибо его отношение ко мне, да и мое к нему, дальше «корректиных» не идет. Но, может быть, было бы не худо Вам вступить с ним по поводу библиотеки в сношения. Теперь, правда, «юбилей»,⁵ но с октября, вероятно, Ольденбург мог бы Вам и ответить. И на сей предмет, т. е. о тех шагах, какие Вы предпримете, держите меня [в курсе], потому что с некоторыми господами надо держать ухо остро.

Я сидел и сижу все время в городе и, по мере сил и возможностей, занимаюсь, избегаю ненужных встреч с людьми. Чувствую, что устал даже телом — о духе уже не говорю, — но тем не менее что-либо предпринять и некуда, и не на что. А. А. Васильев опять уехал в Париж, Фармаковский поедет недели на три в Ольвию. Вчера Академия наук обогатилась новым академиком, Н. П. Лихачевым, общившимся к ученому званию с хорошим приданым: он отдал Академии свой музей и стал теперь не его обладателем, а директором.⁶

Сестра моя Вам кланяется. Желаем Вам всего хорошего. Не ленитесь писать мне.

Ваш С. А. Жебелев

Толстой с чадами и домочадцами давно уже в Ниитисаари.

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Имеется в виду Г. В. Вернадский, собиравший и редактировавший «Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова», изданный *Seminarium Kondakovianum (Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926. XLIV, 300 p.)*, где была издана написанная им же биография академика на французском языке и библиография его трудов. Недавно опубликован русский перевод: *Вернадский Г. В. Никодим Павлович Кондаков // Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. С. 258—323.*

² По этому вопросу С. А. Жебелев списался с Н. М. Беляевым 23 сентября 1927 г., сообщая ему, что в ГАИМК хранятся 50 таблиц в 500 экз., из них 14 — изображения древних тканей, которые «лежат без движения более 20 лет»: «В Академии истории материальной культуры имеется подбор таблиц для II тома "Кладов" Н. П. Кондакова. Я уже сразу после его смерти предполагал выпустить их в виде альбома с самым кратким пояснительным тестом. Предполагаю, однако, что в бумагах Н. П. может оказаться какой-либо текст его или фрагмент текста, я давно уже списался по этому поводу с С. Н. Кондаковым, прося выяснить дело. От него (С. Н. Кондакова. — *И. Т.*) я получил ответ, что часть текста имеется. Я просил тогда С. Н. выслать мне этот текст, чтобы посмотреть, что с ним можно

С. Н. Кондаков у могилы Н. П. Кондакова.
Надпись: «Дорогому Сергею Александровичу [Жебелеву] на память
о Никодиме Павловиче. Прага 1926 г. С. Кондаков».

сделать: С. Н. написал мне, что он снимет копию с текста и ее мне пришлет. К сожалению, текста этого я так до сих пор и не получил... Альбом таблиц, рано или поздно, нами будет непременно издан — надо же утилизировать таблицы, совершенно готовые». В ноябре того же года Беляев выслал в Ленинград копию текста очерка о тканях, который существенно помог «разряду Н. П. Сычева» идентифицировать таблицы (ОДФ ИТИИ АН ЧР. Ф. К1-28. № 44).

³ В личном деле Н. П. Кондакова сохранился отпуск письма С. Ф. Ольденбурга от имени Государственного музейного фонда хранителю отдела рукописей БАН В. И. Срезневскому от 3 июня 1924 г. № 1425 с просьбой уведомить, «претендует ли Академия наук на получение библиотеки и рукописей ак. Н. П. Кондакова, оставшихся в Ленинграде после его отъезда и находящихся в квартире его сына С. Н. Кондакова (В. О., Средний, 72, Здание Геологического комитета)... Имея в виду, что упомянутые библиотека и рукописи не могут не представлять для Вас особого интереса, обращаюсь к Вам с просьбой, не признаете ли Вы возможным лично ознакомиться с настоящим вопросом на месте нахождения книг и рукописей, снесшись предварительно о времени осмотра с Государственным музейным фондом..., а также принять возможные меры к получению их в распоряжение Академии наук» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 94. Л. 33).

⁴ Сохранилось письмо председателя РАИМК Н. Я. Марра от 28 февраля 1925 г. № 700 в РАН: «В Российскую Академию наук сыном скончавшегося в Праге академика Н. П. Кондакова отдана была на хранение библиотека покойного. Российская Академия истории материальной культуры, предоставившая уже Академии наук из состава своей библиотеки около 12 000 томов книг и наметившая предоставить почти такое же количество, обращается к Российской Академии наук с просьбой, при суждении о судьбе библиотеки не забыть интересы Академии истории материальной культуры, для работ которой библиотека Н. П. Кондакова, содержащая почти исключительно издания археологического характера, являлась бы существенным и необходимым подспорьем». В ответе неперменного секретаря РАН С. Ф. Ольденбурга от 20 марта 1925 г. № 121013 сказано: «Что касается собственно библиотеки покойного ак. Н. П. Кондакова, то Академия наук не считает ее пока перешедшей в распоряжение РАН, впредь до выяснения юридического вопроса — о правах на эту библиотеку сына ак. Н. П. Кондакова» (ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 94. Л. 37—38).

⁵ См. коммент. 6 к док. № 40.

⁶ Имеется в виду Музей палеографии, собранный Н. П. Лихачевым и основанный в июне 1925 г., с выставкой по истории письменности и документа с древнейших времен. Музей размещался в особняке Н. П. Лихачева по адресу: Петрозаводская ул., 7 (ныне здание СПбИИ РАН). Первоначально находился при Археологическом отделении ЛГУ, в 1925 г. вошел в состав РАН. Н. П. Лихачев, избранный академиком в том же году, стал заведующим музеем. В 1930 г. это учреждение стало называться Музей книги, документа и письма, а с 1931 г. — Институтом книги, документа и письма АН СССР.

№ 60

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
7 мая 1926 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Поздравляю Вас с прошедшими праздниками. Нехорошо, что у Вас всякого рода недуги — рано им еще быть, и, я полагаю, если взяться за них как следует, то их можно и должно выгнать, что Вам и надлежит сделать, хотя бы уже ради того, что нам с Вами нужно многое что сделать для увековечения памяти Никодима Павловича.

Вы пишете мне, что Глубоковский чувствует себя превосходно. Мне он недавно прислал открытку, где 1) жалуется на то, что ему живется плохо (он, впрочем, всегда жалуется) и 2) ругает меня ругательно за мою статью, которая Вам так нравится. Ругательство это мало меня трогает, так как причина-то мне известна: как смог я посягнуть на авторитет Св. Писания. В глазах такого синодала, каков Глубоковский, человек он, впрочем, ученый, но по синодальному это — преступление. Он так и пишет: оправдания Вам, т. е. мне, нет. Но все это пустяки. Вот когда появится моя статья во II томе «Byzantion»,¹ которая должна была появиться раньше статьи в *Resueil*, если бы редактор не уехал в Каир, то Никанорыч, вероятно, предаст меня анафеме.

Справляли мой юбилей — 35-летие. Я от него уклонялся до неприличия, но пришлось дать себя на растерзание. Впрочем, все было хорошо и пристойно: и заседание с приветствиями в Академии материальной культуры, и вечером чаепитие в Музее древностей — без вина. Но самое отрадное это сочиненный в честь меня сборник, отстуканный, правда, лишь на пишущей машинке всего-навсего в 4-х экземплярах. В сборнике статьи 55 авторов на самые разнообразные темы. Весь этот юбилей устроил мне И. И. Толстой, который организовал и сборник, и понес на нем много трудов, так что вогнал меня в большой стыд и смущение.² Теперь мы собираемся тесной компанией поставить памятник на могиле Ивана Ивановича старшего;³ 20 мая старого стиля 10-летие со дня его смерти. Памятник поставить в силах только очень скромный — рублей за 150 maximum. Толстые сняли дачу около Сиверской — в Ниитисаари им ехать не по карману. Мы, конечно, никуда не собираемся, хотя я очень нуждаюсь в отдыхе, ибо чувствую, что слабеют силы. Но буду рад, когда начнется тепло; до сих пор мерзли и мерзнем.

Миннз писал мне, что очень тянется дело с корректурами иконы. Зато слышал, что III том Мадонны близок к тому, чтобы увидеть свет.⁴ Миннз ведь вообще капун, хотя и славный парень. Он мне и в письмах часто пишет, написав три страницы: нужно кончать, что-то устал сегодня, а Вы знаете — как широко он пишет.

А. А. Васильев уезжает 16 июня в Париж. Туда же направляются и супруги Ростовцевы, с которыми я хотел бы очень повидаться. Ведь и он дал хорошую статью в сборник⁵ и этим, конечно, очень порадовал меня, и растрогал своим вступлением, так что, когда я его читал, у меня сперло в горле. Ведь сколько лет мы с ним шли по одной линии, хотя подчас и ругались из-за его кадетства, погубившего нас в первую голову. Впрочем, нечего пенять на рожу, коли она крива.

Мой председатель, т. е. Марр, постоянно ездит в Москву, и мне приходится исправлять его обязанности, что ужасно противно, а подчас и хлопотно.

Желаю Вам здоровья и всего хорошего. Сестра моя Вам кланяется. Не забывайте меня!

Ваш С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ Имеется в виду статья «L'enlèvement du Christ», предназначенная для второго тома выходявшего в Париже журнала «Byzantion» (1925 (1926). Т. 2). В первых трех томах этого издания статья опубликована не была, во всех изданных библиографиях Жебелева упоминания о ней отсутствуют.

² Речь идет о машинописном сборнике в честь 35-летия научно-педагогической деятельности С. А. Жебелева, собранном в 1926 г. его друзьями и коллегами из Ленинграда, Москвы, Харькова, Саратова, Тифлиса, Одессы, Митавы по инициативе И. И. Толстого. В том же году тиражом 600 экземпляров С. А. Жебелев издал бесплатную брошюру на французском языке с перечнем авторов, названий и кратких аннотаций статей рукописного сборника в свою честь. См.: Recueil Gébélév: Exposé sommaire. Leningrad, 1926. 12 p. (Издание ГАИМК).

³ И. И. Толстой (старший) был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Его могила до нашего времени не сохранилась. См.: Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель / Сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993. С. 201.

⁴ Третий том «Иконографии Богоматери» так и не был опубликован.

⁵ Речь идет о статье М. И. Ростовцева для машинописного сборника в честь С. А. Жебелева. Не надеясь на выход сборника в России, М. И. Ростовцев опубликовал статью с посвящением С. А. Жебелеву в трудах пражского Семинария им. Н. П. Кондакова. См.: *Ростовцев М. И.* Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // СК. 1927. Т. 1. С. 141—146. Статья М. И. Ростовцева из рукописного сборника в честь С. А. Жебелева издана по рукописи, хранящейся в Архиве Государственного Эрмитажа. См.: *Ростовцев М. И.* Иранский коинный бог и юг России / Публ. В. Ю. Зуева, И. А. Левинской // ВДИ. 1990. № 2. С. 197—200.

№ 61

С. А. Жебелев — С. Н. Кондакову

В. О., 4 линия 7, кв. 13
14 августа 1927 г.

Дорогой Сергей Никодимович,

Благодарю Вас за письмо и за карточку И. А. Шебора.¹ Последнего, как я писал Вам, не видел 30 лет. Посмотрев на карточку, нашел, что конечно И. А. постарел, но все же не настолько, насколько должен выглядеть стариком 80-летний муж. Теперь буду ждать картинку с видом места вечного упокоения Никодима Павловича; непременно пришлите. Для «Кладов» сделаю все, что смогу сделать, возьму все, что окажется мало-мальски возможным взять из оставшихся бумага. Статью о Я. И. Смирнове² уже и переписал. Буду ждать указания, когда надо ее прислать.

С Фармаковским все еще очень плохо. Лежит в Харькове, в больнице, и трогать пока нельзя для перевозки к нам. Боюсь, что с Фармаковским песенка спета, и

это очень рано, ибо ему 57 лет. У меня просто голова идет кругом от постоянной переписки с его женою, которая хотя и хорошенькая, но глупенькая, и делает глупости даже теперь. Украинцы, конечно, воспользовались случаем и захватили раскопки в Ольвии — напорят так, что и поправить не удастся, перепутают все слою Фармаковского. В Ольвии теперь главный воротила Макаренко³ — можете представить, что получится. Вообще все нелепо выходит и, в конце концов, придется зарыться за свои книги и все остальное послать к черту. Госда Никодим Павлович был жив, помните, он все прохаживался насчет ёрников. Господи, что он сказал бы теперь?!

Приближается зимний сезон, и я вступаю в него совершенно усталым, а дела предстоит много, хотя бы по Академии материальной культуры, так как Марр 20-го уезжает на полгода за границу, Фармаковского, конечно, за дела усадить будет нельзя, да и выживет ли он еще? И теперь к 10 часам вечера так устаешь, что ничего в книге не понимаешь. И если бы не было у меня свободного утра, часов до 12, совсем бы погиб для своей работы. А в течение 4—3 часов много не сделаешь! Правда, иной раз думаешь, к чему все это, кому и чему все это нужно? Из бывших наших общих знакомых, кажется, никого не осталось, с кем бы стоило видаться и говорить. Иной раз отводишь душу за беседою с... Ф. И. Успенским. Вот до чего дошло! Правда, он стал неузнаваем: тих, скромненький без всякого чванства, вообще почтенный старик. И у него беда: начинается катаракт. А. А. Васильев, по всем данным, получит продолжение командировки, хотя и не без препон. Он, кажется, совсем обамериканился. Вернадскому, знаю по примеру Васильева, будет нелегко, особенно первый год, и если он, как писал мне, приглашен только на год, то вопрос, стоило ли ехать.⁴ А вот Д. Гримм⁵ хорошо устроился, надо полагать. Что же будут делать наши злосчастные философы? Глубоковский писал мне, что на август—сентябрь он уезжает в Швейцарию и Францию. Читали ли Вы описание его юбилея в Софии? Его бывшие коллеги по Академии говорили мне, что все это он сочинил сам, кроме, конечно, полученных приветствий. Должно быть, Глубоковскому стало жить хорошо, так как он в письмах перестал вечно жаловаться.

Об «Иконе»⁶ мало пока слышно разговоров: или еще не успели ознакомиться, или молчат от зависти (например, Николай Лихачев). Лишь Малицкий мне говорил, как приятно было читать «Икону» после всей этой «алпатовщины»⁷ (из ёрников ёрник).

У нас стояли 6 недель настоящего лета. Надо идти на прощальный, пред отъездом Марра, чай в Академии материальной культуры. А он собирается ехать не более, не менее, как к готтентотам. Sic!

Всего хорошего! Сестра Вам кланяется. Шебор тоже по старой памяти попал уже в «окружение».

Ваш С. Жебелев

ЛАПНП. Фонд Н. П. Кондакова. Автограф.

¹ ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 91.

² Жебелев С. А. Яков Иванович Смирнов // СК. 1928. Т. 2. С. 1—16.

³ Макаренко Николай Емельянович (1877—1938), украинский археолог, историк искусства, художник, реставратор. До 1919 г. жил в Петрограде: внештатный член, кандидат, ассистент, помощник хранителя Отделения средних веков и эпохи Возрождения Имп. Эрмитажа, преподаватель истории искусства на Высших женских архитектурных курсах и в школе Общества поощрения художеств, член РГАК—РАИМК. Директор Музея искусств им. Б. И. Хаенко (1920—1924), профессор Киевского университета; с 1924 г. действительный член Археологического комитета ВУАН и его Реставрационной комиссии. Неоднократно подвергался арестам (1925, 1934, 1936, 1937), осужден к высшей мере наказания, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1960—1965, 1989 гг.

⁴ Подробнее о жизни А. А. Васильева в эмиграции см.: *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества* // Скифский роман. М., 1997. С. 259—286.

⁵ Гримм Давид Давидович (1864—1941), юрист, профессор (1901—1913) и ректор (1910—1911) Петербургского университета, член ЦК кадетской партии, член Временного правительства, профессор и декан (1924—1927) Русского юридического факультета, заместитель председателя Учебной коллегии, заместитель председателя Русской академической группы в Праге (с 1921 г.), в ЧСР с 1922 по 1927 г., затем жил в Эстонии.

⁶ Краткий вариант «Русской иконы» вышел в 1927 г. в английском переводе Э. Миннса.

⁷ Алпатов Михаил Владимирович (1902—1986), искусствовед, художественный критик, действительный член Академии художеств СССР, профессор МГУ.

№ 62

С. Н. Кондаков — С. А. Жебелеву

[Прага]

[не ранее 14 августа 1927 г.]

Дорогому Сергею Александровичу на память о Никодиме Павловиче. Прага 1926 г. С. Кондаков.

Вот и все, что осталось от некогда столь славной фирмы!

ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 63. Л. 1—1 об. Фотооткрытка с видом временной могилы Н. П. Кондакова на Ольшанском кладбище, у которой стоит С. Н. Кондаков. См. воспроизведение на с. 761.

Археологический институт им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum).

По материалам архивов Праги*

Семинарий (с 1931 г. Археологический институт) им. Н. П. Кондакова — одно из наиболее значительных русских научных учреждений за границей — возник благодаря помощи Чехословацкой республики. В 1920-е гг. Прага стала третьим по значению, после Парижа и Берлина, центром русской эмиграции. В начале 1921 г. Чехословацкая республика в лице ее президента Т. Г. Масарика,¹ министра иностранных дел Э. Бенеша² и его ближайшего помощника, В. Гирсы,³ разработала государственный план помощи России, известный в истории как Русская вспомогательная акция. «Русская акция», осуществлявшаяся в широких масштабах до 1926 г., материально поддерживала русских эмигрантов, научные, учебные и культурные учреждения и печатные органы.⁴

Благосклонное отношение чехословацкого правительства к русским эмигрантам долгое время питали как восходящая к началу века сильная русофильская традиция, так и надежда на то, что советская власть в России долго не продержится и в скором времени будет заменена демократической системой. В 1927 г., когда исчезли надежды на скорое возвращение России к демократической системе и вследствие начавшегося в стране экономического спада, кредиты на «русскую акцию» стали сокращаться. В скромных размерах ее финансирование продолжалось до середины 30-х гг.

В начале 20-х гг. около тысячи студентов получили возможность закончить свое образование в Чехословацкой республике. Для их обучения в 1921—1922 гг. в Чехословакию были приглашены не меньше 500 профессоров и преподавателей, в том числе около 70 человек приехали из других центров эмиграции; профессорами

---

* Работа выполнена при поддержке фонда Сороса (RSS No: 1114/1996).

¹ Масарик (Masaryk) Томаш Гарик (1850—1937), чешский государственный деятель; первый президент Чехословацкой республики (1918—1935). Образование получил в Венском и Лейпцигском университетах, в 1876 г. защитил диссертацию на степень доктора философии; в 1882—1914 гг. профессор Карлова университета. С 1914 г. находился в эмиграции, в том числе и в России (с мая 1917 г. по март 1918 г.), где сблизился с партией кадетов и членами Временного правительства. В 1918 г. избран президентом ЧСР и вернулся на родину.

² Бенеш (Beneš) Эдвард (1884—1948), чешский политический деятель, министр иностранных дел ЧСР (1918—1935), премьер-министр (1921—1922), президент ЧСР (1935—1938; 1945—1948).

³ Гирса (Girsa) Вацлав (1875—1954), чешский политический и общественный деятель, дипломат, доктор медицинских наук, в годы первой мировой войны один из лидеров чехословацкого сопротивления в России, в 1919—1920 гг. представитель чехословацкого правительства во Владивостоке, в 1921—1927 гг. заместитель министра иностранных дел ЧСР.

⁴ Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28—38; Сератионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995.

Карлова университета были избраны В. А. Францев, Е. А. Ляцкий, А. А. Кизеветтер, Н. Л. Ожунев, А. М. Новиков.⁵

В конце 1922 г. по приглашению Карлова университета в Прагу из Софии приехал выдающийся византист и историк искусства академик Никодим Павлович Кондаков (1844—1925).⁶ Инициаторами его переезда в Прагу были профессор Карлова университета Л. Нидерле и президент ЧСР Т. Масарик, который был знаком с Кондаковым с 1890-х гг. За два с небольшим года своего преподавания в Карловом университете, в течение которых Кондаков читал курс истории средневекового искусства Восточной Европы и вел спецкурс по истории народного орнамента на материалах вышивки, он успел привить своим слушателям любовь и вкус к византийским штурдиям и собрать вокруг себя небольшой научный кружок, состоявший из студентов, молодых ученых и почитателей его таланта. Члены приватного семинара раз в неделю собирались у Кондакова дома и обсуждали с ним свои работы. Кроме начинающих ученых влияние Кондакова испытали на себе такие маститые историки, как Г. В. Вернадский и А. П. Калитинский. «Н. П. Кондаков, глубокий ученый, оказавший своими работами длительное влияние на развитие археологической науки не только русской, но и всемирной, был вместе с тем незаменимым учителем для более узкого круга учеников и последователей, которых он захватывал и воодушевлял своим научным энтузиазмом. За всю свою долготелную деятельность Н. П. Кондакова и в Одессе, и в Петрограде вокруг него постоянно сосредоточивались люди, привлеченные им к научному делу».

⁵ При поддержке чехословацкого правительства в Праге действовали четыре русских института (юридический, основан в 1922 г. как русский юридический факультет при Карловом университете, педагогический (с 1923 г.), сельскохозяйственный (с 1921 г.) и Русский народный университет (с 1923 г.)). С 1921 г. в Чехословацкой республике действовала Русская академическая группа, которая являлась высшим органом по приему экзаменов за курс историко-филологических факультетов русских университетов и защите диссертаций. Одновременно создавались украинские эмигрантские учебные заведения: Украинский свободный университет в Праге (1921 г.), Украинская экономическая академия в Подебрадах (1922 г.), Украинский педагогический институт им. М. Драгоманова в Праге (1923 г.), Украинские курсы пластического искусства в Праге (1923 г.), Украинская реальная гимназия в Праге (1925 г.). Подробнее о русских учебных заведениях в Праге см.: *Постников С. П. Русские в Праге. 1918—1928 гг.* Прага, 1928. С. 69—116. Кроме того, в Праге действовали научные общества и учреждения. В 1924 г. из Берлина в Прагу был переведен Экономический кабинет проф. С. Н. Прокоповича, научно-исследовательская работа которого сосредоточилась на подборе, систематизации и критическом анализе сведений о развитии советской экономики. В 1925 г. было основано Русское историческое общество под председательством Е. Ф. Шмурло. В 1924 г. появилось Философское общество в Праге; исследованием политической, социальной, хозяйственной и культурной жизни Советской России занимался учрежденный в 1924 г. Институт изучения России. Самым значительным из русских эмигрантских учреждений был созданный в 1923 г. в составе библиотеки Земгора Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Инициаторами создания РЗИА, видными учеными и общественными деятелями А. А. Кизеветтером, П. Б. Струве, Н. И. Астровым, П. Н. Милюковым, руководило желание спасти от гибели материалы по истории мировой и гражданской войн, утрата которых была бы невосполнима для истории России. В архиве сконцентрировались документы, мемуары и пресса по политической истории России начиная со второй половины XIX в. Составной частью архива была библиотека с обширной коллекцией печатных изданий по истории общественного и революционного движения России в XIX и XX вв. и эмиграции. В 1928 г. архив был переведен в ведение МИД ЧСР, в 1945 г. вывезен в Москву, а его библиотека передана Славянской библиотеке в Праге. В 1935 г. благодаря усилиям В. Ф. Булгакова в Праге, а точнее в ее пригороде, Зbrasлаве, начал свою работу Русский культурно-исторический музей, который по существу превратился в Музей русской эмиграции (см.: *Докашева Е. С. Русский культурно-исторический музей в Праге.* М., 1993). Крупным явлением в истории русской эмиграции была деятельность издательства «Пламя» в Праге, ставшего в 1923 г. премиюком издательства «Наша речь». В первые три года своего существования оно выпустило в свет более ста книг, в том числе три тома «Ученых записок». В Праге были и другие русские издательства: «Славянское издательство», «Крестьянская Россия», «Воля России». См.: *Постников С. П. Русские в Праге...* С. 194—204.

⁶ Кондаков покинул Россию в начале 1920 г.; после непродолжительного пребывания в Константинополе он переехал в Софию и стал профессором в Софийском университете и в течение двух лет (1920—1922 гг.) читал курс «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории образования общеевропейской культуры».

Многих из них уже нет в живых, другие продолжают работать во славу русской науки... Никодим Павлович всегда охотно раскрывал сокровищницу своего ума, таланта и знания, увлекаясь сам работами и планами работ своих учеников. Для этого ближайшего тесного кружка Никодим Павлович был средоточием духовной жизни, учителем, с которым можно было говорить обо всем, не боясь своего незнания, живую совестью, перед лицом которого нельзя было кривить душою», — писали они о своем учителе.⁷

После смерти Кондакова, последовавшей 17 февраля 1925 г., «участники всего кружка, — вспоминали Г. В. Вернадский и А. П. Калитинский, — поняли, что они не смогут так сразу разойтись и расстаться друг с другом в дальнейшей научной работе, ибо такой разброд означал бы измену памяти Н. П. Кондакова, который объединил их в творческой работе. Участники кружка почувствовали свою нравственную обязанность перед памятью Н. П. Кондакова — не прекращать своего научного общения, а наоборот — усилить свои труды и обострить свои искания».⁸ Так в апреле в 1925 г. возник дружеско-научный Семинарий им. Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*), преобразованный в 1931 г. в Археологический институт им. Н. П. Кондакова.⁹

В создании Семинария участвовали 11 человек, которые избрали своими руководителями профессоров Александра Петровича Калитинского и Георгия Владимировича Вернадского. Калитинский,¹⁰ в доме которого проходило первое заседание Семинария, приехал в Прагу в 1922 г. и преподавал в Карловом университете.

⁷ Отчет о работах Семинария имени Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*) в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // *Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines*. Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926. С. 297.

⁸ Там же.

⁹ Отчеты о деятельности Семинария за 1927—1929 гг. помещены в его сборниках *Seminarium Kondakovianum* (далее — SK); *Report of the Kondakov Institute. Praha, 1932—1937*. N 1—6. Деятельность Семинария (Института) им. Н. П. Кондакова посвящены работы: *Hroňová V. Etudes byzantines en Tchécoslovaquie // Balkan Studies*. 1972. Vol. 13. P. 301—311; *Rhineland L. H. Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 16, 3. 333—351; *Skálova Z. Das Prager Seminarium Kondakovianum, später das Archäologische Kondakov-Institut und sein Archiv (1925—1952) // Slavica Gandesia*. 1991. N 18. S. 21—43; *Пауымо В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе*. М., 1992. С. 32—44; *Аксенова Е. П.* Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // *Славяноведение*. 1993. № 4. С. 63—74; *Беляев С. А.* Из истории становления Семинария имени академика Н. П. Кондакова // *Русская эмиграция в Европе. 20-е—30-е годы XX века*. М., 1996. С. 3—34; *Росов В. А.* Неудавшееся попечительство. К истории взаимоотношений Института Гималайских исследований «Урусвати» и Института им. Н. П. Кондакова в Праге // *Ариаварта*. СПб., 1996. Начальный вып. С. 153—198; *Письма А. П. Калитинского в Семинарий им. Н. П. Кондакова / Публ. В. А. Росова // Ариаварта*. СПб., 1997. № 1. С. 227—272. Эти работы Росов объединил в своей монографии: *Семинарий КондаковIANUM*. Хроника реорганизации в письмах. 1929—1932. СПб., 1999. Несмотря на обилие публикаций об Институте им. Н. П. Кондакова, до настоящего времени не написана его история на основе архивных материалов, хранящихся в Праге в архиве (Отделе документальных фондов) Института теории и истории искусств АН ЧР (*Archiv Ustav dejin umeni AV CR*, далее — АИИИ АН ЧР). Фонд Археологического института им. Н. П. Кондакова (KI).

¹⁰ Калитинский Александр Петрович (1880 или 1879—1946), историк, археолог. Родился в семье офицера, выпускник отделения естественных наук физико-математического факультета Новороссийского университета; в 1906—1909 гг. преподаватель математики и естественной истории гимназии в Одессе; в 1909—1910 гг. преподаватель географии гимназии в Москве. В 1910 г. поступил в Имп. Московский археологический институт (ИМАИ) на отделение археологии, где специализировался на первобытной археологии и имел репутацию блестящего классификатора. В 1915 г. стал преподавателем кафедр бытовой и первобытной археологии ИМАИ. После закрытия ИМАИ в 1917 г. стал директором Оперы Зимина и членом Правления МХТ. В 1920 г. во время гастролей МХТ Калитинский и его жена Мария Николаевна Германова (1884—1940), артистка МХТ, оказались в Софии, а немного позже обосновались в Праге, где Калитинский занял кафедру в Карловом университете, а Германова вошла в Пражскую группу МХТ. В 1931 г. переехал из Праги в Париж. Подробнее о Калитинском см.: *Письма А. П. Калитинского в Семинарий им. Н. П. Кондакова*. С. 227—228.

Эрудированный и остроумный собеседник, блестящий лектор, истинный джентльмен — таким запомнился Калитинский своим друзьям и коллегам.¹¹

Г. В. Вернадский,¹² потомственный ученый, внук известного профессора политической экономии и сын знаменитого академика В. И. Вернадского, сам был блестящим ученым, в Праге под влиянием П. Н. Савицкого увлекся идеями евразийства и вскоре стал его признанным руководителем. Вернадский был профессором Русского юридического факультета и близко сошелся с Кондаковым, который пробудил в нем интерес к изучению древнейшего периода русской истории и дославянского населения русской равнины. Одновременно Вернадский под руководством Кондакова усиленно занимался изучением источников и литературы по византийской истории, и вместе они переводили трактат Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора».

В группу основателей Семинария входила также младшая сестра Г. В. Вернадского Нина Владимировна,¹³ которая завершала в это время в Карловом университете свое медицинское образование. Хотя по роду своих научных занятий она была далека от проблем византийского искусства, она с юношеских лет увлекалась рисованием и историей искусства; с Семинарием у нее были тесные родственные связи: кроме брата к числу его основоположников принадлежал ее муж, молодой, подающий большие надежды ученый, Николай Петрович Толль.¹⁴ Активный участник Белого движения, в Праге Толль нашел долгожданный покой и пристанище для научных занятий. Серьезный и одаренный ученый, он писал докторскую работу по археологии, занимался у Кондакова византийской историей и впоследствии пользовался в своей области солидной репутацией.

¹¹ Ср. отзыв Н. Е. Андреева: «Александр Петрович вообще обладал большим шармом; очень высокого роста, видна была породистость, и в лице, и в манерах он был большая индивидуальность, всюду обращали на него внимание. Недаром за него вышла одна из первых красавиц Москвы, Германа, замечательная актриса» (*Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Таллин, 1996. Т. 1. С. 289).

¹² Вернадский Георгий Владимирович (1887—1973), историк и философ; родился в Петербурге, в 1905 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, осенью 1905 г. уехал в Германию, где слушал лекции на философском факультете университета во Фрейбурге; в 1906 г. возвратился в Московский университет, который окончил в 1910 г. Среди его учителей были А. А. Кизеветтер, В. О. Ключевский. В 1911—1913 гг. был гласным уездного земского собрания в Моршанске Тамбовской губернии. С 1913 г. по сентябрь 1917 г. приват-доцентом по кафедре русской истории Петроградского университета; в октябре 1917 г. защитил магистерскую диссертацию «Русское масонство при Екатерине II» (Пг., 1917). Весной 1918 г. уехал в Симферополь, где стал профессором Таврического университета (1918—1920). В 1920 г. был заведующим отделом печати в правительстве генерала П. Н. Врангеля; после поражения Белой армии, в ноябре 1920 г., эвакуировался вместе с армией сначала в Константинополь, а потом в Афины, где прожил около года. В 1921 г. переехал в Прагу, с 1922 г. читал лекции по истории русского права на Русском юридическом факультете; в 1925—1927 гг. сопредседатель Семинария им. Н. П. Кондакова. В 1927 г. переехал в США и благодаря протекции М. И. Ростовцева получил место преподавателя (1927—1947), затем стал профессором русской истории (1946—1956), с 1956 г. заслуженным (Emeritus) профессором Йельского университета. В США издал и подготовил к печати ряд книг по русской истории. Главным трудом является многотомная история России («A History of Russia») (New Haven, 1943—1969. Vol. 1—5).

¹³ Толль Нина Владимировна (урожд. Вернадская, 1898—1986), врач; в 1922 г., выехав вместе с родителями в Париж, вскоре переехала в Прагу к брату и поступила на медицинский факультет Карлова университета. Подробнее о ней см.: Вернадская-Толль Н. В. Штрихи к портрету / Публ. В. Неаполитанской // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1988. Т. 15. С. 120—131.

¹⁴ Толль Николай Петрович (1894—1985), археолог, искусствовед; жил в ЧСР с 1922 по 1938 г. (или начало 1939 г.), ученик Н. П. Кондакова; член правления и вице-председатель Археологического института им. Н. П. Кондакова (1931—1938). В 1934—1937 гг. участвовал в экспедициях М. И. Ростовцева в Дура-Европос и в издании отчетов о проводимых там раскопках. В 1938 (или 1939) г. через Белград переехал с семьей в США и работал в Йельском университете. После выхода на пенсию жил в Мидлтауне.

На учредительном собрании присутствовали и совсем молодые ученики и слушатели Кондакова, среди них Николай Михайлович Беляев,¹⁵ который юношей прошел все бури гражданской войны и испытал невзгоды эмигрантской жизни, а весной 1922 г. переехал в Прагу, где получил от чехословацкого правительства студенческую стипендию и поступил на философский факультет Карлова университета. В университете он избрал предметом своих занятий историю византийского искусства, слушал лекции Л. Нидерле по русской и славянской археологии и Н. П. Кондакова по истории византийского искусства. Научные интересы Беляева сложились под влиянием Кондакова, память которого он благоговейно чтит, и А. П. Калитинского, направившего внимание молодого ученого к изучению византийских фибул.

У истоков Семинария стояли также интересующаяся вопросами византийского церемониала Мария Александровна Андреева,¹⁶ студент Дмитрий Александрович Расовский,¹⁷ специализирующийся на истории Древней Руси и кочевников, а также не оставившие заметного следа в дальнейшей истории Семинария богослов В. Н. Лосский (1909—1958) и Л. П. Кондрацкая, слушательница Кондакова и будущая жена Н. М. Беляева.

Особое место среди основателей Семинария принадлежало 65-летней княгине Наталье Григорьевне Яшвилъ.¹⁸ Сами кондаковцы подчеркивали ее исключительную роль в создании Семинария. Вспоминая его первое собрание, Калитинский писал княгине много лет спустя: «Ни наука сама по себе, хотя бы даже кондаковского размаха, ни личные симпатии наши друг к другу и покойному Н. П. не могли бы создать того чуда, каким явилось в свое время появление Семинария и его дальнейший расцвет. Все те конкретные побуждения и мотивы, которые руководили каждым из нас в тот момент, были лишь внешним и маленьким выражением той большой идеи, осуществление которой было насущным делом в то время и которую Вы только одна уловили тогда, ясно выразили и тем наложили на всю дальнейшую работу нашу определенный отпечаток».¹⁹

¹⁵ Беляев Николай Михайлович (1899—1930), историк византийского искусства; родился в Петербурге в семье артиллерийского генерала, в 1916 г. стал студентом историко-филологического факультета Петербургского университета; в 1917 г. поступил в Константиновское артиллерийское училище, служил в Добровольческой армии, дважды был ранен, дважды бежал из большевистского плена. Как написано в его некрологе, «нельзя не почувствовать внутреннего единства между этой борьбой офицера-мальчика за освобождение России от большевистского варварства и позднейшей культурной работой молодого русского ученого». После эвакуации из Крыма в 1920 г. Беляев два года провел в Константинополе, перебиваясь случайными заработками, пока в 1922 г. не переехал в Прагу и не поступил в Карлов университет. Ученый секретарь Семинария им. Н. П. Кондакова. Подробнее см.: Острогорский Г. Николай Михайлович Беляев (1899—1930) // СК. 1931. Т. 4. С. 253—260.

¹⁶ Андреева Мария Александровна (1900—не ранее декабря 1942), историк-византист; член Семинария и позже Института им. Н. П. Кондакова до 1931 г.; член Русского исторического общества, Славянского института, в конце 1930-х гг. и начале 40-х гг. сотрудник Славянской библиотеки.

¹⁷ Расовский Дмитрий Александрович (1902—1941), историк; в ЧСР с 1922 г., образование получил в Карловом университете; член Русского исторического общества; в 1930—1939 гг. секретарь Археологического института им. Н. П. Кондакова; в 1938 г. переехал с частью института в Белград; погиб во время немецкой бомбардировки вместе с женой И. Н. Расовской (урожд. Окунева, 1913—1941), дочерью Н. Л. Окунева.

¹⁸ Княгиня Яшвилъ Наталья Григорьевна (1861—1939) родилась в Петербурге в семье генерал-лейтенанта Г. И. Филлипова. Благодаря шотландскому происхождению своего отца она с детства прекрасно владела не очень популярным в то время английским языком. В тридцать лет она вышла замуж за князя Н. Г. Яшвила, но через три года овдовела. Мировая война и революция круто изменили жизнь княгини, ее сын ушел добровольцем на фронт, а она сама вместе с дочерью стали сестрами милосердия, в их киевском доме был устроен лазарет. Революция застала княгиню Яшвилъ в Киеве, и здесь в 1918 г. в один день были зверски убиты ее только что вернувшийся из плена сын Владимир Николаевич и зять, Георгий Михайлович Родзянко, сын председателя Государственной думы. Княгиня поседела за одну ночь и всю оставшуюся жизнь носила траур. После постигшей их семью катастрофы княгиня и ее дочь Т. Н. Родзянко целиком посвятили себя Белому движению. Генерал П. Н. Врангель до конца своей жизни поддерживал с ними дружеские отношения. См. о ней: Андреева Н. Княгиня Н. Г. Яшвилъ // СК. 1940. Т. 11. С. 236—240.

¹⁹ АИИИ АН ЧР. К1-17/66. Л. 60 об. А. П. Калитинский — Н. Г. Яшвилъ. 5.10.1932.

Претерпев за годы революции и гражданской войны не одну личную трагедию, княгиня со своей дочерью Т. Н. Родзянко, по приглашению чехословацкого правительства, переехала в Прагу, где она познакомилась с Кондаковым и под его влиянием увлеклась иконописью. Княгиня любила вспоминать, с какой строгостью Кондаков отнесся к ее первым иконописным опытам. Когда она принесла ему показать, по ее мнению, законченную икону, Кондаков ободрил ее словами: «Сударыня, теперь Вы можете приступить к написанию этой иконы: фон приготовлен». Это было, рассказывала княгиня, для нее настоящим ударом и одновременно откровением. С этого времени княгиня тесно связала свою работу с изучением русского прошлого в кружке учеников Кондакова. Кондаков очень уважал княгиню, ценил ее тонкий художественный вкус и пронизательный ум, и у них установились тесные дружеские отношения. Дочь Яшвилль Т. Н. Родзянко (1892—1933) также посещала семинар Н. П. Кондакова и интересовалась древнерусским искусством, занималась вышивкой по шелку иконных изображений.

Княгиня Яшвилль являлась почетным председателем Семинария и исполняла обязанности казначея, вела его обширную иностранную переписку. Княгиня прикипела душой к Семинарию и глубоко входила во все его интересы и нужды. Семинарий не мог бы, вероятно, превратиться в крупное научное учреждение, если бы не ее исключительная энергия, вера в успех дела, а также умение находить и привлекать нужных людей. Благодаря ее связям чуть ли не со всем миром, значительно расширился круг друзей Семинария и было положено начало его издательской деятельности. Обладая инициативой, предприимчивостью, большим здравым смыслом, деликатностью и подкупающей всех простотой обращения, княгиня оказывала заметное влияние на направления деятельности Семинария. Кондаковцы называли ее своей совестью, особо ее чтили и всегда с ней очень считались, хотя она ничуть не претендовала на какую-либо особую роль в Семинарии. Первые собрания Семинария проходили на квартире Яшвилль и Родзянко, находившейся в подвальной комнате на Слунной ул., д. 1. Это и был первый адрес Семинария.²⁰

С первых лет работы Семинария с ним были тесно связаны русские профессора американских университетов М. И. Ростовцев и А. А. Васильев, ленинградец С. А. Жебелев, жестоко пострадавший в 1929 г. за свое сотрудничество с Семинарием, приват-доцент университета в Бреславле Г. А. Острогорский²¹ и многие русские

²⁰ В конце 1931 г. благодаря содействию Т. Масарика Семинарий, преобразованный к тому времени в Институт, получил специальное помещение по адресу Слунная ул., д. 10. В 1944 г. Институт снова переехал на Гальштатскую ул., д. 6. См.: АИИИ АН ЧР. К1-7/6. Л. 8—16. Документы о найме помещений Института им. Н. П. Кондакова.

²¹ Острогорский Георгий Александрович (1902—1976) родился в Петербурге, окончил в 1919 г. классическую гимназию. Эмигрировав вместе с семьей в Финляндию, в 1921 г. Острогорский поступил в Гейдельбергский университет, где изучал философию и социологию. О пробуждении интереса к византийским занятиям он писал Успенскому: «Византийской историей начал заниматься незадолго до окончания Гейдельбергского университета. Непосредственных учителей в области византиноведения у меня не было, взялся я за такую работу (докторскую диссертацию из экономической истории Византии) по собственной инициативе и проводил ее на свой риск и страх, так как византологов в Гейдельберге, где я прошел и окончил университет, нету. По окончании университета (в 1925 г.) я уже не переставал заниматься византийской историей и, в частности, обратился к изучению иконоборческого периода»: ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 256. Л. 3—3 об. Письмо Г. А. Острогорского Ф. И. Успенскому от 11.01.1928. В 1924—1925 гг. он учился у Ш. Дияля в Париже и по возвращении в Гейдельберг в июне 1925 г. защитил докторскую диссертацию о сельской общине в Византийской империи X в. (*Die ländliche Steurgemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1927. Bd 20. S. 1—108). 3.11.1928 г. Острогорский получил звание приват-доцента Бреславльского университета, где читал лекции и вел практические занятия по истории Византии. В качестве диссертации на получение звания приват-доцента он представил работу по истории иконоборчества: «*Studien zur Geschichte des Bilderstreites*». В 1933 г., после прихода Гитлера к власти, Острогорский был обеспокоен тем, что его еврейское происхождение затруднит жизнь в Германии. Об этом он доверительно писал Толлю: «Судьба человека здесь сейчас зависит от его происхождения. Во-первых, я не германец, а русский. Во-вторых, предки мои со стороны отца — евреи. Не знаю даже, известно ли это Вам... Я никогда не ощущал и не ощущаю никакой связи с еврейством и,

ученые, жившие в Праге, среди них патриарх русского славяноведения академик, председатель Русского института в Праге и Русской академической группы В. А. Францев, ученик Кондакова профессор Карлова университета Н. Л. Окунев,²² профессор Русского юридического факультета А. В. Флоровский,²³ глава евразийской школы экономист и историк П. Н. Савицкий,²⁴ Н. Т. Беляев.²⁵ С Семинарием сотрудничали также иностранные ученые: профессор Карлова университета Л. Нидерле, немало содействовавший переходу Кондакова из Софийского университета в Пражский и изданию его работ в ЧСР, ученик Кондакова и переводчик его труда «Русская икона» на английский язык Э. Миннз, старинный друг Кондакова Г. Милле, венгерский археолог, хранитель отдела эпохи переселения народов Национального музея в Будапеште Н. Феттих, финский археолог А. Таллыгрэн.

29 октября 1928 г. президент Чехословацкой республики учредил при Семинарии стипендии для русских студентов Карлова университета, которые избрали

конечно, ни в какой мере не считаю себя евреем... Возьмете ли меня в Институт?»: АИИИ АН ЧП. К1-18/94. Л. 209. Письмо Г. А. Острогорского Н. П. Толлю от 20.04.1933. Острогорский был вынужден покинуть Германию, переехал в Белград и до 1973 г. был профессором философского факультета Белградского университета. С 1931 г. действительный член Института им. Н. П. Кондакова и член правления. В марте 1948 г. при его участии был основан Византологический институт Сербской Академии наук и искусств, и до своей кончины Острогорский являлся его директором и редактором всех его изданий (в 1951 г. открыта серия «Отдельных изданий Византологического института», с 1952 г. начали выходить Сборники трудов Византологического института; по его инициативе было начато издание византийских источников по истории народов Югославии). Научная деятельность Острогорского сосредоточилась главным образом в области аграрной истории Византии и истории византийской идеологии; его капитальная «История Византийского государства» (*Ostrogorsky G. A. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940*) принесла ему мировое признание. В Югославии она была вновь переиздана в 1993 г.: *Острогорски Г. А. Историја Византије. Београд, 1993*.

²² Окунев Николай Львович (1885—1949), историк искусства; выпускник Петербургского университета (1911), ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1913—1914), в 1916 г. был прикомандирован к РАН и занимался под руководством Кондакова. В 1918 г. стал профессором Новороссийского университета, в 1920 г. эмигрировал в Югославию, в 1923 г. переехал в Прагу и был сначала преподавателем, а с 1934 г. профессором Карлова университета; член Славянского института, с 1931 г. почетный член Института им. Н. П. Кондакова.

²³ Флоровский Антоний Васильевич (1884—1968), историк, магистр русской истории (1916); доктор русской истории (1936), в 1957 г. получил степень доктора исторических наук согласно новым правилам об ученых степенях в ЧСР. Родился в Елисаветграде, выпускник Новороссийского университета (1908), с 1912 г. приват-доцент, с 1917 г. профессор Новороссийского университета, в 1915—1922 гг. заведующий музеем Одесского общества истории и древностей. В 1922 г. выслан из России, после нескольких месяцев пребывания в Константинополе, Софии и Белграде в начале 1923 г. приехал в Прагу: профессор Русского юридического факультета (с 1923), читал лекции на кафедре русской истории Карлова университета (1933—1939, 1945—1955, в 1948 г. утвержден в звании ординарного профессора), с 1929 г. член Славянского института, председатель Русского исторического общества (1938—1940) и Совета Русского заграничного архива (1933—1945), председатель правления Института им. Н. П. Кондакова (1948—1952), с 1946 г. имел советское гражданство, но остался в ЧСР.

²⁴ Савицкий Петр Николаевич (псевд. П. Востоков) (1895—1968), экономист, историк, географ, один из основоположников евразийства; преподаватель экономического факультета Политехнического института в Петрограде; в 1922 г. эмигрировал в ЧСР, с 1922 г. доцент Русского юридического факультета и с 1925 г. преподаватель Русского народного университета в Праге, Немецкого университета (1935—1941), директор Русской гимназии в Праге (1940—1944), член правления Института им. Н. П. Кондакова (в 1945 г. арестован советскими спецслужбами, увезен в СССР, после освобождения из заключения в 1956 г. вернулся в ЧСР, в 1961—1962 гг. арестован чехословацкими спецслужбами).

²⁵ Беляев Николай Тимофеевич (1878—1955), минералог, специалист в области металлургии, историк; профессор Михайловской артиллерийской академии; в 1909 г. опубликовал свой основной труд «О кристаллизации стали». После 1917 г. эмигрировал в Англию, в Лондонском университете читал лекции о кристаллизации металлов, член совета Лондонского минералогического общества; в 1934 г. переехал в Париж, действительный член Русской академической группы в Париже и представлял ее в Совете профессоров Русского высшего технического института во Франции. По отзывам своих коллег, «Беляев представлял собой редкое сочетание крупного специалиста-металлурга и талантливого русского историка, с особой любовью исследующего ранние эпохи русской государственной культуры»: АИИИ АН ЧР. К1-16/11. Л. 2.

своей специальностью русскую археологию. На эти стипендии были приняты Н. Е. Андреев²⁶ и Е. И. Мельников.²⁷

* * *

Семинарий им. Н. П. Кондакова был создан по типу университетского учебно-научного кружка и объединил для совместной работы ближайших учеников Кондакова и его почитателей, увлеченных лучшими традициями русской археологической науки. Главными целями сообщества были издание оставшихся после смерти Н. П. Кондакова научных трудов и продолжение и дальнейшее развитие научных исследований в области археологии и византиноведения.

Состояние пражской части научного наследия Кондакова охарактеризовано в письме Вернадского Ф. И. Успенскому: «Что касается рукописей, оставшихся после Н. П. Кондакова, то из них рукопись III тома “Иконографии Богоматери” была куплена папским престолом и теперь будет издаваться на французском языке под редакцией Жерфаниона (я получил недавно от Жерфаниона письмо об этом). Краткий очерк истории русской иконы будет издан по-английски Clarendon Press — перевод и редакция Миннса (он надеется скоро закончить). По-русски история иконы должна быть издана в Праге, рукопись куплена здешним Министерством иностранных дел, но оно связано с издательством “Пламя”, и выходят всякие задержки и осложнения — мы принимаем меры, чтобы ускорить это издание. Надеюсь сообщить Вам более определенные сведения через месяц. Затем все прочие оставшиеся после Н. П. Кондакова бумаги (в том числе, по-видимому, несколько почти законченных или даже вполне законченных очерков по истории орнамента, истории костюма и пр.) находятся у его сына, С. Н. Кондакова, причем, согласно воле Кондакова, доходы с издания этих бумаг должны быть разделены между С. Н. Кондаковым и Е. Н. Яценко. Профессор Нидерле вел переговоры с С. Н. Кондаковым о приобретении некоторых очерков Чешской Академии наук для издания, но, по-видимому, из этих переговоров ничего не вышло. Были предположения о покупке части бумаг Кондакова и другими лицами, но пока они также не осуществились, и не знаю, осуществляются ли».²⁸ К сожалению, не все оставшиеся после смерти Н. П. Кондакова работы были опубликованы: III том «Иконографии

²⁶ Андреев Николай Ефремович (1908—1982) родился в Петербурге; в 1919 г. после отступления армии Юденича его семья переехала в Эстонию; в 1927 г. окончил русскую гимназию в Таллине; в 1927—1931 гг. был студентом Карлова университета, где под руководством Л. Нидерле, М. М. Мурко, В. А. Францева, Е. А. Ляцкого, А. А. Кизеветтера и Н. Л. Окунева изучал славянскую литературу и историю на философском факультете; в 1928 г. стал личным стипендиатом Т. Г. Масарика и был принят в Семинарий им. Н. П. Кондакова; в 1933—1938 гг. получал личную стипендию от частной канцелярии президента. В 1933 г. получил звание доктора философии Карлова университета за работу «Дело дьяка Висковатого, как литературное и идейное явление» и продолжил свою работу в стенах Института уже как его действительный член, выполняя обязанности библиотекаря и секретаря. В 1939—1945 гг. был директором Института им. Н. П. Кондакова; 1945—1947 гг. провел в советских военных тюрьмах в Чехословакии и Восточной Германии. В 1948 г. он был приглашен преподавать в Славянском отделе Кембриджского университета; в 1955 г. его выбрали членом Кларк Холл, а в 1973 г. он получил назначение экстраординарным профессором славяноведения. Работы Андреева посвящены развитию общественной мысли и истории допетровской Руси и литературе XIX в. См.: *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Т. 1—2; *Гаррисон В., Пайман А.* Памяти ушедших. Николай Ефремович Андреев // *Новый журнал.* 1982. 263—270.

²⁷ Мельников Евгений Иванович (р. 1909), филолог-славист, родился в Волыни, в 1929 г. из Западной Польши приехал в Прагу и поступил в Карлов университет, в том же году стал стипендиатом при Семинарии им. Н. П. Кондакова; в 1935—1945 гг. был его сотрудником, а в 1940 г. — член правления; в 1946 г. перешел на преподавательскую работу, работал учителем русского языка в школе, лектором русского языка на медицинском факультете Карлова университета; с 1953 г. сотрудник Чехословацко-советского института, с 1964 г. сотрудник Института языка и литературы АН ЧСР.

²⁸ ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 458. Л. 10—10 об. Письмо Г. В. Вернадского Ф. И. Успенскому от 28.05.1926.

Богоматери» так и не увидел свет, и судьба этого труда неизвестна; трудно судить о том, какая часть из попавших в распоряжение С. Н. Кондакова материалов была им предоставлена для издания.

Издание научного наследия Кондакова было начато благодаря поддержке Министерства иностранных дел ЧСР, которое еще в 1924 г. приняло решение приобрести права на издание последнего капитального труда Кондакова «Русская икона», являвшегося итогом его многолетних занятий историей иконописи.²⁹ К 80-летию юбилею ученого министерство предоставило средства, которые дали возможность Семинарию осуществить посмертное издание этой работы.³⁰ Издание было задумано в виде двух томов текста и двух альбомов таблиц, причем иллюстративный материал был дополнен членами Семинария новыми репродукциями. Первый том этого труда, представлявший собой альбом 65 русских икон в красках, вышел в 1928 г. и был посвящен чешскому народу ко дню десятилетия его освобождения. В 1929 г. был издан второй альбом, воспроизводивший основной иллюстративный материал Н. П. Кондакова. Оба альбома вышли с кратким описанием икон, составленным Н. М. Беляевым. В 1931 г. была опубликована первая часть текста, в 1933 г. — вторая. В 1927 г. увидели свет «Воспоминания и думы» Кондакова. Оставшиеся после смерти Кондакова отдельные заметки и материалы по истории богумильства были опубликованы в виде статьи в первом сборнике «*Seminarium Kondakovianum*».

Последние годы жизни Кондаков много внимания уделял также изучению звериного стиля в искусстве и придавал большое значение кочевнической традиции в формировании византийского придворного церемониала и в истории одежды византийского двора. Накануне смерти Кондаков готовил к изданию материалы своих лекций, прочитанных им в 1922/23 учебном году в Карловом университете. Кондаков собирался положить их в основу большого труда «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры», но не успел завершить начатой работы. Наблюдение за изданием «Очерков» было поручено Н. М. Беляеву, который слушал этот курс. Беляев взял на себя проверку рукописи и корректуру книги, которую Кондаков разделил на 6 глав: древности восточных кочевников в Южной России; искусство средневековых варваров в Европе; древности Болгарии; о зверином стиле в средневековом искусстве; византийские одежды; византийские и средневековые ткани. Кондаков не успел написать главу «О зверином стиле в искусстве», в рукописи остались только предварительные черновые заметки.

Во время работы над «Очерками», занимаясь бытовыми реалиями византийской эпохи, Кондаков постоянно обращался к сочинению Константина Порфирородного «*De Cerimoniis*» — «О церемониях византийского двора» и взялся за его перевод. В фонде Н. П. Кондакова в Литературном архиве Музея чешской письменности в Праге хранятся три тетради с фрагментами перевода «*De Cerimoniis*» (гл. 91—97 первой книги, гл. 1—10 второй книги) и многочисленные выписки и заметки, сделанные рукой С. Н. Кондакова и Е. Н. Яценко. Начиная с января 1923 г. дневники Н. П. Кондакова сохранили записи о том, что каждую среду он вместе с Г. В. Вернадским в течение трех вечерних часов занимался комментированным чтением «*De Cerimoniis*». После смерти Кондакова Вернадский продолжил работу над переводом трактата Константина Порфирородного и заинтересовал ею Беляева и Толля. Кондаковцы предполагали снабдить перевод детальным комментарием

²⁹ Письмо В. Гирсы Н. П. Кондакову от 9.05.1924. Опубликовано в двуязычном издании: *Dokumenty k dejinám ruské a ukrajinské emigrace v československé republice (1918—1939)*. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918—1939) / Сост. З. Сладек, Л. Белашевская. Прага, 1998. С. 50.

³⁰ *Кондаков Н. П. Русская икона* / Предисл. проф. Л. Нидерле. Прага, 1931. Ч. 1. С. VII.

и фототипическим изданием рукописи, а сам перевод разбить на семь выпусков³¹ и сопроводить каждый выпуск вводной статьей и индексом. Кроме того, Вернадский считал полезным дать немецкий перевод произведения, который мог бы дополнить Острогорский. По словам С. А. Жебелева, «это было бы такое научное предпринятие, равного которому по значению я не сумею и назвать».³² Общее руководство в подготовке издания поручалось Вернадскому, проверка текста по рукописи — Острогорскому.³³ Редактировать перевод решили сообща, а окончательной правкой должен был заниматься Вернадский. Составление индекса поручили Беляеву, вводные статьи распределили среди участников перевода.³⁴ К концу 1928 г. перевод вчерне был закончен, и Беляев поставил вопрос о его издании, правда, без немецкого перевода. Предложение Беляева было принято на заседании редакционной комиссии. Вернадский торопился с подготовкой первого выпуска, желая приурочить его выход к пятилетнему юбилею Семинария.³⁵ Для этого выпуска он перевел приложение «Известие о царских походах» и написал к нему вступительную статью. Все подготовленные им материалы Вернадский прислал в Семинарий весной 1929 г.,³⁶ но их издание задерживалось из-за отсутствия средств.

В начале 1926 г. до Праги дошли сведения о том, что в Петербурге академическая комиссия «Константин Багрянородный», которая к тому времени была преобразована в Русско-Византийскую комиссию, также готовила к изданию перевод «De Cerimoniis». Вернадский обратился к председателю комиссии Ф. И. Успенскому с предложением о сотрудничестве: «Пользуюсь случаем, чтобы просить Вашего совета и содействия по поводу перевода De Cerimoniis Константина Порфиородного... Занятия я эти начал еще под руководством Н. П. Кондакова. К ним я привлек также учеников Н. П. Кондакова Н. М. Беляева и Н. П. Толля. Изучение текста привело нас к необходимости перевода полностью текста De Cerimoniis. Перевод этот нами вчерне в большей части исполнен. Теперь мы предполагаем подготовить этот перевод к изданию. Нам хотелось бы не разойтись здесь с работой Византийской комиссии при Академии наук и согласовать нашу работу с теми материалами, которые собрала Византийская комиссия. (Прошлым летом А. А. Васильев говорил мне, что и им подготовлена часть перевода De Cerimoniis, но подробнее со мною об этом говорить он, видимо, не хотел.) Хотелось бы, чтобы это столь нужное для византиноведения дело было сделано как можно лучше и обстоятельнее. Тут нужно, конечно, соединение усилий, а не разъединение. Очень прошу Вас откровенно написать свое мнение по поводу этого дела, а также сообщить, как нам можно его повести в более тесном общении с Византийской комиссией».³⁷ Вернадский получил от Успенского следующие разъяснения: перевод

³¹ Вып. 1. Appendix ad librum I «Трактат о царских походах»; Вып. 2. I, 1—37; Вып. 3. I, 38—59; Вып. 4. 62—90; Вып. 5. I, 91—97; Вып. 6. II, 1—51; Вып. 7. II, 52—56.

³² АИИИ АН ЧР. К1-15/1. Л. 16. Письмо С. А. Жебелева от 10. 04.1926.

³³ Острогорский еще в 1926 г. выражал Вернадскому готовность заказать фотографии кодекса «De Cerimoniis» в Лейпциге: АИИИ АН ЧР. К1-18/94. Л. 221, 274.

³⁴ Там же. К1-5/4, 5, 6. Л. 2 об. Протокол заседаний редакционной комиссии от 30.11.1928.

³⁵ Вернадский писал А. П. Калитинскому: «Что касается лично меня, я именно в этой работе и видел свой вклад к пятилетию»: АИИИ АН ЧР. К1-21/158а. Л. 169. 12.07.1930.

³⁶ Там же. К1-18/158а. Л. 165. Копия письма В. Г. Вернадского Н. Г. Яшвилу. 24.11.1930.

³⁷ ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 458. Л. 10 об.—11. Письмо Г. В. Вернадского Ф. И. Успенскому от 28.05.1926. Технические детали предполагаемого сотрудничества Вернадский изложил в своем письме Успенскому от 25.06.1926: «Что касается нашего перевода De Cerimoniis Константина Порфиородного, то хотелось бы вести это дело, а также и составление комментария, в полном согласовании с руководимой Вами Русско-Византийской комиссией. Не знаю, как сделать это формально, можно ли и нужно ли как-нибудь оформлять, но по существу можете считать меня (а также моих сотрудников Н. М. Беляева и Н. П. Толля) привлеченными к работе Вашей Русско-Византийской комиссии. Перевод De Cerimoniis нами почти закончен, к осени, надеюсь, будет и совсем кончен. На лето (недели через две) я собираюсь ехать в Афины, чтобы позаниматься над некоторыми неясными терминами Константина

действительно был поручен А. А. Васильеву, который до своего отъезда за границу в 1925 г. его комиссии не представил, хотя и оставил его в Петербурге. По словам Успенского, с переводом «произошло нечто неладное, и Русско-Византийская комиссия не считает его своим делом».³⁸

В 1929 г., когда встал вопрос об издании перевода, Вернадский вновь забеспокоился и вернулся к этому вопросу в письме своему коллеге Беляеву: «Вот еще какой деликатный вопрос мною упущен в моем предыдущем письме насчет Константина — об А. А. Васильеве. Ведь, помните, он мне когда-то в Париже (кажется, в 1925 г.) говорил, что у него почти весь перевод Константина якобы готов, и именно он, Васильев, рекомендовал обратиться в Русско-Византийскую комиссию при АН (что мы и сделали). Теперь, раз наше сотрудничество с комиссией отпало, не нужно ли мне вновь обратиться к А. А. Васильеву — на этот раз, может быть, прямо с предложением войти в нашу редакционную по Константину комиссию? (но конечно, с риском, что он откажется и даже обидится при этом). Но без этого он еще хуже обидится. Мне кажется, это во всех отношениях было бы желательно сделать».³⁹ Васильев вскоре сам дал исчерпывающие объяснения Вернадскому: «С переводом *De Cerimoniis* дело обстоит так: я стал переводить Церемонии для себя еще до образования Византийской комиссии. Когда Комиссия образовалась, я продолжал свой перевод и начал составлять для Комиссии индекс к Церемониям. Перевел я половину книги, а индекс, кажется, сделал страниц на 200 боннского издания. Перевод я считал своим достоянием, и рукопись его хранится не в Комиссии, а у меня на частной квартире в Петербурге. Я, может быть, выпишу ее оттуда сюда в Мадисон. Я думаю, что при сложившихся обстоятельствах Семинариум Кондаковичанум совершенно правильно и целесообразно поступит, если начнет печатать свой перевод самостоятельно. С моим переводом, я думаю, Вам считаться нечего: я его делал для себя и комментариев в черновом виде также собирал и приготавливал для себя. Все, что сделано мною, находится в состоянии, далеком от печатания. Поэтому я полагаю, что вы втроем, Вы, Н. М. Беляев и Г. А. Острогорский, успешно доведете это трудное дело до благополучного конца, и я от души желаю Вам всяческого успеха. Если я смогу быть Вам чем-либо полезным в Вашей работе, буду очень рад».⁴⁰

В 1930 г. планы Семинария относительно перевода «*De Cerimoniis*» коренным образом изменились, после того как Острогорский на съезде в Афинах познакомился с г. Грегаром, который в это время готовил переиздание сочинений византийских историков, в том числе и Константина Порфирородного, с переводами и комментариями. Острогорский отзывался о Грегаре как о «человеке надежном, толковом, феномене трудоспособности» и сразу предложил Грегару включить в план его издания работу Семинария по Константину. Острогорский считал само собой разумеющимся, что в редактировании текста Константина, который выйдет в Корпусе

в архиве Словаря средне- и новогреческого языка (там ведь собран большой материал). После этой поездки мы сможем, я думаю, окончательно проредактировать наш перевод и по мере считки и проверки могли бы по частям посылать его Вам в РВК; надеемся, что и РВК сможет нам переслать копии каких-либо материалов по Константину и помочь справками. Вопрос об издании перевода и комментария к *De Cerimoniis* сейчас еще, конечно, нельзя предрешать. За лето должны выясниться наши издательские возможности. Может быть, мы смогли бы взять на себя издание перевода и имеющихся в РВК материалов, как представители и по поручению РВК, — но об этом еще надо будет много думать, и сейчас еще рано принимать окончательное решение»: Там же. Л. 12—12 об.

³⁸ АИИИ АН ЧР. К1-6/2. Л. 61. Письмо Ф. И. Успенского Г. В. Вернадскому от 19.06.1926. В своем письме Успенский ссылается на не сохранившийся в архиве ответ В. Н. Бенешевича, своего заместителя по комиссии, который сообщил более подробные сведения о судьбе перевода.

³⁹ АИИИ АН ЧР. К1-28/41 (листы не пронумерованы). Письмо Г. В. Вернадского Н. М. Беляеву от 29.01.1929.

⁴⁰ Там же. К1-12/3. Л. 74. Письмо А. А. Васильева Г. В. Вернадскому от 30.03.1929.

Грегуара, примут участие и Беляев, и Вернадский, и он сам. В пользу того, чтобы «влиять Константина в общую работу», Острогорский приводил в письме Вернадскому следующие соображения: «1) у них есть деньги, и им не придется дробить на мелкие выпуски; 2) перевод будет немецкий или французский, а Ваш послужит ему ценным подспорьем; 3) от привлечения к сотрудничеству еще нескольких специалистов работа может существенно выиграть, — и это, пожалуй, главное соображение: конечно же есть масса людей-филологов, которые могут несравненно лучше меня сверить и издать текст (я этого хорошо сделать просто не в состоянии по недостатку филологических и палеографических знаний); привлечение к интерпретации чинов такого человека, как Stein, также было бы крайне желательно (а Stein чрезвычайно положительно относится к этому предприятию и будет в нем сотрудничать); 4) наконец, по-видимому, ни у кого из нас трех, в сущности, нет достаточно времени, чтобы поднять втроем эту работу».⁴¹ В целесообразности своего проекта он убедил Беляева. Вернадский же отрицательно отнесся к идее передачи материалов по Константину Грегуару, полагая, что таким образом разрушается одна из основных задач Семинария. Сожалея о том, что в 1929 г. не приступили к изданию первого выпуска, он настаивал на том, что Семинарий не может отказаться от этой работы.⁴² После колебаний Вернадский все же согласился передать свои материалы по переводу, в том числе вступительную статью к «Известиям о царских походах».⁴³ В июле 1932 г. перевод и все материалы, относящиеся к нему, были посланы Грегуару.

К сожалению, это издание не состоялось, а с появлением французского перевода «De Serimonii», выполненного Фохтом, надобность в русском переводе отпала. В 1937 г. Вернадский, обдумывая возможность издать сборник своих работ, захотел включить в него и свой неизданный перевод аппендикса к «De Serimonii» «Известие о царских походах» вместе со вступительной статьей.⁴⁴ Перевод вместе со статьей были затребованы у Грегуара⁴⁵ и, по-видимому, посланы Вернадскому в США.

* * *

Помимо издания научного наследия Кондакова Семинарий, а впоследствии и Институт, поставил перед собой задачу сохранения и дальнейшего развития той традиции в изучении культурного прошлого России, основателем которой был Кондаков. Предметом занятий членов Семинария были главным образом византиноведение, иконоведение и кочевниковедение.

По словам Калитинского, «изучение иконы как памятника истории искусства и религиозно-бытового явления в задуманном нами плане касается вопросов о приносимых византийских оригиналах и о степени достоверности сообщений древних сказаний и легенд».⁴⁶ В 1928 г. было положено начало серии «Зографика», посвященной памятникам иконописи. Главной задачей предпринятой серии являлось предоставление возможности изучать материал, касающийся иконописи; основное внимание уделялось воспроизведению памятников, а сопутствующий

⁴¹ Там же. К1-18/158а. Л. 168. Копия письма Г. А. Острогорского Г. В. Вернадскому от 11.11.1930.

⁴² В письме княгине Яшвиль Вернадский бодрился: «Пусть Беляев и Острогорский уходят, может быть, со временем удастся все-таки и без них дать по Константину то, чего Грегуар не даст»: АИИИ АН ЧР. К1-18/158а. Л. 165. Копия письма В. г. Вернадского Н. Г. Яшвиль. 24.11.1930.

⁴³ Там же. К1-5/7. Л. 30. Протокол заседания Правления Института от 3.10.1931.

⁴⁴ Там же. К1-21/158а. Л. 34. Г. В. Вернадский — Д. А. Расовскому 5.06.1937.

⁴⁵ Там же. К1-17/55. Л. 15. Д. Расовский — Г. Грегуару. 17.07.1937. Еще в 1932 г. Острогорский писал Н. П. Толлоу: «Георгий Владимирович спрашивал, нету ли у меня части перевода Константина. У меня ничего нету. Последние дополнительные материалы я привез прошлый раз в Прагу, а перевод сдал уже очень давно весь, еще при Николае Мнхайловиче»: АИИИ АН ЧР. К1-18/94. Л. 225 об.

⁴⁶ *Росов В. А.* Семинариум Кондаковичанум... С. 123.

репродукциям текст имел фактологический характер. Редактирование этой серии было поручено Н. М. Беляеву; ее первый выпуск был посвящен древнейшему памятнику иконописи в России — Владимирской иконе Божьей Матери. Текст был написан московским профессором А. И. Анисимовым, а цветная репродукция, исполненная в Праге, впервые воспроизводила лики знаменитой иконы в натуральную величину.⁴⁷ После Владимирской иконы Божьей Матери были опубликованы исследования А. Н. Грабара «Нерукотворный образ Ланского Спаса» (Прага, 1930) и Н. М. Беляева «Икона Божией Матери Умиления из собрания Солдатенковых» (Прага, 1932). Книги в серии «Зоографика» сразу становились достоянием широких научных кругов на Западе благодаря тому, что они выходили одновременно на двух языках, русском и английском (их переводом на английский обычно занимались Н. Г. Яшвилль и Т. Н. Родзянко).⁴⁸

Семинарий, а позже Институт, стал центром изучения русской иконы не только благодаря серии своих изданий; важную роль в этом сыграла деятельность Яшвилль и Родзянко, которые интересовались практическим изучением и популяризацией иконописи.⁴⁹ По инициативе Яшвилль в Институте трижды устраивались курсы иконописи под руководством иконописца из посада Черного в Эстонии П. М. Софронова. В 1932 г. княгиня помогла Институту устроить выставку древних русских икон и вместе со своей дочерью и Н. П. Толлем проделала огромную работу по сбору и подготовке экспонатов. На выставке были представлены 82 иконы XIV—XIX вв. и коллекция предметов культа. Княгиня мечтала издать популярное руководство по иконописи, и по ее почину сотрудники Института собирали и систематизировали материалы на эту тему.⁵⁰ В 1934 г. Институт принес в дар изготовленные в его стенах репродукции древних русских икон новым церквям, построенным в Чили и Словакии.⁵¹ В 1935 г. были организованы выставки репродукций русских икон в Эстонии и Польше.⁵²

Вторая научная задача, поставленная Семинарием, — изучение древностей кочевников. Во главе этого направления стоял Н. П. Толль, куратор археологической серии «Скифика», которая появилась в 1929 г. и была посвящена истории искусства кочевников.⁵³ Член Семинария Д. А. Расовский занимался выяснением роли половцев и других кочевников в истории Руси XII—XIII вв.

Члены Семинария занимались и частными вопросами археологии: А. П. Калитинский разрабатывал вопросы истории торевтики и исследовал историю фибулы в Византии и в России. Н. П. Толль сосредоточился на изучении средневековых тканей, в 1928 г. вышла в свет его монография, посвященная описанию коллекции коптских тканей в Пражском Художественно-промышленном музее. Г. А. Острогорский занимался эпохой иконоборчества, Н. Т. Беляев разрабатывал

⁴⁷ Анисимов А. И. Владимирская Икона Божией Матери. Прага, 1928.

⁴⁸ Готовились к печати, но так и не были опубликованы работы Н. М. Беляева «Христос во гробе — Не рыдай мене Мати» и Н. Л. Окунева «Христос во гробе».

⁴⁹ Княгиня и сама постоянно работала в области практического иконописания и даже руководила чужими работами; среди ее учеников был, например, князь Карл Шварценберг. Княгиня стилизовала в иконописном духе даже написанные ею для Института портреты Н. П. Кондакова и Н. М. Беляева. Эти портреты были опубликованы в «Сборнике памяти Н. П. Кондакова» 1926 г. и SK. 1931. Т. 4, а ныне они хранятся в АИИИ АН ЧР.

⁵⁰ Андреев Н. Княгиня Н. Г. Яшвилль. С. 238.

⁵¹ Report of the Kondakov Institute for the year 1934. Prague, 1935. N 3. P. 4.

⁵² Report of the Kondakov Institute for the year 1935. Prague, 1936. N 4. P. 4.

⁵³ В этой серии были опубликованы четыре работы: Вып. 1. *Ростовцев М. И.* Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. Прага, 1929; Fasc. II. *Fettich N.* Bronzeguss und Normadenkust auf Grund der ungarländischen Denkmälern mit einem Anhang von L. Bartucz, Über die antropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonzenjanos, Ungarn. Prag, 1929; Вып. 3. *Перух Ю. Н.* Зверный стиль у кочевников северного Тибета. Прага, 1930. Fasc. IV. *Rhé Gy, Fettich N.* Jutas und Öskü, Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhang von L. Bartucz. Prag, 1931.

вопросы метрологии и древней русской истории. Семинарий (Институт) выпустил и ряд отдельных изданий: в 1930 г. вышли книга М. К. Тенишевой «Эмаль и инкрустация» и ее работа о византийских эмалях в Чехословакии.⁵⁴ В 1934 г. Институт, по предложению Йельского университета, принял на себя ответственность за издание отчетов о раскопках в Дюра-Европос, так как печатание в Праге было значительно дешевле, чем в США.⁵⁵ Подготовительную работу провел Толль, участвовавший с 1933 г. в раскопках под руководством М. И. Ростовцева, а после отъезда Толля в США в 1939 г. издание отчетов взял на себя Андреев.

* * *

Обсуждение работ членов Семинария проходило на общих собраниях. Создатели Семинария предполагали, что совместное обсуждение работ друг друга в какой-то мере могло заменить руководство покойного ученого и давало возможность его ученикам Н. М. Беляеву и Н. П. Толлю, бывших в момент смерти Кондакова еще студентами университета, закончить свою научную подготовку. Заседания были по большей части закрытые, обычно они проходили раз в неделю и прерывались на летний период. Предметом обсуждения были доклады, как научные, так и библиографические, перечень которых помещался в отчеты о работе Семинария, а позже Института. Иногда с докладами выступали и иностранные ученые: Н. Феттих (1925 г.), Й. Мысливец (1933 г.), Г. Грегугар (1934 г.). Один, а позже и два раза в год проходили торжественные открытые заседания с приглашением чешских и иностранных гостей.⁵⁶

Когда Беляев и Толль стали уже вполне сформировавшимися учеными, в 1929 г. в Семинарий были приняты для завершения своего образования в области археологии и византиноведения президентские стипендиаты Н. Е. Андреев и Е. И. Мельников. Совмещая свои занятия в Карловом университете, они прослушали ряд курсов у Калитинского, Толля, Беляева и Острогорского, последний специально приезжал из Бреславля в Прагу для чтения лекций молодым кондаковцам. Андреев по окончании учебы специализировался на русской истории и подготовил несколько добротных статей, которые появились на страницах «Анналов» Института и порадовали его учителей. Филологу Мельникову в меньшей степени привился вкус к историческим штудиям, но его тонкое знание чешского языка также было очень полезно для Семинария. К 1931 г. все молодые участники Семинария завершили свое образование, и эта часть его задач была выполнена. Большим подспорьем в занятиях участников Семинария была библиотека, которая первоначально насчитывала только 450 книг, но благодаря пожертвованиям быстро увеличилась. В 1929 г. княгиня Е. К. Святополк-Четвертинская подарила Семинарию около 1000 книг.

⁵⁴ Толль Н. П. Коптские ткани Художественно-Промышленного музея в Праге. Прага, 1928; Тенишева М. К. Эмаль и инкрустация. Прага, 1930; *The Byzantine Enamels on the Závís Cross at Vyšší Brod. Prague, 1930* (одновременно издание вышло на чешском языке: *Byzantské emaily Závísova kříže ve Vyšším Brode. Praha, 1930*). М. К. Тенишева подарила Семинарию эмалевую мастерскую, и ее заведение было поручено Родзянко.

⁵⁵ *The excavations at Dura-Europos. Preliminary report of the fifth season of work October 1931—March 1932.* Yale University-Prague, 1934.

⁵⁶ Ежегодно Семинарий устраивал торжественные заседания, посвященные памяти Н. П. Кондакова: в 1926 г. и 1928 г. совместно с Русским институтом в Праге под председательством академика В. А. Францева, в 1927 г. под председательством профессора Карлова университета Л. Нидерле. В 1928 г. в заседании, посвященном памяти академика Ф. И. Успенского, приняли участие профессора Карлова университета М. Вейнгарт и Н. Л. Окунев, приват-доцент Бреславльского университета Г. А. Острогорский. В том же 1928 г. прошло публичное заседание в память десятилетия со дня смерти академика Я. И. Смирнова.

Участники Семинария считали своим долгом сохранять память о своем учителе выпуском сборников трудов в его честь. В первый год своего существования Семинарий обратился к ученым Европы и Америки с просьбой принять участие в сборнике, посвященном памяти Кондакова. Это предложение встретило всеобщее сочувствие, и в выпущенном ко дню годовщины смерти ученого «Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov» участвовали представители 12 государств, в том числе В. А. Францев, Л. Нидерле, С. А. Жебелев, В. Н. Златарский, Н. Феттих, А. П. Калитинский, Н. П. Толль, Г. В. Вернадский, Г. А. Острогорский, М. И. Ростовцев, Г. Милле.⁵⁷ Сборник был посвящен двум отделам науки: археологии и византиноведению, изобилуя интересными работами и встретил у специалистов Западной Европы и России самый доброжелательный прием.⁵⁸

Возможность начать издательскую деятельность появилась у Семинария благодаря вниманию к его работе со стороны представителей чешского правительства и частных благотворителей. Личный друг Н. П. Кондакова и княгини Яшвиль, родственник Т. Масарика, видный американский общественный деятель и меценат Ч. Крэн⁵⁹ взял на себя расходы по изданию сборника памяти Н. П. Кондакова. Для жизнеспособности Семинария было важно то обстоятельство, что все деньги, вырученные за продажу этого сборника в размере 80 тысяч крон, Ч. Крэн предоставил в распоряжение Семинария, создав таким образом материальную основу для дальнейшей развития его научной и издательской деятельности.

В 1920-е гг. в научном мире остро ощущалась потребность в постоянном периодическом органе, посвященном изучению истоков русской культуры, древностей Востока и Византии. Вследствие особых условий, в которых приходилось жить русской науке, когда в России ученая жизнь почти заглохла, русские ученые были насильно разбродивены и разбросаны по миру, возникла проблема восстановления единства русской науки. Выполнение этой задачи принял на себя Семинарий им. Н. П. Кондакова и в 1927 г. начал выпуск своих периодических сборников статей «Seminarium Kondakovianum»,⁶⁰ предназначенных для обмена мнений в

⁵⁷ Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines. Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926.

⁵⁸ Например, С. А. Жебелев: «Посмотрев на сборник в память Кондакова, я не мог не прийти в восторг от его внешнего вида, а когда ознакомился с его содержанием, то убедился, что и оно всецело соответствует внешнему виду. Какой великолепный и достойный памятник воздвигли вы незабвенному Никодиму Павловичу... Честь и слава всем, кто поспособствовал появлению в свет этого издания»: АИИИ АН ЧР. К1-15/1. Отзывы об Институте. Л. 8. Из письма С. А. Жебелева от 22.03.1926. Жебелеву вторил и акад. Ф. И. Успенский: «Это издание делает честь как учителю, так и образовавшейся около него группе ученых в Праге, которой от всей души желаю дальнейшего процветания. Между помещенными в Сборнике статьями я нашел несколько совершенно оригинальных, ставящих на очередь новые вопросы»: Там же. Л. 10. Из письма Ф. И. Успенского от 31.03.1926.

⁵⁹ Крэн (Crane, Крейн) Чарльз (1858—1939), американский промышленник, дипломат, меценат и путешественник. В 1912—1914 гг. президент Crane Company, в 1914 г. ушел из активной промышленной жизни, член специальной дипломатической миссии президента США в России в 1917 г.; в 1920—1921 гг. американский посол в Китае. Заядлый путешественник, он изучал Россию, Китай, Турцию, Палестину, Месопотамию, Сирию, Армению и другие страны. Ч. Крэн поддерживал научные и филантропические общества; организовал американский Комитет для поддержки образования русской эмигрантской молодежи; был одним из инициаторов и меценатов Византийского института при École des langues Orientales в Париже. Его старший сын, Ричард Крэн (1882—1938), был первым американским послом в ЧСР (1919—1921); младший сын Джон Крэн (1899—1982) был в 1920-е гг. в течение 7 лет личным секретарем президента ЧСР Т. Масарика; дочь Фрэнсис Крэн некоторое время была женой сына Т. Масарика Яна Масарика. См. о нем: Толль Н. П. Чарльз Крэн // *Анналы Института имени Н. П. Кондакова. Annales de l'Institut Kondakov*. Белград, 1940. Т. 11. С. 244—246.

⁶⁰ Полное название этого издания: Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archeologie. Histoire de l'Art. Etudes Byzantines. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова. За 1927—1940 гг. вышло 11 томов, с 9-го тома сборники носили название «Анналы Института имени Н. П. Кондакова. Annales de l'Institut Kondakov». Тираж издания составлял 450 экземпляров.

области изучения византийской истории, литературы, искусства и археологии. Весной 1927 г. вышел в свет первый том сборника; второй том имел специальное назначение: он был посвящен памяти Я. И. Смирнова по случаю десятилетия со времени его кончины. Оба тома (в первом томе приняли участие 22 русских ученых, из них половина из России, во втором томе, вышедшем в 1928 г., было 10 авторов из России) помимо специальных статей содержали обстоятельную хронику научной жизни в России: в первом сборнике были помещены статьи, посвященные юбилеям академика Ф. И. Успенского, С. А. Жебелева, В. Н. Бенешевича, некролог графини П. С. Уваровой.

Появление первых двух томов сборника свидетельствовало о том, что византиноведение все еще сохраняло за собой то значение, которое оно имело в русской науке, и что русским ученым по-прежнему принадлежало в этой области одно из видных мест. Однако ощущение единства русской науки было призрачно и продолжалось недолго. Вторым том открывался некрологом Я. И. Смирнова, скончавшегося в Петербурге в 1918 г. Автор некролога С. А. Жебелев позволил себе назвать события 1918 г. в России лихолетьем, а находившегося в эмиграции М. И. Ростовцева своим другом и соратником и навлек этим на себя гнев советских властей. «Дело» Жебелева⁶¹ и последовавшие за ним гонения ученых, которые поддерживали связи с эмигрантами, сделали невозможным участие в сборниках Семинария ученых из России, да и сами сборники с тех пор стали поступать в Россию спорадически и были почти недоступны читателям.

В связи с появлением первого тома сборника «*Seminarium Kondakovianum*» на Международном конгрессе византинистов в Белграде в 1927 г. славянские ученые выразили желание сотрудничать с Семинарием. Вернадский тотчас сообщил об этом Успенскому, не участвовавшему в работе конгресса: «Сейчас же хочу, не откладывая, сообщить Вам о мысли, появившейся у многих славянских ученых и, по-видимому, имеющей шансы осуществиться, — именно, о желательности некоторого объединения текущей научно-издательской работы славянских ученых в области византиноведения. Разумеется, при этих разговорах всегда и всеми высказывалась мысль о том, что при других условиях естественным центром работы славянских ученых по византиноведению был бы “Византийский временник”, но в настоящее время слишком затруднены почтовые и личные сношения, почему временно роль такого русско-славянского центра мог бы играть “*Seminarium Kondakovianum*”, конечно — под Вашим покровительством и, <ак> ск<азать>, с Вашего благословения. У нас есть уже принципиальное согласие и сотрудничество некоторых ученых, и отпуска необходимых средств со стороны надлежащих учреждений для нашего Сборника на 1928 г. Надеюсь, что к концу месяца все примет более конкретные очертания, но уже и сейчас, конечно, есть достаточные основания просить Вас к осени прислать статью для Сборника 1928 г. и вообще благословить все это начинание».⁶²

Вследствие финансовых осложнений Семинарий отложил издание славянского сборника, а в 1928 г. Славянский институт (Устав) в Праге начал издавать специальный византиноведческий журнал «*Byzantinoslavica*», объединивший вокруг себя славянских ученых. Сборнику «*Seminarium Kondakovianum*» суждено было превратиться в международный византиноведческий журнал. Начиная с третьего выпуска, в сборнике принимали участие русские историки-эмигранты, славянские ученые и ученые Западной Европы. Часть помещавшихся в нем работ относилась

⁶¹ См. об этом подробнее: *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // *Античный мир и мы: Альманах.* СПб., 2000. Вып. 1. С. 116—161.

⁶² ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 458. Л. 10 об.—11. Письмо Г. В. Вернадского Ф. И. Успенскому от 29.04.1927.

к истории искусства и археологии, часть была посвящена внешней и внутренней истории Византии. В 1933 г. была образована группа под руководством В. А. Францева по изучению «Слова о полку Игореве», главное внимание которой было направлено на реальный комментарий этого произведения, объяснение темных мест историческими и археологическими аналогиями.⁶³

Члены Семинария участвовали в международных конгрессах и конференциях, много путешествовали. В 1927 г. Калитинский, Вернадский, Андреева, Острогорский, Беляев и Толль приняли участие во II Международном Византийском конгрессе в Белграде, и проф. Калитинский был избран в члены Международного президиума конгресса от русских ученых; в 1931 г. члены Семинария участвовали в III Византийском конгрессе в Афинах, в 1934 г. Толль и Расовский — в IV Византийском конгрессе в Софии. В 1926 г. Вернадский ездил в Грецию и осмотрел византийские памятники юго-восточного Пелопоннеса, в 1927 г. Калитинский занимался в музее Парижа, в 1927 и 1928 гг. Беляев ездил в Югославию для осмотра сербских церквей, посетил Салоники и Софию; Толль в те же годы изучал коптские и средневековые ткани в музеях Германии, Парижа и Брюсселя.

Научная работа Семинария им. Н. П. Кондакова к концу пятого года его существования достигла такого размаха, что фактически он уже превратился в настоящий русский археологический институт за границей. Подводя итог деятельности Семинария, его руководитель Калитинский писал: «В настоящем году исполнилось пять лет со дня основания в Праге научного объединения, работающего под названием Семинария им. Н. П. Кондакова, продолжающего традиции Н. П. Кондакова, объединяющего целый ряд русских ученых археологов и историков искусства, занимающихся вопросами происхождения русской культуры на основах изучения ее восточных и византийских истоков. В то же время в сферу своих научных интересов “Семинарий” увлек и западный ученый мир, и в настоящее время многие блестящие и авторитетные его представители принимают участие в работе “Семинария”. Таким образом, ходом событий “Семинарий им. Кондакова” фактически превратился в международное ученое учреждение и выполняет функции, которые в нормальное время должен был бы взять на себя специальный археологический институт, посвященный изучению указанных мною основных вопросов русской культуры. Однако деятельность “Семинария” в этом направлении встречает серьезные затруднения ввиду отсутствия у “Семинария” средств, которые дали бы ему возможность и оплачивать труд его сотрудников, и поддерживать на достигнутой уже высоте его издательскую деятельность».⁶⁴

Семинарий существовал за счет материальной поддержки своих друзей и пользовался особым покровительством президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика. Ежегодно Канцелярия президента передавала Семинарию субсидии на поддержку издательской деятельности и на персональную помощь сотрудникам. Существенной помощью служила до 1936 г. включительно субсидия в 10 тысяч крон из Канцелярии президента, которая целиком шла на оплату помещения. Годовой бюджет Семинария равнялся в среднем 300 тысяч крон в год, сюда не входило содержание тех шести его членов, которые получали жалованье от чешского Министерства иностранных дел в виде индивидуальных субсидий, размер которых год от года уменьшался, пока не сократился в конце 20-х гг. ниже прожиточного минимума, а молодые члены Семинария и вовсе перестали получать какое бы то ни было пособие. Некоторые члены правления получали

⁶³ Заметки к Слову о полке Игореве // SK. 1936. Т. 8. С. 293—314.

⁶⁴ АИИИ АН ЧСР, К1-19/113. Л. 21—22. Письмо А. П. Калитинского Н. К. Рериху от 16.09.1930 г. Черновик на русс. яз. Перевод на англ. яз.: Л. 23—26. Опубликовано: *Росов В. А. Семинариум Кондакованум...* С. 74—75.

небольшую субсидию от частных лиц, но целиком полагаться на эту помощь тоже было нельзя.

Важным источником дохода являлась выручка от продажи изданий Семинария. Большая часть вырученных средств шла на поддержку и дальнейшее развитие его издательской деятельности. Однако часть этих денег шла на оплату командировок членов Семинария, участие в научных съездах, расходы на библиотеку также покрывались из этих средств. Возникающий дефицит бюджета устранялся благодаря частным пожертвованиям, а также пособиям от Министерства народного просвещения. Материальная помощь со стороны министерства не была простой благотворительностью, Семинарий получал ее в обмен на свои издания, которые оно закупало для библиотек и музеев. Количество закупаемых изданий не было постоянным: в первые годы Семинарий продавал около 50 экземпляров каждого издания, вследствие же проводимой чешским правительством политики сокращения финансирования эти закупки прекратились, покупка сократилась до нескольких экземпляров, и то не всех изданий.

Происходившее в конце 20-х гг. у всех на глазах резкое сокращение поддержки русских эмигрантов в Чехословакии оставляло мало надежды на то, что Семинарий в таких условиях уцелеет. В чешских ученых кругах в трудную минуту своей жизни Семинарий не нашел поддержки, напротив, встретил холодность и недоброжелательство, вызванные опасениями, что он может составить конкуренцию чешским гуманитарным учреждениям.

Мысль преобразовать Семинарий в Институт нашла поддержку в Министерстве иностранных дел, и члены Семинария имели основания рассчитывать на успех легализации этого решения. Согласно чешским законам, легализация Института им. Н. П. Кондакова могла произойти или в виде регистрации в форме самостоятельного научного общества, или путем преобразования Семинария в пражское отделение какого-нибудь иностранного института или общества; не исключалось и вступление Института под протекторат иностранного научного учреждения или лица. Легализация давала возможность получать субсидии от чехословацкого правительства, так как по новым законам частные учреждения лишались субсидий. Изменение финансовой политики были связано с тем, что «русская акция» не вписывалась в рамки государственного бюджета, и Министерство иностранных дел соглашалось финансировать только те русские культурные учреждения, которые могли сделать Прагу центром славистических исследований в Европе. В министерстве кондаковцам ясно дали понять, что они могут рассчитывать на материальную поддержку со стороны правительства только в случае перехода Семинария на положение международного учреждения, дополнительно финансируемого каким-нибудь иностранным учреждением.

* * *

Летом 1930 г. наметилась возможность воспользоваться покровительством Н. К. Рериха, самобытного художника и настоящего административного гения.⁶⁵ Благодаря своим талантам Рерих сумел найти путь к кошелькам самых богатых спонсоров и организовал на их средства в Нью-Йорке свой музей. Европа дивилась размаху рериховского предприятия: так высоко вознесся специально выстроенный для него в 1929 г. 24-этажный небоскреб. Кроме музея Рериха в этом здании размещался Институт объединенных искусств, Международный центр

⁶⁵ Преобразованию Семинария им. Н. П. Кондакова в Институт им. Н. П. Кондакова посвящены исследования В. А. Росова, см. выше примеч. 9.

искусств и другие культурные организации, созданные американскими сотрудниками Рериха. Музей Рериха объединил почитателей таланта художника в Ассоциацию друзей Музея Рериха, сотрудником его европейского центра в Париже была жена А. П. Калитинского артистка М. Германова. Рерих задумал создать целую сеть научных учреждений в Европе, Азии и Америке. Во время Центральноазиатской экспедиции (1926—1928 гг.) у него созрело решение открыть в Индии в долине Кулу Институт Гималайских исследований «Урусвати». Институт был организован в 1928 г. под руководством его сына, известного востоковеда Ю. Н. Рериха, как исследовательский центр нового типа, деятельность которого основывалась на синтезе западной и восточной науки. Рериховские организации были одними из самых богатых культурных учреждений в мире. Всеми делами и финансами Музея Н. Рериха ведал совет директоров во главе с Луи Хошем, на суд которого Рерих выносил свои мысли и предложения.

Калитинский, старинный приятель Рериха, надеялся на то, что преуспевающий художник не откажет в скромной помощи Семинарию им. Кондакова. Н. Рерих с большим почтением относился к памяти великого русского ученого, который представил Рериха в Академии художеств при его избрании академиком. Рерих оказывал поддержку Семинарию, закупая его издания для распространения их в Америке. Члены Семинария соглашались с Калитинским в том, что высокое международное положение Н. Рериха и его заслуги перед русской культурой позволяло соединить его имя с именем Кондакова.

Мысль обратиться к Рериху с просьбой о покровительстве зародилась в 1929 г., и толчком к ней послужила просьба секретаря Ассоциации друзей Музея Рериха Г. Г. Шклявера издать в серии «Скифика» книгу Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников северного Тибета». Семинарий охотно согласился на сотрудничество с Рерихами, книга была издана в 1930 г., а летом того же года Калитинский начал вести с Н. К. Рерихом переговоры об оказании помощи Семинарию и предложил ему стать попечителем (протектором) Семинария. Звание протектора обязывало Рериха заботиться об улучшении материального положения Семинария и вместе с тем позволяло ему влиять на характер его работы. Рерих согласился принять это высокое звание и условился с Калитинским о том, что начиная с 1931 г. из средств своего Музея он будет предоставлять Семинарию ежегодную субсидию в размере 2000 долларов для увеличения содержания членам правления. Непременным условием этой помощи Рерих выставил аффилиацию Семинария с Институтом «Урусвати». В июле 1930 г. Институт Гималайских исследований при Музее Н. Рериха в Нью-Йорке⁶⁶ в знак уважения к Семинарию избрал Калитинского своим членом-корреспондентом.⁶⁷

Калитинский заручился согласием членов Семинария принять помощь от Н. К. Рериха и превратить Семинарий в отделение Института «Урусвати». Подобное преобразование требовало изменить статус Семинария и преобразовать его в Институт.⁶⁸ В августе Н. Рерих обратился в Совет директоров Музея Рериха с

⁶⁶ Институт Гималайских исследований «Урусвати» был основан 24 (или 12) июля 1928 г. Н. К. Рерихом и его женой Е. И. Рерих. Н. К. Рерих стал его почетным президентом, а его старший сын востоковед Ю. Н. Рерих — директором. Институт проводил исследования в области археологии, лингвистики, медицины, биологии, космохимии. Археологическими исследованиями занимался Ю. Н. Рерих, ботаническим и зоологическим отделами заведовал Вальтер Кольц. При Институте действовали метеорологическая обсерватория, музей и биохимическая лаборатория, которую возглавил В. А. Перцов из Гарвардского университета. Результаты научных изысканий печатались в «Журнале Урусвати» (Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum, New-York, 1931. Vol. 1—3; Calcutta, 1932, 1933). Институт «Урусвати» был закрыт в 1938 г.

⁶⁷ АИИИ АН ЧР. К1-19/119. Л. 7. Письмо Ю. Н. Рериха А. П. Калитинскому от 3.07.1930. Опубликовано без ссылки на архив в: *Росов В. В. Неудавшееся попечительство...* С. 167—168.

⁶⁸ АИИИ АН ЧР. К1-19/113. Л. 1. Письмо А. П. Калитинского Н. К. Рериху от 1.09.1930.

просьбой предоставить Семинарию им. Кондакова субсидию на 1931 г. в размере 2000 долларов, а в сентябре того же 1930 г. Семинарий получил официальное согласие Н. К. Рериха занять пост протектора Института им. Кондакова. Попечительский совет Музея через Ю. Н. Рериха потребовал от Калитинского полного отчета о правовом статусе Семинария, плане его научных работ и о его материальном положении. Калитинский в своем ответе подробно не затрагивал вопроса о преобразовании Семинария в Институт, а акцентировал внимание на различии методов работы Семинария им. Кондакова и Института «Урусвати», которое, по его мнению, предполагало полную научную независимость Семинария в случае его аффилиации с Институтом «Урусвати». В письме содержались открытые притязания Семинария занять в системе рериховских организаций особое положение, которые насторожили Совет директоров Музея Рериха, и он не дал Семинарию обещанную ему Н. К. Рерихом субсидию на 1931 г.

Отношения Семинария им. Кондакова с Музеем Рериха явно не складывались. Калитинский находился в недоумении, написал доверительное письмо Ю. Н. Рериху с детальным изложением положения дел в Институте,⁶⁹ которое, впрочем, никак не повлияло на решение Совета.

Непредвиденное событие нарушило все планы Семинария и прервало завязавшуюся переписку с Рерихами: в конце сентября 1930 г. с Калитинским на улице случился припадок эпилепсии, сопровождавшийся нарушением общественных норм поведения, за что Калитинский был арестован. Происшествия попало в газеты, разразился громкий скандал, в результате которого Калитинский был вынужден навсегда покинуть Прагу и перебрался в Париж для необходимого ему длительного лечения. Хотя его отъезд был оформлен как заграничный отпуск, фактически же Семинарий остался без своего главы.⁷⁰ Члены Семинария сообщили Н. К. Рериху о постигшем Калитинского несчастье.

Н. Рерих странным образом отреагировал на болезнь своего друга и назначение его руководителем Вернадского и едва ли с приличной поспешностью отказался от своего высокого назначения, которым еще совсем недавно так гордился, и запретил всякое упоминание о нем в изданиях Музея. Все же «компрометирующие» Рериха сведения проникли в печать и появились на страницах «Ежегодника» Музея Н. Рериха в Нью-Йорке за 1930 г., и среди колоссального титула Рериха, едва ли уступавшего императорскому, значилось: «Protector, Seminarium Kondakovianum, Prague». Кондаковцы были очень раздосадованы возникшим недоразумением, которое издатели объясняли тем, что «Ежегодник» уже находился в типографии в тот момент, когда пришла экстренная телеграмма от Рериха.

В Семинарии тем временем наступил организационный кризис. На время отсутствия Калитинского члены правления предложили Вернадскому, сложившему с себя полномочия директора в 1927 г. в связи с его переездом в США, хотя бы на время вернуться к исполнению своих обязанностей. Вернадский условно согласился на тот случай, «если никак иначе управление делами Семинария наладить не представится возможным».⁷¹ Поездка Вернадского в Прагу летом 1931 г. не состоялась, и снова со всей остротой встал вопрос о замещении Калитинского. Фактически

⁶⁹ Это письмо, датированное 20.09.1931 и содержащее важную информацию о работе и внутренней жизни Семинария за предшествующие годы, опубликовано в 1996 г. Беляевым и Росовым, но у Беляева не указана дата, но дана ссылка на АИИИ АН ЧР (К1-VI/2. Л. 8—24); Беляев С. А. Из истории становления... С. 20—34, а Росов обнаружил его в Архиве Института «Урусвати» (Ф. 1. Оп. 7. Д. 17) и опубликовал дважды, без точной ссылки (Росов В. А. Неудавшееся попечительство... С. 173—187) и со ссылкой на Архив мемориального музея-квартиры П. К. Козлова (Росов В. А. Семинариум Кондаковинум... С. 109—125).

⁷⁰ АИИИ АН ЧР. К1-19/114. Л. 60. Копия письма Г. В. Вернадского Н. К. Рериху, без даты.

⁷¹ Там же.

всеми делами ведала Яшвиль, и именно ее Вернадский предлагал выбрать председателем Семинария, тем более что княжеский титул Натальи Григорьевны для Америки значил так много, что ее подпись как президента общества под призывами о помощи и предложениями почетного членства могла склонить добропорядочных американцев к серьезным денежным жертвованиям даже в условиях все усиливающегося экономического кризиса. Уговоры княгини Яшвиль занять этот пост ни к чему не привели, и Калитинский, несмотря на болезнь, продолжал считаться председателем Семинария. Стоял еще вопрос о выборах исполнительного директора, на плечи которого в создавшейся ситуации ложилась вся ответственность за работу Семинария. На это место претендовали два молодых члена Семинария, Толль и Беляев. Выбор пал на Толля. Беляев, по натуре нервный и неуравновешенный человек, отказался подчиняться Толлю. Этот личный конфликт разрешился самым трагическим образом: 23 декабря 1930 г. Николай Беляев на тридцать втором году жизни погиб под колесами грузовика. Эта смерть поразила всех как гром среди ясного неба.

В середине 1931 г., когда состояние здоровья Калитинского улучшилось, реанимировались и его отношения с Рерихами. Калитинский возобновил переписку с Ю. Н. Рерихом о возможности аффилиации Семинария им. Кондакова, к тому времени уже преобразованного в Институт, с учреждениями Музея Рериха. Ю. Рерих стал настойчиво предлагать услуги Н. К. Рериха и представителей Музея Рериха в Европе для оказания давления на правительственные круги Праги, для того чтобы попытаться остановить ход ликвидации «русской акции» в отношении Института, и добивался от Калитинского сведений о том, с каким именно отделом правительственного аппарата Институт был связан. Калитинский решительно отказался от такого рода помощи, которая поставила бы членов Института в особое привилегированное положение по сравнению с остальными русскими эмигрантами, проживающими в Праге. Калитинский объяснял Ю. Рериху, что личное содержание членов Института выдавалось не из кассы Института, а являлось беженской субсидией, как и у всех русских эмигрантов. После того как парламент Чехословакии принял определенные постановления, касающиеся русских эмигрантов, увеличение субсидии для членов Института выделило бы их в элитарную группу. Никто из членов Института не согласился бы получать деньги несправедливым путем.⁷² Ю. Рерих не мог понять, что нежелание членов Института выделиться в особую привилегированную группу объясняется исключительно этическими соображениями, и настойчиво обещал поддержку в правительственных кругах. Калитинский и Ю. Рерих явно не понимали друг друга. Калитинский писал княгине Яшвиль из Парижа: «Тянетса мысль моя и сердце к Вам в Прагу, к кондаковскому делу, и беспокоят меня до тоски рериховские переговоры. Вот получил я новое письмо от Юрия Николаевича... Первое впечатление от письма Ю. Н. было таково, что хотелось ответить кратко и резко и сразу прекратить всякие переговоры. ... Кажется мне теперь более правильным не терять хладнокровия и, поставив точки над і, дать событиям завершиться самим».⁷³

⁷² Письмо А. П. Калитинского Ю. Н. Рериху от 16.11.1931. Опубликовано: Письма А. П. Калитинского... С. 191 без ссылки на архивный источник.

⁷³ АИИИ АН ЧР КЛ-19/114. Л. 10. Письмо А. П. Калитинского Н. Г. Яшвиль от 20.01.1932. Опубликовано: Письма А. П. Калитинского... С. 234. С. А. Беляев опубликовал не упомянутый Росовым (в 1997 г. я также не обнаружила оригинала письма) ответ княгини Н. Г. Яшвиль А. П. Калитинскому от 10.02.1932, который важен для характеристики отношений Семинария с Музеем Рериха: «Сегодня мы вчетвером собрались для обсуждения проекта вашего ответа Ю. Н. Рериху, и вот к каким мы пришли заключениям: ... для дальнейших Ваших переговоров с Рерихами — хотим обратить Ваше внимание на такую возможность: может статься, что Рерих-Музеум действительно даст нам обещанную сумму в 2000 долларов, — но одновременно, а затем может и перестать давать, звание же протектора за Рерихом

Развязка не заставила себя долго ждать. Отказ Калитинского от помощи Рерихов в Нью-Йорке показался странным и подозрительным, и решено было дополнительно выяснить, каково финансирование Института и из каких источников оно поступает. Это деликатное дело было поручено генеральному секретарю Ассоциации друзей Музея Рериха в Париже Г. Г. Шкляверу, который стал допытываться у Толля, получена ли субсидия от чехословацкого правительства и поступают ли какие-либо взносы со стороны.⁷⁴ Шклявер получил от Толля исчерпывающий ответ: финансовое положение Института остается крайне тяжелым, вместо необходимых Институту на 1932 г. 100 000 чешских крон удалось получить только помощь от президента в размере 20 000 чешских крон. Взносы же от членов Института очень малы ввиду тяжелого экономического положения Европы и Америки.⁷⁵ Полученные от Толля сведения не удовлетворили Совет директоров Музея Рериха, который принял решение порвать отношения с Институтом им. Н. П. Кондакова. О своем окончательном решении Совет уведомил Институт официальным письмом 28 марта 1932 г. В своем ответе Институт им. Кондакова выразил искреннее сожаление по поводу того, что вследствие ряда недоразумений обсуждение вопроса о финансовой помощи кондаковскому Институту со стороны Музея Рериха не привело к положительным результатам.⁷⁶

Спустя полтора месяца Острогорский сообщил в Прагу сенсационную новость, вычитанную им в газете: «В Нью-Йорке объявлена судебная опека над известным “Музеем Рериха”. Опекуном назначен Филипп Керри. В своем прошении представители комитета держателей облигаций, выпущенных для обеспечения уплаты по закладным, отмечают, что Музей Рериха прекратил уплату по закладным, которые достигают 2 075 000 долларов. «Вот уж можно сказать, — добавляет Острогорский, — что Бог нас уберет».⁷⁷

* * *

Пока велись бесплодные переговоры с Рерихами, кондаковцы форсировали проведение легализации Института, так как в связи с тяжелой болезнью Калитинского возникли опасения за дальнейшее существование Семинария. Важным следствием преобразования Семинария в Институт была также возможность приобрести стабильный источник финансирования в виде членских взносов, так как только легальное общество имело право набирать членов и, следовательно, взимать с них взносы.

Устав Института был подготовлен по общепринятой форме уставов научно-исследовательских учреждений и подан в Земское Управление, где он и был утвержден 1 июля 1931 г. Этот день стал днем рождения общества, именуемого отныне «Археологический институт имени Н. П. Кондакова (Kondakov Institute) в Праге».⁷⁸ Приведем текст устава:

утвердится навсегда. Поэтому мы решили, что если в сопроводительной к деньгам бумаге от Рерих-Музея не будет прописано, что деньги будут систематически высылаться и впредь ежегодно, то и нам, в таком случае, осторожнее будет выбрать Рериха протектором на один год, чтобы в неблагоприятном случае расстаться с ним безболезненно, а не скандально. Подымаем этот вопрос потому, что надо помнить “шахер-махеры” Рериха с теми 500 долларами, которые были Вами получены в сентябре 1930 года, а также вторичный подобный же случай с покупкой Скифики III, когда Ю. Рерих имел в виду новую покупку, а затем через Шклявера потребовал включить сумму от продажи за эти 100 экземпляров Скифики все в счет того же якобы нашего долга Рерих-Музею за закупленные на 500 долларов книги, когда первоначально эти деньги предназначались на личный состав» (опубликовано: *Беляев С. А.* Из истории становления... С. 18—19).

⁷⁴ АИИИ АН ЧР. К1-19/114. Л. 13. Письмо Г. Г. Шклявера Н. П. Толлю от 11.01.1932.

⁷⁵ Там же. Л. 12. Письмо Н. П. Толля Г. Г. Шкляверу от 16.01.1932.

⁷⁶ Там же. Л. 1.

⁷⁷ Там же. К1-18/94. Л. 197. Письмо Г. А. Острогорского в Семинарий от 19.05.1932.

⁷⁸ Там же. К1-5/1. Л. 31. Сообщение Земского Уржада, утверждающее общество «Археологический институт им. Н. П. Кондакова», от 1.07.1931.

§ 1. **Название и местопребывание.** Общество носит название: «Археологический Институт им. Н. П. Кондакова», и местопребыванием его является г. Прага.

§ 2. **Цель.** Целью своей общество ставит издание оставшихся после смерти Н. П. Кондакова научных трудов, продолжение и дальнейшее развитие научных исследований в направлениях, указанных Н. П. Кондаковым, в области археологии и византиноведения.

Достижение вышеуказанной цели осуществляется:

а) систематическим собиранием всего оставшегося неизданным научного наследия Н. П. Кондакова, включая его корреспонденцию и другие материалы;

б) изданием его трудов и опубликованием указанных оставшихся материалов или же содействием изданию их;

в) поддержкой и содействием ученым, работающим в области научных интересов Н. П. Кондакова, изданием его трудов и дальнейшим развитием утвержденной Н. П. Кондаковым научной традиции;

г) лекциями, стипендиями, изданием и финансированием научных трудов;

д) основанием и содержанием специальной библиотеки и собиранием археологического материала.

§ 3. **Официальный язык.** Официальными языками являются: русский и чешский.

§ 4. **Административный год.** Административный год совпадает с годом календарным.

§ 5. **Средства.** Материальные средства приобретаются посредством:

а) членских взносов,

б) доходов с предприятий и издательской деятельности общества,

в) добровольных пожертвований.

§ 6. **Члены.** Общество составляют:

а) почетные члены-благотворители,

б) почетные члены,

в) члены-основатели,

г) действительные члены,

д) ученые члены,

е) члены-корреспонденты.

Почетными членами-благотворителями могут быть физические и юридические лица, которые внесли одновременно 10 000 чешских крон или же вносят ежегодно 1000 чешских крон, при условии, что правление их взнос принимает.

Почетные члены избираются общим собранием за свои ученые заслуги или же за свои исключительные заслуги в отношении общества.

Членами-основателями являются прежде всего лица, подавшие в соответствующее учреждение, именно в Zemsky uhrad в Праге, прошение об утверждении настоящего устава, и становятся ими с момента утверждения устава. Кроме того, членами-основателями могут быть ученики Н. П. Кондакова и его последователи в научной работе. Члены-основатели избираются правлением.

Действительными членами и учеными членами могут быть лица, работающие в области научных интересов Н. П. Кондакова; принимаются правлением, и его решения не могут быть обжалованы.

Членами-корреспондентами могут быть лица, избранные правлением за свои научные труды или же за свои заслуги в отношении общества.

§ 7. **Права членов.** Члены-основатели и действительные члены имеют право участвовать в общих собраниях общества, право избирать и быть избранными, право вносить предложения и голосовать.

Остальные члены пользуются правом участия на общем собрании с голосом совещательным и могут вносить предложения, которые считаются целесообразными.

Все члены пользуются выгодами, устанавливаемыми правлением при посещении лекций, устраиваемых обществом, и при получении изданий Института.

§ 8. **Обязанности членов.** Все члены обязаны старательно поддерживать деятельность общества, руководствоваться уставом и подчиняться постановлениям органов правления общества, принятым согласно с уставом.

Члены обязаны исправно за год вперед вносить членские взносы в размере, установленном общим собранием.

§ 9. **Потеря членского звания.** Членское звание утрачивается вследствие:

а) смерти,

б) добровольного ухода,

в) потери личного или гражданского права,

г) исключения.

Правление общества имеет право исключить каждого члена в случае совершения им проступка, существенно нарушающего внутренний распорядок общества, или же в случае признания его неспособным для дальнейшего сотрудничества.

Исключенный имеет право обжаловать постановление правления перед общим собранием, годичным или экстренным. Окончательное решение общего собрания может быть в этом случае принято только большинством трех четвертей голосов.

§ 10. **Органы управления общества.** Органами правления в обществе являются правление и общее собрание.

§ 11. **Правление.** Правление состоит из:

а) председателя,

б) его заместителя,

- в) казначея,
- г) секретаря.

Два последние члена правления могут иметь своих заместителей, которые избираются точно так же, как и действительные члены правления. Заместители пользуются правом участия на всех заседаниях правления, но голосуют лишь в случае действительного исполнения ими обязанностей по замещению. В случае выхода какого-либо члена правления из общества, или отказа его от занимаемой должности, или же устранения его постановлением правления от занимаемой должности, вступает на его место его заместитель, если таковой есть налицо. В противном случае происходят выборы нового члена правления на экстренном общем собрании, которое для этой цели должно быть создано в возможно более краткий срок. В этом случае экстренное общее собрание созывает председатель. В случае его отсутствия общее собрание созывает правление или же кто-нибудь из оставшихся членов правления. В случае отсутствия всех членов правления право созыва экстренного общего собрания для выборов правления принадлежит каждому члену общества.

Обязанности члена правления или заместителя может исполнять только член-основатель или действительный член. Правление избирается на три года. Дополнительные выборы происходят лишь на остающийся промежуток времени.

Ревизионная комиссия избирается, как и члены правления, на общем собрании на тот же период времени из числа членов общества.

§ 12. Деятельность правления. Председатель является представителем общества во внешних сношениях, т. е. в сношениях с учреждениями и частными лицами. Правление ведет все дела общества. В его ведении находятся все дела, кроме дел особо указанных, решение которых принадлежит общему собранию. Все деловые бумаги правомочно подписывает председатель или же его заместитель и один из членов правления. Документы денежного характера подписывает также и казначей.

Правление обязано давать отчет о своей деятельности общему собранию один раз в год.

На обязанности ревизионной комиссии лежит проверка счетов и состояния имущества и доклад об этом общему собранию. Правление обязано передать ей все оправдательные документы.

§ 13. Заседания правления. Заседания правления созывает председатель по мере надобности, однако не реже двух раз в год. При согласии всех членов правления заседания могут происходить также и вне мест пребывания общества. В повестках должны быть указаны все важнейшие дела, подлежащие рассмотрению.

Заседаниями правления руководит председатель или же его заместитель. Если член правления по каким-либо причинам не может лично явиться на заседание, то он обязан назначить своего заместителя, из числа членов правления, которому и передает свой голос.

Правление решает дела простым большинством голосов. При равном количестве поданных голосов принятым считается то предложение, за которое высказался председатель. Решения правления могут иметь силу лишь при наличии на заседании по крайней мере 3 членов.

О заседаниях правления должен вестись протокол.

§ 14. Общее собрание. Общее собрание бывает годовичное и экстренное.

Годичное общее собрание созывается ежегодно. Чрезвычайное общее собрание может быть создано правлением в любое время. Правление обязано созвать чрезвычайное общее собрание тотчас же, как только этого пожелает кто-нибудь из почетных членов, или по крайней мере три основателя, или действительных, или же половина остальных членов, и укажут вопрос, который должен обсуждаться.

Чрезвычайное общее собрание правомочно решать лишь вопросы, поставленные на повестке. Правление обязано указать в повестке к общему собранию как время и место, так и вопросы, подлежащие обсуждению. Повестки рассылаются членам заказной почтой по их последнему адресу не позже, чем за две недели до дня годовичного собрания, и не позже, как за 8 дней до дня экстренного собрания.

Отдельные предположения членов, которые должны быть представлены общему собранию, должны быть сообщены в письменной форме правлению не позже, чем за 8 дней до дня общего собрания, а правление обязано сообщить их действительным членам заказной почтой не позже, чем за 3 дня до общего собрания.

§ 15. Дела, подлежащие ведению общего собрания. Решению исключительно общего собрания подлежат:

- а) определение делового порядка и соответствующих норм для правления,
- б) вопрос об изменении устава,
- в) вопрос о роспуске общества,
- г) избрание правления, заместителей и ревизионной комиссии,
- д) избрание почетных членов,
- е) определение размера членских взносов,
- ж) утверждение денежной и хозяйственной деятельности правления,
- з) решение по обжалованию, представленному исключенным членами.

§ 16. Участие в общем собрании. Члены-основатели и действительные члены могут быть заменены на общем собрании другими членами-основателями и действительными членами. В этом случае полномочие должно быть дано в письменной форме и может быть передано на известное время. Подобное полномочие теряет силу со дня получения правлением письменного уведомления об этом.

Общее собрание считается действительным при наличии не менее двух членов-основателей или действительных членов и при участии по крайней мере двух третей членов-основателей и действительных членов.

При отсутствии указанного кворума в назначенное время общее собрание происходит через час при любом количестве собравшихся.

§ 17. Третейский суд. Споры, возникшие между членами и касающиеся внутреннего распорядка общества, разрешает окончательно правление. Все остальные споры разрешает ближайшее общее собрание.

§ 18. Объявления общества. Объявления и извещения председателя и правления, в случае отсутствия в отношении их какого-либо другого особого установления, вывешиваются на доске общества, место для которой выбирается правлением.

§ 19. Закрытие общества. В случае добровольного закрытия общества вопрос о его имуществе решает последнее общее собрание.

Если же общество закрывается каким-нибудь иным образом, то имущество его передается новому обществу, возникшему на тех же основаниях, что и данное, или же поступает на поддержку науки русского византиноведения и археологии.

* * *

2 октября 1931 г. в помещении дворца А. Шварценберга состоялось первое общее собрание Института, на котором присутствовали члены-основатели и действительные члены Института: Яшвил, Родзянко, Толль, Острогорский и Расовский.

На собрании обсуждали характер Устава Института, который всем понравился, так как он давал возможность спокойно жить без ломки существующего порядка. До преобразования Семинария в Институт его высшим органом управления было собрание шести его главных учредителей: Яшвил, Вернадский, Калитинский, Толль, Н. М. Беляев и Родзянко. В самом начале работу Семинария возглавляли Вернадский и Калитинский. После отъезда Вернадского в Америку в 1927 г. возникла должность директора Семинария в лице Калитинского. Княгиня Яшвил являлась почетным председателем Семинария и исполняла обязанности казначея, секретарем был Беляев, всеми хозяйственными делами ведал Толль.

Новый Устав в некоторых пунктах был демократичнее старых порядков. Главным образом это относилось к разделу о членах Института, в котором говорилось, что общество составляют почетные члены-благотворители, почетные члены, члены-основатели, действительные члены и члены-корреспонденты. Устав не ограничивал число действительных членов, и в этом заключалось его главное отличие от старого уклада жизни, когда кондаковцы старались жить в тесном кругу основателей Семинария и сознательно не пускали большого количества новых людей в дела управления, чтобы, по словам Толля, «не потерять руль и не сделать Семинарий игрушкой и орудием мелкой личной борьбы и демократического безволия».⁷⁹ Чтобы парализовать вредное влияние чрезмерно демократического Устава, было решено ограничить число действительных членов с решающим голосом двенадцатью, включая учредителей. Членами-основателями и действительными членами были Н. Т. Беляев, Г. А. Вернадский, А. П. Калитинский, В. Н. Лосский, Г. А. Острогорский, Д. А. Расовский, Т. Н. Родзянко, Н. П. Толль, В. А. Францев, Н. Г. Яшвил.⁸⁰ После 1933 г. действительными членами были избраны Н. Е. Андреев (1933 г.), Е. И. Мельников (1935 г.), В. А. Мошин (1935 г.).⁸¹ К участию в работе

⁷⁹ АИИИ АН ЧР. К1-5/8. Л. 10. Доклад Н. П. Толля на Организационном собрании членов-учредителей научного общества «Археологический институт им. Н. П. Кондакова» 2 октября 31 г. «О причинах легализации Института и о характере его Устава».

⁸⁰ Список всех членов Института дан в: Report of the Kondakov Institute down to 1 January 1933. Prague, 1933. P. 4—6. Имена вновь избранных членов в период с 1931 по 1937 г. указаны в ежегодных печатных отчетах (№ 1—5, 1933—1937). В Архиве (АИИИ АН ЧР. К1-5/3) имеются и машинописные списки членов Института: список, составленный Д. А. Расовским в 1938 г. (Л. 1—21) и список, составленный Н. Е. Андреевым в 1945 г. (Л. 28—32).

⁸¹ Мошин Владимир Алексеевич (1894—1987), палеограф, археограф, византист, славист. Учился в Петрограде, Тифлисе, Киеве. В 1920 г. эмигрировал из России, в 1921 г. приехал в Югославию и завершил свое образование, работал в гимназии в Копривнице. В 1928 г. защитил в Загребском университете докторскую диссертацию о норманнской колонизации на Черном море. В 1931—1942 гг. преподавал

Института (с правом совещательного голоса) приглашались все желающие, и на собрании было решено внести в Устав дополнительную категорию «ученых членов» и «членов-корреспондентов», число которых никак не ограничивалось.⁸²

Собрание постановило просить княгиню Е. К. Святополк-Четвертинскую и Чарльза Крэна принять на себя звание почетных членов-благотворителей;⁸³ звание почетных членов — г-жу К. Гоцци, г-жу С. П. Либих, г-жу Коловрат, кн. А. Шварценберга, канцлера П. Шамала, К. Белаша, Ч. Конника, Дж. Крэна, А. Масарик, М. Н. Германову, А. К. Разумовского; звание почетных ученых членов — Д. Анастасиевича, С. Кросса, В. А. Францева, А. Н. Грабара, Е. Г. Миннза, А. М. Таллыгрена, Л. Нидерле, Н. Л. Окунева, М. Вейнгарта, Ш. Дилия, Г. Милле, М. И. Ростовцева, А. А. Васильева, О. Вульфа, Г. Грегуара, Г. де Жерфаниона, Ф. Ф. Зелинского, В. Н. Злагарского.⁸⁴ На собрании был определен размер взносов почетных членов, членов-основателей и действительных членов. Почетным членам назначили ежегодный членский взнос в размере 500 чешских крон (15 долларов). Почетные члены, выбранные за свои научные заслуги, определяли размер членского взноса по своему усмотрению. Размер взноса членов-основателей и действительных членов составлял ежегодно 100 чешских крон (около 3 долларов). Эта категория членов также бесплатно получала все издания Института. Ученые члены и члены-корреспонденты размер членских взносов определяли сами. Почетные члены и члены-основатели бесплатно получали все издания Института. Собрание выбрало правление Института: председателем правления был избран Калитинский, заместителем председателя — Толль, казначеем — Яшвилль, секретарем — Расовский, членами ревизионной комиссии — Родзанко и Острогорский.⁸⁵

Согласно уставу, общие собрания проводились один раз в три года, на которых происходило обновление правления Института. По прошествии первых трех лет остро встал вопрос о выборах нового председателя правления института в связи с тем, что Калитинский находился в Париже и по состоянию своего здоровья не принимал участия в делах Института. Все старейшие и заслуженные члены Института обосновались в это время за рубежом, в Праге остались только молодые ученые члены, не пользующиеся еще достаточным авторитетом в международных научных кругах. Приходилось мириться с тем, что будущий председатель

византийскую историю в университете в Белграде, занимался проблемами внутренней истории Византии и вопросами русской истории. С 1947 по 1959 г. был директором Архива Югославской Академии наук и искусств в Загребе, занимался обработкой кириллических славянских рукописей и филогранологией. В 1961 г. возглавил в Белграде отдел по описанию и регистрации славянских рукописей в Народной библиотеке Сербии и создал свою археографическую школу. В 1967 г. переехал в Скопле и занимался археографической работой в архиве Македонии.

⁸² Учеными членами были избраны: П. М. Бицилли, кн. А. А. Бобринский, Й. Чадик, В. В. Чернавин, Ф. Дворник, С. Г. Елисеев, Н. Феттих, Б. Филов, А. В. Флоровский, С. И. Гессен, Е. Н. Яценко, Е. Н. Клетнова, С. Н. Кондаков, К. Миятев, Г. Моравчик, В. А. Мошин, Й. Мысливец, П. А. Остроухов, В. Петкович, В. П. Рябушинский, Н. П. Рутковский, П. Н. Савицкий, И. В. Шнайдер, Г. Сухраварди, Ф. Таборский, О. Таффали. В 1934 г. были избраны в ученые члены В. Бауер, А. Беллингер, Е. Максимович, С. Дер Нерсессян и др.; в 1935 г. среди прочих ученых членом стал А. Соловьев, в 1936 г. Б. А. Бахметьев, Дж. Браун, Г. Сотириу и др. Членами-корреспондентами стали Е. С. Лукьянова, Г. И. Лукьянов, С. И. Покровский, И. Н. Заволоко и др.

⁸³ Кроме них первыми почетными членами-благотворителями стали г-жа Х. Аппельтон, г-жа М. Кэбот Уилрайт, г-жа М. Н. Стадниченко, В. Нойберт.

⁸⁴ В 1933 г. почетными учеными членами стали председатель Византийской комиссии Славянского института Й. Бидло и директор Славянского института М. М. Мурко. Число почетных членов с каждым годом увеличивалось. Вскоре выяснилось, что для некоторых вновь избранных почетных членов членский взнос оказался непосильным. Васильев, например, со смущением писал о том, что не может сделать приличного взноса, и даже просил отложить свое избрание в почетные члены: АИИИ АН ЧР. К1-21/155. Л. 73, 79. Письма А. А. Васильева Н. П. Толлю от 29.10.1931 и от 11.12.1931.

⁸⁵ Там же. Л. 15. Протокол 1-го Общего Собрания Археологического института им. Н. П. Кондакова, состоявшегося в Праге 2 октября 1931 г., в помещении дворца А. Шварценберга, Гражданская площадь, д. 1. См. также: Report of the Kondakov Institute down to 1 January 1933. Prague, 1933. P. 4.

Института будет жить за пределами Праги и лишь время от времени навещаться в Институт. Три возможных претендента на эту должность находились в одинаково невыгодном для Института географическом положении: Вернадский и Ростовцев работали в Йельском университете, а Васильев в Висконсинском университете в Мадисоне. Члены Института остановили свой выбор на Вернадском, который ближе двух других входил в интересы Института и благодаря Толлю, с которым он состоял в родственной переписке, был в курсе всех дел. На общем собрании членов Института 18 февраля 1935 г. его выбрали председателем правления. Вице-президентом остался Толль, казначеем стала княгиня Яшвиль, секретарем — Расовский. В ревизионную комиссию вошли Острогорский и Андреев.⁸⁶

Вскоре Вернадский от председательства отказался, мотивировав свой отказ тем, что «руководить работой Института из-за океана невыгодно»,⁸⁷ что, впрочем, не помешало ему предложить эту должность своему коллеге по Йельскому университету Ростовцеву: «Ему было бы это подручнее, чем мне, — объяснял Вернадский Толлю, — так как он каждый год ездит в Европу и, кроме того, конечно, по его положению и связям как в Европе, так и вообще в международном ученом мире он действительно мог бы защитить Институт от кого угодно. Мое же положение здесь, можно сказать, нищенское по американским условиям, в Европу ездить не могу, приглашение мое в Yale возобновлено только на 3 года (и без увеличения содержания). Все это, конечно, те, кому надо, могут отлично узнать (или знают уже), и потому я никому, кто бы Институту угрожал, импортировать не могу».⁸⁸ Как ни убеждал Вернадский Ростовцева принять на себя руководство Институт, тот наотрез отказался.⁸⁹ Вернадского просили не слагать с себя председательства до ближайшего экстренного общего собрания.

Другим кандидатом был Васильев, он и спас положение, согласившись после колебаний стать председателем Института. Сначала он предложил Ростовцева, не зная еще о его отказе, потому что тот, по его словам, «более блестящ и более энергичен».⁹⁰ Вскоре Васильев узнал из письма Толля, что члены Института единогласно высказали желание почтить его почетным званием председателя Института. Васильев наконец сдался: «По прочтении Вашего письма и обдумав положение, я как-то устыдился своего отказа... Теперь, раз члены Института, как Вы пишете, единогласно пришли к такому заключению, я принципиально согласен быть председателем Института им. Кондакова. Меня смущает лишь одно, что я могу быть лишь как бы номинальным председателем».⁹¹ Последнее обстоятельство не смущало членов Института, и они были готовы к тому, чтобы прибегать к помощи Васильева только в экстренных случаях, когда потребуются «kozyрнуть» его авторитетным именем.⁹² Васильев оставался председателем правления с 21 февраля 1936 г. до закрытия Института в 1951 г.⁹³

⁸⁶ Report of the Kondakov Institute for the year 1935. N 4. Prague, 1935. P. 2. См. также: АИИИ АН ЧР. К1-5/8. Протоколы общих собраний Археологического института им. Н. П. Кондакова. Л. 9. Протокол собрания от 18.02.1935.

⁸⁷ АИИИ АН ЧР. К1-21/158 а. Л. 95. Письмо Г. В. Вернадского в Институт от 4.04.1935. На общем собрании 27.07.1935 было сообщено об отказе Вернадского и принято решение «произвести выборы нового председателя в ближайшем общем собрании, а пока просить Г. В. Вернадского не слагать с себя председательства до этого общего собрания»: Там же. К1-5/8. Л. 8.

⁸⁸ АИИИ АН ЧР. К1-21/158 а. Л. 93—93 об. Письмо Г. В. Вернадского Н. П. Толлю от 15.05.1935. К1-5/8. Л. 8.

⁸⁹ Там же. Л. 93.

⁹⁰ АИИИ АН ЧР. К1-21/155. Л. 53. Письмо А. А. Васильева Н. П. Толлю от 24.07.1935.

⁹¹ Там же. Л. 59. Письмо А. А. Васильева Н. П. Толлю от 3.08.1935.

⁹² Report of the Kondakov Institute for the year 1936. N 5. Prague, 1936. P. 2—3. См. также: АИИИ АН ЧР. К1-5/8. Л. 6. Протокол общего собрания от 21.02.1936.

⁹³ На общем собрании 26.02.1938 было избрано прежнее правление в составе: председателя А. А. Васильева, заместителя председателя Н. П. Толля, казначея Н. Г. Яшвиля, секретаря Д. А. Расовского.

* * *

Администрация Института и после его легализации с помощью своих членов, работавших в США, продолжала искать возможности устроить его судьбу в Америке. В 1931 г. образовался американский совет кондаковцев «для укрепления связей с Америкой и для большего морального авторитета Института», в который вошли М. И. Ростовцев, Г. В. Вернадский и Дж. Крэн. Охвативший к тому времени Америку экономический кризис не давал надеяться на успешный исход дела. Ростовцев откровенно писал об этом Толлю: «Думаю, что и Попечительный совет в Америке идея хорошая. Но сейчас денег достать нигде нельзя. Все разорены и о каких-либо новых ассигнованиях никто не думает. Председатель нашего университета говорил мне на днях, что наш университет — богатейший в Америке — не платит по счетам. Это, конечно, не банкротство, но явление очень характерное. Но я думаю, что вновь настанут дни “процветания”. Тогда, конечно, можно будет искать денег для учреждений не американских в Америке. Был ли у Вас в этом году Whittemore? Он очень заинтересован институтом и мог бы быть полезен. Но, конечно, очень доверяться ему нельзя».⁹⁴ Вернадский еще в начале 1931 г. обсуждал будущее Семинария с Дж. Крэном и по его совету вступил в переговоры с организуемым в тот момент Американским Византийским институтом о возможности считать кондаковский Семинарий «контрагентом» института в Европе.⁹⁵ Однако переговоры с будущим директором института Т. Уиттемором, другом Н. П. Кондакова, и меценатом Дж. Брауном, субсидирующим работу Уиттемора, ни к чему не привели.

В 1935—1936 г. Институт оживил поиски иностранных учреждений, которые могли бы присоединить к себе Институт им. Кондакова: возникла угроза для самого существования Института им. Кондакова, основанного русскими учеными-эмигрантами, ввиду происходившего в то время сближения Чехословакии с Советской Россией.⁹⁶ В 1935 г. Вернадский обратился в Средневековую Академию с просьбой поддержать кондаковский Институт. Положительного отклика его просьба не нашла, так как Средневековая Академия сама еле-еле сводила концы с концами. Ростовцев предложил вновь искать поддержки у Уиттемора в Византийском институте.⁹⁷ Уиттемор, который в это время активно рекламировал свой институт и собирал на него деньги, сам написал Вернадскому письмо с просьбой прислать чек.⁹⁸ Другой выход из создавшейся ситуации Ростовцев видел в том, чтобы образованный в 1931 г. в составе Американского совета ученых обществ Комитет по византийским исследованиям взял Институт под свое покровительство. Институт не нашел в Совете ни моральной, ни материальной поддержки. Васильеву также ничего не удалось сделать в этом направлении. О безуспешности всех своих попыток он сообщил в конце 1936 г. в Институт: «На переезд и устройство Института в Америке пока нет надежды; я делал соответствующие шаги, писал, но отовсюду получал печальные вести о невозможности выполнения

Г. А. Острогорский выбран вторым заместителем председателя: АИИИ АН ЧР. К1=5/8. Л. 3. Протокол общего собрания от 26.02.1938. На следующий год ввиду отъезда Толля в Америку вновь состоялись выборы правления, и было решено «избрать в правление, в соответствии с § 7 Устава пять членов. Избраны: Н. П. Толль, Г. А. Острогорский, А. В. Соловьев, В. А. Мошин, Д. А. Расовский»: АИИИ АН ЧР. К1-5/12. Л. 8. Протокол организационного заседания действительных членов Института им. Н. П. Кондакова от 13.04.1939.

⁹⁴ АИИИ АН ЧР. К1-19/115. Л. 39. Письмо М. И. Ростовцева Н. П. Толлю от 20.11.1931.

⁹⁵ Там же. К1-21/158 а. Л. 141. Письмо Г. В. Вернадского Н. П. Толлю от 14.04.1931.

⁹⁶ Там же. К1-24/4. Л. 4. Копия письма Г. В. Вернадского секретарю Американского Совета ученых обществ М. Грэйвсу (Mortimer Graves) от 17.05.1935.

⁹⁷ Там же. К1-24/4. Л. 1. Письмо Г. В. Вернадского Н. П. Толлю от 22.05.1935.

⁹⁸ Там же. К1-21/158 а. Л. 93 об. Письмо Г. В. Вернадского Н. П. Толлю от 15.05.1935.

такого плана. Все стараются найти какого-нибудь американца со средствами, который бы помог издательству Института, но тоже пока безуспешно. Уж очень теперь неблагоприятный момент, особенно в связи с переездом в Америку многих немецких евреев, выслевшихся из гитлеровской Германии».⁹⁹

Тем временем финансовое положение Института еще больше пошатнулось: в 1937 г. было получено уведомление о том, что в будущем он уже не может рассчитывать на денежную поддержку со стороны президента. Для финансового положения Института имело значение то обстоятельство, что начиная с 1930 г. Министерство народного просвещения приобретало, правда, со значительной скидкой, издания Института (первое время на сумму 10 000 крон, а в 1934 и 1935 гг. — 5000 крон). Министерство рассматривало эту покупку как субсидию и обставляло ее дополнительными условиями, главным из которых было требование изменить устав Института в пунктах, касающихся прекращения его деятельности. Согласно § 19 действовавшего Устава, в случае закрытия Института все его имущество «передается новому обществу, возникшему на тех же основаниях, что и данное, или же поступает на поддержку науки русского византиноведения и археологии».¹⁰⁰ Министерство же настаивало на том, чтобы Институт в случае своей ликвидации завещал свое научное имущество, прежде всего библиотеку, Славянскому институту (Уставу) в Праге.

Настойчивые разговоры о последствиях закрытия Института породили у членов Института им. Кондакова подозрение, что его хотят инкорпорировать в Славянский институт вместе с библиотекой и коллекциями. Одним из главных проводников этой идеи был Н. Л. Окунев, являвшийся одновременно почетным членом Института им. Кондакова и сотрудником Славянского института. Желанием Окунева объединить два института в один, разумеется, под его руководством, во многом объясняются непрерывные нападки Славянского института на Институт им. Кондакова. Нехитрый расчет противников Института им. Кондакова строился на том, что людям, не знающим подробностей, могло показаться немного странным сосуществование в Праге двух таких близких по интересам учреждений, как кондаковский и Славянский институты.

Члены Института им. Кондакова не могли согласиться с такой постановкой вопроса и примириться с перспективой лишения Института всякой самостоятельности. Общее собрание просило Славянский институт не настаивать на перемене Устава в смысле закрепления имущества и фондов Института за Славянским институтом.¹⁰¹ Смягчить накалившиеся страсти взялся председатель Института

⁹⁹ Там же. КИ-21/155. Л. 57. Письмо А. А. Васильева Д. А. Расовскому от 5.12.1936.

¹⁰⁰ Устав Археологического института им. Н. П. Кондакова (Kondakov Institute) в Праге. Прага, 1931. С. 11. На правах рукописи.

¹⁰¹ Там же. КИ-5/9. Л. 5—6. Протоколы собраний Института им. Кондакова в Праге. 21.02.1936. Для данного сюжета важным является письмо Н. Толля Е. А. Ляцкому от 27.12.1937 (Архив Академии наук ЧР. Картон 34. М 3. Инв. № 267, листы не пронумерованы): «Глубокоуважаемый Евгений Александрович, в ответ на Ваши вопросы позволяю себе еще раз высказать все, что может интересовать и Вас и Славянский институт, в самых, по возможности, сжатых, но абсолютно точных чертах. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы сообщили мне, почему именно Славянский институт проявляет свое исключительное внимание к нам, ничем с нашей стороны не вызванное. В этом году мы никакого прошения в Славянский институт о деньгах не подавали, да и в прежние годы эта “субсидия” была формально и по существу *покулкою* наших изданий (при этом со скидкой в 40% с номинальной цены). Между тем именно слово “субсидия”, если не ошибаюсь, произносилось в Ваших разговорах с членами Славянского института. Нам было бы прискорбно, если бы этим словом члены Славянского института были введены в заблуждение, в случае рассмотрения нашего вопроса в официальном заседании.

1) В течение 1937 г. Институт Кондакова не обращался к Славянскому институту с просьбой о закупке книг Института Кондакова для Славянской библиотеки, субсидий же от Славянского института вообще не получал.

им. Кондакова Васильев. «Мне сообщили, — писал Васильев директору Славянского института М. М. Мурко, — что Славянский институт, который Вы возглавляете, хочет присоединить Кондаковский Институт, т. е. влить его в Славянский институт. Я задумался над этим. Мне кажется неясным, почему такие два почтенных

2) Хотя Институт Кондакова не понимает мотивов действий Славянского института, тем не менее он может осведомить как Славянский институт, так и всякое иное научное учреждение о движении своих денежных сумм. Отчетность ведется совершенно правильно, ежегодно или два раза в год проверяется ревизионной комиссией. Годовые отчеты регулярно печатаются в изданиях института, и там показаны все без исключения суммы, поступающие в Институт. Поэтому и представитель Славянского института, как и представитель всякого иного научного учреждения, может быть ознакомлен с отчетностью, если у него явятся какие-либо серьезные к тому основания. Считаю нужным добавить, что при выдаче сумм Институту по приказанию президента-освободителя Т. Г. Масарика никаких обязательств на Институт не возлагалось. Канцелярия президента передавала нам ежегодные субсидии на наем помещения Института, на поддержку издательской деятельности и на персональную помощь сотрудникам. Общий приход от поддержки президента-освободителя выразился в сумме 145 000 крон. Суммы же, полученные от Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения, были выданы исключительно на поддержку издательской деятельности Института и под покупку его изданий, каковые им и были доставлены. От Министерства народного просвещения было получено 94 481 крона и передано книг на сумму 76 131 крона. От Министерства иностранных дел было получено 226 450 крон, каковая сумма была полностью погашена книгами.

3) Институт Кондакова заявляет, что, действуя на основании своего Устава (утвержденного Земским Уржадем в Праге 1 июля 1931 г. под № 349171 и 19 А 4217) и выполняя все налагаемые законом требования, он считает местом своего пребывания город Прагу (см. пар. 1 Устава), принадлежащее ему имущество не собирается перевозить ни в какую-либо страну и в этом отношении может предоставить все гарантии, за исключением тех, которые могли бы неблагоприятно отразиться на его самостоятельности или характере его теперешней деятельности.

4) Занимая в сфере научной работы международное положение, Институт Кондакова особенно ценит сотрудничество славянских и, в особенности, чешских ученых, к которым неоднократно обращался с предложением участвовать в изданиях Института. Предложения посылались профессорам Нидерле, Бидло, Хитилу, Вейнгарту, Цибульке, Бирнбауму, Дворнику, Схранилу, Квету и д-ру Мысливцу. Из поименованных лиц напечатали свои работы: профессора Нидерле, Хитил, Цибулька, Дворник и д-р Мысливец. Остальные же ученые пока не почтили Институт своим сотрудничеством.

5) Если даже признать за Славянским институтом право требовать изменения какого-либо из параграфов действующего ныне Устава на том основании, что работы Института Кондакова были организованы в некоторой части на чехословацкие средства, то необходимо принять во внимание, что Республика не осталась в этом отношении без возмещения. Во-первых, следует учесть то культурное значение, какое связывается в настоящее время во всем историко-археологическом и отчасти художественном мире с деятельностью Института им. Кондакова. Необходимо иметь в виду те денежные суммы, которые поступили через посредство Института Кондакова в различные типографии Республики («Политика», Неуберт, «Уния»). Они выражаются в общей цифре 1 020 000 крон. При этом от продажи изданий за границу и членских взносов из-за границы получено 615 000 крон, что представляет чистый доход страны, получившей эту сумму в иностранной валюте.

6) Институт Кондакова, приобретший свое научное значение в международном масштабе благодаря своей собственной энергии и связям и не желающий делиться этим значением с иными учреждениями, чтобы не переходить к случайному руководству этих учреждений или отдельных лиц, не заинтересованных в судьбах Института, стремится лишь к одному, чтобы ему была обеспечена та же свобода в его деятельности, какою он пользовался до сих пор. Этим обусловливались величайшие напряжение и самоотверженность лиц, составляющих его правление и кадр ближайших сотрудников. Глубоко ценя помощь, оказанную Институту чехословацким правительством, члены Института преисполнены благодарности чешскому народу и всемерно стараются пропагандировать чешскую науку и культурную отзывчивость чешского общества среди иностранных кругов. Институту чрезвычайно не хотелось бы изменять эти, ставшие уже традиционными, представления и обращаться за юридической и нравственной поддержкой к своим весьма многочисленным членам и друзьям за границей, которые жертвовали ему свои труды, деньги и ценные книги специально как Институту, увенчанному именем величайшего русского археолога Н. П. Кондакова.

Поэтому притязания Славянского института на изменение параграфа 19 Устава правлению Института Кондакова совершенно не понятны, если не предполагать за этим каких-либо целей, не имеющих ничего общего с интересами свободной науки. Институт Кондакова категорически отвергает какую-либо политическую деятельность и открывает очень широко страницы своих изданий для научных специалистов всех национальностей без исключения, руководясь единственно критерием научной ценности работы. Институт считает себя совершенно свободным и служащим исключительно интересам науки, что вполне понимал великий Т. Г. Масарик.

Прошу Вас принять уверения в моем глубоком к Вам уважении и искренней преданности. Заместитель директора Института Н. Толль.

и полезных учреждения не могут продолжать работать самостоятельно. Оба учреждения своими изданиями завоевали себе заслуженную репутацию как в Европе, так и в Америке. С другой стороны, Прага сделалась таким важным культурным и научным центром в Европе, что, по моему мнению, может позволить себе существование и работу двух самостоятельных Институтов. Ведь внезапное исчезновение Кондаковского Института может вызвать нежелательные толки и произвести неблагоприятное впечатление как в Европе, так и в Америке. Говорю я вполне убежденно и доброжелательно, что два Института могут и даже должны существовать самостоятельно и вести свою работу. На пользу и плодотворность этой работы указывают солидные и важные в научном отношении тома *Byzantino-Slavica* и *Seminarium Kondakovianum*. Я был бы бесконечно счастлив, если бы Вы, дорогой Матвей Мартинович, сочли возможным разделить мою точку зрения».¹⁰²

Мурко пытался убедить Васильева, что вышло недоразумение, что никому и в голову не приходило хлопотать о присоединении кондаковского Института к Славянскому. «Мы очень рады, — пишет Мурко, — что он существует и хорошо действует в пользу науки и в честь русской и чехословацкой науки. Я не могу себе и представить, как могло возникнуть означенное подозрение. Славянский институт желает только, чтобы имущество Кондаковского института, главным образом его библиотека, остались в Праге и чтобы в этом смысле был переменен статут Вашего Института. Только с этим условием мог бы Славянский институт давать свое подспорье, тем более что деятельность и имущество Института им. Кондакова были возможны только благодаря подспорьям президента республики, МИД и Министерства народного просвещения. Эта наша точка зрения была между тем совсем одобрена и канцелярией президента республики».¹⁰³ Васильев сообщил Толлю о результатах своих переговоров с руководством Славянского Устава: «Если нет каких-либо новых осложнений, то судьба Института в смысле самостоятельности существования пока обеспечена».¹⁰⁴ Тем не менее попытки вмешательства министерства и Славянского института в дела кондаковского Института участились и явно клонились к установлению контроля над его деятельностью. Активность Славянского института подогревалась доходившими до него слухами о переезде кондаковского Института в Югославию.

* * *

Отсутствие прочной материальной базы и посягательства на независимость Института со стороны Славянского института вызывали чувство неуверенности и тревоги за его будущее у членов Института. Во второй половине 1937 г. как будто бы появилась возможность упрочить положение Института. Жившие в Белграде действительные члены Института Г. А. Острогорский и В. А. Мошин, пользуясь своими связями в югославянских научных кругах, привлекли внимание регента Югославии, принца Павла, к делам Института. Очень большую роль при этом сыграли директор Музея им. принца Павла, историк искусства Кашанин, подробно информировавший регента о положении Института, а также проф. А. Белич, президент югославянской Академии наук. Принц Павел, который и раньше интересовался делами Института, в трудный для него момент протянул ему руку помощи.

¹⁰² Архив Академии наук ЧР. Картон 34. МЗ. Инв. № 267. Письмо А. А. Васильева М. М. Мурко от 6.01.1938. Васильев в начале 1938 г. по инерции написал «1937 г.». Содержание этого письма и дата его получения Славянским институтом: 22.01.1938 определенно указывают на допущенную Васильевым ошибку.

¹⁰³ АИИИ АН ЧР. К1-21/155. Л. 12. Копия письма М. М. Мурко А. А. Васильеву от 14.02.1938.

¹⁰⁴ Там же. Л. 13. Письмо А. А. Васильева Н. П. Толлю от 4.03.1938.

В январе 1938 г. глава югославянского государства принял Институт им. Н. П. Кондакова под свое покровительство. В феврале 1938 г. в Праге состоялся обычный ежегодный съезд Института, на котором пражские члены Института узнали о протекторате принца Павла. На съезде обсуждался вопрос, ограничиться достигнутым или воспользоваться этим покровительством для расширения сферы деятельности Института и попытаться создать в Белграде свою базу. Не без колебаний было решено открыть в Белграде отделение Института на тот случай, если его существование в Праге будет невозможно. Никакого документального следа по этому вопросу ни в протоколах, ни в делах Института нет, и мы должны целиком довериться рассказу Н. Е. Андреева об этом собрании.¹⁰⁵

Князь Павел ожидал полного перевода Института в Белград. Свое желание видеть всех кондаковцев в Белграде он высказал Острогорскому и Мошину во время аудиенции, которую Острогорский описал в письме к Толлю: «Вчера мы были приняты. Он несомненно чрезвычайно расположен к Институту, очень ценит его издания и имеет твердое желание помочь. Вообще у нас обоих (с Мошиным. — Е. Б.) впечатление, что ему хотелось бы видеть... всех в целом... Итак, все идет хорошо. Я даже размахнулся на параллель с бывшим Константинопольским Институтом, т. е. создание постоянного русского Института, который бы продолжал тут существовать и после освобождения России, от чего он прямо просил».¹⁰⁶ Князь Павел выделил Институту на 1938 г. значительную субсидию в 80 000 динаров. Начались хлопоты о внесении в бюджет следующего года ассигнования на весь Институт, окончившиеся успехом: Министерство народного просвещения выделило Институту с 1 апреля 1939 г. по 31 марта 1940 г. 99 000 динаров. Успешное начало дела окрылило белградских членов Института, и они даже начали мечтать о постройке собственного дома для помещения Института.

Институт им. Н. П. Кондакова наконец обрел долгожданное просвещенное покровительство и получил необходимые для его нормальной деятельности денежные средства. Однако пражские члены Института довольно холодно отнеслись к идее перенесения всей деятельности Института в Белград, которое повлекло бы за собой ликвидацию Института в Праге, где находилось значительное число всех его членов, которые поддерживали его существование своими взносами, причем главным мотивом этой поддержки было именно то, что Институт находился в Чехословакии.

Пока велись переговоры о реорганизации Института, его судьба в Праге оказалась под угрозой вследствие тяжелого государственного кризиса, охватившего Чехословакию. После включения в марте 1938 г. Австрии в состав Германской империи обострились отношения между чехами и судетскими немцами, заявившими требования на выход из состава республики и присоединение к Германии, и была объявлена мобилизация. Хотя спустя некоторое время политическое напряжение как будто ослабело, было ясно, что Чехословакии в ближайшем будущем грозит катастрофа. В конце сентября 1938 г. произошло новое обострение взаимоотношений между Чехословакией и Германией, снова была объявлена мобилизация чехословацкой армии, которая на этот раз коснулась и Института: был призван Толль, имевший чехословацкое гражданство.

В сложившейся обстановке речь могла идти уже о спасении Института, и во второй половине 1938 г. Институт приступил к организации своего отделения в Белграде. Два члена Института Расовский и его жена И. Н. Окунева перебрались в Белград, вице-директор Института Толль, вернувшись из армии, большую часть

¹⁰⁵ Рукописный архив Славянской библиотеки. Т-А2416/1527. Н. Е. Андреев. Записка о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института им. Н. П. Кондакова. Л. 7.

¹⁰⁶ АИИИ АН ЧР. К1-18/94. Л. 98. Письмо Г. А. Острогорского Н. П. Толлю от 16.03.1938.

времени проводил в Белграде, а в Праге бывал лишь наездами, да и то для того, чтобы готовиться к предстоящему переезду в США. С февраля 1939 г. до начала марта 1941 г. в Белграде проходили заседания отделения под председательством Острогорского, и был подготовлен XI том сборника трудов Института.

Ведение всех дел в Праге с осени 1938 г. фактически, а с 1 января 1939 г. юридически перешло к Андрееву. Из членов правления в Праге оставались только Яшвиль и член ревизионной комиссии Чернавин. Белградская группа предлагала установить общую «генеральную линию» поведения, которую Острогорский изложил в письме Андрееву: «Вам у себя на месте может быть целесообразно выставлять положение двух равноправных отделений. Но для себя самих очевидно же линия и у нас и у Вас должна быть совсем иная: упор должен быть направлен на развитие дела здесь и, следовательно, на ликвидацию его у Вас. Ваша задача, сложная и ответственная, заключается, по нашему общему усмотрению, в том, чтобы сохранить и спасти библиотеку, а спасти ее, по нашему, опять-таки общему убеждению, значит: перевести сюда... Мы исходим не из каких-либо иных соображений, а исключительно из пессимистической оценки положения Института на старом месте».¹⁰⁷

Белградцы постоянно торопили пражское правление с отправкой книг, но вывоз из Чехословакии имущества Института встретил серьезные затруднения со стороны соответствующих правительственных инстанций. В конце 1938 г. было издано специальное распоряжение, согласно которому ликвидация и вывоз имущества учреждений, имеющих научно-общественное значение, мог быть произведен лишь с согласия Министерства народного просвещения. Не было никаких сомнений в том, что Институту им. Кондакова получить такое согласие будет очень нелегко.

Пражская группа принципиально не возражала против перевода Института в Белград, учитывая сложную и неблагоприятную обстановку в Праге, но настаивала на юридически легальных формах этой ликвидации. Осуществление этого плана было связано со значительными формальными затруднениями. По Уставу Института его местонахождением была Прага, и вопрос о ликвидации Института в Праге могло решить только общее собрание членов Института. Даже открытие отделения Института вне Чехословакии требовало специального юридического оформления на общем собрании членов Института. Положение Института в правовом отношении было не оформлено, и весна 1939 г. была для Института им. Н. П. Кондакова в Праге временем большой тревоги и полной неуверенности в своем будущем.

* * *

15 марта 1939 г. Чехия была оккупирована немецкими войсками. Создание Протектората Чехии и Моравии с новым правопорядком изменило жизнь страны. Совершенно неизвестно было, как отнесется к Институту новая власть. Никаких поводов для оптимизма не было: в Праге оставался только один член правления — Яшвиль, Андреев же, фактически возглавлявший Институт в Праге в это время, санкций общего собрания на это не имел.¹⁰⁸ 12 июня 1939 г. умерла княгиня Яшвиль, последний член правления пражского Института. С ее смертью Институт лишился, казалось, своей последней опоры в Праге, и личный состав отделения свелся к одному человеку — Андрееву.

¹⁰⁷ АИИИ АН ЧР. К1-18/94. Л. 59. Письмо Г. А. Острогорского Н. Е. Андрееву от 8.02.1939.

¹⁰⁸ Андреев получил подтверждение своих полномочий на ведение всех дел в Пражском отделении Института 1.03.1940 на заседании правления и ревизионной комиссии.

В середине февраля 1940 г. проводилась регистрация русских учреждений, которая грозила Институту большими осложнениями. В это тревожное для отделения время на самостоятельность Института стал посягать глава одного из эмигрантских учреждений, ректор Свободного университета проф. В. С. Ильин, который неоднократно настойчиво предлагал Андрееву присоединить Институт в Праге, с сохранением его внутренней автономии, к Свободному университету. Проф. Ильин был назначен властями главой секции культурных эмигрантских организаций и имел связи в административных и университетских кругах, и с ним нельзя было не считаться. Все же, даже несмотря на риск попасть в немилость властей и оказаться в изолированном положении, Институт отказался расстаться со своей самостоятельностью. Принципиальная неконформистская позиция Института спасла его от ликвидации. Реорганизация русских эмигрантских обществ его не коснулась, и это прямо указывало на то, что власти не только считались с его авторитетом как научного учреждения, но и признали его статус международного, а не эмигрантского учреждения.

В создавшейся сложной обстановке единоличная ответственность Андреева за судьбу Института становилась невозможной. После предварительных переговоров с Белградом на частном совещании действительных членов Института в Праге, состоявшемся 16 марта 1940 г., было выбрано «временное правление», названное Временным советом по управлению делами Института им. Н. П. Кондакова в Праге. В новое правление вошли кроме Андреева Е. И. Мельников,¹⁰⁹ К. К. Шварценберг, и проф. П. Н. Савицкий.¹¹⁰ С согласия белградских членов в действительные члены были избраны П. Н. Савицкий, Е. Ф. Максимович и В. В. Чернавин,¹¹¹ последние двое были избраны членами ревизионной комиссии.

В середине октября 1940 г. наконец определилось юридическое положение Института. Он был включен в число учреждений, подведомственных ректору Карлова университета. Это решение выводило Институт из состояния юридической неопределенности, в котором он находился начиная со второй половины 1938 г. Выяснилось, что он поступает в ведение академических властей в лице проректора немецкого Карлова университета, проф. Гамперля, которому было поручено наблюдение над русскими культурно-научными учреждениями в Протекторате. Проф. Гамперль был человеком с широким кругозором, знал Россию, так как когда-то жил в ней, и владел русским языком. Не будучи историком или археологом (по специальности он был медиком и возглавлял Патологический институт при Карловом университете), он, как оказалось, был хорошо информирован о кондаковском Институте и понимал его значение как научного учреждения, заслуги которого были признаны в международных кругах.

¹⁰⁹ АИИИ АН ЧР. КЛ-5/10. Протоколы заседаний Временного совета Института с 1 марта 1940 г. по 4 мая 1945 г. Мельников отказался от звания члена Временного совета Института 7.09.1940 г.: Там же. Л. 37.

¹¹⁰ 4.05.1945 в члены Временного совета был кооптирован д-р Й. Мысливец, чешский ученый и юрист, тесно сотрудничавший с Институтотом: АИИИ АН ЧР. КЛ-5/10. Л. 2.

¹¹¹ Новому правлению пришлось скоро убедиться в том, что Белград, претендуя на монопольное представительство Института в целом, игнорировал права Пражского отделения. Попытки Праги отстаивать свои интересы привели к конфликтам и полному расхождению частей Института. Первое столкновение произошло в связи с вопросом о германском рынке сбыта изданий Института. Еще в 1938 г. оба отделения договорились о распределении рынков сбыта изданий Института, и Германия в соответствии с этим соглашением была оставлена за Пражским отделением, в то время как все остальные европейские страны и США Белград оставил за собой. В начале 1940 г. Белградское отделение решило перевести и германский рынок на себя и вступило в прямые переговоры с германскими фирмами о продаже изданий Института, лишая тем самым Пражское отделение единственного источника существования. Более того, Белград допустил грубое нарушение действовавших в Германской империи постановлений о ведении финансовых операций, договорившись с фирмой Харрасовица о том, что книги она получит из Праги, а деньги за них переведет в Белград.

Во время бесед с Андреевым проф. Гамперль сформулировал свою точку зрения на сосуществование двух центров, пражского и белградского, следующим образом: окончательная реконструкция Института, в связи с наличием двух центров, может быть произведена только после окончания войны; Институт в Праге не может быть ликвидирован, и не может быть и речи о его зависимости от иностранного центра. Последнее обстоятельство определяло правовые взаимоотношения между пражской и белградской частями Института — их юридическую обособленность, что не исключало, однако, возможности тесной внутренней связи обоих центров и их согласованной работы в научной области. Проф. Гамперль поручил Андрееву договориться с белградцами о спорных вопросах. Приведем часть этой переписки, разъясняющую суть расхождений двух отделений Института, которая сохранилась в «Записке о взаимоотношениях Пражского и Белградского отделений Института имени Н. П. Кондакова». Письмо Г. А. Острогорского проф. Гамперлю от 11.12.1940: «Глубокоуважаемый г-н проректор! За последнее время я получил от молодого сочлена нашего Института, д-ра Андреева, ряд писем, в которых он неоднократно ссылается на Вас или утверждает, что пишет по Вашему поручению. При этом д-р Андреев сообщает о Вашем очень благосклонном отношении к Институту и об особом интересе Вашем к той его части, которая оставалась в Праге. Так как, однако, некоторые утверждения д-ра Андреева и предложения его мне и моим сотоварищам, членам правления Института, не вполне понятны и так как прямые обращения нашего секретаря к д-ру Андрееву не повели к уяснению вопроса, то я позволяю себе, принося Вам благодарность за Ваш благожелательный интерес к Институту, обратиться непосредственно к Вам с просьбой не отказать нам в разъяснении о положении оставшейся в Праге части Института, так как я, являясь в настоящее время руководителем Кондаковского Института, чувствую себя ответственным за Институт в целом.

Со своей стороны, пользуясь этим и учитывая Вашу благожелательность, я хотел бы позволить себе осведомить Вас об обстоятельствах, которые повели к перенесению Кондаковского Института в Белград, так как те проекты, с которыми д-р Андреев за последнее время обращается якобы по Вашему поручению в Правление Института, дают основание предполагать, что обстоятельства эти Вам неизвестны.

Кондаковскому Институту в Праге пришлось в течение ряда лет отстаивать свою самостоятельность против захватных попыток определенных чешских учреждений, посягательства которых обращены были, главным образом, на институтскую библиотеку. Спасение Институту (другого выражения не нахожу), положение которого становилось все тяжелее и невыносимее, пришло в виде великодушного решения Его Королевского Высочества, принца-регента Югославии Павла, который, удовлетворяя обращенную к нему в 1937 г. просьбу, оказал Институту большую честь, выразив готовность принять под свое высокое покровительство, и тем самым дал возможность Институту осуществить свою цель — переезд в Белград; об этом Институт был поставлен в известность в январе 1938 г. Такое решение вопроса, являвшееся предметом заветных желаний Института, было горячо приветствуемо всеми теми, рассеянными по всему миру, его членами, которых заботила участь Института, в частности, почетным председателем Института, старейшим русским византистом, профессором Александром Васильевым (Сев.-Амер. Соед. Штаты, Мадисон). Уже летом 1938 г. начата была перевозка в Белград институтской библиотеки; этим же летом, после того, как Королевское Югославянское правительство отпустило необходимые средства и включило ассигновки в государственный бюджет, обеспечив Институту возможность дальнейшей работы, переехали в Белград и оба ученых члена Института, ведшие в нем в течение многих лет главную работу, — тогдашний руководитель Института, д-р Н. Толль

и секретарь Института, д-р Д. Расовский. В минувшем году д-р Толль принял предложенное ему место в Йельском университете, и руководство Институтom перешло ко мне, как долголетнему сотруднику Института и профессору византологии Белградского университета.

Формальную ликвидацию Института в Праге, для которой был необходим созыв общего собрания находящихся в Праге членов (в том числе также и чехов), тогдашнее правление Института предполагало провести по завершении перевозки библиотеки в Белград, дабы избежать опасности вмешательства чешских властей. Между тем осенью 1938 г. последовало запрещение чешского правительства вывоза библиотек из пределов Чехословакии, вследствие чего Институт должен был прервать начатую пересылку книг своей библиотеки в Белград, в надежде возобновить ее по установлению нормальных условий. Ввиду этого д-р Андреев, переселение которого в Белград также первоначально намечалось, был оставлен в Праге, в качестве библиотекаря, для охраны оставшейся там значительной части институтской библиотеки и для отправки ее в Белград, когда наступит соответствующий момент. Конечно, в настоящий момент обстоятельства не позволяют ближе подойти к осуществлению этой задачи, но, разумеется, Институт не может не настаивать на сохранении за собой своих прав. Я не знаю, является ли возможным, несмотря на факт перемещения Института в Белград и на серьезные соображения морального характера, которые видны из сказанного выше, лишь на основании отсутствия официальной ликвидации Института в Праге, объясняемого приведенными выше причинами, сделать заключение, что Кондаковский Институт, как и раньше, находится в Праге и что оставшаяся в Праге лишь в силу внешних затруднений по перевозке часть институтской библиотеки является собственностью вызванного таким образом в жизнь второго Кондаковского Института. Я был бы Вам благодарен за сообщение, действительно ли существует представление подобного характера, как это приходится заключить из сообщений г-на Андреева.

Во всяком случае, на это мы не могли бы дать своего согласия, и так как не только нашим правом, но и нашей безусловной обязанностью является охрана интересов и научной репутации Кондаковского Института, то мы должны были бы со всей определенностью отмежеваться, как в отношении себя лично, так и за наш Институт; в этом, как мы уверены, мы можем рассчитывать на моральную поддержку всех видных членов Кондаковского Института, а помимо их, и других ученых представителей нашей специальности, у которых возникновение второго Кондаковского Института вызвало бы, несомненно, чувство большого недоумения. Все представители византологии и христианской археологии в целом свете знают, что руководящие основные силы Кондаковского Института или находятся в настоящее время в Белграде, или тяготеют к Белграду, что вследствие этого Институт здесь снова мог бы начать выпуск своих изданий (причем состав его редакционной коллегии в основном тот же, что был и в Праге) и ведет вполне успешно, уже в продолжение двух с половиной лет, свою научную работу при сотрудничестве ряда югославянских византинистов и археологов, а также заграничных членов Института и других специалистов из разных стран (также, конечно, и из Германии: мне достаточно будет назвать только главу византинистов Германии, Франца Дёльгера из Мюнхена). С другой стороны, совершенно не видно, кто из оставшихся в Праге членов Института был бы в состоянии восстановить Кондаковский Институт и достойно, в соответствии с заслуженной научной репутацией, руководить им далее. Г-н Андреев еще новичок в области научной работы, в то время как его коллеги, о сотрудничестве которых он говорит в своих письмах, вообще не имеют никакого отношения к византологии и христианской археологии. При таких условиях мы, мои сотоварищи по правлению Института и редакционной

комиссии, и я с большой тревогой и сомнением относимся к сообщению г-на Андреева о предполагаемых им в 1941 г. изданиях; мы опасаемся, учитывая те научные силы, которые предпринимают это дело, что намечаемые издания уронят в глазах византологов и археологов мира высокую научную репутацию Кондаковского Института; на это, конечно, мы не сможем молча смотреть.

Все эти трудности были бы избегнуты, если бы дело шло не о восстановлении в Праге Кондаковского Института, но о создании нового, который бы принял какое угодно, но другое наименование; это имело бы, между прочим, и то несомненное преимущество, что такой Институт, не связанный с именем Н. П. Кондакова, не должен был бы, несмотря на полное отсутствие в нем необходимых научных сил, выдвигать на первый план в своей научной работе византологию и христианскую археологию. Мы бы готовы были поддерживать делом и советом такой Институт и могли бы ему предоставить для пользования и сохранения оставшуюся в Праге часть нашей институтской библиотеки.

Это несколько длинное письмо я пишу Вам с согласия всех членов правления нашего Института, у которых, так же как и у меня, после прочтения последних писем г-на Андреева возникло сомнение, достаточно ли известны Вам обстоятельства, описанные выше; мы полагаем, что Вам не покажется излишним получить осведомление из компетентного источника по всем этим вопросам, а также быть своевременно предупрежденным о тех многочисленных, излишних и нежелательных осложнениях, к которым повело бы возникновение в Праге нового Кондаковского Института».¹¹²

Письмо Н. Е. Андреева Г. Гамперлю от 9.01.1941: «Глубокоуважаемый господин проректор, благодарю Вас за ознакомление меня, как ведущего дела Института Кондакова в Праге, с письмом г-на проф. д-ра г. Острогорского из Белграда от 11.12.1940. Согласно Вашему желанию, выраженному в письме от 6.01.1941, которое я получил вчера, позволяю себе сообщать Вам следующее:

Профессор Острогорский в своем письме случайно или намеренно стилизует события и — что самое главное — смешивает два различных вопроса: 1) вопрос формально-юридический о существовании Института имени Н. П. Кондакова в Праге и Белграде и 2) вопрос о координации, духе и качестве научной деятельности обоих Институтів. Согласно изложению проф. Острогорского, получается впечатление, что я — “молодой сочлен”, “новичок в области научной работы”, “только библиотекарь” и мои коллеги “вообще не имеют никакого отношения к византологии и христианской археологии”, стремимся “узурпировать” имя Кондакова (так буквально выражается в письме от 20.12.1940 из Белграда секретарь белградского Института д-р Расовский) и что благодаря мне и моим “коллегам” возникли затруднения, угрожающие научной работе и научной репутации Института Кондакова. При этом г-н Острогорский, спасая честь Института имени Н. П. Кондакова в целом, предлагает уничтожить Институт в Праге и на его развалинах создать новый Институт, который проф. Острогорский и его коллеги в Белграде готовы “поддерживать советом и делом” и предоставить ему для сохранения и пользования оставшуюся в Праге часть институтской библиотеки.

Оставляю в стороне вопрос о стремлении квалифицировать меня лично: я работаю в Институте с 1928 года, сначала как студент и технический сотрудник, потом как научный сотрудник и с 1933 года как действительный член Института и член ревизионной комиссии, а с января 1939 года как ведущий все административные, финансовые, технические и научные дела Института в Праге, о чем соответствующую бумагу в 1939 году прислал мне также сам Острогорский.

¹¹² Рукописный архив Славянской библиотеки. Т-А2416/1527. Л. 178—181.

Как Вам, господин проректор, уже известно из моих докладов Вам и из переданных Вам материалов, претензии Белграда *юридически* не имеют под собой почвы, а потому я, как ответственное перед законами лицо, не могу их удовлетворить. Позволяю себе рассказать Вам историю взаимоотношений с Белградом в главных чертах.

На последнем общем собрании в Праге, 26 февраля 1938 года, было заслушано сообщение о принятии Е. К. В. принцем-регентом Югославии Павлом протектората над Институтом. Это было сделано в целях укрепления моральной базы Института, материальная же сторона была в тот момент не ясна. В заседании правления 21 февраля было “признано желательным перенести печатание ежегодников в Белград, для чего постановлено просить проф. Острогорского выяснить на месте реальные возможности”. В течение весны и лета 1938 г. выяснилось, что принц-регент желает, чтобы было открыто отделение Института в Белграде, которое будет финансироваться принцем-регентом. Заведующий Институтом д-р Толль и секретарь д-р Расовский поехали в Белград для организации отделения. Д-р Толль вернулся в Прагу в начале сентября и отослал часть книг проф. Острогорскому и проф. Мошину для их научных занятий. Правление подтвердило эту отсылку книг в заседании своем 19 октября 1938 г. *Никаких постановлений о ликвидации Института в Праге или перенесении его деятельности в Белград сделано не было* и юридически Институт оставался и остается в Праге. В этом смысле делались заявления членами правления Института чешским властям (имеется копия официального письма княгини Яшвилль от 28 января 1939 года в Министерство народного просвещения). В этом же смысле должен был действовать, в качестве заведующего делами Института в Праге, также я, на ответственности которого оказался не “склад”, как кажется теперь белградцам, но научное учреждение с делопроизводством, архивом, библиотекой, музейными вещами, с печатавшейся в типографии книгой (*Excavation at Dura-Europos, 7—8*, вышедшей в печати 1 августа 1939 года) и рядом членов, перед которыми я чувствовал себя морально ответственным. Тем не менее в течение всего 1939 года белградцы требовали от меня пересылки библиотечных книг, институтских изданий и музейных вещей в Белград. В многочисленных моих письмах в 1939 году я неоднократно сообщал белградцам, что ввиду отсутствия финансовых и научных перспектив (в то время) я и многие из наших сочленов в Праге не возражаем против перевода Института в Белград, но с одним условием, что ликвидация Института будет производиться законно, и отказался способствовать в какой-либо форме нелегальному вывозу имущества. Белградцы попытались вывезти институтское имущество путем дипломатического вмешательства, но результата никакого не последовало.

Начало войны и стабилизация жизни в Протекторате изменили точку зрения мою и других пражских членов на будущее Института. Во-первых, стало ясно, что до окончания войны вопрос об Институте в целом разрешен быть не может. Во-вторых, нашлись средства для продолжения научной деятельности в Праге. В-третьих, из бесед с различными представителями германских властей и ученых кругов выяснилось их благожелательное отношение к Институту и появились перспективы развития научной деятельности в Праге. Члены Института в Америке, в лице д-ра Толля, в ряде писем морально нас поддерживали и советовали не обращать внимания на некорректные требования Белграда. Летом 1940 года появилась возможность составить план издательской деятельности. Д-р Толль согласился войти в редакционную коллегию и советовал подготовить к печати одну из очередных монографий. Однако Белград резко запротестовал против наших предположений и неожиданно предложил нам вообще переименоваться, отказавшись в пользу Белграда от названия “Институт имени Кондакова”. Между тем Институт

в Праге произвел реорганизацию помещения и находящихся в его распоряжении коллекций древностей; работа была закончена к Рождеству 1940 года.

Без нашего ведома Белград известил научные журналы о новом адресе Института Кондакова в Белграде и тем дал повод считать, что Институт в Праге ликвидирован. При издании 11-го, очередного, тома ежегодника Института весной 1940 года мы несколько раз просили поместить на обложке в указании места издания также “Прага”.

Белградские деятели отказом не ответили, но просьбы не исполнили, чем усилили впечатление, что в Праге все ликвидировано. В напечатанном в том же томе некрологе княгини Яшвиль была переделана одна из фраз так, что получалось впечатление, что я констатирую факт перевода Института в Белград. На мой двукратный протест не было дано никакого ответа.

Вместе с тем Белград сообщил “новый адрес Института” ряду фирм в Германии, вследствие чего они начали обращаться с заказами в Белград и даже, как фирма Харрасовиц в Лейпциге, переводить причитающиеся Праге деньги в Белград. На заявленный немедленно нами официальный протест последовал ряд резких личных нападков на пражан, а затем проф. Острогорский вообще перестал отвечать на мои письма, сообщив через д-ра Расовского о прекращении отношений со мной ввиду моего официального тона. Мои попытки разъяснить необходимость в данном случае официальных писем и недопустимость подобных действий ни к чему не привели. Белградцы продолжают свою политику “экономической блокады”: в декабре 1940 года выяснилось, что одному из должников Института в Берлине “категорически” предложили не платить денег в Прагу, а гасить долг в Белград. На все наши предложения разделить рынки, чтобы этим обеспечить жизненные интересы Института в Праге, белградцы отвечали отказом, или вовсе не отвечали, или предлагали нереальные вещи. В конце 1940 года д-р Расовский сообщил нам от имени своего собственного и своих белградских коллег, что Институт там, где находятся они, а в Праге — “фикция” и “склад”, который белградцы стремятся “разгрузить”. В последнем письме от 20 декабря 1940 г. д-р Расовский называет меня “узурпатором имени Кондакова” и угрожает “большим научным скандалом” в случае нашей издательской деятельности. Такова история наших взаимоотношений с Белградом, которую можно подтвердить рядом документов.

Как видно из вышеизложенного, юридическая сторона дела совершенно ясно определяет наши взаимоотношения: оба Института являются формально независимыми учреждениями и по юридическим основаниям ни один из Институты не может претендовать на господство над другим и должен определить, по соглашению с другим, районы хозяйственных интересов, т. е. книжные рынки. К сожалению, белградцы не хотят понять этой элементарной вещи: их действия полны правонарушений в отношении Института в Праге (часть этих правонарушений была опротестована ревизионной комиссией еще в 1939 г., часть, как упоминается выше, мною и временным советом Института).

Однако проф. Острогорский считает, по-видимому, юридическую сторону пустой формальностью и центр тяжести своего письма переносит в научную область. Но и в этой части письма изложение проф. Острогорского не вполне точно и, как мне кажется, основано даже на недоразумении. Как видно уже из вышеизложенного, Институт в Праге очень осторожно подходит к вопросу своего будущего издания и прежде всего снесся с д-ром Толлем, фактическим редактором большинства изданий Института. Задуманное нами издание, проект которого есть, г-н проректор, среди переданных Вам в свое время материалов, — “Сборник Ростовцева” предполагалось издать под редакцией ряда авторитетов, как проф. Васильев, Дельгер, Раденвальд, Толль и другие. Так как этот сборник стоил бы очень

дорого, то, вероятно, придется отложить проект до окончания войны. Очень вероятно, что в Праге выйдет какое-нибудь другое издание, — проф. Савицкий и я разрабатываем сейчас проект его, о котором собирались известить и Белград. К этому изданию я подхожу столь же осторожно, как и к “Сборнику Ростовцева”, так как прекрасно понимаю, что работаю в Институте Кондакова. Очень печально, что проф. Острогорский даже не поинтересовался планом издания, а вместо этого начал “спасать” честь учреждения. Принципиальная его позиция, по-видимому, так враждебна Институту в Праге, что проф. Острогорский готов скорее нас закрыть, чем согласовать работу. Между тем мы — пражане многократно предлагали координацию научной работы в Праге и Белграде. Предлагаем и сейчас.

Область научных интересов Института Кондакова не ограничивается одним византиноведением. Поэтому я и другие члены Института полагали своей обязанностью продолжать научную работу в тех областях, где специализировались. Институт не является собственностью отдельных лиц, поэтому отъезд того или другого лица из Праги не может решить судьбу учреждения. Институт Кондакова на месте всегда располагал ограниченными научными силами. Работа велась путем координации специалистов из разных стран. Эта возможность всецело сохраняется у Праги, как и у Белграда. Как Вам, господин проректор, известно, мы стремимся привлечь к работе и новые силы (в лице, например, д-р Редлиха, специализирующегося по христианской археологии, и других, с которыми ведутся переговоры).

Предложение проф. Острогорского ликвидировать Институт в Праге не является вопросом компетенции ни проф. Острогорского, ни моей. Я полагаю своим долгом посылить продолжать в Праге работу Института, который не был основан ни проф. Острогорским, ни мною. Я должен был продолжать в силу сложившихся условий работу, оставшуюся после д-ра Толля, я эту работу и продолжаю, не преследуя никаких личных целей. Мне кажется нелепым решать судьбу Института во время войны, а тем более создавать какие-то новые учреждения, как это предлагает проф. Острогорский.

Если Вас, господин проректор, интересует наше мнение, то мы думаем, что было бы: 1) желательно до конца войны не предрешать судьбы Института в целом, 2) необходимо урегулировать вопрос о рынках и материальные взаимоотношения с Белградом, чтобы Институт в Праге мог продолжать нормальное существование, 3) нужно, в интересах дела, согласовать научную работу нашу и Белграда, на что мы охотно готовы идти; в белградцах надо вызвать дух сотрудничества, а не дух принципиальной враждебности и принципиального превосходства...».¹¹³

Письмо Г. Гамперля Г. А. Острогорскому от 24.01.1941 в русском переводе: «Многоуважаемый коллега, очень благодарен Вам за Ваше обстоятельное письмо от 11.12.40, на которое вследствие Рождественских праздников я могу ответить лишь сегодня. В своем письме я выражаю, конечно, лишь свое личное мнение, основанное на известных мне обстоятельствах дела. Как я заключил из Вашего же письма, хотя в свое время великодушное предложение Е. К. В. принца-регента Павла о протекторате над Кондаковским Институтом и было с благодарностью принято правлением Института (заседание от 26.02.38), но никогда не было вынесено постановления о ликвидации Пражского Кондаковского Института или, хотя бы, о переселении его в Белград, что, как Вы сами справедливо замечаете, едва ли могло быть осуществлено ввиду законных к тому препятствий. Единственно лишь известное количество книг из библиотеки пражского Института было, с согласия правления (протокол от 19.10.38), послано Вам и проф. Мошину в Белград. Юридически и формально, таким образом, Кондаковский Институт продолжает

¹¹³ Там же. Л. 181—186.

существовать в Праге далее. Само собой разумеется, что ликвидация русских культурных учреждений, находящихся в Протекторате Богемии и Моравии, противоречила бы смыслу создания этого Протектората. Ответственные инстанции, наоборот, чувствуют себя обязанными охранять и открыть в новых государственных условиях возможность дальнейшего существования созданным с такими жертвами и существующим уже долгие годы учреждениям. Создание должности Особополномоченного для заведования всеми такими учреждениями, в лице ректора Немецкого Карлова университета, профессора Зауре, свидетельствует, по моему мнению, об этом самым наглядным образом. В области его ведения находится также и Кондаковский Институт в Праге. Я был бы очень огорчен и нашел бы это совершенно непонятным, если бы в этом отношении возникли затруднения с этой стороны.

Все ответственные инстанции, точно так же, как и сам д-р Андреев, ясно понимают, что возложение на него обязанности вести дела Института Кондакова в Праге представляет собой меру временного характера, так как г-н Андреев, поскольку вопрос идет о его специальной подготовке и опыте, конечно, не может быть сравниваем с такими признанными учеными, как профессор Кондаков. По окончании войны и этот вопрос получит окончательное разрешение. Кроме того, надо учесть, что правильное направление деятельности Института такого рода требует сотрудничества целого ряда опытных специалистов. И если византология особенно хорошо представлена в Белградском Институте, то то же самое можно сказать о Пражском Институте, поскольку дело касается русской истории, русского и византийского искусства и кочевниковедения. Таким образом оба Института в известной мере дополняют друг друга, почему я горячо приветствовал бы Ваше стремление тесно сотрудничать с Пражским Кондаковским Институтом. При этом Вы в достаточной степени получили бы возможность содействовать тому, чтобы имя Кондакова не потерпело ущерба. Насколько желательным считаю я сотрудничество обоих Институты, Вы можете заключить из того, что я вполне готов рекомендовать д-ру Андрееву предоставить Вам во временное пользование книги Пражского Института, находящиеся теперь в Белграде. Само собой разумеется, что сделать это я могу лишь при условии, что с Вашей стороны не будет отказа в высылке в Прагу отдельных книг, которые нужны будут Пражскому Институту для научной работы. Насколько я знаю, Пражский Институт готов со своей стороны сделать то же...».¹¹⁴

* * *

Стороны договорились о личной встрече представителей отделений для выяснения вопроса дальнейших взаимоотношений. Встреча, однако, не могла состояться из-за развития политических отношений на Балканах. 6 апреля 1941 г. Германия напала на Югославию, и во время первого налета германской авиации на Белград помещение Института было разрушено и убиты два сотрудника Института, Расовский и Окунева-Расовская. Острогорский предпринял энергичные меры для сохранения разгромленной библиотеки. Собрав группу помощников из русских, он в течение многих дней, с утра и до ночи, в пределах полицейского часа, доставал из-под развалин разрушенного дома книги. Затем была проделана очень большая работа по предварительной очистке книг. Когда все было приведено в относительный порядок, оказалось, что книг уцелело много больше, чем можно было ожидать, принимая во внимание характер и размеры постигшей белградский

¹¹⁴ Там же. Л. 186—187.

Институт катастрофы. Точный размер понесенного ущерба можно было определить только в отношении книг, отправленных в свое время из Праги в Белград: из 1600 книг, относящихся в основном к византиноведческому отделу библиотеки, было утрачено около 500. Для других частей белградской библиотеки — библиотеки гр. А. А. Бобринского и тех книг, которые были приобретены уже после переезда в Белград, а также находившихся там изданий Института, даже самый приблизительный учет погибших книг был невозможен из-за отсутствия описей белградской библиотеки.

Пражское отделение предприняло шаги к охране уцелевшего в Белграде имущества и организовало его отправку в Прагу. Первый транспорт книг был отправлен в конце августа. Было послано 22 ящика, но 3 ящика были потеряны в дороге при перегрузке и, несмотря на многократные запросы Института, так и не были найдены. В пропавших трех ящиках, как можно было установить по присланным спискам, находилось около 300 книг, некоторые очень большой ценности. Вторая половина книг, также 22 ящика, благополучно прибыла в Прагу в начале декабря. В присланных книжных материалах было много совершенно разбитых книг и даже отдельных листов; все это было рассортировано и некоторую часть удалось реставрировать. По-видимому, в Белграде погибло более тысячи книг, многие комплекты периодических изданий вернулись разрозненными, в частности «Византийский временник».

После ликвидации белградского центра Пражское отделение возбудило вопрос об устройстве части его личного состава, Острогорского и Соловьева. Мысль о приглашении Острогорского в Прагу была не нова и возникла еще до белградских событий.¹¹⁵ В 1941 г. инициатива пригласить Острогорского на вакантную в то время кафедру византологии в Карловом университете исходила от проф. Гамперля, который хотел создать в Праге византологический центр, воспользовавшись для этого нахождением здесь кондаковского Института. Предполагалось, что Острогорский сможет совмещать работу в университете и в Институте. Вопрос о приглашении Острогорского был принципиально решен в положительном смысле, но неожиданно обнаружили затруднения. Карлов университет послал запрос в Бреславль о причинах его ухода оттуда, и был получен ответ, из которого явствовало, что этот уход был обусловлен теми постановлениями, которые были введены в Германии в связи с национал-социалистическим режимом. Проф. Гамперль полагал, что возникшие препятствия могут быть устранены, но он не встретил поддержки со стороны ректора Карлова университета проф. Зауре. Вопрос о приглашении Острогорского в Карлов университет таким образом отпал, но, по мнению проф. Гамперля, это не препятствовало его переезду в Прагу и работе в кондаковском Институте. Правда, он оговаривал, что по той же самой причине Острогорский не мог возглавить Институт. При таких обстоятельствах Острогорский отказался от плана переезда в Прагу, тем более что в Белграде установились более или менее нормальные условия жизни. Последним вопросом, связанным с ликвидацией белградского центра, был вопрос об устройстве Соловьева в Праге в Карловом университете, однако дело затянулось, а затем, в связи с сокращением деятельности университета по обстоятельствам военного времени, и вовсе заглохло.

В октябре 1941 г. совершенно неожиданно для наблюдения за работой Института был назначен специальный представитель ректора Карлова университета, известный византист проф. Ф. Вейганд. В первом же официальном разговоре с Андреевым проф. Вейганд просил не обременять его текущими делами Института и в дальнейшем фактически в них не вмешивался. Раз в год Институт представлял

¹¹⁵ См. об этом примеч. 21.

в немецкий ректорат краткий отчет о своей деятельности. Чрезвычайно редкие посещения проф. Вейгандом Института вызывались исключительно желанием получить ту или иную книгу из библиотеки Института для работы.

* * *

Научная деятельность Института в условиях военного времени заметно сократилась. В 1939—1941 гг. еще читались доклады, в основном на русском языке, а в 1943—1945 гг. чтение докладов было умышленно сокращено, чтобы не привлекать внимания административных органов к Институту. Замерла и издательская деятельность: из книг фактически было завершено лишь издание «Отчета о раскопках в Дура-Европосе», т. 7—8.

В 1940 г. вышел том 11 «Сборника» Института, подготовка которого вызвала неприятные трения между Пражским и Белградским отделениями. Еще с весны 1939 г., когда только заговорили о намечающемся новом издании, Андреев поднял вопрос о том, что на обложке «Сборника» местом деятельности Института должны быть указаны оба города — Белград—Прага, а не только Белград. Несмотря на все его просьбы, упоминание Праги в 11-м томе так и не появилось. Редакция объясняла умолчание о Праге опасениями, связанными с войной. Скорее всего, выпуск «Сборника» был использован ею для того, чтобы утвердить в ученых кругах представление о том, что в Праге Институт ликвидирован и перенесен в Белград. Намечавшийся же выпуск следующих томов «Анналов» и «Зографики» был намеренно отсрочен до окончания войны, хотя для этого имелись все условия.

В конце июня 1940 г. Институт посетил мюнхенский археолог И. Морпер с официальным поручением канцелярии протектора ознакомиться с работой Института; в самых лестных выражениях он отзывался об изданиях Института и о работе его членов, выражал уверенность, что работа Института будет успешной и впредь. Д-р Морпер настойчиво советовал Андрееву продолжить издательскую деятельность и указал на очень подходящий предлог для очередного издания — предстоящее 70-летие М. И. Ростовцева. Среди членов Института эта мысль нашла отклик, за издание высказывались К. Шварценберг и Й. Мысливец. В конце августа 1940 г. Шварценберг внес в качестве пожизненного взноса в Институт 65 тысяч крон, поставив при этом условие, что 30 тысяч предназначаются на «Сборник».¹¹⁶

При возникновении проекта «Сборника» в честь Ростовцева не было учтено одно важное обстоятельство, которое выяснилось во время переписки Андреева с Толлем. Толль, близко знакомый с Ростовцевым, в своих письмах туманно намекал на «недовольство» проф. Ростовцева таким «Сборником». Недовольство Ростовцева, о чем открыто писать было нельзя, определялось антигерманскими настроениями в США, которые делали неприемлемым для русского ученого, жившего и работавшего в этой стране, чествование его путем юбилейного издания, выпущенного в пределах Германской империи. Намечающийся в Праге план издательской деятельности был встречен в Белграде в штыки, отсюда пришло письмо от Расовского со странным предложением переименовать пражскую часть Института, например, в «Историко-археологический институт имени К. Шварценберга» и совершенно самостоятельно печатать свои издания. Хотя благодаря щедрому пожертвованию князя Шварценберга Институт располагал для издания сборников достаточными средствами, его русские члены считали нежелательным появление новых изданий Института в Праге в пределах Германской империи.

¹¹⁶ АИИИ АН ЧР. К1-5/10. Протоколы заседаний Правления и ревизионной комиссии Института им. Н. П. Кондакова. Л. 40. Протокол заседания правления от 31.08.1940.

Сокращение научной работы Института в Праге компенсировалось усилением работы по созданию его научных фондов. Расширился состав его библиотеки, за военные годы, с 1 января 1939 г. по 1 мая 1945 г., она увеличилась на 3500 единиц и составила 10 029 томов благодаря тому, что Институт унаследовал библиотеки кн. А. А. Бобринского и принял книги проф. М. В. Шахматова; почти заново было создано нумизматическое собрание, а также увеличена коллекция древних металлических крестов. При покупке памятников для своего музея Институт в первую очередь заботился о том, чтобы спасти их из рук случайных владельцев.

Особую заботу возбуждала коллекция ценнейших старых русских икон начиная с XVI в., в том числе Христос Рублева. Эти иконы ранее принадлежали известному московскому меценату Солдатенкову, мужу старшей сестры княгини Яшвиле. После революции их с большим трудом вывезли из Москвы, и они попали в Прагу, где и были приняты на хранение Институту. Яшвиле несколько раз предлагала их владельцу, своему племяннику, наследнику Солдатенкова, проживающему в Англии, получить их, но он отклонял эти предложения, так как у него, по видимому, были проблемы с их хранением. В 1938 г., в связи с осложнившимся международным положением и угрозой войны, Солдатенков, опасаясь за свое имущество, наконец попросил прислать ему иконы. Иконы были упакованы и, при содействии И. И. Гирсы, подготовлены к отправке, но вывоз их, как художественно ценных предметов, не был разрешен властями. Гирса должен был забрать иконы из торговой конторы, куда они были сданы, и они временно хранились у него в подвале в условиях, не гарантировавших иконы от порчи. Кроме того, после начала войны возникли затруднения юридического характера по хранению икон в частных руках. Имущество же, принадлежащее лицу, проживающему во враждебной стране, вообще могло быть конфисковано. Институт взял иконы на свое попечение и устроил выставку, имевшую огромный успех. В 1944 г. Институт провел большую работу по расчистке и консервации икон. Реставрация икон была проведена квалифицированным специалистом, художником-реставратором Е. Е. Климовым. Большинство расчищенных икон было зафиксировано в цветных клише. Изготовление цветных клише икон в военные годы было широко поставлено в Институте, к этому побуждало как стремление зафиксировать как можно больше памятников русского искусства, так и желание укрепить финансовую базу Института. Во время войны обострился общественный интерес к русской старине, и цветные репродукции русских икон расходились удивительно хорошо. Продажа репродукций, выполненных с цветных клише, составляла значительную статью дохода Института в это время.

Материальное положение Института в течение войны радикально изменилось. Критическим моментом в его финансовой жизни были весна и начало лета 1939 г., когда касса Института была почти пуста и приток средств почти прекратился. В этот особо трудный момент на помощь Институту пришел князь К. К. Шварценберг, купив на 20 000 крон изданий Института. Сделано это было чисто формально, но значительно облегчило положение. 1940 год был еще более труден в финансовом отношении, так как резко сократилась продажа изданий из-за переключения фирм на Белградское отделение и истощения в Праге запаса цветных репродукций, большая часть которых в 1938 г. была отправлена в Белград. Финансовый кризис в очередной раз был преодолен благодаря помощи верного друга Института Шварценберга, который внес упомянутый выше пожизненный членский взнос в размере 65 000 крон. Институт окончил год без дефицита и получил возможность расширить свое помещение: в июле 1940 г. была нанята освободившаяся соседняя с Институту квартира. В новом помещении удобно разместилась библиотека,

и особая комната была отведена для икон. Однако в апреле 1942 г. Институт неожиданно и спешно, в течение трех дней, должен был поменять помещение вследствие того, что дом, в котором находился Институт, был отдан гестапо. Взамен Институту было отведено помещение на Гальштатской улице, д. 6.

В 1941 г. значительно повысились приходные статьи по продаже изданий, которые позволили оплатить доставку библиотеки из Белграда в Прагу. 1942 и 1943 годы характеризовались ростом доходов от продажи изданий и цветных репродукций, а в 1944 г. эта продажа достигла своего пика — 650 000 крон. Институт наконец достиг самоокупаемости. Институт увеличил ассигнования на приобретение книг и коллекции крестов и монет. В общей сложности расходы на библиотеку и музей составили больше миллиона крон. Институт мог бы затратить больше денег на библиотеку, если бы это позволяло состояние книжного рынка: в условиях военного времени многие заказы не выполнялись. Материальное положение Института во время войны стабилизировалось и даже укрепилось.

По окончании войны деятельность Института фактически прекратилась.¹¹⁷ В 1945 г. был арестован Андреев. На чрезвычайном общем собрании 20 января 1946 г. было объявлено о прекращении деятельности временного совета Института и проведены выборы нового правления. Собрание избрало почетный президиум Института: А. А. Васильева и Н. П. Толля, и правление: председатель К. К. Шварценберг, заместитель председателя П. А. Остроухов, казначей Е. Ф. Максимович, секретарь П. А. Хмыров.¹¹⁸ На этом же заседании Шварценберг предложил обратиться от имени общего собрания к президенту АН СССР «с просьбой о научной поддержке и выразить готовность Института принять на себя выполнение поручений АН СССР в сфере научной деятельности Института».¹¹⁹

В феврале 1947 г. П. А. Остроухов известил общее собрание о сложении с себя полномочий заместителя председателя правления Института, и на эту должность был избран А. В. Флоровский.¹²⁰ В середине 1947 г. общее собрание поддержало предложение Флоровского о возобновлении научно-издательской деятельности Института.¹²¹ Началось формирование 12-го тома «Анналов», который должен был носить название «Кочевники, Византия и славяне». Статьи для сборника обещали дать В. А. Мошин, Я. А. Бромберг, А. В. Соловьев, А. Н. Грабар, Г. В. Вернадский. Г. А. Острогорский отнесся к идее возобновления «Анналов» без сочувствия, а намерение восстановить деятельность Института считал наивным: «Спрашивается, что же остается от Института в прежнем его смысле? Ничего, кроме когда-то славных традиций и имени... Людей, которые могли бы вести это учреждение, сохраняя его научный уровень и особую физиономию, не стало... И надо, мне кажется, признать этот печальный, но неоспоримый до очевидности факт, — признать и сделать из него соответствующие выводы, разумно распорядившись библиотекой Института, которая является единственным, что от него в действительности осталось, и которая собиралась — так это всегда нами считалось — в конечном счете для России».¹²²

¹¹⁷ О последних годах существования Института см.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты... С. 39—41; *Аксенова Е. П.* Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации... С. 63—74. Архив А. В. Флоровского, принявшего в 1946 г. советское гражданство, хранится в Москве в Архиве РАН (Ф. 1609).

¹¹⁸ АИИИ АН ЧР. К1-5/11. Протоколы общих собраний и заседаний правления Института им. Н. П. Кондакова с 20 января 1946 г. по 26 марта 1948 г. Л. 14. Протокол чрезвычайного общего собрания 20.01.1946.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Л. 11. Протокол чрезвычайного общего собрания от 27.02.1947.

¹²¹ Там же. Л. 9. Протокол заседания правления от 7.06.1947.

¹²² Цит. по: *Аксенова Е. П.* Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации... С. 71.

В марте 1948 г. К. К. Шварценберг сложил с себя полномочия председателя правления, и эти обязанности были возложены на А. В. Флоровского.¹²³ Флоровский не внял советам Острогорского и продолжал безуспешную борьбу за реанимацию Института, вступив в переговоры с АН СССР. Участь Института была окончательно решена в августе 1951 г., после посещения Института и беседы с Флоровским представителя АН СССР И. И. Удальцова. Институт им. Н. П. Кондакова был передан Академии наук Чехословакии. Архив и библиотека достались Институту теории и истории искусств, основная коллекция икон была также передана Чехословакии и лишь частично отправлена в Третьяковскую галерею.¹²⁴ 2 января 1953 г. Институт был закрыт, и все ключи от него сданы.

---

¹²³ АИИИ АН ЧР. К1-5/11. Л. 2. Протокол общего собрания от 26.03.1948.

¹²⁴ Catalogue of Primitive Russian Painting. Tretyakov State Gallery, Moscow, 1963. Vol. 2. P. 301. Entry 241.

Указатель имен¹

- Абаза, ген. консул России в Константинополе 212
Абрамович Д. И. 179, 181, 186, 200, 211
Августин, иером. 213
Агеев К. М., свящ. 136, 158
Аделунг Федор Павлович (1768—1843), академик 570, 577
Адельфинский И. А. 79
Адольф А. В. 424
Адопец Н. Г. 148
Адрианова-Перетц В. П. 172, 200
Айналов Д. В. 5, 186, 187, 194, 201, 203, 205, 212—214, 226, 229, 231, 235, 240, 311, 312, 314, 315, 317, 318, 322, 324, 325, 327, 328, 330, 334—338, 340—343, 345, 413, 430, 437, 438, 442, 447, 448, 450, 453, 455, 616, 617, 634
Айналова Н. Р. 341
Аксаков И. С. 126
Аксенова Е. П. 768, 810
Александр (Головин), еп. 148
Александр I 565, 569
Александр III 143
Александр Афонский, старец 393
Александр Лаврский, о. 393
Александров А. Д. 189
Александров А. И. 221, 227
Александров Б. В. 194
Александров Г. Г. 165
Александровский П. А. 184
Алексеев А. А. 60
Алексеев В. М. 740
Алексей, преосвящ. 598, 602, 604—605, 608
Алексий (Опоцкий), архиеп. 153
Алмазов А. И. 155, 157, 200, 213, 221, 222, 223
Амелунг 410
Амираншвили Ш. Я. 441, 446, 451
Амфилохий, архим. 213
Анастасиевич Д. см. Anastasijevič D.
Анастасий (Братановский-Романенко), архиеп. 41
Анатолий, архим. 404, 432, 433
Андреев Д. П. 660
Андреев И. Д. 136, 145, 146, 151, 160, 185
Андреев М. В. 200
Андреев Н. Е. 655, 707, 769, 770, 773, 779, 790, 792, 797—802, 806, 808, 810
Андреев Ю. В. 704
Андреева М. А. 655, 684, 693, 704, 770
Андрей (Шептицкий), митр. 120
Андрей, игумен на Афоне 334
Анисимов А. И. 654, 655, 660, 718, 719, 778
Аничков Н. М. 241, 242—244, 246
Анненский И. Ф. 420, 421, 431
Антипов И. В. 442
Антоний (Вадковский), еп., митр. 136, 137, 141, 142, 145, 152, 153, 154
Антоний (Каржавин), архим. 128
Антоний (Храповицкий), архим. 132
Антоний, архиеп. Волынский 246, 247
Антоний, иером. Кирилло-Белозерского монастыря 73
Антоний, митр. Санкт-Петербургский 246
Антонин (А. И. Капустин), архим. 5, 50, 213, 226, 242, 396, 612
Антонович В. Б. 337
Анучин Д. Н. 647, 648, 680, 708, 709, 717,
Анфертьева А. Н. 203, 220, 384, 392, 403, 409, 432, 617, 667
Апанидзе А. М. 452
Аппельтон Н. см. Appleton N.
Апраксин П., гр. 61
Аракелян Б. И. 446
Арранц М. см. Argranz M.
Арсений (Стадицкий), митр. 158
Арсений, еп. Кирилловский 401, 416
Артамонов М. И. 445
Артемьев С. А. 155
Арциховский А. В. 444
Астров Н. И. 767
Афанасий (А. Г. Соколов), архиеп. 199
Афанасьев В. И. 46
Африканов 376
Ахвледиани Г. С. 446
Ашешова А. Н. 45
Багаева Е. Ф. 437, 445
Багалей Д. И. 311, 312, 342
Базинер О. Ф. 414, 415, 419, 424, 431
Байер Э. см. Bayer Th. S.
Байер Х.-Ф. см. Beyer H. V.
Бахрадзе Д. З. 238
Барамидзе А. Г. 452
Барбос А. И. 369
Барджиола 43
Барии А. Э. 369, 371
Барский В. 390
Барсов Г. В. 183
Барсов Н. И. 41

¹ Пояснения даются только в отношении персонажей, упомянутых в письмах К. Б. Газе.

- Барсов Т. В. 137
 Барсуков Н. Н. 614
 Бартольд В. В. 162, 163, 739—740
 Басаргина Е. Ю. 330, 381, 395, 397, 399, 401, 432
 Бауер В. см. Baur Paul V. С.
 Бахметьев Б. А. 791
 Бахтина С. А. 312
 Бебб Л. 200
 Беглери (Веглери) Г. П. 234, 235
 Бегунов Ю. К. 172
 Безобразов П. В. 213, 223, 380
 Бекштрем А. Г. 416
 Белановская Т. Д. 436, 440
 Белаш К. см. Belash С. А.
 Белецкий А. И. 311, 344
 Белич Александр 184
 Беллингер А. см. Bellinger A. R.
 Белоброва О. А. 389, 436, 452
 Белова Н. А. 45, 48, 57
 Белозеров М. П. 218
 Белокуров С. А. 123, 395, 614
 Белошевская Л. 774
 Бельчиков Н. Ф. 200
 Беляев А. Д. 123
 Беляев Д. Ф. 213, 215, 216, 223, 224, 227, 228, 229, 230, 231, 233—237, 389, 410
 Беляев М. А. 699
 Беляев Н. М. 643, 644, 654, 655, 657, 660, 665, 697, 705, 719, 724, 760, 761, 770, 774—779, 782, 786, 790
 Беляев Н. Т. 772, 778, 790
 Беляев С. А. 768, 785, 786, 787
 Беляева З. В. 230, 231
 Бенеш Э. см. Beneš E.
 Бенешевич В. Н. 5, 165, 181, 194, 201, 202, 388, 392, 395, 409, 412, 447, 617, 776, 781
 Бенуа А. Н. 653, 703, 709, 744
 Бенуа Л. Н. 744
 Бердников И. С. 123, 605
 Березин Алексей Сергеевич (1801—1824) 567, 568
 Беренштам Ф. Г. 240, 331, 620, 625, 756, 757, 649, 756, 757
 Беренштам-Ляцкая В. А. 649, 719
 Бертенсон Л. О. 231
 Бертъе-Делагард А. Л. 52
 Бертъе-Делагард Б. Д. 451
 Бехтерев В. Н. 185
 Бибиков М. В. 231
 Бидло Й. см. Bidlo J.
 Бизамани Донато, греч. иконописец 73
 Бикарюков Д. Е. 83
 Бикарюков Л. Д. 83
 Бикарюков М. Д. 83
 Бицилли П. М. 791
 Блаватская Е. П. 143
 Благовещенский Н. М. 208, 232
 Благоразумов М. И. 176
 Блаш (Брунелли) Н. А. 620
 Блинов С. Г. 670
 Блок Г. П. 524
 Бобринский А. А., гр. 57, 58, 75, 228, 440, 701, 713, 726, 740—741, 791, 807, 809
 Бовкало А. А. 84
 Богданова Т. А. 119
 Богдановы 195
 Богдашевский Д. И. см. Василий, еп.
 Боголепов Н. П. 361
 Богословский В. И. 53
 Богословский М. И. 141, 142, 146, 161
 Богословский М. М. 180
 Бодлер Ш. 420
 Боуен де Куртенэ И. А. 425
 Бодянский О. М. 524, 600
 Бок В. Ю. 318, 320, 321, 325
 Болотов В. В. 6, 56, 59, 122, 123, 132—135, 137, 138, 147, 202, 213, 219, 287, 291, 292, 297, 301, 305, 307, 308, 256—285, 689, 713,
 Болсунов Г. М. 71
 Болтенкова А. И. 366—368, 370
 Большаков Н. С. 205
 Бонгард-Левин Г. М. 338, 619, 659, 683, 684, 735, 764
 Бонч-Бруевич В. Д. 173, 200
 Борис (Плотников), архим., еп. 123, 131
 Борисковский П. 440
 Борисова Т. М. 312, 342
 Борман 427
 Боровиковский А. Л., поэт 126
 Боровка Г. И. 724, 754
 Боровкова-Майкова М. С. 192, 200, 201
 Бороздин И. Н. 721, 722
 Бортвис И. 446
 Браиловский, архитектор 240
 Бранденбург Н. Е. 58, 77
 Брандт Р. Ф. 364
 Браун Дж. см. Brown J. N.
 Браун Ф. А. 365, 414, 425, 653, 689
 Брачев В. С. 300, 301
 Брежго Болеслав 200
 Бреннер Т. Н. см. Редина Т. Н.
 Бриллиантов А. И. 6, 123, 286—310
 Бриллиантов И. И. 298, 299
 Бриллиантов Л. И. 298
 Бродович И. А. 146, 147, 154
 Бромберг Я. А. 810
 Бронзов А. А. 134, 137, 161, 164, 225
 Брунов И. И. 440, 443, 445
 Брызгалов 608
 Будде Е. Ф. 230
 Будилович А. С. 207, 211
 Бузескул В. П. 213, 311, 312, 339, 382, 416, 422, 643, 656, 696, 697, 705, 736, 737, 742, 744, 746—748
 Булгаков В. Ф. 767
 Булич С. К. 414, 419, 423
 Бунин И. А. 643, 665, 673, 675, 676
 Бурнияс Гр. 393
 Буслаев Ф. И. 45, 49—50, 55, 56—57, 67, 75, 76, 86, 330, 338, 339, 345, 621, 629, 644, 645
 Бухарин Н. С. 206
 Бушила 184
 Бычков А. И. 585, 625, 601 (?), 606 (?)
 Бычков А. Ф. 50, 75, 213, 226, 346, 347, 358—365, 371, 373, 376
 Бычков И. А. 200, 605, 612, 615
 Бычкова Е. Н. 585—596
 Бюллер, барон 614
 Бюхелер 424
 Вавилов С. И. 174, 175
 Вагнер Г. К. 446, 453, 454
 Вальдгауер О. Ф. 724,
 Вальденберг В. Е. 5, 201, 203, 300

- Вальтер 673—674
 Варнава (Петр Пасич) 120
 Варнеке Б. В. 655, 676,
 Василий (Богдашевский), еп. 119, 123, 161
 Васильев А. А. 5, 213, 221, 293, 374, 395, 401,
 411, 429, 771, 775, 776, 791—796, 800, 804, 810
 Васильевский В. Г. 5, 211, 213, 221, 223, 228, 231,
 233, 234, 355, 356, 365, 372—374, 376, 377,
 384—388, 392, 393, 395, 409—412, 414, 422,
 430, 431, 453, 648, 649
 Васильков Я. В. 288
 Васильчиковы 212
 Васнецов В. М. 61
 Вассиан, иером. на Афоне 334
 Ваттенбах В. 426
 Вахрамеев А. И. 63
 Введенский А. И. 364, 425
 Введенский С. И. 119
 Вейганд Ф. см. Weigandt F.
 Вейнгард М. см. Weingart M.
 Величко В. В. 321
 Вельтер Э. А. 240
 Вельтер, книгопродавец 240
 Венгеров С. А. 174, 185, 200
 Венедикт (Плотников), еп. 148
 Верлен П. 420
 Верн Ж. 434
 Вернадский В. И. 123, 640, 653, 655, 682, 684,
 718, 719, 769
 Вернадский Г. В. 185, 240, 617, 620, 640, 653, 655,
 684, 697, 698, 705, 711, 718, 719, 759, 760, 764,
 767, 768, 774—777, 780, 781, 782, 785, 786, 790,
 792, 793, 810
 Верт 422
 Вершинская Е. С. 199
 Вершинский А. Н. 200
 Вершинский Д. С. 175, 178, 199, 201
 Вершинский И. 199
 Весели К. 393, 394, 402, 411, 416
 Веселовская А. Н. 75, 223, 355, 364, 413, 414, 425,
 432
 Веселовский А. И.
 Веселовский К. С. 372
 Вестберг Ф. Ф. 415
 Вздорнов Г. И. 43, 59, 60, 67, 288, 345, 436, 441,
 651
 Видеман Ф. Э. 407, 426
 Викторов А. Е. 600, 604
 Виламович-Меллендорф У. фон см. Wilamowitz-
 Moellendorf U. v.
 Вилинский С. Г. 673—674
 Вильборг А. И. 634
 Вилькен см. Wilcken V.
 Виноградов В. П. 199, 200
 Виноградов Н. П. 150
 Вирхов Р. 328
 Виссова Г. см. Wissova G.
 Вителли Дж. см. Vitelli J.
 Владимир, митр. Московский 246, 249, 254
 Владиславлев М. И. 223, 414
 Воеводский Л. Ф. 408, 431
 Войтова Т. А. 436, 443
 Волконский, кн. (Сергей Григорьевич или Петр
 Михайлович?) 530
 Вольтер Э. Л. 201
 Воровский В. В. 166
 Воронин Н. Н. 445, 447, 453, 454
 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856),
 граф 541
 Воскресенский Г. А. 140, 141, 146
 Востоков А. X. 525, 600, 601
 Вочек В. А. 185
 Врангель П. Н. 769, 770
 Вулианди, архимандрит Афонск. 587
 Вульф О. см. Wulff O.
 Въжарова Живка Н. 314
 Вяземский П. А. 216
 Вяземский П. П., кн. 60
 Вялова С. О. 237
 Вялова С. О. 616
 Гавриил, иером. на Афоне 333, 334
 Гаврилов А. К. 384, 392
 Газе К. Б. см. Hase C.-B.
 Гамперль Г. см. Hamperl H.
 Гаррисон В. 773
 Гаруччи Р. 327
 Гатцук А. А. 53
 Гвинчидзе О. 446
 Гебгард О. Л. см. Gebhardt O. L.
 Гегель 125
 Гедеон М. И. 386, 387
 Гедике Адор Адорович (1783—1820), проф. СПб.
 ун-та 567, 569, 573
 Геерен см. Heeren A. H. L.
 Гейнзий 418
 Георгиевский В. Г. 194
 Георгиевский В. Т. 61, 75, 661, 692, 714, 718, 729
 Георгиевский Н. Г. 199
 Герд Л. А. 234, 273, 356, 384
 Герман Е. И. 331
 Герман, монах на Афоне 333
 Германова М. Н. 768, 784, 791
 Гермоген (Долганцев), еп. 154
 Гермоген, архиеп. Саратовский 246
 Герц К. К. 413
 Герье В. И. 159, 160, 161
 Гессен В. И. 163
 Гессен С. И. 791
 Гетц Леопольд Карл 200
 Гильдебрант Г. К. 606
 Гильдермейстер И. см. Hildermeister I.
 Гильтебрандт П. А. 142
 Гильфердинг А. Ф. 587
 Гинзбург Г. И. 522
 Гиппиус В. В. 200
 Гирса В. см. Girsa V.
 Гирса И. И. см. Girsa I.
 Гиришфельд см. Hirschfeld J. В.
 Гитлер А. см. Hitler A.
 Глаголев С. С. 119, 152
 Глазенап С. П. 123
 Глазов В. А. 123
 Глезеров С. Я. 82
 Глубоковская А. Н. 124, 169, 296
 Глубоковская М. Н. 124
 Глубоковская П. М. 124
 Глубоковский А. Н. 124
 Глубоковский В. Н. 124
 Глубоковский Василий, свящ. 124
 Глубоковский М. Н. 124, 143
 Глубоковский Н. Н. 6, 119—171, 200
 Глубоковский Никанор, отец Н. Н. Глубоков-
 ский 124

- Глубоковский П. Н. 124
 Глубоковский П., протоиерей 124
 Гоголь Н. В. 178
 Голдер Ф. см. Holder E. O.
 Голенищев В. С. 417
 Голике Р. 634
 Голицын Н. Н., кн. 159
 Голубев А. И. 81
 Голубев В. 639
 Голубев Л. 639
 Голубев С. Т. 123
 Голубева А. Н. 81
 Голубинский Д. Ф. 128, 132, 140
 Голубинский Е. Е. 123, 128, 145, 146, 605
 Голубовский (в Киевском ун-те) 232
 Голубцов А. П. 56, 73—75, 81
 Голубцова О. Н. 81
 Гольмстен А. Х. 366
 Городцов В. А. 714—715
 Горский А. В. 395
 Горский П. И. 132, 145
 Горчаков М. И. 602, 603, 604, 605
 Горький М. 171
 Горянов Б. Т. 446, 453
 Гоцци К. см. Gozzi C.
 Грабар А. Н. 452, 634, 653, 666, 667, 677, 680, 686, 698, 713, 778, 791, 810
 Грабар О. А. 7, 665
 Грабарь И. Э. 617, 653
 Гревен Г. см. Graeven H.
 Гревс И. М. 159, 211, 212, 647, 648, 709, 722,
 Грегуар Г. см. Grégoire H.
 Грейвс М. см. Graves M.
 Греков Б. Д. 200
 Грефе Федор Богданович (Христиан Фридрих) (1780—1851), академик 538, 534, 548
 Греч Николай Иванович (1787—1867) 540, 541
 Григоров Д. А. 67, 69
 Григорович В. И. 352
 Григорович Н. И. 593, 608
 Гримм Д. Д. 764—765
 Гримм Э. Д. 647
 Гринберг З. Г. 171
 Громогласов И. М. 136, 158
 Грот К. Я. 349
 Грот Н. Я. 434
 Груздев С. С. 673—674
 Грушевой А. Г. 210, 395
 Гулянов Иван Александрович (1789—1842), востоковед, египтолог 575, 577
 Гурич К. И. 82
 Гурич Л., свящ. 82
 Гурьев П. В. 154
 Гусев П. Л. 69—70
 Гучев П. А. 447
 Гучков А. И. 647

 Д'Анкона 414
 Давыдов А. В. 436
 Данилевич В. Е. 320—322, 338
 Даниленко Б. О., протоиерей 119, 146, 171
 Дворник Ф. см. Dvornik Fr.
 де Лагарде см. Lagarde A. de
 Деллеви В. И. 434
 Деллеви Л. П. 434
 Дёльгер Фр. см. Dölger F.
 Делянов И. Д. 356
 Деникин А. И. 667,
 Денисов Л. А. 422
 Дер Нерссян С. см. Der Nersessian S.
 Деревицкий А. Н. 235, 319, 320, 330, 400, 401, 424, 425, 431
 Дерпфельд В. см. Derpfeld
 Дестунис Г. С. 213, 389, 390, 391, 395, 413, 414
 Дестунис С. Ю. 213, 389, 391
 Джавахов (Джавахишвили) И. А. 146, 148
 Джанашия С. Н. 452
 Дживилегов И. А. 148
 Джунковские Ст. и Л. 199
 Дзюценидзе Г. С. 452
 Дилакторский П. А. 200
 Диль Ш. см. Diehl Ch. M.
 Дильс Г. см. Diels H. A.
 Димитрий (Ковальницкий), архиеп. 152
 Димитрий (Сперовский), еп. Сухумский см. Сперовский Н. А.
 Димитров 185
 Динисов П. А. 350
 Диттенбергер 425
 Дмитриевский А. А. 62, 75, 119, 123, 150, 173, 201, 213, 214, 216, 217, 227, 231, 232, 241—255, 296, 395, 703, 714—715, 728, 729, 734
 Дмитрий, архиеп. Херонский 181
 Добровольский Л. М. 194
 Доброклонский А. П. 155, 674
 Добролюбов Н. А. 126
 Докашева Е. С. 767
 Долгов С. О. 613
 Долинина А. А. 670
 Долланская М. Ф. 703
 Долоцкий В. И. 41
 Домбровская О. И. 445
 Драгоманов М. П. 767
 Дружинин В. Г. 317, 318, 226
 Дьяконов М. А. 159, 162, 163
 Дюканж см. Du Cange Ch.
 Дюма-отец 434

 Евдоким (Мещерский), еп. 153
 Евлогий, архиеп. Холмский 246
 Евсеев И. Е. 70, 71, 72, 119
 Евстафий, монах на Афоне 333
 Евтушенко А. А. 312
 Евфимий (Лапин), еп. 148
 Екатерина II 522, 769
 Елеонский Н. В. 146
 Елеонский Ф. Г. 137
 Елизавета Федоровна, вел. кн. 241—255
 Елисеев С. Г. 791
 Елпатьевский К. В. 366
 Епифанович С. Л. 136
 Ерзепка Б. 358, 359
 Ернштедт В. К. 212, 213, 218, 220, 223, 232, 233, 364, 365, 384—435
 Ернштедт Л. И. 426, 427

 Жадовская Ю. В. 126
 Жданов И. Н. 364, 365, 419, 431
 Жданов С. Н. 419
 Жебелёв С. А. 123, 191, 201, 203, 205, 207, 209, 211, 213, 229, 312, 322, 323, 327, 328, 330, 331, 334—336, 338—340, 342, 400, 402—404, 408—410, 412, 424—431, 447, 453, 616, 643, 645—661, 664—667, 669—674, 679, 680, 681, 686, 689—

- 710, 713—715, 718, 720—724, 727—734, 737, 738, 741, 743—745, 748—754, 757—765, 771, 775, 780, 781
- Жебелёва М. А. 667, 694
 Желобовский А. А. 153
 Жерве Андрей Андреевич (1773—1832) 537, 537
 Жерве Софья Карловна 538
 Жервэ Н. Н. 65
 Жуковский П. П. 200
- Завитневич (в Киев. ун-те) 232
 Заволоко И. Н. 791
 Загребин В. М. 382
 Залеман Г. Р. 702—703
 Залеман К. Г. 212, 357, 387, 648
 Залеская В. Н. 436, 450
 Заливалова Л. Н. 384, 388
 Замысловский Е. Е. 223
 Заозерский Н. А. 141, 150
 Зарин С. М. 146, 155, 165
 Зарницкий Я. 66
 Зарубин Н. Н. 172, 193, 194, 200
 Зауппе Г. см. Sauppe Н. 418
 Зауре, ректор Карлова ун-та 806, 807
 Захаров 635, 639
 Звагельский В. Б. 312
 Звенигородский А. В. 722,
 Здравомыслов К. Я. 155, 167, 287, 293
 Зелинский Ф. Ф. 213, 364, 365, 402, 408, 412, 414, 419, 422, 429, 432, 791
 Земскова В. И. 203
 Зенгер Г. Э. 154, 422, 431
 Златарский (Златарски) В. Н. 184, 314, 374, 678, 780, 791
 Зубалов Л. К. 642
 Зуев В. Ю. 619, 684, 763
 Зябкин П. 665
- Иаков (Пятницкий), архим. 130
 Иванов А. А. 219
 Иванов Вяч. 421
 Иванов, болгар. ученый 634
 Ивановский М. Р., свящ. 124
 Иванцов-Платонов А. М., протоиерей 130, 131
 Ивашенко М. М. 446
 Игнатий (Брянчанинов), еп. 164
 Игнатъев А. 119, 144
 Иессен А. А. 436, 446
 Извольский П. П. 123, 145, 153
 Измайлов А. А. 122, 123, 146, 168
 Иконников В. С. 232, 671, 672,
 Иловайский Д. И. 337
 Ильин В. С. 799
 Ильинский Г. А. 200
 Иннокентий (Павлов), иеромон. 172, 183
 Иннокентий (Смирнов), еп. Нежинский 301, 306
 Иннокентий, экзарх Грузии 246
 Иоаким, иером. на Афоне 333
 Иоанн Нарвский, еп. 177
 Иоанн Смоленский, преосвящ. 608
 Иоанн, еп. 85
 Иоанн, митр. 202
 Иодко О. В. 6, 7, 404
 Иосиф, митр. 177
 Исидор, митр. Новгородский и Санкт-Петербургский 43, 138, 177
 Истомин Д. В. 241
- Истрин В. М. 123, 643, 671, 672, 674, 677, 678, 693, 703
- Казанский 424
 Каисман Л. Г. 437
 Калагов Н. В. 602, 610
 Калачов Н. В. 44, 46, 48, 65, 66, 71, 73, 76
 Калитинский А. П. 767, 768, 770, 775, 777, 778, 779, 780, 782, 784, 785, 786, 787, 790, 791
 Кант Э. 125
 Каподистрия Иоанн Антонович (1776—1818), граф 565
 Каптерев Н. Ф. 141
 Капустин М. А. 647, 729, 735
 Капустин М. Н. 735
 Капустин М. Я. 735
 Капустина А. М. 734—735
 Карабачек И. 427
 Карабинов И. А. 65, 68, 69, 86, 146, 148
 Карамзин Н. М. 523, 525, 537
 Каратаев Н. М. 201
 Карге П. 422
 Каргер М. 440
 Кареев Н. И. 185, 361
 Карейша Н. С. 195
 Карелин А. А. 240
 Каринский М. И. 137
 Каринский Н. М. 70, 149
 Карпинский А. П. 190
 Карпович В. С. 447
 Карский Е. Ф. 201, 312, 671, 672, 676, 730
 Карташев А. В. 139, 140, 182, 200
 Касицын Д. Ф., свящ. 132
 Катанский А. Л. 42
 Каутский К. 646
 Качановский В. В. 356, 382
 Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) 528, 579
 Кашанин М. см. KaYanin M.
 Квет, чешск. исслед. 795
 Кедров К. В. 404, 405
 Кехелидзе К. С. 243
 Кёлер Егор Егорович (Генрих Карл Эрнст) (1765—1838), академик 522, 525, 545, 546, 549—552, 556, 569, 573, 575, 576, 579, 582
 Келер У. 390, 405, 418, 426, 428, 432
 Кенион Ф. Дж. 402
 Кеппен Петр Иванович (1793—1864), академик 525, 577, 579, 580
 Керри Ф. 787
 Кизеветтер А. А. 767, 773
 Киреев А. А. 122, 123, 299, 305
 Кирилл (К. Смирнов), архиеп. Тамбовский и Тацкий 182
 Кириллов М. Е. 187
 Кирпичников А. И. 57, 172, 213, 313, 319, 398, 424, 430, 649, 741,
 Кирхгоф А. 426
 Киршбаум В. 212
 Китнер И. С. 57, 58
 Кишинский Б. 358
 Клапорт Генрих-Юлий (1783—1835), ориенталист, академик 525, 538, 540, 541, 543, 545, 549, 550, 567, 576—578
 Клетнова К. Н. см. Kletnova K. N.
 Климанов Л. Г. 208, 413
 Климов Е. Е. 809

- Клоссиус 419
 Ключе 398
 Ключевский В. О. 128, 141, 152, 613, 614
 Кобеко Д. Ф. 367, 377, 415
 Кобет см. Cobet С. G.
 Ковалевский Е. П. 633
 Ковалевский М. М. 232
 Козак В. 351
 Козлин Н. К. 200
 Козлов В. П. 524
 Козлов П. К. 785
 Козловский И. И. 372
 Коковцов В. Н. 370
 Коковцов П. К. 123, 147, 149, 150, 163, 164, 201, 205
 Коловрат С. см. Kolovrat S.
 Коль И. П. см. Kohl I. P.
 Кольц В. см. Koelz V.
 Комаренко Н. В. 336
 Кондаков Н. П. 5, 7, 51, 54, 55, 61, 62, 75, 123, 144, 147, 149, 151, 156, 157, 159, 161, 162, 186, 201, 213, 216, 218, 219, 225, 226, 228, 229, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 312—315, 317—322, 325—327, 329—336, 338—340, 342, 345, 376, 377, 429, 431, 435, 447, 453, 616—640, 641—765, 766—811
 Кондаков С. Н. 641, 643, 650, 651, 656, 657, 659, 665, 667, 670, 671, 672, 676, 679, 683, 684, 700, 703, 710, 722, 723, 724, 729, 731, 733, 739, 754, 755, 756, 759—763, 765, 773, 774, 791
 Кондакова (урожд. Кудрявцева) Е. Н. 671
 Кондрашкая Л. П. 770
 Кони А. Ф. 163, 189
 Конник Ч. см. Connik Ch. J.
 Кононенко И. 312
 Константин Константинович, вел. кн. 370
 Копецкая Л. Л. 650, 655, 660, 678, 706, 707
 Корескá Л. 618
 Кораис Адамантиос (1748—1833) 530, 551
 Коржавин А. Н. 155
 Корнилий Выгодский 155
 Корольков Д. 405, 432
 Корольков И. Н., протоиерей 142, 143
 Корсаков Д. А. 230
 Корсунский Н. И. 135
 Корф М. Н., бар. 366
 Корш Ф. А. 134
 Корш Ф. Е. 412, 423, 431
 Косцюшко-Валюжинич К. К. 424
 Котляревский Н. А. 186, 671, 672
 Котляревский С. А. 159, 160
 Котов Г. И. 447
 Котошихин Г. К. 166
 Коцебу О. Е. 525
 Край Ю. 342
 Крайнев Д. К. 674
 Красносельский А. С. 194
 Красносельцев Н. Ф. 47, 213, 214, 215, 216, 222, 223, 226, 234, 235, 424
 Кратиров И. А. 143
 Крачковский И. Ю. 123, 137, 148, 166, 167, 653, 689, 703,
 Крашенинников М. Н. 5, 212, 213, 214, 220, 222, 314, 403, 409, 410, 411, 413, 416, 422, 425, 431, 432
 Кремлев 610
 Крижановская И. А. 444
 Кристи М. К. 170
 Кроленко А. А. 723—724
 Кросс С. см. Cross S. H.
 Круазе М. см. Croiset M.
 Круаза А. см. Croiset A.
 Круг Ф. И. см. Krug Ph. I.
 Круzenshtern Иван Федорович (1770—1846) 530, 533—535, 568
 Крузиус О. 419
 Крумбахер К. см. Krumbacher K.
 Крупская И. И. 7
 Крэн (Крейн) Дж. см. Crane J.
 Крэн (Крейн) Р. см. Crane R.
 Крэн (Крейн) Фр. см. Crane Fr.
 Крэн (Крейн) Ч. см. Crane Ch.
 Крюгер О. О. 724
 Куделко С. М. 312
 Кудрицкий А. В. 312
 Кудрявцев-Платонов В. П. 128, 132, 145
 Куклина И. В. 6, 384, 388, 392, 395, 397, 404
 Кулаковский П. А. 367
 Кулаковский Ю. А. 146, 150, 151, 213, 230, 231, 232, 394, 395, 398, 407
 Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард) (1814—1899) 212, 349, 355—357, 365, 366, 371—373, 385, 387, 392, 522, 523, 524, 541, 648
 Курбатов Г. Л. 389, 436
 Курганов Ф. А. 146, 158
 Курц Э. 213, 217, 392, 393
 Куриус Э. 427
 Куторга М. С. 208
 Куфаев М. Н. 189, 200
 Кызласова И. Л. 45, 49, 50, 55, 56, 67, 76, 240, 345, 616, 617, 619, 621
 Лабинский М. Г. 312
 Лавенский, сотрудник русс. посольства в Париже (1 четв. XIX в.) 553
 Лаврентьев Л. И. 434
 Лавров А. Ф. 590, 608
 Лавров П. А. 172, 183, 201, 338, 349, 364, 377, 381, 382
 Лавров П. А. 425
 Лавровский Л. Я. 395
 Лавровский Н. А. 212
 Лаговский И. 119, 171
 Лазарев В. Н. 345, 445
 Ламанские 212
 Ламанский В. И. 123, 159, 172, 178, 201, 208, 223, 349, 353, 356, 361—364, 368, 382, 411, 412, 425
 Ламброс С. см. Lambros Sp.
 Ланге Н. Н. 419
 Лангиани 325
 Лаппо-Данилевский А. С. 123, 144, 148, 159, 160, 162—166, 200, 201
 Лапшин И. И. 650, 706, 707, 710, 718, 758
 Латышев В. В. 5, 148, 161, 162, 163, 212, 213, 216, 220, 231, 372, 378, 379, 385, 392, 394, 404—408, 413, 422, 423, 432, 447, 709, 710, 729, 744
 Лахотский П. А., протоиерей 155
 Лебедев А. А., протоиерей 130
 Лебедев А. П. 121, 128, 129, 132—136, 139, 140, 146, 152—155
 Лебедев А. С. 319, 320
 Лебедев В. А. 56
 Лебедев Д. А. 134, 146

- Лебедев И. С. 175
 Лебедева А. В. 121, 167
 Лебедева Г. Е. 224, 584, 585
 Лебон Г. 662, 663
 Левашов С. В. 673—674
 Левинсон-Лессинг В. Ф. 445
 Левитский Т. С. 376
 Левицкий Владимир, протоиерей 231
 Легран Э. см. Legrand E.
 Ледит Иосиф 200
 Лейб см. Leib V.
 Лейкин О. Л. 658
 Лейкфельд П. Э. 325
 Лейхтенбергский С. М. 378
 Леонид (Кавелин), архим. 50
 Леопардов Н. А. 59
 Лепер О. П. 397, 398, 399, 424
 Лепер Р. X. 213, 396—398, 401—403, 408, 410, 429, 430
 Лерберг А. X. см. Lehrberg A. Ch.
 Лермонтов М. Ю. 126
 Лерхе Э. В. 73
 Лешке Г. 428
 Либих С. П. см. Liebig S. P.
 Ливен 648
 Лилль Леконт де 420
 Линниченко И. А. 658, 664, 673, 677
 Лионская 630
 Липовский Л. Л. 362
 Липшиц Е. Э. 445
 Лихачев А. Ф. 341
 Лихачев Н. П. 61, 75, 194, 201, 202, 213, 223, 224, 377, 454, 617, 631, 661, 682, 683, 691, 725, 728, 729, 738, 741, 760, 762, 764
 Лихачева Л. Д. 72
 Лихачева О. П. 172
 Лобанов-Ростовский А. Б. 588
 Ловягин А. М. 419
 Ловягин Е. И. 42, 55, 56
 Ломоносов М. В. 156
 Ломшаков А. С. 705—706
 Лопарев Хр. М. 5, 123, 146, 155, 186, 193, 201, 203—205, 207, 210, 212, 213, 227, 349, 367, 372, 384, 386, 388, 389
 Лопухин А. П. 146
 Лосев П. Л., протоиерей, впоследствии еп. Пермский Петр 143
 Лосева И. С. 194
 Лосский Б. Н. 643, 650, 653, 655, 700, 726, 731, 756
 Лосский В. Н. 770, 790
 Лосский Н. О. 700, 705, 707, 710
 Лукомский Г. К. 653,
 Лукьянов Г. И. 791
 Лукьянов С. М. 148
 Лукьянова Е. С. 791
 Луначарский А. В. 170, 171, 190
 Лундель И. 165, 166
 Лурье И. М. 446
 Лухманова Н. А. 323
 Луцкевич И. Н. 446
 Лучицкий И. В. 232
 Лысогорский Н. В. 156
 Любимов, проф. Моск. ун-та 592
 Люгемиль К. Я. 384, 385, 387, 427, 434
 Люгемиль С. А. 427
 Лядский см. Ляцкий Е. А.
 Ляпунов Б. М. 201, 312, 342, 362, 372
 Ляцкий Е. А. 719, 767, 773, 794
 Лященко А. И. 201, 212, 349
 Мавродинов В. В. 446
 Магдалинская Ф. В. 77, 79, 80, 83
 Магдалинский А. В. 78, 81
 Магдалинский В. С. 75, 77, 78, 79, 80, 81
 Магдалинский Г. В. 81
 Магдалинский З. В. 81
 Магдалинский П. В. 81
 Майков В. В. 60, 70, 200, 201, 339, 649, 682, 683, 691, 729,
 Майков Валериан В. 421
 Майков Владимир В. 422
 Майков Л. Н. 212, 234, 421
 Макаренко Н. Е. 764
 Макарий, митр. Московский 180
 Макарий, преосвящ. 592
 Маккавейский Н. К. 146
 Маковский К. Е. 699
 Маковский С. К. 653, 699
 Максименко Д. П. 311
 Максимов П. Н. 443
 Максимова М. И. 724
 Максимович Е. Ф. 791, 799, 810
 Максимович М. И. 724,
 Макушев В. В. 197
 Малахов Н. М. 182
 Малеев А. И. 199, 411, 419, 431
 Малинин А. А. 419
 Малицкий Н. В. 45, 47, 56, 59, 65, 68—69, 75
 Малицкий П. И. 308
 Мало Г. 434
 Мальмберг В. К. 419
 Малютин С. В. 642
 Манолаков Х. 643
 Мансветов И. Д. 213
 Мансуров Б. П. 50
 Маренин В. И., прот. 61
 Мария Федоровна, императрица 378
 Марков 348
 Марр Н. Я. 123, 147, 148, 158, 159, 163, 166, 169, 293, 299, 331, 333, 643, 649, 652, 655, 670, 674, 678, 680, 682, 685, 686, 688, 689, 694, 695, 697, 699, 703, 705, 714, 716, 720, 725—727, 741, 743, 744, 757, 758, 760, 763, 764
 Марусин Г. 350
 Масарик Т. Г. см. Masaryk T. G.
 Масарикова А. см. Masaryková A.
 Матвеев В. Ф. 163
 Матковски А. 349, 456, 380
 Матов Д. 381
 Маттеи см. Matthaei F. Ch.
 Матфей, еп. 141, 142
 Матфей, иером. Пантелейм. м-ря на Афоне 57, 76, 218
 Матье М. Э. 445, 446, 724
 Матюшкина М. Л. 616
 Мацулевич А. И. 437
 Мацулевич В. А. 437, 447
 Мацулевич Ж. А. (урожд. Вирениус) 436, 437, 439, 440, 443, 446, 448, 449
 Мацулевич (?) Лида 437
 Мацулевич Л. А. 5, 436—457, 654, 713, 735, 736, 740, 741
 Мацулевич О. П. (урожд. Никитина) 437, 447

- Мацулевич Ян 437
 Мацулевич 617
 Медведев И. П. 211, 212, 231, 233, 524, 388, 389,
 391—395, 404, 405, 412, 418, 587, 622
 Мейе Антуан см. Meiller A.
 Мейер (Meuer) Эд. см. Meyer Ed.
 Мейчик Д. М. 66
 Меликова-Толстая С. В. 709, 731
 Мелиоранский Б. М. 135, 146, 213
 Мелихов В. А. 119
 Мельников Е. И. 773, 779, 790, 799
 Менделеев Д. И. 211
 Мериан см. Mérian A. de
 Мерценфельд А. К. 434
 Милетич Л. 677—678
 Милле, Габриэль см. Millet G.
 Миллен О.-Л. см. Millin Au.-L.
 Миллер А. А. 680, 717—716
 Миллер Л. 241
 Миллер О. Ф. 412
 Милюков П. Н. 344, 416, 646, 767
 Милятев К. 791
 Минаев И. П. 223
 Миннс Э. см. Minns Ellis H.
 Мироллюбов В. С. 123
 Миропольский С. И. 130
 Митрофан Серебрянский 247
 Михаил (Ермаков), нером. 137
 Михаил Александрович, вел. кн. 73, 364
 Михаил Арранц, о. см. Arranz M.
 Мицкевич А. 422
 Мишо Е. см. Michaud A.
 Мищенко Ф. Г. 213, 409, 419
 Модестов В. И. 231, 385, 388, 394, 419
 Моилловский Казимир 445
 Моммзен Т. см. Mommsen Th.
 Моравчик Г. см. Moravcsik G.
 Морозов М. А. 224, 584
 Морошкин М. С. 199
 Морпер Я. см. Morper J.
 Мотовилов П. 77
 Мошин В. А. 790, 791, 793, 796, 797, 803, 805,
 810
 Муральт Э. Г. 5, 587
 Муретов М. Д. 140—142
 Мурза В. С. 312
 Муромцев М. В. 447
 Муромцева-Бунина В. Н. 676
 Мутер П. 653
 Мухелишвили Н. И. 440
 Мысливец Й. см. Myslivec J.
 Мышцын В. Н. 155
 Мэкерффи Дж. П. 402
 Мюллер Г. Ф. см. Müller G. F.
 Мясоедов В. К. 442, 444, 447, 448, 450, 455
- Набиев Р. И. 446
 Набоков В. В. 662,
 Назарий, архиеп. Полтавский 246
 Наркевич Самуил 177
 Наук А. К. 212, 220, 346, 384, 387, 392, 400, 404,
 405, 412, 417, 426, 427, 432
 Невоструев А. И., протоиерей 128
 Нейхардт А. А. 425
 Некрасов А. И. 617
 Некрасов Н. А. 126
 Нелидов А. И. 234, 235, 236, 240, 399, 649
- Нелидовы 195
 Нессельроде Карл Васильевич (Карл Роберт),
 граф 535, 565
 Нетушил И. В. 320, 419
 Нечаев А. Н. 191
 Нечаев В. П., протоиерей, впоследствии еп. Вис-
 сарион 121
 Нидерле Л. см. Niederle L.
 Нидерман М. 419, 423
 Никандр, еп. Нарвский 84, 85
 Никейский А. В. 386, 404, 405, 408—410, 424,
 429, 430, 433
 Никитин П. В. 5, 123, 161, 209, 212, 349, 362—
 364, 370, 371, 373, 374, 376, 378, 379, 387, 392,
 404, 406, 410—412, 415, 422, 423, 429
 Никитский А. В. 23, 163
 Николаевский П. Ф. 55, 137, 177
 Николай (Зноров), архиеп. 152
 Николай II 244, 245, 246
 Николай Константинович, вел. кн. 378
 Никольская А. П. (урожд. Александровская) 184,
 199
 Никольская Е. Д. 175
 Никольская С. К. 175
 Никольский А. И. 151, 167
 Никольский А. Т. 199
 Никольский Б. В. 168
 Никольский К. Т. 175, 176, 198, 199
 Никольский Н. К. 6, 123, 172—206, 671, 672, 729
 Никольский П. Т. 199
 Никольский Т. Ф. 175
 Никон, архиеп. Новгородский 449
 Нифонтов А. Я., свящ. 79
 Нифонтов В. Н. 80
 Нифонтов В. Я. 79
 Нифонтов К. Я. 79
 Нифонтов Н. Н. 80
 Нифонтов Н. Я., свящ. 79—80
 Нифонтов Я. В., свящ. 75, 79, 80
 Нифонтова А. Я. 79
 Нифонтова Е. Я. 79
 Нифонтова Л. В. 77, 79
 Нифонтова Л. Я. 79
 Нифонтова М. Я. 79
 Новгородцев П. И. 705—706
 Новосадский Н. И. 385, 404, 408, 409, 418, 422,
 433
 Нойберт В. см. Neubert V.
 Носов И. Е. 440
- Образцов 212
 Оглоблин Н. Н. 44, 66
 Окунев Н. Л. 447, 448, 455, 643, 653, 654—667,
 689, 690, 698, 700—702, 711, 713, 729, 767, 770,
 772, 773, 778, 779, 791, 794
 Оленин А. Н. (1763—1843) 525, 530—533, 537
 Олесницкий А. А. 50, 150, 151
 Ольга Александровна, вел. кн. 73
 Ольденбург С. Ф. 123, 159—165, 168, 169, 188—
 190, 200, 643, 653, 656, 658, 663, 664, 668, 669,
 672, 676, 680, 682, 689, 691, 697, 698, 699, 700,
 701, 702, 709, 710, 715, 720, 749, 752, 757, 758,
 760, 761, 762
 Омоль Т. см. Homolle Th.
 Омон см. Omont H.
 Орешников А. В. 642
 Орлов А. С. 200, 201

- Орлов Григорий Владимирович (1777—1826), гр. 574
 Орлов И. Г., гр. 522
 Орлова, графиня, вдова гр. И. Г. Орлова 212, 522
 Острогорский Г. А. 770, 771, 775—780, 787, 790, 791—793, 796—798, 800, 802—807, 810, 811
 Остроухов И. С. 642
 Остроухов П. А. 791, 810
- Павел, принц-регент 796, 797, 800, 803, 805
 Павлов А. С. 584—596, 599—615
 Павлова К. Н. 616
 Павлова О. Г. 312
 Павловский А. А. 56, 67, 75, 226, 311, 343, 398, 424, 434
 Павлох К. М. 350
 Паволини 414
 Пажи см. Paġi
 Палладий (Раев), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский 145, 178
 Паллер Ф. В. см. Puller E. W.
 Пальмиери А. см. Palmieri A.
 Пальмов И. С. 119, 123, 137, 152, 168, 169, 200, 201, 671, 672, 700,
 Панченко Б. А. 151, 155, 398, 399, 400, 401, 402
 Папагеоргиу П. 392
 Пападимитриу С. Д. 222, 401, 424
 Пападопуло-Керамевс А. И. 5, 131, 201, 204, 205, 212, 213, 217, 387, 389, 391, 392, 395, 403, 405, 421, 423
 Пападопулос Хризостом, архим. 120
 Папамихаил Григорий 120
 Парланд А. А. 63
 Пастернак А. В. 244, 247
 Пашуто В. Т. 768
 Пекарж Иосиф 200
 Передольская А. А. 446
 Перетц В. Н. 173, 186, 191, 200, 671, 672
 Перетякович Г. И. 424
 Перцель М. 360
 Перцов В. А. 784
 Перченко Ф. Ф. 191, 673, 288
 Петкович В. см. Petković V.
 Петр В. И. 414
 Петров А. Л. 362
 Петров Н. И. 72
 Петрова В. Ф. 211
 Петровский С. А. 123, 150
 Петрушевский Д. М. 232
 Печенкин Н. М. 201
 Печка Й. см. Pejska J.
 Пинвова Н. В. 43, 45, 68, 75
 Пиотровская Е. К. 344, 673
 Пиотровский Б. Б. 344, 673, 724
 Писарев Н. Н., свящ. 160
 Платонов С. Ф. 70, 73, 75, 76, 200, 201, 207, 208, 226, 232, 349, 364—366, 409, 422, 423, 680, 696, 697, 699, 701, 702, 729
 Платонова Н. И. 688, 689
 Плетнев П. А. 126
 Победоносцев К. П. 128, 141, 142, 602
 Побожий С. И. 311
 Погодин М. Н. 525
 Погодин П. Д. 221, 233, 234, 330, 649
 Погорелов В. А. 198
 Подобедова О. М. 617
 Пойман А. 773
- Покровская А. А. 82, 83
 Покровская В. Ф. 172, 200
 Покровская Е. Ф. 41
 Покровская Л. В. см. Нифонтова Л. В.
 Покровская (Глезерова) Н. Н. 82
 Покровская С. Н. 82—83
 Покровский Ф. В. см. Магдалинская Ф. В.
 Покровский А. И. 136, 141, 145, 155, 177, 178, 182, 200
 Покровский А. Н. 82
 Покровский В. Н., свящ. 41, 75, 77—78, 79, 80, 81, 83
 Покровский И. М. 180, 200
 Покровский М. М. 423
 Покровский М. Н. 680
 Покровский Н. В. 6, 41—118, 137
 Покровский С. И. 677, 678, 791
 Покровский Ф. В. 75, 77—79, 80—82
 Покровский Ф. И. 147, 179, 186, 200, 641, 674, 729
 Покрышкин П. П. 455, 456, 628, 630, 682—683, 691, 713,
 Полевой Н. А. 523
 Политис Ник. 393, 394
 Полозюкова Н. Д. 82—83
 Полонский Я. П. 126
 Померанцев 184
 Помяловский В. Г. 207
 Помяловский И. В. 207—240, 312, 314, 315, 317, 319, 320, 322—331, 334, 335, 349, 359, 360, 391, 394, 397, 412—414, 422—424
 Пономарев А. И. 137, 178
 Пономарев Ф. И. 179
 Попов А. А. 434, 435
 Попов А. Н. 587, 593, 608
 Попов В. М. 124
 Попов Д. П. 525
 Попов И. В. 119, 135, 136, 170
 Попов Х. И. 77
 Попова О. С. 434
 Попруженко М. Е. 311, 649
 Порфирий Успенский, еп. Чигиринский 5, 242, 346—348, 355, 365, 371—380, 386, 392
 Порфирьев Н. А. 203
 Поснов М. Е. 119, 137
 Поспеловский Д. В. 294
 Поспишиль А. О. 419
 Постников А. М. 73
 Постников С. П. 767
 Поталов В. Н. 121, 144
 Пошцо ди Борго Карл Осипович (1768—1842), граф 530—532, 541, 544
 Прахов А. В. 48, 49, 50, 51, 399, 415
 Преображенский М. Т. 63
 Прозоровский Д. И. 46
 Прокопович С. Н. 767
 Прокошев П. А. 159, 162
 Протасов Н. Д. 156
 Прохоров Г. В. 139
 Пушкин А. С. 179
 Пыпин А. Н. 329, 349, 719
 Пятницкий Ю. А. 436
- Равдоникас В. И. 440, 445
 Раденвальд 804
 Радкова Е. 312
 Радлов В. В. (Ф. В.) 349, 358, 387, 393, 647, 648

- Радлов Э. Л. 123, 148, 165, 200, 412, 414, 415, 431, 691, 692, 737, 738,
 Раевский С. А. 311
 Разумовский А. К. 791
 Раппопорт П. А. 447
 Расовская (урожд. Окунева) 770, 797, 806
 Расовский Д. А. 770, 777, 778, 782, 790—794, 797, 801, 802, 804, 806, 808
 Рауль Ж. К. 237
 Регель В. Э. 207, 213, 223, 231, 233, 389, 393, 430, 455
 Регель Э. Д. 168
 Редин Е. К. 6, 75, 151, 207, 209, 210, 213, 226, 229, 239, 240, 311—345, 654, 660, 740, 741, 743, 754
 Редин Н. Е. 336, 345
 Редина (урожд. Бреннер) Т. Н. 312, 335, 342
 Редлих Р. Н. 805
 Ренненкамф В. Н. 674
 Репишов Н. И. 451
 Репников Н. И. 70
 Рерих Е. И. 784
 Рерих Н. К. 422, 782—787
 Рерих Ю. Н. 778, 784—787
 Решетило Д. Ф. 226
 Рибальченко Л. Л. 312, 336
 Ричль см. Ritschl F. W.
 Риччи С. де 402
 Ришелье Эммануил Осипович (1766—1822), герцог 565
 Rogov A. И. 395
 Родзянко (урожд. Яшвиль) Т. Н. 705, 707
 Родзянко Г. М. 705, 707, 770
 Родзянко М. В. 705, 707
 Родосский А. С. 200
 Рождественская М. В. 172, 190, 191, 193
 Рождественский А. П. 137
 Рождественский В. Г. 139
 Розанов В. В. 119, 123, 145
 Розанов С. 41
 Розанова Т. Д. 446
 Розен В. Р. 387, 349, 720, 722
 Розенкамф Г. А. 525
 Розов Н. Н. 172
 Романов К. К. 454, 654, 714—715
 Романовы 199, 697
 Росси, де см. Rossi G. В.
 Россов В. А. 768, 777, 782, 783, 784, 785, 786
 Ростовцев Д. И. 735
 Ростовцев М. И. 123, 163, 240, 338, 401—403, 409—411, 619, 644, 647, 652, 659, 661, 663, 666, 670, 671, 682—684, 689, 693, 694, 699, 701, 704, 709, 719, 725—727, 729, 735, 739, 740, 742, 744, 746, 749, 752, 754, 763, 764, 771, 778—781, 791—793, 805, 808
 Ростовцева (урожд. Кульчицкая) С. М. 619, 659, 684, 729, 735
 Ростовцевы 666, 671, 682, 763
 Ротштейн А. В. 367
 Ротштейн М. см. Rothstein M.
 Рудаков В. 207
 Румынская М. Н. 7
 Румянцев Н. П., гр. 522—583, 524, 525
 Рункевич С. Г. 195
 Рутковский Н. П., 791
 Рыбинский В. К. 142
 Рычкова Н. А. 524
 Рябушинский В. П. 791
 Саблер В. К. 182
 Савваитов П. И. 609, 610
 Савицкий А. О. 434
 Савицкий П. Н. 769, 772, 791, 799, 805
 Сагарда Н. И. 119, 164
 Садов А. И. 134, 137, 160
 Сазонов 648
 Саитов В. И. 383
 Сакетти Л. А. 423
 Самарин Ф. Д. 123
 Самоквасов Д. Я. 337, 717
 Самуилов В. 200
 Сарычевы 195
 Сафонов Н. М. 59
 Сахаров В. Н. 398, 400, 401, 402
 Святополк-Четвертинская Е. К. 779, 791
 Севастьянов П. И. 627
 Северюхин Д. Я. 658
 Селиванов С. А. 406, 408
 Семенов А. А. 440
 Семенова Л. Е. 349
 Семиков В. И. 83
 Семикова Е. Д. 82—83
 Серапионова Е. П. 766
 Серафим (Чичагов), еп. 154
 Сергей Александрович, вел. кн. 50, 241, 242
 Сергий, архиеп. Финляндский 246
 Сергий, архим. 85
 Сергий (Ляпидевский), митр. 141
 Сергий (Страгородский), еп., архиеп. 153
 Сергий (Тихомиров), еп. 153
 Серебrenников В. С. 302
 Середонин С. М. 70
 Сильванский Н. П. 183
 Симоны П. К. 189, 200
 Сиповский В. В. 183
 Сипягин П. Г. 369
 Сироткин 614
 Скалон К. М. 444
 Скирда В. В. 312
 Склярова М. Д. 119, 287,
 Скобелев М. Д. 354
 Скржинская Е. Ч. 6, 458—521
 Славцев А. С. 451
 Смарагд (Крыжановский), архиеп. 144
 Смелков В. В. 125
 Смирнов Н. П. 156
 Смирнов Петр 177
 Смирнов Я. И. 5, 59, 221, 225, 228, 229, 239, 240, 314, 325, 326, 330, 336, 413, 447, 619, 634, 641, 644, 648, 649, 654, 655, 657—659, 662, 668—670, 675, 678, 686, 691, 695, 704, 718, 720, 724—726, 728, 729, 731, 734, 754, 758, 763, 764, 779, 781
 Смирнова А. А. см. Покровская А. А.
 Соболевский А. И. 70, 123, 139, 146, 147, 155, 157, 159, 161, 167, 168, 169, 179, 186, 200, 201, 231, 312, 349, 361—363, 365—368, 380, 423—425, 647, 671—673, 679, 681,
 Соболевский С. И. 409, 417, 423, 424
 Сове Б. И. 255
 Соколов В. А. 241
 Соколов И. И. 145, 152, 155, 213, 224, 225, 393
 Соколов И. С. 183
 Соколов Л. А. 164
 Соколов Н. А. 173
 Соколов П. И., протоиерей 158

- Соколов Ф. Ф. 209, 220, 223, 361, 364, 365, 399, 404—406, 408, 409, 422, 429, 430
 Соколова Н. В. 79
 Соколовский Марианн 445
 Солдатенковы 778, 809
 Соленикова Е. В. 442
 Солнцев Ф. Г. 314
 Соловьев А. В. 791, 793, 807, 810
 Солосин И. И. 168
 Сорокина М. Ю. 288
 Сосновска Т. О. 312
 Софронов П. М. 778
 Сперанский М. Н. 123, 155, 186, 200, 201, 312, 343, 349
 Сперовский Н. А. 55, 67—70
 Спицин А. А. 447, 643, 655, 714—717
 Срезневский В. И. 200, 729, 761
 Срезневский И. И. 44, 172, 208, 344, 353, 382, 590, 593, 600 (?), 602 (?)
 Стадниченко М. Н. 791
 Сталин И. В. 446
 Стасов В. В. 239, 426, 644, 648, 721, 722, 732
 Стеклов В. А. 188, 720—721
 Степанов М. П. 241, 242, 244, 247
 Степанова Е. В. 631
 Стольпин А. Д. 354
 Столяр А. Д. 436
 Стржиговский И. 151, 329, 654, 686, 726,
 Стржиговский см. Стржиговский И.
 Строганов Г. С. 317, 318
 Строганов С. Г., гр. 48, 71
 Строев П. М. 525
 Струве В. В. 452, 724
 Струве П. Б. 146, 163, 698, 700, 710, 718, 767
 Струков Д. М. 76
 Субботин Н. И. 128, 132
 Суворов Н. С. 168, 584, 609, 610, 611
 Султанов Н. В. 61
 Сумцов Н. Ф. 311, 323, 325, 328, 329, 331, 334, 336—339, 342, 343
 Сурин П. В. 71
 Суслов В. В. 57, 58, 59, 75, 447
 Сухомлинов М. И. 415, 431
 Сухомлинов, проф. 208
 Сухраварди Г. см. Sukhravardi Н.
 Схранил, чешск. исслед. 795
 Сырбу А. 308
 Сырбу П. А. 350
 Сырбу С. И. 350
 Сырку А. А. 350, 352
 Сырку В. П. 366
 Сырку Е. Г. 350
 Сырку М. 351
 Сырку Н. П. 366
 Сырку П. А. 6, 213, 222, 346—383, 392
 Сырку С. П. 366
 Сычев Н. П. 447, 448, 455, 456, 654, 679, 681, 689, 691, 695, 699, 709, 713, 714, 728, 736, 738, 741, 743, 749, 761,
 Сюзюмов М. Я. 445
 Таборский Ф. 791
 Талалай М. Г. 63
 Тальгрэн А. М. см. Tallgren А. М.
 Тараманова К. Д. 312
 Тареев М. М. 145
 Тафрали О. см. Tafrali О.
 Таценко Т. Н. 411, 587
 Тенишева М. К. 779
 Терехов А. Г. 63
 Терещенко 675, 676
 Тетовска Л. Б. 349, 383
 Тизенгаузен В. Г. 57, 58
 Тимофеев А. И. 590, 593, 615
 Тимошенко И. 415
 Титлинов Б. В. 159, 160
 Титов Ф. И., протоиерей 123
 Тиханов П. Н. 349
 Тиханова М. А. 440, 445
 Тихон (Беллавин), патриарх 158
 Тихонравов Н. С. 590, 593
 Тишendorf К. см. Tischendorf К.
 Тозер см. Tozer Н. F.
 Толль (урожд. Вернадская) Н. В. 719, 769
 Толль Н. П. 638, 640, 655, 718, 719, 725, 746, 769, 771, 774, 775, 777—780, 782, 786, 787, 790—797, 800, 801, 803, 804, 805, 808, 810
 Толстая Л. И. 648, 709
 Толстой Д. А. 369, 608
 Толстой Д. И. 670
 Толстой И. И., гр. 5, 212, 213, 238, 312, 325, 327, 328, 393, 435, 621, 623, 648, 652, 739, 763
 Толстой И. И. (младший) 708, 723, 724, 730, 731, 733, 739, 751—754, 760, 762, 763
 Трейчке Г. 427
 Третьякова Е. А. 201
 Трефилов Е. П. 311, 338
 Троицкий 609
 Троицкий А. В., свящ. 79
 Троицкий И. Г. 59, 137
 Троицкий И. Е. 6, 8—40, 137, 139, 213, 223, 305, 389
 Троицкий С. В. 244
 Трой К. см. Treu К.
 Трубешкой 212
 Трубешкой Е. И., кн. 159, 160
 Туницкий Н. Л. 186, 200
 Тункина И. В. 6, 7, 338, 385, 392, 403, 405—407, 410, 617, 619, 641, 645, 650, 655, 657, 665, 676, 683, 684, 686, 689, 692, 735, 744, 764, 781
 Тураев Б. А. 123, 139, 146—149, 154, 155, 169, 398, 427, 429, 430
 Тургенев Александр Иванович (1785—1848), историк и археолог 537, 541, 554, 555
 Тютчев Ф. И. 126
 Уберский И. А. 137, 200
 Уваров А. С. 319, 335, 341, 343, 591, 615, 717
 Уваров Сергей Семенович (1786—1855) 319, 335, 341, 343, 548, 566, 569, 570, 591, 615, 717
 Уварова П. С., гр. 46, 53, 54, 75—77, 312, 335, 337, 338, 340, 447, 716—717, 781
 Уваровы 46, 334
 Удальцова И. И. 811
 Узенер см. Usener Н.
 Уилрайт М. К. см. Wheelwright M. Cabot
 Уиттемор Т. см. Whitemore Т.
 Ундольский В. М. 524, 591, 595, 599
 Урусова 212
 Успенская Н. Э. 398, 744
 Успенский А. И. 123, 311, 340, 717
 Успенский В. В. 200
 Успенский Н. П. 200
 Успенский Порфирий см. Порфирий (Успенский), еп. Чигиринский

- Успенский Ф. И. 5, 75, 123, 146, 148, 151, 154, 163, 167, 201, 203, 205, 212, 213, 221, 226, 233, 237, 242, 243, 312, 329—331, 349, 389, 395, 396, 398—403, 411, 416, 522, 617, 649, 654, 660, 697, 702, 703, 709, 714, 721, 723, 729, 738, 742, 743, 744, 753, 758, 759, 764, 771, 773, 775, 776, 779—781
- Уссинг И. Л. см. Ussing I. L.
- Ушаков, служитель <сотрудник?> Эрмитажа 330
- Файнштейн А. М. 194
- Фармаковский Б. В. 202, 213, 221, 331, 392, 400, 401, 410, 431, 432, 447, 643, 655, 659, 680, 682, 693, 694, 697, 698, 701, 703, 704, 710, 711, 714, 716, 723, 726, 728, 737, 738, 741, 742, 752, 753, 758, 759, 763, 764
- Фасмер М. Р. 205
- Феогност, архиеп. Новгородский 58
- Феофилакт (Русанов), экзарх Грузии 41
- Ферронский Иоанн, свщ. 131
- Ферсман А. Е. 720, 758
- Ферстер Р. см. Foerster R.
- Феста Н. см. Festa N.
- Феттих Н. см. Fettich N.
- Филевский И., иером. 311
- Филимонов Г. Д. 73, 240
- Филипп, митр. Тырновский 120
- Филиппенко Р. И. 312
- Филипченко Ю. А. 185
- Филов Б. 791
- Фихман И. Ф. 402
- Флавиан (Городецкий), митр. 154
- Флавиан, митрополит Киевский 246
- Флиттнер Н. Д. 724
- Флоренский П. А. 119
- Флоринский Т. Д. 200, 201, 213, 223, 349, 353, 365, 368, 607
- Флоровский А. В. 772, 791, 810, 811
- Флоровский Г. В. 119
- Фомин Ф. М. 58
- Фонкич Б. Л. 233, 237
- Форстен Г. В. 364, 365
- Фортунатов Ф. Э. 423
- Фохт А. см. Vogt A.
- Франкфуртер С. см. Frankfurter S.
- Францев В. А. 643, 653, 678, 698, 705, 767, 772, 773, 779, 780, 782, 790, 791
- Фролов Э. Д. 191
- Фуртвенглер А. см. Furtwängler A.
- Ханенко Б. И. 676, 764
- Харлампович К. В. 119, 139, 144, 154, 155, 167
- Харрасовиц О. см. Harrassowitz O.
- Хаханов А. Н. 240
- Хаханов А. С. 155
- Хвольсон Д. А. 59
- Хвостов М. М. 613
- Хитил К. см. Chytil K.
- Хитрово В. Н. 50, 210, 213, 214, 239, 242, 357, 360
- Хлопин И. Н. 172
- Хмыров М. Д. 197
- Хмыров П. А. 810
- Холодняк И. И. 207, 212, 214, 394, 409, 419, 423, 432
- Хольб К. см. Holb K.
- Хомяков А. С. 126
- Хохш Л. 784
- Хрисостом, архиеп. Афин и всей Греции 120
- Христич 630
- Христофор (Смирнов) 128, 145
- Хрушов И. П. 377
- Хьгтила 678
- Хюльман см. Hüllmann K. D.
- Цахариз фон Лингеталь К. Е. см. Zachariae von Lingenthal K. E.
- Цветаев И. В. 207
- Цветков П. И. 141
- Церетели Г. Ф. 5, 213, 220, 394, 398, 402, 403, 410, 416—419, 428—430, 432
- Цибулька Я. см. Cibulka J.
- Цонев Б. С. 678
- Чадик Й. см. „adRk
- Чельцов И. В. 301, 306
- Чернавин В. В. 791
- Чернов В. М. 647
- Четыркин В. В. 159, 162—164
- Чечулин Н. Д. 200, 646
- Чирецкий А. 181
- Чириков Г. О. 660, 719,
- Чистович И. А. 130, 144
- Чичерин (Г. В. ?) 171
- Чубиновшвили (Чубинов) Г. Н. 725
- Чубинский М. П. 312
- Чуков Н., протоиерей 148
- Шавельский Г. И., протопресвитер 83, 120, 143, 144
- Шангин М. А. 5, 300
- Шанидзе А. Г. 446
- Шаромазов М. Н. 288, 289, 301
- Шафарик П.-И. 197
- Шахматов А. А. 123, 147, 161, 169, 172, 179, 186, 200, 201, 212, 349, 364, 369, 373, 643, 668, 671—677,
- Шахматов М. В. 809
- Шах-Паронианц Л. 311
- Шварц А. Н. 412
- Шварценберг А. см. Schwarzenberg A.
- Шварценберг К. см. Schwarzenberg K.
- Швецов О. В. 304
- Шебор И. А. 705, 706, 763, 764
- Шебор О. А. 419, 423
- Шевченко И. И. см. Tev...enko I.
- Шепелевич А. Н. 311
- Шереметев С. Д., гр. 60, 73, 75, 227, 228, 178, 186, 200, 339
- Шестаков С. П. 167, 229, 338
- Шеффер П. И. 335
- Шиллер Ф. 434
- Шипов Д. Н. 647
- Ширинский-Шихматов А. А. 729
- Шитиков А. Т. 71
- Шишкин А. А. 294
- Шишмарев 428
- Шклявер Г. Г. 784, 787
- Шкорпил В. В. 407
- Шлёцер А. Л. см. Schlözer A. L.
- Шлиман Г. 405
- Шлихтер А. Г. 163
- Шлоссер см. Schlosser F. K.
- Шлюмберже Л. Г. см. Schlumberger L. G.
- Шляпкин И. А. 357, 450
- Шмит Ф. И. 5, 314, 395, 398, 399, 401

- Шмурло Е. Ф. 165, 767
 Шнайдер И. В. см. Schneider J.
 Шпитхёфер 320, 321
 Шрейдер (художник из Харькова) 322
 Штауффер Т. см. Stauffer Th.
 Штейнман И. Б. 208
 Штерн Э. Р. фон 398, 419, 424
 Штиглиц А. Л. 429
 Штофулеску 359
 Штрандман Иван-Густав-Магнус Оттонович, фон (1784—?), барон 530—532, 535
 Штритгер И. Г. см. Stritter I. G.
 Шуазель-Гуфье Марий-Габриэль Флоран Огюст (1752—1817) 556
 Шубарт В. 419
 Шубинский С. Н. 312, 349
 Шукурова А. Э. 389, 395
- Щедрова И. М. 7
 Щепкин В. Н. 201, 312, 362, 372, 671
 Щербатский Ф. И. 205
 Щербина Г. С. 235
 Шукарев А. Н. 411, 328, 370
- Эверс И. Ф. 525
 Эйсер А. П. 59
 Энман А. Ф. 431
 Эрдели 665
 Эрле, о. 336
 Эрман А. см. Erman A.
 Этингф О. Э. 344
- Юдин Г. В. 62
 Юнгеров П. А. 142
 Юргевич В. Н. 405
 Юревич В. А. 705, 706
 Юркевич П. Д. 730, 731
 Юрченко О. 312
 Юшманов В. Д. 148
- Ягич И. В. 240, 353, 356, 357, 367, 382, 411, 427, 428, 672,
 Языков Д. И. 525
 Якобсон А. Л. 445
 Якобсталь 43
 Яковлев П. С. 69
 Якубовский М. 150
 Янышев И. Л., протопресвитер 122, 153
 Ястребов Н. В. 362
 Яхонтова А. Н. 81
 Яценко Е. Н. 641, 642, 643, 650, 653, 658, 664—667, 672, 674, 676, 705, 710, 713, 758, 773, 774, 791
 Яшимирский А. И. 123, 358, 359, 381
 Яшвиль (урожд. Филиппон) Н. Г. 719, 770, 771, 775, 777, 778, 786, 790, 791, 792, 798, 803, 804, 809
 Яшвиль В. Н. 705, 707, 758, 770
 Яшуржинский Х. П. 53
- Adelung Friedrich von см. Аделунг Ф. П.
 Alereieff 635
 Allier Louis (1766—1827), нумизмат и антиквар 549
 Anastasijević D. 791
 Anisson du Perron 569
 Appleton N. 791
 Arranz M. 241, 395, 715
- Banduri A. 5, 40, 557
 Bartucz L. 778
 Baur Paul V. C. 791
 Bayer Th. S. 522, 523, 529
 Belash C. A. 791
 Bellinger A. R. 791
 BeneУ E. 766
 Berenstamm см. Беренштам Ф. Г.
 Beresin см. Березин А. С.
 Bert(e)aud 530, 536, 538, 539, 547, 563, 567
 Beyer H. V. 218, 529
 Beyliè de 623, 624
 Bidlo J. 678, 791, 795
 Birkbeck W. 122
 Blanche 633
 Boissonade J. Fr. 535
 Bonaparte Hieronymus 578
 Bonwetsch N. 120
 Bormann E. 240
 Brandis Johannes-Friedrich 568
 Bray FranHois-Gabriel (1765—1832), гр., дипломат 546, 547, 574, 580, 581
 Broch 423
 Brown J. N. 791, 793
- „adRk J. 791
 Canel, парижская приятельница акад. Ф. И. Круга 536, 539, 540, 543-547, 556, 558, 560—571, 574, 576—578
 Capodistrias см. Каподистрия И. А.
 Cecchi 239
 Champollion-Figeac Jacques-Joseph (1778—1867) 561
 Chéradame 567, 577, 579, 581
 Choiseul-Gouffier Marie Gabriel Florent August de см. Шуазель-Гуфье М.-Г. Ф. О.
 Choris Louis (1795—1828), художник и путешественник 550, 567, 570, 571, 575
 Chytil K. 795
 Cibulka J. 795
 Cirbied, арменист 539, 548, 550, 556, 571, 579
 Clavier Etienne (1762—1817), эллинист 551
 Cobet C. G. 404
 Connik Ch. J. 791
 Corays см. Кораис А.
 Cotelier 216, 217
 Crane Ch. 780, 791
 Crane Ch. R. 638
 Crane Fr. 780
 Crane J. 637, 638, 780, 791, 793
 Crane R. 780
 Crause A. 211
 Croiset A. 418, 714—715, 718
 Croiset M. 714—715, 718
 Cross S. H. 791
- Dalton O. M. 626
 Dandová M. 618
 Daunou 537
 David Jule (1783—1854), эллинист 564, 566—569, 571, 575, 577, 578
 Delort Jules, парижский поэт 570, 571, 574
 Der Nersessian S. 791
 Derpfeld 221, 397
 Didot Firmin (1764—1836), издатель 240, 532
 Diehl Ch. M. 616, 617, 621, 639, 771, 791
 Diels H. A. 220, 426, 427

- Diessmann A. 120
 Dobbert E. 328
 Dölger F. 801, 804
 Du Cange Charles du Fresne 702—703, 714, 721
 Duchapelle 547
 Dufart 570, 573, 574
 Dumas 239
 Duvigneau 530
 Dvornik Fr. 791, 795
- Eberhart Auguste-Gottlob-Christian (1769—1845),
 издатель 531, 532, 551
 Ebersolt J. M. 638, 640
 Ehrlé 336, 366
 Erman A. 419, 427
- Festa N. 417
 Fettich N. 772, 778—780, 791
 Fisher 652
 Foerster R. 417
 Foggini 557
 Forlin, rp. 547
 Frehn Christian Martin (1782—1851), тюрколог
 550, 565, 567, 568, 576
 Frankfurter S. 427
 Furtwängler A. 428, 645
- Gedicke см. Гедике А. А.
 Gebhardt O. L. 417
 Gedeon M. I. 386, 387
 Gervais см. Жерве А. А.
 Geuthner, книгоиздатель 633
 Gide 568
 Girsá I. 809
 Girsá V. 766, 774
 Golike см. Голике Р.
 Gozzi C. 791
 Graeven H. 410, 411
 Gräfe Christian Friedrich см. Грефе Ф. Б. (Х. Ф.)
 Graindor 639
 Grass K. 120
 Graves M. 793
 Grégoire H. 776, 777, 779, 791
 Gregory G. R. 120
 Gretsch см. Греч Н. И.
 Grot (Грот Я. К. ?) 543
 Guldenpenning A. 133
 Gulianow см. Гульянов И. А.
- Halma 548
 Hamperl H. 799, 800, 802, 805, 807
 Harnack A. 132, 134, 135, 136
 Harrassowitz O. 799, 804
 Hase C.-B. 7, 416, 522—583
 Headlam A. C. 135
 Heckscher 556, 563
 Heeren A. H. L. 522
 Heinrici D. G. 120
 Herzog G. 146
 Hildermeister I. 215
 Hirschfeld J. B. 428
 Hitler A. 771
 Holb K. 297
 Holder E. O. (?) 620
 Homolle Th. 213, 622
 Hrohová V. 768
 Hüllmann K. D. 523
- Humboldt Friedrich Wilhelm Christian (1767—
 1835), филолог 549
- Jernstedt V. см. Ернштедт В. К.
 Jerphanion Guill R. P. de 773, 791
 Jorga Nikolai 184
- KaYanin M. 796
 Katschenofsky см. Каченовский М. Т.
 Klapproth см. Клапрот Г.-Ю.
 Kletnova K. N. 791
 Koelz V. 784
 Kohl I. P. 522
 Köhler Heinrich Karl Ernst см. Кёлер Егор Егорович
 Kolovrat S. 791
 Kondakov N. P. см. Кондаков Н. П.
 Körppen см. Кёппен П. И.
 Koumoundouros (Афин. ун-т) 232
 Kraus A. 43
 Kraus F. X. 43
 Krause 554—557, 560, 562, 567
 Krug Ph. I. 522—583
 Krumbacher K. 5, 207, 213, 233, 392, 394, 398, 402,
 411, 416, 417, 431
 Krusenstern Adam Johann см. Крузенштерн И. Ф.
 Kunik Ernst Eduard см. Куник А. А.
- Lagarde A. de 137
 Lambros Sp. 220, 232, 233, 388, 390, 391, 413
 Lange L. 120
 Langlès Louis-Mathieu (1763—1824), востоковед
 537, 543, 551, 576
 Laurent V. 622
 Lavensky см. Лавенский
 Legrand E. 211, 213, 217, 390, 391, 401
 Lehrberg A. Ch. (1770—1813), академик 525, 536,
 538, 540, 541, 543, 550, 567
 Leib B. 203
 Lequien 557
 Letronne, издатель 560
 Liebig S. P. 791
- Magdalino P. 229
 Mai(o) A. 559
 Malte-Brun (1775—1826), географ 550, 578
 Marini Marino 559
 Masaryk T. G. 643, 650, 660, 667, 683, 706, 707,
 718, 719, 738, 739, 766, 771, 773, 780, 782, 795
 Masaryk T. G. 638
 Masaryková A. 655, 718, 719, 738, 739, 791
 Matthaei F. Ch. 416
 Matthes, художник 571
 Matzulevitch L. см. Машулевич Л. А.
 Maze 561, 564
 Meiller A. 687, 689
 Meillet 637
 Mérian André de (1772—1828), барон 549, 550,
 552—555, 557—559, 562, 563, 566—568, 571
 Meyer Ed. 714—715, 720, 722
 Michaud A. 297
 Michel A. 624, 626
 Migne J.-P. 133, 398, 401
 Millet G. 7, 5, 616—640, 684, 690, 735—736
 Millet Sophie 618, 632
 Millin Aubin-Louis (1759—1818), археолог 530,
 535, 536, 538—541, 543, 546, 548, 549
 Millington 151

- Minns Ellis H. 652, 659, 660, 682, 683, 685, 704, 750, 752, 762, 763, 765, 772, 773, 791
 Mionnet Theodore-Edme (1770—1842), нумизмат 549
 Mommsen Th. 209, 213, 402, 426, 427
 Montagne 562
 Montesquiou 570
 Moravcsik G. 791
 Mordtmann A. D. 151, 234
 Morper J. 808
 Müller G. F. 522, 590
 Müller Johann Heinrich (1792—1867), востоковед 565
 Müller Otfried 575
 Myslivec J. 779, 791, 795, 799, 808

 Nesselrode см. Нессельроде К. В.
 Neubert V. 791
 Neumann C. 240
 Niebuhr Bartold Georg (1776—1831) 568
 Niederle L. 651, 656, 678, 692, 694, 698, 700, 705, 715, 723, 732, 724, 738, 767, 770, 772—774, 779, 780, 791, 795

 Odobesku (Odobesco) A. 726
 Olenin см. Оленин А. Н.
 Omont H. 393
 Orloff см. Орлов Г. В.

 Pagi 523
 Palmieri A. 120, 147, 200, 297
 Panayotakis N. M. 526
 Paspatis A. 237
 Pauly 417
 Pejcka J. 297
 Petit-Radel Louis-Charles-FranHois (1756—1836), археолог 568
 Petkovif V. 791
 Pougens Marie-Charles-Joseph de (1755—1833), лингвист 576
 Povolozhy Jacques 634
 Pozzo di Borgo см. Поццо ди Борго К. О.
 Preller-Robert 399
 Puller E. W. 297
 Puper F. 42, 120

 Racinet 639
 Raoul-Rochette Désiré-Raoul (1789—1854) 525, 562—570, 573, 574, 576, 577, 579—582
 Reinach S. 620
 Reiske J. J. 417
 Rémusat Jean-Pierre-Abel (1788—1832) 555, 557, 560, 561, 563, 573—577, 579, 581
 Renvall 549
 Reyher, родственник К. Б. Газе 533, 556, 562
 Rhinelande L. H. 768
 Richelieu A. E. см. Ришелье Э. О.
 Ritschl F. W. 209
 Roche D. 626
 Romanzoff см. Румянцев Н. П.
 Roscher W. H. 399
 Rossi G. B. 43, 317, 320, 325
 Rothstein M. 418, 426, 427
 Rousseau, книгоиздатель 547, 569

 Sacy Antoine-Isaac, baron de Silvestre (1758—1838), востоковед 550, 560, 567, 576, 579

 Saint-Martin J., востоковед 548—550, 553, 555—557, 560—565, 567, 568, 571, 573, 576, 578—581
 Sampunsky 565
 Sauppe H. 418
 Schlosser F. K. 523
 Schlözer A. L. 522, 523, 524
 Schlumberger L. G. 631, 637, 638, 640, 743, 750—751, 759
 Schneider J. 238, 791
 Schröder, сотрудник русского посольства в Париже 539—541, 547, 549, 552, 553
 Schwarzenberg A. 790, 791
 Schwarzenberg K. 778, 799, 808, 809—811
 Sederblom Natan 166, 169, 170
 Tev...enko I. 525
 Simonides K. 5
 Sinner, ученик К. Б. Газе 579—582
 Skálova Z. 768
 Sládek Z. 766, 774
 Solmsen F. 423
 Sotiriou G. A. 791
 Spaldak A. 120
 Spiess, сотрудник русского посольства в Париже 539—550, 553
 Stauffer Th. 296
 Stein E. 777
 Strandman(n) см. Штрандман И.-Г.-М. О.
 Stritter I. G. 522
 Sukhravardi H. 791

 Tafrali O. 791
 Tallgren A. M. 772, 791
 Thurn, гр. 556
 Tischendorf K. 143, 417
 Toll см. Толь Н. П.
 Tourgeneff см. Тургенев А. И.
 Tozer H. F. 392
 Treu K. 427
 Treuttel, издатель 557, 567, 569

 Usener H. 217, 428
 Ussing I. L. 417
 Uwaroff см. Уваров С. С.

 Valière de la, герцог 557
 Van den Gheyn J. 218
 Villoison d'Ansse de (1750—1805) 536
 Viollet-le-Duc E. 48
 Visconti Philippe-Aurèle (1754—1831), нумизмат 535
 Vitelli J. 417
 Vitoli O. 637
 Vogt A. 777

 Waal A. de 366
 Weigandt F. 807, 808
 Weingart M. 779, 791, 795
 Wheelwright M. Cabot 791
 Whittemore T. 633, 634, 793
 Wilamowitz-Moellendorf U. v. 220, 384, 402, 419, 420
 Wilborg см. Вильборг А. И.
 Wilborg 634
 Wilcken V. 426
 Willemin 545
 Wissowa G. 417, 418

Wolska W. 344
Woronzoff см. Воронцов М. С.
Wright W. 134, 149

Wulff O. 791
Würtz 557, 567, 569

Zachariae von Lingenthal K. E. 5, 586, 605, 612

Список сокращений

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АВ СПб ФИВ РАН	— Архив востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН
АДСВ	— Античная древность и средние века (Екатеринбург)
АЕ	— Археографический ежегодник Академии наук
АИМК	— Академия истории материальной культуры
АРВ	— Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведа. СПб., 1995
БАН	— Библиотека АН СССР (ныне РАН)
ВВ	— Византийский временник
ВГУ	— Воронежский государственный университет
ВДИ	— Вестник древней истории
ВЖК	— Высшие женские курсы
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВО	— Византийское обозрение
ВУАН	— Всеукраинская Академия наук
ВЦИК	— Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ГИИИ	— Государственный институт истории искусств
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека (ныне РНБ)
ГРМ	— Государственный Русский музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАН	— Доклады АН СССР
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗКОРАО	— Записки Классического отделения РАО
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАОНС	— Записки Русского археологического общества. Новая серия
ИАИ	— Историко-археографический институт
ИАК	— Известия Имп. Археологической комиссии
ИАН	— Известия Имп. Академии наук
ИАЭ	— Исторический архив Эстонии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИЕТРАН	— Институт истории естествознания и техники РАН
ИИМКРАН	— Институт истории материальной культуры РАН
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук
ИПБ	— Императорская Публичная библиотека
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРАН	— Известия Российской Академии наук
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
ИРЛИРАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИФО	— Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук
КазДА	— Казанская Духовная академия
КБН	— Корпус Боспорских надписей
КДА	— Киевская Духовная академия

- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
- ЛАПНП — Литературный архив «Памятники национальной письменности» (Прага)
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
- МАИ — Московский археологический институт
- МАО — Московское археологическое общество
- МДА — Московская Духовная академия
- МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Археологической комиссией
- МНП — Министерство народного просвещения
- НБУ — Научная библиотека С.-Петербургского университета
- НИОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей БАН
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
- НКПТ — Народный комиссариат просвещения
- ОДФ ИТИИ АН ЧР — Отдел документальных фондов Института теории и истории искусств Академии наук Чешской Республики (Прага)
- ОИДР — Отделение истории и древностей российских
- ОИИФ — Отделение исторических наук и филологии РАН
- ОИФ — Отделение исторических наук и филологии РАН
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности
- ООИД — Одесское общество истории и древностей
- ОРРК БАН — Отдел рукописей и редкой книги Библиотеки РАН
- ОРГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея
- ОРРНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности РАН
- ОС — Общее собрание Академии наук
- ПАВ — Петербургский археологический вестник
- ПАИ — Петербургский—Петроградский археологический институт
- ПАН — Петербургская Академия наук
- ПБЭ — Православная богословская энциклопедия
- ПДА — Петроградская Духовная академия
- ПДП — Памятники древней письменности
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
- ПИФИИ — Петербургский Историко-филологический институт
- ПП — Палестинский патерик
- ППС — Православный палестинский сборник
- ПС — Палестинский сборник
- ПФАРАН — Петербургский филиал Архива РАН
- РА ИИМКРАН — Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
- РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
- РАН — Российская Академия наук
- РАО — Русское археологическое общество
- РВК — Русско-византийская комиссия
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГАК — Российская государственная археографическая комиссия
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РИЖ — Русский исторический журнал
- РНБ — Российская национальная библиотека
- РНРВ — Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999
- РОГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки
- РФВ — Русский филологический вестник
- СА — Советская археология
- СИ — Советское искусствознание
- СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991—1995. Т. 1—2
- СПБИРИАН — С.-Петербургский Институт истории РАН
- СПЮ — Сообщения Православного Палестинского общества
- ТКДА — Труды Киевской Духовной академии
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН
- ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия
- УЗКУ — Ученые записки Казанского университета
- ФО — Филологическое обозрение
- ХЧ — Христианское чтение
- ЦА — Церковная археология
- ЦГА РФ — Центральный государственный архив Российской Федерации

ЦГАЛИ СПб.	— Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга
ЦГИА СПб.	— Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга
ЧСР	— Чехословацкая Республика (Чехословакия)
AB	— Analecta Bollandiana
Aeg.	— Aegyptus
APF	— Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique
BNJ	— Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
IosPE	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli
ΚΕΦΣ	— Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλλην. Φιλολ. Συλλ.
MDAI AA	— Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
OChA	— Orientalia Christiana Analecta
OChP	— Orientalia Christiana Periodica
REG	— Revue des études grecques
RJ	— Rechtshistorisches Journal
SK	— Seminarium Kondakovianum
SK	— Scythica et Caucasica / Ed. B. Latyshev. Petropoli
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik
ZSSRA	— Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Часть I. ОБЗОРЫ

И. Е. Троицкий: по страницам архива ученого	8
<i>Л. А. Герд</i>	
Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив	41
<i>Н. В. Пивоварова</i>	
Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам)	119
<i>Т. А. Богданова</i>	
Н. К. Никольский: биография ученого в архивных документах	172
<i>Н. В. Крапошина</i>	
И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого)	207
<i>И. П. Медведев</i>	
А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого)	241
<i>К. И. Лобовикова</i>	
В. В. Болотов: обзор рукописного наследия	256
<i>Л. А. Герд</i>	
А. И. Бриллиантов: история церкви и византиноведение в трудах ученого	286
<i>А. Г. Грушевой</i>	
Е. К. Редин: жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов)	311
<i>О. В. Иодко</i>	

П. А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике	346
<i>О. В. Иодко</i>	
В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными и современниками	384
<i>И. В. Куклина</i>	
Л. А. Мацулевич: архив ученого	436
<i>Е. В. Соленикова</i>	
Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда)	458
<i>А. Н. Васильев, Л. Г. Климанов</i>	

Часть II. ПУБЛИКАЦИИ

Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга	522
<i>И. П. Медведев</i>	
Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: письма к академику А. Ф. Бычкову	584
<i>Г. Е. Лебедева</i>	
Письма Габриэля Милле к Н. П. Кондакову	616
<i>И. Л. Кызласова</i>	
Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия)	641
<i>И. В. Тункша</i>	
Археологический институт им. Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги	766
<i>Е. Ю. Басаргина</i>	
Указатель имен (сост. О. А. Барынина)	812
Список сокращений	828

МИР РУССКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ:
МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*Утверждено к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского
института истории РАН*

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Компьютерная верстка *О. Г. Невская*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 06.10.03. Формат 70x100^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ. л. 52. Уч.-изд. л. 65,5.
Тираж 800. Заказ № 319.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., 38/2

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 235-15-86
E-mail: dbulanin@sp.ru
[Http://www.dbulanin.ru](http://www.dbulanin.ru)

ISBN 5-86007-411-5

9 785860 074118

